

**«ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ
ДӘСТҮРЛІ ҚОҒАМДАРЫНЫҢ ТАРИХИ-МӘДЕНИ МҰРАСЫ:
ЗЕРТТЕУ, ТҮСІНДІРУ ЖӘНЕ САҚТАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ»**

атты «XII Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция
МАТЕРИАЛДАРЫ

17–18 сәуір, 2020 жыл

PROCEEDINGS
of International Scientific and Methodical Conference
«XII Orazbayev Readings» on the theme
**«THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF ANCIENT AND
TRADITIONAL SOCIETIES OF CENTRAL ASIA:
PROBLEMS OF STUDY, INTERPRETATION AND PRESERVATION»**

17–18 April, 2020

**«ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ДӘСТҮРЛІ ҚОҒАМДАРЫНЫҢ ТАРИХИ-МӘДЕНИ МҰРАСЫ:
ЗЕРТТЕУ, ТҮСІНДІРУ ЖӘНЕ САҚТАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ»**
атты «XII Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция
МАТЕРИАЛДАРЫ

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ СПОРТ МИНИСТРЛІГІ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ӘЛ-ФАРАБИ АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК ОРТАЛЫҚ МУЗЕЙІ
«ТАҢБАЛЫ» ТАРИХИ-МӘДЕНИ ЖӘНЕ ТАБИҒИ МЕМЛЕКЕТТІК ҚОРЫҚ-МУЗЕЙІ
«ЕСІК» МЕМЛЕКЕТТІК ТАРИХИ-МӘДЕНИ ҚОРЫҚ-МУЗЕЙІ

«ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ДӘСТҮРЛІ ҚОҒАМДАРЫНЫҢ ТАРИХИ-
МӘДЕНИ МҰРАСЫ: ЗЕРТТЕУ, ТҮСІНДІРУ ЖӘНЕ САҚТАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ» атты
«XII Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция
МАТЕРИАЛДАРЫ

17–18 сәуір, 2020 жыл

PROCEEDINGS
of International Scientific and Methodical Conference
«XII Orazbayev Readings» on the theme
«THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF ANCIENT AND TRADITIONAL
SOCIETIES OF CENTRAL ASIA: PROBLEMS OF STUDY, INTERPRETATION AND
PRESERVATION»

17–18 April, 2020

МАТЕРИАЛЫ
международной научно-методической конференции
«XII Оразбаевские чтения» по теме
«ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ»

17–18 мая, 2020 г.

Алматы
«Қазақ университеті»
2020

Редакция алқасының төрағасы

Ғ.М. Мұтанов – техника ғылымдарының докторы, академик,
эл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің ректоры

Редакциялық алқа:

Т.С. Рамазанов – эл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің ғылыми-инновациялық жұмысы жөніндегі проректоры, ф.-м.ғ.д., профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі; **Нұрсан Әлімбай** – Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің директоры, профессор; **М.С. Ноғайбаева** – эл-Фараби атындағы ҚазҰУ-дың тарих, археология және этнология факультетінің деканы, т.ғ.к., доцент; **Ә.Т. Төлеубаев** – т.ғ.д., эл-Фараби атындағы ҚазҰУ-дың археология, этнология және музеология кафедрасының профессоры; **Ғ.Қ. Омаров** – эл-Фараби атындағы ҚазҰУ-дың археология, этнология және музеология кафедрасының доценті; **Ғ. Теміртон** – PhD, Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейі директорының орынбасары; **Г.Р. Мұхтарова** – «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейін директоры; **М.О. Амирғалиев** – «Таңбалы» тарихи-мәдени және табиғи мемлекеттік қорық-музейінің директоры.

Жауапты редактор

Р.С. Жуматаев – PhD, эл-Фараби атындағы ҚазҰУ
Археология, этнология және музеология кафедрасының меңгерушісі

Құрастырушы

Б.Б. Бесетаев, А.Е. Ергабылов

«Орталық Азияның ежелгі және дәстүрлі қоғамдарының тарихи-мәдени мұрасы: зерттеу, түсіндіру және сақтау мәселелері» атты «ХІІ Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары / Жауапты ред. Р.С. Жуматаев. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 530 б.

ISBN 978-601-04-4727-1

«ХІІ Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдарының жинағына Қазақстан және іргелес өңірлердің археологиясы мен этнологиясының, музей ісінің бүгінгі күнгі өзекті мәселелеріне арналған зерттеулер енген. Материалдар жинағы археологтарға, этнологтарға, тарихшыларға және қалың көпшілікке арналған.

В сборник материалов международной научно-методической конференции «ХІІ Оразбаевские чтения» вошли актуальные исследования, посвященные современным проблемам археологии, этнологии музеологии Казахстана и сопредельных регионов. Материалы сборника предназначены археологам, этнологам, историкам и широкой общественности.

© Эл-Фараби атындағы ҚазҰУ, 2020

ISBN 978-601-04-4727-1

ПЛЕНАРЛЫҚ МӘЖІЛІС БАЯНДАМАЛАРЫ

Нурсан Алимбай

директор Центрального государственного
музея Республики Казахстан
г. Алматы, Казахстан
E-mail: csmrk1986@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ СОВПАДЕНИЯ РОДА И ОБЩИНЫ У КАЗАХОВ-КОЧЕВНИКОВ (СЕМИПОКОЛЕННАЯ ЭКЗОГАМНАЯ СТРУКТУРА «ЖЕТИАТА» КАК ОБЩИНА-СОЦИУМ)*

К постановке вопроса. Обсуждаемая проблема лаконично обозначена в заглавии настоящей статьи. Ее главный смысл заключается в попытке историко-этнологического и теоретического обоснования ключевого положения о так называемой семипокленной экзогамной структуре** как общине-социуме. Речь идет о главенствующей форме самоорганизации казахов-кочевников. В таком качестве «жетіата», будучи родом-общиной (социумом), является и базовой организационной формой функционирования социальных отношений в кочевой среде. Естественен вопрос: почему именно «жетіата», объединившая в историческом прошлом группу преимущественно кровных родственников в пределах семи поколений по мужской (отцовской) линии, функционировала как община-социум? Думается, ответ находится в плоскости выяснения тех компонентов и свойств «жетіата», которые в своем взаимозависимом и взаимообусловленном единстве обеспечивают ее функционирование как самодостаточной структуры, т.е. социума.

Во-первых, в кочевой среде из всех известных таксонов только «жетіата» имела унаследованную из поколения в поколение свою территорию с ее соответствующими кормовыми и водными ресурсами, представляющую собой одновременно и базовое естественное условие, и экономический фактор воспроизводства жизни в условиях кочевого типа естественной общности.

С точки зрения кочевника мощным подтверждением изначальной «природной» принадлежности общинно-родовой земли к своему роду выступают следующие знаковые объекты-маркеры как естественного, так и антропогенного происхождения: а) посезонно используемые традиционные стоянки для поселения в теплое время года и «қыстау» с прилегающими пастбищными угодьями – «жайляу» (летовка), «күзеу» (осеннее пастбище), «көктеу» (весеннее пастбище), «қыстау» (зимовка), а также б) соединяющая эти сегменты разветвленная сеть кочевых маршрутов и троп; в) родовое кладбище – обиталище могучих покровителей рода – духов-аруахов; г) традиционно почитаемые всеми членами рода особо примечательные природные объекты – отдельные водные источники (озера, реки, родники и т.д.), некоторые горные, пересеченные и равнинные местности (в частности, горные пики, урочища, холмы и т.д.), рощи, одиноко растущие деревья, особенно у родников. При этом действенность и устойчивость межпоколенной коллективной (общинно-родовой) памяти о таких и других тому подобных природных объектах обеспечивалась циклом легенд, мифов, эпических произведений, а также соответствующим комплексом ритуально-обрядового действия. Освященные традицией эти и другие знаковые маркеры-объекты вкупе с указанными жанровыми формами фольклорной традиции образуют своего рода идентификационное пространство, пространство территориальной идентичности членов рода-общины. Семантика этих и других им подобных знаков-маркеров, включая отмеченные фольклорные жанры, удовлетворительно разъясняют мотивацию исключительной привязанности членов рода (по понятным причинам, прежде всего, их мужской части) к родовой территории***.

Изначальная принадлежность родовой земли к определенному роду-общине («жетіата») и обусловленная с этим обстоятельством неприкосновенность и целостность такой территории получила мощное идеологическое и историографическое обоснование в генеалогической традиции «шежіре» и достаточно жестко защищалась обычноправовой практикой.

Во-вторых, наличие территории, как уже отмечалось, означает и наличие необходимого естественно-природного условия и основного экономического фактора функционирования «жетіата» как основного непосредственного жизнеобеспечивающего пространства для кочевников по крайней мере в условиях казахского номадизма. Основными составляющими данного социального пространства выступают хозяйства «бірата» (или «ата балалары», «бір атаның балалары»), в которых, собственно говоря и создавался минимум средств к жизни и перманентно осуществлялось воспроизводство личности общинно-родового типа (социализация личности). Однако, «бірата»,

будучи большесемейной группой, объединившей несколько кровнородственных семей во втором, нередко в третьем колене по отцовской линии, не является парцеллярной структурой. Свою функцию субъекта воспроизводства необходимого минимума жизнеобеспечивающих средств и самой жизни «*бірата*» осуществляла в той мере, в какой она находилась в взаимозависимых и взаимообусловленных связях с другими «*бірата*» в рамках «*жетіата*». Такое структурно-функциональное состояние «*бірата*» особенно рельефно выражается в системе отношений собственности на пастбищные угодия водные источники родовой территории: данное патронимическая структура не была реальным субъектом в системе землепользования. Она пользовалась лишь правом эксплуатации водных и кормовых ресурсов выделенных ей соответствующих участков пастбищ, достаточных для содержания скота в нормальной кондиции.

С точки зрения сбалансированного взаимодействия основных составляющих известной триады – человека, социума, природной среды – в условиях казахского кочевничества единоличным корпоративным субъектом собственности родовой земли выступала «*жетіата*». Такое монополизированное право «*жетіата*» как «верховного» собственника на родовую землю было санкционировано традицией и обеспечивалось институционально. Но, отнюдь не в смысле непосредственного главного экономического субъекта собственности на землю. Ее отмеченная субъектная функция реализовывалась посредством таких общинно-родовых институтов, как «*би*», «*рубасы*» (глава рода), «*ақсақал*» (старейшина рода), «*билер кеңесі*» (совет биев), «*бидің билігі*» (суд биев), «*ақсақалдар кеңесі*» (совет старейшин) и т.д. Это означает, что сущность функции «*жетіата*» как единоличного «верховного» собственника на землю заключалась в обычноправовом управлении и регулировании земельных отношений преимущественно между «*бірата*» как реальными субъектами водо- и землепользования. То есть указанная функция «*жетіата*», в сущности, носила распорядительный характер, отличавшаяся, однако, достаточной жесткостью и некомпромисностью. В частности, речь идет о жесткости наказания лиц, неоднократно пасших скот на чужих пастбищах, особенно на территории другого рода, не имея на то разрешения. Такое нарушение, согласно обычноправовому установлению, называлось «*өріс бұзар*» (что примерно означает грубое нарушение сложившегося порядка пользования пастбищем). В кочевой среде, особенно, в доколониальный период, субъект правонарушения за «*өріс бұзар*» достаточно сурово карался: по решению «*бидің билігі*» нередко приговаривался к смертной казни или к уплате «*айып*» (штраф за тяжкие преступления), состоящий из «*үш тоғыз*» (букв.: три девятки).

В-третьих, «*жетіата*» обладала всеми необходимыми людскими ресурсами для организации и стабильного функционирования соответствующей жизнеобеспечивающей системы. Расчет автора настоящих строк, произведенный на основе вычисления количества членов семьи, а также численности большесемейных групп «*бірата*», образующих состав «*жетіата*», позволяет более или менее удовлетворительно представить общую численность членов последней – обоих полов, включая детей в пределах 3650-6000 человек. В качестве предваряющего условия репрезентативности нашего расчета отметим следующее очень важное обстоятельство: по общепринятому в науке усредненному подсчету считается, что среднестатистический состав семьи состоит из пяти человек – родителей и трех детей, поскольку подобная численность семьи является более или менее удовлетворительным нижним оптимумом-пределом для воспроизводства населения.

Эти среднестатистические показатели состава семьи в целом подтверждаются и данными о количестве членов семьи казахов-кочевников. Действительно, если учесть, что в каждой среднестатистической семье казахов-кочевников было в среднем от 4 до 7, а то и до 8 человек, то число членов большесемейной группы, объединяющей три, иногда четыре семьи во втором колене по отцовской линии, т.е. состоящей из трех-четырёх семей родных братьев, примерно составляет 15-25 человек. В третьем же колене численность членов обоих полов, включая детей, объединенных по патрилинейному принципу счета родства в большесемейную группу, доходит от 45 до 60, нередко и до 70 человек. В четвертом – составляет в пределах 135-150. В пятом – от 405 до 500. В шестом – 1200-1300. В седьмом – 3650-5000, а иногда доходящем и до 6000 (Әлімбай, 2017, 50-54 бб.).

Представленные данные, конечно же, носят относительный характер, но они достаточно репрезентативны в том плане, что позволяют реально представить демографические пределы и социальные границы «*жетіата*» как общины-социума.

В-четвертых, каждый «*жетіата*» назывался по имени единого для всей мужской части общинников предка, который, с точки зрения кочевников, является и основателем рода. Наличие такого персонифицированного микроэтнонима-самоназвания достаточно определенно свидетельствует об актуальном существовании и функционировании территориально и генеалогически локализованного самосознания членов «*жетіата*» как рода-общины. Самосознание членов

«жетиата», особенно из мужской части, активно подпитывались отмеченными выше знаковыми символами-маркерами соответствующей родовой территории, местной фольклорной традицией, а также комплексом ритуально-обрядовой практики жизненного цикла и т.д.

В-пятых, институт запрета брака внутри рода до семи колен включительно выполнял две функции, очень важные, особенно, с точки зрения сохранения баланса между социумом и естественной средой обитания в условиях кочевничества: с одной стороны, запрет брачных отношений в пределах «жетиата» по «количественному» принципу «до семи колен», в конечном итоге, послужил установлению демографических пределов «жетиата». С другой – отграничение «жетиата» от других «жетиата» этим самым экзогамным барьером, в сущности, означает определение социальных границ этих же структур.

В-шестых, из предыдущего сказанного исторически и логически следует, что благодаря запретному предписанию отмеченного экзогамного института, браки заключались только лишь между «жетиата». И данный само по себе весьма примечательный факт является одним из фундаментальных признаков-подтверждений того, что «жетиата» по всем указанным выше структурно-функциональным параметрам и свойствам представляет собой, пожалуй, единственную классическую форму родовой организации в условиях казахского нomaдизма. В этом смысле совершенно был прав один из выдающихся представителей дореволюционной российской историографической традиции М.М. Ковалевский когда писал, что «основным организующим началом рода» выступает экзогамия (Ковалевский, 1905, С.103; Батъянова, 2007. С. 5).

Вопросы историографии. В историографии рядом ученых утверждается, что к настоящему времени в научной литературе сложилось два направления изучения проблематики – так называемое родовое и общинное. На мой взгляд, существует еще и третье направление, связанное с изучением соотношения или даже структурно-функционального совпадения общины и рода в традиционных доиндустриальных обществах. Что касается родовой организации, то, несмотря на достаточно плодотворную и давнюю историографическую традицию, вопросы институциональной и социальной природы данного образования до сих пор относятся к области догадок и предположений (Коротаев, Оболонков, 1990, С. 3-53). И здесь проблема изучения роли и функций родовой организации у казахов не исключение. Даже в специальных исследованиях по так называемой родоплеменной структуре казахского этноса, отмеченные вопросы практически обходятся (Востров, Муканов, 1968; Муканов, 1974).

В интересующем нас аспекте вкратце остановимся на состоянии изученности общины в научной литературе, что имеет важное теоретико-методологическое значение, особенно с точки зрения необходимости выработки адекватной парадигмы научной реконструкции структурно-функциональной природы кочевой общины казахов.

Существует множество научных определений понятия «община». Согласно данным американского социолога Дж. Хиллери, которые приводит в своей книге «Символ и ритуал» знаменитый английский ученый Виктор Тэрнер, еще в середине пятидесятих годов нынешнего столетия в научной литературе имелось «девятью четыре определения термина «община»» (Hillery, 1955, P. 119; Тэрнер, 1983, С. 197; Алимбай, 1998, С. 10-11). Однако вряд ли следует согласиться с такими данными, поскольку эти показатели давно устарели, и потому представляют лишь историографический интерес. Вероятно, количество существующих в исследованиях научных дефиниций об общине столько, сколько самих этносов, жизнедеятельность которых как в прошлом, так и в настоящем основана на общинном типе социальных отношений и потому являющихся объектом разнопредметных этнологических исследований.

За шестьдесят с лишним лет с момента опубликования данных Дж. Хиллери концептуальное пространство понятия «община» трансформировалось в новое количественное и качественное состояние: оно теперь включает в себя новые взгляды ученых в виде принципиально новых, нередко обновленных прежних определений общины. Однако структура этого пространства до сих пор представляет собой сочлененное единство достаточно противоречивых, даже взаимоисключающих подходов исследователей к определению базовых характеристик общины, понимаемой и как формы самоорганизации этноса, и как типа (организационной формы) социальных отношений в доиндустриальной этнокультурной среде (Крюков, 1967, 83-93; Ольдерогге, 1975, С. 6-19; Община в Африке, 1978; Коротаев, Оболонков, 1990, С. 3-53; Данилова, Данилов 1978, С. 9-23, 30-31, 36-38, 53; Сюмов, 1973, С. 224-229 и др.).

Действительно, хотя общиноведение как ключевое научное направление в мировой социальной и гуманитарной науках имеет достаточно давнюю плодотворную научную традицию, тем не менее даже в новейшей историографии социальная и институциональная природа общины трактуется

неоднозначно. В ней, например, наряду с действительной общинной формой социальных отношений у ряда ведущих в историческом прошлом традиционный образ жизни народов Азии, Африки, Австралии и Южной Америки, и современные более или менее компактно живущие вне своей исторической родины этнические общности также именуется общинами (например, армянская община, еврейская община, турецкая община, корейская община и т.д.).

К настоящему времени по истории изучения общины как главной организационной формы функционирования практически всех типов докапиталистических общественных отношений имеется ряд специальных историографических исследований (Коротаев, Оболонков, 1990, С. 3-53; Сюмов, 1973; Першиц 1978; Крюков, 1967, 83-93 и др.). Кроме того, вводные части многих монографических исследований и научных сборников по общинной организации содержат историографический разбор избранной каждым автором темы (Община в Африке, 1978; Батянова, 2007, 3-14; Социальная организация народов Азии и Африки, 1975; Изучение истории Африки, 1985 и др.).

Такой способ подачи и организации материала сообщает научным построениям обоснованность их предметно-целевой установки и логическую завершенность.

Однако все эти работы посвящены анализу и обобщению научных достижений многих поколений ученых, преимущественно, в области африканистики, в меньшей степени, австраловедения. Доминирование в структуре мирового общиноведения африканского направления исследователи обоснованно объясняют тем, что «до сих пор Африка остается своего рода историческим заповедником общины» (Община в Африке, 1978, с. 3), и что «проблема африканской общины включает почти все вопросы...: соотношение рода и ... общины», взаимозависимые и взаимообусловленные родственно-родовые, хозяйственные, институциональные и т.д. связи в структуре докапиталистических обществ, типология общинных образований и т.д. (Община в Африке, 1978, с. 5).

Общепризнанные в международной историографии научные достижения российской африканистики, достигнутые даже в советскую эпоху, действительно полезны при научной реконструкции кочевой общины и как главенствующего способа (формы) самоорганизации казахов-кочевников, и как специфического типа социальных отношений в кочевой среде. В частности, предлагаемые российскими востоковедами этнически разнотипные модели африканских общин, прежде всего, можно использовать в качестве историко-этнографических параллелей. Здесь речь вовсе не идет о слепом подражании. Напротив, в таких случаях особенно необходим творческий подход к изучению богатого теоретического арсенала, сложившегося в результате научно-исследовательской деятельности не одного поколения общиноведов, в сущности, образующих основной корпус ученых в области африканистики. Речь идет о необходимости творческого использования теоретических положений данного научного направления с точки зрения структуры и функции этнически характерной, экономически и экологически обусловленной формой общинной организации у казахов-кочевников.

В интересующем аспекте, например, заслуживает особо отмеченным общеизвестное утверждение выдающегося этнолога, лингвиста, историка Д.А. Ольдерогге о хозяйственно-экономической направленности функции кровнородственных отношений в традиционных социумах. Смысл данного, безусловно обладающего большим эвристическим потенциалом, утверждения заключается в том, что в доиндустриальных обществах именно кровнородственные отношения в так называемой большой семье, именуемой в науке домохозяйством (англ. *houshold*), выполняют разнообразные хозяйственные функции. В этом смысле данная форма традиционной семьи представляет собой наименьшую экономическую единицу (Ольдерогге, 1975, с. 11).

В традиционной кочевой сфере казахов, отмеченному Д.А. Ольдерогге домохозяйству соответствует «*бірата*» (синонимы-варианты: «*бір атаның балалары*», «*ата балалары*»), представляющий собой объединение трех-четырех семей во втором, нередко, в третьем колене по мужской линии. Как следует из многочисленных источников по дореволюционной истории и этнографии казахов, именно «*бірата*» выступает едва ли не основным корпоративным субъектом воспроизводства и средств к существованию, и индивида общинного типа, и самой общины. Эвристическое же значение цитируемой формулировки ученого, являющейся, впрочем, квинтэссенцией всей его статьи (Ольдерогге, 1975, С. 6-19) в том-то и заключается, что позволяет выработать качественно новый подход к изучению родственно-родовых отношений в кочевом социуме казахов, в особенности, разнонаправленных хозяйственных функций данного типа социальных связей.

Итак, в контексте этой и других формулировок ученого, да и многолетних теоретических достижений мирового общиноведения в целом, требуется принципиально новый ракурс видения социальной природы таких общеизвестных в кочевой среде казахов своего рода институционализированных узлов родственных связей, как «*жылу*», «*асар*», «*жұртшылық*»,

«немеурін», «сауын», «жүн беру», «май беру», «көлік майы» и т.д. Кстати, в недавнем прошлом эти институты трактовались исследователями не иначе как имманентные для кочевой общины формы эксплуатации так называемого зависимого населения в кочевой среде (Толыбеков, 1971; Шахматов, 1964; Курылев, 1998 и др.).

В действительности же эти и другие «узлы» кровнородственных связей у казахов-кочевников представляют собой институциональные механизмы реализации хозяйственно-экономической функции данного типа социальных отношений.

В интересующем аспекте заслуживают быть особо отмеченными две историографические статьи известных востоковедов – А.И. Першица, А.В. Коротаева и А.А. Оболонкова (Першиц 1978, С. 142-160; Коротаев, Оболонков, 1990, С. 3-53). В обоих исследованиях достаточно подробно описываются истоки и основные этапы в истории сложения и развития российско-советского и постсоветского общиноведения как системообразующего научного направления в историографии доиндустриальных обществ. С точки зрения предметно-целевой установки настоящей статьи особый интерес представляют те части этих работ, где анализируются два ключевых направления – «общинное» и «родовое» – в истории российского общиноведения Оболонкова (Першиц 1978, С. 142-160; Коротаев, Оболонков, 1990, С. 3-53).

Авторы подробно разбирают научные построения двух видных представителей дореволюционной востоковедческой традиции М.М. Ковалевского и Н.И. Зиберы, соответственно, являющихся, по их научно обоснованному выводу, основоположниками «родового» и «общинного» направлений в истории сложения предметного диапазона проблематики. Как пишут А.В. Коротаев и А.А. Оболонков, свою точку зрения на родовую организацию как общинную структуру, выполняющую, прежде всего, экономическую функцию, «наибольшей четкостью выразил Н.И. Зибер» в своем следующем утверждении: «В конце концов общинно-родовая организация имеет свой экономический *raison d'etre*, даже более, она прежде всего экономическая, а потом уже родовая организация» (Коротаев, Оболонков, 1990, С. 3-53).

Исходя из такой экономически четко выраженной позиции ученого в этом вопросе А.И. Першиц полагает, что «Н.И. Зибер близко подошел к марксизму», поскольку он «воспринял у Маркса главным образом экономическую сторону его учения» (Першиц 1978, с.143).

В отличие от Н.И. Зиберы, основоположник «родового» направления М.М. Ковалевский всегда отстаивал свою позитивистски ярко выраженную позицию в данном вопросе, которая нашла отражение в его следующей знаменитой формулировке: «Родовое начало есть начало общинного» (Ковалевский, 1905, С.103; Коротаев, Оболонков, 1990). Данная формулировка М.М. Ковалевского с небольшой, но принципиальной корректировкой в сторону признания ученым экономической функции рода, и в дальнейшем послужила основополагающим смыслообразующим началом его многочисленных научных построений по общинной организации и родовой структуре. В этом смысле не совсем правы А.В. Коротаев и А.А. Оболонков, когда пишут о том, что «... в дальнейшем М.М. Ковалевский в основном преодолел крайность своей первоначальной точки зрения» (Коротаев, Оболонков, 1990, с. 4).

Вкратце остановимся теперь на состоянии изученности кочевой общины казахов. С сожалением приходится констатировать то очевидное обстоятельство, что, несмотря на солидное количество литературы по теме, существующей историографической традиции оказалось не под силу изучение данного образования как главенствующей организационной формы социальных отношений у кочевников, весьма актуальной и необходимой для научной реконструкции механизма функционирования кочевого социума в целом. Причина тому – практически все исследователи рассматривают эту главенствующую социальную организацию только лишь в качестве «хозяйственной» (Румянцев, 1910 а; Шахматов, 1964; Толыбеков, 1971; Масанов, 1995; Курылев, 1998 и др.).

Впрочем, такого рода концептуальные издержки свойственны и ряду исследований в области востоковедения и африканистики: «... основа внутриобщинных отношений, – пишет в этой связи И.В. Следзевский, – полностью отождествляется с чисто экономическими связями (возникающими в процессе производства и присвоения материальных благ и услуг), а эти последние, в свою очередь, сводятся к чисто производственным отношениям (охватывающим непосредственно процесс производства или собственно экономический процесс – кооперацию, разделение и организацию труда). В результате община рассматривается как преимущественно экономическое, а не социальное объединение» (Следзевский, 1978, С. 77).

Думается, что природа такого рода издержки кроется в слепом следовании в ученой среде известной «кистматовской» схеме «базис-настройка», которая неизбежно предполагала изучение общины как

экономической структуры, а родовых отношений в качестве надстроечного образования. Потому что социальная природа этой структуры, по убеждению исследователей, жестко детерминируется характером базисных, то есть производственных отношений. На основании данного, возведенного в ранг господствующей социальной доктрины, ключевого «истматовского» положения среди ученых прочно укоренилось мнение, согласно которому изучение экономической структуры кочевого социума (и не только кочевого социума) является основным и единственным подспорьем для выяснения общественной природы данного типа социальности. В сущности, именно этим обстоятельством можно объяснить ставший уже историографической традицией, сегментированный подход исследователей к отдельным аспектам и сферам жизнедеятельности номадного общества, точнее общины (например, родовая, социальная и т.п. структуры).

Как уже отмечалось, кочевая община казахов в науке в полном соответствии «хоздетерминистски» ориентированной исследовательской традиции также трактуется как сугубо хозяйственное объединение кочевников. Иными словами, исследователи под этим названием подразумевают любую более или менее устойчивую группу кочевников, объединяющихся лишь на базе общности своих хозяйственно-экономических интересов (Шахматов, 1964; Толыбеков, 1971; Масанов, 1995; Курылев, 1998 и др.). Впрочем, эта точка зрения не нова – восходит к дореволюционной российской историографической традиции [Кауфман, 1908, С. 1-216; Румянцев, 1910а.; Румянцев, 1910б. и др). В исследовательском арсенале дореволюционных русских ученых, статистов и чиновников различных местных колониальных административных структур и военных ведомств даже прочно укоренились термины «хозяйственный аул» и «аульная община». Особенно последнее понятие в качестве «рабочего инструмента» весьма широко и активно использовалось участниками практически всех экспедиций по «обследованию степных областей» и других регионов казахского края, организованных российской властью начиная со второй половины 90-х гг. XIX века (Материалы по киргизскому землепользованию; Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства, и землепользования в Семиреченской области; Материалы по повторному обследованию в 1910-1911 гг. и др).

Этой научной традицией, получившей наибольшее интенсивное развитие в русле «истматовской» доктрины в советскую эпоху, в сущности, продолжают придерживаться и современные исследователи, поскольку кочевая община, как уже было сказано, рассматривается только лишь как экономическая категория (Толыбеков, 1971; Масанов, 1995; Шахматов, 1964; Курылев, 1998). Как следствие этого, структурно-функциональная природа данной общности трактуется усеченно – как «кооперация трудящихся индивидов по поводу всего производственного процесса» (Масанов 1995, С. 137).

Это утверждение с его ярко выраженным позитивистским духом приверженности «хоздетерминистски» ориентированной научной традиции лишь воспроизводит пронизанную таким же духом общеизвестную мысль Л.В. Даниловой и В.П. Данилова, которые, в сущности, также охарактеризовали общину в качестве «...союза непосредственных производителей по хозяйственному использованию земли и иных природных производительных сил...» (Данилова, Данилов, 1978, С. 9-23, 30-31, 36-38, 53).

В русле такой «хоздетерминистски» ориентированной трактовки в содержание категории «производственные отношения» (которая рассматривается как синоним другой категории «отношения собственности», хотя они совершенно разноуровневые понятийные образования) вкладываются лишь вещный, материальный смысл, забывая, что производственные отношения – это не только отношения общинников по поводу производства средств к существованию, но, прежде всего, отношения по воспроизводству общинника в его разветвленных взаимозависимых связях с другими общинниками, с землей, скотом, даже со средой обитания. Иными словами, производственные отношения в кочевой среде – это отношения общинников по поводу воспроизводства общинных отношений как условий и механизма (способа) организации жизнедеятельности номадов. Неслучайно в фокусе даже современных исследований отсутствуют такие существенные компоненты категории «производственные отношения», как распределительные, обменные, потребительские отношения. И как следствие этого, производственные отношения в исследованиях выглядят лишь как хозяйственные отношения. В контексте такой «хоздетерминистски» ориентированной познавательной парадигмы нетрудно понять стремление исследователей к объяснению содержания социальных отношений у кочевников в таких категориях и понятиях, как собственность, найм, совместный труд, которые долго господствовали в дисциплинарной политэкономии капитализма (и социализма!). Кстати, в этих категориях, в их адекватном онтологическом понимании, на наш взгляд, следует усматривать не столько антагонистические отношения баев и рядовых общинников, сколько специфику реализации распределительных, обменных и потребительских отношений в кочевой среде, т.е. механизм

присвоения совокупного общественного продукта и его условий при посредстве общинных отношений.

Между тем, кочевая община – вовсе не моносоциальное образование, она представляет собой органический сплав разноуровневых и разнотипных статусных отношений самых широких социальных категорий – баев, рядовых общинников, биев, батыров, а также различных половозрастных стратов по поводу организации всей жизнеобеспечивающей системы номадов (освоения естественной среды, означающего органическую включенность общины в местный биоценоз, присвоения условий и продуктов совокупного общинного труда посредством действующего механизма производства, распределения, обмена и потребления последних). Причем трудовая, предметная деятельность «трудящихся индивидов» реализуется в той мере, в какой последние вовлечены в широкоразветвленные общинные отношения, представляющие собой отлаженную веками социокультурную технологию опредмечивания разнообразных видов социальной деятельности, в том числе – производственной. Это означает актуальную включенность трудовой деятельности «трудящихся индивидов» в структуру совокупного общественного труда, являющегося функциональным выражением общинных отношений в сфере общественного производства. Так что основным субъектом трудовой деятельности выступают не только, даже не столько, «трудящиеся индивиды», сколько сама община, выступающая как главный корпоративный субъект организации и регулирования жизнедеятельности номадов.

Не вдаваясь в подробности этого во многом запутанного вопроса, который вполне заслуживает быть предметом очень серьезного исследования и во избежание возможных упреков и недоразумений, сразу оговоримся, что для автора настоящей статьи община – это, прежде всего, социум с его автономным режимом функционирования. В этом смысле общиной в традиционной социальной среде, в данном случае, кочевой, на мой взгляд, следует назвать только ту структуру, которая обладала способностью к самовоспроизводству и саморегуляции. Однако автономность кочевой общины достаточно условна. Ибо самодостаточная, автономная способность данной структуры к саморегуляции и самовоспроизводству обеспечивается в той мере, в какой она находится в взаимозависимых и взаимообусловленных связях с другими себе подобными образованиями. Речь идет о многоуровневых, разнонаправленных и разнохарактерных межобщинных связях территориально-хозяйственного, социокультурного, идеологического и т.п. направлений, которые реализовались преимущественно институциональным способом. Понятно, что эти связи, которыми собственно и объясняется механизм функционирования кочевого общества в целом, обусловлены необходимостью перманентного воспроизводства условий, факторов и средств к жизни.

Методология (понятие «общественные отношения» как исследовательский инструмент). Автор настоящих строк в ряде своих публикаций, посвященных различным аспектам истории и этнографии кочевничества в Казахстане, сформулировал положение о кочевом обществе как общинном типе социальности (Алимбай, 1998, С. 10-61; Алимбай, 2004а, С. 185-193; Алимбай 2008, С. 208-221; Alimbai, 2009, С. 99-110 и др.). Такой вывод непосредственно проистекает из объективной логики общественных отношений в кочевой среде. И это делает их отправной точкой размышления о природе кочевого общества казахов, на мой взгляд, имеющей «всеобщую силу определения» для всех этнически характерных, географически (экологически) и исторически обусловленных форм кочевничества в Евразии. Разумеется, не в русле столь привычной для отечественного кочевниковедения схемы «базис-надстройка», являющейся теоретическим фундаментом небезызвестного экономического редукционизма советского толка с его замкнутым «цеховым» и достаточно консервативным характером.

Наша бурно развивающаяся, особенно в последнее время, историографическая практика показывает, что любая позитивистски ориентированная (традиционная) трактовка понятия «общественные отношения» даже в современных научных терминах, говоря словами А.Кребера, «...ровно ничего не прибавляет к тому, что нам уже известно, а просто служит пикантной приправой» (Kroeber, 1948, P. 325; Леви-Строс, 2008, С. 319). Поэтому смысл предпринимаемой экспликации заключается в адекватном применении понятия «общественные отношения» в качестве (генерализированного и генерализирующего) исследовательского инструмента объяснения механизма реализации отношений различных категорий номадов по поводу воспроизводства жизнеобеспечивающих условий, средств и самой жизни в их соответствующей (институциональной) организационной форме. **В интересующем нас аспекте принципиально важно отметить, что понятие «организационная форма» означает присущую тому или иному социуму, в данном случае, кочевому, исторически, социально-экономически, социокультурно, и даже, экологически обусловленную определенную структурную комбинацию (организацию) системообразующих**

компонентов общественных отношений. Такое определение формирует методологически верное отношение к объекту изучения.

Логика изучаемой реальности такова, что структурный статус (положение) и функции любого элемента общественных отношений должны изучаться в взаимообусловленных и взаимозависимых связях с другими их составляющими. Причем в постоянной проекции на деятельность людей как единственного созидательного начала в системе общественных отношений. Последнее уточнение весьма актуально, поскольку изучение мотиваций, целей, средств, предметов, объектов и результатов социально значимой человеческой деятельности в реальном историческом пространстве и времени означает изучение разнохарактерных структурно-функциональных связей между составляющими общественных отношений, т.е. собственно механизма функционирования социума. Общеизвестно, например, человек свою субъектную (и объектную) функцию реализует в той степени, в какой он находится во взаимозависимых и взаимообусловленных отношениях с себе подобными субъектами социальной деятельности. Разумеется, при посредстве целеполагающих предметов и объектов, т.е. средств жизнеобеспечения. Отсюда следует, что эти и другие типы отношений – не только главное условие, но и способ деятельности людей, направленной на воспроизводство этих самих условий и жизнеобеспечивающих средств.

Итак, вопрос о связях – это, в сущности, вопрос о функциональном состоянии общественных отношений, и наоборот. Очевидно, именно это и имел в виду выдающийся представитель классической социологии Т. Парсонс, когда писал, что «если же приходится прибегать к структурной системе как к позитивному элементу динамического анализа, то должны быть найдены связи этих «статистических» структурных категорий и соответствующих им частных утверждений о факте с динамическими переменными элементами в системе. **Это связь осуществляется с помощью очень важного понятия «функция». Ее основная роль заключается в том, чтобы определить критерий важности динамических факторов и процессов внутри системы»** (Парсонс, 2000, С. 388). (подчеркнуто мною – Н.А.). Сказано в свойственной ему манере достаточно абстрактно и обобщенно, зато точно.

Несколько слов относительно содержания понятия «общественные отношения», принципиально важных для целей настоящего сообщения. Основными составляющими (структурными элементами) общественных отношений являются не только люди, как субъекты социальной деятельности, но и объекты, предметы, средства и разноуровневые «каналы» ее реализации, рассматриваемые в их естественно-исторически обусловленных многоуровневых и разнонаправленных взаимозависимых связях. При этом в структуре общественных отношений основной системо- и смыслообразующей «связкой» выступают человеческие связи, которым, собственно и структурируются, «организуются» и регулируются абсолютно все формы и уровни этих отношений.

В свою очередь общественные отношения в определенном смысле выступают как структура, одновременно и как «технология» (термин Э. С. Маркарьяна) социальной деятельности (Маркарьян, 1983). Последнюю же можно рассматривать в качестве функционального состояния общественных отношений.

В этом утверждении никакого противоречия нет, хотя, на первый взгляд кажется, что между его первой и второй частями (предложениями), где основными смыслообразующими понятиями выступают соответственно «социальная деятельность» и «общественные отношения», необходимая в таких случаях определенная причинно-следственная связь отсутствует. На самом деле такая связь существует. И предложенная формулировка как раз базируется на взаимообусловленных и взаимозависимых связях между отмеченными «блоками» социума – общественными (социальными) отношениями и социальной деятельностью. Дело в том, что, как известно, именно в процессе своей предметной деятельности люди вступают в соответствующую форму социальных связей, т.е. определенную общественную форму этой самой деятельности. Иными словами, эти связи формируются и регулируются институционально и «технологически» целеполагающей человеческой деятельностью. В тоже время фундаментальные принципы и нормы разнохарактерных общественных связей образуют своего рода «технологии», т.е. принципы, нормы и социальные каналы деятельности людей, включенных в различные уровни общественных отношений.

В рассматриваемом аспекте следует отметить особую системо-и структурообразующую роль социальных институтов в общественных отношениях в качестве их организационных элементов. Эта роль выражается в выполнении ими очень важных в жизни общества весьма разнообразных функций (мотивирующей, коммуникативной, когнитивной, регулирующей, даже рекреационной и т.д.). Этим самым нейтрализуются, уравниваются и устраняются нежелательные для всего социума всевозможные формы девиантного поведения его членов. Если учесть, что большинство членов человеческих обществ живет по общепринятым и общепризнанным в них нормам, принципам и

установлениям, или пользуясь знаменитой парсонсовской терминологией, правилом «системы стандартизированных ожиданий», то вся структура общественных отношений – это, в сущности, институционализируемая структура. Это важное примечание объясняет (хотя, как подобает в таких случаях, достаточно обобщенно) механизм функционирования общественных отношений.

И еще об одном важном обстоятельстве, пожалуй, стоит особо сказать. Предложенное определение понятия «общественные отношения» должным образом предполагает естественный доминирующий характер того или иного элемента (или элементов) в зависимости от того, в каком историческом пространстве и времени, в какой исторически (в древности и средневековье - экологически) обусловленной организационной форме человеческие отношения функционировали. В традиционных обществах, например, в данном случае – кочевом обществе казахов, система неписанных правил, установлений и верований и тесно связанные с ними всевозможные виды ритуалов, обычаев и обрядов жизненного цикла этноса, будучи, кстати, органической частью институциональной структуры социума, в своем органическом единстве, в сущности, образовали основной механизм мобилизации социальной энергии общинников в русле реализации веками сложившихся принципов и норм общественных отношений. И это было весьма важным фактором поддержания всех элементов общества кочевников в динамически равновесном состоянии.

Итак, данная обобщающая характеристика общественных отношений в их наиболее общих структурно-функциональных чертах и свойствах позволила, насколько это возможно в ограниченных рамках настоящего сообщения, представить столь же обобщенный образ взаимодействия основных составляющих данного понятия, а значит – общий механизм функционирования человеческого социума как самодостаточной системы. Отсюда – эвристичность и операциональность данного понятия как базового (исходного) исследовательского инструмента адекватного моделирования поисковой ситуации, связанной с постановкой конкретной научной проблемы и выработкой оптимального способа ее решения, в нашем случае – кочевниковедения.

Логика организации и подачи материала. Как известно, человеческие отношения на различных этапах истории и в различной этнокультурной среде имели исторически и экологически обусловленную (особенно в традиционной историко-культурной среде), этнически окрашенную организационную форму своего функционирования. В древности и в раннем средневековье, например, основной организационной формой общественных отношений у большинства народов мира была община. В аналогичной организационной форме функционировали и традиционные социальные отношения у казахов-кочевников, однако, имевшей ряд весьма своеобразных, этнически характерных черт и свойств. Отсюда – необходимость выработки адекватной логики моделирования поисковой ситуации в следующей последовательности: «общее → особенное → конкретное». Соответственно, процесс моделирования поиска, т.е. собственно реализации цели по изучению, например, общественных отношений у казахов-кочевников в их соответствующей организационной форме существования должен включать в себя три логических уровня.

Первый, исходный логический уровень – это общетеоретическая позиция исследователя, которая основывается на понятии об основополагающих свойствах и чертах общественных отношений. Именно в таком качестве данное понятие выступает эффективным методическим инструментом моделирования исследовательских задач и их решения. Собственно, об этом более или менее в развернутой форме уже говорилось. Резюмируя сказанное, отметим лишь, что представление о социальных отношениях как о субстанции общественного устройства кочевников собственно и составляет содержание принципиально необходимой общетеоретической позиции исследователя в рассматриваемом вопросе. А это и есть первый базовый логический уровень изучения механизма функционирования общественных отношений у кочевников.

Второй необходимый логический уровень исследования означает изучение организационной формы социальных отношений у кочевников, т.е. собственно общины, понимаемой одновременно и как главного механизма функционирования кочевых социумов. При этом община рассматривается также и как генерализованный уровень, и как особый тип социальных связей, а в функциональном отношении – способ социальной деятельности в кочевой этноэкосистеме.

Эвристическая возможность этих двух уровней последовательно воплощается, конкретизируется и дополняется в процессе реализации третьего завершающего логического уровня исследования вопроса. Смысл последнего заключается в изучении этнически характерной, исторически, социально-экономически и экологически обусловленной организационной формы общинных отношений в кочевой среде. Если два первых логических уровня являются переходными, но при этом исходными и базовыми, то последний третий – результирующим всей процедуры организации и подачи соответствующего исторического (этнографического) материала. Разумеется, границы между этими уровнями взаимопереходящи и весьма условны.

Поскольку понятие «общественные отношения» достаточно абстрактный, обобщенный, генерализованный конструкт, то его содержание соответственно отражает (пользуясь известной парсоновской терминологией) «стандартизированные отношения» социальных субъектов по поводу воспроизводства условий и средств жизнеобеспечения. Однако, именно в таком качестве данное понятие выступает основным теоретическим фундаментом изучения и кочевого социума.

Род «жетіата» как община-социум. Попробуем теперь реально представить процесс «опредмечивания» содержания понятия «общественные отношения» применительно к традиционной социальной среде казахов. Из логики данного концепта вытекает, что структурными элементами общинных отношений у кочевников являются не только члены социума с их разнонаправленными и разноуровневыми целеполагающими социальными связями, но и практически все общественно значимые объекты, предметы, средства, нормы и принципы человеческой деятельности – территория, скот, различные виды орудий труда, локальное (общинное) этническое самосознание и самоназвание, всевозможные виды ритуалов, обычаев, обрядов жизненного цикла этноса, мировоззрение, система родства, генеалогия (*шежіре*), этнические стереотипы, морально-этические и обычаевые нормы поведения, фольклорные традиции и, даже кочевые тропы и маршруты (понимаемые как важнейшие элементы производственного процесса) и т.д., функционировавшие и как специфические способы и средства, и как «каналы» реализации социальных отношений. Эти компоненты в своем системном единстве, т.е. их сбалансированные взаимосвязи по поводу производства средств к существованию и воспроизводства самого человека в его необходимом «общинном» качестве, собственно и составляет механизм поддержания социума в равновесном состоянии, особенно в системе взаимоотношений с естественной средой обитания.

Как уже было сказано, главным и, пожалуй, единственным способом (формой) функционирования общественных отношений в условиях кочевого образа жизни, как и других традиционных социумах, была община, функционировавшая, в сущности, в форме «жетіата». **И тут встает принципиальной важности вопрос, какую этнически характерную, исторически и экологически обусловленную организационную форму имели традиционные социальные отношения казахов? Это действительно очень занятный вопрос, поскольку речь идет о такой организационной форме, которой, собственно, обеспечивалась самодостаточность функционирования общественных отношений у кочевников, как автономной социальной системы.** Самодостаточность такой формы социальных отношений в кочевой среде, т.е. общины как социума означает ее способность к самоорганизации, саморегуляции и самовоспроизводству. Благодаря этим качествам община выступает самостоятельным субъектом и внутриобщинных отношений, и в системе взаимосвязей со своими окружениями – себе подобными структурами, природной средой и т.д.

Необходимость решения обозначенного вопроса логически выдвигает очень важную, можно сказать, центральную ключевую задачу – определение структурных составляющих этих отношений, как непосредственных корпоративных субъектов хозяйственной деятельности и воспроизводства индивида общинного типа. Такой ракурс подхода к проблеме позволяет получить научно обоснованный ответ на поставленный выше вопрос относительно имманентной организационной формы функционирования общественных отношений у кочевников.

Речь идет о таких относительно самостоятельных, но только в непосредственно жизнеобеспечивающем секторе социума (хозяйство, быт, сфера «первичной» социализации человека и т.д.) базовых социально-экономических ячейках, которые в своем исторически, социокультурно, экологически необходимом количестве образовали соответствующую социальную систему. Такую систему, обладавшую достаточной возможностью и способностью к самовоспроизводству и саморегуляции. Оптимальную и с точки зрения сбалансированного взаимодействия с естественной окружающей средой. Речь идет об общине, функционирующей как социум.

Попробуем теперь отыскать эти самые величины с позиции их непосредственной жизнеобеспечивающей функции, благодаря которой они и являлись основными системо- и структурообразующими элементами рода-общины. Источники свидетельствуют (да и объективная логика реальности подсказывает), что именно большесемейная общность – «*бірата*», объединявшая группу кровных родственников в пределах двух, в необходимых случаях и трех поколений по отцовской линии и известная в дореволюционных русских источниках второй половины XIX века под характерным названием «хозяйственный аул» и «аульная община», была основной производящей необходимого минимума жизненных благ ячейкой (напомню, что каждая семья у кочевников состояла в среднем от 4 до 7, а то и до 8 человек – родители и дети обоих полов. Среднестатистическая семья кочевника, как правило, состояла из 4-6 человек. Количество же входящих в «*бірата*» семей составляло 9-12, а иногда, хотя и редко, достигало до 15-ти. Стало быть, общее количество членов «*бірата*» примерно насчитывало от 45-50 нередко до 60-70 человек, включая и детей).

И здесь вполне возможен следующий каверзный вопрос: не вызовет ли центробежную тенденцию в среде данной общности тот факт, что каждая семья кочевников была фактическим собственником скота (хотя и персонифицированным) – данного главного «движимого» источника жизнеобеспечения и, обусловленным этим обстоятельством единственным субъектом эксплуатации соответствующих сегментов родовой территории (сезонных пастбищ, начиная со 2-ой половины 70-х гг. XIX в. и сенокосных угодий). Однако в силу ряда факторов, прежде всего, хозяйственно-экономического, экологического, не в меньшей степени и бытового характера, природа жизнеобеспечивающей системы у кочевников устроена таким образом, что все жизненно необходимые крупные трудовые операции им приходилось выполнять только совместными усилиями (сезонные стрижки овец (весенние, осенние), возведение хозяйственных и бытовых построек (например, на зимовке и т.д.), совместный выпас скота, целый цикл работ, связанных с приемом и уходом за молодняком (окот), изготовление войлочных и кошемных изделий, предназначенных, особенно, для покрытия юрты, отправление наиболее значимых ритуально-обрядовых действий жизненного цикла, сезонное кочевание и т.д.).

Вследствие этого данная патронимическая структура выступала как единственно главная социокультурная и производственная структура, то есть являлась непосредственным субъектом практически всех видов хозяйственно-культурной деятельности и воспроизводства человека общинного типа.

Выше уже говорилось о том, что «*бiрата*» в системе земле- и водопользования была единственно реальным субъектом эксплуатации соответствующего участка родовой территории. Но только лишь в форме пользования. **В сущности, данная патронимия распоряжалась только растительным покровом и водой, но не землей – неделимой и неотчуждаемой родовой территорией, поскольку является «всеобщим естественным условием» функционирования социума в исторически, хозяйственно-экономически и экологически заданном ритме.** Одновременно воспроизводя отмеченные структурные компоненты социальных отношений, община воспроизводит и свое «всеобщее естественное условие», что является фундаментальным фактором поддержания кормовых ресурсов пастбищных угодий в необходимой кондиции. Отсюда следует, что «*бiрата*» не была самостоятельной производительной силой. Выше уже отмечалось, что свою функцию непосредственного производителя она осуществляла лишь в той мере, в какой она находилась в тесных отношениях с себе подобными структурами в пределах общины – «*жетiата*», особенно в системе земле- и водопользования. В таких взаимообусловленных отношениях, как свидетельствуют источники, находились 4-5 «*бiрата*», члены которых (кроме матерей, жен и снох) ведут свою общесемейную генеалогическую линию от общего предка в третьем, иногда (по необходимости) в четвертом, даже в пятом колене по отцовской линии (напомню, что в историческом прошлом каждый казах, сам будучи членом определенной «*жетiата*», счет родства вел от себя по мужской линии до седьмого колена (т.е. «*жетiнii ата*» или «*тун ата*», зачастую именуемый также универсальным названием «*ата-баба*»). При этом считал своими кровными родственниками всех членов этой самой «*жетiата*» (кроме матерей, жен и снох), поскольку, согласно родовой генеалогической традиции «*ше.жiре*», они ведут свое происхождение от общего седьмого предка – «*жетiнii ата*»).

Именно отмеченные взаимообусловленные отношения между этими «*бiрата*» активно способствовали осуществлению каждой «*бiрата*» своей главной функции в качестве главенствующего корпоративного субъекта практически всех форм и направлений хозяйственно-культурной деятельности. В этом смысле данное объединение «*бiрата*» следует рассматривать и как функционально интегрированную систему производительных сил.

Основная же функция «*жетiата*»-общины в сфере земельных отношений заключалась в обычноправовом, властно-управленческом и генеалогическом регулировании системы землепользования, т.е. отношений между ее составляющими – патронимическими образованиями по поводу пользования соответствующими сегментами родовой (общинной) территории. Тем самым обеспечивался оптимальный экономический и обычноправовой режим для сбалансированного взаимодействия между «*бiрата*» в системе земельных отношений. **Это означает, что содержание отношений общинной собственности на землю нельзя объяснить лишь с позиции экономической категории «производственные отношения». Ибо, община в кочевой среде в силу отмеченных выше обстоятельств не являлась непосредственным субъектом производства материальных и духовных ценностей.** Зато «*жетiата*»-община обладала монопольным правом субъекта собственности на всю родовую территорию. Такое право обеспечивалось монополизацией ею практически всех основных управленческих и властных функций (т.е. функций регулирования, управления, принуждения, наказания и т.д.) в полном соответствии с господствующим социальным порядком в общине.

Из сказанного следует, что отношения общинной собственности на землю состояли из нескольких взаимообусловленных и взаимозависимых уровней: отношений пользования, субъектом которых выступали «*бiрата*» и системы управления, распоряжения и регулирования земельных отношений, единственным субъектом которой была сама община. При этом отношения пользования опосредствовались отношениями большесемейной собственности на скот, которые также являлись весьма существенными составляющими механизма реализации отношений общинной собственности на землю. **Поэтому отношения общинной собственности на родовую территорию представляли собой функционально интегрированный синтез многоуровневых отношений таксономически разноранговых субъектов (человек, «*бiрата*» (большая семья), община) в системе землепользования.**

Резюмируя сказанное можно заключить, что такой «сегментированный» способ реализации отношений собственности на землю в форме отношений пользования, в сущности, представляет собой один из эффективных экономических факторов (одновременно и методов) рациональной эксплуатации ресурсов естественной среды обитания. Это – с одной стороны. С другой – обеспечения корпоративного единства общины как социума, поскольку такой способ исключал экономическую основу центробежных тенденций в общине.

Итак, свою хозяйственную и другие функции «*бiрата*» осуществляла только лишь в качестве органической составляющей «*жетiата*». «*Жетiата*» же, будучи генеалогически и территориально организованной социальной системой, состояла из экологически и демографически лимитированного, экономически и социокультурно обусловленного количества «*бiрата*». Разнохарактерные социальные связи родственниками-членами (близкими и дальними) различных «*бiрата*» опосредствовались функциями данных патронимических структур. Так что в кочевой среде, как уже отмечалось, именно данная патронимия выступала как единственно возможный субъект хозяйственно-культурной деятельности и воспроизводства общинника. Но только лишь будучи в составе «жетiата», как необходимого институционального, экономического, социокультурного и даже естественно-природного условий ее нормального функционирования. В этой связи особо отметим следующий принципиально важный аспект: «жетiата» не есть некое механическое совокупность определенного количества «*бiрата*». Эта было бы слишком упрощенным пониманием существа вопроса в духе позитивизма.

Презентируемое положение о том, что «*бiрата*» свои отмеченные субъектные функции осуществляла лишь в той мере, в какой являлась естественно-исторически, социокультурно и экономически неотъемлемой частью «*жетiата*» означает разноуровневые взаимообусловленные отношения между «*бiрата*». Из этого факта конкретно-исторически и логически следует, что «*жетiата*» являлась исторически упорядоченной, социокультурно, экономически и экологически обусловленной институциональной (организационной) формой этих самых отношений. **Данный онтологически, логически и конкретно-исторически хорошо верифицируемый факт позволяет сформулировать положение в виде следующего силлогизма: «*жетiата*» представляла собой объединение экономически, экологически, демографически лимитированного, санкционированного традицией определенного количества «*бiрата*» – основных производителей материальных и духовных благ, тесно связанных между собой кровнородственными, экономическими, социокультурными и территориальными отношениями.**

Вместе с тем, «*жетiата*», будучи организационной формой этих самых отношений, функционировала не только в качестве главного (генерализованного и генерализующего) субъекта управления и регулирования внутриобщинных, но и межобщинных отношений. Следовательно, «*жетiата*» в пределах пространства жизнедеятельности всех ее составляющих была самовоспроизводящим и саморегулируемым социальным организмом т.е. социумом-общиной.

Выше уже отмечалось, что социальные границы данного образования маркировались по «количественному» принципу «семь поколений», т.е. путем запрета внутри общины-рода брачных отношений до семи колен включительно. Такой «семипоколенный» принцип брачных отношений выступал как эффективный институциональный механизм регулирования исторически, хозяйственно-экономически и экологически обусловленных демографических пределов, и оптимума ресурсных возможностей среда обитания рода-общины. Известная демографическая ограниченность «*жетiата*» во времени и пространстве, территориальная локализованность, а также отграниченность этой структуры от других аналогичных структур экзогамным барьером традиционных семейно-брачных отношений получили мощное идеологическое обоснование в принципах и нормах генеалогической традиции – «*шежiре*». Разумеется, отмеченный принцип (способ) маркирования, прежде всего, обусловлен разнохарактерными историческими и социокультурными факторами, а также лимитирующими ресурсными возможностями естественной среды обитания.

В контексте сказанного можно сделать вывод о том, что именно семипоколенная экзогамная структура «жетіата», т.е. род функционировал как община-социум. Итак, несколько перефразируя общепринятую в среде медиевистов известную мысль К. Маркса**** о средневековой германской марке-общине (Маркс, 1968, С. 472). Применительно к кочевничеству следует заключить, что кочевая община казахов существовала только в взаимозависимых и взаимообусловленных отношениях ее составляющих патронимических структур (т.е. «бірата»). Эти же отношения, в сущности, и составляют структуру «жетіата» – общины, необходимой организационной формы их функционирования. Это означает, что именно в рамках этой структуры институционально, идеологически, социокультурно, производственно-экономически и даже экологически обеспечивался необходимый уровень плотности и интенсивности различных типов и уровней социальных связей в кочевой среде, понимаемых как «технология» воспроизводства и регулирования жизнедеятельности и общинной личности, и семьи, и самой общины. То есть, именно община функционировала как главный социальный механизм перманентного воспроизводства и жизнеобеспечивающих условий и средств, и самой жизнедеятельности номадов.

Способность функционировать семипоколенной экзогамной структуры как главной организационной формы общинных отношений у кочевников, т.е. как социума означает ее способность быть и активным субъектом практически всех форм и уровней внешних отношений – межобщинных, межплеменных, межжуровых и т.д. **Собственно говоря, и племя, и жуз***** – это, в сущности, различные институционализированные уровни межродовых отношений. Вместе с тем данные отношения функционируют своего рода как идентификационное пространство родовой идентичности общины. Одновременно, именно эти отношения выступают внешним стимулирующим фактором перманентного воспроизводства родственно-родовых связей в пределах семипоколенной экзогамной структуры «жетіата», понимаемых как мощный сплачивающий и регулятивный механизм общины-социума. Такова, в сущности, институциональная природа синергизма кочевничества как общинного типа социальности.**

О совпадении рода и общины (вместо заключения). В связи с постулируемым тезисом о семипоколенной экзогамной структуре как общине, естественно возникает давно дискутируемый в науке вопрос о совпадении рода и общины. Сама постановка вопроса о семипоколенной экзогамной структуре «жетіата» как общине-социуме весьма актуализирует эту давнюю, однако до сих пор нерешенную проблему. Следует сказать, что обозначенной проблемой занимались несколько поколений ученых, в основном, советского периода (Крюков, 1967, С. 83-93; Ольдерогге, 1975, С. 6-19; Першиц 1978, С. 142-160; Община в Африке, 1978; Коротаев, Оболонков, 1990, С. 3-52). В опубликованных же в постсоветское время многочисленных научных работах, в основном востоковедческого плана, данная проблема затрагивается лишь попутно (Коротаев, 1995, С. 68-86 и др.). С учетом сложившейся такой историографической ситуации, можно сказать, что эта проблематика в своем развитии, к сожалению, несколько застопорилась. Однако по моему глубокому убеждению, эта тема вовсе не утратила свою научно-познавательную актуальность. Во всяком случае, многочисленные источники самого различного происхождения, относящиеся, в первую очередь, к дореволюционному периоду истории и этнографии Казахстана прекрасно демонстрируют огромный эвристический потенциал избранного нами ракурса видения проблемы.

Речь идет о необходимости изучения механизма реализации социальных отношений у казахов-кочевников с точки зрения совпадения рода и общины. Вышеизложенные материалы, почерпнутые нами из различных источников, а также предлагаемая автором настоящих строк система доказательств, насколько это возможно в рамках этой небольшой статьи, думается, послужат подтверждением их совпадения, особенно в процессе социально целеполагающей деятельности общинников, т.е. взаимообусловленного единства этих двух начал, прежде всего, в функциональном отношении, что особенно проявлялось в процессе функционирования различных сфер жизнедеятельности социума. Этот факт достаточно определенно подтверждается на примере таких институциональных узлов родственно-родовых связей, особенно в сфере взаимоотношений между «бірата», как «жылу», «асар», «сауын», «кәлік майы» и т.д., которые фактически осуществляли разнонаправленные хозяйственные функции. Поэтому, говоря словами известного российского ученого Д.А. Ольдерогге, «большая семья (в нашем случае «бірата»), иначе называемая домохозяйством (англ. household), составляет наименьшую экономическую единицу, фактически – реализацию кровнородственных отношений в сфере экономики» (Ольдерогге, 1975, С. 11).

Из сказанного следует, что подобная функциональная интегрированность родственно-родового и хозяйственного начал в повседневной экономической жизни кочевников, в сущности, представляет собой естественное перманентное состояние «жетіата» как общины-социума. Понятно, что

отмеченная интегрированность этих двух фундаментальных начал в кочевой среде реализуется только лишь в взаимозависимом и взаимодополняющем единстве с другими факторами общественного производства – социокультурном, экономическом, экологическом, институциональном и т.д. Достаточно сильная позиция генеалогически организованных общественных связей в социуме, особенно заметно прослеживаемая в доколониальный период, не есть признак архаичности уклада жизни кочевников, как полагает ряд исследователей в духе монистического материализма, а одна из составляющих способа самоорганизации кочевого этноса.

Подводя итоги изложенному отметим, что проблема совпадения рода и общины в условиях казахского кочевничества в настоящей статье рассматривалась в контексте и в рамках доколониального периода отечественной истории. Так сказать, в том естественном состоянии родового и общинного начал, в каком они пребывали в указанный период, как основополагающих системообразующих факторов в кочевом социуме казахов.

Понятно, что в условиях стремительного и наступательного утверждения колониального порядка в казахской степи со стороны российской короны, «жетіата» как община-социум претерпел существенное структурно-функциональное изменение, особенно ее жизнеобеспечивающие параметры, что повлекло за собой изменения и в структуре традиционных социальных отношений у казахов. Однако эти обстоятельства, являющиеся, к сожалению, одними из практически не изученных аспектов национальной историографии, должны стать предметом специального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Данная статья представляет собой дополненный и доработанный вариант ранее вышедшей публикации автора (Алимбай, 2019, С. 99-116).

** Понятие «семипоклоенная экзогамная структура» (вариант «семипоклоенное экзогамное образование») в научный оборот введено автором настоящих строк. Данная когнитивная конструкция на практике оказалась весьма эффективным исследовательским инструментом адекватного определения и изучения и социальных границ и демографических пределов, а также внутреннего механизма функционирования «жетіата» как рода-социума (общины) (Алимбай, 1998, С. 10-61).

*** Как и во всех традиционных социумах, кочевник себя полностью отождествлял с родной, родовой территорией как естественным продолжением своего природного бытия, мотивируя это унаследованностью ее от великих основателей рода («жетіата») – своих предков. «*Кіндік қан тамған жер*» (примерный смысл данного фразеологизма: «земля, впитавшая капли крови из пуповины моей, моих родственников, моих предков»), – говорили в таких случаях кочевники, совершенно ясно подразумевая изначальную природную принадлежность данной территории своему роду – общине (Полевые материалы автора, 1990).

**** Несмотря на обструкцию (порой не совсем обоснованную и корректную) научной теории К. Маркса, особенно, со стороны его недавних приверженцев, она в своих существенных аспектах в мировой системе социальных наук остается одной из самых влиятельных социологических доктрин. В этой связи достаточно напомнить о том, что выдающийся французский структуралист Клод Леви-Стросс при создании своих исследований, в частности, знаменитой «структурной антропологии» («... испытал сильное влияние К. Маркса...») (Джери, Джери Дж., 2001, С. 511-512). Безусловно, отвергая революционно ориентированную часть системы научных взглядов К. Маркса, вероятно, не следует отвергать его структурную методологию, блестяще апробированную многими серьезными исследованиями в различных областях современных социальных наук, а потому признаваемую даже яркими оппонентами ученого. Разумеется, эффективность применения ее заключается в оптимальном сочетании с передовыми методами других современных научных школ и направлений, представляющих различные дисциплины – социологию, теоретическую экономику, антропологию, историю, этнологию и т.д. (Альтюссер, 2006; Лефорт, 2007 и др.).

***** Жуз представляет собой высшую форму самоорганизации казахов-кочевников, выполнявшей в историческом прошлом функции, прежде всего, территориальной и политической интеграции генеалогически близких (в представлении кочевников) родоплеменных образований (общин) в полном соответствии с концепцией устной историографической традиции «шежіре». Генеалогически лишь по форме данный уровень самоорганизации кочевников на самом деле представляет собой хозяйственно-экономически, институционально и даже географически обусловленным способом управления и регулирования преимущественно межродовых (межобщинных) отношений. И тут возможен следующий резонный вопрос: почему межродовые (межобщинные) отношения были основным

объектом организаторской и институционально-регулятивной деятельности жуза? Дело в том, что как уже отмечалось выше, именно кочевая община, существовавшая в виде «жетіата» в лице своих основных структурных составляющих «бірата» выступал основным корпоративным субъектом воспроизводства материальных и нематериальных благ, а также самого индивида-общинника. Действительно, как свидетельствуют источники, институты жузовых структур «билер кеңесі» (совет биев), «бидің билігі» (суд биев), «ру басылар кеңесі» (совет родовых старейшин), «хан кеңесі» (ханский совет), и даже сам хан («хан билігі») и т.п. практически никогда не вмешивались во внутреннюю жизнь родов-общин, за исключением тех случаев, когда определенные вышедшие из-под контроля внутриродовые экстраординарные социальные и политические эксцессы угрожали устоявшимся нормам и принципам межродовых (межобщинных) отношений. В этом смысле, жуз изначально сложился и функционировал как организационная (институциональная) форма преимущественно межродовых отношений. К сожалению, практически все исследователи факт образования трех жузов в начале XVII века рассматривают как свидетельство организационно-политического разъединения казахского этноса. На самом же деле казахи в указанное время объединились в три жуза. Между тем такая троичная форма самоорганизации казахского этноса в суровых условиях кочевой этноэкосистемы оказалась хозяйственно-экономически, социокультурно, политически, и даже экологически весьма обоснованным способом рационального распределения людских и материальных сил, направленного, прежде всего, на эффективную эксплуатацию кормовых и водных ресурсов столь огромной территории Казахстана».

Литература

- Алимбай Нурсан. Об исходных принципах изучения традиционного казахского общества (краткий номадологический дискурс) // Труды Центрального музея. Алматы, «Наука» 2004. Вып., I. С. 137-160.
- Алимбай Нурсан. Евразийское кочевничество как общинный тип социальности (Введения в проблематику) // Урбанизация и номадизм в Центральной Азии: история и проблемы. Материалы международной конференции. Алматы: «Дайк-пресс», 2004. С. 185-193.
- Алимбай Нурсан. Еще раз о кочевой общине как основной организационной форме традиционных социальных отношений у казахов // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов международной научной конференции. Алматы: 21-23 ноября 2007. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. С. 208-221.
- Алимбай Нурсан. Община как социальный механизм жизнеобеспечения в кочевой этноэкосистеме // Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы, «Наука», 1998. С. 10-61.
- Әлімбай Нұрсан. Ру // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Т.5. Алматы: ТОО «Әлем Даму Интеграция», 2017. 816 б. Ғылыми басылым.
- Алимбай Нурсан. Семипоколенная экзогамная структура «жетіата» как община-социум (к проблеме совпадения рода и общины у казахов-кочевников) // Исторический ежегодник (труды ученых Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова). Алматы: «Ер Жәнібек». 2019. С. 99-116
- Alimbai Nursan. Community as a principle organizational form of social relations of nomads // Eleink. Magyar Östörténet. 2009. VIII. Évfolyam, 1. Szam (15.). P. 28-35.
- Alimbai Nursan. La comunita come prinripale forma organizzativa delle relazioni sociali dei nomadi: note preliminari // Popoli dellaYurta Kazakhstan: tra le origini e la modernita. Milano: Jaca Book, 2008. P. 99-110 (на итал. яз.);
- Альтюссер Л. За Маркса. Перевод с французского. М.: «Праксис», 2006. 390 с.
- Батъянова Е.И. Род и община у телеутов в XIX – начале XXI века. М.: Наука, 2007. 395 с.
- Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в. Алма-Ата: Наука, 1968. 255 с.
- Данилова Л.В., Данилов В.П. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке. Проблемы типологии. М., 1978. С. 9-60.
- Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Перевод с английского. В 2-х томах. М.: «Вече», 2001. Т. I. С. 544 с
- Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. Перевод с английского. В 2-х томах. М.: «Вече», 2001. Т. II. С. 528 с.
- Дьяконов И.М. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. 1963. N 1. С.16-34.
- Карлов В.В. Советская историография об общинных институтах и обычном праве народов Сибири // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989. С. 125-151.
- Кауфман А.А. Кочевники // Кауфман А.А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1908. С. 1-216.
- Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом: опыт в области сравнительной этнографии и истории права / [соч.] Максима Ковалевского. СПб.: Тип. Акционер. о-ва Брокгауз-Ефрон, 1911.

Коротаяев А.В. «Апология трайбализма»: племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (по материалам Северо-Восточного Йемена). Социологический журнал. 1995. № 4. С. 68-86.

Коротаяев А.В., Оболонков А.А. Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей // Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока. Вопросы историографии. М.: Наука, 1990. С. 3-52.

Крюков М.В. О соотношении родовой и патронимической (клановой) организаций (к постановке вопроса) // Советская этнография. М.: Наука, 1967. № 6. С. 83-94.

Куббель Л.Е., Тер-Акопян Н.Б., Першиц А.И. Историография первобытной истории // История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М. 1983. С. 94-187.

Курьлев В.П. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX века) / В. П. Курьлев; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.: МАЭ, 1998. 287 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология. Перевод с французского. Изд. 2-ое. М.: «Академический проект», 2008. 554 с.

Лефорт К. Формы истории. Очерки политической антропологии. Перевод с французского. СПб.: «Наука», 2007. 340 с.

Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М.: «Мысль», 1983. 284 с.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М.: «Политиздат», 1968. Т.46. ч. I. 472 с.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности номадного общества). Алматы: «Социнвест», М.: «Горизонт», 1995. 320 с.

Материалы по истории казахских ханств XV – XVIII веков. Алма-Ата, «Наука», 1969. 243 с.

Материалы по киргизскому землепользованию в Сырдарьинской области. I. Чимкентский уезд. Ташкент, 1908. IV+639 с.; II. Чимкентский уезд. Ташкент, 1910. 277 с.; Аулиеатинский уезд. Ташкент, 1911. 699 с.; Перовский уезд. Ташкент, 1912. 640 с.; Казалинский уезд. Ташкент, 1913. 386 с.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. I. Акмолинская область. Кокчетавский уезд. Воронеж, 1898. 1041 с.; Т. II. Акмолинская область. Атбасарский уезд. Воронеж, 1902. IV+XXXIV+494 с.; Т. III. Акмолинская область. Акмолинский уезд. Ч. I. Поаульные таблицы. СПб., 1907. 67+IV+523+141 с.; Ч.2. Чернигов, 1909. 153+29 (65–93) с.; Т. IV. Семипалатинская область. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903. VII+90+III+662 с.; Т. V. Тургайская область. Кустанайский уезд. Воронеж, 1903. V+154+III+375 с.; Т. IV. Семипалатинская область. Каркаралинский уезд. СПб., 1905. 90+IV+827+134 с.; Т. VII. Тургайская область. Актюбинский уезд. Воронеж, 1903.V+570 с.; Т. VIII. Семипалатинская область. Зайсанский уезд. СПб., 1909. VIII+695 с.; Т. IX. Семипалатинская область. Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1905. III+82+99+80+IV+369 с.; Т. X. Семипалатинская область. Семипалатинский уезд. СПб., 1909. IX+795 с.; Т. XI. Акмолинская область. Омский уезд. Чернигов, 1908. VII+593 с.; Т. XIII. Сводка материалов по киргизскому землепользованию. – СПб., 1906. XI+322 с.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Тургайский уезд. Оренбург, 1911. 283 с.; Иргизский уезд. Оренбург, 1913; Кустанайский уезд. Оренбург, 1912; Лбищенский уезд. Оренбург, 1914; Актюбинский уезд. Оренбург, 1912.

Материалы по обследованию турземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Т. I. Лепсинский уезд. СПб., 1911. 11+401+633 с.; Т. II. Капальский уезд. СПб., 1913. X+249+529 с.; Т. III. Джаркенский уезд. СПб., 1913. IX+321+439 с.

Материалы по повторному обследованию в 1910-1911 гг. хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Т.1. Павлодарский уезд. Семипалатинск, 1912. VI+753 с.; Т. II. Усть-Каменогорский уезд. СПб., 1913. V+788 с.; Т. III. Зайсанский уезд. СПб., 1913. 589 с.

Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Наука, 1974. 204 с.

Никишенков А.А. Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М.: Изд-во МГУ, 1986. 213 с.

Община в Африке. Проблемы типологии / Редкол.: С.А. Токарев (отв. ред.), Ю.М. Кобищанов. АН СССР. Ин-т Африки. М.: Наука, 1978. 291 с.

Ольдерогге Д.А. Иерархия родových структур и типы большесемейных домашних общин. // Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975. С. 6-19.

Ольдерогге Д.А. Род и община (соотношение форм рода и типов общины) // Проблемы использования природных и трудовых ресурсов развивающихся стран. В.Л. Тягуненко и др.; редкол.: Н.С. Асоян и др. М.: Мысль, 1974. С. 97-107.

Парсонс Т. О структуре социального действия. Перевод с английского. М.: «Академический проект», 2000. 880 с.

Першиц А.И. Проблемы типологизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии // Очерк истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VIII. М.: Наука, 1978. С. 142-156.

- Полевые материалы автора (1990).
- Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем / сост. П.П. Румянцев; Переселенч. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия. Санкт-Петербург: Переселенч. упр. Г.У.З. и З., 1910. 66 с.
- Румянцев П.П. Социальное строение киргизского народа в прошлом и настоящем. СПб., 1909. №5. С. 79-137.
- Следзевский И.В. Земледельческая община в Западной Африке: хозяйственная и социальная структура. Вопросы теории. Постановка проблемы // Община в Африке. Проблемы типологии. М.: Наука, 1978. С. 61-132.
- Социальная организация народов Азии и Африки. М.: Наука, 1975. 315 с.;
- Сюмов Ю.С. Обсуждение теоретических проблем общины (XIV Межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы). НАА, 1973, №6. С. 225-226.
- Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начало XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971. 632 с.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.;
- Урсу Д.П. Современная историография стран Тропической Африки. 1960-1980. М., 1983. С. 197-207;
- Изучение истории Африки: Проблемы и достижения / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский, Б. М. Туполев. М.: Наука, 1985. 303 с.
- Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата: Типография издательства АН КазССР, 1964. 207 с.
- Hillery G.A. Deginitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology. Vol. 20, 1955. № 2. p. 119.
- Kroeber A.L. Anthropology. N.Y. 1948. p. 325.

Nursan Alimbay

**SEVEN-GENERATION EXOGAMOUS STRUCTURE “JETIATA”
AS A COMMUNITY-SOCIETY (ON THE PROBLEM OF COINCIDENCE)
OF CLAN AND COMMUNITY AMONG KAZAKH-NOMADS)**

Among Kazakh nomads the ethnic organizational form of community relations was the genus – the so-called seven-generation exogamous structure “jetiata”. It consisted of a group of blood relatives within seven generations in patrilineal. As a community-society, it’s synthesized almost all basic types and levels of social relations in the nomadic environment. Its well-known demographic limitation in time and space and territorial localization, as well as its delimitation from such structures were provided by the exogamous barrier of family-marriage relations. Such localization, as well as autonomous mode of functioning of this structure, received a powerful ideological and historiographical justification in the genealogical tradition – “shejire” and stipulated by socio-economic, environmental and institutional factors.

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ О РЕЗУЛЬТАТАХ РАСКОПОК В КУРЧУМСКОМ РАЙОНЕ ВКО В 2019 г.*

В полевом сезоне 2019 г. Алтайской археологической экспедицией КазНУ им. аль-Фараби были исследованы погребальные памятники на территории Курчумского района ВКО. Раскопки велись на двух могильниках (Кумтобе и Алушы), расположенные в 13 км друг от друга (рис. 1).

Могильник *Кумтобе* расположен в одноименной местности в 1,3 км к северо-западу от села Енбек, который был выявлен нами в 2018 году. Могильник представляет собой разновременный некрополь, состоящий из 50 объектов: каменных курганов, выкладок, ящиков, квадратных и округлых оград (Омаров и др., 2018, с. 204). Площадь памятника распахана, в результате чего пострадали некоторые сооружения. В могильнике было исследовано два объекта.

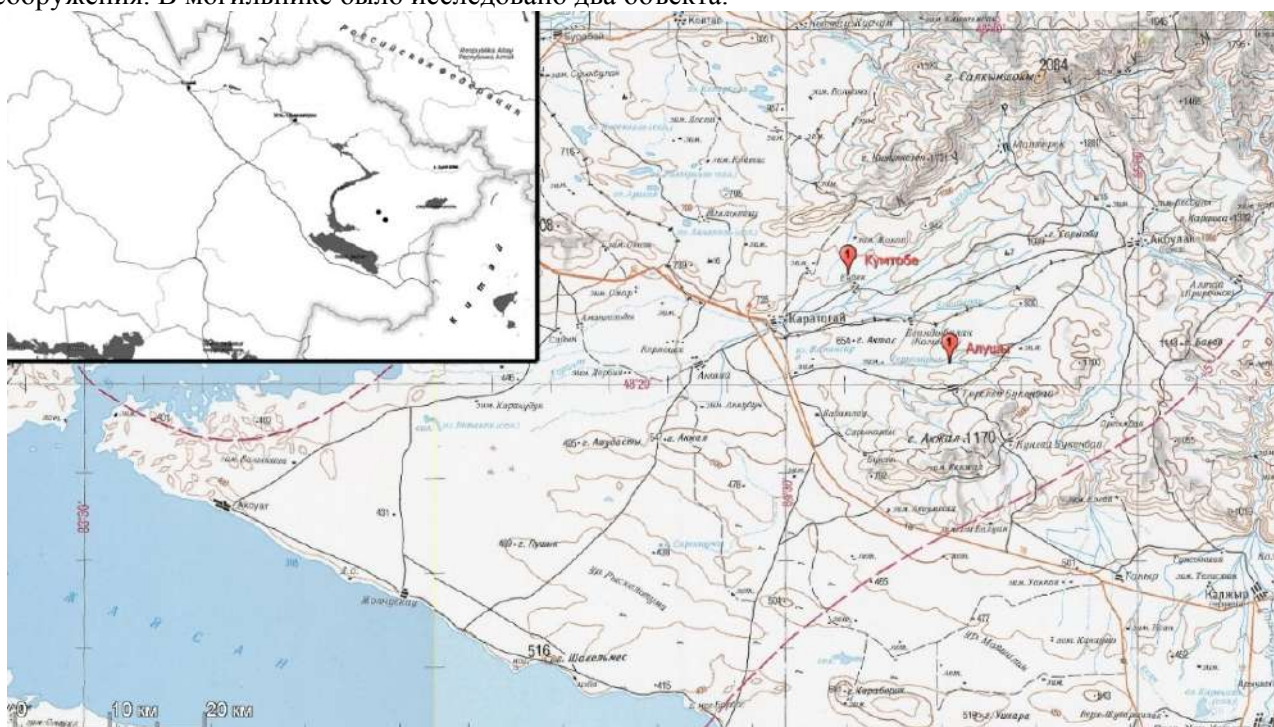

Рис. 1. Расположение могильников Кумтобе и Алушы на карте

Ограда №1 расположена в центральной части могильника, и представляет собой небольшую возвышенность состоящей из камней и грунта. Стенки ограды фиксируются отчетливо, камни были уложены плашмя, некоторые были вкопаны на ребро (рис. 2). Размеры ограды 3,5 × 3,45 м. Камни наземной конструкции из камней крупных и средних размеров: 90 × 37 × 16 см, 83 × 13 × 20 см, 67 × 43 × 9 см были уложены в один ряд, образуя в плане прямоугольную форму. Восточная часть стенки ограды было частично разрушено. Однако основная часть камней лежат на месте. В центральной части ограды был зафиксирована каменная циста прямоугольной формы, размером: 2,1 × 1,6 м, ориентирован по длине оси восток – запад. В западной части отсутствовала крышка перекрытия, в восточной части сохранилась. Камни цисты сложены из крупных камней, уложенных плашмя в 10 рядов. Видимо погребение было потревожено ранее грабителями, так как на глубине 0,7 м фрагменты костей (фрагменты черепа, челюсть, зубы, ребра, позвонки, фаланги рук и ног) погребенного фиксировались на разных частях и уровнях ящика. По предварительному анализу найденные зубы принадлежат разным по возрасту погребенным (взрослого и ребенка). Возможно, погребение было парным. Погребальный инвентарь отсутствует. По выявленной конструкции ограды и ящика погребение датируется нами XIII–IX вв. до н.э. Прямые аналогии данным сооружениям наблюдаются среди

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований на 2018–2020 гг.» № AP05134378 «Сакральное пространство и погребально-поминальные обряды населения Казахского Алтая от древности до средневековья».

бегазы-дандыбаевских некрополей Центрального Казахстана – мавзолеем 3 Аксу-Аюлы II и др. (Маргулан, 1979, с. 57, рис. 32). Также погребения в виде цисты известны в могильниках Канай, Сарыколь 2, Усть-Буконь (Черников, 1960, с. 32, 200–201, табл. V, 2, VI), Айна-Булак-III в Восточном Казахстане, которые относятся к андроновской культуре и могут датироваться XVI–XIV вв. до н.э. (Дашковский, Самашев, Тишкин, 2007, с. 23–24, 33).

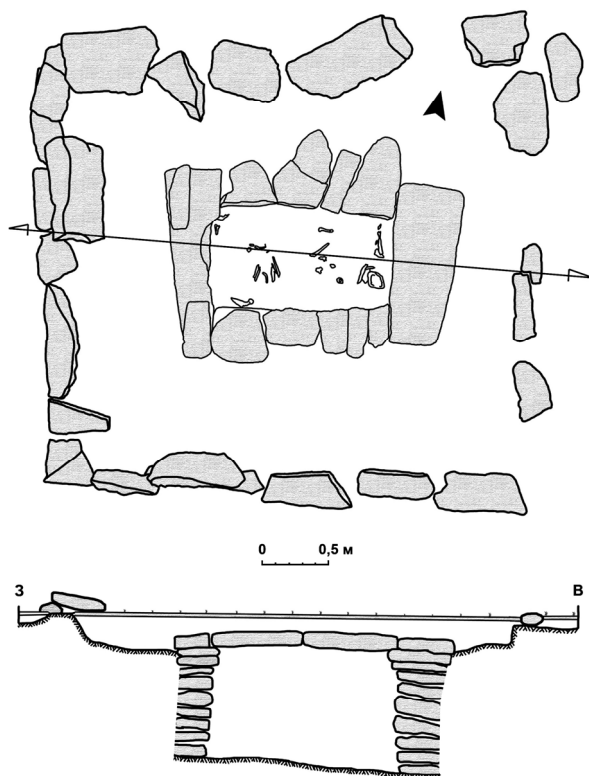

Рис. 2. Могильник Кумтобе. План и разрез ограды №1

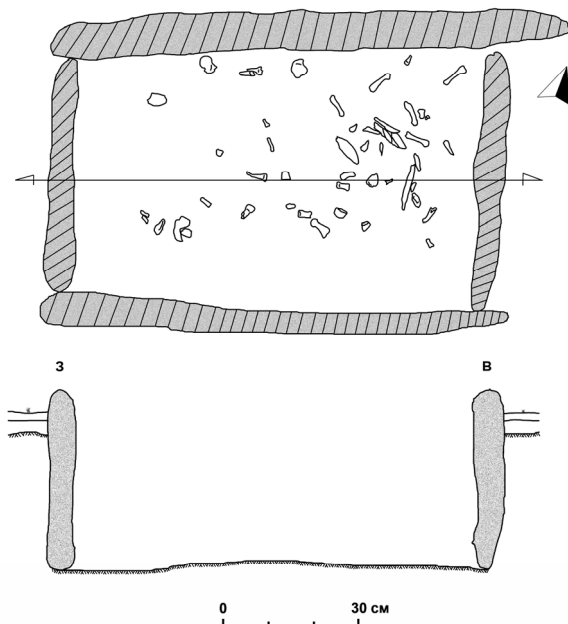

Рис. 3. Могильник Кумтобе. План и разрез каменного ящика №1

Каменный ящик №1 относится к могильнику Кумтобе, расположен в 200 м к северу от исследованной ограды №1. Исследуемый объект представляет собой вертикально врытые четыре плиты, образуя прямоугольную в плане форму размером 1,1 × 0,7 м (рис. 3). Погребение было ограблено ранее. При расчистке зафиксированы кости человека и МРС, расположенные в хаотичном

порядке (фаланги и кисти верхней и нижней частей опорно-двигательного аппарата, фрагменты ребер, обломки трубчатых тазовых костей). По форме каменного ящика погребение было одиночным. Подобного типа каменные ящики встречаются довольно часто, и относятся к эпохе бронзы.

Могильник Алушы расположен на относительно небольшой по площади долине, которую окружают невысокие горные гряды в 1,7 км от с. Терискей Бокенбай рядом с одноименным родником. На памятнике насчитывается около 30 каменных курганов и округлых оградок. Объекты расположены преимущественно вдоль ручья.

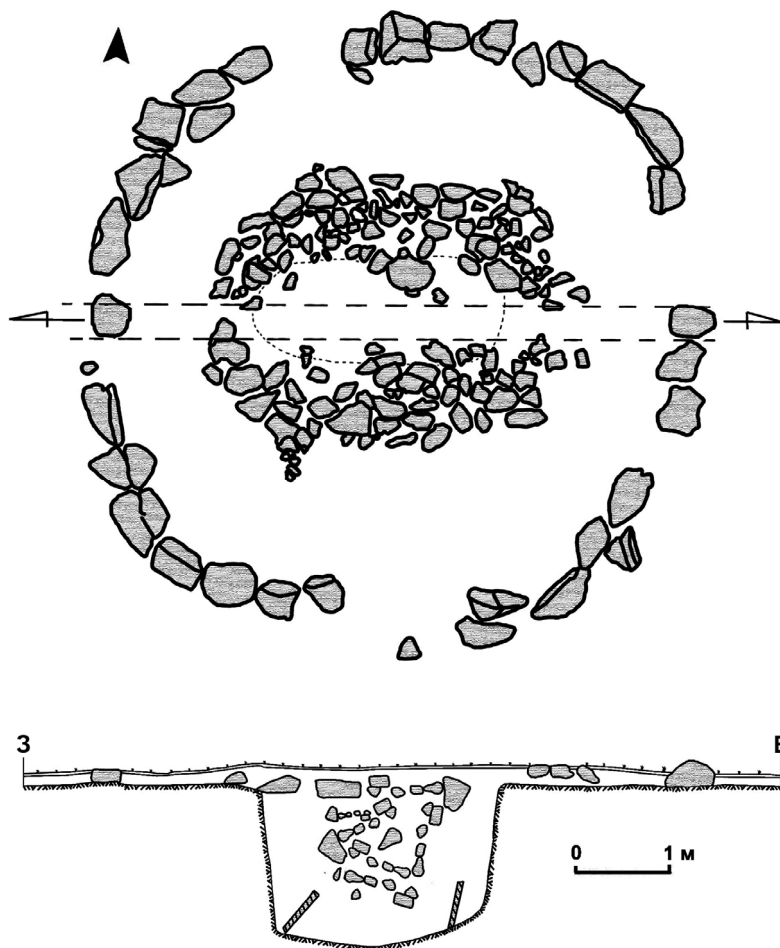

Рис. 4. Могильник Алушы. План и разрез кургана-ограды №1

Кургана-ограда №1 расположен в центральной части могильника. Памятник представляет собой в плане округлую ограду из камней с небольшим возвышением в центральной части. Диаметр ограды составляет $6,6 \times 6,5$ м, высотой 0,2 м (рис. 4). Размеры относительно крупных камней ограды составляет $70 \times 22 \times 10$, $83 \times 38 \times 18$, $77 \times 34 \times 14$ см. Для изучения конструктивных особенностей нами была оставлена бровка шириной 30 см, вытянутая по линии оси запад – восток.

При расчистке центральной части каменной ограды выявлена каменная насыпь в плане овальной формы диаметром $3,5 \times 2,6$ м, вытянутая по линии бровки. После удаления камней в центральной части ограды на фоне материкового слоя могильная яма размером $2,6 \times 1,2$ м выделялась относительно рыхлым грунтом и камнями забутовки, вытянутая строго по линии З–В, с закругленными углами.

В могильной яме на глубине 0,2–1,5 м зафиксированы камни забутовки, представленные преимущественно округлыми относительно больших и средних размеров. Погребение было разграблено ранее. На глубине 2 м обнаружены плиты, вероятно разрушенного грабителем каменного ящика. Сохранились лишь торцовые части каменного ящика. Подобные кольцевые ограды с каменной наброской в центральной части встречаются в могильнике Сары-Коль II в Курчумском районе, и датируется VI–V вв. до н.э. Захоронение в каменном ящике и ориентация могильной ямы указывает на то, что подобные погребения в конструктивном плане является продолжением погребального обряда эпохи бронзы (Оразбаев, Омаров, 1998, с. 37).

При расчистке дна могильной ямы была зафиксирована *золотая серьга* (рис. 5), изготовленная из тонкого листа образуя форму в виде конуса. Для прочного соединения с разомкнутым кольцом, сделанного из гладкой проволоки круглой в сечении, края фольги загибались. Общая высота серьги 2,8 см, высота конуса 1,1 см. Размер кольца 1,8 × 2 см. Диаметр основания конуса 1 см.

Также были зафиксированы несколько обломков бронзового украшения (?) в виде изогнутых полукругов толщиной около 2 мм. Кости погребенного, какие-либо другие сопроводительные инвентари в погребении отсутствуют.

Конусовидные серьги с разомкнутым кольцом сакского времени в значительном количестве распространены на Алтае, в Центральном Казахстане и подробно рассмотрены в работах К.В. Чугунова, А.А. Тишкина, А.З. Бейсенова, В.К. Федорова (Тишкин, 1999, с. 184–190; Чугунов, 2003, с. 386–395; Бейсенов, 2014, с. 121–128; Федоров, 2015, с. 69–79). Схожие конические по форме серьги имеются в сакском кургане № 38 могильника Кырык унгир в Восточном Казахстане (Үмітқалиев, 2017, 158, 161 бб., 9, 11 сур.), савроматском могильнике Бесоба на Западе Казахстана (Kadyrbaev, 1981, s. 31–32, Abb. 3). Также, аналогичная серьга была зафиксирована в ограде алдыбельского типа №2 могильника Коо-І в Восточном Алтае, где само погребение, в конструктивном плане очень схож с исследуемым памятником (Васютин, Садовой, 1999, с. 37, рис. 1).

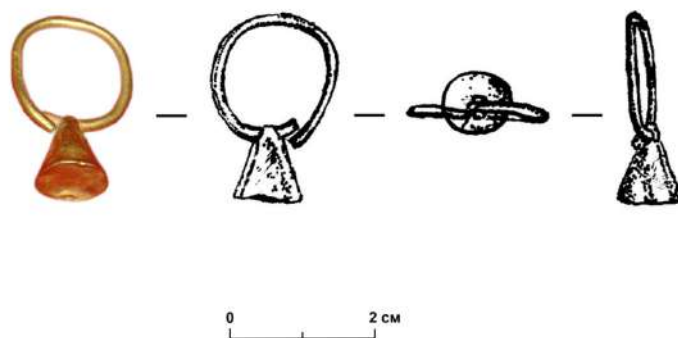

Рис. 5. Могильник Алушы. Золотая серьга конусовидной формы из кургана-ограды №1

В данном случае, стоит отметить, что зафиксированные серьги в савроматских памятниках, возможно, является результатом коммуникаций населения (Бейсенов, 2014, с. 121), в той или иной мере этносоциокультурных процессов в савромато-сакском (VII–V вв. до н.э.) времени (Самашев, 2012, с. 10). В.К. Федоров анализируя серьги, происходящие из могильников Сара, Бесоба, Покровка 2 и др. приходит к мнению, что происхождение их могут быть связаны как с Передней, так и с Центральной Азией. Также автор не исключает конвергентное возникновение подобных сережек в разных регионах Азии (Федоров, 2015, с. 77).

Отсутствие костей и более информативных признаков в могильной яме исследуемой ограды №1 могильника Алушы затрудняет определить принадлежность погребения к «женскому» или «мужскому», так как в мерзлотных курганах скифского времени в Горном Алтае серьги встречаются в обоих погребениях. Женщины носили по серьге в обоих ушах, мужчины же только одну, в левом ухе (Руденко, 1962, с. 21–23, рис. 19).

Таким образом, суммируя все вышеизложенные конструктивные особенности погребения и погребального инвентаря, памятник датируется нами VII–VI вв. до н.э.

Все вышесказанное будет подтверждено или опровергнуто в ходе запланированных в ближайшем будущем работ на территории могильника Алушы. В свете изложенного следует отметить особую важность вводимых в научный оборот новых материалов, которые, несомненно, в той или иной степени могут способствовать реконструкции ряда важнейших аспектов сакской археологии.

Литература

Бейсенов А.З. Серьги сакской эпохи // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2014. №6 (32). С. 121–128.

Васютин А.С., Садовой А.Н. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения в раннескифское время (Восточный Алтай – могильник Коо-І) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 35–38.

Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан). Барнаул: Азбука, 2007. 96 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алматы: Наука КазССР, 1979. 360 с. с илл.

Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Мерц И.В., Сагындыкова С.Т. Краткое сообщение о результатах археологической разведки на территории Курчумского района в 2018 году // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия: Исторические науки. 2018. №4 (91). С. 201–213.

Оразбаев А.М., Омаров Г.К. Некоторые итоги археологического исследования Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Материалы международной археологической конференции, посвященной памяти первого профессионального археолога Казахстана, лауреата премии им. Ч.Ч. Валиханова А.М. Оразбаева. Алматы, 1998. С. 9–70.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. Свод археологических источников. Вып. ДЗ-9. М.; Л., 1962. 52 с. с табл.

Самашев З. М.К. Кадырбаев и некоторые вопросы археологии раннего железного века Казахстана // Материалы III международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2012». Актобе, 2012. С. 6–20.

Тишкин А.А. Украшения раннескифского времени из Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: АлтГУ, 1999. С. 184–190.

Үмітқалиев Ұ.Ұ. Көшпелілер дүниетанымындағы аң бейнесі: Шығыс Қазақстан облысы, Абай ауданы территориясына жасалған экспедицияның қорытындылары // Үлкен Алтай әлемі. 2017. № 3(4). 152–165 бб.

Федоров В.К. Серьги из могильника Сара в Оренбургской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №2 (29). С. 69–79.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. №88. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с. с табл.

Чугунов К.В. Серьги раннескифского времени Саяно-Алтая (происхождение традиции и типологическое развитие) // Исторический опыт хозяйственного освоения Западной Сибири. Кн. 1. Барнаул: АлтГУ, 2003. С. 386–395.

Kadyrbaev M.K. Denkmäler des Sauromatenadels in Westkasachstan // Das Altertum. 1981. Bd. 27. Heft I. S. 29–37.

G.K. Omarov, B.B. Besetayev

A BRIEF REPORT ON THE RESULTS OF EXCAVATIONS IN THE KURCHUM DISTRICT OF EAST KAZAKHSTAN IN 2019

The annotation gives a brief description of the excavations in the Kurchum region of East Kazakhstan. In the field season of 2019, in the Kumtobe burial ground, two objects related to the Bronze Age were studied, and one object in the burial ground in Alushy, dating back to the early Saka. All the monuments, unfortunately, were looted earlier. However, in one of them a golden cone-shaped earring was discovered, which is of great interest for studying intercultural contacts and ancient migration processes in the early Iron Age.

П.К. Дашковский

Алтайский государственный университет

г. Барнаул, Россия

E-mail: dashkovskiy@fjn.asu.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ДВУХ КУРГАНОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ МОГИЛЬНИКА ЧИНЕТА-II В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ*

Курганный могильник Чинета-II входят в состав Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета в Краснощековском районе Алтайского края (Дашковский, 2017а). Указанный могильник зафиксирован в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1-1,4 км к ЮЮВ от с. Чинета. В настоящее время на некрополе исследовано 34 объекта, из которых 14 курганов относятся к скифо-сакскому периоду, а остальные к тюркской, кыргызской и сроткинской культурам (Дашковский; 2015а, б; 2017б; и др.). В данной публикации приводится информация о результатах раскопок и изучения курганов №30-31, которые располагались в центральной части могильника.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФИ и Министерства культуры, образования и спорта Монголии «Этнорелигиозные и социальные процессы как факторы межкультурного взаимодействия населения в трансграничном пространстве Алтая, Тувы и Монголии: история и современность» (№ 19-59-44002) и РФФИ и Администрации Алтайского края «Памятники Чинетинского археологического микрорайона на Алтае: культурно-историческая интерпретация артефактов и возможности использования полученных результатов в туристическом кластере региона» (№19-49-220002).

Курган №30 вплотную примыкал и с юга перекрывал насыпь кургана №31. Диаметр каменной насыпи кургана №30 с С на Ю — 7,5, а с З на В — 7,27 м. Высота сооружения вместе со слоем земли достигала 0,6 м. Высота только каменной насыпи — 0,45 м. Насыпь объекта сооружена преимущественно из средних камней в 2-3 слоя. При этом камни были уложены достаточно плотно, образуя целостность насыпи. Поэтому неслучайно до зачистки насыпи было предположение, что это один объект, а не два кургана, пристроенных друг к другу. Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована могильная яма, которая ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ и имела следующие размеры 2,6x1,5x0,9 м. Глубина могилы отмечена от уровня древнего горизонта, т.е. в данном случае могила не глубокая. В могиле обнаружено погребение человека, который был уложен в вытянутом положении на спине и ориентирован головой на запад. Руки умершего были вытянуты вдоль тела. У скелета отсутствовала стопа на правой ноге. В районе пояса найдены две поясные пластины, сделанные из рога (рис. 1).

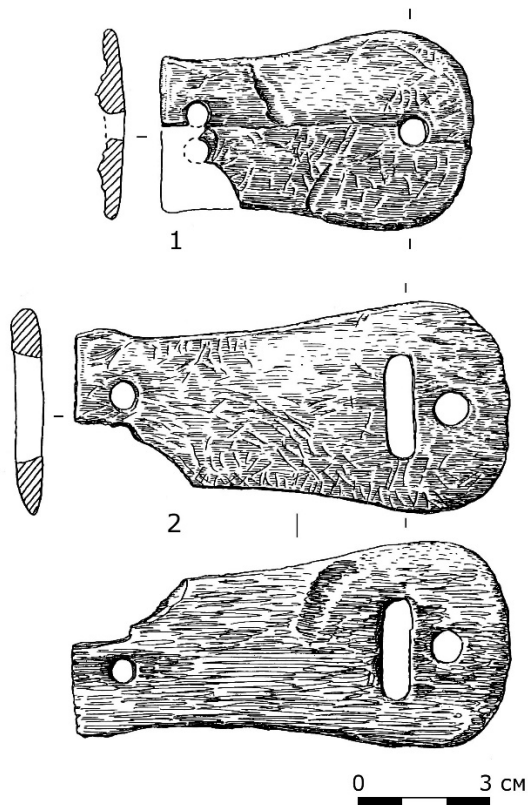

Рис. 1. Инвентарь из кургана №30 могильника Чинета-II. 1-2 - роговые поясные пластинчатые пряжки

Курган №31 имел диаметр каменной насыпи с С на Ю - 15 м, а с З на В - 13 м. Высота сооружения вместе со слоем земли достигала 0,85 м. Высота только каменной насыпи - 0,7 м. Насыпь объекта сооружена преимущественно из средних и больших камней в 2-4 слоя. При этом камни были уложены достаточно плотно, образуя целостность насыпи. По периметру кургана выявлены более крупные, чем в насыпи камни, которые образовывали кольцевую выкладку крепиду диаметром с С на Ю - 15 м, а с З на В - 13 м. В центре насыпи зафиксирован достаточно большой просад. Диаметр просада с С на Ю - 1,5, а с З на В - 2,5 м. Глубина просада от нулевого репера 55 см. Под насыпью кургана в центральной ее части зафиксирована могильная яма, которая ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ и имела следующие размеры на уровне древнего горизонта 3,3x2,5x3,84 м. Вдоль северной стенки могильной ямы обнаружено сопроводительное захоронение лошади, которая уложена на живот с подогнутыми копытами и ориентированно головой на восток. В районе ребер животного обнаружена костяная подпружная пряжка. В зубах лошади выявлены железные кольчатые удила, а на лбу - золотая налобная бляха из фольги.

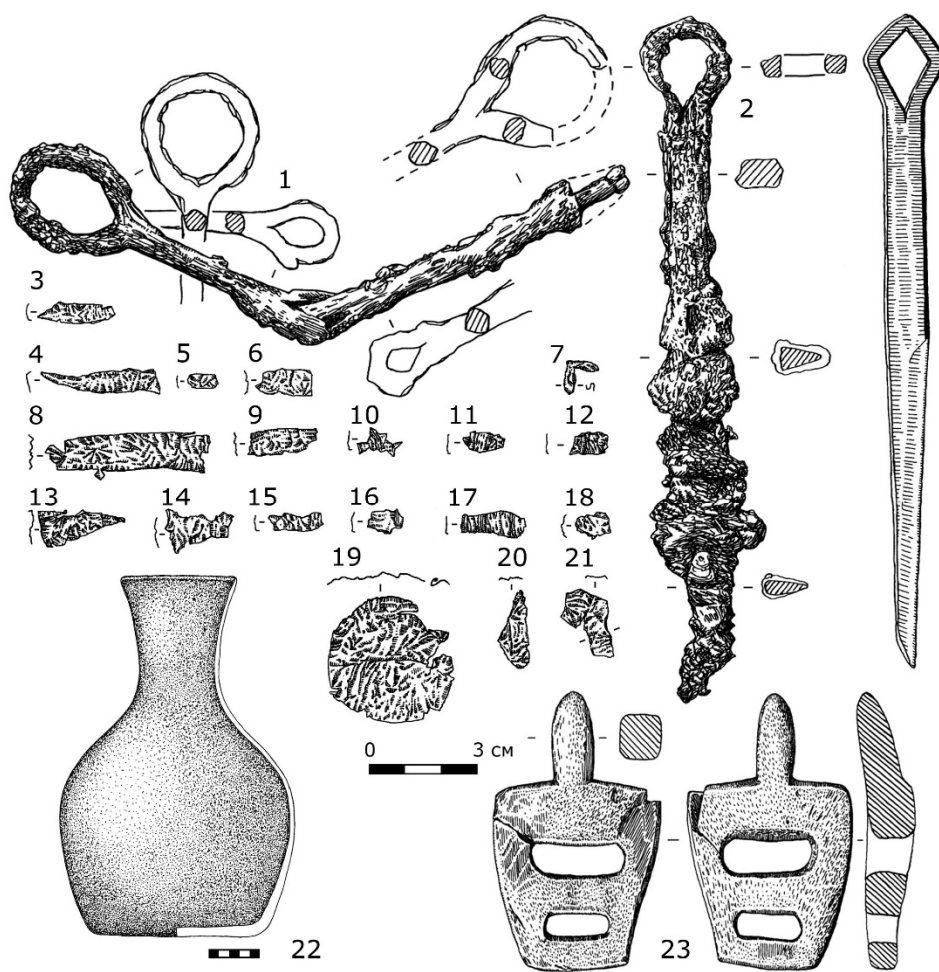

Рис. 2. Инвентарь из кургана №31 могильника Чинета-II. 1- железные удила. 2 – железный нож, 3-18, 20-21 – фрагменты золотой фольги, 19 – золотая налобная бляха из фольги, 22- керамический сосуд, 23 – костяная подпружная пряжка

Вдоль восточной и южной стенок могилы обнаружены следы от древесного тлена от двух плахов очень плохой сохранности, которые маркировали, вероятно, остатками деревянной конструкции в виде рамы. В могиле зафиксирован скелет человека плохой сохранности. Умерший, судя по отдельным сохранившимся *in situ* костям скелета, первоначально был уложен в скорченном положении на правый бок и ориентирован головой на восток. У восточной стенки могилы в средней ее части выявлены фрагменты золотой аппликации из фольги (рис. 2, 3-18, 20, 21). Рядом с ней находилась ритуальная пища (кости барана), железный нож (рис. 2, 2), развал керамического сосуда (рис. 2, 22). Фрагменты керамики также зафиксированы в центральной части могилы, в районе берцовых костей скелета и у задних копыт лошади. Это обстоятельство косвенно указывает на разрушение погребения в древности. В районе основного развала керамического сосуда выявлены остатки плохо сохранившейся вероятно деревянной чашечки, покрытой красным лаком. Еще одно скопление фрагментов красного лака выявлено в 25 см к юго-западу от первого в районе костей скелета человека. Анализ указанных деревянных лаковых изделий из Китая представлен в других публикациях одного из авторов (Дашковский, Новикова, 2017).

Обратимся теперь к анализу погребального обряда и датировке инвентаря из раскопанных курганов №30-31. В кургане №30 умерший был уложен в вытянутом положении на спине и ориентирован головой на запад. Указанные признаки погребального обряда, несмотря на то, что не относятся к классическим, тем не менее встречаются при исследовании памятников кочевников горных районов Алтая пазырыкского времени. При этом сочетание данных признаков выявлено преимущественно в районе нижнего и среднего течения р. Катунь (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 164-167; Кирюшин, Степанова, 2004). Кроме кургана №30 на могильнике Чинета-II раскопано еще несколько объектов, в которых также обнаружены погребения человек, которые были уложены в вытянутом положении на спине и ориентирован головой на запад. В частности, такие признаки зафиксированы при раскопках

курганов №16, 28 (могила №1), 32. Кроме того, в курганах №19, 22, 23, 26, 27, 34 умершие были ориентированы головой на восток (юго-восток), но уложены в вытянутом положении на спине (Дашковский, 2017б, с. 113-114). Наличие на могильнике Чинета-II погребений, совершенных как по классическим канонам пазырыкского погребального обряда, так и с отступлениями от него, свидетельствует об определенных этнокультурных процессах в скифское время в Северо-Западном Алтае.

Из сопроводительного инвентаря в кургане №30 обнаружено, как отмечено выше 2 роговые подпрямоугольные поясные пряжки с округлой верхней частью и прямоугольным основанием (рис. 1). Первая пряжка была меньшего размера. Ее длина 7,1 см, максимальная ширина в верхней закругленной части 4,5 см. В средней части основания пряжка имела два отверстия по 0,5 см. Еще одно отверстие было расположено в верхней части изделия посередине и имело диаметр 0,6 см. Вторая пряжка имела длину 10 см и максимальную ширину в верхней закругленной части - 4,8 см. Нижний край изделия был частично сломан. В тоже время удалось установить, что здесь было два параллельных отверстия диаметром 0,6 см. Еще одно отверстие располагалось в 1 см от верхней части предмета и имело диаметр 0,7 см. Кроме того, в отличие от первой поясной пряжки, у второй ниже на 0,5 см от верхнего отверстия располагалось еще одно отверстие подпрямоугольной формы длиной 2,4 см и шириной 0,5 см.

Следует подчеркнуть, что роговые пластинчатые пряжки встречаются достаточно редко в курганах пазырыкской культуры Алтая. Так, они обнаружены в кургане №1 могильника Юстыд XII (Кубарев, 1991, с. 86, рис. 21, 1-2) и кургане №1 могильника Ала-Гаил-3 (Кубарев, Шульга, 2007, с. 110, рис. 25, 6-7). В последнем случае роговые пластинчатые пряжки, обозначенные авторами публикации как бляхи, имели чуть большую длину, чем из могильника Чинета-II, - до 12,5 см. При этом по количеству отверстий для крепления данных изделий экземпляры из могильников Чинета-II и Ала-Гаил-3 схожи. В тоже время на экземпляре из кургана №1 могильника Юстыд-II присутствует еще одно технологической подпрямоугольное отверстие, как и на изделии из кургана №30 могильника Чинета-II. По мнению исследователей, на завершающем этапе пазырыкской культуры Алтая металлическая поясная фурнитура заменяется преимущественно деревянной и кожаной, а в редких случаях роговой (Кубарев, Шульга, 2007, с. 102). При этом роговые пластинчатые пряжки, как в свое время отметил В.Д. Кубарев, характерны именно для поясных наборов кочевников скифской эпохи Тувы и Монголии. При этом часть экземпляров из этих регионов была покрыта высокохудожественной резьбой (Кубарев, 1991, с. 86; Грач, 1980, с. 35, рис. 35, 10-13; Волков, 1978, с. 105, рис. 3, 8; Цэвэндорж, 1978, с. 111, рис. 3, 24; и др.). Курганы №17 могильника Юстыд XII и курган №1 могильника Ала-Гаил-3, в которых обнаружены роговые поясные пряжки, датированы IV-III вв. до н.э.

Курган №31 в отличие от кургана №30 демонстрирует как раз наличие классических признаков погребального обряда пазырыкской культуры: положение умершего скорченно на правом боку с ориентацией головой на восток (юго-восток), сопроводительное захоронение лошади воль северной стенки могилы с ориентацией ее также в том же направлении горизонта, что и человека. Инвентарь их кургана №31 имеет устойчивые аналогии среди материалов пазырыкской культуры Алтая. Интересным элементом снаряжения лошади является подпружная пряжка (рис. 2, 23), которая, согласно классификации В.Д. Кубарева (1991, с. 49-52, рис. 10, 3; 1987, с. 29-30, рис. 14, 4; и др.), может быть отнесена к типу блоковидных с двумя овальными вырезами и неподвижным, выступающим наружу язычком. Подпружные пряжки такого типа встречаются в курганах пазырыкской культуры второй половины V – III в. до н.э. (Кубарев, Шульга, 2007, с. 119-123, рис. 81, 4). По классификации П.И. Шульги указанная подпружная пряжка может быть отнесена к 9 типу его типологии (Шульга, 2015, с. 127, рис. 81, 31, 32, 37). Другие категории инвентаря из кургана № 31 также датируются в широких хронологических рамках – вторая половина V – III в. до н.э. Определенный интерес представляет налобная бляха круглой формы из золотой фольги (рис. 2, 19), которая обнаружена была на черепе лошади. Вероятно, первоначально, диск из золотой фольги крепился на основу из кожи (ткани) или дерева. По краям такой бляхи зафиксированы небольшие отверстия. Отметим, что налобные бляхи из дерева и кости хорошо известны по элитным курганам пазырыкской культуры из могильников Пазырык, Башадар, Туэкта и др. (Руденков, 1953, с. 154-156; 1960, с. 125; Шульга, 2015, с. 54, рис. 27, 1; рис. 33, 1 и др.). Налобные бляхи крепились с помощью двух тонких ремешков. Такой же принцип крепления зафиксирован в большинстве случаев в снаряжении лошадей из элитных курганов на разных этапах пазырыкской культуры (Шульга, 2015, с. 54, 64, рис. 33, 1 и др.). Другие категории инвентаря из кургана № 31 также датируются в широких временных рамках – вторая половина V – III в. до н.э.

Важно отметить, что курган №30 планиграфическим и стратиграфическим наблюдениям, хронологически связан с курганом №31. Очевидно, что объект №30 соорудился ненамного позднее,

чем курган №31, который был хорошо виден современникам. Отметим, что курган №31 достаточно хорошо датируется на основе анализа погребального обряда и инвентаря, а также результатов радиоуглеродного анализа, второй половиной IV-III вв. до н.э. (Дашковский, 2019). Кроме того, указанный объект на основе целого ряда признаков, в т.ч. находки предметов китайского импорта, отнесен к памятникам т.н. региональной элиты пазырыкского общества (Дашковский, Мейкшан, 2015). Курган №30 сооружен несколько позднее, но тоже относится к скифской эпохе. С учетом датировки кургана №31, вероятно, курган №30 можно датировать второй половиной (концом) IV-III вв. до н.э., возможно III в. до н.э.

Литература

- Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Волков В.В. Улангомский могильник // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 101-107.
- Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015а. 224 с.
- Дашковский П.К. Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015б. №8. С. 20-29.
- Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. IX. С.42-66.
- Дашковский П.К. Исследования Краснощековской археологической экспедиции на Алтае в 2001-2016 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017а. Вып. XIII. С. 83-87.
- Дашковский П.К. Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017б. С. 112–116.
- Дашковский П.К. Радиоуглеродное датирование кургана пазырыкской культуры с предметами китайского импорта из могильника Чинета-II (Алтай) // Поволжская археология. 2019. №3. С. 147-158.
- Дашковский П.К., Мейкшан И.А. 2015. Изучение региональной элиты кочевников Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности (на примере пазырыкского общества и хунну) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии / коллективная монография под ред. П.К. Дашковского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 75-85.
- Дашковский П.К., Новикова О.Н. Китайские лаки из могильника скифской эпохи Чинета-II (Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии 2017. № 4 (45). С. 102–112.
- Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Предварительные результаты исследования курганов №28 и 33 на могильнике Чинета-II в Краснощековском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. Вып. XXV. С. 57-63.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. 292 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине-второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Наука, 1953. 524 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.–Л.: Наука, 1960. 514 с.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
- Цзвэндорж Д. Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 108-117.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.
- Шульга П.И. снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. Ч. II (VI-III вв. до н.э.). 322 с.

P.K. Dashkovskiy

INVESTIGATION OF TWO MOUNDS OF THE SCYTHIAN ERA IN THE CENTRAL PART OF THE CHINETA-II BURIAL GROUND IN NORTH-WESTERN ALTAI

The article presents the results of the study of mounds №30-31 from the Chineta-II burial ground, which is part of the Chineta archaeological district, located in the vicinity of the eponymous village of Chineta in the Krasnoshchekovskiy district of the Altai territory. The study emphasizes that in the excavated mound №30, the deceased was laid in an extended position on his back and oriented with his head to the west. These signs of the funeral rite, despite the fact that they do not belong to the classical ones, nevertheless, are found in the study of monuments of nomads of the Altai mountain regions of the Pazyryk period. During the excavation of mound N31 of the Chineta-II burial ground, signs of a funeral rite were recorded, which on the contrary show similarities with similar features both on the previously studied monuments of the Pazyryk culture in the Chineta archaeological district and in other parts of the Altai. The composition of the burial inventory from the excavated mounds is considered in detail. On the basis of the analogies given to the subject complex and features of funeral rites, mounds №30-31 are dated to the second half (end) of the IV-III centuries BC. At the same time, mound №30 was built later, since its embankment overlapped the object at №31.

Д.В. Кепин

*Национальный научно-природоведческий музей НАН Украины
г. Киев, Украина*

E-mail: dKepin@gmail.com

РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЕВЕДЕНИЯ И ПАМЯТНИКОВЕДЕНИЯ В УКРАИНЕ

Со второй половины XX ст. в разных странах разрабатываются и частично реализованы проекты по сохранению археологического наследия в условиях природного ландшафта. Получают развитие новые музейные комплексы такие как «археопарки» и «археодромы».

С 1990-х гг. в Украине активно развивается археологическая скансенология, что дает возможность популяризировать достижения археологии, музееведения и памятниковедения в деле сохранения памятников и использования их в экскурсионно-туристической сфере.

Успешному развитию этого направления способствует подготовка при высших учебных заведениях будущих специалистов в области музеологии и охраны памятников. Это дает возможность ставить вопрос о выделении музеологических школ, имеющие свои направления по исследованию структурных элементов этой науки.

Между учеными продолжаются дискуссии относительно критериев выделения научных школ. Традиционно эта проблема рассматривается в работах по истории философии, археологии, искусствоведению, литературоведению, другим историческим и естественнонаучным дисциплинам (Школы в науке...,1977; Палиєнко, 2009; Мельникова, 2004; Ясь, 2010; Oliva 2005; Oliva 2014; Oliva 2016; Sklenář 2008).

Вначале XXI ст. к этой проблеме обратились и музеологи, обращающие внимание на прямую зависимость «музеологической школы» и специального музееведческого образования (Научная школа...,2014; Шляхтина, Мастеница, 2016).

Цель статьи – рассмотреть научные школы на примере развития археологического музееведения и памятниковедения в Украине и, в частности, г. Киева.

Не обязательно одна музеологическая школа может иметь локальный характер, т.е. к ней могут принадлежать исследователи разных стран и работающих в разных институтах не только собственно «музеологического» характера. Также у основателя музеологической школы могут быть последователи и не обязательно официальное количество аспирантов.

Становление музеологических школ в государстве приходится на вторую половину XX–начало XXI ст.

Первой музеологической школой можно считать научную школу археолога и музееведа, доктора исторических наук, профессора Г.Г. Мезенцевой (1923–1997), кандидата исторических наук, профессора Ю.А. Омельченко (1937–2017), сформировавшейся в 1950-х гг. на кафедре археологии и музееведения исторического факультета Киевского государственного (ныне Национального) университета имени Тараса Шевченко (КНУ). Кафедра как археологическая была создана по инициативе ее первого заведующего археолога и памятниковеда, доктора исторических наук,

профессора, члена-корреспондента АН УССР Л.М. Славина (1906–1971). Первый в отечественной науке учебник по музееведению был подготовлен Г.Г. Мезенцевой (рис. 1) (Мезенцева, 1980) В 1987 г. на кафедре открылся Археологический музей (Самойленко, 2016; Черкаська, 2017).

Рис. 1. Профессор Г.Г. Мезенцева. Фото с сайта кафедры археологии и музееведения исторического факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Рис. 2. Профессор Ю.А. Омельченко. Фото середины 1970-х гг. Из личного архива автора статьи

Рис. 3. Академик И.Г. Пидопличко проводит экскурсию в ННПМ. Фото начала 1970-х гг. Из личного архива к.и.н. Г.С. Писаренко

Ученик и аспирант Г.Г. Мезенцевой Ю.А. Омельченко развил в своих работах теорию музеологии и обосновал музейную педагогику (рис. 2) (Омельченко, 1988; Омельченко, 1999а; Омельченко, 1999б; Омельченко, 1999в; Омельченко, 2003; Омельченко, Данилова, 1999). Аспирантка Ю.А. Омельченко, впоследствии доктор исторических наук Л.Д. Федорова углубила памятниковедческий аспект в исследованиях, что дало возможность предложить собственное видение памятниковедения как науки (Федорова, 2015а; Федорова, 2015б).

В концептуальном плане эта школа тяготеет к научной школе музеологии российского ученого, доктора исторических наук, профессора А.М. Разгона (1920–1989), сформировавшейся в 1950-х–1970-х гг. в Научно-исследовательском институте музееведения (г. Москва, РФ).

Можно выделить и академическую палеонтологическую музеологическую школу, сложившейся в 1960–1970-х гг. в Центральном научно-природоведческом музее АН УССР (теперь Национальный

научно-природоведческий музей НАН Украины (далее ННПМ НАНУ) (основан в 1966 г.) под руководством крупнейшего ученого, палеонтолога, зоолога, геолога, археолога, музейоведа, памятниковеда, организатора науки, академика АН УССР И.Г. Пидопличко (1905–1975) (рис. 3). Он является основателем отдела палеозоологии позвоночных (создан в 1947 г.) в Институте зоологии имени И.И. Шмальгаузена НАН Украины и Палеонтологического музея (открыт в 1968 г.), входящими с 1996 г. в структуру единого научно-экспозиционного и территориального комплекса ННПМ НАНУ. Под его руководством было защищено свыше 30 кандидатских и докторских диссертаций. Ученица исследователя, доктор биологических наук Е.Л. Короткевич (1929–1988) в 1976 г. возглавила в музее лабораторию музейоведения. В 1960-х гг. впервые в Украине И.Г. Пидопличко осуществил натурные реконструкции позднепалеолитических жилищ с Мезинского поселения (Коропский р-н, Черниговская обл.) и – Межиричского (Каневский р-н, Черкасская обл.). Они стали экспонатами Палеонтологического музея имени академика В.А. Топачевского (Пидопличко, 1969; Пидопличко, 1976; Крахмальна 2008-2009).

Рис. 4. Профессор И. Г. Шовкопляс. Фото 1981 г. Из личного архива Т.И. Шовкопляс

Рис. 5. Реконструкция способа растирания зерна. Трипольское поселение в ур. Рипница (г. Ржищев, Киевская обл.). Фото 2003 г. автора статьи

В 1960–1970-е гг. сформировалась музеологическо-памятниковедческая школа в Институте археологии АН УССР (теперь Институт археологии НАН Украины (ИА НАНУ) под руководством выдающегося археолога, историка, музеолога, памятниковеда, библиографа, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки и техники Украины И.Г. Шовкопляса (1921–1997) (рис. 4). Он организовал и стал первым заведующим Археологическим музеем ИА НАНУ, открывшегося 19 мая 1969 г. в составе Центрального научно-природоведческого музея НАН Украины (теперь как структурное подразделение на правах отдела в составе ИА НАНУ). Возглавлял музей в 1967–1973 гг. (Шовкопляс, 1970; Археологічний музей, 1971; Гладких, 2011; Кулаковська, 2011; Кулаковська, 2015; Шовкопляс, 2016).

Исследователь в 1960–1970-х гг. разработал концепцию музейфикации раскрытого участка позднепалеолитического поселения охотников на мамонтов в с. Добраничевка Яготинского района Киевской области. В 1977 г. открыт первый в Украине музей палеолита под открытым небом *in situ* «Добраничевская стоянка» (законсервированы остатки четвертого хозяйственно-бытового комплекса (ХБК), раскрытые в 1970 г. Третий ХБК, исследованный в 1969 г. перевезен в археологический отдел Переяслав-Хмельницкого музея народной архитектуры и быта. Натурная реконструкция жилища осуществлена И.Г. Шовкоплясом, М.И. Сикорским, М.И. Гладких (Шовкопляс, 1992). Ученик и аспирант И.Г. Шовкопляса и один из учеников И.Г. Пидопличко, в будущем доктор исторических наук, профессор М.И. Гладких (КНУ) продолжил работы по сохранению позднепалеолитических поселений Среднего Поднепровья (Гладких, 1972; Гладких, Корнієць, 1979; Гладких, Рижов, Суховий, 1997).

Рис. 6. Реконструкция гончарной печи с обжига трипольской керамики. На переднем плане – археолог-реставратор А.В. Шиянова (1948–2019). Фото 2003 г. автора статьи

Рис. 7. Реконструкция М.Ю. Видејко трипольского жилища (с. Триполье Обуховского р-на Киевской обл.). Фото 2007 г. автора статьи

Ученик М.И. Гладких и его аспирант, кандидат исторических наук, доц. П.С. Шидловский (КНУ) с 2010 г. возглавляет комплексную международную экспедицию по продолжению изучения Межиричского поселения. В 2016 г. проведен научно-практический полевой семинар, посвященный вопросам музеефикации памятника. На базе экспедиции в 2018 г. прошла летняя Международная археологическая школа (Самойленко, Шидловський, 2016; Shydlovskiy, Péan, Crépin, Tsvirkun, 2018). Также ученица и аспирантка М.И. Гладких, кандидат исторических наук, с.н.с. Л.А. Яковлева (ИА НАНУ) руководит международной комплексной экспедицией по продолжению исследований и сохранения Гонцовского позднелолитического поселения Гонцы (Лубенский р-н, Полтавская обл.) (Iakovleva, Djindjian, 2018).

Музейно-памятниковедческое направление также в то время сформировалось в Государственном историческом музее УССР во главе археолога, музеолога, памятниковеда, ведущего научного сотрудника, заслуженного работника культуры Украины, жены И.Г. Шовкопляса, А.М. Шовкопляс (1920–2001) (Шовкопляс, 2008).

Среди общественных организаций, вносящих свой вклад в дело сохранения и популяризацию культурного наследия, занимает Украинское общество охраны памятников истории и культуры

(УООПИК), созданное по решению Совета Министров УССР в 1966 г. В каждой области были созданы организации УООПИК, а также Киевскую и Севастопольскую городские на правах обласных. Его инициаторами стали известные ученые, творческая интеллигенция, общественные деятели, в частности: П.Т. Тронько, М.Ю. Брайчевский, Д.Я. Телегин, К.К. Гуслистый, В.Г. Заболотный, О.Т. Гончар, М.Ф. Рыльский, М.П. Бажан, П.Г. Тычина, И. Лэ, И.М. Гончар, В.И. Касиян. Первым Председателем УООПИК стал академик АН УССР П.Т. Тронько (1915–2011) (возглавлял с 1967 по 1989 гг.). В 1989–2016 гг. Общество возглавлял академик НАН Украины, директор Института археологии НАН Украины П.П. Толочко (Заремба, 1998). С 2016 г. Общество возглавляет кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Украины М.И. Бурьянова.

Важнейшей вехой в деятельности УООПИК стало строительство в 1969 г. Музея народной архитектуры и быта Украины (ныне Национальный музей народной архитектуры и быта Украины Министерства культуры, молодежи и спорта Украины) (НМНАБУ) в с. Пирогово недалеко Киева. Первая очередь экспозиции открыта в 1976 г. (Прибега, 2009).

В решении вопросов сохранения археологического наследия существенный вклад сделала секция памятников археологии Общества, возглавляемая д.и.н., проф. Д. Я. Телегиным (1919–2011). По инициативе ученого при Обществе в 1990 г. создана постояннодействующая экспедиция «Часи козацькі» («Времена казацкие»), ставшая в следующем году основой Научно-исследовательского коллективного предприятия «Часи козацькі», а с 1992 г. Научно-исследовательского центра «Часи козацькі».

Еще одна академическая музееведческая школа оформилась в 1990-е гг. при Центре памятниковедения НАН Украины и Украинском обществе охраны памятников истории и культуры (создан в 1991 г.). Учреждение функционировало до февраля 2020 г. Сейчас находится в стадии реорганизации.

Первым директором стал кандидат исторических наук (с 1995 г. доктор исторических наук) С.З. Заремба (1947–2003), внесший свой вклад в теорию и историю отечественного памятниковедения. Он первым из украинских исследователей предложил рассматривать памятниковедение как научную дисциплину (Заремба, 1995).

С 2008 г. действовал Специализированный ученый совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности «26.00.05 – Музеезнавство. Пам'яткознавство» («Музееведение. Памятниковедение»). С 2008 г. по 2019 г. было выпущено 47 кандидатов наук. В 2019 г. прошли первые в стране одноразовые защиты докторских диссертаций по этой специальности. Направление археологической музеелогии и памятниковедения возглавлял директор учреждения (с 2003 г.), кандидат исторических наук, доктор философии, доцент, старший научный сотрудник, заслуженный работник культуры Украины Е.Н. Титова. Коллективом учреждения было подготовлено ряд индивидуальных и коллективных монографий с привлечением специалистов из других учреждений, а также первое учебное пособие в Украине по памятниковедению (Пам'яткознавство..., 2014; Основи пам'яткознавства..., 2017; Регіональні особливості... 2017).

Важнейшим этапом в разработку теории этой науки стала коллективная монография «Основи пам'яткознавства» (общ. ред. д.т.н., проф. Гриффена Л. А., к.и.н., доц. Титовой Е. Н.) (Киев, 2012). Эта книга является первой в Украине, рассматривающей комплексно теоретические и практические вопросы памятниковедения. Под памятниковедением здесь понимается «научная дисциплина, объектом которой выступает историко-культурное наследие; предмет – общественное функционирование исторических артефактов в качестве памятников истории и культуры, основное социальное назначение которых – содействие социализации индивида путем его «погружения» в прошлое через влияние акиологической информации, которую ее несет аутентичный артефакт в определенном историческом контексте» (Л. А. Гриффен). В свою очередь памятник рассматривается как «...унаследованный от прошлого объект (предмет), созданный человеком, или естественного происхождения, или представляет собой их общее творение, аутентичная материальная субстанция или форма которого представляет для общества историческую, научную, эстетическую, художественную или другую культурную ценность» (Л.В. Прибега) (Основи пам'яткознавства..., 2012).

Этот взгляд лег в основу книги Л.А. Гриффена, специально рассматривающей проблемы теории памятниковедения (Гриффен, 2012). В этом контексте исследователь рассматривает вещь как категорию памятниковедения. Детально рассмотрены критерии и принципы классификации памятников. Предложена классификация артефактов – потенциальных памятников истории и культуры, а именно: технические устройства и знаки. При этом ученый отмечает, что памятники истории и культуры не являются тождественными понятиями. Собственно, необходимо, различать

памятник культуры и памятник истории, хотя это не всегда возможно сделать при процедуре научного исследования. Различать эти памятники нужно в зависимости от того контекста, в котором исследователь их рассматривает. Классифицировать памятники можно по функциональным особенностям. Крупным планом рассмотрена специфика памятников техники.

Мы рассматриваем памятниковедение как междисциплинарную науку, занимающуюся исследованием памятникоохранного дела в историческом, теоретическом, техническом, правовом, экономическом аспектах. Объект исследования – недвижимые памятники природного и культурного наследия; предмет – памятниковедческая сущность объектов природного и культурного наследия.

Непосредственно вопросами музеефикации памятников археологии занимался Отдел культурного наследия (руководитель Е.Н. Титова).

Было выделено отдельное научное направление в музееведении и памятниковедении – археологическую скансенологию со своим объектом и предметом исследования. Объектом являются археологические «скансены» («археопарки») разных подтипов: *in situ* с музеефицированными памятниками; *in situ* с отсутствующими объектами музейного показа; археологические «диснейленды»-«археодромы»-«экспериментальные поселения»-«воображаемые музеи». Предмет–экспозиционное отображение (моделирование, реконструкция) археологического контекста *in situ* и в «воображаемых музеях».

Среди проектов по созданию таких комплексов остановимся подробнее на некоторых. В 2002 – 2003 гг. нами предложен свой вариант концепции создания «Археопарка-археодрома Рипница» (г. Ржищев Киевской обл.) (руководитель проекта к.и.н. М.Ю. Видейко (ИА НАНУ) (сейчас д.и.н., с.н.с. М.Ю. Видейко возглавляет научно-исследовательскую лабораторию историко-философского факультета Киевского университета имени Б. Гринченко), а также Отделения Киевского областного археологического музея «История культуры Южной Киевщины». Открыт как Археологический 6 июля 2003 г. в г. Ржищеве. Предусматривалось создание археологической экспозиции *in situ* с демонстрацией двуслойного поселения (трипольская и черняховская культуры) Рипница 1 на окраинах города (исследования к.и.н. С.Н. Рыжова, д.и.н. Б. В. Магомедова, ИАНАНУ). Кроме «археопарка» с музеефицированной экспозицией в музейно-туристический комплекс должен был входить и «археодром», а также этноархеологическая экспозиция монографического типа с подвижными памятниками в соответствующем помещении. Также в структуре комплекса предусматривалась этноархеологическая лаборатория, где под руководством музейных педагогов, учащиеся и студенты смогли бы изучать древнее искусство, основы консервации, реставрации памятников древнего и традиционного быта. Подготовлена была и концепция этноархеологического театра с соответствующими сценариями, декорациями и реквизитом (; Кепін, 2005, с. 94–100).

Центр был организатором совместно с культурологическим Обществом «Коло-Ра» первого фольклорно-этнографического и археологического фестиваля «Ржищевский венок», посвященный 110-летию открытия Трипольской культуры, проходившем 5-7 июля 2003 г. на месте исследования памятника Рипница 1. Своеобразным театрализованным действием стала демонстрация «трипольской» одежды (реконструкция) (автор этнограф З.А. Васина). Таким образом, исследуемое поселение на некоторое время как бы преобразовалось на сценическую площадку. Посетители могли также ознакомиться и с реконструкциями – экспериментами древних технологий (рис. 5–6). Во время фестиваля кроме Археологического музея в центре города был открыт сквер Трипольской культуры (автор архитектор А. Игнащенко, заслуженный деятель искусств Украины, лауреат Национальной премии им. Т. Шевченко).

В с. Триполье Обуховского р-на Киевской обл. во дворе частного Археологического музея был открыт макет-реконструкция трипольского жилища, характерного для Среднего Поднепровья, выполненная М.Ю. Видейко (рис. 7).

Тогда же была подготовлена концепция «археодрома»-молодежного лагеря «Древние рыбаки Киевщины» как филиала Бориспольского краеведческого музея в с. Вишенки Бориспольского р-на на Киевщине, где в 1980–1990-е гг. Д.Я. Телегиным и Е.Н. Титовой исследовалось многослойное неолитическое поселение Вишенки 2.

В 2007 г. разработана научная концепция Археологического комплекса «Древнейшая «Древнейшая архитектура Украины» для НМНАБУ. Проектом предусматривается демонстрация типичных образцов – гипотетических реконструкций хозяйственно-бытовых комплексов каменного века и эпох энеолита – бронзы, исследованных в разных регионах. А в следующем году подготовлено концепцию «археодрома» «Древние рыбаки Черкащины» как отдела Черкасского краеведческого музея в районе исследований, проведенных Е.Н. Титовой в 1980 – 1990-х гг. неолитического поселения Староселье-Дижова (Городищенский р-н) (11; 12).

Среди последних проектов – создание музейного комплекса «Палеоэкология древнего человека» как составной части «археодрома» (научная концепция 1997 г. д.и.н., проф. М.И. Гладких, КНУ) в структуре Государственного историко-культурного заповедника «Трахтемиров» (создан в 1994 г.) (Каневский р-н, Черкасская обл.).

Из-за отсутствия финансирования рассмотренные проекты не реализованы.

Экспериментальная археология все больше становится неотъемлемой частью в деятельности музеев-заповедников. Проходят соответствующие мероприятия: семинары, фестивали, мастер-классы. Предложены проекты по созданию новых музеев.

В частности, под руководством археолога, кандидата исторических наук И.А. Готуна (ИА НАНУ) в Киево-Святошинском районе (с. Ходосовка) в 2003 г. разработана концепция создания Ходосовского археологического комплекса с соответствующей охраняемой археологической территорией, включающей памятники позднего мезолита – средневековья. Кроме музеефикации предусмотрено создание «экспериментального поселения» – «археодрома» с натурными реконструкциями ХБК. С 2005 г. проводится экспериментальное моделирование по воссозданию образа жизни, характерного для сляно-русского времени. При этом используются этнографические параллели по традиционному укладу населения Украинского Полесья XIX–XX ст. Уже сооружено жилище ранних славян – макет (реконструкция) в натуральную величину; ведутся работы по воссозданию усадьбы эпохи Киевской Руси, хозяйственных построек, проводятся эксперименты по исследованию древних ремесел и промыслов (деревообработка, гончарство, металлообработка, пчеловодство и т.д.). Конечной целью является создание для широкого круга посетителей постоянной экспозиции под открытым небом «Славяно-русское село» (Готун, Казимир, Коваль, Петраускас, 2011).

Археологи также предлагают подразделять музеи под открытым небом на варианты: музеи движимого типа – «скансены»; музеи *in situ*; музеи смешанного типа (Башкатов, Терпиловський, 2011; Готун, Казимир, Коваль, Петраускас, 2011). Существует и другая типология таких музеев. Они разделяются на два вида: общетематические и специализированные, репрезентирующие сельские занятия и технику; городские занятия и технические средства; техническую культуру (а – допроизводственные формы; б – производственные формы); отдельные виды деятельности (скотоводство, рыболовство, пчеловодство); археологические и смешанные археолого-этнографические экспонаты (Петраускас, Петраусене, Коваль, 2013).

В Херсонской обл. предложено создание «археопарка» с проведением работ по сохранению объектов II ст. до н.э. – II ст. н.э. Разработан проект музеефикации Консуловского городища I ст. до н.э. и его включения в экскурсионно-туристический маршрут (Никоненко, 2018).

На базе Нежинского краеведческого музея им. И.Г. Спасского при методическом руководстве Нежинского государственного университета им. Н. Гоголя в 2016 г. организован Центр экспериментальной археологии (Кедун, Прудько, 2017).

Важное значение в вопросах сохранения археологического наследия Украины сыграл I Всеукраинский археологический съезд, проходивший 23-25 ноября 2018 г. также в Нежине (I Всеукраїнський археологічний з'їзд...2018; Кедун, Манігда, 2019).

Историко-культурологическое и музейно-педагогическое направления исследований музеологии развивается на кафедре музееведения и памятниковедения (создана в 1992 г. как кафедра «Музеезнавство» («Музееведение») факультета социокультурной деятельности Киевского национального университета культуры и искусств (кафедру возглавляет археолог и памятниковед, доктор исторических наук, доцент С.Ж. Пустовалов). Музейно-педагогическое направление возглавляет кандидат педагогических наук, профессор Ю.Н. Ключко. В 2005 г. при кафедре открыт Музей-лаборатория по экспертизе ценностей. Сотрудники кафедры с привлечением специалистов из других учреждений подготовили соответствующее учебное пособие (Вступ до музеезнавства і пам'яткознавства...2019).

Теоретические исследования музеологии проводит также археолог, музеолог и культуролог О.В. Бондарец на кафедре культурологии (создана в 1992 г.) факультета социокультурной деятельности Национального университета «Киево-Могилянская академия». При кафедре с 2001 г. действует Музей истории культуры.

Таким образом, успешному развитию программ по сохранению и популяризации археологического наследия будут способствовать интегрированные междисциплинарные исследования, в частности на стыке музеологии и памятниковедения, а также расширение сферы подготовки соответствующих специалистов в высших учебных заведениях страны.

Целесообразным является создание Центра по музеефикации археологического наследия, занимающимся вопросами сохранения и экспонирования памятников в условиях природного ландшафта.

Литература

- Археологічний музей / Відп. ред. доктор історичних наук І.Г. Шовкопляс. – Київ: Наукова думка, 1971. – 108 с.
- Башкатов Ю.Ю., Терпиловський Р.В. До історії скансенів у Європі // Археологія і давня історія України. – Київ, 2011. – Вип. 5. Археологія від джерел до реконструкцій. – С. 7–16.
- Відейко М.Ю., Трачук О.В. Додаток 1. Науково-просвітницький історико-археологічний комплекс біля с. Уляники Кагарлицького району Київської області // Відейко М. Ю. Давні поселення України. Альбом археологічних джерел та реконструкцій. – Київ: ІА НАН України; Об'єднання громадян «Товариство КОЛО-РА», 2000. – Частина 1. – С. 89–97.
- Вступ до музеєзнавства і пам'яткознавства: навч. посіб. / За наук. ред. О.М. Гончарової, С. Ж. Пустовалова. – Київ: Вид-во Ліра-К, 2019. – 490 с.
- Гладких М.І. Пізньопалеолітичні житла, методи їх консервації та експонування // Археологія. – 1972. – № 6. – С. 106–107.
- Гладких М.І., Корнієць Н.Л. Нова споруда з кісток мамонта в Межиріччі // Вісник Академії наук УРСР. – 1979. – № 9. – С. 50–54.
- Гладких М.І., Рижов С.М., Суховий М.О. Експозиційне використання забудованої території Трахтемирівського заповідника // Пам'ятки та визначні місця Шевченківського краю. Проблеми охорони та дослідження. Тези доповідей науково-практичної конференції, 27-28 травня 1997 р., м. Канів – Київ. – Канів. – Київ: УТОПК, 1997. – С. 33–35.
- Гладких М. Найвизначніший дослідник палеоліту (до 100-річчя з дня народження Івана Підоплічка) // Українознавство. Календар-щорічник 2005. – Київ: Українська Видавнича Спілка, 2004. – С. 198–200.
- Гладких М.І. Учителі та учні // Кам'яна доба України. – Київ: Шлях, 2007. – Вип. 10. – С. 263–267.
- Готун І.А., Казимір О.М., Коваль О.А., Петраускас А.В., Петраускене А.О. Музеї під відкритим небом та експозиційні можливості експедиційних баз експериментальної археології // Експериментальна археологія: завдання, методи. Моделювання. Збірка наукових праць. – Київ: Вид-во Ліра-К; М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. – С. 2–92.
- Грифен Л.А. Теоретические основания памятниковедения. – К.: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК, 2012. – 84 [2] с.
- Заремба С.З. Українське пам'яткознавство: історія, теорія, сучасність. – Київ: Логос, 1995. – 448 с.
- Заремба С. Українське товариство охорони пам'яток історії та культури. – Київ: Логос, 1998. – 244 с.
- Кедун І.С., Прудько В.О. Археологічні експерименти на базі Центру експериментальної археології НКМ ім. І.Г. Спаського та НДУ ім. М. Гоголя // Сіверщина в історії України / ред. колегія: О.Д. Савицький (голова) [та ін.]. – Глухів–Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК, 2017. – Вип. 10. – С. 67–70.
- Кедун І., Манігда О. І Всеукраїнський археологічний з'їзд у Ніжині // Археологія. – 2019. – № 1. – С. 148–149.
- Кепін Д. Музеефікація об'єктів археологічної спадщини в Європі: на прикладі пам'яток первісної культури. – Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК, 2005. – 176 с.
- Крахмальна Т.В. Здійснена мрія академіка І.Г. Підоплічка (до 40-річчя відкриття діючої експозиції Палеонтологічного музею) // Вісник Національного науково-природничого музею. – 2008-2009. – № 6-7. – С. 245–257.
- Кулаковська Л.В. Три долі Івана Шовкопляса // Кам'яна доба України. Київ: Шлях, 2011. – Вип. 14. – С. 9–14.
- Кулаковська Л.В. Археологічний музей // Інститут археології Національної академії наук України. 1918 – 2014 / Гол. ред. П.П. Толочко. Київ: ВД «АДЕФ – Україна», 2015. – С. 203–212.
- Мезенцева Г.Г. Музеєзнавство (на матеріалах музеїв Української РСР). – Київ: Вища ред. школа, 1980. – 120 с.
- Мельникова О.М. Научные школы в археологии: авт. ...д-ра ист. наук: 07.00.06 / Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск, 2004. – 56 с.
- Научная школа в области музееведения «Теория и практика музейного дела» / Руководители научной школы: доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и музееведения Беспалая Мария аркадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и музееведения Гужаловский Александр Александрович. Минск: БГУКИ, 2014. – 33 с.
- Никоненко Д.Д. Городища Нижнього Подніпров'я як об'єкти музеефікації та охорони культурної спадщини автор. ...канд. іст. наук: 26.00.05 / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК, 2018. – 20 с.
- Омельченко Ю.А. Розвиток учбових музеїв. – Київ: НМК ВО, 1988. – 196 с.
- Омельченко Ю.А. Духовність в контексті музейництва: історія, теорія та практика // Уряду України, Президенту, законодавчій, виконавчій владі. Духовність як основа консолідації суспільства. Аналітичні розробки, пропозиції наукових та практичних працівників. Міжвідомчий науковий збірник. Київ: Науково-дослідний інститут «Проблеми людини», 1999. – Т. 15. – С. 422–436.

- Омельченко Ю.А. Перша підсистема музейництва (теоретичні засади, витоки, формування) // *Культурологічні студії*: Зб. наук. пр. – Вип. 2.– Київ: Вид. дім “КМ Academia”, 1999. – С. 288–311.
- Омельченко Ю.А. Формування вітчизняної культурної спадщини // *Vita Antiqua*. – 2003. – № 5. – С. 219–230.
- Омельченко Ю.А., Данилова Л.О. Друга підсистема музейництва (історія, теорія, практика) // *Vita Antiqua*. – 1999. – № 2. – С. 251–257.
- Основи пам'яткознавства / Під заг. ред.: Гриффена Л. О., Титової О. М.; кол. авт.: Гаврилюк О. Н., Гаврилюк С.В., Горбик В. О. [та ін.]: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК. – Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2012. – 380 с.
- Основи пам'яткознавства / наукові редактори Леонід Гриффен, Олена Титова. – Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 636 с.
- Палієнко Л.О. Київська наукова школа тематичного та комплексного атласного картографання (1950–1980). – Київ: Сталь, 2009. – 180 с.
- Пам'яткознавство: посібник для початківців / Укл.: Л.О. Гриффен, О.М. Титова. – Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2014. – 212 с.
- І Всеукраїнський археологічний з'їзд: Програма роботи та анотації доповідей (Ніжин, 23-25 листопада 2018 р.) / Гол. ред. Чабай Віктор Петрович, член-кореспондент НАН України, директор Інституту археології НАН України. – Київ: ІА НАНУ, 2018. – 196 с.
- Петраускас А.В., Петраусене А.О., Коваль О.А. Створення музею-скансену «Древлянський Град» // *Археологія і давня історія України*. – Київ: Ін-т археології НАН України, 2013. – Вип. 10. Експериментальна археологія: досвід моделювання об'єктів та виробництв. – С. 124–132.
- Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. – Киев: Наукова думка, 1969. – 164 с.
- Пидопличко И.Г. Межиричские жилища из костей мамонта. – Киев: Наукова думка, 1976. – 239 с.
- Прибега Л. До історії створення архітектурної експозиції Музею народної архітектури та побуту України // *Відлуння віків*. – 2009. – № 1 (11). – С. 14–18.
- Регіональні особливості нерухомих пам'яток України [Монографія] / кол. авт.: Бичковська Г. М., Гаврилюк О. Н., Гаврилюк С. В. [та ін.]; під заг. ред. Л.О. Гриффена, О.М. Титової. – Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2017. – 276 с.
- Самойленко Л. Освіта в музеї й музейна освіта в історії Київського університету // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія*. – 2016. – № 4 (131). – С. 53–62.
- Самойленко Л., Шидловський П. Межирицька стоянка: яке майбутнє в нашого минулого? // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія*. – 2016. – № 4 (131). – С. 62–69.
- Титова О.М., Кепін Д.В. Музеї просто неба на Київщині // *Відпочивайте в селах Київщини. Путівник-довідник. Присвячується 110-й річниці відкриття Трипільської культури на Київщині*. – К., 2003. – С.145–155.
- Титова О. М., Кепін Д.В. Експонування найдавніших архітектурних пам'яток Середньої Наддніпрянщини // *Речеваславica. Наукові записки Нац. історико-етнографічного заповідника «Переяслав»*: зб. наук. ст. Вип. 20 (4) / Нац. історико-етнографічний заповідник «Переяслав»; Переяславський нац. педагогічний ун-т ім. Г. Сковороди; редкол. Сікорський М. І. [та ін.]. – Київ, 2008. – С. 288–293.
- Титова О. М. Діяльність Центру пам'яткознавства НАН України і УТОПІК у 1991 – 2011 роках // *Треті Зарембівські читання: Матеріали Третіх Всеукраїнських Зарембівських наукових читань «Українське пам'яткознавство: сучасні проблеми та тенденції», присвячених 20-річчю Центру пам'яткознавства НАН України і УТОПІК (м. Київ, 23 травня 2011 р.)*: Зб. наук. пр.: Титова О. М. (гол. ред.). – Київ: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК, 2011. – С. 3–10.
- Черкаська Д.В. Наукова та педагогічна діяльність археолога Л.М. Славіна: авт. дис. ...канд. іст. наук: 07.00.01 / Київський ун-т імені Бориса Грінченка, 2017. – 18 с.
- Федорова Л.Д. Нерухомі об'єкти культурної спадщини: понятійно-категоріальний аспект, класифікація // *Культурна спадщина в контексті «Зводу пам'яток історії та культури України»* / Кот С.І. (відповідальний редактор), Денисенко Г.Г., Івакін Г.Ю., Катаріна Т.І., Ковпаненко Н.Г., Скрипник П.І., Тимофієнко В.І., Титова О.М., Федорова Л.Д. – Київ: Ін-т історії України, 2015а. – С. 165–187.
- Федорова Л.Д. Пам'ятки історії у загальній системі культурної спадщини // *Культурна спадщина в контексті «Зводу пам'яток історії та культури України»* / Кот С.І. (відповідальний редактор), Денисенко Г.Г., Івакін Г.Ю., Катаріна Т.І., Ковпаненко Н.Г., Скрипник П.І., Тимофієнко В.І., Титова О.М., Федорова Л.Д. – Київ: Ін-т історії України, 2015б. – С. 188–207.
- Школи в науці / Под ред. С. Р. Микулинського, М. Г. Ярошевського, Г. Крєбера, Г. Штейнера. – М.: Наука, 1977. – 524 с.
- Шляхтина Л.М., Мастеница Е.Н. Становление научной школы кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного университета культуры // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал*. – 2016. – № 3(28). – С. 116–120.
- Шовкопляс І.Г. Археологічний музей академії наук УРСР // *Вісник АН УРСР*. – 1970. – № 7, липень. – С. 60–68.
- Шовкопляс І.Г. Добраничевская позднепалеолитическая стоянка на Украине: исследование, экспонирование // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. – 1992. – Вып. 206. – М. – С. 85–90.

Шовкопляс Т.І. Шовкопляс Ганна Михайлівна // Українська біографістика. – Київ, 2008. – Вип. 4. – С. 492–493.

Шовкопляс Т.І. Іван Шовкопляс: сторінки життя // Українська біографістика. – Київ, 2016. – Вип. 13. С. 75–80.

Ясь О.В. Накові напрями, школи, течії, гуртки // Енциклопедія історії України / гол. ред. В.А. Смолій: У 10 т. – Київ: Наукова думка, 2003–2013: Т. 7. Мл–О. 2010. С. 214–221.

Iakovleva L., Djindjian F. The mammoth bone dwellings of the Upper Palaeolithic settlement of Ginty (Ukraine: a First Synthesis) // Археологія. – 2018. – № 4. – С. 86–94.

Oliva M. Paleolithic and Mesolithic Moravia. – Brno: Moravské Zemské Muszum, 2005. – 129 p.

Oliva M. Dolní Věstonice I (1922 – 1942). Hans Freising – Karel Absolon – Assien Bohmers. – Brno: Moravské Zemské Muszum, 2014. – 246 s.

Oliva M. Encyklopedie Paleolitu a Mezolitu Českých Zemí. – Brno: Moravské Zemské Muszum, 2016. – 343 s.

Shydlovskiy P., Péan S., Crépin L., Tsvirkun O. Investigating a Prehistoric mammoth bone dwelling: from field and lab research to education // Quaternary Perspectives. The INQUA newsletter. – November 2018 – Issue No 25 (2). – P.18–19.

Sklenář K. Dějiny výzkumu starší a střední doby kamenné (Paleolitu a mezolitu) v Českých zemích // Acta Musei Nationalis Pragae. Series A – Historia. Ročník 62. – 2008. – Č. 2–4. – 113 s.

D.V. Kepin

THE DEVELOPMENT OF MUSOLOGY AND MONUMENTOLOGY IN UKRAINE

The article examined on the selection criteria of the concept of "Scientific School". The concept of "Scientific School" in the context of Museology and Monumentology (second half XX–beginning XXI century) was analysed. In Ukrainian mark out three schools: the school of Professor G. G. Mezentseva – Professor Yu. A. Omelchenko at the Department of Archaeology and Museology of historical Faculty of Kyiv National University named Taras Shevchenko (formatted in 1950 – 1970's years); academy Palaeontological school of Academician I.G. Pidoplichko (National Museum of Natural History at the National Academy of Sciences of Ukraine); academy school of Museology and Monumentology Professor I.G. Shovkoplyas–Professor M.I. Gladkich (Institute of Archaeology at the National Academy of Sciences of Ukraine – Department of Archaeology and Museology of historical Faculty of Kyiv National University named Taras Shevchenko); PhD (Science in History), Associate Professor O. M. Tytova – Doctor of technical sciences, Professor L. O. Griffen in Centre of Monumentology at the National Academy of Sciences of Ukraine and Ukrainian Society of Protection of the Historical and Cultural Monuments (Kyiv) (was formatted in 1990's years).

Museological trends are considered (National Museum of Ukrainian History, Kyiv National University of Culture and Arts, National University "Kyiv-Mohyla Academy").

The state of Archaeological Scansenology is also considered.

А.Б. Калыш

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: kalyshamanzhol@gmail.com

КАРАКАЛПАКИ КАЗАХСТАНА ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА

К рассматриваемому нами хронологическому периоду, относящемуся к середине 20-х годов XX столетия численность каракалпакского народа, находившегося в составе Казахстана, была максимальной. Впоследствии эти демографические показатели в нашей республике снизились в десятки раз. Данный фактор объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, в дореволюционный период каракалпаки, не имевшие своей государственности, находились в как в составе Хивинского ханства, так и Аму-Дарьинского отдела Туркестанского генерал-губернаторства Российской колониальной империи. После февральской революции и октябрьского переворота 1917 года, кровопролитной гражданской войны 1918-1920 годов, нахождения в составе Ходжейлинского и Коньратского округов с преобладающим каракалпакско-казахским населением Хорезмской Народной Советской Республики (с апреля 1920 года) и Аму-Дарьинской области Туркестанской АССР (с декабря 1920 года), входившей в Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику (РСФСР), затем, последовавшей в результате национально-государственного размежевания Средней Азии в конце 1924 года появилась возможность де-юре образовать Каракалпакскую автономную область. Во-вторых, с учетом близости этнических, культурных и

конфессиональных факторов, а также совместного проживания компактного каракалпакско-казахского населения (численность казахов доходила в них до 1/3 всех жителей), Советская тоталитарная власть в мае 1925 года включила эту автономную область в состав Казахской АССР. В действительности, эти действия И.В. Сталин осуществил в обмен на то, чтобы отторгнуть из состава КазАССР исконные казахские земли, т.е. территорию Оренбургской губернии, а также Ташлинской и Илекской волостей Уральской губернии; часть волостей, районов и округов Кустанайской и Актюбинской губерний, равно как и ранее ему и большевикам удалось осуществить аналогичные действия в отношении территории Омского уезда бывшей Акмолинской области (Кокшаров, Тихонова, 2012, с. 34-35, 38, 78, 93-94, 105-106). Каракалпакстан находился в составе нашей республики вплоть до 1930 года. Впоследствии, в 1930 году его территория была передана РСФСР, а потом в 1936 году после принятия новой Конституции СССР уже в статусе автономной республики – Узбекской ССР (СУ РСФСР, 1925, с. 411-412; СУ РСФСР, 1930, с. 585; Кокшаров, Тихонова, 2012, с. 17-40; Агдарбеков, 1990, с. 140-152).

Таким образом, указанные нами выше объективные факторы – этнополитические, административно-территориальные и пр. напрямую отразились на результатах и материалах второй Всесоюзной переписи населения СССР 1926 года. Статистические органы Казахстана подготовили и провели этот перепись населения по состоянию на 17 декабря того же года, которая, как и первая перепись населения 1920 года, проводилась методом опроса в городах и в сельской местности, которым в основном занимался отдел демографии КазЦСУ. План подготовки и проведение Всесоюзной переписи населения в Казахстане в его самом общем виде был готов уже в январе 1925 года. Перепись проходила в тяжелых условиях суровой зимы 1926-1927 годов. Завершить перепись в городах и поселениях городского типа предполагалось к 25 декабря 1926 года, в сельских местностях для русского и прочего оседлого населения – к 3 января 1927 года, для казахского кочевого населения – к 18 января 1927 года, за исключением казахского населения отдельных местностей, в которых перепись должна была закончиться к 15 февраля 1927 года. Практически перепись была завершена в указанные сроки (Гали, Калыш, Каражанов, 1998, с. 27-28).

По переписи населения 1926 года в современных границах Казахстана проживало более 6 198, 4 тыс. человек, из них: 58,5% казахов, 20,6% русских, 13,9% украинцев, 2,1% узбеков, 1,9% каракалпаков, 1,3% татар, 1,0% уйгуров, 0,8% немцев, 0,6% корейцев, 0,4% белорусов и пр. населения (с. 16-19). Численный рост большинства основных этносов Казахской АССР происходило по четырем основным каналам: 1) положительное сальдо миграции в результате превышения притока населения над оттоком с середины 1920-х годов; 2) естественный прирост, превышения рождаемости над смертностью; 3) расширение фактических административно-территориальных границ республики после образования автономной республики, а затем национально-территориального размежевания Средней Азии, когда в состав Казахской АССР вошли находившиеся до этого в составе Туркестанской республики казахские районы Сырдарьинской и Жетысуйской областей; 4) ассимиляционные и консолидационные процессы.

Таблица 1. Численность каракалпаков по переписи населения 1926 г. (Всесоюзная перепись населения, 1928, с. 143-150)

Губернии	всего		в том числе			
	абс.	абс.	село		город	
			абс.	%	абс.	%
Казахстан	118 184	100,0	114 118	100,0	4 066	100,0
Акмолинская	119	0,1	119	0,1	119	0,1
Актюбинская	45	0,04	44	0,04	44	0,04
Жетысуйская	240	0,2	238	0,2	238	0,2
Семипалатинская	3	0,003	3	0,003	3	0,003
Сырдарьинская	505	0,4	495	0,4	495	0,4
Уральская	1 147	1,0	1 145	1,0	1 145	1,0
Каракалпак-я АО	116 125	98,3	112 074	98,2	112 074	98,2

В шести губерниях Казахстана, а также в Каракалпакской автономной области, насчитывалось 118 184 каракалпаков, в том числе 114 118 (96,6%) сельских и 4 066 (3,4%) городских (см. таблицу 1).

При этом подавляющее большинство из них населяли свою исконную территорию – 116 125 (98,3%). Последующие места занимали их соотечественники в Уральской губернии – 1 147 человек (1,0%), Сырдарьинской – 505 человек (0,4%), Жетысуйской – 240 человек (0,2%) и Акмолинской – 119 человек (0,1%). Замыкают эти показатели каракалпаки Актюбинской и Семипалатинской губерний, а в Костанайском округе и в Адаевском уезде они даже не попали в перепись. Однако, мы полагаем, что в последнем трансграничном с Каракалпакстаном уезде, населенном преимущественно казахами-адайцами и, частично, табынцами, проживали каракалпаки, которые издавна были ассимилированы

местным коренным населением. Во-первых, на этот процесс оказали влияние национально-смешанные браки, второе поколение которых в своем большинстве выбирали казахскую национальность; во-вторых, женщины в таких смешанных браках считались казашками. Они достаточно просматриваются в генеалогиях (шежіре) указанных казахских родоплеменных групп (Қалыш, 2013, с. 48-52; Қалыш, 2016). Аналогичные тенденции были характерны и для других родственных казахам тюркоязычных этнических меньшинств, включая узбеков, кыргызов, туркменов и пр. (Қалыш, Раймбекова, 2016, с. 17-39; Қалыш А.Б. Бекесова, 2017, с. 194-196).

Данная традиция сохранялась и в последующие десятилетия, на которую значительное влияние оказали устойчивость и близость этнической, культурной и религиозной идентичности, выработанной на протяжении многих столетиями, равно как и фактор давних традиционных взаимоотношений в казахско-каракалпакском приграничье (Шалекенов, 1966; Қалшабаева, 2011; Төлеубаева, 2012).

Другой особенностью данной переписи населения является абсолютное преобладание во всех губерниях сельского населения, нежели городского.

Теперь, перейдем к анализу численности и расселения исследуемого нами этноса в разрезе губерний, уездов, округов и сельских волостей.

Наиболее компактное расселение каракалпаков в своей автономной области было характерно для Чимбайского округа – 98 159 человек (84,5%), показатели 8 его волостей выглядели следующим образом: Чимбайской – 31 003 чел. (26,7%), Кокузекской – 14 907 чел. (12,8%), Кегейлинской – 11 857 чел. (10,2%), Яныбазарской – 11 181 чел. (9,6%), Наупырской – 8 718 чел. (7,5%), Талдыкской – 8 414 чел. (7,2%), Нукусской – 3 718 чел. (3,2%), Даукаринской – 228 чел. (0,2%) и г. Чимбая – 2 778 чел. (2,0%) (Всесоюзная перепись населения, 1928, с. 150).

Менее представлены были их соотечественники в Турткульском, Кунградском и Ходжейлинском округах. Так, в Турткульском округе с 7 483 каракалпакским населением (6,4%) лишь в трех из 8-ми волостей численность этого этноса превышала тысяча человек: Шейхабаз-валийской (1 808), Шураханской (1 293) и Турткульской (1 253), а в остальных пяти – Каракалпакской, Сарыбийской, Минбулакской, Бийбазарской и Тамдынской – намного меньше. В Кунградском округе с двумя городами – Кунградом (493 чел.) и Муйнаком (246 чел.) числилось 6 990 каракалпаков (6,0%), наиболее заселенными были Шургульская (4 852 чел.) и Мынжорганская (1 012 чел.) волости, а в Халыбьякской и Муйнакской волостях их было сравнительно мало. В Ходжейлинском округе, насчитывавшем 5 094 представителей исследуемого этноса (4,4%), выделяется Яныкалинская волость (3 084 чел.), в то время как в Ходжейлинской, Кипчакской, Ктайской волостях их было незначительно (Всесоюзная перепись населения, 1928, с. 150).

Если перейти к чисто казахстанским губерниям, то более половины каракалпаков были зафиксированы переписью населения 1926 года в Уральской губернии и 99,9% из них занимали территорию Букеевского уезда, в том числе 896 человек – Таловскую волость и 243 человек – Жаныбекскую волость (Всесоюзная перепись населения, 1928, с. 144).

Подводя итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года отметим, что по своему удельному весу каракалпаки занимали пятое место среди основного населения Казахстана, уступая лишь казахам, русским, украинцам и узбекам. При этом, они отличались компактным расселением на своей исконной этнической территории, представляя преимущественно сельское население, вызванное превалированием аграрного сектора экономики. Вместе с тем, в Западном и Южном Казахстане было достаточное количество представителей данного этноса, издавна считавших себя казахами, живущих с ними в соседстве, занимавшихся кочевым скотоводством или оседло-земледельческим хозяйством. Другие из них были потомками туленгутов, состоявших на службе казахских ханов и султанов, которые рекрутировались из числа бывших военнопленных калмыков, кыргызов, туркмен, башкир и пр. Они достаточно прослеживаются в списках казахских кочевых аулов и волостей, собранных в многотомном издании дореволюционных «Материалов по киргизскому землепользованию», осуществленной Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия Российской колониальной империи. Впоследствии в материалах Всесоюзных переписей населения 1939, 1959 годов численность и расселение казахстанских каракалпаков практически не представлена в силу их малочисленности. Ситуация изменилась после распада бывшего СССР и в условиях независимого развития Казахстана появилось достаточно статистических материалов, которые всесторонне отражены в данных двух Национальных переписей населения Республики Казахстан 1999 и 2009 годов.

Литература

- Агдарбеков Т.А. Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане (1920-1936 гг.). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. – 184 с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том VIII. Казакская АССР. Киргизская АССР. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. – 256 с.
- Гали А.Б., Калыш А.Б., Каражанов К.С. История переписей населения и этнодемографические процессы в Казахстане / Под ред. Ж.А. Кулекеева. – Алматы: Агентство РК по статистике, 1998. – 87 с.
- Калыш А.Б., Раймбекова М.Т. Кыргызы Казахстана (историко-этнографическое исследование). – Астана: ТОО «InDesign studio», 2016. – 224 с.
- Калыш А.Б., Бекесова А.Т. Туркмены дореволюционного Казахстана // Хабаршы-Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». – 2017. – № 3 (54). – С. 193-199.
- Кокшаров В.А., Тихонова Е.В. Юго-восточная граница России: исторический путь к согласию. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2012. – 259 с.
- Қалшабаева Б. Орталық Азия қазақтары (тарихи-этнографиялық зерттеу). – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 406 б.
- Қалыш А.Б. Ата жолы. – Алматы: «Арыс» баспасы, 2013. – 208 б.
- Қалыш А.Б., Жетпісбай Н.Б., Әнеш С.М. Табын. Шежіре: 3 томдық. III том. Шөмішті (Бозым): Тоқсық (Үсен). Қарақойлы. Алматы: «Қазақ университеті» баспасы, 2016. – 430 б.
- Об утверждении разделения Туркестанской Автономной Социалистической Советской Республики: Постановление XII Всероссийского съезда Советов от 11.05.1925 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). – М., 1925. – № 31. Ст. 222. – С. 411-412.
- «О выделении Каракалпакской Автономной области в существующих границах из состава Казахской АССР с непосредственным подчинением ее центральным органам РСФСР»: Постановление Президиума ВЦИК от 20 июля 1930 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР). – 1930. – № 48. – С. 585.
- Төлеубаева К.М. Қазақтар мен Орталық Азия халықтарының отбасылық салт-дәстүрлері (салыстырмалы). – Алматы: «Елтаным» баспасы, 2012. – 432 б.
- Шалекенов У.Х. *Казахи низовьев Амударьи*: К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII - XX вв. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1966. – 334 с.

A. Kalysh

KARAKALPAKS OF KAZAKHSTAN BY MATERIAL ACCORDING TO THE ALL-UNION POPULATION CENSUS OF 1926

The report analyzes the size, specific gravity and population of the Karakalpak ethnic group of the republic based on the materials of the 1926 All-Union Population Census. They are disclosed in the context of the whole of Kazakhstan, including its provinces, counties, districts and volosts and volosts. The history of the entry of the Karakalpak Autonomous Region into the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic, the origins and factors of the demographic state of the Karakalpaks, close to the indigenous Kazakh population in terms of ethno-cultural parameters that have centuries-old historical roots, are shown.

А.А. Нуржанов

*Институт археологии им. А.Х. Маргулана
Казахский национальный университет им. аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан
E-mail: arnabai@mail.ru*

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРКЕСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (ТАЭ)

Туркестанская археологическая экспедиция (ТАЭ) была создана в мае 1996 г. на основании «Договора о сотрудничестве», заключенным между Музеем-заповедником «Азрет Султан» и Институтом археологии МН-АН Республики Казахстан. Изначально согласованной программой работ ТАЭ предусматривалось проведение археологических исследований по трем основным направлениям:

1. Историческая топография, материальная культура, структура культурных слоев городища Туркестан и его предшественника – городища Культобе;
2. Историческая топография материальная культура, структура культурных слоев опорных памятников Туркестанского оазиса, таких как Шойтобе, Сауран и пр. и всего оазиса в целом;

3. Археологический надзор за реставрационными работами в охранной зоне мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави, которые вела турецкая фирма «Вакиф Иншаат».

В результате целенаправленных систематических исследований был получен новый массив топографических и стратиграфических материалов, позволивший выявить основные периоды и этапы развития городища Ески Туркестан и пересмотреть прежнюю интерпретацию его исторической топографии (Смагулов, 1994, с. 168-171).

Однако основной задачей работ ТАЭ на начальном этапе была разработка региональной хронологической колонки развития городской культуры, опирающейся на надежную стратиграфию памятников. С этой целью были проведены стратиграфические исследования на городищах Туркестан, Сауран, Сидак, Шойтобе и целом ряде других памятников.

Городище Ески Туркестан (XIV-XIX вв.) является крупнейшим из объектов «туркестанского археологического комплекса». Оно представляет собой возвышенность под-прямоугольных очертаний высотой 5-6 м и площадью более 36 га. По периметру городище было обведено крепостными стенами и рвом, питавшимся двумя небольшими речушками, от которых теперь местами остались лишь овраги. Уже в конце XVII-XVIII вв. большая часть стен была в руинах, а ров распался на заболоченные участки. За пределами стен имелась развитая сельскохозяйственная округа. Это был типичный средневековый город Центральной Азии и его топографические детали еще в 50-х годах прошлого века хорошо читались на местности. Он традиционно делился на четыре административные части, управляемые «аксакалами». Особый статус имела пятая часть – участок, окружающий мавзолей-ханаку Ходжа Ахмеда Ясави. Описания города этого времени сохранились в ряде источников XVIII-XIX вв. В архиве первой российской академической экспедиции, отправленной Петром I для исследования Сибири, даже сохранилась план-схема города Туркестан с печатью хана Тауке (Массон, 1930, С. 19).

Время начала сплошной застройки этой территории теперь можно с достаточной уверенностью датировать концом XIV – первой пол. XV вв. Об этом свидетельствуют данные стратиграфического раскопа в центре западной части городища. С выявленной здесь стратиграфией перекликается стратиграфия участков, прилегающих к зданию ханаки. Модно полагать, что в этих границах город благополучно доживает вплоть до начала XIX века (Смагулов, 2000, с.3-17).

Раскопки последних лет показали, что проведение археологических исследований некрополя древнего Туркестана, после многочисленных земляных работ по «благоустройству» территории вокруг ханаки Ходжи Ахмеда Ясави, осуществленных в 50-70 годах, сопряжено с большими трудностями, как с выявлением архитектурных памятников, так и с сохранностью.

В результате многолетних археологических исследований городища и некрополя средневекового Туркестана накоплен значительный археологический материал. Но попыток его обобщения не предпринималось. История г.Туркестан освещается, в основном, по данным письменных источников. Обобщение археологического материала, использование его в исторических исследованиях даст возможность полнее представить историю жизни и культуры этого древнего города Казахстана.

Шербай – некрополь эпохи бронзы г.Туркестан. За время активных археологических исследований в Южном Казахстане, т.е. примерно с начала второй половины прошлого века были открыты и частично исследованы редкие памятники эпохи зарождения и начальных стадий развития человеческого общества – палеолита и неолита. Но только с эпохи бронзы следы присутствия человеческих общин становятся массовыми. Пока в окрестностях г.Туркестан от этой древней эпохи найдены и исследованы лишь памятники в виде могильников. Наиболее масштабно ТАЭ исследован могильник Шербай, расположенный в 4 км юго-восточнее мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави. Полученные материалы показали, что он относится к хронологическому пласту памятников федоровской культуры андроновской историко-культурной общности.

Памятники андроновского типа давно известны в Средней Азии, и тем более, в южных регионах Казахстана. В 1957-1959 гг. в урочище Таутары на северных предгорьях Каратау в районе средневекового городища Баба-Ата сотрудниками ЮКАЭ был раскопан могильник «федоровского этапа андроновской культуры» (Максимова, 1962, с. 37-56). В это время ЮКАЭ были проведены целенаправленные поиски памятников эпохи бронзы в предгорных, горных и долинных районах Каратау. Но помимо могильника Таутары других значительных памятников здесь найдено не было. Исследователи тогда пришли к выводу, что некрополи андроновской культуры в условиях Южного Казахстана могли иметь «другие (отличные от Сары-Арки) наземные признаки (насыпи) или были грунтовыми» (Максимова, 1974, с.101).

Материалы, полученные ТАЭ в 2000 г., также показывают, что данное заключение небезосновательно. Погребальные сооружения могильника Шербай, обнаруженного при случайных

обстоятельствах, не имеют современной дневной поверхности обычных поисковых признаков, характерных для этого вида памятников.

Могильник находится в 4 км к югу от г.Туркестан, в 2 км юго-западнее городища Шойтобе. Располагается он на остатках дюны, сложенной песчаной супесью коричнево-красного цвета. Цвет песка свидетельствует о том, что аккумуляция дюны связана, вероятнее всего, с активными денудационными процессами в Кызыл-Кумах, имевшими место в конце неолитической эпохи. Наличие разновременных погребений свидетельствует о том, что эта дюна как доминирующее возвышение в топографии данной местности служила местом захоронений с древнейших времен и до наших дней. На северном конце дюны до сих пор находится современное кладбище. Но самые ранние погребения появились тут в эпоху бронзы примерно три с половиной тысячи лет назад. Они располагались группами в количестве 2-3-5, вытянутыми в широтном направлении или вдоль гребня дюны. Расстояние между могилами внутри групп составляет от 2 до 10 м. Расстояние между выявленными группами – 20-25 м. Материалы Шербая находят близкое подобие в инвентаре памятников Федоровской культуры андроновской культурно-исторической общности, распространенных от Южного Урала и Западной Сибири до Северного Афганистана и Восточного Туркестана. С этим же кругом памятников Центральной Азии связаны и характерные комплексы бронзовых украшений.

Таким образом, открытый и частично исследованный ТАЭ в районе г.Туркестан могильник в своей основе относится к федоровской культуре андроновской историко-культурной общности эпохи бронзы. Обряд погребения, погребальные сооружения, вещевые комплексы позволяют обнаружить аналогии вплоть до тождества с широким кругом памятников эпохи бронзы степной полосы Казахстана. В среднеазиатских регионах от Хорезма до Ферганы, андроновские племена, вступая в разнообразные формы взаимодействия с аборигенами, порождали различные формы микшированных культур или их присутствие маркировалось распространением находок степной керамики в синхронных слоях древнеземледельческих поселений и городов. В комплексе Шербай обращает на себя внимание наличие нехарактерных для андроновских могильников катакомбных погребений и присутствие в них несвойственной гончарной светлоглиняной керамики (Дмитриев, 2017, с.139-143).

Шой-Тобе. По данным арабских средневековых письменных источников столицей округа, расположенного между Оттаром и Саураном, называется город Шавгар. При его локализации обычно приводят сведения географа X века Аль-Истахри, который писал: «...от Кадара (главный город округа Фараб) до Шавагара день пути. От Шавагара до Сабрана легкий дневной переход» (Агеева, Пацевич, 1958, с.94). Опираясь на подобные сведения академик Бартольд, основоположник среднеазиатской медиевистики, поместил город Шавгар «приблизительно» на место современного города Туркестан. При этом он отметил, что «...к сожалению, не найдено каких-либо остатков этого поселения» (Бартольд, 1965, с.92). Первые сплошные археологические обследования Туркестанского региона позволили более конкретно локализовать Шавгар письменных источников. В пяти км к юго-востоку от городища Туркестан было обнаружено городище Шой-Тобе. Ряд топографических признаков и отсутствие на поверхности памятника находок, датируемых XIII-XIV вв. дали основание отождествить городище Шой-Тобе с остатками исторического города Шавгар. И если до того локализация древней «столицы» местного оазиса вызывала сомнения, то А.Н.Бернштам вполне обоснованно и конкретно определил Шавгар на городище Шойтобе, расположенном в 5 км к юго-востоку от мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави (Бернштам, 1950, с.81). Городище Шой-Тобе неоднократно обследовалось археологическими экспедициями: в 1947 г. – Южно-Казахстанской археологической экспедицией (ЮКАЭ); в 1986 г. – Экспедицией Свода памятников Академии наук Казахской ССР. В 1990 г. на цитадели городища были начаты археологические исследования под руководством Л.Б.Ерзаковича. В результате этих работ удалось расчистить участок застройки цитадели по уровню второго, лучше сохранившегося, строительного горизонта (вскрыто около 20 помещений). Получены данные об интерьере жилищ, собрана коллекция бытовой керамики, датированной на основе сравнительного анализа VII-VIII вв. После некоторого перерыва после работ Новостроечной экспедиции исследования на Шой-Тобе в 1996-1997 гг. продолжил один из отрядов ТАЭ. Основной задачей полевых работ ТАЭ на городище в 1996-1997 гг. являлось осуществление стратиграфических исследований на цитадели и шахристане. С этой целью на цитадели был заложен стратиграфический раскоп/разрез длиной в 15 м и шириной 4 м. В сезоне 1996 г. удалось углубиться лишь на два яруса и зафиксировать остатки самого верхнего из сохранившихся строительного горизонта.

В настоящее время городище Шой-Тобе представляет собой двухъярусный бугор неправильной овальной формы, вытянутый длинной осью с запада на восток, размерами 360×275 м. Нижняя

площадка охватывает основной холм/цитадель городища с востока, севера и запада. Более плотная застройка наблюдается на восточной части, здесь ее высота составляет 3-3,5 м, площадь – 170×150 м.

Примерно с середины южной стороны возвышенности шахристана поднимается мощный бугор цитадели городища. Он также вытянут с запада на восток и в основании имеет площадь 180×90 м, высотой до 12 м. Город имел несколько въездов. Наиболее вероятны ворота в шахристан с северной, южной и западной сторон. С северной и северо-восточной стороны к стенам шахристана примыкают возвышенные участки неправильной формы со следами застройки. Обследование окрестностей Шой-Тобе и анализ крупномасштабных аэрофотоснимков местности показал, что городище расположено между широкими саями, вероятно, руслами древних рек, имевших некогда постоянное течение. В настоящее время эти низины являются местом стока талых вод.

Новый Сауран. Археологическое изучение Саурана началось более ста лет назад. О нем упоминается в сочинениях П.И.Лерха (Лерх, 1870, с.14, 21, 31), в путевых заметках П.И.Пашино (Пашино, 1868, с.59-60), в отчетах А.П.Федченко (Федченко, 1950, с. 46). Все они пишут о хорошей сохранности городища, его стен, о развалинах медресе. Первые археологические исследования были проведены в конце 40-х годов XX в. Южно-Казахстанской археологической экспедицией. Дешифровка аэрофотоснимков городища вкупе с анализом топопланов и визуальными наблюдениями дает возможность охарактеризовать развалины города следующим образом. Городище Сауран представляет собой овальную в плане площадку, окруженную стеной оплывшие участки, которой сохранились высотой от 3 до 6 м. Оно вытянуто с северо-востока на юго-запад на 800 м и с северо-запада на юго-восток на 500 м. От въезда в северо-восточном участке внутрь города ведет центральная магистральная улица, имеющая местами ширину до 10 м. От нее формируется городская уличная сеть, ныне достаточно четко прослеживаемая по ложбинам между возвышенными (до 1,5-2 м) холмами жилых массивов или отдельных фундаментальных построек.

Водоснабжение город и орошение пригородных садов осуществлялось при помощи кяризов. Остатки кяризов были замечены ТАЭ при визуальном осмотре городища с самолета, а затем отмечены на аэрофотоснимках. На снимках кяризы выглядят цепочками кружков, концы которых находились, а северной окраине пригорода Саурана, занятого усадебной застройкой, и в районе городища Миртобе. Согласно сведениям Васифи, кяризы были подарены городу крупнейшим представителем местного духовенства Мир-Арабом. Над истоком кяриза была построена крепость. Скорее всего, она соответствует городищу Миртобе, в названии которого – Мыр Мир – сохранилось имя Мир_Араба. Расстояние от «крепости над головой кяриза» до современного Саурана, указанное Васифи в один фарсах, довольно точно соответствует современным 7-8- километрам между Саураном и Миртобе.

Долгое время наличие кяризов в окрестностях Саурана оставалось достаточно экзотическим явлением в истории средневековой ирригации Казахстана, а строительство столь сложных гидротехнических сооружений эпизодическим фактом. От специалистов в ходе археологических работ в самом г.Туркестан и на памятниках его округи в 80-90 годах прошлого века, а также от местного населения поступала информация о кяризах, существовавших в окрестностях г.Туркестан. В 2002 году ТАЭ были найдены и осмотрены еще три местонахождения цепочек кяризных вертикальных колодцев на территории между Саураном и Туркестаном. Последующие разведывательные обследования местности в районе городища Сауран открыли еще десятки цепочек кяризных колодцев, что позволяет переосмыслить масштабы и степень распространенности кяризной системы орошения в регионе. Во всяком случае, строительство Мир-Арабом сауранских кяризов теперь не выглядит столь уникальным и необычным явлением.

Раскопанный и подъемный материал, собранный на развалинах городища Сауран за 1978, 1999 гг. (320 экз.), монеты из стратиграфического шурфа и мечети, найденные в 1999 г. (11 экз.), а также монеты за 2004 г. (54 экз.) в комплексе с сауранскими монетами, обнаруженными на других памятниках региона в разные годы и на территории Узбекистана, свидетельствует о широких торговых связях Саурана с городами центрального Мавераннахра – Самаркандом и Бухарой в XV в. и с центрами Присырдарьинского региона – Отраром, Туркестаном и Ташкентом в XVI-XVII вв (Туякбаев, 2002, с.144). Подтверждается мысль о том, что городская и междугородная торговля в XV в. осуществлялась посредством среднеазиатских тимуридских медных монет, которые имели широкий ареал обращения от Отрара и других центров на Средней Сырдарье до Южного Таджикистана включительно.

В рамках государственной программы «Культурное наследие Республики Казахстан (2004-2006)» были начаты ширококомасштабные раскопки общественных сооружений из обожженного кирпича на центральной площади города. Оказалось, что под слоем поздних завалов достаточно хорошо сохранились остатки этих построек. Выявлены вымощенные кирпичом полы помещений и внутренних дворов, сохранившаяся местами на высоту до 1,2 м. кладка стен, многочисленные облицовочные

материалы – глазурованные и фигурные кирпичики внешнего декоративного убранства и интерьера помещений.

Таким образом археологические материалы вместе с письменными и нумизматическими источниками позволяют полнее раскрыть динамику развития средневекового города, выявляя истоки его сложения, топографию, застройку, фортификацию, быт и культуру граждан.

Каратобе - старый Сауран. Как показали современные историко-топографические и археологические исследования, средневековый Сауран представлен двумя разновременными городищами – Каратобе и собственно Сауран. Если местонахождение Саурана XIII-XVIII вв. не вызывает сомнений и ему соответствует городище Сауран, то локализация домонгольского города точно не устанавливалась. Дело в том, что на городище Сауран нет слоев с материалами ранее XII в., и не существовало до XVIII в. Так, Е.И.Агеева и Г.И.Пацевич предлагали искать ранний Сауран на левом берегу Сырдарьи (Агеева, Пацевич, 1958, с.107-110). К.М.Байпаков отождествлял домонгольский Сауран с городищем Майрам-тобе, обосновывая свое предположение хронологией городища, имеющего слой первых веков – XIII в. н.э., и своеобразной топографией (Байпаков, 1986, с. 27). Лишь тщательные обследования городищ сауранской округи позволили убедительно ответить на вопрос о местонахождении домонгольского Саурана, в 3 км южнее нового Саурана, городище Каратобе.

В последние годы в рамках госпрограммы «Культурное наследие» Институтом археологии им.Маргулана развернуты широкомасштабные обследования Саурана. Основным объектом исследования стал раскоп в юго-восточном углу цитадели городища. В ходе планомерных работ получены массовые материалы, характеризующие различные стороны городской культуры, сделаны показательные стратиграфические наблюдения по археологически малоисследованному периоду.

Как показали исследования ТАЭ, верхний рубеж интенсивной городской жизни на Каратобе – XIII в. Топографию памятника можно описать как три, ограниченных крепостными стенами, пространства, почти строго концентрически вписанных друг в друга.

Контур наружных стен описывает почти правильный круг диаметром 1900-2000 м с ломаным периметром стен. Она охватывает площадь примерно в 3-3,5 м² и имела общую протяженность около трех километров. Предполагается, что изломанный контур служил для придания стене повышенных фортификационных свойств. Внутренний город был ограничен стеной длиной в 2200 м, ограничивающей почти правильный квадрат. Овальную цитадель в центре квадрата охватывала стена протяженностью около 1000 м. Отсюда следует, что по своим масштабам для предмонгольского времени старый Сауран был действительно одним из крупнейших городских центров на юге Казахстана и по своим основным параметрам вполне сопоставим с древним Отраром (Сенигова, 1972, с. 117).

Следуя из топографии памятника, Каратобе можно охарактеризовать как город саманидского и караханидского времени, времени наивысшего расцвета городской жизни на юге Казахстана, всплеска роста городов и вообще оседлой культуры в регионе. В слоях XII-XIII вв. имеется коллекция ювелирных изделий, деталей наременной гарнитуры, бытовой керамической посуды, изделий из кости, свинцовых пломб, монет, пуговиц и прочих артефактов.

Таким образом, полученные массовые материалы послужат надежной источниковедческой базой для рассмотрения проблем возникновения и развития городской культуры как интегральной части культуры средневекового Казахстана.

Сидак. Городище Сидак расположено в 20 км к северо-западу от средневекового Туркестана. Топографически городище относится к типу так называемых «тобе с площадкой». Общая площадь основного холма городища, имеющая подчетыреугольные в плане очертания с округлыми углами, составляет 340×180 м. Длинной осью ориентировано по направлению СВ_ЮЗ. Средняя высота площадки 7-9 м. В центральной части выделяется мощный холм цитадели общей высотой около 12 м.

Это городище известно в археологической литературе со времен работ ЮКАЭ под руководством А.Н.Бернштама. Здесь был собран подъемный материал и снят план. Подводя итог работ 1947 г., А.Н.Бернштам отметил необычную архаичность материалов, полученных при поверхностном осмотре памятника. Ряд признаков, присутствующих на керамике, «говорит о чрезвычайной архаичности материала Садыката», о принадлежности этого городища к концу 1 тысячелетия до н.э. и первым векам н.э. (Бернштам, 1950, с.82).

В 1998 году ТАЭ были начаты два стратиграфических шурфа на цитадели городища и на северной площадке. Стратиграфические раскопы не были доведены тогда до материка, но они показали, что культурный слой состоит, как минимум, из двух достаточно хорошо сохранившихся строительных горизонтов. Полученный в целом единообразный керамический материал из нижних ярусов раскопов

по ряду характерных признаков находит аналогии в материалах, происходящих из слоев пер. пол. I тысячелетия н.э. ряда южноказахстанских памятников и городищ Ташкентского оазиса (Байпаков, Подушкин, 1989, с. 160). Все это, а также своеобразие топографии памятника позволяло рассчитывать на то, что широкомасштабные вскрытия архитектурных остатков цитадели, хотя бы по верхнему строительному горизонту могут дать интересный, а возможно, уникальный материал по раннему периоду урбанизации края.

В 2002 г. Туркестанская археологическая экспедиция возобновила работы на городище Сидак.

Результаты археологических работ трех последних десятилетий внесли много нового в историю оседлых поселений и городов юга Казахстана. Одними из сложных вопросов истории в средние века были и остаются вопросы генезиса городов. Последние археологические материалы позволяют по-новому ставить эти вопросы. Они говорят о том, что оседлые поселения и города южных районов Казахстана являются продуктами развития производительных сил местного общества. Особенностью дальнейшего развития городской культуры является тесное взаимодействие, с одной стороны земледельцев и ремесленников - вчерашних кочевников, при определенных условиях и обстоятельствах всегда готовых перейти к кочевому образу жизни и с другой - кочевников-скотоводов, пополняющих ряды городских жителей.

Литература

Агеева Е.И., Пацевич В.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института Истории, Археологии и Этнографии АН КазССР, т.5, Алма-Ата, 1958. С.3-215

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI- начале XIII в. Алма-Ата, 1986. 255 с.

Байпаков К.М., Подушкин Н.П. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата. 1989. 169 с.

Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана / Сочинения, т. III, М., 1965. 713 с.

Бернштам А.Н. Проблемы истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР, № 67, серия археологическая, вып.2, 1950. С.59-99.

Дмитриев Е.А. Таутаринский тип (к вопросу о генезисе и хронологии) // Самарский научный вестник. 2017. Т.6, № 4 (21). С. 139-144.

Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб, 1870. 39 с.

Максимова А.Г. Гробницы типа науса у с.Чага //Вглубь веков. Алма-Ата, 1974. С.95-118.

Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-тары //ТИИИАЭ АН КазССР, т.14, «Археологические исследования на северных склонах Каратау», 1962. С.37-56.

Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент. – 1930. 23 с.

Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 г. Путевые заметки. СПб., 1868. 231 с.

Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972, 218 с.

Смагулов Е.А. Городище Культобе // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы. - 1994. 178 с.

Смагулов Е.А. Обзор стратиграфических данных и наблюдений по топографии средневекового Туркестана // Известия МОН РК, НАН РК, сер. Общ-ых наук. 2000, № 1. С. 9-17.

Туякбаев М. Позднесредневековые города Туркестанского оазиса // Археологические исследования в Казахстане. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-14». Шымкент-Алматы. 2002. С.142-145.

Федченко А.П. Путешествия в Туркестан. М.: Географгиз, 1950. 465 с.

A.A. Nurzhanov

RESEARCH ACTIVITIES OF THE TURKESTAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION (TAE)

The history of archaeological study of the region of Turkestan, like the history of research in any other region of Kazakhstan, has periods of activity, followed by periods of absolute calm. The specificity, against the historiographical background of the whole of Kazakhstan, was expressed only in the fact that during all periods the focus of attention of state cultural bodies and researchers (archaeologists, historians, and cultural scientists) was the mausoleum-khanaka Khoja Ahmed Yasawi - a unique monument of medieval architecture and decorative art. Nevertheless, by the end of the last century, the history of archaeological study of the region has accumulated a certain "information base" that clearly testified to the general features and patterns of cultural development in the region, and, at the same time, their originality and specificity. These data turned out to be sufficient to substantiate the understanding of the Turkestan region as an important ancient and medieval oasis with a developed settled and urban culture for the history of Kazakhstan and the inclusion of the city itself, based on the results of scientific archaeological research, in the galaxy of the ancient cities of Central Asia.

И.В. Мерц¹, В.К. Мерц², С.А. Шакенов³

^{1,2} Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
г. Павлодар, Казахстан

E-mail: barnaulkz@mail.ru; v_mertz@mail.ru

³ Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан

E-mail: samatakrit@gmail.com

МОГИЛЬНИК САПА – ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТАРБАГАТАЕ (первые результаты исследований)*

Одной из основных проблем в изучении раннего бронзового века Восточного Казахстана является малочисленность исследованных погребальных памятников. В результате целенаправленных работ в регионе был выявлен ряд новых некрополей, часть из которых относится к алкабекской группе памятников, а часть – к афанасьевской культуре (Мерц, Ковалев, Мерц, 2017, с. 55). Особый интерес представляют памятники афанасьевской культуры, до недавнего времени представленные в регионе только двумя могильниками – Черновая 2 и Айнабулак-Темирсу, горными выработками Каршига и Карагоини, а также случайными находками (Оразбаев, 1989; Мерц, 2014; Толеубаев и др., 2018). В 2019 году на могильнике Сапа в Жанааульском сельском округе Тарбагатайского района было исследовано первое в Тарбагатае афанасьевское погребение. Памятник был открыт в 2016 г., в результате археологической разведки, проводимой экспедицией ПГУ им. С. Торайгырова в рамках реализации проекта «Ранний бронзовый век левобережья Казахстанского Прииртышья» № 0044/ГФ4 на территории Тарбагатайского района, и получил название Жанааул 3. В последующем было установлено, что близлежащая ферма называется Сапа, поэтому такое название необходимо закрепить и за памятником.

Могильник расположен в 3 км к югу от с. Жанааул, и в 0,5 км к северу от зимовки Сапа. Разновременное погребальное поле находится на первой и второй надпойменной террасе правого берега р. Терсайрык, и ограничено с востока склонами сопки, занимает территорию длиной 1,3 км и шириной 0,23 км. Оно состоит из четырех курганных групп. В третьей группе, среди разновременных сооружений, выделяется не менее десяти округлых оград диаметром 10-15 м из поставленных на ребро плит. Внутри они заполнены ровным слоем камней. В южном секторе некоторых оград фиксируются небольшие округлые пристройки. Все объекты расположены вдоль изгиба края террасы, у подножья сопки, и концентрируются в отдельные группы, расстояние между которыми может достигать 50 и более метров. Для исследования была выбрана группа из расположенных в ряд четырех сооружений, три из которых находятся на расстоянии 1 м друг от друга, а четвертый стоит на удалении 9 м. С востока к оградкам примыкают, частично их перекрывающие, круглые каменные курганы. С севера расположена квадратная ограда с массивными камнями по углам и каменной насыпью в центре, перекрытая с востока плоским курганом (рис. 1, 1). В целом на памятнике часто наблюдаются факты прямой стратиграфии разновременных сооружений. Первым исследованным объектом стало, раскопанное в 2018 г., погребальное сооружение тюркского времени.

В 2019 г. для изучения было выбрано северное, в ряду каменных оград, сооружение с боковой пристройкой, получившее порядковый № 2. Общая площадь восьмиугольного раскопа составила 134 м². Продольные и поперечные бровки были направлены на северо-запад и юго-восток, что обусловлено необходимостью включения трех однотипных объектов под один общий разрез (рис. 1, 1-2). Расчистка каменной конструкции ограды проводилась вручную, при помощи лопат и мелких инструментов (шпателей, совков, мастерков и щеток).

Ограда № 2 представляла собой сильно задернованное, возвышавшееся над дневной поверхностью на 0,2-0,5 м сооружение, покрытое зеленым лишайником. Она имеет округлую, несколько вытянутую с севера на юг, относительно запада и востока, форму, диаметром 11x10,4 м. Ограда сооружена из вертикально поставленных крупных, уплощенных камней, размером от 0,6 до 1 м. С внешней стороны их подпирали крупные камни. На южной оконечности сооружения находилась, сложенная из крупных

* Работа выполнена при финансовой поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований на 2018–2020 гг.» № AP05133498 «Ранний бронзовый век Верхнего Прииртышья».

камней, округлая пристройка размером 2,15-1,9 м. С южной стороны пространство между оградой № 2 и соседним сооружением заполнено небольшими камнями (рис. 1, 2-3). При расчистке насыпи, между камнями были обнаружены кости мелко и крупнорогатого скота, отдельные фрагменты сосуда без орнамента, а также каменные орудия из галек.

Внутреннее пространство ограды заполнено плотно подогнанными друг к другу камнями, уложенными в три слоя на высоту 0,4-0,5 м от древней дневной поверхности. Для возведения сооружения в основном использовались гранитные блоки, мелкая крошка от которых заполнила пространство между камнями верхнего слоя. Речная галька встречается реже. Необходимо отметить, что грунт, заполнявший пространство между камнями нижних слоев, представлен светло-желтым лесом. В местах, где они были изъяты, видимо, для возведения объектов более позднего времени, фиксировались прослойки темно-коричневой супеси. Южная пристройка была менее плотно заполнена камнями. Разбор насыпи ограды осуществлялся частично, только вдоль бровок, для фиксации стратиграфии и конструктивных особенностей сооружения. В результате, в северной части ограды, на древней дневной поверхности, был зафиксирован прокол округлой формы, размером 0,5x0,4 м. Вполне возможно, что под остальной насыпью, в пределах конструкции, могут располагаться подобные объекты. Дальнейшее исследование насыпи будет продолжено в новом полевом сезоне.

Рис. 1. Могильник Сапа: 1 – Общий вид на скопление разновременных погребальных сооружений; 2 – Ограда № 2 после расчистки конструкции; 3 – Ограда № 2 и южная пристройка после расчистки, вид с юга; 4 – Могильное пятно № 1, камни перекрытия и детский череп, вид с юго-востока.

В центральной части ограды была зафиксирована округлая могильная яма размером 1,7x1,45 м, вытянутая по линии север-юг. Она выделялась на желто-коричневой лёссовой поверхности темным оттенком, а также уходящими вниз камнями. После демонтажа бровок, в северной части ямы был обнаружен, поставленный на основание, череп ребенка 3-4 лет, без нижней челюсти¹, на расстоянии 0,6 м от него находились единичные длинные кости. Череп был частично раздавлен камнями. Лицевыми костями он был обращен на восток. К северу от черепа, у края ямы, находилось сажистое пятно размером 0,26x0,17 м (рис. 1, 4). После расчистки камней, заполнявших верхнюю часть ямы, появились две крупные плиты, уходящие под углом 45° на глубину 0,7 м от древней дневной поверхности. Их размер составлял 1,6x0,8x0,2 м и 0,8x0,5x0,2 м. Восточный сектор могильной ямы был

¹ Все половозрастные определения выполнены к.и.н., с.н.с. сектора физической антропологии ТюмНЦ СО РАН К.Н. Солодовниковым.

заполнен крупными камнями. После их демонтажа, в западной части могилы, до самого дна, попадались камни размером до 0,4x0,3 м. В восточной части были обнаружены две ключицы и шейные позвонки человека. Ко дну могильная яма сужалась до размера 1,6x1 м, в материк она была углублена на 1,4 м.

Рис. 2. Могильник Сапа: 1 – Могила № 1, общий вид; 2 – скопление озры, металлических изделий и положение скелета № 3; 3 – керамический сосуд; 4 – Южная пристройка с могильным пятном № 2; 5 – Могила № 2, общий вид.

На дне ямы находился скелет женщины 20-25 лет (№ 1), лежавший на спине, с вытянутыми вдоль туловища костями рук. В результате проникновения был нарушен анатомический порядок правой верхней части скелета: сдвинута и вывернута плечевая кость, лопатка, верхние ребра и шейные

позвонки, а также нижняя челюсть, рядом были обнаружены несколько зубов из верхней челюсти. Череп отсутствовал. Находка нижней челюсти, вместе с зубами верхней челюсти, указывает на то, что он был изъят целенаправленно, после разложения связок. Кости ног находились в согнутом положении и направлены коленями влево. Фаланги пальцев упирались вплотную к краю ямы, изгибаясь по ее склону. Справа от костей правой кисти находился скелет новорожденного ребенка возрастом 0±2 месяца (№ 2). От него сохранились кости черепа, единичные зубы и фаланги пальцев (рис. 2, 1). Между тазовой и локтевой костями находилось скопление красной охры подпрямоугольной формы размером 0,05х0,04 м. Слева к нему примыкали в темно-коричневом органическом тлене металлический конусовидный предмет со сквозным отверстием, напоминающий вток, и четыре массивных кольца-перстня диаметром 2,3-2,7 см. Одно из них имеет поперечные и продольные запилы на верхней части, у двух по периметру находятся невыделенные «шишечки», одно кольцо простое и не имеет декоративного оформления. Слева, частично на плечевой кости женщины, лежал на спине с согнутыми влево ногами скелет новорожденного ребенка, возрастом 0-3 месяцев (№ 3) (рис. 2, 2). Слева от костей ног, на боку, лежал керамический горшок, ориентированный длинной осью по линии запад-восток. Емкость имеет низкий венчик, округлое дно, орнаментальная композиция представлена ромбовидными фигурами, покрывающими всю поверхность, поля ромбов заполнены наколами (рис. 2, 3). Все погребенные были покрыты охрой и лежали на подстилке бурого цвета.

В южной пристройке, после ее зачистки, на древней дневной поверхности было обнаружено темное пятно подпрямоугольной формы размером 0,65х0,4 м (рис. 2, 4). После выборки темного заполнения, яма приобрела неправильные черты, появилась материковая галька на глубине 0,25 м. После углубления по всей пристройке, в ее центре, на глубине 0,34 м, был обнаружен керамический горшок с низким венчиком и округлым дном. Орнаментальная композиция представлена вертикальными лентами, образованными наколами лопаточки. К северу от сосуда находился скелет ребенка, ориентированный головой на запад и уложенный, по-видимому, на спине, с подогнутыми влево ногами. Все кости, как и дно могильной ямы, были покрыты красной охрой. К югу от горшка находился астрагал мелкого рогатого скота, также окрашенный охрой (рис. 2, 5). Дно могилы было зафиксировано на глубине 0,53 м., необходимо отметить, что в обеих могильных ямах фиксировались скелеты землеройных животных. Видимо, этим фактором обусловлено перемещение некоторых костей и неровная поверхность дна могилы № 2.

Культурная принадлежность могильника Сапа определяется как афанасьевская. Ближайшим к нему памятником афанасьевской культуры является, расположенный в 50 км к северо-востоку, на северных склонах хребта Саур, могильник Айнабулак-Темирсу. Однако там погребальные сооружения представлены курганами, сложенными из галек, а керамика и металлокомплекс отличаются (Толеубаев, Жуматаев, Шакенов, 2017, с. 612-613). Между тем, топография всех этих памятников схожа с афанасьевскими некрополями Горного Алтая, располагавшимися на первой надпойменной террасе, у подножия гор, где они группируются в цепочки по 3-9 объектов, параллельно реке (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 311).

Наибольшее сходство надмогильная конструкция ограды № 2 Сапы проявляет с оградой 1 могильника Нижний Темечин-1 в Горном Алтае (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 15.-4) и оградой Кургак Гови в Западной Монголии. Главным отличием монгольского сооружения является использование для перекрытия могилы деревянной конструкции и небольших каменных плит (Ковалев, 2010, с. 92).

Зафиксированное положение умерших на спине, головой на запад, с вытянутыми руками и с направленными влево согнутыми ногами является типичным для афанасьевской культуры Горного Алтая. Факты нарушения погребений там встречаются в 30%. Исследователи допускают, что существовало целенаправленное расчленение погребенных. Между тем, отсутствие черепа достаточно редкое явление, в Горном Алтае известно всего в 10 случаях, на Енисее еще реже – курган у с. Восточное. При этом имело место практика перезахоронения отделенной головы на 15-30 см выше предназначенного места (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 317-318, 296, 298). В последующей окуневской культуре изъятие черепов без нижней челюсти явление также очень редкое, отмечаемое в 1 % погребений (Лазаретов, Морозов, Поляков, 2018, с. 56).

Керамические горшки из погребений и насыпи ограды № 2 Сапы имеют низкий венчик, плавно переходящий к тулову, а затем –к округлому дну. По форме они близки к сосудам из кургана М 22 могильника Ай-Тухан I уезда Каба, волости Каньэрцзы и уезда Цитай в Синьцзяне. Орнаментальная композиция в виде ромбической сетки, покрывающей всю поверхность сосуда, также больше распространена в Синьцзяне – М 22 могильника Ай-Тухан I, из музея Алтай, Кэрмуци (Ковалев, 2019, рис. 2.-1; 6.-2). На Енисее и в Горном Алтае она встречается как мотив, украшающий отдельную часть

сосуда (венчик, тулово) достаточно редко – Ело-1, ограда 4, могила 1, Афанасьева Гора, Итколь - II, курган 27, могила 27, Малые Копены II могила 8, (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 8.-10; 77.-7; 121. - 7; 158. - 9). Горшку из южной пристройки с композицией из вертикальных лент прямые аналогии не известны. Сосуды без орнамента встречаются редко в Горном Алтае – Нижний Тюмечин - 1, Сальдяр - 1 ограда 17, Моисеиха, курган 11 и др. (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 15.- 11; 25. - 9; 124. - 9).

Металлокомплекс Сапы отличается своеобразием. Конусовидное изделие не имеет аналогий в известных афанасьевских комплексах. Прямые аналогии находит только простое кольцо, идентичное изделию из афанасьевской ограды 9 могильника Первый Межлик - 1 в Горном Алтае и раннеокуневского кургана 1 могильника Уйбат-Чарков в Хакасско-Минусинской котловине (Поляков, Лазаретов, 2018, рис. 6.-17). Остальные три изделия с невыделенными «шишечками» и продольными пропилами не имеют прямых аналогий. Схожие кольца из камня и кости с одним и четырьмя «шишечками» известны из ограды 12 Первого Межлик-1, и кургана 3 Бертека-33. Перстень с продольными проточками, как и с «шишечками», имеется в кургане 1 Уйбат-Чарков (Поляков, Лазаретов, 2018, рис. 6.-18-22).

Приведенные аналогии позволяют достаточно точно соотнести ограду № 2 могильника Сапа с памятниками афанасьевской общности. Однако на данный момент нет надежных оснований для выделения в ее развитии отдельных этапов (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, с. 336), что затрудняет датировку памятника. Согласно уточненной радиоуглеродной хронологии, время существования «афанасьевцев» в Горном Алтае определяется в пределах 31-30 вв. до н.э., а на Енисее – 29-25 вв. до н.э. (Поляков, Святко, Степанова, 2019, с. 186). Не противоречит этой хронологии, полученная из ограды № 2 Сапы по кости женщины AMS, дата, датирующая ее 30-28 вв. до н.э. Ориентируясь на серию дат из схожей по конструкции ограды Кургак Говь в Монгольском Алтае в пределах 29-26 вв. до н.э. (Ковалев, 2010, с. 100), вполне возможно допустить, что по мере накопления источников произойдет расширение хронологии существования «афанасьевцев» в Тарбагатае.

Таким образом, в 2019 году был получен новый археологический материал, который впервые для Северного Тарбагатае определил топографию, внешний облик, хронологию погребальных комплексов раннего этапа раннего бронзового века. Дальнейшие целенаправленные исследования позволят уточнить локальную специфику афанасьевских памятников региона в рамках афанасьевской культурно-исторической общности.

Литература

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: Азбука, 2014. 380 с.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Афанасьевско-чемурчекская курганная группа КургакГови (ХуурайГовь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 91–108.

Ковалев А.А. Распространение афанасьевской культуры на территории Синьцзяна: хронологические рамки и типологические особенности // Феномен культур энеолита – раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 188–209.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 3 (23). С. 41–69.

Лазаретов И.П., Морозов С.В., Поляков А.В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 2018. С. 51–56.

Мерц И.В. Объекты горного дела афанасьевской культуры Восточного Казахстана // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. № 7. Т. 13. С. 52–60.

Мерц И.В., Мерц В.К., Ковалев А.А. Новые памятники эпохи бронзы Тарбагатайского района Восточно-Казахстанской области (результаты археологической разведки 2016 г.) // «Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран», матер. междунар. конф. «IX Оразбаевские чтения» приуроченной к 95-летию А.М. Оразбаева. Алматы: Қазақ университеті, 2017. С. 55–58.

Оразбаев А.М. Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана // Маргулановские чтения 1989 года. Алма-Ата: Типография МВД Каз ССР, 1989. С. 225–227.

Поляков А.В., Святко С.В., Степанова Н.Ф. Проблема радиоуглеродной хронологии афанасьевской культуры и новые данные // Феномен культур энеолита – раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V-III тыс. до н.э. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 181–187.

Толубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Шакенов С.Т. Новые оригинальные памятники энеолитической эпохи в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 611–625.

**THE SAPA BURIAL GROUND: THE FIRST AFANAS'EVO SITE IN THE TARGABATAY REGION
(FIRST RESEARCH RESULTS)**

Funerary sites of the Early Bronze Age in East Kazakhstan are extremely poorly studied. In order to solve this question, in 2019 the Sapa burial ground, on the right bank of the Tersayryk river, in the Zhanaaul district of the Tarbagatai region of East Kazakhstan, has been studied. Amidst funerary structures of different periods, on the edge of the first floodplain terrace have been identified round stone fences with a diameter between 10 and 15 m, made up of vertically set stone slabs and covered by stones. After the excavation and study of one such structure (stone fence number 2), the skull of a child has been found on the cover of a burial containing a woman and infants. These inhumated corpses were sprinkled with red ocher, and metal and ceramic artifacts were in stratigraphical association with them. The analyzed complex is truly peculiar: different features of the funeral rite have tight analogies with the Afanas'evo burials of Gorny Altai, Xinjiang and Western Mongolia. The radiocarbon analysis indicates that the stone fence number 2 of the Sapa burial ground has been erected between the 30th and the 29th centuries BC.

А.А. Горячев, В.В. Сараев, М.А. Чернов
*Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан*
*E-mail: aga.2805@mail.ru, saraev.53@mail.ru,
mihalapych@yandex.kz*

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЖЕТЫСУ

Вещевой инвентарь поселений эпохи бронзы Казахстана необычайно разнообразен и богат. Помимо керамической посуды и костей животных в них встречаются орудия труда и изделия из камня, кости, наборы бытовых бронзовых предметов и украшений. Их анализ позволяет достаточно успешно решать вопросы культурно-хронологической атрибуции древних памятников. Но он в основном производится на наиболее ярких материалах керамического и металлургического производств. Существенная доля каменных орудий труда остается без необходимого внимания к ним, как наиболее важным элементам при реконструкции хозяйственно-бытовых традиций населения бронзового века. До начала XX века только в одной работе по Казахстану приводился подробный разбор каменного инвентаря для металлургического производства и домашних промыслов эпохи бронзы Центрального Казахстана (Кадырбаев, Курманкулов 1992, с. 125-175).

С процессом активного изучения древних поселений на территории Жетысу интерес к этому виду инструментов существенно возрос. В ходе исследований специалистами, в том числе и авторами, начинают публиковаться материалы древних поселений региона, где каменные орудия труда и изделия занимают определенную нишу и связываются с вопросами хозяйственно-культурного развития древнего населения (Горячев, Чернов 2007, с. 106–119; Фрачетти, Марьяшев, Доумани 2014, с. 15-22; Горячев, Потапов 2015, с. 342–351; Сараев 2015, с. 406-414; 2017, с. 69-90; Горячев, Мотов 2018, с. 31-36). Однако детальной систематизации каменного инвентаря региона до сих пор еще не производилось. Восполнить в определённой степени данный пробел призвана настоящая работа.

Каменный инвентарь из жилищ эпохи бронзы на территории Жетысу представлен серией изделий (чаши, точила, камни с округлыми отверстиями и предметы художественного творчества) и инструментов («мотыги», рубила, молоты, зернотерки с курантами, «алтари», ступки, песты, инструменты кожевенного ремесла и ткачества, камни яйцевидной и шарообразной формы). Вся серия представлена из материалов исследованных поселений Жетысу (поселения Талапты-I в горах Ешкиольмес, Бутақты-I на юго-восточной окраине г. Алматы, Асы-I, Тургень-II и Кызылбулак-IV в верховьях ущелья Тургень и на плато Асы) и сборов на территории поселений бронзового века в долине реки Коксу (Куйган-I и Талапты-I) и у северных склонов Илейского Алатау (Кайнар-I, Бесмойнак-I и др.).

«Мотыги»

Подобные каменные орудия труда появляются у людей в эпоху неолита с возникновением наиболее ранней формы производящего хозяйства – мотыжного земледелия (Брей, Трамп, 1990, с. 164). Они встречаются на древних поселениях разных хронологических диапазонов от неолита до средневековья. Материал, из которого их изготавливали зависел от природной и культурной среды, где развивались различные виды земледелия. Форма мотыг в эти времена практически не изменилась: это

прямоугольные, уплощенные камни толщиной 3–5 см, иногда грубо оббитые со стороны рабочего края (своеобразная заточка), зауженные с боков (для присоединения к ручке), в улучшенных вариантах имеют отверстие для насаживания на черенок. Неизменным оставалось их функциональное назначение – подготовка поверхности почвы к посеву.

В материалах бронзового века Жетысу найдено три разнотипных экземпляра таких «мотыг» на поселении Бутакты-I (рис. 1: 1-3). Они выполнены из одной породы камня темно-серого цвета мелкозернистой структуры. Наиболее массивной является мотыга подовальной формы, размерами: 22x17 см, толщиной около 3 см и весом около 3 кг с отверстием для деревянной ручки диаметром 6 см (рис. 1: 1a, 1б). Нижний край мотыги (12 см) заострен с внутренней стороны грубыми сколами с последующей мелкой ретушью.

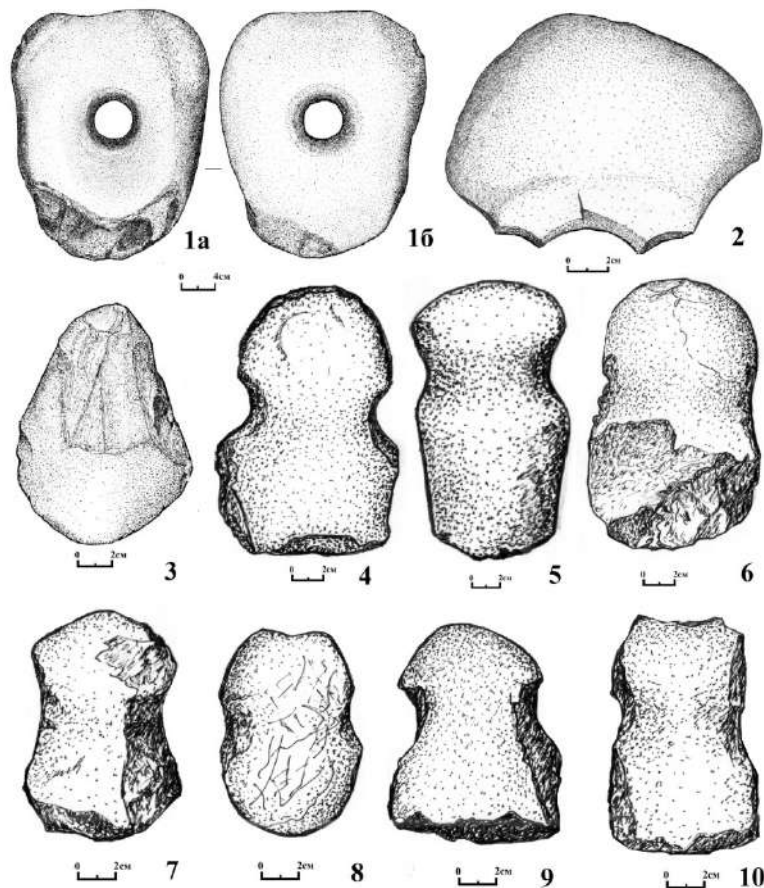

Рис. 1. Каменные «мотыги» и молотки из поселений эпохи бронзы Жетысу: 1-3 – поселение Бутакты-I (андроновский период); 4, 5 – северные склоны Илейского Алатау (подъемный материал); 6-10 – поселение Талатты-I (позднебронзовый период).

Рядом с ней зафиксирован фрагмент каменной мотыги, представляющий собой скол от ее верхней части до центрального отверстия (рис. 1: 2). Судя по диаметру отверстия и расстоянию от него до верхнего края в первоначальном виде она полностью идентична предыдущей. Здесь же обнаружена небольшая каменная мотыга с заостренным рабочим краем (рис. 1: 3). Инструмент двусторонний и мог применяться и как мотыга, и для разбивания земляных комьев. Орудие изготовлено методом отщипа от крупного камня массивной объемной пластины овальной формы, размерами: 14x9 см. Рабочий край слегка подретуширован с наружной от скола стороны, противоположный конец заострен.

В силу специфики формы, веса и конструктивных деталей подобные инструменты были определены одним из авторов как «бороздильники», которые применяли как при прокладке водопроводного русла, так и при подготовке поля к вспашке (Сараев, 2015, с. 411-412). Эта группа каменных орудий труда представляет широко распространенные и длительно существовавшие орудия труда земледельцев Жетысу в эпоху бронзы.

Молоты

Близки по форме к мотыгам-бороздильникам каменные молоты, фиксируемые на поселениях бронзового века в предгорной и горной зоне Жетысу и Илейского Алатау (рис. 1: 4–10). Их параметры отличаются существенно, а по весу разделяются на разные категории от 1 до 5 кг (Кадырбаев, Курманкулов 1992, с. 128–131). Здесь подобные инструменты отмечены в пределах 1–2 кг веса с

параметрами от 7 до 15 см в длину и от 4 до 7–8 см в ширину. Скалыванием и шлифовкой камням придана аутентичная форма, рабочими краями являются их торцевые стороны. Такие орудия труда встречаются на территории поселений андроновского и позднебронзового периодов близ металлургических центров Сары-Арки и северной Бетпак-Далы и интерпретируются как молоты ударно-дробильного назначения, применяемые в горнорудном деле для размельчения руды и выбивания клиньев из трещин горных пород (Кадырбаев, Курманкулов 1992, с. 127). Факт их нахождения в материалах жилищ может свидетельствовать, что его жители связаны с металлургическим производством и являются ремесленниками.

Зернотерки с курантами

К числу наиболее распространенных каменных орудий труда на территории Жетысу относятся зернотерки с курантами (рис. 2). Они встречаются на поселениях разных этапов бронзового века во всех природно-географических зонах региона. Зернотёрка – это камень, имеющий две основные плоскости. Первая, нижняя плоскость – основание, которая придает камню устойчивое положение. Вторая плоскость – рабочая, изначально прямая и имеющая нисходящий наклон от работника. Для придания рабочей поверхности необходимых качеств на ней производится насечка, тем грубее, чем крупнее фракция сырья. Посредством этой обработки поверхность приобретает некоторую вогнутость, которая постепенно усиливается при срабатывании и возобновлении ее рабочих качеств очередной насечкой.

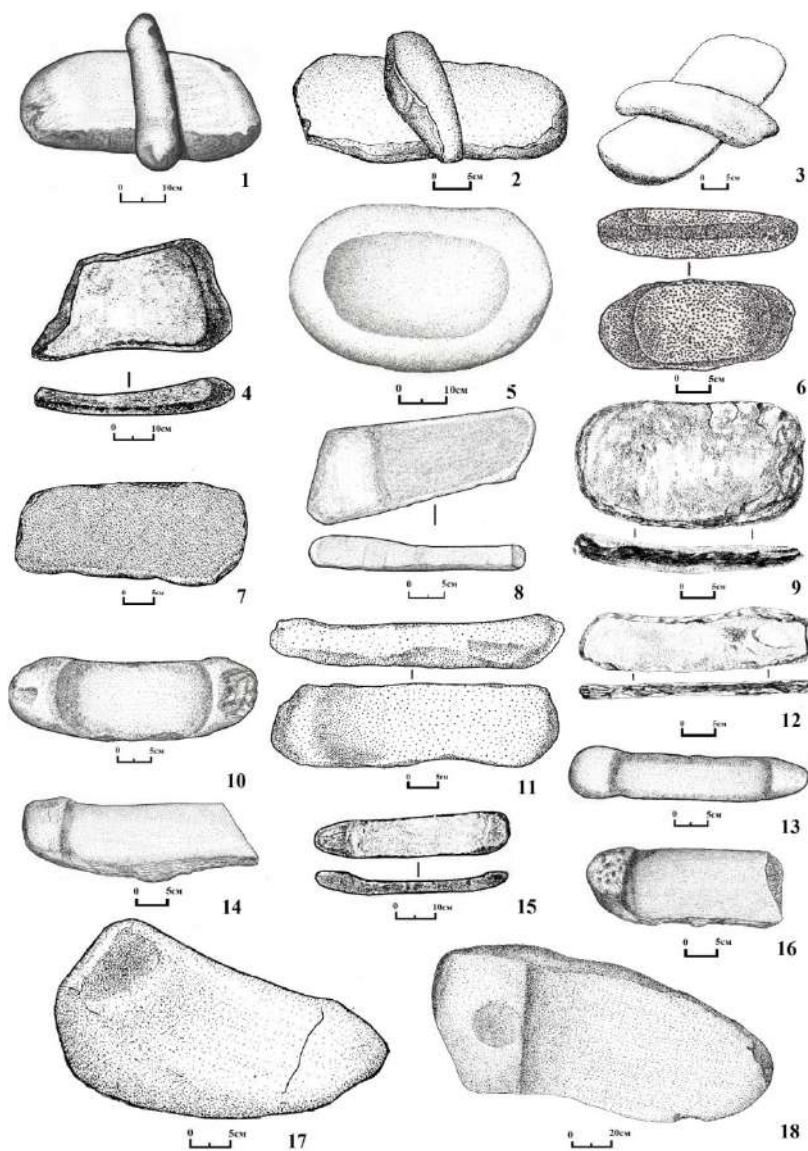

Рис. 2. Каменные зернотерки и куранты из поселений эпохи бронзы Жетысу: 1, 4, 13, 15 – поселение Бутакты-I (андроновский период); 2, 7 – поселение Кызылбулак-IV в ущелье Тургенъ; 6, 11, 14, 16 – поселение Талапты-I (позднебронзовый период); 3 – стоянка Теренкара (по Самашев, Джумабекова, Григорьев 2005 – этап финальной бронзы); 5, 10 – поселение Кайнар-I; 8 – поселение Бесмойнак-I (андроновский период); 9, 12 – поселение Калакай-I (позднебронзовый период); 17, 18 – поселение Тургенъ-II (андроновский период).

За основу будущих зернотерок брались подходящие по форме камни гранита крупнозернистой структуры или мелкозернистого песчаника, размерами от 20 до 42 см в длину и от 12 до 27 см в ширину, толщиной до 10 см (рис. 2: 1–9). У рассматриваемых инструментов, входящих в набор, рабочие поверхности слегка вогнуты со следами сработанности. Выделяются зернотерки с бортами из поселений Кайнар-I и Талапты-I (рис. 2: 5, 6). Здесь по центру овального гранитного камня, размерами 30×22×7,6 см имеется выемка рабочей поверхности, размерами: 26×14 см. В ней в результате трасологического анализа в лаборатории Института археологии обнаружены следы древних фитолитов. Вторая плита светло серого цвета (38×27×6 см) с бортиком так же служила для растирания растительности.

Куранты зернотерок выполнены из камней серого цвета мелкозернистой структуры в форме удлиненного стержня (рис. 2: 1–3, 10–16). Размеры курантов – 30–40 х 8,5–11 см. Рабочая поверхность сработанная плоская. Курант с торцов заужен и со стороны рабочей поверхности края уплощены для более удобного захвата руками.

К числу определенных модификаций зернотерок относятся «алтари» с чашевидными углублениями. Они известны только в материалах поселения Тургень-II, где были найдены как в жилище, так и возле центрального очага храмового комплекса (рис. 2: 17, 18). Это массивные изделия схожие по форме с зернотеркой, но на верхней площадке которых выполнено округлое или овальное углубление. Подобные ямки имеются на категории памятников Семиречья, именуемых чашечными камнями и относимых к ритуальным объектам (Марьяшев, Потапов 1999, 104–109; Сараев 2016, 116–124). Их нахождение в храмовом комплексе и жилище, расположенном рядом с ним, позволяет предположить, что они являлись своеобразными «алтарями», использовавшимися при культово-обрядовых действиях.

Ступки-столешницы

Для данного вида орудий труда подбирался плоский камень, поверхность которого выравнивается и шлифуется. Рабочая поверхность бывает абсолютно ровной или слегка выпуклой. Столешницы могут иметь различную форму плоскости и ее размеров и быть приспособлены под определенные виды работ и размеры обрабатываемых изделий. На плоских каменных поверхностях возможно обрабатывались кожи, войлок и грубая шерстяная или растительных волокон ткань. На твердых и достаточно гладких поверхностях могло производиться выскабливание, утюжение, поколачивание и отбивка изделий или заготовок. Основное отличие столешницы от зернотерки, отсутствие насечки на рабочей поверхности, способствующей растиранию зерна. Это придавало орудию труда универсальный характер в плане возможных трудовых операций на нем, от бытовых до ремесленно-производственных, в том числе и в горнорудном деле (Кадырбаев, Курманкулов 1992, с. 136–138, рис. 103, 104).

Ступки изготавливались в основном из камней гранитной породы крупнозернистой структуры различных оттенков серого цвета. Часто в качестве ступок использовали окатанные речные камни с ровной плоской поверхностью. В материалах эпохи бронзы Жетысу они представлены камнями округлой и овально-прямоугольных форм. Большинство таких изделий обнаружено за пределами жилищ (рис. 3). Отмечены как миниатюрные варианты ступок с бортиками, размерами: 6×6 см, высотой 2 см, так и экземпляры размерами: 80×40 см, высотой до 20 см, которые сложно перемещать одному человеку. На поселении Бутакты-I обнаружена ступка-столешница тщательно отшлифованная со всех сторон. Она изготовлена из темного серо-зеленого камня крупнозернистой структуры округлой формы диаметром 18,5 см высотой 9 см. Одна сторона слегка выпуклая, рабочая поверхность уплощенная. Подобные изделия редко публикуются в материалах древних поселений эпохи бронзы Центральной и Средней Азии, хотя мы убеждены, что они присутствуют в значительном количестве во всех регионах распространения андроновской и валиковой культурно-исторических общностей.

Песты-молотки

Песты изготавливаются из камней грубой структуры, но высокой плотности, имеющие стержнеподобную форму. В процессе обработки им могла быть придана коническая, или пирамидальная форма. Верхний конец, как правило, имеет размеры соотносимые с размерами руки взрослого человека. Рабочая, бойковая (ударная) поверхность приобретает форму сегмента сферы. Они также могут относиться к универсальным ударным орудиям труда, имевшим применение как в быту, так и в ремесленном производстве.

На территории Жетысу песты изготовлены из камней различных оттенков серого цвета мелкозернистой структуры конусовидные, в сечении округлой или овально-прямоугольной формы. Торцевые стороны уплощены, со следами сработанности. Размеры орудий: от 7×3 см до 30×8 см. Часть из них имеет так называемую «фаллическую» форму (рис. 4: 2, 14). У одного песта в верхней части выточены по периметру две неглубокие бороздки (рис. 4: 1). Встречаются песты в форме «колотушки»

(рис. 4: 12). Отмечены необработанные окатанные речные камни, подходящие к указанным формам со следами сработанности на торцевых сторонах (рис. 4: 3–7, 10.).

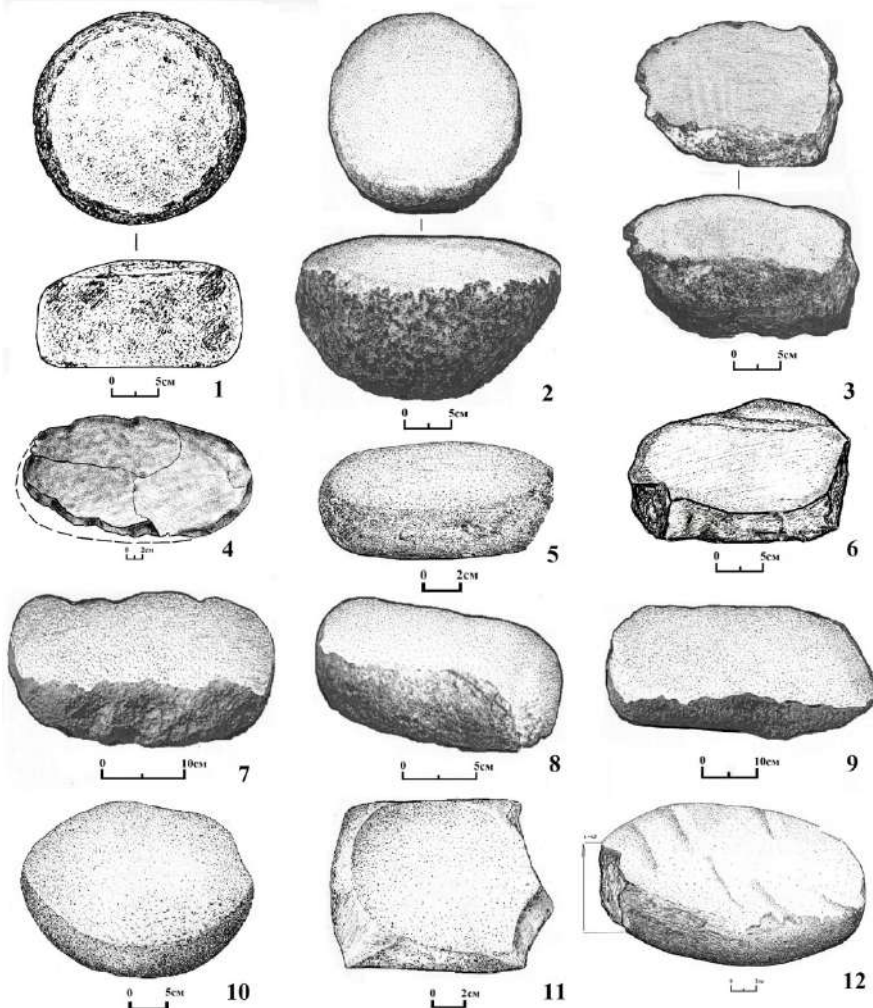

Рис. 3. Каменные ступки-столеишницы из поселений эпохи бронзы Жетысу: 1-4, 6-9 – поселение Бутақты-І (андроновский период); 5, 10-12 – поселение Талапты-І (позднебронзовый период).

Самые простые песты прямоугольной и конической форм характерны для позднебронзовых комплексов Центрального Казахстана (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, табл. XLVIII; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с.125–138) и Урало-Иртышского междуречья (Зданович, 1988, табл.10Г; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, рис. 41; Зах, 1995, рис. 41,42). Песты конусовидной и фаллической форм со следами дополнительной проработки поверхности имеют параллели в материалах бронзового века Центрального Казахстана (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис.100,101; Усманова, 2005, фото 85), что позволяет датировать подобные инструменты как андроновским, так и позднебронзовым этапами эпохи бронзы Жетысу.

Следующую серию представляют инструменты домашних промыслов и ремесел – скребки, терочки, ложила, «ютюжки», пряслица, «боласы» и т. д. Всю группу каменных орудий труда хронологически атрибутировать достаточно сложно, так как она представляет широко распространенные и длительно существовавшие бытовые инструменты, которые не имеют каких-либо дополнительных отличительных признаков. Часто детали формы влияли на конкретный способ их применения. Подобный набор инструментов традиционен для материалов поселений средней и поздней бронзы и достаточно часто является массовым в предгорной и горной зоне Жетысу.

Скребок обнаружен только один в слоях жилища поздней и финальной бронзы на комплексе Тургень-ІІ. Он выполнен из отщепа галечника темно-коричневого цвета в виде неправильного пятиугольника, размерами: 7х6 см, клиновидный в сечении (рис. 5: 1). Данная форма образована крупной ретушью. Рабочий край периодически подправлялся мелкой ретушью с плоской стороны инструмента. Его выпуклые части тщательно ошлифованы. Инструмент хорошо удерживается пальцами в основании ладони, при этом рабочий край обращен к работнику. Это позволяет выполнять технологические операции методом скобления на себя.

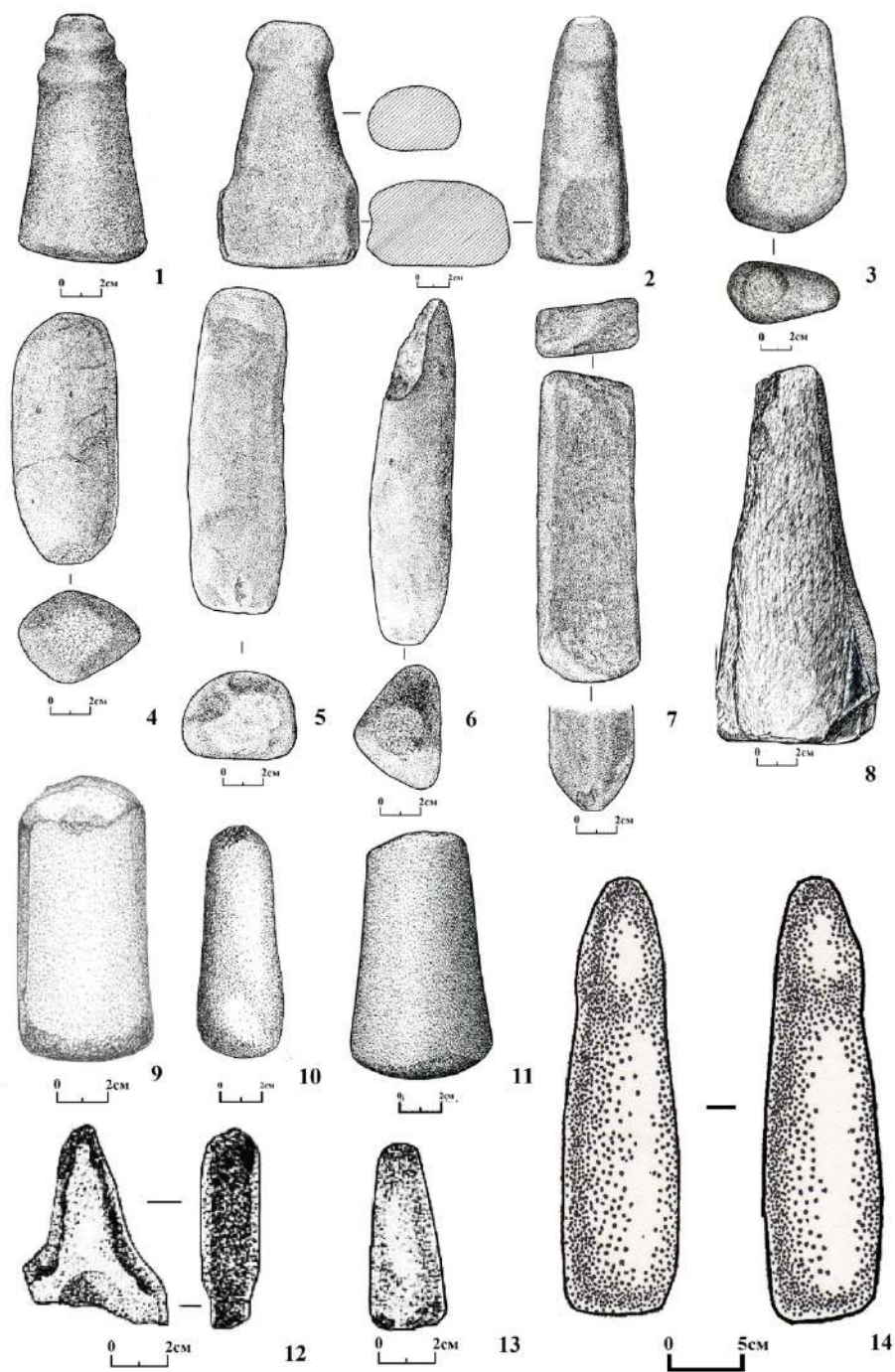

Рис. 4. Каменные песты из поселений эпохи бронзы Жетысу: 1, 2, 4-7, 12, 13 – поселение Бутақты-I; 3 – Кайнар-I (андроновский период); 8-11 – поселение Тургенъ-II; 14 – поселение Талапты-I (позднебронзовый период).

Терочные камни и лошिला

Данный вид орудий труда предназначен для выглаживания, уплотнения и размягчения изделий из мягких нетканых материалов, таких как кожа и войлок или выравнивания поверхностей керамической посуды. Они изготавливались из речной гальки овальной и цилиндрической форм с закругленными торцами (рис. 5: 5–7, 10). У некоторых терочников с боковых сторон имеются естественные выемки, которые могли использоваться для более удобного захвата орудия. Инструменты по периметру хорошо зашлифованы. Боковые поверхности имеют следы шлифовки-полировки лишь на выступающих частях.

К инструментам кожевенного ремесла можно отнести лошिला из поселения Тургенъ-II (рис.5: 6). Галька темного с зеленым оттенком цвета в форме усеченной пирамиды с треугольным основанием (4,6x3,2x4,2 см). Ребра инструмента, возможно, подшлифованы вручную. Основание пирамиды отшлифовано и округлено в отличие от боковых граней, усеченная вершина также скруглена. Весь камень гладкий, легкие впадины на боковых поверхностях делают удобным удержание его пальцами,

как зажатыми в кулак, так и щепотью. Исходя из этих позиций, есть возможность предположить какие действия могли им совершаться. Зажатым в кулак им удобно наносить уплотняющие ударные действия на обрабатываемый материал, или движения как кругового, так и линейного характера. Удерживая инструмент щепотью, можно совершать те же движения, но меньшей амплитуды и силы давления.

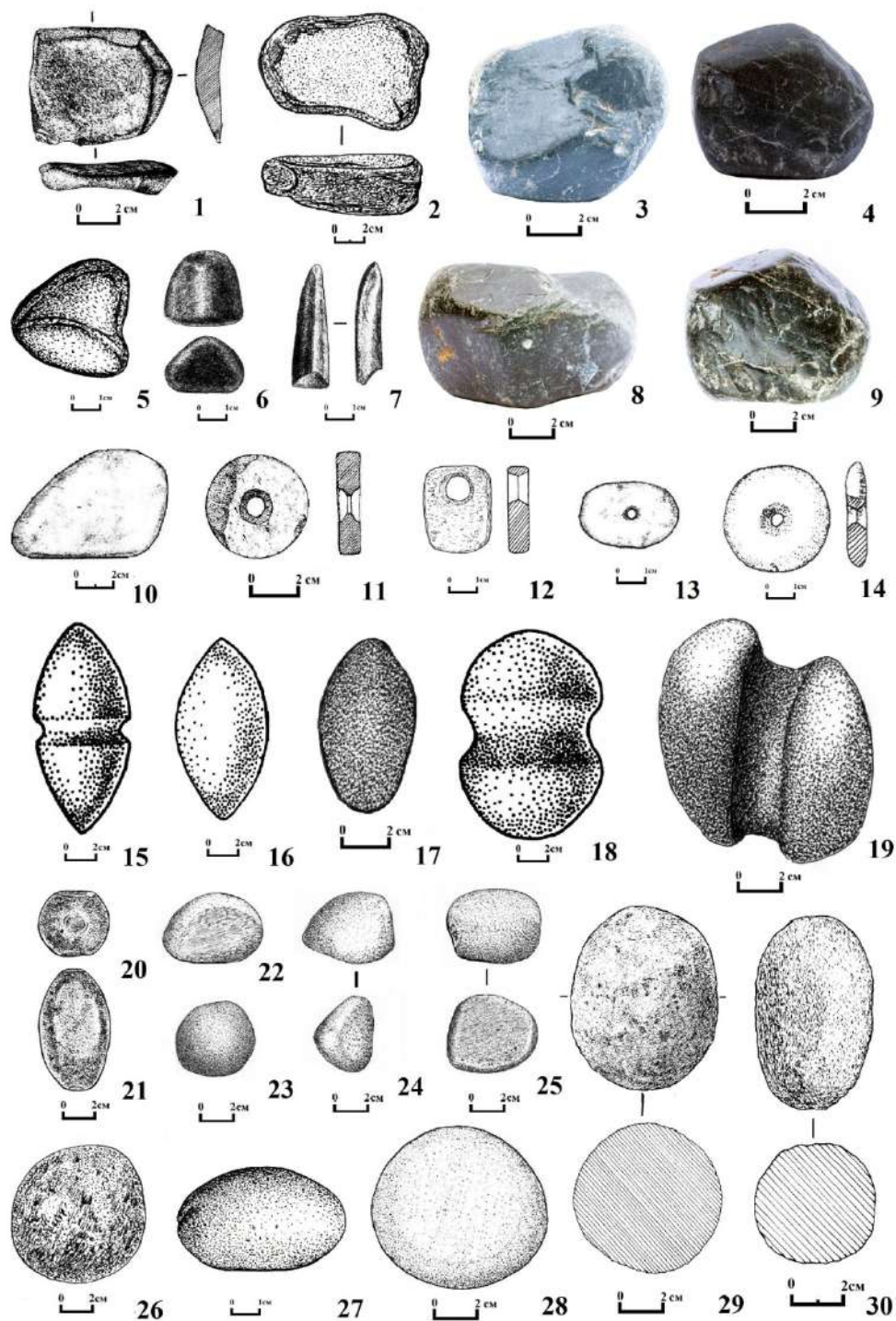

Рис. 5. Каменные орудия труда домашних промыслов, кожевенного ремесла и ткачества из поселений эпохи бронзы Жетысу: 1, 3-14, 20-25 – поселение Тургенъ-II (андроновский и позднебронзовый периоды); 2, 26-30 – поселение Бутақты-I (андроновский период); 15-19 – поселение Талапты-I (позднебронзовый период).

Другой инструмент из плоского галечника темно-коричневого цвета треугольной формы с закругленными углами хорошо удерживается пальцами руки за боковые стороны и дает возможность использовать для работы любой участок стороны по периметру (рис.5: 10). Две стороны этого треугольника дугообразны, третья в срединной части – прямая. Узкие рабочие грани, располагающиеся по периметру инструмента, позволяли обрабатывать небольшие участки изделий из кожи или шерсти притиранием, утюжкой, заглаживанием, уплотнением с применением давления. Различная кривизна

рабочих поверхностей позволяет изменять силу давления на площадь поверхности обрабатываемого сырья.

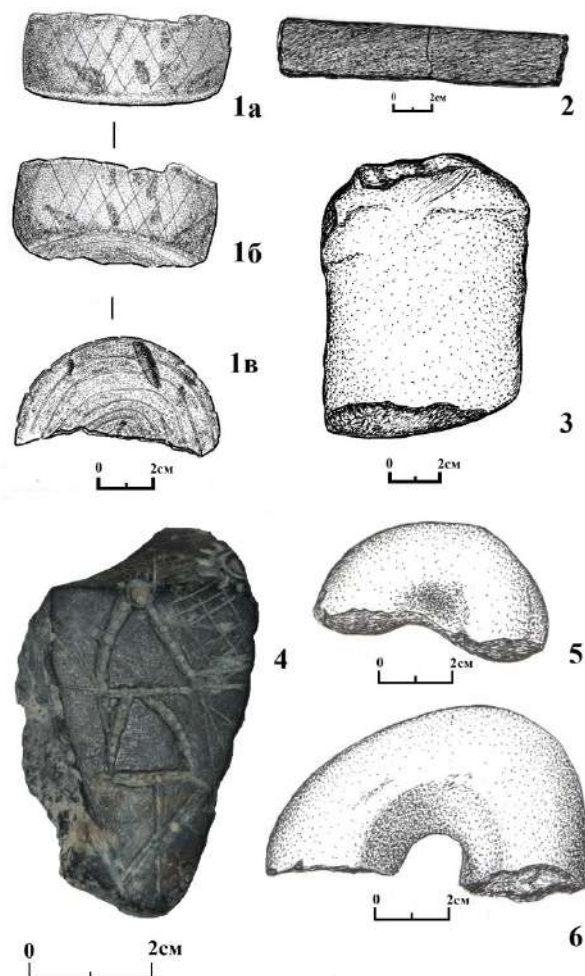

Рис. 6. Изделия и предметы быта из камня в материалах поселений эпохи бронзы Жетысу: 1 – поселение Кайнар-I (андроновский период); 2 – поселение Талатты-I (позднелатунный период); 3 – поселение Бутакты-I (андроновский период); 4, 6 – поселение Тургенъ-II (андроновский период); 5 – северные склоны Илейского Алатау (подъемный материал).

Фрагмент каменного лощила пирамидальной формы из темно-зеленого с серым оттенком камня мелкозернистой структуры длиной 7,2 см (рис. 5: 7). Боковые ребра слегка округлены и хорошо прочтываются. Широкая боковая грань шлифованная к вершине закруглена так, что, если инструмент положить горизонтально на эту грань, конец этой грани вместе с вершиной будут приподняты и изделие примет вид санного полоза, в чем оно схоже с костяным коньковым инструментом. Основание пирамиды имеет по широкой стороне следы канавки двухмиллиметровой глубины, от которой идет косой скол поперек инструмента. За канавкой инструмент, очевидно, имел продолжение в виде рукояти, что позволяло работать узким его концом. Удерживая большим, указательным и средним пальцами, с упором основания инструмента в ладонную подушку большого пальца, можно выполнять работу узким концом инструмента, а удерживая только пальцами можно оказывать давление на всю плоскость или совершать работу всей боковой стороной инструмента. Данные виды инструментов были определены нами как лощила применяемые в кожевенном и скорняжном деле (Горячев, Чернов 2007, с. 106–119).

«Утюжки»

Те же функции: выглаживания, уплотнения и размягчения изделий из мягких нетканых материалов и выравнивания поверхностей керамической посуды, но в больших масштабах чем лощила и терочники, выполняли орудия труда, именуемые «утюжками» (рис. 5: 2–4, 8, 9). Для их изготовления использовался камень мелкозернистой плотной структурой, поверхность которого хорошо полируется. Как правило, заготовки подбирались с учётом размеров ладони, с тем чтобы инструмент хорошо удерживался в руке и при этом легко изменял направление рабочих позиций. При необходимости, поверхности удержания подвергались дополнительной обработке во избежание травм в ходе рабочего

процесса. Форма и размеры утюжков переменны, но в пределах антропометрических данных человеческой руки и технологических задач.

Пряслица

Данный вид инструмента являлся деталью ручного веретена. Характер их применения диктовал чаще округлую, реже овальную форму изделия. Они являются полными более прочными аналогами керамических пряслиц, массово представленных среди бытовых инструментов на поселениях бронзового века Жетысу (рис. 5: 11–14).

Для их изготовления подбирали речные кварциты и галечники овальной или округлой формы белого или темно-серого цвета 3–6 см в диаметре либо размерами: 3,5x2 (2,5) см. Края по периметру заужены, вся поверхность изделия отполирована. В центре камня просверлено отверстие конической формы 3–4 мм в узкой части и 4–7 (до 1,5 см) по краям. Края отверстий на входе и выходе ошлифованы и округлены, что могло возникнуть в результате взаимодействия со шнурком из кожи или спряденной нитью из шерсти. То обстоятельство, что отверстие имеет биконическую форму и его стенки отшлифованы, а край отверстия на входе закруглен и отшлифован сильнее, чем с обратной стороны, дает основание предполагать, что это инструмент для уплотнения и калибровки пряденной шерстяной нити.

Инструменты яйцевидной формы

В данную группу попадают изделия овальной и округлой форм разной функциональной направленности (рис. 5: 15–30). При общих формах часть из них могла использоваться как ударные инструменты (молоточки), другие по следам использования больше подходят к терочникам и лошилам, третья группа с желобками по центру могла применяться как инструмент для ловли животных (болас) или даже вид оружия (булава на ремне).

Изделия яйцевидной формы выполнены из камней темного серо-зеленого цвета мелкозернистой структуры в форме овала, округлые в сечении, размерами 5–7x3–4 см. Торцевые стороны слегка уплощены, со следами сработанности (рис. 5: 20–25). Встречаются изделия типа болас округлой формы, выполненные из камня светло-серого цвета крупнозернистой структуры диаметром до 9 см (рис. 5: 26–30).

Особую серию представляют камни яйцевидной формы из позднебронзового поселения Талапты-I (рис. 5: 15–19), изготовленные из галечника серого цвета плотной мелкозернистой структуры. Как правило, на концах заострены или скруглены. Здесь просматриваются следы применения их как ударных инструментов. Размеры подобных инструментов: 6–7 см в длину и 3–4 см в диаметре сечения по центру.

Три изделия были с желобками в центральной части. Все они разных параметров и веса. Один округлой, овальной формы с широким желобком. Его размеры: длина 8 см, диаметр 6 см, ширина желобка 2 см, глубина 7–8 мм, вес около 350 грамм (рис. 5: 18). Данный инструмент не имеет следов сработанности, что дает основание предполагать его применение в качестве боласа при ловле животных.

Второй камень яйцевидной формы заострен с обоих концов со следами сработанности. Его длина 8 см, наибольший диаметр 4,5 см, весом более 100 грамм. Желобок более узкий, чем у первого камня, более рельефный, ширина желобка 1 см, глубина 4–5 мм. Аналогичные изделия в материалах центрально-казахстанских комплексов интерпретируются как каменные ювелирные молоточки, применяемые при изготовлении бронзовых изделий (Кадырбаев, Курманкулов 1992, с. 132, рис. 99).

Третий камень природного происхождения с небольшими доработками формы наиболее массивный из всех. Его размеры: 9x 8,5x6 см с шириной желобка 2,3 см, глубиной 1 см и весом около 800 грамм. Использование такого инструмента в качестве молоточка или боласа непрактично, так как скорее может привести к порче изделия или травме животных. Нам представляется его практическое использование в качестве булавы на ремне, применяемого как оружие ближнего боя. Аналоги подобного применения показаны в батальных сюжетах близлежащих скал хребта Ешкиольмес (Байпаков и др., 2005, рис. 11, 23, 38) и других композициях бронзового века Жетысу (Потапов 2007, с. 21, 22, рис. 11, 12; с. 105).

Изделия и предметы быта

В данную категорию входят самые разнообразные виды каменных артефактов из поселений эпохи бронзы Жетысу. В основном это предметы, которые зафиксированы только в одном памятнике, а также те из них, функциональное назначение которых не определено либо спорно по разным причинам. Так в первую группу входят многочисленные крышки, ножевидные пластины, скребла, изделия грушевидной формы, массово обнаруженные в материалах позднебронзового поселения Талапты-I.

К примеру, каменные ножевидные пластины изготовлены из камней-галечников очень плотной структуры черного или серого цвета. Имеют овально-удлиненную, в сечении подтреугольную форму, спинки прямоугольные, лезвие тонкое острое. Спинка и лезвие обработаны крупными сколами, затем подвергнуты вторичной обработке мелкой ретушью. Ретушь на лезвии односторонняя, на спинке двусторонняя. Размеры изделий: 10–15х5–7х2–3 см. К ним отнесены грубо оббитые подпрямоугольной и подтреугольной формы изделия, в сечении подпрямоугольные с заостренным лезвием и утолщенным противоположным краем. Их параметры варьируют в пределах: 7–12х6–11х2–5 см.

К крышкам отнесены плоские округлой формы изделия, оббитые с краев. Диаметры каменных пластин 7–13 см, толщиной 2,5–5,5 см, в сечении они линзовидной формы, чаще плоские с одной стороны, что позволило использовать их в качестве крышек. В некоторых случаях пластины выпуклы с обеих сторон. Чаще всего рационально использовалась округлая форма камней, которая лишь подправлена в двух-трех местах.

Интересен фрагмент каменной чаши диаметром 11 см, высотой стенок 4,7 см и толщиной стенок 0,4–0,8 см (рис. 6: 1). Сохранившийся фрагмент представляет половину изделия. Чаша была изготовлена из крупного куска талькохлорита, выбрано внутреннее пространство изделия, затем оно было зашлифовано. Внешняя поверхность боковой стенки и дна различаются степенью обработки. Боковые стенки заполированы, в отличие от донца, которое имеет шероховатость, оставшуюся после первоначальной обработки и сглаженную шлифовкой без полировки. Остались небольшие участки стенок с характерной для верхнего края обработкой металлическим инструментом типа стамески с шириной лезвия до 1 см. Толщина донца в средней части вдвое тоньше, нежели по краям. Это может говорить о том, что дно чаши приходилось многократно зачищать, прилагая при этом достаточные усилия, при которых расходовалась толщина дна. Наружная поверхность чаши декорирована гравированным рисунком. На стенках это пересекающиеся в двух направлениях параллельные линии, образующие косую сетку. Дно чаши украшено большой спиралью в одну линию. Рисунок сетки на боковой поверхности нанесен довольно ровно, уверенно, но без соблюдения полной параллельности линий и строгого интервала между ними. Возможно мастером использовалось некоторое приспособление, позволяющее выдержать ровность линий на покато изогнутой поверхности. Через полировку на стенках проглядывает ряд линий параллельных основному рисунку и не удаленных последней шлифовкой и полировкой. Это обстоятельство может указывать на то, что в ходе эксплуатации рисунок на чаше неоднократно подновлялся. В некоторых местах можно заметить, что рисунок сетки выходит за края.

Вторичное применение обломка данного изделия как светильника подтверждено в результате трассологического анализа в лаборатории археологических технологий И. Горашуком и А. Ержановой (материалы анализа подготовлены, но пока не опубликованы). Подобный предмет обихода в Семиречье найден впервые.

Другую группу изделий составляют точильные камни. К ним отнесены изделия с плоскими шершавыми рабочими поверхностями, на которых видны многочисленные характерные мелкие риски. В качестве точила использовались камни мелкозернистой структуры темно-зеленого или серо-сиреневого цвета (рис. 6: 2, 3). Изделия имеют различную форму: овальную, подпрямоугольную, брусковидную, в сечении они линзовидной, овальной и прямоугольной формы. В некоторых случаях камни отшлифовывались. На торце одного изделия обнаружены небольшие вторичные сколы для четырех пальцев руки с целью более удобного захвата орудия при применении (рис. 6: 3).

Интересен фрагмент каменного изделия с рисунками из поселения Тургень-II заполированного с внешней стороны (рис. 6: 4). В средней части плоскости по центральной (для фрагмента) оси выгравированы два равнобедренных треугольника вершинами вверх. Гравировка глубокая с достаточной шириной для того, чтобы по ней нанести украшение в виде точечного фрезерования. Справа от них параллельно боковой грани, тонкими линиями награвирован прямоугольник, разделенный на части тремя поперечными и одной продольной линиями. На краю грани наблюдаем фрагмент рисунка, сюжетно напоминающий изображение «солнцеголового» антропоморфа. Подобные персонажи в петроглифах региона датируются периодом средней бронзы (Максимова, Ермолаева, Марьяшев 1985: 9, рис.1–13). Поскольку камень найден близ храмового комплекса вместе с зернотеркой с чашевидными углублениями, можно предположить, что данное изделие также было культового назначения.

Вероятно, с религиозной практикой связана и серия фрагментов каменных изделий с выполненным или намеченным отверстием по центру (рис. 6: 5, 6). Они выполнены из катанных речных камней (гранита и галечника), диаметром 6–8 см. Высверленные отверстия имели конусовидную форму диаметром 3–3,5 см по внешнему краю и 1,5–2 см по внутреннему. В не опубликованном пока

исследовании одним из авторов проанализирована серия камней с намеченными отверстиями как разновидность алтарей с чашевидными углублениями. Второй предмет был обнаружен в слое храмового комплекса эпохи бронзы верховьев ущелья Тургенъ, что также предполагает его культовое назначение, хотя не исключено и его практическое применение как бытового «очажного термоаккумулятора» (Сараев, 2018, 297-304).

Таким образом, каменный инвентарь древних поселений бронзового века на территории Жетысу отражает все аспекты хозяйственно-культурного развития древнего населения. Представленные материалы показывают многообразие видов ремесленного производства, распространенных у жителей региона. Каменные орудия труда дают представление о характере горнорудного дела и кузнечного ремесла, показывают многообразие приемов обработки камня, кожи и растительных материалов, характеризуют некоторые трудовые операции в гончарном ремесле и ткачестве. Дальнейшее изучение на основе современных методов исследования и анализа позволит более полно и достоверно характеризовать хозяйственную и бытовую жизнь древнего населения Жетысу.

Литература

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Потапов С.А., Горячев А.А. Петроглифы в горах Ешкиольмес. Алматы: OST-XXI век, 2005. 226 с.

Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутакты-І. Алматы: ТОО «KazBookTrade», 2018. 264с.

Горячев А.А., Потапов С.А. К вопросу о реконструкции жилища эпохи бронзы поселения Талапты-І // «Казахское ханство в потоке истории» / Сб. мат. междунар. науч. конф. Алматы: «Хикари». С. 342–351.

Горячев А.А., Чернов М.А. Орудия кожевенного ремесла и ткачества из археологического комплекса Тургенъ-II // История и археология Семиречья. Вып.3. Алматы: ОФ «Родничок», 2007. С. 106–119.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 129 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 244 с.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Изд-во «Өнер», 1985. 144 с.

Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.

Марьяшев А.Н., Потапов С.А. Камни с чашевидными углублениями из Семиречья // История и археология Семиречья. Алматы: ОФ «XXI век», 1999. С. 104–109.

Потапов С.А. Древнее святилище Каракыр. Алматы: изд-во «Кітап», 2007. 176 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышь в конце эпохи бронзы. М.: Изд-во ПАИМС, 1995. 151 с.

Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: ТОО «Археология». 182с.

Сараев В.В. К вопросу о каменных мотыгах и их функциональных возможностях // «Казахское ханство в потоке истории» / Сборник матер. междунар. науч. конф. Алматы: «Хикари», 2015. С. 406–414.

Сараев В.В. К вопросу о функциональном назначении чашечных камней Жетысу // Религия и система мировоззрений древних и средневековых народов Евразии. Алматы: (б.и.), 2016. С. 116–124.

Сараев В.В. Каргалинский древний историко-географический микрорайон // История и археология Семиречья. Вып. 5. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 69–90.

Сараев В.В. О функциональном назначении камней с высверленными отверстиями // Вестник КазНПУ им. Абая. 2018. № 3 (58). С. 297-304.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский 1: факты и параллели. – Караганда Лисаковск: (б. и.), 1995. 232 с.

Фрачетти М. Д., Марьяшев А.Н., Доумани П.Н. Поселения горной части Семиречья и вопросы экологии и хозяйства в бронзовом веке // Известия НАН РК / Серия обществ. и гум. наук. № 5(295). 2017. С. 15–22.

A.A. Goriachev, V.V. Saraev, M.A. Chernov

STONE INVENTORY FROM THE BRONZE AGE SETTLEMENTS ZHETYSU

Stone household equipment of Bronze epoch is very important element for reconstruction of economic and domestic traditions of population in Ancient Zhetysu. Systematic lot of stone tools of everyday use and ritual function, and also tools for mining, blacksmithing, stonework, leather crafts, ceramic art and weaving are presented. Stone household equipment from Ancient settlements of Zhetysu reflects diversity of economic and cultural development of

Ancient indigenous people. These researches, based on modern exploratory methods let characterize of economic and cultural development in Bronze Age.

Х.А. Айткүл, А.М. Ерсариев, Г.А. Стамкулова

ҚР Мемлекеттік орталық музейі

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: khamit.boray@mail.ru

ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚОЛА ДӘУІРІНДЕГІ ТАЙПАЛАРДЫҢ ТАС ЕҢБЕК ҚҰРАЛДАРЫ

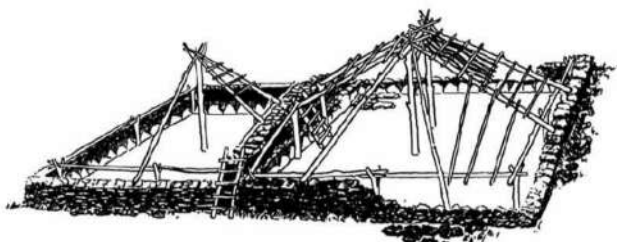
Ұсынылып отырған мақаланың ауқымында авторлар этникалық бірлестіктердің шаруашылығын, мәдениетін, дүниетанымын, тұрмысын, қоғамдық қалыптасуын зерделеудегі орны ерекше – Атасу, Мыржық, Ақмұстафа, Саңғұр, Беғазы, Ақмая, Ақсу-Аюлы, Шортанды бұлақ және Бұғылы I, II сынды т.б. қоныстар мен қорымдардан құралған маңызды археологиялық ескерткіштердің артефактілерінен Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейдің (әрі қарай ҚР MOM) археология қорында қалыптасқан Орталық Қазақстанның қола дәуірі коллекциясының құрамына кіретін тас еңбек құралдарына талдау жасайды.

1946 жылы Қазақ КСР Ғылым Академиясы жүйесінде Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих, археология, этнография Институты құрылған соң Республика аумағындағы археологиялық зерттеулер қарқындады. Академик Ә.Х. Марғұлан басқарған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы (әрі қарай ОҚАЭ) осы өңірдің археологиялық тұрғыдан зерттелуіне жол ашты. Экспедиция Орталық Қазақстан, Қаратаудың солтүстік беткейі, Павлодар облысының оңтүстік-батыс бөлігінде барлау жұмыстарын атқарып қола дәуірінің қоныстарын, қорымдарын және обаларын зерттеді.

1950 жылдары Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының құрамында үш топ болды. А.М. Оразбаев басқарған бірінші топ Ботақара, Қанаттас, Елпібек, Егіз Қойтас, Жамбай-Қарасу, Басбалдақ, Алтынсу, Жанайдар және Беласар сынды андрон қорымдарын зерттеумен айналысты, Ә.Х. Марғұлан жетекшілік еткен екінші топ кейінгі қола дәуірі мен қоладан ерте темір дәуіріне өтпелі кезең ескерткіштерін зерттеді, М.Қ. Қадырбаев басшылық еткен үшінші топ Саңғұр II қорымын зерттеді.

Ә.Х. Марғұлан анықталған материалдар негізінде жариялаған «Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века» мақаласында түсті және қара металды өндіру орындарының сипаттамасын берді (Марғұлан, Акишев, Қадырбаев, 1966). Мақалада Орталық Қазақстан металлургиясының геологиялық, археологиялық жағынан зерттелуі жайлы толымды мәліметтер келтірілген.

1961-1963 жж. ОҚАЭ-ның барлау жұмыстары нәтижесінде 30 шақты қоныс ашылды: Атасу, Ортасу (Жаман-Өзен өзенінің алабы), Бұғылы I (Құсмұрын), II (Шопа), III (Қарсақбай), Ақсу-Аюлы, Ақбауыр, Байбала және Шортанды бұлақ, Қарашоқы және Жамантас, Қара-Томар (Далба таулары), Тағыбай бұлақ (Әулие-Қызылтау таулары). Осы ескерткіштердің материалы ҚР MOM-ның қор коллекциясында қыш ыдыс, еңбек құралы, ат әбзелдері ретінде сақталған.

Сурет 1 – Бұғылы II қонысы тұрғын-жайының қалпына келтірілуі.

1961 жылы Ә.Х. Марғұлан және А.М. Оразбаев Ұлытау қонысына, 1962 жылы Суық бұлақ және Қарқаралы (II) қоныстарына ауқымды зерттеу жұмыстарын ұйымдастырды. 1963 жылы А.М. Оразбаев Бұғылы II қонысындағы қазба жұмыстарын жалғастырды. 1962 орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы осы қонысты зерттеуге бір маусымын арнады. Алқаптық маусымда үш жартылай жер үсті тұрғын-жай қазылды. А.М. Оразбаев жасаған № 1 және 2 тұрғын жайларын қалпына келтірген диорамасы ҚР MOM-ның Палеонтология және археология залының экспозициясында қойылған (сурет 1).

Ә.Х. Марғұланның алғашқы қазба жұмыстарынан 20 жыл кейін, 1975 ж. М.К. Қадырбаевтың жетекшілігімен Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы Атасу қонысындағы қазба жұмыстарын жалғастырды. Бұл ежелгі кен ісі, металлургиямен байланысты мәселелерді зерттеудегі Атасу қонысының мәнділігімен түсіндіріледі.

Атасу археологиялық кешенінің басты нысандары: Атасу I, Атасу II (Ақмұстафа), Мыржық қоныстары, (Саңғұр I-III, Атасу I-III, Ақмұстафа, Мыржық) қорымдар шоғыры, (Сарыбұлақ, Дарат, Босаға, Оғызтау, Кенқазған) кен өндіріс орындары деуге болады (Маргулан, 1973, с. 3-42).

Экспедицияның басты зерттеу нысаны Жезқазған облысы, Ағадыр ауданы, К. Мыңбаев атындағы кенттен оңтүстік-батысқа қарай 35 км тұстағы Атасу I қонысы болды. Далалық жұмыстар барысында тұрғын, шаруашылық жайларының 12 орны толық зерттелді. Атасу I қонысында балқыту, құю жұмыстарына қажетті металлургия өндірісі пештерінің құрылымын, қосалқы жайларды қамтыған 25 кешені анықталды. Осыны ескерсек, Атасу I қонысы материалдарының сипаттамасын жазып жариялаудың ғылыми маңыздылығы зор. Мыржық, Атасу II (Ақмұстафа) қоныстарымен Мыржық қорымында кең көлемді қазба жұмыстары жүргізілді. Бұл нысандардан табылған материалдар Атасу I қонысынан анықталған: жертөле, қыш фрагменттері, мал сүйектері, кен қалдықтары, тотықты жез, сүйек, тас еңбек құралдарына өте жақын ұқсас екенін айтуға болады.

Ә.Х. Марғұланның «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» атты еңбегінде орта қола кезеңінен XIII-XI ғғ. (Маргулан, 1979, с. 25-58) соңғы қола кезеңі X-VIII ғғ. – бегазы-дәндібай мәдениетіне өтпелі аралық саты (Маргулан, 1979, с. 61-153) және бұдан кейінгі ерте темір VIII-VII ғғ. ескерткіштерін бөле келіп, соңғы қола кезеңіндегі мәдени дәстүрлердің сақталуын, әрі ерте темір ғасыры мәдениетінің қалыптаса бастағанын көрсетеді (Маргулан, 1979, с. 153-160). Ә.Х. Марғұланның бір мәдениет шеңберіне екі мәдениет бегазы-дәндібай (қорымдар материалдары) және сарғара-алексеев (қоныстар материалдары) ескерткіштерін біріктірді. Ескерткіштерді тиістілі кезеңдерге жіктеумен қатар, бұл еңбекте суландыру, шаруашылық дағдысы, құрылыс, зергерлік кәсіп т.б. мәселелерге көңіл бөлінген.

М.К. Қадырбаев пен Ж.Қ. Құрманқұлов «Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки» монографиясында материалдарды жүйелеу, талдаумен қатар Атасу I, Мыржық, Ақмұстафа, Ақмая ескерткіштерінің сипаттамасы беріліп, қыш ыдыстар, қыш фрагменттері пішініне, жасалу техникасына, көркемдік шешімі мен техникасына, өрнек түріне, орналасуына қарай алакөл-атасу (б.з.д. XV-XIV ғғ.), федоров-нұра (б.з.д. XIV-XIII ғғ.), алексеев-сарғара және бегазы-дәндібай (б.з.д. XII-IX ғғ.) (Қадырбаев, Құрманқұлов, 1992, с. 231-232; Қадырбаев, 1983, с. 134-142) мәдениеттеріне бөледі. Жиналған материалдар негізінде авторлар б.з.д. II мыңж. Орталық Қазақстан Евразиядағы металлургия орталығының бірі болды деп тұжырымдайды. Бетпақдаланың солтүстігіндегі қоныстар мен қорымдарында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары материалдарының басым бөлігі ҚР MOM қорында сақталуда.

А.Е. Ержанова «Каменные орудия и изделия поселения Атасу (результаты трасологического анализа)» атты мақаласында Атасу қонысынан табылған ҚР MOM қорындағы тас еңбек құралдарын трасологиялық тұрғыдан талдаудың сипаттамасын берген. ҚР MOM-ның археология қорындағы Орталық Қазақстанның қола дәуірі коллекциядағы тас, сүйек, балшықтан жасалған металлургия, кен ісінде қолданылған еңбек құралдарына әсіресе, кен өндіру, байыту және оны балқытуға дайындауда негізгі құрал – тас еңбек құралдары болып табылады. Қоныстарда кенді уатуға, үгуге қолданылатын тас балға, қайла сынды құралдар жиі ұшырасады (Ержанова, 2011, 256-264 бб.). Орталық Қазақстан қола дәуірі коллекциясының зерделенген артефактілері Ә.Х. Марғұланның және Ж.Қ. Құрманқұловтің әзірлеген жіктелім негізінде Сарыарқа халқының шаруашылығы қызметінің түрлері бойынша топтастырылды. Олар өздерінің ғылыми еңбектерінде егін шаруашылығы болғанын жанама растайтын құралдардың саны аз және көп қызметті болғанын атап көрсетеді. Егін шаруашылығы мал шаруашылығымен үйлесе отырып қосалқы қызметтер атқарды. Үй кәсібінен қыш-құмыра өнеркәсібі, былғары және тері өңдеу, иіру мен тігіншілік, сүйек кесу ісі және тас өңдеу жақсы дамыды. Мыс және қалайы кен орындарына негізделген тау-кен ісі мен металлургия жеке кәсіп саласы ретінде қалыптасты. Мамандандырылған өндіріске бөлініп шыққан сүйек пен мүйіз кесу кәсібиліктің жоғарғы деңгейіне жетті.

Қола дәуірінің материалдық мәдениетін зерделеуде тау-кен ісінде, егіншілікте, үй кәсіпшілігінде қолданылатын тас еңбек құралдарының маңызы өте зор. Тас еңбек құралдары ежелгі тайпалардың шаруашылық-тіршілік қам-қаракетінің басты салаларының бірден-бір көрсеткіші болып табылады. Еңбек құралдарының түрі, пішіні, сапасы сол қоғамның даму деңгейін аңғартатын басты фактор екендігі сөзсіз. Жалпы адамзаттың ең алғаш іске жаратқан дүниесінің бірі тас. Археологиялық

зерттеулер нәтижесінде мыс кенін игерудің бастапқы сатысында (б.з.д. XXII-XVII ғғ.) Орталық Қазақстанды мекендеген тайпалар тастан түрлі еңбек құралдарын жасап тұтынғаны анықталды.

Тастан жасалған еңбек құралдары тарихи дерек ретінде көптеген зерттеушілер назарына іліккені белгілі. Жезқазған геологиялық музейінің негізін қалаушылардың бірі Н.В. Валукинский 1945-1948 жж. Жезқазған аумағындағы кен орындарын барлау-зерттеу барысында ежелгі кеншілер жұртынан тастан жасалған қару түрлері – кен уататын шой балға, құйма қалып, шүмек, тісшелі қалыппен өрнектелген қыш фрагменттері, мыс, күміс және қоладан жасалған жиырма мыңға жуық түрлі заттарды жинаған. Осы материалдардың өзі археология ғылымын Жезқазған сынды кенді аумақтың ежелгі кеніштері, мыс кенін өндіру-мыс балқыту орындары жайлы мәнді деректермен толықтырғаны сөзсіз (Валукинский, 1948, с. 33-39).

Тау-кен ісі, металлургия ескерткіштерінің тарихы, тас өңдеу кәсібі және еңбек құралдары жайлы бай мәлімет Орталық Қазақстан ескерткіштерін зерттеу, далалық және сараптамалық жұмыстар нәтижелері қамтылған іргелі ғылыми еңбекте (Ержанова, 2015, 406-413 бб.) және Ә.Х. Марғұланның «Орудия труда древних горняков» деген мақаласында (Маргулан, 2001, с. 55-58) баяндалады.

Ә.Х. Марғұлан «Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана» атты монографиялық еңбегінде Орталық Қазақстанның көпсалалы шаруашылығындағы металлургия мен қыш кәсіпшілігінің маңызын екшеп, тастан жасалған еңбек құралдары, өндірістік қалдықтар көптеп табылған Атасу мысбалқыту кешені, Милықұдық, Сорқұдық, Златоуст, Шортандыбұлақ қоныстардағы өндірістік шеберханалар жайлы нақты археологиялық мәліметтер (Маргулан, 1979, с. 163-254), Атасу I қонысынан табылған үш мысбалқыту пешінің жоба сызбасын, сипаттамасын келтіреді, мәдени қабаттары, Милықұдық сынды өндірістік нысандарға тоқталады (Маргулан, 1979, с. 234). Өндірістік нысанның біріншісінде кен өндірілген болса, екіншісінде оны өндеген. Әдетте кеншілердің тұрғын жайларымен қатар тас ошақтар ұшырасқан, мысалы, Милықұдық қонысы аумағында 15 мысбалқыту пеші болғаны белгілі (Маргулан, 1979, с. 237). Аталмыш еңбекте тау-кен ісінде қолданылатын (шойбалға, кетпен, қайла, балға, сына, т.б.) тас еңбек құралдары және тікелей металлургиялық процесспен байланысты еңбек құралдары – қалып, тигель сынды заттардың толық сипаттамасы беріледі (Маргулан, 1979, с. 247).

Кен ісінің қалыптасуы, дамуы жөнінде мәліметтер Э.Ф. Кузнецованың «Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана» атты монографиясында кеңінен талданған. Бұл зерттеуде автор ежелгі шикізат көздері мен құрамы, металл, балқытпа алу әдістерін талдап, байырғы технологияны реконструкциялау мәселесіне көңіл бөледі және Орталық Қазақстан аумағынан табылған барлық металл бұйымдардың физика-химиялық сараптамасын келтіреді (Кузнецова, Тепловодская, 1994, с. 32-62, табл. 4, 5; с. 170-179). Ғалым сондай-ақ, ежелгі кеншілер мен металлургтердің Атасу, Мыржық, Шортандыбұлақ, Тағыбайбұлақ, Қарқаралы, Ұлытау, Бұғылы, Кенқазған сынды орталықтарындағы өндіріс орындары – карьер, қоныстардан табылған еңбек құралдарының сипаттамасын, қолданыс орнын, зерттеліп отырған заманның нақты қай кезеңіне тән екендігін көрсетеді.

М.Қ. Қадырбаев пен Ж.Қ. Құрманқұлов Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясының 1975-1985 жж. Атасу өзенінің жоғарғы бойында атқарған археологиялық барлау, қазба, ғылыми зерттеу жұмыстары нәтижесінің қорытындысы болып саналатын «Культура древних скотоводов и металлургов Сарыарки» атты монографиялық еңбекте (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 247) жалпы мыс балқыту өндірісінде пайдаланылған тастан жасалған еңбек құралдарының толыққанды зерттелмей отырғандығын айтады.

Ежелгі кеніштер жайлы жазылған бірқатар еңбектерде (Аванесова, 1991; Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Кадырбаев, 1983; Маргулан, 1979) тастан жасалған еңбек құралдарының сипаттамасы, қолданыс орны көрсетіледі, алайда құралдарды хронологиялық жіктеу, яғни қола заманының нақты қай кезеңіне жататыны көрсетілмейді (Кузнецова, Тепловодская, 1994, с. 126).

Соңғы кезде өндірістік іс-әрекеттің техника, технологиялық әдіс-тәсіл, инновация және ежелгі өндіріс түрлерінің даму қарқыны сынды нақты мәселеге ғылыми қызығушылықтың артып отырғаны белгілі. Осы орайда, ежелгі еңбек құралдарына қатысты түрлі мәселелерді қарастырып жүрген бірқатар мамандар (Ержанова, 2011, Плешаков, Ержанова, 2013, Кунгурова, Варфоломеев, 2013, т.б.) артефактілерді трасологиялық әдісті қолдана отырып зерттеуге мән береді.

Қола дәуірі тұрғындарының еңбек құралдарын топқа, түрге жіктеуде трасологиялық, экспериментальді әдісті қолдану құралдың нақты қандай материал – шикізаттан, қандай әдіспен өңделгенін және тас бетіндегі әркелкі – сызат, ойық, опырылу сынды өзгерістерге қарап оның тозуын, яғни қандай да бір әрекетке – кәсіпте, шаруашылықта қолданылғандығын және тікелей қандай мақсатта пайдаланылғанын анықтауға, сайып келгенде, ежелгі шаруашылық саласын, технологияны жаңғыртуға жол ашады.

Айтар болсақ, А.Е. Ержанованың мақаласында Атасу (ЦМК КП 27254/1-83), Мыржық (ЦМК КП 27254/84-86, 88-90, 92-93), Ақмұстафа (ЦМК КП 27254/94) қоныстарынан табылған тас құралдардың (Ержанова, 2015, 406-413 бб.) трасологиялық талдауы берілген. Зерттеу нәтижесінде тасты өңдеуде қолданылған технологиялық әдістер, құралдың қолданыс аясы, уақыты – кезеңі нақтыланып, қоныс тұрғындарының өндірістік іс-әрекетінің ерекшеліктері пайымдалды, яғни металлургия жетекші шаруашылық түрі болды деуге болады.

Талдысай қонысынан (б.з.д. XV-XIV ғғ. басында пайда болған) табылған еңбек құралдарын трасологиялық талдауға сүйене отырып мамандар А.А. Плешаков пен А.Е. Ержанова бұл әдіс қола бұйымдарын дайындау, өңдеудің технологиялық сатыларын реконструкциялау – жаңғыртуға мүмкіндік береді деп түйіндейді (Плешаков, Ержанова, 2013, с. 260-269). Осы авторлардың пікірінше артефактілерді статистикалық тұрғыдан талдай отырып зерттеу, затты сипаттаумен ғана шектеледі, яғни, нақты ерекшелігін толық көрсетпейді (Плешаков, Ержанова, 2013, с. 269 б.). Трасологиялық әдісті қолдана отырып Кент қонысынан табылған тас құралдарды зерттеген Н.Ю. Кунгурова мен В.В. Варфоломеев қоныс тұрғындары шаруашылығының кейбір тұстарын анықтауға қол жеткізді (Кунгурова, Варфоломеев, 2013, с. 198-217).

Сонымен материалдарды трасологиялық зерттеу артефактілердің нақты қолданылу орнын анықтауға, еңбек құралдарының ғылыми негізделген типологиясын құруға септігін тигізеді. Мақалада зерделеніп отырған мәселелерге қатысты қарастылған ғалым-зерттеушілердің арнайы зерттеулерінде (Карабаспакова, 2011; Маргулан, 1979; Ержанова, 2015; Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Кузнецова, Тепловодская, 1994) тастан жасалған еңбек құралдарын, негізінде, металл өндірісінде және оны өңдеу саласында қолданылғанын айтады.

Тасты өңдеу технологиясының, дағдының, құрал түрлерінің тұрақтылығы, құралдардың белгілі бір кәсіпке – өндіріске сәйкестеле өңделуі тас құралдарын топтарға бөлуге мүмкіндік береді.

М.Қ. Кадырбаев пен Ж.Қ. Құрманқұловтың жоғарыда аталған монографиялық еңбегінде Атасу ескерткіштерінен табылған барлық тас құралдардың толық сипаттамасы (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 125-149) келтірілген. Бұл ғалымдар барынша кең қолданылған тас еңбек құралдарының кейбір түрлерін саралай келе құралдарды: 1) кен қатпарының жігін ажыратуға, қопаруға, кенді балқытуға дайындау мақсатында қолданылатын; 2) металды өндіру және одан түрлі заттарды жасауға қажетті құралдар тобына бөледі. Осы жіктеуге сай бірінші топқа кенді, шлақты ұсақтау, үгуге қолданылатын еңбек құралдарына – балта, қайла, сүймен, сына, балға, сап қондырылатын ойығы бар кетпен сынды бірқатар заттар кіреді (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 127).

Құралдар түрінің екінші тобына кенді тікелей балқыту барысында қолданылатын және дайын металдан қажетті бұйымды жасауға лайықталған тас науа, шүмек, қалып, бұйымды өңдеуге пайдаланылатын текше (келі-келсап), қайрақ, кішігірім балта түрлері жатады (Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 145).

ҚР МОМ-ның археология қорындағы тас еңбек құралдарының басым бөлігі Атасу, Мыржық, Ақмұстафа, Тағыбай бұлақ, Жерексай қоныстарына жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында жиналған артефактілер.

ҚР МОМ қорындағы есептік құжаттар, археологиялық зерттеулер есептері, арнайы әдебиеттер негізінде зерделенген, сипаттамасы жазылған артефактілерді талдай келе қола дәуірінде алдыңғы тас ғасырлары кезінде іске жаратылған байырғы тас еңбек құралдарының қолданыс аясының кеңейгенін, әрі тасты өңдеу техникасының жетілгендігін аңғарамыз. Кен ісі, мыс балқыту өндірісі, жер өңдеу-егіншілік, аңшылық, үй кәсіпшілігінде көбінесе тас еңбек құралдары пайдаланылды.

Аталған еңбек құралдарына алеврит, кварцит, порфир, порфирит, диабаз, құмтас т.б. жергілікті шикізат түрлері тандалған (Маргулан, 2001, с. 55). ҚР МОМ-ның археология қорындағы қола дәуірі коллекциясындағы тас еңбек құралдарын саралау, талдау барысында зерделенген артефактілер, біріншіден, Жезқазған аумағында анықталған белгілі тау жыныстарынан, екіншіден құралдардың қолданыс аясына, атқарылатын жұмыстың сипатына (ауыр немесе жеңіл) сәйкестігі жіте ескеріле отырып өңделгені анықталды.

Кенді төбелердің жоғарғы қабатын аршу, кенді тас-топырақтан тазарту жұмыстарына сүймен, қайла (сурет 2 а, б) сынды құралдар қолданылды. Қайла сүйір немесе жұмыр конус пішіндес болып келеді, алайда бүйірі сап байлауға лайықтала ойысты болып келетін түрі де кездеседі.

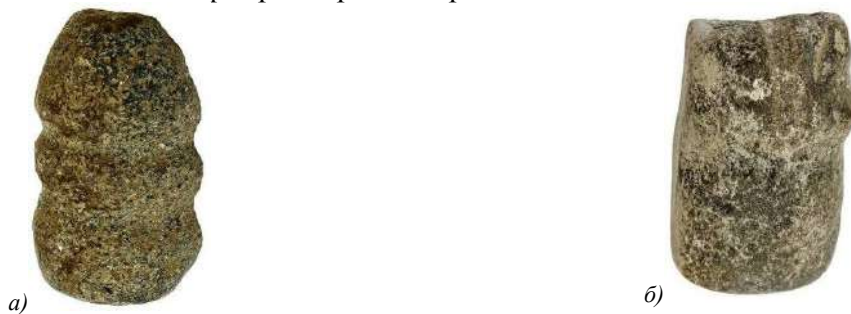
Сурет 2 – Балта-қайла түрлері. ЦМК КП 27254/37, 38.

Ә.Х. Марғұлан ежелгі кеншілердің ең басты құралы шотбалтаға кварцит, порфирит шомбалдарының пайдаланылғандығын және тау жыныстарындағы кен жіктерін талқандауға қомақты, салмағы аса ауыр 30 килограмнан асатын осы құрал ғана оңтайлы деп санайды (Марғұлан, 2001, с. 56). Шотбалталардың пішіні әртүрлі яғни, қолданыс аясы кең болған. Бұл құралдың тұрпайылау, әрі ауыр түрлерімен қатар забойда кенді сұрыптауға, бос жыныстар бөлшектерінен тазартуға лайықталған жеңіл, ыңғайлы түрлері көптеп ұшырасады (сурет 3 а, б). Зерделеніп отырған музей коллекциясындағы Ақмұстафа қонысынан табылған жеңіл де оңтайлы құрал (сурет 3 в) осы соңғы түрге сәйкес келеді.

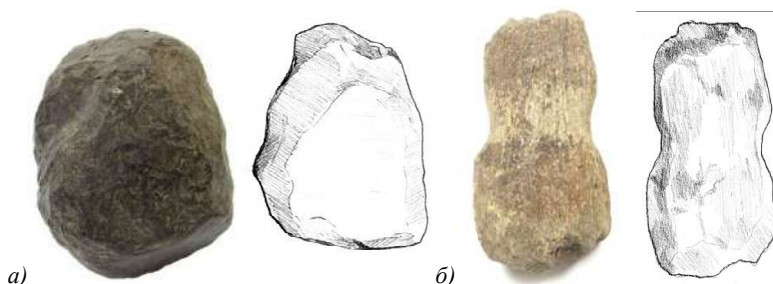
Сурет 3 – Соққы құралдары. а, б) ЦМК НВФ 5557/6, 7, в) КП 27254/94.

Кен уатуға пайдаланылатын соққы тегеуріні жоғары құралдың енді бір түрі – балға. Тас құралдардың өзге түріне қарағанда пішіні әрқелкі балғалар барынша мұқият өңделген. Бұл құрал, пішіні және салмағына қарай үш түрге бөлінеді. М.Қ. Қадырбаев пен Ж.Қ. Құрманқұлов бірінші топқа тік бұрышты немесе цилиндр пішінді, қимасы дөңгелек, қырлары дөңгелектенген, салмағы 5-8 кг шамасындағы балға түрлерін жатқызады. Әдетте балғаның жоғарғы бөлігінде 2-3 көлденең ойма жолақ байқалады, артқы беті сап бекітуге лайық тегіс болады (сурет 4 а). Коллекциядағы балғаның (сурет 4 б) бірінде көлденең оймамен қатар шүйде тұсынан түскен тік ойма байқалады.

Сурет 4 – Балға түрлері. а) ЦМК НВФ 5557/1; б) ЦМК КП 26246/7.

Орталық Қазақстан қола дәуірі коллекциясындағы пішіні тұрпайылау тас балғалар бірнеше түрге бөлінеді (сурет 5, 6, 7). Біріншісі, бұл тас еңбек құралдың жұмысқа лайықталған төменгі бөлігі сәл сүйірлене дөңгелектенген болып келеді. Бұндай құралдың төменгі бөлігі дөңгелектеу, сопақтау тұсының соққысы өңделетін материалдың шағын бір бөлігіне ғана беріледі (сурет 5 а, в)

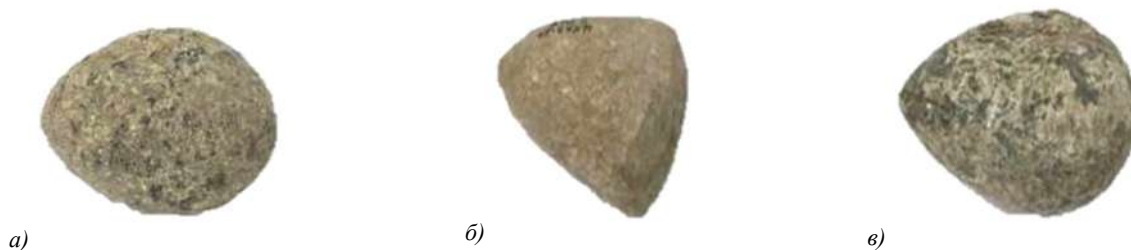

Сурет 5 – Бірінші және екінші түрге сәйкес балға түрлері. а) ЦМК КП 20249/8, б) ЦМК КП 26246/3, в) ЦМК КП 27254/31.

Екінші түрге – цилиндр, сопақша, ортасы сапты бекітуге лайықталған ойысты дөңгелек, көлемі орташа балғаларды жатқызамыз (ЦМК КП 26246/3). Мыржық қонысындағы қазбадан табылған ұзындығы 14,7 см, жұмыс бөлігінің ені 10,7 см, қалыңдығы 4,9 см (сурет 5 б) құрал осы екінші типтің үлгісі болып табылады.

Үшінші түрге – кішігірім, жеңіл, ұзынша, цилиндр, сопақтау және бүйірлі балға түрі жатады (ЦМК КП 27320/1 а, б, в). Аталмыш түрге Мыржық қонысындағы 1984 ж. қазбадан табылған сопақша, бір шеті үшкіл, дөңгелектеу, үшбұрышталған зергерлік іске лайықталған балғалар топтамасы (сурет 6 а, б, в) сәйкес келеді.

Сурет 6 – Үшінші типке сәйкес балға түрлері. ЦМК КП 27320/1 а, б, в.

Көлемі шағын екі тас балғаның бірі тікбұрыштылау, бір шетінің пішіні сопақша келеген, үстіңгі беті тегістелген (ЦМК КП 26067/52, 54). Екінші балға – жапырақ пішінді, қимасы тікбұрышты, қырлары дөңгелектенген, бір шетінде ілуге немесе асуға лайықталған дөңгелек оймасы бар (сурет 7), (Плешаков, Ержанова, 2013, с. 260-269).

Сурет 7 – Балғалар. ЦМК КП 26067/52, 54.

Мұндай балға түрлері қола дәуірі қоныстарында жиі ұшырасады, мысалы: ҚР МОМ-ның қола дәуірі коллекциясындағы Қарқаралы II, Шортандыбұлақ қоныстарынан табылған балғалар (Плешаков, Ержанова, 2013, с. 260-269).

Кенді, шлақты тас келіде, төсте үгуге және қола бұйымдарды өңдеуге арналған құралдың негізгі түрі келсап. Музей коллекциясындағы келсаптың көпшілігі Атасу қонысынан табылған артефактілер. Келсаптар тікбұрышты, дөңгелек, конус тәрізді болып келеді (ұзындығы 10-13,5 см, ені 6-8 см) төменгі шеті дөңгелектенген (сурет 8 а, б, в, г). Келсаптарды пішініне, қолдану аясына қарай екі түрге бөлуге болады.

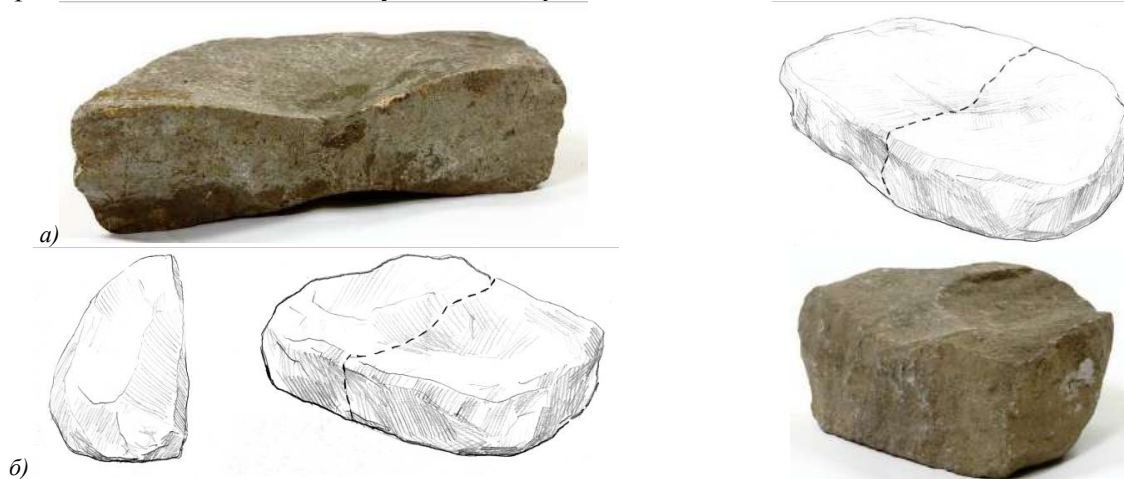
1) бірінші түрге, сабы цилиндр тәрізді, төменгі – жұмыс бөлігі енді, тікбұрышталған және қимасы дөңгелектеу шомбал тастан пішінделген құралдар;

2) екінші түрге – саптың жоғарғы бөлігі сопақтала бөлініп айқындалады немесе саңырауқұлақ тәрізді (сурет 8 г) болып келеді.

Сурет 8 – Келсап түрлері. ЦМК КП27254/61, 62, 71; ЦМК КП 6116.

Келсаптармен қатар қолданылатын құралдың бірі келі немесе текшетас (бұдан ары қарай – тас келі). Тас келі пішіні дөңгелек, сопақтау немесе тікбұрышты болып келеді. Коллекциядағы тас келінің көпшілігі фрагменттерден тұрады. Мұны, бұл тас келілердің жұмыс барысында тез сынып қалатындығымен түсіндіруге болады деп ойлаймыз. Себебі жалпақ болып келетін тас келілерге кенді, шлақты үгу барысындағы келсаптың соққысының әсерінен жиі жарылып кететін болған. Мысалы, ұзындығы 22,7 см, ені 19 см, қалыңдығы 7 см тікбұрышты тас келінің минералды үгуге қолданылған екі бетінің де орта тұсы дөңгелектене ойысқан, сыртқы бетінің әр жері опырылған, сырылған (сурет 9 а, б). Келілердің тозу белгілері бірден байқалады. Ортасынан опырылып сынуы тас келінің жұмыс барысында істен шыққанының куәсі болса керек.

Сурет 9 – Тас келілер. НВФ 5557/42, 44.

Шаруашылықтың әр саласында жиі қолданылған құралдың бірі кетпен. Кетпен көбінесе топырақты қопсытуға, кенді тас, топырақ, қиыршық, құм қабатынан тазартуға қолданылды. Ежелгі шаруашылық түрін қалпына келтіру – реконструкциялаумен байланысты мәселені зерттеуші ғалымдардың біркатары (Кунгурова, Варфоломеев, 2013, с. 198-216; Маргулан, 2001, с. 21-42) кетпен негізінде жер өңдеуге қолданылған еңбек құралы деген пікірді алға тартады. Алайда, ежелгі кеншілердің қоныстарындағы қазба жұмыстары барысында табылған үлгілерге жүргізілген трасологиялық зерттеулер нәтижелері, аталмыш, тас еңбек құралдарды тау-кен ісінде де пайдаланылғанын көрсетеді (Ержанова, 2011, 256-264; Плешаков, Ержанова, 2013, с. 260-269; Зданович, Коробкова, 1988, с. 60-79).

Қола дәуірі коллекциясындағы кетпендердің (ұзындығы 8-18 см, ені 6-8 см, қалыңдығы 1,5-5 см), пішіні жағынан әркелкі: сопақша, үшбұрышталған, трапецияға жақындау. Төменде суреті көрсетілген Мыржық қонысынан табылған кетпен (сурет 10 а, б) ұзындығы 10,5 см, жоғарғы бөлігінің ені 7,2 см, жұмысқа қолданылатын тұсының ені 8,3 см, қалыңдығы 3,3 см, пішіні трапецияға келтірілген, шүйде тұсы дөңгелектенген, екі қырына иінді ойма түсірілген, тікелей жұмысқа бағытталатын тұсы үшкілденген. Орталық Қазақстанның қола дәуірінің ірі тау-кен, металлургия орталықтарының бірі Қарқаралы өңірі.

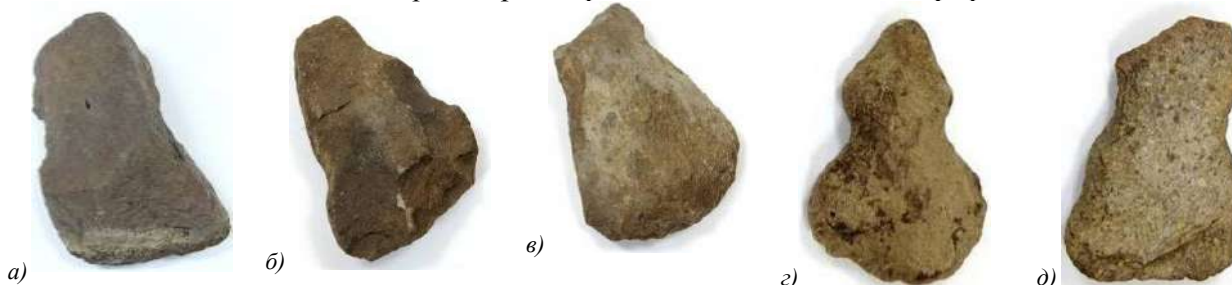

а)

б)

Сурет 10 – Кетпендер. а) КІП 27254/3, б) КІП 26246/2.

Орталық Қазақстан қола дәуірі коллекциясында Баянауыл ауданы Тағыбай бұлақтың солтүстік аңғары, Әулие Қызылтау тау жоталарының солтүстік-шығыс беткейі Жосалы ауылынан 23 км, байырғы Тайшық қыстауынан 1 км қашықтықта орналасқан Тағыбай бұлақ қонысындағы (қонысты 1974 ж. М.Қ. Қадырбаев зерттеген) №1 тұрғын жайдың мәдени қабатынан 23 кетпен, 5 кен уатқыш құрал, тигельдердің сынықтары, сыналар, т.б. артефактілер табылғаны белгілі (Маргулан, 2001). Музей коллекциясында осы қоныстан табылған 5 кетпен (сурет 11 а, б, в, г, д) бар. Пішіні, өңделу техникасы бойынша Тағыбай бұлақтан табылған кетпендер Орталық және Шығыс Қазақстанның қоныстары мен кеніштер аумағынан табылған кетпендерге өте ұқсас келетіндігін айтуға болады, өйткені, шүйдесі дөңгелектенген, тікелей соққы беретін тұсы жарықшақтала өңделген, екі бүйірі оймалы болып келеді.

а)

б)

в)

г)

д)

Сурет 11 – Кетпендер. ЦМК КІП 26982/11, 12, 13, 14, 15.

Жалпы Орталық Қазақстан қола дәуірі коллекциясындағы тастан жасалған еңбек құралдары кен өндіру, сұрыптау, минералдарды үгу, кенді балқытуға дайындау және металлдан, саз балшықтан жасалған түрлі заттарды өңдеуге, ал кішігірім келсаптар, тегістеуіш, жылтыратқыш, қайрақ, т.б. құралдардың сыртқы бетін тегістеу, жылтырату, балта, кетпеннің жүзін өткірлеуге лайықталған.

Сонымен, зерделеніп отырған ҚР МОМ-ның археология қорында қалыптасқан Орталық Қазақстанның қола дәуірі коллекциядағы тас еңбек құралдары морфологиялық, салыстыру-салғастыру және трасология сынды әдістермен талданып құрал түрлерінің қолданыста болған мерзімі және нақты қолданыс аясы анықталды. Зерделеу нәтижелері көрсетіп отырғандай, құралдар жергілікті шикізаттан жасалғаны белгілі болып отыр. Сондай-ақ, тасты қажетті құрал пішініне келтіру үшін жару, жарықшақтау, опыру, қырнау және тегістеу секілді техникаларды қолданылғаны белгілі болды.

Қорытындылай келе, Орталық Қазақстан аумағында қола дәуірінде кен ісі, металлургия өндірісі дамып, тұрмысқа металдан жасалған құралдар дендеп енгенімен де өндірістің жаңа, барынша қуатты түрі тасты өңдеу, іске жарату деңгейінің жандануына игі ықпал етті деп тұжырымдауға болады.

Әдебиеттер

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.

Валукинский Н.В. Древнее производство меди в районе Джезказгана // Известия АН Каз ССР. Серия археологическая. Алма-Ата. 1948. Вып.1. С. 33-39.

Ержанова А.Е. Атасу қонысынан табылған тас құралдары мен бұйымдары (трасологиялық талдау нәтижелері) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. 256-264 бб.

Ержанова А.Е. Орталық Қазақстан аймағындағы қола дәуіріндегі металлургия кеніштері мен тас құралдары // Ежелгі Торғай Ұлы дала төсіндегі асыл алқа. Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Ancient Turqay and the Great Steppes: part and whole. Виктор Николаевич Логвиннің 70 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Қостанай – Алматы, 2015. 406-413 бб.

Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск: ЧелГУ, 1988. С. 60-79.

Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 134-142.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетпак-Далы). Алма-Ата. Гылым, 1992. 250 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992. 247 с.

Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы, 2011. 220 с.

Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М. Древняя металлургия и гончарство Центрального Казахстана. Алматы: Гылым, 1994. 207 с.

Кунгурова Н.Ю., Варфоломеев В.В. Орудия и изделия из камня поселения Кент (по результатам трасологического анализа) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова. Алматы, 2013. С. 198-217.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 360 с. с ил. (Отсутствуют с. 65-112).

Маргулан А.Х. Джекказган – древний металлургический центр (городище Милыкудук) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 3-42.

Маргулан А.Х. Орудия труда древних горняков // Сочинения: В 14 т. Т.2. Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джекказган – древний и средневековый металлургический центр (городище Милыкудук) / Сост. Д.А. Маргулан., Д. Маргулан. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 144 с. + вкл. 40 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.

Плешаков А.А., Ержанова А.Е. Поселение Талдысай – центр бронзолитейного производства Центрального Казахстана (по результатам трасологического анализа) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова. Алматы, 2013. С. 260-269.

Kh. Aitkul, A. Yersariyev, G. Stamkulova

STONE TOOLS OF THE BRONZE AGE TRIBES OF CENTRAL KAZAKHSTAN

Within the framework of the proposed article, which is based on the study of the economy, culture, worldview, everyday life, and the social formation of ethnic associations – the stone tools are analyzed, which are part of the bronze age collection of Central Kazakhstan, formed from artifacts of the most important archaeological sites such as Atasu, Myrzhyk, Akmustafa, Sangur, Begazy, Akmaya, Aksu-Ayuly, Shortandy Bulak and Buguly I, II and the others in the archeology fund of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan.

М.В. Бедельбаева

Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова

г. Караганда, Казахстан

E-mail: bmv_1967@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЯ ПАЛИЦЕНОСЦЕВ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КАЗАХСТАНА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Изображения палиценосцев встречаются в петроглифах Жетысу, Каратау, Сарыарки, Восточного Казахстана и привлекают внимание исследователей сюжетностью сцен, содержательностью образов, детальной иконографией. Уникальные образы представлены на местонахождениях Тамгалы, Байконур, Баянжурек, Кулжабасы и др. Иконография рисунков показывает общие черты – палица расположена на плече воина, палиценосцы изображены с согнутыми ногами, ступни направлены вперед, сзади показан «хвост» – некий предмет с шаровидным утолщением на конце, подчеркнуты первичные половые признаки.

Интересны сюжеты ритуального противостояния воинов, вооруженных палицами, изображенных на скалах в урочищах Сагыр в Восточном Казахстане (Самашев, 1992, с. 23, 29, рис. 25), Сауыскандык в Южном Казахстане (Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014, с. 261–262, рис. 485), Шунак в Центральном Казахстане (Бедельбаева, Новоженев, Новоженева, 2015, с.77–79, табл. 35), интерпретируемые исследователями как мифические герои. Парность фигур, возможно, отражает миф о соперниках братьях-близнецах, характерный для древних культур. Набор двоичных символов характеризует повсеместно существующий дуализм. Именно такие сюжеты в первобытном искусстве подразумевают

композиционную неделимость, целостность, где идеологическому и тематическому уровню подчинено все остальное (атрибутика, позы, пропорции, акценты). Дуализм восприятия помогал не только классифицировать представления о мире, но и вносить в него элементы организации, гармонии (Швец, 2014, с. 296-297).

Так, на местонахождении петроглифов Сауыскандык (Каратау) – памятнике, включенном в предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО и насчитывающем девять больших групп петроглифов и более десять тысяч изображений – выявлено десять изображений палиценосцев. Вот как анализирует эти изображения И.Н. Швец: крепкие фигуры мужчин с массивным плечевым поясом и мускулистыми ногами (показана всегда лишь одна профильная нога), ягодицы сильно выступают под острым углом за линию спины, особо подчеркнуты изгибы бедренного и коленного суставов, что демонстрирует экспрессивность. Рукоять палицы держат одной, чаще правой, рукой. Помимо указанных деталей, данные образы отличает тщательность исполнения, натурализм элементов и желание показать фигуры в действии/движении, что говорит о «героизации» данных фигур (Швец, 2014, с. 297, , рис. 1-3).

Рис. 1 Местонахождение петроглифов Шунак. Изображение палиценосца

В Центральном Казахстане на местонахождении петроглифов Шунак, расположенном в районе одноименных гор на границе Сарыарки и Бетпакдалы, на пяти группах зафиксированы как одиночные изображения палиценосцев (рис. 1), так и в составе многофигурной композиции. Эта сцена включает более 60 изображений, в том числе двенадцати человек, из которых четыре – палиценосцы (рис. 2). Для ее размещения была выбрана наибольшая горизонтальная плоскость в пределах всего обнажения из мелкозернистой кварц-полишпатовой породы относительно большой прочности, не требующая выравнивания естественной поверхности. Низкое расположение у берега реки Сарыбулак, очевидно, было удобно для обозрения, как в непосредственной близости, так и на удалении – с возвышенности левого берега. Изображения выполнены в технике мелкой точечной выбивки с шлифовкой и выдержаны в одном стиле, характеризуются рациональным расположением фигур на каменной плоскости, демонстрируя наблюдательность и мастерство древнего художника. Персонажи

представлены в единой сцене во взаимодействии друг с другом. Совокупность фигур – помимо антропоморфных и «солнцеголового» персонажей, это крупные быки-туры, архары, лошади, птицы – связана между собой ограниченным пространством скалы, относительно одинаковыми сопоставимыми размерами, позами, направлением движения. Все люди в композиции (за исключением одного из парных палиценосцев, а так же поверженного и наклоненного) обращены вправо; все животные (кроме двух) – влево. Изображения людей реалистичны и хорошо детализированы: проработаны круглые головы, прически или головные уборы, носы крючком, показаны две ноги, ступни, ладони с пальцами, фаллосы.

Доминирующее положение на плоскости принадлежит «солнцеголовому» – представителю верхнего мира, расположенному на вершине композиции, под «патронажем» которого и происходит некий цикл ритуальных действий. Справа от него помещена эротическая сцена, вероятно, символизирующая «священный брак». Шесть антропоморфных изображений, рассредоточенных по всей плоскости, показаны с поднятыми руками (в позе адорации) и обращены в сторону «солнцеголового».

Рис. 2 Местонахождение петроглифов Шунак. Многофигурная композиция с изображениями палиценосцев

В центре плиты изображён поединок двух человек, показанных в профиль, друг против друга, в руках они держат скрещенные в бою палицы. Слева и справа от сражающихся ещё два палиценосеца, один из которых держит палицу высоко над головой, второй – перед собой (Бедельбаева, 2019, с. 628-629). Возможно, парность фигур и сам поединок могли отражать один из сюжетов мифа о соперниках братьях-близнецах Ашвинах (Насатья, они же – пара «носатых» возникших), характерный для многих древних культур Центральной Азии и Переднего Востока. Мотив борьбы являлся, скорее всего, одним из архетипов в древнем сознании и был обусловлен не только элементарным сосуществованием с представителями других социумов, но и дуалистическим представлением об окружающем мире.

Аналогичный сюжет известен в Тамгалы, где палиценосец и «ряженные» с крючкообразными руками расположены вместе (Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с.41, рис. 16). Эти изображения как хронологически (середина 2 тыс. до н.э.), так и стилистически близки петроглифам Шунак (например, носы антропоморфных персонажей имеют форму крючка, загнутого вверх и др.). По всей видимости, эта композиция, хорошо знакомая древнему художнику, представляла дуальность мироздания (верхний и нижний миры), являлась культовой и отображала некий обряд или мифологический сюжет.

В научных монографиях и статьях термин «палиценосец» употребляется чаще всего с прилагательным «мифический», что имеет серьезные основания. Объектом культа древнего населения, вероятно, было верховное божество индоарийского пантеона Индра, олицетворяющее божество грозы и боя. Согласно индоарийской мифологии его главным оружием является ваджра – «дубина грома» и «непобедимое оружие» (так именуется оно в Ригведе) – которой он побеждает демона-дракона Вритру

(Елизаренкова, 1989, с. 438). Предполагается, что персонажи палиценосцев в петроглифах могут быть изображениями жрецов, служителей культа этого грозного божества. Возможно, такие сцены андроновской мифологии регулярно разыгрывались отправителями культа с ритуальными целями, при которых палице отводилась символическая роль магического всеокрушающего смертоносного оружия, принадлежавшего богам и делающих его обладателей, а, следовательно, и весь социум, непобедимым.

Упомянуты палиценосцы и в других источниках. В «Илиаде» Гомера – это царь Арейфоя:

*135 Около фейских твердынь,
недалеко от струй Иордана,
Первым Эревфалион был в их воинстве.
Богу подобный гордо стоял он,
Держал он оружие царя Арейфоя.
Да, Арейфоя царя, что по прозвищу Палиценосец.*

*140 Мощный, не луком тугим,
Не копьем длиннотенным сражался,
Палицей грозной крушил он
Железной ряды сопротивных (Интернет-ресурс)*

В греко-римской культуре Геракла (Геркулеса) также прозвали палиценосец («claviger»). Галльский Сукеллос – великий воин, кельтский Дагда – властелин жизни и смерти, семитский крушитель мира сего Ваал и Нинурт – все они палиценосцы (Интернет-ресурс).

Интересен вопрос соотношения терминов «палица» и «булава», которые довольно часто используют как синонимы. В трактовке «Толкового словаря живого великого русского языка» В. Даля: «Палица – трость, дубинка, палка, бульдюга, особенно веская, закомлястая» (Даль, 1990, т. 3, с. 13). «Булава – набалдашник, головка... такое же оружие как знак начальственной власти; буздыхан, жезл, бунчук» (Даль, 1989, т. 1, с. 139). Главное отличие между ними состоит в том, что палица-дубинка с тяжелым округлым навершием (чаще корневище) всегда изготавливалась из цельного куска дерева. Данное оружие было широко распространено и пользовалось популярностью, так как было простым в изготовлении и обладало сокрушительной мощностью. Булава в отличие от палицы является составным оружием: это древко-рукоять, длиной не более 60 сантиметров, на которой с помощью проушины крепится ударный элемент – каменный или металлический набалдашник весом от 200 до 800 граммов, который мог быть как гладким, так и снабженным шипами (или другие модификации). Исследователи древнего вооружения полагают, что булаву можно признать одним из первых специально изготовленных видов оружия (Горелик, 1993, с. 89-95).

Найденные в ходе археологических раскопок предметы, представляющие собой каменные и металлические навершия булав, невозможно рассматривать только как оружие. По мнению многих исследователей, округлый предмет менее десяти сантиметров в диаметре мало походил на элемент грозного оружия. Булава практически не подходила и для оборонительных действий. Данный тезис подтверждается качественными характеристиками самих булав, часть которых изготавливалась из мягкого и хрупкого материала, легко поддающегося обработке. В большинстве своем, найденные в погребениях, они тщательно зашлифованы и не имеют следов контактного воздействия. Позднее булавы начали изготавливать полностью из металла. Появились церемониальные булавы в виде жезлов, которые имели, скорее всего, функцию социальную, как символ высокого статуса, символ власти и господства.

Булавы с каменными и металлическими навершиями имеют довольно широкое географическое распространение, подтвержденное как письменными, так и археологическими источниками. Они известны в древнем Египте, Месопотамии, на Кавказе, в Средней Азии и в степях Юго-Восточной Европы.

Так, в комплексе предметов вооружения археологической культуры Сыба\Сыва древнего Китая (1600–1400 гг. до н.э.) присутствует серия орудий ударно-дробящего действия, представленная каменными и бронзовыми булавами (История Китая, 2014, с. 505-506). Булавы культуры Сыба вытачивались из разных сортов камня: от грубых крупнозернистых пород, из которых делались сугубо утилитарные, прочные, явно боевые предметы уплощенной округлой формы, до высоко ценимого темного нефрита или розовато-белого мрамора. Изделия из последних материалов отличались тщательностью изготовления, имели изящную, близкую к грушевидной, форму и носили, скорее всего, статусный характер. Вывод авторов состоит в том, что в различных культурных общностях древнего Китая эти предметы вооружения использовали и в качестве властных регалий.

В комплексе Нахаль Мишмара (одна из пещер Иудейской пустыни) был обнаружен клад, содержащий более четырехсот предметов, среди которых находились и булавы, отлитые по восковой модели на высочайшем технологическом уровне. Радиоуглеродный анализ позволил датировать находки V-IV тыс. до н.э. (интернет-ресурс). 251 экземпляр булав этого комплекса отличаются разнообразием форм: сферические, грушевидные, дисковидные (9 экз.), треугольная (1 экз.). У большинства из них поверхность гладкая, полированная, иногда покрыта каннелюрами. В результате структурного исследования выяснилось, что среди них есть тонкостенные, внутри которых остатки керамических или каменных сердечников, залитых снаружи металлом, у некоторых на поверхности остались фрагменты литейных форм. Исследователи полагают, что тонкостенные предметы носили символический характер. Толстостенные булавы, отлитые полностью из металла (зафиксированы изделия из «чистой» меди, сплавов с высоким содержанием сурьмы и мышьяка, никеля и мышьяка, мышьяковой бронзы) с остатками деревянных рукоятей и битума во втулках могли использоваться и в качестве оружия.

Представительная коллекция разнообразных по форме и, очевидно, по назначению наверший булав, из археологических памятников эпохи бронзы экспонируется и в исторических музеях современного Ирана (Таинство..., 2014, с. 136–137).

В Урало-Казахстанском регионе количество найденных наверший булав, относящихся к эпохе бронзы, насчитывает около 30 экземпляров. В Южном Зауралье каменные булавы были зафиксированы в некрополях Синташта (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 139, 147, 232, 265, 318, 336), Большекараганский (Боталов, Григорьев, Зданович, 1996, с. 73), Каменный Амбар 5 (Епимахов, 2005, илл. 30–9), Кулевчи 6 (Виноградов, 1984, с. 150). В Верхнем Притоболье (Северный Казахстан) каменные булавы отмечены на Алексеевском (Кривцова-Гракова, 1948, с. 55–72) и Лисаковском поселениях (Усманова, 1988, с. 8, рис. 30), в погребальных памятниках обнаружены на некрополях Бестамак (Логвин, Шевнина, Колбина и др., 2007, с. 126), Кенес (Зданович, 1988, с. 83), Перелески (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 108, рис. 7–36). В Западном Казахстане каменные булавы найдены в погребениях могильников Танаберген 2 и Жаман–Каргала 1 (Ткачев В., 2007, с. 29, 343). В Центральном Казахстане три каменные булавы выявлены на поселении Икпень 1, в погребальных памятниках встречены в могильниках Нуртай (Ткачев А., 2002, с. 69, 162), Майтан (Ткачев А., 2012, с. 296), Сенкибай 2 (Кукушкин, 2014).

Все известные экземпляры булав в этом ареале связаны своим происхождением с синташтинской, петровской и раннеалакульской колесничными культурами, развивавшимися в первой трети второго тысячелетия до н.э. Однако, уже в раннеалакульское время наряду с каменными получают распространение и металлические навершия булав. Так, бронзовая булава была обнаружена в кургане 8 эпонимного могильника Алакуль в Южном Зауралье. Ее отличительной особенностью является овально вытянутая форма с 16 вертикальными гранями. С обеих сторон на втулке отмечены небольшие валики (Сальников, 1952, с. 68).

Редким случаем стала находка металлического навершия булав в Северном Казахстане. При исследовании кургана 14 могильника Баганаты 3 в крупной грунтовой яме было выявлено парное захоронение. При расчистке погребальной камеры в придонной части зафиксированы роговой дисковидный псалий, каменные наконечники стрел, женские украшения, бронзовый нож и медное навершие булав шаровидной формы, а также керамическая посуда. Памятник отнесен к петровским древностям (Плешаков, Мартынюк, Баев, 2005, с. 17).

Интересный материал был получен при исследовании раннеалакульского могильника Тундык, который находится в Центральном Казахстане (300 км восточнее г. Караганды). В северо-западном секторе кургана 4, в котором были исследованы четыре погребения, раскопана грунтовая яма размерами 1,9 x 1,1 м, где на глубине 0,3 м от уровня материка был обнаружен костяк человека в слабоскорченном положении головой на запад, расположенный *in situ*. Умершего сопровождал вещевой инвентарь: бронзовый нож/топорик, колчаный набор из 8 экземпляров наконечников стрел, давяльный камень и интересующая нас булава, зафиксированная на правом предплечье погребенного. Она представляет собой шаровидное чуть приплюснутое монолитное медное изделие весом около 200 гр., диаметром 4,5 см и высотой 3,5 см, имеющее слегка выделенный бортик вокруг сквозной втулки. В центральной части булав устроено отверстие диаметром 1,7 см, сужающееся к верхней части, внутри которого был зафиксирован фрагмент деревянной рукояти высотой 2,8 см и диаметром 1 см (Кукушкин, Дмитриев и др., 2015, с. 136; Кукушкин, 2018, с. 87–98). Исследователи полагают, что контекст расположения могилы в периферийной части кургана и совокупный характер найденных представительных предметов позволяет предположить, что это погребение могло принадлежать воину-

жрецу, который, по всей видимости, использовал булаву в качестве оружия и которая одновременно была свидетельством его социально высокого статуса.

Контекст расположения этой медной булавы как навершия оружия – на правом предплечье умершего – имеет важное значение и позволяет провести аналогии с изображениями палиценосцев, известных в наскальных изображениях (Кукушкин, Бедельбаева, 2019, с. 35-44). Однако, размер (диаметр) ударной части таких булав значительно меньше, чем навершия оружия воинов-палиценосцев. Это позволяет предположить определенную разницу в трактовке этих видов оружия.

Так, альтернативная версия В.В. Сараева трактует тамгалинского палиценосца как путника с посохом, «к одному концу которого привязан узелок с нехитрым скарбом на плече» (Сараев, 2007, с. 13). Посох, используемый при преодолении пеших маршрутов, был изготовлен, как и палица, из ствола дерева с корневищем. В казахской этнографии подобный предмет называют соил. Его можно рассматривать как атрибут кочевого общества, сохранивший свое значение вплоть до современности. Он служит для выпаса скота (им подгоняют овец на пастбище), а в случае опасности его ударной частью можно оглушить нападавшего волка или отбиться от разбойников. Современные фермеры-скотоводы упоминают о том, что раньше соил использовали многие пастухи, применяя его при необходимости и для решения конфликтов между собой.

Однако, исследователи отмечают, что антропоморфные изображения с палицами зафиксированы чаще в культовых сценах, чем в батальных или бытовых. Возможно, сцены петроглифов изображают ритуальную практику борьбы на палицах, в качестве оружия для тренировок или зрелищных поединков (интернет-ресурс). Изображение палицы в петроглифах обоснованно связывают с образом «ряженных» и сценами эротического содержания, когда древние люди старались подчеркнуть мифоритуальное значение этого оружия, которое описано в Ведах и Авесте (Швец, 2014, с. 294-299).

Функции булавы как сакрального предмета менялись с течением времени. Исключительно хорошая сохранность булав, найденных в непо потревоженных погребениях, как будто указывает на приоритет символики социальной ранжированности или атрибута духовных практик. Если на ранних этапах булаву можно было рассматривать как жреческую символику, то в дальнейшем семантика трансформируется в духовно-управленческую, а позднее в связи с широким распространением металла, видимо, на первое место выходят боевые качества булавы, возможно, при определенном сохранении властной символики.

Литература

Бедельбаева М.В. Образы сакрального пространства: изучение, историческая реальность, современная мифологизация (на примере памятников местности Тайткан-Шунак) // Маргулановские чтения – 2019: мат-лы Межд. арх. научно-практ. конф. – Нур-Султан, 2019. – С. 624-635.

Бедельбаева М.В., Новоженев В.А., Новоженева Н.В. Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. – Караганда: САИ, 2015. – 252 с.

Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1996. С. 64–88.

Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. № 3. 1984. С. 136–153.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. I. – Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1992. – 408 с.

Горелик М.В. Оружие древнего Востока. М.: Наука, 1993.

Даль В. Толковый словарь живого великого русского языка. Т. 1 М., 1989. Т.3. М., 1990.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: учебное пособие. Караганда: Изд-во Карагандинского гос. ун-та, 2002. 138 с.

Елизаренкова Т.Я. Примечания // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. С. 544–757.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1988. 177 с.

История Китая. Т. 1. Древнейшая и древняя история от палеолита до V в. до н.э. (по археологическим данным). М.: Наука-Восточная литература, 2014.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ. 1948. Вып. XVII. С. 55–172.

Кукушкин И.А. Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Исследования колесничных комплексов Сарыарки в эпоху бронзы» // Архив САИ при КарГУ им. Е.А. Букетова. Караганда, 2014.

Кукушкин И.А. Мировоззрение и традиции населения андроновской историко-культурной общности (по данным погребальной обрядности) // Вестник НГУ, Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 5: Археология и этнография. С. 87–98.

Кукушкин И. А., Бедельбаева М.В. Погребения с булавой: семантические аспекты (по материалам могильника Тундык) // Вещь в контексте погребального обряда. Материалы международной научной конференции. – М.: РГГУ, 2020. – С.35-44.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И. Могильник Тундык: предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. Науч. Конф. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей. 2015. С. 136–143.

Логвин А.В, Шевнина И.В., Колбина А.В., Нетета А.В. Исследования могильника Бестамак в 2006 году // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 году. Алматы, 2007. С. 123–127.

Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Онер, 1985. 143 с.

Плешаков А.А., Мартынюк О.И., Баев А.В. Могильник эпохи бронзы Баганаты III. Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2005. 82 с.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. № 24. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 51–71.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата: Гылым, 1992. 288 с.

Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. Петроглифы Сауыскандыка. Астана, 2014. 374 с. Сараев В.В. Феномен Тамгалы // История и археология Семиречья. Вып. 3. – Алматы: Общественный фонд «Родничок», 2007 – С. 7-21

Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. Сост. В.А. Новоженев. Гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. 454 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.

Ткачев А.А. Могильник эпохи бронзы Майтан. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2019. 529 с.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

Усманова Э.Р. Охранные археологические раскопки Лисаковского поселения эпохи бронзы: отчет // Архив САИ при КарГУ им. Е.А. Букетова. Караганда, 1988.

Швец И.Н. Об антропоморфных изображениях казахстанских петроглифов эпохи бронзы // Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии. Сост. В.А. Новоженев. Гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 294–300.

http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=456318 Гомер «Илиада» перевод А.А. Сальникова. Дата обращения: 08.03. 2020

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/86> Словарь символов. Дата обращения: 12.03. 2020

https://w.histrf.ru/articles/article/show/nakhal_mishmar Дата обращения: 24.03. 2020

<https://militaryarms.ru/oruzhie/holodnoe/palica/> Дата обращения: 25.03. 2020

M.V. Bedelbayeva

IMAGES OF MEN WITH CLUBS IN ROCK ART OF KAZAKHSTAN AND ARCHAEOLOGICAL PARALLELS

The article presents a new attempt to analyze the unique plot of cave art - images of men with clubs, which form the most expressive series of drawings of the Middle Bronze Age. A comprehensive analysis of the available data from the monuments of Tamgaly, Sauskandyk, Shunak is given. The author gives broad mythological and archaeological parallels that make it possible to determine the functions of clubs and clubs, the status and role of their carriers. The image of the club in the petroglyphs is reasonably associated with the image of “mummers” and scenes of erotic content, when ancient people tried to emphasize the mythological significance of this weapon, which is described in the Vedas and Avesta.

ПЛЕМЕНА БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА

В настоящее время на территории Южного Таджикистана выделяется несколько археологических культур, сосуществовавших во 2-й пол. II – нач. I тыс. до н. э.: земледельческие памятники северо-бактрийского варианта культуры Намазга VI, степные культуры – вахшская и бешкентская; отмечается проникновения северных степных племен андроновского типа на юг Таджикистана.

Первые случайные находки, относящиеся к эпохе бронзы были найдены в 40-е годы на территории Южного Таджикистана. Памятники, относящиеся к этому периоду были изучены в городище Бешкент Мандельштамом А.М. в 1955г (Мандельштам, 1968, с. 7). В 60-е годы более тщательное и глубокое изучение территории рек Вахш и Кизилсу он начал под руководством Литвинского. Б.А. Литвинский отнес найденные останки к культуре Вахша. Основная группа находок получила название от своего местонахождения (Литвинский, 1964, с. 158). В 1965 и 1970 гг. Киров С.М. начал изучение стоянок в Курган Тюбе (Литвинский, Соловьёв, 1972). А в 70-е годы он продолжил свои исследования в долине Бешкента (по нижнему течению реки Кафирниган) (Литвинский, Зеймаль, Медведская, 1977, с. 76). Найденные в могиле останки он зафиксировал к хозяйственному типу стоянок долины Нурек и Гиссар (Пьянкова, 1979, Антонова, Виноградова, 1979). Б.А. Литвинский за последние десятилетия открыты земледельческие памятники времени Намазга VI и Яз I – Кангуртут, Дахана, Тегузак, Карим Берды, Тандырайул, нурекские могильники, и новые поселения и могильники степных культур – Кумсай, Ташгузак (Vinoogradova, 1994, р. 29-31). На всех этих памятниках в большей или меньшей степной имеются яркие свидетельства непосредственных контактов земледельцев со степным населением.

Практика изготовления медных орудий, а затем бронзового литья повлекла за собой разделение труда; о специализации мастеров в описываемое время свидетельствуют также искусная обработка камня и разнообразие высококачественной посуды, изготовленной на гончарном круге и обожженной в крупных печах с хорошо регулируемым температурным режимом. О стабильном обитании людей на одном и том же месте говорит не только значительная высота холмов, образовавшихся на месте поселений, но и характер самого строительства; вместо непрочных шалашей и навесов появились глиняные, а затем и кирпичные дома, а святилища из тростника и циновки в конечном итоге превратились в величественные каменные храмы.

Всё вышесказанное относится к периоду поздней бронзы. Однако, на территории Южного Таджикистана еще не найдены до сегодняшнего дня памятники ранней и развитой бронзы. Найденные памятники свидетельствуют, что на территории Южного Таджикистана в конце второго тысячелетия до нашей эры существовали скотоводческие и оседлые племена, и были они очень взаимосвязаны между собой. Соответственно, это оказало большое влияние на их генезис. Во второй половине второго тысячелетия до нашей эры в центре земледелия наблюдались большие изменения на территории Древней Бактрии. На границе южного Таджикистана наблюдалась не очень плодотворная земля. Эти земли считались богатыми, богатыми для джайлау, и в конечном счете, благоприятная для зимних пастбищ. Еще одной положительной стороной считалось то, что летом русло реки протекало вдоль долины. И это способствовало более эффективному развитию земледелия и скотоводства. Следует здесь же отметить, что племена начинают проводить мероприятия по вскапыванию пастбищ. Ученые выделяют две древние скотоводческие культуры – Вахш и Бешкент. По мнению Литвинского генетическое происхождение местных племен связано с этими этнокультурными связями на территории Древней Бактрии.

В конце второго тысячелетия до нашей эры в степные части территории Северной Бактрии проникают элементы евроазиатской культуры. Эти племена расположились практически на всей территории Южного Таджикистана. Об этом свидетельствуют найденные памятники (Пьянкова, 1986, с. 39).

Степные племена потихоньку начали осваивать местные традиции и обычаи оседлых и скотоводческих. Выделяется несколько социальных прослоек населения, которым соответствовали типы жилой застройки, дифференцированной в зависимости от имущественного положения членов общества. И, если жилая и производственная застройка кварталов ремесленников хаотична и не упорядочена, то в квартале знати сеть подчинена правильной разбивке, выделяются и жилые дома этого квартала прямоугольными габаритами и четкой планировкой. Приемы строительной техники

практически остаются прежними -это продолговатый сырец и балочные (иногда сводчатые) перекрытия. На Алтындепе перестраивается храмовое сооружение (ступенчатая башня) - увеличивается его высота и площадь. За парадным фасадом башни находилось большое здание с анфиладой комнат по длинному коридору. Одна из комнат являлась святилищем, в ней находился священный очаг, найдены также сосуды для ритуальных возлияний. У стены располагался небольшой алтарь из дерева. Здесь же были обнаружены многочисленные украшения: серебряные бляхи, бусы из золота, лазурита, сердолика и горного хрусталя, мозаичная пластина.

Тем самым, они внесли большие новшества в культурные, этнические сферы деятельности. Начинают меняться внешний облик скотоводческих племен, стала меняться и материальная культура. В итоге это привело к увеличению культурных памятников нескольких племен.

Таким образом, на территории Южного Таджикистана в эпоху бронзу наблюдалась такая ситуация. Однако, внешний облик получился немного спутанным. В нем произошли слияния культур оседлых, скотоводческих племен. Эти изменения не коснулись горных районов и долины территории Южного Таджикистана. Здесь ученые заметные остаточные явления эпохи неолита, относящиеся к Гиссарской культуре.

Ранов В.А. и Коробкова Г.Ф. отнесли это поселение к третьему тысячелетию до нашей эры (Ранов, Коробкова, 1971, с.146). По результатам радиоуглеродного анализа и относят его к культуре Кулькерт Ак Танги (Северный Таджикистан) (Романова, Семенцов, Тимофеев, 1972, с. 58). Здесь ученые выделили три культурных слоя. Встречаются здесь элементы бронзовой культуры, и в одном из слоев нашли один из компонентов Кайракумской культуры (Литвинский, Окладников, Ранов, 1962, с. 43).

Ученые, проводившие исследования после 1980 гг. на территории Южного Таджикистана пришли к одному мнению, что до прихода евроазиатских племен на этой территории существовали Гиссарская неолитическая культура (Ранов, 1982, с. 21).

Виноградова Н.М. уточнила точное местонахождение каждого из слоев эпохи Кангурттут в земледелии. Здесь были найдены нижние слои Гиссарской культуры, относящиеся к эпохе поздней бронзы, где были найдены глиняные останки, принадлежавшие населению Тегузак (Виноградова, 1984, с. 75). Исходя из реальных находок, можно сделать вывод, что до прихода на территорию юго – западного Таджикистана с одной стороны Андроновской культуры, с другой стороны племен Сапалли и Дашли здесь проживало население гиссарской культуры. Племена гиссарской культуры не могут исчезнуть сами по себе.

О развитии экономики и непосредственно хозяйства гиссарских племен сделаны тезисные заключения Коробкова Г.Ф. она отмечает, что здесь начинается разведение мелкого рогатого скота, что в дальнейшем привело к более эффективному развитию скотоводства (Ранов В.А., Коробкова, 1971, с. 146. Коробкова, 1973, с. 210). Это и становится основным занятием племен. В ряду культуры Вахша особое место занимают памятники Вахш 1, Тигровая Балка, Ойкул, Жаркул, расположенные на Макоминоре – Кизилсу.

Начиная с 1983 года здесь начинается более детальное изучение территории. В результате которого было выявлено, что к этим территориям относятся памятники Вахша и Панжа. В дальнейшем это привело к появлению нового названия реки – Амударья. Здесь были найдены различного рода украшения, изделия из глины. Было доказано, в эпоху бронзы в работу гончаров включается гончарный круг, усложняется ряд технологических процессов изготовления керамической продукции, что во многом определило видоизменение форм сосудов и повысило качество изделий. По-видимому, с введением гончарного круга, а также с процессом выполнения в специализированных мастерских большого количества потребных керамических изделий связана постепенная деградация, а затем исчезновение расписной керамики. Гончарами изготавливалась посуда самых разных типов и размеров от крошечных кувшинчиков и бокалов до больших хумов. Особое внимание придаётся красоте самих посудных форм. Черепок их плотен и тонок, силуэт изящен, поверхность иногда покрыта густокрасным ангобом и заношена. На Алтындепе, например, открыт квартал, где жили и работали гончары. По-видимому, это была гончарная мастерская, с чем свидетельствует наличие производственного брака, гончарные горны (причём двух ярусные), а также комплекс глиняных изделий, подготовленный к обжигу.

В сравнении с гончарным металлургическим производством несколько запаздывает в своём развитии. Однако, существовали меднолитейные мастерские, производившие разнообразную продукцию - от медных иголок и печаток, до кинжалов. Добыча и обработка металла доставались нелегко, им дорожили, и предметы, пришедшие в негодность, как правило, пускали в переплавку (Пьянкова, 1986, с. 41).

Сохраняет некоторое значение кремневая индустрия, но постепенно металл вытесняет камень в орудиях труда, позднее - в оружии. Из камня по-прежнему изготавливаются такие орудия труда, как зернотёрки, ступки, песты, куранты и т.п., украшения (в основном бусы), а также вытачивалась прекрасная посуда.

Широко было развито текстильное ремесло. На основе бронзы, а затем серебра и золота зарождается ювелирное искусство и к концу бронзового века оно предстаёт уже как зрелое мастерство. Мастерами-ювелирами изготавливаются украшения, культовые предметы.

Всё это дало возможность поделить развитие хозяйства на два типа: каждое из которых характеризовало свое влияние на местонахождение находок. К находкам культуры Вахша можно отнести кухонные приборы, приборы обихода, изделия круглой цилиндрической формы.

Существует еще одна культура, относящаяся к скотоводческим племенам – Бешкент, расположенная на берегу реки Кафирниган. Эту территорию тщательно и детально изучал Мандельштам А.М. К культуре Бешкента он отнес памятник Ранний Тульхар, где позже было найдено 75 могильников (Мандельштам, 1968, с. 17).

Большой интерес представляют древние захоронения на поселении. Устройство могил в основном подбойное (производились под одной из стен помещений), имеются и катакомбы, устраивавшиеся под полом комнат и под мощными обводными стенами. Встречаются захоронения в сосудах и в самих стенах. Детские погребения осуществлялись исключительно в мелких ямах. Погребения взрослых имеют единую ориентацию в скорченном положении на боку. Мужчины лежали с согнутыми коленями на правом боку, а женщины на левом. Вокруг них укладывали камни в три ряда. Встречаются коллективные захоронения и даже захоронения животных. Почти все могилы хорошей сохранности (не подвергались разрушениям и ограблениям). Богатый сопроводительный инвентарь в основном керамикой, а также изделиями из металла, камня, кожи, дерева, соломы. Однако в детских захоронениях погребальный инвентарь почти отсутствует.

Форма могильника имеет правильную угловую форму или собрание камней в четкой последовательности. Также в двух могильниках культуры Сруб были найдены ножи. Однако, в культуре Вахши все-таки 70 % находок составляли глиняные изделия. Большой интерес представляют бронзовые и серебряные печати. Это небольшие предметы с петлевидной ручкой и широким основанием, на котором в глубоком контррельефе нанесено изображение, предназначенное для оттиска на пластичном материале. Появление таких печатей, по-видимому, связано с появлением института собственности - пока ещё не личной, но общественной, большесемейной, хотя не отрицается и связь изображений на печатях с религиозно-мифическими представлениями, которые весьма усложняются в этот период. В эпоху бронзы преобладают каменные печати в виде двусторонней палетки или цилиндра, оттиск с которого получали путем накатки. Те и другие во многом схожи с печатями Месопотамии формой и стилем изображений, в которых видное место занимают реальные животные и фантастические существа. Первоначально изображения были единичные (змея, трёхголовое животное, геометрические знаки, изображение луны), постепенно символика печатей усложняется и преобладают групповые изображения, где на животное нападают змеи, драконы, появляется и фигура человека с двумя рогатыми животными по сторонам.

Для корoplastики эпохи ранней бронзы характерен образ нового типа женского божества. Фигурки выполнены в условно-плоскостном стиле, когда из широкой, уплотненной глиняной лепёшки формируется фронтально развёрнутый силуэт, лишь отдалённо напоминающий женскую фигуру. Большое внимание уделяется разработке головы, где особо выделяются крупные, в высоком рельефе выполненные налепи прямо смотрящих глаз, которые как бы преследуют гипнотизирующим взглядом, детально проработаны причёска, украшения на шее. Но торс предельно условен, руки с неразработанными кистями расставлены в стороны, широкие бедра переходят в общий удлинённый треугольник соединённых ног. Встречаются единичные экземпляры мужских фигурок с чётко подчеркнутыми половыми признаками или без них выполненные, в отличие от женских фигурок, в реалистично-объемном стиле.

Во время исследований памятника Бешкент на территории Бактрии не было особых открытий. Поэтому Мандельштам отметил, что эти все металлические и глиняные находки относятся к Маргиане и Южному Туркменистану. Основу все-таки составляют изделия из металла. Здесь тоже был исследован могильник. Могильник состоит из грунтовых захоронений. Устройство могил подбойно-катакомбное. Труположение скорченное, причём костяки мужчин находятся на левом боку, а женщин - на правом. Изучение стратиграфии захоронений, ориентации скелетов, комплексов погребального инвентаря, особенностей погребального ритуала, свидетельствующих о разновременности захоронений могильника, позволило выявить три хронологических этапа:

джаркутанский, кузалинский и молалинский, а также проследить особенности социально-экономического развития общин древних земледельцев второй половины II тыс. до н.э. (Виноградова, 2004, с. 23).

Присутствуют каменные орудия труда (зернотёрки, ступки, песты, молоты, отбойники) и оружие (наконечники стрел, ядра для пращи). Значительная часть материалов представлена украшениями из камня, бронзы и кости (бусы, бисер, амулеты, подвески, серьги, браслеты, височные колечки, зеркала, шпильки, булавки и т.п.).

В гончарном производстве джаркутанского этапа наблюдается значительный прогресс, особенно в области организации труда, способствующий массовому организованному производству керамической продукции. Гончарные печи сосредотачиваются в отдельных кварталах. По мере повышения уровня производства и расширения спроса совершенствуются и увеличиваются в объёме керамические печи (двух ярусные с округлой обжигательной и овальной топочной камерами). Такое высокопроизводительное специализированное производство было связано с профессиональной организацией труда и окончательным обоснованием ремесла. Возможно, что изготовляемая в гончарных печах продукция в этот период не только обеспечивала внутренний спрос населения, но и шла на внешний «рынок».

Выделился и антропологический тип внешнего облика человека раннего Тулхара. По заключению исследований Кияткиной Т.П., их облик схож со средиземноморским типом. Ходжаев Т.К. бронзовый век на территории Средней Азии сопоставил с различными заключениями антропологических материалов и пришел к выводу, что облик человека раннего Тулхара был другим – он имел продолговатую форму головы и длинную шею (Виноградова, 1984, с.76).

Помимо культуры Бешкента, останки раннего Тулхара были найдены и на других территориях. По заключению стратиграфического шурфа здесь сыграла роль Андроновской культуры. Встречаются памятники после кремации. В могильниках 63 и 64 были найдены скелеты образца Андроновских скотоводов. Также в могильниках были найдены остатки золы, что свидетельствует о сжигании тел. Это связано с религиозными верованиями. Итак, наиболее высокими темпами в эпоху бронзы развивалась земледельческая культура южного Таджикистана. Бронзовый век здесь приходится на III-II тыс. до н.э. На этой территории идёт развитие индустрии бронзы, совершенствуется система ирригации, для вспашки используется тягловый скот и на смену мотыжному земледелию приходит земледелие более прогрессивного типа – пашенное. Формируются древние цивилизации с протогогородами, в виде «микрорайона» длиной в 5 км, складывается институт власти, развиваются медеплавильное, керамическое, камнеобрабатывающее, ткацкое, строительное производства, причём довольно чётко прослеживается их специализация. Слагаются приёмы монументальной архитектуры, высокого совершенства достигает керамика, продолжается развитие орнамента, терракотовой скульптуры, ювелирного дела.

Также на территории юга западного Таджикистана в районе памятников Тандирйуль и Заркамар нашли элементы культуры Сапалли.

Керамический комплекс сапаллинского этапа представлен в основном формами, сделанными на гончарном круге и лишь небольшая часть (кухонная посуда) изготовлена техникой ручной лепки. Тесто последних грубое с примесью шамота и дресвы, снаружи закопчены, внутри на стенках и особенно на дне прослеживаются остатки пищи. Станковая посуда изготовлены из хорошо отмученной, эластичной шины местного происхождения. Сосуды хорошо обожжены и имеют красный или розовый цвет. За исключением единичных фрагментов, вся керамика неорнаментированная. Комплекс представлен большим разнообразием форм: вазы и кубки на высокой ножке, конусовидные сосуды, горшки, чайники без ручки, кувшины, миски, горшкообразные чаши со сливом цилиндрической формы, плоские блюда в виде подноса и т.п. Вся керамика высокого качества: тонкая, изящная, стройная, лёгкая. Имеются сосуды, изготовленные из дерева, кожи, соломы, камня, металла и рога (Пьянкова, 1986, с. 33).

Для сапаллинского этапов характерно преобладание богатых женских захоронений, что свидетельствует о пережитках матриархата. На кузалинском и молалинском этапах наблюдается постепенное объединение женских захоронений, уменьшается и количество погребального инвентаря при параллельном обогащении мужских захоронений. На кузулинском этапе в мужских могилах резко увеличивается число изделий из металла, что свидетельствует об укреплении положения мужчин в обществе. Однако, постепенно металлические изделия, особенно орудия труда и оружие, заменяются имитацией. И уже на молалинском этапе металлические изделия полностью вытеснены в основном вотивными предметами. По-видимому, с развитием общества растёт и потребность в металлических

изделиях, поэтому подлинные бронзовые предметы в захоронениях заменяются на вотивные с целью символического соблюдения традиционного погребального ритуала.

Переведённые выше примеры тесных контактов земледельческих племен со степными культурами андроновского памятников, с одной стороны, и бешкентско-вахшским населением, с другой, выделяют Южный Таджикистан в особую историко-культурную область и свидетельствуют о сложных этнокультурных процессах, происходивших на территории Южного Таджикистана во 2-й половина II тыс. до н.э.

Литература

Антонова Е.В., Виноградова Н.М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // АРТ. Вып. XIV. 1979.

Виноградова Н.М. Отчёт о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАЭ (1978 г.) // АРТ. Вып. XVIII. 1984. С. 75-86.

Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. Москва, 2004. 296 с.

Коробкова Г.Ф. К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии // В кн.: Тезисы докладов сессии, посвящённой итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973. С. 210.

Литвинский Б.А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов) // Индия в древности. М.: Наука, 1964. 158 с.

Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.Н. Отчёт о работах Южно-Таджикистанской экспедиции в 1973 г // Археологические работы в Таджикистане (АРТ). Вып. XIII. Душанбе: Дониш, 1977. С. 76-92.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов // Труды Института истории им А. Дониша АН ТаджССР. Т. 33. 1962. С. 43.

Литвинский Б.А., Соловьёв В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // Успехи среднеазиатской археологии (УСА). Вып. I. 1972.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 145. 1968. 182 с.

Пьянкова Л.Т. Бронзовый век Южного Таджикистана // Известия. 1986. №4. С. 39-45.

Пьянкова Л.Т. Отчёт о работе Нурекского археологического отряда // АРТ. Вып. XIV. 1979. С. 29-59.

Ранов В.А. Истоки, внешние влияния и внутреннее развитие гиссарской культуры // В кн.: Древнейшие культуры Бактрии: Тезисы первого советско-французского симпозиума «Археология древнейшей Бактрии». Душанбе: Дониш, 1982, С. 21.

Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // Советская археология. 1971. № 2. С. 146.

Романова Е.Н., Семенов А.А., Тимофеев В.И. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории // ЛОИА АН СССР. УСА. Вып. II. 1972. С. 58.

Vinogradova N. M. The Farming Settlement of Kangurtut in the Late Bronze Age // AMI. B. 27. Berlin, 1994. P. 29-47.

D.O. Karimova

THE TRIBES OF THE BRONZE AGE IN SOUTHERN TAJIKISTAN

This article discusses the features of southern Tajikistan territory, especially the development of pastoralist tribes of the Bronze Age, as well as a description of the graves monuments of Beshkent, Teguzak and Kangurtut. The author gives a special attention to the cultural elements of Sapalli and reveals its characteristic features.

The examples of close contacts of agricultural tribes with the steppe cultures of the Andronovo monuments, on the one hand, and the Bashkent-Vakhsh population, on the other, distinguish South Tajikistan as a special historical and cultural region and testify to the complex ethnocultural processes that took place on the territory of Southern Tajikistan in 2- the second half of the 2nd millennium BC.

Э.Р. Усманова¹, Э.К. Алтынбекова², Т.Н. Крупа³, О.Д. Бубновене⁴,
В.Н. Лукашов⁵, Е.С. Лукашова⁶

¹ Сарыаркинский археологический институт, КарГУ им. академика Е.А. Букетова
г. Караганда, Казахстан. E-mail: emmadervish2004@mail.ru

² Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»; КазНУ им. аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан. E-mail: elina.altyn@gmail.com

³ Международная научно-исследовательская лаборатория «УМАИ»
Павлодарский государственный педагогический университет
г. Павлодар, Казахстан. E-mail: tatiana.krupa@gmail.com

⁴ Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного
округа – Югры «Центр народных художественных промыслов и ремесел»
г. Ханты-Мансийск, Россия. E-mail: bubnovene@mail.ru

^{5,6} ОО «КИР «Легион», г. Петропавловск, Казахстан
E-mail: vitaly_lukashov@mail.ru; kassidy666@mail.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ КОСТЮМА КАК СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА ВЕЛИКОЙ СТЕПИ В ФЕСТИВАЛЕ «ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ И КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ «DESHT-THOR» ИМЕНИ ТУРА ХЕЙЕРДАЛА

*Наденьте красивые ваши одежды –
День радости ныне!
И кучи волос расчешите,
Наденьте красивые ваши одежды
И лучшую обувь.
Повесьте тяжелые серьги
На мочку ушей облачитесь
В накидку на вашу точеную шею
Повесьте дары и округлости рук
Блестящим браслетом обвиты.
Должны вы покраше одеться
И всех превзойти красотой,
Чтоб с вами никто не сравнился
На площади в нашем селении.*

Народная песня майя

Костюм: технологии, культурный код и статус

Реконструкция древнего костюма представляет собой многоэтапный процесс, в котором участвуют и археологи, и реставраторы, и художники, и реконструкторы. Каждый выступает со своими задачами, которые сводятся к общей цели: создание модели подлинной вещи, которая существовала в реальной архаике культуры. Аутентичность реплики зависит от многих параметров. Это навыки и умения исполнителя, знание древних технологий, экспериментальный навык, наличие оригинального сырья. Конечно, в первую очередь, необходимы хороший анализ и реставрация археологической находки, которые позволяют сделать реконструкцию.

Научная реконструкция костюма, зрелищность и семантика дизайна являются факторами, которые неизменно привлекают исследователей, художников по костюму, модельеров, зрителей и всех, кому интересен исторический костюм. Секреты кроя, символика, ткань, цвет, нитки, время ношения, статус носителя – это лишь небольшое перечисление вопросов, которые приходится решать реконструктору при изготовлении исторической копии костюма.

Фестиваль как форма представления различных видов реконструкций является площадкой для демонстрации костюмов народов Великой степи. Костюм во все свое обличье вбирает достижения ткацких технологий и обработки металла, знания о природных материалах и о химии крашения. Он отражает культурные особенности сообщества. И потому его восстановление – это изучение культурного кода, под которым понимается тип культуры, ее особенности, доставшиеся народам от предков. В коде содержится информация, позволяющая отождествлять современную культуру с прошедшей.

Костюм – это знаковая система постулатов мировоззрения культуры. В костюме кроется вся информация о его владельце. Он как текст несет в себе функции, такие как эстетическая, религиозно-магическая, знаки половозрастной функции, территориальной группы и социальной дифференциации

(Богатырев, 1997, с. 307). Понятие «одежда – знак» дает ключ к интерпретации и реконструкции элементов одежды.

Фестиваль и костюм Великой степи

Фестиваль – это промежуточное культурное звено между научным сообществом и общественностью. Одной из его задач является просветительство и распространение знаний по истории и культуре Степной цивилизации. В программу второго Международного фестиваля древних технологий и культурных коммуникаций “Desht-Thor” имени Тура Хейердала (*далее Фестиваль – прим. авторов*) входила демонстрация реконструкций моделей костюмов жителей Великой степи, основанных на археологических данных (28 – 30 июня, 2019, Костанайская обл., Әйет аулы, организаторы ТОО «Полиметалл Евразия» и Клуб исторической реконструкции «Легион»). Следует отметить, что для реконструкторов присутствовал момент общего моделирования и унификации, который определился объективными причинами: в данном случае невозможностью использовать натуральное сырье и подлинные материалы. Соблюдались главные принципы конструирования – сохранение общего дизайна элементов одежды, фрагменты которых были найдены во время археологических исследований и применение некоторых особенностей ткацких технологий. В нашем «фестивальном» случае мы можем говорить лишь о моделях, изготовленных в стиле и по мотивам костюмов эпох.

Концепт Фестиваля заключается в представлении технологических и эстетических достижений эпохи бронзы и кочевников степной Евразии в контексте мировых коммуникаций. Великая степь является территорией, на которой происходила встреча культур и технологий разных народов. Демонстрация реплик костюмов, изготовленных на основе материальных свидетельств древней одежды степных сообществ дополняет технологические тренды эпохи бронзы и средневековья. Коллекция костюмов на втором Фестивале была разделена на две символические группы: *костюм жителей Великой степи; костюм соседей и гостей Великой степи* (фото 1).

Фото 1. Участники «Второго Международного фестиваля древних технологий и культурных коммуникаций “Desht-Thor” имени Тура Хейердала». 28 – 30 июня, 2019, Костанайская обл., Әйет аулы. Фото С. В. Кочмарева

Всего было изготовлено семь реконструкций *костюмов жителей Великой степи* (в скобках указано название археологического памятника на основании которого была сделана модель-реконструкция): костюм андроновской женщины (три варианта, могильник Лисаковский, II тыс. до н.э.), штаны кочевника (Янхай, Турфанский оазис, I тыс. до н. э.); платье сарматской жрицы (комплекс Таксай, Западный Казахстан, 6–5 вв. до н. э.); головной убор, войлочная обувь сакского воина (5–4 вв. до н.э. по мотивам барельефа Персеполя и могильника Пазырык); женский комплект и головной убор *бокка* Золотой Орды XIII–XIV вв. (могильник Маячный бугор I, Астраханская обл.; могильник у с. Царев, Волгоградская обл.); мужской халат и головной убор Золотой Орды XIII–XIV вв. (курганный могильник Тормосино, Волгоградская обл., коллекция национального музея Монголии). В этой же

группе участвовала авторская студия исторической реконструкции Данияра Байдаралина (Алматы) с компиляцией моделей-образов сакского костюма.

Во вторую группу реконструкций *костюмов соседей и гостей Великой степи* вошли авторские работы: традиционные женские платья хантов и манси (Центр народных художественных промыслов и ремесел", Ханты-Мансийского автономного округа – Югры); повседневная одежда женщины и мужчины эпохи викингов (Клубы исторической реконструкции «Северный ветер», Екатеринбург; «Легион», Петропавловск).

Костюм жителей Великой степи

Андроновский женский костюм, II тыс. до н.э. Ресурсом для реконструкции данного костюма явились находки плетеного текстиля в андроновских погребениях памятников Лисаковской округи, Казахстан, Костанайская обл., г. Лисаковск (Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–118). На втором Фестивале было представлено два варианта реконструкции андроновского женского платья.

Первый вариант реконструкции (авторы Т. П. Кунина, Е. А. Калинкина, Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»). Плетение – один из древнейших производственных процессов, позволявший с его помощью получать готовые изделия и не только хозяйственного назначения, но и утилитарного, предназначенные для искусственного покрытия тела. Из сплетенных полос тесьмы сшивалось полотно, которое являлось текстильной основой изделия. По всей видимости, феномен плетеного текстиля, который засвидетельствован археологически в эпоху бронзы, может считаться, впрочем, как и само плетение, своеобразным андроновским творческим и технологическим достижением в создании костюма. Шерсть до прядения окрашивалась в красный цвет корнями марены красильной *Rubia tinctorum*.

Главным элементом андроновского женского костюма был головной убор, который отличался в костюме богатым убранством из металлических деталей, бусин, подвесок природных форм (фото 2). Головной убор изготовлялся из кожи или плетеного/вязаного полотна, и, скорее всего, имел вид шапочки или налобной повязки. На основании археологических данных различаются два вида головных убора: 1-ый вид – с комплектом подвесных украшений; 2-ой вид – без него. Именно подвесные украшения – накосник и челюстно-лицевая подвеска из бляшек – определяют главную стилевую направленность андроновского костюма.

Фото 2. Андроновский женский костюм, II тыс. до н. э. Реконструкция.

Фото Э. Р. Усмановой

Была воссоздана реплика-модель головного убора (могильник Лисаковский I): сплетена тесьма из фабричной шерстяной нити толщиной 1 мм красного цвета; изготовлены детали накосного украшения методом вырезания из пластины латуни желтого цвета, соответственно размерам и форме бронзовых оригиналов. Пастовые и бронзовые бусины были имитированы пластмассовыми бусинами. Весь металлический декор накосника скреплялся и держался тремя лентами тесьмы, которые монтировали

в единое целое головной убор и накосник длиной около 60–70 см. Макушка шапочки декорировалась полусферными бляшками и очковидной подвеской. Листовидные подвески, завершавшие всю композицию накосного украшения, подвешивались к концам тесемок нитками через отверстия в верхней части бронзового «листа».

Женский головной убор из кожи сохранял стиль декоративного убранства. Модель андроновского кожаного головного убора конической формы была сшита из четырех клиньев и декорирована орнаментом в алакульской стилистике. Возможен вариант головного убора в виде налобной повязки с подвесными украшениями (Куприянова, 2008, с. 79, рис. 2).

Платье, скорее всего, шилось из станковой ткани. Декор в виде бусин или мелких бляшек, который сохранился по вырезу горловины, подолу платья и обшлагам рукава указывает на наличие женского платья в погребении. Можно говорить лишь об общем стиле андроновского платья, так как археологически оно практически не фиксируется. За идею его покроя можно принять архаичный покррой среднеазиатской нераспашной одежды туникообразного покроя (Сухарева, 1979, с. 79). Судя по остаткам ткани под браслетами, можно считать, что длина рукава доходила до запястья. Для второго Фестиваля платье было сшито из конопляной ткани серого цвета, полотняного переплетения ручного ткачества. Мы можем предположить, что кроме шерстяных тканей андроновские ткачихи могли ткать и полотна из волокнистых растений, которые росли в этой местности: конопля и крапива (http://www.vedamost.info/2012/11/blog-post_7762.html. Одежда из крапивы).

Пастовые бусины, фиксируемые в районе шеи, чаще всего располагались полукругом или зигзагом. Ширина тканого полотна, скорее всего, соответствовала ширине ткацкого станка: около 40–50 см. Платье могло сшиваться из четырех полотнищ обметочным швом, который используется для обработки края ткани и одновременного соединения срезов ткани. Для избегания трения с кожей при ношении шерстяной ткани швы прошивались с лицевой стороны по бокам, и центральным линиям. В районе груди оставался вертикальный разрез для головы. Рукава сшивались из сложенного вдвое полотнища и пришивались в районе плеча. Они могли украшаться подвесками из клыков и ракушек, по обшлагоу расшивались бусинами. Платье получалось со спущенной проймой. Таким образом, оформился собирательный образ-модель платья на основе археологических свидетельств из разных андроновских погребений урало-казахстанских степей.

Обувь, по всей видимости, кожаной. По материалам находок фрагментов обуви из андроновских могильников можно говорить о ее двух видах: полусапожки (в этом случае бусины, обоймы фиксируются на костяке на уровне середины голени); мягкие башмаки, собранные у щиколотки и затянутые ремешком (Куприянова, 2008, с. 101). В данной реконструкции мы использовали кожаные традиционные среднеазиатские сапожки, без каблуков.

Второй вариант реконструкции (авторы: коллектив КГКП «Детская художественная школа» отдела образования акимата г. Лисаковска; Е. А. Калинин). Этот вариант реконструкции носит комплементарный характер. Акцент сделан на цветовую гамму красного цвета костюма и его деталей. В андроновской реальности женский головной убор мог быть в виде шапочки кожаной или войлочной шапочки, или в виде налобной повязки. Варианты головных уборов – шапки из войлока и налобной повязки из ткани – вошли во второй вариант реконструкции. Использовалась шерсть валяная вручную, искусственный фетр, и хлопчатобумажная ткань для налобной повязки. Модель шапки конической формы была сшита из четырех клиньев фетра, декорирована орнаментом в алакульской стилистике и подвесным украшением в виде челюстно-лицевой подвески. Это цепь из круглых бронзовых орнаментированных бляшек, закрепленных на шерстяной тесьме/кожаный ремешок. Количество бляшек в подвеске колеблется от пяти до одиннадцати (Усманова, 2010, с. 61–62). В реконструкции подвески использовалась полимерная имитация металлических бляшек.

В этот же вариант костюма был включен жилет из валяной шерсти, окрашенной в красный цвет, декорированный бусинами. В материалах могильника Лисаковский есть находка фрагмента жилета или кафтана (мог. Лисаковский V, курган 1). Платья были сшиты из фабричной хлопчатобумажной ткани красного цвета и украшены подвесками, сохраняя андроновский стиль декорирования.

Фестивальный показ андроновских костюмов преследовал цель презентации реплики платья и плетеного головного убора, – моделей, изготовленных с учетом главных элементов андроновского стиля. Красный цвет – излюбленный цвет в эпоху бронзы, который получался в результате крашения сырья корнями Мареной красильной (лат. *Rubia tinctorum*). Это базовый цвет андроновского костюма символизирует жизнь и культ плодородия. Красочность андроновского женского платья указывает на эстетику вкуса, которая по выражению Иммануила Канта свидетельствует о «способности судить о прекрасном».

Трудности реконструкции. Плетение тесьмы разной ширины требует навыков и кропотливости. При наличии опыта плетение осуществляется относительно быстро. Например, на изготовление шапочки ушло 14 метров тесьмы, на плетение которой затрачено около 80 часов.

Костюм эпохи ранних кочевников. Автор реконструкции: Э. К. Алтынбекова. Безусловно, не просто повторить реплику этого довольно сложного в своих деталях костюма так называемой «Алтын ханшайым» – сарматской жрицы из комплекса Таксай (Западный Казахстан, 6–5 вв. до н. э.) Захоронение женщины было обнаружено в 2012 году археологами М. Сдыковым и Я. Лукпановой. Многоэлементный костюм, после реставрации его основных деталей, был реконструирован в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» под руководством Крыма Алтынбекова (Алтынбеков, 2013, 2014). Повторить эту реплику требующей немало времени в изготовлении, задача, которая под силу хорошему профессиональному коллективу.

Для фестивального формата было решено изготовить платье по образу реконструированного костюма. Впервые «печатное» платье было создано для участия в фестивале кочевнической культуры «Курултай», который проводился в Венгрии, близ городка Бугац в 2016 году (фото 3). Было решено создать имитацию полного декора платья жрицы. С помощью компьютерной графики был сделан файл выкройки платья с изображением ткани и нашивок. Выкройка с изображением была нанесена с помощью печати на искусственную ткань и сшита. Простой туникообразный крой, состоящий всего из двух деталей самого платья и двух деталей пояса, позволил в короткие сроки и с небольшими затратами произвести яркое, достоверное, легкое платье, пригодное для носки в жаркую погоду. На платье изображены все детали одежды жрицы, включая рубаху, юбку и кафтан. Нашивки расположены аналогично реконструкции. Имитируется многослойность наряда с помощью изображения тени от верхних слоев одежды (от кафтана на рубахе, и от подола рубахи на юбке). Также имитируется тень от нашивок на ткани. Подражание теням и складкам сделала платье визуально более сложным и достоверным. Этот вариант реконструкции был использован в фестивальном показе.

Трудности реконструкции. Полный комплект костюма «таксайской жрицы», который отличается большим количеством сложных деталей был изготовлен новым современным способом: принт на ткани. Этот способ облегчил демонстрацию костюма и в тоже время, представил все основные элементы его декора.

Фото 3. Костюм сарматской жрицы из комплекса Таксай, 6–5 вв. до н. э. Реконструкция (слева).

Фото К. Алтынбекова

Костюм Золотой Орды. Общий контекст. Интерес к культуре Улуса Джучи (Золотой Орды) основывается на исторической значимости этого евразийского средневекового государственного образования. Сегодня накоплено большое количество археологического материала, среди которого ключевое место занимают находки, связанные с теми или иными элементами костюма. Это различные аксессуары (пряжки, застежки и прочее), фрагменты тканей, по которым восстанавливается стиль костюма Золотой Орды.

По мнению российского историка Н. В. Хрипунова «<...> надо говорить о костюме в конкретный период существования Золотой Орды. Для этого необходимо провести исследование, рассматривающее эволюцию костюма в течение XIII–XV вв. Рамки рассматриваемого периода целесообразно установить с 1207 г. по 1419 г. – от момента, когда Джучи был выделен улус, до смерти Идегея, при котором сохранялось относительное территориальное единство государства и можно говорить о единых глобальных процессах на его территории» (http://www.kitabhona.org.ua/costum_costum/khripunovorda1.html). Для представления на Фестивале была осуществлена реконструкция моделей мужского и женского халатов и головных уборов.

Мужской халат. Облик мужской части средневековых кочевников определял традиционный набор элементов: нижняя (нательная) плечевая одежда; рубаха; и поясная одежда – штаны. К верхней плечевой одежде относились халат или шуба. В костюм входили головные уборы и обувь, вид которых определялся временем года или родом занятия.

Одной из наиболее заметных деталей золотордынского костюма являлась верхняя плечевая одежда, в частности такой ее вид как характерный монгольский халат. В начале 20-х гг. XIII в. в высшее монгольское общество проникли китайские традиции, как это было со многими другими государствами, контактировавшими с Китаем. Примерно в это время у монголов официально вводится и нормирование одежды. Тенденция стиля плечевой одежды в виде халата сохранилась в костюме Золотой Орды.

Женский костюм. Большинство различного рода источников (письменные, изобразительные, археологические) указывает на существование единого кроя в женской и мужской одежде средневековых кочевников XIII–XIV вв. У Плано Карпини мы находим следующее свидетельство: «Одеяние же как у мужчин, так и у женщин сшито одинаковым образом. <...> Кафтаны же носят из букарана, пурпура или балдакина, сшитые следующим образом. Сверху донизу они разрезаны и на груди запахиваются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом-тремя пряжками, и на левом также боку разрезаны до рукава. <...> Замужние же женщины носят один кафтан очень широкий и разрезанный спереди до земли» (<http://www.vostlit.info/Texts/rus/Karpini/frame2.htm>).

Вильгельм Рубрук сообщает: «Платье девушек не отличается от платья мужчин, за исключением того, что оно несколько длиннее. Но на следующий день после свадьбы она бреет себе череп с середины головы в направлении ко лбу; она носит рубашку такой ширины, как куколь монахини, но в общем более широкую и длинную, и спереди разрезанную, которую они завязывают на правом боку» (http://lepsy.ucoz.kz/publ/stati/stati_s_interneta/puteshestvie_rubruka_v_vostochnye_strany_cherez_semirec_he_v_khiii_v_chast_1_aja_gl_1_10/4-1-0-47).

Итак, письменные источники сообщают о двух видах монгольских женских халатов: у девушек и незамужних женщин основной халат не отличается от мужского, замужние же носят халаты, которые все источники характеризуют как значительно большие по размерам, чем мужские.

Реконструкция комплектов одежды Золотой Орды. Авторы реконструкции: Н. Е. Жилева (платье), Е. В. Казакова (головные уборы). Для фестиваля было сшито два комплекта золотордынской одежды XIII–XIV вв., основанных на крое халатов и головных уборов, фрагменты которых были найдены при археологических раскопках: женский костюм и головной убор *бокка* (могильник Маячный бугор I, Астраханская обл.; могильник у с. Царев, Волгоградская обл.); мужской халат и головной убор (курганый могильник Тормосино, Волгоградская обл., коллекция национального музея Монголии). Отсюда следует следование некоторым элементам подлинности в реальных экземплярах костюма. При этом, существовала объективная сложность в создании реплик, а именно отсутствие ресурса натурального шелка. При шитье использовался искусственный шелк и панбархат. Цвет тканей подбирался согласно цветовой гамме, популярной в костюме Золотой Орды: желтый, красный, золотистый.

Трудности реконструкции. Мужской и женский халаты шились согласно реконструкциям предложенным исследователями костюма Золотой Орды (Горелик, 2010, с. 16–79; Мыськов, 1995, с. 36–43; <http://www.narodko.ru/article/avtoref/zolorda.htm>; Орфинская, Лантратова, 2011. С. 20–40). Особой сложности при раскрое халатов, впрочем, и мужского головного убора не возникало. Особо хочется поблагодарить и отметить помощь в осмыслении кроя одежды и деталей костюма российского

специалиста-реконструктора и историка костюма Софьи Шашуновой (г. Волгоград), которая предоставила нам информационный ресурс по истории костюма Золотой Орды. Трудности были при изготовлении верхней части женского головного убора *бокки*, так называемого сапога. Непонятно было как он крепился внутри верхней накидки. Нелегко было собрать лекало, которое использовалось для основы «сапога» (в данном случае брался картон) и его матерчатого чехла. При крое верхней накидки необходимо было повторить фигурный изгиб линии головы, чтобы она держалась ладно на ней. И конечно нужно было рассчитать количество лент, которые служили завязками и фиксировали головной убор на голове, правильным образом распределить их на затылке.

В письменных источниках головные уборы монголов упоминаются достаточно часто, но, к сожалению, никакой конкретики об их конструкции найти там нельзя. Наша фестивальная реконструкция основывалась, главным образом, на крое *бокки/боктаг* из археологических коллекций и на письменных свидетельствах европейских путешественников (фото 4).

Гильом Рубрук: «<...> они носят украшение на голове, именуемое *бокка*, устраиваемое из древесной коры или другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его руками; длиною оно в локоть и более, а сверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту боку они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри *бокка* пустая, а в середине, над капителью, или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или тонких тростинок длиною также в локоть и более. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль круга перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение поверх головы, крепко стягивая его меховой шапкой, имеющей в верхушке приспособленное для этого отверстие. Сюда они прячут волосы свои, которые собирают сзади кверху головы как бы в один узел и полагают в упомянутом боку, которую потом крепко завязывают под подбородком» (http://lepsy.ucoz.kz/publ/stati/stati_s_interneta/puteshestvie_rubruka_v_vostochnye_strany_cherez_semirec_he_v_khiii_v_chast_1_aja_gl_1_10/4-1-0-47).

Фото 4. Женский костюм времени Золотой Орды, XIII в. Реконструкция. Фото Э. Р. Усмановой

Костюм соседей и гостей Великой степи

Костюм обских угров. Общий контекст. Участие «Центра народных художественных промыслов и ремесел» Ханты-Мансийского автономного округа – Югры запомнилось по ярким костюмам ханты и манси, наших северных соседей из тундры и леса, приглашенных в гости в степь. Оригинальная вышивка и украшения, традиционные орнаментированные летний суконный или хлопчатобумажный халат и платье, с нашивками из бисера и цветной материи характеризуют женский летний костюм.

Одежда, головной убор, украшения заключали в себе сложную знаковую систему, которая позволяет различать людей по полу и возрасту, территориальной, этнической принадлежности. У остяков (хантов) было не принято задавать вопросы человеку. Общение было «немым», то есть через определенные знаки, символы (Бубновене, 2013, с. 158–164). Эти символы содержались в конструкции костюмного комплекса, орнаменте, технологиях, композициях декорирования и т. д.

Украшать костюм металлическими нашивками, подвесками женщины стремились с древних времен. Более частыми находками археологических культур являются детали костюма воина: личины, пластины, подвески, поясные гарнитуры, шлемы. В наборе женского костюма присутствовали украшения из металла различных височных колец, пронизок, колбочек, накладок. Крупными латунными пуговицами и жетонами расшивали кожаную и тканевую основу поясов, используя их в качестве накладок. Матерчатый, тканый, кожаный наборы поясов были одинаковыми у восточных хантов и алтайских народов. Такое совпадение является не случайным. Скорее всего, пояса целым комплексом заимствовались предками восточных хантов у народов Алтая. Формирование общих традиций происходило на единой территории, где осуществлялись контакты между уграми, тюрками и монголами. Наиболее вероятно, что этой территорией был Алтай. Исходя из этого, можно полагать, что матерчатые пояса у тюрков и угров появились от монголов, кожаные пояса с бляшками был вкладом тюрков в культуру монголов и угров, а тканые опояски являлся угорский элемент у шорцев и кумандинцев (Лукина, 1985, с. 196).

В головном уборе обских угров присутствуют шумящие подвески, которые относятся к накосным украшениям. Сочетание подвесок с низкими пронизей со вздутиями, крестовидными накладками и другими деталями оформляло накосное украшение в заметный аксессуар женского костюма. Накосник – это архетипичный элемент женского костюма многих народов Евразии (Усманова, 2010, с. 75–79). Он есть в женском головном уборе у казахов, башкир, татар, марийцев, калмыков, тувинцев и других народов.

В фестивальном параде костюм обских угров представил аутентические базовые элементы народной одежды.

Викинги: дизайн и стиль костюма. Викинги – древние войны-мореходы, населявшие современные территории скандинавских стран VIII–XI вв. Среди реконструкторов костюм викингов очень любим и популярен. В сагах огромное значение придавалось одежде героев, подчеркивается соответствие наряда человека его статусу в обществе. В одежде было строгое разделение на мужской костюм и женский. «Заморские» гости викинги на втором Фестивале продемонстрировали все достижения ткацких технологий и дизайна платья эпохи викингов. Степные жители познакомились с жителями морей. На втором Фестивале было представлено два комплекта одежды.

Повседневная одежда женщины эпохи викингов из Швеции туникообразного покроя из серой некрашеной шерстяной ткани репсового переплетения. Пояс соткан на дощечках. В качестве украшений нитка бус из стекла ручной работы с одной серебряной бусиной. Другие элементы одежды: платок из тонкой шерсти саржевого переплетения (диагональ), кожаная обувь ручного изготовления. Аксессуар – сумка с деревянной планкой из шерстяной ткани саржевого переплетения, окрашенной индиго (автор реконструкции А. П. Дмитриева, Клуб исторической реконструкции «Северный ветер», Екатеринбург).

Фото 5. Мужской и женский костюм времени викингов, Скандинавия, 9–10 вв. Фото С. В. Кочмарева

Во втором комплекте при моделировании образов были выбраны повседневные костюмы скандинавских горожан среднего достатка, можно сказать – «медианный образ», поскольку это одежда максимально отображает внешний вид наиболее многочисленной социальной группы – среднего класса. Реконструкция костюмов основана на находках скандинавской и германской археологии, литературных источниках (фото 5). *Разработка концепции костюмов и работа с источниками: В. Н. Лукашов и Е. Лукашова. Клуб исторической реконструкции «Легион», Петропавловск. В изготовлении костюмов и отдельных элементов участвовали мастерские по реконструкции одежды: Москва, Воронеж, Серпухов, Нижний Новгород.*

В гости в степь приехали жители из торгового города Хедебю (Haithabu), 9–10 века н.э. Базовый мужской костюм включает в себя: рубаху нижнюю, рубаху верхнюю, порты нижние, шаровары, обмотки, шапку, пояс, носки, сумку, украшения. Базовый женский – нижнюю рубаху, верхнее платье, платок, обувь, носки, сумку, украшения. Одежда была сшита из домотканого некрашеного и крашеного (имитация крашения кожурой ореха) льна полотняного переплетения и шерсти саржевого переплетения "diamond twill. Обувь ручной работы из кожи растительного дубления естественного коричневого цвета. Носки, шерстяные связанные иглой. Пояс мужской кожаный, женский – плетённый на дощечках, из шерсти с выплетённым этническим узором.

Особое внимание в мужском и женском костюмах уделено аксессуарам – сумкам и украшениям. В ювелирный набор входят фибулы, подвески в форме «Молота Тора» и в стиле Борре, ожерелье из стеклянных бусин, серьги. Ювелирный декор реконструирован на основе оригинальных вещей, найденных при археологических исследованиях, с заменой драгоценных металлов (золото и серебро) на бронзу.

Костюмы «заморских» гостей представили общие тенденции в развитии ткацких технологиях и обработке металла у народов Евразии.

Заключение. Международный фестиваль древних технологий и культурных коммуникаций “Desht-Thor” имени Тура Хейердала как культурное празднество способствует пониманию основ культурного кода народов Казахстана, связанных с комплексным подходом в решении проблем модернизации общественного сознания. Реконструкция костюма позволяет представить креативный ресурс текстильных технологий и дизайна древних народов Великой степи и Евразии, продемонстрировать их вклад в историю культуры ношения одежды.

Литература

- Алтынбеков К. Возрожденные сокровища Казахстана: реставрация как возрождение. Алматы, 2014. 340 с.
- Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. Алматы-Уральск, 2013. 64 с.
- Богатырев П. Г. Вопросы теории народной культуры. М.: Искусство, 1997. 511 с.
- Бубновене О.Д. Сакральные смыслы головных украшений обских угров // Материалы I Международного конгресса традиционной художественной культуры: проблемы фундаментальных исследований народного искусства (27–29 ноября 2011 г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2013. С. 158–164
- Горелик М. В. Введение в историю раннего монгольского костюма X–XIV века (по изобразительным источникам) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М., 2010. С. 16–79.
- Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как "текст" (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск: ООО "Авто Граф", 2008. 244 с.
- Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. 364 с.
- Мыськов Е. П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // Российская археология. 1995. № 2. С. 36–43.
- Орфинская О. В., Голиков В. П. Экспериментальное исследование текстильных изделий из раскопок могильника Лисаковский П. // Костюм эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда – Лисаковск, 2010. С. 114–118.
- Орфинская О. В., Лантратова О. Б. Женский костюм золотоордынского времени из погребения № 93 могильника Мачный бугор I (Астраханская обл.) // Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства (Материалы I научно-практической конференции 13–16 октября 2009 г. Часть I). Посвящается памяти Т.С. Алешиной / Государственный исторический музей. М., 2011. С. 20–40.
- Сухарева О.А. Опыт анализа покровов традиционной "туникообразной" среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции. // Костюм народов Средней Азии: историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979. С. 77–103.
- Усманова Э. Р. Костюм эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда – Лисаковск, 2010. 176 с. http://www.vedamost.info/2012/11/blog-post_7762.html. Одежда из крапивы. Дата обращения: 20.03. 2019

http://www.kitabhona.org.ua/costum_costum/khripunovorda1.html. Хрипунов Н. В. Одежда знати Великой империи монголов в 1207–1266 гг. Дата обращения: 02.03.2020
https://kitabhona.org.ua/rec_costum/planmanzo/pl07.jpg. Мужской костюм Золотой Орды XIV в. Дата обращения: 17.11.2018
<http://www.vostlit.info/Texts/rus/Karpini/frame2.htm>. Ионна де Плано Карпини, Архиепископа Антиварийского, История Монгалов, именуемых нами татарами. Дата обращения: 03.03.2020
http://lepsy.ucoz.kz/publ/stati/stati_s_interneta/puteshestvie_rubruka_v_vostochnye_strany_cherez_semireche_v_kh_iii_v_chast_1_aia_gl_1_10/4-1-0-47. Путешествие Рубрука в восточные страны. Дата обращения: 03.03.2020
<http://www.narodko.ru/article/avtoref/zolorda.htm>. Татьяна Сидорова. Одежда Золотой Орды. Дата обращения: 03.03.2020

**E.R. Usmanova, E.K. Altynbekova, T.N. Krupa, O.D. Bubnovene,
V.N. Lukashov, E.S. Lukashov**

COSTUME RECONSTRUCTION AS A WAY TO REPRESENT THE CULTURAL CODE OF THE GREAT STEPPE IN THE DESHT-THOR FESTIVAL OF ANCIENT TECHNOLOGIES AND CULTURAL COMMUNICATIONS NAMED AFTER THOR HEYERDAHL

The paper reveals the concept, goal and objectives, the enlighten mental meaning of the Second International Festival of Ancient Technologies and Cultural Communications “Desht-Thor” named after Thor Heyerdahl which held in Kazakhstan (June 28-30, 2019, Kostanay region, Ayet aul, organizers of Polymetal Eurasia LLP and the Historical Reconstruction Club "Legion"). The program of the Second Festival included a demonstration of Great Steppe people costume models reconstructions’ based on archaeological data and written sources. In total, seven reconstructions of costumes of the Great Steppe habits were made. The paper describes the reconstruction of three main suits: female Andronovo costume, female Sarmat costume, female and male costume of the Golden Horde. Additionally, the costumes of the festival guests are presented: Ob Ugrs and Vikings. Second International Festival as a cultural festive helps to understand the basics of the cultural code of the Kazakhstan peoples associated with a comprehensive approach to solving problems of modernization of public consciousness. The reconstruction of the costume allows to present a creative resource of textile technologies and costume design of the Great Steppe ancient societies demonstrated their contribution to the history of model culture.

Н.А. Константинов

Горно-Алтайский государственный университет

г. Горно-Алтайск, Россия

E-mail: nikita.knsntnv@yandex.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВТОРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ АЛТАЯ (по материалам работ на Пазырыке)*

Повторное исследование уже раскопанных памятников довольно часто применяется при изучении памятников тех или иных культур и эпох. В первую очередь такие работы проводятся в связи с развитием методической базы и требований к качеству полевых исследований. Также в какой-то степени влияет и увеличение источниковой базы, которое часто показывает необходимость вторичных раскопок для уточнения некоторых характеристик тех или иных объектов. Вопрос повторного исследования курганов Пазырыкского могильника на Алтае (Грязнов, 1950; Руденко, 1953) неоднократно поднимался ранее при обсуждении судьбы памятника, однако долгое время практических действий в этом направлении не предпринималось. Ситуация изменилась несколько лет назад, когда состояние сохранности памятника в значительной степени ухудшилось из-за неконтролируемого посещения, поскольку существенно вырос туристический поток в долину реки Чульшман и на южный берег Телецкого озера. Автомобильная дорога в этот район Алтая как раз проходит по северному краю Пазырыкского могильника.

В связи с возросшей антропогенной нагрузкой началось более детальное обсуждение необходимости установления контроля над посещением памятника, то есть его музеефикации. При музеефикации было принято решение восстановить культурный ландшафт всего живописного урочища, без устройства на памятнике и на курганах каких-либо современных сооружений. Это необходимо для того, чтобы как можно меньше воздействовать на естественно-исторический

* Исследование проведено в рамках реализации гранта РФФИ № 18-09-00709.

ландшафт. В 2019 г. у курганов были установлены стенды с информацией об объекте; на входе поставлены щиты с правилами поведения и общей информацией о памятнике; на возвышении обустроена смотровая площадка. Вдоль автомобильной дороги установлено ограждение и оформлено место для парковки автомобилей, чтобы по территории памятника посетители передвигались только пешком. В планирующемся музейном комплексе рядом с памятником будет осуществляться показ моделей сложных внутримогильных сооружений курганов, а также реплик пазырыкских вещей, многие из которых уже выполнены алтайскими мастерами.

Одной из самых сложных проблем музеефикации Пазырыкских курганов стала необходимость рекультивации старых раскопов и восстановление внешнего вида курганов. Для того чтобы выбрать подход и определить методы восстановления курганов, понять современную ситуацию и условия среды внутри раскопанных могильных ям, было решено провести повторное исследование кургана 5, находящегося в южной части памятника. Этот курган также отличался от других погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры особенностями своей периферии – наличием выкладок-лучей и отсутствием ряда балбалов. В связи с последним обстоятельством также решено осуществить полевые работы по изучению периферии кургана.

Надо заметить, что существует некоторый опыт вторичных раскопок курганов пазырыкской культуры Алтая. В 1954 г. под руководством А.А. Гавриловой были осуществлены повторные раскопки Большого Катандинского кургана на могильнике Катанада II (Гаврилова, 1957). В этом кургане в 1865 г. В.В. Радловым было впервые осуществлено изучение мерзлотного погребения (Радлов, 1989, с. 445-448). В ходе новых исследований удалось установить, что первыми раскопками был пройден грабительский лаз, а значительная часть погребения не была изучена. Хотя значительных находок в могильной камере сделано не было, однако удалось выявить ее конструктивные особенности. Оказалось, что внутримогильное сооружение состояло из двух срубов с полом, за пределами сруба обнаружены шесть мощных столбов-опор бревенчатого наката. Однако главным итогом повторного исследования стало открытие находившегося в северной части могильной ямы конского захоронения, содержавшего останки 22 лошадей.

В 1959 г. С.С. Сорокиным был повторно раскопан Большой Берельский курган, который первоначально также исследовался В.В. Радловым в один год с раскопками на могильнике Катанада II (Радлов, 1989, с. 449-451). Значительных вещественных находок в ходе повторных раскопок сделано не было, однако удалось произвести отбор образцов древней древесины для дендрохронологического и радиоуглеродного анализов и получены данные, позволившие выполнить реконструкцию внутримогильных сооружений погребения (Сорокин, 1962; 1969, с. 217, 219).

Значительно позднее, серию вторичных раскопок пазырыкских курганов осуществил дендрохронологом И.Ю. Слюсаренко. Главной целью этих работ был отбор образцов древесины от деревянных внутримогильных конструкций для последующего дендрохронологического анализа (Слюсаренко, 2010, с. 18). Однако в отдельных случаях в процессе повторных раскопок удавалось получить неожиданные материалы, в существенной степени дополнявшие и корректировавшие представления о погребальных памятниках. В частности, в кургане 3 на могильнике Уландрык I удалось выявить конское захоронение, незафиксированное при первом исследовании (Кубарев, Поздняков, Слюсаренко, 2016, с. 286).

Работы на Пазырыке. В 2017 г. стартовали работы совместной экспедиции Горно-Алтайского государственного университета и Государственного Эрмитажа по продолжению исследования кургана 5 на Пазырыкском могильнике. Работы направлены на изучение различных конструкций и объектов на участках, прилегающих к насыпи кургана, а также на повторное исследование могильной ямы. В 2017 г. проведены работы с северо-восточной стороны кургана 5. В площадь работ попали две выкладки-луча;² курган 7, в котором в 1949 г. было раскопано погребение подростка, также относящегося к скифскому времени (Руденко, 1953, с. 40-41); округлая этнографическая выкладка. Также на площади зачистки было зафиксированы следы десяти кострищ. В следующем году осуществлены работы на юго-восточной околокурганной территории с двумя лучами и начато повторное изучение могильной ямы. В 2019 г. завершены работы в могильной яме (Константинов и др., 2019) и проведена зачистка северо-западного участка периферии с двумя лучами, зафиксирована округлая выкладка и два кострища.

Курган 7. Необходимость доследования кургана 7 была вызвана тем, что в ходе его изучения в 1949 г., не был даже установлен диаметр и особенности курганной насыпи, поскольку раскопки велись по

² Всего С.И. Руденко отмечал семь выкладок-лучей, радиально расходящихся в стороны от насыпи кургана (Руденко, 1953, рис. 3).

границам grabительской ямы. Объект находится в 4 м от края насыпи кургана 5 с северной стороны. До начала наших работ представлял собой воронку, окруженную слабо задернованным валом из материкового песка с камнями из насыпи – отвалом от предыдущих раскопок раскопа 1949 года. Диаметр воронки составлял 6,3 м, глубина 1,3 м от верхней части вала. По краям воронки выступают камни насыпи кургана, внутри растут молодые лиственницы.

После снятия отвала, в западной части кургана зафиксирована погребенная под отвалом нетронутая задернованная пола насыпи кургана. Также сохранились камни по краю насыпи, благодаря чему устанавливается первоначальный диаметр кургана, который составлял около 9 м. Насыпь была сложена из рваных камней небольших размеров. У южной и юго-западной полы кургана 7 зафиксированы фрагменты лепных керамических сосудов. В южной части отвала обнаружен фрагмент ребра животного(?) и фрагмент дистального эпифиза правой большой берцовой кости взрослого человека. В северной части раскопа найдены деревянные носилки из тонких досок, оставленные после раскопок 1949 года. В центральной части ямы в заполнении найдены два молочных зуба и фрагмент нижней челюсти ребенка, а также один венчик керамического сосуда. В центральной и северо-западной части ямы в заполнении находились фрагменты костей и зубов животных, в том числе две кости косули. Контрольный перекоп дна и стен ямы находок и конструкций не выявил. После завершения исследования кургана яма засыпана землей и восстановлена насыпь кургана.

Кострища. На площади зачистки периферии с северо-западной, северной и северо-восточной стороны кургана 5 было зафиксировано 12 прокалов. Кострища располагались следующим образом. Три прокала находились у северо-восточного луча по линии С–Ю с небольшим отклонением; шесть прокалов было с северной, западной и юго-западной стороны кургана 7; одно кострище находилось у северной полы кургана 5. В 2019 г. один прокол зафиксирован в нескольких метрах к западу от кургана 7 и еще один прокол был обнаружен у небольшой овальной выкладки, находящейся к северо-западу от кургана 5.

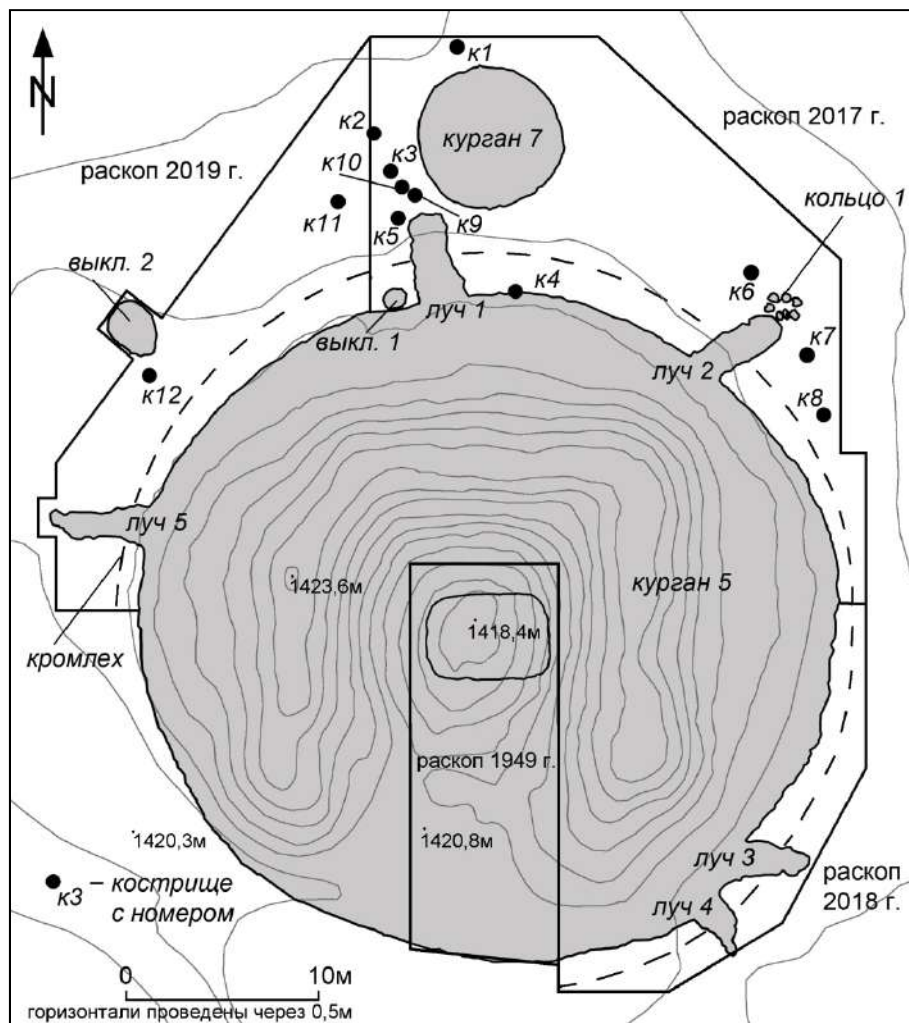

Рис. 1. План Пятого пазырыкского кургана с участками работ разных лет

Из всех кострищ, зафиксированных на исследуемых участках, только три имели обкладку камнями – кострища 3, 5 и 6. Кострище 5 отличается тем, что кроме обкладки, оно, вероятно, было заложено

камнями. Под камнями в этом кострище найдены фрагменты обожженных костей животных. В кострище 7 находились железоплавильные шлаки. Грунт под зафиксированными кострищами был прокален на разную глубину от 1-2 до 13 см. Назначение кострищ, судя по всему, было различным. Обожженные кости животных, найденные в кострище 5, вероятно, свидетельствуют о ритуальном характере этого объекта. Находки кусочков шлака в кострище 7 могут говорить, с одной стороны, о хозяйственной металлургической деятельности на территории памятника. С другой стороны, находки шлака в кострище рядом с погребальными конструкциями может являться указанием на ритуальное значение металлургической деятельности. Следы кострищ наряду с находками фрагментов керамики и костей животных в межкурганном пространстве и в насыпях курганов исследователи обычно связывают с поминальными обрядами и тризнами (Руденко, 1960, с. 325; Киреев, 1999). Использование огня в погребально-поминальном цикле «пазырыкцев» и населения последующих эпох было необходимым для кормления души умершего или «обожествленных душ предков» (Суразаков, 1994, с. 74).

Вероятнее всего кострища, находящиеся с западной и юго-западной стороны кургана 7 связаны с этим объектом, к чему можно прийти исходя из планиграфии объектов. Расположение поминальных сооружений в виде каменных колец и выкладок к западу от погребальных конструкций характерно для погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры Алтая (Суразаков, 1988, с. 119-120; Кубарев, 1987, с. 11-12; 1991, с. 22-24; 1992, с. 11-13; Полосьмак, 1994, с. 17; Соенов, 2003, с. 38-39; Кубарев, Шульга, 2007, с. 53; др.). Расположенные к западу от пазырыкских курганов поминальники обычно содержали следы кострищ, кости животных, фрагменты керамики. Некоторые из рассматриваемых кострищ также включали подобные находки: по-западному и северному краю кургана 7 вблизи кострища 3 были обнаружены фрагменты керамики, а в кострище 5 найдены жженые кости животных.

Могильная яма кургана 5. Кроме того, в первый год возобновления работ на Пазырыке был заложен небольшой шурф внутри воронки, оставшейся на месте раскопа 1949 г. в могильной яме кургана 5. Шурф показал, что в яме прекрасные условия для сохранности органики, в том числе оставленных после раскопок частей деревянных внутримогильных сооружений. В 2018-2019 гг. осуществлено исследование могильной ямы (Константинов и др., 2019). Выполнить работы по расчистке могильной ямы за один сезон не удалось. На сегодняшний день работы в яме полностью завершены. До повторных раскопок в центре кургана была глубокая воронка, глубиной около 2 м от современной дневной поверхности, оставшаяся на месте нерекультивированного раскопа 1949 года. На дне воронки наблюдалась вода, свидетельствующая о наличии сохранившейся подкурганной мерзлоты. Расчистка ямы проводилась в пределах границ раскопа С.И. Руденко. Все время работы в яме велась в условиях «мокрого» раскопа, дважды в день производилось откачивание воды с помощью мотопомпы. Вода прибывала из оттаивавшей подкурганной мерзлоты постоянно, однако уровень наполнения ямы водой после каждого откачивания становился меньше. Благодаря влажной среде и сохранению отрицательной температуры, удалось зафиксировать представительный комплекс предметов из органических материалов.

В яме были обнаружены оставленные практически *in situ* части внутримогильных деревянных сооружений – внешний сруб погребальной камеры и шесть мощных деревянных столбов-опор бревенчатого наката над камерой. Внешний сруб имел размеры 7х4 м, его высота составляла около 2 м. Сруб пострадал во время предыдущих раскопок. Для облегчения доступа в «лошадиный отсек» за пределами бревенчатой камеры все северной части ямы, была вырезаны все бревна северной стены. Тогда также были выпилены три венца северо-западного угла, эти бревна сейчас находятся на хранении в Государственном Эрмитаже. Кроме того, были приподняты два бревна-опоры, стоявших у южной стены ямы. Судя по всему, в 1949 году предпринимались попытки извлечь эти столбы из ямы, однако попытки не увенчались успехом и столбы были оставлены в раскопе.

Судя по следам разметки, которая была нанесена на всех бревнах, первоначально сруб соорудили в стороне от могилы, перенесли его и собрали в ямы. Разметка была простой и представляла собой количество зарубок в зависимости от номера венца. Как и в современности, нумерация бревен велась с нижнего венца. Сруб был прямоугольным, то есть на один венец приходилось по две пары бревен одинаковой длины. Для того, чтобы не перепутать бревна, на одной стене «пазырыкцы» делали насечки посередине бревна, на противоположной стене зарубки делались ближе к концу бревна. В переделах одной стены бревна укладывались поочередно комлевой частью в одну и в другую сторону, для достижения одного уровня. Угловая вязка представлена техникой «в обло», длинные северные и южные бревна укладывались в вырубы коротких западных и восточных бревен. Самые толстые бревна были на трех нижних венцах. Сруб сужался к верху, то есть в профиль имел вид трапеции.

В южной стене сруба был проруб, который был сделан, когда сруб уже стоял в яме. Примерно такое же отверстие было вырублено во внутреннем срубе. Первоначально в этом отверстии были помещены несколько коротких бревен, которыми, как считается, была заклинена крышка саркофага-колоды с телами погребенных мужчины и женщины. Напротив, проруба в южной стене ямы удалось зафиксировать небольшой подбой, который не был исследован в 1949 году. В подбое находились детали четырехколесной повозки, заступ из рога марала, фрагмент резной деревянной бляхи-накладки и др.

В процессе повторного исследования выявлены различные предметы, оставшиеся после прежних раскопок. В заполнении и на дне ямы находились разрозненные кости лошади, в южной половине зафиксированы скопления костей лошади в сочленении, с сохранившимися фрагментами мягких тканей или со следами их гниения. За южной стеной сруба, между центральным и юго-восточным столбом, обнаружена часть туши коня с сохранившимися мягкими тканями. Судя по всему, части туш коней были сброшены в яму после их полевого изучения сразу после раскопок 1949 года. Длинных костей ног и черепа лошадей не обнаружены.

Также в заполнении сруба и снаружи вдоль восточной и западной стенок сруба встречались куски бересты, вероятно из покрытия потолков сруба берестяными полотнищами. На одном куске бересты обнаружен свитый лубяной шнурок, которым сшивалось полотно берестяного покрытия. На уровне 4-5 венцов сруба (сверху) в центральной и восточной половине сруба найдены разрозненные фрагменты золотой фольги и войлочных изделий. В юго-западном углу ямы обнаружена деревянная лопата.

На дне ямы, в основном в северной половине, обнаружены многочисленные фрагменты ковра, который первоначально висел на стенах внутреннего сруба. Также в северной половине найдены деревянная колотушка, фрагменты деревянных резных блях и войлочные украшения снаряжения лошади, а также другие изделия. За южной стеной сруба на дне ямы выявлены различные детали повозки. Кроме того, при выборке заполнения ямы встречены предметы, связанные с раскопками 1949 г.: носилки, две лестницы, верхонка, железный ковш, кусок полотняной ткани, клочки газет и т.д.

Проведенные работы показали перспективность повторного (вторичного) изучения раскопанных царских погребений пазырыкской культуры. Состояние сохранности оставленных после раскопок предметов в кургане 5 на могильнике Пазырык, в первую очередь, деревянных погребальных конструкций, было более чем удовлетворительным. Несмотря на глубокую воронку, оставшуюся на месте некультивируемого раскопа в центре кургана, в яме вновь образовалась мерзлота, не тающая даже в летние периоды. Скорее всего, в остальных курганах могильника ситуация должна быть похожей. Работы на участках, прилегающих к насыпи кургана 5 еще продолжаются, но уже сейчас можно сказать, что получены важные данные по особенностям функционирования периферии курганов.

Литература

Гаврилова А.А. Раскопки второго Катандинского могильника // Советская археология. М.: АН СССР, 1957. Вып. XXVII. С. 250-268.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.

Киреев С.М. Трizzlyны и трizzlyновая керамика майминских погребений раннего железного века // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1999. С. 92-99.

Константинов Н.А., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Степанова Е.В., Васильева Н.А. Завершение полевого исследования внутримогильной конструкции Пятого Пазырыкского кургана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. XXV. С. 415-424.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во АлтГУ. 2007. 282 с.

Кубарев Г.В., Поздняков Д.В., Слюсаренко И.Ю. Материалы из пазырыкских курганов 1 и 3 могильника Уландрык I (раскопки В.Д. Кубарева 1960-х гг. и 2000-х гг.) // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 286-306.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 125 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: АН СССР, 1953. 402 с. 120 табл.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: АН СССР, 1960. 360 с. 128 табл.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 752 с.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая: автореферат дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 34 с.

Соенов В.И. Раскопки поминальных сооружений на пазырыкском могильнике Усть-Кырлык II // Древности Алтая. Межвузовский сборник научных трудов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. № 11. С. 38-44.

Сорокин С.С. Большой Берельский курган. Полное издание материалов раскопок 1895 и 1959 гг. // ТГЭ. Т. X. Культура и искусство народов Востока. 7. Л.: «Советский художник», 1969. С. 208-236.

Сорокин С.С. Доследование Большого Берельского кургана // СГЭ. Л.: ГЭ, 1962. Вып. XXIII. С. 70-72.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. 165 с. 49 илл.

Суразаков А.С. Погребальный обряд пазырыкцев // Археология Горного Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1994. С. 71-74.

N.A. Konstantinov

PROSPECTS FOR A REPEAT STUDY OF SCYTHIAN TIME BARROWS IN ALTAI (ABOUT FIELDWORK ON PAZYRYK)

The article discusses the prospects of re-researching the previously studied mounds of the Pazyryk culture of Altai. Examples of successful cases of secondary excavations of the barrows are given, the goals and approaches to such procedures are discussed. The experience of the joint expedition of the Gorno-Altai State University and the State Hermitage in the Fifth Pazyryk Barrow in the Ulagan District of the Altai Republic (Russia) is examined in detail. In the course of preparing the monument for museumification, the need arose for the restoration of the excavated burial mounds. In order to develop an approach to the reconstruction of destroyed mounds, repeated studies are first conducted. During the excavations it was found that despite the lack of reclamation in the grave pits, favorable conditions were formed for the conservation of wood and other organic materials. There was a lot of water in the grave pit; frozen soil was in the lower part. An external log house of the burial chamber was found, along with powerful pillars supporting logs. Some items were also found - fragments of felt carpet, scraps of gold foil, details of the wagon, decoration of horse equipment, etc.

Е.Е. Ямаева

*Горно-Алтайский государственный университет
г. Горно-Алтайск, Россия
E-mail: erkinovnay@mail.ru*

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ В ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЕ ГОРНОГО АЛТАЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ТАМГОВЫХ ЗНАКОВ ТЮРКОВ*

Самые разнообразные знаки встречаются на скалах Центральной Азии с древнейших времен. Некоторые скалы заполнены знаками, которые до сих пор «не прочитаны». качестве примера можно привести писаницы Сурухтук-Хая на реке Марха (Ysia.ru/petroglify), Онне на р. Амге (Куличкина, <https://www.yakutskhistori.net>), Ат-Дабан (dostoyanieplaneti.ru/regions/tossia/dalnevostochini.../respublika-sakca-yakutiia), в Якутии, Селенгинский петроглиф, Судунтуйская из Барун-Сулутая в Забайкалье (Окладников, Молодин, Конопадский, 1980), Аршан-Хад и Хавцхойт в Восточной Монголии (Окладников, 1980) и другие. Многие писаницы выполнены охрой, что свидетельствует о древности нанесенных знаков. На Сурухтук-Хая, например, чаще всего встречаются знаки в виде косых крестов, дуги, прямых линий. Сложность прочтения знаков на скалах была отмечена З. Самашевым, который обратил внимание на однотипность знаков Монголии, Горного Алтая и Казахстана (Самашев, 2016, с.3-36). Можно отметить, что большое количество самых разнообразных знаков встречается на астрагалах, обнаруженных во время раскопок курганов эпох бронзы и железа (Шилов, 1995; Вадецкая, 1999; Молодин, Ефремова, 2010). Среди многочисленных рисунков пазырыкского времени Горного Алтая встречены одиночные изображения оленя и козла, возле которых нарисована тамга в форме луны. В настоящее время накопилось достаточно много материала, чтобы можно было проводить исследования на сравнительно-типологическом уровне, и, рассмотреть проблему с точки зрения возникновения тамговых знаков. В

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ по гранту №18-09-40048.

нашей работе мы воспользуемся материалами петроглифов пазырыкского времени, также материалами предшествующих эпох (окуневской и майэмирской).

Знаки на оленных камнях. Одними из наиболее распространенных знаков в древности были круги, точки, прямые линии. В эпоху, обозначенной окуневской, в культуре Центральной Азии широкое применение получают оленные камни, а традиция их установки своими корнями уходит в андроновскую эпоху (Савинов, 1994, с.146). По мнению Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородовой круги, линии и комбинации из них становятся неизменными компонентами оленных камней (Вайнберг, Новгородова, 1976). Они также предположили, что поздние монгольские тамги этого типа (типа серьги – Я.Е.) могут быть выводимы генетически от знаков на оленных камнях. В своей работе авторы также обратили внимание на свастику, изредка встречающуюся на оленных камнях.

Круг. Круг с отростком («серьга») зафиксирован на оленных камнях Тархаты (Елин, Ларин, 1994, с.51), Ак-Алаха 2 (Древности, 2000, с.133-134. Раскопки Н.В. Полосьмак). Круг с «трезубцем» фиксируется на Куюсском оленном камне (Окладникова, 1984). На раскопках кургана Кор-Кобы О.В. Ларин и А.С. Суразаков на оленном камне зафиксировали круг и дугу вместе (Ларин, Суразаков, 1992).

Три косые (наклонные) линии зафиксированы на Тархатинском оленном камне (Елин, Ларин, 1994, с. 51) и на стелах с признаками оленных камней на Бийке (Тишкин, 1994, с.48-49). На Тархатинском оленном камне можно увидеть характерные линии («повязка») (Елин, Ларин, 1994, с.51).

Знаки, обозначающие такие предметы украшения как гривны Ак-Алаха 2 (Древности, 2000, с.133-134), «ожерелье» в виде трех рядов точек на памятнике Тархаты (Елин, Ларин, 1994, с. 51).

Знаки, обозначающие предметы вооружения - чекан и нож, лук в горите на оленных камнях Ак-Алаха 2 (Древности, 2000, с.133-134).

Изображения животных. В Горном Алтае изображения животных встречены на оленных камнях (без привязки к погребению). Пять оленей, ориентированные головами вправо, расположенные друг над другом нарисованы на Куюсском оленном (Окладникова, 1984). На Тархатинском оленном камне, на одной «не лицевой» стороне имеются изображения трех коней, расположенных друг над другом.

Изображения животных наносились на оленные каменные по случаю погребения умершего. На памятнике Ак-Алаха 2 на уровне горизонта, над погребением, после устройства кургана были установлены оленные камни. Оленные камни представляли собой сильно стилизованные антропоморфные фигуры. «Все имеют изображение пояса, на некоторых точечной выбивкой выбиты серьги, гривны, фигурки животных, лук и горит» (Древности, 2000:133-134).

В то же время, оленные камни без изображения животных имелись на этом же памятнике. "В насыпи над погребением стоял оленный камень, на котором были выбиты серьги, пояс с ножом и чеканом» (Древности, 2000, с.133-134). Этот случай единичный, но любопытно, что на оленных камнях на уровне горизонта были изображены животные, в то время как на оленном камне в насыпи, над погребением изображения животных не имеется.

Крючкообразный предмет, висящий на поясе персонажей оленных камней, до сих пор представляет загадку. Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородова предположили, что он был одним из аксессуаров мужчины того времени. Предмет изображается висящим на поясе рядом с ножом, точилом и кинжалом. Ни разу не показано никаких предметов, висящих на нем (Вайнберг, Новгородова, 1976). Нам представляется, что этот предмет может быть рыболовным крючком, удочкой. В мифологии алтайцев удочка или крючкообразный багор *кармак* является атрибутом божества Ерлик. С помощью крючка Ерлик «зацепляет» заблудшие души, возвращает убегающие от него живые существа и т.д. В древнейшую эпоху как рыболовная снасть этот предмет мог быть незаменимым.

Изображения знаков на оленных камнях хорошо датируются. Курган Ак-Алаха-2 авторы датируют майэмирским временем, VIII-VII вв. до н.э. (Древности, 2000, с.134). Оленные камни на погребальном комплексе Бийке датируются концом IX в. до н.э. (Тишкин, 1994, с.49).

Культ предков. Каменные стелы (оленные камни), устанавливаемые в центре четырехугольной ограды, в насыпи над погребением, пожалуй, являются важнейшим признаком появления, возможно, в это время космогонического мифа, «описывающего» вертикальную структуру мира. Вертикальные столбы (каменные изваяния) являются дублирующим элементом мирового дерева. В данном аспекте идет речь об организации пространства-времени, места «соединения» микрокосмоса и макрокосмоса, появления возможностей для выражения (мира) в знаковых системах текстов. Таким образом, создается сакральное пространство и время, связывающее мир людей и мир предков. Говоря о взаимозаменяемости моделирующих элементов мира, не лишне вспомнить высказывание В.В. Топорова. «Образ дерева мирового соотносен с общей моделью брачных отношений и шире – с приемственной связью поколений, генеалогий рода в целом» (Топоров, 1980).

Стоит остановить внимание на изваяние, которого обнаружил А.А. Тишкин при раскопках памятника Бийке. Оленные камни нередко обнаруживаются рядом со священными скалами. По мнению А.А. Тишкина скала с нишей, расположенная в устье реки Бийке, использовалась в качестве святилища жителями ещё задолго до бийкенского (майэмирского). Место обладало всеми признаками культового места: расположение на берегу реки, у подножья причудливых гор, пещера и грот, наличие валунных россыпей и, наконец петроглифы, относящиеся к весьма архаическому времени. Возможно, здесь был храм под открытым небом, который был центром отправления церемоний. Предков далекого прошлого напоминала темная отвесная скала с рисунками (Тишкин, 1994, с. 46) Напротив священной скалы находились курганы с оленными камнями, в которых были погребены люди, принадлежавшие одной семейно-родственной группе. Эти предки принадлежали уже ко времени бийкенского периода, конца IX в. Им принадлежала идея увековечить знаменитых предков, возможно, уже канонизированных к тому времени. Роль петроглифических центров как места для проведения обрядов культово-генеалогического цикла отмечена Д.Г. Савиновым. Он также высказал мнение о том, что ряды оленных камней в ритуальном комплексе вкупе с находящимися рядом петроглифами символизировали главных персонажей этого культа (Савинов, 1994, с.141).

Знаки (круг, дуга, линия) на петроглифах. Знак «круг» зафиксирован на петроглифах Сары Сатак (Окладников, 1982, сс.18,86), на разных скалах в Монголии (Окладников, 1980, табл.153). На наскальных рисунках обнаружен круг с «бараньим рогом» на Калбак-Таше (Материал был предоставлен В.А. Кочеевым).

Знак «луна» изображен рядом кругом с точкой посередине и отростком в виде «бараньего рога» на скале Сундуки в Хакасии. Часто встречается круг с отходящей прямой линией с дугой посередине (Потанин, 2005; писаницы на скале Сухайты в Монголии). На рисунке из Цагаан-Салаа тамга «луна» расположена рядом со скифским оленем (Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 309, рис. 583).

Из вышеназванных знаков, которые так или иначе нашли отражение на памятниках, датированных началом I тыс. до н.э. интерес вызывает знак в форме дуги или новой луны. Дело в том, что этот знак на памятниках Горного Алтая дважды в контексте рисунков скифского времени. Отчетливый знак дуги или луны изображен рядом с фигурой козла на памятнике Бош-Туу, а на Елангаше он нарисован рядом с рисунком коня с всадником.

Одним из наиболее ярких, красочных, и известных научному миру, скифским рисунком является рисунок «всадника из Елангаша». Конь изображен «на цыпочках», с красивым изгибом шеи и султаном на голове. Характерны скифские формы линии головы и челюсти. Хвост коня настолько тонкий, что очевидно, что он ухожен – сплетен или одет в специальный футляр. Любопытно, что всадник будто бы одет в короткую куртку и узкие штаны. На голове шапка либо с небольшими рогами, либо в неких фигурках, пришитыми к ней. В руках он держит узду. Рисунок с конем на цыпочках» и в виде внезапной остановки, можно также отнести к раннескифскому времени. В Бошту разукрашенный скифским орнаментом козел в технике граффити обладает характерными признаками. У него зауженная, удлиненная морда, узкие заостренные уши, дугообразные рога. Козел стоит на «цыпочках», на двух тонких, очень длинных, прямых ногах. Рога явно на оленьи, но ноги длинные, как у оленя. Но из-за двух длинных, дугообразных рогов, мы вносим животное в число козлов. Кстати, под ногами козла нарисована тамга в виде новой луны, подобная той, которая встречается в Елангаше, под изображением коня.

Самым любопытным в этих рисунках, пожалуй, является тамга в виде молодой луны. Нет сомнения в том, что изображения синхронны. Таким образом, в скифское время рядом с изображениями людей или животных появляются знаки, которые можно идентифицировать как тамгу. Тамги на скальных рисунках пазырыкского времени называется у алтайцев лунной тамгой *ай тангма*.

Наличие подобного знака в форме новой луны на скалах Цагаан-Салаа Монголии подтверждает типовой характер знака, которого можно рассматривать как знак собственности (Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 606, рис. 116).

Поскольку такая распространенная тамга как корыто *тоскуур* (или престол *ширее*) чаще встречается в контексте тюркских рисунков, то можно утверждать, что тамга «новая луна» вероятно бытовала уже в скифское время.

Крючкообразный предмет фигурирует на скалах Теректы (Окладникова, 1984). Этот же предмет в комбинации с прямой линией образует треугольник на памятнике Цагаан-Салаа (Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с.179, рис.189). В целом треугольники и косые линии часто встречаются на скалах Горного Алтая, хотя датировка их затруднительна (Кочеев, 1994). В работе З. Самашева аналогичный предмет, зафиксированный на Тамгалы, датируется эпохой бронзы. Автор анализирует композицию из ряженных быков, хищников и антропоморфных фигур. Он отмечает, что «на руках у ряженных предмет»,

обозначенный Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородовой как крючкообразный предмет (Самашев, 2016, с.3-36).

Две прямые линии с отходящей от них развилчатой палкой (Материал В.А. Кочеева по знакам на памятнике Калбак-Таш) напоминают тамгу кыпчаков у казахов в форме двух косых линий (Муқанов, 1968). Тамги «луна», косой крест встречается на скифских стрелах (Кочеев, 1994, №№ 7,8). Знак в форме трубы от самогонного аппарата *чорго* (Кубарев, 1968, рис. №2; Елин, Ларин, 1994, рис. 2.2.) ассоциируется с тамгой родоплеменной группы кыргызы (Вайнштейн, 1972, рис.7.2).

Тамговые знаки известны не только по петроглифам Монголии и Алтая. В работе З. Самашева, в главе, посвященной скифо-сибирскому стилю, приводятся тамговые знаки. Некоторые из них (по А.Х. Маргулану) З.Самашев маркирует как сарматские (петроглифы Айгыр Ушкан). Знаки на плитах Байте вызывает интерес связи со сходством отдельных элементов (круга и так называемого знака «кочерга»), которые ассоциируются с тамговыми знаками на скалах Монголии.

Таким образом, к числу наиболее ранних, семантически значимых знаков можно отнести солярные знаки - круг (символ солнца), дуга (символ луны), прямые линии. В контексте с другими знаками, обозначающими предметы вооружения, украшения, зафиксированными на оленных камнях, сопровождающих умерших в мир предков, эти геометрические фигуры позже стали основой для формирования тамговых знаков народов Центральной Азии. Приведенные материалы подтверждают мнение Б.И. Вайнберг и Э.А. Новгородовой, согласно которому поздние монгольские тамги генетически восходят к знакам на оленных камнях. Принимая во внимание сарматские тамговые знаки Казахстана, можно утверждать, что в I тыс. до н.э. на евразийском просторе из типологически близких знаков (преимущественно геометрических), формируется своего рода единая система. Усложнение знаковых обозначений можно увидеть в появлении отходящих от круга линий (прямой линии, прямой линии с поперечными палками, с изогнутыми линиями в форме бараньего рога). Датировка знаков, встречаемых на наскальных рисунках и оленных камнях, может быть в пределах конца I тыс. до н.э. до середины I тыс. до н.э. В более поздние времена, с миграцией хунну и тюрков, те же геометрические знаки мы видим на каменных изваяниях и наскальных композициях, но уже в более усложненной форме. Появление добавочных черточек, к основным кругам, линиям, дугам рассматриваются исследователями как наличие этногенетических, семейных связей родов в прошлом (Вайнштейн, 1972, с. 80; Кормушин, 2008). Таким образом, именно в пазырыкской культуре берет начало формирование тамговой системы племен Саяно-Алтая.

Литература

- Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р.Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С.18-31
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. Санкт-Петербург: Издательство «Петербургское востоковедение», 1999. 433 с.
- Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии. М.: Издательство «Наука», 1976. С.66-74.
- Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев М.:Наука, 1972. 314 с.
- Древности плоскогорья Укок: Тайны, сенсации, открытия / Молодин В.И.(и др.) Новосибирск: ИНФОЛИО, 2000. 192 с.
- Елин В.Н., Ларин О.В. Два оленных камня из Горного Алтая //Материалы по истории и культуре Республики Алтай. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 50-52
- Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. М.: Наука, 2008. 340с.
- Кочеев В.А. Знаки на стрелах (к вопросу о назначении тамгообразных знаков на костяных наконечниках стрел из курганов Горного Алтая скифского времени // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 27-59
- Кубарев В.Д. Чашечные камни Алтая //Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1968. С.68-90.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск: : «Наука» СО РАН, 1979. 120 с.
- Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таш I. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. 443 с.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск – Улан-Батор – Юджин: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 639 с.
- Ларин О.В., Суразаков А.С. Раскопки на Кор-Кобы // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С.56-78
- Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск, Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. 262 с.

- Муқанов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1968. 255 с.
- Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. М.: «Наука» СО РАН, 1980. 269 с.
- Окладников А.П. Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981. 227 с.
- Окладников А.П., Молодин В.И., Конопадский А.К., Новые петроглифы Прибайкалья и Забайкалья. Новосибирск: «Наука» СО РАН, 1980. 40 с.
- Окладникова Е.А. Петроглифы средней Катуни. Новосибирск: «Наука» СО РАН, 1984. 110 с.
- Окладников А.П. Петроглифы урочища Сары-Сатак. Новосибирск: «Наука» СО РАН, 1982. 149 с.
- Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Горно-Алтайск: Издательство «Ак-Чечек», 2005. 1025 с.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб: СПбГУ, 1994. 208 с.
- Тишкин А.А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р. Катуни // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С.46-49.
- Топоров В.В., Иванов Вяч. Вс. Древо Мировое // Мифология народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т.1. С. 398-406.
- Шилов Ю. А. Прародина ариев. История. Обряды. Мифы. Киев, 2013. 816 с.
- Ямаева Е.Е., Аларушкин А.М. «Лунная тамга» алтайцев: культурно-историческая преемственность и среднеазиатские параллели // Материалы Международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения» по теме «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования» приуроченной к 25-летию независимости Республики Казахстан 1-2 апреля 2016. С. 292-293.
- Куличкина В. Петроглифы Онне на р. Амге. Наскальная живопись в Якутии. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://www.yakutskhistori.net>
- Петроглифы Ат-Дабан (Электронный ресурс) Режим доступа: dostoyanieplaneti.ru/regions/rossia/dalnevostochini.../respublika-sakca-yakutiia
- Писаницы Сурухтух-Хая (Электронный ресурс) Режим доступа: [Ysia.ru/petroglify](https://ysia.ru/petroglify)
- Самашев З. Петроглифы Казахстана. Алматы, 2016. 200 с. (Электронный ресурс) Режим доступа: <https://e-history.kz/books/library/view>

E.E. Yamaeva

CAVE PAINTINGS IN THE PAZYRYK CULTURE OF THE ALTAI MOUNTAINS: ON THE FORMULATION OF THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE SYSTEM OF TAMGA OF THE TURKS

One of the most common signs in antiquity was circles, dots, straight lines. In the era designated Okunevskaya, in the culture of Central Asia deer stones are widely used. In the context of other signs denoting weapons, jewelry fixed on deer stones accompanying the ancestors who died in the world, these geometric figures later became the basis for the formation of tamga in the Pazyryk culture. A number of tamga, which are found on the rocks of the Altai Mountains, resemble Sarmatian tamga recorded on the territory of Kazakhstan. The complication of symbolic signs can be seen in the appearance of a straight line extending from the circle, a straight line with transverse sticks, with curved lines in the shape of a ram's horn. The dating of characters found on cave paintings and deer stones can be within the late I millennium BC. Until the middle of I millennium BC. In later times, associated with the migration of the Hunnu and the Turks, we see the same geometric signs on stone sculptures and rock compositions, but in a more complicated form.

Tulegenov T.Zh., Kurbanali J.

*The State historical and cultural reserve-museum «Issyk», Kazakhstan, Esyk
E-mail: tulegenov1309@gmail.com; zhazi1981@inbox.ru*

FUNERAL FEATURES OF THE SAKA OF SOUTHEASTERN ZHETYSU ON THE EXAMPLE OF THE ORNEK BURIAL GROUND

The elite burial complexes of the ancient population of the early Iron Age of Kazakhstan are still poorly understood. There is a need to draw up a detailed map of the location of the “royal” necropolises and to revise the scientific conclusions about the large mounds of the Scythian-Saka elite of Kazakhstan already studied in the context of the problems of the early Iron Age archeology of Central Asia and the Eurasian steppes as a whole.

The funeral rite is one of the key elements of the culture of any ethnic group. A study of the funeral rituals of the population of two neighboring regions – the Kazakh Altai (East Kazakhstan Oblast) and Zhetysu (Almaty region) in the early Iron Age, shows that in many respects close ethnic-sociocultural processes occurred due to similar natural landscape conditions. Probably, these regions represented a single historical and cultural area.

The transformation of ideas and ideas about the other world, there are appropriate methods of burial, the design of land and inside grave structures, which are also indicators of the deep ethnic-sociocultural changes that have occurred in society. These phenomena reflect both internal processes of development, and external impulses, and effects. Therefore, the study of this phenomenon makes it possible to develop the main problems of worldview and religion.

The funeral rite retains the most conservative and stable for a very long time: it was for many centuries, therefore, to reveal its contents, as well as to reveal rudiments in the funeral and funeral rituals in modern layers of culture, it is necessary to use data on the ethnography of the Kazakhs. The tradition of erecting mounds has existed on the vast territory of the Great Steppe for many centuries. Each historical and cultural era is characterized by its own architecture of the burial structures, which became more complicated and developed over millennia. For many reasons, the researchers are most interested in studying the structural characteristics of the burial structures of the early nomads. It is known that mounds are primarily perceived as burial places of a particular individual. At the present stage of the development of archeology, the ground part of the burial structure is considered as the architectural embodiment of a kind of micro-world in space, etc. According to the results of studies of the burial grounds "Issyk", "Turgen", "Ornek", "Karakemir", "Assysaga"), a pattern confirming the thesis about the special status of kings in the social structure of the ancient inhabitants of the Zhetysu region was all mounds from 6 m high. and above stand separately "dynastic chains." The general archaeological situation seems to be as follows: in foothill zones and on high ancient terraces, a large number of small mounds with an embankment of river pebbles or gravel with earth, as well as fences made of pebbles of predominantly rounded shapes, are found. The cemetery of the "elite rank" Ornek noticeably differs from the Issyk ones in both architectural and funeral rites. Basically, these are burial grounds consisting of 10-20 embankments, with a diameter of about 15-30 m, and a height of 2-3 m. There are differences in parameters. In general, there is a sharp decrease in their size. Possibly, the burial mound Ornek is the territory of the Saka tribes from East Kazakhstan (which is confirmed by the presence of funerary equipment similar to Altai burials). In these mounds, a monument is also revealed, as similar features inherent in large objects: chain interconnectedness of structures, latitudinal elongation of graves, single corpses in each, etc. These features, supplemented by such buried (elongated, on the back) and their orientation (head to the west), are obviously characteristic not only of the objects already studied, in which they are traced, but also to all the others, which indicates the preservation of the substrate basis of the monuments of Saka culture over the entire period of its existence. Significant features, both the position of the New research of the barrows, gave a generally significant amount of information, expanding our knowledge in the field of Saka archeology. The strong looting of large mounds makes it difficult to determine the absolute chronology and temporary break of the chains. The general archaeological situation is as follows: in foothill zones and on high ancient terraces there are a large number of small mounds with an embankment of river pebbles or rubble with earth, as well as fences made of pebbles of predominantly rounded outlines. The extracted materials are of great interest for studying the ancient history of the region, including in the context of elucidating the early stages of ethno genesis of Saka Zhetysu. Perspective on archaeological data. Archaeological research in the Almaty region in the cultural and historical terms is not in doubt.

In 2015, the archaeologists of the Issyk Reserve-Museum opened a new monument - the Ornek burial ground, with its local peculiarity, both in the constructions of burials and in clothing material. According to the results of archaeological research, the following pattern was revealed. Almost all burials were carried out in cysts-underground funerary buildings (the grave pits of which were covered with medium-sized stones) oriented along the west-east line, sometimes with some deviations (Тулегенов, 2016, с.930-935). The buried people laid their heads to the west. The standard set of accompanying equipment included ceramic vessels in the majority of round-bottomed shape, offerings in the form of parts of animals (horses and rams), as well as jewelry (gold plaques, pierce), weapons (minting, arrowheads). A low mound of soil was erected above the graves. In most cases, in the profiles above it, a layer of yellow clay of a dusty structure is read, which, in all probability, has an inflatable or imported origin since. The territory of the cemetery was subjected to intensive reclamation for several years. For the most part, embankments do not show complexity in their internal structure, which is largely determined by their small size.

The second chain of mounds was a distinctive feature - they all had a pre-barred platform ring with a width of one meter and a half from light blue stone. Apparently, the stone was not of local origin, but was brought in

from the outside, in texture it differs from river pebbles from the channels near the lying rivers (Issyk, Turgen). The place of origin of the blue stone has not yet been clarified. From the inner part of the ring encircling the mound embankment, about half of the segment of the embankment stood masonry of the same blue stone. Thus, the ring could have a double meaning as a bypass corridor and as a crepe masonry shell.

The burial field of the burial ground consists of two chains (hereinafter referred to as PC – the first chain of two barrows and - the second chain of 14 barrows), oriented along the north-south axis. The first chain consists of two barrows, the second of fourteen. For four field seasons, nine barrows - 1, 2 PCs and 2-6, 8, 10 were investigated. The designs of the investigated mounds of several types, but judging by the clothing dating material, belong to the classical Saka period of the 5th-4th centuries BCE. All mounds have a rounded shape, those buried in them are oriented with their heads to the west with slight deviations. Nevertheless, there are serious differences that are associated with the status of the deceased and possibly with seasonal fluctuations in weather conditions. So the mounds 1, 2, and mound 10 of the were unpaved, without crepe and small size (up to 1 m), gravel pits were also not deep 0.6 - 0.8 m. All the others had a constructive-semantic element crepe and pre-barbed platform of blue stone. A similar color stone calibration for the construction of crepe and rings was noted at the Turgen burial ground, investigated in 2016 by the Archaeological Expertise.

The breadth of the platform is proportional to the size of the mounds from 1 to 1.5 m. The “shirt” of all stones and fortified covers 30-40% of the body of the soil embankment. Similar constructions with an incomplete covering with a stone carapace Segments of a phosphorous embankment were recorded by K. Akishev at the Kyzylauz III burial ground and date back to the 3rd c. BC. (Акишев, Кушаев, 1963, с.80). Meetings and during excavations at the Rakhat burial ground of 2017 of the same period. This indicates some continuity in the pursuit of the more ancient population of Zhetysu. However, it should be noted that some barrow structures have internal differences. For example, in two kurgans - 4.10 from underground burial chambers.

It should also be noted that the storage depth varies from 0.6 m in the 10 EC embankment to 3.4 m in the 8 EC embankment.

The deepening of the burial and the presence of filling the cyst with a laid stone (a backing) is presumably associated with the creation of an obstacle to the penetration of potential robbers, which already speaks of the value of the inventory and a special attitude to the deceased.

Two mounds are especially distinguished among the studied mounds, one of them 2 PCs had a second altar cyst with traces of cremation, the second (elitist) 2 CCs had an unusually large 4x6 m cyst and pair burial. Design features of the Orneka embankments include the presence of sand tracks in three of them 1, 2 PCs and 5 SS, the functional purpose of which is being studied (as an option, this is a formalized approach to burial in the rainy season or during the snow melts). The labor costs of washing and delivering sand, as well as the presence of silt beneath it, indicates a long time (a week or more) of the functioning of the passage, which indicates a temporary gap between the creation of the burial chamber and the embankment of the mound. For five field seasons, interesting material was collected at Ornek cemetery not only in the form of artifacts, but also in the design of the mounds and their funerary architecture. This information is awaiting its scientific commentary and analysis. Thus, we can draw a conclusion about the local originality of this burial ground, which is primarily associated with special funerary traditions, the origins of which have yet to be studied, as well as with the local specifics of the available material for the burial ceremony.

Analysis of material material found during archaeological research at the Ornek burial ground.

In cabinet-laboratory conditions, work was carried out on the systematization and comparative analysis of all types of ceramics discovered at the Ornek burial ground (20 items) in previous field seasons (Тулегенов, Чекин, Султаниярова, 2019, с.131-138). So it became obvious typological similarity with ceramics of archaeological sites of the Saka period - the burial grounds of Shubarat and Molaly. The conclusion about the existence of ceramic workshops that provided dishes throughout the region suggests itself. However, there are products that are unique in their form - an “amphora-shaped” jug and a jug with a high bell-shaped triangular shape, which occurs only once in the report of A.G. Maximova for 1957.

Examining the shapes of narrow-necked jugs, as well as bowls, we come to the conclusion that the main method of making them was not extruding from a single piece of clay, but rather, on the contrary, the clay blank was worn on a template, and then a whisk was formed. This is evidenced by the frequent thickening in the middle section of narrow-necked vessels, which were collected from two parts, and a rather frequent phenomenon when the corolla is littered with the horizon line i.e. when assembling the jug, the upper part led and the docking did not go smoothly. Such a simplification of the manufacture of ceramic vessels made it possible to put their production on stream and significantly increase the number of manufactured products.

It is likely that the population was familiar with the technological traditions of the manufacture of ceramic vessels in other areas where pottery has deeper progressive roots. Some types of ceramics find parallels in the

early nomadic Zhetysu burials. This is, first of all, semicircular circles with loop-shaped handles, pots with a smooth transition of the body to the neck and a rounded corolla, pans, bowls in the form of a segment sphere. In the Saka-Usun monuments of the region (Karatum, Alatau, K. Issyk), finds of easel vessels of red glossing, as well as covered with engobe, are known. Also, during the study of the Ornek burial mound over the years, weapons were found (minting, arrowheads). New findings of weapons significantly expand our understanding of the composition and characteristics of the weapons complex of the ancient population of Zhetysu in the developed Saka period (V first half of the II century BC). In addition, new data on weapons make it possible to reconstruct the features of the social structure of Saka society, since the relationship between the tradition of placing various types of weapons in burial complexes of various sizes becomes more and more obvious. So, most often representative sets of weapons are dedicated specifically to medium and large burial mounds, which can be correlated with the soldiers of the squads and the aristocracy. While in ordinary burials in small mounds, weapons are sporadic (Нурмуханбетов, Трифонов, 2016, с.10-19; Тулегенов, Иванов, 2016, с.150-155).

References

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков долины р. Или VII-IV вв. до н.э. // Древняя культура саков и усуней реки Или. Алма-Ата: Академия наук КазССР, 1963. 300 с.

Нурмуханбетов Б.Н., Трифонов Ю.И. Курганные могильники Шубарат и Молалы // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. Алматы, 2016. С. 10-19.

Тулегенов Т.Ж. Охранно-спасательные работы на курганном могильнике Орнек (итоги полевого сезона 2015 г.) // МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ. 2016. № 4. Т.2. С. 930-935.

Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С. Новые находки предметов вооружения сакского времени из могильника Орнек (Семиречья) // Материалы V Международной научн. конф. «Кадырбаевские чтения-2016». Актөбе, 2016. С. 150 - 155.

Тулегенов Т.Ж., Чекин А.Г., Султаниярова А.Ж. Атрибуция и культурная интерпретация коллекции керамики сакской эпохи из фондов Государственного историко-культурного заповедника-музея «Иссык» // Вестник КазНУ. 2019. № 4(95). С. 131-138.

Тулегенов Т.Ж., Құрбанәлі Ж.

ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫС ЖЕТІСУ САҚТАРЫНЫҢ ЖЕРЛЕУ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ ӨРНЕК ҚОРЫМЫ НЕГІЗІНДЕ

Өрнек қорымына жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижесі бойынша бірнеше заңдылықтар анықталды. Жерлеу рәсімдерінің барлығы дерлік жер асты жерлеу құрылысының цистасымен (қабір шұңқырларының қабырғалары орташа көлемді тастармен) Б-Ш бағыты бойымен қаланып, кейде кейбір ауытқулармен жүргізілген. Марқұмдардың бастарын батысқа қаратып жерлеп, қабірлердің үсті аласа топырақ үйінділерімен жабылған. Көп жағдайда, қабірдің үстіндегі үйінділерден байқалатын шаңды құрылымы бар сары сазды қабаты сырттан тасмалданса керек. Өйткені қорғанның территориясы бірнеше жыл бойы мелиорацияланып, қарқынды қалпына келтіріліп отырғаны байқалады. Топырақ үйінділерінің ішкі құрылымы айтарлықтай күрделі болмағандығын олардың шағын көлемінен анықтауға болады.

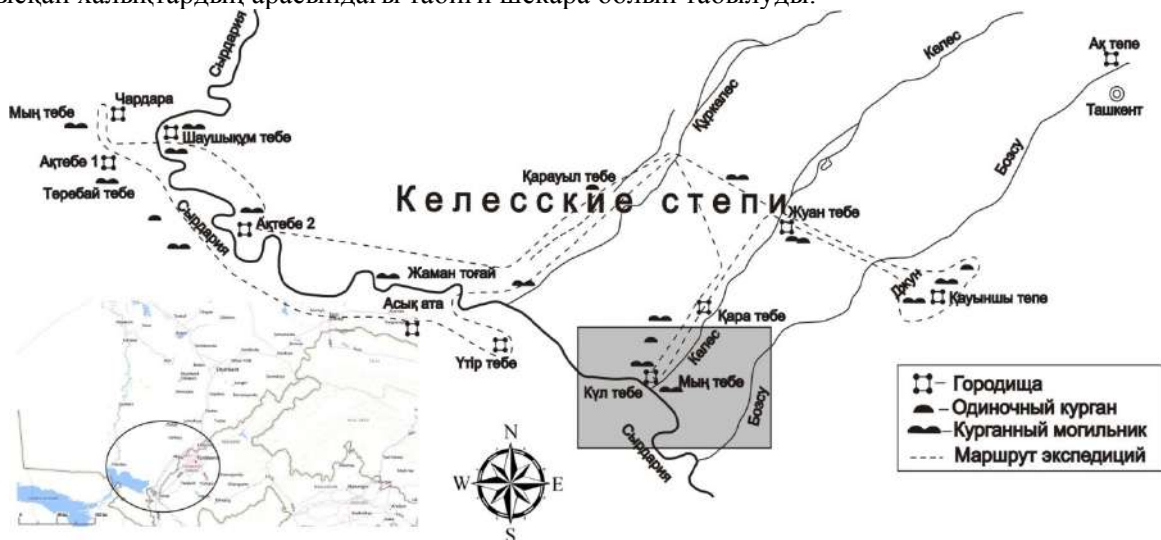
Б.С. Сиздиқов¹, К.М. Жетібәев¹, М. Гурсой¹, М.М. Бахтыбаев²

¹ Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
Түркістан қ., Қазақстан. E-mail: bakash22@mail.ru

² әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы қ., Қазақстан. E-mail: melsb@mail.ru

МЫҢТӨБЕ ҚОРЫМЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫНЫҢ НӘТИЖЕСІ

Мыңтөбе қорымы Сырдария өзенінің ортаңғы ағысының оң жақ беткейінде, Келес өзенінің Сырдарияға құяр тұсында орналасқан. Мыңтөбе қорымының географиялық координаты: N 41.013238, E 68.626213, теңіз деңгейінен биіктігі – 285 м. Оңтүстік батыс – солтүстік шығыс бағытында 2 км созылып жатқан қорымда шашыраңқы түрде 646 оба орналасқан. Обалардың диаметрі 6 – 33 м, биіктіктері 0,65-4,30 м болып келуде. Қорымның шығысында ежелгі Қаратөбе, Қауыншытепе, Жуантөбе, Ақтепе және Шаш қалажұрттары, ал солтүстік батысында болса Күлтөбе, Үтіртөбе, Ақтөбе, Шаушықұмтөбе және Шардара қалажұрттары орналасқан. Аймақта Сырдария өзеніне құятын суы мол Құркелес, Келес, Шыршық және Ангрен өзендері орналасқандықтан, аймақ Орталық Азияның суы мол аймақтарының бірі болып табылуды (1-сурет). Жоғарыда аталған өзендердің бойында орналасқан қалалар мен үлкен көлемді қорымдарға қарай отырып, аймақта көшпелі және отырықшы тайпалардың ежелгі дәуірден бастап өмір сүргендігін көруге болады. Себебі Сырдария алқаба, Орталық Азиядағы көшпелі мал шаруашылығымен айналысқан халықтармен отырықшы егін шаруашылығымен айналысқан халықтардың арасындағы табиғи шекара болып табылуды.

Сурет 1. Мыңтөбе қорымының географиялық орналасуы

Аймақта өмір сүрген ежелгі тайпалардың бірі қаңлылар, б.з.б. II – б.з. V ғасырларда оңтүстікте Ферғана аймағынан, солтүстікте Сырдарияның төменгі ағысына дейінгі, ал шығыста Қаратау беткейлерінен Талас өзеніне дейінгі аралықта мемлекеттік дәрежеде билік құрып, қаңлы мәдениетін қалыптастырады (Бичурин, 1950, с. 149-151; Байпақов, Таймағамбетов, 2009, с. 160-163). Сыр өңірін жылдар бойы зеріттеген Г.В. Григорьев, С.П. Толстов, А.Н. Бернштам, Л.М. Левина секілді ғалымдар қаңлы мәдениетін аймақтық ерекшеліктеріне қарай үш мәдениетке бөліп қарастырды. Бұл мәдениеттер, алғашқы ауқымды зерттеулер жүргізілген орталықтардың атымен Жетасар, Отырар-Қаратау, Қауыншы мәдениеттері деген атауға ие болды (Байпақов, Таймағамбетов, 2009, с.208-230).

Жетасар мәдениетінің ескерткіштері Арал теңізінің шығысында, Сырдарияның төменгі ағысындағы Қуандария, Жанадария өзендерінің аңғарларында орналасқан (Левина, 1971, с. 10). 1948-1951 жылдары С.П. Толстовтың басшылығындағы Хорезм археологиялық – этнографиялық экспедициясының көп жылдық зерттеулерінің нәтижесінде Жетасар мәдениетінің ескерткіштері толымды деңгейде зеріттеліп, Жетасар мәдениеті жайында бірнеше еңбектері жарыққа шықты (Байпақов, Таймағамбетов, 2009, с.223). Отырар-Қаратау мәдениетіне келер болсақ, бұл мәдениетке жататын ескерткіштер Сырдарияның ортаңғы ағысы, Қаратаудың оңтүстік – солтүстік беткейлері мен Талас, Арыс, Бөген өзендерінің аңғарларында орналасқан. 1948-1952 жылдары А.Н. Бернштамның басшылығындағы

Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының зерттеулерінің нәтижесінде Отырар-Қаратау мәдениетінің өзіндік ерекшелігі анықталып, ғылыми айналымға енгізіледі (Агеева, Пацевич, 1958, с.19-60; Левина, 1971, с.193-224; Байпаков, Таймағамбетов, 2009, с.208-219). Ал, Қауыншы мәдениетіне жататын ескерткіштер болса, Сырдарияның ортаңғы ағысы, Құркелес, Келес, Шыршық және Ангрен өзендерінің аңғарларында, яғни Ташкент оазисінде орналасқан. 1934-1938 жылдары Г.В. Григорьев басшылығындағы Янгиюль археологиялық экспедициясының көп жылдық зерттеулерінің нәтижесінде Ташкент оазисіндегі қаңлы мәдениетінің аймақтық ерекшелігі анықталып, оған «Қауыншы мәдениеті» деген атау берілді (Левина, 1971, с. 90-91; Байпаков, Таймағамбетов, 2009, с.220). Жоғарыда аталған үш мәдениеттің ескерткіштерінен табылған археологиялық жәдігерлерден, қаңлы тайпаларының мемлекеттік дәрежеде билік құрған кезеңі б.з.б. II – б.з. V ғасырлар аралығына жататындығы анықталды (Левина, 1971, с.5-242; Байпаков, Таймағамбетов, 2009, с.208-230).

Жоғарыда аталған қаңлы тайпаларының өмір сүрген аймақтарының ішіндегі Құркелес және Келес өзендерінің аңғарларындағы ескерткіштер өте аз зеріттелген. Ос себепті біз 2017 жылы Келес өзені бойындағы Мыңтөбе қорымын кешенді түрде зерттеуді жөн санадық.

Мыңтөбе қорымның Сырдарияның ортаңғы ағысының оң жақ беткейінде орналасуыны байланысты қорымның зерттелу тарихы Сырдарияның ортаңғы ағысындағы ежелгі Шаш қалажұрты мен ортағасырлық Шардара қалажұртының аралығында жүргізілген зерттеулермен бірге қарастыруды жөн санадық. Аймақтағы тарихи ескерткіштер жайлы алғашқы зерттеулерді XIX ғасырдың соңында Ресей Патшалығының Оралық Азияға жіберген саяхатшыларының еңбектерінен кездестіруге болады. 1884 жылы аймаққа саяқат жасаған өлкетанушы, географ А.П. Федченко өзінің «Заметки о степи Кызыл-Кум» атты мақаласында Сырдарияның сол жақ беткейіндегі суландыру жүйесінің іздері, Шардара, Сүткент, Байыркүм қалажұрттары мен Сырдарияның ортаңғы ағысында орналасқан қорымдар жайында мағлұмат береді (Федченко, 1916, с.242). 1880 жылдардың соңы мен 1890 жылдардың басында әуесқой өлкетанушы Е.Т. Смирнов, Сырдарияның ортаңғы ағыстарында зерттеу жұмыстарын жүргізіп, аймақтағы үлкенді кішілі өзендердің бойындағы қоныстар мен қорымдар жайында мағлұмат бере отырып өз баяндамасында «аймақтағы төбелер мен төбешіктерді қандай тайпалар, не мақсатта тұрғызды және бұл төбелер мен төбешіктер қай уақытқа жатады» деп сұрақ қояды. Сонымен қатар Е.Т. Смирнов Ташкент маңындағы Ниязбаш елді мекенінің тұрғындары төбешіктерді тегістеу барысында бір төбешіктен адам сүйектерімен бірге қыш құмыраларды тапқандығы жөнінде мағлұмат береді (Смирнов, 1896, с.7-17).

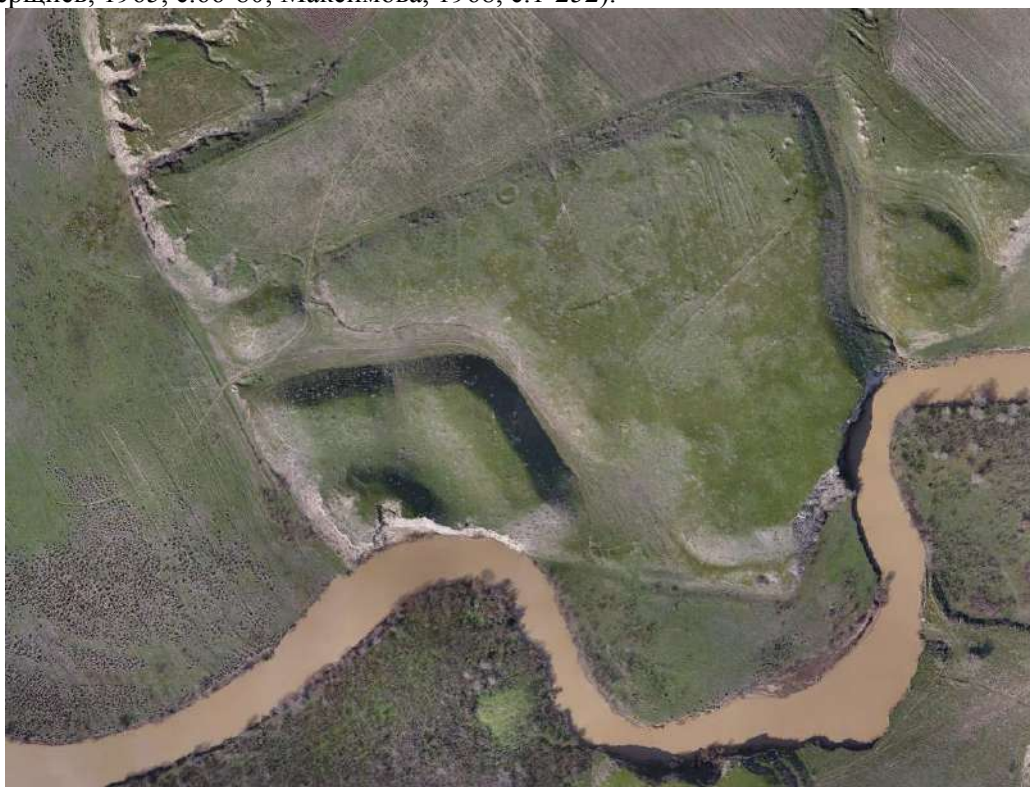
Аймақта алғашқы археологиялық қазба жұмыстарды 1895 жылы Ташкентте құрылған Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесінің мүшелері жүргізді (Открытие Туркестанского Кружка любителей археологии, 1895, с.4-5). Үйірме мүшелері Сырдарияның ортаңғы ағыстарындағы ежелгі қалажұрттарды, қоныстарды және қорымдарды есепке алып сипаттады, сонымен қатыр бірқатар ескерткіштерде қазба жұмыстарын жүргізді. Археология әуесқойларының түркістан үйірмесінің мүшесі әуесқой өлкетанушы Н.П. Остроумов алғашқы болып Ташкент маңындағы бірнеше обада және Жуантепе, Таяқсалды, Шаштепе қалажұрттарында археологиялық қазба жұмыстарын жүргізіп, нәтижесінде қалажұрттар мен обалардың архитектурасы жайында тың материалдар жинайды (Остроумов, 1899, с.118-137; Остроумов, 1906, с.32-44). Археология әуесқойларының түркістан үйірмесінің мүшесі А.О. Руднев болса, 1899 жылы Сырдарияның ортаңғы ағысында барлау жұмыстарын жүргізіп, 11 ежелгі қалажұрттың орнын анықтап, олардың сол уақыттағы күйін сипаттайды (Руднев, 1900, с.57-62). 1914 жылы В.Ф. Караваев болса аймақта жүргізген зерттеу жұмыстарының нәтижесінде Сырдарияның ортаңғы ағысындағы үлкенді кішілі өзендердің бойында өмір сүрген тайпалардың егін шаруашылығымен айналысқандығын анықтай келе, аймақта көшпелі және отырықшы тайпалардың өмір сүргендігін баяндады (Караваев, 1914, с.8-10). Осылайшы Ресей Патшалығы тұсында аймақта зерттеу жұмыстарын жүргізген саяхатшылар мен өлкетанушылардың зерттеулерінің нәтижесінде аймақтағы ескерткіштер археологтардың назарын аудара бастады.

Аймақтағы археологиялық зерттеулер 1930 жылдардан бастап жүйелі түрде жүргізіле бастады. 1934-1938 жылдары Г.В. Григорьев басшылығындағы Янгиюль Археологиялық Экспедициясы ежелгі Қаунчи-Тева, Алимбай-Тева, Шурали-Сай, т.б. қалажұрттарында және Қаунчи-Тева қорымында археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді (Григорьев, 1935, с.3-42; Григорьев, 1940, с.2-40; Григорьев, 1940, с.3-39 б; Григорьев, 1945, с.47-67). Г.В. Григорьевтің ежелгі Қаунчи-Тева қалажұрты мен оның маңындағы қорымда жүргізген археологиялық зерттеулерінің нәтижесінде, Сырдарияның ортаңғы ағысындағы, соның ішінде Ташкент оазисіндегі қаңлы мәдениетінің өзіндік ерекшелігі анықталып, оған «Қауыншы мәдениеті» деген атау берілді (Байпаков, Таймағамбетов, 2009, с.220).

1948-1952 жылдары А.Н. Бернштамның басшылығындағы Оңтүстік Қазақстан Археологиялық Экспедициясының мүшелері Е.И. Агеева мен Г.И. Пацевичтің аймақта жүргізген археологиялық зерттеу

жұмыстарының нәтижесінде, Сырдарияның ортаңғы ағысында, Келес өзені бойында орналасқан бірнеше ежелгі қалажұрттар мен қорымдардың орны анықталды. Сонымен қатар жоғарыда аты аталған ғалымдар аймақта орналасқан Ақтөбе, Шәушіқұм қалажұрттары мен Мыңтөбе (бұл қорым ортағасырлық Шардара қаласының оңтүстік батысында 4 км қашықтықта орналасқан.), Узун-Ата қорымдарында археологиялық қазба жұмыстар жүргізіп, ескерткіштердің хронологиясы анықтады (Агеева, Пацевич, 1958, с.19-60; Агеева, 1958, с.97-100).

1958-1962 жылы А.Г. Максимова басшылығындағы Шардара Археологиялық Эспедициясының мүшелері М.С. Мершиев, Б.И. Вайнберг, Л.М. Левина, А.А. Чариков, Ф.Х. Арсланова Сырдарияның ортаңғы ағысында, Келес және Құркелес өзендері бойында археологиялық барлау жұмыстарын жүргізіп, бірнеше ежелгі қалажұрттар мен қорымдардың орнын анықтады. Мыңтөбе қорымы туралы алғашқы мәлімет осы зерттеулердің нәтижесінде кездеседі, сонымен қатар қорымның орны картады көрсетіледі (Карта 1). Жоғарыда аты аталған ғалымдар аймақта орналасқан Ақтөбе I-II, Шәушіқұм қалажұрттарында және Жаман-Тоғай, Ақтөбе, Шәушіқұм, Төребай-Тұмсық, Шардара қорымдарында археологиялық қазба жұмыстар жүргізіп, ескерткіштердің хронологиясы, архитектурасын, қандай мәдениетке жататындығын анықтайды (Максимова, 1958, с.1-55; Максимова, 1959, с.1-35; Чариков, 1959, с.1-88; Максимова, 1960, с.1-18; Максимова, 1960, с.1-39; Арсланова, 1960, с.1-42; Мершиев, 1960, с.1-7; Максимова, 1961, с.1-60; Максимова, 1962, с.1-30; Мершиев, 1960, с.1-18; Мершиев, 1962, с.1-48; Мершиев, 1965, с.66-80; Максимова, 1968, с.1-252).

Сурет 2. Күлтөбе қалажұртының әуеден көрінісі

Сурет 3. Мыңтөбе қорымының әуеден көрінісі

Осылайшы археологтардың назарын аударып бастаған қорымда 1982 жылы Н.П. Подушкин археологиялық барлау жұмыстарын жүргізіп, қорымды жартылай жобаға түсіреді, сонымен қатар қорымның орнын картада көрсете отырып жер бетіндегі материалдар бойынша қорымды б.з.б. I – б.з. V ғасырларға жатқызады (Свод памятников истории, 1994, с. 223-224). 2016-2017 жылдары болса А.Н. Подушкин Мыңтөбе қорымындағы екі обода археологиялық қазба жұмыстарын жүргізеді. Сонымен қатар, Келес өзенінің төменгі ағысында орналасқан Күлтөбе қалажұртында 2017 жылы т.ғ.д., профессор М. Елеуов және т.ғ.к., доцент Д. Тәлеев басшылығында Тұран археологиялық экспедициясы зерттеу жұмысын жүргізе отырып, аталмыш қалажұрттың қаңлы мәдениетіне жататындығын анықтады (2-сурет).

Маусымдық далалық археологиялық зерттеу жұмыстардың барысында қорымның жобасы сызылып, обалардың саны мен көлемдері анықталды. Сонымен қатар қорымдағы обалардың хронологиясын және құрлымын анықтау мақсатында үш обода археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді (3-сурет).

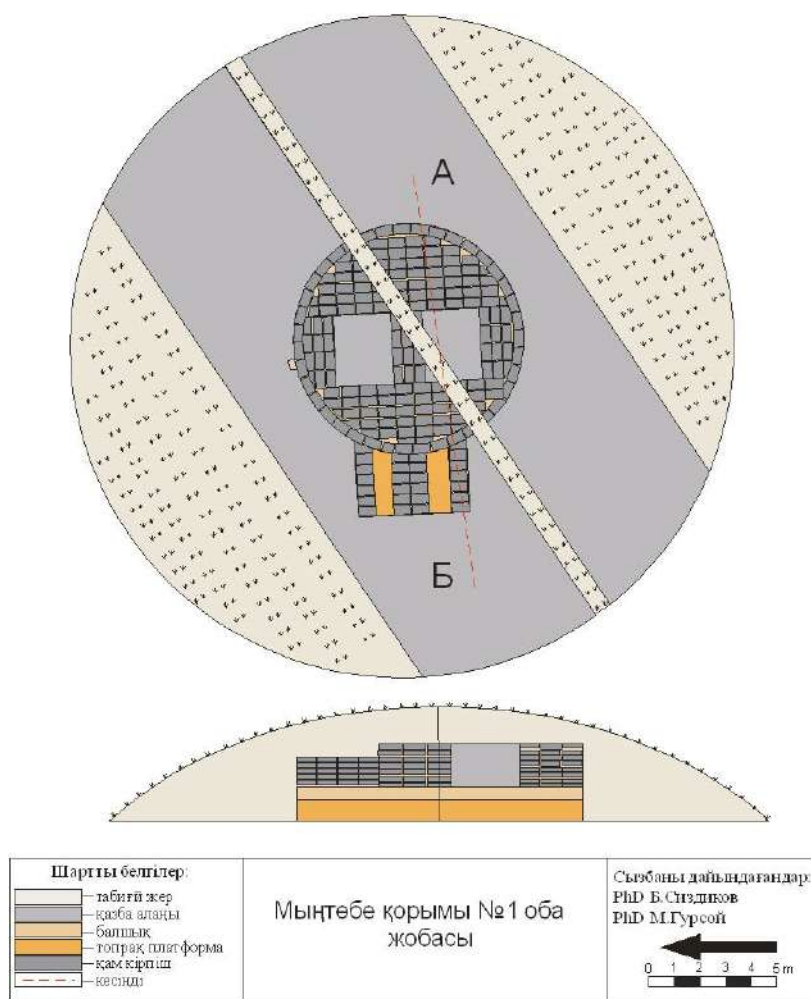
Қазба салынған обалар шартты түрде №1, №2 және №3 обалар болып белгіленді. Қазба салынған №1 обаның диаметрі 22,70 м, биіктігі 4 м. Обаны қазу барысында екі секторға бөліп қазу әдісі таңдалды. Қазба жұмыстары барысында солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа бағытталған ені 1 м жал қалдырылды. Жалдың оңтүстік бөлігі «А» жартысы, солтүстік бөлігі «Б» жартысы болып белгіленді. Қазба алдымен «Б» жартысында жүргізіле бастады. Қазба жұмыстары барысында 50 см тереңдіктен кесек бөліктері анықтала бастады. «Б» жартысында жүргізілген тазалау жұмыстарының нәтижесінде кесектен қаланған шеңбер пішінді құрлыстың ізі анықтала бастады. Осылайша шеңбер пішіміндегі құрлыстың жиегін бойлай тазалау жұмыстарын жүргізе отырып, құрлыстың солтүстік батысқа қарай жалғасқан көлемі 4x3 м болып келетін кесектен қаланған бөлігі анықтала бастады. Қазба жұмыстары барысында, обаның орта нүктесінен шығысқа қарай 2,10 м, солтүстікке қарай 1,18 м қашықтықтан, обаның ең биік түктесінен 0,25 м тереңдіктер керамика сынықтары анықтала бастады. Бұл керамика сынықтары 0,50 м тереңдікке дейін кездесіп отырды. Обаның ортасынан 0,50 м тереңдіктен тұтқалы құмыра анықтала бастады. Ал, обаның орта нүктесінен 0,85 м тереңдіктен болса көмір және күл қалдықтары анықталды. Сонымен қатар, обаның орта нүктесінен батысқа қарай 2,10 м, солтүстікке қарай 5,10 м қашықтықтан 2,40 м тереңдіктер керамика сынықтары анықталды. Тазалау жұмыстары 4 м дейін жалғасын тапты, нәтижесінде диаметрі шамамен 8 м болып келетін сағананың жартысы, солтүстік-батысқа бағытталған кіретін дәлізі толықтай ашылды. Осыдан кейін қазба «А» жартысында жалғасын тапты. «А» жартысында да тазалау жұмыстары 4 м дейін жалғасын тапты, нәтижесінде сағананың екінші жартысы толықтай ашылды (4-сурет).

Сурет 4. №1 обадан анықталған сағананың көрінісі

№1 обادا жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижесінде диаметрі 8 м, биіктігі 1,95 см болып келетін екі камералы сағана анықталды. Сағананың төменгі бөлігінде топырақта жақсылап тығыздап, диаметрі 8 м, биіктігі 0,75 м болып келетін платформа дайындаған. Оның үстіне 0,45 м биіктікте балшық құйылып, балшықтың үстіне айналдыра кесек қаландысы арқылы 2 камералы сағана жасалған. Сағананың керетін есігі солтүстік-батысқа бағытталған. Сағанаға кіретін дәліздің көлемі 4x3 м. Дәліздің төменгі бөлігінде биіктігі 0,50 м топырақты нығыздап платформа дайындалып, оның үсті 1 м биіктікте кесек қаланған. Кесек қаландысының ерекшелігі, бір қатар кесек қаланса оның үстіне 0,10 м қалыңдықта балшық төселген. Екі камералы сағанаға екі бөлек дәліз жасалынған. Дәліздердің ені 0,40-0,50 м болып келуде. Камераға апаратын екі дәліз де бастан аяқ балшықпен толтырылып тасталынған. Камералардың көлемдері 2,5x2 м болып келуде. Камераның ішіндегі бос топырақ платформаға дейін тазартылды, нәтижесінде А жартысындағы камерадан шашыраңқы түрде адам сүйектерінің бөліктері (қол, аяқ, саусақ) табылды. Б жартысындағы камерадан болса ешнәрсе анықталмады (5-сурет). Сағананың құрлысы мен табылған жәдігерлерді зерттей келе, сағананың IV – V ғасырларға жататындығы анықталды.

Қазба салынған №2 оба үйіндісінің диаметрі 13 м, биіктігі болса 1 м. Обада жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында оба үйіндісін екі скеторға бөліп қазу әдісі таңдалды. Қазба жұмыстары барысында шығыстан батысқа бағытталған ені 50 см болып келетін жал қалдырылды. Жалдың оңтүстік бөлігі «А» жартысы, солтүстік бөлігі «Б» жартысы болып белгіленді. Аталмыш обаның екі секторында қазба жұмыстары 1,85 м тереңдікке дейін жүргізілді, нәтижесінде ешқандай жерлеу орны анықталмады (6-сурет).

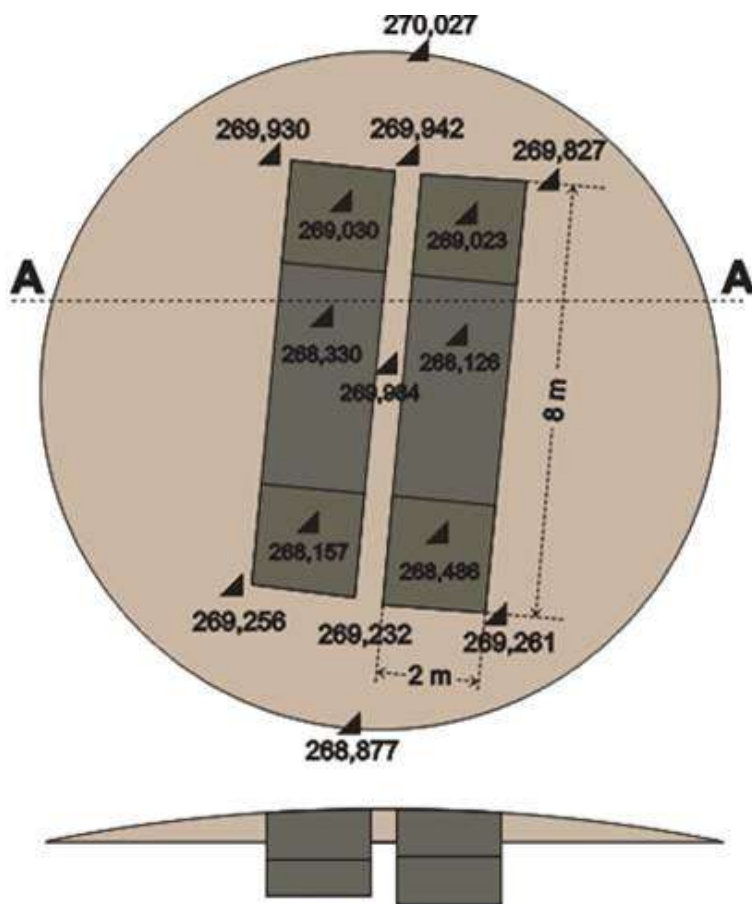

Сурет 5. №1 обадан анықталған сағананың сызбасы

Сурет 6. №2 обада жүргізілген қазбаның көрінісі

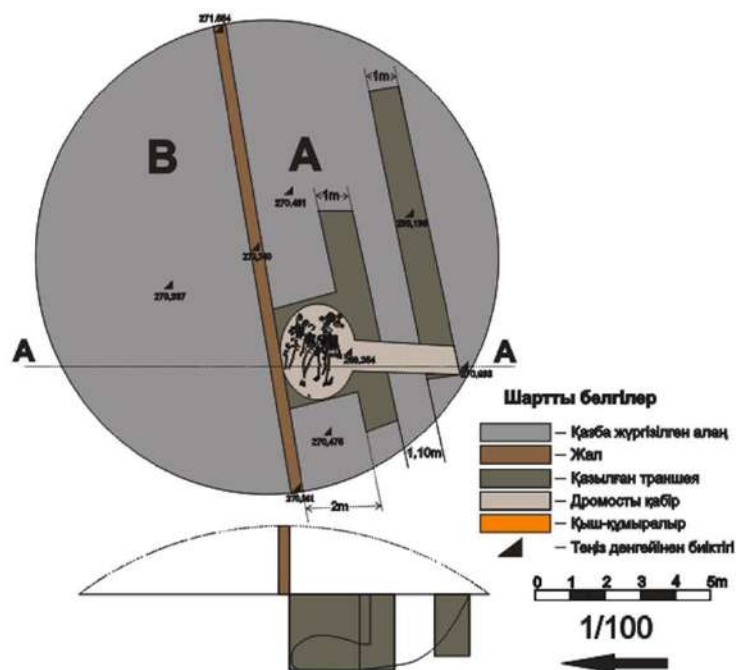
Осылайша екінші обада жүргізілген археологиялық қазба жұмыстардың нәтижесінде, бұл обаның кенотаф екендігі, яғни ежелгі тайпалардың ұзақта қаза тапқан туыстарына арнап тұрғызған бос қабірі екендігі анықталды (7-сурет).

Сурет 7. №2 обадағы қазбаңың сызбасы

Қазба салынған №3 оба үйіндісінің диаметрі 13 м, биіктігі болса 1,70 м. Обада жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында оба үйіндісін екі скеторға бөліп қазу әдісі тандалды. Қазба жұмыстары барысында шығыстан батысқа бағытталған ені 35 см болып келетін жал қалдырылды. Жалдың оңтүстік бөлігі «А» жартысы, солтүстік бөлігі «Б» жартысы болып белгіленді. Қазба алдымен «Б» жартысында басталып 1,70 м тереңдіктегі құлық қабатына дейін жүргізілді. «Б» жартысындағы тазалау жұмыстары нәтижесінде ешқандай жерлеу орны анықталмады. Қазба «А» жартысында жалғасын тапты. «А» жартысындағы топырақ үйіндісі алынып тасталғаннан кейін бұл жерде де қабір ізі анықтау мақсатында тазалау жұмыстары жүргізілді. Дегенмен ешқандай бір қабір ізі анықталмады. Жал және құрлық қабатынан қабір ізін анықтау әдісі жүзеге аспағаннан кейін, траншея қазу әдісі негізге алынып, «А» жартысына шығыстан батысқа бағытталған ұзындығы 8,20 м, ені 1 м траншея салынды. Осылайша бірінші траншея 2,40 м тереңдікке дейін қазылды. Траншеяның батыс ұшынан, құрлық қабатынан 37 см тереңдікте ені 0,87 м келетін бос топырақ анықтала бастады. Осы бос топырақ 2 метр тереңдікке дейін жалғасып асты қатты сазды топыраққа айналды. Осыдан кейін бос топырақтың солтүстікке қарай жалғасын анықтау мақсатында бірінші траншеяның 1,10 м солтүстігіне, ұзындығы 6 м, ені 1 м келетін екінші траншея салынды. ойлағанымыздай бірінші траншеядағы бос топырақ екінші траншеяда да анықталды. Екінші траншея 2,40 м тереңдікке жеткенде бірінші және екінші траншеяның арасындағы жалдың кесіндісінде дромостың ізі анықтала бастады. Жүргізілген археологиялық қазба жұмыстардың нәтижесінде дромосты катакомба анықталды. Жерлеу орнынан бес адамның қаңқасы, жеті дана қыш-құмыра, бір дана жебе ұшы, пышақ, ине, асық және әртүрлі тастардан жасалынған моншақтар табылды. Табылған жәдігерлерді зерттей келе бұл обаның б.з.д. I – б.з. III ғасырларына, яғни қаңлы тайпаларының қауыншы мәдениетіне жататындығы анықталды (8-сурет).

2017 жылы Мыңтөбе Қорымында жүргізілген археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижесінде, оңтүстік-батыс солтүстік-шығыс бағытында 2 км созылып жатқан қорымда шашыраңқы түрде 646 обаның орналасқандығы, обалардың диаметрі 6-33 м, биіктіктері 0,65-4,30 м екендігі анықталды. Сонымен қатар жылдар бойы нақты хронологиясы анықталмай келген Мыңтөбе қорымындағы обалардың Темір Дәуірі мен Ерте Ортағасырларға жататындығы анықталды. Алдағы уақытта жүргізілетін зерттеулер бұл пікірімізді өзгертуіде мүмкін. Сонымен қатар Сырдарияның ортаңғы ағысында өмір сүрген ежелгі тайпалардың әдет-ғұрпы, салт-дәстүрі, күнделікті тіршілікте қолданған заттары жайында құнды деректер жинақталды.

Сурет 8. № 3 обадағы дромосты катакомбалық жерлеу

Әдебиеттер

- Агеева Е.И. Керамика городища Шаушукумтобе и ее датировка // Древности Чардары. С. 97–100.
- Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института Истории, археологии и этнографии. Том 5. Алма-Ата, 1958. С. 19-60.
- Арсланова Ф.Х. Дневник Чардаринской археологической экспедиции 1960 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II, дело 734, л. 1-42.
- Байпақов К.М., Таймағамбетов Ж.Қ. Қазақстан археологиясы. Алматы, 2009. 220 б.
- Бичурин И.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.: АН СССР, 1950. 334 с.
- Голодная степь в ее прошлом и настоящем // Материалы исследования к проекту орошения Голодной и Дальверзинской степей. Вып. 1. Петроград, 1914, С. 8-10.
- Григорьев Г.В. Келеская степь в археологическом отношении (К истории культуры древних саков) // Известия Академии Наук Казахской ССР. № 46. Алма-Ата. 1948 г. С. 47-67.
- Григорьев Г.В. Краткий отчет о работах Янгиюльской Археологической Экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940.
- Григорьев Г.В. Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент. 1935 г.
- Григорьев Г.В., Громова В.И. Каунчи-Тепа (раскопки 1935 г.). Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии. Ташкент, 1940.
- Древности в окрестностях Ташкента // Протоколы ТКЛА. 1896. С. 7-17.
- Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. М.: Наука, 1971. 252 с.
- Максимова А.Г. Дневник Чардаринской археологической экспедиции 1960 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Дело 733. Л. 1-39.
- Максимова А.Г. Дневник Чардаринской археологической экспедиции на курганного могилника Джаман-Тогай в 1962 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Дело 869. Л. 1-30.
- Максимова А.Г. Дневник Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1958 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Дело 2. Л. 1-55.
- Максимова А.Г. Дневник Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1959 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Дело 659. Л. 1-35.
- Максимова А.Г. Отчет о работе Чардаринской археологической экспедиции 1961 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Дело 777. Л. 1-60.
- Максимова А.Г., Мершиев М.С. Отчет о работе Чардаринской археологической экспедиции 1960 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Дело 731. Л. 1-18.
- Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. 264 с.
- Мершиев М.С. Дневник о работах на городище Актобе I Чардаринской археологической экспедиции в 1962 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Дело 873. Л. 1-48.
- Мершиев М.С. К вопросу о генезисе оседлых поселений (на материалах городища Актобе I // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1965. Вып. 3. С. 66-80.

- Мершиев М.С. Отчет о работах 2 отряда Чардаринской археологической экспедиции на городище Актобе в 1960 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Дело 735. Л. 1-7.
- Мершиев М.С. Отчет о раскопках поселения Актобе I, 2 отряда Чардаринской археологической экспедиции в 1960-1962 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Дело 872. Л. 1-18.
- Остроумов Н.П. Археологическая поездка в селение Мамаевку // ПТКЛИА. № 4. Ташкент, 1899. С. 118-137.
- Остроумов Н.П. Новые данные о глиняных погребальных урнах // ПТКЛИА. № 11. Ташкент, 1906. С. 32-44.
- Открытие Туркестанского Кружка любителей археологии 11 декабря 1895 г. Ташкент, 1895.
- Руднев А.О. Зброшеный уголок // Туркестанские ведомости // ПТКЛИА. № 15-17. Ташкент, 1900. С. 57-62.
- Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы: Казак Энциклопедиясы, 1994.
- Федченко А.П. Заметка о степи Кызыл-кум // Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. Вып. 2. Том XII. 1916.
- Чариков А.А. Дневник Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1959 г. // Архив ИА им. А.Х. Маргулана. Фонд II. Дело 660. Л. 1-88.

B.S. Sizdikov, K.M. Zhetibaev, M. Gursoy, M.M. Bakhtybayev

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH CONDUCTED THE BURIAL SITE MINTOBE

Since ancient times, the Syr Darya river basin has been one of the most favorable places for human habitation. The proof of which are the numerous ruins of ancient settlements and cemeteries located along the Syr Darya. To date, archeological monuments located in this region have been little studied. The article discusses the results of archaeological excavations carried out in 2017 at the Myntobe burial ground, touches on the distribution area of the Zhetiasar, Otrar-Karatau and Kauchinsk cultures and their features. The dating of the Myntobe monument is also determined. The issues of protection, propaganda and inclusion in the scientific circulation of the results of the study of the monument were considered.

Ж.Р. Утубаев¹, Н.Ж. Торежанова², М.К. Суюндикова³, М.М. Майданбекова⁴

^{1,3} *Институт археологии им. А. Х. Маргулана*

^{1,4} *Казахский национальный университет им. аль-Фараби,*

² *Центральный государственный музей РК*

г. Алматы, Казахстан

E-mail: utubaev_z@mail.ru, nabi2nabi@mail.ru,

makpal1226@mail.ru, manatmm82@gmail.com

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЧИРИКРАБАТСКОГО ОАЗИСА

В 2017 году при проведении раскопок на городище Чирик-рабат разведочная группа Чирикрабатской археологической экспедиции во главе Ж. Курманкуловым совершила несколько маршрутов, во время которых был обследован ряд античных памятников.

В результате разведок выявлены следующие памятники:

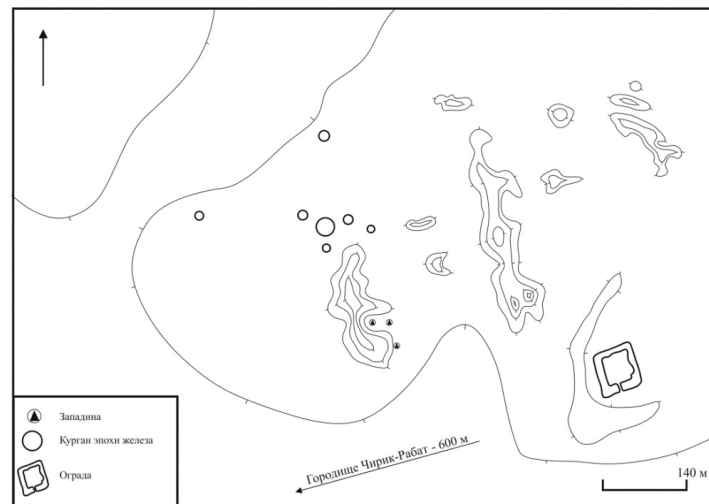
Погребальный комплекс **Чирик 4** – расположен недалеко от городища Чирик-рабат к север северо-востоку на небольшом возвышенности левом берегу древней дельты Жанадарьи (Рис. 1). Памятник состоял из семи курганов диаметром 11–30 м, форма насыпей полусферическая. Высота колеблется от 0,15 до 1,80 м. Курганы расположены довольно компактно, но без определенной системы. В центре стоит самый крупный курган могильника (Рис. 2, А).

Поверхность насыпей усеяна красноватыми карбонатными стяжениями, поросла местами мелкой растительностью и саксаулами. В центре довольно четко прослеживались заполненные навеванным песком и поросшие травой грабительские воронки.

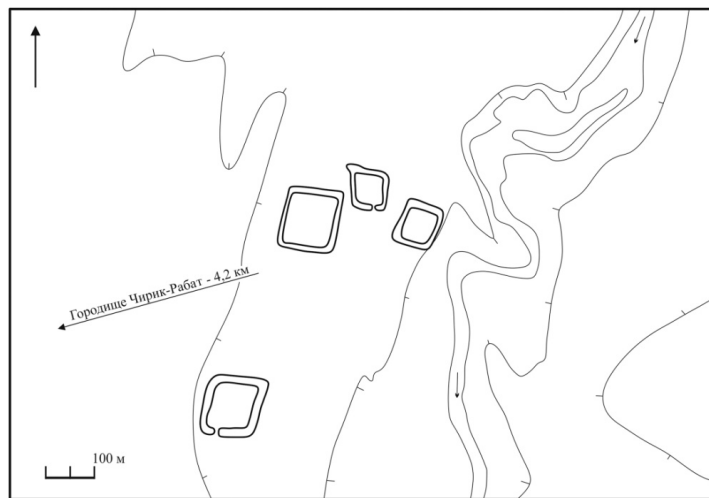

Рис. 1. Расположение памятников на карте

На восточной стороне возвышенного холма были обнаружены три жилище в размеры 8–15 м, к юго-востоку от курганов. Однако, на стоянке датирующие материалы не обнаружено, кроме обломков серого кварцита (Рис. 2, А).

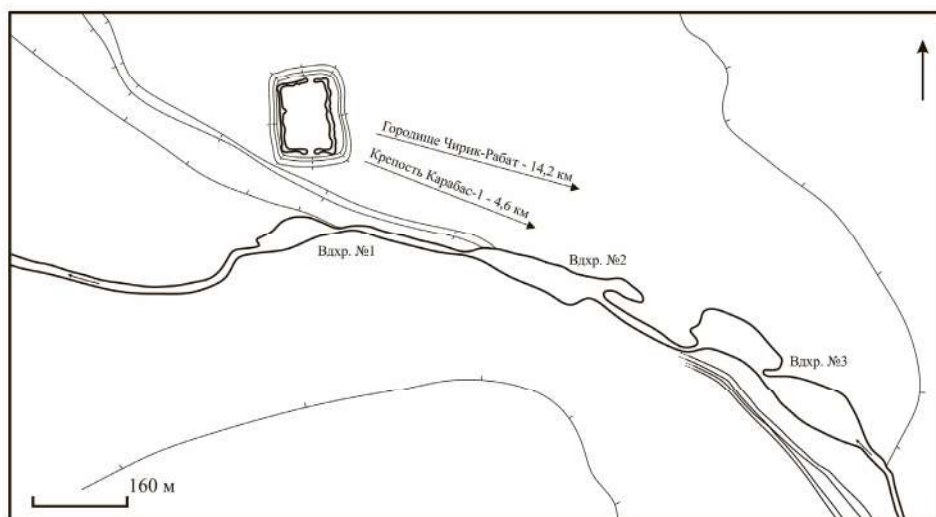

А

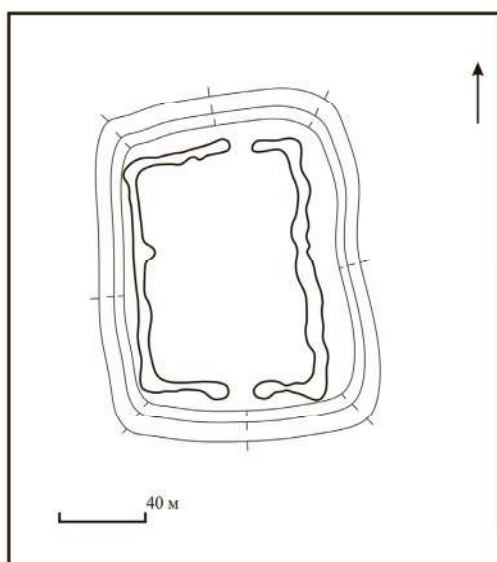

Б

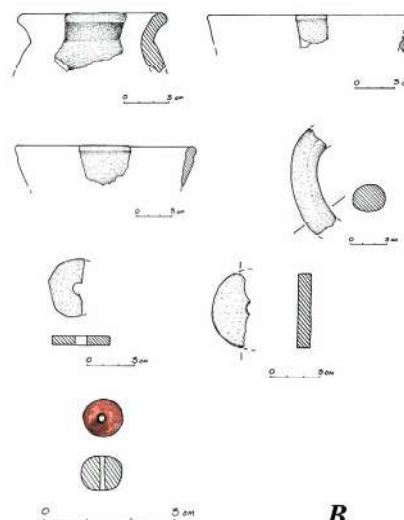
Рис. 2. А. Погребальный комплекс Чирик 4. Б. Памятник Чирик 5.

A

Б

В

Рис. 3. Крепость Жана-кала

А также, к юго-востоку от курганов расположены валообразная оградка по форме в плане приближена к квадрату (Рис. 2, А). Размером 55×45 м, высотой от дневной поверхности 0,50–0,80 м. Вход валообразной оградки видно на юго-востоке стены. Никаких культурных отложений в ее пределах не зафиксировано.

Аналогично, валообразные в плане сооружения, отмечены во время разведочных маршрутов еще одном месте так называемый валообразный комплекс Чирик 5.

Чирик 5 – расположенная 3 км к северо-востоку от погребального комплекса Чирик 4, между возвышенности Сенгир-там и городище Чирик-рабат. Посреди двух возвышенности проходит русло канала, отходящего от Жанадарьи (Рис. 1).

Здесь обнаружены четыре прямоугольные оградки размером 50×50×100 м, высотой 0,30–0,50 м, ориентированные по линии северо-запад – юго-восток, культурные отложений не зафиксировано (Рис. 2, Б).

В настоящее время мы затрудняемся объяснить причину возведение сложных оборонительных сооружений вокруг погребальных памятников. Однако, нужно учесть, что в окрестностях городища

Чирик-Рабат имеются валообразные оградки расположенных на погребальных комплексах Тагискен и Сенгир-там.

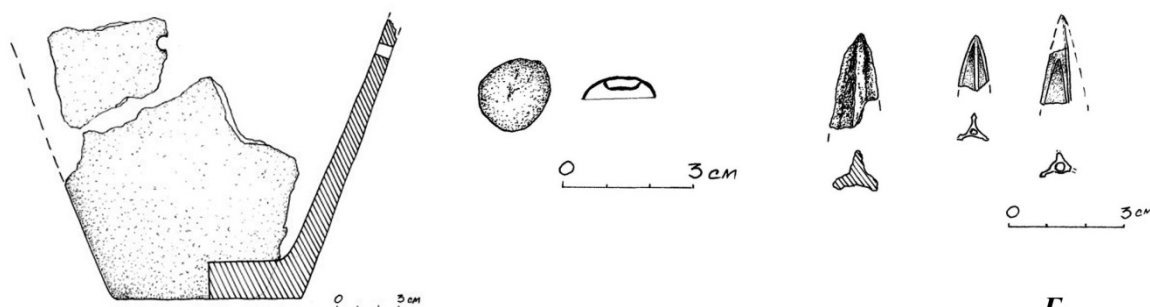
На возвышенности Сенгир-там нами прослежено шесть прямоугольных оградок. Валообразные оградки в большинстве имели меридиональное направление с очень небольшим отклонением, и размер их не выходил за рамки 80×45×45×50 метров. В окрестностях оградок расположены цепочки курганов с земляной насыпью.

На возвышенности Тагискене две прямоугольные оградки, ориентированные по линии северо-запад – юго-восток. Валы, замыкавшие это пространство, сохранились на 0,5 – 1 м высотой от уровня современной дневной поверхности. Внутри площадки, образованной валом, культурные наслоения отсутствовали (Итина, Яблонский, 2001, с. 47, рис. 2).

Аналогичные оградки находим в погребальном комплексе Чаш-тепе (1-я половина I тыс. н.э.). По мнению Ю.А. Рапопорта и С.А. Трудновской, чаштепинские оградки играли роль места обитания, убежища для душ членов рода, погребенных вокруг. Внутри оградки собирались соплеменники для совершения обрядов в память умерших: валы должны были ограждать тело умершего в момент совершения над ним каких-то обрядов, предшествовавших окончательному захоронению (Рапопорт, Трудновская, 1979, с. 151-166).

A

B

Раскопки в курганной группе Шиханы у с. Липовка, под руководством К.Ф. Смирновым выявлены валообразные сооружения кольцевой и прямоугольной формы (Смирнов, Попов, 1972, с. 3-4, рис. 1в). Эти сооружения были интерпретированы как «святилище огня» (Смирнов, Попов, 1969 с. 210).

Следующим объектом исследования во время разведочного маршрута являлось крепость Жана-кала, расположенная в 14,2 км к западу от городища Чирик-рабат, в 4,6 км к северо-западу от крепости Карабас, на правом берегу Жанадарьи (Рис. 1). Координаты памятника: 44°6'46.19" с. ш.; 62°44'19.48" в. д.

Крепость расположена на краю северо-западной границы оазиса. Посреди долины проходит русло канала, отходящего от Жанадарьи. Канал находится к югу от крепости. По сторонам канала располагались орошавшиеся из него поля. Напротив, входа в крепость и к юго-востоку от нее обнаружено водохранилище, куда поступала вода из канала (Рис. 3, А).

Памятник в плане представляет собой прямоугольное (95–107×73–76 м) со скругленными углами сооружение, ориентированное углами по сторонам света. Стены сохранилась на высоту от 0,40 до 1 м. Башни отсутствуют или не сохранились. Въезд шириной 6 м расположен на центральной участке южной стены (Рис. 3, Б). На поверхности крепости собраны немногочисленные фрагменты керамики, пряслицы и найдено бус из сердолика (Рис. 3, В).

По топографии и подъемному материалу **крепость Жана-кала** может быть отнесена к чирикратбатской культуре. Внешний вид сооружения имеет определенное сходство с чирикратбатскими памятниками (Баланды, Сенгир-кала и Чирик 3 и т.д.) (Тажекеев, 2011б, с. 179–189; Утубаев, 2011, с. 48–52).

К северо-востоку от крепости Жана-кала расположен отдельное Усадьба. Представляет собой прямоугольное в плане, размеры 14,5×13 м, сохранившееся на высоту 1,5 м от такыра (Рис. 4, А). К востоку от усадьбы проходит магистральный канал, шириной 4 м. На поверхности собраны фрагменты керамики. А также найдено бронзовая бляшка и трехгранное бронзовые наконечники стрелы (Рис. 4, Б).

Можно сказать, как памятник Жана-кала являлся центрами земледельческой оазиса, большая часть населения, которые проживали в небольших усадьбах, располагавшихся в зоне орошения магистральных каналов или дамбированных русел. Центральные усадьбы могли выполнять функции общинного хранилища и при необходимости, крепости-убежища. Следует заметить, что подобная структура поселения находит прямые параллели в раннеантичном Хорезме, где небольшие неукрепленные усадьбы группировались вокруг крепости, служившей одновременно и общественным хранилищем и крепостью – убежищем, например, Кургашинское поселение, центром которого была прямоугольная в плане крепость Кургашин-кала (90 × 150 м), построенная на высоком останце – устричной банке, а небольшие отдельные усадьбы располагались по берегам магистрального канала, из которого были выведены небольшие арыки-оросители. Аналогичная структура выявлена и на поселении античного периода Аяз-кала (Неразик, 1976, с. 35–41).

На территории нижней Жанадарьи формируется **второй половины I-тысячи лет до н.э.** чирикратбатская культура, в которой проявляется преемственность не только в материальной культуре, но и погребальных обрядах и ритуалов населения позднебронзового периода низовий Сырдарьи. Для наиболее развитой части чирикратбатского ареала характерна оазисная концентрация поселений, часть которых имеет укрепленный характер.

Литература

- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Восточная литература, 2001. 295 с.
- Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I – XIV вв.) // ТХАЭЭ. Л., 1976. 256 с.
- Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // ТХАЭЭ. М.: Наука, 1979. С. 151-166.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964. 380 с.
- Смирнов К.Ф., Попов С.А. Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. С. 3-27.
- Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 210-217.
- Тажекеев А.А. Крепости чирикратбатской культуры // Отан тарихы. Алматы, 2011. №4. С. 179-189.
- Утубаев Ж.Р. Топография античных крепостей в нижнем течении Сырдарьи // Известия НАН РК. Серия общественных наук. Алматы: НАН РК, 2011. С. 48-52.

NEW MONUMENTS OF CHIRIKRABAT OASIS

In 2017, during the excavations at the Chirik-Rabat settlement, the exploration group of the Chirikrabat archaeological expedition led by Zh. Kurmankulov made several routes, during which a number of ancient monuments were examined.

Ж.Р. Утубаев^{1,2}, М.С. Шагирбаев¹

¹ Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

² Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

Алматы қ, Қазақстан

E-mail: utubayev_z@mail.ru; mambet__87@mail.ru

ҚҰЛАННЫҢ РУДИМЕНТ СҮЙЕГІНЕН ІСТЕЛГЕН ІЛМЕК ТУРАЛЫ
(Бәбіш Мола-7 остеологиялық материалдары негізінде)

Археологиялық қазба жұмыстары барысында, жануар сүйектерінен жасалған еңбек құралдары жиі табылады. Оларды тоқыма ісі, тері илеу, шаруашылық мақсатында және тұрмыстық мақсаттағы бұйымдар деп жалпы топтауға болады. Жануар сүйектерінен жасалған бұйымдардың негізгі шикізаты сүйек болғанымен, олар қаңқа элементтеріне және атқаратын қызметіне қарай өз ішінде жіктеліп кетеді. Құлан жылқы тәріздес жануар болғандықтан, жалпы тақ тұяқты (*лат. Perissodactyla*) жануарлардың жақ сүйектері, метатарсальды және метакарпальды (сирек) сүйектері, кіші асықты жіліктері мен кәрі жіліктерінен жасалған тұрмыстық заттар жиі кездеседі. Дегенмен тек құлан сүйегінен жасалған бұйымдарды археологиялық қазба жұмыстарында көп кездестіре бермейміз. Мақалада Бәбіш мола кешеніндегі көзешілер елді-мекенінен табылған құланның рудимент сүйегінен жасалған ілмек тәрізді тұрмыстық бұйым және қазба барысында құлан сүйектерінің кездесуі мен фауналық мекендеу ареалы сөз болады.

Елді-мекен (Бәбіш молла 7) Бәбіш мола қалашығынан оңтүстік-шығысқа қарай 5 шақырым жерде, кеуіп қалған арнаның бойында орналасқан. Жалпы аумағы 1,6 га яғни, 450x350 м жерді алып жатыр. Батыс бетінен ауылдың ішіне қарай ені 15 м болатын су қоймасы тартылған (сурет 1. А.).

Елді-мекеннің орнын жіті зерттеу барысында 11 пештің орны мен 7 құрлыстың және тұрғын үйлер мен шеберханалардың орны анықталды. Бұлардың беткі қабаты үйіліп жатқан керамикалар мен қатар шикі кірпіштен тұрғызылған қабырғалармен ерекшеленеді.

Сонымен қатар, ауылдың солтүстік-батыс бөлігінен, кеуіп қалған арнаның бойынан (арақашықтығы 50-60 м) үлкен үй-жайдың орны анықталды. Беткі қабатынан бөлмелерге бөлінген қабырғалардың контуры жақсы көрініп жатыр. Қабырғалар шикі кірпіштерден тұрғызылған. Бір өкініштісі, үйдің солтүстік бөлігі биік құм астында қалған.

Бәбіш мола оазисіндегі ескерткіштерді 1946 жылы Хорезм археологиялық-этнографиялық экспедициясының (ХАЭЭ) барлау тобы ашып, кейін 1958-1960 жылдары аралығында Бәбіш мола 1 қалашығы мен Бәбіш мола 2 жерлеу ғимаратына қазба жұмыстарын жүргізді (Толстов, 1948, с. 57; Толстов и др, 1960, с. 40). Ал, 1957-1960 жылдары Б.В. Андрианов жеке тобымен қала маңайына барлау жүргізіп, 150-ге тарта жекелеген елді-мекендер және суландыру құрлыстары сақталған егін шаруашылық алқаптарының орындарын тапқан (Андрианов, 1969, с. 192-199).

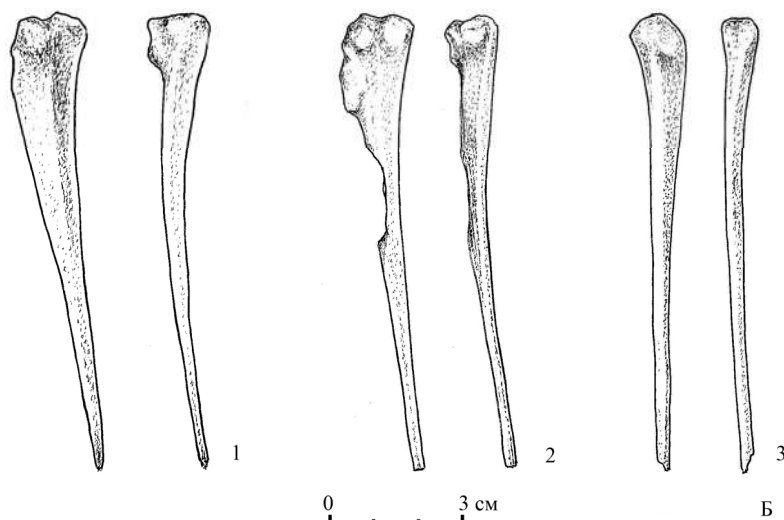
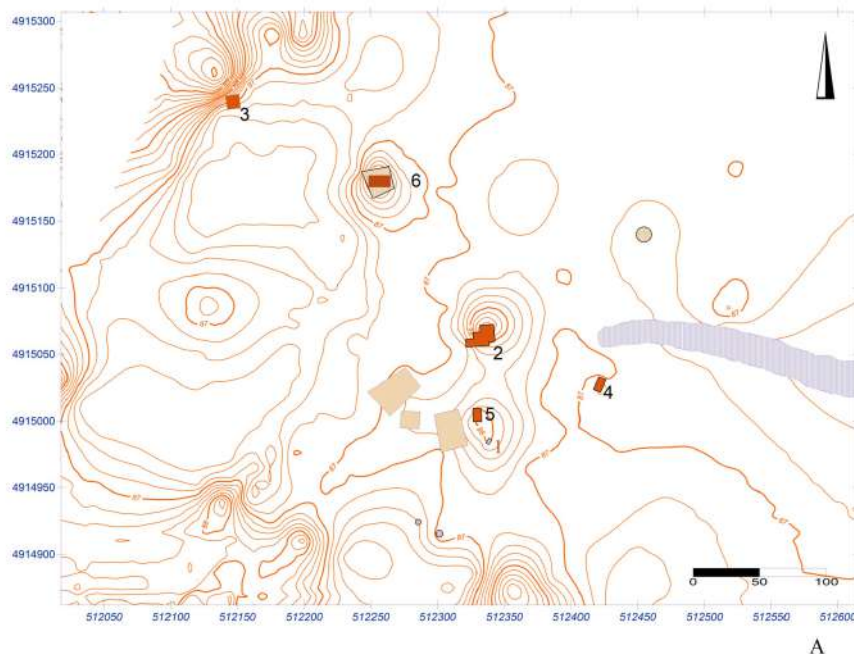
Кейін, 2006 жылы Ж. Құрманқұловтың жетекшілігімен Шірік Рабат археологиялық экспедициясы қайта барлау жүргізіліп, оларға сипаттама беріліп координатары алынса, 2015 жылдан бері көзешілер елді-мекеніне (Бәбіш-мола 7) археологиялық зерттеу жұмыстары жүргізіліп келеді (Курманкулов и др., 2006, с. 216-217; Утубаев, Болелов, 2016, с. 56-63).

№	Жануар түрі	Сүйек саны	Сүйек саны %
1	Жылқы – <i>Equus caballus</i>	2	2,9
2	Түйе – <i>Camelus bactrianus</i>	5	7,4
3	Ірі қара – <i>Bos taurus</i>	9	13,4
4	Қой – <i>Ovis aries</i>	5	7,4
5	Ешкі – <i>Capra</i>	2	2,9
6	Уақ мал – <i>Capra et Ovis</i>	22	32,8
7	Құлан – <i>Capreolus pygargus</i>	10	14,9
8	Ақбөкен – <i>Saiga tatarica</i>	5	7,4

9	Есек – <i>Equus asinus</i>	3	4,4
10	Сүтқоректілер (<i>анықтауға келмейтін</i>)	4	5,9
Жалпы		67	100

Кесте 1. Бәбіш мола-7 қаласынан 2019 жылы табылған остеологиялық материалдар жануар түрі бойынша

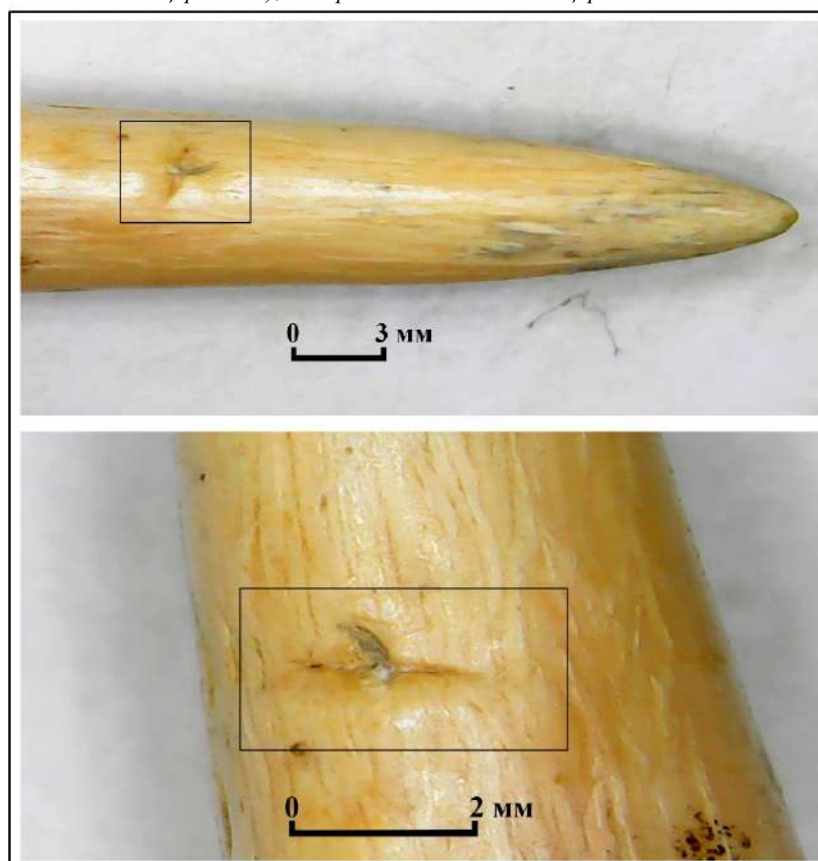
2019 жылы Бәбіш мола 7 елді-мекенде жүргізілген зерттеулер барысында 64 дана жануар сүйегі табылған болатын. Остеологиялық материалдарға «Археологиялық технологиялар» лабораториясының қызметкерлері б.ғ.к. П.А. Косинцев және М.С. Шагирбаев талдау жүргізіп, 9 жануар түрін анықтады (Кесте 1). Археозоологиялық материалдар жануар түріне, қаңқа элементтеріне қарай топталып, бірқатар үй жануарларының төменгі жақ сүйектеріндегі азу тістер жүйесінің ерекшеліктері арқылы орташа жас мөлшері анықталды. Остеологиялық материалдарды эталондар коллекциясымен салыстыру негізінде, құланға тиесілі атлант, тоқпан жілік, метаподия, жамбас және асықты жіліктерден бөлек, 5 дана рудиментті (грифельная кость) сүйектер анықталған болатын. Оның ішінде 3 данасының бір шеті үшкірленіп, өңделген. Құлан сүйектерінің барлығы дерлік (метатарсальды сүйектен басқасы) сынып бөлшектенген. Бұл құлан етінің тағам рационында болғанын көрсетеді. Ұсынылған үш дана құланның рудимент сүйегінен жасалған ілмектер көзешілер елді-мекендегі №6-шы қазбадан табылды. Оның екеуі сынық. Ұзындықтары 103 мм-ден 115 мм-ге дейін, ендері 9-18 мм. Қалыңдығы 7 мм (Сур. 2. Б.).

Сур. 1. А – Бәбіш мол 7 елді мекеннің топографиялық жоспары. Б – Тоқуға арналған ілмектер

Сур. 2. 1 – өңделген рудиментті сүйектер; 2 – құланның артқы (метатарсальды) сирақ сүйегінің (Бәбіш моладан табылған) плантарлы беті; 3 – метатарсальды және рудиментті сүйектердің жанасуы (латеральды бетінен қарағанда); 4 – проксимальды бетінен қарағанда

Сур. 3. № 1 рудиментті (қалдық сүйек) сүйектегі егеліп, шұңқырланған із

Құлан (*Equus hemionus*) – Қазақстанның оңтүстік және оңтүстік-батыс өңірлерінде, Сырдария мен Өмудария ойпатында, Арал теңізі аймағында көне заманнан бастап-ақ мекендейтін жануар. Археологиялық қазба жұмыстары барысында қазіргі Түркменстан аумағындағы неолит-энеолит кезеңіне тән ескерткіштерден құлан сүйектері анықталған (Шевченко, 1961, с. 464-477). Амудария ойпатындағы қола дәуірімен мерзімделетін Шор-депе, Алтын-депе ескерткіштерінен құлан сүйегі өте

көп табылып, барлық сүйектердің ішінде саны жөнінен екінші орында болған (Ермолова, 1970, с. 207-213). Хорезм аймағында антикалық және ерте ортағасырлармен мерзімделетін Джанбас кала, Топрак кала, Шемаха кала (С.П. Толстов зерттеген) атты ескерткіштерден де құлан сүйектері табылған (Цалкин, 1952, с. 240-241).

Бәбіш мола ескерткішіне 2017 жылы жүргізілген археологиялық зерттеу барысында құланға тиесілі 1 дана асықты жілік және №1-3 фалангалар (топай және тұяқ) табылған. Шірік рабад қаласына 2017 жылы жүргізілген археологиялық зерттеу барысында құланға тиесілі қабырға, жауырын сынықтары мен тұяқ табылған. Кабул кала ескерткішіне 2012 жылы жүргізілген археологиялық зерттеу барысында құланға тиесілі 1 дана асықты жілік пен №1 фаланга анықталған (*материалдарға археозоологиялық талдау жасағандар – Б.У. Байшашов., П.А. Косинцев және М.С. Шагирбаев*). Мәліметтер кешені Сырдария өзені мен оның ескі арналары, көршілес аумақтармен қоса көне дәуірден бастап құланның жайылым ареалына кіргенін көрсетіп отыр.

Құлан (*Equus hemionus*) мен жылқының (*Equus caballus*) анатомиялық құрылымы бір-біріне өте жақын. Негізгі айырмашылықтары ретінде тек өлшемдерінің үлкен-кішілігі және жекелеген кейбір қаңқа элементтері ғана алынады (Громова, 1960, с. 87-91). Жылқының алдыңғы және артқы сирағында бір ғана түтікшелі сүйек болатыны белгілі. Бұл сүйек құланда да тура сол қалпында кездеседі. Тек көлемі бойынша ғана ажыратуға болады. Осы сүйекті зоологиялық шартты белгі бойынша №3 немесе ортаңғы сүйек деп атайды. Осы ұзын келген алдыңғы сирақтың (*metacarpale*) және артқы сирақтың (*metatarsale*) плантарлы бетінің (артқы жағы) екі жиегінде ұзын әрі жіңішке келген таяқша тәріздес екі сүйек орналасады. Аталған сүйектер зоологиялық терминологияға сәйкес рудиментті (қалдық немесе жұрнақ) сүйектер деп аталады. Орысша ғылыми әдебиеттерде «грифельная кость» деп аталуы жиі кездеседі (Зеленевский, Соколов, 2001, с. 68). Бұл алдыңғы және артқы сирақта орналасқан екі таяқша тәріздес сүйектер өзінің атауына сәйкес, бүгінгі күні жылқының немесе құланның тірек-қимыл жүйесіндегі №2 және №4 сүйектердің қалдығы болып табылады.

Жылқы анатомиясындағы бұл ерекшеліктер көне заманда жылқының әрбір аяғы үш саусақтан (трехпалый) немесе үш сирақтан тұрғанын айғақтайды. Бүгінгі заманауи жылқылардың ата-бабасы саналатын Еуропа, Үндістан және Қырым жерінен табылған бітеу тұяқты (аша тұяқты емес) гиппарион (*лат. Hipparion*) жылқысының алдыңғы және артқы сирақтары үш сүйектен тұрғаны белгілі (Павлинов, 1999, 58). Жылқы метаподиясындағы бұл ерекшеліктер бүгінгі *Equus* тұқымдасына жататын барлық жануарларда, оның ішінде есек (*Equus asinus*), құлан (*Equus hemionus*), зебра (*Equus zebra*), кианг (*Equus kiang*) түрлерінде де рудиментті сүйек түрінде көрініс тапқан (Павлинов, Лисовский, 2012, с. 382-389).

Бәбіш мола 7 елді-мекенінен табылған 3 дана сүйектің сыртқы пішіндерінде өңделу үдерістері бар. Қолда бар эталондармен салыстырмалы түрде қарағанда, барлық рудиментті сүйектер сыртқы анатомиялық пішіндері мен көлеміне қарай құланның артқы сирағына тиесілі екендігі белгілі болды (Сур. 2).

Жалпы сүйек бұйымдардың трасологиясына қатысты зерттеулерде құланның рудимент сүйегінен жасалған тұрмыстық заттар кездесе бермейді. Бірақ жылқының рудимент сүйегінен жасалған түйреуіш және біз секілді бұйымдар жиі кездесетін құбылыс. Археология ғылымында сирақтың рудимент сүйегінен жасалған тұрмыстық заттардың атқаратын қызметі туралы ортақ пікір жоқ. Бірқатар зерттеушілер мұны түйреуішке жатқызса, кейде жүн иіру ісінде қолданылған ілмек деген пікірлер де бар (Грязнов, 1956, с. 161-176. Табл. XV.). Енді бір зерттеушілер тері илеуде пайдаланған біз деп жорамалдаған (Вальков, 2019, с. 577-578.). Біздің мысалымыздағы өңделген рудимент сүйектерді трасолог И.В. Горашук *тоқуға арналған ілмек* деп тұжырым жасады (Горашук, 2019, с. 21).

Құлан сүйегінен жасалған тоқуға арналған ілмек тәріздес сүйектер егеліп, жонылып өңделген. Бастапқы пішіндерінде барлығы үшкір болуы мүмкін. Дегенмен екеуінің ұштары сынып, жоғалған. Ұшы үшкір күйінде сақталған сүйектің ұшынан жоғары 2,8 см жерде көлденең егеліп, тереңдетілген ізді көруге болады (Сур. 3). Уақытында бұл егелген шұңқыр арнайы жіпті тартып алуға арналған болуы да мүмкін. №1-ші рудиментті сүйектің проксимальды блогындағы буын ойысының ең үлкен ені 16,48 мм. №2-ші рудиментті сүйекте бұл өлшем 15,66 мм. №3-ші рудиментті сүйекте 10,78 мм құрайды.

Бірінші және екінші рудиментті сүйектердің екеуі де құланның метатарсальды сүйегінің бір шетіне яғни екі құланға тиесілі. Сүйектердің морфометриялық өлшемдерінің өзара жақындығы, екі сүйек жастары шамалас құланға тиесілі болғанын растайды. Үшінші рудиментті сүйектің өлшемдері басқаларына қарағанда үлкен алшақтыққа ие және пішінінде әлі толық жетілмеген белгілер анық байқалады. Мәселен проксимальды бөлігіндегі буын ойыстары толық қалыптаспаған. Дегенмен ұзындығы жөнінен алдыңғы екеуімен салыстырмалы түрде бірдей.

Жылқы тәріздес тақтұяқты жануарлардың қаңқа элементтерінде рудимент сүйекке ұқсас бірнеше сүйектерді кездестіруге болады. Олар асықты жіліктің жанында болатын кіші асықты жілік (*лат. os fibula*) және шынтақ сүйегі (*лат. ulna*). Бұл аталған сүйектердің анатомиялық құрылысы рудимент сүйекке аздап жақын әрі тұрмыста осы аталған сүйектерді де түйреуіш, біз және т.б. мақсатта қолданын көре аламыз.

Жылқының рудиментті сүйегі көне дәуірде тұрмыстық-шаруашылық мақсатта жиі қолданыста болған. Мәселен Ресейдегі Дернул өзенінің бойында орналасқан Салтово-Маяк мәдениетіне тән Подгаевка I және Новолимаревка I қоныстарынан табылған 300-ге жақын сүйектен жасалған құралдардың ішінде жылқының рудиментті сүйегінен жасалған біздер табылған. Рудиментті сүйектердің дистальды шеті (төменгі жағы) үшкірленген. Сүйектің жалпы денесі мен ұшы қатты ысқыланып, тегістеліп, жылтыратылған. Қарама-қарсы проксимальды шеті дөңес келген. Бұл метокарпальды-рудиментті сүйектің метаподиясының проксимальды бетіндегі ортаңғы сүйектерге жалғасатын бөлігінің пішіні анатомиялық жағынан аздап жалпақ әрі дөңгелек болып келуіне орай, негізгі пішінін сақтай отырып жасалғанын көрсетеді. Аталған ескерткіштен табылған рудиментті сүйектен жасалған біздердің ұзындықтары 7-12 см аралығында ауытқиды (Красильников, 1979, с. 77-92).

Қола дәуірінен темір дәуіріне өтпелі кезеңмен мерзімделетін Линево-1 қонысынан жылқының рудиментті сүйектерінен жасалған біздер көп табылған (Мыльников, Мыльникова, 2011, с. 183-196). Сүйектен жасалған түйреуіш тәріздес бұйымдардың ұзындықтары 12-20 см аралығында ауытқиды. Функционалды мақсатын зерттеушілер екі жағдаймен түсіндіреді:

Біріншісі, тері илеу кезінде тесуге және киім тігу үдерісінде қолдануы мүмкін.

Екіншісі, арқан немесе жіңішке жіптерді, тері белдіктерді түйіндеу ісінде немесе жылқы қылын есуде пайдалануы мүмкін.

Бәбіш мола 7 елді-мекенінен табылған жабайы жануарға тиесілі өңделген сүйектердің кездесуі тек бұл ғана емес. Бұған дейін де ақбөкенге тиесілі 80-нен астам асық табылып, зерттелген болатын (Шагирбаев, Утубаев, 2019, 79-116 бб.). Оның ішінде асықтың дорсальды бетінде әртүрлі белгілер салынған, тесілген асықтар да кездескен. Бұл мәліметтер өңірде көне дәуірде *сүйек ұқсату* дәстүрінің орын алғанын дәлелдейді. Әзірге материал көлемі аз болғандықтан, мақаламызда фауналық және функционалдық ерекшеліктерге тоқталумен шектеліп отырмыз. Алдағы зерттеулерде жабайы жануар сүйектерінен жасалған тұрмыстық бұйымдар саны артып, белгілі бір тұжырымдар жасауға мүмкіндік болады деп үміттенеміз.

Әдебиеттер

- Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969. 253 с.
- Вальков И.А. Особенности трасологического анализа артефактов из кости в археологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. №21(3). С. 574-584.
- Горашук И.В. Отчет о трасологическом анализе каменных и костяных артефактов с памятников Республики Казахстан. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2019. 72 с.
- Громова В. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. М.: Издательство АН СССР, 1960. 121 с.
- Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая реча / Материалы и исследования по археологии СССР. №48. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1956. 226 с.
- Ермолова Н.М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении // Каракумские древности. Ашхабад: Издательство «Ылым», 1970. С. 205-232.
- Зеленевский Н.В., Соколов В.И. Клиническая анатомия лошади. Спб.: ГИОРГ, 2001. 408 с.
- Красильников К.И. Изделия из кости салтовской культуры // Советская археология. 1979. № 2. С. 77-92.
- Курманкулов Ж., Тажекеев А.А., Кзылбаев Т., Абдикаликов Ш.М. Отчет о разведке на территории Кызылординской области по своду памятников 2006 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. Алматы, Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 2007. 134 с.
- Мыльников В.П., Мыльникова Л.Н. Костяной инвентарь с поселения Линево-1 // Вестник НГУ. Серия: история и философия. 2011. Т. 10. Вып. 5. С. 183-196.
- Павлинов И.Я. Млекопитающие. Большой энциклопедический словарь. М.: АСТ, 1999. 416 с.
- Павлинов И.Я., Лисовский А.А. Млекопитающие России: систематико-географический справочник. М.: Т-во научн. изданий КМК, 2012. 604 с.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 328 с.
- Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // Материалы Хорезмской Экспедиции. М., 1960. Вып. 4. С. 203.

Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б. Новые археологические открытия в низовьях Сырдарьи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). Т. 4. С. 56-63.

Цалкин В.И. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма (по материалам раскопок С.П. Толстова) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1945-1948). М.: Издательство АН СССР, 1952. С. 213-244.

Шагирбаев М.С., Утубаев Ж.Р. Жануар асықтарының археозоологиялық зерттелуі (Бәбіш мола қаласының материалдары бойынша) // Қазақстан археологиясы. 2019. № 4 (6). 79-116 бб.

Шевченко А.И. К истории домашних животных Южного Туркменистана // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ТЮТАКЭ). Т.Х. Ашхабад. 1961. С. 464-477.

Zh.R. Utubaev, M.S. Shagirbaev

**ABOUT THE HOOK MADE OF RUDIMENTARY BONE KULAN
(based on osteological materials from Babish Mola-7)**

The article analyzes the rudimentary bone found in the potters' settlement in the Babish Molla complex. Archaeozoological analysis showed that the bones belong to the kulan (*Equus hemionus*). There is speculation that the treated bone instrument may be a weaving hook. Also, the issues of detecting the remains of Kulan in archaeological sites and their faunal habitat are considered.

А.А. Бисембаев¹, А.И. Хаванский¹, А.Б. Уразова², Р.Ж. Жанұзақ³

¹ *Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Ақтөбе қ., Алматы қ., Қазақстан*

E-mail: abissembaev@mail.ru; arkaim01@yandex.by

² *Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейі,
Ақтөбе қ., Қазақстан*

E-mail: urazova-asel@mail.ru

³ *ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»*

Самара қ., Ресей

E-mail: rzhanzak04@gmail.com

**ЕЛЕК ӨЗЕНІНІҢ ОРТА АҒЫСЫНДА ОРНАЛАСҚАН ЕРТЕ КӨШПЕНДІЛЕР
ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ ЗЕРТТЕЛУІ
(нәтижелері мен перспективалары)***

2015 жылдан бастап Елек өзенінің орта ағысы бойында орналасқан ерте көшпенділер дәуіріне жататын апаттық жағдайдағы ескерткіштерді зерттеу жұмыстары жүргізілуде. Бұл нысандар ХХ ғасырдың 70-80 жылдары анықталса да, ауыл шаруашылық жұмыстарының, соның ішінде, жыл сайынғы жер жырту науқанынан зардап шегіп, бастапқы кейпі мен көлемін жоғалтуда.

Бұл уақытқа дейін мақала авторлары 2015-2017 жылдары Шпаки II, Қайыңбұлақ II, Құраша I ескерткіштерінде зерттеу жұмыстарын жүргізіп, анықталған ерекше жерлеу салты, құрал-саймандар кешені жөніндегі мәліметтерді ғылыми айналымға енгізген болатын (Бисембаев, Мамедов, Дуйсенғали, 2018, с.102-123; Бисембаев, Ахатов, Мамедов, 2018, с.28-41). Сол кезде зерттеу тобы өзіндік ерекшеліктері бар ескерткіштердің Елек локальды аумағында көптеп шоғырлануына аса мән беріп, бұл аймақтың өзгешелігін атап өтті. Ескерткіштердің көптеп шоғырлануы мұндағы табиғи-географиялық жағдайлармен тікелей байланысты. Елек өзені меридиан бойымен ағып өтеді, әрі Жайық өзенінің негізгі сол жақ саласы болып табылады. Сондықтан да Елек өзенінің бойы солтүстіктен оңтүстікке қарай көшіп-қонуға өте қолайлы. Өзеннің орта ағысы Аралмаңы-Мұғалжар өңірімен, Батыс Қазақстанның шығыс бөлігімен өтеді. Електің мұндағы оң және сол салалары мал өсіруші ірі тайпалардың шаруашылығын сумен қамтамасыз еткен (Бисембаев, Мамедов, Дуйсенғали 2015, с. 180-181). Ақтөбе облысының территориясын географиялық тұрғыдан «Аралмаңы-Мұғалжар өңірі» деп атауға болады. Батыс Қазақстанның территориясы өте ауқымды, әрі онда бірнеше ірі табиғи-географиялық зоналар орналасқан. Жайық бойындағы орманды-даладан бастап, Солтүстік Арал маңы

* Мақала BR05236565 «Археологиялық деректер негізіндегі тас ғасырынан бастап, этнографиялық кезеңге дейінгі Қазақстан тұрғындарының мәдениеті» атты бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру жобасының аясында орындалды.

құмдарына дейінгі аумақтағы әр-түрлі кезең ескерткіштерін, соның ішінде, ерте темір дәуіріне жататын нысандарды табиғи-географиялық аудандарға бөліп қарастырған жөн.

Қарастырылып отырған өңірдің табиғи-географиялық ерекшеліктері ерте көшпенділер дәуіріне жататын ескерткіштердің санына, құрылымы мен өзгешеліктеріне үлкен әсер еткен. Табиғаттық-климаттық жағдайлар тұрғындардың шаруашылық ісіне ықпал етіп, кез-келген көшпелі қоғамның экономикалық негізін құрайтын көшпелі-жайылымдық жүйенің қалыптасуына түрткі болды (Акишев, 1972, с.31). Мысалы, Жайық өзенінің сол жағалауын мекендеген көшпелілер арасында б.з.д. VI-IV ғғ. ірі тайпалар одағы құрылды. Бұл бірлестікті құрушы топ өздерінің мекені ретінде негізгі артерияның орта ағысы, ең ірі сол жақ саласының жағалауларын таңдаған. Оған Қырық Оба, Лебедевка, Покровка және т.б. кешендер дәлел бола алады. Бұл мәселені Елек өзенінің бойында жүргізілген бастапқы зерттеулерде-ақ К.Ф. Смирнов атап өтті (Смирнов, 1975).

Көшпелі мал шаруашылығының жергілікті түрлерін дамыту үшін су жүйелерінің маңыздылығы орасан зор. Өйткені су көздері көшпелі мал шаруашылығының қажеттіліктерін толық цикл бойы қамтамасыз етуі тиіс. Сонымен қатар, өсімдік жабынындағы биомасса мөлшері де мал шаруашылығының өсу динамикасына, демографиялық аспектіге (көшпелі топтардың бытыраңқы немесе шоғырлана орналасуы) тікелей әсер етеді. Өсімдіктер, олардың таралуы горизонталды және вертикалды зоналық заңына тәуелді. Аралмаңы-Мұғалжар өңірінің өсімдік жабыны төрт түрлі аймақтың элементтерінен құралады. Жайық өзенінің бойында аздап орманды далалар кездеседі. Одан кейін нағыз далалық белдеу басталады, ал өңірдің орта бөлігінде шөл далалар мен жартылай шөлдер кездеседі. Өңірдің оңтүстік бөлігі шөл аймағында орналасқан. Климаттың құрғақшылығы мен континенттілігі солтүстіктен оңтүстікке және батыстан шығысқа қарай күшейе түседі, бұл жағдай өсімдіктердің өсуіне әсер етеді. Өсімдік жабынының деңгейі өз кезегінде мал санына қажетті жем-шөп қорына, сәйкесінше, сол мекендегі тұрғындардың да санына өз ықпалын тигізеді. Адамның ауыр әрі қиын жағдайларға бейімделуінің нәтижесінде қоршаған ортаға сәйкес келетін жоғары деңгейдегі тиімді экономика құрылды. Нәтижесінде б.з.д. I мыңж. ортасында тұрғындар санының өсуі байқалады. Жайық өзенінің сол жағалауы бойындағы ерте көшпелілердің ескерткіштері саны жағынан мұндағы басқа дәуір ескерткіштерінен басым түседі. Ерте көшпелілер дәуіріне жататын ескерткіштер негізінен биік төбелерде, екінші жайылма үсті террасаларында, үстірт тәрізді тауларда орналасқан. Бұл дәуірдің археологиялық ескерткіштері бір-екі қорғаннан немесе жүздеген обалардан тұратын кешендерді құрайды. Зерттелініп отырған локалды аудандардың ішінде элитарлы ескерткіштер тобы бар. Олар сәйкесінше тайпалық топтарды біріктіруші ұжымдарға тиесілі болып табылады.

Бұл тұрғыда «Родники» АҚ-ның егін алқабында орналасқан Бесоба қорымы мысал бола алады. Локалды ықшам аумақтың жетекші топтарынан қалған бұл обалардың өлшемдері бастапқы уақытта үлкен болған. Алайда, қазіргі кезге дейін жалғасып жатқан жер жырту жұмыстары қорғандардың бастапқы кейпін жоғалтуда. 2018 жылдың далалық маусымы кезінде №№3,8,9 қорғандар зерттелді. Бесоба бейіті Ақтөбе облысы Мәртөк ауданы Родниковка ауылынан солтүстікке қарай, Елек өзенінің оң жағасы бойында, Қиялыбөрте өзенінің бастауынан оңтүстікке, ал Терісбұтақтан солтүстікке қарай жерде орналасқан. Бейіттегі кейбір нысандар 1977 және 1986 жылдары зерттеліп, ескерткіш жөніндегі алғашқы мәліметтер анықталған (Китов, Мамедов, 2014, с.14-15). Ал ескерткіштің өзін алғаш рет С.П.Баннов XX ғасырдың басында тіркеуге алған.

№8 қорғанның диаметрі 48 м. Ұзақ жылдар бойы ескерткіш үстімен жер жырту жұмыстары жүргізілсе де, бұл қорғанның биіктігі 2 м биіктікті сақтап қалған. Мұның өзі қорғанды тұрғызуда біраз күш жұмсалғандығын және мұнда жерленген адамдардың элитарлық топқа жатқандығын білдіреді. Қорғанды зерттеу барысында үш траншея қазылып, Б – Ш бағытындағы стратиграфиялық профильдер қалдырылды. Қорған үйіндісінің батыс бөлігінен жерленген жылқы сүйектері табылды. Оңтүстік-шығыс бөліктен ұсақ және ірі қара малдың сүйектері, сонымен қатар, акинақтың ерекше үлгісі анықталды. Солтүстік бөлікте жылқы сүйектерінен бөлек екіқұрамды темір ауыздық табылды.

Қорғанның орталық бөлігінде ағаштан «помост» жасақталған. Оның диаметрі 17-18 м, үстіне бор себілген. Помост үстінен №1 жерлеу орны тазартылды. Онда оңтүстік бағытымен жерленген үш адамның сүйектері (Сур.1, 1-2), деформацияланған үш қазан, акинактар, жебе ұштары, айна, қыш ыдыс сынықтары, ірі найзаның ұшы, алтын жұқалтырмен жалатылған темір оқсауыт, екінші жерленген адамның сол қолындағы шынашақтан алтын сақина анықталды (Сур.2, 1-3). Екінші жерлеу орны помост астында, қорған ортасынан оңтүстік-батысқа қарай орналасқан. №3 жерлеу орны басқаларынан өзгеше, өйткені мұндағы адам батыс бағытымен, терең әрі көлемді катакомбада жерленген. Б – Ш бағытымен жасақталған жерлеу орнының кіреберіс «дромосы» С – О бойымен перпендикуляр орналасқан және де онда қабірге түсетін саты жасалған. Қабірден аяқшалары қасқырдың басы түрінде

жасалған дөңгелек пішіндегі құрбандық тас, жебе ұштары, ірі қола айна, балгерлік тастар анықталды (Сур. 3).

1-сурет. Бесоба бейіті, № 8 қорған, 1-жерлеу орны: 1 – Орталық траншеядағы оңтүстік бағытымен жасалған және қазан табылған жерлеу орны; 2 – Орталық траншеядағы найза және қазан табылған №2 жерлеу орны

№3 қорған бейіттегі ең үлкен нысанның қасында орналасқан. Жер жырту жұмыстарынан кейінгі сақталған биіктігі 20 см, диаметрі 24 м. Қорғанның үйіндісінен жылқы сүйектері және темір мен қоладан жасалған ат әбзелдері табылды. Қорғанның орталық бөлігінен кеміргіштердің індері көп

кездеседі. Кеміргіштер жерлеу орындарын бұзып, ондағы заттарды қабірдің үстіне қарай тасып тастаған. 1 және 3-қабірдегі адамдар оңтүстік бағытымен жерленген. Жерлеу орнындарынан екі аяқты құрбандық тас, сабының басы зооморфты түрде жасалған акинак, айналар, жебе ұштары және қыш ыдыс сынықтары табылды. 1-қабірден зооморфтық түрдегі қоладан жасалған бес салпыншақ анықталды. Олардың өлшемдері 3,5 x 2,5 x 1,5 см шамасында. Салпыншақтар горизонтальды және вертикальды кеңістіктердегі екі жануардың қосындысынан жасалған. Бір жағынан басы артқа қайырылған әрі құйрығы бар грифон бейнеленсе, екінші жағынан тасбақа (сарышаян, кесіртке?) бейнесі көрініс тапқан. Бұған ұқсас бұйымдар авторларға белгісіз.

1

2

3

2-сурет. Бесоба бейіті, № 8 қорған, 1-2 қабір. Орталық траншея: 1 – Қоладан жасалған қазан; 2 – Темір найзаның ұшы; 3 – Алтынмен жалатылған темір оқсауыт

Бейіттің оңтүстік-шығыс бөлігінде орналасқан №9 қорғанның қабір шұңқырлары болмады. Бұл нысан ғұрыптық мақсаттарда қолданылған болуы мүмкін. Оған қорғанның өртенген топырағы, табылған күл мен шоқ қалдықтары дәлел бола алады. Бастапқы өлшемдері №3 қорғанға ұқсас, бірақ үйіндісі биіктеу, 0,3 м құрады.

Б.з.д. VI-V ғғ. жататын табылған бұйымдар кешені, соның ішінде, құрбандық тастар, акинактар, жебе ұштары, қоладан жасалған қазандар және ат әбзелдері, айналар мен қыш ыдыстар, адамдардың батыс және оңтүстік бағытымен жерленуі сынды мәліметтер Елек локалды ауданының осы уақытқа тиесілі ескерткіштер базасын толықтыра түседі.

Бесоба бейіті 2015-2017 жж. Елек өзенінің орта ағысы бойындағы зерттелген, әрі б.з.д. I мыңж. ортасы – екінші жарт. жататын ескерткіштердің ішінде маңызды орын алады. Бұл ескерткішке

орналасуы мен топографиялық жағдайына байланысты Шпаки II бейіті ұқсас. Шпаки II бейітінің орталық бөлігінде орналасқан №3 қорғанды зерттеу барысында жаңа әдістер қолданылған болатын. Қорғанның үйіндісі жер жырту жұмыстарының зардап шегіп, диаметрі 22 м, биіктігі 1 метрге жуық болған еді. Нысанды зерттеу барысында материалдарды тіркеу және үшөлшемді модель жасау әдістері қолданылды. Қорғанның ішіндегі құрылыс элементтерін сақтап қалу үшін алдын-ала үйіндінің периметрі бойынша радиалды шурфтар қазылды (Бисембаев, Дуйсенгали, Мамедов, 2017, с.110-112; Дуйсенгали, Бисембаев, Мамедов, 2017, с. 38-43). Құраша I және Қайыңбұлақ II бейіті территориялық тұрғыдан алшақта орналасқан. Дегенмен де бұл нысандар Елек өзенінің орта ағысы бойындағы ескерткіштерге жатады (Бисембаев, Бидагулов, Амелин, 2016, с.134-137).

3-сурет. Бесоба бейіті, № 8 қорған, 3-қабір

Жоғарыда келтірілген мәліметтер бойынша келесідей қорытындылар жасауға болады. Батыс Қазақстан территориясының ауқымдылығына байланысты өңірдің өз ішін бірнеше аудандарға бөлген дұрыс. Қарастырылып отырған өңірдегі ерте көшпелілер ескерткіштерін локализациялау мен картографиялау жұмыстары Жайықтың сол жағалауындағы дала өзендерінің алқабына қатысты ықшам аудандарды жүйелеуге мүмкіндік береді. Келешекте зерттеу жұмыстары Елек, Темір-Жем-Сағыз, Ор-Ырғыз, және Ойыл-Қобда сынды ірі ықшам-аудандарының арасындағы салыстырмалы талдауға бағытталады. Бұл аумақ тұтастай алғанда Арал маңы-Мұғалжар өңіріне жатады. Анықталған нысандарды, қазылған ескерткіштерді жалпы талдау нәтижесінде аталған ықшам аудандардың аумағынан ескерткіштердің элитарлы тобын бөліп шығаруға болады. Оған ескерткіштерден табылған бағалы және импорттық бұйымдар, құрбандық тастар түріндегі ғұрыптық бұйымдар және ауқымды қару-жарақ кешені, сонымен қатар, жерлеу салтының (қорған үйіндісінің, қабір шұңқырының өлшемдері және т.б.) ерекшеліктері негіз болады.

Табиғи-географиялық факторлар ерте темір дәуірінің көшпелі тұрғындарына тиесілі ескерткіштердің орналасуына, санына және ерекшеліктеріне әсер етті. Осыған байланысты ескерткіштерді бір өңірдің ішіндегі басқа да локалды аудандардың ескерткіштерімен салыстыруға, яғни материалдық мәдениет пен жерлеу рәсімінің негізгі элементтері бойынша ішкі корреляция жасауға болады. Сонымен қатар, Оңтүстік Орал маңы, Төменгі Еділ бойы, Оңтүстік Арал маңы, Орталық және Солтүстік Қазақстан секілді сыртқы өңірлердің материалдарымен салыстырмалы талдау жасау мүмкіндігі пайда болады. Б.з.д. I мыңж. ортасы – екінші жарт. бастапқы кезеңі аралығындағы ерте көшпелілердің Електегі тобы Батыс Қазақстанның шығыс бөлігіндегі, яғни Арал маңы-Мұғалжар өңіріндегі тайпалық одақтардың біріктіруші, жетекші орталығына айналды. Авторлар соңғы жылдары

осы ескерткіштерде жүргізген зерттеулерінің нәтижесінде осындай тұжырымдарға келген болатын. Алдағы уақытта материалдардың жинақталуы барлық мәліметтерді жүйелеп, жаңа деңгейдегі қорытындылар жасауға мүмкіндік береді.

Әдебиеттер

Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: «Наука», 1972. С. 31-46.

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н. Характеристика условий левобережья Урала как экониши кочевого населения второй половины I тыс. до н.э. // Степи Северной Евразии: материалы VII Международного симпозиума / Под науч. ред. А.А. Чибилева. Оренбург: ИС УрО РАН, Печатный дом «Димур», 2015. С. 180-181.

Бисембаев А.А., Бидагулов Н.Т., Амелин В.А., Баиров Н.М., Уразова А.Б. Некоторые итоги исследований в Приаральско-Мугалжарском регионе в 2015 году // Материалы V Международной конференции «Кадырбаевские чтения-2016» (6-7 октября 2016 года). Актөбе, 2016. С. 134-137.

Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Фоменко А.С. Попытка применения фотограмметрии в качестве археологического метода фиксации при исследовании памятника ранних кочевников Шпаки II // Материалы международной научно-методической конференции «XI Оразбаевские чтения» по теме «Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран» приуроченной к 95-летию А.М. Оразбаева. Ч. I. Алматы: «Қазақ университеті», 2017. С. 110-112.

Бисембаев А.А., Ахатов Г.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б., Жанузак Р.Ж. Исследование памятников ранних кочевников Приаральско-Мугалжарского региона в 2015-2017 гг. // Маргулановские чтения-2018. Духовная модернизация и археологическое наследие. Сб. матер. межд. науч.-практ. конф. Алматы-Актөбе, 2018. С. 28-41.

Бисембаев А.А., Мамедов А.М., Дуйсенгали М.Н., Баиров Н.М., Амелин В.А., Бидагулов Н.Т., Уразова А.Б. Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона // Мир Большого Алтая. 2018. № 4 (1). С.102-123.

Дуйсенгали М.Н., Бисембаев А.А., Мамедов А.М. Новые памятники ранних кочевников Илекского локального микрорайона (предварительное сообщение) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение. Матер. VII Всероссийской (с межд. уч.) науч. конф. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2017. С. 38-43.

Китов Е.П., Мамедов А.М. Кочевое население Западного Казахстана в раннем железном веке. Астана: Издательская группа ФИА им.А.Х.Маргулана в г.Астана, 2014. 352 с.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: «Наука», 1975. 176 с.

A. Bissembayev, A. Khavansky, A. Urazova, R. Zhanuzak

Research of monuments of early nomads of the average Ilek (some results and prospects)

The article is devoted to the latest research of monuments of early nomads of the Ilek local micro district of the Aral-Mugalzhar region, the eastern half of Western Kazakhstan. The mounds undergone significant anthropogenic impact and were under threat of destruction were studied. The natural and geographical aspects of Western Kazakhstan are the determining factors in the distribution of monuments of the early Iron Age, which are the most numerous in the region. The materials obtained in the study of the Besoba burial ground – stone altars, gold objects, a weapon complex, mark the belonging of this territory in the middle of the 1st millennium BC the dominant group of nomads, who chose to live the most comfortable ecologic recess. New materials allow filling certain gaps in the history of the population of the early Iron Age of Western Kazakhstan. The results of the earlier field work on the Shpaki II Kaiynbulak II, Kurasha I burial grounds show the hierarchism of the nomadic society of the middle of I millennium BC.

А.А. Бисембаев¹, С.Р. Куандык², Ш. Сарсенов³

^{1,2} *Институт археологии имени А.Х. Маргулана
г. Актюбе, г. Алматы, Казахстан*

E-mail: abissembaev@mail.ru; s.r.kuandyk@mail.ru

³ *Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова
г. Актюбе, Казахстан. E-mail: wweeedd@mail.ru*

КУРГАН РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА БИРЛИК I*

В исследовании памятников раннего железного века Западного Казахстана важным аспектом является выяснение ареала распространения объектов середины I тысячелетия до н.э. в зоне правобережья р. Урал в бассейне многочисленных притоков правого берега, севернее неперспективных Чижино-Дюринских разливов.

Территория Западного Казахстана, с крупной магистральной рекой – Уралом, несущей воды на две трети протяженности в широтном направлении, а далее, переходя в меридиональное, в раннем железном веке представляла собой густозаселенный район кочевых объединений. Целенаправленные исследования, проводившиеся с начала текущего столетия, подтверждают это тезис выявленными памятниками ранних кочевников по областям региона. О природно-географической обусловленности расположения памятников раннего железного века Западно-Казахстанского региона ранее неоднократно упоминалось в археологической литературе. Определенные итоги исследований на период рубежа XX – XXI веков были подведены С.Ю. Гуцаловым. Им же была подчеркнута необходимость исследования памятников ранних кочевников по территории левобережья Урала, как по «четко ограниченному природно-ландшафтному региону» (Гуцалов, 2004, с.4).

Западный Казахстан, в административном аспекте состоит из Атырауской, Западно-Казахстанской, Мангистауской и Актюбинской областей и представляет собой обширный регион, выраженный в природно-географическом содержании как срединная часть Евразии, так и степной полосы этого материка. Важными особенностями данного региона являются факторы природно-географического характера, представляющие собой исторический фон, обусловивший, в конечном итоге расположение, количественный состав и специфику памятников кочевого населения в раннем железном веке. Важность и необходимость анализа региональных особенностей, возникающие из территориального фактора – значительных размеров и, соответственно, различных природно-географических условий Казахстана, для раннего железного века приобретает особую актуальность (Бисембаев, 2009, с.217).

Находясь в глубине Евразии, Западный Казахстан расположен в двух частях света – в Европе и Азии. Граница между этими частями света в пределах Казахстана проводится по Мугоджарам, реке Эмба и по геологическим разломам в северной части акватории Каспийского моря – озера. Природные различия между западной и восточной частями региона, к востоку от р. Эмба – очевидны, ландшафты резко приобретает азиатский характер (главным образом из-за смены состава биот и биомов). Западно-Казахстанский регион имеет наибольшее протяжение с севера на юг около 900 км, с запада на восток около 1200 км и занимает площадь в 729,2 тыс. км.² На севере он граничит с Оренбургской областью России, на востоке – Костанайской, Карагандинской, на юго-востоке – Кызыл-Ординской областями, на юге омывается Аральским (Большим Аральским) морем, граничит с Узбекистаном и Туркменистаном, на западе омывается Каспийским морем, граничит с Астраханской, Волгоградской и Саратовской областями России. В этой связи, при таком значительном территориальном выражении, вполне обоснованно и применимо деление на локальные микрорайоны, при исследовании памятников раннего железного века региона. Одним из таких регионов, обладающих историко-культурным своеобразием, сформировавшимся на аспектах природно-географического порядка, является Волго-Уральское междуречье, по южной оконечности Общего Сырта.

В начале июня 2019 года силами объединенного отряда были начаты раскопки кургана Бирлик I (Кузнецово), расположенного к северо-востоку от одноименного поселка в 1,5 км на вытянутом языкообразном мысу тянущемся с севера на юг в направлении реки Деркул.

В 600 метрах к юго-востоку от кургана располагается неолитическая стоянка Деркул I, исследуемая отрядом Института археологии им. А.Х.Маргулана КН МОН РК Т.Б.Мамирова. Дальнейшее обследование мыса показало наличие в глубине, гораздо севернее раскапываемого кургана остатков разрушенных в период СССР курганов, что позволяет говорить о существовании ранее могильника,

* Работа выполнена при поддержке темы ПЦФ BR05236565 «Культура населения Казахстана от каменного века до этнографической современности по археологическим источникам».

периода раннего железного века и средневековья, который был разрушен при сооружении скотомогильника в 70-80-х годах XX века. Исследуемый объект находился на значительном удалении от основной группы.

Курган четко выделялся на поверхности мыса скоплением ковыльных ассоциаций и выступающими камнями небольшого размера. Мыс, на котором расположен курган, постепенно расширяется к северу. Ближайший разрушенный курган расположен в 100 метрах севернее. По остаткам насыпи, содержащей остатки каменной конструкции, он схож с исследуемым объектом. Южнее, в 150 метрах находится высоковольтная линия электропередачи и полевая дорога, проходящая в направлении Запад-Восток, соединяющая пос. Бирлик (бывш. Кузнецово) и районный центр Таскала (бывш. Каменка), по второй надпойменной террасе.

При исследовании объекта были приняты меры к сохранению элементов каменной конструкции. Поэтому, первоначально был снят верхний слой грунта с растительностью. Курган, диаметром около 10 метров, и высотой около 0,3 метра имел неправильную округлую форму, больше похожую на овал, вытянутый с запада на восток. В северо-восточном секторе наблюдалась овальная яма, связанная с выборкой камня для строительных и хозяйственных нужд в современный период. Яма подовальной формы, вытянута по линии СВ – ЮЗ, размерами примерно 2 x 1,5 метра.

По периферии кургана была заложена круговая траншея, шириной около одного метра, в которой находились разрозненно и бессистемно мелкие камни, опавшие с центральной части конструкции. Гумусный слой на поверхности кургана незначительный – от 5 до 7 см. Глубина круговой траншеи была доведена до поверхности материкового слоя по секторам, от 20 до 30 см. Материковый слой четко выделялся коричневой глиной с вкраплением мелкого щебня.

После расчистки все поверхности кургана и круговой траншеи было выявлено, что камни не образуют сложных конструктивных элементов, представляя собой сплошную, плотную каменную наброску, над могильной ямой. Так каменная конструкция видна на поверхности. Последующий разбор каменной конструкции показал наличие схематического каменного кольца из крупных камней под наброской из более мелких. Каменный «круг» из крупных камней имеет диаметр около 7,5 метров.

При исследовании кургана оставлены стратиграфические разрезы (бровки) по линии С – Ю и З – В, шириной 0,5 метра. Ровные края бровок вывести не удалось, в силу плотного залегания мелких камней. Сама наброска выполнена из мелкого колотого плитняка. Размеры камней в среднем 10 x 10 см. Крупные валуны, располагающиеся по кругу, размерами примерно 50 x 30 см, образуют схематический круг. После расчистки кургана и полной круговой фотофиксации по секторам, ведущейся с севера и далее по часовой стрелке, по кругу, была проведена съемка кургана с квадрокоптера с разных высот и под различными ракурсами (рис. 1).

Рис. 1. Общий вид каменной конструкции кургана Бирлик I

Судя по срезам бровок была вырезана погребальная почва, есть наличие небольшой по мощности досыпки материкового грунта под камнями. Таковы заметные элементы погребального обряда, в сооружении собственно погребальной площадки, оконтуривающей пространство, вокруг могильной ямы.

Первоначально, небольшое могильное пятно находилось в северо-восточном секторе, было вытянуто по линии С – Ю, неправильной овальной формы. На глубину до 50-60 см была сильно забита провалившимися с поверхности камнями. Дальнейшая расчистка могильной ямы выявила ее общие контуры – вытянутая по линии Север – Юг, неправильной формы. Длинной порядка 5 м 30 см, максимальной шириной в средней части 2 м 70 см. Остатки костей скелета, сильно крошащиеся, располагались в средней части могильной ямы, по линии З – В, головой на запад, с небольшим отклонением к югу. От черепа остался только тлен. Частично сохранились трубчатые кости левой ноги, локтевая и лучевая кости левой руки. Остальные кости прослеживались рассыпающимся тленом. Скелет располагался на органической подстилке светло-серого цвета, вероятно, войлочного происхождения (Рис.2).

Рис.2. Могильная яма кургана Бирлик I

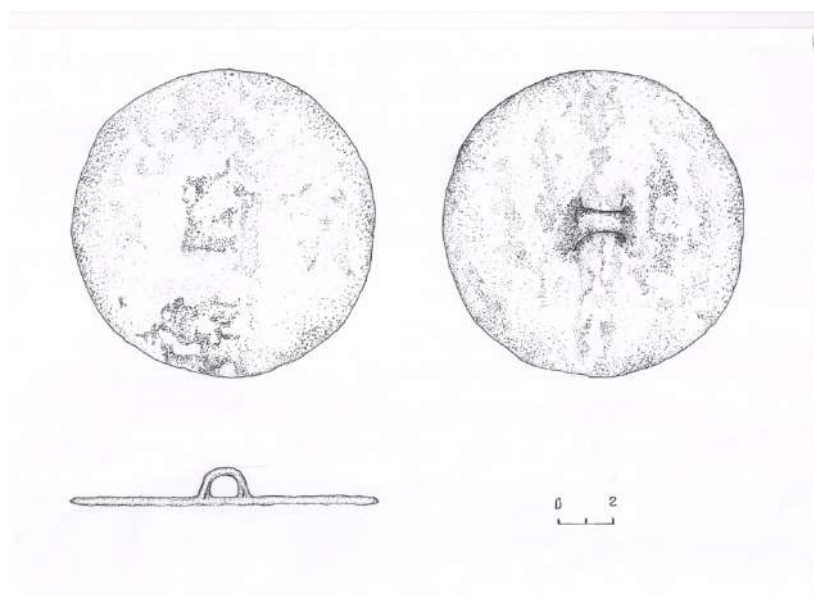

Рис.3.Бронзовое зеркало. Бирлик I. Прорисовка.

В районе головы, слева находилось круглое бронзовое зеркало с петлевидной ручкой на обороте, диаметром 11 см. Зеркало внешних признаков орнаментальных композиций, наличия бортиков по внутреннему или внешнему краю не имеет. Высота петельки-ушка – 1,2 см. (Рис.3) Рядом находились два кусочка ярко-красного реальгара. На уровне левого плеча находился ладьевидный каменный жертвенник из светло-коричневого песчаника, длиной 19,5 см, максимальной шириной 8,5 см, высотой 6,3 см, глубина выскобленной чаши около 1 см. На одном из бортов жертвенника проточены два длинных желобообразных углубления.

Возвращаясь к особенностям погребального обряда следует отметить важные черты. В северной, узкой части могильной ямы, находился большой валунообразный камень, округлой формы, диаметром около метра. Вынуть его удалось, только обвязав тросом и закрепив к автомашине УАЗ, которой удалось камень вытянуть. Общий контур могильной ямы на поверхности не прослеживался. Таким образом, можно говорить о длинном катакомбном захоронении, в один из входов которого, в северный, был забит большой камень, закрывавший северный вход. С южной, широкой стороны, наблюдаются остатки неширокой и невысокой, сглаженной ступеньки, а также несколько более заглубленного входа. Необходимость сооружения глубокой ниши, севернее скелета, общей глубиной более 2,5 м, в данном случае неясна. Но, так или иначе, отчетливо прослеживаются два входа в могильную яму – с южной и северной стороны, и наличие подземного пространства в средней части, над костями человека.

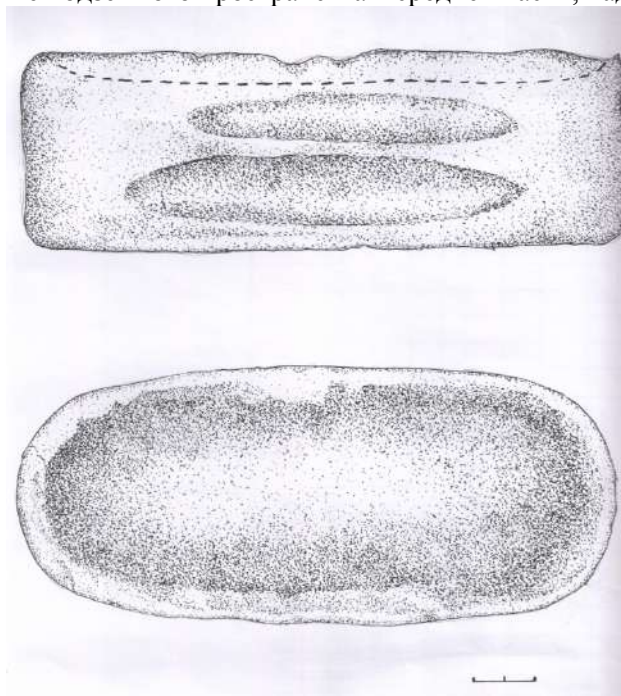

Рис.4. Каменный жертвенник. Бирлик I. Прорисовка.

Таким образом, важными хроно-культурными признаками данного памятника являются погребальный обряд, весьма неординарный, во всех его проявлениях и небогатый, но, показательный набор инвентаря – каменный жертвенник, круглое бронзовое зеркало и реальгар.

Исходя из вышеуказанных особенностей памятника, попытка проведения культурно-хронологической интерпретации представляет некоторые сложности. Причиной такого явления является неординарность погребального обряда вкуче с весьма скудным, но привлекательным набором инвентаря – каменный жертвенник, овальной (ладьевидной) формы с плоским дном и бронзовое зеркало дисковидной формы с петлей на обороте, без дополнительных элементов, как например, бортик по краю.

Каменные жертвенники без опоры долгое время порождали вокруг себя дискуссии, связанные с их происхождением и распространением в культурах эпохи РЖВ. По мнению большинства ученых-археологов, аналогичные типы артефактов получили широкое распространение в Евразийских степях, и являлись основной характерной чертой для сакских памятников тасмолинской историко-культурной общности Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана. Хронологически их существование в степном пространстве Евразии исследователи связывают с периодом между VII и III вв. до н.э. (Сеитов, 2019, с. 144). Так, например, происходящий из близкого по территории могильника Шпаки (Шеменевского), С.Ю.Гуцалов в своей обобщающей работе, поместил в первый раздел, 3-й тип,

продатирован им концом VI – V вв. до н.э. Имеющий небольшое заглубление в донной части и слабую проточку по борту, происходящий из кургана №2 могильника Имангазы-Карасу II, отнесен им в первом же отделе к типу 2, и датирован концом V – IV вв. до н.э. (Гуцалов, 2004, с.66, табл.25). Аналогичные жертвеннику из кургана Бирлик I находки в близлежащих территориях были сделаны в Оренбургской и Челябинской областях, и отмечались исследователями, как крайне западные. Согласно Смирнову эти памятники датировались V и III вв. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 165). Весьма интересна находка ладьевидного жертвенника из песчаника кремового цвета, сделанная в кургане № 1 Верхнекардаиловского VIII могильника. Сопутствующим инвентарем послужило бронзовое зеркало с вертикальным бортиком и петлей в центре, датированное не позднее VI в. до н.э. (Васильев, 1998, с. 26).

Бронзовое зеркало из кургана Бирлик I, так же, как и жертвенник вызывает большой интерес. Согласно хронологической интерпретации А.С. Скрипкина бронзовые зеркала с петелькой в центре диска рассматриваются как элементы более поздних этапов сарматской культуры. Хотя сам тип таких зеркал встречается в ранних скифо-сарматских древностях, они выходят из употребления и появляются лишь в первые века нашей эры (Скрипкин, 1990, с.92; Скрипкин, 1984, с. 33-34) Самые ранние зеркала с петелькой в центре Хазанов относит к Поволжью, где они возникают во II-III вв. н.э. (Хазанов, 1963, с. 67). С.Ю.Гуцаловым бронзовые зеркала отнесены в раздел «Предметы культа и туалета», а рассматриваемый экземпляр по предложенной им классификации, больше подходит к III отделу, типу 7, по времени бытования на границе двух периодов – конец VI-V вв. до н.э. и конец V-IV вв. до н.э. (Гуцалов, 2004, с.39, 67, табл.26).

Сложное устройство погребальной камеры, похожее на каткомные захоронения, распространенные в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. в Южном Приуралье, позволяет искать определенные аналогии в этой среде. К теме распространения и времени бытования сложных камерных могил на территории Западно-Казахстанской области обращался Б.Ф.Железчиков. Весьма близки рассматриваемому объекту по форме устройства могильной ямы погребение 3 кургана №7 могильника Новопавловка (Железчиков, Кригер, 1978, с.225-228) и погребение 1 кургана №25 могильника Лебедевка VI (Железчиков, 1992, с.85-93). Данные памятники исследователем отнесены к IV-III вв. до н.э. Однако, им же подчеркивается, что происхождение камерных могил у сарматского населения Южного Приуралья следует связывать с носителями данной традиции из территории Южного Приаралья, где она была распространена в более ранний период (Железчиков, 1992, с.92-93; Вишневская, 1973, с.8-59).

Исходя из вышеизложенного, наиболее вероятной датой погребения кургана Бирлик I следует определить концом V-IV вв. до н.э., так как инвентарный набор имеет определенные «архаичные» черты, несколько более ранние, нежели IV-III вв. до н.э.

Для хронологического отрезка VI-IV вв. до н.э., особенно IV века, периода значительных изменений в погребальной обрядности, как индикатора культурных изменений, актуальность приобретает комплексное исследование курганов и могильников по локальным микрорайонам. Необходимо дальнейшее выявление памятников в указанном микрорайоне, в бассейне среднего-нижнего течения р.Урал, поиски так называемых «реперных» памятников, позволяющих, при его исследовании прояснить многие моменты исторических событий IV века до н.э.

Литература

- Бисембаев А.А. Заметки к аспектам региональной истории: общее и особенное Западно-Казахстанского региона // Вестник ЕНУ им. Л.Н.Гумилева. 2009. №3 (70). С.217-222.
- Васильев В.Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 1998. №1. С. 25-34.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII – V вв. до н.э. По материалам Уйгарака // Труды ХАЭЭ, Т.VIII. М., 1973. 160 с.
- Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII-I вв. до н.э. Уральск, «Полиграфсервис», 2004. 136 с. с илл.
- Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Катакомбные захоронения Уральской области // Советская археология. 1978. №4. С. 218-228.
- Железчиков Б.Ф. Погребения IV века до н.э. из Южного Приуралья и вопрос о времени появления дромосных могил // Хронология памятников сарматской культуры. Саратов, 1992. С. 85-93.
- Сеитов А.М. Каменные «алтарики» Тургая // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 27. № 3. С. 139-154.
- Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1984. 298 с.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. 299 с.
Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с., вкл.
Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. 1963. №4. С 58-71.

A. Bissembayev, S. Kuandyk, Sh. Sarsenov

THE MOUND OF THE EARLY IRON AGE BIRLIK I

The article provides information about the mound Birlik I, which was excavated in the summer of 2019. The monument was located on the left bank of the river Derkul. Proceeding from aspects of a natural and geographical order, is noted the originality of monuments of the early Iron Age of the Western Kazakhstan, namely the territory of the Volga-Ural interfluvium. It is noted that rather poor, but, indicative stock - the stone altar and a bronze mirror with an eyelet handle on the back have certain archaic lines. At the same time, aspects of a funeral ceremony – the complicated form of a catacomb grave, its sizes, and also general characteristics, speak about prevalence of similar lines in the 4-3rd centuries B.C. On the basis of the above, it is possible to speak about prospects of studying of monuments of a right bank of the Urals of Sarmatian time.

А.А. Бисембаев¹, Н. Байымбетова², Г. Болатова³

¹ *Институт археологии имени А.Х. Маргулана*

г. Актюбе, Казахстан. E-mail: abissembayev@mail.ru

^{2, 3} *Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова*

г. Актюбе, Казахстан. E-mail: gbolatova25@gmail.com

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД САРМАТОВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА (история исследований, некоторые аспекты, общая характеристика)*

В конце эпохи бронзы произошло формирование хозяйственных принципов, которые получают свое отчетливое выражение в следующую эпоху – в раннем железном веке. Весь спектр хозяйственного опыта и производственных навыков позволит населению адаптироваться в подвергшихся очередному перепаду, природно-климатических условиях.

Ранний железный век запада нашей страны представляет собой весьма динамичный и яркий период в истории и культуре Республики Казахстан. В региональном отношении территория Западного Казахстана, включающая Актюбинскую, Западно-Казахстанскую, Мангистаускую и Атыраускую области, составляет значительную часть территории Республики со своеобразными природно-географическими условиями, сложившимися на основе наличия прибрежных областей Каспийского и Аральского морей, Мугалжарского горного массива, являющегося не только границей кочевий племенных группировок, но и источником собственной металлургии для населения периода РЖВ, последовательной смены лесостепной, степной, полупустынной и пустынной зон, развитой гидросети и др.

Используемый термин имеет историко-археологическое значение. Он означает временной отрезок от начала I тысячелетия до н.э. до первых веков нашей эры, до события, получившего название «Эпоха великого переселения народов», являющегося рубежом, начинающим период средневековья. Термин «ранний железный век» означает определенный объем сделанных человечеством достижений и уровень общественного развития коллективов, населявших просторы Евразийского материка. Из сделанных открытий, освоение железоделательного производства, является крупнейшим, логически продолжившим технологические усовершенствования в области металлургии.

Богатство Западного Казахстана полезными ископаемыми, выгодное стратегическое положение предопределили его важную роль истории Казахстана с эпохи древности вплоть до Нового времени. В I тыс. до н.э. значительная роль в этнокультурных процессах обитателей степей и пустынь Евразии принадлежала кочевникам, получивших название скифов или же саков. При этом наблюдалось тесное культурное взаимодействие между регионами Западного Казахстана, Северного Кавказа и современной Украины. Однако, с конца II тыс. до н.э. в процессах этно-культурогенеза на территории Западного Казахстана доминирующее значение приобретает центральноазиатское направление. Это обстоятельство совпадает с другим важным культурным явлением. На рубеж II-I тыс. до н.э. приходится формирование в степной полосе Евразии кочевого скотоводческого хозяйства, в котором

* Работа выполнена при поддержке темы ПЦФ BR05236565 «Культура населения Казахстана от каменного века до этнографической современности по археологическим источникам».

Западному Казахстану принадлежало особое место. Подобный ход развития историко-культурных процессов был вызван тем, что, во-первых, экстремальные условия обитания в исследуемом регионе способствовали сложению экстенсивной формы скотоводства со значительной амплитудой перекочевков населения вслед за стадами домашних животных в меридиональном направлении. А во-вторых, миграции древних и средневековых номадов, проходившие в широтном направлении от каменистых пустынь Монголии до благодатных причерноморских степей, неминуемо должны были затронуть кочевые племена Арало-Каспия. В-третьих, одной из основных предпосылок возникновения кочевничества стало появление на южной периферии древнейших скотоводческих обществ оседло-земледельческих центров. Взаимодействие кочевников с оседлым миром является структурообразующим элементом кочевой системы. В результате этих контактов у кочевников кристаллизуются социальные и политические структуры. Социальная иерархия у кочевников находилась в значительной зависимости от характера эксплуатации верхушкой кочевого общества оседло-земледельческого населения.

Памятники населения раннего железного века представлены большим количеством курганных могильников, одиночных курганов, грунтовых захоронений, немногочисленными следами поселений, рудниками, религиозно-культурными объектами. Все эти проявления объединены в локальные микрорайоны, сложившиеся на основе природно-географических аспектов, вокруг крупных источников водоснабжения кочевников – рек, озер, родников и колодцев. Археологические материалы периода РЖВ имеют особую ценность для разработки вопросов воссоздания хозяйственно-культурного типа, архитектурных традиций, системы погребальной обрядности, идеологических представлений, и соответственно, социокультурных моделей населения середины I тысячелетия до н.э.

Западный Казахстан, большой регион Республики, богат памятниками раннего железного века (ранних кочевников), из которых наиболее многочисленными являются объекты середины I тыс. до н.э., когда население региона увеличилось численно, начало участвовать во внешнеполитических событиях, стали происходить явно выраженные культурные трансформации, отчетливо наблюдаемые в смене погребального обряда, присутствии новаций в аспектах материальной культуры, архитектурных традиций, идеологических представлений. Если северная часть западно-казахстанского региона относительно изучена, объекты в результате разведочных мероприятий паспортизированы и раскапывались, то памятники южной, полупустынной части региона становятся известными в настоящее время. И их место, и роль в истории и культуре Западного Казахстана в частности, и Республики Казахстан, в целом, пока не ясна. Памятники северной части региона подвергались антропогенному воздействию на протяжении более чем полутора столетия, что было связано с ограблением курганов, начиная со второй половины XIX века, активной распашкой и хозяйственной деятельностью.

Важное значение имеет то обстоятельство, что процессы культурогенеза и культурных трансформаций в эпоху раннего железного века, совпали с рядом технологических инноваций в металлургии и металлообработке, миграционными перемещениями групп кочевого населения, в конечном итоге отразившиеся на культурных и этнических моментах истории Западного Казахстана в середине I тыс. до н.э.

Влияние западно-казахстанского населения на политические процессы античного мира отразилось в большом количестве письменных свидетельств. Вовлеченность кочевых этногрупп Западного Казахстана в общемировые процессы того времени имеет выражение в археологических памятниках. Существующие археологические объекты раннего железного века региона представляют собой богатый информацией источник по истории и культуре.

Памятники кочевников раннего железного века, как уже было сказано, в количественном отношении преобладают над объектами других эпох. Причем, на памятниках этой обширной эпохи можно проследить различные аспекты природного, демографического, военно-политического характера.

Так, например, весьма малочисленны и рассеяны по значительной площади объекты, относящиеся к первым векам I тысячелетия до н.э., отражающие переход от эпохи бронзы к железу, происходивший на фоне резких климатических изменений. Численно выраженные и милитаризованные памятники относятся к середине тысячелетия, сочетающие в себе южноприаральские черты, миграционного характера, относятся к IV-III вв., отражая натиск эллинского мира при Александре Македонском и последующую эпоху «войн диадохов». Появление новых, в обрядовом отношении памятников в конце тысячелетия связано с миграционными процессами, возникшими в глубине Центральной Азии, и отразившимися на памятниках, значительно удаленных от центра миграционного толчка – современной Монголии и северного Китая.

Изучение памятников скифо-сакской эпохи в Западном Казахстане достигло определенных результатов, позволяющих подвести некоторые итоги и наметить перспективные направления дальнейших исследований. Начиная с первых работ в регионе по нынешние дни, процесс изучения археологического наследия можно условно разделить на четыре этапа. Каждому из которых свойственны свои достижения, недостатки, гипотезы и идеи, получавшие как признание, так и неприятие исследователей.

На первом этапе исследования дореволюционного периода, связанные с работами отдельных энтузиастов, работавших как индивидуально, так и объединенных в научные сообщества в виде Оренбургской ученой архивной комиссии или Туркестанского кружка любителей археологии. На этом этапе, исследования носили ознакомительный характер, качество полевой документации и публикации исследованных комплексов оставляет желать лучшего, но для того времени это было достижением.

Ко второму этапу можно отнести работы 20-50-х годов XX века. Это время характеризуется разрушением старых научных традиций, началом нарастания идеологического прессинга. Экспедиции, инициированные центральными научными организациями, выполняли локальные, отдельные задачи, без какой-либо единой программы или концепции. Ряд памятников на правобережье Урала, в Западно-Казахстанской области раскопал П.С.Рыков, отдельные могильники по среднему течению Урала были изучены М.П. Грязновым, О.В. Кривцовой-Граковой. Именно Б.Н. Граковым в 1930 году были обозначены перспективы археологического изучения регионов Казахстана (Граков, 1930, с. 59-7). Послевоенные годы ознаменовались активизацией археологических исследований. На территории Волго-Уральского междуречья работали экспедиции под руководством И.В.Синицына, Т.Н.Сениговой, получившие своеобразные материалы, отраженные в публикациях того времени (Синицын, 1956; Сенигова, 1956).

В третий этап археологических исследований можно выделить исследования 60-90-х годов прошлого столетия. В какой-то мере, можно обозначить этот период как расцвет советской археологии. Предпосылками данного явления стали следующие аспекты – широкомасштабные экспедиции, проходившие по хоздоговорным исследованиям, связанным с освоением обширных территорий Советского Союза, а также приток рабочей силы и будущих научных кадров из исторических факультетов педагогических институтов и университетов страны. Закрепление археологической практики в учебных планах высших учебных заведений, выделение средств на экспедиции, привело к тому, что в каждом областном центре стали функционировать свои экспедиции, приписанные к ВУЗу. К этому следует прибавить существовавшие со своими традициями экспедиции областных музеев. Лидирующие позиции были у академических, столичных экспедиций, формировавшихся по региональному характеру исследований, из которых старейшей является, созданная А.Х. Маргуланом – Центрально-Казахстанская археолого-этнографическая экспедиция.

В Западном Казахстане крепкие исследовательские традиции, по сути, научная школа, начали складываться на базе Уральского педагогического института, второго по возрасту ВУЗа Республики Казахстан. Первые работы этой экспедиции под руководством Г.И. Багрикова проходили на крупнейшем, в количественном отношении комплексе курганных могильников Лебедевка и дали неординарные результаты, отраженные в литературе (Багриков, Сенигова, 1968, с.71-90). Активизация в археологическом изучении края с 1968 по 1992годы связана с именем Г.А. Кушаева, начинавшего работу в послевоенные годы в Семиречье вместе с К.А.Акишевым. С именем и жизнедеятельностью этого ученого целиком связан третий этап в изучении скифской культуры – 60-80 г.г. XX века. Для данного этапа характерно формирование группы энтузиастов, последователи и ученики которых, работают в Урало-Поволжье и сейчас.

Благодаря объединению усилий Г.А. Кушаева, М.Г. Мошковой, Б.Ф. Железчикова, были достигнуты значительные успехи, связанные, во-первых, со сплошным обследованием значительных площадей области, и во-вторых, с раскопками таких «эталонных» на сегодняшний день памятников, как погребения из комплекса могильников Лебедевка, группы памятников в окрестностях озера Шалкар, в бассейне Большого и Малого Узеней и др. (Кушаев, 1993).

Археологические работы на памятниках ранних кочевников Актюбинской области, носившие планомерный характер, направленный на выяснение специфики и особенностей кочевнической культуры региона, начались в 1973 году. Это было связано с приездом Каратауского отряда Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, возглавляемого известным казахстанским археологом М.К. Кадырбаевым.

В 1981 году в Актюбинск вернулся после окончания исторического факультета Уральского педагогического института С.Ю. Гуцалов в Областной историко-краеведческий музей. С 1985 года он

пришел на открывшийся историко-филологический факультет Актюбинского педагогического института, где была создана самостоятельная экспедиция, успешно работавшая до 1993 года. В рамках этой экспедиции работали школьные отряды городских школ и Областной станции юных туристов. Таким образом, закладывалась преемственность поколений среди археологов-любителей, часть из которых, позже стала профессиональными исследователями. Актюбинскую экспедицию, ее участники справедливо считают продолжением уральской научной школы, созданной Г.А. Кушаевым и Б.Ф. Железчиковым.

За период около десятилетия – до середины 90-х, экспедиция АПИ, обследовала значительную часть северных районов области, подвергнув раскопкам десятки различных памятников в бассейнах Илека, Ори, Эмбы. Объем источниковой базы по памятникам раннего железного века был значительно увеличен. Последнее десятилетие прошлого века, негативно отразилось на археологических исследованиях в регионе, что было прямым следствием распада единого государства и трудностей, связанных со становлением экономики и внутренней политики Республики Казахстан. Отсчет современного, четвертого этапа для западно-казахстанского региона начинается с 2001 (Бисембаев, 2008, с. 155-168).

Этому предшествовали определенные события, давшие толчок оживлению археологических исследований в целом, и памятников ранних кочевников в частности. Исследования получили новый импульс так же благодаря инициированной Президентом РК Н.А.Назарбаевым Государственной программы «Культурное наследие». С 2019 года в Актюбинской области начала работать региональная программа по изучению археологических объектов. Археологические исследования в Западном Казахстане за почти тридцатилетний период независимости прошли определенные периоды связанные, как с объективными трудностями в середине 90-х годов, так и с подъемом, благодаря поддержке государства в современный период. Наступил период качественных изменений, когда исследования должны перейти на новый уровень тщательного анализа исследуемых памятников, работы многосторонних экспедиций, меж- и мультидисциплинарного подхода в изучении археологических объектов.

На сегодняшний день накоплен значительный объем материала по периоду раннего железного века Западного Казахстана. Следует отметить, что материал этот на период почти тысячелетней истории сарматского времени распределен неравнозначно. Археологические памятники ранних кочевников (периода раннего железного века) наиболее многочисленны в регионе по отношению к объектам других эпох – бронзы, средневековья, каменного века. При этом необходимо учитывать, что эпоха раннего железного века охватывает период практически в тысячу лет, от VIII-VII вв. до н.э. до II-III вв. нашей эры и количественное соотношение памятников в таком значительном отрезке времени неравнозначно. Наиболее многочисленны археологические объекты VI-IV вв., когда в регионе происходили значительные культурные трансформации, формирования крупных объединений, выходящих на мировую политическую арену и т.д.

В середине XX века, Б.Н. Граковым была создана хроно-культурная схема, которая надолго стала определяющей в восприятии памятников I тысячелетия до н.э. и первых веков нашей эры. Единая линия, в предложении Б.Н. Гракова, выглядела как последовательная смена четырех ступеней-культур: савроматской или блюменфельдской, раннесарматской или прохоровской, среднесарматской или суловской и позднесарматской или шиповской (Граков, 1947, с. 104-106).

Вторые названия культур связаны с названиями эталонных памятников, известных к тому времени. Идеи этого автора, сводились к поиску местных корней кочевых культур раннего железа, в среде позднебронзового населения, что позднее было развито и оформлено в трудах крупного исследователя Приуралья – К.Ф. Смирнова. Таким образом, сложилась автохтонная теория происхождения, в противовес миграционным, сформулированным в свое время М.И.Ростовцевым и А.И. Тереножкиным.

Памятники древних кочевников Южного Приуралья I тысячелетия до н.э. обобщены в последней работе С.Ю.Гуцалова, с выработкой соответствующих взглядов на проблемы истории ранних кочевников (Гуцалов, 2004). Территория Западного Казахстана и Южного Приуралья является своеобразным регионом, с уникальными чертами в истории и культуре населения раннего железного века.

Органичное существование культуры кочевого населения Западного Казахстана в среде близких групп соседствующего населения, подтверждается наличием объединяющего элемента – «скифской триады», сходного по исполнению комплекта вооружения, предметов конской узда и вещей, выполненных в знаменитом «зверином» стиле.

Если говорить об основных характеристиках вышеуказанных культур, то им присущи определенные признаки, распространенные во времени бытования той или иной культуры. Что бы, не

усложнять восприятие точек зрения по поводу происхождения каждой из культур, тем более, что весьма оживленная дискуссия ведется по вопросу происхождения раннесарматской (прохоровской) культуры. В частности, Б.Ф.Железчиковым была предложена оригинальная концепция, которая в основу формирования культур, ставила экологические аспекты, «теория экологических импульсов» сводилась к внутренним миграционным потокам, порождаемым в кочевом сообществе, при климатических перепадах и приводивших в конечном итоге к новому облику культур, сложенных из новшеств, почерпнутых в иных районах (Железчиков, 1983, с.48-60; Железчиков, 1984, с. 65-68)

Памятники савроматского времени характеризуются курганными захоронениями, с западной ориентировкой погребенных. В насыпи курганов прослеживаются деревянные конструкции, зачастую шатрового типа. Для этого времени характерны как погребения, совершенные в могильных ямах, так и захоронения людей, совершенные на поверхности земли под курганом, на так называемом «древнем горизонте». Инвентарь, сопровождающий умерших, имеет ярко выраженный воинский и «жреческий» облик.

Из оружия присутствуют бронзовые наконечники стрел, железные мечи, колчаные крючки. Предметы конской сбруи представлены удилами и псалиями, многочисленными пряжками и пронизями. Кроме того, встречаются каменные жертвенники, богато декорированные изображениями животных или их голов по ножкам. Керамическая посуда этого времени сильно отличается от сосудов эпохи бронзы – она менее изящная и слабо орнаментированная.

Для «савроматского» периода характерен интересный признак, круглодонных сосудов, это носик-слив, хотя практическая необходимость в его наличии у керамических, совершенно отсутствует. Понятие «савроматская культура», относительно Западного Казахстана, взято в кавычки – на данный момент принято считать, что савроматские памятники, это археологические объекты, распространенные в первую очередь в Нижнем Поволжье - то есть на той территории, которую им определяет Геродот.

Памятники раннесарматской культуры отличает важный признак в погребальном обряде, в этот период начинает доминировать южный сектор ориентировки погребенных. Следует отметить, что сторона света, в направлении которой укладывались головой покойники, имеет важное значение, ибо относится к аспектам религиозно-культового характера, а значит весьма консервативной сфере мировоззренческих слагаемых человеческого сознания. Именно прохоровское время отмечено присутствием разнообразных групп населения из близких и отдаленных территорий. Кочевое население Казахстана в этот период активно участвует во внешнеполитических процессах. Политическое возвышение державы Ахеменидов, затем гегемония эллинского мира во главе и походы Александра Македонского имеют свое отражение на памятниках ранних кочевников Казахстана.

Кроме смены ориентировки погребенных, в указанное время усложняется устройство погребальной камеры – широко распространяются подбойные и катакомбные захоронения. Высокая степень вооруженности населения в раннем железном веке, в прохоровское время приобретает гипертрофированные черты. Количество наконечников стрел в погребениях доходит до нескольких сотен. Кстати, сами наконечники рассматриваемого периода, отличаются от бытовавших немного раньше, меньшими размерами и определенной «стандартизованностью».

Клинковое оружие – железные мечи претерпевают значительные изменения, на смену коротким мечам-кинжалам, акинакам, приходят мечи с длинным, около одного метра лезвием. Подобные усовершенствования в военном деле просто так не происходят. Вероятно, возникла необходимость сражаться верхом с пехотными соединениями, при которой длинный «всаднический» меч дает значительные преимущества.

Милитаризация населения, участие в политических процессах на границе кочевого мира, выразились еще и в том, что на этот период приходится значительное количество женских погребений с оружием. Этому также есть объяснение в живучести реликтовых матриархальных пережитков. На прохоровское время приходится увеличение доли «импорта» в погребениях. Разнообразные вещи не местного происхождения, попали в степи, скорее всего, военным путем.

Расцвет яркого культурологического явления в жизни кочевых сообществ, «звериного стиля» в исполнении самых разнообразных предметов, является феноменом изобразительного искусства населения Евразии. Предметы, изготовленные мастерами в кочевых сообществах, имеют неповторимый облик и специфические, сюжетные аспекты. Они легко узнаваемы и особенны. Население раннего железного века изображало животных, которых можно объединить в группы хищников, травоядных и фантастических (мифологических). Из хищников предпочтение отдавалось кошачьим – пантерам, львам, барсам и пр. Воинов, украшавших себя или боевого коня подобными атрибутами, привлекали присущие этим животным, особенные черты – быстрота, ловкость,

бесшумность, безжалостность. Из травоядной наибольшей известности получили олени, культовые животные скифов. Фантастические обладают чертами синкретического характера, имея тело кошачьего хищника, дополненное головой хищной птицы.

При общих изобразительных приемах, в «зверином стиле» присутствуют местные особенности. Западно-Казахстанское население довольно часто изображало хищников местной фауны – волков (или вообще, представителей семейства собачьих). Пожалуй, специфическим животным, зачастую изображаемым сюжетно, для Южно-Приуральского региона, можно выделить верблюда, изображаемого как целиком (или в борьбе с себе подобными), так и частями тела: головами животного украшены части конской узды, обнаруженные при исследовании погребений Кырык Обы (Сдыков, Гуцалов, Бисембаев, 2003, с. 49).

Рубеж до нашей и нашей эр, время среднесарматской культуры, также отчетливо прослеживается археологически. В погребальном обряде изменения выражены в появлении диагональных захоронений, при которых, покойников в квадратных ямах укладывали весьма своеобразно, по диагонали, от угла к углу. В военном отношении, прослеживается прогресс, выраженный в появлении железных, черешковых (по способу насадки, на тонкий шип) трехлопастных наконечников стрел. Скорее всего, это было ответом на усовершенствование оборонительного вооружения, распространении доспехов, среди которых в степной зоне, встречаются даже античные кирасы. Хотя в целом, наблюдается «упадок» милитаризации, постепенное исчезновение богатых захоронений, снижении общего количества погребений по регионам.

Позднесарматская культура имеет настолько отличающиеся черты, что «выпадает» из общей хронокультурной схемы. Во-первых, начинает доминировать северная ориентировка погребенных. Во-вторых, антропологический анализ костных останков показывает резкий всплеск монголоидности. В-третьих, увеличивается объем вещей, имеющих южноказахстанское (среднеазиатское) происхождение. Все вышеуказанные аспекты, иллюстрируют собой, значительные политические события, происходившие в восточной части степей Евразии. Образование государства хунну, затем его распад под влиянием китайской дипломатии, порожденные под воздействием этого государства миграции, нашли отражение в археологических памятниках отдаленной от Монголии территории – Западном Казахстане.

Наличие среднеазиатских вещей в погребениях рассматриваемого региона, показатель сложившихся отношений, мигрировавших на территорию Казахстана хунну (сюнну) и государства Кангюй. Интересен археологический момент, присутствующий в позднесарматских погребениях, он имеет антропологическое выражение. Для памятников этого периода характерно присутствие черепов с явно выраженной деформацией. Элита общества (хуннская) принесла в западно-казахстанский регион новую моду, новый «обычай», изменение формы черепа, связанное с тугой перебинтовкой голов младенцев в районе лба и затылка, и приводящее к «вытягиванию» головы, диспропорциональному с нашей точки зрения. В то же время переселение населения из Центральной Азии на рубеже эр, сгруппировало «котел» новых миграций, породив новый очаг экспансии на запад в степях Южного Приуралья.

Исследование древнего периода истории Казахстана связано с процессами, имеющими общий характер для населения всего евразийского пространства, особенно для значительного по территории пояса степей. Определяющим, важнейшим фактором стало сложение кочевой цивилизации в раннем железном веке, самыми яркими представителями которой в середине I тыс. до н.э. стали скифы. Изучение археологических объектов на территории Причерноморья насчитывает двухсотлетнюю историю. Дальнейшие работы на территории Сибири, Алтая, Казахстана, Южного Урала показали существование культурно и хронологически близких, и в то же время своеобразных памятников на этих территориях.

Влияние западно-казахстанского населения на политические процессы античного мира отразилось в большом количестве письменных свидетельств. Вовлеченность кочевых этногрупп Западного Казахстана в общемировые процессы того времени имеет выражение в археологических памятниках. Существующие археологические объекты раннего железного века региона представляют собой богатый информацией источник по истории и культуре.

Дальнейшие исследования с опорой на данные археологии, в комплексе с исследованиями в области палеоантропологии, археозоологии, геоархеологии позволят решить комплекс вопросов, связанных с выяснением механизмов культурогенеза, направленности эволюции культурных образований раннего железного века Западного Казахстана, смены культур во времени, реконструкции хозяйственно-культурной системы, в которой определяющую роль играло подвижное, кочевое скотоводство. Что в конечном итоге позволит проследить трансформацию культуры населения раннего железного века

Западного Казахстана в середине – второй половине I тысячелетия до н.э., вызванную, миграционными, демографическими, политическими, климатическими аспектами.

Литература

Багриков Г.И. Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1968. № 2. С. 71-90.

Бисембаев А.А. Исследование археологических памятников кочевников скифо-сакской эпохи Западного Казахстана: некоторые итоги и перспективы // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Материалы международной научной конференции. Астана, 2008. С.155-168.

Граков Б.Н. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана // Вестник Центрального музея Казахстана. Алма-Ата, 1930. С. 59-76.

Железчиков Б.Ф. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 48–60.

Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н.э. – I в.н.э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифосарматское время. М., 1984. С. 65–68.

Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск, Диалог, 1993. 172с.

Сдыков М.Н., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Сокровища скифов Западного Казахстана. Уральск, 2003. 124 с. С цв. илл.

Сенигова Т.Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской экспедиции 1953 года // ТИИАЭ АН КазССР, 1956. Т.1. С. 140-156.

Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // ТИИАЭ АН КазССР, 1956. Т.1. С. 87-139.

A. Bissembayev, N. Baiymbetova, G. Bolatova

FUNERAL RITE OF THE SARMATIANS OF WESTERN KAZAKHSTAN (research history, some aspects, general characteristics)

The article summarizes some results of studying the monuments of the Sarmatian population that lived in Western Kazakhstan in the middle of the second half of the 1st Millennium BC. And in the first centuries of our era. The almost thousand-year history of the nomadic population has left numerous evidences in the form of mounds, numerically dominating the monuments of other eras of the region. This work is devoted to the general analysis of the state of study, the characteristics of the history of study and aspects of the funeral rite in accordance with the funeral rite.

О.А. Мякишева

*Центральный государственный музей Республики Казахстан
г. Алматы, Казахстан. E-mail: myakisheva@mail.ru*

КОМПЛЕКС СНАРЯЖЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО КОЧЕВНИКА ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА (материалы археологического фонда ЦГМ РК)

В археологическом фонде Центрального государственного музея Республики Казахстан накоплено свыше 3000 единиц хранения артефактов, рассказывающих о средневековой истории Казахстана. В ходе исследования средневековой коллекции была проведена классификация и типологизация вооружения, снаряжения верхового коня и убранства всадника. Изучение таких предметов имеет важное значение, поскольку они несут хронологическую и этнокультурную нагрузку, демонстрируют социальное положение владельца, свидетельствуют о формировании художественных традиций и их взаимовлияниях, указывают направления миграционных процессов и многое другое.

Особый интерес в средневековой коллекции представляет комплекс снаряжения кочевника, найденный при случайных обстоятельствах на берегу реки в 1996 году жителем села Узунбулак, Кокпектинского района, Восточно-Казахстанской области Б. Боилевым. Комплекс состоит из 63 артефактов: наконечников стрел и копья, относящихся к вооружению, пряжек, накладок, удила, колец, гвоздей и наносного султана от конского снаряжения, а также поясного набора из бронзы – пряжка,

ременной наконечник, две скользящие обоймицы, обоймы и бляшки (ЦМК КП 25566/1-20а, б, в, г, д, е; ЦМК КП 25567/ 1-20; ЦМК КП 25568/1-7а, б) (Акт №64, 24.09.96).

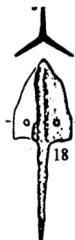
Однако на территории Казахстана не все регионы и периоды изучены равномерно. Кроме того, целый ряд вопросов, касающихся происхождения, развития и функциональной характеристики некоторых из рассматриваемых предметов и их деталей все еще ждут своего решения. Поэтому публикация новых и малоизвестных находок и проведение исследований в данном направлении являются актуальной задачей в изучении культур средневековых кочевников Казахстана. Изучению вопросов, связанных со снаряжением кочевников Евразии посвящены многие труды отечественных и зарубежных ученых. Особо можно отметить такие труды, как сборник научных трудов «Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье» опубликованный в 1998 г., «Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий» (2002 г.), так же интерес представляет учебно-методическое пособие «Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья» (2004 г.), а также сборник научных трудов «Снаряжение кочевников Евразии» под ред. А.А. Тишкина (2005 г.), в котором рассмотрены теоретические, терминологические и методические проблемы в этой области археологических знаний.

Изучению средневекового военного снаряжения посвящены работы В.В. Горбунова (1991, 1998, 2003 и др.), Г.В. Длужневской, В.В. Горбунова и А.А. Тишкина (1998, 2001, 2005) и других. Наиболее значительный вклад в изучение вооружения и военного дела внесли труды Ю.С. Худякова. Также исследования таких ученых как С.И. Вайнштейна, М.В. Горелика (1987; 1993; 2002) разработавших теоретическую методологию по изучению вооружения и конского снаряжения кочевников. Более подробно памятники монгольского времени Средней Азии, Казахстана и Сибири характеризуются В.А. Могильниковым в коллективном академическом издании, посвященном средневековой археологии степей Евразии.

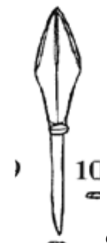
В коллекции вооружение представлено семью наконечниками стрел и одним наконечником копья. Все наконечники стрел выполнены из железа, черешковые. По форме пера их можно разделить на три группы:

I группа – трехлопастные наконечники, удлиненно-ромбические, с остроугольным острием, широкими лопастями, покатыми плечиками, упором (ЦМК КП 25566\4, рис. 1). В лопастях имеются дугообразные отверстия.

а

б

в

Рис. 1. Наконечники стрел трехлопастные а. ЦМК КП 25566\4; б. из комплекса вооружения

Аналогичные наконечники стрел встречаются в комплексах вооружения XIII-XIV вв. Лесостепного Алтая и Енисея (Горбунов В.В., Тишкин А.А.1998, с. 265). Отличительной чертой трехлопастных наконечников стрел являются их высокие баллистические качества. Такие наконечники были наиболее-устойчивыми в полете и наносили при попадании «болезненные рваные раны». Их основное назначение — поражение не защищенного доспехами противника (Худяков, 1980. с 99; Немеров, 1987, № 2, с. 214-215).

II группа – плоские наконечники двух типов:

- тип 1. Асимметрично-ромбические, черешковые. Наконечники с тупоугольным острием, пологими плечиками и упором (ЦМК КП 25566\1-3, рис. 2 а).

- тип 2. Овально-крылатые, черешковые. Наконечники с овальным острием, выступающими крыльями, округлыми плечиками и упором (ЦМК КП 25566\5а, б, рис.2 б).

Рис. 2. Наконечники стрел а, б) (ЦМК КП 25566\1, 5), в) наконечники из могильника Тасмола IV, г) погребения на реке Нура

Аналогичные наконечники стрел встречаются в комплексах вооружения XIII-XIV вв. Центральной Азии, Казахстана (Кадырбаев, Бурнашева, 1970, с.42-53; Маргулан, 1959. с. 248-261) и Южной Сибири (Немеров, 1987, с. 214-215).

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что плоские наконечники стрел не только подтверждают дату XIII-XIV вв., но и, пожалуй, помогают определить этническую принадлежность погребенного. По мнению Кызласова И.Л. (Кызласов, 1980, с. 80-93.) аналогичные наконечники стрел встречаются на всей огромной территории обитания кыпчаков или в районах их боевых действий и, что особенно важно, прямо связаны с их погребениями.

Наконечник копья, втульчатый, плоский, узколезвийный, прямоугольной формы. Втулка полая, разъемная. Выполнен из железа техникойковки (ЦМК КП 25566\6, рис. 3 а).

а

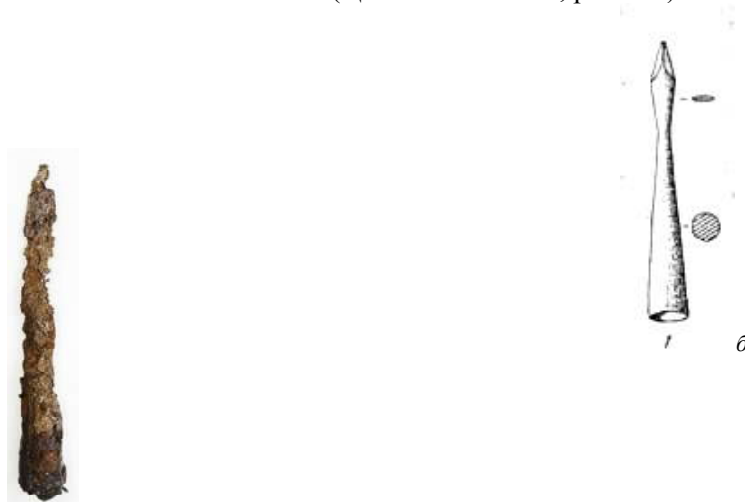

Рис. 3. Наконечники копий а) ЦМК КП 25566\6; б) Кыпчакские предметы из погребения у пос. Петровского (Кызласов)

Аналогичные наконечники копий встречаются в комплексах вооружения XIII-XIV вв. Центральной Азии, Казахстана, Горного Алтая, Енисея, в районе оз. Байкал; Монголии, Бурятии; в юго-западной Украине; в среднем и нижнем Поднепровье и нижнего Поволжья и других регионах (Горбунов, 2003, с. 174. табл. 1, с. 149-160; Кызласов, 1980, с. 80-93. Горбунов, 2006; Немеров, 1987, с. 214-215).

Конское снаряжение комплекса состоит из 23 артефактов. В предметы конского снаряжения вошли удила, подпружные пряжки, седельные кольца, предметы украшения сбруи, наносный султан и прочее.

Пряжек в комплексе два вида: 1) пряжка поясная с щитком (ЦМК КП 25566\8, рис. 4 а) прямоугольной формы, в щитке сделано отверстие, для подвижного язычка, щиток крепится к ремню при помощи шпеньков, расположенных на оборотной стороне пряжки. Размеры: длина-7,5см, ширина-4см; 2) пряжка рамковидная (ЦМК КП 25566\9, рис. 4 б), прямоугольной формы, боковые стороны слегка вогнуты, язычок крепится в центре узкой стороны рамки. Размеры: длина 6,4 см, ширина 4,4 см.

а

б

Рис.4. Пряжки ЦМК КП 25566\8 ЦМК КП 25566\9

Накладки на ремень в комплексе представлены 12 экземплярами, две из них прямоугольной формы и 10 фрагментов. На одном фрагменте при проведении чистки обнаружено покрытие золотой фольгой. Две из них имеют заостренный край, на внутренней стороне имеются гвоздики для крепления к ремню. выполнены из железа техникойковки (ЦМК КП 25566\10а,б; ЦМК КП 25566\20а,б, в, г, д, е; ЦМК КП 25566\11; ЦМК КП 25566\12а,б,в, рис. 5). Размеры: длина 9,2 см, ширина 2,5 см.

Рис. 5. Накладки ЦМК КП 25566\10а,б; ЦМК КП 25566\20а,б, в, г, д, е; ЦМК КП 25566\11; ЦМК КП 25566\12а,б,в

Удила двусоставные, кольчатые (ЦМК КП 25566\14, рис. 6), звенья подвижно скреплены в середине при помощи петель, в сечении круглой формы, выполнены из железа, техникойковки. Размеры: длина одного звена 16,5 см, длина второго 10,2 см. диаметр колец 7 см.

Рис. 6. Удила ЦМК КП 25566\14

Рис. 7. Застежка ЦМК КП 25566\13

Удила с кольчатыми псалями, наиболее характерны для эпохи развитого Средневековья на огромной территории Евразии (Могильников, 1981, с. 194).

Застежка (ЦМК КП 25566/13, рис. 7) плоская, ромбовидной формы с черешком загнутым крючком. На одной из сторон имеются два гвоздика для крепления к ремню. Лицевая сторона ромба покрыта золотой фольгой. Размеры: длина 7см, ширина-3см, высота 2,3 см.

Т-образная застежка (ЦМК КП 25566\7, рис. 8) выполнена из железа, техникойковки. Листовидной формы, плоская, с черешком на перпендикулярной перекладине, на которой имеются два гвоздика для крепления к ремню. Размеры: длина 9,1см, ширина 1,5см.

Рис. 8. Застежка ЦМК КП 25566\7

Рис. 9. Застежка ЦМК КП 25566\15

Т-образная застежка (ЦМК КП 25566\15, рис. 9). Стержень прямоугольной формы в сечении, с перпендикулярной перекладинной на одном из концов, в середине прорезь для продевания ремня. Размеры: длина 14,7см, ширина 6см.

Наносный султан (ЦМК КП 25566\18, рис. 10) состоит из плоской, узкой, прямоугольной формы пластины, один конец которой заострен, загнут в форме каре. В середине пластины, перпендикулярно

припаяна втулка, конической формы, для вставки султана. Размеры: длина 4,5см, ширина 2,5см, высота 1см.

Рис. 10. Наносный султан ЦМК КП 25566\18

В публикациях Тишкина А.А. и Горбунова Т.Г. отмечается, что наносный султанчик является важной частью узды у позднесредневекового населения Среднего Енисея. Он крепился на храповом ремне узды и украшался перьями, конским волосом и т. п. (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004.С. 52-54). Такой султан найден и у пос. Петровского (Кызласов И.Л. № 21, рис. 1, 7. с. 81-82). Кызласов И.Л. считает, что форма его пластины и конической трубочки характерна для аскизских наконечников XIII-XIV вв. А небольшой предмет Т-образной формы он также относит к типично аскизским застежкам. Кызласов И.Л., застежки с ромбической пластиной плавных очертаний и Т-образные относит к типичным застежкам средневековых хакасов в монгольское время, которые имеют именно такой облик (Кызласов И.Л. рис. 6, 7; № 17, рис. 1, 3; Выборнов, 2002, с.223-225).

Гвозди от накладок (ЦМК КП 25566\16а, б, в, г, рис. 11), для крепления к ремню, в виде стержня круглой формы в сечении, на одном конце стержня шляпка, на другом – заклепка. Размеры: длина 1,6 см, ширина 0,5 см. Кольцо от конской сбруи (ЦМК КП 25466\17, рис. 11) овальной формы, разъемное. В сечении прямоугольной формы. Размеры: длина 4,5см, ширина 2,5см, высота 1см.

Рис. 11. Гвозди ЦМК КП 25566\16а, б, в, г; кольцо ЦМК КП 25466\17

Рис. 12. Пряжка ЦМК КП 25568\5

Рис. 13. Бляшка ЦМК КП 25568\3

Особый интерес представляет поясной набор, который включает пряжку, бляшки, ременной наконечник и две скользящие обоймы, выполненные из бронзы, техникой литья.

Пряжка поясная (ЦМК КП 25568\5, рис. 12) рамчатая, овальной формы с прямоугольным щитком. Язычок крепится внутри рамки. Размеры: длина 1,4 см, ширина 0,8 см, высота 1 см.

Бляшка рамчатая (ЦМК КП 25568\3, рис. 13), овальной формы, с фигурными краями в виде трех овальных выступов, с обратной стороны имеются четыре стержня для крепления к поясу. Размеры: длина 4,7см, ширина 2,2 см, высота 0,4 см.

Ременной наконечник рамчатый (ЦМК КП 25568\4, рис. 14), прямоугольной формы, края фигурные с тремя арочными выступами. С обратной стороны имеются четыре гвоздика для крепления к ремню. Размеры: длина 5,7см, ширина 1,8см, высота 0,4 см.

Рис. 14. Ременной наконечник ЦМК КП 25568\4

Рис. 15. Обоймы ЦМК КП 25568\6; ЦМК КП 25568\1а, б; ЦМК КП 25568\2а, б.

Обоймы двух видов: одна со шляпкой овальной формы (ЦМК КП 25568\6, рис. 15), на штифте прикреплена прямоугольная рамка для продевания ремня. Размеры: длина-1,4см, ширина 0,8 см, высота 1 см; другие прямоугольной формы, края разъемные (ЦМК КП 25568\1а, б ЦМК КП 25568\2а, б, рис. 15). Размеры: длина 4,5 см, ширина 2,5 см, высота 1см. длина 2,2 см, ширина 0,8 см, высота 0,4 см.

Бляшки-обоймы (ЦМК КП 25568\7а, б, рис. 16), прямоугольной формы с боковой прорезью для продевания ремня, лицевая часть в виде рамки с фигурными краями. В нижней части имеется прямоугольная обойма, для продевания ремня. Размеры: длина 3,5см, ширина 2 см, высота 0,4 см.

Рис. 16. Бляшки-обоймы ЦМК КП 25568\7а, б

Рис. 17. Накладки ЦМК КП 25567\1-20

Накладки на пояс в виде круглой пуговицы (ЦМК КП 25567\1-20, рис. 17), центре которой коническая выемка, с обратной стороны имеются два стержня для крепления к ремню. Размеры: диаметр 0,8 см, высота 0,8 см.

Аналогичные поясные наборы, найдены на территории городища Садыр-Коргон в Таласской долине, из частной коллекции в городе Москва, опубликованы М.Г. Гореликом (Горелик, 2011, с. 162-166). Набор состоит из 27 бронзовых деталей (пряжка, ременной наконечник, скользящие обоймицы, обоймы с петлями, бляшки). По заключениям М.В. Горелика и М.Г. Крамаровского (Крамаровский, 1983, с. 21-22), поясной набор является классическим примером монгольской имперской культуры и датируется: не позднее кон. 60-х – 70-ми гг. XIV в. Поясная гарнитура из случайных находок из Чуйских городищ рассматриваются в диссертационной работе А.И. Торгоева (Торгоев, 2011, 222 с.). На основе золотоордынских и других аналогий автор выделяет немногочисленную группу изделий, характерных для XII – начала XIII вв. Наиболее уверенно к монгольскому времени исследователь относит пару сабельных обойм с петлями (Торгоев, 2011, с. 86, рис. 70). Аналогичная поясная гарнитура найдена в монгольском погребении могильника Боз-Адыр в Иссык-Кульской котловине, которая включает пряжку, две обоймы с петлями, ременной наконечник, три овальные накладки и две скользящих обоймицы (Торгоев, рис. 8-12). По мнению М. Г. Крамаровского, «характер поясного набора позволяют датировать тошбашатский комплекс второй половиной XIII века, (Крамаровский, 1983, с. 22; Акматов, 2017. 236 с.).

Следовательно, из вышеизложенного можно сделать вывод, что комплекс снаряжения кочевника, найденный при случайных обстоятельствах на берегу реки у села Узунбулак, Кокпектинского района, Восточно-Казахстанской области можно датировать XIII-XIV вв., а также предположить этническую принадлежность погребенного по аналогиям комплексов встречаются на всей огромной территории обитания кыпчаков или в районах их боевых действий. Поясные и сбруйные украшения демонстрируют высокий уровень мастерства средневековых тюретов, эволюцию технологий художественной обработки металла и репертуара орнаментальных мотивов.

Литература

- Акматов К.Т. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время: дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 236 с.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Выборнов А.В. Снаряжение коня у коренного населения среднего Енисея позднего средневековья и начала Нового времени (по материалам археологических памятников) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. Т. 6. Вып. 3 С. 221-237.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 174 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В. Реконструкция вооружения раннесредневекового воина с территории лесостепного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Изд-во Красноярск. гос. пед. ин-та, 1991. Т. 2. С. 73–75.
- Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 102–128.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Вооружение населения Лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. С. 262–266.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Новые сведения о случайных находках предметов вооружения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. Вып. XII. С. 160–165.

- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Средневековые находки оружия с Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. С. 44–47.
- Горелик М.В. Монгольский пояс из Киргизии – первый образец китайского искусства «фалань» // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Казань: Изд-во Ин-та истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 162–166.
- Кадырбаев М.К., Бурнашева А.З. Погребение кипчака первой половины XIV в. из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. С. 42–53.
- Крамаровский М.Г. Погребение монгольского времени из Таласской долины // Культура и искусство Киргизии. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции. 3–6 июня 1983 г. Ленинград, 1983. Вып. 2. С. 21–22.
- Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племён в XIII в. // СА. 1980. №2. С. 80-93.
- Маргулан А.К. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР. Т.7. Археология / Отв. ред. М.Е. Масон. Алма-Ата, 1959. С. 248-261.
- Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Алт.ГУ. 2002. 164 с.
- Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII-XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981в. С. 194–200. (Археология СССР).
- Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XIV вв. // Советская археология. 1987. № 2. С. 214–215.
- Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье // Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. 192 с.
- Снаряжение кочевников Евразии: сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 248 с.
- Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX-XII вв. н.э.) // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc. VI. Lodz, 1994. С. 21-43.
- Тишкин А.А. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: Учеб.-метод. пособие / А.А. Тишкин, Т.Г. Горбунова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.
- Торгоев А.И. Ременные украшения Семиречья V – начала XIII в. (Вопросы хронологии): дис. ...канд. ист. наук. СПб., 2011. 222 с.
- ЦГМ РК Акт приемки передачи №64 от 24.09.1996 года. Акты поступления основного фонда 1996 г.
- Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.
- Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 336 с.
- Худяков Ю.С. Защитное вооружение номадов Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. 202 с.
- Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Филиппович Ю.А. Перспективы применения методики реконструкции доспехов для анализа функциональных свойств защитного вооружения кочевников Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2004. Т. X. Ч. II. С. 246–251
- Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск: 1980. 176 с.

O.A. Myakisheva

**MIDDLE AGE NOMAD'S EQUIPMENT FROM THE EAST KAZAKHSTAN
(Materials from the archaeological fund of the Central State Museum
of the Republic of Kazakhstan)**

The article presents the results of attribution of mounted nomad's complex of the 13th-14th centuries, found on the banks of the river near the village Uzunbulak, Kokpekty region, East Kazakhstan region housed in archeology fund of the Central State Museum of Kazakhstan. The article presents a historiographical analysis of research results by domestic and foreign scientists of nomad's equipment of Eurasia of the 13th-14th centuries. Classification and typology of weapons, equipment of a riding horse and rider's decoration from the presented complex were carried out. The ethnicity of the deceased, presumably, Kipchak was determined on the basis of analogues of complexes found on the vast territory of Eurasia.

ПЕРВЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ИЗВАЯНИЯХ САРЫАРКИ В РАБОТАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И УЧЕНЫХ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Первые сведения об изваяниях Сарыарки, в основном, относятся ко второй половине XIX – началу XX в. Они содержатся в трудах ученых, путешественников, краеведов (А. И. Лёвшин, Ч. Ч. Валиханов, Г. Н. Потанин, И. Я. Словцов, Н. Я. Коншин, И. А. Кастанье и др.). Проводившиеся в Центральном Казахстане в рассматриваемый период исследования этих археологических памятников сводились к фиксации, в основном, к краткому описанию.

Ученый-географ и путешественник Г. Н. Потанин в «Записках о Кокандском ханстве» (1856) пишет о замеченных им нескольких изваяниях Сарыарки: «Около горы Темирчи видел я аршина в три (около 2,1 м – А. К.) высотой каменный столб с изображением лица человеческого; а подле горы Кызыл-Рай (вероятно, Кызыл-Арай, горный массив в современном Актогайском районе – А. К.), над ключом Бегазы-Булак также несколько столбов с изображением же лиц человеческих и четырехугольные плиты, вдавшиеся в землю боками своими и стоящие косвенно (т. е. наклонно – А. К.), изображения на столбах сделаны довольно искусно» (Записки..., 1856, с. 257 – 258). Количество изваяний из этого описания установить нельзя, как и их культурную принадлежность. Четырехугольные плиты, о которых пишет автор, вероятно, означают древнетюркские оградки, поэтому некоторые из упомянутых Г. Н. Потаниным изваяний могли быть древнетюркскими изваяниями VII – IX вв., стоявшими при оградках (Ермоленко, 2004, с. 30, 31, 47, табл. 19).

В 1878 г. преподаватель Сибирской военной гимназии И. Я. Словцов по поручению Западно-Сибирского отдела совершил поездку в Кокчетавский уезд и составил описание некоторых археологических памятников Центрального Казахстана (Словцов, 1881).

На территории современного Айыртауского района Северо-Казахстанской области И. Я. Словцовым были осмотрены два каменных изваяния на реке Чаглинке и одно у озера Копа. По описанию Словцова, два установленных рядом изваяния были найдены «... в Кокчетавском округе на речке Чаглинке в одной версте (около 1,06 км – А. К.) близ брода Кунуспай (вероятно, Конысбай – А. К.), по направлению к зимовкам Джаркына» (Словцов, 1856, с. 34). Одно из них «...представляет довольно искусно высеченное изображение человека с опущенными вниз руками, обращенного лицом на з. (запад. – А. К.). Вышина истукана до темени 146 сантиметров, до лба 129 сант., от темени до подбородка 51 сант. и кругом шеи 119 сант.» (Словцов, 1881, с. 34). В соответствии с современными научными представлениями описанное Словцовым изваяние предположительно можно отнести к скульптуре кыпчакской эпохи. Изваяние с подобным положением рук найдено в кыпчакском святилище на р. Жинишке (Ермоленко, 2004, рис. 48, 79(1)). Вызывает сомнения только западная ориентация, потому что средневековые изваяния, как правило, обращены лицом в восточном направлении.

Рядом с этим изваянием (по словам автора, в двух с половиной шагах) находилось маленькое, высотой 30 см, изваяние. И. Я. Словцов отметил сходство этого изваяния «по отделке и по изображению» с предыдущую и одинаковую ориентировку (Словцов, 1881, с. 34). Этот факт тоже может свидетельствовать в пользу отнесения обоих изваяний к кыпчакским, поскольку они часто встречаются по несколько вместе (в том числе по два) в одном «святилище» (Ермоленко, 2004, с. 34 – 38).

Третье изваяние, найденное на р. Чаглинке «близ озера Копа», было доставлено в г. Кокчетав и установлено возле уездного управления. И. Я. Словцов сообщает, что изваяние сделано из гранита и изображает «воина, держащего в правой руке чашу, а в левой – меч. Вышина истукана 166 сант., от темени до подбородка 47 сант., кругом шеи 121 сант.» (Словцов, 1881, 34). Композиция изваяния свидетельствует о том, что оно относится к древнетюркской скульптуре VII – IX вв. (Ермоленко, 2004, с. 4, с. 47).

Краткие сведения о нескольких изваяниях Казахстана в том числе трех, найденных в Центральном Казахстане (точнее, в Каркаралинском крае), привел ученый В. М. Флоринский, который в 1887 году совершил поездку по Сарыарке (Флоринский, 1896, с. 43). Флоринский подчеркнул, что по его инициативе одно из изваяний было доставлено в Томский университет (Шер, с. 42, табл. IX). До сегодняшнего дня это изваяние находится в Университетской роще ТГУ. В исторической справке об

изваянии, имеющейся на сайте Лабораторий междисциплинарных археологических исследований ТГУ, приводится информация, частью противоречащая сообщению Флоринского. Так, в справке указано, что изваяние найдено в горах Кызыл-тас, а «одним из инициаторов и организаторов передачи каменного изваяния был заведующий Семипалатинским областным музеем Г. (П. Е. – А. К.) Маковецкий» (Боруков. Электронный ресурс). Согласно этой справке, В. М. Флоринский не был причастен к передаче изваяний. Прорисовка этого изваяния по фотографии Флоринского опубликована в работе Я. А. Шера (Шер, 1966, табл. XXIII, рис. 108).

В. М. Флоринский описал еще два изваяния по имеющимся у него рисункам. Они были обнаружены на р. Караменды (река с таким названием протекает по территории современного Актогайского р-на) внутри (?) «четырёхугольной изгороди», сооруженной «из поставленных на ребро плит» (Флоринский, 1896, с. 43). Флоринский предположил, что одно из изваяний мужское (с усами), другое женское, отметил, что оба они сделаны из мелкозернистого гранита и что на них не показан сосуд (Флоринский, 1896, с. 43). К сожалению, невозможно установить культурно-хронологическую атрибуцию описанных Флоринским изваяний с реки Караменды. Не только из-за того, что описания краткие, а иллюстраций нет, но и потому, что в Центральном Казахстане пока не найдено изваяний, установленных в оградках.

Известный исследователь В. П. Никитин в статье 1902 г. описал не менее семи каменных изваяний Сарыарки (Никитин, 1902, с. 103 – 111).

По сообщению автора, «...на урочище Етен-булак, вблизи зимовки Атаки Кошкенова, три могилы, обложенные камнями: при одной, имеется баба (изваяние. – А. К.) с изображением лица. В 14 верстах (около 4,2 км – А. К.) от Баян ауыла, на возвышенном месте есть каменная баба, вышиной в 4 аршина (около 2,8 м – А. К.); Акпетавская волость: на зимовках Антенева имеются две каменные бабы с высеченными человеческими лицами; Баянаульская волость (ныне Баянаульский и Майский районы Павлодарской области – А. К.): на урочище Керге-Тан находится курган, на нем три каменные бабы с грубыми изображениями лица» (Никитин, 1902, с. 110 – 111). Курган с тремя изваяниями в урочище Керге-Тан, очевидно, является кыпчакским святилищем IX – XIII вв. (Ермоленко, 2004, с. 34 – 38). Установить культурно-хронологическую принадлежность остальных каменных изваяний, к сожалению, невозможно из-за того, что описания краткие, а иллюстраций нет.

По поручению Императорской Археологической Комиссии управляющий государственным имуществом Акмолинской области А. В. Селиванов изучал древности региона во время своих служебных поездок. В 1894 г. А. В. Селиванов нашел в окрестностях города Атбасара два изваяния. Одно из них располагалось возле каменно-земляного кургана. Такие курганы находились «... в 6 верстах от пос. Преображенского и близи аула Качаган, Кокчетавского уезда» (Селиванов, 1896, с. 30). Селиванов сообщает об изваянии следующие сведения: «каменная баба из серого гранита, до 2 ½ арш. (около 2,12 м – А. К.) вышиной, очень выветрившаяся, с руками, сложенными на живот» (Селиванов, 1896, с. 30). Судя по композиции изваяния, оно относится к памятникам кыпчакской эпохи и, вероятно, было когда-то установлено возле курганообразного святилища IX – XIII вв. (Ермоленко, 2004, с. 31, 35). Возле другой группы курганов, обнаруженных А. В. Селивановым на р. Аргалы, «найлены какие-то две каменные гробницы, сложенные посередине. Около одной из них оказалась опрокинутая каменная баба из серого гранита, представляющая воина с усами, держащего в одной руке чашу, а в другой меч» (Селиванов, 1896, с. 31). Изваяние с р. Аргалы, очевидно, является древнетюркским изваянием, стоящим при оградке, которую Селиванов принял за «каменную гробницу». По всей видимости, здесь был комплекс из двух оградок. Такие комплексы наиболее распространены в Сарыарке (Ермоленко, Курманкулов, 2006, с. 68–69).

Данные о нескольких каменных изваяниях Центрального Казахстана имеются также в работах Н. Я. Коншина начала XX в. (Коншин, 1901, с. 32). Находясь в политической ссылке, Коншин работал в Семипалатинском подотделе РГО и совершал поездки по Степи. По его свидетельству, «...в Темирчинской вол. (ныне Карагандинская область – А. К.) на ур. Кен-асу (Кенасу – А. К.) возле кургана, обложенного каменным кругом, баба в 1½ арш. (около 1,06 м – А. К.) ростом с изображением человеческого лица; на ур. Джаныспай-Кабагы, около небольшого кургана имеется баба 1½ арш. (около 1,06 м – А. К.) ростом» (Кастанье, 2007, с. 205). Судя по описанию Н. Я. Коншина, каждое из этих погрудных изваяний стояло возле каменного кургана. Это могли быть как изваяния раннего железного века VIII – V вв. до н.э., нередко связанные с курганами (Ермоленко, Курманкулов, Касенова, 2016а, с. 132), так и изваяния кыпчакской эпохи (IX – XIII вв.), установленные возле «кыпчакских святилищ» типа 4 (Ермоленко, 2004, с. 37).

Значительное археологическое открытие было сделано в 1904 г. горным инженером А. А. Козыревым (Козырев, 1905, с. 31 – 36), работавшим по заданию Отдела земельных улучшений Министерства земледелия. Козырев проводил гидрогеологические исследования в южной части

Акмолинской области и попутно занимался археологическими исследованиями. В урочище Кара-агаш, расположенном в 50 км севернее современного районного центра Жанаарка, недалеко от зимовки Шонга им был раскопан курган высотой 3,5 м, диаметром 10,5 м (Козырев, 1905, с. 31). В кургане обнаружено женское погребение, где найдены золотые украшения головного убора наподобие казахского головного убора невесты *саукеле* – золотой «венчик» с каркасом конической формы, а также золотые серьги, золотые подвески (бляхи), украшенный янтарем, сосуд из стекла (Акишев, 1983, с. 186 – 187). А. А. Козырев предположил, что погребение могло быть впускным (Козырев, 1905, с. 36). В насыпи кургана найдено каменное изваяние, которое А. А. Козырев не описал и не зарисовал.

По нашему мнению, нельзя считать случайностью тот факт, что изваяние находилось в кургане на глубине 90 см под слоем угля.

Козырев датировал курган IX –X вв. (Козырев, 1905, с. 36). Золотые вещи из этого кургана были впоследствии датированы К. А. Акишевым позднегуннским временем (III–V вв. н. э.) (Акишев, 1983, с. 186 – 187). Все же, несмотря на неточную датировку, А. А. Козырев первым отклонил исторически неверную версию о принадлежности подобных памятников калмыкам. Что касается изваяния, то, на наш взгляд, оно могло быть более ранним, переиспользованным во впускном погребении.

Большинство сведений о каменных изваяниях Сарыарки, накопленных к началу XX в. были собраны и обобщены И. А. Кастанье. Этот ученый французского происхождения, который был действительным членом, а потом и вице-председателем Оренбургской ученой архивной комиссии, получил разрешение Императорской археологической комиссии производить раскопки. В известной работе «Древности Киргизской степи и Оренбургского края», изданной в 1910 г., И. А. Кастанье привлек материалы Н. Я. Коншина, В. П. Никитина, А. А. Козырева и др.

Так, И. А. Кастанье приводит данные краеведа А. И. Добросмылова, который подробно описал и зарисовал установленное на кургане изваяние. Памятник находился в урочище Сим-Тас около аула № 4 Каратургайской волости (современная Костанайская обл.), в 150 верстах (около 160,02 км) к северо-востоку от г. Тургая. По сообщению Добросмылова, изваяние сделано из гранита в виде «четырёхгранного столба» и представляет собой изображение человеческой головы. Автор сообщает данные о размерах и весе изваяния: «В самом широком месте (в плечах) ширина передней и задней поверхности – 5½ вершка (около 22,2 см – А. К.), а боковых сторон 4 вершка (около 17,7 см. – А. К.). Приблизительный вес бабы пудов 10 (около 163,8 кг. – А. К.)» (Кастанье, 2007, с. 126).

А. И. Добросмылов не только указал высоту (4 аршина, т. е. около 2,84 м) и диаметр (около 60 аршин, т. е. около 42,7 м) кургана, но и сообщил, что он «... окружен рвом, который имеет и в настоящее время еще глубину арш. 1½ (около 1,06 м – А. К.); с двух противоположных сторон оставлены перемычки, шириною аршина в 4 (около 2,84 м – А. К.) для входа в курган. Баба в момент ее осмотра находилась на середине кургана и была врыта в землю нижним концом на пол-аршина (около 35,5 см – А. К.) и на ¼ арш. (около 88,9 см – А. К.) возвышалась над поверхностью земли» (Кастанье, 2007, с. 126, табл. XVI, рис. 8). Как говорилось выше, в настоящее время на курганах зафиксированы не только средневековые погрудные изваяния, но также изваяния раннего железного века. Отсутствие вещественных атрибутов в иконографии изваяния и рисунок плохого качества не позволяют уверенно отнести изваяние к той или другой эпохе. Однако следует отметить, что подобные размеры курганов нетипичны для кыпчакских святилищ, тогда как известны большие курганы раннего железного века со рвом.

И. А. Кастанье в обобщающем труде «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» (1910) дает перечень известных к началу XX в. изваяний, в числе которых примерно полтора десятка изваяний из Сарыарки (Кастанье, 2007, с. 125, 126, 204, 205). Имеющиеся в его распоряжении рисунки каменных изваяний автор свел в таблицы. В таблицы включены рисунки пяти изваяний из Сарыарки – четырех из мазара Козы-Корпеш и Баян-Сулу и одного из Тургая (Кастанье, 2007, табл. XIV, 14 – 17).

В работе «Надгробные сооружения» (1911) Кастанье отметил, что в казахских степях наиболее распространен способ установки изваяний на курганах (Кастанье, 1911, с. 10). В таблицах содержатся рисунки курганов с каменными насыпями, на вершинах которых установлены одно или несколько (2 – 3) изваяний (Кастанье, 1911, табл. IX). Л. Н. Ермоленко обратила внимание на это высказывание И. А. Кастанье, указав, что это первое научное описание кыпчакских «святилищ» с изваяниями (Ермоленко, Курманкулов, 1992а, с. 116 – 117). В типологии Л. Н. Ермоленко такие сооружения с одним или несколькими изваяниями отнесены к типу I кыпчакских святилищ (Ермоленко, 2004, с. 34 – 37; Ермоленко, Курманкулов, 2012а, с. 86 – 94). Отметим, однако, что одиночные изваяния сакской эпохи также могли ставиться на курганах (Ермоленко, Курманкулов, 2011а, с. 157; 2011б; Курманкулов, Ермоленко, 2014, с. 18; Курманкулов, Касенова, 2014, с. 178; Бейсенов, Ермоленко, 2014, с. 7 – 16; Бейсенов, 2014, с. 7 – 16; Ермоленко, Курманкулов, 2015, с. 30).

Проанализировав известные к тому времени каменные изваяния степей Евразии, И. А. Кастанье предположил, что они были сделаны одним и тем же народом, который двигался из Монголии на запад через казахскую степь (Кастанье, 2007, с. 374). Исследователь также рассмотрел вопрос о назначении каменных изваяний. Он связывал изваяния с культом предков и считал их портретами умерших людей (Кастанье, 1910, с. 374 – 375).

В период с 1924 по 1928 гг. краевед М. Н. Лентовский открыл несколько каменных изваяний при изучении археологических памятников Петропавловской области (современные Акмолинская и Северо-Казахстанская области) (Лентовский, 1929, с. 11–12). Автор привел сведения о местонахождении семи изваяний. Им кратко описано только одно изваяние – из с. Яблоново Макинской волости Шушинского района (ныне Бурабайский район Акмолинской области). Это изваяние, у которого «часть головы ... обломана, руки лежат на груди», было доставлено профессором П. Преображенским в Кокчетавский музей (Лентовский, 1929, с. 11–12). Описанное Лентовским изваяние не похоже ни на одно из двух опубликованных изваяний из Областного историко-краеведческого музея г. Кокшетау (Боталов, 1996, с. 231 – 232, рис. 13, 5, 6; Ермоленко, 2004, рис. 1, 1, 2).

К сожалению, ни фотографий, ни рисунков изваяний в работе М. Н. Лентовского нет, однако его сведения о местонахождении изваяний сохраняют свою ценность так как они очевидно утрачены.

С 1927 г. археологическими памятниками Центрального Казахстана стал заниматься известный краевед Л. Ф. Семенов, в то время – работник Акмолинского музея, а впоследствии – директор Карагандинского областного краеведческого музея (Архив ИА им. А. Х. Маргулана. Ф. 1. Д. 273. Л. 3).

В статье 1930 г. Л. Ф. Семенов сообщил о четырех каменных изваяниях Сарыарки, которые были привезены в Акмолинский музей (Семенов, 1930, с. 85). По способу первоначальной установки Семенов разделил эти изваяния на «одиночки» и «пары».

Одно из одиночных изваяний высотой 0,96 м, весом 166 кг со «...слабо выраженным овалом лица» было обнаружено Л. Ф. Семеновым в горах Ескеней (горы с таким названием есть на территории Жанаркинского р-на) (Семенов, 1930, с. 85).

Другое одиночное изваяние было найдено около Спасского завода (совр. Абайский р-н Карагандинской обл.). Оно изображает «женскую фигуру со сложенными на груди руками и головным убором» типа казахского убора жаулык (Семенов, 1930, с. 85).

Изваяние из гор Ескеней сложно соотнести с изваяниями какой-либо культурно-хронологической группы, потому что антропоморфные стелы встречаются как среди изваяний раннего железного века, так и средневековых. Описанная Семеновым поза изваяния из Спасского завода нетипична для каменных изваяний Сарыарки всех эпох. Хотя по описанию это изваяние случайным образом похоже на изваяние, изображенное на рисунке в работе А. Х. Маргулана (долина реки Сенгир?) (Маргулан, 2003, рис. 104).

Два остальных изваяния – парные, были найдены близ с. Филипповка Сталинского района (ныне Аккольский р-н, Акмолинской обл.). Л. Ф. Семенов сообщает, что «Бабы, по словам местных крестьян, стояли на небольшом кургане высотой в 0,75 м и окружностью 40 шагов, откуда были извлечены в 1913 г. при попытке раскопки» (Семенов, 1930, с. 85). Автор так характеризует изваяния: «...женская баба, ростом 1,35 м, из серого гранита держит в руках чашу и мужская «баба» ростом 1,96 м с ясно выбитыми глазами и усами» (Семенов, 1930, с. 85).

Парные изваяния с кургана около села Филипповки, по всей видимости, были памятниками кыпчакской эпохи, установленными в курганообразном сооружении – «святилище».

Изваяния, сведения о которых сообщил Л. Ф. Семенов, невозможно точно соотнести с опубликованными изваяниями из Целиноградского историко-краеведческого музея (Ермоленко, 2004, рис. 1, 2, 3, рис. 3, 9, с. 80, 81). Так что их судьба остается неизвестной.

В работах авторов XIX – первой трети XX в. приведена краткая информация не менее чем о 30 изваяниях Сарыарки (Курманкулов, Касенова, 2018, рис. 1), находившихся на территориях современных Карагандинской (4 экз.), Павлодарской (7 экз.), Акмолинской (8 экз.), Северо-Казахстанской (4 экз.), Костанайской (1 экз.) областей. 3 из этих изваяний можно опередить как древнетюркские, 10 – как кыпчакские. Культурно-хронологическую принадлежность остальных установить невозможно. Не исключено, что в источниках XIX в. зафиксирована информация об изваяниях раннего железного века, установленных *in situ*.

Литература

Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: Өнер, 1983. 264 с.

- Бейсенов А.З. Исследование кургана сакского времени с каменным изваянием на могильнике Кособа (Центральный Казахстан) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 7-16.
- Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник КемГУ. 2014. Вып. № 3 (59). Т. 3. С. 34-40.
- Барсуков Е.В. Истукан Каркаралинского уезда. URL: <http://www.artefact.tsu.ru/kopiya-balballa-1-1> Дата обращения: 19.02.2018
- Боталов С.Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала: сб. научн. тр. Сер. Южный Урал: Природно-географические факторы и историко-культурные процессы. Челябинск: Рифей, 1996. С. 210-244.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Центральнокзахстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика // Маргулановские чтения: тезисы. Петропавловск, 1992. С. 116-119.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Оригинальное изваяние из фондов Карагандинского историко-краеведческого музея // Археология Южной Сибири. К 80-летию Я.А. Шера. Кемерово: РИО КемГУ, 2011. Вып. 25. С. 156-161.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Новое изваяние раннего железного века из Сары-Арки // АЭАЕ. 2012. № 4 (52). С. 86-94.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. Погребение раннего железного века с изваянием в долине р. Айбас // Вестник КемГУ. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 29-34.
- Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник КемГУ. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26-32.
- Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина 1830 // Вестник ИРГО. 1856. Ч. 18. С. 257-258.
- Кастанье И.А. Надгробные сооружения. Оренбург: Типография Тургайского Областного Правления, 1911. 102 с.
- Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. 2-е изд. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.
- Козырев А. Раскопка кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Известия ИАК. 1905. Вып. 16. С. 27-36.
- Коншин Н. О памятниках старины Семипалатинской области // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО. Семипалатинск, 1903. Вып. I. С. 1-32.
- Құрманқұлов Ж., Ермоленко Л.Н. Ежелгі Сарыарқа: тас мүсіндер. Древности Сарыарки: каменные изваяния. Saryarka Antiquities: Stone Statues. – Караганды, 2014. 168 с.
- Құрманқұлов, Ж. К. XIX ғасыр екінші жартысы мен XX ғасыр бірінші жартысы аралығындағы Орталық Қазақстан тас мүсіндерін зерттеуші саяхатшылар мен ғалымдар деректері (Сведения об изваяниях Центрального Казахстана в работах путешественников и ученых XIX – первой половины XX в) // Археология Казахстана. – 2018. – № 1–2. – С. 133–142.
- Лентовский М.Н. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа КазССР (Инвентаризационный труд). Кокчетав, 1929. 16 с.
- Никитин В.П. Краткое описание памятников древности Семипалатинской области // Известия ИАК. 1902. Вып. 2. С. 103-111.
- Селиванов А.В. Производство археологических раскопок в Акмолинской области // Отчет ИАК за 1894 год. 1896. С. 30-31.
- Словцов И.Я. Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинской области в 1878 г. // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1881. Кн. III. С. 1-55.
- Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М.–Л.: Наука, 1966. 138 с.
- Флоринский В.М. Первобытны славяне по памятникам их доисторической жизни // Опыт славянской археологии. Томск, 1896. Ч. II, вып. 1. С. 3-112.

A. Kasenova

THE FIRST SOURCES ABOUT SARYARKA SCULPTURES IN THE WORKS OF TRAVELERS AND SCIENTISTS OF THE XIX – FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The article analyzes information about the period of the second half of the 19th – first half of the 20th century in the history of study stone sculptures Saryarka, the collection of information about these monuments was carried out episodically and not methodically. The non-specific nature of the study of sculptures is connected with the fact that this period coincided with the time of formation of archeology as a science. Stone sculptures of Saryarka are an important source on the history of ancient and medieval monuments.

ОҒЫЗ ТАЙПАЛАРЫНЫҢ ЭТНИКАЛЫҚ ТАРИХЫ: ТАРИХНАМАЛЫҚ ТАЛДАУ

Әлем тарихында оғыз тайпаларының қалдырған үлесі көлемді. Оғыз тайпалық одағының батысқа миграциясы ортағасырдағы басты этнопроцестік өзгерістерге себепші болды. Қазақстан және Орта Азия территориясынан үдере көшкен оғыз тайпаларының этникалық тарихы әлі күнге толыққанды зерттелмеген. Қазақстан тарихында бұл тайпалық мемлекеттің алар орны нақты көрсетілмей, ортағасырлық қалалары сәйкестендірілмеді. Қазіргі уақытқа дейін, отандық тарих ғылымында оғыз тайпаларына қатысты толыққанды еңбектер жоқ. Қала мен дала өркениетінің шекарасында орналасқан оғыз тайпаларының рухани және материалдық мәдениетімізде қалдырған рөліне зерттеу жұмыстарын жүргізу маңызды.

Кеңестік тарих ғылымында тайпалық мемлекеттер рөліне аса мән берілмеген. Көптеген кеңестік тарихшылар шовинистік көзқарас тұрғысынан оғыздарда қалалық мәдениет болғандығын жоққа шығарып келді. Қазіргі уақытта, "оғыз" этнонимінің бірнеше түсіндірмесі бар. Оғыз тайпаларының нақты қай уақытта Қазақстан территориясына қоныстанғаны белгісіз. Шамамен, VIII-IX ғғ. Шығыс Қазақстан мен Жетісу жеріне көшкен оғыздар, бұл аймақта бірқатар материалдық мәдениет мұраларын қалдырған. Жетісу жеріндегі оғыз қалаларын сәйкестендіру мәселесі археология ғылымындағы маңызды мәселелердің бірі. Сол себепті, этникалық тарихымыздағы оғыз компонентіне зерттеу жұмыстарын жүргізу өзекті болып табылады.

Оғыз жабғулар мемлекеті тарихы мен саяси-экономикалық жағдайына деген қызығушылық, христиандық Батыс тарихнамасында XI-XII ғғ. бастау алғаны белгілі. С.Г. Агаджанов өз еңбегінде оғыздар тарихына қатысты дереккөздерін бірнеше топқа бөліп, көлемді зерттеу жұмыстарын жүргізді. Мысал ретінде, оғыз қалалары көрсетілген әл-Идрисидің "Сурат әл-Ард" картасына жасалған талдауды келтіре аламыз. Бұл бөлімде оғыз тайпалары этникалық тарихының кейбір тарихи-этнографиялық мәселелері қарастырылады. Зерттеу жұмысымыздың басты мақсаты "оғыз" этнонимі, олардың генеологиясы, жүргізілген зерттеу жұмыстарының хронологиясы, этникалық тарихы мәселелеріне тоқталу. Алдағы уақытта, осындай зерттеу жұмыстары оғыздар этникалық тарихына қатысты жарияланатын көлемді этно-археологиялық еңбегіміздің негізі болады деп сенеміз. Тарауда "оғыз" этнонимі түсіндірмелеріне тоқталу, оғызтанушы ғалымдар еңбектерін талдау, этникалық тарихындағы кейбір мәселелерді қарастыру секілді міндеттер қойылған.

Оғыздардың этникалық тарихына крест жорықтары кезінде үлкен қызығушылық туа бастайды. Оғыз тайпалары жөніндегі негізгі дереккөздері араб, парсы, түркі тілдерінде жазылған. Бұл еңбектерге, В.В. Бартольд, В.И. Беляев, А.А. Ромаскевич, И.Ю. Крачковский, К. Каэн, К. Брокельман, К. Розенталь, К. Стори секілді ғалымдар сипаттама берді. Араб-парсы тарихнамасында оғыз тайпалары туралы алғашқы деректер IX-X ғғ. бастап кездескен. IX-X ғғ. арабтілді география ғылымы гүлдену кезеңін бастан кешіріп жатқан сәтте, ислам әлемінің форпосты болып саналған Мәуереннахр, Хорасан, Хорезм шекараларында белсенділік танытқан оғыздар арабтілді тарихшы-географтардың зерттеу шеңберіне түседі (Агаджанов, 1967, с. 7).

Арабтілді дереккөздерінде оғыздар туралы алғашқы мәліметтерді Ибн Джабир әл-Балазури келтірген. Оның "Китаб футух әл-булдан" атты туындысы шығу тегі бойынша "жорықтар кітабы" жанрына сәйкес. Балазуридің тарихи еңбегі қазіргі уақытта қысқартылған жарияланым негізінде ғана сақталған. Шығарма шетелдік және кеңестік тарихшылар тарапынан мойындалған, сенімді дерек болып отыр (Агаджанов, 1967, с. 7).

IX ғасырда Ибн Хордадбектің "Китаб ал-масалик ва-л-мамалик" атты туындысында оғыз тайпалары жөніндегі ерте деректер кездеседі. Йакуби мен Кудама ибн Джафардың туындылары тек географиялық емес, прагматикалық тарихи деректер ретінде де маңызды. Йакуби туындысы "Китаб әл-булдан" деп аталып, автордың саяхаты барысында сұрастыру негізінде жазылған еңбек 891 жылы аяқталады. Бұл туынды маңызды тарихи-этнографиялық дерек ретінде белгілі. Себебі, автор тек шынайы мәліметтерді келтіруге тырысқан (Агаджанов, 1967, с. 8).

Шамамен 903 жылы Ибн әл-Факихтің "Китаб ахбар әл-булдан" туындысы жарық көрді. Тарихи-географиялық туындыда түркі тайпаларының тұрмысы, салт-дәстүрі келтірілген. Автор Хорасан әкімі Дауд ибн Әли әл-Багдиси мен әл-Марвази әңгімелерінен шығарманы жазып шығады. Абу-л-Аббас Марвазидің әңгімелері оғыз ханзадаларының бірі Балкиктің сөздерімен басталған.

X ғасырда жазылған маңызды туындылардың бірі Ибн Фадланның еңбегі. 921-922 жж. Ибн Фадлан халиф әл-Муктадирдің Еділ Бұлғариясына жіберген елшілігінде болады. Оның халифқа берген есебінде көшпелі оғыздардың саяси құрылымы, әлеуметтік жағдайы мен шаруашылығы шынайы сипатталған (Агаджанов, 1967, с. 2).

Диуана ақын және саяхатшы Әбу Дулаф біршама уақыт саманид әміріне қызмет етіп, дипломатиялық сапармен Мәуереннахр жерінен Қытайға аттанады. Өзінің жазбаларында оғыздарды Бұхарадан шығысқа орналастырған. Ұзақ уақыт В. В. Григорьев секілді ғалымдар бұл тұжырымға сенімсіздікпен қарайды. Себебі, ғалым оғыздардың Жетісуда өмір сүрген топтарын білмеген. Аталған деректің маңызы, саяхатшы Жетісу жеріндегі оғыздарды сипаттауында (Ковалевский, 1939, с. 24).

XI ғ. оғыз тайпалары жөніндегі деректерді ғазнауидтік тарихшылар келтіреді. Әл-Утби караханидтер мен саманидтердің Мәуереннахрға таласы барысындағы оғыздардың атқарған рөлін көрсеткен. 1050 жылдар шамасында Ғазнауилік сұлтан Әбд ар-Рашид билігі тұсында "Зайн әл-ахбар" туындысы жарық көреді. Туындының авторы Гардизи яғма, кимақ, оғыз, қарлұқтарға бөлек тарау арнаған. Шығармада ұзақ уақытқа созылған селжұқ-ғазнауид соғыстары да көрініс тапты (Агаджанов, 1991, с. 22).

XI ғасырдың ортасында Селжұқ империясы құрылған соң, түркі халықтарына қатысты арнайы еңбектер жарық көре бастайды. Ибн Хассулдың "Китаб тафдил әл-атрак" шығармасын мысал ретінде келтіре аламыз. Бағдатты жаулап алған соң жазылған, өзінің "Книга о достоинствах тюрок" атты еңбегін Тоғрыл-бектің уәзірі Кундуриге сыйлайды. Трактатта автор түркілердің қайсарлығы, әскери қуаты мен дәстүрлерін көрсетуге тырысқан. Әл-Джахиз аббасидтік гулямдардың негізін құраған оғыз, яғма, шігіл, қарлұқ тайпалары жөнінде мәліметтер қалдырады (Агаджанов, 1991, с. 7-8).

Селжұқ династиясына арналған маңызды туындылардың бірі – "Мәлікнаме". Шығармада X-XI ғғ. оғыз миграциясы сипатталған. XII ғасырда селжұқ династиясына қатысты бірқатар шығармалар жарық көреді. Атап айтсақ, Ануширван ибн Халид Кашанидің еңбегі, 1126 жылы жарық көрген авторы белгісіз "Муджмал ат-таварих" (Агаджанов, 1973, с. 9-10).

XI-XIII ғасырда оғыз-селжұқтар туралы мәліметтер армян, грузин, сириялық деректерде кездесе бастайды. Аристакес Ластивертци (XI), Эдескілік Матфей (XII), Айривандық Мхитар (XIII) хроникаларында оғыз-селжұқтардың Кіші Азияны жаулауы, олардың генеалогиясына қатысты деректер келтірілген (Агаджанов, 1973, с. 26).

XIII-XVII ғғ. аралығында оғыздар туралы деректер селжұқ-осман тарихы аясында сипатталды. XVII ғ. Хиуа ханы Әбілғазы "Родословная туркмен" еңбегінде көне нарративті деректер мен "Оғыз-хан" жырын пайдаланып, өз еңбегін жазып шыққан (Агаджанов, 1973, с. 26).

Жоғарыда атап өтілген дереккөздердің барлығы оғыз тайпаларының этникалық тарихына қатысты негізгі еңбектер. Кейінгі ортағасырда батыс және орыс тарихшылары осы деректерге зерттеу жұмыстарын жүргізеді.

XVIII ғасырда алғашқылардың бірі болып, түркі тілдерін білетін В.Н. Татищев оғыз тематикасын көтерген. Кеңестік тарихнамада бұл мәселе бойынша, көлемді тұжырымдар қалдырған В.В. Бартольд тұғын. Бартольд түркмендер этникалық тарихына қатысты бірқатар зерттеу жұмыстарын жүргізген. Оның шығармалары қазіргі уақытқа дейін өз құндылығын жоғалтпауда (Агаджанов, 1973, с. 27).

В.В. Бартольд ортағасырлық деректерге талдау жүргізіп, селжұқ сұлтандары мен оғыздар арасындағы күресті сипаттайды. Батысқа көшкен оғыздармен Мәуереннахр, Хорасан жеріндегі селжұқтар арасында айырмашылықтар болғандығын көрсеткен. Бартольд селжұқ-оғыз қатынасын былайша суреттейді: "Даже огузы не были верноподданными сельджукских султанов: последний из могущественных потомков Сельджука, султан Санджар, как некогда турецкие ханы VIII в. должен воевать «со своим собственным народом, с огузами»; султан даже провел некоторое время в плену у огузов и спасся из этого плена только бегством" (Бартольд, 1990, с. 40-45).

1939 жылға дейін оғыз тайпалары жөніндегі деректердің негізін мұсылман авторлары берген. Ибн Фадланның шығармасын орыс тіліне аударып, ғылыми айналымға енгізген А.П. Ковалевский болды. Зерттеудің негізіне Мешхед қаласында табылған қолжазба алынып отыр. 1956 жылы А.П. Ковалевский мәтін аудармасына соңғы өзгерістер енгізіп қана қоймай, "ғұз"-дар этникалық тарихына қатысты мәліметтерді толықтырады. Нәтижесінде, Хазар қағанатының соңғы жылдарындағы оғыздар туралы ғылымға жаңа мәліметтер қосылған (Бубенок, 2015, с. 10-15).

Ибн Фадлан Хорезмнен он бес күн солтүстікке қарай жылжып, тек осыдан кейін ғана басқа дереккөздерде белгілі: оғыздар, уздар, торктер деп аталатын түркі тілдес гуздар еліне жеткенін хабарлайды. Ковалевский "гуздар"-дың басқа деректердегі оғыздар болып табылатындығын дәлелдеген. Араб саяхатшысы X ғ. басында мемлекеттік биліктің бастаулары болғандығын көрсетеді.

Йабғу, Күзеркін, Тархан, Йынал, Бағлыз секілді жеке адам есімдері мен титулдар жөнінде мәлімет келтірген (Бубенок, 2015, с. 10-15).

Ибн Фадланның шығармасында ғұздар жерлеу дәстүрінің сипаттамасы бар. Ал бұл мәліметтер ерте ортағасырлық көшпелі тайпалардың мәдени атрибуциясымен айналысатын археологтар үшін ерекше маңызға ие. "Бақилық болған оғыздарды қабір шұңқырында заттарымен қосып, төсеніш жауып жерлеген" – дейді Ибн Фадлан.

Ибн Фадланның айтуынша, ғұзды жерлеу барысында бір жылқыдан бірнеше жүздеген жылқыға дейін өлтіріліп, жылқы терісін ағаш төсенішке созу ғұрпы болыпты. Оның үстіне топырақтан қорғандар салынған (Ковалевский, 1956, с. 129).

Ресейлік археолог В.А. Иванов осы сипаттамаға және археологиялық қазба жұмыстарының нәтижелеріне сәйкес X ғ. басындағы қорғандардан оғыздық жерлеу типтерін жеке бөліп шығарды (Бубенок, 2015, с. 10-15).

Ковалевский аудармалары С.П. Толстовқа Оғыз жабғулар мемлекетінің алып жатқан аумағын анықтауда көп көмектеседі. Оғыздар территориясы оңтүстік-шығыста – Тараз, Шаш облыстары, оңтүстікте – Хорезм, солтүстік-батыста – Орал таулары, батыста – Еділ бойындағы хазарлармен шекаралас аймақты қамтыған.

Ибн Фадлан шығармасында оғыздар мен мұсылмандар арасындағы өзара қарым-қатынаста сипатталады. Ибн Фадлан былай деп хабарлаған: "...не может ни один мусульманин проехать через их страну без того, чтобы не сделать кого-либо из них себе другом, у которого он останавливается. Он привозит для него из страны ислама одежды, а для жены его покрывало, немного перца, проса, изюма, орехов. Когда же он прибудет к своему другу, то тот разобьет для него юрту и доставит ему овец сколько может" (Ковалевский, 1956, с. 129).

Саяхатшының келесі бір мәліметі бойынша, мұсылман саудагерлері өздерінің түркі-достарына түйе мен жылқыларын тастап, қайтар жолда қайта алып кете алатын болған (Ковалевский, 1956, с. 126).

Алайда, оғыздар мен мұсылмандар арасы үнемі достықта бола бермеді. Ибн Фадлан бұл жағдайды былайша сипаттаған: "Если тюрок приедет в Джурджанию, он спросит о своем госте и остановится у него, пока не отправится (обратно). А в случае, если тюрок умрет у своего друга-мусульманина и (потом) проедет караван, в котором (находится) его друг, то они убьют его" (Ковалевский, 1956, с. 127).

Оғыздардың кей бөліктері, ежелгі орыс жылнамаларында "торк"-тер атауымен кездеседі. Украина территориясынан Ибн Фадлан сипаттаған жерлеу ғұрыптарына сәйкес келетін қорымдар табылған. Осы ескерткіштерді дәстүрлі түрде түркі-оғыздармен байланыстыруда (Плетнева, 1981, с. 20-27).

Оғыз тайпаларының этникалық тарихын зерттеу өзекті мәселелердің бірі болып табылады. Оғыз конфедерациясының батысқа миграциясына дейінгі этникалық тарихына қатысты деректер мардымсыз. Олардың алғаш мекен ету ареалы, батысқа миграциясы, "оғыз" этнонимінің шығу тегі ғылымда көптеген дискуссия туғызады. "Оғыз" этнониміне қатысты немесе фонетикалық ұқсас мағынадағы терминдер бірде-бір қытай деректерінде кездеспейді.

745 жылы Шығыс Түркі қағанатының барлық иеліктері ұйғырларға көшті. Ұйғыр қағанаты Орталық Азияда саяси билігін 840 жылға дейін жүргізген. 738 жылы Түркеш қағаны Сұлу қаза тапқаннан кейін, Орталық Азиядағы жалғыз түркі мемлекеті – Ұйғыр қағанаты болады. Мемлекеттегі екінші этникалық компонент ретінде оғыздар сипатталған. Оғыз тайпаларының саны тоғызды құрайды. Алғашқы Ұйғыр қағаны Мойын-шор билікке келісімен, Түркі қағанаты кезеңіндегідей оғыздар татарлармен бірігіп, көтеріліске шығады. Мойын-шор қаған ескерткіші жазбаларында ұйғырлар мен оғыздардың соғыстары туралы баяндалған. Аталған соғыстар оғыздардың қағанаттан тәуелсіздік алу жолына бағытталды. 840 жылы Енисей қырғыздары Ұйғыр қағанатын бағындырған. Ұйғыр қағанаты ыдыраған соң, оғыздардың батысқа миграциясы басталады. Олардың жалпы саны 300 мыңнан – 1 миллионға дейін болған. Оғыздардың бір бөлігі Жайық пен Еділ арасына печенегтерді ығыстырып қоныстанады (Запорожец, 2017, с. 487-491).

X ғасырда оғыздар Каспийден Сырдарияның орта ағысына дейінгі аралықты алып жатты. Оғыз тайпалары Үстірт, Арал маңы, Маңғышлаққа саяси үстемдік орнатқан еді. Олардың шекаралары солтүстікте – қимақ, батыста – хазар, шығыста – қарлұқтармен жалғасқан. "Худуд әл-Алам" еңбегінде оғыздардың оңтүстік жерлерінен мұсылмандар мен шаманист оғыздардың шекарасы өтетіндігі көрсетіледі (Запорожец, 2017, с. 493).

Оғыздар мемлекеті халқы 24 оғыз тайпасын жасақтаған. Мемлекеттің оң қанаты – Боз оқ, сол қанаты – Үш оқ аталады. Әр қанат 12 оғыз тайпасынан тұрып, Боз Оқ таңбасы – садақ, Үш оқ таңбасы – үш жебе болғандығы көрсетілуде (Запорожец, 2017, с. 495).

X ғасырда Сыр бойында Оғыз жабғулары мемлекеті құрылған. Билеуші титулы *жабғу* аталып, әскербасы *сюбашы* болды. Мемлекеттегі шынайы билік сюбашыға тиесілі болса керек, себебі Бағдад

халифтері дипломатиялық байланыс орнату барысында әскербасыға хат жазған. 922 жылы Оғыз жабғулығына Еділ бұлғарларына аттанған Бағдад халифының елшілері тоқтайды. Елшілікті Ибн Фадлан басқарып, ол оғыздар жайлы деректер қалдырған. Деректерде Ибн Фадлан оғыз жабғуының атын келтірмей, сюбашыны Қатағанның ұлы Этрек деп атап өтеді. Зеке Валиди Тоғанның пікірінше, оғыздардағы жабғу титулы хазарларға деген вассалдықты білдірген (Sümer, 1962, S. 42).

Дегенмен, Ф. Сүмер Оғыз жабғулығы X ғасырда дербес мемлекет болғандығын алға тартады. Олардың жалпы территориясы шамамен 1 млн шаршы км-ді құрап, алайда үлкен иелігін Қаракұм мен Қызылқұм алып жатқандығын көрсеткен. Тайпалардың сандық құрамы әртектес болып, кейбір тайпаларда адам саны бірнеше жүз мыңға дейін жетеді. X ғасырдағы оғыз тайпаларындағы жалпы халық саны 1 млн-ды құраған (Togan, 1946, S. 43).

Оғыз мәселесі көп уақыттан бері зерттеліп жүргенімен, әлі де көптеген шешімін таппаған гипотезалар бар. Оғыз тарихы мен этногенезіне ерекше қызығушылықты ерте кезеңде Махмұд Қашғари танытқан. Бірқатар тарихшылардың пікірінше, "оғыз" этнонимі бастапқыда сандық көрсеткішті білдіретін түркі тайпасына қолданылыпты. Қытай және түркі деректерінде "оғыз" термині шаруашылық субъекті ретінде айтылады. Оғыз тайпалары Арал маңы далаларында түркілер мен жергілікті шыққан тегі финн-угор және үндірандық тайпалармен араласуы барысында қалыптасқан. Агаджановтың пікірінше, оғыз тайпалары Оңтүстік Сібір мен Алтайдан бастапқыда Жетісуға, кейін Сыр бойына қоныстанады (Ужкенов, 2007, с. 32-36).

Оғыздар Хорасан, Хорезм, Мәуереннахр аймақтарымен шекаралас болды. Мәліметтерді талдау барысы Солтүстік Каспий маңы, Қызылқұм, Қаракұм аймақтары Оғыз шөлі деген топониммен аталғандығы жөнінде пікір қалдыруға мүмкіндік беріп отыр.

VIII-XI ғғ. оғыздар 3 бөлікке ыдырайды. Бір бөлігі Сырдарияның төменгі ағысы мен Арал маңында қалса, селжұқтар Закавказьеден асып Кіші Азияда бекінді. Үшінші тобы Орал мен Еділден асып, Шығыс Еуропада қыпшақ және басқа да халықтармен араласқан. XI ғасырдан бастап, оғыздар түркмен атауымен белгілі болып, Түркия, Әзірбайжан, Иран, Ирак, Түркмения түркілері осы этнониммен аталды. Селжұқ, Осман, Сефевид империяларының негізін оғыздар қалаған. Оғыздардың даңқты тарихи жолы оғыз фольклорында, соның ішінде "Китаби дәләм Коргут" эпосында көрініс тапты.

Қазіргі уақытта оғыздардың үлкен топтарының Шығыс Еуропаға қоныс аударуы туралы қазақ тарихында деректер аз. О. Гундогдыев оғыздардың батысқа миграциясын 2 топқа: солтүстік және оңтүстікке бөлген.

Шығыс Еуропаға бағытталған көшті шартты түрде "солтүстік" деп атайды. Шын мәнінде, оғыздар IX ғасырда Еуропада белгілі болды. Бірақ, олар аса белсенділікті XI ғ-да көрсете бастайды. Сырдария оғыздарынан бөлініп, печенегтер Хазар қағанатының шекарасында тайпалық одақ құра бастайды. Сонымен қатар, бұл кезеңде Хазарияның шекарасына жақын орналасқан және Оғыз мемлекетінің құрамына кірмеген басқа да оғыздар аталады. Олар Аралдан Каспийге дейінгі үлкен кеңістікті алатын "ғұз даласы" аталған аумақты қоныстанып жатты (Гундогдыев, 1995, с. 1-2).

Хазар қағаны, өзіне бұрын бір бөлігі бағынған печенегтердің (бечененің) күшеюіне жол бергісі келмеді. Ол оғыздармен әскери одақ арқылы жаңа қарсыластарын бірлескен күшпен талқандауға үмітті болып отты. Бұдан кейін не болғанын византиялық император Константин Багрянородныйдың 948 жылы жазылған "Мемлекетті басқару туралы" трактаты баяндайды: "... Печенегтер бастапқыда Атиль (Еділ) және Гехе (Орал) өзенінде мекен етіп, хазар және оғыздармен көрші болған. Уздар осыдан елу жыл бұрын хазарлармен бірлесе отырып печенегтерді қуып шығады, қазіргі уақытта аталған аймақты осы күнге дейін узы деп аталған халық қоныстанған" (Ахинжанов, 1989, с. 185-191).

Осылайша, нәтиже күткендегіден асып түсті. 898 жылы оғыздар Хазар қағаны жоспарлағандай печенегтерді талқандайды. Печенегтер батысқа кетіп, оғыздар Хазар қағанаты шекарасына жақындаған. Печенегтер Днепр, Дунай, Дон бойындағы даланың жаңа иелеріне айналды. 915 жылы печенегтер алғаш Русьте бой көрсетуін жылнамалар былайша бейнелеген: «Придоша печенеги первое на Русскую землю и, сотвориша мир с Игорем, идоша к Дунаю» (Гундогдыев, 1998, с. 12-17).

Константин Багрянородный печенегтерді екі қанаттан тұратын 8 тайпаға бөлген. Л.Н. Гумилевтің пікірінше, X ғасырда далада түркі тайпаларының күші бірдей болып, әр тайпа өз территориясында көшіп қонған, бірақ, "X ғасырда, ғасырлық қуаңшылық далалық аймаққа келіп, Арал маңындағы оғыздар мен печенегтер Алтай маңындағы қыпшақтарға қарағанда көбірек шығынға ұшырайды".

Арал маңы оғыздары қыпшақтардың қарқынына төтеп бере алмай, батысқа қоныс аударады. Бірақ, бұл аймақта, өздерінің ислам дінін қабылдаған тайпаластарымен күрес жүргізуіне тура келген. XI ғасырдағы автор Шараф ат-Тахир әл-Марвази: «После того как гузы сделались соседями областей ислама, часть их приняла ислам и стала называться туркменами. Между ними и теми гузами, которые не приняли ислам, началась вражда. Число мусульман среди гузов умножилось, а положение ислама у

них уллучилося. Мусульмане взяли верх над неверными, вытеснили их из Хорезма в сторону поселений печенегов» (Гумилев, 1991, с. 360).

Ислам динін қабылдамаған "дінсіз ғұздар" орыс жылнамаларында "торк" этнонимімен аталды. Оғыз тайпалары печенегтерді ығыстырып, бірінен соң бірі келіп жатты. XI ғасырдың 30-жылдарында Қара теңіз маңы далаларында екінші ірі шайқастан соң, Солтүстік Қара теңіз маңы толығымен оғыздардың қоластына өтеді. Азов теңізі – Ғұз теңізі деп атала бастаған. 40-жылдары қыпшақтар мен оғыз-мұсылмандар тарапынан екі жақты қыспаққа ұшыраған оғыз тайпаларының қалдықтары келеді.

1040 жылы Тоғрыл-бек бастаған қынық тайпасы Дандакан түбінде жеңіске жетіп, Ұлы Селжұқ империясының негізін қалаған. Селжұқтар Оғыз жабғулар мемлекетінің негізін құраған "дінсіз оғыздарды" қыспаққа алады.

Селжұқ династиясына бағынбаған оғыз тайпалары 1049 жылдан бері Русьпен қарым-қатынасқа түсіп, 1055-1060 жж. еуразия далалары үшін Русьпен оғыздар арасында шайқастар болған. 1064 жылы оғыздардың бір бөлігі Дунай асып, Македония мен Фракияны соғыспен өтіп, Константинопольге жақындайды. Гректерден үлкен салық алған солтүстік оғыздар Византия империясы астанасы маңынан кеткен.

Византиялық деректердегі уздар, империяның Балқандық провинциаларына көшіп, болгарлар шабуылы мен эпидемиядан толығымен дерлік жойылады. Аман қалған бөлігі император бұйрығымен Македонияға қоныстандырылып, Византия әскерінде оғыз атты әскерлері пайда болған. Жекелеген оғыз қолбасшылары Византияда жоғарғы мемлекеттік қызметтерге тағайындалғаны белгілі (Расовский, 1933, с. 45-58).

Оғыздар Киев Русінде үлкен әскери және саяси рөл атқара бастады. Оғыздар төменде көрсетілген жылдарда орыс жылнамаларында торктер атымен аталған: 985, 1054, 1055, 1060, 1080, 1093, 1095, 1097, 1098, 1105, 1116, 1121, 1125, 1126, 1151, 1154, 1159, 1160, 1161, 1162, 1169, 1170, 1171, 1172, 1173, 1190, 1235 (Плетнева, 1973, с. 63).

Олар: печенег (бечене), берендейлер (баяндыр тайпасы), каепичтер (қай-оба оғыз тайпасы), ковуилер (қайы оғыз тайпасы), боуттар (баят оғыз тайпасы); сондай-ақ жеке рулық атаулар: басты, турпей, шелбир, реугы, ольбер, татрандар деп кездеседі.

Оғыздар Русьтің қыпшақтар жолына бөгет жасайтын табиғи қалқаны қалқаны болған. 1093 жылы, оғыздар негізгі соққыны өздеріне алады. Оғыз тайпалары атауына қатысты Русь жерінде 200-ге жуық бекініс, аймақ атаулары бар (Расовский, 1933, с. 45-58).

Русь жерінде мекен еткен – баяндур, печенег, қайы, баят тайпалары аман қалу үшін бірігу қажеттілігін түсінеді. Біріктіруші рөлін баяндур тайпасы атқарған. Жаңа тайпалық одақ "қарақалпақ" немесе орыс жылнамаларында "қара клобуктер" атауымен белгілі болды. Бұл атау алғаш рет 1146 жылы аталған (Барина, 2018, с. 261-269).

Қара клобуктер Киев князьдерінің белсенді көмекшісіне айналады. 1146-1202 жж. аралығында орыс жылнамалары бетінен түспеген тұғын. Олар, Русь үшін тек сыртқы жаулармен ғана емес, ішкі қарсыластарға қарсыда шайқастарға қатысады. Киевтіктер мен бірге өздеріне ыңғайлы князьдерді тағайындап отырған. Олжас Сүлейменов, "Оғыздар XI ғасырда Киев вечесінде Русь тұрғындарымен бір қатарда князь тағайындауға қатысып, өте беделді болғандығын" жазады (Сүлейменов, 1975, с. 83).

Оғыздар Киев тұрғындарымен тең құқықта Русь жерінде тұрды. Әрине, табиғатынан жауынгер бола отырып, олар Киев князьдерінің сенімді достарына айналған, ал олардың әскербасшылары, ең қарапайым орыс үлестік князьдері-феодалдар сияқты, өзіне вотчинаны талап етті.

Оғыз тайпалары Русь, Закавказье жері топонимикасында тайпалық этнонимдерін қалдырды. О. Гундогдыев, А. Гусейнзаде еңбектерінде осы мәселе зерттелген. Аталған аймақтардағы оғыздық топонимдер туралы қысқаша тоқтала кеткенді жөн санаймыз.

Оғыз-түркмен тайпаларының орыс князьдіктері, соның ішінде Киев Русі саяси тарихында маңызды рөл атқарғаны белгілі. Орыс жылнамалары X-XII ғғ. оғыз-түркмен тайпалары берендейлер (баяндыр), боуттар (баят), ковуилер (қайы), тиверлер (тувер), печенегтер (бечене) Русь жерінде бірқатар қалалардың негізін қалайды. Бұл қалалардағы қазба жұмыстарына қатысқан академик Рыбаков былай дейді: «По берегам реки Роси возникли города, заселенные черноклобуцкой знатью (черные клобуки - союз огузских племен), Юрьев, Торческ, Корсунь и др. Черные клобуки играли важную роль... и нередко влияли на выбор того или иного князя» (Куник, 1854, с. 2-3).

Жауынгер оғыз-түркмен әскері бар Киев Русі өз иеліктерін кеңейтіп отырған. Басты қалалары Торческ пен Канев болған оғыз қалалары баю үстінде болады. Екі қала Русьтегі оғыз-түркмен князьдігі астанасы болуға үнемі бәсекелес тұғын.

1177 ж. орыс жылнамалары Ростов қаласына барар жолда "алты берендей (баяндыр) қалалары" болған дейді. Берендейлер мен печенегтер, Прилук, Посечен, Ростовец, Неятин қалаларында тұрған. Еділ бойындағы оғыздардың ірі қаласы – Саксин.

Орыс жылнамаларындағы оғыз қалалары оғыз-түркмендік атауға ие болмаған. Оғыз-түркмен тайпалары орыс топонимикасында көп атау қалдырады. Олардың кейбірі әлі күнге дейін сол атаумен аталуда:

Галицк княздігінде – Торки, Торчиновичи, Печенежин, Печенея ауылдары;

Киев княздігінде – Торч өзені, Торчицы, Торчин, Торков ауылдары, Торч аңғары;

Переяслав княздігінде – Малая және Великая Каратуль;

Новгород-Север княздігінде – Торкин елді-мекені, Печенюги ауылы;

Суздаль-Ростов княздігінде – Торкино, Берендеево, Торки ауылдары, Берендеево батпағы;

Рязань княздігінде – Торческ қаласы.

Украина жерінде аймақтардың оғыз-түркмендік атаулары сақталған. О. Гундогдыев Сырдария бойындағы оғыз қалалары зерттеу мәселесімен бірге, Украина және Ресей жеріндегі оғыз қалаларын зерттеуді үлкен "оғыз мәселесіне" біріктіреді (21, 2-3 бб.).

XI ғ. ортасында Әзірбайжан территориясын оғыз-селжұқтары жаулап алған. Осының нәтижесінде, Әзірбайжан топонимикасында түркілік компонент қалыптасты. Рашид ад-Дин, Махмұд Қашғари атап кеткен 22 оғыз тайпасына, қарық және қарқын тайпаларын қосып, оғыз жаулау жорықтарына ұйғыр, қаңлы, қарлұқ, қыпшақ, халадж, акаджери тайпалары қатысқандығын көрсетеді. А. Гусейнзаденің пікірінше, оғыз тайпаларының ішінде – афшар, баят, баяндыр, бекділі, чепни, джувалдар, әймур, салор, тукар Әзірбайжан топонимиясында із қалдырады (Гейбуллаев, 1986, с. 27-28).

Дегенмен, бұл тізім толық емес екендігін айтқан жөн. Әзірбайжан топонимиясында 17 оғыз этнонимі белгілі афшар, қайы (қая), қарық, баят, әймур, ива, қарқын, джувалдар, баяндыр, бекділі, дукер, гараули, канглы, халадж, караболюк, чепни және салор. Кейбір Әзірбайжан ойконимдерінде қая компоненті орын алуда: Баллыгая (Кубатлин ауданы), Гаябаши (Варташен ауданы), Гаядиби (Тауз ауданы), Гаядали (Кубин ауданы), Гарагая (Ках, Шемаха, Исмаил, Ярдимлы аудандары). Аталған компонент, жартас мағынасына, мысты жартас аудармасына ие (Гейбуллаев, 1986, с. 28-30).

Баяндыр тайпасы Баяндурлы ойконимы мен Баяндурчай гидронимінде із қалдырған. А. Гусейнзаде бойынша, ива этнонимі тек Джува ойконимінде кездеседі. Дегенмен, А. Гейбуллаев зерттеулері фонетикалық өзгерген бұл этнонимнің тағы 3 ойконимде кездесетінін көрсетіп отыр. Әзірбайжан тілінен бұл этноним аударғанда үй мағынасын беруде.

Салор этнонимі жалғыз Салер ойконимінде көрініс тапты. Р. Юзбашев пен А. Гусейнзаде пікірінше, афшар этнонимі Апшерон жартыаралына сәйкес. Афшарлардың бір бөлігі, исаллу аталып, қазіргі Джалилабад қаласының бұрынғы Асуллу атауын береді (Гейбуллаев, 1986, с. 30-31).

Бекділі этнонимі екі Бейдили этнонимінде кездесуде. Әймур тайпасы Әймур, Имир ойконимдерін қалдырған. Караболюк этнонимі ойкономияда кездеспесе де, Қазақ ауданындағы Гарабалық атауын фонетикалық тұрғыдан караболюк этнонимінен шықты деуге негіз бар. Джувалдар этнонимі бар ойконим бүгінгі күні жоқ.

Қарлұқ тайпасы құрамына шігілдер кірген. Бұл атау Чигил чай гидронимінде көрініс табуда. Қазақ, өзбек, қарақалпақ халықтары қалыптасуында маңызды рөл атқарған – қаңлы тайпасы. Қаңлы тайпасы Әзірбайжандағы этникалық процесстерге үлес қосады. 1218 жылы монғолдармен бірге батысқа жылжыған қаңлылар Бозалғанлы, Гарағанлы, Диварғанлы, Ганлыкенд ойконимдерін қалдырған. Ұйғыр этнонимі Угрукенд ойконимімен таныстырылуда (Гейбуллаев, 1986, с. 31).

IX-XIII ғғ. Шығыс Еуропада печенег, оғыз, қыпшақ тайпалары өзара байланысқа түседі. VIII-X ғғ. басында Хазар қағанаты Батыс Қазақстан, Солтүстік Каспий, Орал маңы далаларында саяси билікті өз қолында ұстаған. Кейіннен, хазарлар орнына – печенег, оғыз тайпалық одақтары келеді.

"Печенег" сөзінің этимологиясы әлі күнге дейін белгісіз. Кейбір зерттеушілер бұл атаудың печенегтердің аңызға айналған алғашқы көсемі Бече атынан бастау алады деуде. "Печенег" сөзін "өзіндік", "балдыз" аудармасын береді деген пікірді жақтаушылар бар. Ертеде, печенегтер оғыз билеушілеріне қыз беретін беделді тайпа болған (Гундогдыев, 1998, с. 2-3).

Оғыз тайпаларының Кіші Азия, Хорасан жерлерінде орналасуымен олардың топонимикалық атаулары да бірге келді. Мысалы, қазіргі таңда Түркиядағы портты қалалардың бірі Орду қаласын, Түркменстандағы Дашоғыз уәләтын жатқыза аламыз. Анадолы жеріне қоныстанған кезде, оғыз-түркмен тайпаларында олардың дәстүрлі «үш оқ» және «бұз оқ» немесе оң және сол қанатқа бөлінуі сақталған. Бұз оқ тайпалары үш тайпаларынан солтүстікке қоныстанған. Орталық Анадолының солтүстігінде қазіргі күнге дейін Бұз оқ қыраты топонимы бар.

Ұзақ уақыт бойы Осман империясында осы административті бірлік Йозгат қаласы маңында сақталған. Измир уәлаятында Байындыр уезді орталығы бар, бұл Махмұд Қашғари белгілеген 22 тайпаның ішіне кіретін Баяндұр тайпасының атауы. Кіші Азияда оғыз топонимиясы кең көлемде кездеседі. Анкара уәлаятында 24 тайпаның 17-сінің атауы топоним ретінде кездеседі. Оғыз топонимдері Орталық Анатолияда көбірек, ал батыс аудандарда салыстырмалы түрде азырақ, шығысында мүлде аз. Бұл мәселе, оғыздармен түркмендердің көшпелі болуымен түсіндіріледі. М.Х. Йынанч пікірінше, оғыздар таулы аймақтарды емес, орталық аймақтардағы жазық далаларды алғаш қоныс еткен. Оғыздардың қынық тайпасымен байланысты 28 топоним бар. Анатолиядағы ең үлкен тайпа болғанына, сұлтандардың одан 4 түмен, ал басқа рулардан бір түменнен сарбаз алуы дәлел болады. Анатолияда қайы тайпасыда көпсанды болды, оған қатысты 27 топоним сақталған. Анталья ауданының ұзақ уақыт Теке елі, олардың билеушілері Теке бейлері аталуы түркмендік этнонимдердің Анатолия топонимінде қолданғанына негіз болады (Гордлевский, 1941, с. 120-124).

Белгілі тарихшы М.И. Артамонов, оғыздардың Русь жеріндегі қызметіне қорытынды жасаған. Ол "Ғұздар мен славяндарды Киевтің алтын үстелі айналасында бірігуі туралы айтты, ал бұл бірлестік, өз кезегінде, тек Русь мемлекеттілігінің ғана емес, сонымен қатар Ежелгі Русь мәдениетінің қарқынды өсуі үшін де мүмкіндіктер мен перспективаларға негіз болады" (Артамонов, 1962, с. 458).

1240 жылы Киевті моңғолдар басып алғаны белгілі. Көптеген оғыз тайпалары Алтын Орданың құрамына кірген, онда қыпшақтар оң жақ қанатын, ал оғыздар сол жақ қанатын басқарады. Алтын Орда құрамына тікелей кірмеген оғыздар кейіннен казактар деп аталған (Гундогдыев, 1996, с. 11-15).

Қорыта келгенде, оғыз тайпалары археологиялық ескерткіштерін зерттеу мәселесі оғыз этникалық тарихына тоқталуды қажет етеді. Сол себепті де, алғашқы бөлімде қысқаша оғыз этникалық тарихына, деректер хронологиясы, зерттеулерге қысқаша талдау жасадық. Қазақ тарихындағы оғыз компоненті бүгінде зерттеуді қажет етеді. Оғыз тайпаларының миграциясы туралы О. Гундогдыев деректер келтіріп, Ресей, Украина жерлеріндегі қалалардың зерттелуін Сыр бойындағы оғыз қалаларымен бірге үлкен "оғыздық мәселеге" біріктіруде. Аталған пікірге қосыла отырып, бұл бөлімде оғыз тайпалары атауларының Шығыс Еуропа, Закавказье жеріндегі аймақ топонимдерінде кездесуіне тоқталдық. Қазақстан жерінде де оғыздық топонимдер кездеседі. Аталған проблематикалардың барлығын оғыз этникалық тарихы мәселелеріне біріктіріп, болашақта үлкен талдау жасаймыз деген ойдамыз.

Әдебиеттер

- Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад: «Ылым», 1973. – 163 с.
- Агаджанов С.Г. Основные проблемы истории огузских племен Средней Азии. – Л.: ФИТН, 1967. – 220 с.
- Агаджанов С.Г. Государства Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. – М.: Наука, 1991. – 303 с.
- Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Издательство Гос. Эрмитажа, 1962.– 456 с.
- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Ғылым, 1989. – 293 с.
- Баринаева Е.В. Этнокультурные контакты средневекового населения Восточного Приаралья по данным археологических исследований XX века // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история 2018. – С. 261-269.
- Бартольд В.В. Тюрки: двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – Алматы: Жалын, 1993. – 290 с.
- Бубенок О.Б. А. П. Ковалевский как исследователь прошлого огузов // The World of the Orient, 2015, № 4. – С. 10-15.
- Гейбуллаев Г.А. Топонимия Азербайджана. – Баку: Элм, 1986.– 67 с.
- Гордлевский В.Л. Государство Сельджукидов Малой Азии. – М.: Издательство АН СССР, 1941. – 204 с.
- Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – М.: АСТ, 1991. – 393 с.
- Гундогдыев О.А. Казаки // Политический собеседник. № 7. Ашхабад, 1996. – С. 11-15.
- Гундогдыев О.А. Огузы в Древней Руси // Вечерний Ашгабат. – 1995. – 20 октября.
- Гундогдыев О.А. Печенежское государственное объединение // Туркмен тарыхында девлет меселеси (гадымыет ве орта асырлар). – Истанбул, 1998. – С. 12-17
- Запорожец В.М. Роль тюрк-сельджуков в исторических процессах на Ближнем и Среднем Востоке в XI – начале XIV века. – М.: Наука, 2017. – 504 с.
- Ковалевский А.П. Ибн Фадлан. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу (перевод А. П. Ковалевского) / Под. ред. акад. И. Ю. Крачковского. – М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 228 с.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлан о его путешествии на Волгу в 921– 922 гг. – Харьков, 1956. – 345 с.
- Куник А. О торкских печенегах и половцах по венгерским источникам // Записки Академии наук. - Отд. I, III., 1854. – С. 733.
- Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков. – М.: Наука, 1973. – 96 с.

- Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР). – М.: Наука, 1981. – С. 20-27.
- Расовский Д.А. Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Угрии // Семинариум кон- даковичанум. – Прага, 1933. – № VI, С. 45-58.
- Сулейменов О. Аз и Я. – Алма-Ата: Ғылым, 1975. – 190 с.
- Ужкенов Е.М. Огузы на территории Казахстана// Абай атындағы ҚазҰПУ-дың Хабаршысы, "Тарих және саяси әлеуметтік ғылымдар" сериясы. – 2007. – № 2 (13), С. – 32-36.
- Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri-boy teşkilati-dcstanları. – Ankara, 1972. – S. 62.
- Togan Z. V. Umumi Türk tarihine giriş. Cilt I. İstanbul. 1946. S. 175.

S.B. Yesbay

ETHNIC HISTORY OF THE OGHUZ TRIBES: A HISTORIOGRAPHICAL OVERVIEW

This article deals with the problem of the ethnic history of the Oghuz tribes. Today, the study of the history of tribal States is very relevant. Sources on the history of the Oghuz tribes mainly consist of Arabic-language works. In the works of al-Idrisi, Balazuri, Ibn Fadlan the first mention of the Oghuz tribes occurs. In the research of S. P. Tolstov, S. G. Agadzhanov, and O. A. Gundogdiev the Oghuz problem in Russian history is raised. One of the main problems in the history of Oghuz tribes is the localization of Oghuz cities. The article shows the period of migration of Oghuz tribes to the West. The studied problem reflects one of the topical issues that has its own place both in Russian history and foreign historiography.

Тажекеев А.А., Алибай Б.Е.

*Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата
г. Кызылорда, Казахстан
E-mail: azik8484@mail.ru*

КЕРАМИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ С ГОРОДИЩ СОРТОБЕ 1 И 2 ЗА ПОЛЕВОЙ СЕЗОН 2019 г.

ГородищаСортобе1 иСортобе2 расположены в 12 км к западу от села Жосалы Кармакшинского района Кызылординской области Республики Казахстан. Разведочные работы на городищахСортобе были начаты в 2007 году отдельным разведочным отрядом Чирикратской археологической экспедиции под руководством Ж.Курманкулова (нач. отряда А.А.Тажекеев) и международным научным центром «Археолог» (директор М.Елеуов). На памятниках были сделаны обмеры, собран подъемный материал и установлено, что памятники находятся в аварийном состоянии (Курманкулов, Тажекеев, Кзылбаев, 2007, с. 345-346). Археологические исследования на обоих объектах были начаты с 2017 года. В 2018-2019 годах исследования на Сортобе 1 и Сортобе 2 были продолжены. Исследования на Сортобе 1 продолжались изучением двух основных объектов: раскопа 1 – разрез стены и раскопа 2 – жилой квартал. На городище Сортобе 2, также продолжены исследования жилого участка на цитадели – раскоп 1, а в районе предполагаемого рабата заложен шурф. Найденный на городищах археологический материал представлен преимущественно большим количеством фрагментированной керамики, изделиями из металла, камня и кости (рис. 1).

Керамика с городища Сортобе 1, Раскоп 1.

Объектами исследования нынешнего полевого сезона на Сортобе 1 Раскоп 1 были помещения 5,6 и 7, в которых практически повсеместно на уровне первого (-20-93 см) и второго строительного горизонтов (-93-140 см) встречается керамический материал, в основном ручной лепки, часты находки кухонных венчиков с нагаром. Фрагментов круговой керамики немного, они представлены венчиками и стенками столовых сосудов.

В помещениях 5 и 6 пределах обоих строительных горизонтов от -95 см до 137 см найдены фрагменты керамической посуды. Это крупные красно- и темно-глиняные лощеные кувшины ойнохоевидного типа с красным или черным ангобами, фрагменты крупных лепных хумов кирпично-красного и темно-коричневого цветов, на внешней поверхности которых фиксируется ангобная обмазка или потеки ангоба, красноглиняные фрагменты корыт, также покрытые ангобом, фрагменты сковород и тандыров.

1. Керамический кухонный горшок (рис. 2) обнаружен в помещении 6 на глубине -135 см. Сосуд ручной лепки, с широким устьем, горловина невысокая, тулово, раздутое яйцевидной формы. Посуда сформована из среднеоожеженной глины, с примесью шамота. Обжиг качественный, цвет черепка

светло-коричневый. На внешней поверхности тулова прослеживается обмазка густым раствором в виде пальцевых разводов. Следы лощения отсутствуют. На внешнем крае венчика имеется орнамент в виде вертикальных насечек.

2. Керамическое пряслице (рис. 3) обнаружено в квадрате 8 помещения 7 на глубине -125 см. Предмет конусовидной формы, со сквозным центральным отверстием. Оно изготовлено ручной лепкой, из высокожелезистой глины, с примесью шамота, обжиг качественный, цвет кирпично-красный. На внешней поверхности предмета не имеется, а и лощения. На поверхность основания предмета нанесен орнамент из двух поясов точечных вдавлений и одного резного круга между ними.

3. Керамический светильник с поддоном (рис. 4) обнаружен в помещении 6 на глубине -137 см. Предмет представляет собой пиалобразную емкость со сливом, в нижней части емкость переходит в ножку, которая утеряна. Посуда выполнена ручной лепкой, из высокожелезистой глины, с примесью шамота, обжиг некачественный, цвет черепка колеблется от кирпично-красного до темно-серого. На внешней поверхности светильника следов обработки не прослеживается. На внутренней стенке посуды четко фиксируются следы черного ангоба. Остатки нагара не прослеживаются.

Описание керамического материала с городища Сортобе 1, Раскоп 2.

На Раскопе 2 были продолжены исследования жилого квартала, на котором археологический материал происходит из помещений 11, 12, 13, 14, 15, двор в квадратах 5,6,7,8в пределах первого и второго строительного горизонтов. Наиболее интересный керамический материал представлен с -40-70 см из первого строительного горизонта и до -170 см из второго строительного горизонта.

Керамика представлена фрагментами венчиков, стенок и дна лепных кухонных горшков и крышек, с нагаром на внешней поверхности, фрагментами тарных кувшинов средних размеров с черным и красным ангобом по внешней поверхности и лощением. Встречаются лепные фрагменты хумов, корыта, тандыров. Незначительное количество фрагментов лепной столовой посуды – кружек и мелких кувшинов. Чаще чем на Раскопе 1 встречаются фрагменты круговой посуды. Это фрагменты небольших сероглиняных тарных горшков и кувшинов с массивными ручками, есть фрагменты дастарханов.

1. Амфоровидный кувшин с двумя ручками (рис. 5) обнаружен в квадрате Г5 на глубине -172 см. Предмет археологически целый, дно утеряно. Горловина кувшина средней высоты, несколько сужена, по двум ее противоположным сторонам имеются налепные ручки, тулово удлиненной яйцевидной формы, расширенное в верхней части. Сосуд изготовлен на гончарном круге отдельными частями, на внешней поверхности четко читаются линии стыка. Сформован кувшин из высокожелезистой глины, с примесью дресвы и органики. Обжиг качественный, цвет посуды кирпично-красный. На внешней поверхности кувшина имеется ангоб, нанесенный неким предметом мазками.

2. Фрагмент керамического сосуда (рис. 6) обнаружен в квадрате Г6 на глубине -172 см. Сосуд зафиксирован без верхней части с утерянным горлом и плечиками. В придонной части имеются два шишечных налеса, прикрепленных по вертикальной линии. Сосуд сформован ручной лепкой из высокожелезистой глины, с небольшой примесью шамота. Обжиг качественный, цвет посуды кирпично-красный. На внешней поверхности кувшина не прослеживается ангоб, орнамент, или лощение. На внешней поверхности дна сосуда имеется резной знак в виде креста.

Описание археологического материала с городища Сортобе 2, Раскоп 1, шурф.

Городища Сортобе 2 Раскоп 1 исследованы четыре строительных горизонта, и заложенный вблизи шурф. Из этих двух объектов происходит ниже представленный археологический материал. В пределах верхнего строительного горизонта от -20 см до -100 см, происходит более поздний материал, представленный фрагментами керамики с голубой поливой, фрагментами сероглиняной круговой керамики. В пределах помещений второго строительного встречаются фрагменты лепной керамической посуды, представленной фрагментами кухонных горшков, крышек, хумов с потеками темно-коричневого ангоба.

В пределах вскрытых помещений на Раскопе 1 на глубинах -108-175 см, зафиксированы фрагменты хумов ручной лепки, сформованы из высокожелезистой глины с примесью шамота и дресвы, есть фрагменты хумов, сформованных на гончарном круге с примесью дресвы. На поверхности некоторых фрагментов хумов имеются потеки темно-коричневого ангоба, есть фрагменты с резным орнаментом в виде свисающих гирлянд. Диаметры устья хумов судя по сохранившимся фрагментам горловин колеблются до 30 см. Встречаются фрагменты круговой посуды, из нижних строительных горизонтов происходящие из впускных ям более позднего периода в основном это фрагменты небольших сероглиняных горшков и крупных кувшинов с массивными ручками, сформованные на гончарном круге.

1. Развал керамического сосуда (рис.7) обнаружен в помещении 5 в яме более позднего периода на глубине -115 см. Сосуд представляет собой крупный тонкостенный горшок, с высокой горловиной, слегка расширенным, яйцевидной формы туловом. На верхнем крае венчика и плечики сосуда наклеены две ленты, которые оформлены узором в виде пальцевых защипов. Сосуд сформован ручной лепкой из высокожелезистой глины, с небольшой примесью шамота. Обжиг некачественный, цвет посуды от темно-серого до кирпично-красного. Ангоб или лощение не прослеживается. Сосуд склеен лишь частично, восстановлены горловина, тулово, дно, однако отсутствуют фрагменты в зоне перехода тулова ко дну. В связи, с чем не удалось восстановить высоту сосуда.

2. Фрагменты сероглиняного керамического кувшина (рис.8) обнаружен на глубине -50 см. Сосуд представляет собой крупный тарный тонкостенный кувшин с узкой горловиной, раздутым туловом и массивной вертикальной ручкой. Ручка прикреплена к верхнему краю горловины и средней части тулова. Сосуд сформован на гончарном круге из слобоожезистой глины, с примесью песка и шамота. Обжиг качественный, цвет посуды светло-серый. Ангоб или лощение не прослеживается. На одном из участков верхней части тулова имеются прямые вертикальные резные линии. Сосуд склеен лишь частично, восстановлены горловина и тулово, фрагменты дна не найдены. В связи, с чем не удалось восстановить высоту сосуда.

3. Керамического пряслица обнаружено в шурфе на глубине -144 см. Предмет выточен из фрагмента черепка керамического сосуда, имеет форму неправильного диска, с недоработанными краями, по центру пряслица имеется сквозное отверстие. Изготовлен из фрагмента сосуда круговой гончарной лепки, из высокожелезистой глины с примесью среднезернистого песка, обжиг качественный, цвет светло-коричневый. Следов ангоба, орнамента или лощения на внешней поверхности не прослеживается.

Описание археологического материала с городища Сортобе 2, шурф.

1. Весьма интересной находкой является медный казан обнаруженный в шурфе на глубине -137 см. Сохранилась лишь верхняя фрагментированная часть посуды. Предмет сильно корродирован, четкие его контуры утеряны.

Таким образом, на основе анализов керамического материала с городищ Сортобе 1, Сортобе 2 в полевом сезоне 2019 года выявленный керамический материал представлен в основном посудой. Аналогии этим изделиям мы находим на городище Джанкент (Амиргалина Г.Т. Керамический комплекс // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.). – Алматы: Издательство «Арыс», 2014. С. 188-240. на городищах комплекса асарской культуры (Левина, 1971), на городище Сауран (Смагулов, 2011). Найденная посуда преимущественно тарного типа – хумы, кувшины, тандыры. Есть фрагменты кухонной посуды – сковороды, горшки, корыта. В отличии от керамических находок предыдущих годов в нынешнем полевом сезоне было выявлено немало светильников, как фрагментированных, так и целых. Особенно следует отметить помещения 5,6,7 городища Сортобе 1 Раскопа 1, где выявлены светильники около десятка экземпляров, представленных несколькими формами. Остальные категории керамических изделий (кружки, кувшины, крышки; бытовые изделия – чигири, сфероконусы, пряслица, изваяния, очаги-подставки в виде голов баранов) тоже встречаются, но численно их меньше.

Декор на керамических изделиях менее разнообразен, чем, к примеру, керамика с городища Джанкент. Он не отличается большим разнообразием, как в технике нанесения, так и в тематике рисунков, эта ситуация прослеживалась и на керамике, выявленной на Сортобе в полевом сезоне прошлого 2017-2018 годов. Наиболее характерные способы нанесения рисунков – это резьба краем острого предмета по сырой глине, имеются налпы, обмазка сырой глиной и пальцевые разводы поверх сырой глины, часты насечки косые и прямые на венчиках и плечиках сосудов. Наиболее характерный орнаментальный декор на изделиях – геометрический. Это треугольные вдавления нанесенные техникой штампа, и прямоугольники образованные резными линиями. На фрагментах дастарханов встречается штампованный орнамент из кругов и пальцевых разводов. Встречается налепной орнамент, представленный на фрагментах чигирей в виде шишечек или антропоморфный орнамент на туллове хумов. Интересными является резные тамги на внешней поверхности дна тарных сосудов.

Керамический комплекс городища Сортобе сложный и неоднородный по своему составу. Прежде всего, он находит широкие аналогии среди материалов средневекового городища Джанкент, о чем уже неоднократно говорилось в ходе анализа керамики предыдущих лет. Сходство проявляются в коллекции посуды, изготовленной ручным способом. Параллели можно провести между кухонными горшками, сковородами, кружками на Сортобе и на Джанкенте. Схожесть проявляется в сковородах на обоих городищах, только на сортобинских сковородах на дне посуды не прослеживаются следы

зерновых подсыпок, что характерно для джанкентских сковород. Для сортобинских сковород в качестве подсыпок при формовке использовалась сухая глина и шамот по результатам находок нынешнего года.

Рис. 1. План городище Сортобе 1

Рис. 2. Керамический кухонный горшок

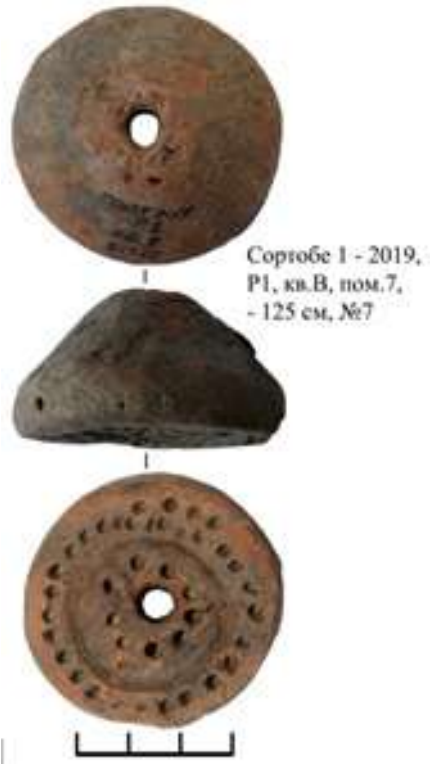

Рис. 3. Керамическое пряслице

Сортобе 1 - 2019,
P1, кв. 10, пом. 10,
-137 см, №13

Рис. 4. Керамический светильник с поддоном

Сортобе 1 - 2019,
P2, кв. Г6, -172 см,
№11.

Рис. 6. Фрагмент керамического сосуда

Сортобе 2 - 2019,
P1, участок В,
-115 см

Рис. 9. Развал керамического сосуда

Сортобе 1 - 2019,
P2, кв. Г5, -172 см
№9

Рис. 5. Амфоровидный кувшин с двумя ручками

Сортобе 2 - 2019,
P1, участок В,
-115 см

Рис. 8. Фрагменты сероглиняного керамического кувшина

Литература

Амиргалина Г.Т. Керамический комплекс // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.). Алматы: Издательство «Арыс», 2014. С. 188-240.

Курманкулов Ж., Тажекеев А.А., Кзылбаев Т. Городище Сортобе1 // Свод памятников истории и культуры РК. Кызылординская область. Алматы, 2007. С. 345-346.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. // ТХАЭЭ. М.: Наука, 1971. Т. VII. 251 с.

Отчет о работах Сортобе археологической экспедиции в 2018 г / А.А. Тажекеев. 93-1 с.

Отчет о работах Сортобе археологической экспедиции в 2019 г / А.А. Тажекеев. 111-1 с.

Отчет о работах Сортобеархеологической экспедиции в 2017 г/ А.А. Тажекеев. 108-1 с.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы, 2011. 401 с.

Тажекеев А.А., Болелов С.Б., Дарменов Р.Т., Билалов С.У. Археологические работы на городище Сортобе // Маргулановские чтения – 2019: Материалы международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан, 2019. С. 592-603.

A.A. Tazhekeev, B.E. Alibay

CERAMIC MATERIAL FROM CITIES OF SORTOBE 1 AND 2 FOR THE FIELD SEASON 2019

The article presents studies of ceramic material found in 2019 in the agestowns of Sortobe 1 and 2. The paper presents the characteristics of ceramics by complexes, their comparative analysis is carried out, and their analogies are found in materials of chronologically similar cultures. As a result of the research, a brief qualitative analysis is also considered.

А.Б. Бермаханова, О.Ж. Бегалиев

«Қорқыт ата» мемориалды музейі кешені

Қызылорда қ., Қазақстан

E-mail: aikosha_zhan@list.ru; b.oljas_91@bk.ru

ҚОШҚАР БЕЙНЕСІНІҢ КУЛЬТТІК МӘНІ

Жазба деректер бойынша IX-XII ғасырларда Арал мен Каспий теңіздерінің аймағында үлкен Оғыз мемлекеті құрылды. Оғыз мемлекетінің Сырдария бойларында бірнеше ірі қалалары болды Қарнақ, Сүткент, Жендті мекендеді. Бұл халық отырықшы болғандықтан егіншілікпен қолөнермен айналысты.

Сырдарияның орта және төменгі ағысында орналасқан Оғыз қалашықтарында қолөнер орталықтары болған. Басым бөлігі қыш ыдыстар өндірісі болды. Женд, Жанкент, Сортобе қалашықтарына жүргізілген археологиялық ғылыми-зерттеу жұмыстарының нәтижесінде жергілікті шеберлер жасаған керамикалық ыдыстар көптеп табылып аршылған бөлмелерден табылған қыштан күйдірілген ошак қасында тұратын қошқар бейнесінде тұғырнамалар көп табылды.

Қошқар бейнесі тұғырнамасы Орта Азияның көне халықтарында соның ішіндегі IX-XII ғасырларда Сырдарияның орта мен төменгі ағысында мекендеген оғыз тайпаларында үлкен рөл атқарған. Қошқар культі зорастризм дінің бір жалғасы, көбінесе молшылыққа, жануарлардың пірі, жамандықтан қорғайды, үйге бақ береке сыйлайды деп есептеген.

Қой малы – сонау көне замандардан күні бүгінге дейін адамзат баласының күнделікті тұрмыс тіршілігіне өте үлкен рөл атқарып келе жатқан «төрт түліктің» бірі өйткені ол сойса-ет, сауса сүт,жүнін қырқып қажетіне жаратса-киім-кешек, көрпе-жастық болып табылады.

Археологиялық қазба жұмыстары барысында Жанкент, Сортобе, Кескен күйік қалаларының тұрғын үй бөлігінде әр бөлменің ортасынан Қошқар бейнесі болып жасалған тұғырнамалар табылған (сурет 1).

Оның құрылымы басқа бөлмелердегі ошактармен бірдей болып келеді (1,7 x 1,1м). Тігінен қатар қойылған екі кірпіштің ара-қашықтығы 40 см, екі кірпіш бір-біріне қарама-қарсы сыртқа қарай иіле қойылған. Бұл конструкцияның солтүстік жағынан арнайы күйдірілген керамикадан жасалынған стилді түрдегі, екі қойдың бейнесінде салынған декоративті бұйым табылды (Байпаков, 1980, с.25).

Сурет 1. Сортөбе қалашығының бөлмелерінен табылған қошқар бейнелері

Оның ұзындығы 45 см, ал биіктігі – 40 см. Бұл фигура геометриялық оюлармен безендірілген. Осындай мүсін 2007 жылғы Жанкенттің цитаделінде жүргізілген қазба жұмыстарында, Кескен-Күйік қала мен басқа да ескерткіштер маңында табылған болатын (Курманкулов, Аржанцева, Зиливинская, Рузанова, Сыдыкова, 2007, с.15-20). Қошқар культтік мәніне талдаулар жүргізе отырып осы таңда жарық көрген мақалалардың ішіндегі З.С.Самашев пен Ж.М.Жетібаевтың «Қошқартас-қазақ қабір үсті ескерткіштерінің ерекше түрі» деген мақаласы жарық көрген. Мұндай ошақ басына қойылатын бұйымдар унитарлық мақсаттарға ғана емес, сонымен қатар культтік қызмет атқарып отырған (Самашев, Жетібаев, 2001, 210-215 б.). Осыған осы қошқардың қандай қызмет атқарғанына байланысты анықтама берген олардың ішіндегі:

Қой (қошқар)-құрбандық малы.

Қошқар-билік символы.

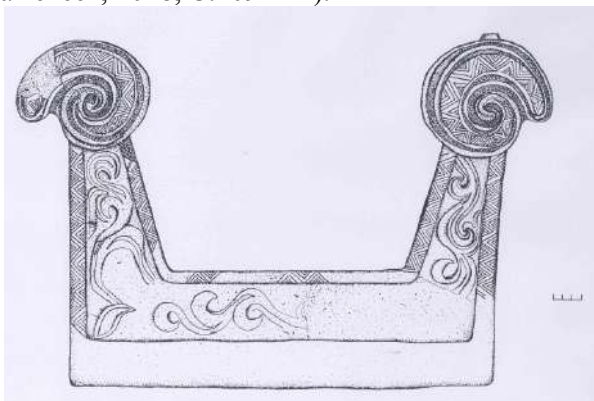
Қошқар- «құт».

Қошқар-батырлық, мықтылық символы.

Қошқар-жебеуші.

Қошқар-өніп-өрбу символы.

Археологиялық қазба жұмыстары барысында Жанкент пен Кескен күйік қаласынан табылған қошқар мүсіндері безендірілген ошақтар ерекше алтарьға айналып, үй шырағының функцияларын да атқарған, яғни үй ішіндегі ғибадат орны болып та тұрған. Өртүрлі формалы керамикалық алтарьлар ортағасырда Сырдарияның көптеген қалалары мен аймақтарында кеңінен таралған (Дарменов, Тажекеев, 2018, С.109-122).

Сурет 2. Жанкент қалашығынан табылған қошқар бейнесі (Жанкент археологиялық экспедициясының архивнен)

Сырдарияның жоғарғы және төменгі ағысын археологиялық зерттеулер барысында керамикадан жасалған қошқар бейнесі көбінесе мүйіздері жақсы көрініс тапқан. Отырар қаласында қазба жұмыстары барысында қошқар бейнесі көптеп табылған бұл аймақта ерте ортағасырлардан тұрақты сақталып келген ұқсайды.

К.М. Байпаковтың «Культ барана у сырдарьинских племён» атты мақаласында қошқарлардың жасалуын бірнеше бөліп қарастырған:

1) қошқарлардың реалистік фигуралары; 2) «қос тұтқалар» деп аталатын жоғары дәрежесі бар қошқарлардың стилистикалық фигуралары; 3) шынайы орындалған қошқарлардың протомалары.

Бірінші және екінші типтері қыш ыдыстардың тұтқаларының, көбінесе шілтердің рөлін орындайтын шынайы және стильденген қошқарлардың фигуралары болып табылады. Әдебиетте мұндай ыдыс

«зооморфты тұтқалары бар қыш ылыстар» деп аталды. В. Григорьев Ташкент оазисінде қой фигурасы түріндегі қаламмен керемет шеңбердің үлгісін тауып, қыш ыдыстың бұл түрін Қанды тайпасының қауыншы мәдениетімен байланыстырды. Кейін Сырдариядағы қоныстар мен қорымдарды қазу кезінде осы тектес көптеген бұйымдар табылды. Зерттеушілер зооморфты тұтқалары бар тамырлардың таралу аймағы Сырдарияның орта және төменгі ағысын қосуға болады деп есептеген.

Қыштағы қойдың ең ерте шынайы бейнесі төменгі Сырдарияның төменгі ағысы Жетіасар мәдениетінің Төмпақасар қалашығын қазу кезінде б.з. б. І мыңжылдықтың екінші жартысына жататын қаланың қабаттарынан табылды. Қойдың керемет бейнесі Қарауыл-төбе қалашығында Арыстың жоғарғы жағында, б. З. І ғасырлардың қабаттарында табылып отыр.

Жанкент, Сортөбе қалашықтарынан табылған қошқарлар оғыз тайпаларының дүниетанымын сыр шертіп отыр, қазіргі таңдағы бұл табылған жәдәгерлер Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті және Қорқыт ата мемориалдық музейлерінің көрме залында қорында және көрмелерінде орын тауып, келген туристерге, мектеп оқушыларына ұсынылған.

Әдебиеттер

Байпаков К.М. Культ барана у сырдарьинских племен Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: 1980. С. 32-45

Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А., Ритуальные очаги на Городища Жанкент // Народы и религии Евразии 2018 №4 (17) С. 109-122.

Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А., Сыдыкова Ж.Т. Археологические работы на городище Джанкент в 2006 г. – Кызылорда: «Инжу-Маржан», 2007. – 124 с.

Самашев З.С., Жетібаев Ж., «Қошқартас-қазақ қабір үсті ескерткіштерінің ерекше түрі // Известия МОН РК НАН РК. Серия общественных наук 2001 №1. С.210-217.

A.B. Bermakhanova, O. Begaliev

THE CULT VALUE OF THE IMAGE KOSHKAR

The article gives a brief overview of the clay figurine "Koshkar" found in residential complexes during excavations by medieval Oguz tribes located in the Karmakshy and Kazalinsk districts of Kyzylorda Oblast from Jankent and Sortobe. The outlook of the Oguz tribes of that period will be considered. Currently, the image of the Koshkar is exhibited in the exhibition hall of the Korkyt Ata Memorial Museum Complex.

Жүнісханов А.С.

«Назарбаев Университеті» ДББҰ

Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан

E-mail: aidyn.zhuniskhanov@nu.edu.kz

МОҢҒОЛ КЕЗЕҢІ БОЙЫНША СЕМЕЙДІҢ ЕРТІС ӨңІРІНЕН ТАБЫЛҒАН ЖАҢА АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ДЕРЕКТЕР

Шығысында Зайсан көлімен, батысында Шығыс Еуропаның біраз бөлігіне дейін иелігі созылып жатқан Жошы ұлысының (Шамильоглу, 2016, с. 665) жерлеу кешендеріне қатысты отандық археолог мамандар тарапынан еліміздің әр жерінде жүргізілген зерттеулері нәтижесінде б.з. XII-XIV ғғ. мерзімделетін кешендер тобы ашылып, ғылыми айналымға енуде. Бұндай зерттеулер, әлбетте сол уақытта Еуразия даласында жүрген этномәдени және әлеуметтік-экономикалық үдерістерді зерттеуге, олардың барысы мен нәтижесін бағамдауға мүмкіндіктер беретіндігі сөзсіз. Десекте, еліміздегі бұл бағытта зерттеулер қола ғасыры мен ерте темір дәуірінің жерлеу кешендерін зерттеу ісімен салыстыра қарағанда кенжелеп дамып келе жатқан археологиялық бағыттардың бірі екендігін аңғарамыз. Қалыптасқан жағдай, кезең бойынша қордаланған мәселелерді шешу ісінде кедергісін келтіруде. Осы ретте жүйелі далалық зерттеулер мен қолдағы бар мәліметтерді саралау ісінің маңызы зор.

Жоғарыда көрсетілген мәселелерді шешуде Жошы ұлысының шығыс шекарасындағы, қазіргі Шығыс Қазақстан облысы аумағы ғылыми маңызы жағынан қызықты аймақтардың бірі. Себебі, аймақ Моңғол ұлысы мен Жошы Ұлысының тоғысар торабында орналасқан. Сол себепті аймақтағы жерлеу ескерткіштерін зерттеу арқылы біз Жошы ұлысында жүрген саяси-мәдени үдерістерді анықтай аламыз.

Бүгінгі таңда Шығыс Қазақстандағы Жошы ұлысымен мерзімделетін жерлеу ескерткіштері мен тарихи жәдігерлер санаулы ғана. Жаңадан ашылған әрбір жаңа кешен қорданаланған мәселелерді шешу бағытында ғалымдар үшін таптырмас ғылыми дерек.

Жошы ұлысының уақытымен мерзімделетін жерлеу ескерткіштер тобы Шығыс Қазақстан аумағында 1998-2000 жж. аралығында Күршім ауданы территориясында Ресей-Қазақстан біріккен экспедициясы аясында Марқакөл археологиялық тобы тарапынан жүргізген далалық зерттеу жұмыстары нәтижесінде табылды (Дашковский П.К. и др., 2007). Ол кешендердің қатарына Айнабұлақ I кешенінен бір оба (№12 оба), Айнабұлақ II кешенінен үш оба (№1, 2, 3) және Бәйгетөбе қорымынан екі оба (№1 және 3 обалар) жатады. Күршім ауданы территориясындағы аталмыш кешендерді зерттеуші мамандардың пікірлерінше бұл Жошы ұлысы кезеңінде Шығыс өңірінің исламдану үдерісін көрсететін ескерткіштер қатарына жатады. Себебі, зерттелінген обаларда жерленген адамдардың басым бөлігі бастырмен батысқа қарата жерленген және мүрделердің жанына қандай да бір зат қоймаған. Қазақ даласының шығыс бөлігінде осы бағыттағы зерттеулерді жандандыру керек деген ойдамыз.

Мақаламыздың негізгі нысаны 2018 жылдың көктем айларының бірінде Семей қаласынан оңтүстік-батысқа қарай Семей-Қайнар авто жолының 28 шақырымында Ертіс өзенінің сол жақ саласы Мұқыр өзенінің оң жағалауындағы тік жардың етегінен Семейдегі «Прииртышье» өлкетану клубының мүшелері тапқан, баспасөз беттеріне «Мұқыр аңшысы» атауымен берілген жерлеу болмақ. Өкінішке орай, клуб мүшелері ешқандай да, археологиялық зерттеу әдістемесін сақтамай, арнайы мамандарды шақырмай өздері қазып алып, жерлеуді бүлдіріп алған. «Тонаушылық» сипатта жасалған қазба нәтижесінде табылған жәдігерлер бүгінде Өскемен қаласындағы облыстық өлкетану музейге тапсырылды.

Жерлеу орының зерттеу барысында, жерлеу қандай да бір үймесіз, шұңқырға жерленгендігі анықталды. Мола шұңқырының ішінен өлкетанушылардың мәліметтеріне сүйенетін болсақ, басымен солтүстік-шығысқа қаратыла жерленген мүрде және ұштары домаланған, жақтаулары тегістеу, иықтары еңістеу келген темірден жасалған екі жебенің ұшы мен садақ жабдығының қалдықтары (?) табылды (Сур. 1, 2).

Сур. 1. Жебе ұшы (темір)

Сур. 2. Садақ жабдығының элементі (?)

Мұқыр өзенінен табылған жебе ұштарын салыстырмалы анализ жасау нәтижесінде жерлеуді б.з. XIII-XIV ғғ аясында мерземедеуге болады. Қазба нәтижесінде табылған жебе ұшының Еуразия даласындағы ежелгі және ортағасырлық көшпелілердің әскері ісі мен қару-жарақ үлгілері бойынша танымал маман Ю. С. Худяковтың типологизациясына сәйкес Еуразияның барлық бөлігінде моңғол дәуірінде кеңінен тарағандығы (Худяков, 1991, с. 111) анықталды. Жалпы бұндай типтегі жебе ұштарын еуразияның көшпелі тайпалары хунну заманынан бастап, этнографиялық кезеңге дейін пайдаланғандығын атап өту керек, дегенмен, бұндай жебе ұштары ортағасырларда, әсіресе моңғол кезеңінде Еуразияның далалық өлкелерінде кең таралып, моңғол империясы мен моңғол шапқыншылығының «визиттік карточкасы» деп бағаланады (Акматов, 2015, 194 с.).

Моңғол кезеңімен мерзімделетін тарихи деректерде моңғол ұлысының сапындағы әрбір еркек пен әйел аттың үстінде жауып келе жатқанда алдыменде және артыменде садақпен дәл ататын мергендіктері туралы жазылады. Сондай-ақ, саяхатшы Плано Карпини: «Моңғолдардың жебелері темірден жасалған, өткір, екі жағынан да кесіп өтеді, жебелерінің ұштарында ұзындығы бір саусақ мөлшеріндей ағашқа кигізілетін темірі болады...» деп дәл сипаттамасын береді. Жалпы, Моңғолдардың алыстан ұрыс салу қаруларының түрлерін зерттеуші мамандардың пікірлері бойынша моңғолдардың садақтары мен жебелерінің тиімді болуы, олардың Еуразия даласында өктемдік жүргізуінің бір себептері болғандығын айтады. Десекте, жаулап алынған жерлерінде қандай да бір аса қатты

қарсыластық көрмеген моңғол сарбаздары құрыш бұзатын (бронбойный) жебе ұштарын жетілдіру бағытында алға ілгерлеушілік жасамады. Бұның айқын мысалын хунну дәуірінен бері өзгермей қолданыста болған дәстүрлі жебе ұштарының формасынан анық көреміз.

Қорыта айтар болсақ, Семей өңірінен табылған моңғол дәуірінің жерлеуі осы бағытта зерттеу ісінің болашағы зор екендігін көрсетеді. Сондай-ақ, аталмыш кезеңнің жерлеу ескерткіштерін зерттеу арқылы біз жерлеу салтында орын алған өзгерістерді тіркеп, өңірде жүрген мәдени үдерістерде нақты археологиялық деректерге сүйене отырып, негіздеуге мүмкіндік аламыз.

Әдебиеттер

Акматов К.Т. Железные наконечники стрел кочевников Тянь-Шаня в монгольское время // Вестник НГУ. Серия. История, философия. 2015. Том 14, выпуск 7: Археология и этнография. С. 193-202.

Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан) Барнаул: Азбука, 2007. 96 с. + вкл.

Шамильоглу Ю. Изменение климата в Центральной Евразии и Золотой Орде // Золотая Орда в мировой истории. Колл. монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 968 с. + 28 с. цв. вкл.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1991. 190 с.

A.S. Zhuniskhanov

NEW ARCHAEOLOGICAL DATA OF THE MONGOL PERIOD FROM THE SEMEY IRTYSH REGION

The grave with the following grave goods: iron arrowheads and quiver fragments (bronze) has been discovered on the right bank of the river Mukur in 2018. Analysis of the grave materials allowed us to provide preliminary dating of this archaeological site in the paper. The outlined extensive analogies and existing tendencies of warrior weaponry development indicate that the grave is of XIII–XIV CE. The obtained data expands our knowledge about the culture of the people that populated the Semey Irtys region in the Mongol period.

Қ.С. Арынов¹, К.М. Жетібаев¹, М.М. Бахтыбаев², С.С. Мургабаев²

¹ Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
Түркістан қ., Қазақстан

E-mail: kuanish_85@mail.ru

² Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: melsb@mail.ru

2019 ЖЫЛЫ СЫҒАНАҚ ҚАЛАШЫҒЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қазақстан өңіріндегі көптеген археологиялық ескерткіштердің ішінде ортағасырлық Сығанақ қаласының алатын орны ерекше. Ортағасырлық Сығанақ қаласы Қызылорда облысы Жанақорған ауданы Сунақата ауылынынан 1,5 км батыста орналасқан.

Сығанақ қаласы ортағасырларда тоғыз жолдың торабында орналасқан ірі сауда және саяси орталықтардың бірі болды, оның ғұмыры сонау алғашқы ортағасырдан басталған. Қаланың пайда болуы, дамуы, гүлденуі мен күйреуі кезендері жайлы әле де білетініміз аз болып отыр.

Ортағасырлық Сығанақ қаласын зерттеу тарихы ХІХ ғ. екінші жартысынан басталады. Қалаға алғаш рет 1867 жылы орыс археологиялық комиссиясының тапсырмасы бойынша археолог П.И. Лерх болып, оның қай жерде орналасқаны туралы ақпарат берген (Лерх, 1870, с.3-38).

1895 жылы Ташкент қаласында құрылған Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесінің мүшелері Сығанақ қаласының тарихи топографиясына кеңінен тоқталды.

1897 жылы үйірме мүшесі Е.А. Смирнов Сырдарияның орта және төменгі ағысында орналасқан ескерткіштерді зерттеу мақсатында жасаған барлау кезінде Сырдарияның оң жағында, Төменарық станциясынан 8-10 верст солтүстікте орналасқан Сунақ қорғанды (Сунақ атаны) ортағасырлық Сығанақ қаласымен баламалап, оның айналасында көптеген құрылыс құландылары барын және бұл қала ілгеріде Төменарық каналы арқылы суландырылғанын атап өтті (Смирнов, 1897, с.7).

1899 жылы үйірме мүшесі В.А. Каллаур қалаға барлау жұмысын жүргізіп, оны топографиясын сипаттап, жобасын түсірді (Каллаур, 1900, с.8-11). Ол түсірген жоба нақты (инструментальды) болмаса да негізінен қала топографиясы туралы жалпы түсінік береді.

Сунақ ата қалашығы екі бөліктен тұрады - біріншісі – цитадель, оның айнала аумағы 540 сажень, ал екіншісі - бекініс. Цитадельді айнала қоршаған қамалы жақсы сақталған, кейбір бөліктерінің биіктігі 3 саженге дейін жетеді. В.А. Каллаур цитадель мен бекініс іштерінде құрылыстар, көшелер іздері анық байқалатындығын және пахсадан салынған құрылыс қалдықтарының барын атап көрсетеді (Каллаур, 1900, с.9). Сонымен қатар, В.А. Каллаур Сунақ атаның айналасында көптеген арықтар барын атап, ілгеріде бұл жерде егіншіліктің дамығанын алға тарты. В.А.Каллаур Сунақ ата қалашығы ілгеріде Төменарық арқылы суландырылғанын атап өтті, бірақ бұл арық Арыс өзенінен бастау алған деген жаңсақ пікір айтты (Каллаур, 1900, с.10-11).

В.А. Каллаур өлкетанушылар Н.С. Лыкошин мен Е.Т. Смирновтың пікірлерін қолдап, Сунақата қалашығын ортағасырлық Сығанақ қаласымен баламалады (Каллаур, 1900, с.11).

1907 жылы қаланы И.А. Кастанье қарап шығады. Ол В.А. Каллаурдың қала туралы жазғандарын толықтыра түседі (Кастанье, 1911, с.189-192). 1927 жылы Материалдық мәдениет тарихы академиясының қызметкері А.Ю.Якубовский мен Табиғат және көне ескерткіштерді қорғау жөніндегі комитеттің төрағасы Б.П. Тризна, Шымкент облыстық музейінің меңгерушісі И.К. Шпота Сығанақ қалашығында болып топографиясын зерттеп, төбе үстінде бояулы және бояусыз ыдыстар сынықтары кездесетінін атап, оларды XVI-XVII ғғ. мерзімдеді. Қала туралы үлкен ғылыми мақала жазған (Якубовский, 1929, с.123-159).

1947 ж. ОҚАЭ-сы (А.Н. Бернштам) Сығанақ қаласында зерттеу жүргізіп, оның жобасын қайта түсірді. Қалашық жобасында бесбұрыш тәрізді болып келген, көлемдері: солтүстік жағы - 275 м, солтүстік-батыс жағы - 175 м, оңтүстік-батыс жағы - 190 м, оңтүстік жағы - 175 м және оңтүстік-шығыс жағы - 320 м. Қалашықты айналдыра жал қоршаған, онда 15 мұнара құландыларының іздері байқалады, жалдың биіктігі 6-7 м, ал мұнаралар құландыларының биіктігі 1,5 м. Қалашықтың ішкі алаңының биіктігі 4-5 м. Шахристанның үш жағында (солтүстік, батыс және оңтүстік) рабад орналасқан. Рабад шахристан алаңымен бірге жобасында бесбұрышты, солтүстіктен оңтүстікке қарай бағытталған көлемдері: солтүстік жағы - 250 м, батыс жағы - 650 м, оңтүстік жағы -250 м, оңтүстік-шығыс, шығыс жағы - 450 м, шығыс – солтүстік-шығыс жағы - 350 м. Рабадты қоршаған жалдың биіктігі 0,5-1 м, ені 3-4 м. Қала үстінен жинап алған материалдар бойынша А.Н. Бернштам қала б.з.б. қаңлы дәуірінен бері өмір сүріп келе жатқандығы туралы жазған (Бернштам, 1949, с.59-99).

Бұдан кейін қалаға XX ғасырдың 40-шы жылдарының аяғында 50-шы жылдардың басында ОҚАЭ-ның жетекшісі Е.И. Агеева мен Г.И. Пацевичтер археологиялық барлау барысында жұмыс жүргізген. Бұлар да үстіне жинастырылған материалдар бойынша қаланың V-VIII ғасырда өмір сүріп одан кейін құлдырап, XII – XIV ғғ. қайта көтеріліп, Ақ Орданың кезінде қайта жанданғандығын жазады (Агеева, Пацевич, 1958, с.152).

XX ғ. 70-ші жылдары қалаға ОАЭ–ның жетекшілері К.А. Ақышев пен К.М. Байпақовтар Отырар қаласының ұзақ жылдарғы зерттелуіне байланысты оның аймағындағы қалаларға барлау барысында қаланың топографиялық жағынан зерттеліп, бұл қала ортағасырлық қалалардың ішінде Отырар қаласынан кейінгі атақты екінші қала деген анықтама берген (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1970, с.207).

2003 жылдан бастап қазіргі уақытқа дейін Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Археология ғылыми-зерттеу институтының археологтары зерттеу жұмыстарын жалғастырып келеді. Ашылған нысандар қайта қалпына келтіріліп, ашық аспан астындағы мұражайға айналуда.

2019 жылы ортағасырлық Сығанақ қаласында археологиялық қазба жұмыстары шахристанның орталық бөлігінде (қазба №15) және рабадында (қазба №16) жүргізілді.

№15 қазба. Шахристанның орталық алаңдағы мешіттің солтүстік бөлігіндегі шағын төбеге көлемі 20x30 м болып келетін №15-қазба салынды. Қазба алаңын табиғи шөптер мен ағаштардан тазартып қазбаға дейінгі фотосы алынды. Қазба барысында 1,4 м тереңдікке дейін құланды, күл және бос топырақтар тазартылды. Осы аралықта ешбір құрылыс орны анықталмады. Қазба жұмыстары барысында оңтүстік бөлігінде 1,4 м тереңдіктен жоғарғы құрылыстың 6 қоқыс шұңқыры мен қи кесектен қаланған қабырға орындары ашылды. №1 қоқыс тастайтын шұңқыр қазаб алаңының солтүстік бұрышынан 1,4 м тереңдіктен анықталды. Қоқыс шұңқырының аумағы 1,3 м, тереңдігі 0,6 м. Қоқыс шұңқырын күл аралас бос топырақтан тазалау барысында ішінен бүтін бір жылқы басы және жылқы басының жартысы шықты. Сонымен қатар ірі-ұсақ мал сүйектері 19 дана, қақпақ тұтқасы 1 дана, керамика сынықтары 2 дана шықты. №2 қоқыс тастайтын шұңқыр қазаб алаңының батыс бұрышынан

1,4 м тереңдіктен анықталды. Қоқыс шұңқырының аумағы 1,4 м, тереңдігі 0,5 м. Қоқыс шұңқырын күл аралас бос топырақтан тазалау барысында керамика сынықтары, соның ішінде боялғаны 10 дана, боялмағаны 18 дана. №3 қоқыс тастайтын шұңқыр қазба алаңының батыс бұрышынан 1,4 м тереңдіктен анықталды. Қоқыс шұңқырының аумағы 1,2 м, тереңдігі 0,3 м. Қоқыс шұңқырын күл аралас бос топырақтан тазалау барысында 7 дана боялмаған керамика сынықтары шықты. №4 қоқыс тастайтын шұңқыр қазба алаңының оңтүстік бұрышынан 1,4 м тереңдіктен анықталды. Қоқыс шұңқырының аумағы 1,4 м, тереңдігі 0,4 м. Қоқыс шұңқырын күл аралас бос топырақтан тазалау 7 дана боялмаған керамика сынықтары шықты. №5 қоқыс тастайтын шұңқыр қазба алаңының шығыс бұрышынан 1,4 м тереңдіктен анықталды. Қоқыс шұңқырының аумағы 1,5 м, тереңдігі 0,3 м. Қоқыс шұңқырын күл аралас бос топырақтан тазалау 8 дана боялмаған керамика сынықтары шықты. №6 қоқыс тастайтын шұңқыр қазба алаңының шығыс бұрышынан 1,4 м тереңдіктен анықталды. Қоқыс шұңқырының аумағы 1,2 м, тереңдігі 0,4 м. Қоқыс шұңқырын күл аралас бос топырақтан тазалау 8 дана боялмаған керамика сынықтары шықты. Қазба алаңында анықталған қоқыс шұңқырлары табанына дейін тазартылып, алынып тасталды. Осы қазба алаңы 2 м тереңдікте қазылды. Қазба алаңының төменгі 0,4 м қалыңдықта өрт қабабын анықталып отыр. Соған қарағанда біз қазып отырған аумақ толық өртенген. Қазба кезінде қабырға орындары анықталған жоқ.

№16 Қазба. Кесене. Ортағасырлық Сығанақ қаласының негізгі сыртқы қамалының оңтүстігіндегі шаруашылық аймағында, жол жиегінен батыста 0,5 м жердегі төбеге №16 қазба салынды. Төбенің жоғарғы қабатын табиғи шөптер мен ағаштардан тазартылып, топографиялық жобасы сызылды және қазбаға дейінгі фотосы алынды. Қазба алдында Төбенің төрт бұрышында 1 м биіктікте 4 мұнара секілді төмпешік орны байқалады. Қазба аумағын А-1, А-2, Б-1, Б-2 шаршыларға бөлінді. Төбенің жалпы аумағы 15 м, А-2, Б-2 шаршыларындағы биіктігі 2 м, ал А-1, Б-1 шаршыларындағы биіктігі 3 м. Қазба жұмыстары нәтижесінде 9x9 м көлемдегі кесене орны ашылды (1-сурет).

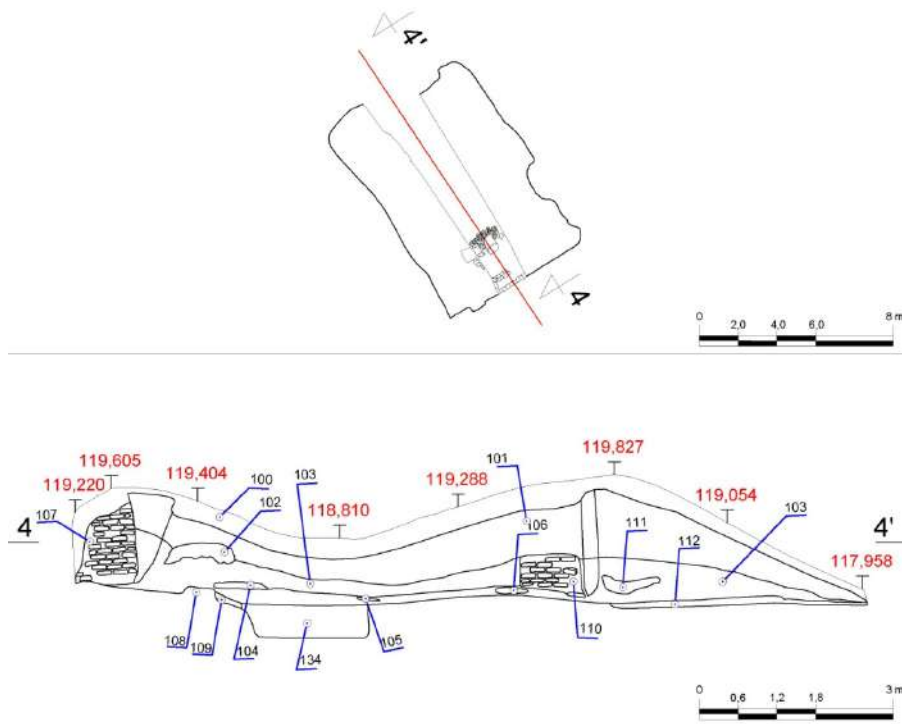

Сурет 1 - Кесене

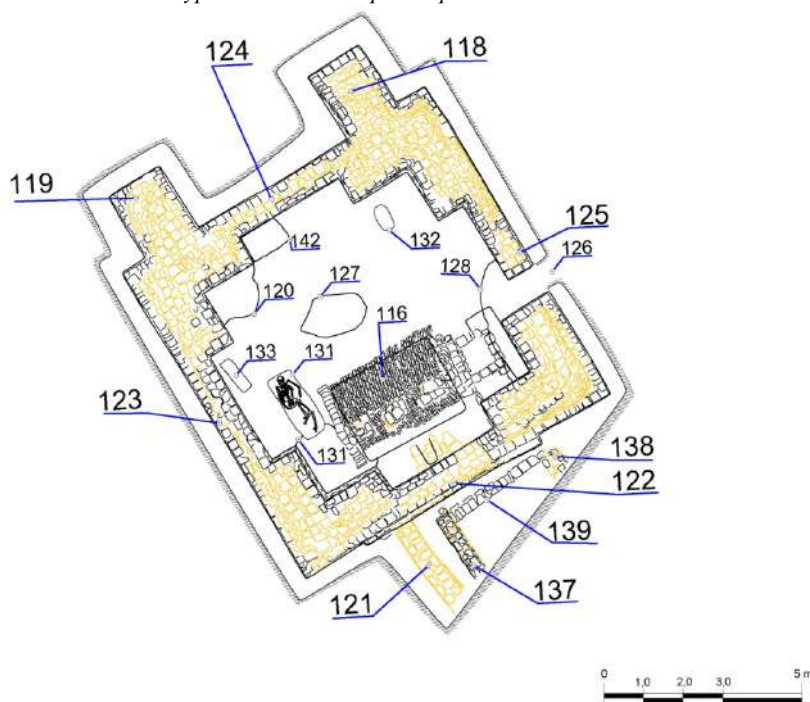
Кесененің төрт қабырғасы жақсы сақталған, қабырға қалыңдықтары 0,7-1,5 м, сақталған биіктіктері еден деңгейінен 0,6-2,3 м. Қабырғаларының сыртын және ішін көлемдері 24x24x5, 25x25x5, 22x11x4,5, 22-22,5x22-22,5x4,5, 23x23x4,5-5,24-24 см болып келетін күйдірілген кесекпен қалаған. Осы үлгідегі күйдірілген кесектер Шу өңіріндегі ортағасырлық Ақтөбе (Баласағұн) қаласындағы қазба кезінде анықталған XI-XIV ғғ. құрылыс нысандарынан көруге болады (Yeraly Akymbek and Beibit Baibugunov, 2013). Ал қабырғаның ортасын көлемдері 24x24x5, 25x25x5 см болып келетін қам кесекпен қалаған. Сонымен қатар кесененің сыртында яғни батыс қабырғаларында көлемі 1,5x1,9x2,3 м болып келетін портал бағаналары жақсы сақталған. Кесене есігі солтүстік қабырғада орналасқан. Кесенені шығыс бөлігінде сағана жерлеу орны анықталды. Сағананың ішін тазалау барысында бастары солтүстік-батысқа қарай бағыттталып жатқан бес адамның мәйіті қазылып алынды. Сондай ақ, кесененің ішін тазалау барысында еден деңгейінен бір үлкен адамның және бес жас баланың мәйіті қазылып алынды.

Кесенені қазу кезінде төбенің, яғни кесененің сыртқы солтүстік, шығыс және оңтүстік қабырғаларына және ортасынан батыстан шығысқа қарай А1-А2 тік кесіндісі салынды.

А1-А2 тік кесіндіде анықталған мәдени қабаттар санмен белгіленіп, сипаттамасы төмендегідей келтірілді (2-сурет). Бірінші мәдени қабат 100 санымен белгіленді. Жоғарғы мәдени қабат. Төбенің төрт бұрышында 1 м биіктікте 4 төмпешік орны байқалады және үстін табиғи ағаштар мен шөптерден тазартылды. Төмпешіктердің бағыттары әлемнің төрт бағытына бағытталып жатыр, жалпы аумағы 15 м, биіктігі 3 м. 101-қабат тапталған бос топырақ. Бұл қабатты қазу кезінде сылы және сызсыз қаптамалар шықты, ұзындығы 12 м, қалыңдығы 0,2-1 м аралықты алып жатыр. 102-қабат бос топырақ қабаты, оның ұзындығы 1 м, қалыңдығы 0,2 м. 103-қабат қыш, қам кесек аралас құланды қабаты, оның ұзындығы 10,5 м, қалыңдығы 0,1-1,2 м аралықта. Құландылар арасынан қыш қаптамалар, доға тәрізді

Сурет 2 - А1-А2 шаршыларындағы тік кесінді

Сурет 3 - Кесененің жобасы

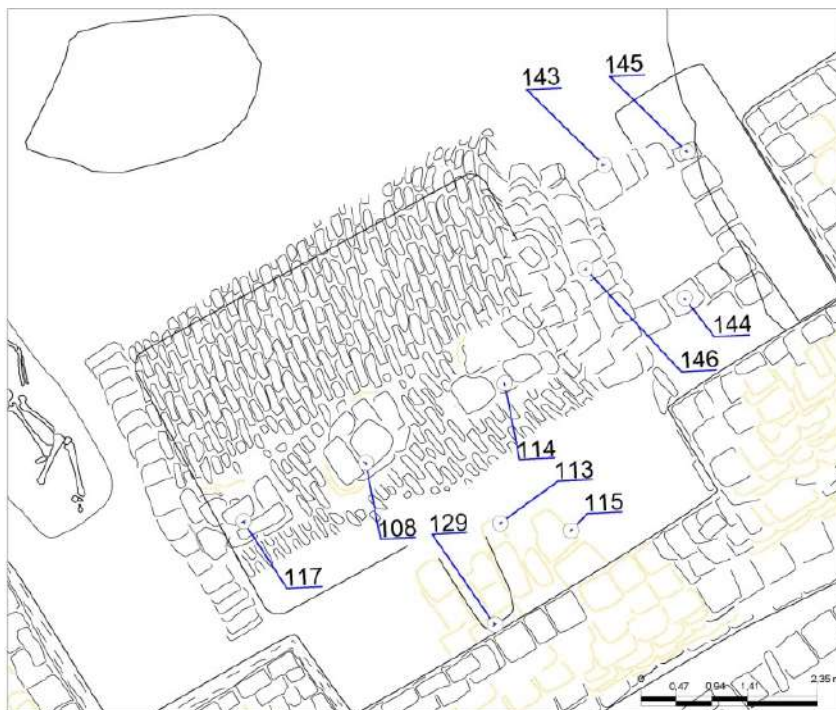
қыштар мен ыдыс сынықтары теріліп алынды. 104-қабат қыш құландысы, ұзындығы 0,6 м, қалыңдығы 0,1 м. 105-қабат күл қабаты, ұзындығы 0,5 м, қалыңдығы 5 см. 106-қабат күл, от

қалдықтары, ұзындығы 0,8 м, қалыңдығы 0,1 м. Осы деңгейден кесененің ішінен бірнеше жерінде өртенген іздер байқалады. 107-қабат А2 шаршысындағы оңтүстік қабырға, тік кесіндідегі биіктігі 1,4 м, қалыңдығы 1,5 м. Қабырға күйдірілген кесектен қаланған. 108-қабат сағана үстіндегі көлемі 20x50x65 см қыш қаланды. Қабырға көлемдері 10x18x34 см болып келетін қам кесекпен қаланған. Сыртында 1 см болып келетін сылағы әр жерде сақталған. 109-қабат сағана қаландысының оңтүстік-батыс бөлігіндегі күйдірілген кесек, оның ұзындығы 25 см, қалыңдығы 5 см. 110-қабат А1 шаршысындағы күйдірілген кесектен қаланған батыс қабырға, тік кесіндідегі биіктігі 0,5 м, қалыңдығы 0,9 м. 111-қабат қам кесек құландысы, ұзындығы 1 м, қалыңдығы 0,1-0,2 м. 112-қабат – Күйдірілген кесек құландысы, ұзындығы 3 м, биіктігі 10-15 см. Анықталып отырған бірнеше мәдени қабаттардың бар екені көріп, кесене қабарғалары құлап, үйінді төбеге айналған.

Қазба барысында кезең кезеңмен ашылған әрбір нысанға төмендегідей сипаттама жасалып, өлшемдері берілді (3-5 суреттер).

Б2 шаршысындағы қабырға (113 қабат). Оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай бағытталып жатқан қабырғаның ұзындығы 0,6 м, ені 30 см, биіктігі 15 см қам кесек қаланды. Қабырға көлемдері 10x18x34 см болып келетін қам кесекпен қаланған.

Сағана төбесіндегі №1 тумба (114 қабат), қаландының көлемі 20x30x65 см. Сыртында 1 см болып келетін сылағы әр жерде сақталған. Қабырға көлемдері 10x18x34 см болып келетін қам кесекпен қаланған.

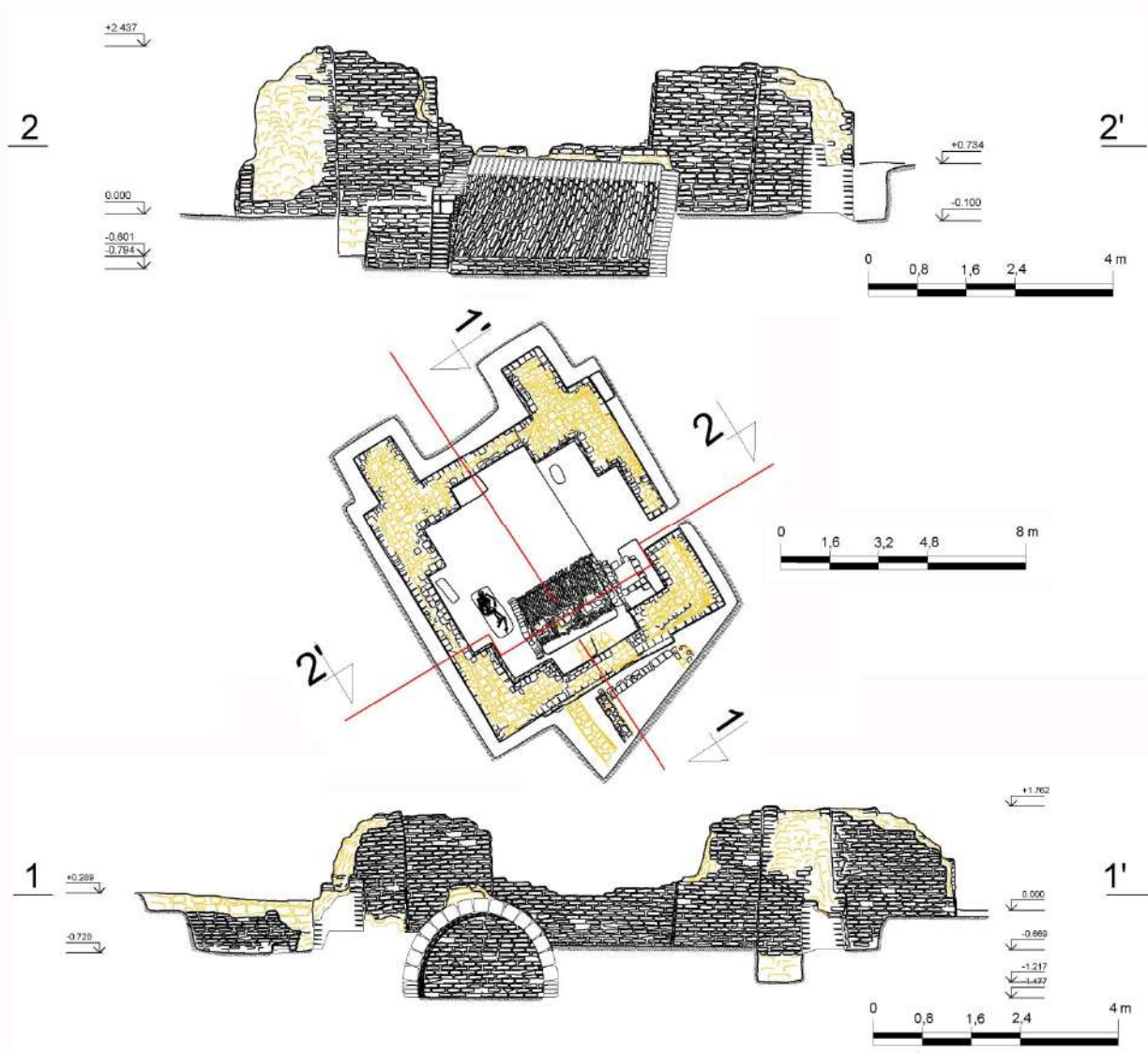
Сурет 4 - Сағананың жобасы

Б2 шаршысындағы қыштан қаланған қабырға (115 қабат). Оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай бағытталып жатқан қабырғаның ұзындығы 0,9 м, ені 25 см, биіктігі 5 см қыш қаланды. Қабырға көлемдері 25x25x5 см болып келетін күйдірілген қышпен қаланған.

А2,Б2 шаршыларындағы қыштан қаланған сағананың ұзындығы 3,5 м, ені 2,2 м, биіктігі 1 м (еденнен жоғары қарай) және ішікі жерлеу орнының жалпы аумағы 2,1x2,9 м (116 қабат). Сонымен қатар кесененің еден деңгейінен 1 м тереңдікте қазылып жасалған. Сағана іші табанынан төбесіне дейін бос топырақпен толтырылған. Бос топырақты тазалау кезінде табанынан бастары солтүстік-батысқа қаратылып тізбектеліп жерленген бес адамның мүрдесі шықты. Сағананың сыртқы құрылысы күмбезделіп жабылған, қыштарды тігінен қалау арқылы жасалған, есігі солтүстік қабырғада орналасқан. Сананың солтүстік пен оңтүстік беткейіне күйдірілген қышты жалпағынан баспалдақ тәрізді сатылап қалаған. Сағана көлемдері 25x25x5 см болып келетін күйдірілген қыштан қалаған. Сағана өте жақсы деңгейде сақталған.

А2,Б2 шаршыларындағы сағана ішіндегі №1 мүрде. Мүрде ретсіз жатыр. Сағананың оңтүстігінде 1,35 м тереңдік анықталған мүрденің бет жүзі төңкерілген және жағы жоқ. Сондай ақ қол, қабырға, омыртқа сүйектері бір-бірімен араласып және жамбас сүйегі ортада ал, аяқ сүйектері төмен жақта топтасып жатыр. Мүрденің ұзындығы 1,4 м. А2,Б2 шаршыларындағы сағана ішіндегі №2 мүрденің басы солтүстік-батысқа, бет жүзі құбылағы қаратылған. Мүрденің ұзындығы 1,63 м, сүйекиері

шашыраңқы орналасқан және оң қолын шынтағынан ішіне бүккен, сол қолы ретсіз жатыр. А2,Б2 шаршыларындағы сағана ішіндегі №3-4 мүрделер. Анықталған мүрденің ұзындығы 1,73 м. Екі адамның мүрдесі ретсіз жатыр. Астыңғы мүрденің беті құбылаға және басы солтүстік-батысқа қарай бағытталған. Оң қолы түзу және сол қолы шынтақтан ішіне бүгілген. Екінші мүрденің сүйектері ретсіз орналасқан. Астыңғы мүрденің оң жақ иығна басын қойып, беті жүзін шығысқа қаратқан. Сүйектеріне қарағанда жас баланың мүрдесі. А2,Б2 шаршыларындағы сағана ішіндегі №5 мүрде. Мүрденің басы солтүстік-батысқа қарай бағытталып, бет жүзін құбылаға бұрған. Оң қолы беліне қойылып, сол қолы жамбас тұсында сыртына қайылған. Анатомиялық сүйектер толық сақталған, жарақат, сынық байқалмайды.

Сурет 5 - Кесенеге салынған тік кесінді

Сағана есігі. Б2 шаршысындағы сағана есігі солтүстік-шығыста орналасқан. Есіктің аузын күйдірілген кесекпен қалап, жауып тастаған. Аркаланып салынған есіктің ені 0,8 м, биіктігі 1 м. Сағана есігі 75 см төменнен жоғары қарай тік қаланып келіп, жоғарғы 25 см аралықта аркаланып өрілген. Көлемі 13x25x5 см, 25x25x5 см болып келетін қышпен қаланған.

Сағананың солтүстік қабырғасы. Б2 шаршысындағы сағананың солтүстік қабырғасы оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай бағытталып орналасқан. Ашылған қабырғаның ұзындығы 2,1 м, биіктігі 1,5 м. Сондай ақ осы қабырғаның ортасында сағана есігі орналасқан. Қабырғаны көлемі 13x25x5 см, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген кесекті жалпағынан қаланған.

Сағананың оңтүстік қабырғасы. Б2 шаршысындағы сағананың оңтүстік қабырғасы оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай бағытталып жатыр, қабырғаның ұзындығы 2,1 м, биіктігі 1,4 м. Қабырғаның төменгі 4 қатар қыш қаландысы тік болып келіп, жоғарғы бөлігі ішке қарай тартылып аркалы болып қаланған. Қабырғаны көлемі 13x25x5 см, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген кесекті жалпағынан қаланған.

Сағананың батыс қабырғасы. Б2 шаршысындағы сағананың батыс қабырғасы солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай бағытталып жатыр, қабырғаның ұзындығы 2,9 м, биіктігі 1,5 м, ені 25 см. Қабырғаның төменгі жағындағы 4 қатар қыш қаланды жалпағынан қалаған және тік болып келіп, жоғарғы 1,8 м аралықта қыштарды тігінен қою арқылы ішке қарай тартып, күмбездеп жапқан. Қабырға көлемдері 13x25x5 см, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген кесекпен қаланған.

Сағананың шығыс қабырғасы. Б2 шаршысындағы сағананың шығыс қабырғасы оңтүстік-батыстан солтүстік-шығысқа қарай созылып жатыр, қабырғаның ұзындығы 2,9 м, биіктігі 1,5 м, ені 25 см. Қабырғаның төменгі жағындағы 4 қатар қыш қаланды жалпағынан қалаған және тік болып келіп, жоғарғы 1,8 м аралықта қыштарды тігінен қою арқылы ішке қарай тартып, күмбездеп жапқан. Қабырға көлемдері 13x25x5 см, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген кесекпен қаланған.

Сағана төбесіндегі №3 тумба, қаландының көлемі 20x55x65 см. Сыртында 1 см болып келетін сылағы әр жерде сақталған. Қабырға көлемдері 10x18x34 см болып келетін қам кесекпен қаланған.

Б1 шаршысындағы солтүстік портал. Оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай бағытталып жатқан порталдың ұзындығы 1,9 м, ені 1,5 м, сақталған биіктігі шығысында 1,6 м, батысында 0,3-0,6 м. Ашылған портал қабырғасының сыртқы бөлігі көлемдері 13x25x5, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген қышпен қаланған. Ал қабырғаның ортасы көлемдері 25x25x5 см болып келетін қам кесекпен өрілген. Порталдың солтүстік, батыс бөліктерінде 0,4 м биіктікте ғана сақталған. Ал оңтүстік бөлігіндегі қабырғасы 1,6 м биіктікте сақталған. Осы қабырғада еден деңгейінен 1,5 м биіктікте ұзындығы 0,7 м, ені 0,1 м, қалыңдығы 1 см болып келетін құм және гипс аралас сылағы бар. Қабырға солтүстік-шығысқа қарай шалқайған.

А1 шаршысындағы оңтүстік портал. Оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай бағытталып жатқан порталдың ұзындығы 1,9 м, ені 1,5 м, биіктігі 0,6-2,3 м. Ашылған портал қабырғасының сыртқы бөлігі көлемдері 13x25x5, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген қышпен қаланған. Ал қабырғаның ортасы көлемдері 25x25x5 см болып келетін қам кесекпен өрілген. Порталдың оңтүстік бөлігіндегі қыш қаландысы 0,4-0,6 м биіктікте ғана сақталған. Сақталған қаландының жоғарғы бөлігіндегі 25x25x5 см құрайтын қам кесектен қаланған.

А2 шаршысындағы қам кесектер қаланған қабырға. Оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай бағытталып жатқан қабырғаның ұзындығы 1,9 м, ені 0,5 м, биіктігі 0,4 м. Қабырғаның ұзындығы толық ашылған жоқ, себебі шығыс бөлігі Сығанақ қаласына баратын жолдың астында жатыр.

А2, Б2 шаршыларындағы кесененің шығыс қабырғасы. Оңтүстік-батыстан солтүстік-шығысқа қарай бағытталып жатқан қабырғаның ұзындығы 9 м, ені 0,7-1,5 м, биіктігі 0,7-2,2 м. Ашылған қабырғаның сыртқы және ішкі жағы көлемдері 13x25x5, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген қышпен қаланған. Ал қабырғаның ортасы көлемдері 25x25x5 см болып келетін қам кесекпен өрілген. А2, Б2 шаршыларындағы қабырға сыртындағы қыш қаландылар солтүстігінде 2,2 м биіктікте құлаған, тек ішкі жағындағы қам кесек сақталған. Сыртқы қыш қаланды 0,2-0,4 м биіктікте ғана сақталған. Ал А2 шаршысындағы қабырғаның оңтүстігіндегі сыртқы қыш қаланды 0,2-0,5 см. Осы бөліктегі ішкі қабырғада ұзындығы 0,5 м ені 25 см, қалыңдығы 3 см болып келетін сылағы сақталған. Шығыс қабырғаның ішкі жағындағы қыш қаландылар жақсы сақталған, еден деңгейінен 2,5 м биіктікте сақталған.

А1, А2 шаршыларындағы кесененің оңтүстік қабырғасы. Оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай созылып жатқан қабырғаның ұзындығы 9 м, ені 0,7-1,5 м, биіктігі 1-2,2 м. Ашылған қабырғаның сыртқы және ішкі жағы көлемдері 13x25x5, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген қышпен қаланған. Ал қабырғаның ортасы көлемдері 25x25x5 см болып келетін қам кесекпен өрілген. Сонымен қатар қабырғаның ішкі жағында, яғни А2 шаршысында орналасқан қам кесек қаландысының аумағы 1,1x1,7 м. Қаландының оңтүстік және батыс бөліктерінен үлкен адам мен жас баланың мүрделері ашылды. Қаланды осы жерлеу орындарының сыртқы қоршауы болса керек.

А1, Б1 шаршыларындағы кесененің батыс қабырғасы. Оңтүстік-батыстан солтүстік-шығысқа қарай бағытталып жатқан қабырғаның ұзындығы 9 м, ені 0,7-1,5 м, биіктігі 0,7-2,2 м. Ашылған қабырғаның сыртқы бөлігі көлемдері 13x25x5, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген қышпен қаланған. Ал қабырғаның ортасы көлемдері 25x25x5 см болып келетін қам кесекпен өрілген. Осы қабырғаның сыртқы жағында екі тіреу орналасқан. Қабырғаның ішкі жағының сақталуы жақсы, ал сыртқы бөлігіндегі күйдірілген кесектері құлап қалған. Қам кесектен қаланған бөлігі ғана сақталған.

Б1, Б2 шаршыларындағы кесененің солтүстік қабырғасы. Оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай созылып жатқан қабырғаның ұзындығы 9 м, ені 0,7-1,5 м, биіктігі 0,6-2,5 м. Ашылған қабырғаның сыртқы және ішкі жақтары көлемдері 13x25x5, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген қышпен қаланған. Ал қабырғаның ортасы көлемдері 25x25x5 см болып келетін қам кесекпен өрілген. Ашылған қабырғаның сыртқы күйдірілген кесектері 0,4-1 м биіктікте ғана сақталған, ал ішкі

жағындағы қыш қаландысы 0,6-2,5 м биіктікте жақсы сақталған. Қабырға сыртқа, яғни солтүстік-шығысқа қарай шалқайған. Осы қабырғаның шығыс бөлігінде кесенеге кіретін есігі орналасқан, оның ені 0,8 м. Сонымен қатар Б2 шаршысындағы есік алдына көлемдері 10x18x30 см болып келетін қам кесектен қаланған құрылыс ашылды, оның ұзындығы 3,4 м, ені 1,65 м, биіктігі 0,3 м.

А2, Б2 шаршыларында орналасқан қам кесектен қаланған №6 жерлеу орнының ұзындығы 1,1 м, ені 0,7 м, тереңдігі 0,3 м. Ішін тазалау барысында басы жоқ жас баланың мәйіті шықты. Оңтүстік-шығыс бағыттағы қабырғаның ішкі бетінде орналасқан. Қабірдің екі шеті қам кесектерді жалпағынан, ортасына тігінен қаланған, өлшемдері 30x20x6 см. Жерлеу орнында жас баланың сүйектері ретсіз шашылған.

А2 шаршысындағы №1 жерлеу орны. Сағананың оңтүстік қабырғасынан 0,3 м оңтүстік-батысында еден деңгейінде орналасқан. Мүрденің жалпы ұзындығы 156 см. Басы батыс бағытқа қаратылған, беті жоғары қараған, аузы ашық. Екі қолы екі қапталына қойылған, сол қолының шынтағы сыртқа қарай шығынқы, саусақтары жоқ, оң қолы қысыңқы және ұшы жамбас сүйегінің астында басылып қалған. Омыртқа сүйектері бір тегіс, сол жақ қабырғалары жоғары қарай тігінен орналасқан, оң жақ қабырғасы ретсіз, шашылған. Екі аяғы денесінен бөлек яманың оң жақ қабырғасына жақын жерге ретсіз қойылған. Жерлеу ямасының ұзындығы 1,8 м, ені 0,6 м, тереңдігі 0,2 м.

Б1 шаршысындағы №2 жерлеу орны. Кесенеге кіреберісінде оң жақ батыс қабырғадан 0,5 м шығыста, басы батыс бағытқа қойылған жас баланың мүрдесі ашылды. Бас қаңқасының жоғарғы бөлігі кесілген, қабырға сүйектері ретсіз шашылған. Оң қолының шынтақтан төменгі бөлігі сақталмаған, сол қолы жоқ. Жерлеу шұңқырының ұзындығы 75 см, ені 35 см, тереңдігі 15 см. Мүрденің ұзындығы 62 см.

А1 шаршысындағы №3 жерлеу орны. Оңтүстік қабырғадан 0,2 м солтүстікте, еденнің үстінде орналасқан. Мүрденің басы батысқа бағытталып орналасқан, сүйектері ретсіз шашылған, сол аяғының сүйектері толық сақталмаған және оң аяғы тізеден төменгі сүйектері сақталмаған. Мүрденің қабырға тұсында тышқан сүйектері көп. Яманың ұзындығы 0,9 м, ені 32 см, тереңдігі 10 см. Мүрденің ұзындығы 84 см.

Б2 шаршысындағы №4 жерлеу орны. Осы жерлеу орындағы мүрдені жерлеу кезінде сағана есігінің батыс қабырғасын бұзып кеткен. Сағана құрылысының кіре берісіне басы батыс бағытқа қаратып жерленген сәбидің мүрдесі. Жүзі жоғары қаратылған, екі қолы қапталына, оң аяғы тура, сол аяғының тізесі сыртқа шығынқы етіп жерлеген. Қабырға сүйектері ретсіз. Мүрденің жалпы ұзындығы 82 см. Жерлеу ойығы байқалмайды.

А2 шаршысындағы қыш қабырға. Солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай бағытталған қабырғаның ұзындығы 1,4 м, қалыңдығы 35 см, сақталған биіктігі 0,7 м. Қабырғаның батыс бөлігі жол жиегінің астында қалғандықтан толық ашылған жоқ. Жол бетінің деңгейінен 0,2 м тереңдікте қабырға беті ашылды. Осы анықталып отырған қабырға кесененің шығыс қабырғасының сыртында еш байланыссыз жатыр. Қабырғаның солтүстік жағы бір тегіс қаланған, ал оңтүстік бөлігі ретсіз қаланған. Қабырға көлемдері 13x25x5, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген қышпен қаланған.

Б2 шаршысындағы қыш қабырға. Оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай бағытталып жатқан қабырғаның ашылған ұзындығы 0,9 м, сақталған биіктігі 0,6 м, қалыңдығы 0,6 м. Қабырға көлемдері 13x25x5, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген қышпен қаланған. Қабырғаның оңтүстік-шығыс бөлігі жол жиегінің астында қалғандықтан ашылған жоқ және жол бетінің деңгейінен 0,5 м тереңдікте жатыр.

А2, Б2 шаршыларындағы қабырға. Анықталған қабырға оңтүстік-батыстан солтүстік-шығысқа қарай бағытталып орналасқан қабырғаның ұзындығы 2,7 м, биіктігі 5 см, ені 35 см. Жолдың бетінен 0,9 м тереңдіктен анықталған қабырғаның оңтүстік бөлігінде екі қышты тігінен қойған. Қойылған қыштар қиғаш сынған. Сонымен қатар қабырғаның солтүстігінде осылай тігінен қойылған қыш ашылды. Қабырға кесененің шығыс қабырғасына қарама-қарсы орналасқан.

А2 шаршысындағы №5 жас баланың жерлеу орны. Мүрде кесененің оңтүстік қабырғасының ішкі жиегінде орналасқан. №5 мүрденің ұзындығы 0,6 м. Оңтүстік қабырғаның жанынан еденнен жоғары 0,1 м аралықта кішкентай баланың мүрдесі табылды. Мүрденің басы батысқа қарай орналастырған. Сол жақ қабырғалары мен қолы ретсіз, оң жақ қолдың сүйектері көкірек тұсына бүгілген. Сол аяғы ұзынына қойылған, оң аяқ сүйектерінің тізеден төменгі бөлігі ішке қарай бүгілген, башайлары ретсіз. Топырақтан тазарту барысында бас сүйектің қаңқасына зақым келді. Мүрде кесек қаланды үстіне қойылған. Яманың ұзындығы 76 см, ені 23 см, тереңдігі 8-9 см.

А1 шаршысындағы кесененің батыс қабырғасының ішкі жиегіндегі ұзындығы 1,1 м, ені 0,7 м, тереңдігі 1 м болып келетін шурф салынды. А1 шаршысына салынған шурфтағы құм қабатының ұзындығы 1,1 м, қалыңдығы 5 см оның төменгі бөлігінде құм аралас топырақ қабатының қалыңдығы 15 см. Келесі мәдени қабат тапталған саз аралас топырақ, ұзындығы 1,1 м, қалыңдығы 61 см. Келесі

мәдени қабат саз қабатының ұзындығы 30 см, қалыңдығы 6 см. Осы мәдени қабаттың астында қара саз балшық салынған, ұзындығы 1 м, қалыңдығы 20-35 см. Шурфтағы ең төменгі қабат табиғи құмшаут жер. Кесене қабырғалары 1 м қалыңдықта жоғарғыда көрсетілген мәдени қабаттың үстіне тұрғызылған.

Шығыс қақпада қазба жұмыстары 2009 жылдан бері өз жалғасын тауып келеді (Есеп, 2009, 3-61 бб.). Ашылған нысандардың ішінде қала қақпасы мен қорған қабырғалары қазіргі таңда қайта қалпына келтіру жұмыстары жүргізілген болатын. Аталған қорған қабырғаларын және мұнарасы белгілі бір аумақта ашылды.

Қала қақпасының сол және оң жақ бөліктеріндегі қорған қамалдарының сыртқы бөліктерін ашу мақсатында тазалау жұмыстары жүргізілді және ені 2 м болып келетін барлау кесіктері салынды. Салынған кесіктердің нәтижесінде қорған қабырғасының құрылысы анықталды. Қорған қамалының сырты толығымен құланды бос топырақтан тазартылды. Қабырға қара және сары саз балшықтан жасалған платформаның үстінде салынған. Қабырға оңтүстік-батыстан солтүстік-шығысқа қарай бағыттталып жатыр, көлемдері 12x20x40 см болып келетін қам кесектен қаланған. Қабарғаның арасына табан деңгейінен 1 м биіктікте 0,5 см қалыңдықта қамыс төселген және осы төменгі қабаттың қам кесек қаландылары сары түсті саз балшықпен жасалған.

Сол жақ қорған қамалы 50 м ұзындықта және 2,5 м биіктікте ашылып, қабырға көлемдері 12x20x40 см болып келетін қам кесектен қаланған. Оң жақ қорған қамалы 30 м ұзындықта және 2,5-3 м биіктікте ашылды. Сондай ақ, осы бөлікте қорған қамалының мұнарасының сырты ашылды, сыртқы аумағының көлемі 24 м, биіктігі 2-4 м.

Қорған қамалының сыртқы бөлігін құланды және бостопырақтан тазарту барысында керамикалық ыдыс сынықтар, ірілі ұсақты мал сүйектері шықты.

Қорытындылай келе 2019 жылы қазба жұмыстары Ортағасырлық Сығанақ қаласының шығыс қақпасының оң және сол жақ қорған қамалының сыртқы жағын және мұнара орнын ашу, қалашықтың орталық бөлігіндегі мешіттің қабатындағы нысанды (төбені) 20x30 м көлемінде аршып, археологиялық қазба жұмыстарын жүргізу, шахристандағы кесенеге қазба жұмыстарын жүргізілді.

Нәтижесінде Ортағасырлық Сығанақ қаласының шахристандағы шаруашылық аймағынан 9x9 м көлемдегі кесене орны ашылды. Кесененің төрт қабырғасы жақсы сақталған, қабырға қалыңдықтары 0,7-1,5 м, сақталған биіктіктері еден деңгейінен 0,6-2,3 м. Қабырғаларының сыртын және ішін көлемдері 24x24x5, 25x25x5 см болып келетін күйдірілген кесекпен қалаған. Ал қабырғаның ортасын көлемдері 24x24x5, 25x25x5 см болып келетін қам кесекпен қалаған. Кесенені шығыс бөлігінде сағана жерлеу орны анықталды. Сағананың ішін тазалау барысында бастары солтүстік-батысқа қарай бағыттталып жатқан бес адамның мәйіті қазылып алынды. Сондай ақ, кесененің ішін тазалау барысында еден деңгейінен бір үлкен адамның және бес жас баланың мәйіті қазылып алынды. Қазылып алынған мәйіттер ғылыми сараптамаға жіберілді.

Қорған қамалдары мен мұнараны белгілі бір аумақта ашылып тазаланды. Ашылған мұнара мен қорған қабырғаларын сақтап қалу мақсатында «Қазқайтажаңарту» РМК Қызылорда филиалына өткізіліп, уақытша сақтау жұмыстары жүргізілді.

Әдебиеттер

Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т.5. –Алма-ата, 1958.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. –Алта-ата, 1970. -207 б.

Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Выпуск 2. –Алма-ата, 1949. –с.59-99.

Каллаур В.А. Древние города, крепости и курганы по реке Сырь-Дарье, в восточной части Перовского уезда // ПТКЛА, VI. – Ташкент, 1901. - С. 69-78.

Каллаур В.А. Древние города Саганакь (Сунакь), Ашнась или Эшнась (Асанась) и другие в Перовскомъ уезде, разрушенные Чингисъ-ханомъ вь 1219 году // ПТКЛА, Год V. -Ташкент, 1900.

Кастанье И.А. Надгробные сооружения киргизских степей. - Оренбург, 1911. – с.189-192.

ҚР Мәдениет және ақпарат министрлігінің 2009-2011 жылдарға жариялаған мемлекеттік «Мәдени мұра» гранты бойынша Мәдениет және ақпарат саласындағы қолданбалы ғылыми зерттеулер бағдарламасы аясында орындалған Ортағасырлық Сығанақ қаласы ғылыми жобаның 2009 жылғы (аралық) есебі. – Түркістан, 2009. -61 б. / ХҚТУ АҒЗО архиві.

Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. - Санкт-Петербург, 1870. -38 б.

Смирнов Е.А. Древности на среднем и нижнем течении р. Сырдарья // ПТКЛА от 17 февраля 1897 г. –с.7.

Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака // Сообщения ГАИМК. - Т.2. - Л., 1929. –с.123-159.

Yeraly Akymbek and Veibit Baibugunov. Minaret of Medieval City Aktobe // World Academy of Science, Engineering and Technology. Vol:78 2013-06-24.

**RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHING
THE CITY OF SYGANAK IN 2019**

The article discusses the results of archaeological excavations conducted in 2019. Including at the excavation site №15, №16, as well as excavations of the fortress walls and tower of the eastern entrance. As a result of researching at the excavation of №16, was opened a multi-mausoleum. Burial differs from traditional funeral rituals. The mausoleum is a sagana for the burial of members of the dynasty. Objects uncovered during excavations are drawn and photographed.

Х.А. Айтқұл

ҚР Мемлекеттік орталық музейі

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: khamit.boray@mail.ru

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

«Сей город стоит под 41 градусом 50 минутами широты близко Калмыцких границ на берегу некоторые небольшие реки, которая впадала в реку Аму около 99 градуса долготы. Город Отрар не очень знатен ныне, однако надлежит примечать, что славный Тамерлан умер в сем городе 1404 года эры христианские».

Абулгази

Отрар – один из крупнейших городов Средней Азии. Ныне городище расположено в Отырарском районе Туркестанской области, в низовьях реки Арысь при впадении ее в Сырдарью, в 10 км западнее железнодорожной станции Тимур, рядом с современным селом Талапты. Также городище имеет древние названия, такие как Тарбанд, Турарбанд, Турар, Фараб. Интересен тот факт, что Фараб является родиной выдающегося учёного, мыслителя, философа, продолжателя Аристотеля – Абу Насыр ал-Фараби (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 215; Акишев, Байпаков, 1979, с. 115-122; Байпаков, 1998, с. 47-61).

Руины Отырара давно привлекали к себе внимание, слухи о сокровищах древних царей, о грудях золотых монет и драгоценностях, погребенных в земле, всегда казались правдоподобными. Если раньше первое описание развалин Отырара связывалось с именем И.Т. Пославского, опубликовавшего 1898 году статью об Отыраре, а первые раскопки с именами А.А. Черкасова и А.К. Кларе, то теперь мы знаем, что первые полевые археологические исследования на Отыраре провел Н.И. Веселовский осенью 1884 года (Кожя, 2004, с. 237-241). Позже археологические работы на Отыраре провели члены Туркестанского кружка любителей археологии А.К. Кларе и А.А. Черкасов в 1904 г. Ими была собрана коллекция керамики, кирпичей и медных монет. После этого Отрар долгое время оставался в стороне от исследователей, и лишь в конце 40-х гг. XX в. А.Н. Бернштамом были проведены рекогносцировочные исследования. На основании полученных материалов исследователь предложил хронологию городища и сделал предварительную классификацию керамики (Бернштам, 1949, с. 59-99). Вот что пишет А.Н. Бернштам о статусе средневекового городища Отырар: *«Трудно найти в Средней Азии более выгодное и более опасное положение»* (Бернштам, 1951, с. 81-97). Итоги археологических работ показали перспективность Отырара, как объекта для изучения многих проблем древней и средневековой истории Средней Азии и Казахстана. С учреждением в 1946 г. Академии наук в Казахстане большинство археологических работ стал проводить Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. С этого времени формируется отдел археологии, первым руководителем которого стал А.Х. Маргулан. В отдел археологии были приняты и включились в активную работу Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич, Т.Н. Сенигова, А.Г. Максимова, а позднее К.А. Акишев, Г.В. Кушаев, А.М. Оразбаев, М.К. Кадырбаев. В 1969 г. была организована Отрарская археологическая экспедиция, переименованная в 1971 г. в Южно-Казахстанскую комплексную археологическую экспедицию. Объектами многолетних стационарных раскопок были выбраны городища Отырар, Костобе, Кок-Мардан, Кобыртобе, Куйруктобе в Отырарском оазисе; Туркестан, Ран и Культобе на северных склонах Каратау. Основным объектом исследований выбрали городище Отырар.

О политической значимости городища, в определенной мере, свидетельствуют находки монет, чеканки монетного двора Отырара, на аверсе изображена тамга в виде лука, на реверсе – шагающий лев (Архив ЦГМ РК, 2006) (ЦМК КП 26962/10, рис.1). Мотив льва широкое распространение получил в эпоху древних тюрков. На монетах отрарского и частично чачского чеканов встречается изображение льва, идущего вправо с загнутым над спиной хвостом. Чеканка Отырарской монеты аналогична с техникой передачи изображения, в так называемой «штриховой манере», характерной для позднесасанидского искусства изображением льва (Луконин, 1977, с. 21). Лев изображен как бы шагающим по земле, с оскаленной пастью, с плавно изогнутым тонким корпусом и с приподнятым тонким корпусом над туловищем S-образным хвостом, завершающимся кисточкой. Манера исполнения весьма сходна с изобразительным мотивом хищника на бронзовом перстне из фондов ЦГМ РК: та же поза, горделивая осанка головы и изгибающийся над корпусом S-образный хвост. Бронзовый перстень выполнен с помощью техники литья и гравировки, датируется VI-VIII вв., найден в 1957 году в окрестностях Алматы. С пластинчатой, постепенно расширяющейся шинкой, переходящей в выделенный овальный щиток. На щитке выгравирована фигура стоящего льва в агрессивной позе. Огромная головка, тонкое туловище. Пасть широко раскрыта, язык высунут. Хвост S-образный с массивной треугольной кисточкой поднят над туловищем. Лапы в виде овальных подушечек, от головы расходятся лучи (Архив ЦГМ РК, 1958) (ЦМК КП 9399, рис.2). По мнению Т.Н. Сениговой и Р.З. Бурнашевой перстни с изображением льва являлись принадлежностью царских особ и служили не только предметом роскоши, но и государственной печатью при оформлении различных деловых документов (Сенигова, Бурнашева, 1980, с. 65-79).

Рисунок – 1 Монета из Отрара ЦМК КП 26962/10

По мнению Бурнашевой Р.З. монеты чачского и отрарского чеканов выпускались главами тюркских родов, о чем свидетельствуют различные тамги на лицевой стороне. Лев символизирует силу, власть и величие, особо почитался у тюркских народов, проживающих на Сырдарье и в Семиречье, на территории карлукской конфедерации. Не случайно карлукский правитель носил имя Arslan II-tirguk (Сенигова, 1968, с. 58-59) (рис. 2.).

Рисунок – 2 Перстень с печатью ЦМК КП 9399

Уникальные находки получены при раскопках городища Куйрук-тобе, одного из самых важных памятников Отырарского оазиса. Работы велись на нескольких объектах – в жилых кварталах, мастерских и др. объектах X-XII вв. Но наиболее интересны результаты раскопок дворца правителя, расположенного в цитадели городища. Дворец датируется VII-IX вв. Он погиб от пожара и позднее был перестроен. Сохранилось лишь несколько помещений и тронный зал, относимый к первоначальной постройке. После снятия слоя золы на полу зала найдены обуглившиеся деревянные доски с резными изображениями различных сюжетов, видимо, связанных с жизнью обитателей замка (Кожа, 2012, с. 562-578). Например, на одной доске изображена, по-видимому, сцена сватовства. В центре ее – знатные мужчина и женщина с широкими лицами, плоскими носами и узкими глазами. На мужчине – халат такого же покроя, в какой обычно «одеты» древнетюркские каменные изваяния, так называемые балбалы. На другой доске плохой сохранности вырезаны два стоящих на коленях человека возле ног лошадей, головы которых повернуты в противоположные стороны (Кожа, 2008, с. 123-128).

Интересна доска с изображением сцен осады замка, стены его завершают зубцы в виде пирамиды. Со стены защитники замка ведут стрельбу из луков. В центре композиции находится фигура божества с поднятыми вверх руками, на ладонях у нее лежат солнце и луна. Налицо переплетение сцены светского содержания с мифологическими мотивами.

Последние имеют аналогии в иконографии религий, распространенных в раннем средневековье в странах Востока. Божество с луной и солнцем в руках, видимо, связано с астрологическими культами. Подобные сюжеты встречаются и в буддийской живописи. Остается непонятной сцена на самой лучшей по сохранности доске: под двумя арками помещено по персонажу. Погрудное изображение, расположенное слева от зрителя, увенчано зубчатой короной. В правой, согнутой в локте руке персонаж держит жезл, увенчанный трилистником, а в левой на ладони – сосуд или ларец с зубчатым краем. В углах арки вырезаны головы грифонов. У персонажа слева на голове плоская шапочка с кокардой в виде четырех лепестковой розетки, из-под которой на плечи ниспадают завитые пряди волос. В правой руке фигура держит какой-то конический предмет, левая опущена, что в ней, непонятно. По углам этой арки – головы баранов с закрученными рогами. Кто изображен на доске, божества или представители феодальной знати, неясно. Если обратиться к источникам, то в них можно найти описания тронов раннесредневековых владетелей в виде львов, верблюдов, баранов. Возможно, головы грифона и барана – детали тронов, на которых сидят описанные персонажи. В таком случае на доске изображены представители царствующего дома. Не вызывает сомнения и этнический облик фигур, их тюркские черты очевидны и подчеркнуты. Можно считать, что в начале VIII в. на средней Сырдарье, в районе Отырарского оазиса, сформировалось раннесредневековое тюркское объединение Кангу-Тарбанд. Это подтверждают и древнетюркские рунические надписи. Политическое господство в Кангу-Тарбанде принадлежало тюркским племенам (кангары-кенгересы), которые, видимо, были потомками кангуйцев, также, известно и другое название кангаров – кангары-печенеги. Очевидно, именно правящая кангарская верхушка изображена на деревянной доске из тронного зала цитадели Куйруктобе. Однако правомерно и другое объяснение, во второй половине VIII в. в юго-восточном Казахстане господствовали тюркские племена – карлуки. Если исходить из этих сведений, то, вероятно, на резных досках, изображены тюрки-карлуки (Байпаков, Терновая, 2005).

В IX-X вв. начинается новый период в истории Средней Азии и Казахстана. Вторжение арабов принесло с собой новую религию, новый государственный язык и письмо. Образование государства – Халифата, внутри которого укрепляются культурные и экономические связи между отдельными областями, привело к изменениям в духовной и материальной культуре. В это время начинается интенсивное сближение культур отдельных регионов, складывается культурное единство. Многочисленные торговые поездки, странствия ученых в «поисках знания» расширяли кругозор людей, способствовали распространению достижений ремесел, науки и искусства.

В условиях общего экономического подъема растут и развиваются города: они увеличиваются не только численно, но и территориально. В IX-X вв. происходят также этнические перемещения. Кангаров частично вытесняют огузы и карлуки. Не случайно Ибн Хордадбек пишет: *«А в городе Фарабе находятся одновременно отряды мусульман и тюрков-карлуков»* (Ибн Хордадбек, 1986, с. 65-66). В конце IX – начале X века складывается держава сырдарьинских огузов, столицей которой становится Янгикент, расположенный в низовьях реки. Огузы заняли среднее течение Сырдарьи, долину Арыси и предгорья Каратау. Им подчинились города Сюткент, Арсубаникент, Карачик и Фараб. Кроме ябгу у огузов было несколько царей или князей. Они имели резиденции в городах, в которых хранились продовольствие и казна. В этот период роль столичного города-округа переходит от Фараба к Кедеру (Куйрук-тобе).

Как выше сказано, это был крупный город, который имел соборную мечеть в шахристане и базары в рабаде. Кедер стал одной из резиденций огузов, в конце X в. государство огузов гибнет под ударами кипчакских племен. Вновь центром среднего течения Сырдарьи становится Отырар. В XI-XII вв. наблюдается подъем городской жизни на юге-востоке Казахстана. Возникают новые города, происходит расширение ремесленного производства, увеличивается ассортимент керамики, улучшается ее качество. Изобретение свинцовой поливы и монохромных росписей расширяет возможности местных гончаров-керамистов (Байпаков, 1986).

Раскопки Отырара свидетельствуют о расцвете города в XI-XII вв. Собраны богатые коллекции керамического производства. В городе по-прежнему функционирует монетный двор. Подтверждением значимости экономического роста Отырара может быть обнаруженный в 1974 году клад серебряных изделий и монет. Клад содержал ювелирные украшения, браслеты, перстни, детали поясного набора, обломки чаш, бесформенные куски изделий, слитки и монеты. Они самых различных типов чеканки и монетных дворов. Более половины из них – серебряные дирхемы анонимного чекана Алмалыка, отчеканенные между 638 (1240-1241) и 662 (1263-1264) годами, а остальные – монетных дворов монгольской империи XIII века (Байпаков, Настич, 1981, с. 20-62; Бурнашева, 1978, с. 159-170). Находка такого клада в Отыраре не случайна, она говорит о нем как о центре транзитных «шелковых» путей.

Раскопки слоев Отырара XIII-XIV вв. дали материал об экономическом росте города. В XIII в. вокруг шахристана возводится городская стена, поставленная на культурные слои, скрывшие разрушенную монголами городскую стену. Вот что об этом пишет хивинский хан шейбанид, воин, известный также как историк – Абулгази Багадур хан «Султан Мухаммед шах Хорезмский, поставил Кайрхана с пятьюдесятью тысячами человек охранять область Отрарскую. Предполагая, что монгольское войско хочет идти к Отрару, султан послал на помощь Кайрхану своего нукера Карача-хаджиба с десятью тысячами воинов. С шестьюдесятью тысячами Кайрхан заперся в Отраре; Чингизхановичи пять месяцев осаждали крепость; народ в Отраре начал унывать. Карача-хаджиб сказал Кайрхану: «сдадим Отрар сыновьям Чингизхана и отдадимся им в подданство: тем мы спасем себя от тягостей осады». Кайрхан не соглашался на его слова, потому что его голова была причиной настоящих бедствий. Карача-хаджиб, видя, что Кайрхан не соглашается на его мнение, сколько раз он ни говорил ему, в одну ночь с десятью тысячами человек вышел из крепости воротами Дервазаи-суфи и предстал перед сыновьями Чингизхана. Чингизхановичи сказали Карача-хаджибу: «ты не соблюл верности своему государю, не будешь верен и нам», и велели убить его вместе с десятью тысячами человек. Монголы вошли в Отрар теми же воротами Дервазаи-суфи. Всех жителей Отрара вывели в поле и избили. При таких обстоятельствах Кайрхан с двадцатью тысячами человек заперся в цитадели городской, и, каждый день, делая вылазки, в битвах оказал опыты отличной храбрости, истребил много людей в монгольском войске. Но как он в этих битвах потерял всех своих людей, то монголы ворвались в крепость. В этой крепости Кайрхан с двумя человеками скрылся наверху одного здания. Оба нукера его были убиты; когда у хана, который непрестанно должен был отражать от себя, не стало уже стрел, то невольницы его стали носить к нему кирпичи со стен, и он кирпичами отбивался. Наконец, его окружили, схватили и живого привезли к царевичам. В это время царевичи получили весть, что Чингиз-хан взял Бухару, шел к Самарканду. Угедай хан и Джагатай хан со своим ополчением обратились к Самарканду; на месте, называемом Кук-Сарай, они велели убить Кайрхана» (Абулгази Багадур-хан, 1768).

На городище исследован уникальный по своей значимости и богатству находок – квартал гончаров второй половины XIII-XIV вв. Здесь выявлено более десяти мастерских имеющие общие и отличные черты друг от друга. Мастерские состояли из двух и более помещений, в них размещались гончарный станок – основное орудие производства керамиста, площадки для сушки изделий перед обжигом, производственные площадки, различные ящики из жженого кирпича и колодцы. К сожалению, гончарные станки не сохранились, но по остаткам следов углублений где они стояли можно определить их точное месторасположение.

При раскопках мастерских городища Отырар собрана богатая коллекция керамики. Это глазурованные чаши, блюда. Цвет полива разнообразна, прозрачная желтая, розовая, зеленая, коричневая, голубая. Глазурованная посуда украшена росписью в виде растительных и геометрических узоров нанесенных красной, коричневой, зеленой, синей и черной красками. Интересную группу керамики составляют чираги – светильники обычно имеют ладьевидную форму с выделенной для удобства переноски выступом-пятой. Чираги покрывались зеленой, коричневой, голубой и синей глазурями (ЦМК КП 26965/2; ЦМК КП 28156/2; ЦМК КП 26748/1, рис. 3).

Рисунок – 3 Чираги ЦМК КП 26965/2; ЦМК КП 28156/2; ЦМК КП 26748/1

Материалы раскопок Отырара XVI-XVIII вв. дают яркое представление о жизни города. Основным застроечным компонентом городища были кварталы. Это комплекс домов, сгруппированных по две или одну сторону внутриквартальной улочки, которая могла быть прямой или Г-образной. На магистральные улицы кварталы выходили глухими стенами. Границы с соседними кварталами проходили также по задним стенам домов. Кварталы насчитывали от 6 до 15 домовладений и занимали в соответствии с этим площадь от 1000 до 2500 кв. м. Определена ремесленная специализация некоторых кварталов. Так, квартал в восточной части Отырара принадлежал гончарам, другой, расположенный вблизи западных ворот Отырара, идентифицированных с воротами Дарваза-Суфи, заселяли хлебопеки. Дома здесь в большинстве – одно и двухкомнатные, почти в каждом по два тандыра. В квартале находился также большой амбар с мучными закромами (Акшиев, Байпаков, Ермакович, 1981). В ходе раскопок позднесредневекового Отырара обнаружено много керамики,

изделий из металла, монет и украшений. Керамическая продукция разнообразна – поливная и неполиванная. Полевная посуда покрыта прозрачной, голубой и зеленой глазурями. Росписи моно и полихромные – фиолетового, черного, коричневого, синего, зеленого и красного цвета. Собрана коллекция высокохудожественных чаш, орнаментированных растительным и геометрическим орнаментами. Особенно красивы чаши с реалистично выполненными цветами (Байпаков, Ходжаев, 1999, с. 157-164).

Археологические раскопки городища Отырар продолжаются и по сей день, и каждый год приносят новые материалы, проливающие свет на историю одного из крупнейших городов Великой Степи расположенного на Великом Шелковом пути.

Литература

Абулгази Багадур-хан. Родословное древо тюрков. История родословная о татарах. Ч III. Гл. XIV. О походе Чингис-Хановом в великую Бухарию. Том I. СПб. 1768.

Акишев К.А., Байпаков К.М. Вопросы археологии Казахстана. – Алма-Ата. Мектеп, 1979. – 160 с.

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). – Алма-Ата. Издательство «Наука», 1972. – 215 с.

Акшиев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.) – Алма-Ата: Наука, 1981. – 343 с.

Архив ЦГМ РК, Акт приема-сдачи №161 от 14.02.1958. КП (основного фонда).

Архив ЦГМ РК, Акт приема-сдачи №47 от 10.07.2006. КП (основного фонда).

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). «Наука» Казахской ССР. Алма-Ата. 1986. – 256 с.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы. Ғылым, 1998. – 212 с.

Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы, 2005. Изд. Баур. – 235 с.

Байпаков, К. М., Настич, В.Н. Клад серебряных вещей и монет из Отрара. Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории) / (отв.ред. А.Х. Маргулан.) Алма-Ата. Наука. 1981. – 192 с.; Бурнашева Р.З. Монетные находки с городища Отрар-Тобе за 1974 год. Археологические памятники Казахстана / Акад. наук Каз. ССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова; (отв.ред. К.А. Акишев). – Алма-Ата. Наука, 1978. – 211 с.

Байпаков, К. М., Ходжаев, М. Б. Раскопки архитектурного ансамбля конца XIV – начала XV вв. на Отраре. Города Туркестана. Алматы. 1999. 157-164 сс.

Бернштам А.Н. Древний Отрар. Известия АН Казахской ССР. 1951. Серия «Археология» 108(3): 81-97.

Бернштам А.Н. Проблема древней истории и этногенеза Южного Казахстана. Известия АН Казахской ССР. 1949. Серия «Археология» 67(2): 59-99.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. § 16. Дорога из Замина до Фарганы. Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. – Баку. Элм, 1986. – 428 с.

Кожа М. Изображения древнетюркских богов на резном дереве из Отрарского оазиса. Түркологиялық жинақ. Жауапты редакторлары: Ескеева М., Аманжолова Д. – Астана, «Сарыарқа» баспа үйі, 2012. – 768 с.

Кожа М.Б., Елгин Ю.А. Туркестан и Отрар в неопубликованной рукописи Н.И. Веселовского о древних городах Сырдарьи // Новые исследования по археологии Казахстана: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 15». Алматы, 2004. – 252 с.

Қожа М. Оңтүстік Қазақстан облысы аймағындағы көне түркілерден қалған ескерткіштерді зерттеу мәселелері // Түркология, 2008, № 5-6. – 133 с.

Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. – С. 232.

Сенигова Т.Н. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI-VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата, 1968. – С. 58-59.

Сенигова Т.Н., Бурнашева Р.З. Изобразительный мотив льва в прикладном искусстве древнего Казахстана // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1980. – С. 204.

Kh. Aitkul

HEAD OF THE CENTER OF ARCHEOLOGY OF THE CENTRAL STATE MUSEUM
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

This article discusses the role of the Otyrar site of ancient settlement in the study of medieval history of Kazakhstan. Also, in the article, the author provides a scientific description of unique artifacts from the collection of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan collected and found as a result of regular archaeological excavations of the South Kazakhstan complex archaeological expedition.

Е.Ш. Ақымбек, М.С. Шагирбаев

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: eraly_a@mail.ru; mambet_87@mail.ru

**2019 жылы ЖЕТІСУ ӨЛКЕСІНДЕГІ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРГЕ
(ТӨРТКҮЛДЕРГЕ) ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫ**

Кіріспе. Жетісу жері ежелгі дәуірден бастап адамзат баласының тіршілік етуі үшін өте қолайлы аймақтардың бірі болғандығын өңірден анықталып, зерттелген және зерттеліп келе жатқан археологиялық ескерткіштер дәлелдейді. Тас ғасырынан бастап этнографиялық кезеңге дейінгі археологиялық ескерткіштердің барлық түрлерін өңірден кездестіруге болады. Осы ескерткіштердің айтарлықтай бөлігін орта ғасырларға жататын қоныстық, жерлеу, діни және т.б. ескерткіштер құрайды. Өңірдегі қоныстық ескерткіштердің қатарында қалалар, төрткүлдер, керуен сарайлар, қоныстар, жекелеген үй-жайлар және т.б. бар.

Ортағасырлық ескерткіштердің ерекше бір түрі – төрткүлдер. Шаршылы немесе төртбұрышты, кейде бесбұрышты болып келген төрткүлдерді Жетісу өлкесінің басым бөлігінен кездестіруге болады. Орта ғасырларға жататын төрткүлдердің саны, негізінен Қарлұқ қағанаты тұсында пайда бола бастап, Қарахан мемлекетінің уақытында дамып, бірнеше есеге көбейгендігін көреміз.

Жетісу жеріндегі ортағасырлық төрткүлдер көбінде су көздеріне: бұлақ маңына, өзен жағасына (өзендердің қосылатын жеріне) жақын, көлдердің жағасына орналасқан. Орналасқан жері құмды немесе сазды дала, қыратты жер, тіпті таулы аймақ болса да осы тәртіп сақталады. Бүгінде кейбір төрткүлдер орналасқан жердегі өзендер тартылып қалғанымен, өзен сағалары бар. Орналасу арақашықтықтары да әртүрлі келеді. Кейбіреулері бір-біріне тіпті жақын (0,5-1 км) болса, кейде тым алыс орналасқан. Олар бір-бірінен қашық орналаспаған болуы да мүмкін. Себебі, өңірде толық барлау жұмыстары жүргізілмегендіктен, олардың бірқатары анықталмаған күйінде қалып отыр. Сонымен қатар, кеңестік кезеңде ауылшаруашылық жерлерін игеру жұмыстары және бүгінде осы егістік немесе суармалы алқаптардың жеке шаруа қожалықтарына берілуі кезінде, одан қалды қарқынды құрылыс жұмыстары барысында ескерткіштердің бірқатары бұзылып кеткен де болар.

Жетісу өңіріндегі ғылымға белгілі ортағасырлық ескерткіштердің бүгінгі күндегі жай-күйін анықтау, ал әлі де белгісіз болып келген ескерткіштерді анықтау бойынша археологиялық барлау жұмыстарын жүргізу өте өзекті мәселе болып қала бермек.

Зерттелу тарихы. Жетісу жерінде орналасқан ортағасырлық төрткүлдер туралы алғашқы ғылыми мәліметтер ХІХ ғасырдың ортасынан бастап кездеседі. Іле өңіріндегі ортағасырлық ескерткіштер туралы дерек С.О. Гуляевтің еңбегінде көрініс тапқан (Гуляев, 1853, с. 22-25). С.О. Гуляев өзінің қысқаша шолу еңбегінде қазақ даласында өзендердің және көлдердің бойында айнала саздан, тас немесе ағаштан тұрғызылған қабырғалары бар бекіністер бар. Олардың ішінен түрлі тас, металл және қыш бұйымдар табылады деп жазады.

Іле өзенінің бойындағы Шеңгелді төрткүлі туралы алғашқы мәліметті Ш.Ш. Уалихановтың жазбаларынан көреміз. Ғалым Шеңгелді қаласынан су құбырларының сақталған қалдықтарын көргенін жазады (Валиханов, 1984, с. 350).

Шеңгелді төрткүлі туралы алғашқы ғылыми сипаттама жасаған, Ресей географиялық қоғамының тапсырмасымен 1860 жылы Жетісу өңіріне саяхат жасаған белгілі этнограф Н.А. Абрамов. Н.А. Абрамов Шеңгелді төрткүлінің ХІХ ғасырдың ортасындағы жағдайын сипаттап, келесі деректі қалдырады: «Шеңгелді өзенінің бойында аса үлкен емес, пішіні дөңгелектеу келген топырақтан тұрғызылған бекініс бар. Осы маңдағы бекіністе орналасқан казактар кездейсоқ жер астымен жүргізілген қыш құбырларды анықтаған. 1886 жылы В.М. Флоринский пошта маңында және көпірге

жақын жерден қазба жүргізіп, құбыр желісін тапқан. Оның ішінен бірнешеуін музейге тапсыру үшін алған. Құбырлар бір-біріне цемент қоспасыз қиюластырылған» (Абрамов, 1867, с. 72). Өкінішке орай В.М. Флоринскийдің қазбасы туралы мәліметтерді кездестіре алмадық.

1884 жылы жарияланған Г.В. Фишердің мақаласында Балқаш көлінің оңтүстігі, Іле өзенінің салаларының бойында орналасқан ирригациялық жүйелер мен ортағасырлық ескерткіштердің қирандыларын көргені жазылған (Фишер, 1884, с. 3-21).

К. Ходжиковтың 1935 ж. шыққан «Древнейшие памятники Семиречья» атты мақаласында Жетісу жеріндегі ортағасырлық ескерткіштерге біршама тоқталып өткен. Ғалым Бүйен өзені, Қапал уезі, Баласаз шатқалы, Басқан селосы, Антоновка селосы, Лепсі өзені, Талғар шатқалы маңайындағы ортағасырлық қалалар туралы жалпы сипаттама жасайды. Шеңгелді өзені маңындағы ортағасырлық ескерткіштің сыртында қорғаныс қабырғасы мен ор бар екендігі және қабырғаның ені 3 сажен (6,5 м), биіктігі 1 сажен (2,1 м) болатынын және бекіністен алыс емес жердегі бұлақтан су құбырлары қалаға баратынын жазады (Ходжиков, 1935, с. 48–49).

Іле өңіріндегі ортағасырлық ескерткіштер туралы археологиялық негізде алғаш мәлімет қалдырған ғалымдардың бірі – А.Н. Бернштам. Автор Рубруктың жүріп өткен маршрутын анықтау мақсатында, 1939 жылы Алматы маңайы, Талғар, Есік, Түрген, Шелек өзендері Шарын шатқалына (Іле өзенінің сол жағалауы) және Көктал, Айнабұлақ, Алтынемел, Талдықорған қаласы, Мұқыр, Қапал (Іле өзенінің оң жағалауы), сонымен қатар Көксу және Қаратал өзендерінің аңғарына археологиялық барлау жұмыстарын жүргізеді. Осы зерттеулерінің нәтижесін «Прошлое района Алма-Ата. Историко-археологический очерк» (Бернштам, 1941) еңбегінде және «Памятники старины Алма-Атинской области» (Бернштам, 1848, с. 79-91) мақаласында жариялайды. Ғалым Іле өңіріндегі пішіні төртбұрышты, бұрыштары әлемнің төрт тарабына қараған бекіністер IX–XI ғасырларда қалыптасқан деген пікір айтады. А.Н. Бернштам бұл типтегі ескерткішті «торткуль» деп атап, олардың орналасуында бір заңдылық байқалатынына назар аударған. Біріншісі, бекіністер тау шатқалдарының аузында, екіншісі тау етегінен алыста, егін ирригациялық мақсаттағы шаруашылыққа ыңғайлы жерлерде орналасады. Төрткүлдердің бұлай орналасуы Шу өңіріндегі төрткүлдердің топографиялық жағдайынан біршама ерекшеліктері бар екенін айтады. Төрткүл тәріздес ескерткіштерді екіге бөлген: қабырғасының ұзындығы 50 метрге жететін және 100 метрден асатын. Сонымен қатар, Алматы облысынан байқалған төрткүлдер цитадельсіз келеді, бұл құрылымдық ерекшелігі Алматы облысындағы төрткүлдердің Шу-Талас төрткүлдерден басты ерекшелігінің бірі дейді (Бернштам, 1948, с. 91.). Жалпы А.Н. Бернштам Алматы облысының шығысы мен солтүстігінен 8 ортағасырлық ескерткіш анықтаған. Талғар, Дүнгене ескерткіштеріне шурф-қазба жүргізіп, керамика кешенінің Тараз, Шу өңіріндегі ортағасырлық ескерткіштерден табылған керамикаларға ұқсас екендігін айтады. А.Н. Бернштамның Шеңгелді (Эквиус) және Дүнгене (Қойлық) қалаларына қатысты пікірінің қате екендігін кейінгі жылдары жүргізілген зерттеулер дәлелдеп отыр. Ғалым Алматы облысындағы өзіне белгілі ортағасырлық ескерткіштер бойынша екі керуен жолының тармағын көрсеткен: біріншісі, Талғар қаласы арқылы шығысқа қарай; екіншісі Шеңгелді, Дүнгене қалалары арқылы Алакөлге қарай. А. Н. Бернштам өзінің зерттеулерін қорытындылай келе, Алматы облысының ортағасырлық ескерткіштерінің қалыптасуы және даму кезеңдері туралы төмендегідей тұжырым жасайды:

1) VIII ғасырдан бастап көшпелі және отырықшы халықтың өзара қарым-қатынасы басталып, XI ғасырдан кейін арта түскен;

2) жер өңдеу шаруашылығы VIII – XI ғасырларда кейбір аймақтарда ғана дамыған;

3) отырықшылықтың жақсы дамыған кезі – XI – XII ғ. (Бернштам, 1948, с. 91).

1956 жылы Жетісудағы Алматы және Талдықорған облыстарының археологиялық картасын жасау мақсатында археологиялық барлау жұмыстары жүргізіліп, жалпы саны 597 ескерткіш анықталады (Агеева, 1960, с. 65-69). Соның ішінде ортағасырлық ескерткіштер саны – 19. Е.И. Агеева ортағасырлық ескерткіштерді сыртқы пішіндері мен көлеміне қарай 2-ге бөліп қарастырған (Кесте 1).

Ортағасырлық ескерткіштердің орналасу аймағын зерттеушілер әртүрлі көрсетеді. А.Н. Бернштам Алматы облысы, Е.И. Агеева Жетісу өңірі, К.М. Байпақов және Т.В. Савельева Іле өңірі, Іле Алатауының солтүстік баурайы, Жетісудың солтүстік-шығысы, Ә.Т. Төлеубаев Алакөл ойпаты, Жоңғар қақпасы деп көрсетеді.

Мақалада ескерткіштердің топографиялық орналасуын әкімшілік-территориялық негізде алып қарастырдық. Бұл жерде Талдықорған облысының екі рет жеке бөлініп шығуына байланысты, өзара бөліп-жармай, қазіргі әкімшілік-территориялық бөліністі басшылыққа алып, Алматы облысы деп қарауды жөн санадық. Төменде зерттеушілер көрсеткен әртүрлі географиялық аймақтар жиынтықталып, жалпы Алматы облысы деп көрсетілді.

Алматы қаласы маңайы – қаланың қазіргі шекарасы мен қала аумағындағы елді-мекендерді қамтиды.

Алматы облысының батысы – қазіргі Қопа, Жиренайғыр, Ақсеңгір, Тарғап және т.б. өзендерінің Күрті өзеніне құятын аймағынан бастап, Күрті өзенінің Іле өзеніне құятын жеріне дейінгі аумақты қамтиды.

Алматы облысының шығысы – Іле өзеніне құятын Түрген, Есік, Талғар және т.б. өзендердің алқабын қамтиды.

Алматы облысының солтүстік-батысы – Іле өзенінің төменгі ағысындағы ескі арналар желісі, Балқаш көлінің оңтүстік жағалауы, Сарыесік-Атырау құмының аумағын қамтиды.

Алматы облысының солтүстік-шығысы – Іле өзенінің оң жақ саласы, Басқан, Сарқанд, Қаратал өзендерінің бойы, Алакөл ойпаты мен Жоңғар қақпасына дейінгі аумақты қамтиды.

№	ОРНАЛАСҚАН ЖЕРІ	Қала	Бекіністі қоныс	Жалпы
1	Алматы қ. маңайына шоғырланған	1	1	2
2	Алматы обл. батысында орналасқан	1	3	4
3	Алматы обл. шығысында орналасқан	1	2	3
4	Алматы обл. солт.-батыс. орналасқан	0	0	0
5	Алматы обл. солт.-шығыс. орналасқан	4	6	10

Кесте 1. Жетісу өңірінен 1956 жылы анықталған ескерткіштер (Е.И. Агеева бойынша)

1960 жылы жарияланған «Археологическая карта Казахстана» реестрінде Алматы облысының аумағынан ортағасырлық 26 ескерткіш анықталады (Кесте 2). Олар ірі қалалар, бекініс-қоныстар, төрткүлдер және кездейсоқ тыбылымдар деп бөлінген (Археологическая карта..., (Реестр), 1960). Реестрді зерттеу барысында ортағасырлық ескерткіштер төмендегідей жүйеде топталды:

№	ОРНАЛАСҚАН ЖЕРІ	Қала	Бекініс қала	Қоныс	ЖАЛПЫ
1	Алматы қ. маңайына шоғырланған	1	1	4	5
2	Алматы обл. батысында орналасқан	0	5	0	5
3	Алматы обл. шығысында орналасқан	1	2	0	3
4	Алматы обл. солт.-батыс. орналасқан	0	3	0	3
5	Алматы обл. солт.-шығыс. орналасқан	4	6	0	10

Кесте 2. Жетісу өңірінен 1960 жылға дейін анықталған ескерткіштер (Археологическая карта Казахстана. Реестр бойынша)

XX ғасырдың екінші жартысында Алматы облысының солтүстік және шығыс бөліктеріне зерттеулер жүргізіліп, ортағасырлық ескерткіштер туралы дерек қоры жаңа мәліметтермен толықта бастады. К.М. Байпақов өзінің 1966 жылы жариялаған «Раннесредневековые города и поселения Семиречья» атты мақаласында Жетісудың шығыс және солтүстік-шығыс бөліктері туралы археологиялық мәліметтер өте аз екендігін айта келе, 1962–1965 жылдар Жетісу археологиялық экспедициясы Сүмбе, Антоновка, Кеген секілді ортағасырлық ескерткіштерге стационарлы қазба жүргізіп, Басқан, Сарқан, Ақсу, Лепсі және Іле өзенінің төменгі ағысына барлау жұмыстарын жүргізіп, нәтижесінде 18 ортағасырлық ескерткіш ашылғанын айтады (Байпақов, 1966, с. 72). К.М. Байпақов осы мақаласында «қала типтес құландылар» деген атпен пішіні төртбұрышты келген ескерткіштердің Жетісудың солтүстік-шығысында жиі кездесетінін айтады. Атап айтқанда, Ащыбұлақ, Теректі, Айнабұлақ, Жержетем (Чержетем), Шелек, Қызылқорған, Қапал, Арасан, Қызылқайың және т.б. Нарынқол, Кеген аймағындағы қалаларды мысалға келтірген.

1968 жылы жариялаған К.М. Байпақовтың «О локализации городов Северо-Восточного Семиречья» атты мақаласында Шеңгелді қаласын А.Н. Бернштамның Эквиус (Екіоғыз) қаласымен баламалауына қарсы пікір білдіріп, төрткүлдің Рубрук жазбасындағы Эквиус қаласы бола алмайтынын айтады (Байпақов, 1968, с. 21-25). Басты себебі ретінде Шеңгелді төрткүлінің көлемінің кіші екендігі және мұнда XIII ғасырмен мерзімделетін материалдар кездеспейтінін айтады. Сондай-ақ, К.М. Байпақов Талдықорғаннан аса алыс емес жерде орналасқан Дүнгене қаласының В. Рубрук айтқан Эквиус қаласы болуы мүмкін екендігін айтқан.

1968 жылы К.М. Байпақов және Л.Б. Ерзакович Алматы облысының солтүстігінде орналасқан пішіні төртбұрышты келген, ғылымға Жақсылық қаласы деген атпен енген ескерткішке алғаш қазба жұмысын жүргізеді (Байпақов, Ерзакович, 1968, с. 324-325). Сыртқы қорғаныс қабырғасына салынған траншея-қазба, қабырға қалыңдығының 5 м болатынын көрсеткен. Керамика кешеніне қарап ескерткішті X-XIII ғасырлармен мерзімдейді. Сонымен қатар, Жақсылық қаласы жыл бойына мекендеу нысаны болған, бірақ қала өмірінде бірқатар үзілістер орын алған. Мұны зерттеушілер түрлі қақтығыстар немесе ұзақ малдың жайылым өрісін іздеу мақсатымен қаланы уақытша тастап кетуі мүмкін деген пікір айтады.

1968 жылы жариялаған К.М. Байпақовтың «Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья» атты мақаласында Жетісудың солтүстік-шығыс аймағындағы ортағасырлық ескерткіштердің саны артқанын айтады. Ғалым нақты ескерткіштер атауын толық атамағанымен, Жоңғар (Жетісу) Алатауының батыс және солтүстік-батыс етегі мен Алакөл өңіріне дейінгі аймақтан 20-дан астам жаңа ескерткіштің ашылғанын көрсеткен (Байпаков, 1968, с. 69). Ескерткіштердің топографиялық орналасу ерекшеліктерін айғақтау үшін, К.М. Байпақов алғаш Жетісуда орналасқан ортағасырлық ескерткіштердің картасын жасаған. Ғалымның жасаған археологиялық картасында бұрын ашылған ортағасырлық ескерткіштермен қоса жалпы саны 50-ден астам қоныстар, төрткүлдер, қалалар көрініс тапқан (Кесте 3).

№	Орналасқан жері	Қала	Бекініс қала	Керуен сарай	Қоныс	Жалпы
1	Алматы қ. маңайына шоғырланған	3	0	1	4	8
2	Алматы обл. батысында орналасқан	1	0	1	1	3
3	Алматы обл. шығысында орналасқан	2	0	4	0	6
4	Алматы обл. солт-батыс. орналасқан	2	2	1	1	6
5	Алматы обл. солт-шығыс. орналасқан	12	5	8	8	33

Кесте 3. Жетісу өңірінен 1968 жылға дейін анықталған ескерткіштер (К.М. Байпаков жасаған карта бойынша)

1969 жылы ҚазКСР ҒА Ботаникалық бақтағы құрылыс жұмыстары кезінде кездейсоқ керамика көмбесі табылады. К.М. Байпақов аталған керамика кешенін зерттеп, XI–XIII ғасырлармен мерзімдей отырып, сыртқы пішіндері мен жасалу технологиясына орай, Жетісудың солтүстік-шығыс аймағы және Шу өңірінен табылған керамикалармен өзара ұқсастықтар бар екендігіне тоқталған (Байпаков, 1974а, с. 70-71).

К.М. Байпақовтың 1974 жылы жариялаған «О численности оседлого населения Илийской долины в средневековье» атты мақаласында Іле өңірінде анықталған ортағасырлық қалалардың саны 66-ға жеткенін жазады (Байпаков, 1974б, с. 190). Ғалым Іле өңіріндегі ортағасырлық қалалардың екі жерге шоғырланып орналасқанына назар аударады. Олар Іле өзенінің оң жағалауы және Іле өзеніне келіп құятын сол жағалауында Күрті, Есік, Талғар және Шелек өзендерінің бойымен орналасқан қалалар. К.М. Байпақовтың 1974 жылы жасаған картасы ортағасырлық ескерткіштердің саны бойынша, алдыңғы картасына қарағанда көп өзгерістермен және толықтырулармен ерекшеленетінін байқаймыз (Кесте 4).

№	Орналасқан жері	Қала*	Жалпы
1	Алматы қ. маңайына шоғырланған	8	66
2	Алматы обл. батысында орналасқан	7	
3	Алматы обл. шығысында орналасқан	9	
4	Алматы обл. солт-батыс. орналасқан	6	
5	Алматы обл. солт-шығыс. орналасқан	36	

*Кесте 4. Жетісу өңірінен 1974 жылға дейін анықталған ескерткіштер *К.М. Байпаков 1974 жылы жасаған картасында тек ортағасырлық қалалар деп көрсеткен*

1978 жылы К.М. Байпақовтың жариялаған «Городища типа торткуль» деп аталатын мақаласында төрткүл тәріздес ескерткіштердің Еуразия кеңістігінде кеңінен таралған ескерткіш түрі екендігіне назар аударады (Байпаков, 1978, с. 80-96). Ғалым осы мақаласында Жетісу жеріндегі ортағасырлық ескерткіштердің типологиясына талдау жүргізіп, көлемі аса үлкен емес, 1 мәдени қабаттан тұратын, пішіні төртбұрышты ескерткіштерді бөліп қарастырып, олардың қатарына Ақмола, Қарабұлақ және Ащыбұлақ секілді төрткүлдерді жатқызады.

1980 жылдары К.М. Байпақов Іле өңіріндегі ортағасырлық қалалардың қалыптасу мәселелеріне назар аударып, Жетісу өңіріндегі қалаларды Орта Азия, Қара теңіз, Моңғолия жерінде қалыптасқан ортағасырлық қалалармен өзара салыстырмалы түрде талдаған (Байпаков, 1982, с. 21-28). Ғалым Жетісудың солтүстік-шығысындағы қалаларды сыртқы пішіндері мен басқа ерекшеліктеріне орай қала, ауылдық қоныстар, қала-бекініс, керуен сарай деп бөліп қарастыра отырып, Талғар қаласындағы жүргізілген қазба нәтижесіне сүйеніп, IX–X ғасырларда көшпелі және жартылай көшпелі халықтардың өзара әрекеті нәтижесінде қалыптасқанын айтады. Негізгі ерекшеліктер ретінде ауыл болып көшу үдерісі, қыстаулық қоныстардың жинақталып орналасуы және рулық-туыстық отбасылардың әлеуметтік-экономикалық бірігуін көрсеткен.

Т.В. Савельева өзінің 1994 жылы жариялаған «Оседлая культура северных склонов заилийского Алатау в VIII–XIII вв.» атты еңбегінде ортағасырлық Талғар қаласы мен оның айналасында ескерткіштер туралы құнды деректер береді (Савельева, 1994, с. 21-61.). Зерттеу жұмысында Талғар қаласының маңайында шоғырланған және Іле Алатауының солтүстік бөктеріндегі ортағасырлық

төрткүлдерді сипаттап, топографиялық жағдайы мен жоспарын көрсеткен. Жалпы, ғалым анықтаған ескерткіштер саны – 32. Бірақ бұл жерде Жетісудың солтүстік-шығысы қарастырылмаған (Кесте 5).

№	Орналасқан жері	Қоныс	Қала*	Жалпы
1	Талғар қаласының төңірегі	7	1	32
2	Іле Алатауы (Алматы обл. батысы)	1	9	
3	Алматы обл. солтүстігі (Іле өзеніне дейін)	0	3	
4	Алматы обл. шығысы	0	6	
5	Алматы обл. солтүтік-батысы	0	5	

Кесте 5. Алматы облысынан 1994 жылға дейін анықталған ортағасырлық ескерткіштер (Т.В. Савельева бойынша)

***Т.В. Савельева ескерткіштерді жалпы қала (городище) деп көрсеткен*

К.М. Байпақов, Т.В. Савельева және К.Чанг бірлесіп екінші рет жариялаған «Средневековые города и поселения северо-восточного Жетісу» атты еңбекте Жетісу өңіріндегі (Алматы облысы бойынша) ортағасырлық ескерткіштердің саны 76 жеткен (Байпақов, Савельева, Чанг, 2005, с. 30-60.). Жаңадан ашылған ескерткіштер Алматы облысының солтүстік-шығысынан, Балқаш маңынан және Алматы облысының шығысынан анықталған (Кесте 6).

№	Орналасқан жері	Қала*	Қоныс	ЖАЛПЫ
1	Алматы қ. маңайына шоғырланған	8	7	15
2	Алматы обл. батысында орналасқан	4	0	0
3	Алматы обл. шығысында орналасқан	10	0	0
4	Алматы обл. солт-батыс. орналасқан	7	0	0
5	Алматы обл. солт-шығыс. орналасқан	40	0	0

Кесте 6. Алматы облысынан 2005 жылға дейін анықталған ортағасырлық ескерткіштер (К.М. Байпақов, Т.В. Савельева және К. Чанг бойынша)

** Авторлар ескерткіштерді жалпы қала (городище) деп көрсеткен*

2011 жылдан бастап белгілі ғалым Ә.Т. Төлеубаев Жетісудың солтүстік-шығысы, Алакөл ойпаты, Жоңғар қақпасы аймағына археологиялық барлау жұмыстарын жүргізіп, бүгінге дейін 19 ортағасырлық ескерткішті анықтап, зерттеу нәтижелерін ғылыми айналымға қосып отыр (Төлеубаев, Шагирбаев, 2018, 178-194 бб.). К.М. Байпақов аталған өңірдегі Көктұма ауылы маңынан 1 ортағасырлық ескерткіш, Үшарал қаласы маңынан 2 ортағасырлық ескерткіштің болғанын айтып өткен. Өкінішке орай, бүгінгі күнде Көктұма, Үшарал маңындағы ортағасырлық ескерткіштер жойылып кеткен.

Аймақтағы археологиялық зерттеулердің келесі бағыттары ортағасырлық ескерткіштердің қалыптасуы (Савельева, 1989, с. 431-432) және кезеңдестірілуі (Байпақов, 1978, с. 8-10), өңірдің ортағасырлардағы халқының тығыздығы (Байпақов, 1974б, с. 188-200), ортағасырлық қалалардағы жалпы урбанизация мәселесі (Байпақов, 2013, с. 253-337), көшпелі және отырықшы халықтардың өзара мәдени, әлеуметтік-экономикалық ықпалдастығы (Байпақов, 1989, с. 329-336), ирригациялық жүйесі (Байпақов, Грошев, 1993, с. 36-39), діни ұстанымдары (Байпақов, Савельева, 2017, с. 24-41.) және жекелеген ескерткіштерге жүргізілген қазба жұмыстары (Байпақов, Ерзакович, 1970, с. 22-40; Байпақов, Воякин, 2007.; Савельева, 2013, с. 11-14) тұрғысынан қарастырылған.

Сонымен қолда бар деректер негізінде жалпы қорытынды жасайтын болсақ, Алматы облысында 2017 жылға дейін жалпы саны 94 ортағасырлық ескерткіш анықталып отыр. Олардың ішінде басым бөлігі төрткүл тәріздес ескерткіштер, қала, керуен сарайлар және қоныстар.

Жетісу жеріне әр жылдарда жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары барысында ортағасырлық ескерткіштер (төрткүлдер) анықталып, жыл өткен сайын саны артып келе жатқандығын жоғарыда келтірілген мәліметтер растап отыр. Өлкедегі ортағасырлық ескерткіштердің толық санын анықтау бойынша арнайы зерттеу жұмыстары жүргізіліп, нәтижесінде жарияланған еңбектер жоқтың қасы. Сондықтан, ескерткіштерді анықтау, олардың топографиялық жоспарын алу, бүгінгі жай-күйін білу, өлкедегі ортағасырлық қалалық мәдениеттің даму динамикасын анықтауға үлкен септігін тигізеді.

Археологиялық барлау жұмыстары. 2018 жылы ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының барлау отряды (Е.Ш. Ақымбек, М.С. Шагирбаев) Алматы облысының батыс бөлігіне барлау жұмыстарын жүргізді.

Барлау жұмыстары Іле өзеніне сол жағынан келіп құятын ірі салаларының бірі – Күрті өзенінің аңғары мен оның жоғарғы салалары: Ақсеңгір, Қастек, Құтырған, Самсы, Тарғап өзендерінің бойын,

Іле Алатауының солтүстік баурайындағы Дегерес, Атжайлау жоталарының теріскей беткейлерін қамтыды.

Археологиялық барлау жұмыстары 8 ортағасырлық төрткүлде жүргізілді. Оның ішінде ғылымға бұрыннан белгілі Еңбекші және Самсы төрткүлдері бар. Жаңадан ашылған ескерткіштерге Итбай, Көкөзек, Ақтерек, Архарлы, Беріктас және Жайсаң төрткүлдері жатады (Ақымбек, Шагирбаев, 2019, 112-131 бб).

Күрті өзені алқабындағы археологиялық барлау жұмыстары барысында 6 ортағасырлық төрткүл анықталып, олардың көлемі анықталып, жер бетіндегі материалдары жиналып, фотосуреттері түсіріліп, бүгінгі жай күйі белгілі болды.

Жүргізілген барлау жұмыстары жақсы нәтижелерге қол жеткізіп қана қоймай, зерттеу жұмыстарын одан ары қарай жүргізе беру керектігіне себеп болды.

2019 жылы қыркүйек айының басында ОҚКАЭ-ның барлау отряды Жетісу өлкесіндегі ортағасырлық ескерткіштерге археологиялық барлау жүргізу жұмыстарын жалғастырды.

Барлау жұмыстары Алматы облысының Көксу және Ақсу аудандарын қамтыды. Нақтырақ айтсақ, Көксу ауданы аумағындағы Қаратал өзенінің сол жағасынан құятын Быжы (Біже), Жарлыөзек, Мұқаншы өзендерінің бойына, Ақсу ауданындағы Қызылағаш өзеніне құятын Бұқпан, Қапал, Біртоған өзендерінің бойына, Бүйен өзенінің сол жағалауына, Ақсу өзеніне құятын Ащыбұлақ өзенінің бойына жүргізілді.

Жүргізілген барлау жұмыстары барысында 8 ортағасырлық ескерткіш: Қыдырбай, Жарлыөзек, Өзек, Мұқаншы, Бұқпан, Балапантөбе, Біртоған, Ащыбұлақ төрткүлдері және 1 ежелгі құрылыс орны – Науа тоған ескерткіші анықталды. Анықталған ортағасырлық төрткүлдердің атауы сол жердегі өзен-көлдердің және жергілікті жердің атауларына байланысты қойылды. Барлық ескерткіштің көлемі анықталып, үстінен археологиялық материалдары жиналып, схемалық жоспары және аэрофотосуреті түсірілді. Сонымен қатар, барлау кезінде бұрын анықталған Быжы-2, Айнабұлақ, Қапал, Арасан төрткүлдерінің бүгінгі жай-күйлері анықталып, суреттері түсірілді.

Қыдырбай төрткүлі. Алматы облысы Көксу ауданы Айнабұлақ аулынан 7,5 км оңтүстік-батыста, Алматы-Талдықорған автотрассасының сол жағында, Қыдырбай деп аталатын бұлақ суларынан жиналатын көлшіктің ортасында орналасқан. Айналасы және ескерткіштің ортасы батпақты болып жатыр.

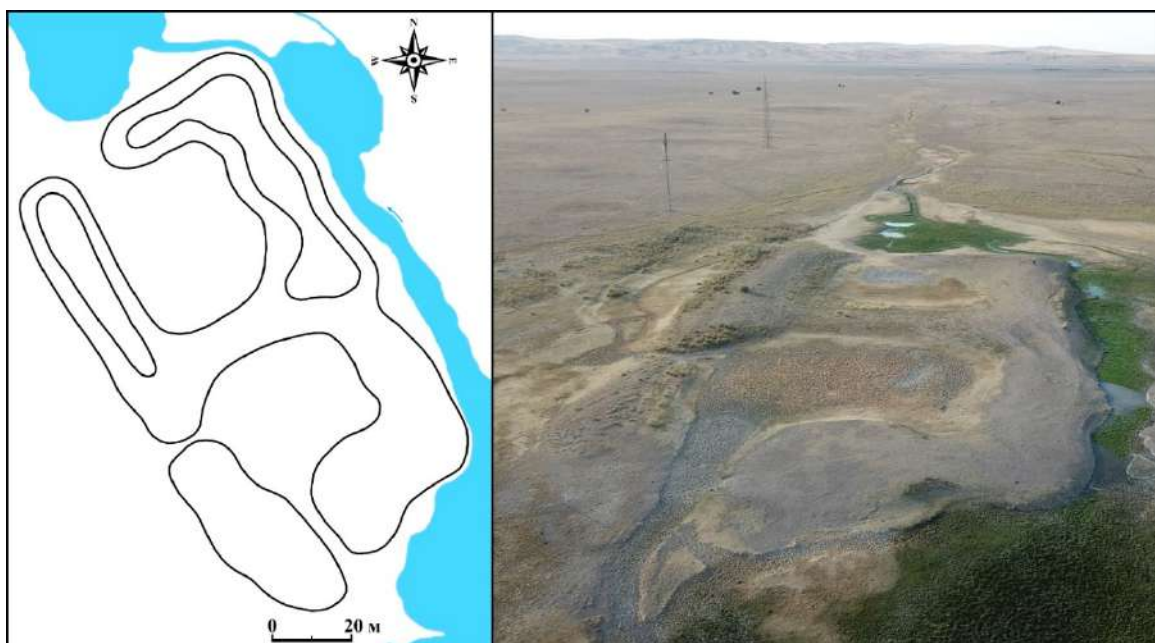
Ортағасырлық ескерткіштер көрсетілген кейбір археологиялық карталарда төрткүл орналасқан ауданда бір ескерткіштің бары белгіленген. Бірақ ол туралы ешқандай мәліметтер берілмейді. Ескерткішті бір кездері Семиречье археологиялық экспедициясы (К.М. Байпақов) ашқан болуы да мүмкін (Байпақов, Савельева, Чанг, 2002, с. 10).

Жоспары бойынша төртбұрышты келген ескерткіштің бұрыштары әлемнің төрт тарабына бағытталған. Солтүстік-батыстан оңтүстік шығысқа қарай бағыттталып, созыла орналасқан төрткүл екі бөліктен тұрады (сур. 1). Жалпы ұзындығы 120 м, ені 70 м келген төрткүлдің солтүстік-батыс жағындағы үлкендеу, негізгі бөлігінің көлемі 70x70 м, жайылып кеткен қабырға-жалдарының ені 10-15 м, биіктігі 1,2-1,8 м. Қабырғаларының ортасынан және бұрыштарынан мұнара іздері байқалады. Мұны біршама жақсы сақталған солтүстік-шығыс қабырғасынан көруге болады. Шығыс бұрышында, солтүстік-батыс қабырға 10 м қашықтықта ашық. Ішкі бөлігімен бір деңгейде жатқан бұл жерден ешқандай құрылыстың қалдығы байқалмайды. Қақпа орны болуы да мүмкін.

Ортасын ені 10 м қабырға-жал бөліп жатқан төрткүлдің оңтүстік-шығыс бөлігінің көлемі 70x60 м, өте қатты жайылып кеткен қабырғаларының ені 10-15 м, биіктігі 0,4-0,8 м. Оңтүстік бұрышына таман, оңтүстік-шығыс қабырғасы техниканың күшімен сүрілгенге ұқсайды. Ішіне қарай осы жер арқылы кірген су батыс бұрышына таман қазылған арық арқылы сыртына қарай ағып шығады.

Суы көп көктемнің кезінде ескерткіштің іші-сырты суға толып, көлшікке айналатынын айналасындағы құрғап қалған батпақты жерден көруге болады.

Ескерткіштің ішкі жағынан құрылыс орындары байқалмады. Үстінде ешқандай да археологиялық материалдар болмағанымен, батыс жағынан бірнеше ортағасырлық керамика сынықтары табылды.

Сурет 1. Қыдырбай төрткүлі. Схемалық жоспары мен аэрофотосуреті

Науа тоған құрылыс орны. Алматы облысы Көксу ауданы Алғабас ауылынан 2,5 км оңтүстік-шығыста, Быжы өзенінің сол жағасында, жеке тұрған биіктеу төбеде орналасқан (сур. 2). Қисық төртбұрыш секілді келген табиғи төбенің көлемі 90x80м. Төбені айнала арықтар қазылған болса, үстіне ХІХ ғ. соңы – ХХ ғ. ортасы аралығындағы жерлеу орындары (қорым) түсіп кеткен. Молалардың арасында кесене орындары да байқалады. Үстіне толығымен жерлеу орындары түскен төбенің беткі қабатынан ежелгі құрылыс орындарын анықтау мүмкін емес. Дегенмен, ежелгі дәуірге жататын санаулы керамика сынықтары табылды.

Сурет 2. Науа тоған қонысы. Ғарыштан түсірілген суреті мен аэрофотосуреті

Жарлыөзек қаласы (төрткүлі). Алматы облысы Көксу ауданы Жарлыөзек (Октябрь) ауылының солтүстік шетінде, Жарлыөзек өзенінің сол жағасында орналасқан. Ескерткіштің үстіне Кеңестік уақытта колхоз немесе совхоздың жанармай сақтау және құю бекеті салынған. Колхоз/совхоз тарағаннан кейін, бекет жұмысын тоқтатып, оның материалдарын толығымен бұзып алған және бүгінгі күнге дейін бұзып алып жатыр. Бекетті салу және бұзып алу кезінде ескерткіштің мәдени қабаты айтарлықтай бұзылған. Солтүстік-шығыс бұрыш жағы толығымен жойылған болса, осы бұрышын өзен шайып кеткен. Ортасындағы шаршылы келген бөлігінің оңтүстік қабырғасы қатты бүлінушілікке ұшыраған.

Сыртында қабырға-жалы (дуал) бар ескерткіш жоспары бойынша бес бұрышты болғанға ұқсайды (сур. 3). Оның солтүстік-шығыс жағы толық жойылған. Батыс қабырғасы біршама жақсы сақталған. Оңтүстік-батыс бұрышы мен солтүстік-батыс қабырға-жалынан жергілікті тұрғындар құрылысқа топырақ алу барысында біршама бөлігін жойған. Дегенмен, көлеміне біршама бүлінушілік келгенімен, ескерткіштің сақталған нобайы бойынша сипаттауға болады. Айтарлықтай сақталған оңтүстік және оңтүстік-батыс қабырғаларының ұзындығы 170 м, солтүстік-шығысы – 110 м, солтүстік-шығысы – 140

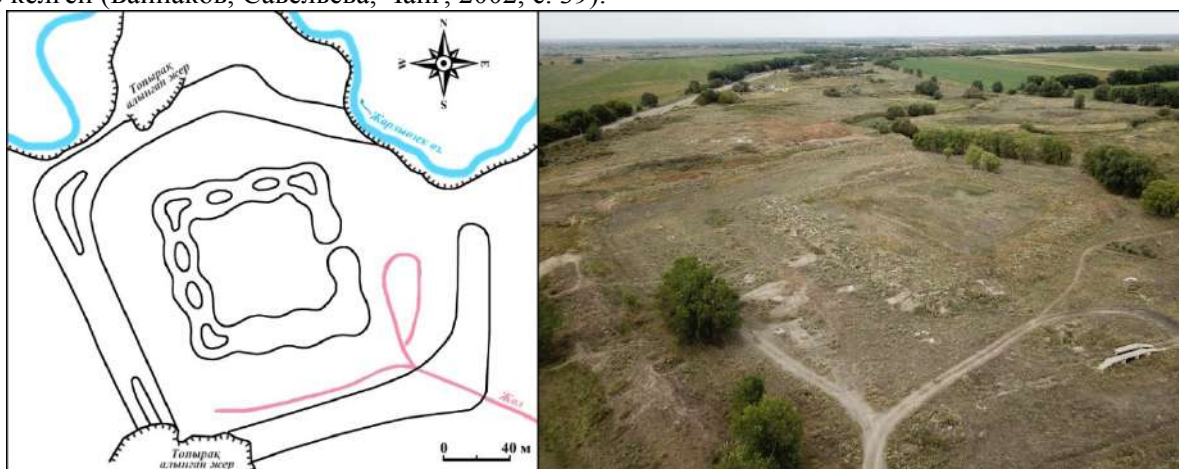
м, шығысы – 120 м, жайылып кеткен жалдарының ені 15-20 м, биіктігі 1-1,5 м. Қақпасы шығыс бөлігінде болғанға ұқсайды.

Ортасындағы қабырғалары әлемнің төрт тарабына бағыттталып орналасқан, жоспары бойынша шаршылы келген бөлігінің көлемі 110x100 м, жал болып жатқан қабырғаларының ені 10-15 м, биіктіктері 1,2-2 м болады. Қабырғаларының бойынан екі және бұрыштарынан мұнаралардың іздері байқалады. Мұнара орындары негізгі қабырға бойынан сәл сыртқа шығып жатса, биіктіктері де біршама бедерленіп көрініп жатыр. Қақпа орны шығыс қабырғасының ортасында болған болуы мүмкін. Осы жағы айтарлықтай сай болып орналасқан.

Ескерткіштің ішкі бөліктері ойлы-қырлы болып жатыр, бұл құрылыс салу барысында осындай күйге түсуі де мүмкін. Бірақ құрылысқа топырақ алынған оңтүстік-батыс бұрышынан мәдени қабатының бар екендігі анық байқалады. Жер бетінен 0,3-0,5 м тереңдіктен 10 см қалыңдықтағы күл қабатының бары, кей жерлерінен өртенген ағаш қалдықтары мен керамика және жануарлардың қаңқа сүйектерінің қалдықтары анықталды.

Табылған қыш ыдыс сынықтары орта ғасырларға жатады.

Жарлыөзек қаласының жоспарлануы Х–ХІІ ғ.ғ. жататын Арасан қаласының жоспарлануына өте ұқсас келген (Байпаков, Савельева, Чанг, 2002, с. 39).

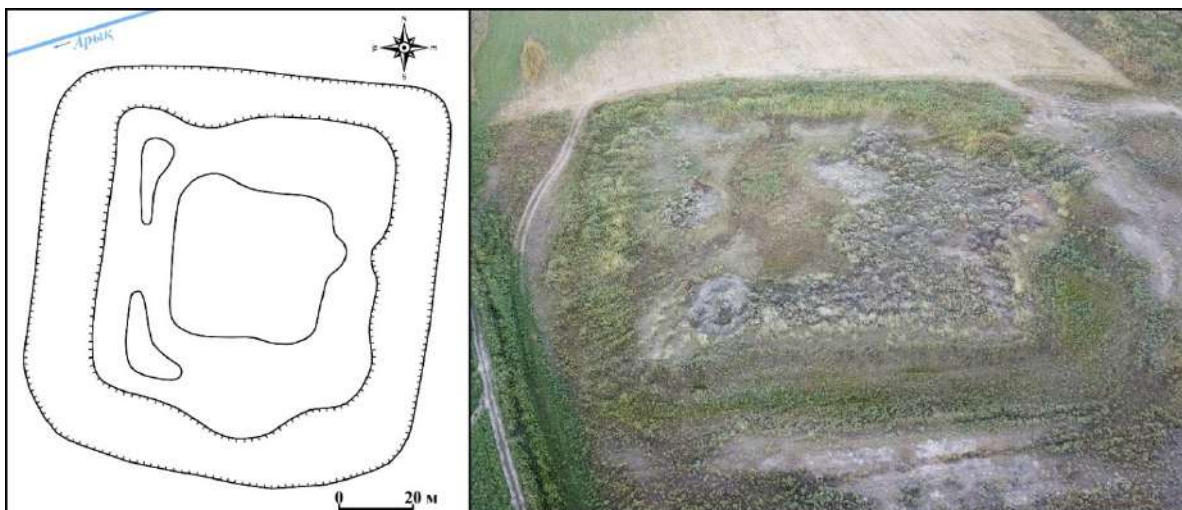
Сурет 3. Жарлыөзек қаласы. Схемалық жоспары мен аэрофотосуреті

Өзек төрткүлі. Алматы облысы Көксу ауданы Нәдірізбек (Пятилетка 3) ауылынан 2 км оңтүстік-шығыста, Жарлыөзек қаласынан 7,3 км солтүстік-батыста, Жарлыөзек өзенінің оң жағында орналасқан. Суармалы егістік немесе бақшаның ортасында орналасқандықтан, солтүстігі мен оңтүстігінен арықтар қазылған. Сонымен қатар, ескерткіштің үсті антропогендік бүлінушілікке ұшыраған болса, батыс жағында 70 м жерде техниканың күшімен қазылған ор жатыр.

Жоспары бойынша төртбұрышты келген төрткүлдің қабырғалары әлемнің төрт тарабына бағытталған. Батыс қабырға-жалы біршама жақсы сақталса, шығыс қабырға бөлігі қатты бүлініп, жайылып кеткен. Ескерткіштің көлемі 80x70 м, жайылып кеткен жалының ені 10-20 м, биіктігі 1-1,5 м (сур. 4). Ішкі бөлігі сыртқы жағына қарағанда болмашы ғана биік жатыр. Оңтүстік қабырға-жалының ортасы айтарлықтай жайылып, қабырға сызығынан 15 м сыртқа дөңгеленіп шығып жатыр. Солтүстік қабырғасының батыс жағы мен шығыс қабырғасының ортасы шамалы сай болып келген. Мұның қолмен жасалғаны немесе жасалмағанын анықтау қиын.

Төрткүлді айнала ор қоршап жатыр. Батыс жалының сыртындағы терең ор оңтүстік жағының жартысына дейін келген. Осы жағындағы орының ені 20 м, тереңдігі 1,5 м. Ор қазіргі заманда тереңдетіліп қазылған болуы да мүмкін. Себебі, батыс жағында топырақ үйілген төбешіктер жатыр. Солтүстік және шығыс және оңтүстігінің шығыс жағындағы орының ені 10-15 м, тереңдігі 0,3-0,6 м.

Үстінен ешқандай керамика сынықтары кездеспегенімен, батыс шағындағы техника қазып кеткен ордың айналасынан Х–ХІІ ғ.ғ. жататын біршама қыш ыдыс сынықтары жинап алынды.

Сурет 4. Өзек төрткүлі. Схемалық жоспары мен аэрофотосуреті

Мұқаншы төрткүлі. Алматы облысы Көксу ауданы Нәдірізбек (Пятилетка 3) ауылынан 1,5 км оңтүстікте, Жарлыөзек және Мұқаншы өзендерінің құяр жерінен 1,2 км, Мұқаншы өзенінің сол жағасында, құмдақтау жерде орналасқан.

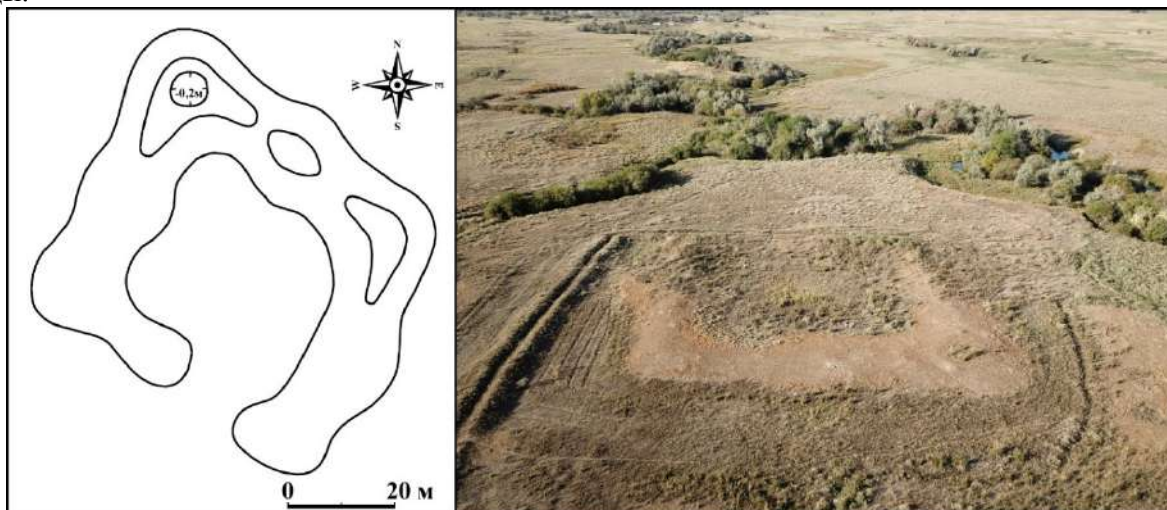
Кеңестік кезеңде бұл жер суармалы егістік немесе бау алқабына айналдырылып, айналасына арықтар қазылған.

Жоспары бойынша төртбұрышты келген төрткүлдің бұрыштары әлемнің төрт тарабына бағытталған. Ескерткіштің солтүстік-шығыс жарты бөлігі біршама жақсы сақталған болса, оңтүстік-батыс жарты бөлігі қатты жайылып кеткен. Айналасынан ордың іздері анық байқалады.

Қисық төртбұрышты келген ескерткіштің көлемі 70x60 м, қабырға-жалдарының ені 10-нан 20 м-ге дейін барады, биіктігі 1-1,4 м (сур. 5). Оңтүстік-батыс қабырғасының оңтүстік бұрышына таман бөлігі сай болып жатыр. Осы жағы қақпа орны болуы мүмкін. Барлық қабырғасынан біршама биік жатқан солтүстік бұрышының ортасында шағын ғана шұңқыр бар. Шұңқырдың диаметрі 4 м, тереңдігі 0,2 м. Ішкі жағы сыртымен есептегенде 0,5 м-ге дейін биік жатыр.

Төрткүлдің сыртын айнала ор қоршап жатыр. Ор солтүстік және батыс жағынан анық байқалады. Орының ені 10-15 м, тереңдігі 0,2-0,5 м.

Ескерткіштің үстінен, әсіресе өзен жақ батыс бөлігінен X–XII ғ.ғ. жататын қыш ыдыс сынықтары жинап алынды. Ескерткіштің айналасынан, 0,5 км радиус жерден қыш ыдыс сынықтарын кездестіруге болады.

Сурет 5. Мұқаншы төрткүлі. Схемалық жоспары мен аэрофотосуреті

Бұқпан төрткүлі. Алматы облысы Ақсу ауданы Қызылағаш ауылынан 10 км оңтүстікте, Көшкентал ауылынан 9 км солтүстікте, Бұқпан өзенінің оң жағында, Қызылағаш өзеніне құяр жеріндегі биік адырдың үстінде орналасқан.

Төрткүл кеңестік кезеңде салынған Қызылағаш су қоймасының астында жатқан. Бүгінде қайта соғылып жатқан су қоймасына қажетті топырақты ескерткіш орналасқан жерден алып жатқандықтан, оның солтүстік жарты бөлігі толық жойылған. Топырақ алуға баратын ауыр жүк көліктеріне арналып салынған жол ескерткіштің оңтүстік-шығыс бөлігінен өткендіктен, қабырғасының шамалы бөлігі

техниканың күшімен сүрілсе, оның оңтүстік-батыс жағында 20 м жерде орналасқан шағын құрылыс орнының жартысы жойылған.

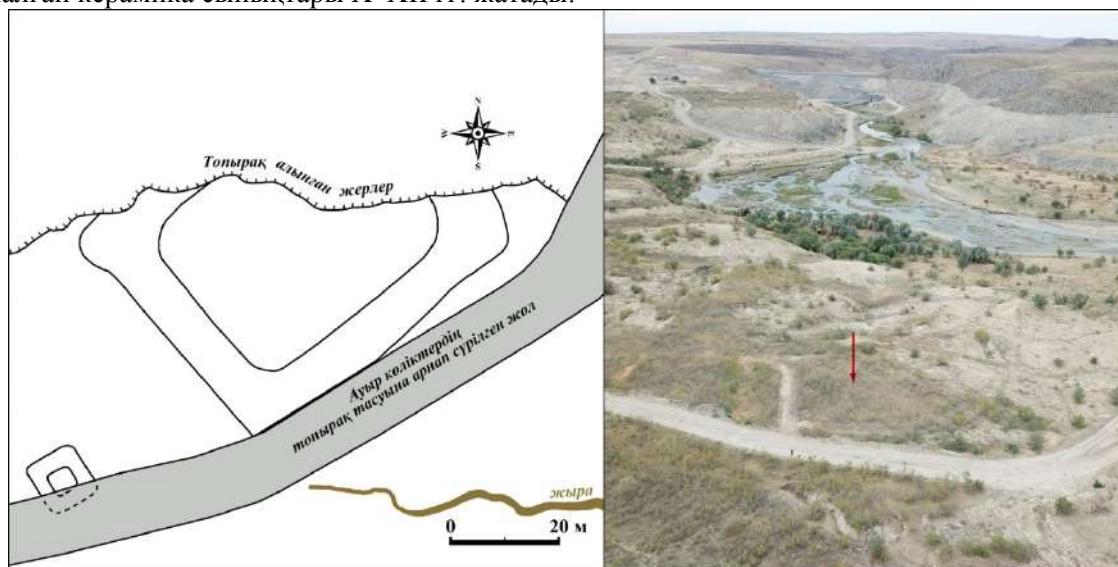
Жоспары бойынша төртбұрышты келген төрткүлдің бұрыштары әлемнің төрт тарабына қарай бағытталған. Көлемі шамамен 65x55 м, біршама жақсы сақталған оңтүстік-шығыс және оңтүстік-батыс қабырға-жалының ені 10-12 м, биіктігі 0,5 м (сур. 6).

Сыртын айнала ор қоршап жатқанға ұқсайды. Себебі, оңтүстік-батыс қабырғасының сыртында сақталған (тек осы жағы ғана бұзушылыққа ұшырамаған) орының ені 10-12 м, тереңдігі 0,3 м.

Ескерткіштің оңтүстік-батыс жағындағы шағын құрылыстың көлемі 12x12 м, биіктігі 0,1 м.

Төрткүлдің бұзылып кеткен бөліктерінен мәдени қабатын анықтау мүмкін болмағанымен, орта ғасырларға жататын қыш ыдыс сынықтары топырақ алынған бөлігі мен оның оңтүстік жағындағы су шаю барысында пайда болған жыраның ішінен жинап алынды.

Жиналған керамика сынықтары X–XII ғғ. жатады.

Сурет 6. Бұқан төрткүлі. Схемалық жоспары мен аэрофотосуреті

Балапантөбе төрткүлі. Алматы облысы Ақсу ауданы Қапал ауылынан 2 км солтүстік-батыста, Балапантөбе деп аталатын жау жотасының етегінде, Қапал өзенінің сол жағасындағы егістік алқабында орналасқан. Ескерткіштің үстіне егістік түсіп кеткен, яғни ауылшаруашылық мақсаттағы жер болғандықтан, жер жырту барысында толығымен жойылған.

Жоспары бойынша шаршылы келген ескерткіштің нобайын тек 2013 жылы ғарыштан түсірілген суреттен (Google Earth Pro) ғана байқауға болады. Қабырғалары әлемнің төрт тарабына бағытталған ескерткіштің көлемі 80x80 м, қабырға-жалдары тегістеліп кеткен, оның биіктігі 0,1 м (сур. 7). Нобайы бойынша қабырға ортасы мен бұрыштарынан мұнаралардың және қабырға сыртынан айнала ордың іздерін байқауға болады.

Төрткүлдің үстінен және айналасынан орта ғасырларға жататын сырсыз қыш ыдыстардың сынықтары айтарлықтай мөлшерде жинап алынды.

Сурет 7. Балапантөбе төрткүлі. Ғарыштан түсірілген суреті (2013 ж.) мен ескерткіш орналасқан жердің батыстан түсірілген суреті

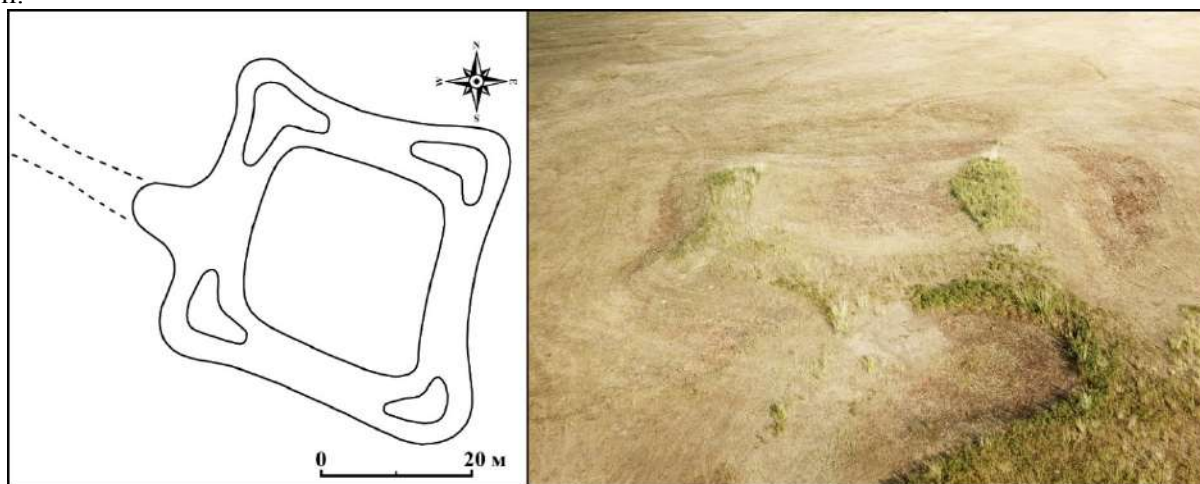
Біртоған төрткүлі. Алматы облысы Ақсу ауданы Қапал ауылынан 4 км солтүстік-шығыста, шағын өзеннің сол жағында, шалғынды жерде орналасқан. Ескерткіштің маңынан жоғарғы кернеулі электр желісі өтеді.

Жоспары бойынша қисық төртбұрышты болып келген төрткүлдің қабырғалары сәл ауытқып әлемнің төрт тарабына бағыттталып жатыр. Қисық бұрышты келгендіктен, қабырғаларының ұзындығы әртүрлі: солтүстігі – 38; шығысы – 42; оңтүстігі – 40; батысы – 36 м. Айнала жал болып жатқан қабырғаларының ені 8-12 м, биіктіктері: аласа келген шығыс бөлігінде 1 м, биік орналасқан оңтүстігі мен батысында – 1,5-2 м (сур. 8). Ішкі жағының биіктігі сыртымен есептегенде 1 м биіктікте жатыр, яғни шығыс қабырға жалынан болмашы ғана төмен. Қабырға сызығынан дөңгеленіп сыртқа қарай шығыңқы орналасқан бұрыштарынан мұнара іздері байқалады.

Төрткүлді айнала ор қоршап жатыр. Батыс және оңтүстік жағындағы ор тереңдеу, оның ені 8-12 м, тереңдігі 0,3-0,7 м.

Батыс қабырғасының орта тұсынан басталатын ені 10 м болатын жал батысқа қарай созылып, ордан өтіп бірте-бірте аласарып, жер деңгейіне барып ұласады. Төрткүлдің сыртынан да қабырға-жал қоршап жатқанға ұқсайды. Себебі, осы жал сыртқы қабырғаға барып жалғасуы мүмкін. Мұны ескерткіштің батыс қабырғасынан 30 м жерден өткен, параллель жатқан қабырға ізінен көруге болады.

Ескерткіштің үстінен ешқандай керамика сынықтары табылмады. Дегенмен, үстіне қалың шөп өскен.

Сурет 8. Біртоған төрткүлі. Схемалық жоспары мен аэрофотосуреті

Ащыбұлақ төрткүлі. Алматы облысы Ақсу ауданы Ащыбұлақ ауылының шығыс шетінде, Ащыбұлақ өзенінің оң жағасында, оның Ақсу өзеніне құяр жеріне жақын орналасқан.

Кеңестік кезеңде ескерткіш орналасқан аумаққа колхоз немесе совхоздың мал қоралары салынған. Сол кезде оның айналасына мал ұстауға арналған шаруашылық құрылыстар түскен. Бұл, ескерткішке де зиянын тигізбей қоймаған. Төрткүлдің солтүстік және оңтүстік қабырға-жалдарының ортасын техникамен сүріп, бұзып өткен.

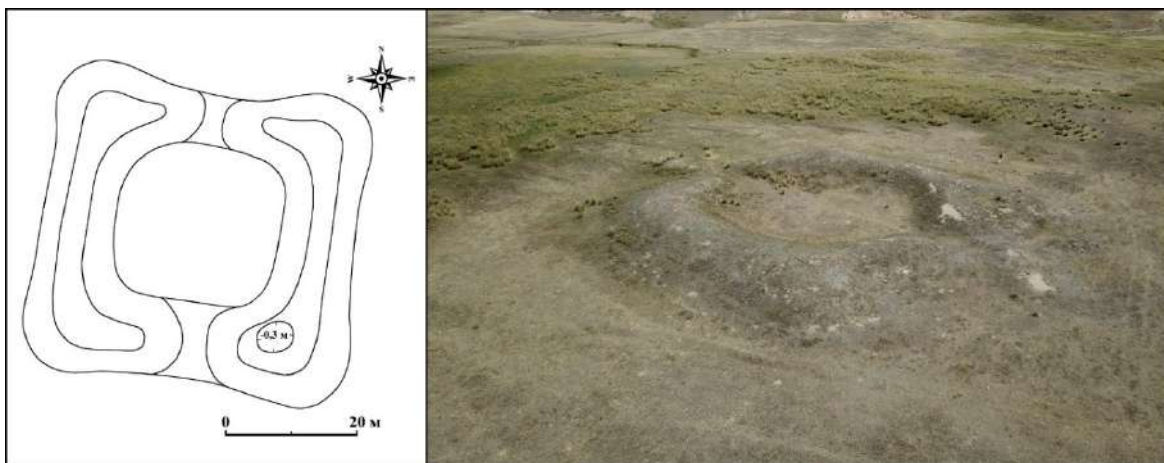
Бүгінде ескерткіш орналасқан аумақ жеке шаруа қожалығының иелігіне қарайды.

Жоспары бойынша шаршылы келген төрткүлдің қабырғалары әлемнің төрт тарабына бағыттталып орналасқан. Төрт жағы жал болып жатқан ескерткіштің көлемі 50x50 м, қабырғаларының ені 10-15 м, биіктігі 2-2,5 м (сур. 9). Бұрыштарынан мұнара іздері байқалады. Оңтүстік-шығыс бұрышының үстінде сақталған шұңқырдың диаметрі 4 м, тереңдігі 0,4 м.

Ішкі бөлігі сыртындағы жер бетінен есептегенде 0,5 м биік жатыр. Солтүстіктен оңтүстікке қарай сүрілген жері ішкі бөлігіне тимегенімен, сыртына қарай бұзып шыққандықтан, ескерткіштің сыртында төбешік болып қалған.

Ескерткіштің сыртынан ордың ізі, сонымен қатар оның батыс қабырғасына параллель жатқан, 40 м жерден өткен қабырғаның қалдықтары байқалады.

Барлау жұмыстары кезінде орта ғасырларға жататын санаулы ғана қыш сынықтары табылды.

Сурет 9. Ащыбұлақ төрткүлі. Схемалық жоспары мен аэрофотосуреті

Қорытынды. Сонымен, Жетісу өлкесінде XIX ғ. ортасынан бастап 2017 жылға дейін 90-нан астам ортағасырлық ескерткіш ашылғандығын жоғарыда келтіріп өттік. Жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары барысында олардың саны жыл санап артып келеді. Тек, 2018–2019 жылдары жүргізілген археологиялық барлау жұмыстарының өзінде 14 ортағасырлық төрткүл анықталды. Олардың бірқатары айтарлықтай бүлінушілікке ұшыраса, кейбіреулері мүлдем жойылып кету алдында тұр.

Ортағасырлық ескерткіштердің санын анықтау, орналасқан жері мен көлемін білу, жалпы топографиясы, стратиграфиясы және хронологиясын анықтау өңірдегі ортағасырлық ескерткіштер туралы мәліметтер базасын толықтыра түсері анық.

Қазіргі таңда ескерткіштердің санын анықтау өте маңызды болып табылады. Себебі, қарқынды жер игеру мен құрылыс салу жұмыстары бірқатар ескерткіштердің жойылып кетуіне себеп болса, келесі бірқатарына қауіп төндіріп тұр. Көптеген ескерткіштер орналасқан жер бүгінде жеке шаруа қожалықтарының меншігіне өтіп кеткен. Сондықтан, алдағы жылдарда барлау жұмыстарын қарқынды жүргізіп, белгісіз ескерткіштерді анықтап, географиялық координаттарын алып, топографиялық жоспары мен фотосуреттерін түсіру болса, бұрыннан белгілі ескерткіштердің бүгінгі күнгі жай-күйін анықтау қажет.

Ескерткіштердің санын барынша толық анықтау бір-бірімен байланысын, орналасу ерекшеліктерін, сонымен қатар керуен жолдарының бағытын анықтауға септігін тигізеді.

Жұмыс Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің қаржыландыруы бойынша №BR05236565 «Археологиялық деректер негізіндегі тас ғасырынан бастап, этнографиялық кезеңге дейінгі Қазақстан тұрғындарының мәдениеті» және №AP05132457 «Шу өңіріндегі ортағасырлық төрткүлдер (топографиясы, стратиграфиясы, хронологиясы) жобалары аясында орындалды.

Әдебиеттер

Абрамов Н.А. Древнее укрепление при речке Чингильда // Тобольские губернские ведомости. 1867. № 50. С. 70-75.

Агеева Е.И. Некоторые новые данные по археологии Семиречья // КСИМК. АН СССР. Москва, 1960. С. 65-69.

Ақымбек Е.Ш., Шагирбаев М.С. Алматы облысының оңтүстік-батыс жағында орналасқан ортағасырлық ескерткіштерге жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары // «Ақынжанов оқулары-2019» атты көрнекті археолог – Сержан Мұсатайұлы Ақынжановтың 80 жылдығына арналған жас ғалымдардың халықаралық археологиялық конференциясының материалдар жинағы. 16–17 қазан 2019 ж. Алматы: Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, 2019. 192 б.

Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата, Издательство АН КазССР. 1960. 449 с.

Байпаков К.М. Город и степь в эпоху средневековья (по материалам Южного Казахстана и Семиречья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, Наука, 1989. С. 329-336.

Байпаков К.М. Городища типа «Торткүл» // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата. Наука, 1978. С. 80-96.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга II. Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. Алматы, 2013. 514 с., илл.

- Байпаков К.М. Находка клада керамики на территориях Алма-Аты // Вестник АН КазССР. 1974а. №2. С. 70-71.
- Байпаков К.М. О локализации городов Северо-Восточного Семиречья // Вестник АН КазССР. 1968. №7. С. 21-25.
- Байпаков К.М. О формировании средневекового города Илийской долины // Вестник АН КазССР. 1982. №5. С. 21-28.
- Байпаков К.М. О численности оседлого населения Илийской долины в средневековье // В глубь веков. Алма-ата. 1974б. С. 188-200.
- Байпаков К.М. Периодизация городской и оседлой сельской жизни Илийской долины (IX – XV вв.) // Бартольдские чтения – 1978. Год четвертый / Тезисы, доклады и сообщения. Москва. 1978. С. 8-10.
- Байпаков К.М. Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата. 1968. С. 68-84.
- Байпаков К.М. Раннесредневековые города и поселения Семиречья // Известия АН КазССР. Серия историческая. 1966. №2. С. 72-84.
- Байпаков К.М., Грошев В.А. Новые данные о землях древнего орошения в низовьях р. Или // Проблемы реконструкции хозяйства и технологии по данным археологии. Петропавловск, 1993. С. 36-39.
- Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата. 1970. С. 22-41.; Байпаков К.М., Воякин Д.А. Средневековый город Каялык. Алматы, 2007. 224 с.; Савельева Т.В. Великий Шелковый путь: маршруты и караван-сарай в Жетысу // Отчет о научно-исследовательской работе. Алматы. 2013. 59 с.
- Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Раскопки на городище Жаксылык (Илийская долина) // Археологические открытия 1967 года. Москва. 1968. С. 324-325.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В. Религии в горах северо-восточного Жетысу-Семиречья (Илийской долины) в XIII-XIV вв. // Ұлы Жібек жолындағы Қазақстан мен Орта Азиядағы діндер: Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференцияның материалдары 12-13 маусым 2017 жыл. Алматы: Центр сближения культур, Service Press. 2017. С. 24-41.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения северо-восточного Жетысу. Издание второе, дополненное. Алматы. 2005. 188 с.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу. Алматы, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2002, 212 с.
- Бернштам А.Н. Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР. Серия археологическая. 1948. С. 79-91.
- Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата, КазОГИЗ, 1941. 87 с.
- Валиханов Ч.Ч. О кыргиз-кайсацких могилах (молах) и древностях вообще / Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1984. 432 с.
- Гуляев С.О. О древностях, открываемых в Киргизской степи // Вестник Русского географического общества. Санкт Петербург, 1853. Т.8. Отд.7. С. 22-25.
- Савельева Т.В. Оседлая культура северных склонов Заилийского Алатау в VIII-XIII веков (по материалам раскопок городища Талгар и памятников его периферии). Алматы. Ғылым. 1994. 216 с.
- Савельева Т.В. Формирование средневековых городов у кочевников (по материалам раскопок городища Талгар) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 431-432.
- Төлеубаев Ә.Т., Шағирбаев М.С. Алакөл ойпатындағы ортағасырлық қалалар (топографиясы, типологиясы және генезисі мәселелері). // «Қазақстан мен іргелес елдердің тарихи-мәдени мұрасын зерттеудегі заманауи әдістер мен тұрғылар» атты «IX Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары / жауапты ред. Ф.Қ. Омаров. Алматы: Қазақ университеті, 2018. 178-194 бб.
- Фишер Г.В. Озеро Балхаш и течение р. Или от выселка Илийского до его устьев // Записки Западно-Сибирского отделения русского географического общества. 1884. Т.6. с. 3-21.
- Ходжиков К. Древнейшие памятники Семиречья // Труды Казахского института национальной культуры. Алма-Ата: Казахское краевое издательство, 1935. Т. 1. 160 с.

Ү.Ш. Ақымбек., М.С. Шағирбаев

RESEARCH OF MEDIEVAL MONUMENTS (TORTKULS) ZHETYSU IN 2019

The article considers the history of the study of medieval monuments located in the Zhetysu region (Almaty region). It analyzes and quantifies the information of researchers who have studied from the middle of XIX century to 2017 medieval monuments in this area. In addition, the research team (E. Akymbek, M. Sagyrbaev) of the Institute of Archeology named of A.Kh. Margulan examined medieval fortresses, which discovered in 2018 in the Kurty River Valley. In 2019, exploration works were carried out to provide a detailed description of the medieval fortresses which discovered along the rivers Byzhy (Bizhe), Zharlyozek, Mukanshy, which flows from the left bank of the river Karatal,

along the Bukpan, Kapal, Birtogan rivers, which flows into the Kyzylagash river, on the left bank of the river Buyen, along the river Ashchybulak, which flows into the Aksu River.

М. Елеуов¹, Д. Талеев², С. Есенов³, А. Молдахмет³

¹ *Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті
Алматы қ., Қазақстан*

E-mail: madiareleuov@mail.ru

² *Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Алматы қ., Қазақстан*

E-mail: doc19_59@mail.ru

³ *ҚР Ұлттық музейі*

Нұр-Сұлтан қ., Қазақстан

E-mail: syrym.e@mail.ru, arhadkz@mail.ru

ЕЖЕЛГІ КҮЛТӨБЕ ҚАЛАСЫ МЕН МЫҢТӨБЕ ҚОРЫМЫНДА 2017-2018 ЖЫЛДАРЫ ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСТАРЫ

2017-2018 жылы «Сырдария» университетінің қаржыландыруымен Ежелгі Күлтөбе қаласы мен Мыңтөбе қорымдарында зерттеу жұмыстары жүргізілді. Зерттеуді ұйымдастыруға «Сырдария» университетінің әкімшілігі қаржылай қолдау көрсетіп, экспедицияға Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің профессоры М. Елеуов жетекшілік жасады. Сонымен қатар ғылыми жұмыстарды үйлестіруге тарих ғылымдарының кандидаты Д. Талеев, «Сырдария» университетінің тарихшы ғылымдарының бірі С. Апашева және ҚР Ұлттық музейінің ғылыми қызметкерлері А. Касеналин, С. Есенов және әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеттің археология, этнология және музеология кафедрасының магистранттары А. Молдахмет, А. Ерсариев және ауыл тұрғындары қатысты.

Ежелгі Күлтөбе қаласы қазіргі Түркістан облысы, Келес ауданындағы Ақтөбе ауылдық округі, Ғани Мұратбаев ауылынан батыста, Келес өзенінің оң жақ жағалауының Сырдарияға құйар сағасында орналасқан. Географиялық координаттары: СЕ 41° 1' 2,3", ШБ 68° 37' 7,3". Қалашық топографиялық сипатында үш бөлік салынған құырлыс алаңдарынан тұрады (сызба). Қалашықтың орталық цитадель бөлігі биік қабырғалар қоршаған екі бөліктен тұрады. Алайда, цитадельдің оңтүстік-батыс бұрышының біршама бөлігін өзен суы шайып құлатқан. Қазіргі таңда қала үстін шеңгел, жыңғыл және жиде талдары қаптаған жайқалған жасыл орманға, кешкісін жастардың алау тұтатып, бас қосатын тұрақты мекеніне айналған.

Аймақтағы тарихи ескерткіштер жайлы алғашқы зерттеулерді XIX ғасырдың соңында Ресей Патшалығының Оралық Азияға жіберген саяхатшыларының еңбектерінен кездестіруге болады. 1884 жылы Сырдарияның сол жағасында Қызылқұмда зерттеу жүргізген географ А.П. Федченко өзінің «Қылызқұм даласы жайлы естеліктер» атты мақаласында Сырдарияның сол жағасындағы суландыру жүйесінің іздері, Шардара, Сүткент, Байырқұм, тағы басқа ортағасырлық қалалардың бар екенін атап көрсеткен (А.П. Федченко., 1916, с.242).

1885 жылы Сырдарияның орта және төменгі ағыстарында зерттеу жүргізген Е. Смирнов өзінің «Мырзашөл» («Голодная степь») мақаласында: «...Шыназ бен Жызак арасындағы мырзашөл даласы бұрынырақта мүлде «шөл» дала емес, ел жиі қоныстанған суармалы өлке еді. ...Шыназ бен Сырдан төмен қарай үлкен-үлкен арықтар кеткен, ал қазір қаңырап бос қалған және солардың арасында Сүткент қалашығының оры бар, ол археологиялық тұрғыдан зерттелмеген, одан әрі Қызылқұмға қарай Мыңтөбе деп аталатын қоныс орындары мен обалар бар» - деп жазған (М.Елеуов., М. Бахтыбаев, 2011, 77-78).

1899 жылы археология әуесқойларының Түркістан үйірмесінің мүшесі Н.В. Руднев Сырдарияның сол жағасындағы Шардара бекінісінен бастап Түркістанның тұсындағы Үшқайық өткеліне дейінгі аралықта зерттеп 11 ежелгі қалалардың орнын кездестірген, олардың қатарындағы Шардараға жақын орналасқандары Кеты, Ұзыната, Сүткент, Байырқұмды атайды. Сонымен қатар осы қалалармен тығыз байланысты Сырдария өзінің бойындағы қалалардың да қатарлас өмір сүрендігін айтады. Ол осы қалалардың бұзылу себептері туралы былай дейді: «Шамасы көптеген ескі қалалардың орны Қызылқұмның сырғыма құмдарының астында немесе өзендердің толқынымен шайылып кеткен, бәлкім жақын маңдағы көлдердің түбінде қалған...» (М. Елеуов., С. Апашева, 2016, 108 б.).

1914 жылы В.Ф. Караваев Сырдарияның жағасында оның атырабында көптеп кездескен ескерткіштер турлы былай дейді: «Әлбетте, белгілі бір кезеңдерде өмір сүрген бұл ескі үйінділердің орны мен олардың көптігі Сыр бойында ертеректе тұрғындардың жиі қоныстанғандығын, ал арықтардың ізі олардың отырықшы шаруашылықпен айналысып, егістік екендігін айғақтайды» (В.Ф. Караваев, 1914, с 218).

Осылайша ХХ ғасырға дейін аймақтағы зерттеу жұмыстары негізінен саяхатшылар мен өлкетанушылардың естелік жазбалары арқылы жетіп отырған. Ал Екінші дүниежүзілік соғыс жылдарынан кейін саяси-экономикалық өзгерістерге байланысты егіншілік жұмыстарын жүргізу мақсатындағы жерлерді игеру алдындағы ғылыми-зерттеу жұмыстары жүргізіліп, ескерткіштер археологтардың назарын аудара бастады.

1958 ж. А.Г. Максимованың жетекшілігімен Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы Күлтөбе қаласының орнын анықтап, есепке алған (А.Г. Максимова., М.С Мершиев., Б.И. Вайнберг., Л.М. Левина, 1968, с 264).

1982 жылы қаланы Шымкент педагогика институтының ШПИ археологиялық тобы (жетекшісі т.ғ.д Н.П. Подушкин) ғылыми-зерттеу жұмыстарын жалғастырған. Зерттеу барысында ескерткіштің топографиялық ерекшеліктерін сипаттап, оның негізгі үш бөліктен тұратын құрылыс алаңдары мен негізгі өлшемдерін нақтылаған.

1992 жылы Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының Келес археологиялық тобы төбенің жобасын қағазға түсіріп, маңынан қыш ыдыстарының сынықтарын жинаған. Күлтөбе қалашығы үстінен жинап алынған қыш ыдыстардың сипатына қарай VI-IX ғасырларға жататындығы анықтаған (Д.А.Талеев, 1995, с 22).

2011 жылы Тұран археологиялық экспедициясы (құрамында «Сырдария» университетінің оқытушы-студенттері бар) ежелгі қала орнында болып, оның сол кездегі экологиялық ахуалымен танысып, цитаделдің Келес өзені шайып жатқан оңтүстік бөлігін суретке түсірген.

2017 жылы Күлтөбедегі археологиялық қазба жұмыстары кезінде көне тиын мен жазудың іздері бар қыш ыдыс сынығын тапқан. Экспедиция жетекшісі А.Н. Подушкиннің пікірінше көне тиын шамамен бірінші ғасыр мен біздің заманымызға дейінгі бірінші ғасыр аралығында қолданыста болған Кушан патшалығына тиесілі болуы ықтимал. Қазба барысында астық сақтайтын ыдыс табылған. Экспедиция жетекшісінің айтуынша - «...құмырадан сарматтардың белгісін де байқауға болады. Құнды жәдігерлер мұқият зерттелген соң, музейге тапсырылаған». Алайда ғалым бұл жердегі зерттеу жұмыстары туралы есебін ешбір жерде жарияламаған. Kazakh TV теларансының «Күн Айнасы» бағдарламасына берген сұхбатында ғана баяндалған (А.Н. Подушкин).

Күлтөбе қаласында жүргізілген қазба жұмыстары. 2017 жылы Тұран археологиялық экспедициясы профессор М. Елеуовтың жетекшілігімен Күлтөбенің цитаделінің өзен суы бұзып жатқан оңтүстік бұрышына қазба салды (1-сурет). Қазбаның көлемі 11,4x10-8 м., тереңдігі ең биік тұсында 2-2,1 м. Қазба барысында қаланың соңғы тіршілігі кезіндегі құрылысты салу үшін ескі ғимаратты жартылай талқандап, өз кесектерімен жерді тегістеу барысында қалыптасқан қалың құланды қабаты ашылды. Арнайы тегістеліп тапталған құланды қабат жердің бетінен 1-1,3 м қалыңдықты қамтыған. Осы қалыңдықты қазу барысында қам кесектердің, мал сүйектері, сырланбаған ыдыстардың ұсақ сынықтарынан басқа ештеңе кездеспеді. Негізінен қам кесектердің түрлі сынықтары, арасында бүтіндері де кездеседі. Жердің бетінен 1,3-1,4 м тереңдікке түскен кезде қазбаның әр тұсынан өте нашар сақталған қалың қабырғаның құландылары байқалды. Бірақ үзік-үзік, өте нашар сақталған қабырғалардың ізімен қандайда бір құрылыс жобасын анықтау мүмкін болмады. Бұл қабат өте нашар сақталғандықтан қабырғалардың пахсадан не қам кесектен салынғандығын аңғару қиын. Тек осы қабаттың еденіне тұтастай етіп қам кесек қаланғаны байқалады. Жердің бетінен 1,3 м тереңдікте қазбаның тұтас көлемі аумағы біртегіс қам кесекпен қаланған. Бұл бір кездегі еденнің беті болуы мүмкін. Дегенмен, еденнің беті біртегіс емес, кейбір тұстарында төсенді ойылып, орнында түрлі көлемдегі шұңқырлар мен ойықтар пайда болған. Төселген кірпіштердің көлемі 22x50x10 см; 21x48x9,5 см. Бұл өлшемдер Шардара археологиялық экспедициясының Ақтөбе, Шаушыққұмтөбе қалашықтарында жүргізілген қазба жұмыстары кезінде анықталған қаңлы дәуірі ғимараттарының қыш кесек өлшемдеріне сәйкес келеді.

Жердің бетінен 1-1,4 м тереңдіктен өте нашар сақталған екінші (жоғар жағынан есептегенде) құрылыс қабаты ашылды. Осы құрылыс қабатынан солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай бағытта орналасқан ұзын ауыз бөлменің екі қапталында орналасқан бірнеше тұрғын бөлмелердің орындары анықталды. Бұл бөлмелердің қабырғалары өте кішкене биіктікте қалған, аралық қабырғаларын ажырату өте қиын. Екі бөлменің нобайын олардың ішкі құрылыстарына қарай ажыратуға болады. Дәлірек айтқанда ошақтар мен суфалардың орналасуына қарай.

Қазбаның оңтүстік шетінде орналасқан № 1 – бөлменің солтүстік бұрыш бөлігі ғана аршылды, қалған бөлігі қазбаның сыртқы жағында қалды. Солтүстік-шығыс қабырғасының қазылған бөліктегі ұзындығы 4,25 м, сақталған биіктігі 0,45 м. қабырғаның сыртқы жағын өзен суы шайып кеткендіктен қалыңдығын анықтау мүмкін болмады. Дегенмен, басқа бөлмелердің қабырғаларының қалыңдығымен сәйкес алғанда 0,75 м болуы мүмкін. Орталық ауыз бөлмемен шектесетін солтүстік-батыс қабырғасының қазба ішіндегі ұзындығы 5,5 м, сақталған биіктігі 0,25 м, қалыңдығы 0,75 см. бөлменің қабырғалары 22x50x10 см; 21x48x9,5 см өлшемдегі қам кесектермен қаланған. Солтүстік бұрышында 1,6x3 м көлемдегі тік бұрышты сыпа орналасқан. Сыпаның үстінде кіші-гірім ошақтың орны (дағы) анықталды. Ошақтың отқа күйген табанының ізімен өлшегенде оның көлемі 0,8x0,8 м болады. Бөлменің ішінде басқа құрылыс орындары анықталмады. Осы бөлменің солтүстік-шығыс шетінде тағы да бір шағын бөлменің жартылай сақталған бөлігі ашылды. Ішкі құрылысы мен жақсы тапталған еденінің бетіне жайылған күл қалдықтарының сипатына қарағанда бұл бөлме ас пісіретін немесе үйді жырту үшін қызымет атқарған ошақ бөлмесіне ұқсайды. Бөлменің батыс бұрышындағы күйдірілген кірпіштен салынған ошақтың тек төменгі жағы ғана сақталыпты. Дегенмен, қабырғалардың түйіскен бұрышында орналасқан ошақтан шыққан түтін мұржасының солтүстік-батыс қабырғаның бойымен көзге анық байқалады. Бұл бөлменің оңтүстік-батыс және солтүстік-батыс қабырғалары аса қалың емес. Солтүстік-шығыс шетіндегі жартылай ғана сақталған сыпаның үстіне жалпағынан жатқызылған қам кесектер төселген. Қазбаның орта тұсын солтүстік-шығыстан оңтүстік-батысқа қарай қақ жарып өткен ауыз бөлменің қабырғалары тең қашықтықта емес. Оның оңтүстік-батыс бөлігі кең, орта тұсы жіңішкеріп келіп, солтүстік-шығыс шеті қайта кеңейіп кетеді. Еден басқа бөлмелермен салыстырғанда біршама төменде жатыр. Ал осы ауыз бөлменің солтүстік және солтүстік-батыс шетіндегі бөліктен нақты бөлменің іздері анықталмады. Табанының біршама бөлігінде жоғарыда берілген өлшемдегі қам кесек төселген жерлері анық байқалады. Кейбір тұстары ауыр салмақтың әсерінен төмен қарай ойысқан. Шамасы бұл бөлік тұрған, үй сыртындағы аула болуы мүмкін.

Мыңтөбе қорымында жүргізілген қазба жұмыстары. Тұран археологиялық экспедициясы 2017 жылы қорымдағы үш обада қазба жүргізді. Солардың бірі Күлтөбе қалашығынан оңтүстік-шығыста 2 км жерде Сырдарияның жағалық террасасында жартылай бұзылған оба. Аумағы 11 м обаның оңтүстік жағын жағалық терраса бұзған. Жартылай сақталған обаның бұзылмай қалған солтүстік-шығыс бөлігінің аумағы 11 м, ені 5 м, биіктігі 1,9 м. Обаның су шайып кеткен оңтүстік бөлігінде көлемі 3x2 м, тереңдігі 2,1 м қазба салынды. Өкініштісі сол, қазба жүргізілген жерден тек үйілген топырақ қалдықтары ғана қалған. Шамасы оба астындағы жерлеу шұңқыры оның бұзылып кеткен оңтүстік жағында болса керек. Оны ерте заманда, Сырдың суы осы маңда арнасынан асып аққан уақыттарда шайып кетсе керек. Қазба барысында ешқандай заттай дерек табылған жоқ.

Мыңтөбе қорымы орналасқан аймақта жүргізілген барлау жұмыстарының барысында ондағы обалардың жобасына көңіл аударылды, сыртқы құрлыс ерекшеліктеріне қарай олардың бірнеше түрі белгілі болды. Солардың бірі «бөрік тәрізді» оба (3- сурет).

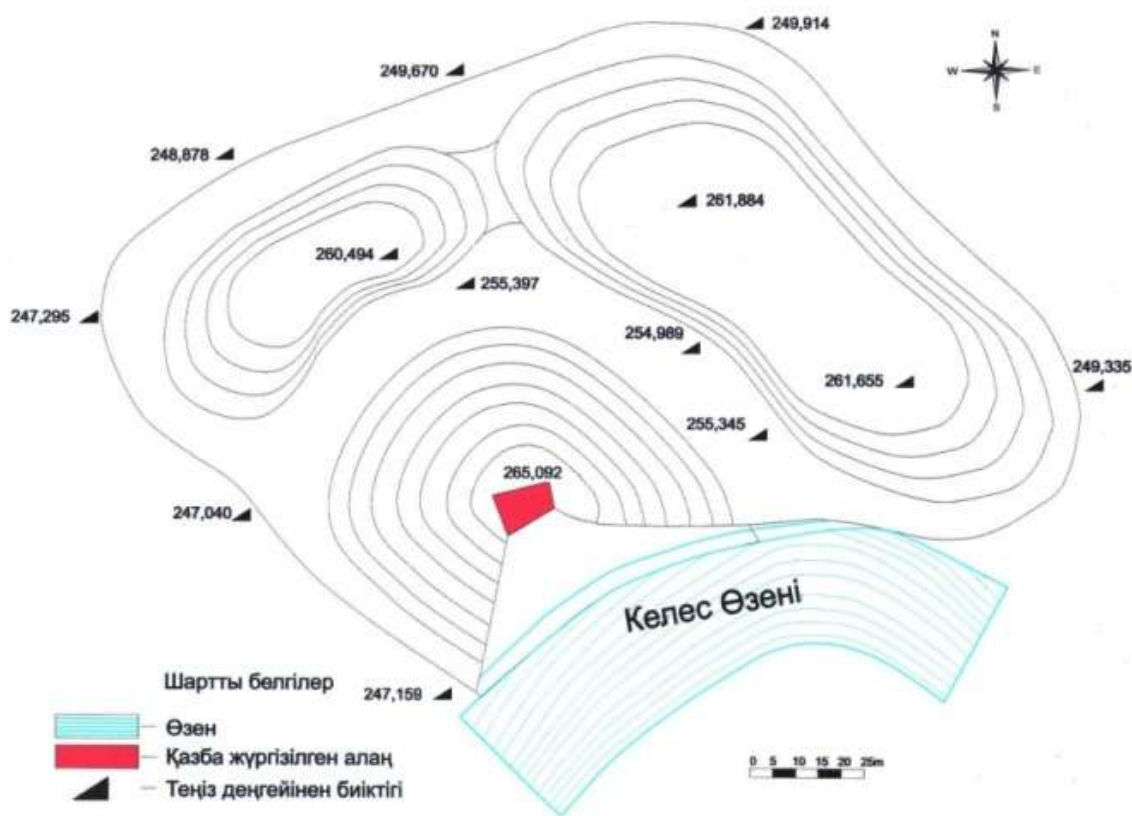
Күлтөбе қалашығының оңтүстік және оңтүстік-шығыс шетінде Келес өзенінің сол жағасындағы ойпатты жазықта орналасқан Мыңтөбе қорымының материалдарын қалашықтың материалдарымен салыстыру мақсатында жеке бір обаны қазып көруге шешім қабылданды. Қазу үшін қорымның орта тұсында орналасқан кішігірім сыртқы көрінісі «Бөрік тәріздес» оба таңдап алынды. Оба орналасқан жер Сырдарияның оң жағалық террасасына іргелес жатқан солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай бағытталған сайдың шығыс бетінде орналасқан. Екі деңгейден тұратын бұл оба қазақтың бөрікіне ұқсас. Обаның диаметрі төменгі деңгейінен есептегенде 12 м, жалпы биіктігі 1,5 м. Оның төменгі сатысы 60-65 см биіктіктен кейін жан жағынан бірдей 1 м қашықтықта ішке қарай тартылады. Оның үстінен күбез тәрізденген екінші бөлік орналасқан. Оның диаметрі төменгі жағынан есептегенде 7 м., биіктігі 80-85 см. жоғарғы жағы бөріктің төбесі секлденіп біткен. Осы обаның қақ ортасына шығыстан батысқа қарата кесік салынды. Кесіктің мақсаты обаның астындағы жерлеу шұңқырының дағын анықтау және оның стратиграфиясын зерттеу болды. Кесіктің ені 2 м, ұзындығы обаның өлшемімен сәйкес 12 м. Кесік 2,7 м, тереңдікке дейін қазылды. Бірақ, ешқандай шұңқыр дағы анықталмады. Ал обаның стратиграфиясы таза сары топырақтан үйілген, біркелкі тығыздықтағы үйінді. Ешқандай стратиграфиялық ерекшелік байқалмайды.

Барлау кезінде Күлтөбеден 2,2 км оңтүстік-шығыста, биік жерде орналасқан оба-қарауылтөбе есепке алынды (4- сурет). Обаның аумағы 20 м, биіктігі 2,5-3 м. Оның ортасынан қазылған ордың көлемі 3x3 м, тереңдігі 1 м. Бір қызығы бұл оба – қарауыл төбе күні бүгінге дейін өзінің міндетін атқарып келеді екен. Оның үстінде қазіргі күнде ҚР шекарашыларының уақытша бекеті тұр (М. Елеуов, Д. Талеев, 2017, 35 б).

Жалпы Мыңтөбе қорымында көз жүгіртіп саналған есеп бойынша обалар саны 400-ден асады. Ал, 2017 жылы дәл осы қорымда Қ.А. Яссауи атындағы Халықаралық Қақзақ-Түрік университетінің археологиялық зерттеу тобы да қатар зерттеу жұмыстарын жүргізді. Зерттеу барысында қорымның жобасы сызылып, обалар саны 646 жететіндігі байндалған. Сонымен қатар қорымдағы үш обада археологиялық қазба жасаған. Зерттеу барасында адам қаңқасының сүйектері мен қыш сынықтары және ернеуі сынық құмыра табылып, ескерткіш шамамен IV – VI ғасырларға жататындығы айтылған (Жетібаев К.М., Сиздиқов Б.С., М. Гурсой, 2018, 288).

2018 жылы ҚР Ұттық музейінің мамандары тарапынан Мырзашөл өңірінің тарих және мәдениет ескерткіштері мен қасиетті орындарын геоақпараттақ картографиялау және оларды тізімге алынып, қазіргі жағдайымен танысу мақсатында барлау жұмыстарын жүргізді. Зерттеу жұмыстары барысында Күлтөбе қаласының 3D кескініндегі көшірмесі жасалды. Сонымен қатар Мыңтөбе қорымы әуеден фотоға түсіріліп (1, 2-суреттер), ескерткіштер онлайн карта жүйесіне орналастырылды (М. Елеуов., С. Есенов., А. Қасеналин, 2018, 33).

Сырдарияның ортаңғы ағысында орын алған Күлтөбе мен Мыңтөбе ескерткіштері ғылымда қаңлы мәдениетіне тиесілі өзіндік ерекшеліктері бар, «Қауыншы мәдениеті» деген атаумен белгілі (К. Ақишев, 1960, с449.). Алайда бүгінгі заманауи ғылыми жетістіктердің мүмкіндіктері негізінде жасалған нақты тұжырымдар әлі де болса ортаға шыға қойған жоқ. 2017-2018 жылдары Күлтөбе мен Мыңтөбе қорымында жүргізілген зерттеу жұмыстары аталған ескерткіштерге қатысты іргелі жұмыстардың тек бастамасы ғана. Аз уақытта аз ғана көлемде жүргізілген қазба және экологиялық бақылау жұмыстары бұл ескерткіштің тарихына қатысты терең мәліметер бере қоймайтыны анық. Алдағы уақыттарда тарихи маңызы мен мәтериалдық мәдениетінің ерекшетіктері жайлы кешенді зерттеу жұмыстарның жүргізудің маңызы жоғары.

Жоба. Күлтөбе қалашығы – цитадельдің жобасы

1-сурет. Күлтөбе қаласы

2-сурет. Мыңтөбе қорымы

3- сурет. Мыңтөбе қорымы - Бөрік тәрізді» оба

4- сурет. Мыңтөбе. Оба-қаруылтөбе

Әдебиеттер

«Мырзашөлдің тарихи-мәдени мұра нысандарының геоакпараттық жүйесі» жобасы бойынша 2018 жылғы ғылыми – зерттеу жұмыстарының есебі. Жетісай 2018. 36 б.

Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата: Изд. АН Каз ССР, 1960. 449 с. илл.

Археологтар Күлтөбеде ежелгі Күшан монетасын тапты. https://www.youtube.com/watch?v=uJgY_IV8cYU

Голодная степь в ее прошлом и настоящем // Материалы исследования к проекту орошения Голодной и Дальверзинской степей. Статистико-экономический очерк (по исследованию 1914 г.) / Составитель В.Ф. Караваев. Вып. 1. Петроград, 1914. 218 с.

Елеуов М., Апашева С. Ортағасырылық Үтіртөбе қаласы : монография. Алматы: Қазақ университеті, 2016. 108 б.

Жетібаев К.М., Сиздиқов Б.С., М. Гурсой. 2018 жылы Мыңтөбе қорымында жүргізілген археологиялық зерттеулер // Яссауи университетінің хабаршысы. Тарих, археология сериясы. 2018. №3. 25–33 бб.

Күлтөбе қалашығында 2017 жылы жүргізілген қазба жұмыстарының есебі. Жетісай - Алматы, 2017. 35 б.

Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата, 1968. 264 с.

Смирнов Е. Древности на среднем и нижнем течении реки Сыр– Дарья // Протоколы заседаний и сообщений членов Түркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авторы предисловия и составители Елеуов М., Бахтыбаев М.М. Туркестан: Туран, 2011. С.70-78.

Талеев Д.А. Келес өңірінің археологиялық ескерткіштері (т.ғ.к. ғылыми дәрежесін алу үшін жазылған диссертация). Алматы, 1995. 22 с.

Федченко А.П. Заметка о степи Кызыл-кум // Известия Түркестанского отдела Русского географического общества. Вып. 2. Том XII. 1916. С. 242.

M. Eleuov, D. Taleev, S. Esenov, A. Moldakhmet

RESEARCH ON THE ANCIENT CITY OF KULTOBE AND BURIAL GROUND MYNTOBE 2017-2018

The article presents the results of archaeological research of 2017-2018 at the medieval settlement Kultobe and the Mynthobe burial ground. As a result of the research work, new materials were collected on the topographic structure, location and environmental situation of the monuments. The remains of the destroyed premises were excavated from the upper layer. During the exploration in the vicinity was created a map of monuments.

ЕЖЕЛГІ САУРАН (ҚАРАТӨБЕ) ҚАЛАСЫНЫҢ ОСТЕОЛОГИЯЛЫҚ МАТЕРИАЛДАРЫ

Кіріспе. Қазақстанның оңтүстік өңірлерінің ортағасырлар кезеңіндегі мал шаруашылығы мен аңшылықтың даму ерекшеліктері туралы зерттеулер отандық археологияда аса көп зерттелмеген тақырыптың бірі. Жекелеген ескерткіштерге қатысты зерттеулер де ұзақ жылдық үзілістермен орын алып келеді. Оңтүстік өңірлердегі мал шаруашылығының ролі, жануарлар фаунасы, жануар түрлерінің басымдығы мен аңшылық дәстүрлердің аймақтық ерекшеліктерге сай даму динамикасы туралы мәселелер Л.А. Макарованың зерттеуінде ортағасырлық Отырар және Күлтөбе (Түркүстан обл. Созақ ауд.) қалаларының мысалында қарастырылған (Макарова, 1974, с. 201-206.). Ғалым қолда бар материалдар негізінде (1971-1972 жылдардағы қазба бойынша – 1547 дана сүйек қарастырылған), аталған ескерткіштер орналасқан аймақта уақ мал шаруашылығының басым болғаны, жылқы мен қой шаруашылығының пропорциясы бірдей екендігін және түйе сүйектерінің де жекелеген элементтері кездескенін айтады. Жабайы жануарлардан ақбөкен және түлкі сүйектері табылған. Л.А. Макарова остеологиялық материалдарды жалпы жануар түрлеріне бөлуге және тафономиялық ерекшеліктеріне назар аударған.

Сырдарияның төменгі ағысындағы ортағасырлық Жанкент қаласынан табылған остеологиялық материалдар туралы мәліметтерді Л.Л. Гайдученконың зерттеулерінен көреміз (Гайдученко, 2014, с. 161-178.). Аталған ескерткіште уақ мал сүйектері басымдық танытқан. Жалпы 2009-2012 жылдардағы қазба негізінде – 4347 дана сүйек қарастырылған. Жабайы жануарлардан құлан, ақбөкен және қоян сүйектері табылған.

Байқап отырғанымыздай, оңтүстік өңірлердегі ортағасырларға қатысты археозоологиялық зерттеулер осы мәліметтермен шектеледі. Көпшілік қазба жұмыстарында табылған жануар сүйектеріне мақсатты түрде археозоологиялық талдау жұмыстары жүргізілмеген. Өкінішке орай, остеологиялық материалдардың қазба барысында назардан тыс қалуы себепті, өңірдің ортағасырлық палеоэкономикасы туралы ат үсті, жалпылама қорытындылар жасаумен шектелгенін көруге болады.

Біздің зерттеу жұмысымыздың мақсаты – ежелгі Сауран (Қаратөбе) қаласының остеологиялық материалдары негізінде Қазақстанның оңтүстік өңіріндегі ортағасырлардағы мал шаруашылығы мен аңшылық және фауналық ерекшеліктері туралы мәліметтерді ғылыми айналымға қосу болып табылады.

Ескерткіштің археологиялық сипаттамасы. Ежелгі Сауран қаласының орны Қаратөбеде кең көлемдегі археологиялық зерттеу жұмыстары 2006–2008 жылдары «Өлкетану қоғамдық қорының» және соңғы жылдары «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасының қаржыландыруы негізінде жүргізілді.

Қаратөбе қалашығының топографиясын қорғаныс қабырғасы қоршаған үш кеңістік ретінде сипаттауға болады. Оның біріншісі шамамен 3,5 км² аумақты алып жатқан рабадтың сыртқы бөлігін қоршаған қорғаныс қабырғасының ұзындығы 4 км. Дұрыс төртбұрышқа жақын ішкі қала шахристанның қорғаныс қабырғасының ұзындығы 2,2 км. Ал орта тұста орналасқан сопақша келген цитаделді қоршаған қабырғаның ұзындығы 1 км. Қаланың осы топографиялық сипаты мен алып жатқан аумағы Сауранның монғол шапқыншылығына дейін Отырармен теңесе алатын ірі қалалық орталық болғандығын білдіреді (Смагулов, 2010, с. 11).

2006 ж. қаланың цитаделінің орны болып есептелетін орталық төбенің оңтүстік-батыс шетіне салынған қазбаның мақсаты жоғарғы құрылыс қабатының стратиграфиясы мен жобалық құрылымын анықтауға бағытталды. Көлемі 3500 м² аумақты қамтыған қазба барысында бір және үш бөлмелерден тұратын тұрғын үй жайлардың тығыз орналасқан кешені ашылды. Тұрғын үйлер ішкі жағында сыпа, тандыр, жылыту пештері мен қабырғаға тақап салынған қамбалардан тұрады. Олардың бірқатарын едәуір дәулетті қала тұрғындарының ғимараттары ретінде сипаттауға келеді. Қазбадан табылған материалдардың басым бөлігін XIII ғ. жататын сырлы ыдыстар мен олардың сынықтарын құрайды. Басым көпшілік бөлігін шыңылтырлы, сыртында өрнегі бар ыдыстар құрайтын олжалардың ұқсас үлгілері Орта Азияның қолөнер орталықтарында көптеп кездеседі.

Қаратөбенің оңтүстік-батыс бөлігіне салынған қазба 2007-2008 жылдары төбенің етегіне дейін кеңейтілді. Қазбаның бір бөлігі астыңғы (2,3,4) құрылыс қабаттары деңгейіне түсірілді. 20 м созылған

қазбаның оңтүстік шетінен қорғаныс қабырғасының сыртқы беті ашыла бастаған. Осы бөліктегі құлаған қорғаныс қабырғасының үстіне жоғарғы құрылыс қабатындағы (ЖҚК) үй жайлар түскендігі мәлім болды. Төменгі құрылыс қабаттары (2,3,4) да тұрғын үй құрылыстарынан түзілген. Қазбаның оңтүстік-шығыс шетінде ашылған цитаделің қорғаныс қабырғаның құрылымын зерттеу мақсатында ұзындығы 26 м, ені 1 м көлемдегі стратиграфиялық кесік те салынды (Смагулов, 2010, с. 11).

2019 ж. қаланың эволюциясын зерттеу, фортификациялық құрылыстардың тарихын, олардың құрылымын, әсіресе, қорғаныс құрылыс элементтерін, іргелес тұрғын үй құрылыстарының хронологиялық және жобалық қатынасын анықтау мақсатында 2006-2008 жылдардағы қазба шығыс бағытта, цитадель қабырғасының ең төменгі табанына дейін кеңейтілді. Қазба барысында бұрын қазылған 3-4 құрылыс қабаттары алынып тасталып, 5 – құрылыс қабаты ашылды. Құрылыс қабырғалары мен бөлмелер ішіндегі құрылыстар көлемі 40-41x18-20x 8-10 см қам кесектермен қаланған. Үй жайдың төбесі тегіс етіп жабылса керек, үлкен бөлмелердің еденінен шатырды тіреген бөренелердің астына төселген жалпақ тас тұғырлар табылды.

Қаратөбе цитаделінің бекініс қабырғасын зерттеу жұмыстары енді ғана басталды десе болады және қандайда бір тарихи қорытынды жасау келешектің еншісінде болмақ.

Қазбадан табылған материалдардың негізін сырланбаған, қолдан жапсырып және арнайы шарықта жасалған ыдыстардың бөліктері құрайды. Бірсыпыра тұрмыстық заттар мен түрлі жануар сүйектері де шықты.

Қазбадан алынған жануарлар сүйектеріне археозоологиялық талдау барысында үй жануарларымен қатар, жабайы жануарлар және құс сүйектері де бар екендігі анықталды (Кесте 1). Жануар сүйектерін қаңқа элементтері бойынша талдау, тірек-қимыл жүйесінің жоғарғы және төменгі бөліктері басым екендігін көрсетіп отыр. Остеологиялық материалдардың барлығы дерлік сынып, бөлшектенген. Бұл тағам қалдықтары екендігін дәлелдейді. Бүтін сақталған сүйектер негізінен куб тәріздес ұсақ сүйектер, оның ішінде жануар асықтары, тілерсек және қойдың метатарсальды сүйектері (Кесте 2).

№	Жануар түрі	Сүйек саны	Сүйек саны %
1	Қой – (<i>Ovis aries</i>)	15	34,8
2	Ірі қара – (<i>Bos taurus taurus</i>)	8	18,6
3	Жылқы – (<i>Equus caballus</i>)	2	4,6
4	Түйе – (<i>Camelus</i>)	1	2,3
5	Есек – (<i>Equus asinus asinus</i>)	1	2,3
6	Бұғы – (<i>Cervus elaphus</i>)	1	2,3
7	Мысық – (<i>Felis silvestris catus</i>)	1	2,3
8	Құс – (<i>Aves</i>)	14	32,5
БАРЛЫҒЫ		43	100

Кесте 1. Қаратөбе қаласынан табылған остеологиялық материалдар жануар түрі бойынша

Қаңқа элементі	Ірі қара		Жылқы		Қой		Түйе		Есек		Бұғы	
	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф	Б	Ф
Мүйіз	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Бас сүйек – Cranium	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Атлант	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Омыртқа-Vertebra	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Қабырға-Costae	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0
Жауырын-Scapula	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Токпан жілік	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0
Кәрі жілік	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0
Жамбас-Pelvis	0	1	0	0	0	2	0	0	0	0	0	0
Құйымшақ	1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
Асықты жілік-Tibia	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Тілерсек	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Асық-Talus	4	0	1	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Сирақ (алдыңғы)	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Сирақ (артқы)	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
Сүйек саны (Б-Ф)	5	3	2		4	11	1	0	0	1	0	1
Сүйек саны	8		2		15		1		1		1	
Жалпы	43											

Кесте 2. Жануар сүйектердің қаңқа элементі бойынша қатынасы

Материал және зерттеу әдістері. Материалдың жалпы саны 43 дана. Оның ішінде түйенің бүтін сақталған бас сүйегіне жеке талдау жүргізілді. Материалдар археозоологиялық зерттеудегі стандартты әдістер бойынша жануар түріне, қаңқа элементтеріне, сақталу дәрежесіне және қаңқа бөліктеріне қарай топтастырылды. Жануарлардың жас ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік беретін жақ сүйектер мен жекелеген тістер табылмады. Бірақ басқа да тірек-қаңқа бөлігіндегі дистальды және проксимальды

эпифиздердің синостоз жағдайларына байланысты орташа жас мөлшері алынды. Сүйектердің синостоз жағдайын анықтауда В.И. Цалкиннің (Цалкин, 1967, с. 114-130) зерттеу жұмысы басшылыққа алынды. Остеологиялық материалдардың бөлшектенуден қалған бөлігін сипаттау Н.Г. Ерохин және О.П. Бачура (Ерохин, Бачура, 2011, с. 62-69) жасаған әдіс бойынша, сүйектердің остеометриялық өлшемдері А.В. Дриш (Driesch, 1976) әдісі бойынша жүргізілді. Түйенің бас сүйегінің 30 өлшемі (А.В. Дриш әдісіне сәйкес) алынды Мысал ретінде А.В. Дриштің түйе бас сүйегінің өлшемдерін алу тәсілінің сызба-схемасы беріліп отыр (Сызба 1). Жалпы археозоология ғылымында сүйектердің, оның ішінде бас сүйек өлшемінің схемасы әр түрлі. Өлшем белгілері жануар түрлеріне қарай азайып, кейде көбейіп отырады. Сонымен қатар, зерттеу тәсілдерінің жетілуіне байланысты, бірқатар зерттеушілер өлшемдерді өздерінің мақсатына қарай өзгертіп те отырған.

Жануар түрлеріне систематикалық шолу.

Отряд **Artiodactyla** Owen, 1848

Тұқымдас **Bovidae** Gray, 1821

Туыс *Ovis* Linnaeus, 1758

Ovis aries Brisson, 1762 – Қой

Қойға тиесілі 15 сүйек анықталды. Анатомиялық құрылымы №2 кестеде көрсетілген. Жауырынның дорсальды бөлігіндегі шеміршек сақталмаған. Каудальды бұрышы тігінен жарылып, шеміршек қалыптасатын бұрыштан 3,7 см төменде жарық (тесік) пайда болған. Әдетте мұндай жарықшақтарды кейінгі этнографиялық және қазіргі таңдадағы қазақ халқының етті (сүйекті) пайдалану дәстүрінде кездестіреміз (Хинаят, 2011, 118-124 бб.). Жауырынның каракойдты өсіндісі толық қалыптасып, сүйектенген. Мұндай белгілеріне қарап, жауырын жасы үлкен қойға тиесілі деп есептейміз. Тоқпан жіліктерің біреуінің дистальды эпифизи бөлініп қалған. Проксимальды эпифизінде синостоз жағдайы аяқталу үстінде тоқтаған. В.И. Цалкиннің зерттеулерінде тоқпан жіліктің дистальды эпифизінің синостоз жағдайы кеш қалыптасатыны айтылады. Тіпті егер төменгі эпифиздің синостозы аяқталмаған болса, жануар жасын 3-4 айдан үлкен емес деп айтуға толық негіз бар. Екінші тоқпан жіліктің проксимальды эпифизінің синостозы толық аяқталған. Яғни үлкен жануарға тиесілі. Асықты жіліктің проксимальды және дистальды эпифиздері түсіп қалған. Мұндай жағдайды В.И. Цалкин өз кезегінде Цитшман-Креллинг және Хабермель зерттеулеріне сүйеніп, қой жасын 15-20 айдан аспаған деп көрсетеді (Цалкин, 1967). Қойдың жасын анықтауда біз В.И. Цалкиннің пікірімен келісеміз. Бірақ біздің мысалымыздағы асықты жіліктің жалпы ұзындығы кіші болғанымен, диафиздің ені әлдеқайда жуан. Асықты жіліктің диафизінің ең үлкен ені 19,3 мм. Бұл қазіргі қойлармен салыстырғанда 0,2-0,3 см жуан. Дегенмен мұндай ерекшеліктер қойдың жеке индивидуальды тұқымына да байланысты болуы мүмкін. Егер мұндай белгілер өте көп кездескен жағдайда, нүктелік талдау арқылы қой тұқымын анықтауға мүмкіндік туады. Қойға тиесілі қабырғалардың тек біреуінің ғана проксимальды бөлігі (басы, мойны және өсіндісі) сақталған. Қабырға басындағы шеміршек түсіп қалған. Қойдың сирақтарының дистальды эпифиздерінде синостоз жағдайы толық аяқталған. Мұндай көріністі кәрі жіліктен де байқауға болады. Омыртқалардың ортаңғы буын дискілерінің шеміршектері жоқ. Қой асығында ешқандай антропогендік өзгеріс байқалмайды. Асықтың медиальды қыры – 30,8 мм, латеральды қыры – 32 мм, дистальды ұзындығы – 21,3 мм, саггитальды биіктігі – 25,5 см. Асықтың морфометриялық өлшемдері басқа да ортағасырлық ескерткіштерден табылған асықтардың өлшемдеріне ұқсас. Мұндай өлшемдерді біз Ортағасырлық Жанкент (Аржанцева, Тажекеев, 2014, с. 161-178), Ақыртас (төрткүл)*, Бурнооктябрьск-1** және Шу өңіріндегі төрткүлдерден анықтағанбыз (Ақымбек, Шагирбаев, 2019, 322-334).

* материалға археозоологиялық зерттеу жүргізген – М.С. Шагирбаев

** материалға археозоологиялық зерттеу жүргізгендер – П.А. Косинцев* және М.С. Шагирбаев

Туыс *Bos* Linnaeus, 1758

Bos taurus L., 1758 – Ірі қара

Ірі қараға тиесілі 8 сүйек анықталды. Анатомиялық элементтері №2 кестеде көрсетілген. Ірі қара сүйектерінің көпшілігі бүтін сүйектер. Жас ерекшеліктері сүйектің синостоз жағдайына қарай үлкен жануарларға тиесілі деп анықталды. Тек 4 дана асықтың пішіндерінде бірқатар өзгерістер бар. Біріншіден, 3 асық жасы үлен жануарға тиесілі. Себебі сүйек құрамындағы кеуекті құрылымы тығыз, салмағы да ауыр. Әдетте жасы кіші малға тиесілі асықтардың кеуекті құрылымы бос, салмағы да жеңіл келеді. Екіншіден, сыртқы анатомиялық пішіндерінде ерекшеліктер байқалады. Біз салыстырмалы

* Мақала авторлары остеологиялық материалдарды жануар түрлеріне қарай талдаудағы әдістемелік кеңестері үшін Екатеринбург к., Ресей Ғылым Академиясы өсімдік және жануар экологиясы институты, «Палеоэкология» лабораториясының жетекші ғылыми қызметкер б.ғ.к. П.А. Косинцевке алғыс білдіреді.

түрде Шірік Рабад қаласындағы ғибадатханадан (2 асық) және Шірік Рабад қаласының өзінен (1 асық), ортағасырлық Қастек қаласынан (46 асық), ерте ортағасырлық Бурнооктябрск – 1 қаласынан (2 асық), қола дәуірімен мерзімделетін Серектас II қорымынан (1 асық) және бүгінгі ірі қараның (1 асық) асықтарымен салыстырып қарадық. Зерттеу нәтижесі көрсетіп отырғандай, Қаратөбеден табылған 4 дана асықтың үшеуі өзара анатомиялық ерекшеліктері бойынша өте ұқсас және басқа ескерткіштерден табылған ірі қара асықтарынан айырмашылықтары бар. Қаратөбеден табылған асықтардың остеометриялық өлшемдері:

Асық №1. медиальды ұзындығы – 53,8 мм; дистальды ұзындығы – 32,6 мм; саггитальды ұзындығы – 46,2 мм; медиальды ені – 26,3 мм; латеральды ені – 28,9 мм.

Асық №2. латеральды ұзындығы – 63,3 мм; дистальды ұзындығы – 36,3 мм; саггитальды ұзындығы – 51,3 мм; латеральды ені – 32,2 мм.

Асық №3. медиальды ұзындығы – 54,2 мм; латеральды ұзындығы – 57,3 мм; дистальды ұзындығы – 34,2 мм; саггитальды ұзындығы – 47,3 мм; латеральды ені – 29 мм.

Асық №3. (жас малға тиесілі). медиальды ұзындығы – 41,9 мм; латеральды ұзындығы – 44,4 мм; дистальды ұзындығы – 27,4 мм; саггитальды ұзындығы – 35,6 мм; медиальды ені – 19,2 мм; латеральды ені – 23,1 мм. Остеометриялық өлшемдердің аббревиатурасы А.В. Дриш әдісіне сәйкес.

Салыстырмалы түрде 6 ескерткіштен алынған асықтардың барлығы да Қаратөбе асықтарына қарағанда үлкен өлшемдерге ие. Ең басты ерекшелік, Қаратөбе асықтарының латеральды және медиальды (алшы-тәйке қырларының арасы) қырларының арасындағы ені жіңішке (өзара жақын) болып келуімен ерекшеленеді. Негізі жабайы жануарларда оның ішінде марал, қарақұйрық, елік секілді басқа да аша тұяқты (парнокопытные) жануарлардың асықтары көбіне осылай жіңішке болып қалыптасады. Сондай-ақ, Қаратөбеден табылған асықтардың ішінде №1 асық (шартты түрде алынып отыр) сырты жылтырап, біршама желіне бастаған. Бұл асықтың қолда ұзақ ұсталып, пайдаланғанын білдіреді. Тағы бір қызықты жағдай, қазба барысында бұғы мүйізінің (благородный олень) де табылуы. Біздің ойымызша ірі қара асықтары деп отырғанымыз, өзіндік анатомиялық ерекшеліктеріне байланысты бұғыға тиесілі болуы да мүмкін. Өкінішке орай қолымызда эталондық салыстырмалы-сараптамалық материалдың жеткіліксіздігіне байланысты, пікіріміздің тек болжам екендігін ескертеміз. Сиыр құйымшағының жалпы ұзындығы (GL) – 161 мм, физиологиялық (омыртқа бойымен алғанда) ұзындығы (PL) – 158 мм. Ірі қара жауырынының мойын ені (SLC) – 38,1 мм, дистальды бетіндегі буын ойысының ені (BG) – 38,6 мм, буын ойысының ұзындығы (LG) – 45,9 мм, буын ойысының жалпы ұзынды (өсіндімен бірге) (GLP) – 53,5 мм. Остеометриялық өлшемдердің аббревиатурасы А.В. Дриш әдісіне сәйкес.

Отряд **Perissodactyla** Owen, 1848

Тұқымдас **Equidae** Gray, 1821

Туыс *Equus* Linnaeus, 1758

Equus caballus Linnaeus, 1758 – Жылқы

Жылқыға тиесілі 2 сүйек табылды. Олар жылқының бүтін сақталған асығы және тілерсек сүйегі. Тілерсек сүйегінің синостоз жағдайы аяқталмаған. Бұл сүйектің жас жылқыға тиесілі екендігін білдіреді. Жылқы асығының морфометриялық өлшемдері: GH – 55,3 мм, LmT – 55,9 мм, GB – 63,7 мм, BFd – 55,2 мм. Остеометриялық өлшемдердің аббревиатурасы А.В. Дриш әдісіне сәйкес.

Туыс *Equus* Linnaeus, 1758

Equus asinus asinus Linnaeus, 1758 – Есек

Есекке тиесілі бір дана асықты жілік анықталды. Асықты жіліктің дистальды эпифизі сақталмаған.

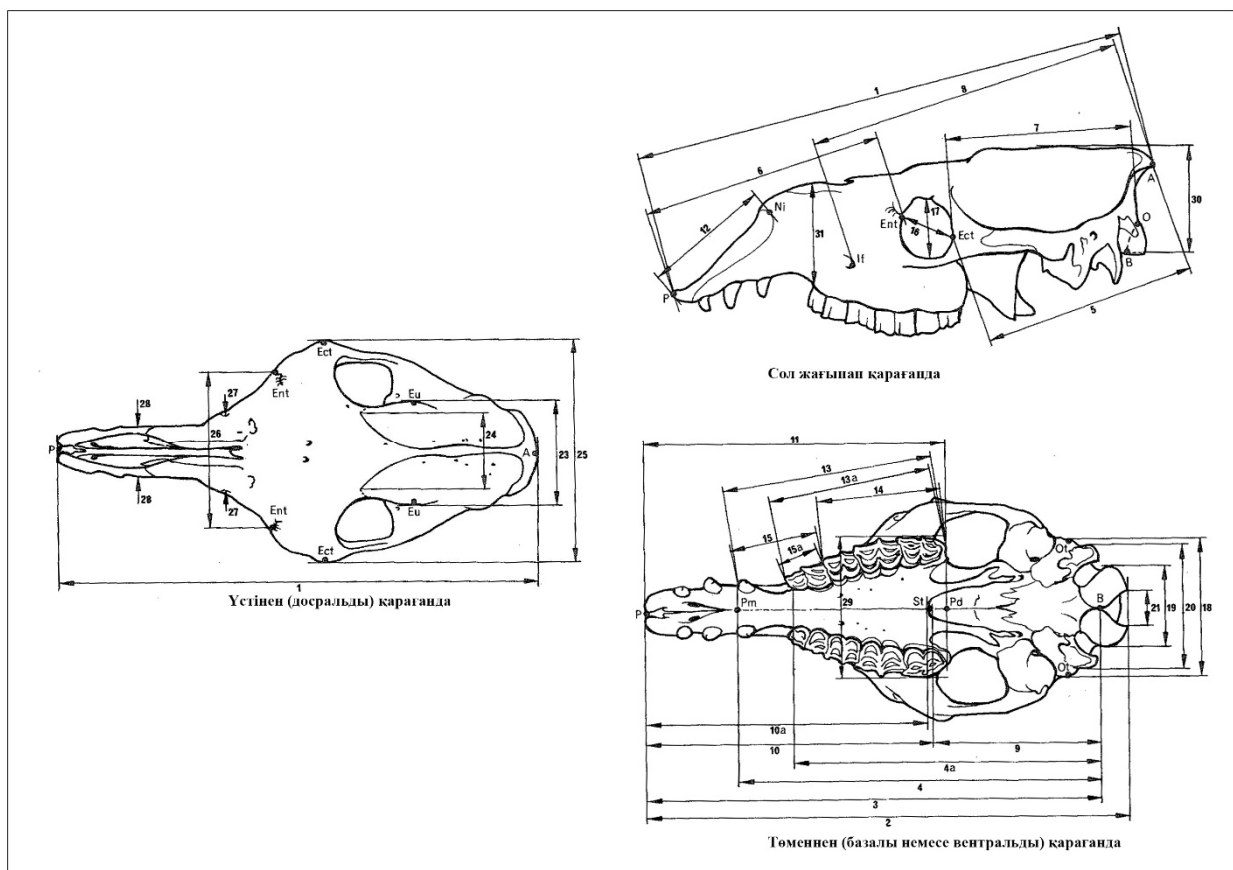
Отряд **Tylopoda** Illifer, 1811

Тұқымдас **Gamelidae** Gray, 1821

Туыс Genus *Gamelus* Linnaneus, 1758

Camelus bactrianus – Бактриан түйесі

Түйеге тиесілі бір дана бүтін сақталған бас сүйек табылды. Бас сүйектің жоғарғы альвеолярлы қатарында М³ тісі әлі шығып үлгермеген. Өрі жоғарғы таңдайда азу тістерінің болмауына қарап, аналық түйеге тиесілі екендігі анықталды. Бас сүйектің жалпы 31 өлшемі алынды (кесте 3). Остеометриялық өлшемдер А.В. Дриш әдісіне сәйкес жасалған (Сызба 1).

Сызба 1. Түйе бас сүйегі (*Camelus cranium*) өлшемдерінің схемасы*
*Өлшем схемасы А.В. Дриш әдіснамасы бойынша.

№	Өлшем атаулары	өлшем (мм)
1	Жалпы пішін ұзындығы (тұмсық шетінен - желке қырына дейін)	495
2	Айдаршық өсіндісінен тұмсыққа дейінгі ұзындығы	451
3	Базалық ұзындығы (қаракүс айдаршығының вентральды нүктесінен - тұмсыққа дейін)	436
4	Премоляр тістен шүйде өсіндісіне дейінгі ұзындығы	385
4a	Премоляр тістен - қаракүс айдаршығына дейінгі ұзындығы	285
5	Нейрокраниальды ұзындығы (сыртқы сагитальды қырынан - көз орбитасының каудальды шетіне дейін)	221
6	Тұмсық ұзындығы (көз орбитасының краниальды шетінен тұмсыққа дейін)	233
7	Көз ойығының каудальды шетінен - шүйде өсіндісіне дейінгі ұзындығы	180
8	Жоғарғы жақтың корек тесігінен - шүйде бұрышына дейінгі ұзындығы	351
9	Қаракүс айдаршығынан - таңдайлық өсіндіге дейінгі ұзындығы	165.5
10	Таңдай өсіндісінен - тұмсыққа дейінгі ұзындығы	247.5
11	Хоан ойынан (таңдай сүйегінің каудальды шеті) тұмсыққа дейінгі ұзындығы	291.5
12	Жақ алды сүйегінің қапталдық ұзындығы	139.8
13	Шықшыт (бет сүйегі) сүйегінің ұзындығы (альвеолды қатары толық – M ³ -P ²)	237.5
13a	Альвеолярлы қатардың ұзындығы (M ³ -P ³)	154
14	Моляр қатарының ұзындығы	114.7
15	Премоляр қатарының ұзындығы (P ³ -P ³)	143
15a	Премоляр қатарының ұзындығы (P ³ -P ⁴)	38.8
16	Көз орбитасының ұзындығы	57.4
17	Көз орбитасының биіктігі	55.2
18	Самай сүйегінің ені	128
19	Қаракүс айдаршығының ені	80.3
20	Мойын қылшығы өсіндісінің (яремные отростки) ені	105
21	Қаракүс айдаршығы тесігінің ені	38.1
23	Маңдай сүйегінің нейрокраниальды ені (ми қорапшасының ені)	72.1
24	Маңдай сүйегінің фронтальды ені (сагитальды қыр сызығының краниальды шеті)	44.3
25	Бас сүйектің ең үлкен ені	221
26	Көз орбиталары арасының ені	167
27	Көзасты корек тесіктерінің аралық ені	61
28	Жақ алды сүйегінің (тұмсық) ең үлкен ені	42.1
29	Таңдай сүйегінің ені	131

30	Желкенің ең үлкен биіктігі (сыртқы саггитальды қырынан - қаракүс айдаршығының вентральды шетіне дейін)	73.3
31	Жоғарғы жақ сүйектің биіктігі	96.4

Кесте 3. Түйе бас сүйегінің морфометриялық өлшемдері

Отряд **Artiodactyla** Owen, 1848

Тұқымдас **Cervidae** Gray, 1821

Туыс Genus *Cervus* Linnaeus, 1758

Cervus elaphus Linnaeus, 1758 – Бұғы

Бұғыға бөлшектеніп кеткен мүйіздер жиынтығы тиесілі. Жоғарыда сөз еткеніміздей, бұғы сүйектеріне мүйізімен қатар ірі қара сүйектеріне жатқызылған асықтар да тиесілі болуы мүмкін. Бұл мәселе әлі зерттеуді талап етеді. Сондықтан нақты тұжырым жасай алмаймыз. Жалпы остеологиялық зерттеу тәсілдерінде жеке мүйізді өлшеу әдістері бір жақты емес. А.В. Дриштің еңбегінде мүйіз өлшемін жасау тәсілдері қарастырылмаған.

Отряд **Carnivora** Bowdich, 1821

Тұқымдас **Felidae** Gray, 1821

Туыс Genus *Felis* Linnaeus, 1758

Felis silvestris catus (Linnaeus, 1758) – Мысық

Мысыққа тиесілі бір дана тоқпан жілік сынығы анықталды. Тоқпан жіліктің проксимальды эпифизи сынып, жоғалған. Жалпы мысыққа тиесілі сүйектер археологиялық қазба барысында көп кездесе бермейтін құбылыс. Мүмкін ол нақты салыстырмалы эталондардың болмауына байланысты, басқа жануарларға тиесілі деп немесе ұсақ сүйектермен аралас күйінде байқалмай қалуы да мүмкін. Біздің мысалымызда мысық сүйегінің бүтін сақталмауына байланысты, остеометриялық өлшемдері алынбады. Дегенмен алдағы зерттеулерде салыстырмалы материалдар табылады деп үміттенеміз.

Aves Linnaeus, 1758 – Құс

Қазба барысында құсқа тиесілі 14 дана сүйектер екі жерден табылды. Бірінші табылған сүйектер ірілеу құсқа тиесілі. Сүйектердің саны 9 дана, екінші табылған сүйектер көлемі кішкентай құсқа тиесілі болса керек, жалпы 5 дана ұсақ сүйек қалдықтар. Бірінші топтамадағы үлкендеу құсқа тиесілі сүйектердің анатомиялық элементтері толық емес, сақталған сүйектер құстың сирағы, тепкісі бар сирағы (цевка), сирағы (голень) және кеуде сүйегі мен бұғанасы. Өкінішке орай қолымызда құстарға тиесілі анатомиялық эталондар коллекциясының болмауына байланысты, қандай құс екендігін кесіп айту қиын. Дегенмен, эпифиздері сақталған сүйектердің морфометриялық өлшемдерін көрсетеміз. Себебі орнитология ғылымында бірқатар құстардың сүйектерін құс түріне қарай анықтауда нақты өлшемдердің маңыздылығы айтылады.

Сан жілік өлшемдері: Вр – 24 мм, GL – 97,9 мм, SC – 13,7 мм, Bd – 24,3 мм, Dp – 18,4 мм, Dd – 19,8 мм.

Сирақ өлшемдері: La – 130 мм, GL – 137 мм, Dd – 18,1 мм, Dip – 26,4 мм, Bd – 17,4 мм.

Сирақ (тепкісі бар): Вр – 21,4 мм, GL – 98,5 мм, SC – 14,1 мм, Bd – 21,1 мм. Кеуде сүйегінің өлшемдері: LM – 126,2 мм, LC – 108,7 мм.

Бұғана өлшемдері: GL – 67,7 мм, LaF – 61,4 мм, LS – 14,6 мм. Остеометриялық өлшем аббревиатуралары А.В. Дриш әдістеріне сәйкес жасалды.

Фаунистикалық талдау. Қаратөбеден табылған жануар сүйектері ерте ортағасырлардағы Сырдарияның орта ағысы мен Қаратау өңірінің фаунасы туралы қызықты мәліметтер береді. Жалпы материал көлемі аса үлкен болмағанымен, үй жануарларының барлық түрі өсірілгені анықталып отыр. Әзірше қолда бар материалдардың құрамында ешкі сүйектері анықталмады. Археозоологиялық талдауда ешкі сүйектерін ажырату біршама қиындықтар тудырады. Егер сүйек материалдардың ішінде мүйіз, бас сүйек, жақ сүйек, метаподия, асық, атлант, эпистрофей (*егер бүтін сақталса*), тоқпан жілік секілді қаңқа элементтері болса, екі жануар түрін ажырату оңай. Қазба барысында сүйектердің көбі бөлшектенген күйі кездесетіндіктен, нақты жануар түрін ажырату ісі күрделеніп кетеді де, салыстырмалы эталондар коллекциясы мен морфометриялық өлшемдер қолданылады. Біздің мысалымызда уақ малдың ішінде ешкі сүйектері кездеспеді. Жабайы жануарлардың ішінде бұғы, мысық және құс сүйектерінің табылуы да ерекше қызығушылық тудырып отыр. Жануарлар систематикасында бұғылардың (асыл тұқымды бұғы – олень благородный) тұқымдастар түріне қарай жіктелуінде бірқатар айырмашылықтар кездеседі (Павлинов, Лисовский, 2012, с. 436-444.).

В.И. Громова Ташкент маңайындағы Қауыншы төбе (Каунчи тепе) материалдарын зерттеу барысында бұғы мүйіздерінің өте көп кездескенін, әрі олардың арнайы кесіп алынғанына назар аударады. Бірақ зерттеуші бұғының қандай тұқымдасы екенін нақты айтпай, тек болжам ретінде *бұхарлық хангул (Cervus aftinu bactrianus)* және *тянь шаньдық марал (Cervus canadensis songaricus)*

болуы мүмкін екендігін ескертеді (Громова, 1940, с. 59-60.). В.И. Громованың марал болуы мүмкін деген ойымен келісе алмаймыз. Себебі, В.И. Цалкин кейінірек жариялаған еңбегінде бұғы сүйектерін бұхарлық бұғыға жатқызған.

В.И. Цалкиннің Хорезмнің (Топырақ қала) антикалық және ерте ортағасырлық фаунасына қатысты материалдарын археозоологиялық талдау жұмысында 38 бұхар бұғысына тиесілі сүйекті анықтап, аталған жануардың Амудария ойпатынан Арал теңізіне дейінгі тоғайлық аймақтарға тән екендігін айтады (Цалкин, 1952, с. 213-244).

Оңтүстік өңірлердегі бұғы фаунасы туралы мәліметтерді осы аймақтағы жартас суреттерінен де көруге болады. Мәселен, Қаратаудың солтүстік-шығыс беткейіндегі Арпаөзен өзенінен солтүстіктегі шатқалдардан қола дәуірінен ерте ортағасырларға дейін кезеңмен мерзімделетін жартас суреттерінде бұғы бейнелері анықталған (Самашев, Чжан, Боковенко, Мургабаев, 2011, с. 412-416).

Қаратаудың солтүстік-батыс бөлігіндегі Сауысқандық петроглифтерінің (қазіргі Қызылорда облысы, Шиелі ауданы, Еңбекші ауылынан солтүстікке қарай 50 шақырым) бірнеше жерінен бұғы суреттері анықталған. Оның ішінде контурлы әдіспен, сақ стилінде орындалған, бастарын теріс қаратып бұрған қос бұғы бейнесі (Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014, 92-93 бб. Сур. 129, 133), сонымен қатар жекелеген, тұмсығы ұзын бұғы бейнесі (Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014, 271 б. Сур. 533, 534) және түркі кезеңімен мерзімделетін бейнелердің ішінде де бұғы бейнесі кескінделген (Самашев, Мургабаев, Елеуов, 2014, 342 б. Сур. 644.). Қазақстанның оңтүстік өңірлерінде темір дәуірі мен ерте ортағасырлар кезеңімен мерзімделетін бірқатар жартас суреттерінде бұғы бейнелері аз кездеспейтіні анықталып отыр. Бұл мәліметтер көне дәуірден бастап осы өңірлердің бұғылардың жайылым ареалына кіргендігін көрсетеді. Бұхар бұғысы (*Cervus elaphus baktrianus*) – бұғы тұқымдастарының ішіне тоғайлық алқапта өмір сүруге бейімделген жалғыз түрі десек те болады. Әрине аталған жануар өзінің басқа да сібірлік (марал, изюбрь) және американдық туыстастарына қарағанда өзінің морфологиялық, коммуникативтік, физиологиялық және арнайы акустикалық дыбысымен ерекшеленеді. Орталық Азиядағы бұхар бұғысының даму динамикасына жүргізілген зерттеулерде Сырдария өңірінде бүгінге дейін, нақтырақ 2001-2011 жылдар аралығында 30-дан астам бұғылар (бұхар бұғысы) өмір сүретіні анықталған. Сонымен, Қаратөбеден табылған бұғы сүйегін көршілес аймақтардан табылған материалдармен салыстырмалы талдау негізінде Бұхар бұғысына (бухарский олень) тиесілі болуы мүмкін деп ойламыз. Құс сүйегінің фауналық түріне қатысты нақты тұжырым жасай алмаймыз. Дегенмен бұл мәлімет басқа да зерттеушілердің қызығушылығын тудырып жатса, материалды бөлісуге дайын екендігімізді айтқымыз келеді.

Тафономиялық талдау. Остеологиялық материалдардың ішінде барлық сүйектер жануар түрлеріне қарай анықталды. Археозоологиялық материалдардың ішінде анықталмайтын сүйектердің кездесуі, бұл материалдардың негізгі әдістерге сүйеніп, дұрыс әрі толық жинақталуымен тікелей байланысты. Қазбаның жалпы тереңдігі 2,8 м құрайды. Жануар сүйектері ашылған бөлмелердің ішінен ретсіз түрде табылған. Барлық материалдардың бөлшектенуі, тағам қалдықтары екендігін растайды. Бірақ есек, мысық және құс сүйектері тағам қалдығына жатпайды. Біздің ойымызша құс сүйектерінің екі жерден жинақталып кездесуі, қазба аумағына табиғи жағдайда тап болғандығын көрсетеді. Мұндай ұқсас мәліметтер Үстіртте сақталған Бәйте III және Ақпан ғибадатханаларынан кездескен (Некрасов, Косинцев, Самашев және басқ., 2016, с. 122-124). Аталған ескерткіштерде құс сүйектері табиғи жағдайда тап болып, жинақталғаны анықталған. Ал мысық пен есек сүйектерін кейінірек басқа да жыртқыш жануарлар тасымалдап алып келуі мүмкін. Мұны есектің асықты жілігінің дистальды эпифизінің болмауымен байланыстырамыз. Жануар сүйектерінің қаңқа бөліктерінің қатынасы аяқтың жоғарғы және төменгі бөліктерінің басымдығын көрсетіп отыр (кесте 4).

Қаңқа бөлігі	Ірі қара	Жылқы	Қой	Түйе	Есек
Бас сүйек	0	0	0	1	0
Тістер	0	0	0	0	0
Кеуде (омыртқа, қабырға)	2	0	5	0	0
Аяқтың жоғары бөліктері	2	0	3	0	0
Аяқтың төменгі бөліктері	4	2	7	0	1
Жалпы саны	8	2	15	1	1

Кесте 4. Үй жануарларының қаңқа бөліктері қатынасы (сүйек саны бойынша)

Археозоологиялық талдау барысында бір дана жылқының тілерсек сүйегінің өсіндісі мүжілгені анықталды. Түйе бас сүйегі М³ әлі шықпаған, ұрғашы жануарға тиесілі. Материалдар сақталуы бойынша үш топқа бөлінеді. Бірінші, бас сүйек, асық, құйымшақ, омыртқа және жауырын сүйектері бүтін сақталған. Бұлар түйе, жылқы, сиыр және қойға тиесілі. Екінші, тоқпан жілік, омыртқа және асықты жіліктер жартылай сынған немесе эпифиздері түсіп қалған. Бұл сүйектер мысық және қойға тиесілі. Үшінші, басқа сүйектердің басым бөлігінің тек диафиздері сақталған (Кесте 5).

Сақталуы	Ірі қара	Жылқы	Қой	Түйе	Есек
Бүтін сүйектер	3	2	4	1	0
Фрагменттер	5	0	11	0	1
Жалпы саны	8	2	15	1	1

Кесте 5. Үй жануарлары сүйектерінің бүтін және фрагмент түріндегі қатынасы (сүйек саны бойынша)

Қорытынды. Остеолгиялық материалдарды талдау нәтижесіне орай, келесідей қорытынды жасаймыз. Сүйек материалдардың ішінде тірек-қимыл жүйесінің бүтін сүйектері кездеспеді. Әрі сүйек санының аз болуына байланысты, жануар санын көрсетпедік. Қазбаның №5 құрылыс қабатынан табылған жануар сүйектерінің ішінде уақ мал басымдығын көсетіп отыр. Шамасы бұл жағдай оңтүстік өңірдің барлығына тән болса керек. Аңшылық кәсіпте бұғының мақсатты түрде аулануы мүмкін екендігін жоққа шығармаймыз. Әрі бұғы сүйектерінің табылуы, аймақтың ортағасырлардағы фаунасы туралы маңызды ақпарат беріп отыр. Шаруашылықта есекті пайдалануы оңтүстік өңірлердің ерте ортағасырлар кезеңіне тән жағдай. Жалпы Сырдария мен Амудария ойпатында (қазіргі Өзбекстан, Түркіменстан аумағы) орналасқан басқа да антикалық және ортағасырлық кезендермен мерзімделетін қалалардан (Қауыншы төбе, Гарры-Кяриз, Джанбас қала, Аяз қала, Топрак қала, Шемах қала) есектің сүйектері табылған. Мұндай фаунистикалық ұқсастықтар, оңтүстік өңірлерде б.з.д. басында-ақ есекті шаруашылықта жиі қолданғанын көрсетеді. Дамыған ортағасырларда есек сүйектері Жетісу өңірлерінен де кездеседі (Нуржанов, Гимранов, 2019, с. 529-538).

Ежелгі Сауран (Қаратөбе) қаласының остеологиялық материалдары Қазақстанның оңтүстігі, оның ішінде Сырдарияның орта ағысы, Қаратаудың батыс және оңтүстік-батыс бөлігінде, ерте ортағасырларда мал шаруашылығының дамығандығын және үй жануарларының барлығын да өсіргендігін көрсетіп отыр. Ал ешкі сүйектерінің кездеспеуін, материалдың аздығымен байланыстырамыз. Мал шаруашылығымен қатар, ежелгі тұрғындардың кәсібінде аңшылық та орын алған. Алдағы зерттеулерде археозоологиялық материалдар саны артып, өлкенің ортағасырлардағы палеоэкономикасы мен фаунасына қызықты жаңалықтар әкеледі деп үміттенеміз.

Әдебиеттер

Ақымбек Е.Ш., Шагирбаев М.С. 2018 жылы Шу өңіріндегі Қосқұдық төрткүліне жүргізілген зерттеу жұмыстарының қорытындысы // Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті ХАБАРШЫ «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сериясы, №1(60), 2019. 322-334 бб.

Гайдученко Л.Л. Остеологические материалы из раскопок городища Джанкент (2009-2012 гг.) // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.)/сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. Алматы, Издательство «Арыс», 2014. С. 161-178.

Громова В.И. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии // Каунчи-тепа: (Раскопки 1935 г.) Ташкент : Изд-во Узб. филиала Акад. наук СССР, 1940. С. 54-60.

Ерохин Н.Г., Бачура О.П. Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археологических исследованиях // Методика междисциплинарных археологических исследований : сб. науч. ст. и метод. рекомендаций / Омск: Омский государственный университет, 2011. С. 62-69.

Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.) / сост.: И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. – Алматы, Издательство «Арыс», 2014. 320 с.

Макарова Л.А. Кости животных из некоторых археологических раскопок в Казахстане // В глубь веков. Археологический сборник. Алма-Ата, АН КазССР. 1974. С. 201-206.

Некрасов А.Е., Косинцев П.А., Самашев З., Онгар А., Лошакова Т. В., академик РАН Большаков В.Н. Новые данные о фауне птиц плато Устюрт в голоцене // Доклады Академии Наук. Москва, "Издательство "Наука" 2016, Т. 469, № 1, С. 122–124.

Нуржанов А.А., Гимранов Д.О. Исследования костных остатков животных из археологического памятника средневековья городища Кастек // Маргулановские чтения – 2019: матер. Междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А.Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.). Нур-Султан: НИИ им. К.А. Акишева при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 529-538.

Павлинов И.Я., Лисовский А.А. (ред.). 2012. Млекопитающие России: систематико-географический справочник. Москва: Т-во научн. изданий КМК. 604 с.

Самашев З., Мургабаев С., Елеуов М. Сауыскандық петроглифтері. Астана, Ә.Х. марғұлан ат. Археология институтының Астана қаласындағы филиалының баспа тобы, 2014. 374 б.

Самашев З., Чжан Со Хо., Боковенко Н., Мургабаев С. Наскальное искусство Казахстана. Фонд истории Северо-Восточной Азии. Астанинский филиал института археологии им. А.Х. Маргулана. 2011. 465 с.

Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2010. 358 с.

Хинаят Б. Жауырынның сакральды қызметінің тарихи-этнографиялық аспектілері // Отан тарихы. 2011. №1. 118-124 бб.

Цалкин В.И. Домашние животные Золтой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологии, Т. 72. Вып. I., 1967. С. 114-130.

Цалкин В.И. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма (по материалам раскопок С.П. Толстова) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1945-1948). Издательство АН СССР. Москва, 1952. С. 213-244.

Driesch A.V. A Guide to the measurement of animal bones from archeological sites // Preabody Museum of Archeology and Ethnology Harvard University. Bulletin 1. 1976. P. 136.

D.A. Taleev, A. Erzhigitova M.S. Shagyrbayev

OSTEOLOGICAL MATERIALS OF THE ANCIENT SAURAN (KARATOBE)

The article discusses osteological materials found during excavations in 2019 from Karatobe, which was ancient Sauran. Based on archeozoological analysis, bones of wild animals were discovered along with domestic animals. Osteological materials of the Karatobe settlement were collected from the 5th construction horizon dating from the 4th-5th centuries. The studies were carried out according to standard archaeological methods and were grouped by species, elements of the skeleton, degree of conservation and departments of the skeleton. A separate morphometric analysis of a camel skull was carried out.

Ж.З. Ахмедов

*Национальный институт художеств и дизайна имени Камалиддина Бехзода
г. Ташкент, Узбекистан
E-mail: jasur184@list.ru*

АХСИКЕНТ – УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Каждый из древних городов Ферганской долины имеет свою уникальную историю. В этом отношении примечательна древняя столица Ферганы город - Ахсикент. Его развалины лежат по обе стороны дороги Наманган-Фергана, которая сейчас проходит через Туракургон и Жомашуй, в виде высоких холмов вытянувшихся вдоль правого берега Сырдарьи. В народе ее называют старой Ахси (Касимов, 1992, с. 53). В разрушенных слоях этого памятника скрыты исторические памятники, сложившиеся на протяжении около 2,2 тыс. лет, которые дают бесценную информацию о жизни и культуре народов Ферганы. Это древние страницы истории и богатое культурное наследие узбекского народа, неизгладимые следы материальных памятников, и критерий привлекательности своего времени, оставленных нашими предками.

Археологическое изучение этого памятника, который описывается как "Ферганский Афросиёб", началось в 1885 году. Первоначально работу вел профессор Петербургского университета, известный археолог и востоковед Н.Веселовский. Следующие раскопки и исследовательские работы были проведены И.Кастанье в 1913 году. Во время строительства большого Ферганского канала в 1939 году, профессор М.Массон занимался здесь археологической разведкой. В 1960 году под руководством академика Я.Гулямова - специалисты, позже начиная с 1979 года во главе старшего научного сотрудника Института археологии Академии наук Узбекистана А.Анорбоева специальная секция Ферганской экспедиции проводили археологические раскопки в Ахсикенте (Анарбаев, 2008, с. 130).

В VI–VII веках до нашей эры столица, расположенная на месте старой Ахси, была записана в китайских хрониках как Сигянь. Только с VIII века до середины IX века в историко-географических трудах, написанных на арабском языке, отмечалось, что этот город называется Фергана ("Fragana"). С середины IX века этот город будет известен всему миру как город Ахсикент (Ахсикет), город умелых и умных ремесленников (Текуший архив ИА АНРУз, с. 4).

В результате археологических исследований была найдена специальная керамика, в которой плавил железо и медь с территории Шахристана, а также металлические печи из мастерских ремесленников. В мастерских Ахсикента изготавливались различные предметы, начиная из самых простых металлических, используемых для строительства и ведения хозяйства, вплоть до мечей и кинжалов, способных разрезать камни и не ломающихся при сгибании. В 2001 году небольшой кусочек позолоченной рукоятки одного из таких ценных видов оружия был найден в махалле (квартал) ремесленников (Анарбаев, 2001, с. 19).

Материальные и культурные объекты, найденные в развалинах старой Ахси, отличаются тем, что они богаты собственным цветом и изяществом. Образцы материальной и культурной культуры, найденные в Ахсикенте, хранятся в Государственном музее Лувр в Париже (Юсупов, Мирзаалиев,

2010, с. 27). Клад Ахсикентских бронзовых изделий из коллекции А.И.Смирнова хранится в Государственном музее истории народов Востока в Москве (Алимова, 2000, с. 409).

В результате воздействия природно-климатических условий, времени и деятельности человека (изменения температуры и влажности воздуха, на которые веками воздействовали землетрясения) произошло материальное обесценивание, изменение и износ памятников, и на сегодняшний день задача их сохранения принимает большую актуальность. Организация и возможность проведения консервационно-ремонтных работ ограничена. Эта практика, которая считается как финансово, так и технически сложной, а также регулярный контроль состояния памятников с использованием научно-обоснованных методов, требует значительных финансовых затрат.

В Институте археологических исследований Академии наук Узбекистана разработаны несколько видов методов химической консервации памятников. Эти изобретенные методы гораздо дешевле, проще и эффективнее. На их основе происходит поглощение смеси органических растворителей и катализаторов, ускоряющих реакцию, причем не за счет поглощения готовых полимерных веществ в поверхность стенки, а за счет мономеров, являющихся их исходным сырьем. После введения определенного количества химических растворов в стену вносят полимеры подкормки, которые ведут к затвердеванию частиц почвы под воздействием солнечного света и температуры воздуха. В результате на поверхности стен образуется слой, который резко повышает степень твердости глинобитных листов и их устойчивость к атмосферным воздействиям. При такой обработке стало известно, что твердость упрочненных участков (78 кг/см²) поднимется до уровня шелушения и останется неизменной при погодном воздействии в течение многих лет (Абдураззаков, 2012, с. 12).

Некоторые археологические памятники в Ферганской долине постепенно разрушаются и исчезают. Причинами тому являются неустойчивый к атмосферным воздействиям строительный материал, который в основном состоит из глины и сырого кирпича, а также не принятие каких-либо мер по хранению после их открытия. Чтобы избежать такой неприятной ситуации, необходимо включить в археологическое исследование смету затрат на химическую консервацию вскрытой поверхности.

В сентябре 2019 года в ходе археологических раскопок, проведенных на памятнике Ахсикента, были обнаружены остатки настенной росписи из слоев Караханидского периода и фрагменты резных узоров из ганча. Это открытие дало ответ на ряд вопросов, которые в течение многих лет вызывали споры в истории Ферганской долины. Ведь и по сей день остатки фресковой картины не были зафиксированы во время исследований, проведенных в Ферганской долине. Эта находка показывает, что традиция настенного живописи развивалась в Ферганской долине.

На наш взгляд, желательно организовать музей у памятника Ахсикент. В процессе реализации музейного проекта следует обратить внимание на следующие:

Во-первых, необходимо восстановить древний и средневековый облик Ахсикента (рисунки и рельефы отражающие пейзажи Ахсикента);

Во-вторых, необходимо продемонстрировать политическое, социальное и экономическое состояние Ахсикента (письменность, медицинские статьи, монеты);

В-третьих, декоративно-прикладное искусство созданные ремесленниками (керамика, стеклянная посуда, ювелирные изделия);

В-четвертых, предметы, связанные с военным искусством (оружие воинов, стрелы-луки);

В-пятых, будут представлены архитектурные сооружения (фрагменты архитектурного убранства, фундамент, изделия из камня, керамические трубы, настенная живопись).

Благодаря особому вниманию Президента, научные исследования и археологические изыскания на этом историческом объекте будут продолжены. В настоящее время в целях возрождения данного наследия Кабинетом Министров Республики Узбекистан принято постановление №831 от 16 октября 2017 года "О создании, охране и исследованию мемориального комплекса и объекта археологического наследия "Ахсикент" в Туракурганском районе наманганской области" (<http://www.lex.uz/docs/3382160>). Созданная на основании этого решения Дирекция по охране и исследованию объекта археологического наследия "Ахсикент" начала свою деятельность. Дирекция внесла предложение в ЮНЕСКО об отпраздновании 2300-летия Ахсикента в 2021 году.

В ходе посещения археологического памятника Ахсикент президент Шавкат Мирзиёев ознакомился с основным планом комплекса, его научно-исследовательскими объектами, проектами туристического центра, которые будут восстановлены на территории, дал рекомендации по углубленному изучению истории этого памятника, необходимости сбора информации об исконном прошлом наших предков и проведения систематической работы по его восстановлению, о необходимости организации фестиваля, пропагандирующего историю и рекомендовал открыть археологические направления в Наманганском государственном университете. Также он подчеркнул важность преподавания истории на

исторических объектах, некоторые практические занятия школьников и студентов университета нужно проводить именно здесь.

Говоря иными словами, было бы целесообразно организовать многостороннее, глубокое и тщательное изучение памятника Ахсикент путем привлечения соответствующих историков, востоковедов, химиков, лингвистов, нумизматов, музееведов и особенно реставраторов-консерваторов. Актуальной задачей сегодняшнего дня является превращение Ахсикента в музей под открытым небом, внедрение данной местности в международные туристические направления, восстановление современного досугового комплекса со всеми удобствами для туристов.

Литература

Абдураззоков А. Ўзбекистон археология ва архитектура ёдгорликларини таъмирлаш, музейлаштиришдаги айрим муаммолар // Ўзбекистоннинг бетакдор маданий ёдгорликлари: муаммолар, ечимлар ва истиқболлар. Республика илмий-амалий конференцияси. Тошкент, 2012. 12-б.

Анорбоев А. Ахсикент // Фарғона водийсининг қадимий шаҳарлари. Тошкент, 2008. 130-б.

Анорбоев А. Қадимги ва ўрта асрларда Ахсикент // Ўзбекистон тарихида қадимги Фарғона. Тошкент, 2001. 19-б.

Қосимов Й. Қадимги Фарғона сирлари. Наманган, 1992. 53-б.

Мустабид тузумнинг Ўзбекистон миллий бойликларини талаш сиёсати: Тарих шохидлиги ва сабоқлари. Тошкент, 2000. 409-б.

ЎзР ФА Археологик тадқиқотлар институти жорий архиви. 8-жамғарма, 1-рўйхат, 183-иш, 4-варақ.

Юсупов И., Мирзаалиев Э. Ахсикент // Мозийдан садо. Тошкент, 2010. №1. 27-б.

<http://www.lex.uz/docs/3382160>

J.Z. Akhmedov

АХСИКЕНТ – А UNIQUE MONUMENT OF FERGANA VALLEY

This article highlights the ancient historical site in the Ferghana Valley, the city of Ahsikent as the cultural heritage of the Uzbek people, rooted in the depths of the VIII-XII centuries and the development of art in the area. And on this basis, the issue of creating a museum at this facility is relevant.

М.М. Бахтыбаев

Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: melsb@mail.ru

ҚАЗАЛЫ УЕЗИНІҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРІНІҢ ЗЕРТТЕЛУІ

Қазалы уезі Сырдария облысының солтүстік, солтүстік-батыс бөлігінде орналасқан, қазіргі Қызылорда облысының Арал, Қазалы, Қармақшы аудандары жерін қамтыған. Қазалы уезі археологиялық ескерткіштерге бай өлкелердің бірі болып табылады. Мыңдаған жылдар бойы осы жерді мекендеген халықтар Сырдарияның ескі арналары Жаңадария, Іңкәрдария және Кувандарияда өзіне тән нышандарын қалдырды.

Археология әуесқойларының Түркістан үйірмесі құрылған күннен бастап Қазалы уезінде орналасқан археологиялық ескерткіштерінде зерттеу жұмыстарын жүргізіп, олардың өлшемдері мен жобаларын сызып, сипаттамаларын жазды. Үйірме мүшелері Ә.А. Диваев, И.В. Аничков, П. Спиридонов, А. Симонов және т.б. атқарған зерттеу нәтижелерін өз отырыстарында баяндап отырды.

1897 жылдың 17 ақпан күні өткен үйірме отырысында Ә.А. Диваев «О могиле святого Хорхуть-ата» атты баяндамасында Қорқыт ата кесенесін сипаттап, оның орналасқан жері мен сақталу жағдайын атап өтті. Ә.А. Диваев Қорқыт ата кесенесі (1-сурет) Қорқыт станциясынан 1,5 верст жерде орналасқанын, сонғы жылдары кесененің бір бөлігін Сырдарияның суы шайып жатқанынан бұзылып, қазіргі жағдайы мүшкіл деп жазады (Диваев, 1897, с.1-2). Сонымен қатар, Ә.А. Диваевтің өтініші бойынша Қорқыт ата кесенесін 1899 жылы Қазалы уезінің басшысының көмекшісі И.Л. Арзамасов суретке түсірді.

Сурет 1 - Қорқыт ата кесенесінің құландылары. 1871-1872 жж. көрінісі
(А.Л. Кун бойынша)

1898 жылдың 12 қаңтарында өткен үйірме отырысында И.И. Гейер, П. Спиридонов пен И.В. Аничков уезінде орналасқан ескерткіштер туралы баяндама жасап, И.И. Гейер мен П. Спиридонов Жанкент қалашығы жайлы, ал И.В. Аничков осы өңірде орналасқан мұнараларына кеңінен тоқталды.

И.И. Гейер өз мақаласында Е. Александров Жанкент қалашығында жүргізген қазба жұмысына тоқталып, қазба барысында шыққан заттардың сипаттамасын берді. Е. Александров Жанкент қалашығы Сырдарияның сол жағында, Қазалыдан 16-18 верст төмен орналасқанын жазып, жобасында төртбұрышты болып келген, айналдыра қамалмен қоршалғанын, оның сыртында оры барын атап өтті. Қамал ішінде көптеген төбелер бар, олар бұзылған ғимараттардың құландылары деп пайымдайды (Спиридонов, 1898 а, с.56). Сонымен қатар, И.И. Гейер бекіністің оң жағында Сырдария бағытында ірі көне қаланың құландылары орналасқанын жазып, оны жергілікті тұрғындар Мыңтөбе деп атайтынын баяндайды.

Қазба жұмыстарын Е. Александров ірі төбелердің бірінде жүргізіп, жоғарғы қабатынан күйдірілген төртбұрышты және тіктөртбұрышты қыштар аршып, ал, онан төменде сылақ сынығын тапты, оның сыртында өрілген өрнек тәрізді ою бар. Сонымен қатар, П. Спиридонов Жанкент қаласын жыландар қиратқаны туралы Е. Александров жазып алған аңызын келтіреді (Спиридонов, 1898 а, с.57-62).

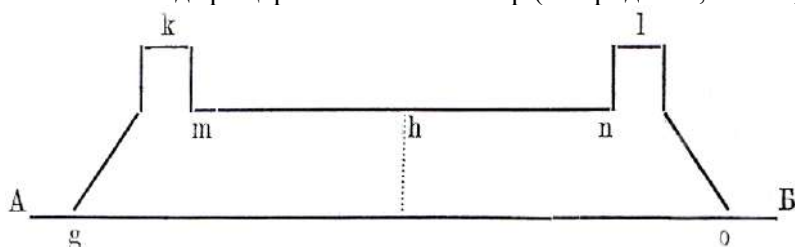
П. Спиридонов «Статьи о Джанкенте» атты мақаласында Жанкентті зерттеген В.В. Верещагин мен П.И. Лерх еңбектерін атап, 1870 жылы жарық көрген П.И. Лерхтың «Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г.» атты еңбегі 1870 жылға дейінгі Жанкент жайлы барлық деректерді қамтыған жинақ деп пайымдайды (Спиридонов, 1898 б, с.62-63). П. Спиридонов П.И. Лерхтың Жанкент жайлы жазған еңбегіне кеңірек тоқталды, - «Форт №1-ден (Қазалы) 22 верст төмен, Сырдарияның сол жағасында Жанқала атты хиуа бекінісі орналасқан, оның айналдыра ұзындығы 80 сажень, биіктігі 2 сажень. Бекініс құландысы жанынан арық (канал) бастау алып, оның арнасының ұзындығы 6-7 верст болады, қазіргі кезде тек 2-3 верстында суы бар. Жанқаладан 5 верст жерде, арық бойында аумағы 4 верст² келетін жерде көптеген төбелер орналасқан. Оның оңтүстік-шығыс жағында Жанкент деп аталатын жерде биіктігі 3-4 сажень келетін, жобасында қисық төртбұрышты жал бар. Оның шығысында пахсадан салынған қабырға іздері сақталған, ал солтүстік-батыс бұрышы кесектен салынған. Жалды айналдыра ені 2 сажень келетін ор қоршаған. Бекіністің ішкі жағында бірнеше төбелер орналасқан» (Спиридонов, 1898 б, с.63-64). Сонымен бірге, П. Спиридонов П.И. Лерхтің Жанкент қаласының орталық бөлігіндегі 2 төбеде және қалалық алаңның батыс жағындағы 2 төбеде жергілікті тұрғындар қазған төбелерін зерттеп, оның осы төбелерде жүргізген қазбаларына тоқталды. Қазба жүргізілген бірінші төбе қала қамалынан 550 сажень солтүстік-батыста орналасқан, П.И. Лерх онда құрылыс іргетасы мен сағана қабырғасының төменгі қабатын аршып, айналасында көптеген көк түсті шыңылтыр қаптама және т.б. плиткалары шашылып жатқанын атап өтті. Екінші төбе бірінші төбеден 50 сажень жерде орналасқан, онда ыдыс күйдіретін шеберхана орны ашылды. Қазба барысында биіктігі 1,5 аршын келетін, екі бір-біріне тақап салынған жобасында сегіз қырлы болып келген пеш қабырғалары мен күйдірілетін ыдыс қоятын «едені» және олардың астыңғы жағындағы от жағатын камералары ашылды (Спиридонов, 1898 б, с.65). П.И. Лерх пештер айналасында көптеген

ыдыс сынықтары шашылып жатқанын солардың ішінде бір құмыра сынығында сыртында өрнегі мен арабша жазуы барын атап өтті. Ал, үшінші төбеде қабырғаларында ойықтары бар бөлме ашылды (Спиридонов, 1898 б, с.62-66). Төртінші төбе үшінші төбеден 120 сажень жерде орналасқан. Қазба барысында құрылыс құландысы ашылып, онда қыштар арасында көптеген көгілдір, ақ түсті қаптамалар, олардың сыртында көк түсті араб жазуы бар. Ал, онан төмен іргетас деңгейінде шыңылтыр қаптамалар, карниздер, капительдер, жазуы бар плиткалар және т.б. табылып, П.И. Лерх төртбұрышты еден және оның төрт бұрышында төртбұрышты қыштан қаланған, биіктігі 8,5 фут болып келеген бағаналарды, оның солтүстік-шығыс бұрышында биіктігі 3 фут болатын қыштан қаланған қабарғаны ашып, осы жерде 50 жуық мыс және 2 күміс теңгелер тапты (Спиридонов, 1898 б, с.66-67). П.И. Лерх бұл теңгелер Алтынорда кезеңіне жатады, кейбіреулері VIII хиджра жылы (XV ғ.) Сарайда басылып шыққан деп жазды.

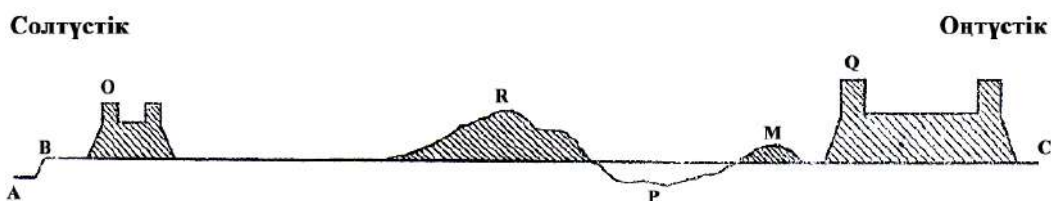
П.И. Лерх жүргізген зерттеулерінің нәтижесінде және жазба деректерге сүйене отырып Жанкентті Янгикентпен баламалады (Спиридонов, 1898 б, с.67-68).

1897 жылы Жанкент қалашығында П.Спиридонов болып, оның сипаттамасын берді. П. Спиридонов Жанкент қалашығы Қазалыдан 25 верст оңтүстік, оңүтік-батыста орналасқан, жобасында төртбұрышты аумағы 40 000 сажень² деп жазып, Жанкент пен Жанқаланың кесінді жобасын сызды (Спиридонов, 1898 в, с.69).

П. Спиридонов егер Жанкент қалашығын тігінен шығыстан батысқа немесе солтүстіктен оңтүстікке қарай кессе, келесі көрініс шығады (2-сурет) деп, онда А-Б – Жанкент құландыларының жалпы аумағы, g-m, n-o – жал, оның биіктігі h – 4 саженьге жуық, k-m, l-n – пахсадан салынған қабырғалар, оның биіктігі 2 сажень. Ал, егер Сырдариядан бастап Жанқала мен Жанкентке дейінгі аралықты (ұзындығы 6 верст) тігінен кессе, келесі көрініс болады (3-сурет), онда А – Сырдария суының деңгейі, В-С – жер деңгейінің көлденең келетін сызығы, О – Жанкент құландылары, Q – Жанқала құландылары, R – шығыстан батысқа қарай ұзындығы 3-4 верст, ені 150 сажень келетін төбе кесіндісі, P – қолдан жасалған көл, M – Жанкентті айналдыра қоршаған жал және ор (Спиридонов, 1898 в, с.69-70).

Сурет 2 - Жанкент қалашығының тігінен кесілген кесік көрінісі (П. Спиридонов бойынша)

Сурет 3 - Сырдариядан Жанкент қалашығына дейінгі аралықтың тігінен кесілген кесік көрінісі (П. Спиридонов бойынша)

П. Спиридонов төбе (R) үстінде көптеген бір-бірінен 30-100 сажень ара қашықтықта орналасқан күйдірілген қыштардан салынған құрылыстар құландылары барын, оларды Мыңтөбе деп аталады деп жазып, бекініс ішінде шағын қазба жұмыстарын жүргізді (Спиридонов, 1898 в, с.71). Сонымен қатар, П. Спиридонов Сырдария бойында орналасқан Жанқала бекінісінде өзеннен бастау алатын арықты қорғауға арналған шағын әскер горнизоны болған және Жанқаладан 30 верст жерде орналасқан қарауытөбелерді бақылап отырған деп жобалайды (Спиридонов, 1898 в, с.72).

1900 жылдың 11 қыркүйек күні өткен үйірме отырысында А. Симонов өзінің Жетіасарға барған іссапары барысында жүргізген зерттеулер нәтижелерімен таныстырды.

1899 жылы А. Симонов Сырдарияның оң жағында, Жамандария мен Қараөзектің қосылған жерде орналасқан Жетіасар атауымен белгілі ескерткіштерде болып, олардың сипаттамасын берді.

Жетіасар тобындағы қалашықтар бір-бірінен 5 верст қашықтықта орналасқан. «Асар қалашықтыры» жобасында төртбұрышты, екідеңгейлі (екіярусты) болып келеді. Қалашықтардың аумағы 50-60 сажень, биіктігі 15 аршынға жуық. Оларды айналдыра кесектен қаланған қамалдары сақталған. Екі ярустың жоғарғы алаңында қабырғалар іздері бар, олардың аумағы 9x6 аршын. Барлық

жеті асардың батыс қабырғаларында қақпа орындары сақталған және олардың сыртында аумағы екі десятинаға жуық келетін кесектен қаланған сыртқы қамалдары болған. Сыртқы қамалдың қабырғаларының бір бөлігі мен бұрыштарындағы мұнаралары сақталған (Симонов, 1900, с.100).

А. Симонов Жетіасар қалашықтары айналасында көптеген ірі және шағын канал іздері сақталғанын және ірі каналдар шағын каналдарға қарағанда биік деңгейде орналасқанын атап өтіп, «асарлардың» бірінде арнайы су қоймасы барын сипаттап жазды (Симонов, 1900, с.100-101). Сонымен қатар, А. Симонов «асарлардың» бірінде шағын қазба жұмыстарын жүргізіп, оның барысында өңделген тас, бірнеше моншақ, күйдірілген заттар, тастан жасалынған жебе ұштары мен көптеген жануарлар сүйектерін тапты (Симонов, 1900 в, с.101). Сонымен қатар, А. Симонов Жетіасардан басқа, оның солтүстігінде Алтынасар, ал Кувандарияда – Үңгірліасар барын жазып және осы «асарлар» туралы аңыз келтірді (Симонов, 1900, с.96-99).

1898 жылы «Археология әуесқойлары Түркістан үйірмесі мүшелерінің отырыстары мен хаттамалары» атты жинағында И.В. Аничковтің «О некоторых местностях Казалинского уезда, интересных в археологическом отношении» атты мақаласы жарық көрді. Онда И.В. Аничков Қазалы уезінде орналасқан мұнаралар жайлы және оларға қатысты аңыздарды келтіріп жазды (Аничков, 1898, с.51).

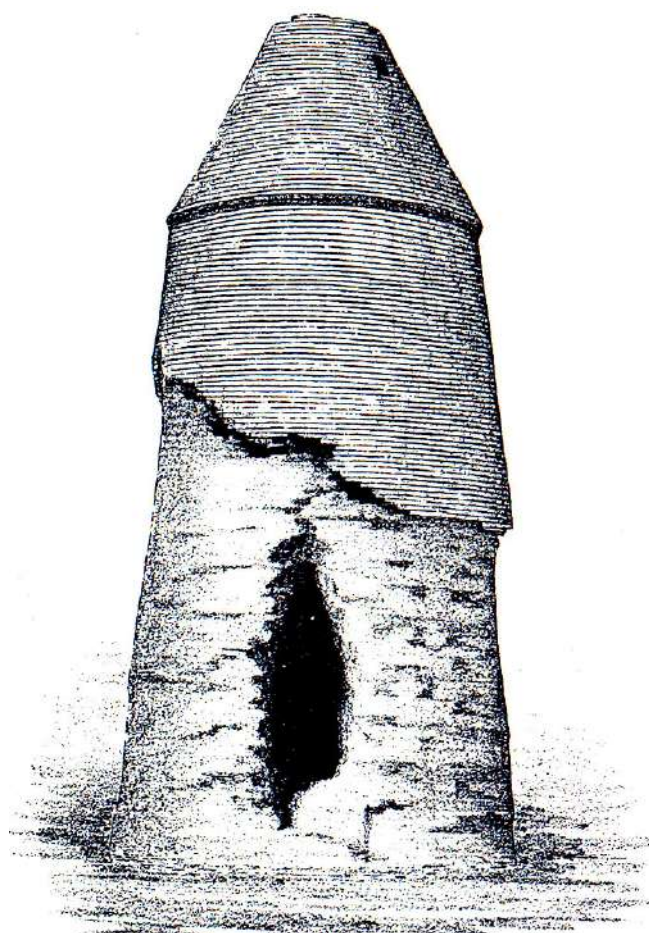
И.В. Аничков өзі көрмесе де аңызға сүйене отырып, Арал теңізіндегі аралда «Бегім мұнарасы» орналасқанын және бұл мұнара Жанкент патшасы Санжар мен оның халқы жыландардан өлгені жайлы аңызға қатысы бар деп жазды. Аңыз бойынша Санжар өз әйелін, әулие Қарабура қызы Бегім ананы жалған айыппен зынданға тастап, оның күнәсі жоқ екендігі анықталған соң Бегім ана құсқа айналып, қазіргі тұрған мұнараға ұшып кетіп, онда 30 жылға жуық өмір сүргені айтылады (Аничков, 1898, с.51-52).

Келесі мұнара Сараман-Қоса деп аталады, мұнара Жанкенттен 30 верст, Қазалыдан 60 верст жерде орналасқан, оның биіктігі 15 саженьге жуық (5-сурет). И.В. Аничков мұнараның қабырғасындағы ойық ілгеріде оған кіретін есік болған дейді. Мұнара іші кесектен қаланып, ал сырты күйдірілген қышпен қапталған. Қаптамасы тек үстіңгі бөлігінде сақталған. И.В. Аничковтің «О некоторых местностях Казалинского уезда, интересных в археологическом отношении» атты мақаласында келтірілген осы мұнара суретін қателесіп, «Бегім мұнарасы» деп жазылып кеткен. Негізінен суретте сипаттамасына қарай Сараман-Қоса мұнарасы тура келеді, сонымен бірге И.В.Аничков мақаласында Сараман-Қоса мұнарасын суретке түсіргенін де атап өтеді (Аничков, 1898, с.52). Сонымен бірге, И.В. Аничков осы мұнара жайлы келесі аңызды жазып алды: «Осыдан 20-25 жыл бұрын қарақалпақ Сараман Үргенч қаласында тұрған Қосу есімді ноғайдың қызын алып қашып, оның бауырлары екеуін құып, ұстап алып өлтірген. Екі ғашықты өлтірген жерде қарақалпақ батырлары Жоба мен Айдос осы мұнараны салған». И.В. Аничков негізінен бұл мұнара Сараманға арналып салынғанын, ал Қосуға онан жақын жерде құмда жеке ескерткіш салынғанын, бірақ оның бұзылып кеткенін атап өтті (Аничков, 1898, с.52-53). Сонымен қатар, И.В. Аничков Бекбаулы станциясының жанында, Ақкерек деп аталатын жерде «Адам ата» зираты және Қармақшы фортының жанында Қорқыт ата кесенесі барын атап, оларға байланысты аңыздарды келтірді (Аничков, 1898, с.54).

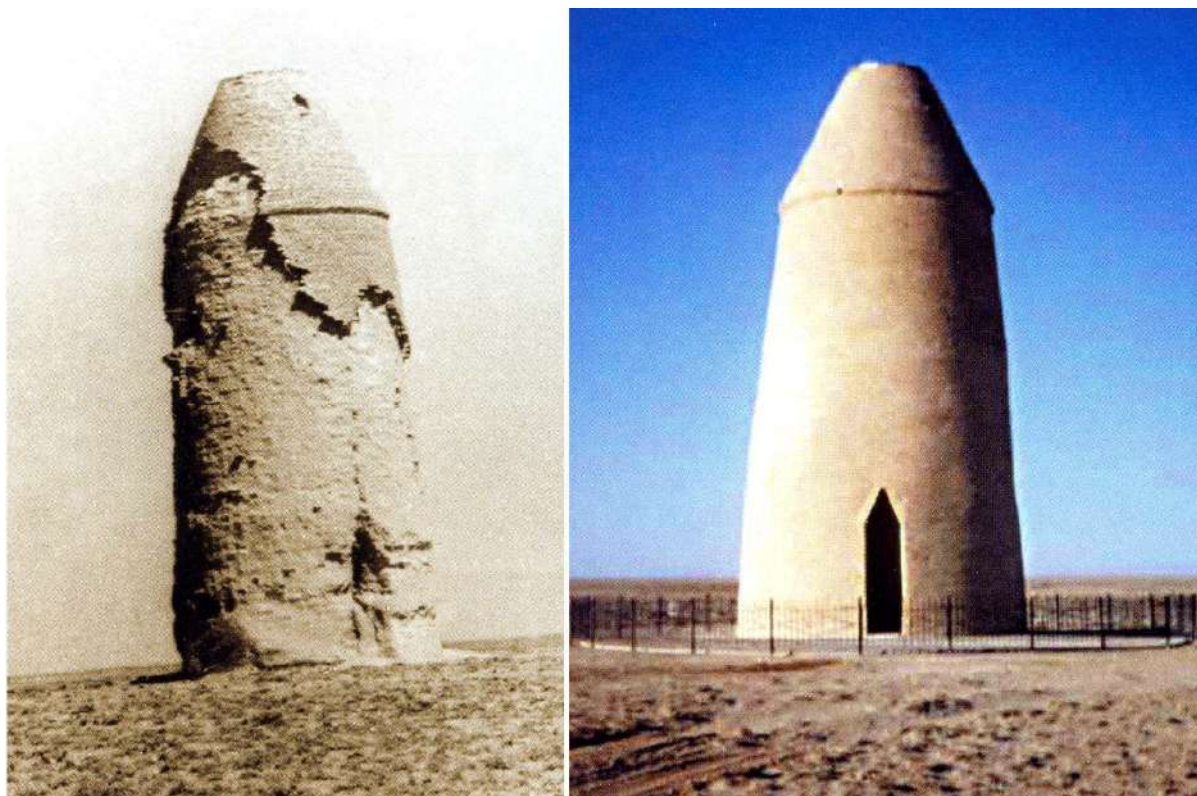
Сараман қоса мұнарасы Қазалы қаласынан 30 км оңтүстік-шығыста орналасқан. Ал, Бегім мұнара Қазалы қаласынан 10 км шығыста орналасқан. Мұнаралар кесектен қаланып, сырты күйдірілген қыштармен қапталған. Сараман қоса (6-сурет) мұнарасының биіктігі 30 м, ал Бегім мұнара (7-сурет) биіктігі 16 м.

Мұнара құрылыстарын С.Е. Әжіғали зерттеп, Арал-Каспий өңірінің шығысында, X-XI ғғ. оғыздар арасында мұнара типті құрылыстар салу кең етек алды: «Для них характерно ствольное решение нижнего объема (округлого либо многогранного в плане и полого внутри) с межэтажными купольно-сводчатыми перекрытиями и, обычно, пирамидальное или коническое решение внешнего купола», - деп жазады (Ажигали, 2002, с.223). С.Е. Әжіғали мұнара тәрізді «кесенелерді» екі күмбезді, шатыр-мұнаралық құрылыстарына жатқызып, оларды X-XI ғғ. мерзімдейді (Ажигали, 2002, с.261)..

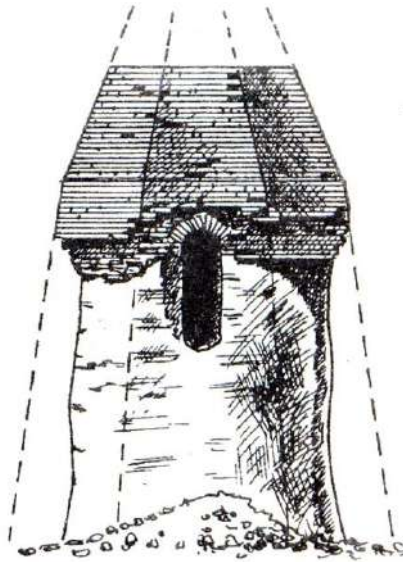
Сараман қоса мұнара кесенесі қазіргі таңда РМҚМ «Қазқайтажаңғырту» тарапынан толық қайта қалпына келтірілген.

Сурет 5 - Сараман қоса мұнарасы (И.В. Аничков бойынша)

*Сурет 6 - Сараман қоса мұнарасы.
Қайта қалпына келтіру жұмыстарына дейінгі және кейінгі көрінісі*

Сурет 7 - Бегім мұнара кесенесі (М. Меңдіқұлов бойынша)

Қорыта келгенде, Археология әуесқойларының Түркістан үйірмесі Қазалы уезінде орналасқан археологиялық ескерткіштерінде зерттеу жұмыстарын жүргізіп, атқарған ізденістері жемісті болып, бірқатар ескерткіштердің сипаттамасын беріп, орналасқан жерін анықтап, есепке алып, оларды ғылыми айналымға енгізді. Үйірме мүшелері зерттеу жұмыстары барысында алынған заттай деректерді және қалашықтардың топографиясына толық сипаттама беріп, осы өңір ескерткіштері жайлы құнды деректер қалдырды.

Әдебиеттер

Ажигали С.Е. Архитектура кочевников - феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). – Алматы: НИЦ «Ғылым», 2002. - 654 с.

Аничков И.В. О некоторых местностях Казалинского уезда, интересных в археологическом отношении // ПТКЛА, год III. –Ташкент: типо-литография тогового дома Ф. и Г. Бр. Каменских, 1898. -250 с. (приложение к протоколу от 12 января 1898 г.)

Диваев А.А. О могиле святого Хорхуть-ата // ПТКЛА, II. –Ташкент: типо-литография тогового дома Ф. и Г. Бр. Каменских, 1897.

Симонов А. Джиты-Асарь // ПТКЛА, V. –Ташкент: типо-литография тогового дома Ф. и Г. Бр. Каменских, 1900. -203 с. (приложение к протоколу от 11 сентября 1900).

Спиридонов П. Легенда о Джанкенте (Извлеч. из «Туркест. Вкдом.» 1885 г. №№45 и 46) // ПТКЛА, год III. – Ташкент: типо-литография тогового дома Ф. и Г. Бр. Каменских, 1898 а. -250 с. (приложение к протоколу от 12 января 1898 г.)

Спиридонов П. Статьи о Джанкенте // ПТКЛА, год III. –Ташкент: типо-литография тогового дома Ф. и Г. Бр. Каменских, 1898 б. -250 с. (приложение к протоколу от 12 января 1898 г.)

Спиридонов П. Поездка на развалины Джанкента (Извлеч. из «Туркест. Вкдом.» 1885 г. №45 и 46) // ПТКЛА, год III. –Ташкент: типо-литография тогового дома Ф. и Г. Бр. Каменских, 1898 в. -250 с. (приложение к протоколу от 12 января 1898 г.)

М.М. Bakhtybayev

THE RESEARCH OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF KAZALY

Kazalinsk district is located in the Northern, North-Western part of the Syrdarya region; nowadays it covers the territory of the Aral, Kazaly, Karmakshy districts of Kyzylorda region. Kazalinsk district is one of the richest archaeological monuments of the region. The people, who inhabited this land for thousands of years, left their characteristic features in Zhanaderia, Inkardarya and Kuvandarya. The article deals with the research works in the archaeological monuments of Turkestan section of archeology amateurs, located in the Kazalinsk district and the results of research by members of the circle A. A. Divaev, I. V. Anichkov, P. Spiridonov, A. Simonov.

ВАЖНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОНЕТНОГО ДЕЛА И ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ПАРАБА В ПРАВЛЕНИЕ ЧАГАТАИДСКОГО ХАНА ТАРМАШИРИНА

Длительное и системное изучение монетного обращения Южного Казахстана позволяет не только собрать максимально полную нумизматическую базу данных о монетах, обслуживавших местные рынки, но и установить характер денежной политики, ее направленность и особенности. Это наиболее важно и значимо для оценки относительной активности товарно-денежных отношений и реконструкции экономической истории региона. Некоторые вопросы монетного дела и денежного обращения области Параб/Фараб в XIV в. были затронуты ранее (Петров, Байпаков, Воякин, 2014; Петров, Белтенев, 2016, с. 216-218; Петров, 2019, с. 161-163). Тем не менее, обнаружение новых, ранее не публиковавшихся монет, позволяет взглянуть на характер денежного обращения несколько иначе.

В 2015-2019 гг. П.Н. Петрову были показаны 3 экземпляра очень мелких серебряных монет из частных коллекций в ЮКО. Монеты были некогда обнаружены в пределах современной Туркестанской области. На рис. 1 приведены прорисовки серебряных монет Отрара с штемпельной точностью, которые обеспечивали монетное обращение при Чагатаидском хане Тармаширине на территории Параб. Мы в данном случае не можем обобщать, и утверждать, что эти мелкие монеты активно участвовали в обороте всех тех регионов, на которые распространялась сфера экономического влияния Отрара, поскольку мелкие серебряные дирхамы в своей массе практически никогда не покидали той области, где были изготовлены. Это связано с тем, что подобные эмиссии выпускались для обеспечения именно местного рынка разменной монетой.

Рисунок 1

Обратимся непосредственно к нашей находке. На рис. 1 для сравнения приведены штемпельные прорисовки №1 и 2 полновесных дирхамов: анонимный с титулом *султан* 732/1331-1332 г. и именной с именем Тармаширин 733/1332-1333 г. (вес в пределах $v=1,3-1,4$ г) (Петров, Байпаков, Воякин, 2014, №55 и 53 соответственно). Приводятся фотографии уже известных нам двух типов анонимных фракций № 3 ($v=0,71$ г, $d=14-15$ мм) и №5 ($v=0,69$ г, $d=14-15$ мм) (Петров, Байпаков, Воякин, 2014, №576 и 57 соответственно), а также двух еще более мелких фракций: №4 ($v=0,32$ г, $d=12$ мм) и №6 ($v=0,24$ г, $d=12$ мм). Третий известный нам экземпляр мелкой фракции полностью соответствует №4

($v=0,21$ г, $d=10,5-12$ мм). Монета №6 содержит пробитое отверстие, т.е. она утратила часть своего изначального веса не только в ходе денежного обращения. При пересчете веса этого экземпляра по утраченной площади можно восстановить изначальный вес фракции, он оказался равным $\sim 0,25$ г. Отклонение веса монеты №4 в большую сторону (на $\sim 0,1$ г) скорее всего связано с технологическими приемами изготовления монетных заготовок и лежит в пределах технологического допуска. Рассмотрим эти две мелкие фракции подробно.

№4. Отрар. 73х г.х./1329-133х гг.н.э. Анонимный дирхам. Наследная тамга Дувы.

Л.с. Картуша не видно. В поле в две строки: *би сикка(т)/ Отр тамга а(р)*, т.е. чеканено (в) Отраре.

О.с. Картуша не видно. В поле видны виньетка на верхней строке и растительный побег строкой ниже. Не исключено, что это конечные буквы не поместившихся слов текста так изображены (не редкий прием у резчиков штемпелей). В третьей строке видны две цифры: 73. Возможно это 730/1329 г., но вполне возможно и 731-733/1330-1332 гг.

№6. Отрар. (7)3? г.х. Анонимный дирхам. Наследная тамга Дувы.

Л.с. Картуш фигурный, четырехлепестковый. В поле надпись в три строки. Если первая строка читается однозначно (*сиккат = чеканено (в)*), то вторая строка начинается с непонятной закорючки, за которой следует изображение тамги.

После тамги на две строки разбито слово *Отрар*: *О- -ар/-тр*. Третья строка, видимо, начинается со слова *санат (=год)* и далее видны три зубца от единственной написанной цифры: 3.

О.с. В поле фигурного картуша помещено одно слово, указывающее номинал монеты: *данги*.

Первое, на что следует обратить внимание, это на номинал и вес монеты. Данг – это 1/6 часть любой величины. То есть, наш *данги* это 1/6 более крупного номинала. Обнаруженная фракция с указанием этого номинала далеко не единственный столь мелкий экземпляр, битый в XIII – XIV вв. Так в Бадахшане в начале 690-х/1290-х гг. чеканили дирхамы с тамгой Дувы и номиналом *данги*, в 750-е/1350-е гг. также в Бадахшане известны выпуски монет этого номинала с именем султана Шаха Баха ад-Дина (Петров, 2010, с. 42-43, 48). Недавно был обнаружен номинал *данги* на серебряной мелкой тимуридской монете с именем Халила (начло XV века), называемых *мири* (*мири = 1/4*). Последний пример особенно показателен, поскольку демонстрирует, что монета одновременно могла являться *дангом* в 1/6 номинала *динара* (который, кстати, был исключительно расчетным и в монетном чекане не имел воплощения при Халиле) и *мири* в 1/4 другой, реально чеканившейся монеты – *танга* (Брагин, Делинский, 2013, с. 118). По факту *данг* в денежном обращении серебряных монет также составляет 1/6 любого веса. Именно поэтому чагатаидский *данг* весом в $\sim 0,2-0,3$ г отличается от веса *данга* тимуридского весом в $\sim 1,5$ г, и не смотря на различия в абсолютных весовых значениях представляет собой один и тот же номинал. Если *данги* это номинал в 1/6 часть веса, то 6 частей называются *динар*. В тоже время, мы знаем, что 6 чагатаидских *дангов* Тармаширина составляют вес монеты, которая называлась *белый дирхам* ($\sim 1,3-1,4$ г), поскольку в Отраре при Тармаширине бились дирхамы по стандартам чеканки бухарских монет Кепек-хана (Чехович, 1965, с. 177; Петров, 2004, с. 212). А 6 дирхамов составляют номинал *динар* (~ 8 г). То есть, мы получаем достаточно условную систему номиналов, в которой 6 *дангов* составляют динар, но этот динар может людьми в быту называться дирхамом и являться одновременно *дангом* для более крупного по весу динара. Налицо условная система номиналов. Вот эта условность очень часто и запутывала многих исследователей нумизматики Джучидов XX века (подобных серьезных исследований в области чагатаидской нумизматики ранее не проводилось).

Данг – это не самый маленький номинал серебряной монеты. Монета в 2 раза меньшего номинала чем *данг* называлась *хабба*. В настоящее время серебряных дирхамов номиналом *хабба*, битых в период правления Тармаширина в Отраре пока неизвестно. Отметим, что название *дирхам* обозначает лишь, что монета серебряная. Тем не менее, население могло этим названием обозначать и обозначало конкретные монеты, находящиеся в обращении. При хане Кайду нам известны отрарские выпуски фракций как номиналом *хабба*, так и *данг* (судя по их весовым параметрам), однако, само название номиналов на них не встречалось. Весовую норму чеканки серебряных монет *хабба* вычислить, используя статистические методы, практически невозможно, ее можно только рассчитать. Причин сложностей анализа статистической обработки две: во-первых, найти достаточное количество для статистических исследований кладовых монет невозможно, монеты крайне редко встречаются и в клады в количестве не попадали; во-вторых, разброс известных значений веса при чеканке этих малых монет столь велик в процентном отношении, что заставляет думать об их чеканке по системе *эль-*

марко, что опять же требует существенно большего количества образцов для взвешивания, чем в случае чеканки по весовому стандарту. Стоимость этих монет была ничтожно мала. Еще Рашид ад-Дин сообщал: при сборе налогов «... не взяли ни одного лишнего данника денег» и далее: «... беднякам, которые не видели и данника денег» (Рашид ад-Дин, 1946, с. 255 и 258). В подобных высказываниях средневековый автор выражал ничтожность величины денег в один *данг*.

Проблема установления точной весовой нормы чеканки *дангов* весом в 0,2-0,4 г по результатам статистических исследований также представляют трудности. В нашем случае мы имеем всего 3 экземпляра монет: 0,32; 0,25; 0,21 г. В результате расчет среднего значения: по крайним дает значение 0,27 г; по всем трем 0,26 г; по двум последним 0,23 г. Если величину 0,27 г умножить на 6, чтобы получить вес реального дирхама Тармаширина, то получаем – 1,62 г, что не соответствует реальному весу дирхама (~ 1,3-1,4 г). Для получения адекватного значения весовой нормы чеканки полновесного дирхама весовой стандарт *данга* должен находиться в интервале значений: $0,22 \div 0,23$ г. Вес монеты в 0,32 г следует считать верхним пределом технологического допуска. К сожалению, у авторов нет уверенности в том, что когда-либо будет возможность провести статистические исследования метрологических параметров таких монет из-за их редкой встречаемости.

Иногда в научных статьях приходится встречать фразу о развитости монетной системы, способствующей активной торговле в том случае, если речь идет об использовании монет большого количества номиналов как медных, так и серебряных. Надо признать, что большое количество номиналов не является прямым критерием развитости торговли, особенно когда речь идет о средневековых государствах Востока. В тоже время, наблюдаемые особенности монетного дела и монетного обращения в разных областях (регионах) государств Чингизидов позволяют проследить характер проводимой местными властями денежной политики. Примеров тому довольно много, не является исключением и Отрарский регион в период правления Тармаширин хана (727-735/1327-1334) гг. В период правления Кайду в Отраре выпускались огромные массы медных фалсов с 670-х/1270-х гг. (Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 214, №31), в конце 690-х/1290-х гг. начался выпуск медных посеребренных дирхамов (Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 214, №41 и 42), регулярно чеканились серебряные полновесные дирхамы (Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 214, №27, 32) и их фракции (пока не публиковались). Начало XIV века ознаменовалось продолжением чеканки серебряных дирхамов и медных посеребренных дирхамов 707/1307-1308 и 709/1309-1310 гг. (Петров, Байпаков, Воякин, 2014, с. 214, №47 и 46 соответственно). Не исключено, что огромная масса медных фалсов 670-х – 690-х/1270-х – 1290-х гг. в первое десятилетие нового века еще продолжала обслуживать местные рынки. То есть, налицо полноценное биметаллическое обращение. Следует оговориться, медные посеребренные монеты не относятся ни к меди, ни к серебру, это особый вид денег, которые принимаются как серебряные, но были существенно дешевле серебряных. То есть, они вполне могли являться именно разменной монетой для серебряных денег, в отличие от медных фалсов. После 709/1309-1310 г. и до 727/1327 г. отрарский монетный двор денежную продукцию не выпускает. В 727 г.х. появляются медные, возможно, посеребренные монеты, но из-за их редкости и плохого состояния однозначно прочесть название монетного двора (то ли Отрар, то ли Параб) пока не удастся. Это выпуск анонимный, но с наследной тамгой Дувы и помещенным титулом мусульманских правителей *султан*, который мог принадлежать в это время единственному правящему Чагатаиду, принявшему ислам – Тармаширину. Монеты эти крайне редко встречаются и в основном в Отрарском регионе. Видимо, их выпуск был кратковременным. В тот же год были вырезаны штемпели для чеканки серебряных дирхамов, но их выпуск начался в 728 г.х., что видно по году, перерезанному резчиком штемпеля (с 727 на 728 г.х.). Начиная с 728/1328 г. при Тармаширине в Отраре не чеканилась ни медная монета, ни медная посеребренная, ни крупные 8-ми граммовые серебряные динары. Но осуществлялась чеканка полновесных дирхамов и мелких фракций полновесного дирхама номиналом в *данг* и три *данга*. Не будет большим удивлением, если со временем обнаружится еще более мелкая фракция *хабба* весом около 0,08-0,15 г (расчетный весовой стандарт 0,11-1,12 г). Учитывая, что из серебряного монетного обращения при Тармаширине не изымались монеты конца XIII и первых лет XIV века с тамгой Кайду, и в Отрарском регионе отсутствуют массовые находки медных монет первой трети XIV века Шаша/Чача, Мугалага, Ходженда и других южных эмиссионных центров, можно сформулировать суть местной денежной политики при Тармаширине, отличавшейся от таковой в южных и восточных регионах страны. В денежном обращении был взят курс на монометаллизм в монетном деле и на формирование устойчивого серебряного обращения как минимум в области Параб. Отсутствие чеканки крупных серебряных динаров могло свидетельствовать о невысокой степени благосостояния основного населения региона, которому столь дорогостоящая монета не требовалась в качестве регулярно используемого платежного средства на местных рынках. Видимо, им было вполне

достаточно объемов приходящих динаров с южных регионов страны. Размерность номиналов монет в средние века на Востоке всегда диктовалась потребностями местного розничного рынка, особенно, когда дело касалось столь значительной разницы стоимости монет, как дирхам в ~1,4 г и динар почти в 8 грамм.

Таким образом, в монетном деле и монетном обращении Отрара в 728/1328 г. было осуществлено местное денежное реформирование, которое было направлено на оздоровление товарно-денежных отношений на рынках региона. В результате реформирования медное монетное обращение было прекращено, а взамен медным фалсам и медным посеребренным дирхамам были выпущены мелкие разменные серебряные монеты (сейчас известны данг 0,22-0,23 г весом и трехданговая монета весом ~0,7 г). Видимо, эта мера оживила местные рынки, интенсифицировала товарно-денежные отношения, сделав межрегиональную торговлю в Отраре более выгодной. По сути, Тармаширин в своем личном уделе использовал давно применяемый прием перехода от биметаллического обращения к монометаллическому серебряному с целью оздоровления экономической ситуации в регионе, например, (Бугарчев, Петров, 2018). Этот пример местной денежной политики свидетельствует о ее гибкости и способности адаптироваться к экономической ситуации с целью ее улучшения. Кроме того, прослеживается отсутствие унификации системы монетных номиналов в пределах государства в том смысле, в каком мы привыкли это понимать в наши дни. Но не нельзя не признать, что некоторые подходы к решению задач унификации все же имели место, например, перенятый метрологический стандарт чеканки полновесных дирхамов Кепека бухарского и самаркандского монетных дворов.

Литература

Брагин А.О., Делинский И.И. Новые факты из истории денежного обращения Мавераннахра в эпоху правления Тимурида Халил-Султана // Нумизматика Золотой Орды. Научный ежегодник. Выпуск 3. Казань: Институт истории АН РТ, 2013. С. 115-119.

Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII - первой трети XIV вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с.

Петров П.Н. Находки нумизматических памятников XIV века близ Хоргоса в собрании ГМИИ // Монеты и медали (Сборник статей по материалам коллекции отдела нумизматики ГМИИ им. А.С. Пушкина). Вып II. М.: Дипак, 2004. С. 169-238.

Петров П.Н. Названия серебряных монет в монгольских государствах XIII-XIV вв. (к вопросу о монетной системе в Улусе Джучи – предварительное сообщение) // Средневековый город Мохши и Наручатская земля: итоги 95-летнего изучения. Материалы всероссийской научной конференции 23-24 сентября 2010 г. Пенза, 2010. С. 39-48.

Петров П.Н., Белтенев Ж.М. Продукция монетного двора Отрар во время междоусобиц первого десятилетия XIV века // Материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения» по теме «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования», приуроченные к 25-летию независимости Республики Казахстан. 1-2 апреля 2016 г. Алматы: Қазақ университеті, 2016. С. 216-218.

Петров П.Н. О новых отрарских монетах XIV в. Чагатаидского государства // Материалы международной научно-методической конференции «XI Оразбаевские чтения» по теме «Семь граней Великой степи и актуальные вопросы археологии и этнологии Евразии». 26-27 апреля, 2019 г. Алматы: «Қазақ университеті», 2019. С. 161-163.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. / перевод А.К. Арендса. М.-Л., 1946. 340 с.

Чехович О.Д. Бухарские документы XIV века. Ташкент: «Наука» Узбекской ССР, 1965. 330 с.

P.N. Petrov, Zh.M. Beltenov

IMPORTANT FEATURES OF COIN PRODUCTION AND MONETARY CIRCULATION IN THE PARAB REGION DURING THE REIGN OF THE CHAGHATAID TARMASHIRIN KHAN

Small fractions of silver coins of Otrar were discovered and studied. They belong to the period of the reign of khan Tarmashirin (Chaghataid state, XIV century). The nominal value of these coins is dang. The system of denominations of coins that are bit in Otrar under Khan Tarmashirin is considered. In the southern regions of the Chaghataid state, coins were minted from two metals: copper and silver. The coin production of the Parab region was reformed. As a result of the reform, the coin began to be minted only from silver. This measure revived local markets and intensified commodity-money relations, making trade in the Otrar region more profitable. This example of local monetary policy indicates its flexibility and ability to adapt to the economic situation in order to improve it. In addition, there is no unification of the system of denominations of coins in circulation within the state in the sense in which we are used to understand it today. However, we must admit that some approaches to solving the problems of unification did take place.

ИСТОКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ (ПО ДАННЫМ «ОБЩЕСТВА ОБСЛЕДОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА»)

В основу статьи вошли результаты археологических исследований, проводимых на территории Азербайджана при непосредственной организации и участии «Общества обследования и изучения Азербайджана». Максимально использованы сведения, сохранившиеся в архивных источниках данного периода, которые отражают степень изученности и введение в научный оборот богатого фактического материала.

К сожалению, под воздействием определенных факторов некоторые памятники утрачивают свое первоначальное состояние, поэтому способы восполнения утраченных частей памятника обуславливают не только всю концепцию восстановления, но и определяются конкретной сохранностью и состоянием памятника. В связи с этим научные данные исследований 1920 годов важны, так как они оставили первое подробное описание многих археологических памятников на территории Азербайджана, среди которых некоторые памятники по разным причинам не сохранились до наших дней. В данных условиях сохранившиеся архивные материалы являются единственным источником восполнения этой потери для археологической науки. Следует отметить, что в указанный период также предпринимались первые шаги по учету и организации охраны археологических памятников на территории всей республики.

«Общество обследования и изучения Азербайджана», созданное в 1923 году при Наркомате просвещения и Археологический комитет стремились создать необходимые условия в организации учета и охраны исторических памятников, составляющих археологическое наследие Азербайджана (Джафарова, 2018, с.150-151; ARDA.Ф.389. Оп. I. Д.1; ARDA.Ф.389. Оп. II. Д.1).

В содержание деятельности «Общества обследования и изучения Азербайджана» по сохранению и использованию культурно-исторического наследия входило: проведение комплексной работы по реставрации или восстановлению памятников, превращение движимых памятников в музейные экспонаты или объекты культурно-просветительского значения (ARDA.Ф.389. Оп. II. Д.1; Зифельдт, 1926, с.108-109). При «Обществе обследования и изучения Азербайджана» действовало три секции: Экономическая, Естественно-научная и Историко-этнографическая (ARDA.Ф.389. Оп. I. Д.1; Зифельдт, 1926, с.108). Позже было создано «Бюро Популяризации Знаний об Азербайджане и помощи школе», вместе с этим планировали ввести курс «Азербайджановедения» и организовать массовые экскурсии к памятникам старины (ARDA.Ф.389. Оп. I. Д.1; Зифельдт, 1926, с.112). Каждая секция должна была сосредоточить свою деятельность на реализации определенной задачи. Работа Историко-этнографической секции охватывала несколько направлений, среди которых необходимо выделить сбор историко-этнографического и фольклорного материала, исследование этнического состава населения, организацию экскурсий к историческим памятникам, а также проведение археологических исследований (ARDA.Ф.389. Оп. II. Д.1; ARDA.Ф.389. Оп. II. Д.28).

Основание Археологического комитета в Азербайджане сыграло положительную роль в развитии краеведения и изучении археологических памятников. Наличие разновременных исторических памятников на территории Азербайджана направило работу «Общества обследования и изучения Азербайджана» на уточнение и изучение целых археологических комплексов (ARDA.Ф.389. Оп. I. Д.28; Мещанинов, 1929, с.3-4).

В 20 годы прошлого века, в результате интенсивной работы ученых в фактический оборот были введены новые данные об археологических памятниках на территории Шамахи, Баку, Габалы и Гянджи (ARDA.Ф.389. Оп. I. Д.28; ARDA.Ф.389. Оп. I. Д.32). «Общество обследования и изучения Азербайджана» занималось фиксацией, описанием и составлением схем, картографированием археологических памятников в Сальяне, Агдаме, на Мугани, Хачмаса (Джафарова, 2018, с.152).

Важную роль в становлении и развитии археологии данного периода сыграли археологические экспедиции, которые развернули активную деятельность по изучению не только древних городищ и курганов, но и средневековых памятников (Мещанинов, 1929, с.4; ARDA.Ф.389. Оп. I. Д.32). Сохранение приема фиксации и описания памятников сопровождалось проведением археологических раскопок. Это позволило ввести в научный оборот новые артефакты, и впоследствии оперировать ими при разработке научных выводов, в определении культурной принадлежности и установления четкой

датировки памятников. Проводились в основном рекогносцировочные раскопки в виду отсутствия денежных средств, в целях проведения исследований в широких масштабах.

Рекогносцировочным исследованиям подверглись средневековые культовые памятники - мечети Шихово (Биби Эйбат), Мардакян, Киш, Хилы, Нардаран, Маштаги и Бюльбюля (Садиги, 1925, с.29; ARDA.Ф.389.Оп.І.Д.1; ARDA.Ф.389.Оп.ІІ.Д.1). Благодаря этим исследованиям сохранились данные относительно мечети Биби Эйбат (XIII в.), которая была полностью разрушена в 30 годы прошлого столетия. Строительные работы по восстановлению мечети начались в 1998 году по указу Общенационального лидера Азербайджана Гейдара Алиева и продолжались около десяти лет. По сохранившимся данным мечеть была продолговатой, четырехугольной формы с стрельчатым сводом, рядом с мечетью находился минарет (Сидиги, 1925, с.29). Мехраб украшали сталактиты с резным орнаментом. С восточной стороны располагался дверной проем, между которыми была ниша. Внутри мечеть была разделена на две части стрельчатой полуаркой, не доходящей до конца. С северной стены находилась усыпальница (Сидиги, 1925, с.30). Проводилась регистрация и описание эпиграфических надписей на камнях и надгробиях (Алекперов, 1928, с.227-228). Значительная работа была проведена по обследованию средневековых памятников Абшерона. Среди них можно выделить исследование относительно хорошо сохранившихся башен в Раманы и Мардакяне, где исследователи провели обмеры, изучили три этажа и лестницу (ARDA.Ф.389.Оп.І.Д.1; ARDA, Ф.389.Оп.І.Д.6-9). Исследования были проведены и в храме огнепоклонников «Атешгах» в Сураханы (Шарифов, 1924, с.5-6).

Процесс накопления археологических артефактов осуществлялся в двух направлениях: во-первых, предполагалось усиление первичных разведок с охватом больших территорий, для проведения полной фиксации, описания и фотографирования, находившихся там памятников; во-вторых, более целенаправленная работа сосредотачивалась в определенных избранных местах.

Первичному обследованию подверглись и средневековые памятники Баку - Девичья башня, средневековые колодцы, различные средневековые сооружения, уцелевшие фундаменты стан, кладки, а также сохранившийся подземный ход (ARDA, Ф.389.Оп.І.Д.6-9; ARDA.Ф.389.Оп.І.Д.1). Одновременно сотрудниками Общества был проведен обмер крепостных стен Баку и параллельно исследовали средневековые Бакинские мечети, орданы, бани и крепостное сооружение Баиловские камни (ARDA, Ф.389.Оп.І.Д.6; Джафарова, 2018, с.152).

В исследовании средневековых крепостных конструкций также были предприняты первые шаги. В 1924 году Е.Пахомов впервые осмотрел развалины средневековой Баладжарской башни (Баку) (Пахомов, 1927, с.63). Башня была в плане круглая, с диаметром внутри около 3.65 м., при толщине стен около 2.25 м.; построена из камня, грубо обтесанного, выложена правильными рядами, на извести (Пахомов, 1927, с.63). По мнению Е.Пахомова башня, отличалась выгодным месторасположением, и поэтому была не только жилым укреплением, но и сигнальным пунктом (Пахомов, 1927, с.64). Полученные данные позволили провести сравнение Баладжарской башни с другими башнями Апшеронского полуострова, среди которых также встречаются круглые конструкции.

Исследования проводились во Дворце Ширваншахов в Баку, в ходе которых была проведена первичная очистка шахского дворца (Мещанинов, 1929, с.3-15). Данные работы проводились при участии Комиссии по охране памятников старины, действовавшей при Государственном Музее. Результатом изысканий стало открытие и исследование здания «Диванхане» (Пахомов, 1926, с.4-5). Исследование дворцового комплекса в корне видоизменило методическую манеру работ и их цели. Впервые, в число исследуемых комплексов вошли не отдельные постройки, а целый архитектурный ансамбль с обилием артефактов.

Археологические изыскания проводились ежегодно, однако развитие науки и охрана археологических памятников требовали единой, более четкой координации исследований.

Краеведческое движение распространилось в Азербайджане, начиная с 1923 года. Основная цель движения заключалась в сборе нового материала в уездах и отдаленных населенных пунктах. Отделения «Общества обследования и изучения Азербайджана» открывали в Шамахе, Шеки, Закаталах, Гяндже, Лянкяране, Ханкенди, Нахчиване, Ордубаде, Сальяне (Зифельдт, 1926, с.110; ARDA.Ф.389.Оп.І.Д.1). Создание филиалов краеведческих организаций, а также открытие музеев, ускорили процесс по выявлению новых памятников истории, что оказало непосредственное влияние на популяризацию среди населения археологических знаний.

Следует подчеркнуть определенную роль Общества в первичном исследовании по археологическому изучению средневековых памятников Шамахи (Зифельдт, 1926, с.108). Изыскания проводились как на территории города Шамаха, так и в окрестностях. В Шамахе исследовали один из древних памятников Ширвана средневековую Джума мечеть (38 м.), реставрированную после

разрушения (Александрович-Насыфи, 1926, с.29). Определили, что с восточной стороны мечети находился каменный минарет, план мечети образовывал форму удлиненного прямоугольника и состоял из трех квадратов по 12,8 м каждый. Каждое отделение имело михраб (Александрович-Насыфи, 1926, с.26). Экспедицией были осмотрены и взяты на учет некоторые пиры, кладбище, надгробные плиты, «Едди-гюнбес» (уцелело 6 мавзолеев), памятники христианской культуры и крепость Гюлистан (Калеи -Гюлистан) (Александрович-Насыфи, 1926, с.30,31,32). Впоследствии, полученные данные послужили основой для изучения типологии и фортификации памятников Ширванского региона.

Рекогносцировочным исследованиям подверглись развалины средневекового городища Хараба Шехер (Ахсу) и Мавзолей Шейх Мезида – надгробная надстройка из известняка «гюнбес» (Александрович-Насыфи, 1926, с.27). Внимание исследователей привлек купол мавзолея необычной формы, увенчанный шариком с полумесяцем вместо обычной восьмигранной пирамиды. В плане памятник представлял правильный восьмиугольник с наружной стороны 2,3 м, сохранилась пропорциональность отдельных частей. Дверь с стрельчатой аркой (высота 1,4; ширина 0,6 м) украшал простой портал. В верхних углах четырехугольного портала были помещены две восьмиконечные звезды зеленого изразца. Исследователи сравнивают комбинации узоров мавзолея с «Диванхане» во Дворце Ширваншахов в Баку (Пахомов, 1926, с.27).

Масштабы рекогносцировочных исследований затронули и окрестности горы Беш Бармак, визуальному осмотру подверглись и развалины каравансарая, не сохранившегося до настоящего времени (Пахомов, 1926, с.11-15).

Изучение этнического состава населения Азербайджана было одним из направлений деятельности Общества. В 1928 году провели исследование состава населения в селах Рустов, Дехне, Гонагкенд (Губа), Лагич (Исмаиллы), обследовали около 40 дворов в Килваре (Шабран) (Мещанинов, 1929, с.3-15; ARDA.Ф.389.Оп.П.Д.28; ARDA.Ф.389.Оп.І.Д.32). В селах Хазра и Мюджи были зафиксированы несколько мечетей и синагог. (ARDA.Ф.389.Оп.І.Д.1; ARDA.Ф.389.Оп.П.Д.1) Одновременно проводилось исследование «Кавказской стены» - Дербента, в ходе которых определили сохранность и расположение крепостных ворот (ARDA.Ф.389.Оп.І.Д.1). Проводились археологические изыскания и в Габале (Шарифов, 1927, с.174-176).

При полной поддержке правительственных учреждений, совместными усилиями местных научных организаций, «Общества Обследования и Изучения Азербайджана», АЗКОМСТАРИСА (бывшего Азербайджанского Археологического Комитета), Государственного Музея, удалось не только сохранить ряд памятников, но и ввести в научный оборот неизвестные ранее памятники.

«Общество» тесно сотрудничало с учеными из России, которые приезжали на кратковременные сроки в целях оказания помощи в процессе изучения археологических памятников Азербайджана (ARDA.Ф.389.Оп.І.Д.1; ARDA.Ф.389.Оп.П.Д.1). Результаты первых исследований были весьма скромными, но именно они вызвали интерес к дальнейшему изучению древней и средневековой истории Азербайджана. Важным итогом деятельности «Общества» стал список археологических памятников, который включал названия городищ, курганов, могильников и их определенное местонахождение (ARDA.Ф.389.Оп.І.Д.28).

Необходимо подчеркнуть деятельность четырех основных экспедиций сосредоточивших основное внимание на изучение древних археологических культур на территории Азербайджана. Среди них прежде всего необходимо выделить экспедицию в Шеки – «Ялойлу–Тепе», которая стала основой для изучения албанской культуры и истории Кавказской Албании на основе артефактов. Археологические экспедиции в Ходжалы, Нахчиван, Гянджу сыграли большую роль в изучении существования и эволюции древних культур на территории Азербайджана (ARDA.Ф.389.Оп.І.Д.32).

Для охраны археологического наследия проводимые «Обществом Обследования и Изучения Азербайджана» мероприятия оказались недостаточными. Расширение ареала исследований требовало дополнительных квалифицированных научных кадров, которые могли бы приобщить необходимые данные в дальнейших исследованиях.

Таким образом, накопление артефактов в связи с археологическими раскопками в 20 годах прошлого столетия сконцентрировали внимание исследователей на разнообразии памятников не только в отдельных областях Азербайджана, но и в одном регионе (ARDA.Ф.389.Оп.І.Д.1; Мещанинов, 1929, с.9; Пахомов, 1926, с.25-32). Продолжение исследований стало возможно благодаря методу подхода не к отдельным предметам, а к целым комплексам, поскольку они могли дать достаточный материал для определения характеризующих их признаков, по которым в дальнейшем, можно было проследить ареал распространения археологической культуры и переходные этапы. Для этого возникла необходимость объединить находки по местам раскопок, чтобы иметь возможность

суждения о культурном облике изучаемой единицы. Накопленный за весь период деятельности «Общества» археологический материал был научно систематизирован, обобщен в изданиях сборников и послужил основой нового аспекта в изучении культурного наследия на территории Азербайджана.

Литература

Алекперов А. По искусству Азербайджана (Могильные памятники в Бузовнах) // Известия Общества Обследования и Изучения Азербайджана, выпуск №5, Баку, 1928. С. 227-229.

Александрович-Насыфи Дж. Шемаха // Известия Азербайджанского Археологического Комитета, выпуск №2, Баку, 1926. С. 25-32.

Государственный Архив Азербайджанской Республики (ARDA). Фонд 389. Опись I. Дело №1. Лл. 5,9,12,17.

Государственный Архив Азербайджанской Республики (ARDA). Фонд 389. Опись II. Дело №1. Лл. 3, 6,7,10.

Государственный Архив Азербайджанской Республики (ARDA). Фонд 389. Опись I. Дело №37. Лл.3-4,21, 27,63.

Государственный Архив Азербайджанской Республики (ARDA). Фонд 389. Опись I. Дело №24. л.8.

Государственный Архив Азербайджанской Республики (ARDA). Фонд 389. Опись I. Дело №28. л.1-24.

Государственный Архив Азербайджанской Республики (ARDA). Фонд 389. Опись I. Дело №32. л. 1-130.

Государственный Архив Азербайджанской Республики (ARDA). Фонд 389. Опись I. Дело №6-9. л.7.

Джафарова Э. Основные направления археологических исследований в Азербайджане в 20 годы XX века / Первая Международная Научная конференция на тему: «История науки и науковедение: междисциплинарные исследования». 29-30 октября 2018, Баку, 2018. С. 150-152.

Зифельдт А.Р. Деятельность общества за 2 года // Известия Общества Обследования и Изучения Азербайджана, выпуск №1, Баку, 1926. С. 107-112.

Мещанинов И. Изучение доисторических памятников Азербайджана за последние пять лет // Известия Общества Обследования и Изучения Азербайджана, выпуск II, №8, 1929. С. 3-15.

Пахомов Е.А. Развалины Баладжарской башни // Известия Азербайджанского Комитета охраны памятников старины, искусства и природы (АЗКОМСТАРИС), выпуск №3, Баку, 1927. С. 63-64.

Пахомов Е.А. Исследования Шахского дворца в Баку // Известия Азербайджанского Археологического Комитета, выпуск №2, Баку, 1926. С. 3-6.

Пахомов Е.А. Беш-Бармак // Известия Азербайджанского Археологического Комитета, Выпуск №2, Баку, 1926. С. 10-19.

Садиги Г. Шихова деревня (Биби-Эйбат) // Известия Азербайджанского Археологического Комитета, выпуск №1, Баку, 1925. С. 29-32.

Шарифов Д. Обследование развалин Кабалы // Известия Общества Обследования и Изучения Азербайджана, выпуск №4, Баку, 1927. С. 174-184.

Шарифов Д. О музейном деле в АССР/ Резолюция I Всеазербайджанского Краеведческого съезда в г. Баку. 21-24 сентября 1924, Баку, 1924. С. 5-6.

E.B. Jafarova

SOURCES OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN AZERBAIJAN (According to the data of “Society for the Investigation and Study of Azerbaijan”)

The article presents the results of archaeological research conducted in Azerbaijan with the direct organization and participation of the “Society for the Investigation and Study of Azerbaijan”. In the article, the information kept in the archival sources of this period, which reflect the degree of studying and the introduction into the scientific circulation of rich factual material, was used to the maximum.

The “Society for the Investigation and Study of Azerbaijan” sought to create the necessary conditions for organizing the registering, systematization and protection of monuments that make up the archaeological heritage of Azerbaijan. To this end, it was planned to carry out primary works on the restoration or renewal of monuments, the conversion of movable monuments into museum exhibits or objects of cultural and educational significance.

The archaeological material accumulated over the entire period of operation of the “Society for the Investigation and Study of Azerbaijan” was scientifically systematized, generalized in the collections and served as the basis for a new period in the study of the historical and archaeological heritage of Azerbaijan.

**ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЗАХСТАНА
(статистический обзор)**

Сохранение памятников историко-культурного наследия является одной из приоритетных задач, стоящих перед государством и общественностью на сегодняшний день. Памятники обеспечивают устойчивую связь между современным обществом и его историческим прошлым. Охрана памятников истории и культуры регулируется соответствующим законодательством.

Настоящая работа подготовлена в период действия Закона РК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» от 2 июля 1992 года.

Памятники истории и культуры – это отдельные постройки, здания, сооружения и ансамбли, историко-культурные ландшафты и другие достопримечательные места, созданные человеком или являющиеся совместным творением человека и природы, связанные с историческим прошлым народа, развитием общества и государства, включенные в Государственный список памятников истории и культуры (Ст. 3 Закона Республики Казахстан от 2 июля 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»).

Согласно Закону от 1992 г. памятники истории и культуры делятся на 3 группы: памятники градостроительства и архитектуры, археологии и ансамбли (Ст. 4 Закона Республики Казахстан от 2 июля 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»).

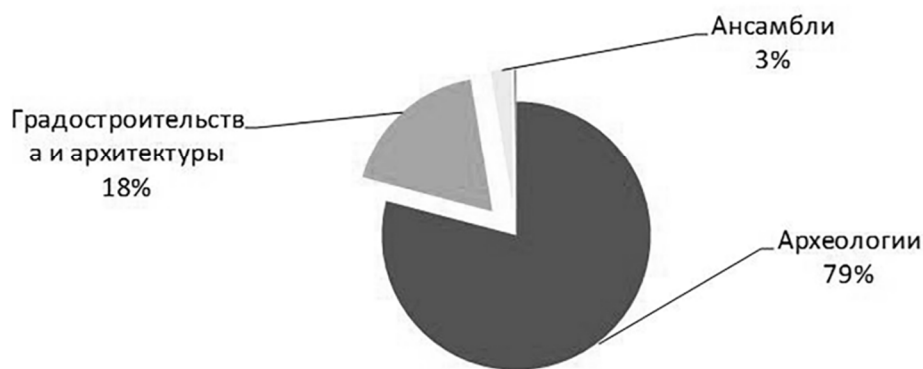
1) памятники градостроительства и архитектуры - архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры, кварталы, площади, улицы, остатки древней планировки и застройки городов и других населенных пунктов; сооружения гражданской, жилой, промышленной, военной, культовой архитектуры, народного зодчества, а также связанные с ними произведения монументального, декоративно-прикладного и садово-паркового искусства, природные ландшафты (Ст. 3 Закона Республики Казахстан от 2 июля 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»);

2) памятники археологии - стоянки, городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения и надписи, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов и иные места, имеющие следы жизни и деятельности древнего человека (Ст. 3 Закона Республики Казахстан от 2 июля 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»);

3) ансамбли - группы изолированных или объединенных памятников, строений и сооружений фортификационного, дворцового, жилого, общественного, административного, торгового, производственного, научного, учебного назначения, а также памятников и сооружений религиозного назначения, в том числе фрагменты исторических планировок и застроек поселений, локализуемые на исторически сложившихся территориях (Ст. 3 Закона Республики Казахстан от 2 июля 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия»).

Общее количество памятников по государственному списку памятников истории и культуры на территории Казахстана - 218. Количество памятников местного значения – 11 404 памятника, которые располагаются в 14 областях и 2-х городах республиканского значения. Из них 7 памятников обозначены как памятники природы и располагаются в Алматинской области. Так же 24 памятников были исключены постановлением акиматов.

Приведенные данные демонстрируют следующую ситуацию:

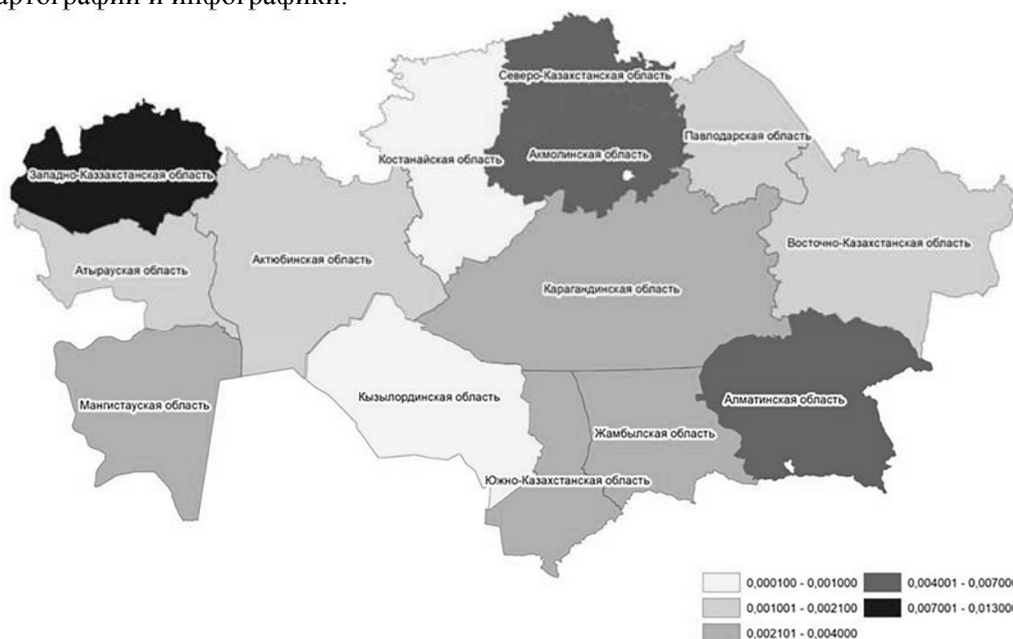

Памятников археологии - 9014, что составляет - 79% от общего количества памятников. Памятники археологии количественно превалирует над другими типами памятников. Это объясняется длительным периодом накопления археологического материала от каменного века до средневековья. Археологические памятники разнообразны и многочисленны (рис 1).

Памятников градостроительства и архитектуры 2084, что составляет 18% от общего количества памятников. Меньшее количество памятников градостроительства и архитектуры объясняется более коротким периодом накопления и узкой спецификой. Памятники данного типа делятся на памятники местного народного зодчества, а также российские, советские и современные. Народное зодчество шире представлено в Южном, Центральном и Западном Казахстане. Памятники колониального периода широко представлены в регионах активно осваивавшихся царской администрацией - это территории вдоль рек Урала и Иртыша и т.д.

Ансамблей в республике 283, что составляет 3% от всех типов памятников на территории Казахстана. Это самая малочисленная группа памятников. Она весьма специфична. С одной стороны ансамбли на самом деле не так широко распространены как остальные типы памятников. С другой - выделение ансамбля это сложная методологическая задача. Не исключено, что реальные ансамбли не всегда регистрируются под этой категорией, а попадают в списки как памятники археологии или градостроительства и архитектуры.

После общего подсчета количества памятников истории и культуры в стране, была сделана статистическая обработка данных на уровне областей. Мы сравнили их показатели с применением методов картографии и инфографики.

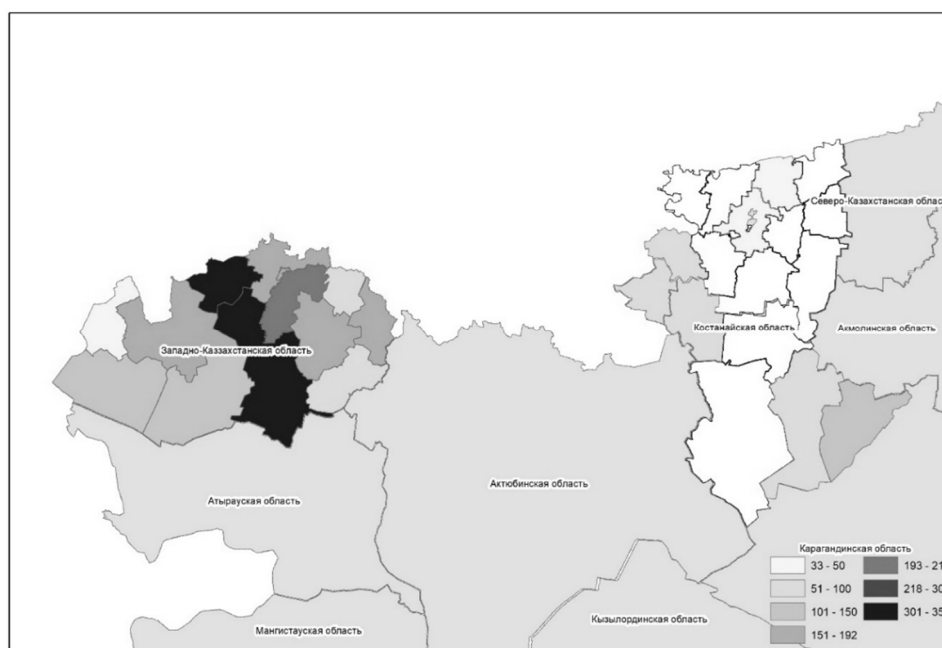

Опираясь на рисунок 2, по количеству памятников в областях в абсолютных значениях можно отметить, что памятники истории и культуры распространены на территории республики крайне неравномерно.

Наглядность позволяет определить регионы лидеры и аутсайдеры по этому показателю.

Наибольшее количество памятников истории и культуры зарегистрировано на территории Западно-Казахстанской области, наименьшее в Кызылординской.

Абсолютные количественные данные не обладают достаточной репрезентативностью, так как количество памятников может быть детерминировано площадью. По этой причине была проделана работа по определению плотности памятников на территории Республики Казахстан из расчета количества памятников на квадратный километр.

По этому показателю области также существенно отличаются друг от друга. Самая высокая плотность памятников по республике в Западно-Казахстанской области, самая низкая – в Костанайской.

Как видно из карт и диаграмм – разрыв в количестве памятников просто колоссальный. Подобного рода дисбаланс демонстрирует разницу в подходе к выявлению памятников истории и культуры и включению их в государственные списки.

На рисунке 3 видна разница в плотности памятников между Западно-Казахстанской и Костанайской областями. Была проведена работа по сопоставлению районов.

Есть 2 фактора, которые могут влиять на количество памятников историко-культурного наследия. Объективно, памятников сохранилось не так много из-за различных факторов. Таких как природно-климатические условия по этой причине некоторые памятники могли быть утеряны (сели, наводнения, землетрясения и т.д.).

Субъективно, количество памятников истории и культуры может зависеть от активности государственных органов в сфере охраны памятников. Так, в Законе «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» (Ст. 5 Закона Республики Казахстан от 2 июля 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия») «Объекты историко-культурного наследия приобретают статус памятников истории и культуры с момента признания их таковыми в порядке, установленном настоящим Законом. Для принятия решения о включении объектов историко-культурного наследия в Государственный список памятников истории и культуры представляются документы в порядке, установленном Правительством Республики Казахстан. Признание объектов историко-культурного наследия памятниками истории и культуры закрепляется утверждением их в Государственном списке памятников истории и культуры международного, республиканского и местного значения, подлежащем обязательному официальному опубликованию. Памятники археологии приобретают статус памятников истории и культуры с момента их выявления.

Так же можно отметить, что регионы с низкой плотностью памятников необходимо усилить работу по выявлению и включению в государственные списки памятников истории и культуры Республики Казахстан.

Литература

Постановление Восточно-Казахстанского областного акимата от 25 апреля 2008 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения»

Ст. 3 Закона Республики Казахстан от 2 июля 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».

Ст. 4 Закона Республики Казахстан от 2 июля 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».

Ст. 5 Закона Республики Казахстан от 2 июля 1992 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия».

Постановление акимата Западно-Казахстанской области от 28 июля 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Западно-Казахстанской области»

Постановление акимата Жамбылской области от 14 апреля 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения»

Постановление акимата Карагандинской области от 16 апреля 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Карагандинской области»

Постановление акимата Алматинской области от 27 апреля 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Алматинской области»

Постановление акимата Акмолинской области от 1 июня 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения»

Постановление акимата Костанайской области от 1 июня 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Костанайской области»

Постановление акимата города Астаны от 3 июня 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения города Астаны»

Постановление акимата Актюбинской области от 4 июня 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Актюбинской области»

Постановление акимата Южно-Казахстанской области от 9 июня 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Южно-Казахстанской области»

Постановление Мангистауского областного акимата от 28 июля 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения»

Постановление Акимата города Алматы от 10 ноября 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения города Алматы»

Постановление Атырауского областного акимата от 23 ноября 2010 «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Атырауской области»

Постановление акимата Павлодарской области от 29 июля 2013 года «Об утверждении государственного списка памятников истории и культуры местного значения Павлодарской области»

Постановление Кызылординского областного акимата от 25 мая 2015 года «Об утверждении государственного списка памятников истории и культуры местного значения»

Постановление акимата Северо-Казахстанской области от 20 декабря 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Северо-Казахстанской области»

E.Sh. Amirov, Zh.Y. Ihsanova, M.K. Seytkaliev

PROBLEMS OF TYPOLOGY AND SPATIAL DISTRIBUTION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF KAZAKHSTAN (statistical review)

The article considers the quantitative characteristic of historical and cultural heritage monuments listed in state lists of historical and cultural monuments of local importance of the Republic of Kazakhstan. The authors also performed statistical processing of data at the oblast level and compares their indicators using the methods of cartography and infographics.

YESEVİ TÜRBESİ'NİN YURT (BOZ ÜY, KEÇE ÇADIR) GELENEĞİYLE İLİŞKİSİ

Giriş. Maddi sanat eserleri insanların veya sosyal yapıların zihniyetlerinin ürünü olarak, onların duygu, düşünce ve kültürel özelliklerini yansıtır. Özellikle etnografik veya tarihi özelliği olan eserlerde bu durumu daha belirgin görülmektedir. Dolayısıyla bu tarz özelliği olan eserlerini değerlendirirken onu meydana getiren halkın veya sanatçının sahip olduğu kültürel değerleri dikkate almak gerekiyor.

Yirminci yüzyılın ikinci yarısında önem kazanmaya başlayan “sözlü ve yerel tarih” çalışmalarında, araştırma yapılan bir yerdeki hemen her şey araştırma konusu olarak değerlendirilmeye başlanmıştır. Böylece insanlar adeta kendi özel tarihlerini yazmaya başlamışlar ve yerelden gele doğru yönelmişlerdir. Aslında tarihçilerin sözlü ve yerel tarih adıyla yaptıklarını sosyoloji ve antropolojinin ortaya çıkmasıyla beraber sosyologlar ve antropologlar tarafından yapılıyordu. Özellikle sosyal antropologlar ile saha araştırması yapan sosyologların çalışmaları sözlü ve yerel tarih çalışmalarıdır. Çünkü bu insanlar sözlü ve yerel tarihçilerin araştırma konularının hemen hepsini, araştırma konusu olarak seçmişlerdir. Ancak her ne kadar sosyolog, antropolog ve tarihçiler aynı konuları araştırsalarda kullandıkları araştırma teknikleri ve yöntemlerden dolayı araştırma konularına farklı açıdan yaklaşmaktadır.

20. yüzyılın ortalarına kadar sosyologlar, antropologlar ve tarihçiler, araştırmalarını kendi uzmanlık alanlarına göre adlandırarak, farklı tanımlama yoluna gitmişlerdir. Bu anlayış nedeniyle sosyolog ve antropologların, monografi, örnek olay, saha araştırması dediklerine tarihçiler, 1970’lerden itibaren sözlü ve yerel tarih demeye başlamışlar.

Kullanılan kavram farklı olsa sözlü ve yerel tarih çalışmaları yapantarihçiler, sosyoloji, antropoloji ve halk bilim ve benzeri bilim dallarının kaynakları ile onların araştırma yöntemlerine kullanmaya başlamışlardır. Dolayısıyla 19 yüzyıl ile 20 yüzyılın ortalarına doğru diğer sosyal bilimlerle fazla teması olmayan tarihçiler sözlü ve yerel tarih çalışmaları vasıtasıyla işbirliği yapmaya başlamışlardır.

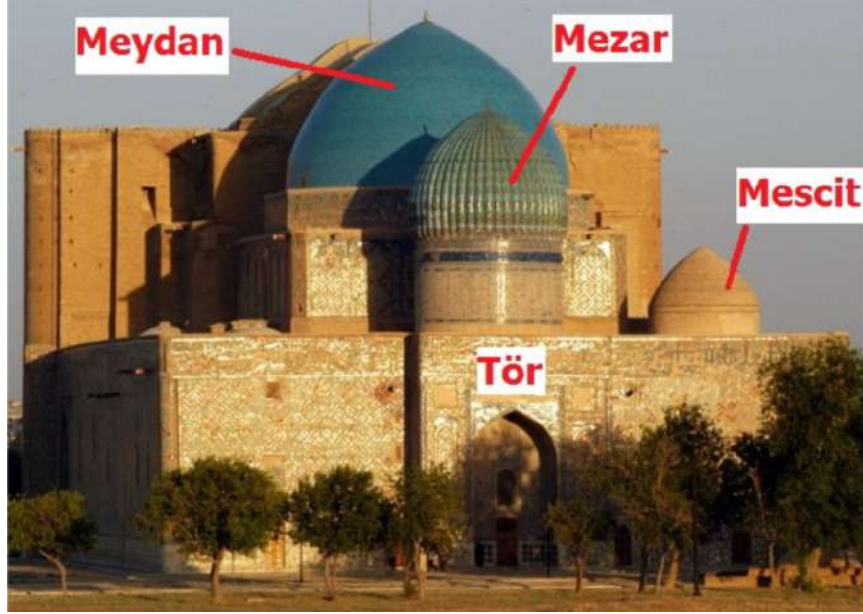
Sonuç olarak, Yesevi Türbesi, sözlü ve yerel tarih ile etnografya çalışmaları yapanlar için çok önemli bir konuma sahiptir. Çünkü Yesevi Türbesi’nin ziyaretçileri çok farklı coğrafyalardan, çok farklı duygu ve bilgilerle ziyarete gelmektedirler. Diğer yandan türbede etnografya konusunda çok sayıda belge ve bilgi var.

Yesevi Türbesinin Özelliği. Yurt (boz üy, topak çadır), sadece barınılan yer değildir, aynı zamanda Türklerin dünya görüşlerinin yansıtıldığı mekândır. Bu anlayış Yesevi’nin Türbesi’ne de bire bir yansımıştır.

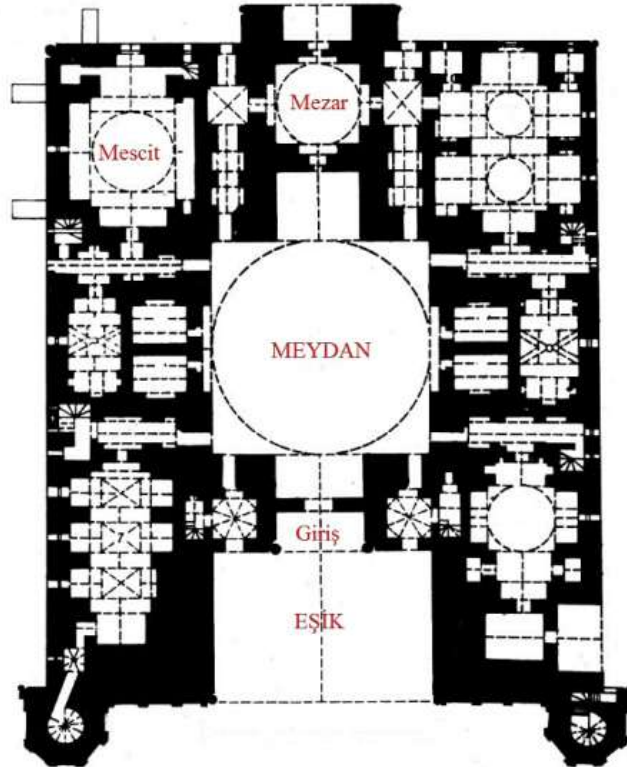
Yesevi Türbesi'nin genel görünüşü. Fotoğraf internet ortamından alınmıştır

Geleneksel olarak “yurt’un kapısı gün doğumuna bakar. Bundan dolayı Yesevi Türbesi’nin giriş kapısı da gün doğuma bakmaktadır. Yurt’agiriştesağ tarafta bayanlar oturur ve orada bayanların kullandığı eşyalar olur. Sol tarafta ise erkeklerin kullandığı eşyalar olur. Yurt’un ortasında ocak olur. Ocağın dumanının çıktığı veya güneşin içeriyi aydınlatmasını sağlayan tepeye“tündük, tündik” (güneşlik) denir. Kapının tam karşısına ise “tör” denir ve orada baba, dede varsa ya da misafir oturur. Evde oturuş düzeni de töre göre olur. Yani çadıra girişte sağ tarafa kadınlar sol tarafa ise erkekler oturur.

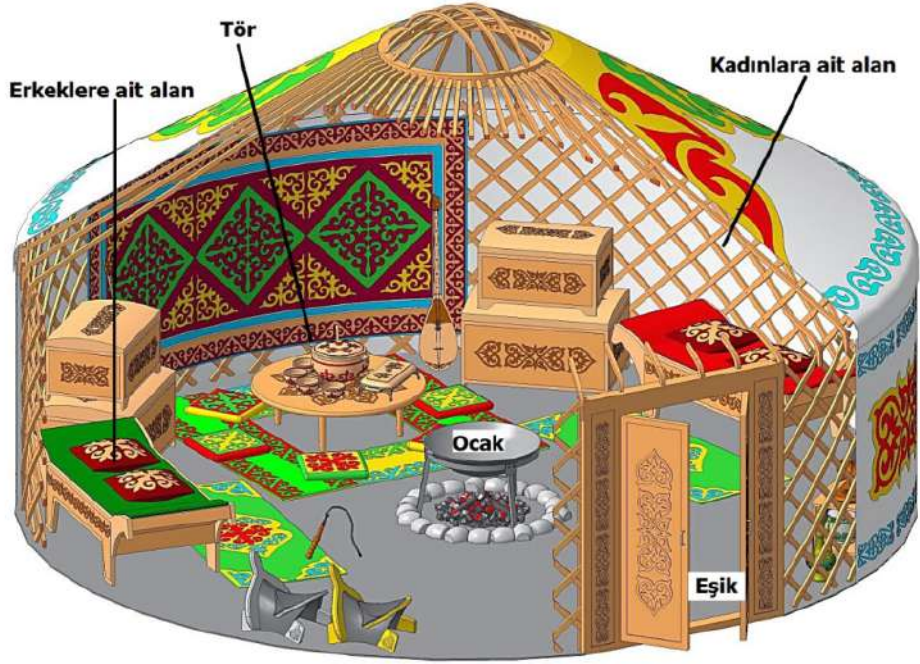
Yesevi Türbesi'ndeki mekanlar. Fotoğraf internet ortamından alınmıştır.

Tör, “evin veya odanın en iyi, en önemli yeri, sediri” (Besim Atalay, 1948: 645) veya “evin ya da çadırın “onurlu yeridir” (Ümit Hassan, 1985: 160). Genel Türk tarihi çalışmalarıyla bilinen Ögel’de “Harezmî-Şah’lar çağında bile hala ‘Ev – törü’, yani ‘ev şeref yeri’ deyimi geçiyordu” (Bahaeddin Ögel, 1971: 141) ifadesini kullanır. Buradaki ifadelerden de anlaşıldığı gibi “tör” evin şerif yeridir.

Yesevi Türbesi'nin planı. Fotoğraf internet ortamından alınmıştır.

Bu nedenle misafirin “tör”de oturması istenir Mesela Kazakistan’da beş yaşında misafir gelse “tör”de oturur veya “tör”de oturma deyimi Doğu Türkistan’da ise misafir geldiğinde “tör”e geçiniz (Mustafa Aksoy, 1999; M. Adil Özder, 1975) deyimi kullanılır. Bilindiği gibi Kazakça ve Kırgızca’da “tör” evin başköşe anlamında kullanılır. Aslında bu kelimenin tam karşılığı keçe çadırın, kapısının tam karşısıdır.

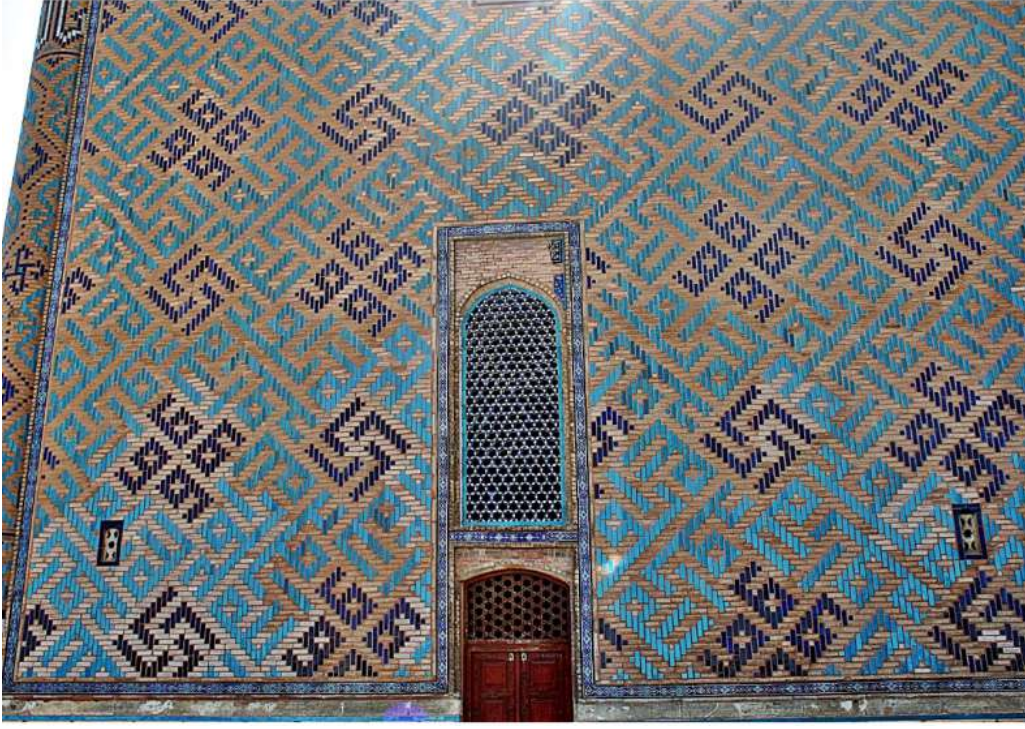

Türklerdeki yurt (boz üy veya topak çadır) tipi evin planı. Fotoğraf internet ortamından alınmıştır.

Ögel “tör” ile “orun” kavramı arasında bir ilişkinin olduğunu şöyle açıklar “Orun” sözü eski Türkçede, devlet içinde veya törenlerde, herkesin olacağı ve oturacağı yeri belirten, önemli bir deyimdir. “Orun” aynı zamanda, bir ‘şeref yeri veya mevki’ anlamına geliyordu. Bu sebeple Uygurlar, ‘taht’ için artık ‘orunlug’, yani ‘Orunlu yer’ deyimini kullanmaya başlamışlardı... Daha sonra Türkler arasında, taht karşılığı olarak ‘tör’ deyimini de yayılmağa başladı. ‘Tör’ aslında evde veya çadırlarda bulunan, ‘şeref yeri’ için kullanılan bir sözdü” (Bahaeddin Ögel, 1971: 140-141). Bazı araştırmalarda ise “tör” ile “töre” arasında ilişki kurulmuştur. Mesela Kaşgarlı’da “töre” kavramı aynı zamanda “evin önemli yeri ve sediri” (Besim Atalay, 1948: 646) anlamında kullanılmıştır. Hassan ise “tör” ile ‘töre’nin aynı köke dayandığına şüphe yoktur” (Ümit Hassan, 1985: 145) der.

Yesevi Türbesi’nde Türklerde çok yaygın kullanılan koç başı damgası. M. Aksoy’un özel arşivinden.

Yesevi Türbesi'ndeki bazı damglar. M. Aksoy'un özel arşivinden.

Tör ve yurt kavramı bağlamında Yesevi Türbesi'ne baktığımızda türbesinin yurt geleneğine göre yapıldığını görüyoruz. Bu nedenle türbe giriş (eşik), ana meydan (Yurt içinde ateş yakılan yer, türbede ise burada şerbet kazanı var) ve tör'den meydan gelmiştir. Meydandan töre doğru az ileride, sol tarafta, küçük bir mescit var. Yesevi'nin mezarı ise yurt'da yani boz üy'de "tör" denilen yerdedir.

Türbenin diğer yerleri adeta yurt'un bir bakıma farklı düzenlenmiş halini andırıyor. Mesela yurt içindeki sandıkların ve erkek, kadın eşyalarının tanzim edildiği yerler, türbede odalar olarak karşımıza çıkmaktadır. Bu odalar aslında birer çalışma yerleridir.

Özetle "Yesevi Türbesi", Türklerdeki yurt ile ev-bark (ev-bark kavramının mezarı anlamı da var) kavramına göre yapılmış olmasından dolayı dünyada eşi benzeri yoktur. Böyle muhteşem bir eseri bize miras bırak, Emir Timur ile türbenin planını yapanlara ve emeği geçenlere ne kadar teşekkür etsek azdır.

Son Söz. Maddi kültürde belli bir biçim kazanan gelenek, bir zihniyetin yazılı olmayan soyut ifadesidir. Diğer yandan çeşitli şekillerde ifadesini bulan gelenek, dün ile bugün arasında tarihî ilişkiler kuran belgelerdir. Gelenek çerçevesinde oluşan bu unsurlar vasıtasıyla tarihin derinliğine gidilebilirse onların ortaya çıkış gerekçeleri ve kaynakları hakkında sağlıklı bilgiler elde edilebilir. Başka tabirle "Milletlerin hayatında, tarih sahnesinde görülmelerinden bu yana, varlıklarını, bütünlüklerini ve farklılıklarını koruyan, ihtiyaçlarını her anlamda karşılayan düzenler görülür. Süreklilik vasfına sahip bu düzenlerin her birine biz, gelenek adı veriyoruz" (Dursun Yıldırım, 1998: 81).

Gelenekler ise genelde yazılı bir kültüre sahip olmayanlar tarafından meydana getirilir ve devam ettirililer. Başka bir tabirle sosyo-kültürel yapı, genelde sosyal grupların tekrarlaya geldikleri gelenekler yoluyla meydana gelir. Bundan dolayı "...milletlere dünya mozağindeki milli kimliklerini veren, onların sahip oldukları geleneklerdir" (Dursun Yıldırım, 1998: 83).

Dolayısıyla gelenekler sosyal tarihin yazımında önemli fonksiyonlara sahiptirler.

Gelenek ve onun önemli temsilcileri olan maddi kültür unsurlarının incelenmesi, tarihin eski sayfalarının yeni yorumlarla okunması veya tekrar tekrar dile getirilmesidir; ancak, bu tekrarlar her zaman aynı olmayıp, bazen sosyo-kültürel değişimin gereği olarak farklı biçimlerde olabilmektedir.

*Sevmiyorlar bilginler, sizin Türkçe dilini,
Bilgelerden dinlesen, açar gönül ilini,
Ayat - hadis anlamı Türkçe olsa duyarlar,
Anlamına erenler, başı eğip uyarlar,
Miskin zayıf Hoca Ahmet, yedi atana rahmet
Fars dilini bilir de, sevip söyler Türkçeyi*

Yesevi'nin yukarıdaki ifadesini etnografya ve maddi kültür eserlerimiz için uyarlamamız gerekiyor. Bu gerekliliği yerine getirdiğimizde Batı kültür değerlerini bilmemiz, ancak kendi kültürümüzü sevmemiz ve onu dile getirmemiz gerekiyor.

Dipnotlar

- Besim Atalay, *Divanı Lügat-it Türk*, Ankara, 1948.
Ümit Hassan, *Eski Türk Toplumunu Üzerine İncelemeler*, Ankara, 1985.
Bahaeddin Ögel, *Türk Kültürünün Gelişme Çağları*, Cilt 1, İstanbul, 1971.
Mustafa Aksoy, “Kazakistan'dan Adana'ya Tör Kavramı”, *Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi*, Sayı 150, 1999.
M. Adil Özder, “Düğünlerimizin Ortak Yönlerine Kısa Bir Bakış”, *Folklor Araştırmaları Kurumu Yıllığı*, Ankara, 1975.
Dursun Yıldırım, *Türk Bitiği*, Ankara, 1998.

С.Е. Әжіғали, Б.Ә. Әшім

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: ashim.baglan@gmail.com

XIX ҒАСЫРДЫҢ АЯҒЫ – XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫ МЕШІТТЕРІНІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ: 2019 ЖЫЛҒЫ БАТЫС ҚАЗАҚСТАН КЕШЕНДІ ЭТНОАРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЭКСПЕДИЦИЯСЫНЫҢ КЕЙБІР НӘТИЖЕЛЕРІНЕН

Кіріспе. Ақтөбе облысы әкімдігінің қолдауымен 2019 ж. «Батыс Қазақстан кешенді этноархеологиялық экспедициясы» (жетекшісі профессор С.Е. Әжіғали) ұйымдастырылды. Экспедицияның басты мақсаты Ақтөбе облысының аудан-ауыл төңіректерінде және шалғай аудандарда орналасқан, көнеден жеткен халық сәулетшілігі мен тас қашау өнерінің жоғарғы жетістіктерінің сан алуан архитектуралық ескерткіштерін зерттеуге арналды. Кешенді экспедицияның маршруты Ақтөбе облыстық тарихи-өлкетану музейінен басталып, облыстың Алға, Темір, Қобда, Ойыл, Байғанин аудандарында жүрді. Байғанин ауданына қарасты «Доңызтау ауданы» экспедицияның басты зерттеу өңірі болып табылды. Доңызтау ауданына дейін (Тасқабак кешені) кешенді этноархеологиялық экспедицияның жұмысы негізінен екі отрядқа бөлінді. Бірінші отряд – этнографиялық, музейлік-археотногографиялық ізденістерге басымдық берілсе, екіншісі, негізгі отряд – этноархеологиялық зерттеуге арналды. Авторлар осы екінші отряд – этноархеологиялық зерттеу маршруты бойынша жүрді (Алға, Қобда, Ойыл аудандарында жолай жүріп, Байғанин ауданы кең көлемде қамтылды).

Мақалада авторлардың экспедиция кезінде жинаған мешіттерге қатысты материалдары қарастырылады. Онда Шәкен ишан мешіті, Әбдібұлақ ауылының зиратындағы мешіт, Тасқабак кешеніндегі Жұмағали-ишан мешіті, Бесбай және жаңадан ашылған ескерткіш Изенағаш діни-тұрғын кешендерінің мешіттері сипатталады.

Өңірдегі мешіттердің зерттелуі. Ақтөбе облысының мешіттері, әсіресе Байғанин ауданына қарасты Доңызтау өңірінің өзіндік ерекше діни-тұрғын кешендеріндегі мешіттері жайлы алғашқы зерттеулер С.Е. Әжіғалидің еңбектерінде сипатталған (Аджигалиев, 1994; Ажигали, 2001, с. 164, 181–183; Ажигали, 2002, с. 98–128; Әжіғали, 2015). Онда XIX ғ. ортасы – XX ғ. басына жататын мешіттердің жоспары мен сипаттамалары берілген. Оның ішінде Бесбай мешіті де суреттелген (Ажигали, 2002, с. 106–114). Сонымен қатар, Л.Р. Турганбаеваның зерттеулерінде Доңызтаудағы кейбір діни-тұрғын кешендерінің мешіттері және оның медреселері жөнінде далалық материалдармен толыққан (Турганбаева, 2011; Турганбаева, 2012). Соңғы жылдары этнографтар Р.А. Бекназаров, Қ.Қ. Рахбаевтар Ақтөбе облысы мешіттерінің тарихы, архитектуралық ерекшеліктері және дін қайраткерлері жайлы далалық экспедиция және архив материалдары бойынша зерттеу жүргізіп келеді (Бекназаров, 2007; Бекназаров, 2018; Рахбаев, 2020).

Зерттеу нәтижелері. Экспедицияның алғашқы далалық зерттеу жұмысы *Шәкен-ишан мешітінен* басталды. Мешіт Қарақобда өзенінің бойында, қазіргі Алға ауданы Маржанбұлақ ауылдық округінен 15 км оңтүстікте (бұрынғы Сарытоғай ауылында), Самара-Шымкент тас жолының бойында орналасқан. Шәкен ишанның толық аты-жөні Шаймерден Әбжанұлы – өз заманында ишан атанған, халықты діни білімге шақырып, шәкірт тәрбиелеген және XX ғ. басында Сарытоғай өңірінің халқына арнап мешіт салдыртқан (қазіргі Шәкен ишан мешітін).

Кеңес дәуірінде түрлі дінге қарсы науқандар барысында көптеген мешіттер қиратылғаны белгілі. Олардың арасында толықтай бұзылып кеткені де, бірқатар мешіттердің сақталғаны да жетерлік. Соның бірі, ғылыми және танымдық әдебиеттерде «Шәкен ишан мешіті» деп танылған Шаймерден Әбжанұлының салдыртқан мешіті бүгінгі күні біршама жақсы сақталған тарихи мешіттердің бірі болып табылады. Дегенмен, С.Е. Әжіғалидің «Архитектура кочевников..» еңбегінде бұл мешіттің қазіргі жағдайдан да, әлде қайда жақсы сақталған суретін көруге болады (Ажигали, 2012, с. 179).

Мешіт жазық жерде орналасқан, жол бойынан анық көрінеді. Оның жан-жағындағы сыртқы қоршауына сым тор және оның сыртынан ақ түсті қаңылтыр (профнастила) пайдаланылған. Қоршаудың кейбір жерлерінің ақ түсті қаңылтырлары (профнастила) құлап жатыр (мешіттің солтүстік, солтүстік-батыс және солтүстік-шығыс жақтары). Мешіт татар типіне ұқсатып салынған. Оның сыртқы келбеті бір қабатты, жоспары оңтүстік, оңтүстік-батыстын солтүстік, солтүстік-шығыс бағытта өс бойымен созыла төртбұрышты (8,3x24 м) болып келген (сурет 1). Солтүстік, солтүстік-шығыс жағында биік мұнарасы тұрғызылған (еденнен есептегенде биіктігі 11 м. жуық.). Бүгінгі күні сақталған қабырғаларының биіктігі 4,5 м. Мешіттің төбе жабыны сақталмаған. Құрылысына негізінен тас (блок секілді) пайдаланылған. Тастардың көлемі әр түрлі (40x25x17; 32x32x15; 49x23x8 см). Алайда, мешіттің кейбір жерлері кірпішпен де қаланған (мұнараның цилиндрлі болып келген жоғарғы бөлігі кірпішпен өрілген).

Мешіт татар типіне ұқсатып салынғандықтан, оның ішкі бөлмелері де ұқсас болуы заңдылық. Мәселен, татар мешіттерінің дерлігі (екі қабатты етіп салынған мешіттерін атамағанда) намаз оқитын бөлме және шаруашылық-қызметтік (вестибюль) болып екі бөліктен тұрады (Халитов, 2012, с. 100). Осы секілді Шәкен ишан мешітінің ішкі бөлмелері екіге бөлінген. Біріншісі намаз оқитын бөлмесі, екіншісі шаруашылық-қызмет бөлігі.

Намаз оқитын бөлменің оңтүстік-батыс қабырғасында михрабы орналасқан. Михраб жарты шеңберлі етіп апсида болып салынған (ішінен есептегенде ені 1,4 м, тереңдігі 1,7 м). Өкінішке орай, бүгінгі күні михрабтың батысы және бөлменің оңтүстік-батыс бұрышының қабырғасы, сондай-ақ, екі терезесі толықтай қираған. Бөлменің іші жарық болуы үшін енді әрі биік он терезесі болған. Алайда, бүгінде оның сегіз терезесі сақталған. Терезелердің жоспары төртбұрышты болып келіп, маңдайшасының кірпіші қырынан қаланған. Бөлменің іші сылақпен сыланып ақ түсте боялған-ды. Бірақ, кейбір жерлерін айтпағанда, қабырғаның басым бөлігінің сылақтары толықтай түсіп жатыр. Намаз оқитын бөлменің қақ ортасында сақталған іргетастың іздері ерекше назар аудартады. Ол бөлмені екіге бөліп тұрғандай. Соған қарағанда, бөлменің босаға жағы әйелдерге арналған бөлме болуы мүмкін (?). Өйткені, татар типіне тән Қазақстанның басқа да аймақтардағы мешіттердің ішкі бөлмелерін С. Садыкова «әуелі қызметтік бөлме, сосын әйелдерге арналған шағын бөлме және ары қарай ерлердің бөлмесіне ұласады» деп сипаттайды (Садыкова, 2003, с. 42).

Намаз оқитын бөлменің солтүстік-шығыс қабырғасының ортасында орналасқан енді (1,5 м) әрі биік (2,5 м) есік арқылы төртбұрышты жоспарда шаруашылық-қызмет бөлмемен жалғасады. Бөлменің батысында және шығысында сыртқа шығатын есік орналасқан. Сондай-ақ, солтүстік-шығыс қабырғасында салынған екі терезенің ортасында квадрат жоспарда шағын бөлме орын тепкен. Бөлменің оңтүстік-батыс қабырғасы ішке қарай, солтүстік-шығыс қабырғасы сыртқа қарай (2,2 м) шығып орналасқан. Төбесі биік мұнарамен жалғасқан. Яғни, бұл шағын бөлме мұнараға арналған болып табылады. Оның солтүстік-шығысында терезе болса, қарсы бетінде есігі салынған. Бөлменің төбесінде тұрғызылған мұнара әуелі, сегіз қырлы барабан арқылы жалғасып, цилиндр түрінде биік болып көтерілген. Сегіз қырлы барабанның құрылысына құйма тас пайдаланылған (цементпен құмды араластырып құйып жасалған). Оның әрбір қанатында ромб және сегіз қырлы ойықшалары (ниша) бар. Ал, цилиндрлі етіп салынған бөліктің құрылысы кірпіштен шебер қаланған. Бір-біріне қарама-қарсы етіп терезе тәрізді квадрат жоспарында шағын төрт ойық салынған. Оның жоғарғы жағында мұнараны айналдыра толқын сарындағы ернеуі архитектуралық шешімін тапқан. Ернеудегі кірпіштердің аралас түсті (комбинация) екенін байқауға болады (қызыл және сұр түсті).

Мешіттің оңтүстік-батыс, батыс жағындағы 80 м қашықтықта қазіргі заманғы зират орналасқан. Зират пен мешіттің арасында солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай жол жатыр. Зираттың жан-жағынан жағалай аса биік емес етіп бөгет жасалынып, ор қазылған. Зиратты негізінен екі бөлікке бөліп қарастыруға болады. Біріншісі, басым бөлігі 50 жж. бастап қазіргі күнге дейінгі бейіттер. Олардың құрылысы ақ силикатпен тұрғызылған. Зиратта жерленген рулар табынның ебес бөлімі және қаракесек т.б. болып табылады. Ал екіншісі, зираттың солтүстік-шығыс жағында XIX ғ. аяғы – XX ғ. басына жататын ертедегі қазақтың бейіттері шоғырланған. Олардың арасында тек 4–5 ғана құлпытастар бүгінгі күнге дейін біршама сақталған.

Қобда ауданы Әбдібұлақ ауылының оңтүстік-батысында 200 м-ге жуық қашықтықта **Әбдібұлақ ауылының зиратында мешіт** орналасқан. Нақтырақ айтқанда, мешіт Әбдібұлақ ауылындағы зираттың батыс жағында орын тепкен. Мешіттің орны бүгінде төбе күйінде қалған, жоспарына қарағанда төртбұрышты (11x16,5 м). Биіктігі 60 см-ге дейін шығыс қабырғасының кейбір жерлері сақталған. Осы ауылдың тұрғыны Әбдіғали Маңғыбаевтың (руы адай, 1963 ж.т.) берген мәліметі бойынша «мұнда бұрын мешіт болған, кейін осы мешітте руы құттығай Айбас деген кісі жерленген». Мешіттің оңтүстік-батыс жағында белгі тас орнатылған. Әрине, бұл белгі тас кейін қойылған. Онда: «Ақ кете құттығай Айбас қажы, хазрет, ишан Манаспайұлы. Тас қоюшылар баласы Абдул-Таким. Немерелері Зинел-Ғабит, Нұрлыбек» деп жазылған.

Мешіттің аумағында орналасқан зират батыстан шығысқа қарай созылып жатыр. Зират екі бөліктен тұрады. Біріншісі, көне зираттар, оның басым бөлігі зираттың жалпы жоспарымен есептегенде ортасында шоғырланған. Ондағы сақталған құлпытастарға қарағанда XIX ғ. аяғы – XX ғ. басына жатады. Кейбір құлпытастар жерде сынып және құлап жатқанын қоса есептегенде, олардың бүгінгі күнге дейін сақталған саны он. Ою-өрнектері жақсы бедерленген биік құлпытастары да бар. Сынып құлап жатқан бір құлпытастың (қазық бойынша № 3) артыңғы бетінде қарудың (мылтық және пышақ немесе қанжардың) суреттері бедерленген. Екіншісі, ақ силикаттан тұрғызылған қазіргі заманғы зираттар. Бұл бөлік жалпы зираттың басым бөлігін құрайды. Олар өткен ғасырдың 60 жж. бастап 2012 жж. дейінгі аралықтағы уақытты қамтиды. Олардың дерлігі төртқұлақты болып келген. Арасында күмбезбен көмкерілген мавзолейлерде кездеседі. Мұндағы құлпытастарда қайтыс болған кісінің/марқұмның суретін салу кең етек алған. Әсіресе, соңғы 10-15 жылдар ішінде кейбір құлпытастарға марқұмның бейнесін үлкейтіп салу көп кездеседі. Сондай-ақ, құлпытастарға айна қою дәстүрі де әлі күнге дейін жалғасып келген-ді. Мәселен, мұндағы құлпытастардан, күмбезді мавзолейлерден айнаны көруге болады. Олар төртбұрышты түрінде, кейбірі көп қырлы болып орнатылған.

Тасқабак кешеніндегі Жұмағали-ишан мешіті. Байғанин ауданына қарасты (Доңызтау өңірі) Шаған өзенінің төменгі ағысында, қазіргі Тассай бекетінен солтүстік-батысқа қарай 51 км қашықтықта орналасқан. 90 жж. басында кешенді зерттеген С.Е. Әжіғали мұны *діни-тұрғын кешені* ретінде қарастырып, ондағы қираған мешітті, тұрғын жайларды және қорымды қысқаша сипаттаған (Аджигалиев, 1994, с. 61).

Айта кету керек, діни-тұрғын кешендер негізінен Доңызтау өңірінде кеңінен таралған. Кешен «мешіт, медресе, тұрғын үйлер, шаруашылық құрылыстар, рулық зираттар/қорымдар, бұлақтар немесе құдықтардан (оның астауларымен)» тұратын ескерткіштер тобы. «Діни-тұрғын кешені» (культуово-жилищные комплексы) терминін С.Е. Әжіғали ғылыми айналымға енгізген. Ол Доңызтау ауданында 20-ға жуық діни-тұрғын кешендерін тауып, оның біршамасында зерттеу жүргізген (Аджигалиев, 1994; Ажигали, 2002, с. 98–128; Әжіғали, 2015, 6–17 бб.). Мұндай кешендер XIX ғ. ортасында салына бастаған. Кешендердің салынуына қазақ даласындағы көшпелілердің жартылай-отырықшылыққа, отырықшылыққа ауысуының әсері және ислам дінінің қарқынды жүрген идеологиясы маңызды рөл атқарған. Доңызтаудың діни-тұрғын кешендері көшпелі қазақтардың көш жолдарының бойында күзеу өрісінде салынды. Кешендерде ишан, молда, медресенің оқушылары және жатақтар өмір сүрді. Қой-ешкінің күйігін алу, күзем жүнін қырку, соғым сою, қыстау-қораларды жөндеу, тұрмыстық заттарды дайындау және отын әзірлеу секілді қыруар жұмыстар осында атқарылды. Сонымен қатар, ишан-молдалар көшпелілердің балдарын оқытып, сауатын ашты; қайтыс болған кісілер осында жерленіп, рулық зираттар-қорымдар көбейді; ірі ас беру жиі өткізілді және басқа да түрлі қызметтер мешіт кешенінің негізгі атқаратын жұмыстарына айналды. Өз кезегінде көшпелілер де мешіт кешендерін қыста жағатын отындарын жеткізіп беріп тұрды; жатақтар астықпен қамтамасыз етіп отырды. Осылайша, діни-тұрғын кешендер XIX ғ. – XX ғ. басындағы көшпелілердің қоныстық жүйесінде, мәдениетте, шаруашылықта маңызды рөл атқарған (Ажигали, 2002, Т.5, с. 171).

Доңызтау ауданының жер бедерлері күрделі болуына байланысты, мұнда орналасқан діни-тұрғын кешендердің басым бөлігі бірнеше топтарға бөлініп, бірі кең алқапты сайда, бірі жыраларда, бірі жонның бөктерінде шоғырланып кең аумақты алып жатады. Мәселен, бір тобы мешіт, медресе және тұрғын үйлерден, екінші тобы бейіттер немесе қорымдардан, үшінші тобы шаруашылық құрылыстардан (мал қоралар және т.б.), төртінші тобы бұлақтар мен құдықтардан тұрады. Алайда, Тасқабак діни-тұрғын кешені жазық алаңда орналасуымен ерекшеленген, оның аумағы оңтүстік, оңтүстік-шығыстан, солтүстік, солтүстік-батысқа қарай 800 м қамтиды. Онда мешіттің қирандысы, қорым, тұрғын үй жайлары, бұлақ және түнек үй (белгілі қорымдарда/зираттарда зиярат етушілерге арнап салынған қарапайым қонақ үй. Мұны бұл өңірдің халқы «түнек үй», кейде «шырақшы үй» деп

те атайды) орналасқан. Сонымен қатар, мұнда 1930–40 жж. және 70 жж. біршама сақталған соңғы ауылдың қалдықтарын да көруге болады.

Мешіт кешеннің солтүстік, солтүстік-батысында, түнек үйден солтүстік-шығысқа қарай 350 м қашықтықта орын тепкен. Мешітті халық арасында «Жұмағали-ишан ұстаған мешіт» деп атайды. С.Е. Әжіғали мешіттің салынуын Жұмағали-ишанмен байланыстырады және оның жоғарғы білімді азамат екенін, XX ғ. басында ІІ Мемлекеттік Думада қазақтың рухани мәселелері жайлы сөз сөйлегені туралы жергілікті информаторлардан алған қысқаша мәліметтер келтірген (Аджигалиев, 1994, с. 61). Мұны қазіргі күні қираған мешіттің жанында орналасқан Жұмағали бейітінің басындағы белгі таста жазылған өмірі жайлы мәліметтер толықтыра түседі. Онда (сөзбе-сөз беріп отырмыз): «Жұмағали-ишан атамыз XIX ғ. 60 жж. Ақтөбе облысы Доңызтау өңірінде дүниеге келген. Атасы ғұлама әрі би Табын руына төрелік еткен Ербатыр ишанның ұрпағы. Өліп және Өліпжадты тілі шыға үйренген болашақ ахунды әкесі Мысыр еліне «Ал-Асқария» медресесіне оқуға жібереді. Медресені үздік бітірген атамызға медресе сый-құрмет ретінде «Алтын жіппен» зерделенген тақия мен шапан сыйлайды. Бұл шапан бүгінгі күнге дейін ұрпақтарында сақталған. 1874 ж. атақты Досжан-ишан Меккеге қажылық сапармен барғанда, оқуын аяқтағалы жатқан жас Жұмағали атамызды кездестіреді. Алғырда зере бала араб, парсы, түрік, орыс және француз тілдерін білетін болған. Досжан ата шарт жасасқан медресемен келісіп, Жұмағали атамызды елге алып келеді. Өзі салдырған мешітте ишан етіп дайындап бала оқытады. Жас бала Досжан хазіреттің көңілінен шығады, сөйтіп қызы Үммагүлсімді беріп, оны күйеу бала қылады. Жұмағали атамыз жайлы Доңызтаудағы өзінің туыстары Ажым Қаражон руының азаматтары естиді. Ербатыр ишан немересі Оразалы ишан баласы Мысырда жеті жұрттың тілін меңгерген екен деп хабар тарайды. Ажым Қаражондар бас көтерер игі тартар азаматтар жиналып алдына Өгәлі қажыны салып, Досжан хазіреттен атамызды сұрап барады. Мақсаттары Жұмағали атамызды өз еліне апарып мешітке ишан қылу болатын. Досжан хазірет келісіп, батасын беріп, қызы Үммагүлсіммен шығарып салады. Сондай-ақ, атамыз Санкт-Петербургке бірнеше рет барып Мемлекеттік Думаға қатысып, онда ұлт мәселесін, халықтың мәдени сауатын арттыру жайында мәселелер қозғаған. 1905 ж. Мемлекеттік Думадан қайтар жолда айықпас дертке шалдығады» деп жазылған. Бұл белгі тасты Айту ұрпақтары 2017 ж. орнатқан.

Қазіргі күні мешіт қатты қираған. Сақталған қабырғаларына қарағанда жоспары төртбұрышты (8,2x9,2 м), екі бөлмеден тұрады (сурет 2). Құрылысы кесектен тұрғызылған. Сақталған кесектеріне қарағанда төртбұрышты, бірақ көлемдері әртүрлі болып келген. Өлшеуге мүмкіндік болған кесектердің көлемі 42x20x14 см; 40x23x8 см. Мешіттің қабырғалары толықтай құлап, топырақ үйіндісі түрінде қалу қаупі басым. Тек мешіттің оңтүстік-батыс, батыс, шығыс және солтүстік-шығыс қабырғаларының кейбір жерлері біршама сақталған. Мысалы, жақсы сақталды деген мешіттің шығыс, солтүстік-шығыс қабырғасының ұзындығы 3,80 м, биіктігі 2 м, қалыңдығы 0,75 м ғана. Мешіттің ішін екі бөлмеге бөліп тұрған ортадағы қабырға толықтай құлаған. Онда арканың құрылысы байқалады. Оның маңдайшасының кесектері қырынан қаланған. Мүмкіндігінше сақталған кесектерінің көлемін өлшегенде 40x23x8 см болды. Сондай-ақ, ғимараттың солтүстік қабырғасында терезенің ойығы (тәрізді) орналасқан. Оның жоспары төртбұрышты болып, жоғарғы бөлігі арка етіп салынған. Арка садақша (сегментті) типіне тән, маңдайшасының кесектері қырынан қаланған. Сонымен қатар, арка тәрізді салынған ойықшалар мешіттің шығыс, солтүстік-шығыс және оңтүстік, оңтүстік-батыс қабырғаларында кездеседі.

Мешіттің батыс қабырғасында моланың орны жатыр. Мола қарапайым тастардан төртбұрышты етіп салынған. Жан-жағы темір шарбақпен қоршалған. Басындағы құлпытасында арабша (дұға), содан кейін, «Жұмағали ишан» деп жазылған. Жұмағали ишан бейітінің батыс жағында 80 жж. жерленген екі мола орналасқан.

Изенағаш діни-тұрғын кешеніндегі мешіт. Кешен Доңызтаудың Құрсай қорымынан солтүстік-батысқа қарай 7 км қашықтықта орналасқан (қазіргі Байғанин ауданына қарасты Тассай бекетінен оңтүстік-батысқа қарай 60 км). Кешен мешіттің қирандысы, белгісіз құрылыстың қалдықтары, ескі қорым және құдықтардан тұрады. Оңтүстік-шығыстан солтүстік-батысқа қарай созыла 400 м жуық аумақты алып жатыр. Кешеннің ескерткіштерінің басым бөлігі жазық алаңда орын тепкен. Бірақ, мешіттің тұрған жерінен есептегенде, солтүстік және солтүстік-батысқа қарай 50–60 м қашықтықтан кейін тік құламалы терең әрі кең сайға ұласады. Осы сайдың бөктерінде кешеннің құдықтары және оның астаулары жатыр. Мешіттің оңтүстік-шығысында 120 м қашықтықтан кейін XIX ғ. соңы – XX ғ. басына жататын кешеннің қорымы орналасқан. Қорым солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай созыла 115 м аумақты алып жатыр.

Мешіт кешеннің жазық бөлігінде орналасқан. Мешіттің жоспары төртбұрышты (14,6x11,5 м), сақталған қабырғаларына қарағанда төрт бөлмеге бөлінген (сурет 3). Атап айтқанда, намаз оқитын

бөлме, ауыз үй және тағы екі бөлмеден тұрады. Қабырғасы қарапайым тастардан тұрғызылған. Тастардың араларын балшықпен байланыстырып, шебер әрі берік етіп қаланған. Барлық қабырғалары біршама жақсы сақталған. Ең биік сақталған қабырғасы 3 м (мешіттің оңтүстік және оңтүстік-шығыс қабырғасы). Ал қалыңдығы 1 м дейін жетеді. Алайда, мешіттің төбе жабыны бүгінде сақталмаған.

Намаз оқитын бөлменің оңтүстік қабырғасында конха формасында михрабы (ені 96 см, биіктігі 142 см) орналасқан. Оның іргетасы жарты шеңберлі етіп салынған (тереңдігі 50 см). Михрабтың екі қапталында екі терезе және шығыс қабырғада тағы екі терезе орын тепкен. Терезелердің жоспары қарапайым төртбұрышты, алайда жоғарғы бөліктері қираған. Бөлменің солтүстік-шығыс бұрышында жоспары төртбұрышты болып келген (4,1x2,1 м), солтүстіктен оңтүстікке қарай созыла орналасқан іргетастың қалдықтары сақталған (қалыңдығы 60 см). Сақталған іргетасқа қарағанда намаз оқитын бөлмеде тағы бір бөлме болғандығын білдіреді (мүмкін, әйелдерге арналған шағын бөлме? немесе дәрісхана?). Намаз оқитын бөлменің батысында, солтүстіктен оңтүстікке қарай созыла орналасқан (14,6x3,8 м) тағы бір бөлмемен жалғасады. Бір қызығы, бұл бөлме кейіннен қосылғаны байқалды. Оның оңтүстік және солтүстік қабырғасында терезелері салынған. Ал батыс қабырғасының орта тұсында сыртқа шығатын есік орналасқан. Сонымен қатар, намаз оқитын бөлменің солтүстік жағында мешіттің ауыз үйі болса, оның шығыс қабырғасына көршілес тағы шағын бөлме салынған. Бөлменің ішіндегі сылақтары біршама сақталған. Шығыс қабырғасында сыртқа шығатын есік орны бар.

Мешіттің солтүстігінде 35–40 м қашықтықта төрт не бес бөлмеден тұратын белгісіз құрылыстың іздері сақталған. Өкінішке орай, бұл құрылыстың қандай функция атқарғандығын нақты айту қиын. Алайда, мешіттің жанында медресе, хужра, тұрғын үй және басқа да жайлардың орналасуы бұл өңірдегі басқа да кешендерге тән жағдай (Ажигали, 2002, с. 98–128; Турганбаева, 2011; Турганбаева, 2012).

Сонымен, Тасқабак кешеніне қарағанда Изенағаш кешенінде тұрғын үй жайлар жоқтың қасы. Тек мешіттің солтүстігінде 35–40 м қашықтықта төрт не бес бөлмеден тұратын белгісіз құрылыстың іздері ғана сақталғанын жоғарыда атап өттік. Соған қарағанда, кешенде тұратын адамдардың саны көп болмағанға ұқсайды, мүмкін имам және оның шәкірттері ғана өмір сүрді деп жорамалдауға болады. Дегенмен, мұнда орналасқан ескі рулық қорымның біршама үлкен болуына қарағанда, ас беру, мәйітті жерлеу секілді рәсімдер осы кешенде атқарылған болуы керек-ті.

Бесбай діни-тұрғын кешеніндегі мешіт. Кешен Доңызтау ауданындағы Тұщшы-айрық құдығынан солтүстік-батысқа қарай 13,8 км қашықтықта орналасқан (қазіргі Байғанин ауданы Дияр ауылынан оңтүстік-шығысқа 46,4 км). Діни-тұрғын кешенді өткен ғасырдың 80 жж. және 90 жж. басында С.Е. Әжіғали зерттеп, ғылыми айналымға енгізген (Аджигалиев, 1994, с. 56–57; Ажигали, 2002, с. 106–115). Кешен шөмішті-табын руларының көш жолдарының бойында маңызды жүк тиетін орындардың бірі ретінде XIX ғ. бірінші жартысында салынған. Мұндағы тұрғын жайлар, мешіт-медресе және рулық зираттар көшпелілердің күзеу қонысы ретінде қолайлы болған. Қоныстың кейбір тұрғындары (молда, оның шәкірттері және жұмысшы-жатақтар) жылдың көп бөлігін осында өмір сүрген. Дегенмен, жан-жақтан қатты соғатын жел болғандықтан мұндай жерлерге, әсіресе қыстау ретінде пайдалану көшпелілер үшін мүлде қолайсыз (Ажигали, 2002, с. 106–107). Оған экспедиция кезінде (2019 ж. қазан айының соңғы күндері) жан-жақтан тоқтаусыз қатты соққан желге біз де куә болдық.

Бесбай діни-тұрғын кешені күрделі жер бедерлерінде орналасуымен ерекшеленген. Кешендегі ескерткіштердің орналасуына орай жоғарғы және төменгі деп екі бөліктен тұрады. Олардың арақашықтығы 800 м. Жоғарғы бөлігінің ескерткіштері Үстірт жонының қырларында кең терассада батыстан шығысқа қарай созылып жатыр. Онда шағын бейіт, тұрғын үйдің қалдығы және жеті құдықпен оның тас астаулары орналасқан. Ал төменгі бөлігінде мешіт, медресе және бірнеше тұрғын жайлардың қирандылары шеңберлі алаңда орын теуіп, үш жағын қоршаған үстірт шоқылары табиғи көркемдік беріп тұр.

Мешіт кешеннің төменгі бөлігінде тұрғын үй жайларымен қатар орналасқан. Мешіттің жоспары төртбұрышты болып (6,8x9 м), төрт бөлмеге бөлінген. Атап айтқанда, намаз оқитын бөлме, дәліз (ауыз үй) және қосымша тағы екі бөлмеден тұрады (сурет 4). Мешіт негізінен аласа етіп салынған (қабырғаның биіктігі 1,9 м). Мұндай аласа етіп салынған мешіттерді осы өңірдің басқа да кешендердің мешіттерінен кездестіруге болады (Ажигали, 2002, с. 105). Сондай-ақ, мешіттің барлық есіктері енділеу болғанымен (0,9 м), аласа болып келген. Мешіттің қабырғасы күнгірт-қызыл шойтастардан тұрғызылған. Шойтастардың араларын балшықпен байланыстырып, шебер әрі берік етіп қаланған. Мешіттің ішкі қабырғалары қара сылақпен сыланып (сабан араластырғанға ұқсайды), оның сыртынан ақ бормен ақталған. Мешітті Өмірбай-ақын салғызған.

Намаз оқитын бөлменің жоспары квадрат болып келген (5,6x5,6 м). Оңтүстік қабырғада конха формасында шағын михраб орналасқан (ені 85 см, биіктігі 126 см). Михрабтың іргетасы төрт қырлы

(сурет 5). Терезелері михрабтың екі қапталында орын тепкен. Олардың жоспары төртбұрышты әрі шағын етіп салынған. Бөлменің дәл ортасында берік пилон (бағана) орнатылған. Пилон төртбұрышты етіп (0,8x0,9 м) шойтастардан шебер тұрғызылған. Осы пилоннан төрт қабырғаның ортасына аркалар тасталып, намаз оқитын бөлмені төрт бөлмеге бөліп тұрғандай. Аркалар аласа салынып (ішінен есептегенде биіктігі 1,6 м), маңдайшасының құрылысы кесекпен қырынан қаланған. Бөлменің тағы бір ерекшелігі, төбе жабыны төрт күмбезді етіп жабылған. Яғни, әдеттегі ортада орналасқан пилоннан төрт қабырғаның ортасына тасталған аркалар бөлменің төбесін төрт күмбезге бөліп тұр және қабырғалардың түйіскен бұрыштарында тропп салынып архитектуралық шешімін тапқан. Күмбездері кесектен қаланған. Алайда, қазіргі таңда күмбездер толықтай қираған. Намаз оқитын бөлменің интерьері аркалар арқылы бірнеше бөлмелерге бөлу және төбе жабыны төрт күмбезді немесе алты күмбезді етіп көмкерілген мешіттер Доңызтаудың басқа да кешендердің мешіттерінен кездестіруге болады (Аджигалиев, 1994; Ажигали, 2002, с. 103–117). Бөлменің солтүстігінде көрші болып еңсіз бөлме қосылған. Бұның да төбе жабыны сақталмаған. Алайда, С.Е. Әжіғалидің сипаттауынша бұл бөлменің төбе жабыны қорапты тоғыспа (коробовый свод) етіп жабылған (Ажигали, 2002, с. 107). Намаз оқитын бөлменің шығыс жағында көлденеңінен мешітке кіретін дәліз орналасқан (1,1x5,3 м). Оның шығыс қабырғасында әдеттегідей аласа есік салынып, тағы бір шағын бөлмемен жалғасады (4,2x4,5 м). Мешіт жанында медресе болған. Алайда, оның тек бүгінде іргетасының іздері ғана сақталған.

Сурет 1. Шәкен ишан мешіті, 2019 ж.

Сурет 2. Жұмағали-ишан мешіті, 2019 ж. Жоғарыдан түсірілген көрінісі

Сурет 3. Изенагаш діни-тұрғын кешеніндегі мешіт, 2019 ж. Жоғарыдан түсірілген көрінісі

Сурет 4. Бесбай діни-тұрғын үй кешеніндегі мешіт, 2019 ж. Жоғарыдан түсірілген көрінісі

Сурет 5. Бесбай діни-тұрғын үй кешеніндегі мешіттің михрабы, 2019 ж.

Қорытынды. Мешіттер мәселелерін, әсіресе, Доңызтау өңірінің мешіттерін зерттеу ісін жалғастыру тек этноархеологиялық, ескерткіштану тұрғысынан ғана емес, этномәдени тұрғыдан да маңызды екенін айта кету керек. Өйткені, бұндағы «мешіті бар діни-тұрғын кешендері» қазақ даласында ислам дінінің идеология ретінде бекуі, жартылай отырықшы өмір салтына көше бастау, тұрғын үй салу мен шөп шабудың тарала бастауы секілді XIX ғ. ел өміріндегі үлкен өзгерістерді айғақтайды. Бұл кезеңде Батыс Қазақстанда діни-рухани ағартушылардың белсенділігі артып, жер-жерлерде мешіттер көптеп салынды. Соның бір орталығы Доңызтау өңірі болды. Әйгілі Досжан-ишан Қашақұлының діни қайраткер ретіндегі қызметі осы өңірмен тікелей байланысты. Мұнда оның ізбасарлары да көп болған (жоғарыда аталып өткен Жұмағали-ишанды айтуға болады). Сондықтан да, Ақтөбе облысының «Доңызтау ауданы» Ұлттық табиғи және тарихи-мәдени саябақ құруға сұранып тұрған бірден-бір өңір болып табылады.

Әдебиеттер

- Аджигалиев С.И. Памятники Доңызтау (Северный Устюрт) // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – 1994. – № 1. – С. 49–64.
- Ажигали С.Е. Памятники Северного Приаралья // История и культура Арало-Каспия. Сборник статей. Вып. 1. / Под общ. ред. С.Е. Ажигали. – Алматы: «Құс жолы», 2001. – С. 150–183.
- Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии. – Алматы: «Ғылым», 2002. – 654 с.
- Ажигали С.Е. Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск: «Наука», 2002. – Т. 5. – С. 143–190.

Әжіғали С.Е. Ақтөбе облысының аса көрнекті архитектуралық ескерткіштері: фотокөрме. Ғылыми-ақпараттық басылым. – Алматы–Ақтөбе, 2015. – 52 б. – қазақ, орыс тілдерінде.

Бекназаров Р.А. Мечети Северного Приаралья (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографическое исследование // Отан тарихы. – 2007. – № 2. – С. 135–148.

Бекназаров Р.А. Религиозные деятели и мечети XIX – начала XX вв.: исследование на материалах Актюбинской области // Отан тарихы. – 2018. – № 3. – С. 21–29.

Рахбаев Қ.Қ. Желтау мешіттерінің тарихы (XIX ғ. ортасы – XX ғ. басы) // «edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы. – 2020. – № 1.

Садыкова С.Ш. Архитектура мечетей. Учебное пособие. – Астана: «ЕНУ им. Л.Н. Гумилева», 2003. – 146 с.

Турганбаева Л.Р. Некоторые замечания об архитектуре казахских медресе // «Арал-Каспийский регион в истории и культуре Евразии»: Материалы II Международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. – Алматы–Ақтөбе: «Арыс», 2011. – С. 278–281.

Турганбаева Л.Р. К проблеме изучения культово-жилищных комплексов Западного Казахстана // Материалы 1-го и 2-го Симпозиума по казахскому памятниковедению. – Алматы–Атырау: «Ағатай», 2012. – С. 150–156.

Халитов Н.Х. Татарская мечеть и её архитектура: историко-архитектурное исследование. – Казань: «Татар. кн. изд-во», 2012. – 224 с. : ил.

S.E. Azhigali, B.A. Ashim

THE FEATURES OF AKTOBE REGION'S MOSQUES IN LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES: SOME RESULTS OF WEST KAZAKHSTAN ETHNOARCHAEOLOGICAL COMPLEX EXPEDITION IN 2019

In the second half of the 20th century, the spread of Islam in the Kazakh steppes went in two directions. The first was the influence of the theological centers of Kazan and Ufa in the north, and the second was the influence of the religious schools of Turkestan, Bukhara and Khiva in the south. Such circumstances have led to the emergence of various types of mosques in the Aktobe region. Some of them were "Tatar type" mosques, whereas in the southern districts of the region (Donyztau) there were "four-domed and six-domed" mosques. This article describes the collected materials of West Kazakhstan ethnoarchaeological complex expedition about mosques in 2019 in Aktobe region (led by S.E. Azhigali) and highlightssome features.

А.Б. Қалыш, А.Т. Тәлім

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: kalyshamanzhol@gmail.com

ҚАРАҚАЛПАҚТАРДЫҢ КЕЛІН ТҮСІРУ САЛТЫ

Атап өту керек, көптеген түркі халықтарының, соның ішінде қарақалпақтардың арасында неке дәстүрлі қағидалардың тұрақтылығымен ерекшеленеді. Оларда дәстүрлер мен әдет-ғұрыптар исламда да, исламға дейінгі қайнарларда да бір-бірімен араласады. Сонымен қатар, олардың дамуында болған өзгерістер үлкен қызығушылық тудырады, соның ішінде дәстүрлі мен жаңаның арақатынасы, этномәдени құбылыстары нақты байқалады.

Қарақалпақтардың дәстүрлі үйлену рәсімі, кейбір айырмашылықтарға карамастан, барлық жерде бірдей болады. Кейінгі дамуында ол өзінің дәстүрлі белгілері мен қасиеттерін айтарлықтай сақтап қалды. Оларға қазақ, өзбек және түрікмен сияқты түркі этникалық топтарымен этномәдени өзара іс-қимыл белгілі бір әсер етті. Біздің ойымызша, бұл объективті жағдайға қарақалпақтардың Хиуа хандығы мен Ресей империясы Түркістан генерал-губернаторлығының Әмудария бөлімі құрамында мәжбүрлі болуы айтарлықтай әсер етті. Олардың Кіші жүз қазақтарымен ұзақ мерзімді қарым-қатынасы туралы да айтуға болады. Бұл фактор бірқатар маңызды зерттеулерде көрініс тапқан (Шәлекенов, 1966; Жданко, Камалов, 1980).

Бұрынғы кезеңде де, қазіргі уақытта да тарихи Отаны мен Қазақстанда тұратын қарақалпақтар неке нысандарын келесі үш нұсқада орнықты түрде сақтайды:

1) дәстүрлі құда түсу жолымен қалыңдықтың және күйеу жігіттің ата-аналарының ұзату және келін түсіру тойын ұйымдастыруы арқылы;

2) келінді өз еркімен немесе күшпен «алып қашу», яғни болашақ келіннің «қашып кетуі» арқылы.

Енді некенің толыққанды отбасын құруға ықпал ететін алғашқы көрсетілген нысанымен үйлену тойының кейбір түрлерін қарастырайық.

Егер қазіргі кезде ресми құдалықпен ата-анасының үйінде ұзату тойын өткізуінен кейін болашақ қалыңдықты күйей жігіттің үйіне арнайы безендірілген автокөлікпен жеткізетін болса, бұрын бұл үшін басқа дәстүрлі көлік қолданылған.

Қарақалпақ халқы жас келіншекті күйеуінің үйіне арбамен әкелген. Үйлену тойының арбасы самарқандық қарақалпақтарда – «капели-арба», хорезмдік қарақалпақтарда – «богекли-арба» деп аталған. Ал, нұратылық қарақалпақтарда келінді атқа мінгізіп әкелген, демек, оларға көршілес қазақтардың ықпалы тиген. Бірақ, ауылға жақындаған кезде келін, жеңгелермен бірге аттан түсіп, жаяу келген (Толстов, 1963 с. 132).

Жігіт үйіне қалыңдықты әкеле жатқанда жол жөнекей кәделер талап етілген (яхта-жейде, мата т.б.). Бұл рәсім жол тосу деп аталады. «Қалта ақтару» кәдесі орындалады, ол бойынша кішкене қайын сіңілілері қалыңдықтың қалтасын ақтарып, жүзіктер алған.

Үйлену тойының арбаларын жігіт ауылының қыз-келіншектері қарсы алған. Жігіт жеңгесі мұрындық ене келінге орамал тағып немесе кимешек кигізген.

Ауыл әйелдері жасулы көштің алдынан шығып, шашу шашады. Келіннің бетіне жамылғы (чарсы) жауып, қайын атасының үйіне кіргізбес бұрын табаға салынып тұтатылған адыраспанды әкеліп, келіннің басынан үш рет айналдырған. Келінді үш рет иілдіріп аруақтар үшін және атасы мен енесіне сәлем салғызған. Содан соң келіннің қолына май құйған ыдысты ұсынып, отқа май құйғызған. Осы рәсімнен кейін, келінді оң аяғынан табалдырықтан аттатқызып, ішке кіргізген.

Келіннің астына жаңадан сойылған қойдың терісін төсеген. Орта Азия халықтары үшін қой олардың тотемі, тек қойдың өзі ғана емес, оның терісі де өсіп-өнудің символымен қорғаушы, сақтаушы екендігі Ә.Т. Төлеубаевтың еңбегінде аталып өтіледі (Төлеубаев, 1990, 29 б.).

Қой терісін осындай сеніммен жаңа түскен келіннің астына төсеу таулық дағыстандықтарда да бар. Олардың нанымынша, қой терісін жаңа түскен келіннің астына, үйде «береке мен байлық ынтымақ болу үшін төсейді» (Гаджиев, 1991, с. 58).

Л.Я. Штернберг өз еңбегінде бұның шығу тегін былай келтіреді: «Анайы (премитивті) алғашқы малшылар үшін мал шаруашылығында түліктердің көбейіп, өсіп-өнуі магиялық күш ретінде қарастырылады». Ең алғашқы үйретілген ешкі түлігінің көбеюін күш ретінде есептегендіктен, оның осы қасиетін дарыту мақсатымен әйелдер ешкі терісінен киім жасапта киген ... Ешкі соңынан сценаға қой мен қошқар шығып, негізгі көбейіп, өсіп-өну культінің рөлі бұларға ауысады. Ежелгі Мысырдың Фивы қаласы мен Мендесте құдайлар Нут пен Птаның баласы Осирис қошқар бейнесінде беріліп, тіпті Мендесте оның алдында әйелдер шешініп, одан құнарлылық пен көбею, өсіп-өну күшін бойларына дарытуды мақсат етіп, әдетке айналдырған (Штернберг, 1933, с. 4).

Қырғыздарда жаңа үйленгендерді лақтың өкпесімен қағу ғұрпы кездеседі. Оның мағынасы – келешекте оларды бақытсыздық пен қасқой күштердің зұлымдығынан құтқару үшін болса, екінші жат өсіп-өніп көбеюіне жол ашады екен (Домусулманские верования, 1975, с. 310).

Жас келін міндетті түрде оттан айналуға тиіс болды. Одан кейін шашу рәсімі жасалды. Келін иіліп сәлем беріп, саусақтарын босағаға тигізіп, сосын маңдайын ұстаған. Енесі келінінің маңдайына ырымдап май немесе ұн жаққан. Ұқсас салт-дәстірлер қазақтарда көп байқалады (Арғынбаев, 1973, 170-172 бб.; Калыш, 2013, с. 294-295).

Сол күні екі жақтың туған-туыстары жиналып тойды бастаған. Бұл той әдетте екі күнге созылған («келин тушті той»). Тойда мол дастархан жайылып, бақсылар ән айтып, бәйге ұйымдастырылып, лак тартысқан.

Жігіт үйіндегі тойдың негізгі рәсімі «бет ашар» болатын, яғни келіннің бетін ашу. Бұған дейін келіннің бет жүзі көрсетілмеді (чарсы). Беташарды әдетте жігіттің жора-жолдастарының бірі орындады. Ол келінді ата-енесімен, қайын жұртымен таныстырды. Ал келін өлеңде айтылған адамдарға иіліп сәлем береді. Мысалы, біз зерттеп отырған қарақалпақтарда бет ашардың мынандай үлгісі бар екен:

«Дарбазасы даңқ еткен,
даңқы Самарқанға жеткен,
Исақ бабамызға бир салам».

Немесе әзіл-сықақ түріндегі өлең жолдары келесідей болған:

«Тамбашида пахал йоқ
сипаласа сақал йоқ
Абдуллаға бир салам».

Беташардан кейін бірнеше ырым-жоралғылар жасалды. Мысалы, келін бай болу үшін қолын ұнға салған. Н.А. Кисляков: «ұн тек байлық қана емес, сонымен қатар тазалықтың, молшылықтың белгісі», - деп түсіндірді. Сосын жас келін отқа май құйған және бір қызығы – ол тоғыз рет қайталаған

(Кисляков, 1969, с. 146). Каракалпақтардың ырым-жоралғыларында «тоғыз» санының кездесуі кездейсоқ емес. Зерттеуші Д. Банзаровтың мәлімдеуінше тоғыз санын моңғолдар да қасиетті деп санаған. Мысалы, Шыңғыс ханның жасағынан (урлук) саны тоғыз болса, рудың туына (бунчукқа) жылқы қылынан жасалған тоғыз бума қыстырылған (Банзаров, 1955, с. 60).

Айта кететін жайт, XV асырды бірінші жартысында Венецияның емшісі татар ханына, татарлардың салты бойынша тоғыз түрлі заттай сыйлықтар тарту еткен. Аталмыш санды, сондай-ақ келесі Сібір халықтары: якуттар, буряттар, нанайлықтар, эвенктер де қасиетті деп есептеді. Мәселен, якуттар Джогогой піріне (ірі-қара малдың пірі) тоғыз бұйым сыйлаған (Зеленин, 1930, с. 313).

Қаракалпақстандағы қазақтарда құдаларға киіт кигізгенде де тоғыз саны ескерілген (мысалы, екі білезік, бес тақия, маталар) т.б. Ал, қайын атасы келінге өз батасын (патияны) келесі түрде берген:

«Алдыңа бала толсын,
қораңа мал толсын.
Көзің көрсін,
қолың тұтсын!»

Ұзату ұлы тойда қалыңдықтың әкесі күйеу жігіттің әке-шешесіне өз сыйлықтарын тарту еткен. Осы ұлы тоймен каракалпақтардың келін түсіру салты аяқталады.

Қорытындылай келе айтатымыз, әрине бұл некелік салттың қазіргі күні мен бұрынғы уақытта өткізілуінде айырмашылықтар мен еркшеліктер бар.

Біріншіден, бұндай неке салттың толығымен өткізілуі тек аға буын өкілдері – этникалық стереотип пен мәдениеттің ұстанушылары – бар отбасыларда ғана іске асуы мүмкін.

Екіншіден, дәстүрлердің сақталуымен бірге полиэтникалық ортаның әсері байқалатының ескеру қажет. Бұл жағдай Қазақстанда бұрыннан тұратын және 1990-шы жылдары көшіп келген каракалпақтар мен оралман қазақтарда анық байқалады.

Үшіншіден, неке салты аралас каракалпақ-қазақ және қазақ-каракалпақ отбасыларында басқадай немесе өзгеше болуы мүмкін. Батыс Қазақстан мен Жетісу аймақтарында біздің жүргізілген этнографиялық зерттеулердің мәліметтері бойынша оралман қазақтардың некелесу дәстүрлерінде сипатталған неке салты сақталып келеді.

Әдебиеттер

- Арғынбаев Х.А. Қазақ халқындағы семья мен неке (тарихи-этнографиялық шолу). – Алматы: Ғылым, 1973. 328 б.
- Банзаров Д. Черная вера и шаманство у монголов. / Этнология. – СПб.: Изд-во «Либроком», 2012. – 170 с.
- Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. – М., Наука, 1991. – 182 с.
- Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. / Снесарев Г.П., Басилов В.Н. (ред.). – М.: Наука, 1975. – 340 с.
- Жданко Т.А., Камалов С.К. Этнография каракалпаков XIX – начало XX века (материалы и исследования). – Ташкент: ФАН, 1980. – 204 с.
- Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – Том 9. – С. 1-166.
- Калыш А.Б. Семья и брак в современном Казахстане. – Алматы: «Арыс» баспасы, 2013. – 464 с.
- Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. – Л.: Наука, 1969. – 240 с.
- Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М.: Изд-во Восточной литературы АН СССР, 1961. – 260 с.
- Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алматы: Ғылым, 1991. – 214 с.
- Толстова Л.С. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX – начале XX века. – Нукус-Ташкент: Каракалпақгиз, 1963. – 236 с.
- Шалекенов У.Х. Казахи низовьев Амударьи. К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII – XX вв. – Ташкент: Изд-во «ФАН», 1966. – 334 с.
- Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. – Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1933. – 187 с.

A.B. Kalysh, A.T. Talim

THE TRADITION OF BRINGING THE BRIDE TO THE KARAKALPAKS

The report is devoted to rituals, customs and representations in the traditional bride's bringing among the Karakalpaks. The authors describe the customs and traditions that accompany this marriage ceremony of the Karakalpaks. The influence of past historical and ethnographic features on them, which are associated with their being in both the Khiva Khanate and

the Russian Empire, as well as close relationships in the trans-border territory with the Kazakhs of the Younger Zhuz, is shown.

The marriage ceremonies associated with the initial stage of traditional matchmaking, characteristic not only of the Karakalpaks under consideration, but also of other fraternal Turkic ethnic groups, including Kazakhs, are analyzed in detail. It was revealed that the functioning of this traditional ceremony takes place in full in those families in which there are representatives of the older generation, as well as in mono-ethnic villages. They are less pronounced in cities and towns with ethnically mixed villages, as well as in nationally mixed families with the participation of Karakalpaks and representatives of other ethnic groups. It is noted that this rite, as well as other family and marriage customs, is preserved in one form or another and by the Karakalpaks who migrated to Kazakhstan both in the past and at present.

Арынова Д.С.

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі

Түркістан қ., Қазақстан

E-mail: arinova2012@mail.ru

ҚҰСТЫҢ ОБРАЗЫ БЕЙНЕЛЕНГЕН МУЗЕЙ ЖӘДІРЕРЛЕРІ ЖАЙЛЫ ЗЕРТТЕУ

Қолөнер – ғасырлар бойы дамып, қалыптасып келе жатқан қастерлі өнер, атадан балаға мұра ретінде бізге жеткен дәстүрлі де халық шығармашылығының сарқылмас қайнар көзі. Қандай халықтың қолөнері болса да оның тарихымен, қоғамдық құрылысы, әдет-ғұрпы, жөн-жоралғысы, салт-санасымен астасып қатар дамиды. Қолөнер адам баласының көркемдікке, нәзіктікке, сұлулыққа деген ұмтылысын, сол бағытта табиғатты өзінше таңбалап бедерлеуін, сұлулықты іздеуге деген құштарлығын танытады.

Сан қилы кезеңдерден өтсе де, көркемдік бейнелердің өзіндік ерекшеліктерін бұлжытпай сақтай отырып, ұрпақтан-ұрпаққа мұра ретінде жалғасын тауып келе жатқан қолөнеріміздің ішіндегі киелі әрі күрделілерінің бірі – зергерлік өнер.

Зергер – сәндік бұйымдарды зерлеп, айшықтап жасаушы шебер, ұста. Зергерлік – әшекейлі бұйым жасау өнері.

Зергерлік өнерінің ұлттық мәдениетімізде тарихи орны ерекше болумен қатар, бір жағынан халқымыздың материалдық мәдениетінің дәрежесін көрсетсе, екінші жағынан – рухани жан дүниесін, философиялық, эстетикалық көзқарастарын білдіреді.

Жас ұрпақты ұлттық рухта тәрбиелеуде, халық өнерін, салт-дәстүрін меңгертуде зергерлік өнердің зор мәні бар.

Ұлттық мәдениетіміздегі қолданбалы өнер халқымыздың тарихымен, ұлттық болмыс-бітімімен, дүниетанымымен үндесе дамып келе жатыр. Тамырын тереңнен алатын қолданбалы өнердің көрнекті саласы зергерлік өнер тылсым сыры бар қасиетті өнер, қастерлі кәсіп. Осы өнермен айналысатын адамдарды «ақ ұста» деп атаған. Зергерлік өнер сонау ерте кезеңнен бастау алады. Мәселен, «Әзірет Сұлтан» қорық мұражай қорында тастан жасалған моншақтар сақтаулы. Ал қола дәуірінде әйелдер құлақтарына сырға, мойындарына моншақ, өңіржиек, қолдарына білезік, жүзік таққан (Қазақстан тарихы, 1994, 24 б.). Сондай-ақ әшекей бұйымдарға ою-өрнек салу да біртіндеп қалыптаса бастаған. Өрнектердің өзі сан алуан түрлері бар, қазіргі таңда оюларлы бөліп те қарастырады.

Әлкей Марғұлан ою-өрнектерді 4 топқа бөледі. Олар: космонологиялық, зооморфтық, өсімдік тәрізді, геометриялық өрнектер. Олардың ішінде жануарлардың сыртқы пішініне, мүйізіне, тырнағына, мойнына, табанына, т.б. мүшесіне ұқсас ою-өрнектер халық арасына (*зооморфтық түр*) кең тараған. Зооморфтық ою-өрнек кебеже, жұкаяқ, әбдіре, асадал сияқты тұрмыстық бұйымдар әшекейінде жиі кездеседі (Марғұлан, 1986, с. 98).

Аталған ою-өрнектер кебеже бүйірінде, көбінесе, тігінен бедерленіп, бос жерлерін толықтырған, ал төсектің жан ағашы белгілі бір ырғақпен түгел дерлік өрнектелген. Кейде оларды өсімдік сипатты өрнектермен сабақтастырып, жарасымды тұтас композиция құраған.

Қазақ халқы молшылықты дарияға, теңізге, бәйтерекке теңесе, батырды арыстанға, қыран бүркітке, гүлді әсемдікке, әдемілікке теңеген. Халқымыз әсемдікті аң құстан, өсімдіктен, табиғаттан іздеген. Өрнек түрлері геометриялық ерекшелікке ие: шахмат түрінде, тіктөрт бұрыш, үш бұрыш, көп бұрышты, жарты шеңбер, жұлдызды, шеңберлі, т.б. түрлері, өсімдік мотивті: гүл пішінін алған, ашылмаған гүл пішіні, бұтақта өскен гүлдер, жеміс-жидек түрлеріндегі пішіндер, бүршік, т.б. осыған ұқсас түрлер; жан-жануарлар бейнесі: түйе, ит, қораз, көгершін, бүркіт, айдаһар, қаз және тауық тектес құстар бейнесі. Аталмыш өрнек бір кілемде бір жануардың, яки құстың бейнесі қайталану арқылы көрінуі мүмкін.

Сақтарда зергерлік өнер жақсы дамыған. Зергерлер алтын күмісті балқытып құю, штампылап өңдеуді жақсы меңгерген. Қазбалардан табылған жетістіктер бұның дәлелі.

Қазақтың алғашқы ою-өрнек үлгілері андронов мәдениеті мен байырғы сақ, ғұн, үйсін өнері мұраларынан геометриялық, зооморфтық жан-жануарлардың табиғи және фантастикалық бейнерлері, көгеріс өрнек пен қиял-ғажайып ою-өрнектер аспанның, жердің символы ретінде кездеседі. Қазақ зергерлік өнерінде құс образын кеңінен қолданған. «Құстұмсық» жүзік, құстұмсық құман» және құсты тұспалдайтын кесет, кілем мен үй жиһаздары мен тұрмыстық заттарды кеңінен қолданған. «Құстұмсық» – бұл өрнек құстың тұмсығын тұспалдаудан туған. «Құстұмсық» тармақты мүйіздер мен сызықтардан құралады. Ою-өрнекті қиғанда ою ортасындағы сызық ұшы құстың тұмсығына ұқсас етіп қиылады (Өмірбекова, 2003, 33 б.). «Құстұмсық» жүзік немесе «топсалы» жүзік сәлемдеме ретінде туыстар арасында дәнекер қызметін атқарған. Құс бейнесі халық түсінігінде азаттықтың, еркіндіктің символы болып табылады.

Құстұмсық – қыздар тағатын сақинаның бір түрі. Оның рәміздік мәні «құстай ерікті, өз еркі өзінде», яғни «қыздың басы бос» деген ұғымды білдіреді. Тұрмысқа шыққаннан кейін төркін жағы құстұмсықты қыздың киімдеріне қосып жіберетін болған. Қыздың інілері, сіңлілері жағдайын білуге келгенде қыз жүзікті төркініне қайтарса, ол оның жағдайының жақсы болғаны. Қыздың шешесі қуанып, «құдағиыма рақмет, қызыма өз қызындай қарайды екен» деп ауыл-аймағын қонаққа шақырып, құстұмсықты көрсеткен (Қазақ ұлттық энциклопедиясы, 2004, 148 б.).

Сонымен қатар, құс әдеміліктің де бергісі іспеттес. Шеберлер құман, көзелердің де суағарын құстың тұмсығына ұқсатып жасаған. Ол бір жағынан өте әсем көрінеді және су құюға да ыңғайлы болып келеді. Су құюға арналған құманның суағары құманға жапсарласып орналасқан, құстұмсық деп атайды. Құман сөзін Махмуд ал-Қашқари «Дивани Лугат ат-Турк» атты еңбегінде «...құмыра, бутыл яғни шыныдан жасалған ыдыс» деп көрсетеді (Қашқари, 2005, 412 б.). Парсы тілінде «хум» деген сөзден шыққан, «құман» «хумның» көпше түрі. Араб тілінде сусын құятын ыдыс деген сөзді білдіреді.

Мұражай қорында КК 1578, 2456 номерлі жүзіктер осындай құс тұмсық жүзіктерге жатады. Аталмыш жәдігерлеріміз XVIII–XIX ғасырларға жатады. Жалпы қорда мұндай жүзіктердің саны отыздан астам түрі сақтаулы (1,2 сур.). Мұражай қорында құс тұмсық іспеттес құмандар, самаурын құмандар да кездеседі (3,4,5 сур.). Күнделікті самаурындардың екі жағында ұстайтын тұтқасы, бұрамалы шүмегі болады. Ал біз әңгіме етіп отырған самаурында бұндай бөлшектер жоқ. Құманның ішіне оттық орнатып қойған. Қорымызда сақтаулы самаурын құман XVIII ғасырға жатады. Ұстаның аты белгісіз. Мавзолейдің қорғау аймағында жүргізілген қазба жұмыстары кезінде табылған.

1 сур. Құстұмсық жүзік

2 сур. Құстұмсық жүзік

3 сур. Құман

4 сур. Құман

5 сур. Құман

Бұл құман самауриндардың бірінің құрылымы алмұрт пішінді тұғырының жан-жағы ойылған. Оттығына кіріп тұру үшін оттығының түтігі жоғары қарай көтерілген кернейге ұқсап қақпағы салынған және түтікті қаптап кигізілген. Бұл құман самауринның қызметі шәй қайнатуға арналған. Кейде тамақ та әзірленетін болған. Заман ағымына қарай қазақ халқыда көшсе өзімен бірге алып жүруге ыңғайлы етіп самаурин мен құманның үлгілерін біріктіріп жасаған көрінеді. Бір қарағанда құманға ұқсағанымен оттығы бар ішінде су құюға арналған орны бар самаурин. Ата-бабаларымыз не нәрсені де өз орнымен өте ұқыпты, жақсы пайдалана білген.

Құс бейнесі этнографиялық жәдігерлердің ішінде кілемдерде және ыдыс сыртында бейнеленген. Көне түркілердің түсінігі бойынша, құс – көктің, балық – судың, ағаш – жердің белгісі. Бұйымдарда жан – жануарлардың мүйізі, дене мүшесі, тұяғы, құстың тұмсығы, түлкінің басы, бөрінің құлағы немесе иттің құйрығы т.б. және өсімдіктердің түрлері кеңінен белгіленген.

Ал зооморфтық ою-өрнектер туралы Ә.Х. Марғұлан «тұрмыс-тіршілігі негізінен мал шаруашылығы болғаннан соң қазақ халқы ою-өрнектердің көпшілігі жануарлар бейнесі, мүйізі, құстардың қанаты, іздері ұғымдарымен тығыз байланысты» деген. Сондықтан болар құс бейнесі ою-өрнектерде жиі кездеседі. Негізіне құс бейнесі жастықты да білдіретін болғандықтан жастардың киімдеріне әшекейлеріне де салынады. Ондағы мән жастардың көкте қалықтаған құсша самғап, биіктерден көрінуіне саяды. Жалпы құс тұмсық іспеттес жасалған жәдігерлеріміз біршама баршылық. Сонымен қатар, қорда осындай пішінмен жасалған сырғалар, алқалар да кездеседі.

Әдебиеттер

- Марғулан А.Х. Декоративно-прикладное искусство Казахстана. Т. 1. Алма-Ата: Өнер, 1986. 256 с.
Қазақстан тарихы. Очерктер. Алматы: Дәуір, 1994 ж. 446 б.
Өмірбекова М.Ш. Қазақтың ою-өрнектері. Энциклопедия. Алматы, Алматы кітап. 2003. 281 б
Қазақ ұлттық энциклопедия. Т.6. Алматы, «Қазақ энциклопедиясының» Бас редакциясы 2004, 694
Махмуд ал-Кашқари Дивани Лугат ат-Турк. Алма-Ата: Драйк-Пресс, 2005. 1281 с.

D.S. Arynova

RESEARCH OF MUSEUM EXHIBITS DEPICTING THE IMAGE OF A BIRD

This article examines the exhibits depicting a bird's beak stored in museum collections and their research. There are also studies on the jewelry and accessories in the Kazakh society of the bird.

О НЕКОТОРЫХ СИМВОЛАХ ВЛАСТИ (ТРОН И КОРОНА: ОТ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ К КАЗАХСКОМУ ХАНСТВУ)

Исследование символов власти и государственной атрибутики средневековых государств Казахстана, их значимости в контексте эволюции казахской государственности является важной, однако очень слабо разработанной научной проблемой. Работ, специально посвященных данной проблематике, единицы. Например, имеется только одно исследование, где специально рассматривается такой символ власти и государственности казахов как печати казахской правящей элиты (Ерофеева 2001).

Вместе с тем перечень внешних символов власти в средневековых государствах Центральной Азии может быть значительным. Так, например, по мнению К. Сарткожа³, у средневековых кочевников было 9 символов, указывающих на единоличного правителя: царский престол (есир), корона (tz), пояс (kise), кинжал (kesig), знамя (tu), жезл (asa), печать (tama), орда (orda). Исследователь обращает внимание на сведения исторического источника «Цаган тх» (Белая история), созданного в период правления Хубилай-хана (1260-1280 гг.) в Монгольской империи, в котором, во время описания символов власти, сообщается, что «восьмым (символом) является священный царский престол» (Арван буянт тр). В данном труде дается описание восседания хана на белую кошму, поднятие и вручение провозглашенному правителю 9-ти символов власти (Каржаубай Сарткожа 2011).

Российский исследователь А.Г. Юрченко к властным атрибутам кочевой империи относит: золотой шатер, трон с «подушкой власти», зонтик, корону, государев флаг, государственную печать, пайцзы, воинский барабан, халаты с геральдическими символами, воинские пояса, булавы, жезлы, мужские шапки-орбелге и женский головной убор боктаг, золотой полумесяц (Юрченко 2012: 87). В исторических источниках имеются данные, свидетельствующие в пользу предположения о наличии в Казахском ханстве таких символов власти как трон (каз. яз. – тақ, персид. яз. – تخت) и корона (каз. яз. – тәж, персид. яз. – تاج), на которых мы и намерены остановиться.

В целом, трон и корона как символы верховной власти существовали во многих средневековых государствах Центральной Азии, в том числе и в Монгольской империи. В средневековых исторических сочинениях содержатся подтверждающие это письменные свидетельства и наглядные иллюстрации. Так, например, о троне Чингисхана говорится в отчете китайского дипломата Чжао Хуна (1221 г.). Китайский дипломат пишет, что монгольский император «восседает в кресле (– сиденье) северных варваров, украшенным головами драконов, обложенными золотом» (Юрченко 2012: 90–91). Д.М. Исхаков указывает, что в труде арабского историка XIII века Ибн аль-Асира имеется сообщение, что Чингиз-хан «сел на золотой трон» (Исхаков 2014: 184).

В иллюстрациях к рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина Чингисхан часто изображается сидящим на троне (Рис. 1-4), на голове у него головной убор напоминающий корону (Филлипс 2003; Из глубины столетий 2004). В сочинении «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Масуда бен Усмана Кухистани (XVI век) Чингисхан также изображен на некоем помосте (Рис. 5), который можно рассматривать как походный вариант трона (Пугаченкова 1979). Хотя этот источник достаточно поздний, важно, что он демонстрирует представления своих современников о троне как символе власти. Имеются также китайские миниатюры XIV века, где Чингисхан изображен с короной и на некоем сидении (Рис. 6-7), которое также можно рассматривать как вариант трона.

О троне великого хана Угедея китайский дипломат Сюй Тин, ездивший в ставку монгольского правителя в 1235–1236 гг., сообщает следующее: «Кресло, в котором восседает татарский правитель в шатре, – как сиденье проповедника в буддийском монастыре и также украшено золотом» (Цит. по: Юрченко 2012: 91)). У Плано Карпини, францисканского монаха, посетившего в XIII веке ставку Бату и столицу монгольской империи Каракорум, имеется сообщение о троне Гуюк-хана: «Трон же был удивительным образом вырезан из слоновой кости. На нем также были золото и драгоценные камни, и, если мы правильно помним, и жемчуга. И по ступеням он поднимался на этот (помост), который сзади был круглым» (Цит.: (Султанов 2006: 85)). В «Донесении брата Бенедикта Поляка» (1247 год)

³ На эту работу наше внимание обратил д.и.н. А. Мухтар.

имеется следующее описание ставки Гуюк-хана: «... Итак, будучи введены в Сыра-Орду (Золотую Орду – Н.А.), то есть в ставку императора, они увидели его (в следующем облике: он), имел (на голове) корону, блистал удивительным одеянием, сидел посредине шатра на некоем помосте, многообразно украшенном золотом и серебром и снабженном сверху решеткой, на который поднимались по ступеням, (пользуясь) четырьмя различными лестницами» (Цит. по: (Юрченко 2012: 92)). В исторической энциклопедии Винченца де Бове (XIII век) при описании коронации Гуюк-хана говорится, что он был посажен на «некое золотое сиденье» (Юрченко 2012: 56).

У ильхана Газан-хана, по свидетельству его визиря и историографа Рашид ад-Дина, был очень роскошный золотой трон, усыпанный жемчугом и яхонтами (Султанов 2006: 85; Рашид ад-Дин 1946: 189–190). На одной из средневековых миниатюр Газан-хан изображен сидящим на троне со своей женой Булуган-хатун (Рис. 8). Сохранились и другие миниатюры с изображением трона ильханидов (Рис. 9–10). Трон в них часто украшен лотосом и фигурами драконов (Юрченко 2012: 95). В миниатюре «Маджма ат-таварих» Хафиз-и Аbru представлены монгольские правители, сидящие на тронах с коронами на головах (Рис. 11)⁴. А.Г. Юрченко отмечает также, что в каменных изваяниях в имперском заповеднике в Монголии (XIII-XIV вв.) имеются изображения фигур, сидящих в креслах (Юрченко 2012: 91)⁵. К. Сарткожа указывает, что в исследованных монгольским археологом Д. Баяром каменных скульптурах монгольского периода, расположенных в современной МНР, имеются 28 изображений ханского престола в виде стула (Каржаубай Сарткожа 2011). Вероятно, речь идет об одних и тех же памятниках.

Имеются данные о существовании подобных атрибутов верховной власти и в Улусе Джучи («Золотая Орда»). Согласно сообщению доминиканского миссионера Юлиана, монгольский правитель (предположительно, Бату) «поставил себе огромное и высокое ложе, подпираемое золотыми колоннами. Ложе, скажу, из золота и дражайшим образом украшенное, на котором он сидит покрытый славой и прославляемый, окутанный дорогими одеяниями» (Роман Хаутала 2015: 386).

По словам Вильгельма де Рубрука, трон Бату представлял собой «длинное и широкое позолоченное ложе; к трону вели три ступени; сидели же на троне правитель с госпожой» (Цит. по: (Юрченко 2012: 90-91)), т.е. трон был внушительных размеров и на нем могли уместиться несколько человек. На Лицевом летописном своде, именуемом «Князь Ярослав на приеме у Бату» (Рис. 12), основатель Золотой Орды изображен сидящим на «подушке власти»⁶ (троне), с короной на голове (Юрченко 2012: 364). У арабского путешественника XIV века Ибн Батуты имеется следующее описание трона золотоордынского хана Узбека: «... деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листиками; ножки его из чистого серебра, а верх усыпан драгоценными камнями. Султан садится на (этот) престол; с правой его стороны хатун Тайтуглы и рядом с нею хатун Кабак, а с левой стороны – хатун Баялун и возле нее хатун Урдуджи» (Сборник материалов 1884: 290)⁷.

В труде немецкого путешественника первой половины XV века Иоганна Шильтбергера имеется сведение, что хана Золотой Орды (Die große Tatarei) сажают на ханский престол («setzen in auff den chönigsstule») (Langmantel: 1885: 61)

Д.М. Исхаков обращает внимание на упоминание трона в эпосе «Эдигей» (Едиге) и в татарско-башкирском дастане «Тулэк һәм Сусылу» («Туляк и Сусылу»). Он приводит из поэмы «Эдигей» несколько отрывков, в которых говорится о троне – «ал тэхет» («алый трона») и «алтын ташлы тэхет» («золотокаменный трон»). Исследователь пишет: «...в рассматриваемом эпосе фигурирует особый трон, находящийся во дворце (хансарая, алтын сарай) золотоордынских ханов...В итоге допустимо предположить, что в обоих вариантах подразумевается одно и то же тронное место, трон, связанный в Золотой Орде с ханской властью. Более того, выражение «ал тэхет» можно считать сокращенным от выражения «алтын тэхет», в крайнем случае первое обозначение подчеркивало, что ханский трон был из «червоного», т.е. красного (алого) золота или был покрыт этим материалом». Далее исследователь сопоставляет сведения дастана «Тулэк һәм Сусылу» («Туляк и Сусылу»), в котором также упоминается

⁴ Выражаю большую благодарность консулу Республики Казахстан в Исламской Республике Иран Бекмурату Хайдарову и работникам Музея Реза Аббаси за оказанное содействие нашей работе.

⁵ Об особом обряде интронизации правителей Монгольской империи и семантике головного убора («Великой шапки») у монголов см.: (Скрынникова 1997: 106-112).

⁶ Об особом обряде интронизации правителей Монгольской империи и семантике головного убора («Великой шапки») у монголов см.: (Скрынникова 1997: 106-112).

⁷ В казахстанском издании данного Сборника дается немного другой перевод: «...большой трон, который они называют тахт. Он (сделан) из резного дерева; столбики его покрыты листами позолоченного серебра, а ножки (сделаны) из чистого серебра с позолотой; поверх его (постлан) большой ковер. Посреди этого большого трона (лежит) тюфяк, на котором сидят султан и старшая хатун. С правой стороны его – тюфяк, на котором сидит дочь его Иткуджуджук вместе с хатун Урдуджей, а с левой – тюфяк, на котором сидит хатун Байалун с хатун Кабак» (История Казахстана в арабских источниках 2005: 225).

трон – «алтын тэхет» («золотой трон»), «тэхет-бэхет түрэткэн («счастливый трон»), с сообщениями письменных источников – «Дафтар-и Чингиз-наме» и «Фи бейан-и тарих» (в этом источнике также упоминается «Алтын тэхет») и приходит к выводу, что здесь речь идет о троне хана Абдаллаха, правившего в Орде Мамай в 1361/62-1369/70 годах (Исхаков 2014: 175-178).

Данные атрибуты власти, по-видимому, сохранились в государствах, возникших в ходе распада Золотой Орды. Так, например, в среде историков России существует версия о золотоордынском происхождении знаменитой шапки Мономаха (Рис. 13), «символа великокняжеской власти и суверенитета Московии» (Мусульманский папа...).

Д.М. Исхаков, высказывая предположение о существовании в тюрко-татарских государствах XV–XVII веков определенной государственной символики, приводит сведения источников о наличии в них таких элементов государственной власти как корона, трон, печати и др. В частности, он, говоря о короне, ссылается на известие русских дипломатических документов, что во время приема английского посольства Ер. Бауса (1583–1584) московский царь Иван IV сидел, «имея возле себя три короны: Московскую, Казанскую и Астраханскую». Последние две короны (Рис. 14–15), по мнению исследователя, были военным трофеем. Данную гипотезу Д.М. Исхаков подкрепляет известием «Казанского летописца», что среди захваченных русскими в Казани (после завоевания города) ханских сокровищ упоминается «венечь царский», который был передан русскому царю. Также исследователь указывает на сведения о существовании «Сибирской короны» (Рис. 16). Помимо этого, он приводит выдержку из одного крымского документа, где имеется следующее описание одеяний Чингисхана – он был «в могульской ханской короне, имеющей верх зеленый, обитой белою с золотом и жемчугом шалью, с пером наперед из перьев колпицы (птица семейства ибисов – Н.А.) и дорогих камней с жемчужными подвесками». Хотя в документе эти описания приписываются Чингисхану, по мнению исследователя, они были характерны для Гиреев, правителей Крымского ханства. Далее Д.М. Исхаков приводит из того же документа сведения о троне: «на троне на синих подушках лежат: на правой стороне закон ... а по левой тарак (т.е. тамга Гиреев – Исхаков), принятый в символическую тамгу или герб». По мнению исследователя, в источниках имеются данные о наличии трона и в других татарских государствах. Он пишет: «на существование трона в Касимовском ханстве намекает автор «Сборника летописей» Кадыр-Али-бек, рассказывая о «поднятии» четырьмя карача-беками на «золотой кошме» Ураз-Мухаммета, приводит изображение престола (тэхет) в виде четырехугольника». Кроме этого в «Казанском летописце» упоминается «царское место златное». Татарский исследователь полагает, что здесь «имеется трон или тронное место» (Рис.17) (Исхаков 2009: 101–103). Согласно «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») Кадыргали-бека Косумулы, казахский султан Ораз-Мухаммед при поднятии на трон Касимовского ханства был посажен на «алтунлык сандал» – золотое сиденье, стул, трон (Сыздыкова, 1989: 239) Д.М. Исхаков отмечает, что в этом сочинении и трон русского царя Бориса Годунова назван «золотым» («алтын тах (т)» (Исхаков 2014: 178).

Следует отметить, что в дипломатических документах Московского государства XV-XVI веков имеется указание на наличие у джучидов некоего «золотого столца Саин-хана», под которым может подразумеваться трон Бату. В 1514 г. Ахмед-Гирей, сын хана Большой Орды Менгли-Гирея, писал польскому королю Сигизмунду I: «Отца нашего Саина царя золотой столец в руках у нас» (Посольские книги 1995: 46). В послании Менгли-Гирея к киевскому воеводе сообщается: «Шы Ахмата царя прогнал, царя отца столец взял» (Цит. по: (Трепавлов 2011: 252)). Кроме этого в сочинении XVI века «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи дважды упоминается трон Саин-хана. В одном случае он пишет «... на троне Саин-хана в вилайете Сарая...» (Сайын-хан тэхтіндэ Сэрай вілайэтіндэ), в другом «... в городе Сарая на троне Саин-хана...» (Сэрай шәһріндэ Сайын-хан тэхтіндэ) (Утемиш-хаджи 1992: 109, 118, 136, 144). Имеется упоминание «трона Саин-хана» в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани». Описывая интронизацию в Орду-Базаре Шибанида Абу-л-Хайр-хана, автор данного сочинения Масуд бен Усман Кухистани пишет: «...трон Саин-хана украсился присутствием влиятельного хана...» (Материалы 1969: 155). О «троне Саина» говорится и в других письменных источниках, например, в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», автор которого конкретно еще не известен и в «Шейбани-наме» Камал ад-Дина Бинаи (Материалы 1969: 17, 97). В связи с этим В.В. Трепавлов пишет о символичности «тронов Саин-хана» (Трепавлов 2011: 175). Д.М. Исхаков напротив считает, что «Саинов стул», он же «золотой трон» («алтын тэхет»), вкупе с «золотым шатром/дворцом», в Улусе Джучи действительно существовал, будучи воспроизведением более раннего имперского тронного места Еке Монгол Улуса, фактически являясь несколько уменьшенным его «клоном» (Исхаков 2014: 186).

В исторических источниках содержатся данные о существовании рассматриваемых символов власти и у других Шибанидов. Так, например, в «Фатх-наме» Молла Шади говорится: «Когда Йадгар взошел на ханский престол» (Материалы 1969: 54). В «Фирдаус ал-икбал» Муниса и Агахи имеются

следующие сведения о потомках Шибанида Йадгар-хана, которые сначала правили в казахских степях и в начале XVI века откочевали в Хорезм: «После Аминек-хана ханский престол украсился его (Ильбарс-хана – Н.А.) персоной. В году девятьсот одиннадцатом он овладел Хорезмом и возложил себе на голову корону хорезмшахов» (Материалы 1969: 437). О наследственной короне и престоле (موروثی تاج و تخت) пишет Шибанид Мухаммед Шейбани-хан в своем письме к правителю Казахского ханства Касым-хану (Алам-ара-йи 1389: 253). Хафиз-и Таныш в «Шараф-наме-йи шахи» приводит стих, посвященный Абд ал-Мумину, сыну Шибанида Абдаллах-хана (конец XVI века), в котором имеются следующие строки:

«Когда он возложит на голову корону власти,
Сядет на трон шаханшахов...» (Хафиз-и Таныш 1983: 89).

В «Мусахир ал-билад» Мухаммед-Йар ибн Араб Катагана говорится: «Дарвиш-хан ..., надев на голову корону султанства, воссел на престол падишахства и на трон правителя области Ташкент» (Материалы, 2011: 228)

Подобные выражения, как совершенно справедливо отметил Д.М. Исхаков, следуют воспринимать не только как фигуру речи, обозначающую восхождение к власти, но и как подлинное обретение центра власти в государстве в лице «золотого трона» (Исхаков 2014: 187).

Представляют интерес и рисунки в «Краткой Сибирской летописи» (Кунгурская летопись), где имеются изображения трона и короны (Рис. 18-21) (Семен Ремезов 1880; История Казахстана в русских источниках. 2005. Т. 2).

Существует мнение, что с распадом Монгольской империи ее коронационный ритуал был вытеснен тюркским обрядом поднимания ханов на войлоке (Юрченко 2012: 63). По-видимому, в постмонгольских тюркских государствах долгое время сохранялся и ритуал интронизации. Например, до нашего времени дошло предание «Бограхан (Карахан)», где описан ритуал возведения башкирских ханов на престол из белого камня («Акташ» – Белый камень) (Исянгулов, 2013).

Русский дипломат барон Е.К. Мейендорф сообщает, что в XIX веке ханы Бухары при своем восшествии на престол должны были воссесть в Самарканде на кукташ («голубоватый мрамор»), находящийся в медресе Мирзы Улугбека (Мейендорф 1975: 90). Есть сведение о воспрепятствовании в 1533 г. Шибанида Абд ал-Латифа попытке Убайдуллах-хана «по традиции короноваться на знаменитом Кук таше в мечети Бибии Ханым» (Schaibanidische, 1997: 158). Согласно сообщению Муллы Джумакули «Хумули» Ургути, приведенным Т. Бейсембиевым, в конце XVIII – начале XIX века мангытские эмиры ввели ритуал инаугурации на постаменте трона Кок-Таш. Этот трон был вытесан по приказу Эмира Тимура из камня, привезенного из Могулистана. «Со времени Субханкули-хана это место было предано верховными правителями забвению, так что трон ушел в землю. Его извлекли, покрыли коврами и, когда все было готово, эмир Хайдар вступил в зал, сел на трон Кок-Таш и устроил общий прием», – говорит автор сочинения. В нем также сообщается, что мангытский эмир Шах Мурад («Масум») «не имел желаний надеть ханскую корону» (Бейсембиев, 2004: 99-100)

Историк начала XX века Курбангали Халид в рассказе о Кокандском правителе Алим-хане говорит о драгоценном камне, которого нет даже на «коронах падишахов» (Халиди 2017: 69).

Также можно привести сообщение «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммед Хайдара Дуглата, указывающее на существование трона в государстве Тоглук-Тимуридов – в Могулистане. В этом сочинении автор, рассказывая о личных взаимоотношениях своего отца и Султан Махмуда-хана, правителя Могулистана, пишет: «В то время, когда хан восседал на троне, перед тронном расстилали палас таким образом, что мой отец сидел, опираясь на трон хана...» (Дулати 1999: 144). Учитывая, что само возникновение Казахского ханства связано с историей Могулистана, данное свидетельство Мирзы Мухаммед Хайдара Дуглата представляет значительный интерес.

Учитывая, что Казахское ханство является наравне с другими постджучидскими политическими объединениями наследником государственных традиций Улуса Джучи, а через него и Монгольской империи, мы вправе предположить преемственную связь в их символах власти⁸. Исходя из этого, нами осуществлен поиск подтверждающих данное предположение материалов.

Неиссякаемым источником информации по истории и культуре казахского народа является его фольклор, передававшийся устно из поколения в поколение. Именно в нем встречаются указания на

⁸ Интересно, что источники говорят об отсутствии у Эмира Тимура и его преемников (не чингизидов) деревянного трона. См.: (Юрченко 2012: 97–98).

существование трона и короны у казахских ханов. Так, например, в исторической песне «Сабалак»⁹, посвященной великому казахскому хану Абылаю, при описании его восшествия на трон ханства говорится:

«Тәжіні әкеп кигізді өз қолымен,
«Тағыңыз мүбәркәлі болсын!» деді.

...

Тәжі киіп, хан болып, мінді таққа

...

«Тақ пен тәжің басыңда құтты болсын,
Пайдаңды Алла Тағала берсін көпке» (Бабалар сөзі 2010. Т. 57: 213–214).

«Собственноручно надел ему на голову корону,
и сказал: «Пусть будет благословенным Ваш трон!».

...

Надев корону стал ханом, взошел на трон.

...

«Да будет благословенным трон и корона на голове,
Пусть Бог позволит принести тебе пользу людям»
(здесь и далее подстрочный перевод автора).

В другой, посвященной Абылай-хану исторической песне «Абылай хан әңгімесі», имеются следующие строки:

«Жас бала таққа мініп, киді тәжді ...» (Бабалар сөзі 2010. Т. 57: 224).

«Юноша взошел на трон, надел корону...»

О троне и короне говорится в исторической поэме «Қожеке» (Бабалар сөзі 2006: 48), в историческом эпосе «Жанқожа батыр» (Бабалар сөзі 2010. Т. 62: 296), в новеллистических дастанах «Орқа – Күлше» (Бабалар сөзі 2004. Т. 1: 222) и «Шаһмаран» (Бабалар сөзі 2004. Т. 2: 194).

В фольклоре многочисленны упоминания о троне. Так в поэме-обращении знаменитого Бухар-жыру к Абылай-хану встречаются следующие строки:

«Әй, Абылай,
Жиырма беске келгенде,
Бакты берді басыңа,
Тақты берді астыңа» (Бес ғасыр 1989: 94).

«Әй, Абылай!

В двадцать пять достались тебе счастье и трон».

Также в фольклорных материалах казахов имеется конкретизация трона «алтын тақ» – «золотой трон». Например, знаменитый жырау и батыр XVII века Маргаска так обращается к известному казахскому хану Турсыну:

«... Алтын тақта жатсаң да,
Ажалы жеткен пақырсың!» (Бес ғасыр 1989: 6).

«Пусть лежишь ты на золотом троне,
Смерть уже настигла тебя».

Как видим, здесь речь идет о большом троне, где хан мог не только сидеть, но и лежать.

Умбетей-жырау, извещая Абылай-хана о смерти знаменитого батыра Богенбая, говорит:

«... Тағы да талай бақ берсін,
Балаңа алтын тақ берсін ...» (Бес ғасыр 1989: 80).

«... Пусть (Бог) дарует тебе счастье,
а сыну твоему золотой трон».

В одном из поэм-обращений Бухар-жырау к хану Абылаю приводятся такие строки:

«... Алтын тақтың үстінде
Үш жүздің басын құрадың ...» (Бес ғасыр 1989: 98).

«На золотом троне (сидя),
объединил ты три жуза».

⁹ Выражаю большую благодарность сотрудникам Института литературы и искусствоведения им. М.О. Ауэзова КН МОН РК к.фил.н. А. Токтару и Н. Елесбай за предоставленную возможность ознакомиться с электронным вариантом многотомника «Бабалар сөзі».

В историческом эпосе «Есім хан» (Есим-хан) говорится:
«Патшаның бағы тайса, соры қайнап,
Тиынға жарамайды алтын тағы» (Бабалар сөзі 2009: 298).
«Если счастье изменить царю,
Тиын (грош, копейка) цена его золотому трону».

В исторических эпосах «Жантай батыр» (Бабалар сөзі 2010. Т. 60: 342), «Мырзаш батыр» (Бабалар сөзі 2010. Т. 63: 104), легенде в стихах «Алаша хан» (Бабалар сөзі 2012: 137), в новеллистическом дастане «Сыршы молда» (Бабалар сөзі 2004. Т. 1: 44) упоминается только корона (тәж).

Свидетельством глубокого проникновения этих символов власти в сознание и быт казахского народа являются упоминания короны и трона в казахских народных загадках. Например:

«Мекен қып бұ жиһанды падиша өткен,
Ол падиша алтын тақты мекен еткен.
Басында падишаның алтын тәжі,
Сол тәжі ақырында түбіне жеткен (Шам)» (Бабалар сөзі 2010. Т. 64: 147, 241).
«Жил на свете один царь,
Восседал он на золотом троне,
На его голове была золотая корона,
Она и стала причиной его кончины (Лампа)».

Все эти приведенные нами свидетельства взяты из казахского фольклора. Как известно, некоторые историки отказывают устному творчеству казахов в историчности, придавая статус аутентичности только письменным свидетельствам. В корне, не соглашаясь с таким подходом к источникам, мы, все же, решили поискать подобные данные и в письменных исторических источниках.

В ходе изучения письменного наследия мусульманского Востока нам удалось обнаружить некоторые данные, которые подтверждают материалы казахского фольклора. Так в «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммед Хайдара Дуглата имеется сообщение, что после смерти Мамаш-хана «на ханский трон сел Тахир хан» (Дуллати 1999: 324; Материалы 1969: 222; Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат 1389: 405) (طاهر خان برتخت خان نشست). Сведения о троне и короне у казахских правителей содержатся в анонимном персоязычном сочинении Сефевидской историографии «Алам-ара-йи шах Исмаил» (О сочинении см.: Атыгаев, Джандосова 2013: 73-84). Описывая поездку в первой четверти XVI века посла Шибанидов Джанибек-султана к правителю Казахского ханства Касым-хану и его прием казахским ханом, неизвестный автор данного сочинения пишет: «Преодолев долгий путь, Джанибек-султан прибыл в Степь. Касым-хану доложили о прибытии Джанибек-султана. Касым-хан направил ему навстречу степных аксакалов, и те, оказав Джанибек-султану почет и уважение, препроводили его к Касым-хану. Приглядевшись, он увидел Касым-хана, который, как свирепый див, восседал на Чингизхановом троне (بر بلاى تخت چنگيز خانى), сделанном из чистого золота; и четыре угла этого трона были сделаны в виде льва, леопарда, тигра и дракона. На голове у него была украшенная драгоценными камнями корона (шапка) Чингиз-хана (كلاه چنگيز خانى), стоимостью в семьдесят тысяч туманов» (Атыгаев, Джандосова 2013: 80; Алам-ара-йи 1384: 483). Как видим, общим в описании данного трона с монгольскими тронами являются ее золотая отделка и изображение дракона.

Для нашей темы представляют также интерес и русские архивные документы. В сообщении осведомителя Московского князя Василия Ивановича З. Зудова от мая 1521 г. имеются следующие слова: «А казатцкого царя Касыма сее зимы не стало. А его два салтана, и они ся еще меж собою бронят, а на (трон) царство никто не сел» (История Казахстана в русских источниках. 2005. Т.1: 61). В 1581 г. в Москве, описывая сложившуюся в Казахском ханстве после смерти Хакк-Назара ситуацию, ногайский посол Байкеш Темиров говорил: «А государя на Казатцкой Орде нет, а есть дей у них царевичь, да еще не посажен» (История Казахстана в русских источниках. 2005. Т.1: 177). Данное сведение указывает на существование в Казахском ханстве особого обряда возведения на государственный трон – интронизации. Подтверждение этому содержатся в вышеназванной казахской исторической песне «Сабалак», где описывается процесс интронизации Абылай-хана, хан Абыльмамбет усаживает Абылая на ханский трон и собственноручно надевает на его голову корону (Бабалар сөзі 2010. Т. 57: 213).

В начале XVIII века в своем письме к турецкому султану Ахмеду III казахский правитель (имя в тексте отсутствует, по мнению издателей, это был Каип-хан), называл свой трон в Ташкенте «троном Афрасиаба» (Эпистолярное наследие 2014: 93).

Также имеется сведение, связанное с кратковременным правлением известного казахского хана Абу-л-Хайра в Хиве в начале XVIII века. Очевидец этих событий Д. Гладышев, описывая прием казахского хана, пишет: «Хан сидел на ханском месте, которое учреждено амбоном (возвышение –

Н.А.), и оно покрыто персидским ковром, а на ковре подушка бархату красного, на которой Хан сидел, и на нем надета челма красная шелковая...» (Поездка из Орска 1851). Хотя речь идет о хивинском троне, очевидно, что для казахского хана Абу-л-Хайра это не было чем-то диковинным.

Также для нашей темы представляет интерес письмо хана Уали, сына Абылай-хана, к своему брату Ишим-султану, написанное в феврале 1782 г. В этом письме казахский хан, сообщая о результатах своей встречи с цинским посольством, прибывшими на поминки его отца Абылай-хана, пишет: «Посланец был весьма любезен с нами и вручил много даров. Меня величали «Вали-хан». /Посланец/ посадил /меня/ на золотое сиденье ...» (Восточная дипломатия 2015: 232).

Таким образом, изучение источников и научной литературы дает возможность *предположить*, что трон и корона использовались в Казахском ханстве в качестве символов верховной власти и государственности. Своим происхождением они были связаны с монгольскими государственными атрибутами власти. В свою очередь, монголы, вероятно, заимствовали их от государств более раннего периода. Так, например, К. Сарткожа приводит сведения исторических источников о наличии трона у хунну (сюнну) и древних тюрков (Каржаубай Сарткожа 2011). Также можно предположить, что в Казахском ханстве существовал ритуал интронизации правителей, который также являлся заимствованием от государств предшествующих эпох.

Мы остановились только на двух атрибутах власти в Казахском ханстве. Бесспорно, что в ханстве были и другие государственные символы. Так, например, в вышеназванном сочинении «Алам-ара-йи шах Исмаил» имеются данные о казахском знамени (знамя Чингисхана) и барабане (Атыгаев, Джандосова 2014: 5–13). О девяти казахских знаменах сообщается в сочинении «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали (Материалы 1969: 331). В «Тарих» Шах-Махмуда Чураса говорится о семи бунчуках и знаменах казахского правителя Хакк-Назар-хана (Материалы 1969: 380). В казахском фольклоре встречаются данные о знаменах казахских ханов. Например, есть сведение, что у Абылай-хана были белые знамена. Одно из них – «Абылайдың ақ туы», по непроверенной информации, находится ныне у казахов Монголии, другое долгое время хранилось у казахов Китая (Жэди Шәкенұлы. Ер Жәнібек ...). В труде «Тауарих хамса» Курбангали Халида говорится о красном, белом, зеленом знаменах казахских правителей. Согласно его сообщению, красное знамя Урус-хана находилось у казахского хана Есима (Құрбанғали Халид 1992: 103-104)¹⁰. Согласно приводимому Ч.Ч. Валихановым преданию, потомки Ондан-султана были известны под именем «султанов красного знамени» (Валиханов 1985: 173) Все эти сведения требуют специального исследования. В целом, ученым-историкам Казахстана еще предстоит решить важную исследовательскую задачу – изучение возникновения и генезиса символов власти и государственной атрибутики на территории Казахстана.

¹⁰ На это наше внимание обратил к.и.н. А.И. Исин.

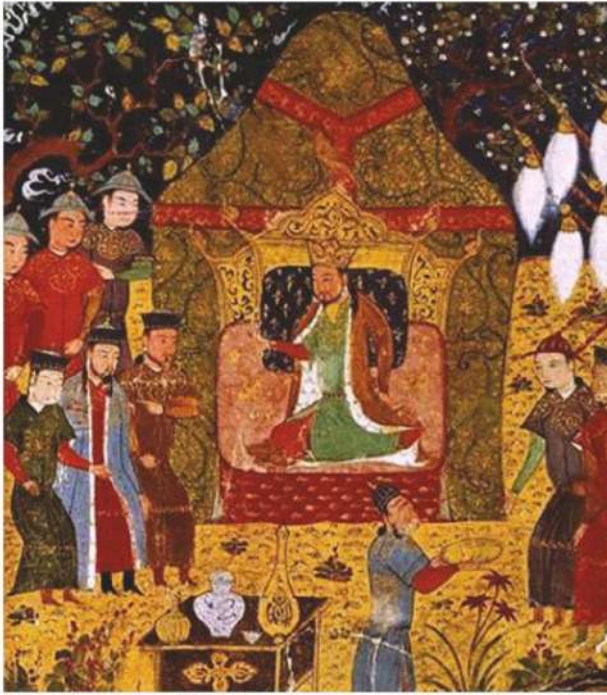

Рис. 1. Возведенный на трон Темучин провозглашает себя Чингисхан. Справа его сыновья Угэдей и Джучи. Из иллюстрированной рукописи «Джа ат-таварих» Рашид-ад-Дина

Рис. 2. Чингисхан на троне с Бортэ, перед ним коленапреклоненные сыновья, по сторонам придворные, слуги готовят яства [40].

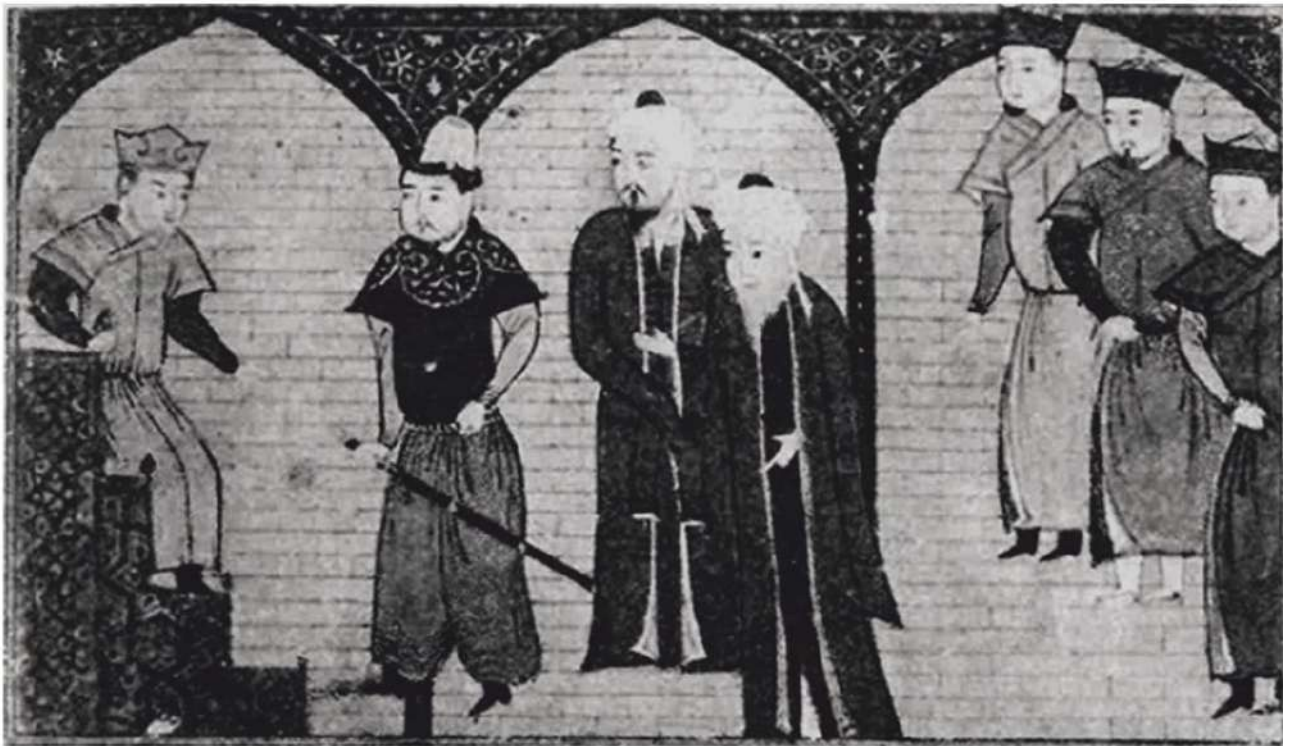

Рис. 3. После падения Бухары взошедший на трон Чингисхан принимает сановников [40].

Рис. 4. Чингисхан принимает сановников. Иллюстрация к рукописи книги Рашид ад-дина «Джами ат-таварих», выполненная персидскими миниатюристами [18].

Рис. 5. Чингисхан принимает своих сыновей на берегу Сырдарьи [32].

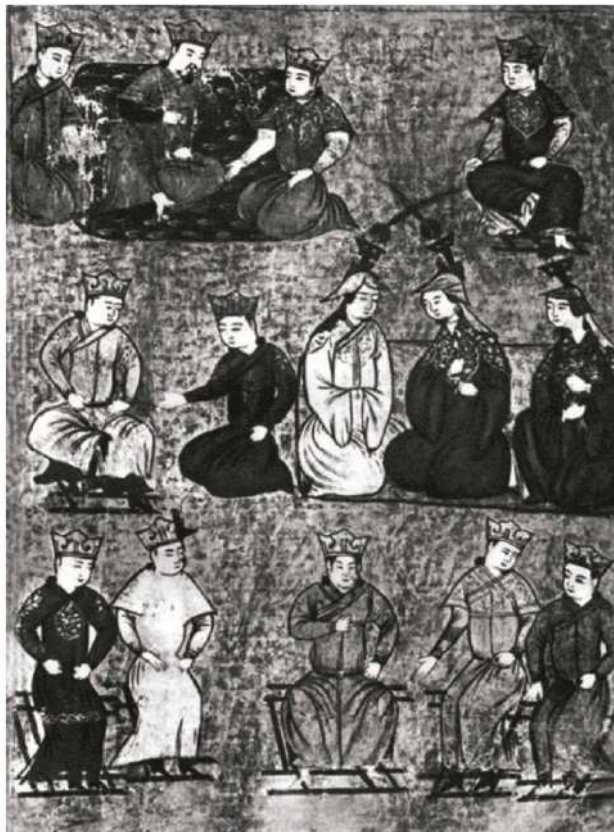

Рис. 6. Портрет Чингисхана с женами и сыновьями. Китайская миниатюра XIV в. [17].

Рис. 7. Портрет Чингисхана в окружении его детей и внуков. Китайская миниатюра XIV в. [17].

Рис. 8. Монгольские правители и придворные Газан-хана. Газан-хан сидит на троне со своей женой Булуган-хатун, четыре других восседают на сандаловых креслах [40].

Рис. 12. Князь Ярослав на приеме у Бату [43].

Рис. 13. Шапка Мономаха – переделанное на Руси изделие золотоордынских мастеров начала XIV в. (версия доктора искусствоведения Г. Ф. Валесвой-Сулейминовой) [18].

Рис. 15. «Корона Царства Астраханского» [18].

Рис. 14. «Казанская шапка». XVI в. [18].

Рис. 16. «Корона Царства Сибирского» [18].

Рис. 17. Трон казанских ханов, переделанный русскими мастерами для московских правителей (версия искусствоведки Р. Г. Шагеевой) [18].

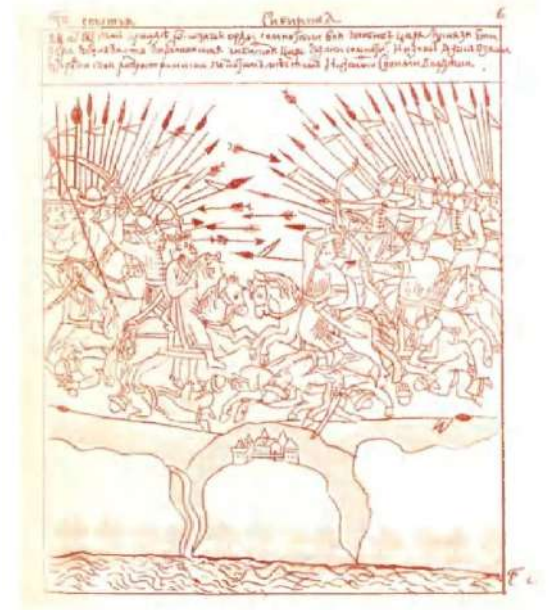

Рис. 18. Прибытие хана (царя) Кучума Шибанида со многими войнами "от Казачьей орды" в сибирский город Кашлык и его победоносное сражение с местными князьями Тайбугидами Едигером и Бекбулатом [21].

Рис. 19. Снаряжение курултаем чувашей, воинов “Казачьей орды”, вогуличей, остяков и всех “татар” сибирского хана Кучума и его племянника Мухаммедкула (Маметкула) из г. Кашлыка на р. Тобол навстречу Ермаку [21].

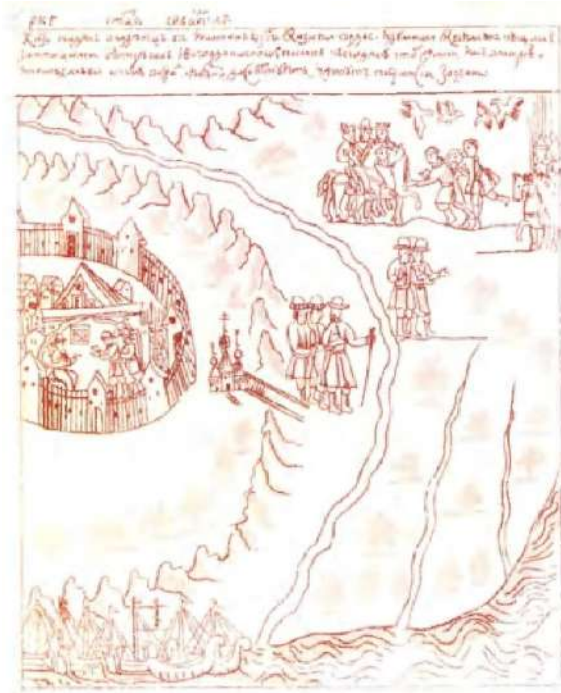

Рис. 20. Охота сибирского князя Саййид-Ахмата (Сейдяка), казахского “царевича” Ораз-Мухаммед-султана и думного Кучум-хана с ястребами на перелетных птиц и отправление из г. Тобольска к Саййид-Ахмату посланников от русского воеводы Даниила Чулкова [21].

Литература

- Алам-ара-йи шах Исмаил. Предисловие, комментарий и приложения: Асгар Мунтазар Сахиб. Шираз, 1349/1971. 2-е издание. – Тегеран, 1384/2005. – 703 с.
- Атыгаев Н.А., Джандосова З.А. Новый источник по истории Казахстана XVI века: предварительные результаты изучения «Алам-ара-йи шах Исмаил» // Отан тарихы-Отечественная история. 2013. №2. – С. 73–84
- Атыгаев Н.А., З.А. Джандосова. Поход Абу-л-Хайра, сына Касым-хана, против Сефевидов (по данным «Алам-ара-йи шах Исмаил») // Отан тарихы. №2. 2014. – С. 5–13.
- Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т.1: Хикаялық дастандар. – Астана: «Фолиант», 2004. – 360 б.
- Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т.2: Хикаялық дастандар. – Астана: «Фолиант», 2004. – 352 б.

- Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т. 28: Қытайдағы қазақ фольклоры. – Астана: «Фолиант», 2006. – 376 б.
- Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т.56: Тарихи жырлар. – Астана: «Фолиант», 2009. – 408 б.
- Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т.57: Тарихи жырлар – Астана: «Фолиант», 2010. – 408 б.
- Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т.60: Тарихи жырлар. – Астана: «Фолиант», 2010. – 448 б.
- Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т.62: Тарихи жырлар. – Астана: «Фолиант», 2010. – 376 б.
- Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т.63: Тарихи жырлар. – Астана: «Фолиант», 2010. – 456 б.
- Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т.64: Жұмбақтар. – Астана: «Фолиант», 2010. – 432 б.
- Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т.89: Аңыздық жырлар. – Астана: «Фолиант», 2012. – 432 б.
- Бес ғасыр жырлайды: 2 томдық. Құрастыр. М. Мағауин, М. Байділдаев. – Алматы: Жазушы, 1989. – Т.1. – 384 бет, суретті.
- Бейсембиев Т.К. Возрождение чагатайской государственной идеи в Мавераннахре (конец XVIII — начало XIX вв.) // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы: Дайк пресс, 2004. – 372 с. С. 97–114.
- Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4 – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской, 1985. 461 с.
- Восточная дипломатия на стыке цивилизаций (конец XIV- 70 годы XIX вв.) Сборник документов и материалов. – Астана: Ғылым», 2015. – 400 с.
- Доманин А. Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники. – М.: Изд-во: Центрполиграф, 2010. – 432 с. Формат: FB2. // http://bookz.ru/authors/aleksandr-domanin/mongol_s_459.html.
- Ерофеева И.В. «Символы казахской государственности. Позднее средневековье и новое время». Алматы: Издательский дом «Аркаим», 2001. – 152 с.
- Жәди Шәкенұлы: Ер Жәнібек – қазақтың хас батыры – <http://kerey.kz/?p=81>.
- Из глубины столетий / Сост., вступительные статьи и комм. Б.Л. Хамидуллина. – Казань: Татар.кн. изд-во, 2004. – 271 с., с илл.
- История Казахстана в арабских источниках. Т. I – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б. Е. Кумекова, А. К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 711 с.
- История Казахстана в русских источниках. Том I. Посольские материалы Русского государства (XVI–XVII вв.). Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словников указателей А. Исина. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 704 с. + 16 с. вкл.
- История Казахстана в русских источниках. Том 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана / Сост., транскрипция, комментарии, вступительная статья И.В. Ерофеевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 448 с. + 8 с. вкл.
- Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. –143 с.
- Исхаков Д.М. Золотоордынская этнология татар: 1. Эпический и исторический «Золотой трон» («Алтын тәхет») / Золотоордынское обозрение. 2014. № 3(5). С. 175-190
- Исянгулов, 2013 – Исянгулов Ш. Ритуал возведения на престол древнебашкирского хана // <http://www.pandia.ru/text/77/499/12023.php>
- Каржаубай Сарткожа. Тюркские правители / <https://kharjaubay.wordpress.com/2011/01/21/%D1%82%D1%8E%D1%80%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8/>
- Құрбанғали Халид. Тауарих хамса (Бес тарих). – Алматы, 1992.
- Материалы по истории Казахстана и Центральной Азии. Выпуск 1. Составитель и ответственный редактор Ж.М. Тулибаева. – Астана: Национальный центр археографии и источниковедения, 2011. – 276 с.
- Материалы по истории Казахских ханств XV-XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. - Алма-Ата, 1969. – 652 с.
- Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга и Бухару. Москва: Главная редакция восточной литературы, 1975, – 183 с.
- Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат. Тарих-и Рашиди. Под редакцией доктора Аббаскали Гаффари Фарда. – Тегеран, 1389. – 859 с.
- Мусульманский папа на московском троне (11.11.2011) // <http://islamrf.ru/news/events/umma/18897>
- Мухаммед Хайдар Дулати. «Тарих-и Рашиди». Перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой, 2-е издание дополненное. Алматы: Санат, 1999. – 656 с.
- Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным, издана с приложением современной карты миллерова пути от Орска до зюнгорских владений и обратно Я. В. Ханьковым. СПб. 1851 // <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XVIII/1740-1760/Muravin/text1.htm>
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. Подгот. текста Н. М. Рогожина. Махачкала, 1995. – 356 с.
- Пугаченкова Г., Галеркина О. Миниатюры Средней Азии. В избранных образцах. Из советских и зарубежных собраний. М.: Издательство: Изобразительное искусство, 1979 (PDF)

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. Пер. с перс. А.К. Арендса под ред. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса и А.Ю. Якубовского. М.-Л., 1946. – 340 с.

Хаутала Роман. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного племени сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual +Heritage». Вып. 2. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 496 с.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды В. Тизенгаузена. Т.1. Извлечение из сочинения арабских. – СПб., 1884. – 564 с.

Скрябинникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. – М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН, 1997. – 216 с. ил.

Семен Ремезов. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. – Санкт-Петербург, 1880. – 54 с.

Султанов Т.И. «Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть». Москва: АСТ, 2006. – 445, (1) с. – (Историческая библиотека).

Сыздыкова Р.Г. Язык «Жами ат-таварих» Жалаири. – Алма-Ата, 1989. – 243 с.

Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды / Отв. Ред. И.М. Миргалеев. – Казань: ООО ««Фолиант»», 2011. – 252 с.

Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдина. Комментарии и указатели М. Х. Абусеитовой. Алматы: Гылым, 1992. – 296 с.

Филлипс Э.Д. «Монголы. Основатели империи Великих ханов». 2003, (PDF) / http://www.historylib.org/historybooks/E--D--Fillips_Mongoly-Osnovateli-imperii-Velikikh-khanov-/22

Халиди К. «Тауарих-и хамса-и шарқи» - Шығыстың бес тарихы: бірінші кітап. – Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 2017. – 328 б.

Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. «Шараф-наме-йи шахи» (Книга шахской славы) / Пер. с перс., введ., прим. и указатели М.С. Салахетдиновой. Ч. 1. – Москва, 1983. – 298 с.

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675-1821 годов. Сборник исторических документов в 2-х томах / Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев, составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Алматы: «АБДИ-Компани», 2014. – 696 с. + вкл. 44 с. Т. 1. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. – СПб.: Евразия, 2012. – 232 с. +72 с. цв. илл.

Langmantel V. (Hrsg.) Hans Schiltberger Reisebuch. — Tübingen: 1885. - 200 s. – (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, CLXXII).

Schaibanidische Grabinschriften herausgegeben von Baxtiyor Babadjanov, Ashirbek Muminov, Jurgen Paul. – Wiesbaden, 1997. – S. 190+30.

Также использованы иллюстрации из работ:

Александр Доманин. Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники. – М.: Изд-во: Центрполиграф, 2010. – 432 с.

Из глубины столетий / Сост., вступительные статьи и комм. Б.Л.Хамидуллина. – Казань: Татар.кн. изд-во, 2004. – 271 с., с илл.

История Казахстана в русских источниках. Том 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана / Сост., транскрипция, комментарии, вступительная статья И.В. Ерофеевой. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.

Семен Ремезов. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. – Санкт-Петербург, 1880. – 54 с.

Пугаченкова Г., Галеркина О. Миниатюры Средней Азии. В избранных образцах. Из советских и зарубежных собраний. М.: Издательство: Изобразительное искусство, 1979

Филлипс Э.Д. «Монголы. Основатели империи Великих ханов». 2003(PDF)

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. – СПб.: Евразия, 2012. – 232 с. +72 с. цв. Илл

N.A. Atygayev

**ABOUT SOME SYMBOLS OF POWER
(THRONE AND CROWN: FROM THE MONGOLIAN EMPIRE TO
THE KAZAKH KHANATE)**

The paper deals with such symbols of power and state paraphernalia of medieval states as a throne and crown. The author cites sources of data on the availability of these symbols in the Mongol Empire and Post-mongol States. The researcher suggests that the throne and crown used in the Kazakh Khanate as a symbol of sovereignty and statehood. The author justifies his assumption by the materials of Kazakh folklore and information of written sources. According to the author, the origin of the throne and crown have been associated with the Mongolian government attributes of power. In turn, the Mongols probably borrowed them from the States of earlier period.

ҚАБАНБАЙ БАТЫРДЫҢ ШАРАЙНАСЫ

Өткен ғасырларда елдің тәуелсіздігін, халықтың еркіндігін қорғаған қазақ батырлары ұстанған қару-жарақтардың, әртүрлі замандағы түрлі қиындықтарға қарамай, осы уақытқа дейін сақталып жеткен нұсқалары аз емес. Олардың кейбірі музей қорларында жинақталса, кейбірі батырлар ұрпақтарының қолдарында сақталып келеді. Сондықтан ондай жәдігерлерді тиянақтап зерттеу, оларды ғылыми айналысқа енгізу - қарутану ғылымының бүгінгі маңызды мәселелерінің бірі. Қазақ халқының әскери ісін, қазақ жауынгерлерінің өткен ғасырлардағы қару-жарақпен жабдықталу деңгейін, қару жасау өнерін танып білу үшін ертеде қазақ жауынгерлері қолданған қару-жарақ түрлерінің осы уақытқа дейін жеткен әр үлгісінің құндылығы өте зор.

Сондай көне жәдігердің бірі - кейінгі ұрпақтарында сақталып келген Қабанбай батырдың қорғаныс жарағының бір нұсқасы. Қабанбай Қожағұлұлы (1692-1770) найман тайпасының ішіндегі Қаракерей руының Байжігіт тармағынан шыққан атақты батыр, дарынды қолбасшы, қазақ-жоңғар соғысы кезіндегі ерліктері мен қолбасшылық өнерінің арқасында «Дарабоз», «Хан батыры» атақтарына ие болған қазақтың ең ұлы батыры екені көпшілікке жақсы белгілі. Осындай ұлы тарихи тұлғаның мемориалдық затының халық үшін де, ғылым үшін де қаншалықты маңызды екені түсінікті. Бұл жәдігер қазір Қабанбай батырдың сегізінші ұрпағы, Шығыс Қазақстан облысы, Ұржар ауданы, Қарабұлақ ауылының тұрғыны Жыңса Жұмай Мұқаметқалиұлының қолында сақтаулы. Жұмай Мұқаметқалиұлының айтуынша, бұл жаракты әкесі Мұхаметқали Жыңса атасынан алып қалған, ал Жыңсаға оның арғы бабаларынан жеткен. Шежіре бойынша олардың ата-бабалары Қабанбай батырдан былай таралады екен. Қабанбай – Сырымбет – Пошық – Тектеміс – Телтай (Итжан) – Жыңса – Көксеген – Мұқаметқали – Жұмай. Қабанбай батыр қайтыс болғанда сауыт-сайманы мен ұстаған дүниесін жақын ағайындары бөліп алған екен, Жұмаштың бабаларына батырдың қорғаныс жарағының осы бөлігі тиген. Бұл затты батыр ұрпақтары ғана емес, бүкіл ел киелеп, біреу ауырса, шошынса, бала көтермесе батырдың ұрпақтарынан сұрап алып, ұйқтағанда бастарына жастап жатып, дертіне шипа беретін зат ретінде қолданып отырған. Батыр ұрпақтары бабадан қалған мирас ретінде бұл киелі затты музейлер сұраса да бермей, өз әулеттерінде сақтағанды жөн санап отыр. Біз бұл жарактың фотосын, қысқаша дерегін беріп, бұл жәдігерді зерттеп, ғылыми мақала жазуға мүмкіндік бергені үшін Жұмай Мұқаметқалиұлына үлкен алғысымызды айтамыз.

Бұл затқа осы уақытқа дейін ғылыми тұрғыдан зерттеу жүргізілген жоқ, сондықтан бұл мақалада біз бұл жәдігердің қандай жарак түрі екенін, қорғаныс жарағының жеке түрі ме, әлде бөлігі ме, оның дәстүрлі атауы қалай, оны қалай қолданған, қолдану уақыты қай заманға жатады деген сияқты сұрақтарға жауап бермекпіз. Қабанбай батырдан қалған қорғаныс жарағы дөңгелек пішінді қалқанша түрінде болат темірден соғылып жасалған, үстіңгі жағында оймасы бар. Бүйірінен қарағанда сәл дөңестеу болып келеді. Қалқаншаның жиегі бойымен он алты тесік салынған, алты тесік қос-қостан жасалып, үстіңгі оймасының ортасында бір тесік, төменгі жиегінде екі тесік және орта тұсында сәл төмендеу бір тесік салынған (сурет 1, 1,2). Биіктігі 15 см, ені 19 см. Сақталуы орташа, іші-сыртын біршама тот басқан.

Бұл заттық жәдігерді ғылыми әдебиеттерге сүйене отырып, музейлік аналогтарымен, бейнелік материалдармен салыстыра зерттеу, бұл зат - ертеде жауынгерлер кеудені қарудан қорғау үшін сауыттың сыртынан киген, қазақ тілінде «шарайна» деп аталатын, бір-бірімен қайысбаулармен жалғасқан төрт болат қалқаншалардан тұратын қорғаныс жарағының бір бөлігі екенін көрсетті. «Шарайна» сөзі қазақ тіліне парсы тілінен ауысқан сөз, оның құрамындағы «шар» сөзі қазақ тіліне парсы тілінен енген «шардақ», «шарбақ», «шарқат», «шаршы» сөздеріндегідей «төрт» санын білдіреді. Жарак қалқаншаларының беттері айнадай жарқыратылып қоятындықтан оны «айна» деп атаған. Яғни «шарайна» – «төрт айна» деген сөз. Шарайнаның айналары болаттан жасалатындықтан қазақтың батырлық жырларында бұл атаудың «шарболат» (яғни, «төрт болат») деген синонимі де қолданылады. Яғни бұл қорғаныс жарак түрі **төрт болат қалқаншалардан** тұрады.

Қазақтың батырлық жырларында шарайна батырлардың жауынгерлік сауытпен бірге, оның сыртынан киетін қорғаныс жарақтарының бірі ретінде айтылады.

Үстінде оның бар еді
Сауыт пенен шарайна.

«Жұбаныш» (Ақсауыт, 1977, 2 Т., 99 б.)

Бадана көзді берік сауыт

Баса үстіне киеді.

Және де киді *шарайна*.

«Айсаның ұлы Ахмет» (Қазақ халық әдебиеті, 1990, 6 Т, 199 б).

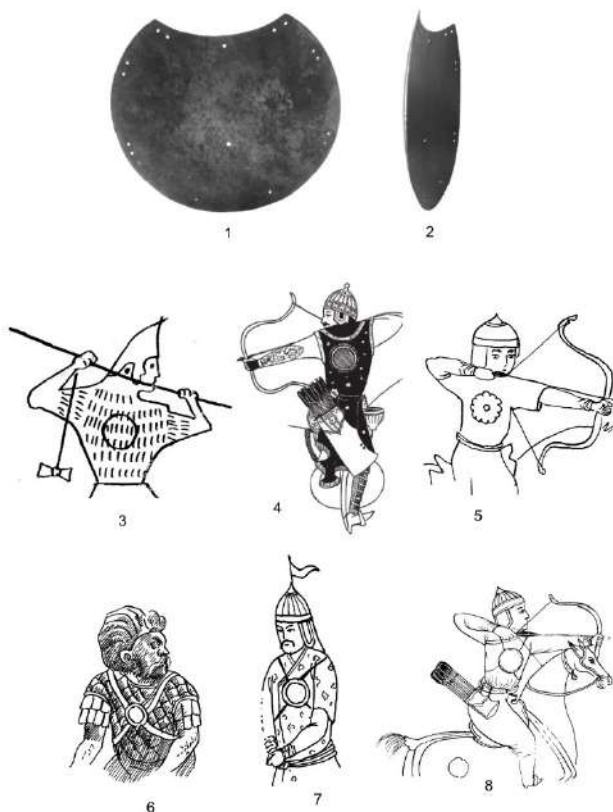
Ішінде бар ақсауыт,

Сыртында бар *шарайна*.

«Қыдырбай ұлы Қобыланды» (Қазақ халық әдебиеті, 1990, 6 Т, 27 б).

Шарайна әдетте кіреуке, көбе, қаттау сияқты сауыттардың сыртынан қосымша жарақ ретінде киілді.

Шарайнаның **төртбұрышты** қалқаншалардан (айналардан) және **дөңгелек** қалқаншалардан (айналардан) құралған **екі түрі** болады (Ахметжан, 1999, 43-60 б.; 2006, 143-147 б.). Бейнелеу өнері деректері дөңгелек қалқаншалы шарайна түрі Орта Азияда, Қазақстанда, Иранда, Индияда, Непалда, Тибетте қолданылғанын көрсетеді. Бұл шарайна түрінің тарихына зер салатын болсақ, иконографиялық деректер дөңгелек болат қалқаншаларды қосымша қорғаныс ретінде көшпелі халықтарда өте ерте заманнан (б.з. дейінгі V ғ.) қолданыла бастағанын куәләйді. Алғашқыда бұл екі дөңгелек қалқаншалар тікелей сауыттың және сырт киімнің кеуде және арқа тұсында бір-бірден бекітілді (сурет 1, 3-5). Кейін бұл дөңгелек айналар бір-бірімен қайысбау арқылы жалғанып, сауыттың және киімнің сыртынан жеке киіле бастайды да, қорғаныс жарағының бір түрі - шарайнаға айналады.

Сурет 1. Дөңгелек болат қалқаниша түріндегі қорғаныс жарағы. 1,2) Қабанбай батырдан қалған жәдігер – жауынгерлік қорғаныс жарағының бөлігі. 3-5) Өнер ескерткіштерінде сауыттың және сырт киімнің сыртынан қосымша қорғаныс ретінде бекітілген болат қалқаншалар (айналар) бейнелері (3 - кеудесінде қорғағыш қалқаниша бекітілген кіреуке киген түркі жауынгерінің бейнесі. Тастағы сурет. VIII-IX ғғ.; 4 - арқасына қорғағыш қалқаниша бекітілген берен сауыт киген шығыстық жауынгер. Р.Робинсонның кітабынан, парсы миниатюрасы. 1540 ж.; 5 – сырт киім кеудесіне дөңгелек қорғағыш қалқаниша бекіткен жауынгер. Низамидің шығармаларына салынған суреттен.

Бұқара. XVII ғ.). 6-8) Қайысбаулармен жалғасқан екі болат қалқаниша (айна) түрінде сауыт сыртынан киілетін қосымша жарақтың суреттері (6- дөңгелек қалқанишалы қорғаныс жарағын киген қиуан жауынгері. Тас рельефтен. Б.з. дейінгі I ғ.- б.з. I ғ.; 7,8 – осындай жарақ киген шығыстық жауынгерлер. Низамидің шығармаларына салынған суреттен.

Бұқара. XVII ғ.).

Өнер ескерткіштеріне және музей материалдарына сүйенсек бұл дөңгелек қалқаншалы шарайнаның **төрт типі** болғанын көреміз. Дөңгелек тақталы шарайнаның **I-типінде** қайысбаулармен жалғасқан екі болат айна болды да, олар кеуде мен арқаны ғана қорғап тұрды. Олардың қайысбаулары иыққа айқаса киілді. Шарайнадағы арқа және кеуде тақталардың диаметрі, формасы негізінен бірдей болып келеді.

Қаттама, кіреуке сауыттар сыртынан киілген шарайнаның бұл үлгісін кушан, түркі тайпаларының өнер ескерткіштерінен кездестіреміз (сурет 1, 6-8). Бұл үлгі б.з. дейінгі VI ғасырдан қолданыла бастаған (Ахметжан, 2006, 144-143 б.).

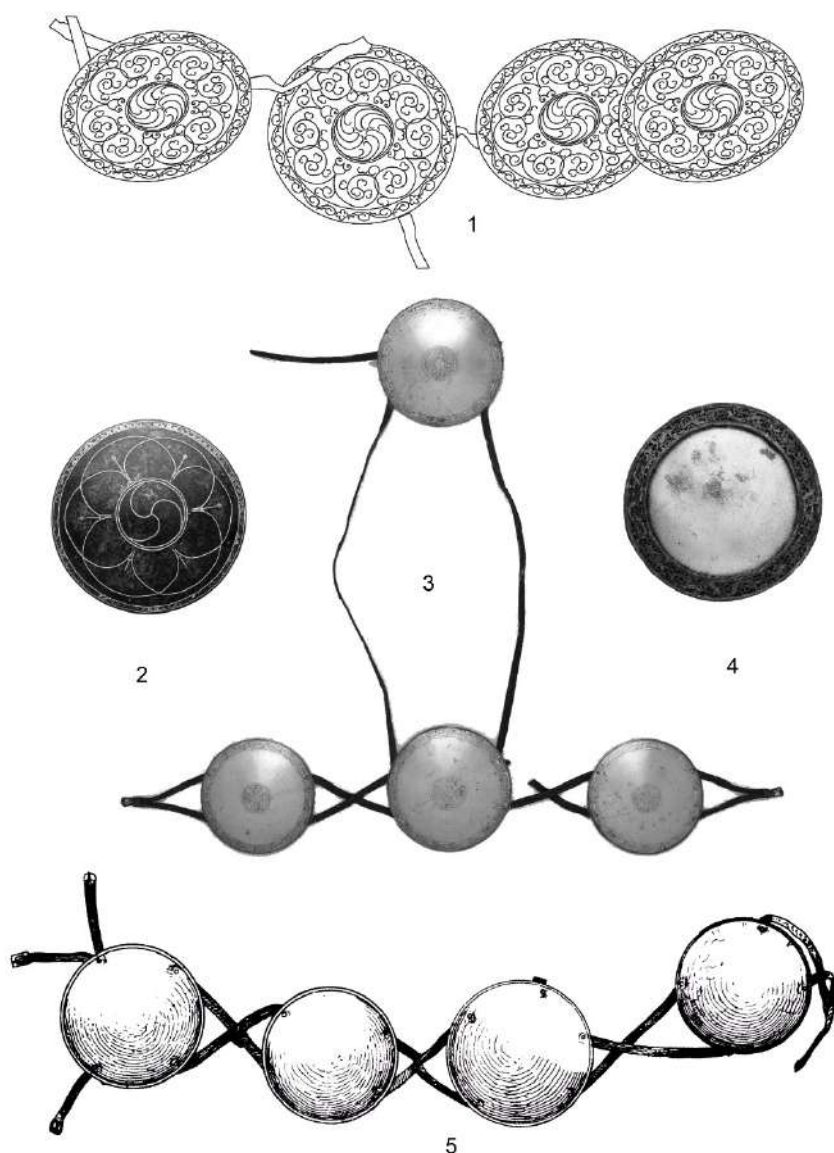
Шарайнаның **II-типінде** қайысбаулармен қосылған екі дөңгелек қалқаншалар кеудені қорғап, қайысбаулары арқылы иыққа айқаса киіліп, арқа тұсында тек шығыршық арқылы байланысады. Мұндай шарайна үлгілері қыпшақ, түркі балбал тастарында бейнеленген (сурет 2, 1-4). Түркі заманындағы балбал тастарда бұл шарайна типі аз кездессе, қыпшақ заманында оның кең қолданыста болғанын көруге болады. Түркі балбал тастарында олар шартты түрде бейнеленгендіктен тек қалқаншалары (айналары) көрсетіледі де, баулары салынбайды, бірақ кейбір түркі балабалында қайысбауды да көруге болады. Ал қыпшақ балбалдарында оның бөліктерінің байланысуы, қайысбауларының орналасуы, киілу әдісі – бәрі нақтылы бейнеленген (Ахметжан, 2017, с. 68-72).

Сурет 2. Дөңгелек қалқаншалы шарайналар типтері. 1,2) Қыпшақ балбал тастарындағы дөңгелек қалқаншалы шарайнаның бейнелері. XII-XIII ғғ. С.А.Плетневадан). 3) Дөңгелек қалқаншалы шарайна киген көне түркі жауынгері. Тас мүсін. Тува. VIII ғ. С.И.Вайништейннен. 4) Шарайна киген жауынгер. Көне түркі тас мүсіні. Алтай. VIII ғ. В.Д.Кубаревтан. 5) Сауыт сыртынан төрт дөңгелек қалқаншалы шарайна киген жауынгерлер. Қабырғадағы суреттен. VIII ғ. Шығыс Түркістан. 6,7) Дөңгелек қалқаншалы шарайна киген шығыстық жауынгерлер. Низамидің шығармаларына салынған суреттен. Бұқара. XVII ғ.

XVII-XVIII ғасырлардағы шығыс миниатюраларынан түркі халықтарында дөңгелек қалқаншалы шарайнаның **III-типінде** кеудені және арқаны қорғайтын екі айналарға жауынгердің екі иығын қорғайтын тағы екі дөңгелек қалқанша қосылып қолданылғанын көреміз. Шарайнаның бұл үлгісінде де кеуде, арқа, иық қалқаншаларының диаметрі және пішіні бірдей. Арқа, кеуде тақталары біреуден, иықта – екеу, яғни жарактың атауына сәйкес айналардың жалпы саны – төрт (сурет 2, 5-8). Бұл

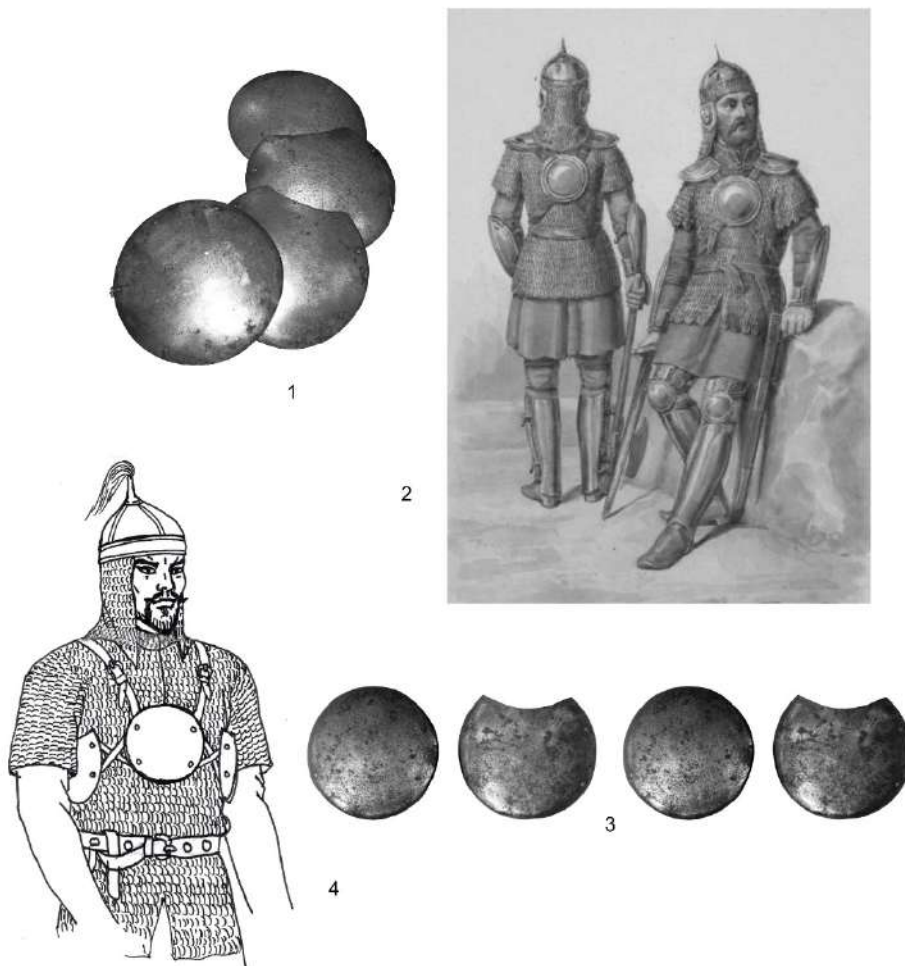
қорғаныс жарағының парсы, түркі тілдерінде «шарайна» («төрт айна») аталуы осы заманнан қолданыла бастады (Ахметжан, 2017, с.73; Akhmetzhan, 2019, p. 70-71).

Сурет 3. Қайысбаумен жалғасқан төрт дөңгелек қалқаншалар түріндегі шарайналар. 1) Ортаазиялық шарайна. Өзбекстан халықтары тарихы музейі. Ташкент. XVIII ғ. 2-4) Тибеттік шарайна және шарайнаның әшекейлі қалқаншалары. XIX ғ. Нью-Йорк. Метрополитен музейі. 5) Непал шарайнасы. XIX ғ. Э.Эгертонның кітабынан

Дөңгелек шарайнаның **IV типі** де төрт қалқаншадан тұрады да, екі қалқанша жауынгердің екі бүйірін қолтық тұсында қорғап, екеуі кеудені және арқаны қорғап тұрады. Мұндай шарайна XVII-XVIII ғасырларда қазақтарда, ортаазиялық түркі халықтарында қолданыста болған (Ахметжан, 2006, 144-145 б.; Бобров, 2002, с. 124-125). Мысалы, осындай көлемі мен пішіндері бір, өзара қайысбаумен жалғанған төрт дөңгелек қалқаншалардан құралған шарайна үлгісі Ташкенттегі Өзбекстанның халықтары тарихы музейінде бар (сурет 3, 1). Қалқанша беттері бедерлеу әдісімен өрнектеліп жасалған (Абдуллаев, Фахретдинова, Хакимов, 1986, с. 125, фото 86). Көбіне мұндай шарайнаның бүйірлік қалқаншалары үстіңгі жағында қолтыққа батпас үшін ойыс болып жасалады. Мысалы, Ресейдің Санкт-Петербургтағы Артиллерия, инженерлік әскер және байланыс әскері музейінің қорында осындай Шығыстық шарайнаның дөңгелек қалқаншалары сақтаулы (сурет 4, 1). Кезінде орыстың XIX ғасырдағы суретшісі Ф.Г. Солнцев (1801—1892), өзінің «Древности Российской империи» деген кітабында, бұл шарайнаны орыс қару-жарағына жатқызып, оның киілу әдісінің реконструкциясын берген болатын. Бірақ ол екі бүйірлік қалқаншаларды иыққа кигізіп қойған (сурет 4, 2). Бұл типті шарайна түрі Солтүстік Индияда, Непалда, Тибетте де қолданылған (Бобров, Худяков, 2008, с. 479-480). Осындай тибет шарайнасы және оның әшекейлі қалқаншалары Американың Нью-Йорктегі Метрополитен

музейінен коллекциясында бар (сурет 3, 2-4). Ағылшы зерттеушісі лорд Эрл Эгертон «Индия және Шығыс қару-жарағы. Маури державасынан Ұлы Моғол империясына дейін» атты кітабының Непал қару-жарағына қатысты бөлімінде, непал қару-жарағының Тұранмен байланысы барын жаза отырып, непал қару-жарағын бейнелейтін иллюстрациясында «чар-айна» («шарайна») деп аталатын осындай жарақ түрінің суретін береді (сурет 3, 5). Осы айтылғандардан шығыс халықтарында бұл шарайна түрінің географиялық таралу аймағы кең болғанын көреміз.

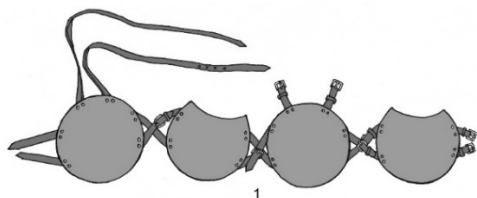

Сурет 4. Дөңгелек қалқаншалы шарайналар. 1) Шығыстық шарайнаның қалқаншалары. XIX ғ. Артиллерия, инженерлік әскер және байланыс әскері музейі. Ресей. Санкт-Петербург. 2) Шарайнаның киілу әдісі. XIX ғасырдағ орыс суретшісі Ф.Г.Солнцевтің суретінен. 3) Жауғаш батырдың шарайнасының қалқаншалары. XVIII ғ. 4) Шарайнаның киілу әдісі. Автордың суреті.

Бұл шарайна типі қазақтарда да жауынгерлік қорғаныс жарағы ретінде XVIII ғасырдың аяғына дейін қолданылып келді. XVIII ғасырда Жетісуда өмір сүрген белгілі батыр, жоңғарлармен соғыста белсенді күрес жүргізген Қырбасұлы Жауғаш батыр қолданған дәл осындай шарайнаның төрт қалқаншалары, батырдан қалған киелі дүние ретінде, оның ұрпақтарында батырдың басқа заттарымен бірге екі ғасыр бойы сақталып бүгінге дейін жетті. Бұл заттардың тарихы Б. Әбілдаұлының «Жауғаш батыр – Абылай ханның елшісі» атты кітабында айтылады (Әбілдаұлы, 1998). Кезінде батырдың ұрпақтарының сұрауымен бұл шарайна қалқаншаларымен танысып, ғылыми негізде зерттеп, қарутану ғылымы тұрғысынан сипаттап, оның бұрынғы толық нұсқасының графикалық реконструкциясын жасап, киілу әдісін де қалпына келтіріп, арнайы мақала жариялағамыз, кейін оны өзіміздің зерттеу кітаптарымызға да енгіздік (Ахметжан, 2003, 23 б; Ахметжан, 2006, 143 б.). Бұл шарайна Қабанбай батыр шарайнасын қандай болғанын түсінуге көмектесетіндіктен, оны сипаттамасына қысқаша тоқталып өтейік. Жауғаш батыр шарайнасының қалқандары қалыңдығы 1 мм болат темірден соғылып жасалған. Екі қалқаншасының пішіні дөңгелек, олар кеуде және арқа тұсын қорғайды, олардың жиегіндегі 6 тесіктерде қайысбауларды бекіткен қайырма шегелері бар. Ал екі қалқаншасының үстіңгі жағында ойығы бар, олар жауынгердің денесін бүйірден, қолтық тұсынан қорғайды, олардың жиегіндегі төрт тесіктерде де қайысбаулар бекітілген қайырма шегелері сақталған (сурет 4, 3). Қалқаншалардың

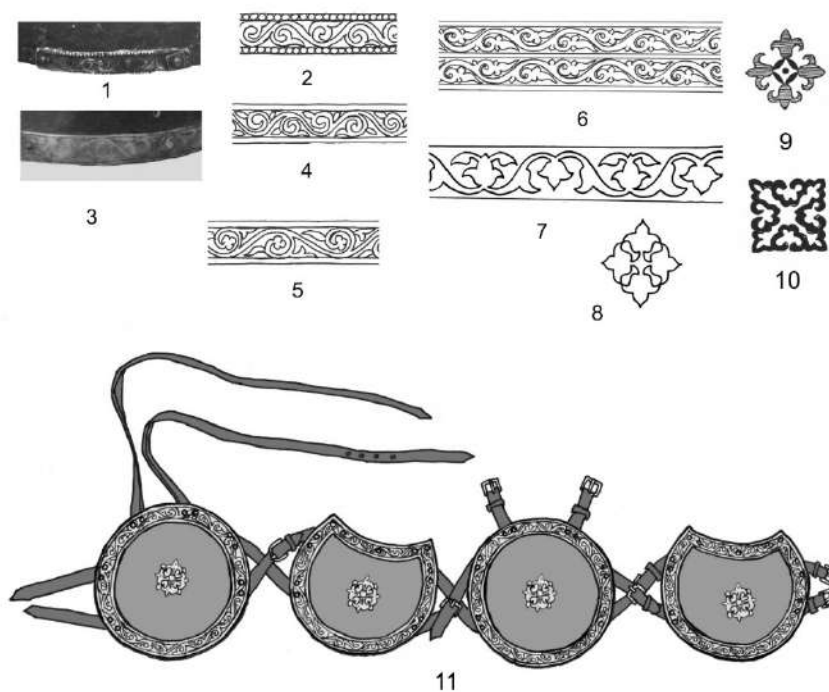
диаметрі 19 см, бүйір қалқаншаларының биіктігі 15 см. Барлық қалқаншаларда жиегінің бойымен жіңішке ойма сызық жүргізілген. Жиіктерінде сақталған кейбір қайырма шегелер мен оның шайбаларының арасында қайысбаулардың үзілген қалдықтары қалған. Қалқаншалардың беттері кезінде жалтыратылып қойылған болу керек, қазір тоттың іздері басқан, беттерінде еш әшекей, өрнек жоқ. Зерттеу барысында шарайна қалқаншаларында қайысбаулардың бекітілу орны, оның шегелері, қайысбаулардың қалдығы, және осы шарайна типінің өнер ескерткіштеріндегі, музейлік және археологиялық материалдардағы аналогтарын зерделеу бұл айналардың бір-бірімен байланысу әдісін, шарайнаның жалпы формасын, оның денеге киілу тәсілін анықтауға мүмкіндік берді. Осы нәтижелерге сүйене отырып Жауғаш батырдың шарайнасының толық графикалық реконструкциясы жасалып, киілу әдісі қалпына келтірілген болатын (сурет 4, 4).

Қабанбай батыр шарайнасы. Енді Қабанбай батырдың ұрпақтарында сақталған жәдігерге келетін болсақ, оның Жауғаш батырдың шарайнасының бүйірлік қалқаншалармен бірдей екенін көруге болады, олардың өлшемдері де сәйкес келеді. Яғни, Қабанбай батырдың шарайнасының бөлігі де - дөңгелек шарайнаның IV-типіннің бір бүйірлік (қолтықтық) қалқаншасы. Қалқаншадағы қос-қостан жасалған тесіктер, оның қайысбауларын бекіткен қайырма шегелердің орнының тесіктері. Музейлік шарайналарда қайысбаулар дөңгелек қалқаншаларға бір шегемен де, осылайша екі шегемен де бекітілетінін көреміз. Қабанбай батыр шарайнасының басқа бөліктері сақталмаса да, Жауғаш батырдың шарайнасымен және басқа да музейлік аналогтарымен салыстыра зерттеу арқылы басқа қалқаншалары қандай болғанын толық қалпына келтіруге болады. Шарайнаның басқа бөліктері де Жауғаш батырдың шарайнасының бөліктеріндей болғанында күмән жоқ. Қабанбай батыр шарайнасы да қайысбаулар арқылы бір-бірімен жалғасқан **төрт қалқаншадан** тұрған. Дәстүр бойынша кеуделік және арқалық қалқаншалар дөңгелек болғаны күмән келтірмейді. Жауғаш батырдың осындай шарайнасына және басқа да аналогтарға сүйене отырып, біз Қабанбай шарайнасының кеуде және арқа қалқаншалардағы қайысбаулардың орнын, олардың бүйірлік қалқаншалармен жалғасу әдісін анықтай аламыз. Ал сақталған бүйірлік (қолтықтық) қалқаншаның тесіктері арқылы оның қайысбауларының орны бізге белгілі. Шарайнаның төрт дөңгелек қалқаншалары осы қайысбаулармен, тоғабастармен бір-біріне қосылып, иықтан тартылып, кеуде тұсына киілді. Біз осы айтылғандарға сүйене отырып Қабанбай батыр шарайнасының толық қалпының ғылыми-графикалық реконструкциясын жасап шықтық (сурет 5, 1). Осы графикалық реконструкцияның негізінде нақтылы материалдармен шарайнаның заттық реконструкциясы жасалды және оның киілу әдісі қалпына келтірілді (сурет 5, 2,3). Тек біз заттық реконструкцияда оның әшекей элементін ғана жасаған жоқпыз.

Сурет 5. Қабанбай батыр шарайнасы. 1) Шарайнаның графикалық ғылыми реконструкциясы. 2) Шарайнаның заттық реконструкциясы. 3) Шарайнаның сауыт сыртынан киілу әдісі. Реконструкция авторы Ахметжан К.С.

Қабанбай батырдың шарайна қалқаншасында қайыстарды бекіткен шегелердің тесіктерінен басқа, жоғарғы ойыс жағының жиегінің шетінде қос-қостан екі тесік, ортасында бір тесік, астыңғы жағында екі тесік болуы - қалқаншаның жиегін айналдыра қайырма шегелермен әшекей жапсырма бекітілгенін, ал ортасындағы тесік ондай жапсырма әшекей ортасында да болғанын куәлейді. Яғни, Қабанбай батырдың биік әлеуметтік статусына, батырлық дәрежесіне сай оның шарайнасы әшекейлі болып жасалған. Бірақ өкінішке орай әшекейлері сақталмағандықтан олардың қандай болғанын тап басып айту қиын. Дегенмен кейбір заттық, бейнелік деректерге сүйене отырып, шарайна әшекейінің қандай болғанын болжауға болады. Әдетте сәнді шарайналардың жиегі мен беті кейде күміс немесе алтын қақтау әдісімен, кейде жезден, алтыннан шекімелеу әдісімен бедерлеп жасалған жапсырма әшекеймен көркемделеді. Музейлік материалдардан мұндай әдістермен көркемделген шарайна қалқаншаларын көруге болады (сурет 3, 1-4). Біз Қабанбай батырдың шарайнасы қазақ шеберлерінің қолынан шыққан дүние деп санаймыз. Қазақтың қорғаныс жарақтарында, мысалы, шарайналарда, дулығаларда жиектерін жез пластинадан шекімелеп бедерленген жапсырма әшекеймен көркемдеу әдісі жиі кездеседі. Әдетте олардың өрнегі – шексіз иірленген өсімдік сабағы түріндегі өрнек. Бұл өрнек - түркі халықтарында өте ерте заманнан қолданылып келе жатқан өрнек түрі. Қазақтың халық өнерінде де әртүрлі заттардағы (мысалы, қорамсақ, садаққаптың, ғимараттың, құлпытастың және т.б.) ою композициясының жиегі осы өрнекпен жиектеледі (сурет 6, 1-7). Бұл – осы өрнек түрінің ою композициясында белгілі бір символикалық мәнімен байланысты болу керек. Қалқаншаның ортасында қандай әшекей болды деген сұраққа келетін болсақ, әдетте қазақ қол өнерінде ою-өрнектердің төртбұрышты немесе дөңгелек композициялары мифтік әлемді символдап, олардың ортасында мифтік әлем ағашының өрнектік бейнесі орналасады (сурет 6, 8-9). Шарайнаның дөңгелек қалқаншаларының ортасында да осындай мифтік әлем ағашының символикалық бейнесі қолданылды деп жорамалдауға болады. Дәстүрлі қолөнер туындыларында көркемдік дәстүрлер де тұрақты сақталатынын ескерсек, шарайна қалқаншаларының жиегінде және ортасында бекітілген жапсырма әшекейлерде осы өрнек түрлері қолданылды деп болжам жасай аламыз. Олар магиялық қызмет атқарып, шарайнаның қорғағыш күшін арттыруға тиісті болды. Біз Қабанбай батыр шарайнасының графикалық реконструкциясының бір нұсқасында оның әшекейін осындай болжаммен жасап көрдік (сурет 6, 11). Осындай шарайна өзінің материалды-конструкциялық ерекшелігімен ғана емес, әшекейінің магиялық қасиетімен де жауынгер денесін қарудан, қауіп-қатерден қорғап тұруға тиісті болды.

Сурет 6. Қабанбай батыр шарайнасы әшекейінің болжамдық реконструкциясы. 1-10) Қазақ қолөнері заттарында қолданылған жиектік өрнектер үлгілері (1-4 – дулығаның жиегіндегі жапсырма әшекейдің өрнегі; 5 – қорамсақтың жиегіндегі өрнек; 6 – құлпытастың жиегіндегі өрнек; 7,8 – шарайнаның жиегі мен ортасындағы өрнектер; 9,10 – киіздегі өрнектер). 11) Қабанбай батыр шарайнасында жапсырма әшекейлердің орналасуының болжамдық реконструкциясы. Автордың суреті

Сонымен сөзімізді қортындылайтын болсақ, мынандай түйіндер түюге болады.

1) Зерттеу нәтижелері Қабанбай батырдан қалған жәдігер – «шарайна» деп аталатын қорғаныс жарағының бір элементі екенін көрсетті.

2) Қабанбай батыр шарайнасын тарихи реконструкциялау нәтижелері бұл қорғаныс жарағының үлгісі - «Хан батыры» аталған ұлы батырдың атағына, әлеуметтік және әскери дәрежесіне сай көркемделген нұсқа болғанын куәлейді.

3) Шарайнаның бетіндегі ою-өрнек көркемік мақсатымен бірге, магиялық қорғау элементі қызметін атқарған.

4) Қабанбай батырдың шарайнасының сақталған бөлігін зерттеу, шарайнаның қалпына келтірген графикалық және заттық нұсқасын жасау қазақ шарайнасының конструкциялық ерекшелігін тереңірек түсінуге, жалпы қазақтардың жауынгерлік жарақтарының түрлерін тануға көп көмек берді.

5) Қабанбай батыр шарайнасы – түркі-қыпшақ шарайналарынан дамып шыққан қазақ шарайналарының бір үлгісі. Қазақтардың қорғаныс жарақтарының түрлерінде қазақ халқын құраған рулардың ертедегі қару-жарағымен генетикалық байланысы көрініс тапқан.

6) XVIII ғасырларда атақты қазақ батырларының соғыста жақсы жарақтанғанын, күшейтілген қорғаныс ретінде батырлар денелеріне сауыт, оның сыртынан қосымша жарақ ретінде шарайна кигенін көреміз.

7) Осының бәрі біздерге өткен ғасырлардағы аңызға айналған қазақ батырларының шынайы, нақтылы жауынгерлік келбетін көз алдымызға елестетуге мүмкіндік береді.

Әдебиеттер

Абдуллаев Т., Фахретдинова Д., Хакимов А. Песнь в металле: Народное искусство Узбекистана. Альбом. – Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1986. – 252 с.

Әбілдаулы Б. Жауғаш батыр – Абылай ханның елшісі. – Алматы: Мерей, 1998. – 260 б.

Ақсауыт. Екі томдық. жыры / Құраст., алғы сөзін, түсініктерін жазған О.Нұрмағамбетова. Т. 2: Батырлық дастандар. – Алматы: Жазушы, 1977. 378 б.

Ахметжан К.С. Зерцало султана Арыстана Айчувакова // Экономические и политические мотивы расширения колониальной политики царизма в условиях утверждения капитализма в Казахском крае: Межвузовский сборник научных трудов. Алматы. АГУ им. Абая, 1999. - 102 с. (43-60).

Ахметжан К.С. Жауғаш батырдың қару-жарағы // Қазақ тарихы. Республикалық ғылыми-педагогикалық журнал. 2003. № 4. - 12-18 бб.

Ахметжан Қ.С. Қазақтың дәстүрлі қару-жарағының этнографиясы. – Алматы: «Алматыкітап» ЖШС, 2006. – 216 б.

Ахметжан К.С. Половецко-кыпчакские боевые зеркала // «ҰЛЫ ДАЛА: ӘСКЕРИ ТАРИХ» ғылыми-практикалық конференциясының материалдар жинағы / Сборник материалов научно-практической конференции «ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ: ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ». -Астана: 2017. – 326 бет. (68-74 бб.).

Akhmetzhan K.S. «Kazakh military armor (history, traditional terminology, classification) ». - Astana: «GLOBAL LTD» LLP 2019. – 132 p.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего Средневековья // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии: Сб. науч. статей / Под ред. Ю. С. Худякова, С. Г. Скобелева. Новосибирск: НГУ, 2002. - С. 106-168.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – 776 с., ил.

Қазақ халық әдебиеті: Көп томдық / Қаз ССР Ғылым академиясының М.О. Әуезов атындағы әдебиет және өнер институты. Т. 6: Батырлар жыры (Мұрын жыраудан қалған мұралар) /Құраст. Қ. Мыдықов, О. Нұрмағамбетова. – Алматы: Жазушы, 1990. – 272 б. суретті.

Эгертон Эрл. Индийское и восточное оружие. От державы Маурьев до империй Великих Моголов / Пер. с англ. И.А. Емеца. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 294 с.

K.S. Akhmetzhan

MIRROR ARMOR OF KABANBAY BATYR

This article elaborates on the results from the study of a sample of combat armor of a famous Kazakh batyr from Karakerey tribe, Kabanbay Kozhagululy, which has been kept by descendants of the batyr's. The study suggests that the sample represents side plate of a type of a Kazakh mirror armor "Sharayna".

Based on analysis of the similar Kazakh mirror armors with round plates which can be found in museums and depicted in visual documentary materials, including similar mirror armor of the Kazakh batyr Zhaughash Kyrbasuly, also kept by

his descendants, the author created graphical reconstruction of the original look of Kabanbay batyr's armour. Graphical reconstruction was followed by authentic reconstruction of the armor made from original materials which also restored the way of wearing. The surviving holes which are found along the edges and one in the middle of the examined sample indicate that the edges and in the center of the plates were decorated by ornamental metal sheets fixed with rivets. Based on the study of mirrors armors in museums, the traditional decorating methods of Kazakh armor and weapons, the article also provides alternative graphic reconstruction of the mirror armor with the proposed decorative design.

К. Батырева

*Институт калмыцкой филологии и востоковедения
Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова
г. Элиста, Россия
E-mail: kermen77@yandex.ru*

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИЗАЙНА*

*“Мы кочуем навстречу себе,
Узнаваясь в другом...” Олжас Сулейменов*

Рассматривая костюм в спектре его утилитарной, компенсаторной, соционормативной, информативной, психоадаптивной, эстетической, знаково-символической функций выделим актуальную сегодня экологическую направленность традиционной одежды как системы жизнеобеспечения человека.

Проблема взаимоотношений человека и среды в последнее время приобретает драматический характер. Сегодня проблемы экологии затрагивают все стороны жизни человека, имея основополагающее значение в материально-предметной сфере его бытия, и в частности, в одежде. Предмет заботы современного дизайна – комплексная средовая адаптация человека в скоростном темпе реалий, а также создание условий адаптации средствами одежды. Поэтому народный костюм, как часть общечеловеческой культуры и среды обитания этноса, представляется возможным рассматривать как эмпирическую творческую деятельность, направленную на создание взаимообусловленных субъект-объектных связей, предметно осмысленных и художественно обозначенных в пространстве.

Актуальность экологических проблем заставляет современное общество взглянуть на излишне прагматичную по отношению к природе человеческую деятельность, переосмыслив экологический аспект традиционной культуры, таких традиционных систем жизнеобеспечения, как костюм и жилище, позволяющих вернуться к истокам органичного взаимодействия человека и природы, вспомнить себя ее неотъемлемой частью – детищем матери-природы.

Представление о природе как о живом существе, одухотворение ее сил несет в себе культурное наследие монгольских народов. Сотворенная природой человеческая жизнь взаимосвязана с иными формами жизни, что предполагает изоморфность всех ее проявлений, включая человека, не возвышающегося – равного среди других природных объектов. Персонафикация природы является фактором взаимообратимого тождества человека и природы в кармическом круговороте перерождений. Древняя натурфилософия Востока о пяти первоэлементах – земле, огне, воздухе, воде и пространстве – органично вошла в космогонию буддизма с его призывом к ненасилию и состраданию ко всему живому. Через систему религиозных воззрений складывалось отношение к миру – природе, где все взаимосвязано друг с другом, обуславливая нравственные нормы поведения в социуме. Интеграция архаичного сознания и этнического мировоззрения обусловлена плодородной почвой кочевого менталитета, сущность которого составляет преемственно-наследственная связь с природой.

Картину мира этнической культуры калмыков составляет гармония равнозначимых человека и природы, их взаимосвязанное единство. Именно здесь проецируются мировоззренческие установки человека, соединяя звенья системы «СРЕДА – ЧЕЛОВЕК». В качестве среды в этой системе подразумевается изначальная среда обитания человека – Природа. Диалектически взаимосвязаны, а еще точнее взаимообусловлены: природа – человек, жилище – человек, костюм – человек. Человек, как видим, органично соотносим со средой (пространством обитания), различающейся степенью непосредственной к нему близости.

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 19-512-44002 / 19 «Народное декоративно прикладное искусство ойратов Монголии и калмыков России: общее и особенное в сравнительно сопоставительном анализе».

Параметрами Пространства и Времени выражается вселенская модель традиционного жилища калмыков «ишкя гер». Гелиоцентрическую символику в конструкции кибитки несет верхний круг «харачи» с расходящимися лучами-унинами красного цвета. С солнцем связано этническое самоназвание народа «улан залата хальмгуд». В образном переводе джангароведа А.Ш. Кичикова калмыки - это «дети Солнца» (Кичиков, 2004, с. 209).

По ходу солнца с востока на запад западномонгольские ойраты, предки калмыков, ушли из Азии в Европу, обретя здесь новое отечество. Мобильный хозяйственный уклад жизни народа определяло пастбищное скотоводство, дававшее все необходимое для жизни, в том числе жилище и одежду. Ландшафт и солнце напрямую обуславливали состояние подножного корма для скота, а значит, бытие народа в целом. В создании “второй природы”, каким являлось жилище, оптимальный вариант первичной ячейки освоенного мира, органично претворялась культурная память народа. Калмыцкая кибитка «ишкя гер» – своеобразная модель вселенной, в которой зашифрован код традиционной культуры.

Таким же кодом правомочно рассматривать народный костюм. Гелиоцентризм жилища закономерно проецируется в бытовой среде народа, определяя ее этнические особенности. Самобытен и многообразен головной убор калмыков, в совокупности его элементов таится глубинный смысл традиционной культуры, их породившей. Такая его деталь, как красный верх «улан зала», объединяет комплексы женской, девичьей, мужской бытовой, воинской или культовой одежды. Модификации ее различны, это может быть пышный махор на головном уборе замужней женщины «халмаг», скромная шелковая кисточка на девичьей шапочке «камчатка» или красный верх мужской шапки «хаджилга». Национальная идентичность изящно выражена в солнечной символике калмыцкого головного убора. Такая интерпретация естественно вытекает из структуры народного костюма: красная кисть «улан зала» органично сопряжена с верхней частью костюма калмыков. Атрибут народного костюма ярко и красочно фиксирует этническое самосознание народа в ментальном контексте его традиционной культуры. Опыт историко-культурной реконструкции этнического наследия представлен в постоянной экспозиции Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Батырева, Батырева, 2005).

В народном костюме калмыков сохранилось много тотемистических реликтов духовных воззрений ойрат-монгольских народов. Одежда как оберег: крылообразная пройма женской безрукавки “цегдг”, имитирующей птицу, манжеты рукава нижнего платья “терлг”, имеющие форму копыта жеребенка или подвески – шарики из гагачьего пуха в головном уборе девушки. Имитация животных форм жизни, более приспособленных, чем человек, к природному окружению, должна была служить оберегом и магическим образом сообщать одежде защитные свойства. Вышитый узор охранительной символики располагается на головном уборе воротника и груди, на манжетах рукавов и по краям распашной безрукавки, обегая вырез на подоле, обусловленный ездой женщины на лошади. Вышитый декор украшает народный костюм и оберегает человека, располагаясь в тех местах, где его тело, выходя из-под одежды наружу, непосредственно соприкасается с окружающей средой.

Знаковость цвета в традиционном костюме обусловлена семантикой этнокультурной среды обитания, изначально связана с природным окружением. Белый цвет – «материнский», как луч света, производит в спектре все остальные, диалектическая оппозиция ему – «отцовский» черный. Белый олицетворяет чистоту духовных помыслов, такое значение цвета закреплено во многих формулах калмыцкого фольклора, в т.ч. в пожелании человеку белой дороги. Желтый означает святость буддийского вероучения. Красный – цвет дневного светила. Вечная синева неба в монгольской культуре ассоциирована с мужским началом, Цветовая гамма согласно традиционному мироощущению калмыков соотносится с пятью чувствами и желаниями «тавн кусл» человека. Остальные-производные пяти основных.

Вышитый калмыцкий орнамент «зег», его объемный характер обусловлен пластической выразительностью геометрии и тональной разработкой цвета, где черный является стержнем композиции узора. Принцип построения орнамента сопряжен с ритмико-цветовой организацией внутренней среды обитания кочевника (жилища). Помимо геометрического, растительного и зооморфного, в калмыцком орнаменте можно выделить тавровый, именной, мужской и женский, а также астральный, культовый и алфавитный. Астральным орнаментом обозначены явления природы, сезоны года, стороны света и память об исторической прародине калмыков – Западной Монголии (Батырева, 2019, с.213). Отметим: в калмыцкой орнаментике, как и в мировоззрении народа, человек не противопоставлен миру, являясь его составной частью. Таков узор «кюн-зег», распространенный в художественной черни ювелирных серебряных изделий, входящих в ансамбль костюма. Орнамент выступает историко-генетическим кодом традиционной культуры народа, проецирующим

взаимоотношения человека и природы. Сакральное в орнаментике число «3» обозначает триединство бытия: прошлого, настоящего и будущего. Анализ орнаментального декора народного костюма позволяет резюмировать: центр всего сущего везде, в каждой точке вселенной, и любая точка приобщена к абсолюту (Природе) (Батырева, 2006, с.96).

Имея утилитарное назначение, одежда несет в себе особенности национального эстетического идеала, сформированного средой обитания народа и уровнем ремесленного производства, а также историко-культурными связями с другими сообществами. Все это получает выражение в ансамбле народного костюма: одежде, головном уборе, обуви и атрибутах. Среда творческого осмысления пространства и формы предполагает естественное обращение к природным материалам, обусловленное потребностями кочевого общества. Исторически сложившаяся система ремесел была связана с изготовлением бытовых вещей и техникой нанесения орнаментального декора на войлок, кожу, дерево, металл и, конечно, ткань. Духовная культура народа выражает органичное единство человека и природного окружения в их равноправных гармоничных взаимоотношениях.

Бесконечна проблема «цивилизованного» осмысления народного костюма, как уникального творческого потенциала, и реализации его методами современного дизайна. В этом русле закономерно обращение к народному костюму, как культурному первоисточнику. Здесь жива генетическая память предков. Многочисленные поиски культурной, гуманитарной идентичности, воплощенной в экологических традициях «этнической культуры» представляет экодизайн костюма, интереснейшим ракурсом которого становится синтез и стилизация культурных традиций разных народов в творчестве многих дизайнеров. По сути, он становится своеобразным призывом обратиться лицом к экологическим истокам бытия традиционного общества, к использованию рукотворных материалов и применению забытых технологий. Современный экодизайн, питающий корни в прикладном искусстве и фольклорной традиции, предлагает соавторство с природой, раскрывающее духовную сторону бытия вещей, окружающих человека. Таким образом, этническая самобытность представляется необходимым условием коллективно-личностной идентификации и источником вдохновения для современного дизайнера. Актуализация данного направления в дизайне костюма обусловлена как степенью осознания экологических проблем, так и характером индивидуального самовыражения создателя в поиске жизнеспособной концепции гармонии мира и человека будущего.

Интересно подчеркнуть: в культуре Востока человек – субъект в системе, предполагающей обратную взаимосвязь его с дизайнером в процессе творческого диалога и выступающий соавтором в создании костюма. «Если человек не подчеркивает своей выделенности из природы, это еще не значит, что он не осознает, а тем более не реализует своего отличия от остального живого мира. Прежде всего, это свидетельство отсутствия потребности у общества в подобном противопоставлении. Это характеризует традиционное общество, ориентированное, прежде всего, на выявление черт тождества и сходства. Как создание природы, человек осознает себя в связях с живой природой и органично тождествен ей. Вместе с тем, как носитель культурного начала, человек объективно противопоставлен началу природному» (Ермилова, 1997, с. 23).

Самобытное мировоззрение и мироощущение монгольских кочевников сформировало традиционную экологическую культуру. В дизайне народного костюма калмыков, в его конструктивно-художественном решении и технологии, экология, как категория гармонии природы и человека, заложена изначально. Это оригинальный свод нравственных ценностей и гармоничная картина мира, выражающие равнозначимое единство человека и природы художественными средствами традиционного прикладного искусства калмыков (Батырева К, 2006). Непрерывно преобразовывая действительность, общество ностальгирует и стремится сохранить и воссоздать первозданную чистоту взаимоотношений с природой в средовых комплексах разного масштаба - от макро до микро: в биосферных заповедниках, в бионической архитектуре, в интерьерах, в стилизации традиционной одежды народов и других объектах культуры и искусства. А обращение к народному костюму, как культурному первоисточнику, в дизайне одежды дает шанс человечеству ответить на экологический вызов современности, найти путь гармонизации личного микропространства и оптимизировать средовые отношения на макроуровнях.

В условиях эскалации проблем экологии и тотального потребления комплексная адаптация человека средствами одежды получает новый импульс для поиска совершенной формулы взаимодействия со средой. В этом русле бесконечна проблема «цивилизованного» осмысления народного костюма, как уникального творческого потенциала и реализация его методами современного дизайна. Поэтому в творчестве дизайнеров живет генетическая память предков, заново переосмысленная художественными средствами декоративно-прикладного и промышленного искусства в духе эпохи. Творческое фольклорное начало и средовой подход в создании дизайнерской

одежды необходимы сегодня, в противном случае, утратив актуальные времени утилитарные качества, современная одежда будет подражанием - «этнографичной картинкой» или реконструкцией – в лучшем качестве. Поэтому сегодня перспективным в дизайне костюма видится экологическое направление, питающее вдохновение в экосфере художественного наследия и прикладного искусства традиционного общества.

Литература

Батырева К.П. Калмыцкий народный костюм – материализованная картина мира // Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное. Материалы международной научной конференции. Элиста, 2006. С.116-118

Батырева С.Г., Батырева К.П. Ментальная символика в экспозиции Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты // Народы Калмыкии: проблемы национальной идентичности и менталитета. Элиста: Издательство: Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, 2005. С.11-18.

Батырева С.Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX - нач. XX вв. Элиста, 2006.

Батырева С.Г. Меандр "зег" в декоре войлока как отображение мировидения калмыков и ойратов Монголии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 210-221.

Ермилова Д.Ю. Экологическое направление в дизайне одежды // Сборник научных трудов кафедры дизайна костюма. М., ГАСБУ. 1997. С. 12-40.

Кичиков А.Ш. Образная память народа как знак культуры // Живопись как знак культуры. О творческом наследии народного художника России Гарри Рокчинского. Элиста, 2004. С. 208-210.

К.П. Batyreva

TRADITIONAL COSTUME AS A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL DESIGN

The original outlook and the environment perception of Mongolian nomads formed a traditional ecological culture. In the design of the Kalmyk folk costume, in its constructive and artistic solution and its technology, ecology is initially laid down as a category of harmony between nature and man. This is an original set of moral values and a harmonious picture of the world, expressing the equivalent unity of man and nature through the artistic means of traditional applied art of Kalmyk's. Constantly transforming the reality, society is nostalgic and seeks to preserve and recreate the pristine purity of relationships with nature in environmental complexes of different scales - from macro to micro: in biosphere reserves, in bionic architecture, in interiors, in the stylization of traditional clothing of peoples and other objects of culture and art. And the appeal to folk costume as a cultural source in the design of clothing gives humanity a chance to respond to the environmental challenge of modernity, to find a way of harmonization of personal micro space and optimize environmental relationships on the macro levels.

Д.В. Воронин

*Томский государственный университет
г.Томск, Россия*

E-mail: voronin-tsu@yandex.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Когда древние римляне высказали мысль о том, что «История – учительница жизни», то они не предполагали насколько она окажется актуальной на все последующее время. Правда, нередко мы говорим о том, что история ничему нас не научила. Об этом писал и представитель английского Просвещения Болинброк работе «Письма об изучении и пользе истории»: «Как жаль, милорд, что даже самая лучшая история так редко говорит, что – либо нашему разуму» (Болинброк, 1978, с.10.). Этому способствовало нарушение основных принципов исторического исследования, а и фальсификации в угоду меняющейся политической конъюнктуре. Подобные явления происходили повсеместно. Болинброк считал, что: «...во все времена история нарочито и систематически фальсифицировалась и

что пристрастие и предрассудок были причиной как вольных, так и невольных ошибок даже в лучших сочинениях» (Болинброк, 1978, с.10).

Поэтому долг историка в ходе исследования состоит, прежде всего, в соблюдении основных методологических принципов, что позволит избежать ошибок в изучении исторических процессов. В связи с этим, очевидно, что научное знание исторических и этнокультурных процессов, происходивших в конце XIX- в первой половине XX в.в Казахстане, невозможно без исследований исторических корней, без объективного обоснования особенностей изучения исторического прошлого и развития этнокультурных процессов в стране.

После покорения Казанского и Астраханского ханств в XVI в. Российское государство вплотную приблизилось к казахским кочевьям, что позволило установить регулярные торговые и дипломатические отношения между Россией и казахскими ханствами. В XVIII в., драматичном для казахов, когда джунгарское нашествие создало реальную угрозу их безопасности и суверенитета, казахские ханы стали искать военной защиты у Российской империи. В известном произведении Ильяс Есенберлина “Кочевники“ отмечалось: «Да, уже не отдельные мудрые люди, а весь народ понимал, что в борьбе со страшной угрозой с востока страна казахов могла найти реальную поддержку лишь со стороны России» (Есенберлин,1978, с.248). Этот процесс проходил трудно. Нередко сиюминутные интересы превалировали, но с исторической точки, зрения, казахские ханы сделали правильный выбор.

Для нас представляет интерес следующий вывод писателя: «Да, такова закономерность истории. Присоединение к России спасло страну казахов от уничтожения, вовлекло ее народ в современный мировой исторический круговорот, способствовало ускорению общественного и политического развития, оседлости и земледелию, созданию новых форм торговли и промышленности» (Есенберлин,1978, с. 364). В своеобразной форме Ильяс Есенберлин выразил позиции сторонников и противников объединения. По преданию на одном из тоев были устроены состязания, в которых первый приз в пешем беге завоевал египтянин аль-Мульк ибн Зархум. Отказавшись от приза – золотой птицы, он, обратившись к хозяину праздника, сказал: «...прошу вас дать мне средства на строительство чудесного моста через Сейхундарью. Люди смогут ходить друг к другу, и прекратится тогда вражда между ними... Чем больше мостов построят на земле, тем меньше будет войн!.. Но сразу почему-то нахмурились все ханы, эмиры, шейхи и хакимы, приглашенные на той... Утром строителя нашли мертвым с переломанным позвоночником» (Есенберлин,1978, с.155).

После вхождения в Российскую империю начинается активное развитие экономических связей и одновременно постепенная колонизация региона. На протяжении XVIII и XIX вв. происходит процесс интенсивной российской колонизации. Он существенно повлиял не только на традиционную хозяйственную деятельность, но и в целом на образ жизни. Происходил переход от кочевого образа жизни к полuosедлости и оседлости.

Важный вклад в исследование данного процесса внес известный казахстанский исследователь Н.Э. Масанов. Он акцентировал внимание на том, что: «Процесс распространения земледельческой культуры в среде кочевников в Казахстане носил сложный и далеко неоднозначный характер. Казахское население по-прежнему продолжало вести кочевнический образ жизни и заниматься главным образом кочевым скотоводческим хозяйством» (Масанов, 2011, с. 529-530). Рассматривая в связи с этими процессами изменение национального самосознания, он отмечал: «...кочевнический образ жизни являлся этноинтегрирующим фактором их формирования и сложения в целостную социокультурную общность. Одновременно именно кочевничество являлось стержневым системным качеством, дифференцирующим казахов от всех других социокультурных образований Средней Азии, Западной Сибири, Алтая и Юго – Восточной Европы... только после оседания казахов этническое самосознание заменяет хозяйственно – культурное и становится самодостаточной ценностью» (Масанов, 2011, с.548-549).

Вхождение в состав Российской империи, создание единого экономического пространства в значительной степени способствовали внутренней интеграции казахской нации, разрушению этнотерриториальных и племенных перегородок. В результате проникновения капитализма стали возникать капиталистические отношения, происходила дифференциация местного кочевого населения. Рассматривая эти процессы, необходимо отметить специфику, которая заключалась в том, что скотоводческие хозяйства, подвергаясь влиянию капиталистических отношений, быстрее переходили к товарно-денежным отношениям.

Исследуя положение кочевого скотоводческого населения, Е. Федоров отмечал: «Экономическое положение киргизских трудящихся масс было, пожалуй, еще хуже, чем у оседлых туземцев» (Федоров, 1925, с. 32). Далее он подчеркивал: «В Аулиэ –Атинском участке царская администрация отмечала

наличие 3-х категорий населения. К первой относились манапы, имеющие в своем хозяйстве от 100 до 500 баранов, 20-30 лошадей, 15-70 коров, - они насчитывали 680 человек из 1075 юртовладельцев. Им подчинялись люди среднего достатка, владеющие гораздо меньшим количеством скота в количестве 8314 юрт, а также совершенно ничего не имеющие- 1925 юрт, причем последние находятся в услужении у богатых киргиз» (Федоров, 1925, с. 32). Е.Г. Федоров затронул проблему проникновения, капиталистических отношений в казахские степи. Прежде всего, он показывал, что: «Русская буржуазия шла на восточные окраины России и, в частности в казахские степи, где еще возможно было“ первоначальное накопление“» (Федоров, 1941, с.151).

Пагубное влияние на положение кочевого населения оказывали различные поборы и налоги. Он привел следующие данные: «Кибиточный сбор, с так называемыми “земскими сборами“ составлял 3 руб. 50 коп. В 90-х легальные сборы составляли в среднем на одну кибитку 8 рублей, а к 1910 г. возросли до 14 рублей» (Федоров, 1941, с.152). Характеризуя положение основной массы населения Казахстана на основе анализа статей «Положения об управлении Степного края» 1891г., Е.Г. Федоров показывал влияние выборов местной администрации на положение кочевых хозяйств: «Потерпевшая поражение на выборах группировка оттесняется на худшие земли, против нее организуются безнаказанные, а, в конечном счете, разорительные поборы. Разоренные и обедневшие группировки выражали в своих ходатайствах согласие перейти на оседлость, получить землю по нормам земледельческого переселенческого хозяйства, лишь бы избавиться от угнетения и поборов со стороны волостного управления» (Федоров, 1941, с.151). Автор указал на усилившуюся дифференциацию казахского общества. В 1900-х гг. султаны ничем не выделялись из общей массы казахского населения. Он отметил: «122 самых богатых казахских хозяйств Кокчетавского, Петропаловского и Омского уездов насчитывалось только 11 хозяйств султанов, а остальные были из числа кара-казахов (простого народа, не из родовых людей)» (Федоров, 1941, с.150).

Взаимоотношениям царизма с казахским байством, разложению кочево- скотоводческого общества, приведшему к возникновению новой эксплуататорской верхушки- байства и разоряющихся хозяйств кочевников-скотоводов, посвящена работа О. Ваганова (Ваганов,1947, с.90).

В исследовании Т.Е. Елеуова подчеркивалось господство патриархально – феодальных отношений и даже наличие родовых пережитков. «Байство, - по словам Т.Е. Елеуова, - сконцентрировало в своих руках основную массу скота, пользовались лучшими пастбищами и пахотными землями, летними и зимними стойбищами и джайляу». Рассматривая процесс обезземеливания, автор указывал, что «этот процесс привел к классовому расслоению в ауле, увеличению числа бедняков, лишенных основных средств производства. Поэтому борьба за землю составляла основное содержание классовой борьбы в ауле» (Елеуов, 1954, с.34).

Значительное место в работах Х.Т. Турсунова занимал вопрос о положении кочевого населения. На основе широкого использования архивных и опубликованных материалов автор сделал попытку показать положение народных масс в кочевых и полукочевых районах Средней Азии и Казахстана. Он привел таблицу группировки казахских и киргизских хозяйств Семиреченской области (за исключением Лепсинского уезда) по их обеспеченности скотом (Турсунов,1962, с.105) (Таблица 1). Она составлена Х.Т. Турсуновым по сборнику “Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства, и землепользования в Семиреченской области “(СПб.1913).

Таблица 1

Группировка хозяйств по скоту	Всего хозяйств по 5 уездам области		Количество всего скота в переводе на лошадей	
	абс	%	абс	%
I без скота	2280	1,71	-	-
II менее 1ед. скота	1695	1,27	1532	0,07
III от 1 до 3	22725	17,05	44585	2,09
IV от 3 до 8	35971	26,95	193134	9,08
V от 8 до15	29326	22, 0	26220	15,3
VI от 15 до 25	19045	14,3	367116	17,25
VII от 25 до 50	14899	11, 17	508228	23,61
VIII от 50 до100	5423	4, 06	366777	17,2
IX от 100 до 200	1591	1, 20	210410	9,86
X свыше 200	374	0,25	146918	5,54
Итого по всем группам	133329	100	2134925	100

Из данной таблицы мы видим, что 2280 хозяйств совершенно не имели скота (I группа). Считалось, что минимальной нормой обеспеченности скотом было наличие 15 единиц, то по 5-ти уездам

Семиреченской области бедных хозяйств насчитывалось 89717, что составляло 67, 27% (II- V группа). Все эти хозяйства вместе имели 565472 головы скота или 26,27 % из общего количества скота. В то же время 7388, или 5,51 % наиболее богатых хозяйств (VIII-X группы) владели 694102 единицами скота, или 32,6 %. Все это свидетельствует о том, что наряду с преобладающим количеством малоимущих хозяйств существовали крупные хозяйства скотоводов – баев. Бедняцкие хозяйства находились в полуфеодальной зависимости. Х.Т. Турсунов подчеркивал, что: «Втягивание края в тесные связи с капиталистической Россией повлияло на все более разрушающееся натуральное хозяйство, на развитие здесь товарно- денежных отношений, - далее он отмечал, - Байство чаще стало прибегать к найму. Процент богатых хозяйств, нанимавших батраков, в 1910 г. доходил в Актюбинском уезде до 96, 2 %, в Петропавловском – 88,7 %, Кустанайском – 87,8 %, в Усть-Каменогорском – 83,5 %, Акмолинском – 82,3 %, Павлодарском – 80,6 %, Каракаралинском – 80,2, Омском – 71,9 % и Атбасарском – 71,1 %» (Турсунов ?1962, с.107-108). Подвергаясь тяжелой эксплуатации со стороны баев, беднота стремилась перейти к оседлому образу жизни, чему препятствовали баи.

На основе фактического материала Х.Т. Турсунов раскрывает влияние на положение кочевников – скотоводов налоговой политики царизма, которая включала до 8 различных налогов и повинностей. (Турсунов, 1962, с.109). В заключении автор отмечал: «в скотоводческих хозяйствах усилился переход от натурального хозяйства к оседлому типу хозяйства. Усилилось расслоение аула. Огромная масса аульной бедноты жестоко страдала от феодального и капиталистического гнета, от насильственной переселенческой аграрной политики, тяжелых налогов и повинностей» (Турсунов, 1962, с.124). Кризис в животноводстве в Казахстане отмечал П.Г. Галузо. В работе «К истории колониальной эксплуатации Казахстана в конце XIX- в начале XXвв.» автор привел данные о количестве скота на душу населения. Так по Семиречью на душу приходилось: «в 1901 г. – 7,45 голов, в 1906 г. – 7,05, в 1912г. – 7,28, в 1913г. после” джута“ 1912 года – 3,5» (Галузо, М.,1963. с.158).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что шло интенсивное обнищание широких слоев скотоводов – кочевников. Положение последних было ничуть не лучше, чем положение оседлого земледельческого населения. В степных районах Казахстана эксплуатация скотоводов – кочевников велась докапиталистическими формами. Изменялась структура кочевого общества. На смену старой феодальной знати пришло байство. Беднейшие слои подвергались эксплуатации как со стороны местной знати, так и со стороны царской администрации.

Ухудшение положения кочевого скотоводческого населения признавалось царскими чиновниками. Так Туркестанский генерал – губернатор А.Н. Куропаткин с циничной откровенностью писал о положении кочевых киргизов: «последние 40 лет точно безмолвно согласились стереть с лица земли это симпатичное, добродушное, наивное, но дикое еще по нашей вине племя» (Куропаткин, 1924. с.51).

Наряду с экономическим гнетом, население Казахстана испытывало административные, политические, культурные ограничения со стороны царского самодержавия. Царское правительство в отношении своих колониальных окраин проводило политику великодержавного шовинизма, насильственной русификации. Все это было возведено в ранг официальной политики по отношению к своим “инородцам”, как презрительно назывались народности, входящие в состав царской России. Примером подобного отношения властей к “инородцам” является свидетельство М.А. Миралиева: «Особую разновидность киргизов, более близкую к монгольскому племени, составляют дикокаменные киргизы, полукочевники» (Миралиев, 1901, с.377).

Народы Казахстана в царской России были лишены элементарных политических прав. Являясь типичными колониями, Туркестанский и Степной края управлялись чиновниками, назначавшимися царским правительством. В.И Ленин неоднократно отмечал бесправное положение народов России, особенно нерусских. «Царское правительство, - писал он, - исключает свободу и равноправие национальностей, будучи, кроме того, главным оплотом варварства, зверства и реакции как в Европе, так и в Азии» (Ленин,1969, с.316). Говоря об экономическом и политическом положении народов национальных окраин, он подчеркивал: «... и все это громадное население поставлено в условия жизни еще более бесчеловечные, чем условия русского человека» (Ленин, 1973, с.85).

Влияние политики царизма на духовную и культурную сферы жизни народов Средней Азии и Казахстана изучал М.Н. Покровский. Характеризуя социально- бытовую атмосферу в этом регионе, он сообщал, что «мы нашли тут в Туркестане, такую строгость нравов, о которой у нас и понятия не имеют. Честность такая везде была, что ни один дом на ночь не запирался» (Покровский, 1923, с.338). Показывая “достижения” царизма в области просвещения, автор особо отмечал: «Одно было жаль: среди 58 воспитанников семинарии сартов только один, киргизов только девять. Это и не мудрено, потому что в семинарию поступают только воспитанники городских училищ, а в ташкентском городском училище нет ни одного сарта (узбека- Д.В.)». (Покровский, 1923, с.338).

М.Н. Покровский дал оценку одному из тех, кто занимался насильственной русификацией на практике: «Один из “знатоков края” не видел другого средства загнать сартов в русские школы, как закрыть все сартские» (Покровский, 1923, с.338). В создаваемых царским правительством в Средней Азии и Казахстане русско-туземных школах готовили будущих переводчиков и надежные кадры низшей администрации.

Вопрос о проблеме просвещения в Туркестанском крае поднимался в местной газете “Туркестанский курьер”. В газете подчеркивалось: «Русско- туземные школы потерпели фиаско подобно нежизненному закону, измышленному в кабинете; школы эти имели целью не распространение просвещения, а совершенно посторонние» (Туркестанский курьер, 1909, с.2).

В статье обращается внимание на то, что некоторые учителя удлинляли курс для обучения желающих русскому языку. Для сарта, коммерсанта по духу, этих знаний было достаточно, и он с восторгом рекомендовал другим отдавать своего ребенка именно в такие школы. Представляет интерес ситуация, которая имела место с организацией работы гражданской гимназии в г. Оренбурге, где был основан пансион для киргизских детей. Власти приказали отдавать в этот пансион детей киргизских родовичей. Матери и слышать не хотели об этом приказе и ни за что не хотели расставаться со своими сыновьями. Властям и родовичам приказ необходимо было выполнять. Поэтому многие родовичи, чтобы выполнить данный приказ отдавали детей бедняков, выдавая их за своих. После окончания учебы сыновья бедняков вернулись домой в блестящих офицерских мундирах, оставаясь в то же время мусульманами, какими были и ранее. Вернувшись, они были допущены на службу в администрацию и стали править теми же родовичами. Автор статьи, описывая ситуацию, подчеркнул: «Спохватились родовичи и стали отдавать своих детей в русские учебные заведения. Вот начало движения среди киргизов в пользу обучения детей в русских учебных заведениях, и это движение разрастается с каждым годом» (Туркестанский курьер 1909, с.2). Об антинародной политике царского правительства в области просвещения народов Средней Азии и Казахстана свидетельствовал расклад бюджета. В 1900 г. на “народное просвещение” было отпущено 3,5 % бюджета, а на военные и полицейские нужды - свыше 30% (Ваганов, 1947, с.90).

Проблему развития образования пытались решить путем создания так называемых школ грамоты. В 1898 г. в Тургайской газете № 7 (неофициальная часть Тургайских областных ведомостей) сообщалось: «25 января открыта школа грамоты на хуторе Можаровском в районе № 2 аула Аралтюбинской волости. В настоящее время в ней обучается 18 мальчиков и 4 девочки. 28 января открыта школа грамоты в Ново-Уральском хуторе, в районе № 2 аула Тереклинской волости, в которой обучается уже 28 мальчиков и 3 девочки. Народный судья № 2 аула Буртинской волости Мурзагула Койайдаров сделал заявление г. Военному Губернатору о желании выстроить за свой счет на урочище “ Жалгыз- агач” дом для аульной школы, причем на содержании школы изъявил готовность вносить ежегодно по 40 рублей» (Тургайская газета .1898, с.3). Это указывало на то, что не только власти, но и сами жители предпринимали усилия по обучению своих детей.

Свидетельством национального и политического угнетения народов Средней Азии и Казахстана, отмечал А.В. Пясковский, было то, что «Царизм лишил эти народы даже зачатков своей государственности. Их территории оказались разорванными на части и вошли в состав различных административных единиц. Царские власти пытались вытравить из сознания масс даже названия народов. Казахам они называли “киргизами”, узбеков —“ сартами”, а киргизов-“дикокаменными киргизами”» (Пясковский, 1958, с.20-21).

Акцентируя внимание на “достижениях” царизма в области просвещения, он писал: «В результате многие народы Туркестана /киргизы, каракалпаки и др./ не имели при царизме даже своей национальной письменности» (Пясковский, 1958, с.20-21).

Шовинистическую, русификаторскую тенденции в деятельности колониальной администрации подчеркивал Х.Т. Турсунов. Туркестанский генерал-губернатор, обращаясь к уездным начальникам и судебным приставам, указывал: «Туземцы нас должны интересоваться только как материал, из которого в скором будущем должны вырабатываться обычные русские крестьяне, хотя и мусульманского вероисповедания. Поэтому их надо ввести в дух строжайшего уважения ко всему русскому. Те, из них, кто вздумает этому не подчиниться, испытают несомненно печальную судьбу: они или останутся безземельными нищими и перемрут, или Россия с ними расстанется. Все это надо иметь на уме, но без лишних разговоров на эту тему» (Турсунов, 1962, с.58-59).

Своеобразную оценку деятельности колониальной администрации давал ее руководитель А.Н. Куропаткин в своем дневнике. «50 лет мы держали туземцев в стороне от развития, в стороне от школы и русской жизни» (Куропаткин, 1924, с.65).

После революции 1917 г. и окончания Гражданской войны в Казахстане установилась Советская власть. В ходе социалистического строительства осуществлялись преобразования в политической и экономической сферах, в образовании и культуре Казахстана. 26 августа 1920 г. была образована Киргизская (Казахская) Советская социалистическая республика в составе РСФСР. Тяжелый урон экономике Казахстана нанесли Первая мировая и Гражданская войны. Только к концу 1920-х гг. разрушенное войнами хозяйство республики было восстановлено. В 1936 г. статус Казахстана повысился, он стал союзной республикой в составе СССР.

В соответствии с проводимой политикой выравнивания экономической, научной и культурной сфер союзных республик союзное правительство разработало планы ускоренного социально – экономического развития Казахстана. Благодаря возможностям плановой системы концентрировать имеющиеся ресурсы на решение крупных народно-хозяйственных задач, Казахстан уже в 1930-е гг. из аграрного региона, где преобладающим было кочевое скотоводство, превратился в республику с крупной многоотраслевой промышленностью, развитым земледелием и животноводством. Огромный шаг был сделан в области образования и культуры. О трудностях в работе по ликвидации неграмотности в 1920-е гг. можно судить по кинофильму «Первый учитель», созданному по одноименной книге Чингиза Айтматова.

В 1930-е гг. в Казахстане была реализована обширная программа развития просвещения и культуры. Представляет интерес материал из журнала “Просвещение национальностей” № 2 за 1933 г. Там сообщалось: «В Казахстане подводятся итоги культурных достижений к началу второй пятилетки. До революции на территории нынешнего Казахстана не было ни одного вуза и техникума, теперь 12 вузов и 108 техникумов и рабфаков с десятками тысяч учащихся. Издается 120 газет, из них 62 казахских. Из 9 журналов 6 выпускаются на казахском языке. Еще в 1921 г., было выпущено на казахском языке всего 3 книги с крохотным тиражом, а в последнем году первой пятилетки выпущено 668 названий в количестве 6 млн. экземпляров» (Просвещение национальностей, 1933, с.63).

Начало социалистического строительства потребовало подготовленных специалистов. Лозунг «Кадры решают - все» имел решающее значение в реализации этой задачи. Вопросы подготовки кадров особенно национальных советское руководство уделяло большое внимание. Им предстояло решать задачи национально-культурного строительства в республиках, областях и других образованиях. Весь послереволюционный период власти придавали особое значение составу педагогических кадров. Представляет интерес работа С. Гамалова по этому вопросу. Автор, анализируя состав национального учительства в РСФСР, отмечал: «...по данным всероссийской школьной переписи 1911г. учительство начальной школы на территории нынешней РСФСР состояло на 10 % из дворян, на 20 % с лишним- из лиц духовного звания, на 15 % - из «прочих» (торговцы, чиновники и т.д.) и в значительной доле –из кулацкой прослойки деревни, то среди национального дореволюционного учительства эта социально и политически чуждая и враждебная нам прослойка была, конечно , не ниже, а скорее выше (муллы, шейхи, мугаллимы, мелаеды, кистеры и т.д.), не говоря уже о националистической интеллигенции. Еще хуже обстояло дело с кадрами для повышенной и средней школы. У подавляющего большинства национальностей их вовсе не было» (Гамалов.1934, с. 13).

Поэтому одной из важнейших задач в этой области было коренное изменение социальной структуры педагогических кадров, которым предстояло решать кадровую проблему для страны, где проходило переустройство всех сторон жизни советского общества. Решить задачу подготовки специалистов новой формации должны были представители других социальных групп. С. Гамалов указал на произошедшие изменения не только в РСФСР, но и в Казахстане: «В 1925 г., по данным Наркомпроса РСФСР, только 5,1 % учительства начальной школы составляли дети рабочих: в 1931г., по данным выборочной переписи Госплана СССР, рабочая прослойка среди учительства составляла уж 15,4 %, в Казахстане¹¹ - 19,4 %. В отношении выходцев из среды духовенства, мы имеем следующие данные (в процентах). В 1925г. по РСФСР в целом 8,8; в 1931- 8,1; в 1932 -6,0. В Казахстане она в 1931 г. составляла -2,4 %. В 1925 г. прослойка среди учительства массовой национальной школы РСФСР составляла 8,8%; в 1931 г. она составила 1,6%, а в Казахстане 0,6 %» (Гамалов,1934, с. 14).

Особое внимание партийные и советские органы придавали наличию политической прослойки в педагогических кадрах. О результатах работы по ее укреплению свидетельствуют материалы автора: «Росла партийно –комсомольская прослойка среди учительства начальной школы РСФСР. В Казахстане -8,9 %. Особенно значителен рост комсомольской прослойки. В 1931 г. прослойка среди

¹¹ С XVIII в. российская администрация и официальная историография с целью отличия их от русского казачества стали именовать казахов киргизами. В 1925 г. было восстановлено историческое самоназвание “казак”, а с 1938г. более точное наименование “казах”.

учительства массовой школы по РСФСР составляла 9,6 %, в Казакстане она составляла 11,8 %» (Гамалов, 1934, с. 15).

Наиболее острой проблемой был образовательный уровень педагогических кадров. Если решать задачи ликвидации неграмотности и малограмотности, могли кадры с невысокой профессиональной подготовкой, то начавшаяся модернизация всех сторон жизни требовала преподавателей иного уровня. Решалась эта задача с большим трудом. Мешали как объективнее, так и субъективные трудности. Прежде всего, нехватка финансовых и иных ресурсов, отсутствие достаточной материальной базы, нехватка кадров высокой квалификации. Существующий в тот период общеобразовательный уровень населения был невысоким, и требовалось, время, чтобы его поднять. Несмотря на все принимаемые меры, решить эту задачу не удавалось: «В 1931 г. по РСФСР в целом имели 7,7 % учителей массовой школы с незаконченным средним образованием и 7,7 % - с низшим образованием, т.е. 15,4 % лиц с фактически низшим образованием. В Казакстане 14,7% - с незаконченным средним образованием и 16,4 % с низшим образованием» (Гамалов, 1934, с. 15). Это свидетельствует о том, что кадровая проблема в целом в республике и в Казакстане была острой. Однако, в Казакстане она решалась с некоторым опережением, что говорило о стремлении центра ликвидировать отставание бывших национальных окраин Российской империи.

Принятые постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. и от 25 августа 1932 г. о начальной и средней школах, а также постановление ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. о вузах и техникумах, стали программами действия. О проблемах подготовки кадров в национальных вузах шла речь на совещании работников вузов и техникумов в Алма-Ате 22 декабря 1932 г. Подчеркивалась необходимость перестройки работы учебных заведений на основе постановления ЦИК СССР от 19 сентября 1932 г. Выступивший на совещании Ш. Альджанов отметил: «Проблема подготовки кадров в Казакстане стоит еще острее, ибо небывалые темпы развития социалистического строительства, подъем культурного уровня трудящихся масс требуют еще более ускоренного выращивания национальных большевистских кадров» (Альджанов, 1933, с.14). За короткий срок была создана необходимая база для дальнейшего развития образования в республике. В Казакстане было открыто 12 вузов, 22 научно - исследовательских института, 250 гидрометеорологических станций и наблюдательных пунктов, до 50 зональных и опорных пунктов. Ш. Альджанов подчеркнул: «Все эти успехи мы имеем за короткое время, и сейчас трудно вести какое-либо сравнение с дореволюционным Казакстаном. Все «прелести» старого отошли безвозвратно в далекое историческое прошлое. При царизме не было даже школ I ступени с родным языком преподавания, что же касается средних учебных заведений, - о них нельзя было и мечтать» (Альджанов, 1933, с.14).

Существенной проблемой рассматриваемого периода было отсутствие резерва для средних учебных заведений. Контингент, поступающих в учебные заведения имел слабые знания. Как в стране, так и в Казакстане в области образования проводились различные эксперименты в методах преподавания. Автор обратил внимание на то, что: «Под видом «различных» методов выдумывают «комбинированные» методы. Из чего складываются эти «комбинации»? Из опроса преподавателей КазПИ, какими методами они преподают, выяснилось, что 22 преподавателя из всех опрошенных дали на этот вопрос 15 различных ответов, как-то: «комбинированный метод», в скобках расшифрован так: «исследовательско-наблюдательно- лекционный» метод (!?), «проверочный», «консультационный», «лекционно- практический». Как видите у каждого свои «активные» методы. Все это ведет к новому методическому прожектерству» (Альджанов, 1933, с.20). Ш. Альджанов видел решение вопроса в улучшении учебно- воспитательной работы в вузах, в повышении роли соответствующих кафедр. Серьезным тормозом в обеспечении качества учебно- воспитательной работы в вузах было массовое совместительство (в 4-5 местах) и чрезмерная перегруженность профессорско-преподавательского состава. В заключение он делает вывод: «И что же получается в результате? Товарищ работает везде, но фактически нигде. Он даже не имеет времени готовиться к урокам. Каково качество его работы? Что же касается серьезной научной работы, о ней не может быть и речи» (Альджанов, 1933, с.20).

Главной задачей, стоявшей перед населением Казахстана 1920-е начале 1930-х гг., была ликвидация неграмотности. Несмотря на огромные трудности проблема решалась ускоренными темпами. В статье «Казакстан на путях к сплошной грамотности» отмечалось: «Если до Октябрьской революции грамотность выражалась в 1-2 %, то уже в 1930 г. процент грамотности среди казакского населения поднялся до 40, а за последние 3 года - еще выше» (Романов, 1934, с.16). Однако, несмотря на быстрый рост грамотности в республике, число неграмотных оставалось значительным, и не была ликвидирована малограмотность. Такое положение стало возможным из-за ослабления внимания со стороны органов народного образования, профсоюзов и комсомольских организаций. Последние в республике не были массовыми, особенно в сельской местности, к тому же и среди комсомольцев было

много неграмотных и малограмотных. В результате план, утвержденный партией и правительством на 1934 г. по Казакстану, не был выполнен. В статье подчеркивалось: «Общий план на 1934 г. утвержден в 700 тыс., из них 655 тыс. неграмотных, 45 тыс. малограмотных. Из этих 700 тыс. на 15 февраля с.г. охвачено учебой, но не обучено (у нас часто путают охват с обучением) всего лишь 200 с лишним тысяч, или 29,9 %» (Романов, 1934, с.16). Автор статьи отметил недостаточное внимание к данной проблеме со стороны Наркомпроса республики, где со значительным опозданием был выделен специальный отдел образования взрослых. Другие отделы Наркомпроса ликвидацией неграмотности не занимались, два работника «бьются, как рыба об лед», загруженные больше технической работой. Ускоренное решение вопроса ликвидации неграмотности и малограмотности, в значительной степени, было вызвано тем, что в этот период решалась задача осуществления ускоренной индустриализации. В Казахстане развернулись ударные стройки в Караганде, Чимкенте, Риддере, Эмбе, Балашастрое, Турксиб и ряд крупных совхозов. Все строящиеся и вводимые в строй предприятия требовали грамотных работников. В свою очередь, для решения этой задачи требовалось осуществить следующие важнейшие мероприятия: подготовку кадров, издание учебников, выпуск учебных пособий и главное, с учетом огромной территории, своевременную их доставку, а также подготовку помещений.

В подготовке национальных кадров произошли некоторые изменения. В 1920-е и до 1935 гг., была создана система предоставления специальной брони для коренных национальностей союзных и автономных республик и областей, а также для территориально не объединенных национальных меньшинств при приеме в специальные учебные заведения общесоюзных и республиканских наркоматов.

В соответствии с постановлениями Президиума ЦИК СССР от 17 апреля 1934 г. и Президиума ВЦИК от 31 декабря 1934 г. бронь для “националов” отменялась. На наш взгляд, подобное решение было вызвано, скорее, идеологическими соображениями. С началом строительства социализма был выдвинут лозунг подтягивания (выравнивания) ранее угнетенных национальностей. Первые успехи социально – экономического и культурного развития страны инициировали у руководства страны принятие данного решения. Последующие годы развития страны показали его ошибочность. Даже в послевоенные годы сохранялась практика предоставления квот для абитуриентов из национальных образований.

Проводившаяся в стране ускоренная индустриализация и коллективизация определяли растущую потребность в кадрах достаточной квалификации. Завершение начального всеобуча в национальных республиках, областях и районах и новые требования по подготовке кадров, в свою очередь, потребовали подготовку педагогических работников, способных решить новые задачи. Важную роль были призваны сыграть педагогические техникумы. В работе С. Гамалова отмечалось: «...мы имеем по РСФСР 162 национальных педтехникума и 5 нацотделений при русских педтехникумах с общим количеством учащихся до 36 тыс. человек...из них в Казкстане – 26» (Гамалов,1935, с.16). Следует особо отметить, что, как правило, педтехникумы готовили учителей для начальной школы. Однако, руководством страны ставилась задача развития и дошкольного образования. В этом направлении задача решалась неудовлетворительно. Автор подчеркивал, что: «из 61 нацпедтехникумов РСФСР (вне АССР) 37 не имеют дошкольных отделений. Не лучше положение в педтехникумах АССР: из 92 педтехникумов (по 12 АССР), только 22 имеют дошкольные отделения с 2012 учащимися, что составляет 9,5 % всего контингента учащихся. В 26 педтехникумах Казакстана всего 254 дошкольника (5 % контингента)» (Гамалов,1935, с.17).

Сложное положение сложилось с развитием национальной высшей педагогической школы. Особое место занимали двухгодичные учительские институты, призванные обеспечить реализацию всеобуча в объеме неполной средней школы. Ситуация с подготовкой педагогических кадров с высшим образованием сложилась особо остро. С. Гамалов обратил внимание на то, что «Из 20 национальных пединститутов РСФСР шесть в текущем году еще не дадут выпуска (в их числе Уральский казакский)» (Гамалов,1935, с.19). Он акцентировал внимание на некоторой диспропорции в подготовке преподавателей, прежде всего, физики, математики, химии, биологии т. е. дисциплин, удельный вес которых довольно высок в учебном плане средней школы. Ограниченной оказалась подготовка преподавателей истории, географии и популярной тогда специальности педология. Автор отмечал, что в Уральском казакском пединституте не было исторического факультета, а в Алма- атинском казакском пединституте не готовили преподавателей по иностранным языкам, дефектологии и психологии (Гамалов,1935, с.20).

С. Гамалов констатировал: «Всемерно укрепляя и расширяя сеть национальных педвузов, мы вместе с тем в ближайшие годы должны сосредоточить внимание на развертывании сети двухгодичных

учительских институтов по подготовке преподавателей для неполной средней школы» (Гамалов, 1935, с.20).

В условиях, когда страна приступила к выполнению планов второй пятилетки, в области народного образования встал вопрос о переходе к семилетнему всеобучу и развитию десятилетней политехнической школы. Потому подготовка учительских кадров стала еще более острой. Проблемы в этой области изучал С. Гамалов. Он подчеркивал: «Ведь если из 209 тыс. учителей, пришедших в нашу массовую школу за последние три года, мы имеем 179 тыс. краткосрочников (а мы хорошо знаем, на какой низкой общеобразовательной базе строились краткосрочные курсы по подготовке учителей, особенно в национальных районах), то значит ли это, что мы должны в какой бы то ни было мере узаконить такое положение, являющееся одним из основных препятствий к повышению качества работы нашей массовой школы» (Гамалов, 1934, с.9).

Это свидетельствовало о том, что самой серьезной проблемой была низкая квалификация значительной части учителей, низкий уровень общеобразовательной подготовки, не говоря о педагогической и методической. Поэтому нередко возникали ситуации подобной той, которая сложилась в ряде национальных районов. Ф.Ф. Советкин писал: «Среди национального учительства мы имеем до 60-70 % лиц, не прошедших систематического курса элементарной начальной школы (Ингушетия, Чечня, Казакстан, Киргизия) и получивших педобразование только на 2-3месячных курсах. При такой квалификации учительства, вовсе не являются невероятными такие случаи, как, например, анекдотичный факт, имевший место в Южном Казакстане, когда учитель заявил своим ученикам буквально следующее: “Я вам рассказал все, что знаю сам. Больше мне вас учить нечему. Идите домой” (Советкин, 1934, с.4).

О низком уровне профессиональной подготовки учителей писал М. Бунегин, отмечая, что местные власти, нередко констатируя низкий уровень их профессионализма, в тоже время, не предпринимали конкретных шагов по исправлению ситуации. Он подчеркивал: «немало говорят о неподготовленности учителя в облоно Карагандинской области, но ничего не делают с председателем Кокчетавского рика, который собравшимся на курсы учителям заявил: «Денег нет, курсов не будет». Только вмешательство органов союза спасло курсы. Почти нормальным признают в Карагандинской области и то, что в Акмолинске на курсы в январе 1933 г. явилось только 35 % казакских учителей. Только обком ВКП(б) сумел уничтожить благодушно – разговорчивые настроения» (Бунегин, 1934, с.14).

Особое место в республике занимали вопросы культурного строительства. На этой теме акцентировал свое внимание Т. Жургенов, отметивший, как успехи, так и недостатки: «Сейчас мы имеем в Казакстане не только широко развернутую сеть начальных и средних школ, доходящих до 5 тыс., но и большую сеть профтехнических учебных заведений различных ступеней и видов. В Казакстане имеется около 90 техникумов, готовящих специалистов средней квалификации по всем отраслям народного хозяйства, и 8 вузов, в том числе педагогический, медицинский, сельскохозяйственный, индустриальный и др. С начала 1934 г. открывается в Казакстане Казакский государственный университет. В течение же 1934 г. будет создано в Казакстане около 9 национальных театров» (Жургенов, 1934, с.17).

Однако в ходе коллективизации были допущены многочисленные нарушения не только в животноводстве, которое было основным занятием населения большинства районов в республике, но и в культурном строительстве. Т. Жургенов писал: «Были отдельные «горе-руководители», сидевшие даже на республиканских постах, которые трактовали культуру как третьестепенное дело, которым следует заниматься лишь в последнюю очередь. Долгие годы в Казакстане недооценивались культурные запросы и потребности коренного населения республики» (Жургенов, 1934, с.18).

По утверждению автора это стало возможным из-за формализма в осуществлении всеобуча, беззаботности, неумелости руководства, бесплановости в осуществлении политики образования и культуры. Распространенным типом начальной школы в Казакстане была двухлетка, самое большое трехлетка. Недостатки в организации школьного образования сказывались на наборе необходимого количества абитуриентов в техникумы и вузы.

Недостаточный набор в старшие группы учащихся из-за хронического отсева, отсутствие соответствующей материальной базы, необеспеченность школьными помещениями, интернатами существенно тормозили развитие образования в республике. Особенно трудным было положение с обучением детей, проживающих в кочевых аулах. Автор возмущался: «Как можно говорить о продуктивности работы школ, когда в ряде мест ежегодно отсеивалось больше половины детей из-за непригодности школ к условиям быта кочевников? Так, например, в Алма-Атинской области в 1932-33 учебном году из общего отсева в 40 % на долю казакских школ падает 76 %» (Жургенов, 1934, с.19).

В условиях кочевых и полукочевых районов организовать «просто» школу невозможно. Кочевые аулы, как правило, состояли из нескольких юрт, находящихся порой на десятки километров друг от друга, которые постоянно передвигались с места на место. Поэтому единственным способом организации нормального обучения в этих местах являлась организация школ-интернатов, чтобы охватить обучением детей кочующих аулов на полном годовом содержании. Оставалось сложным положение в системе среднего и высшего образования. Из-за слабо подготовленных абитуриентов обычным явлением был отсев обучающихся.

В целях укрепления системы просвещения в республике были приняты меры по реорганизации и укреплению органов народного образования. Учитывая, что хронически недоставало школьных помещений, особенно в сельской местности, занятия проводились во временных приспособленных помещениях, а нередко просто в обычных землянках. Отмечалось, что «Бюджет 1934 г. предусматривает большое школьное строительство, примерно 24 млн. руб. В случае полного окончания строительства в 1934 г. мы в состоянии будем удовлетворить потребность в школьной площади уже с будущего года» (Жургенов, 1934, с.21).

Т. Жургенов обратил внимание на проблемы в области культурного строительства. Он отметил, что: «В результате антипартийной и порой антисоветской работы, практиковавшейся в течение ряда лет в области искусства, заглушалось творчество масс, не давалось хода отдельной инициативе, пути к критическому использованию культурного наследия были закрыты наглухо. Старые, классические мелодии и напевы казаков или вовсе запрещались к исполнению или исполнялись в исковерканном виде, путем внесения отсебятины и т. п. То же делалось и в отношении использования народной и классической литературы» (Жургенов, 1934, с.19).

Несмотря на трудности и проблемы в области культурного строительства в республике принимались меры по их преодолению. На 1934 г. бюджетом предусматривалось организация 9 театров, по одному в каждой области, и несколько театров в центре – Алма-Ате. Следует особо отметить, что был «осуществлен ряд мероприятий по укреплению единственного драматического казахского театра. Заново создана Государственная музыкальная студия – основа будущего казахского оперного театра. Для организации преемственности и перенятия культурного опыта казахскими театрами были созданы в Алма-Ате русский драматический театр и русский оперный театр» (Жургенов, 1934, с.21).

Принимались меры по составлению репертуаров для театров с учетом старого классического наследия, созданию новых произведений, отражающих происходящие изменения в республике, обществе.

В заключение следует отметить, что царское самодержавие проводило политику социально – экономического и политического угнетения. Население подвергалось дискриминации в области образования и культуры. После Октябрьской революции в Казахстане началось национальное строительство, завершившееся созданием в 1936 г. союзной республики. В республике начались крупные экономические преобразования, культурная революция. Несмотря на трудности, проблемы в экономике, национально – культурном строительстве, тормозившие социальные и этнокультурные процессы меры, принятые руководством страны и республики, способствовали ускоренному развитию Казахстана, значительным достижениям в области культуры.

Литература

Советкин Ф.Ф. Во всеоружии встретим новый учебный год в национальных школах // Просвещение национальностей. 1934. № 3. С. 3-8.

Альджанов Ш. Проблема подготовки в нацвузах //Просвещение национальностей .1933. №3. С. 14-20.

Болинброк. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. 360 с.

Бунегин М. О повышении квалификации учителей // Просвещение национальностей. 1934. № 3. С. 14-20.

Ваганов О. Царизм и казахское байство/1906-1916 гг // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 90-95.

Галузо П.Г. К истории колониальной эксплуатации Казахстана в конце XIX- в начале XXвв.// Сб-к ст. Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 149-165.

Гамалов С. Больше внимания по подготовке национальных педкадров // Просвещение национальностей. 1935. №2. С. 14-21.

Гамалов С. Накануне нового учебного года // Просвещение национальностей. 1934. № 4. С. 9-13.

Гамалов Сем. Национальное учительство в РСФСР //Просвещение национальностей. 1934. № 1. С. 13-17.

Елеуов Т.Е. О характере восстания 1916 г. в Казахстане //Вестник А.Н. Каз.ССР. 1954. № 6. С. 33-43.

Есенберлин И. Кочевники. М., 1978. 720 с.

- Жургенов Т. Боевые вопросы культстроительства в Казакстане // Просвещение национальностей .1934. № 1. С. 17 -21.
- Куропаткин А.Н. Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный Архив, Т.3(34).1929. С. 39-94.
- Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу ПСС.Т. 23. М.,1969. С. 314-322.
- Ленин В.И.Национальное равноправие ПСС.Т. 25. М., 1973. С. 85-86.
- Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы, 2011. 740 с.
- Миралиев М.А. О положении русских инородцев. СПб, 1901. 515 с.
- Покровский М.Н. Внешняя политика России в конце XIXв. Дипломатия и войны царской России в конце XIX в. М., 1923. 392 с.
- Просвещение национальностей. Культхроника. 1933. №3. С. 63.
- Пясковский А.В. Революция 1905-1907 г. в Туркестане. М., 1958. 615 с.
- Романов Г.П. Казакстан на путях к сплошной грамотности //Просвещение национальностей. 1934. №3. С. 16-18.
- Туркестанский курьер. 1909. №202. С. 2
- Турсунов Х.Т. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. 428 с.
- Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925. 80 с.
- Федоров Е.Г. Казахстан – колония царизма в конце XIX - в начале XXв. //Ученые записки Алма- Атинского государственного пединститута. Т.2, 1941. С. 147-183.

D.V. Voronin

HISTORICAL AND CULTURAL PROCESSES IN KAZAKHSTAN IN THE LATE XIX – FIRST HALF OF THE 1930

The article analyzes some positive and negative consequences of the political, socio-economic and cultural policies of the tsarist autocracy in the pre-revolutionary period. The entry of Kazakh tribes into the Russian Empire ensured their safety and eliminated the threat from the Dzungarian nomads. The studied materials show how the tsarist administration in the region pursued a policy of discrimination against the local population, depriving them of the right to form statehood, limiting economic activity, increasing the tax burden, which reinforced social stratification in society. The article focuses on the policy of preserving illiteracy and patriarchal - feudal relations. Moreover, the policy of Russification was not developing into administrative unification.

Based on the analysis of socialist modernization carried out in the country and republic in the first decades of the existence of Soviet power, a significant change in politics in all spheres of life is shown. These transformations can be understood only through an objective approach to the study of the civilizational features of Soviet society. Author demonstrates this by the example of educational policy, primarily on the elimination of illiteracy and semi-literacy of the population. The state power measures to train teachers, to provide vocational training, to expand the network of educational and cultural institutions in the Republic of Kazakhstan are considered. Thus, as early as in the 1930s Kazakhstan turned, from a region with a predominance of a nomadic way of life, into a republic with large industry, developed livestock, and a high level of culture. The results of the study are aimed at an objective understanding of ethnocultural processes in the republic in compliance with the principles of scientific research.

Қ.С. Ерболатов

*Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі
Қызылорда облысы, Қазақстан
E-mail: 1981janat1981@mail.ru*

ҚАЗАЛЫ АУДАНЫДЫҚ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІНІҢ ҚОРЫНДА САҚТАЛҒАН ЗЕРГЕРЛІК БҰЙЫМДАР ТОПТАМАСЫ

Музей - ғылыми, мәдени-тарихи орталық. Музейлер - бірнеше дәуірдің тарихын, этнографиясын, тарихи тұлғаларын, өнерін жинақы түрде ұрпақтан ұрпаққа жалғап отыратын институт. Сонымен қатар ол жинақталған мұраны ғылыми түрде зерттеп, зерделеп, халықтың тарихын, мәдениетін, салт-дәстүрін танытып отырады.

2014 жылдан бері жұмыс жасап келе жатқан Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейінің қорында сақталған зергерлік бұйымдары жергілікті халықтан жиналып алынып қазіргі таңда музей қорында сақталған.

Солардың ішіндегі: *Сақиналар* - әсемділігіне, салтанаттылығына ерекше мән берілетін қазақ әйелдері желден киімнің тәуірін киіп, әшекейдің асылын таққан. Қазақ қыздарының әшекей бұйымдары сәндік үшін, бой түзеп, сән-салтанатпен жүруі үшін ғана қызмет етіп қоймай, сондай-ақ

ізін қуған сіңділері мен қыздарына мұра болып асыл қазынадай сақталған. Бұнымен қоса әшекей бұйымдарды тағудың да өзіндік тәрбиелік мәні мен маңызы бар. Қыз бала 4-5 жасынан бастап-ақ сәнмен бой түзеп, қолына бала білезіктер, құлағына сырға, камзолына жиектей күміс құймалар таққан. Әйел әшекейлері тек сән-салтанат үшін ғана емес, әдет-ғұрып, наным-сенімге де тікелей қатысты болғандықтан, кез келген әлеуметтік ортаның өкілі өз хал-қадірінше әртүрлі әшекейлер тағуға тырысқан. Сондай-ақ, таққан әшекейіне қарай әйелдің жасын, әлеуметтік тобын, қай аймақтан екендігін ажыратуға болады. Мәселен, ауқатты отбасынан шыққан әйелде бағалы тастардан көз салынған, алтынмен апталған әшекейлер мол болады. Бағалы металдардың ішінде зергерлер күмісті ең қолайлы әрі денсаулыққа пайдалы деп жиі қолданған. Күмістің жалтыраған түсін, әртүрлі техникалық тәсілдерге икемделуін, жұмсақтығын және тазалығын жоғары бағалаған. Сонымен қатар әртүрлі күміс әшекей бұйымдарын әсемдеу үшін ақық, маржан, т.б. асыл тастарды пайдаланған. Олар күрделі көркемдік шеберлікпен, техникалық жағынан мінсіз орындалуымен ерекшеленеді. Зергерлік әшекейлердің саны мен сипаты әйел жасына орайлас келеді. Мәселен, пішіні жағынан кіші, қарапайым әшекейлерді жасөспірім қыздар тақса, ал қыз бойжеткен сайын ол таққан әшекейлер өзгеріп, көркемдік нақыштары күрделене, көбейе түскен. Ал тұрмысқа шыққаннан кейін әйел әшекейі біртіндеп азайып, жасына қарай басқа нақыштарға ауысады. Қазақ қыз-келіншектері жүзік, сақина, балдақ, құстұмсық жүзік, отау жүзік, білезік, жұмыр білезік, сырға, шекелік, шашқап, шолпы, шашбау сияқты әшекей бұйымдарын таққан (Тохтабаева, 2001, 15-20 б.).

Қазақ әйелдерінің ежелден қасиет тұтар күнделікті тағып жүретін әшекейінің бірі - жүзік. Жүзіктер бір-біріне ұқсас болғанымен өзіндік айырмашылықтары бар: асыл тастардан көз қондырылғанын жүзік деп, тасы жоқ тек алтын, күмістің өзінен ғана көз шығарғанын сақина, көзі жоқ шығыр түріндегісін балдақ деп атайды. Жүзік пен сақинаның киелілігі мен қасиеттілігіне сенушілік – түркі халықтарына, басқа да Шығыс елдеріне көп тараған түсінік. Қазақ тұрмысында дайындалатын ас адал болуы үшін әйелдің қолында міндетті түрде сақина, я жүзік болуы керек деп саналған. «Тамақ адал болуы үшін қолда жүзік болуы керек» деп келетін ел арасында сақталған сөз орамы осыған байланысты қалыптасса керек. Сол сияқты «Сақинаны сәнге салмайды, тазалыққа салады», «Сақина сәнге жатпас, айқай әнге жатпас» деген мақалдар мұның тек сәндік үшін емес, ғұрыптық қызмет атқарғандығын білдірсе керек. Сонымен бірге қолға салынған күміс сақина немесе күміс жүзік, дәстүрлі наным-сенім бойынша, гигиеналық функциясы да болды. Жас келіншек нәрестесін шомылдырар алдында, яки баланың жөргек-жаялығын жуар алдында оған сол үйдің үлкендері (енесі не абысыны) «қолына сақина салып ал, (ол) тазалыққа тән болады» деп ескертіп отыратыны ауылды жерлерде әлі күнге дейін кездеседі.

Жүзіктердің қалыбы да әр түрлі, құдағи жүзік, құсұмсық жүзік, отау жүзік т.б. түрлері бар. Құстұмсық жүзік - бақыттылықтың, тәуелсіздіктің, еркіндіктің белгісін білдіретін, бойжеткен қыздар тағатын жүзік. Жүзіктің саусақ ұшына қарайтын жағы құс тұмсығы тәрізді сүйір болып келетін түрі (сурет-1). Құстұмсық жүзіктің бауырдағына дәнекерленетін үстіңгі бөлігін соқпа және құйма қалыппен (ондай қалып түрлерін жалпылама түрде «жүзік қалып» дейді) күмістен жасайды. Бетіне сірке жүргізіліп, қас қондырылады. Бұндай жүзікті ертеректе тұрмысқа шықпаған қыздар салған. Қалыңдық ұзатылғанда құстұмсық жүзігін сіңдісіне таққан немесе келін болып түскенде тарту ретінде қайынсіңдісінің қолына салған. Кейбір келіндер қыз күнінде таққан құстұмсық жүзігін сақтап қойып, кейінірек өзінің қызының немесе немересінің қолына салған. Басқаша айтқанда, құстұмсық жүзік анасынан қызына мұрагерлікке қалып отырған. Бұл жүзікті кейбір өңірде құсмұрын жүзік деп те атаған. Құстұмсық жүзіктің пішіні мен ою-өрнектері еркіндік пен бақыттың нышаны ретінде танылады. Ертеде ұзатылған қыз белгілі бір уақыттан кейін төркініне сәлемдеме жібереді екен. Сәлемдеме жер шалғайлығынан туған хабар алысудың бір түрі болған. Жазу-сызу болмағандықтан ұзатылған қыз өз жағдайын түрлі бұйымдар мен ою-өрнек арқылы білдірген. Сәлемдемеге құстұмсық жүзік келсе немесе құсты бейнелейтін оюы бар бұйымдар (тұскиіз, басқұр және т.б) келсе, төркін жұрты қыздың барған жерінде құстай еркін, бақытты өмір сүріп жатқанын түсінген.

Сурет 1. Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі. Құстұмсық жүзік

Қапсырма – қамзол , кэзекей, кеудеше тәрізді әйелдердің сыртқы киімінің екі өңірін бір-біріне қаусырып тұратын ою-өрнекті, сіркелі, асыл тасты, асты ілгекті күміс әшекей. Оның астыңғы бетіне киімнің екі өңірін бір-біріне бекітетін ілгек орнатылады. «Қапсырма» сөзі қаусыру сөзінен туындаса керек. Оның қазақ зергерлері қаз-келіншектер киімін сәндеу үшін жасаған. Қапсырманы қымбат бағалы металдардан әшекейлеп, бағдарлап, лажылап, сіркелеп, асыл тастардан көз орнатып жасайды. Қапсырма ілмек, сакина тәріздес екі бөлшектен тұрады. Сөйлеу тілінде *қаптырма*, *қаусырма*, *тістестірме* деп де атайды. Қапсырманың өңірге тағылған екі бөлігінің сыртқы формасы да, бетіне жүргізілетін ою-өрнегі де, ортасына орнатылатын тастары да бірдей болады.

Шағын күміс шытыра киімінің кез келген жеріне, оның ішінде кимешекке, былғары, тері, парша, мақпал аяқ киімдерге тағылған. Бұл элементтер түрлі түсті тастардың жарқылымен үйлесіп, киімнің сәнін келтіреді. Қазақта қамзолдың кеуде тұсына қадап қоятын тісшұқығыш та тіл-көзден сақтайтын бұйым ретінде қолданылған сыңайлы. Тісшұқығышпен бірге көбінесе жинақ түрінде құлақ шұқығыш, тырнақ алғыш, түкті жұлатын іскек те қолданылған. Жұқа тілім түріндегі ұшы үшкір тісшұқығыштың өзі үшбұрышты немесе басқа күрделі пішінді, өрнекті, тас орнатылған қалыпқа ілінеді. Бұл заттардың көлемділері пайдалануға ыңғайсыз, бірақ киімге қадағанда, кәдімгідей сән беріп тұратын. Тісшұқығыш аштықтан қорғайды деген сенім мен тоқшылықтың кепілі іспеттес болған. Қыз қамзолының арқа тұсын безендіру үшін қолданылған арнайы әшекей – арқа алқа сәндік үшін ғана емес, дененің осы бөлігін қорғау үшін де қолданылған. Бұйым тігінен шынжырлармен жалғасқан екі, үш бөліктен: әдемі тастар және өрнектелген жалпақ тілімдерден тұрады. Төменгі жиегіне шынжырлар арқылы сәнді салпыншақта бекітілді.

Қамзол, шапан сияқты сырт киімдерді қаусырып кию үшін қадалатын зат қапсырма, қаптырма, ілгек деп аталады (сурет-2). Қолданымдық маңызы зор қапсырма балалар мен әйелдер киімінің міндетті бөлшегі болып табылады. Ол қамзолдың белін қынап тұрады, кейде әдемілік үшін бірінің астынан бірі, бірнешеуі қатар тігілетін болған. Қапсырма өзара топсалы немесе ілгекті ілмек арқылы бекітілетін екі бөліктен тұрады. Зергерлер қапсырманы күміс теңгеден, қондырылған әрлеуіш тастардан, құлпырма шытырлар мен металдардан жасайды. Күміс ілгектер гүл түйнегі, гүл шоғы, жапырақша, тостағанша, бадам, үшбұрыш, төртбұрыш, ромб, шаршы, балық (оның басы мен құйрығы), қошқар, мүйіз, құс, күн, жұлдыз, ай және басқа да алуан түрлі күрделі пішінде болады. Пішін ерекшелігімен көз тартатын бұйымдар жасалу тәсілінің сан қырлылығымен таңқалдырады

Қыз-келіншектердің беліне тағатын бұйымы – белдік олардың мүсінін сымбатты етіп тұрады. Үзбелі шынжырлар қатары өріп біріктірілген бұйым ширатпа белдік, ал тастан көз қондырылған белдік – тасты белдік деп аталады. Былғары, тері, мақпал, жібек маталардан жасалып, күміс шытырамен сәнделген белдікті шытыралы белдік, қамар белдік деп атайды. Кейбір белдік алтын жіппен кестеленген. Бұрынғы кезде өте ауқатты үйдің қыздарында жарқыраған күміс және алтын сымдардан өрілген датқалық белдік болған.

Кейде киімге әсемдік үшін олардың бірнешеуін қатар қадайтын болған. Қамзолдың өңірінен сәл төмен олардың бір жұбын, кейде сәндік үшін бірнеше жұбын қатарластырып тігеді. Зергерлер қапсырмалардың *гүл*, *жапырақ*, *таңба пішінді* түрлерін жасаған. Оның жасауда талшықтап бұрау, өру, тоқу, түйіндеу, өріп шақшақтау, бунақтау, кесек металдарды ізбелестіру сияқты зергерлік әдістер қолданылады. Ел арасында қапсырманың *үзбелі*, *жұмыр*, *жапырақша*, *көлемі теңге* тәрізді түрлері кездеседі.

Сурет 2. Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі. Қапсырма

Білезік – тағылатын әшекейлі, сәндік бұйым. Білезік сөзінің түп-төркіні білек және жүзік (білекжүзік – білежүзік – білеүзік – білезік) сөзінен туындаса керек. Білезік қымбат металдардан жасалады. Білезіктің көлемі, пішіні, әшекейі әр алуан болады. Оған асыл тастардан көз орнатылады, алтын не күміс жалатып, лажылап, эмаль бағдарлап та соғады. Оның құйма білезік, қос білезік, қуыс білезік, бес білезік, топсалы білезік, бұрама білезік, жалпақ білезік, сом білезік, жұмыр білезік, өбістірме білезік, т.б. түрлері көп (сурет-3). Білезік – әйелдер күнделікті тастамай тағып жүретін ең сүйікті әшекейлерінің бірі, онсыз олар өзін нашар сезінетін болған. Әдетте жұп білезік салады, кейде екі қолына қос-қостан білезік таққан. Білезіктің жуандығы әртүрлі болады, екі басы түйістіріп жасалатын жұмыр білезік, жуан алтын, күміс сымдардан өріп құрастырылған өрме білезік, шілтерлеп жасалған селдір білезік, тастар орнатылған тасты білезік, сағат түріндегі жалпақ сағат білезік деген түрлері кездеседі. Мұнымен қоса, білезіктердің атауы кейде жасалу тәсілін де білдірген. Мәселен, күміс бетіне қара ою жүргізу әдісімен жасалған білезікті қарала білезік немесе кавказ білезік дейді. Нәзік тоқылған шынжырлар арқылы үзбеге бекітілген сақиналары бар түрлері – сақиналы білезік, бес білезік, шынжырлы білезіктер көрген жанды тамсандырады. Зергер қолынан шыққан мұндай бірегей туындылар қыз-келіншектердің білегіне жарасып тұрады. Бұл секілді білезіктер Түркмендерде, Дағыстан, Үндістан халықтарында кездеседі. Сонымен қатар жалпақ екі қабатты білезік те болған. Білезік буын ауруларының алдын алады, қолдың тазалығын күшейтеді, жын-перілерді қуады деген ұғым халық арасында кеңінен таралған. Ең маңыздысы – білезік адам бойындағы күш-қуатты сақтайды. Қазақ бәле-жала әйелдің құлағы, шашы арқылы кірсе, күш-қуаты біртіндеп алақан арқылы сыртқа шығады деген сенім қалыптасқан, сондықтан әжелер соңғы күш-қуатынан айырылудан қорқып, білезігін қолынан тастамайтын болған. Білезіктегі өрнектердің мәнімен қоса, көп халық ұғымында қалыптасқандай, қорғаныш қасиетке ие сиқырлық күші бар деп саналады. Сондықтан өзге де тұмарлармен бірге баланың білегіне ақ-қара, қызыл-көк көзмоншақ тізбегін тағу дәстүрі осы уақытқа дейін сақталған. Білезіктің, сондай-ақ сақина мен сырғаның киесі мен қасиетіне сену ғұрпы шамамен қола дәуірінде орын алғаны жайлы қазба жұмыстары мәлімдейді. Мысалы, қола дәуіріндегі орымдардан табылған жұмыр білезіктердің ұштары иректеліп келген немесе қорғаныш қызметін білдіретін өзге де белгілермен сәнделген.

Сурет 3. Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі. Қос білезік

Біз «сырға» деп атап жүрген әшекей бұйым қола дәуірінен бері құлағымыздан түспей келеді. Сол дәуірде ең алғаш Шығыс Европада пайда болған бұл әшекей шамамен 3000 жыл бұрын жасала бастаған. Ол өмірге келісімен-ақ әр түрлі сәнде жасала бастады. Алғашында сырғаны тек әйелдер ғана

емес, ер адамдар да тағып жүрген. Жауынгерлер мен батырлар тек бір сырға ғана тағып алған. Ең атақты сырғалар Орта Азия мен Күнгей Кавказда жасалған. Дүниеге кеше ғана келген нәресте қыздың құлағына бірден сырға тағып қояды екен. Олар сырға жас баланы қорғап жүретін бойтұмар деп санаған. Антикалық Қара теңіз халықтары көбіне көрнекті суреттер бейнеленген дөңгелек сырғаларды тағып жүрген. Суреттерде жануарлардың басы, әсіресе арыстанның басы көп бейнеленген. Ал скиф ақсүйектері құлақтарына бидаймен әрленген домалақ сырғалар таққан. Уақыт өте келе сырғалар көбіне әйел адамдардың құлақтарынан байқалатын болды. XVII ғасырдың басында орыстар елінде сырға жасаудың жаңа үлгісі шыға бастады. Сол кездерде әр түрлі ұзындықтағы сақиналы сырғалар сәнге айналды. Сырғаларға түрлі сәнді тастар мен шынылар да әсемдік ретінде тағыла бастады. Одан соң сырғаларды түрлі түстерге бояп, оған бейнелі суреттерді сала бастады. Рембрандт Харменс ван Рейн - Сырға өлшеп тұрған жас келіншек Қарапайым әйел адамдар мыстан жасалған сырғаларды тақты. Сол шақтарда қалтасы қалың ханымдар «ұшқын» деп аталған түрлі ұсақ тастар мен сәнді бұйымдармен сәнделген сырғаларды құлағынан тастаған жоқ. XVIII ғасырда сырға жасау ісі шарықтай бастады (Шевцова, 2007, 35-46 б.).

Осыған байланысты кішігірім той жасалған. Бұл той қырғыз тілінде де сырға той деп аталған. Қазақ дәстүрінде қызға тағатын сырғаның орнына басқа да үкі (қасиетті саналатын құстың бір шоқ үлпілдек қауырсыны), жүзік, білезік, тана (әдемі ақық түйме), моншақ т.б. әшекей бұйымдары қолданылады. Сондықтан қазақ тілінде «құда түсіп, сырға тағып кетті» деудің орнына «үкі (тана, моншақ) тағып кетті» деп те айта берген. Кей жерде «жіп тағып кетті» дейді. Жоғарыда айтылғандай, мұндай заттармен бірге күйеу баланың ата-анасы тарапынан қыздың ата-анасына берілетін сый-сияпаты қоса жүреді. Ол сыйлық мал немесе күміс жамбы, ақша түрінде беріледі. Күйеу жағының осындай сыйлық апару кәдесі алғашында құда түсу рәсімін білдіретін атаулармен аталып бата аяқ, сырға тағар, тана тағар, құлақ моншақ тәрізді фразеологизмдер пайда болған. Ертеде, құлақ моншақ деп сырғаны айтқан. Қырғызстанның оңтүстік диалектінде сырғаның бір атауы құлақ моншақ. Этнографиялық деректер бойынша, көптеген түркі халықтарында қыздардың құлағын тесіп, сырға тағып қою өте ерте жастан басталады. Ертеде қыздың басы бос, атастырылмаған болса, керегеге, кілемге, тіпті бақанға сырға іліп қою салты болған. Сыр өңіріндегі кездесетін сырға түрлері таға тәріздес, ілмек түрінде жасалып, көзіне бағалы тастар орнатылған. Мұндай ай тәріздес сырғаны алтыннан және кейде күмістен жасаған, сонымен қатар оны немерелі болған әжелер таққан. Жасы 45-тен асқан әйелдер дәстүр бойынша кимешек кигендіктен, сырға тағудың қажеттілігі болмаған, сондықтан сырғаны көбінесе бойжеткен қыздар мен келіндер таққан. Әйелдердің кимешек киюі - сырғаның әйел әшекейі ретінде дамуына ықпал ете алмады. Мұражай қорларындағы қазақ сырғаларының санының аз болуы осыған дәлел бола алады. Ақық (ақық тасы) - қымбат тас, жылтылдап тұратын, түсі әртүрлі (қызғылт күлгін, қызыл, күрең қызыл) түсті асыл тас. Бұл бағалы таспен ақық көзді қапсырма, ақық моншақ, ақықтан көзі бар сырға т.б. зергерлік өлшемі бар бұйымдар жасалады. Ақықтың түсі қоңыр қызыл немесе акпен қоңыр қызыл түстердің кезектесіп түсетін жолақты, ал кейбіреулерінің түсі ақшыл болады. Орыс тілінде агат, сердолик, халцедон деп аталатын тастардың баламасы ретінде қолданылады. Ақықтан моншақ тізіледі, онымен зергерлік бұйымдар мен ер-тұрман сияқты ат жабдықтары әшекейленеді (Шойбеков, 1991, 50-54 б.). Халық түсінігінде сырға құлақты негативті энергия, жаман сөздерден, өсек-аяннан қорғаған. Әйелдердің өзара әңгімелесуі кезінде кәметке толмаған еріксіз отырған балаларға «құлағына алтын сырға» деп айту ғұрпынан кейін балалар «саңырау» болып, қажетсіз мәліметтерді қабылдамауы тиіс болған. Сырға – әйелдің сыртқы беделін көрсететін атрибут, яғни сырғалардан жеке кісінің иелігін немесе оның жас мөлшерін, шыққан тегін, өскен ортасын білдіретін қасиеттер де байқалып тұрады (сурет 4) Материалына сай ісі де, көркемдік шешімі де жоғары болып келеді. Алтынмен қапталып, асыл тастардан көз қондырылады. Орта Азия әйелдері көлемі үлкен сырғалар таққан. Көлемі ұлғайған сайын сырға бағалы әрі әсем болып табылатындықтан әйел мәртебесін асқақтата түскен. Бұндай ауыр күміс сырғаларды жиын тойларда ғана таққан. Қыздардың сыртқы әдемілігінің қалыптасуына және оның әйелдік қасиетінің жетілуіне әсер етеді. Бұл бұйым болашақта бала туу қызметінің жетістігінің кепілі болып саналады. Қалыңдық жасына жеткен қыздардың сырғаларында күннің, жұлдыздың, айдың, ал салпыншақтарында тұқымның, гүл жапырақшаларының, дәндердің болуы репродуктивтілікті көрсетеді. Бұл өзінен тарайтын ұрпақтың көп болуын меңзейді. Дәстүрлі тұрмыста әлі күнге дейін сырға, сақинасыз жүру ерсі болып табылады. Қазіргі кезде ол жыныссыздықты білдіреді. Қазақ ертегілерінде уақытша қыздың сырғаға айналуы бұл бұйымның әйел жынысының белгісін көрсетеді және асыл тастар сияқты қазақ эпосындағы әйел кейіпкерлерінің әдемілігі ретінде қабылданған. Қайтыс болған әйелдің барлық әшекей бұйымдарын шешіп алып, шашын өріп қойған. Тек сырғасын ғана қалдырған, өйткені сырғасы жоқ әйелдің құлағына жылан кіріп кетеді деген түсінік халық

арасында қалыптасқан. Егер сырғасыз жерлейтін болса, онда міндетті түрде құлақтың сырғалығын жырту керек болған(Қазақтың зергерлік әшекейлері. 1985, 200 б.).

Сурет 4. Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі. Сырға

Алқа – әйел адамдар мойнына, омырауына тағатын әшекейлі сәнді бұйым. Алғашында алқа дөңгелек әшекей ретінде тағылғанымен бертін келе оның түр-сипаты өзгеріп тұмарша түрінде әртүрлі үзбелі салпыншақты кейіпке ауысқан. Ол кейде меруерт, маржан, үзбелі моншақтар тізбегі тігілген асыл тастардан кейде алтын, күмістен соғылып, бетіне асыл тас қондырылып, ою-өрнектеліп, салпыншақты етіп жасалынады (сурет-5).

Қазақ тілінде алқа тек мойынға тағатын омырау әшекейі емес, бірнеше мағыналарда айтылады. Кей жерде алқа қыздардың мойнынан бастап төсін жауып тұратын алжапқышқа ұқсас дөңгелеңкіреп келген киімді түсінген. Мойынның арт жағынан күміс түймемен түймеленетін бұл алқа кейде «шалғыш алқа» деп те аталған.

Алқа бөлшектерінің кейбір атаулары төмендегідей:

- алақан – бір-бірімен топса арқылы байланысатын жалпақ пластинка,
- алқа бау – мойынға байлайтын жібек жіп, күміс шынжыр,
- аяқ – алқаның шынжырлары, салпыншағы,
- қас – алқа көзіндегі тас,
- қоза – шар сияқты әшекей,
- тақта – алқа алақаны,
- тойнақ – топса т.б.

Бұйымның қандай материалдан жасалғандығына байланысты лағыл, маржан, меруерт алқа, жақұт көзді алқа, зер шашақты алқа (*салтыншағы мол, бірнеше шашақты сәнді алқа*) деген атаулары кездеседі.

Алқаның қымбат түрлері:

- кесек алтыны бар я сом алтыннан соққан, шоқ орнатқан алтын жамбылы алқа;
- екі қатар етіп алтын-күмістен соғылғаны қос алқа, төртбұрышты екі алақаннан (пластинкадан) тұратыны қос тақта алқа;
- күміс шынжырлармен үзбелестіріп жасаған неше түрлі шұбартпа алқа.

Қазақтың зергерлікке қатысты лексикасының кешенді зерттеген филолог ғалымдар кейбір алқа атаулары көнерген сөздер қатарына жатады дей келе, оларға мыналарды жатқызады: бойтұмар алқа, дан алқа, ділда алқа, қола алқа, өн-жорға, сары алқа. Дан алқа – ертеде қызметі, лауазымы жоғары адамдардың мойнына тағатын медальон, алқа тәрізді заты. Ділда алқа – алтыннан соғылған, алтынмен әшекейленген алқаның көне атауы.

Алқаның жергілікті тілде әйкел көкірекше, қаза, омырауша, өңіржиек т.б. атаулары кездеседі. Мұндағы атаулардың алқаның көлемі мен дененің қай тұсын жауып тұратындығына немесе киімнің қай бөлігіне тағылатындығына қарай әрқалай аталған: көкірекше (*көлемі шағын көкірек тұсқа тағылатыны*), омырауша, өңжорға (*ұнжырға*) алтын мен күмістен жасалған алқаның ертеректегі көне атауы. Бұрын алқаға қоса шолпыны да өңжорға деп атаған. Қарақалпақстан қазақтары мойын, алқаны құлыбы, көйлек құлыбы деп атайды. Моңғолиядағы қазақтар омыраушаның сылдырмақ, шынжыры күмістен, төрт бұрыш бөлшектерінің ортасына тас, маржан, меруерт жүгіртіп жасайды. Бұқар өңіріндегі қазақтарда мойынға тағатын әшекей түрі қарғы деп аталады (Шаханова, 2001, с. 35-44).

Сурет 5. Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі. Үкіаяқ

Бойтұмар – ырымдық зат. Оған кез-келген бұйым (ұлутас, сүйек, т. б.) немесе арнайы жасалған қымбат заттар да алынған, оларға жазу жазылып, бедер суреттер түсірілген. Бойтұмарды алқаға, кішкене қорапшаға, әмиянға салатын болған. Болмаса былғарыдан, шүберектен жасаған қалташаға тігеді. Үлкендігі мен пішіні әртүрлі болады. Ол көз тиюден, пәле-жаладан, апаттан қорғайды деп сенген.

Тұмар атаулары жасау барысында қолданылатын материалына, сәндікке тағуына және безендіру әшекейіне байланысты қалыптасқан.

Түрлеріне байланысты атау түрлері

- *Жастық тұмар* - төрт бұрышты түсті металдан жасалған көркемдік тұмар.
- *Қиық тұмар* - сәндікке мойынға тағылатын жалтырауық заттардан істелген тұмар.
- *Лағыл тұмар* - лағыл таспен безендірілген тұмар.
- *Сіркелі қолтық тұмар* - бетіне сіркелеп өрнек салынған тұмар.
- *Алтын тұмар* - күміс бетіне сіркелеп алтын жалатылған тұмар.
- *Тұмарша* - асыл тасты күмістен жасалған, мойынға тағылатын әшекейленген тұмар.
- *Тіллә тұмар* - алтынмен қапталған тұмардың бір түрі.

Әлемде әрбір халыққа тән тұмар тағу және оның күшіне сену дәстүрі бар. Қазіргі заманға сай сан алуан тұмар атаулары баршылық.

Қазіргі кезде тұмар таққан жастар көбейіп келеді. Алайда, сол тұмарды не үшін тағып жүргенін өздері де білмейді. Мұсылмандықтың белгісі ме, әлде ырым-жырым ба? Әлбетте, тұмардың тарихы тым тереңде жатыр. Сенбесеңіз, ел аузында әл-Фараби бабамыздан қалды дейтін әңгіме де бар. Ұлы ұстаз қартайып, бір топ шәкірттерінің басын қосып: «Сендерге аманатым бар, құпияны сақтап, шартын орындасандар ғана ашамын»-дейді. «Айтқаныңызды екі етпейміз»-деп шәкірттері де бірауыздан уәде береді. Сонда ұстаз оларға киізден тігілген тұмарды ұсынып, өз қабірінің басында ғана ашуды міндеттейді. Араға көп уақыт салмай данышпан дүниеден өтеді. Шәкірттері арулап жерлеу рәсімі кезінде әлгі тұмарды ашып қараса, ішінен бір түйір қағаз шығады. Оған: «Бұл – мен туған жердің топырағы. Қабіріме осы топырақты салыңдар»-деп жазып кеткен екен. Ғұламаның әлгі өтініші үлкен тебіреніспен, толқумен орындалыпты. Ол кезеңдерде дәл қазіргідей туған жердің қадір-қасиеті артық тұрса керек... Тұмар тағу ырымы түркілік дәстүрдің айқын бір көрінісі болып саналады. Қазақ үшін – көк, күн, от, су сияқты, қара жер де киелі ұғымдардың бірі. «Қара жер» - киелі жер деген мағынада. Бұрынғы көшпелілер тағатын тұмардың ішінде туған жердің бір уыс топырағы болған. Тұмар сөзінің өзі түркінің «тума иер» - «туған жер» деген сөздерінің кірігуінен пайда болған. Кейінірек мұсылман дінінің орнығуына байланысты тұмардың ішінде дұға жазып салу салт-дәстүрі қалыптасқан. Иә, тұмар халқымыздың ұғымында өте киелі мағынаға ие болған. Қайырылмас ғасырлар бұрын қағаз жоқ, тауар аз кезде, сауда-саттық жасау мақсатымен алысқа сапар шеккенде немесе соғыс жорықтарына аттанғанда, бабаларымыз мал терісінен жүрекке ұқсатып, үшбұрышты етіп тігілген қалташыққа, яки тұмарға туған жердің топырағын толтырып алып шығатын-ды. Бұл туған жерге, туған елге деген

перзенттік парыздың белгісі болса керек. Тұмар – Түркі халықтарының дәстүріндегі туған жерді қадірлеп, қастерлеуден шыққан сенім (сурет-6).

Сурет 6. Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі. Тұмар (бойтұмар, тұмар алқа)

Қазақтың халықтық зергерлік өнері ұлттық мәдениет тарихынан ерекше орын алады. Өнердің бұл түрінің түп төркіні мындаған жыл әрде жатыр. Археология мен топонимиканың деректеріне карағанда, Қазақстан территориясында мыс, қалайы, алтын, тағы басқа асыл және түсті металдарға бай кен орындарын игеру ісінің ежелгі замандарда – ақ қолға алынғандығын айғақтайды.

Негізгі материал ретінде тіл – көзден, пәле – жаладан сақтайтын тылсым күші, қасиеті бар деп танылған алтын, көбінесе күміс пайдаланылды. Ата – бабаларымыздан мирас болып қалған зергерлік бұйымдар Қазалы аудандық тарихи - өлкетану музейінде де сақтаулы.

Әдебиеттер

Тохтабаева Ш.Ж. Обряды и обычаи казахов, связанные с произведениями прикладного искусства//Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Алматы, 2001. С.15-20.

Шевцова А. Казахский народный орнамент: истоки и традиция. М., 2007. 240 с.

Шойбеков Р.Н. Қазақ зергерлік өнерінің сөздігі. Алматы, Ғылым, 1991. 88 б.

Қазақтың зергерлік әшекейлері. Алматы: «Өнер», 1985 ж. 240 б.

Шаханова Т.Ш. Обычи и обряды связанные казахов прикладного искусства// Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Алматы, 2001. С.35-44.

K.S. Erbolatov

IT IS STORED IN THE FUND OF THE KAZALINSK REGIONAL LOCAL HISTORY MUSEUM A COLLECTION OF JEWELRY

The article presents a collection of jewelry stored in the funds of the Kazalinsk regional museum of local history. The museum presents information on the jewelery of the ethnographic products of the peoples living in the area in the eighteenth and nineteenth centuries, which was then transferred to the fund.

КАЗАХСКАЯ ТРАДИЦИЯ ПОЧИТАНИЕ СВЯТЫХ (АУЛИЕ)

У казахов традиция почитания святынь занимает особое религиозное место и в современный период. Свою сохранность имеет благодаря архаичным формам, которые сохранили представления о различных божествах того периода, и с распространением ислама обрели новый смысл.

В тот момент, когда мусульманина настигала беда либо болезнь, они старались обратиться к своему святому с просьбой, о том, чтобы тот помог на те или иные обстоятельства посредством Бога.

В религиозной жизни Центральноазиатских стран традиция почитания святынь сыграло важную роль. Многие ученые, религиоведы, исследователи выявили и установили образы святых. Тем самым, ряд святых, почитаемые мусульманами Центральной Азии очень масштабен.

В список святых можно отнести: суфиев, родоначальники племен, родоначальники родов, культурные герои, покровители местностей, исторические личности и другие.

В Казахстане были выделены два вида категории святых:

- святыне, их образы связаны с начальным этапом развития ислама, это – первые халифы, сподвижники и преемники пророка Мухаммада, а также образы святых, которые упоминаются в коранической традиции;

- святыне-суфии;

- святыне-родоначальники племен и родов;

- святыне-покровители местности;

- святыне-представители местной аристократии, правители, воины, члены их семей, места захоронения которых располагались рядом с мазарами именитых святых.

Ислам утверждал новое религиозное мировоззрения в завоеванных странах, с целью борьбы устранить древний культ предков, и широко упоминал имена пророков, деятелей ислама, которые должны были вытеснить культ почитания других божеств.

В регионах традиционного распространения ислама, как и в Центральной Азии часто упоминались имена четырех ближайших сподвижников пророка Мухаммада – Абубакра, Омара, Османа, Али. В народном быту их имена очень часто упоминались (Абдуллоев, 1996, с. 234).

Широко пользуется имя двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада Али, более известный как Али ибн Абу Талиб. С его образом связана не одна святыня в Центральной Азии. Вымышленные могилы были обнаружены в Южном Казахстане, в селе Созак.

В истории ислама образ Али является трагической фигурой. Как последнего праведного халифа из четырех рассматривают его сунниты, а шииты почитают Али как святого, первого имама, праведника, который непосредственно связан с пророком Мухаммадом, многие воинские подвиги, заслуги, чудеса приписывают также его имени.

Как утверждают в легендах, было семь могил у Али, ибо люди, которые присутствовали во время погребения видели, как вместо одного верблюда с его телом их стало семеро, и они все ушли в разные стороны.

Но, традиция почитания мнимых могил святых известна и в других народах. Нередко встречаются кенотафы, то есть мнимые захоронения святых.

Мусульманские авторы утверждают, что прочитанные молитвы у ложной могилы, где в действительности нет никакого захоронения, они все равно будут приняты и принесут свои итоги.

На территории Казахстана сохранилось очень много святых объектов, связанные с традицией официального ислама. А именно можно их встретить в Южном Казахстане.

В числе местных святых можно отметить святого Баба-Ата (Исхак-баба), согласно преданию, он является потомком Мухаммада Ханафия.

Мавзолеем святого Баба Ата находится в Сузакском районе, Южно-Казахстанская область. История этого края связана непосредственно с его именем. По легенде, в Южный Казахстан Исхак баба прибыл, с целью распространить ислам, чтобы обратить местный народ в ислам, прибыл он с большим количеством войска.

Таким образом, он являлся предводителем мусульманских отрядов, которые в итоге захватили юг Казахстана в VIII веке (Абдуллоев, 1996, с. 156-170).

Обратив южный народ в ислам, он построил семь соборных мечетей. Некоторые казахи из рода Кожа утверждают, что Исхак-баба был родственником Ходжи Ахмада Яссави.

Остаток своей жизни Исхак-баба посвятил мирным трудам. Исхак-баба прожил у подножья гор Каратау, а также прославился среди народа как мудрый и праведный владыка. Сведения о Исхак-бабе упоминаются в трудах географа аль-Макдиси (X в.).

Нынешнее здание мавзолея Исхак-бабы было построено в 1893 году на месте средневековых развалин. Была построена новая мечеть из жженого кирпича, инициатором которого был Аппак-ишан. Для строительства мавзолея были приглашены мастера зодчества из средневековых городищ Казахстана. Архитектурный облик памятника относится к XIX веку.

В настоящее время в современном Казахстане памятники культуры не остались без внимания, были проведены реставрационные работы по программе «Культурное наследие», «Рухани жангыру» в сакральных объектах на территории Казахстана.

Среди местных святых также отмечают и других деятелей ислама.

Саид ибн Абу Ваккас (Садуакас, Сад Вакас), сподвижник пророка Мухаммада, один из тех, кто принял ислам в возрасте 17 лет. Его имя широко известно в Центральном Казахстане, в том числе и в Казахстане. По убеждению местных жителей, в Сауране есть одна могила, которая принадлежит святому Саид ибн Абу Ваккасу. Могил святых в мусульманском мире немало.

Г.П. Снесарев предполагал, что имя святого проникло в Хорезм вместе с мутазалитством, видным деятелем он и являлся.

Ислам, усиленно внедрявшийся в завоеванных странах, сохранил их населению знание ранних этапов истории новой религии, а также имена ее деятелей. В обстановке острой необходимости (нужно было вытеснить старые домусульманские культы, древних божеств, покровителей и духов) мусульманство широко и успешно использовало содержащиеся в Коране имена пророков, а также образы деятелей раннего ислама, внедряя их культ в местах бывших языческих святилищ (Наумкина, 1980, с. 60).

С распространением ислама на территории Казахстана связано немало имен. С именем Карахана, принявшего ислам в X веке в государстве Караханидов, связывают образ святого Аулие-Ата. Мавзолеем Аулие-Ата находится в нынешнем городе Тараз.

Одной из черт традиции почитания святынь является, что среди местного народа большую часть святых относят к воинам, батырам, погибшие за веру и отвагу. Информация о многих святынях отсутствует либо ограничивается очень скухими сведениями о них. Можно наблюдать такие святыни в селе Созак.

В Южно-Казахстанской области находится могила святого Укаш Ата. Расположен в 35 км. Севернее от города Туркестан, в предгории Каратау. В 1989-1990 гг. Местные жители построили на месте прежней могилы нынешнюю могилу. В могиле есть две комнаты: первая входная часть, вторая больше чем первая длиной 22,2 метра, высотой 4 метра, шириной 4,6 метров.

Среди народа про святого Укаш ата существует множество легенд. Укаш ата прославился как воин, ученик пророка Мухаммада, активный распространитель ислама среди джунгарских племен.

Есть один интересный факт о святом Укаш Ата, говорят, что он обладал магической неуязвимостью, которую мог утратить только во время чтения пятикратного намаза. Тем самым, враги Укаш Ата узнав его слабое место, воспользовавшись его неуязвимостью во время чтения намаза отрубили ему голову. Когда враги хотели поиздеваться над срубленной головой, голова упала на землю и покатила, и упала под землю. Где и оказался его колодец, как поговаривают местные, вода непосредственно связана с родниковой водой Зам-Зам в Мекке с помощью подземных путей. Над колодцем посторили небольшое купольное сооружение бирюзового цвета. В настоящее время туда приезжают много паломников со всего мира. Людям, бросившие ведра в колодец, вода выходит в разном количестве. Некоторым людям полное ведро, некоторым пустое. Но местный смотритель дает разрешение закидывать ведро три раза, пока вода не выйдет, хотя бы пол ведра. Если человеку при бросании ведра выходит вода, то его желания сбудутся.

Если Али был телехранителем пророка Мухаммада который шел впереди, то Укаш Ата был телехранителем который шел сзади. Пророк Мухаммад перед смертью сказал: «Если кто-нибудь посмотрит в лицо Укаша, то тому огонь ада будет харам». Во время вскрытия мавзолея Укаш Ата в 1986 году не было обнаружено никаких костных останков. Отсутствие захоронения святых полностью свидетельствует всем канонам традиции почитания святынь. Как уже упоминали, это мнимые захоронения – кенотафы (Гольдциер, 1912, с. 113).

Кенотафы являлись местом погребения умерших, умерших в дали от своих родственников, возводились они на родовых кладбищах.

В наше время надмогильное сооружение Укаш Ата стало местом для паломничества не только для мусульман, но и для многих других народов мира. Ежегодно совершают паломничества верующие со всего мира, России, Азербайджана, Узбекистана, Кыргызстана. Паломники приезжают с большой надеждой исполнения заветных желаний, в надежде обрести здоровье, создать семью, родить детей.

Мазары святых могли и не иметь столь архитектурно-оформленной усыпальницы – мавзолеев. Мазаром может и считаться обычная глинобитная постройка, похожий на жилой дом, или одинокая могила типа сагана, с невысокой оградой вокруг рядом с деревом обвешанным тонкой материей. Наиболее распространенными являются однокамерными либо двухкамерные типы мавзолеев с куполами.

В зависимости от титула и званий святого, его мавзолеем мог разрастаться, могут становиться многокамерными с другими помещениями. Нередко рядом воздвигают небольшие мечети, где паломники могут молиться во время намаза. И кухня для приготовления пищи паломниками.

Очень часто при посещении мазаров рядом можно увидеть «священное» дерево, водоемы или «священные» колодцы (Грюнебаум, 1981, с. 45).

Мазары также являются хранилищем старых религиозных книг. Они лежат отдельно, по-видимому, это связано с тем, что жечь и рвать, топтать религиозные книги запрещается, поэтому это и означает почтение к священной книге мусульман – Корану.

Существуют определенные правила посещения святых мест. Во многих мазарах проводятся одинаковые ритуальные действия и обычаи.

Прежде всего круговые обходы вокруг мазара святого. Затем совершается молитва у порога мазара с просьбами к святому. Далее руками обводят могилу, порог, деревья, после паломник проводит обеими руками по лицу и глазам.

Один из распространенных действий является навязывание лоскутов на деревья, кусты. И конечный этап, это жертвоприношение, после достижение своего результата. Однако, все эти действия относятся к весьма архаичным, первоначальным формам реликтовых верований.

Почитание святых, является особенным феноменом в религиозной жизни всех мусульман, который был сформирован под влиянием древних традиций, где существовали разные божества (Грюнебаум, 1988, с. 78).

Венгерский востоковед И. Гольдциер это определил. На основе изученного материала он утверждал, что, почитая святых было удобно проникнуть в ислам обычаев, обрядов древних верований.

В традиции почитания святых у казахов можно заметить проявление и местной традиции народа. Традиция почитания предков сохраняется у тех народов, где были формы патриархального уклада.

Весь смысл почитания предков – это прямое значение веры в потустороннюю жизнь душ покойных предков, которые возможно смогут оказать влияние на судьбу своих живых родственников. Чтобы удостоиться внимания своих умерших предков, родственники совершают жертвоприношение, ритуальные обряды, а также читают молитву, посещают мазары предков.

У казахов сложились элементы семейно-родового почитания святых. В свое время об этом писал Ч.Ч.Валиханов, что казахи «в свои трудные моменты жизни призывали имя своих предков, как мусульмане святых» (Даль, 1996, с. 36).

В распространении ислама на территории Казахстана важную роль сыграл суфизм. То есть, в целом мусульманский мистицизм повлиял на формирование местных святых. Наиболее известные в этой области представители суфизма — крупные шейхи, руководители мистических школ, такие, как Юсуф Хамадани, Ахмед Ясави, Сулейман Бакиргани (Хаким-ата) и другие, создали самую обширную категорию святых Хорезма и окружающей его пустынно-степной зоны, да и не только этого региона. На протяжении всего средневековья и нового времени эти суфии являлись эталоном святости для всех вновь появившихся «угодников божьих».

Литература

Абдуллоев Д. Пережитки зороастризма в среднеазиатском мусульманском погребальном обряде // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 10. СПб., 1996. 541 с.

Абдуллоев Д. Макбара // ИРИ., 1996. 90 с.

Абу Хамид ал-Газали ат-Туси. Воскрешение наук о вере (Йхиа улум ад-дин): Избранные главы / Пер. с араб., Исслед. и коммент. В.В. Наумкина. М., 1980. 258 с.

Гольдциер И. Лекции об исламе. СПб., 1912. 255 с.

Грюнебаум Г.Э., Основные черты арабо-мусульманской культуры. М., 1981. 87с.

Грюнебаум Г.Э., Классический ислам // Пер. англ. М., 1988. 434 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. 257 с.

THE KAZAKH TRADITION VENERATION OF THE SAINTS

The Kazakh tradition of venerating shrines occupies a special religious place in the modern period. Its preservation is due to archaic forms, that preserved the ideas of various deities of that period and with the spread of Islam gained a new meaning. In the religious life of Central Asia, the tradition of veneration of shrines has played an important role.

А.Ж. Бергенова

Национальный музей Республики Казахстан

г. Нур-Султан, Казахстан

E-mail: aiger_vip@mail.ru

ПРАЗДНИЧНАЯ ИСЛАМСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Ислам у казахов приобрел немало своеобразных черт за счет сохранения пережитков доисламских религиозных традиций, проявлявшихся во всех сферах народной жизни.

Распространение ислама на территории современного Казахстана было процессом, затянувшимся на несколько столетий, и в различных регионах современного Казахстана происходило с разной степенью интенсивности в разные исторические промежутки времени. Распространение ислама на территории современного Казахстана - это процесс, который упал на несколько таблиц, и в разных регионах современного Казахстана разная степень интенсификации произошла в разные исторические прорывные времена.

Утверждению ислама среди казахов способствовали два основных фактора: во-первых, гибкость ислама по отношению к обычаям и правовым нормам этнических групп Центральной Азии, а также к их традиционным религиозным представлениям и конфессиям, во-вторых, идейная близость тенгризма (основная религия древних тюрков Центральной Азии) с исламом, и в-третьих, изначальная поликонфессиональность и обусловленная этим природная веротерпимость казахского общества.

Вначале мусульманство проникло в южные районы. Уже к концу X века ислам утвердился среди оседлого населения в Жетысу и на Сырдарие. Ислам стал государственной религией в Караханидском каганате, возникшем в Жетысу в X веке.

Памятник той эпохи – сочинение Юсуфа ал-Баласагуни (XI в.) «Кудатгу билик», в котором получила отражение мусульманская идеология. В некоторых районах с исламом успешно конкурировало христианство. Несторианство, например, получило признание среди кереитов и найманов, переселившихся в конце XII – начале XIII века с востока Центральной Азии в Восточный Казахстан и в Жетысу. Хан найманов Кучлук даже преследовал мусульман.

Распространение ислама было замедлено монгольским завоеванием, принесшим на запад Центральной Азии новые группы населения (тюрков и монголов) со своей традиционной религией. Тем не менее, в течение средневековья ислам неуклонно продвигался в кочевую степь, захватывая новые и новые группы населения.

Целенаправленная пропаганда ислама среди кочевников началась при золотоордынском хане Берке (1255-1266 гг.) и усилилась при Узбеке (1313-1342 гг.). Проповедники ислама шли в степи из Поволжья и Мавараннахра, из разных районов мусульманского мира. Среди миссионеров было немало представителей суфийского духовенства.

Большой вклад в распространение ислама среди кочевого тюркского населения Южного Казахстана внес основатель суфийского ордена Ясавия, уроженец города Сайрам (Испиджаб) – Ходжа Ахмет Яссауи (умер в 1166-1167 гг. в городе Туркестан).

Обращение в Ислам кочевой знати не означало, что мусульманское вероучение было прочно усвоено всеми слоями общества. Простой народ долго сохранял религиозные верования своих предков. Наблюдатели, описывавшие быт казахов в прошлом, обычно подчеркивали, что ислам усвоен казахами поверхностно.

Даже в XIX веке мусульманство проникло в жизнь казахов не так фундаментально, как, например, у оседлого среднеазиатского населения. В связи с особенностями бытового уклада (жизнь в юртах, сезонные передвижения) у казахов не было затворничества женщин. Они не закрывали лицо покрывалом, юноши и девушки пользовались значительной свободой общения. Однако позиции ислама из года в год становились все более прочными. Постепенно увеличивалось число мечетей.

Заметным явлением в прошлом веке было продвижение татар в казахские степи с целью стать муллами. Обычно муллы-татары женились на казашках становясь, тем самым, в степи своими людьми. Предосторожности оренбургских властей вряд ли создали эффективную преграду этому процессу. При всей примитивности обучения их деятельность приносила ощутимые плоды – грамотность среди казахов росла. Появилась традиция записывать стихи и песни и распространять их в списках. Книжки на казахском и татарском языках находили среди казахов все более широкий спрос. Вместе с внедрением грамоты шло и утверждение ислама.

Мусульманский праздник Ид аль-адха, известный у нас под названием Курбан Айт, стал частью религии во второй год хиджры (мусульманское летосчисление), то есть в 624 году. По поверью, его учредил сам пророк Мухаммед в память о событии, связанном с его предшественником, пророком Ибрахимом.

Согласно Корану, истоки праздника Курбан Айт восходят к испытанию, посланному Аллахом Ибрахиму. Пророк до 86 лет не имел детей, пока у него не родился первый сын, Исмаил. Однажды во сне Ибрахим увидел, что Всевышний просит его принести в жертву единственного сына. Не посмея противиться желанию Аллаха, он пришел в долину Мина, где позже был построен город Мекка. Здесь он сделал все необходимые приготовления. Исмаил не сопротивлялся отцу, также будучи послушным воле своего Бога. В последний момент, когда пророк уже был готов совершить жертву, Аллах снизошел к нему, сказав, что он прошел испытание, доказав свою покорность и преданность. Жертва была заменена на барана. Так в исламе и зародилась традиция принесения жертвы.

Традиция празднования Курбан Айт и жертвоприношения животного распространилась на территории Центральной Азии вместе с исламом. Это произошло в X–XIII веках. Обряд хорошо вписался в ранее существовавшие обычаи кочевых скотоводов.

Первые достоверные описания празднования Курбан Айт казахами встречаются в русских источниках XIX века.

Мусульманские богословы по-разному трактуют суть праздника Ид аль-адха (Курбан Айт), однако все сходятся в том, что главным в нем является не сам процесс жертвоприношения, а покорность и исполнение воли Аллаха. В Коране сказано:

«Не дойдет до Аллаха ни их мясо, ни их кровь, но доходит до Него богобоязненность ваша. Так Он подчинил их вам, чтобы вы возвеличили Аллаха за то, что Он вывел вас на прямой путь, а ты обрадуй делающих добро!» (Левшин, 1832, с. 288).

Суть праздника состоит в приближении к Богу, обращении к нему. Само слово «курбан» в мусульманской традиции означает приближение. В традиции народов Средней Азии, помимо религиозного, большое внимание уделяется гуманистическому аспекту этого торжества.

По традиции, в дни Курбан Айт верующий должен проявлять любовь и милосердие к ближним, помогать нуждающимся. Одна треть от мяса жертвенного животного отдается беднякам в качестве милостыни. Помимо прочего, Ид аль-адха неразрывно связан с паломничеством мусульман в Мекку. За день до праздника верующие, совершающие хадж, поднимаются на гору Арафат.

В день жертвоприношения они семикратно обходят Каабу и совершают символическое побитие шайтана камнями. Праздник отмечают через 70 дней после дня окончания великого поста — Ид аль-Фитр, в 10-й день месяца Зуль-хиджа.

Ядром празднования Курбан Айт является обряд жертвоприношения и праздничный намаз. Каноны этих традиций остаются неизменными среди мусульман во всех странах мира.

За день до праздника верующим рекомендуют держать пост (за исключением тех, кто совершает паломничество в Мекку). После захода солнца за день до Ид аль-адха мусульмане громко читают такбир, восхваляя Аллаха.

Празднование Курбан Айт начинается с раннего утра. Перед молитвой верующий совершает омовение, подстригает волосы и ногти, надевает чистую одежду. Также рекомендуется душиться благовониями.

В мечетях в этот день совершают ид-намаз, или праздничную молитву. Молитва совершается коллективно в два ракаата (порядок слов и действий при намазе). В начале ид-намаза произносят «Аллаху акбар» одновременно мысленно проговаривая намерение (ниет): «Я намереваюсь совершить двухракаатный намаз-сунна по случаю праздника Курбан-байрам, во имя Аллаха». После молитвы верующие, собираясь в группы, обходят улицы, произнося такбир и воздавая хвалу Аллаху. Затем они вновь отправляются в мечеть или на специальную площадку, где мулла читает праздничную проповедь, разъясняющую суть хаджа и жертвоприношения. Затем мусульманин может принести жертву.

По канонам ислама, в качестве жертвы может выступать овца и коза (не моложе года), корова (не моложе двух лет) и верблюд старше пятилетнего возраста. Запрещается приносить в жертву одноглазое, хромое, хилое или больное животное, а также животных с обрезанными рогами, хвостами или ушами.

Перед жертвоприношением мусульманин должен наточить нож (нельзя делать этого при жертвенном животном), а также отвести свою жертву в сторону от стада. Перед обрядом верующий говорит о своем намерении принести жертву. Затем произносится такбир. Непосредственно перед закалыванием произносится фраза «Бисмилляхи, Аллаху акбар».

Во время жертвоприношения животному связывают ноги. Его кладут головой к Мекке. Умерщвляют жертву, разрезав горло и основные артерии, выпуская таким образом кровь. После того как жертва испустила дух, ее разделяют на три части. Одна часть животного остается хозяину, другую раздают бедным родственникам и соседям, а третью отдают в качестве милостыни.

В Казахстане праздник Курбан Айт зачастую сопровождается местными обычаями. Издревле в этот день проводили айтысы, национальные игры кокпар и кыз-куу, накрывали богатый стол для друзей и родственников, ходили друг к другу в гости. В наши дни эти традиции также сохраняются.

Как сообщал, Л.Майе, киргизы не особенно чтят магометанские праздники, однако соблюдают некоторые посты (ураза) и празднуют известные дни, например, Курбан-байрам и другие, но главные увеселения у них семейного или народного характера, т. е. свадьбы, поминки мертвых, или празднества, даваемые по какой-нибудь радости в семье знатного и богатого человека. Эти праздники в таком случае, принимают часто общенародный характер и на них съезжаются знакомые и незнакомые лица (Носилов, 1903, с. 188).

Ученый, Ч.Ч.Валиханов также занимался исследованием религиозного состояния казахского народа и пишет ряд статей в этом направлении. Ислам, который стал усиленно насаждаться в степи с 1822 года Российским правительством посредством татарских мулл из Казани, для Валиханова, как человека образованного, имевшего научный аналитический склад ума и острую интуицию, был неприемлем. Многие его труды и исследования красноречиво об этом говорят.

Изучая духовные воззрения своего народа, Ч.Ч. Валиханов делает вывод, что казахи его времени были более привержены к шаманизму и держались шаманских обрядов, нежели мусульманских. Выводы Чокана Чингисовича нашли отражение в статье «Следы шаманства у киргизов», где он пишет:

«Все писатели о киргизах говорят и почти во всех географических руководствах пишется, что киргизы - магометане, но держатся шаманских обрядов или, что они обряды мусульманские смешивают с шаманским суеверием... У киргизов шаманство смешалось с мусульманскими поверьями и, смешавшись, составило одну веру, которая называлась мусульманской, но они не знали Магомета, верили в Аллаха и в то же время в онгонов, приносили жертвы на могилах мусульманским угодникам, верили в шамана и уважали магометанских ходжей. Поклонялись огню, а шаманы призывали вместе с онгонами мусульманских ангелов и восхваляли аллаха (Сарсенбаев, 1974, с. 233).

Такой порядок вещей продолжался до наших дней, когда ислам вместе с русской цивилизацией проник в степь, и грамотные дети, воспитанные фанатичными татарами, с презрением отвернулись от обычаев предков и стали преследовать и запрещать их, где только замечали... Но, тем не менее, основания шаманской веры были поколеблены магометанским единобожием...» (Валиханов, 1904, с. 29).

Первый день курбан-айта празднуют все без исключения, второй – ходжи и муллы, к которым собираются султаны и знакомые из простых киргиз, в третий – белая кость приглашает к себе на еду всех тех, у которых султаны гостили первые два дня. Простой народ также празднует два остальные дня, если не в гостях у султанов и ходжей, то у себя дома разница только в том, что скот у людей мало достаточных уже не колется, как в первый день, когда самый нищий киргиз почему-то считает для себя священным долгом заколоть хотя одного барана, потому что в этот день в обычае у народа посетить непременно всех своих знакомых, следственно всюду должно быть угощение, а как заготовленные к зиме запасы копченного мяса к этому времени, даже и у самых экономических людей, уже истощены, то волею-неволею приходится разоряться на колотье скота даже и тому, для кого это составляет большой расчет.

В первый день праздника мужчины встают с восходом солнца, т.е. часа в три, правоверные под открытым небом творят молитву, во всем подражая, конечно бессознательно, муллам и ходжам; потом все садятся на лошадей, выгоняют скот в поле, выбирают для колотья верблюдов, лошадей, баранов (крупный рогатый скот и козлов не колят и в этот день). От 8 до 10 часов все обедают в кругу своего семейства. С 10 часов до вечера женщины занимаются приготовлением пищи и разного угощения для беспрерывно прибывающих гостей, которых им одним и приходится принимать, потому что все

остальные, немолодые люди находятся целый день в разъездах по знакомым, а молодежь, как мужчины, так и девушки, выезжают на отборных лошадях в поле, отыскивают себе ровесниц и ровесников, и с ними проводят весь день в разного рода увеселениях. Девушки разряжены в пух и прах, но без покрывал, которых, заметим мимоходом, нам нигде и ни в какое время не приходилось видеть в области на женщинах или девушках. Муллы иногда толкуют о необходимости чадры, но их в этом отношении слушают только их жены. Одна из наиболее употребительнейших забав молодых людей состоит в том, что какую-нибудь красивую наездницу (все киргизские девушки хорошие наездницы) догоняют несколько джигитов, имеющих целью ее поцеловать, от такого домогательства та обороняется плетью, которою бесцеремонно хлещет всех настигающих ее мужчин, за исключением, разумеется, того, может быть менее ловкого, но более любимого человека, которого этим самым силится приблизить к себе (Алимбай, Муканов, Аргынбаев, 1998, с.120).

Таким образом, ислам занимает важную роль в обрядах жизненного цикла у казахов. В настоящее время исламские обряды и обычаи переживают процесс возрождения.

Таким образом, определились важные факторы об исламской обрядовой культуре. Основные положения в исламе как почтение к старшим, проявление толерантности к другим религиям, помощь нуждающимся семьям, доброжелательность. Как и у другого этноса, у казахов обычаи и обряды, имеют богатую историю, истоки которой относятся к глубокой древности. Это сложная система, связанная с традиционным мировоззрением.

Бережное сохранение и отношение к этим обрядам определенным образом сказываются на заметном возрождении и развитии народной культуры в современном Казахстане.

Литература

Алимбай Н., Муканов М.С., Аргынбаев Х.А. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Алматы, 1998. 120 с.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. 288 с.

Носилов К. Среди наших инородцев. СПб.: 1903. 188 с.

Сарсенбаев Н.С. Обычаи и традиции и общественная жизнь. Алма-Ата, 1974. 233 с.

Валиханов Ч. Следы шаманства у киргизов // Зап. Имп. Русск. Географ, общ. СПб., 1904 г. С. 8–29.

A.Zh. Bergenova

HOLIDAY ISLAMIC RITUALS

Islam among Kazakhs has acquired many peculiar features due to the preservation of remnants of pre-islamic religious traditions, manifested in all spheres of public life. The tradition of celebrating Kurban Ait and animal sacrifice spread throughout Central Asia along with Islam. The first reliable descriptions of the celebrating of Kurban Ait by the Kazakhs are found in Russian sources of the XIX century.

Д. Ескекбаев

Менеджмент университеті

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: d.eskekbaev@mail.ru

ҚАЗАҚ ЖӘНЕ БАШҚҰРТ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ ТАРИХИ-ЭТНОГРАФИЯЛЫҚ БАЙЛАНЫСТАРЫ

Башқұрттар пен қазақ халқы ертеден-ақ көшпелі, жауынгер халық екені белгілі. Қазақтар мен башқұрттардың қалыптасуы мен тарихи тағдырларында кездесетін ортақ қасиеттер бірнеше ғасырлар бойы жалғасып үзілмей келе жатқаны белгілі. Бұл тұрғыда екі халықтың территориялық жағынан ғана емес тарихи тегі жағынан да жақындығы негіз болғандығы даусыз. Сондықтан да олардың материалдық және рухани дүниесіне байланысты тұрмыстық салттары мен шаруашылық мәдени өмірлерінің дамуының тарихында көптеген ұқсастықтардың бар болуы заңдылық. Екі халықтың да тілдері алтай тілдерінің түркі тобына жататын батыс ғұн тобы, оның ішінде башқұрт тілі қыпшақ бұлғар, ал қазақ тілі қыпшақ тобының қыпшақ ноғай тобы бұтағына бөлінуімен ғана ерешелінеді. Ал шежіре, танба, эпостық жырлары мен фольклорлық әдебиеті т.б деректер бойынша башқұрттар қазақтармен тығыз байланыста болғандығы көптеген ғылыми зерттеу еңбектердің өзегіне айналған. Екі халықтың ежелден территориялық жақындығы туралы орта ғасырлардағы саяхатшылар мен

зерттеушілердің еңбектерінде де көптеп кездеседі. Белгілі ғалым С.И. Руденконың еңбегіндегі: «В домонгольское время, по преданию, башкиры разделялись на двенадцать основных родов, из которых семь были расположены на территории бывшей Уфимской провинции, а пять – в Зауральской ее части. В Уфимской провинции к западу то р. Ика жили бюлярцы, в верховьях рек Ика и по Деме-киргизы, в бассейне среднего течения р. Белой и правых ее притоков-табинцы, к югу от киргизов и табынцев большую территорию по общему сырту занимали кипчаки, а в верховьях р. Самары и на востоке в верховьях рек Самары и Урала-бурзяне», - деген деректі зерттеулері назар аударарлық (Руденко, 1955, с.43). Екі халықтың арасындағы туыстық қатынастарға байланысты тарихи мәліметтерге жүгінсек 1229 жылы башқұрлардың оңтүстік батысын ала орналасқан Бұлғарлар хандығын моңғолдар басып алып, 1236 жылы башқұрлар да Еділ бойын тұтастай иемденген Алтын Орда мемлекетіне заттай алым төлеп тұруға мәжбүр болған (Рычков, 1762, с.1-2). Әбілғазының дерегі бойынша сол кезде қалыптасқан ереже бойынша башқұрлар алымға өздерінің иеліктерінің оннан бірін төлеп отырған (Абдул-Гази, 1906, с.67). Бұл деректерді бір кездері башқұрлардың Алтын Ордан бөлініп жеке хандық құрған Қазақ Ордасының ханы Хақназардың билігінде болғандығы туралы жазған Руденконың зерттеулері де қуаттайды. Онда «Ногайский хан Акназар ... башкиры «принуждены были давать ему ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице, ...», - деген мәліметтер бар (Рычков, 1762, с.28). Башқұрт аңыздарында ноғай билеушісі Ақназардың аты кездеседі. Бұл туралы әр кезеңдегі зерттеушілердің пікірлері бір жерден шығуы бұл аңыздардың шындыққа жақын екендігін көрсетеді. А.П. Чулошников Ақназарды «ноғай мырзаларының ұрпағы» десе, Р.Г. Кузеев башқұрт аңыздарында кездесетін Ақназарды Хақназарға сәйкес келеді деп есептеген. А.Н. Усмановтың пікірінше, халық жадындағы Хақназар мен ноғай ханы Ақназар туралы аңыздар араласып кеткен. Мәскеу ғалымы В.В. Трепалов Ақназар мен Хақназар бір тұлға деген пікірге тоқтала келіп оның хан тағына отыруы 1552 жыл деп көрсетеді (Избасарова, 2008, с. 65-66).

Қазақтар мен башқұрлардың туысқанды байланыстарын Шәкәрімнің жазбаларынан да көруге болады. Шәкәрім Құдайбердіұлы өзінің «Түркі, қырғыз, қазақ һәм хандар шежіресі» кітабында: «Башқұрт бұрынғы заманда финно-угор халқымен араласып кеткен түрік нәсілі деп араб жазушылары айтады. Олар 1723 жылы «ақтабан шұбырындыдан» соң қазақтан бөлініп барып, ондағы татарлармен араласып кеткен. Башқұрттың таптары – минский (бұл мыңғыт деген қалмақ болып қалған, тоғайлы елі атанған татардан) және табинский (бұл Кіші жүздегі табын, қыпшақ, тама, қытай, керейлерден) және таздар, қырғыз. Осы жоғарғы аттарға қарағанда, башқұрттар қазақ екенін һәм әр рудан қосылғанын білерсіз», - деп жазады. Қазақтың іргелі Керей тайпасынан шыққан ұлы ойшыл жырау, әрі батыр қолбасы Қожаберген Толыбай сыншы Дәленұлы (1663-1763) үлкен шежіреші, әрі өз заманының білімдары болған адам. Қазақ халқының шығу тарихын жырға қосып «Ата - тек» атты дастан жазып:

«Түріктен өрбіген елді тоғыз дейді,

Тартатың күй аспабы қобыз дейді,

Башқұрт пен қазақ, ноғай, қарақалпақ –

Төртеуін шежірешілер оғыз дейді,

Қазақтың түп атасы Оғыз-Түрік,

Құт қонған ұйтқы болып орнап бірлік», – деп жырға қосуының өзі жыраудың жан жақты, көкірек көзі ояу, тарихтан да қаражаяу еместігіне көз жеткізеді.

Қазақтар мен башқұрттарға тән екі халыққа да ортақ ру, тайпалар да аз емес. Атап айтсақ, арғын, қыпшақ, керей, найман, табын, тама, тілеу, таз тана, керейіт, жағалбайлы, масқар, қаңлы, дулат, үйсін және т.б. да тайпалар екі халыққа да ортақ. Этникалық шығу тегі мен тікелей территориялық байланыстардың болуы екі халықтың да этнографиялық мәдениеті мен тарихи әдебиетіне ортақ әсерін тигізгендіктен де болар олардың фольклорында, соның ішінде ертегілерде, тарихи өлеңдерінде, батырлық және лироэпостық жырларында ортақ кейіпкерлер мен ұқсастықтар көптеп кездеседі. Мысалы, қазақтың лироэпостық жыры «Қозы Көрпеш Баян сұлу», башқұрт нұсқасында «Қузы курпэс және Маян хылу», ал «Алпамыс» батырлық жыры «Алпамыш» және «Ер Тарғын» сияқты эпостық дастандар да екі халықтың әдебиеттері тарихынан бірдей орын алған. Сондай-ақ, Алдар көсе, Жиренше шешен, Қожанасыр туралы аңыздар да екі халыққа ортақ әдеби персонаждар ретінде ұрпақтан ұрпаққа жалғасып, айтылып келе жатыр.

Ежелден іргесі ажырамаған тұрмысында, тілінде, салт-санасында ұқсастықтар көп қазақ пен башқұрт туысқан халықтар болғандықтан, Алтын Орда, Ноғай ордасы кезеңдерінен қалған батырлар мен билер туралы көптеген жыр-дастандар екі халыққа да ортақ. Еділ мен Жайық арасын еркін шарлап иісі түркі жұртына танымал болған жырау Шалкиіз Тіленшіұлының (1465-1560) тарихи жырларындағы өлең жолдары онан екі ғасыр кейін өмір сүрген башқұрт халқының батыры, әрі ұлттық ақыны Салауат Юлаев шығармаларынан да (1752-1797) көрініс тауып отырған. XIX-ғасырдың екінші жартысында

өмір сүрген атақты Ақмолла ақын шығармашылығы қазақ, башқұрт әдебиеттерінің ортақ мұрасы. Қазақ, татар поэзиясында елеулі із қалдырған Ақмолла ақын (М.Камалетдинұлы, 1831 —1895) ұлты қазақ – башқұрт әдебиетіндегі ірі тұлға. Оның шығармаларын Сәкен Сейфуллин 1935 жылы құрастырып шығарса, 1986 жылы ақын өлеңдері “Күндер мен түндер” деген атпен екінші рет қазақ тілінде басылды. Кіші жүз бен Орта жүз қазақтарының солтүстіктегі ұзаққа созылатын ең үлкен шекарасы Башқұртстанмен екі арада болды. Жүздеген жылдар бойы бауырлас екі халық Жайық өзенің қос жағалауын бойлай қоныстанып көшпелі және жартылай көшпелі өмір салтын ұстанып қоян қолтық жұптаса өмір сүрді. Олар қазақтармен тегі бірге туыстас түркі тілдес халық болғандықтан шаруашылықтық, тұрмыстық салттарында тілі мен діні этнографиялық мәдениеттерінде түрлі ортақ белгілер мен ұқсастықтардың болуы әрине заңдылық.

XVII ғасырдың екінші жартысында Кіші жүз қазақтардың бір бөлігі ру-руымен Үй-Миасс өзендері аралығындағы және Жайықтың оң жағалауындағы башқұрт жерлеріне дейін барып, көшіп-қонып жүретіндігі тарихтан белгілі. Бұл да болса тағдырлас екі халықтың бір кездері ара жігі ажырамай бір тудың астына біріккендігінің бір көрінісі де болар. Башқұрт-қазақ байланыстарының ол кездегі кеңінен тараған түрлері екі халық арасындағы қыз беріп, қыз алысу, құда-жекжат болып араласулар болатын. Башқұрт және қазақ батырларының арасындағы күрес, бәйге, садақ ату, айтыс өнерлері сияқты жарыстар бірлескен мереке кездерінде кеңінен өткізіліп тұрған. Башқұрттар мен қазақ халқы да көшпенді өмір салтын кешкендіктен олар да дала заңын айналып өте алмады. Көшпелі халық тұрмысында барымта, қарымта деген де болып тұрады, мұндай өмір салты екі халыққа да бірдей ортақ. Екі халықтың этнографиялық тұрмысы мен лингвистикалық байланыстары бұл халықтардың көнеден келе жатқан тектік қатынастарының болғандығын аңғартады. Малшылық кәсіпті күнкөріс кәсібіне айналдырған көшпелі қоғамда табын табын жылқы мен сиырды, қоралы қойды бір отбасының ғана иелік етуі мүмкін емес. Сондықтан да «у ішсең де руынмен» деген халықтық тәмсіл сол қоғам қажеттілігінен туындаған болар. Осындай шаруашылық тәсілінен туындаған қазақтар арасында кең тараған «сауын», яғни тұрмысы төмен отбасының бай тумаласынан биесін немесе сиырын алып сүтін сауып күнкөріске пайдаланғаны кең тараған. Ал дәл осындай тұрмыстық салт башқұрларда да болып оларда бұл «һауын» деп аталынатыны және жаз уақытында малға шөп дайындау науқаны кезінде аталас туыскандардың көмекке келуі екі халықта да «өмә, үмә» түрінде аталынуы екі халықтар арасындағы этнографиялық тұрмысық сәйкестіктерінің дәлелі бола алады. Бұл туралы XVIII ғасырда Жайықтың саласын мекендеген халықтарды зерттеген И.И. Лепехин: «наварив мяса, накопив кумызу, созывают своих закомцев и подчивают, которые за угощение помогают хозяиёу косить», - деп жазады (Лепехин, 1802, с. 277). Жалпы әрбір халықтардың генезистік жақындығын зерттегеуде олардың тілдік байланыстары деректі мағлұматтар бере алады. Осы тұрғыда екі халыққа ортақ кейбір шаруашылық тұрмысқа байланысты атауларды келтіре кетейік: садақ оғы башқұрларда «ук», адырнасы «әдернә», кергіші «кереш» десе, аңшылық тазыны «тазы», арқанды «арқан», ағаш күректі «калак», қармақты «кармак», балтаны «балта», оның тысын «балта кын», пышақ қынды да «кын», омартаны «умарта», тырманы «тырма», торкөзді « кузелдерек», тағы жылқыларды «тарпан», табынды «табун», қошқарды «кушкар», ені алынған текеі «кеселген тәкә», қысырды «кысыр», лақты «ылак» т.б. да ұқсастықтар өте көп кездеседі. Сол сияқты жылқы үйірін «өйөр», оның айғырын өйөр айғыр» деп атаған. Жылқыны құрықтап ұстап оны «корок» деп, құлынға тағар ноктаны «нукта», таңбаны «тавро», бәкіні «бәке» деп атауы екі халықтың түсінісуі үшін аудармашының да қажеттілін тудырмайды.

Башқұрлар тарихын терең зерттеген С.И.Руденконың: «По сведениям, собранным в 1725-1726 гг. Юхневым, башкиры Сибирской дороги «хлеба не едят, но только лошадиное мясо, а пьют кумысы, деп немесе «по словам Лепехина, летом «Вся их провизия по словам в дороге состояла в небольших кусках сыру и турсуках кумызу, которых каждый имел по одному. А зимою из молока делают брагу и ирень (айран), - деген мәліметтер келтіруі екі халықтың тұрмыстық жақындықтары ғана емес тарихи тағдырлас екендігінің нақты дәлелі болмақ (Руденко,1955, с. 55-56).

Посол Багдадского халифа к царю волжских булгар Ибн-Фадлан, посетивший Башкирию в 922 г., писал о башкирах: «Из них кое-что говорит, что у него двенадцать господь: у зимы господин, у лета господин, у дождя господин, у ветра господин, у деревьев господин, у людей господин, у лошадей господин, у воды господин, у ночи господин, у дня господин, у смерти господин, у земли господин, а господин, который в небе, самый большой из них, но только он объединяется с нами в согласии и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ... мы видели» (Ибн-Фадлан, 1939, с. 66-67).

Саяхатшының осы пікірін қуаттайтын Қазақстан территориясында да жеткілікті. Мәселен, көне тарихы сонау қола дәуірлерінен бастау алатын Алматының батыс жағында сексен шақырым жерде орналасқан «Таңбалы тас» археологиялық кешенінде жүзден астам түрлі ескерткіштер: қоныстар мен молалар, ертедегі тас қашалған орындар, жартас суреттері және табыну ғимараттары (*құрбандық*

шалынатын жерлер) орналасқан. Мұндағы әрбір тасқа қашалған сурет бейнелер сол дәуірдегі адамдардың қоршаған ортамен тығыз қарым қатынаста, байланыста болғандығына дәлел бола алады. Шатқалдың батыс жағындағы биік әрі жазық жартастағы «Күн құдайы» мен «Ай құдайы» бейнеленген петроглифте екі «құдайды» он екі тіршілік иесінің қоршап, билеп жүргені айқын аңғарылады. Күн мен Айға табынып оны ұлы күш, құдірет деп түсінген адамдардың санының он екі болуы тегін емес. Мұны адам жасының әр мүшелін он екі жаспен түйіндейтініміз, жыл уақытын он екі айға бөлетінімізді еске алсақ бұл сандардың киелі, тотемдік наным- сенімге негізделген байланыстардың бар екендігін байқаймыз (Молдахметұлы, 2016, с.5).

XIX-XX ғасырлардағы қазақтар мен башқұрттар арасындағы исламға дейінгі діни наным сенімдерінде көптеген ұқсастықтар бар. Мәселен, баланың дүниеге келуі мен оның тәрбиесіне байланысты салт дәстүрлерде кездесетін магиялық әрекеттер, «зұлым күштерден қорғайтын» бүркіт, қсқыр, үкінің тырнақтарын бойтұмар ретінде бас жағына немесе бесікке тағып қою, албасты, перілерге деген сенім, оларды отпен аластап қуу сияқты ортақ байланыстар жеткілікті (Толеубаев, 1991, с.56). Қазақтар мен башқұрттарда кездесетін ұқсас нанымдар арасында дүниеден өткендердің рухына сиыну, жерлеу қорымдарды айналып өтіп өздері киелі деп санайтын мазарларға түнеуі т.б. сонымен қатар жерлеу рәсімдерінде де көптеген ұқсастықтар бар. Екі халыққа да тән ортақ қасиеттердің бірі қайтқан адамның артын күту яғни, 3, 7, 40, 100 «күндіктерін» атап өту шараларында да ұқсастықтар бар. Жалпы қазақ халқында батыс өңірлері яғни, Кіші жүз қазақтары арасында болмаса мақұмның жүз күндігін атап өту рәсімі Қазақстанда кең тарамаған. Өзіміздің тікелей жүргізген этнографиялық зерттеулерімізден байқағанымыздай жүз күндігін атап өту Ресейдің Орынбор облысын мекендеген қазақтар арасында оның ішінде Кіші жүздің Жағалбайлы руында молынан кездесетінін байқадық (Ескекбаев, 2003, с.129). Алайда олардың арасында ара-тұра болса да қазақ халқы арасында кездеспеген 52 күнін де атап өтеді екен. Информаторлардың айтуынша бұл рәсім көршілес татар және Орск қаласын тұрақтаған ноғай халқынан келіп және оның себебі адам қайтқан соң қырық күннен кейін ет пен сүйек ажырайды ал, 52 күннен кейін адамның бойындағы сүйектерді жалғастырып тұратын сіңірлер үзіле бастайды деген ұғымда болса керек. Ал дерек көздері бұл ғұрыптың татарларда да болғандығын жоққа шығармайды (Ескекбаев, 2003, с.149).

Табиғат тосын мінез көрсетіп күн күркіреп найзағай ойнағанда үйге шайтан кіріп кетеді деген түсінікпен қазақтар ертеде есік терезені қымтап жауып қойып үйдің сырқы қабырғасын үй сыпыратын сыпыртқымен (*башқұрларда «сыбыртқы»*) айнала ұрып шығатын дәстүрі өткен ғасырдың алпысыншы жылдарына дейін сақталғандығы да ортақ дәстүр екендігі аян. Ежелден келе жатқан көне сенімдердің бірі алып жыландар яғни, халық жадында аждаха немесе айдаһарға байланысты түсініктер орын алады. Халық жадында аждахалар башқұрлар сенімінде Каф тауынан ірі асып Солтүстік мұзды мұхит жағасында мыңдаған жылдар өмір сүрген (Юлуев, 1892, с.246). Ал қазақтар таным түсінігінде де тура осындай ұғымдар қалыптасқан, тек айырмашылығы Қап тауы деп Кавказ тауларын немесе көне Қаратауды атайды. Сондықтан да болар қазақтар әлі күнге дейін ордалы және байқаусызда үйге кіріп кеткен жыландарды (*башқұрларда «йылан»*) өлтірмей керісінше үстіне сүт шашып аластап шығарып жібереді. Ал жолаушы жолда келе жатқанда алдын кесіп өткен жыланды көрсе қамшымен (*башқұрларда «камсы»*) ұрып өлтіретін болған, себебі қамшыға жылқының иісі сіңген деген түсінік қалыптасқан (Лепехин, 1802, с.173).

Қазақтарда жеті атаға дейін қыз алыспайтын экзогамиялық дәстүрлер сақталынған. Деректер бойынша бұл башқұрларда төрт атаға дейін (*қырғыздар, өзбектер, түркімендар т.б. сияқты*) сақталынып әке, бала, немере, шөбере, шөпшек, туа жат (*башқұрларда тыуа ят*), жүре жат (*башқұрларда ете ят*) ұрпақ бөлінісі сақталынған. Бой жеткен қызды ұзатарда екі рудың ақсақалдары жиналып бата (*құранның басында айтылатын фатиха аяты*) беріседі осы кезден бастап екі арада келісілген қалың малдың бір бөлігі төленіп қыз ұзатылғанға дейін толық төленіп бітулері керек. Бір ғана айырмашылығы башқұрларда батадан кейін екі жас бір ыдыстан сұйытылған бал немесе қымыз ішетін болса, қазақтарда бұл көрініс екі жас үлкендерден бата алып, молда некелерін қиған соң ғана бір ыдыстан ішіне күміс салынған неке суын немесе бата су ретінде қымыз ішетін болған. Қазақ халқының ұлын үйлендіріп, қызын ұзатуда да ғасырлар бойы желісін үзбей жалғасып келе жатқан өзіндік салт-дәстүрлері бар. Қазақ дәстүрінде негізінде жеті атаға жетпей қыз берілмейтіні белгілі. Бұл әдет-ғұрыптар ұрпағының келешегін, нәсілінің болашағын ескеруден туындаған экзогамиялық норманы сақтаудың бір көрінісі. Орынбор қазақтары да бұл дәстүрді бұзбай берік сақтаған. Бұл туралы Левшин: “Джагалбайлинцы не жениться на женщине принадлежащей к роду жагалбайлы, но будет искать себе жену в другом роде Семиродского поколения”, – деп жазады (Левшин, 1862, с.151). Сондай –ақ, қазақтың магиялық сенімдерінің бір көрінісі қыз бала ұзатылғанға дейін шаштарын бір бұрым қылып өріп жүрсе, тұрмыс құрған соң оны екі өрім етіп ұшына шашбау тағатын үрдісі башқұрт

қыздарында да кездесіп оны олар «сәсбау» деп атайды екен (Назаров, 1890, с.182). Ал теріден немесе шұғадан жасалынатын ер азаматтар киетін бас киім құлақшын (башқұрларда қолаксын) мен күләпара (башқұрларда көлөпәра) екі халықта да бірдей жасалынып қолданысқа ие болған. Нәрестені бөлеуге арналған ағаш төсек бесікті қазақтар ғана емес Орталық Азия мен Кавказ, Үндістан, Қытай жерін мекендейтін халықтардың басым көпшілігі пайдаланып, айырмасы тек әр түрлі үлгіде жасалады. Бесік көшпелі өмір кешкен халықтар арасына ертеден тараған. Қазақ бесікті (*башқұрларда «бишек» деп аталады*) қарағай, қайыңнан, көбіне талдан иіп жасайды. Мұндай бесік жеңіл, ықшам әрі берік, көшіп-қонуға ыңғайлы. Жалпы бесіктің екі түрі болады, бірі табаны жерге тиіп қолмен тербетуге арналған болса екіншісі, аспалы бесік қазақтарда ол «әңгелдек» немесе «әлпеншек» деп аталынса башқұрларда «сәңгелдек» деген түбірі бір атауға ие. Оған зерттеушілер мынадай сипаттама берген: *«колыбели-сәңгелдек-состоящий из рамы, заплетенной лыком или затянутой холстом, подвешивалась на четырех веревках, прикрепленных к ее углам»* (Алекторов, 1886, с.46). Екі халыққа ортақ және туыстас татар халқында кездесетін ғұрыптық дәстүрлердің бірі үй жануарларынан әсіресе, жылқы мен қой сою ғұрыптық салттарынан көрініс табады. Бұл жерде ислам дінінің ықпалымен бұл халықтардың бәріне ортақ сойған малды бата жасап барып бауыздап қанын бір ыдысқа немесе арнайы қазылған шұңқырға ағызу міндетті салттардың бірі. Және де құс аулағанда да бұл шарттар қатаң сақталынған, ауланған құс аңшы жеткенге дейін өліп қалған болса да оны бауыздап қанын шығару ғұрпы ислам дінінен енгендігі сөзсіз (Ворбьев, 1953, с.323). Қорыта айтқанда қазақтар мен башқұрт халқы арасында шығу тегі, шаруашылық тұрмыстары, ұстанған өмір салты, тілдік жақындығы жағынан болсын көптеген ұқсастықтар бар екендігін екі халықтың тарихын зерттеуші ғалымдардың бірі де жоққа шығара алмайды. Бала туу бастап оны тәрбиелеу сатылары және өлік жөнелтуге дейінгі аралықта кездесетін толып жатқан жосын жоралғылар мен әдет ғұрыптарындағы этнографиялық нышандардың өте жақындығы олардың шығу тегі туралы аңыздар мен тарихи деректердің нақты екендігіне көз жеткізеді. Бір ғана мысал, қазіргі уақытта қазақ халқында кең дамыған айтыс өнері де башқұрларда сақталынған. Деректі мәліметтер бойынша XVIII ғасырдағы қазақ башқұрт арасындағы айтыстар ақындардың екі тілді жетік меңгеруіне байланысты аудармасыз өтіп отырған. Атап айтсақ атақты қазақ ақын жырауы Бұқармен айтысқан Байық Айдарды айтсақ та болар, ол қазақ тұрмысы мен дәстүрімен толық таныс болуымен қатар қазақ тілінде де еркін сөйлеген. Сондай ақ қазаққа тән эпикалық жырлар мен Ауыз әдебиетінде ерекше жетілген жанрлар – толғаулар (башқұрларда қобайыр) мен терме айту өнері де жақсы дамыған. Қазақтар мен башқұрлардың қолданбалы халықтық қолөнері де әрі қарапайымдылығымен де әрі сәндік бұйымдардағы ұқсас өрнекті оюларымен де тартымды. Киіз үй құрастыру, ат әбзелдерін дайындау, киім үлгілеріндегі өрнектер, бас киім тігудегі ерекшеліктер т.б. этнографиялық материалдық мәдениетіндегі жақындықтарды тізе берсек өте көп және де олардың бәрін жазып шығу монографиялық зерттеулер болмаса бір мақала көлемі көтермейтіндігі анық.

Әдебиеттер

- Абдул-Гази. Родословное дерево тюрков. Казань, 1906.
- Алекторов А.Е. Башкиры. Этнографический очерк // Оренбургский листок. 1885. № 46-52; 1886. № 1.
- Ворбьев Н.И. Казанские татары. Казань, 1953.
- Ескекбаев Д., Төлеубаев Ә. Орынбор қазақтары (тарихи этнографиялық зерттеу). Алматы, «Қазақ университеті», 2003. 172 б.
- Избасарова Г.Б. XVIII ғасырдағы қазақ башқұрт ара қатынастарындағы саяси және этникалық үрдістер. Ақтөбе: «ПринтА» баспаханасы, 2008. 232 б.
- Лазаревский Ф. Свадебные обычай у киргизов Оренбургского ведомства // Московские ведомости. 1862. № 151.
- Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких Орд и степей. СПб., 1832.
- Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч.3.
- Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч.2.
- Молдахметұлы Ж., Қайранбаева Р. Таңбалы та - қазақтың шежіресі // «Айқын» газеті. (05 тамыз, 2016 ж.).
- Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. №1.
- Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу // Под ред. И.Ю.Крачковского. М.: Л., 1939. С.66-67.
- Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л.; 1955.
- Рычков П.И. Топография Оренбургская, то-есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1-2.
- Төлеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата: Ғылым, 1991. 214 с.

D. Eskekbayev

KAZAKH AND BASHKURT PEOPLES HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC RELATIONS

The article analyzes the kinship of the Kazakhs and Bashkirs, their tribal composition and similarities in life and customs, traditions and connections in the general ethnographic culture. The importance and historical roots of historical data in epic poems and oral literature became the core of the article.

Г. Зәкіржанқызы

Орталық ұлттар университеті
Қытай аз ұлттар тіл-әдебиеті институты
Бейжің қ., ҚХР
E-mail: 1583542760@qq.com

ШЫҢЖАҢ ТЕКЕС АУДАНЫНДАҒЫ ЖЕР АТТАРЫНЫҢ МӘДЕНИ МӘНІ ТУРАЛЫ

Зерттеудің маңыздылығы. Жер атаулары - үлкен және кіші аймақтарға қатысты болатын тілдік белгілер. Шын мәнінде, бұл мәдени құбылыс, оның функциясы тұрғысынан қарағанда, ол аймақтық бағдарлаудың символы болып табылады. Бірақ олар жалпы мағынадағы символ емес, олар қайта бір ұлттың тарихы мен еңбек адамдарының даналығының жемісі. Сондықтан жер Топонимдер - ұлттық мәдениеттің тасымалдаушысы. Топонимдер арқылы да бір ұлттың дәстүрлі мәдениеті мен тарихи дамуының түсінуге болады (牛汝辰. 新疆地名的积淀与穿越——新疆地名历史语言学探源. 北京: 中国社会出版社, 2017, 200-212 б.).

Текес-Төңерегі таумен қоршалып жататын, жазы салқын, қысы жылы құт мекен. Жер ауданы сегіз мың алпыс алты квәдрәт километір, Қытай, қазақ, ұйғыр, Мұңғұл, дүңген, қырғыз сынды 33 ұлт мекенейді (新疆地名大辞典编纂委员会. 新疆地名大辞典. 北京: 中国大百科全书出版, 2012, 200-205 б.). Текес өңірінде ең алғаш сақтар мекендеген.

Ел ішінде «Сахара жаухары», «Алма мекені» деген аты бар, Текес ауданы «теке» мен «сы» жалғауының қосылуынан қалыптасқан. Бұл туралы Ғалым Әбілез Шәріп ұлы алғашында «Текесі бар жер, Текесі көп жер деп аталып, кейін тілге жеңіл болуы ұшын «ы» жұрнағы тұсып қалып, «Текес» болып кеткен» дейді. Ал Қытай жазбаларында Мұңғұл тілінде кең сахараны кесіп өтетін бұлақ деген мағынадағы «текши» сөзінен келген дейді (刘敏. 特克斯·风物志. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 2016, 367-375 б.).

Топонимдердің қалыптасуы мен дамуына әсер ететін тарихи факторлар. Текес-бір де түрікше ол «Тау ешкі» немесе «Көлеңкелі баурай, бет» деген мағынаны білдіреді деиді; бірі Мұңғұл тілінде кең сахараны кесіп өтетін бұлақ деген мағынадағы «текши» сөзінен келген дейді. Археологиялық деректер ге қарағанда, тас дәуірінен бастап Текестің екі жағында да адамдардың әрекеттері болғанын көрсетеді. Ақтас үңгірлеріндегі жартасты суреттер неолит дәуірінің тұрғындарының суреттері болып табылады. Текесте өмір сүрген ең алғашқы көшпелілер сақтар болған.

Текес өңірінде қазақтардың жан саны басым орынды ұстайды. Судың тұнығын, шөптің шүйгінін іздеп жүретін сахара халқы ұшын Текес жайлы қоныс, құтты мекен еді. Қазақтың ұзақ тәрихіна ие ұлт екеніне ғалымдар да келіседі. Тайпалар Қаңлы, Ғұн, Сақ сынды батыр тайпалар бірігіп келіп, қазақтың құрамына еніп, 15-ғасырда тұрақталып, 1465-жылы Керей хан мен Жәнібек хан Қазақ хандығын құрады. Ол 1840-жылына дейін өмір сүрген.

Текес ауданның көптеген жер атаулары қазақша аталады және олар аударма түрінде жазылған. бұл жердың атауларының 90% -ы қазақ тілінен аударылып келген. Мысалы: Қысаң үңгірі Текес ауданы шолақтерек ауылында орналасқан. «Қысаң» сөзі екі таудың арасындағы жолды немесе «Тар» деген ұғымды білдіреді. Тағы бір мысал – Шоң Құштай ауылы. Қазақ тілінде «Шоң Құштай» дегеніміз «Үлкен Құштай», ал «Кіші Құштай» дегеніміз «Кішкентай Құштай» дегенді білдіреді. Біз мұнда Текес ауданындағы жүзге жуық жер аттарын зерттеп, зерделедік. Оларды төмендегідей бес топқа бөліп қарастырдық (李颖超. 新疆历史文化名城·特克斯. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 2009, 128-132 б.).

1. Географиялық орналасуы мен формасына байланысты топонимдер. Текес ауданы тыйаншан тауының батыс етегіне орналасқан. Теңіз деңгейінен 3500 метір биіктікте. Ондағы қазақтар көшпелі, мал шараушылығымен шұғылданады. Сондықтан ондағы топонимдер табиғи релефке байланысты жарыққа келген. Мысалы: «Теректісай» ол терегі көп алқап дегенді білдіреді; «Кіші мойынтай», «Кіші» деген түсінікті, «Мойынтай» «Таудың ер-тоқымын» білдіріп, бірігіп келіп «Кішігірім ер-тоқым» деген мағына береді; «Кетпен төбе», «Кетпен»-ұйғырлардың Еңбек құралы, «Төбе» қазақтарға таныс, төбешік; «Қанғай»-моңғол тілінен аударған, «Суға бай шөпті таулы орман алқаптары», сондай-ақ, «Жергілікті, әлем» дегенді білдіреді; «Ақжазық», ұшы қиырсыз әппақ жазық деген мағына береді; «Қарасай», «Қара»-реңді білдіреді, ал «Сай»- «Алқап» дегенді білдіреді.

Қазақ халқы шөптің шүйгінін, судың тұнығын іздеп көшіп қонып жүретінін білдік. Қазақтар жаз жайлау, қысы қыстау, көктеу, күздеуді малдың ыңғайына қарай талдайтын болған. (Йасын құмар ұлы. көшпелілер және орта жазық мәдениеті. Пекин: ұлттар баспасы.2006. 123-150бет.) Маусым сайын көшіп-қонып отыруы керек. Жергілікті орынның ауарайына, малдардың жағдайына байланысты сахара философтары болып кеткен қазақтар географиялық ортаны жақсы талдайтын болған. Сондықтан Текес ауданының көптеген жер аттары географиялық ортаға байланысты.

2. Түстерге байланысты атаулар. Қазақтардың көпшілігі ақ, көк, жасыл, қоңыр түстерді ұнатады. Олар ақты «тазалықтың», көк - «қасиетті», жасыл - «тіршілік», қоңыр - «сүйкімділік» белгісі. Алайда, кейбір дәстүрлі адамдар сарыға қарсы, ал қазір жастар сары түстерді қабылдай бастады. сондықтан, қазақтың көптеген жерлері түрлі-түсті сөздермен байланысты, бұл да Қазақ эстетикасын көрсетеді.

Ал Текестегі жер аттары тек реңмен байланысты болып қана келмейді. Олардың көпшілігі өсімдікпен, жер бедері, климат сипаттамаларына байланысты. Текес ауданының Қаражон жайлауын алып айтар болсақ, ол «Хан жайлау» деп аталады. Қазақша «Патшаның жайлауы» деген мағына береді.

Сонымен қатар, түске байланысты қазақ жер атауларына мыналар кіреді: «Көк терек», «Көк» - қазақ тілінде «жасыл», ал «Терек» - бұл «ағаш», екі сөз біріккенде «жасыл ағаш» дегенді білдіреді; «Ақтоғай», «Ақ» - рең, «тоғай» - «орман», ал бірге «ақ орман»; «Ақтас» - «ақ» рең, «тас» - «тас» дегенді білдіреді, ал біріккенде «ақ тастар» дегенді білдіреді; «Ақжол», «Ақ» - реңді білдіреді, екі сөз біріккенде «ақ жол» дегенді білдіреді, өйткені ақ түс - қазақтар арасында өте қасиетті түс, сондықтан «ақжол» сөзі «аманшылық жолы» дегенді де білдіруі мүмкін; «Ақкүнбес», «ақ»- реңді білдіреді, «Күнбес» - қабір дегенді білдіреді; «Ақтас», «ақ»- реңді білдіреді, ал «Тас» - «тас» дегенді білдіреді. Бұл «ақ тас» немесе «қайырымды тас» дегенді білдіреді.

Жоғарыдағы түрлі-түсті сөздермен байланысты қазақ жер атауларынан, олардың көпшілігі ақпен байланысты екенін байқаймыз, өйткені қазақтар ақты ерекше құрметтейді және ақ түсті өте қастерлейді.

3. Жануарлар мен өсімдіктерге байланысты атаулар: 1) Жануарларға байланысты топонимдер. Қазақтар негізінен мал шараушылығымен айналысады және мал жәйіу үшін жайылымдық жерлерге сүйенеді. Мал шараушылығымен шұғылданып қиыр қонып, шет жайлап жүрген қазақтар ұшын төрт түлік мал мен өсімдік ыстық болып кететіні белгілі. Жылқы, сиыр, қой, түйені «Төрт түлік» деп қадыр тұтса, жылқыға деген құрметі тіпті де бөлекше. Оны ердің қанаты, мінсе көлік, ішсе сүті сусын деп қатты бағалаған. Қазақ тілінде жануарларға байланысты көптеген жер атаулары бар, мысалы: «Ешкілік», «ешкі» - малдың бір түрі, ал «лік» - сөз қалыптастыру аффиксі, ал біріккенде «ешкі коп қоныстанған жер» дегенді білдіреді. «Қаммстыбұлақ»: «Қаммс» «қамыс» дегенді білдіреді, «бұлақ» «су» дегенді білдіреді, ал біріккенде «қамыспен қоршалған сулы жер» дегенді білдіреді; «Аттыңтау»: «Ат» - «жылқы», біріккенде «жылқылар жиналатын тау» дегенді білдіреді; «Атшабыс»: «Ат» - «жылқы», «шабыс» аттың шабысын айтады, бірігіп «ат жарысы» дегенді білдіреді (李颖超. 新疆历史文化名城·特克斯. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 2009, 34-35 б.); 2) Өсімдіктерге байланысты жер атаулары. Текес ауданының көптеген жер аттары және өсімдіктермен байланысты. мысалы, «Ақшй», «ақ»-рең, ал «шй» - өсімдік атауы. «Шетбақалық»: « шет »-« жиек» дегенді білдіреді, «бақалық»-« бақалар жиналатын жер» дегенді білдіреді, бірлесіп бұл бақалар жиналатын орын деген мағынада.

4. Суға байланысты атаулар. Текес ауданының жер аттарының көпшілігі суларға байланысты, мысалы: «Суасу» деген сөз «су арнасы» дегенді білдіреді; «Қарасу», «Қара» - рең, ал бірге «қара реңді су» дегенді білдіреді; «Шолақтерек»: «шолақ» - «қысқа» дегенді білдіреді, бірігіп қысқа бұлақ дегенді білдіреді.

5. Басқа тілдерге қатысты атаулар. Текес ауданының жергілікті тарихындағы негізгі этникалық топтың бірнеше рет өзгеруіне байланысты, бірнеше жер атаулар қатар өмір сүрді. Мысалы: «Құжырт» Моңғол тілінен келіп шыққан, «қатал жер» дегенді білдіреді. «кентүментөбе», «кентүмен» -

ұйғырлардың еңбек құралы, ал «Төбе» - «Кіші төбешіктер, ұсақ төбелер» дегенді білдіреді (杨立权, 张清华. 中国少数民族语地名概说. 北京: 中国社会出版社, 2011, 107-108 б.).

Қортынды. Текес ауданында далалық зерттеу алып барғаннан кейін бұл өңірдегі топонимдердің өзінен-өзі келе салмағанын, барлығы Еңбекші халықтың ақыл-парасаты негізінде қалыптасқанын байқадық. Халықтың Таразысына салынып, миында қортылған нәрселер әрине халық арасында өз құнын әйгілейді. Сол сияқты Текес өңіріндегі өсімдік, жануар, тау-су, рең сындыларға қатысты атауларды халық тапқырлады. Олар халық арасында бүгінге дейін қолданып келеді. Сол жер аттарын қортындылай кетер болсақ:

1. Түстерге байланысты топонимдер: мысалы: ақтас, Ақсай, ақжол.
2. Жер бедеріне байланысты топонимдер: мысалы: қанғай, кішімөйінтәй.
3. Жануарларға байланысты топонимдер: мысалы: аттыңтауы, атшабыс, ешкілік.

Әдебиеттер

Йасын құмар ұлы. көшпелілік және орта жазық мәдениеті. Пекин: ұлттар баспасы, 2006. 340 б.

刘敏. 特克斯·风物志. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 2016. 410.

新疆地名大辞典编纂委员会. 新疆地名大辞典. 北京: 中国大百科全书出版, 2012. 704.

李颖超. 新疆历史文化名城·特克斯. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 2009. 190.

杨立权, 张清华. 中国少数民族语地名概说. 北京: 中国社会出版社, 2011. 376.

牛汝辰. 新疆地名的积淀与穿越—新疆地名历史语言学探源. 北京: 中国社会出版社, 2017. 322.

G. Zakeerjiang

A BRIEF ANALYSIS ON THE CULTURAL SIGNIFICANCE ABOUT PLACE NAMES OF XINJIANG TEKES

Place names are a kind of cultural phenomenon. The study of the relationship between place names and culture is the content of the study of cultural linguistics, so place names are also a type of linguistic phenomenon. From the point of view of linguistic phenomenon, place names usually have a relative structure and characteristics in terms of formation. In addition, due to the special nature of place names, there are deep cultural connections behind the linguistic form of place names, which reflect different cultures in different places. Tekes is an area dominated by Kazakhs, most of the local names are translated from Kazakh. This article tries to analyze the cultural connection of Kazakh place names by collecting and sorting about 100 Kazakh place names of Tekes district.

Кадир Шахин

*Докторант Университета имени Ататюрка
Институт исследований Турции, Отдел истории
г. Эрзурум, Турция
e-mail: kadirshahin25025@gmail.com*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА НАЗВАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ «СЫРДАРЬЯ»

Река Сырдарья, была одним из центров, где человечество жила с древних времен. Река не только свидетельствовала об истории и появлении цивилизаций, но и горы, реки, пустыни в этом бассейне были названы разными именами в разные периоды времени. В этой работе будут использованы исторические термины, древние и средневековые исследований с географическими названиями, которые помогут нам понять значение и названия «Сырдарья».

Река Сырдарья образуется в результате слияния Нарына с Карадарьей, которая берет свое начало из Ферганской долины. Длина этой реки с точки слияния Нарына с Карадарьей в Узбекистане до озера Арал где она разливается, составляет 2865 км в длину. Река берет свое начало в границах Киргизии, протекает в границах Узбекистана, Таджикистана, а затем снова входит в Узбекистан (рис. 1). Сырдарья, дважды входя в Узбекистан, образует один из редких примеров мировой речной географии (потамологии). После выхода из Узбекистана пересекает границу Казахстана и самая большая часть прорыва реки остается в пределах этой страны (Barthold, 1980, s 566; Muhammedcanov, 2009, s. 272).

Рис. 1. Общий вид р. Сырдарья. (Без масштаба).

Первым народом в регионах Сырдарьи являются скифы (VIII вв. до н.э. – III вв. до н.э.). О скифах писали «отец истории» Геродот и Страбон. В своих работах они называют Сырдарью *Танаис*. В работе Геродота о границах скифов говорится «если пересечь Танаис то это уже не Скифия¹²» (Herodotos, 2011, s. 302). И снова в этой же работе Геродот указывает Танаиса среди рек Скифии (Herodotos, 2011, s. 314-317; Vasary, 2007, s. 45). Страбон в свою очередь обращает внимание на то что Гомер в своих работах не упоминает реку Танаис и скифов, которые жили в этих регионах. Хотя Гомер изучал эти регионы до Страбона и на тот момент Танаис был известен как граница между Азией и Европой. (Strabon, 2015, s. 36–37).

Мы знаем, что скифы в свое время называли нижнюю часть Сырдарьи *Silis*¹³, а бактрийцы – *Laskat* (Durmuş, 2012, s. 197; Klyāstorniy, 1954, s.71). Считается, что название Сыр это то же слово, что и кремний, которое использовал Плиний (Barthold, 1980, s. 567; Muhammedcanov, 2009, s. 272).

Сырдарью римляне называли *Оксус* в 330–325 гг. до н.э. Один из генералов Александра Аристосбулос, Римский мудрец Флавий Арриан и коренные народы называют реку «Орексарт (Орексарт)» (Gedikli, 2014, s. 83).

Зороастрийцы называют реку Сырдарья *Дону*. Предполагается, что это название был записан в III вв. до н.э. и имеет значение «вода, ручья». Эта река Дону, является другой рекой, несмотря что оно имеет то же имя, что и современная река Дон (Durmuş, 2008, s. 136).

В других источниках, Сырдарья упоминается как *Яксарт*. Например, в Западной Европе его до сих пор на древнегреческом называют *Яксартес* (Barthold, 1980, s. 567). Но существуют разные мнения. Маркварт, который сделал этимологию слово, обращает внимание что в тюркских записях¹⁴ принадлежащие VIII веку название реки упоминаются как *Йенчи Угуз (Жемчужная река)*, а в древних китайских источниках слово было транскрибировано в виде *Йошии* и *Йокишарта*. Но несмотря на это в турецких надписях и в современных китайских источниках использован перевод турецкого названия на китайский язык *Джен-с Джу-Хэ (настоящая река)*. Согласно Маркварту, оригинал слова *Яксарт* происходит от *я-ша-арты*, что означает на древне иранском языке «подлинную жемчужину» (Marquart, 1898, s. 6; Chavannes, 1903, s. 140). Некоторые историки поддерживают эту точку зрения, но поиск Маркварта значение реки на иранском языке заставляет задуматься. Ведь слово уже имело значение в древнетюркских надписях. Маркварт утверждает, что нет никаких доказательств того, что

¹² В греческих источниках упоминается скифы, или, другими словами, Саки, как Скифия (Durmuş, 2012, s. 42).

¹³ Илхами Дурмуш в своей работе «Скифы» говорит, что слово *Silis* означает «ясный, яркий, светлый» (Durmuş, 2008, s. 197).

¹⁴ В надписи Орхун использовалось выражение Жемчужной реки для реки Сырдарья (Ergin, 2017, s. 35, 55).

река Сырдарья всегда называлось Яксартом. Он рассказывает, что в древнегреческих источниках, имя *Яксарт* было дано войску Александра Македонского, которая вошла в поле движения. И соответственно слово появилось после экспедиции Александра (Marquart, 1898, s. 5-6; Klyashtorniy, 1954, s. 70, 71; Moldabayeva, 2005, s. 4).

По китайским источникам видно, что река Сырдарья записан разными названиями. Например, в Синь Тан Шу (новая история Тан) записан как *Яо Ша Шуи*, а в Юань Ши (история Юань) был записан как *Ху Чанг* (Ходженд). В 221 разделе Синь Тан Шуя (новая история Тан) верхняя часть Сырдарьи записан как *Чэнь Чу Хэ* (Нарын), а в текстах где упоминается государство Шаш¹⁵ записан как *ихи Джи чи хэ хэ* (Chavannes, 2013, s. 197). Выражение *Чэнь Чу Хэ* (*Норин*) здесь важно. Поскольку здесь скорее всего имеется ввиду река Нарын.

Европейские географы считают, что Нарын, протекающий через северо-восточную часть Ферганы и Жетысу, образует исток реки Сырдарьи (Barthold, 1980, s. 566).

В работах средневековых мудрецов, таких как Аль - Масуди и Аль - Бируни, также встречаются информация о реке Сырдарья. Если Аль-Масуди называет Сырдарью *Яксартом*, то Аль-Бируни *Хашартом* (Barthold, 1963, s. 130; Moldabayeva, 2005, s. 4). Тем не менее, мудрецы как Мукаддеси и Ибн Гавкал, также упоминают Сырдарью. Мукаддес называет Сырдарью *Шаиш* и говорит, что эта река берет начало с правой стороны страны Тюрков (Туркестан) и падает в озеро Харезм (озеро Арал) (Mukaddesî, 2015, s. 43). Ибн Гавкал так же называет Сырдарью *Шаиш* и говорит, что эта река становится длинной с помощью других рек, которые протекают в тюркских и исламских границах (İbn Havkal, 2014, s. 389).

В турецких записях Сырдарью называют двумя названиями. Первый из них *Йинчу Огуз-Йенчу Огуз* (Tekin, 2014, s. 187). Гоктюрки использовали термин «Огуз» для рек. В надписях Гоктюрков использован еще одно название для Сырдарьи Йинчу Огуз, что означает «Библия рек» (Aydin, 2016, s. 161-162). Гоктюрки, вероятно, описывают центральные части Сырдарьи, расположенные между Ферганой и Ташкентом (Конратбаев, 1996, с. 7; Moldabayeva, 2005, s. 4).

Можно предположить, что слово «Сыр» которое дало название реке Сырдарья, может иметь турецкое происхождение. В надписях про мудрого Тонюкука встречается фраза «Тюрк сыр Бодуну» в 5 местах.¹⁶ Известно, что слово «Сыр» содержащееся в этой надписе, означает «племя и народ». Мы так же знаем, что в текстах Гоктюрка есть такие имена, как «шесть Сыров, Гок Сыр и Сыртардуш (Сейен-то)» опять же имеют значение «племя и род» (Taşağıl, 2014, s. 249; Gedikli, 2014, s. 89).

Кашгарлы Махмуд, упоминая слово «Окюз (Огуз, Угуз)¹⁷» в своей работе поясняет: «это название данное каждой реке, такой как Джейхун и Евфрат. Когда огузы произносят это слово в единственном числе то это означает реку Бенегит (بنگیت)», потому что город находится на берегу этой реки. Даже кочевники приходят на берег этой реки» (Kaşgarlı Mahmud, 1985, s. 59; Akbulak, 2015, s. 396). Отсюда мы можем понять, что Кашгарлы Махмуд рассказывая о реке Бенегит имеет ввиду Сырдарью. Потому что города тюркских племен были основаны на берегу или в притоках Сырдарьи. Огузские племена живущие вокруг Сырдарьи, использовали термин «Огуз». Сырдарья питалась многими руками, пока не доходила до озера Арал. Из за пустынного климата Арала река замедлялась. Поэтому турецкое значение огуз-угуза «медленно текущая вода» (Sümer, 1999, s. 144). Опять же по топономическим данным было установлено, реки которые на сегодняшний день считаются высохшими располагались в центральной части Сырдарьи и назывались «Угузская Джилга» (Огузский ручей, яма) (Jirmunskiy, 1961, s. 480; Gedikli, 2014, s. 88).

В XV-XVI веках один из мудрецов Фазлулла б. Рузбихан, в своей работе под названием *Михман-наме-и Бухара* пишет что местные жители называют Сырдарью водой *Ходженда* (*Аб-ы Ходженд*), а монголы и узбеки *водой Сыра* (*Аб-ы Сыр*). В этой же работе автор утверждает, что Сырдарья является одной из четырех великих рек в мире, даже в некоторых хадисах говорится, что эта река исходит из

¹⁵ Шаш: это старое название современного города Ташкент. Недалеко от Рея (предположительно расположенный современного Тегерана) есть небольшая одноименная деревня, но фактический Шаш-большой город, расположенный в Маверауннехире, который является тюркским народом. Жители этого места принадлежали к секте Шафии. Однако позже здесь Шафиизм снизился с преобладанием ханафизма (Mesûdî, 2011, s. 80).

¹⁶ Для получения подробной информации см.: Тонюкук 1-Западная сторона 3. Абзац, Тонюкук 1-южная сторона 4. Абзац, Тонюкук 2-Северная сторона 2. Абзац, Тонюкук 2-Северная сторона 3. Абзац и Тонюкук 2-Северная сторона 4. Абзац (Aydin, 2014, s. 115, 118, 131).

¹⁷ Бесим Аталай отметил в своей работе поясняет: слово «окюз» сегодня используется в Анатолии в форме «оз» и имеет значение «чай, яма». «Шабанозу» это племя. Это слово было в Иране было «озен», река протекающий между Азербайджаном и Гиляном, называется «Кызылозен». Он говорит, с последних трех лет его официальное названием стало رودسرخ (Kaşgarlı Mahmud, 1985, s. 59).

рая (Ruzbihan, 1976, s. 85; Sümer, 2014, s. 91). Что касается словарного значения, то предполагается, что слово *Сыр* означает *народ* (Ergin, 2017, s. 140).

В документах Согд и Сака, найденных в Восточном Туркестане, название *Сыр* использовалось как «Шыра», «Шыр» (в качестве прилагательного или наречия имеет значение: хороший, красивый, много). Можно считать слова «Сыр» и «Шыр» одинаковыми (Klyashorniy, 1954, s. 72). Кроме того, слово «Сыр» встречается во многих названиях рек, относящихся к древнему периоду тюркской истории.¹⁸

Название «Сыр» как отмечает Бартольд (Barthold, 1980, s. 567) впервые был идентифицирован не в XVI веке, а в XIII-XIV веках.

Город Жент¹⁹, был местом обдумываний сыновей и внуков Жужи и назывался «Сыр-Орда» (Klyashorniy, 1954, s. 72).

Древнее государство Кангли или Канью было основан в районе Сыра после скифов (III вв. до н.э.). Основная информация об этом государстве встречается в китайских источниках. С.П. Толстов основываясь на информации предоставленной китайским ваканювистом Чжан-цианом а также другими рассказывает, что Кангюи жили в районе от нижней части Сырдарьи до Отрара. Фергана на востоке, Бактрия с парфянской страной на юге и хемхудут с территориями Хarezма и Бухары на Западе. Город Битан показан как центр государства Канью. Также видно, Сырдарья в некоторых источниках упоминается как *Канг*. С. Толстов говорит, что это слово происходит от персидского слова *Канга*, то есть ковчег (водный канал) (Толстов, 1948, с. 143-144). Несмотря на то что Канг является персидским словом, Кангли, имеет тюркское происхождение.²⁰

Сырдарья называется как «Gul Zaryūn (Гуль зарюн)» в произведении Хамдуллы Мустевфи Аль-Казвини. (Hamd-Allah Mustawfi, 1919, s. 210; Barthold, 1980, s. 567). Река Сырдарья на арабском языке называлась *Сейхун* (سيحون) или *Сихун*. Неизвестно, откуда взялось это название (Barthold, 2010, s. 400). Тем не менее, реки часто упоминаются по названиям городов, находящихся на их берегу. А на берегу Сырдарьи был самый крупный город Шаш. Поэтому Сырдарья была известна как река «Nehrü's-Şâş» что означает «реки Шаш». Эти места в VIII (XVI) веке монголы прославили под названием «Gil-Zeriyan (гиль-зериан)». Тюрки называли реку *Сырдарья* или *река Сыр* (Strange, 2015, s. 572-573).

В заключение можно сказать, что вода была источником жизни для живых существ на протяжении всей истории. Поэтому люди от прошлого до настоящего поселились близко к источникам воды и создали здесь цивилизацию. Одним из этих источников является самая большая река в Центральной Азии – Сырдарья. В этом исследовании мы также видим, что река Сырдарья имеет разные названия и занимает важное место в истории находясь в центре внимания различных народов.

Литература

- Бартольд В.В. История Туркестана. Сочинения. II. Москва, 1963. с. 130.
Конратбаев Т. Старые памятники. Алматы, 1996. с. 7.
Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Ленинград, 1948. 328 с.
Фазлуллаз б. Рuzbihan. Михманнаме-и Бухара / Под. ред. М. Сутуде. Тегеран, 1976. с. 91.
Хамд-Аллах Муставфи из Казвина. Нужат-Аль-Кулуб / Пер.: Гай Ле Стрейнж, Лондон, 1919. с. 210.
Akbulak Özlem. “Divanü Lûgati-İt-Türk'te Geçen Su ile İlgili Terimler Üzerine Bir İnceleme”. Akademik Sosyal Araştırmalar Dergisi, (Mart 2015). Yıl:3, Sayı: 9, s. 396.
Aydin Erhan. Orhon Yazıtları (Köl Tegin, Bilge Kağan, Tonyukuk, Ongi, Küli Çor). Kömen Yayınları, Konya, 2014. s. 115, 118, 131.
Chavannes Edouard. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, Pétersbourg, 1903. s. 140.
Çin Kaynaklarına Göre Batı Türkleri, (Çev.: Mustafa Koç), Selenge Yayınları, İstanbul, 2013. s. 197.
Durmuş İlhami. İskitler (Sakalar). Genelkurmay Yayınları, Ankara, 2008. s. 136, 197.
Ergin Muharrem. Orhun Abideleri, Boğaziçi Yayınları, 51. Baskı, İstanbul, 2017. s. 35, 55, 140.

¹⁸ В эпосе «дочь Славы!» из древнего болгарского эпоса было написано слово Шир как древнее название реки Дон. В 1540-х годах рядом с Сибирским ханством принадлежащей монголам и казахской орды, существовала река под названием Сира. В Сагайских Тюрках были обнаружены реки Кичик-сыр, Улуг-сыр. На Балканах в Родине Мари (Черемеш) снова есть река под названием Сыр. Наконец, в результате смерти Бабека в Нахичеванском автономном районе Азербайджана находится источник минеральной воды под названием Сираб (Gedikli, 2014, s. 90-91).

¹⁹ Для получения подробной информации о Женде, который является одним из важных городов Огуз, см. (Şahin, 2019, s. 43-72).

²⁰ Согласно источникам, XII и XIII вв. распространяясь на участке от Монголии до Каспийского моря, Канги, Караханы, Каракитай, Хarezмшах, Чингисские монголы, Династия Юань, народы Чагатай и Джучи, а также самое главное Казахское ханство являются одним из важных тюркских родов, которые были вовлечены во многие политические структуры и были неописуемо влиятельными (Yorulmaz, 2007, s. 83).

- Eski Türk Yer Adları. Bilge Kültür Sanat Yayınları, İstanbul, 2016. s. 161-162.
- Eski Türklerde Şehircilik. Türk Tarih Kurumu Yayinevi, Ankara, 2014. s. 91.
- Gedikli Yusuf “Sır Derya ve Sır Derya”nın Tarihi Adları Olan Oreksartes, Danu –Tanais, Yak- Sartes, Silis Yinçü Üğüz, Öğüz, Seyhun ile Ceyhun, Seyhan ile Ceyhan; Sıt, Sirab Nehir Adlarının Etimolojisi”, Türk Dünyası Araştırmaları Dergisi, Ankara, 2014. Sayı: 208, s. 83, 88-91.
- Herodotus. Tarih, IV: 21, 7. Baskı, Türkiye İş Bankası Yayinevi, İstanbul, 2011. s. 302, 314-317.
- İbn Havkal. 10. Asırda İslâm Coğrafyası, (Çev: Ramazan Şeşen), Yeditepe Yayinevi, İstanbul, 2014. s. 389.
- İskitler, Akçağ Yayınları, Ankara, 2012. s. 42, 197.
- Jirmunskiy V.M. “Sır Derya Boyunda Oğuzlara Dair İzler”, (Çev: İsmail Kaynak), XXV, TTK Belleten, Ankara, 1961. s. 480.
- Kaşgarlı Mahmud. Divan-ı Lüğati’t-Türk, (Çev: Besim Atalay), I, Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara, 1985. s. 59.
- Klyashorniy S.G. “Yaksart-Sır Derya”, (Çev: Abdulkadir İnan), Türk Dili, (Kasım 1954). Sayı: 38 s. 70-72.
- Marquart Josef. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, Leipzig, 1898. s. 5-6.
- Mes’ûdî. Murûc Ez-Zeheb (Altın Bozkırlar), (Çev: Ahsen Batur), Selenge Yayınları, İstanbul, 2011. s. 80.
- Moldabayeva Dana. “Sır Derya Havzasının Türk Tarihindeki Yeri ve Önemi”, Bilig Dergisi, Ahmet Yesevi Üniversitesi, Ankara, 2005. s. 4.
- Muhammed b. Ahmed el-Mukaddesi. İslâm Coğrafyası (Ahsenü’t-Takâsîm), (Çev: Ahsen Batur), Selenge Yayınları, İstanbul, 2015. s. 43.
- Muhammedcanov Abdullah. “Siriderya”, DİA, Diyanet Vakfı Yayınları, İstanbul, 2009. XXVII, s. 272.
- Orta Asya (Tarih ve Uygarlık). (Çev: Ahsen Batur), Selenge Yayınları, İstanbul, 2010. s. 400.
- Orta-Asya Türk Tarihi Hakkında Dersler. (Çev.: Râgıp Hulusi Özdem), Türk Tarih Kurumu Yayinevi, Ankara 2017. s. 239.
- Sır-Derya. İA, Milli Eğitim Basımevi, X, İstanbul, 1980. s. 566-567.
- Strabon. Geographika (Antik Anadolu Coğrafyası, Kitap: XII-XII-XIV), (Çev: Adnan Pekman), 8. Baskı, Arkeoloji ve Sanat Yayınları, İstanbul, 2015. s. 36-37.
- Strange Guy Le. Doğu Hilafetinin Memleketleri (Mezopotamya, İran ve Orta Asya), Adnan Eskikurt-Cengiz Tomar (Haz.), Yeditepe Yayinevi, İstanbul, 2015. s. 572-573.
- Sümer Faruk. Türk Devletleri Tarihinde Şahıs Adları, I, Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları, İstanbul, 1999. s. 144.
- Şahin Kadir. “Cend Şehri ve Moğol Hâkimiyeti”, Anasay, Mayıs 2019. Sayı: 8. s. 43-72.
- Taşgılı Ahmed. Göktürkler I-II-III, TTK, Ankara, 2014. s. 249.
- Tekin Talât. Orhon Yazıtları, Türk Dil Kurumu Yayınları, 5. Baskı, Ankara, 2014. s. 187.
- Vasary Istvan. Eski İç Asya’nın Tarihi, (Çev: İsmail Doğan), Ötüken Yayinevi, İstanbul. 2007. s. 45.
- Yorulmaz Osman. Kankıların/Kankıların Menşei Meselesi, İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Tarih Dergisi, İstanbul, 2007. Sayı 43. s. 83.

Kadir Sahin

HISTORICAL VIEWS ON THE NAME AND SIGNIFICANCE OF “SYR DARYA”

Syr Darya, one of the important rivers in Central Asia, together with Ceyhun forms the historical Transoxiana, region. Various states were established in this region, where important events in human history occurred. The region has always maintained its importance since ancient times and it is possible to find traces of various nations, especially Turks, in the region. In the name of Syr Darya, information is found in the works of ancient sources, medieval authors and recent researchers.

В.В. Медведев

БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

г. Сургут, Россия

E-mail: vlad.etno@mail.ru

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ СТУДЕНЧЕСТВА: ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Трансформация традиционной культуры этнических групп, проживающих на территории современной России, хронологически связана с рубежом XIX–XX столетий и далее с периодом становления советской власти. В первом случае, преобразования приходят в традиционный образ жизни и мировоззрение в результате проникновения городского уклада как следствия трудовой деятельности части сельского населения в промышленных центрах и интеграции сельчан в городское пространство. Тип одежды, предметы повседневности, домашняя мебель всё в большей степени

подвергаются унификации, тем самым нивелируя этническую специфику и отличия. Во втором случае, следует рассматривать создание советского общества, подразумевающего «советизацию» традиции и культуры конкретных этнических групп. Данный процесс продемонстрирован в сознании и культурных практиках, отражением чего служат антропонимы, ойконимы поселений, песенное и устное творчество, материализованная культура и сферы жизнедеятельности (Галиева, 2017, с. 146–153; Медведев, Малахова, 2018, с. 187–188).

Естественно, традиционная культура не исчезла и продолжила своё функционирование и на рубеже столетий, и в советское время. Традиции, уклад и культурные практики представлены по настоящее время. Но при этом следует понимать, что мы имеем дело с иными проявлениями и формами культуры, являющимися своеобразными наследниками традиции, уже подвергшимися значительной трансформации и продолжающими испытывать влияние современности.

Поэтому говорить о бытовании в наши дни традиционной культуры, а точнее «традиционной этнической культуры», подразумевающей только традиции и элементы, зародившиеся в культуре в доиндустриальный период развития этноса, будет некорректно. Мы наблюдаем «этническую культуру современности», включающую наряду с предыдущей культурой вариативно адаптированные к нуждам и ценностям этноса инновации, являющиеся, в том числе, результатом интернационального взаимодействия (Арутюнов, 2012, с. 268–269).

Примером преобразования народной культуры в период советизации служит создание «красного календаря», объединяющего памятные события революции и отредактированное содержание традиционных праздников. Так, на территории Башкирской АССР в 1920-х гг. начинает действовать новый формат праздничных торжеств и обрядов: комсомольские *Рождество* и *Пасха* – для православного населения (русские, украинцы, белорусы), комсомольские *Ураза-байрам*, *Курбан-байрам*, *Мавлют-байрам* – среди мусульман (башкиры, татары), а для сохранявших традиционные воззрения / folk religion марийцев – комсомольские *Семык* и *Кусо* (Галиева, 2018, с. 16).

Не менее выразительным примером преобразования традиции являются этнокультурные процессы, протекавшие в период «этнического ренессанса», характеризующиеся стремлением «переосмыслить» историю, культуру, самосознание, и как результат поиска истины обращения к «истокам» народной культуры. С целью консолидации народа, самоидентификации и «возрождения» традиции начинают проводиться многочисленные праздничные действия, предназначение которых заключалось в воссоздании «этнического бытия», т.е. интегрального природно-биологического и социокультурного феномена, включающего бытие человека, специфическое этническое пространство, время и идентичность (Данакари, 2007, с. 9).

В процессе реконструкционной деятельности группы этнографов и историков, творческой интеллигенции и музейных работников, сотрудников общественных организаций и всех причастных к изучению народных традиций и культуры создают стандартизированные клише сценарных планов и программ мероприятий, воспринимаемых зрительской аудиторией как праздничное / обрядовое действие, соответствующее канонам этнической культуры. Таким образом, традиционные праздники приобретают характеристики и стандарты, отвечающие массовой культуре, т.е. имеют преобладающие развлекательный и увеселительный компоненты.

Именно под видом реконструкции, регулярно наполняемой различными заимствованиями, нередко имеющими иноэтническое происхождение, нам известны представленные сегодня этнокультурные торжества. Например, праздник в связи с началом весеннего сева у чувашей *Акатуй* – *ака* + *туй* «сев + пашня», пользующейся наибольшей популярностью среди народа, давно перестал отвечать изначальному предназначению. Последние традиционные *Акатуи* этнографы соотносят с концом XIX столетия. А.К. Салмин справедливо подчёркивает, что «сегодня трудно найти очевидца или хотя бы представляющего по рассказам старинную форму праздника *Акатуй*» (Салмин, 2016, с. 35–37).

Конкретизированный пример воссоздания традиции представляет хакасский скотоводческий праздник *Тун-пайрам* – праздник в честь первого айрана (Бутанаев, Верник, Ултургашев, 1999, с. 26–28). Он был возрождён в 1980 г. и приурочен к 50-летию Хакасской автономной области. Инициировали событие этнограф В.Я. Бутанаев, журналист Ю.Н. Забелин, политик В.Н. Штыгашев, а также другие деятели искусства, науки и партийно-государственного управления. До настоящего времени *Тун-пайрам* является ежегодным праздничным действием, принимающим новые формы демонстрации этнической культуры хакасов.

Традиции, культурные практики и вопросы идентичности актуальны не только на момент проведения народных праздников, но и в повседневности (Медведев, Попов, 2019, с. 30–35). Не забывают об этом и представители студенчества – наиболее динамичной и противоречивой категории социума. Студенческая молодёжь демонстрирует двойственность социального статуса, разрыв

желаемого и доступного, риски внутренних и социальных противоречий, трудности выбора, совмещение ценностно-нормативных установок, целей и практик (Филоненко, Киенко, 2019, с. 164). Студенческая среда достаточно мобильна, открыта для знания и нового опыта, но, одновременно с этим, данная категория в наибольшей степени подвержена воздействию, провокациям и рискам.

Апробированным и устоявшимся видом взаимодействия со студенчеством считается проведение мониторинга, экспертиз, опросов (Шульга, Медведев, 2017, с. 186–194; Малахова, 2018, с. 159–164). Подобная форма работы позволяет в краткие сроки получить ответы от значительного числа респондентов и, опираясь на результаты, осуществить исследовательскую деятельность с последующим воспроизведением научной продукции. В Сургутском государственном педагогическом университете в 2018–2019 учебном году в рамках дисциплины «Основы межэтнических коммуникаций» был осуществлён этнологический мониторинг обучающихся первых курсов всех факультетов университета.

Дисциплина «Основы межэтнических коммуникаций» консолидирует в себе содержательные и теоретико-методологические принципы разных наук – антропологии, этнологии, истории, политологии, педагогики, психологии, лингвистики и т.д. Её предназначение заключается в конструировании связи между теорией и практико-ориентированными действиями студенчества, направленные на нивелирование межэтнических противоречий (Медведев, Малахова, 2019, с. 108–116). В.А. Тишков, анализируя вопросы самоидентификации и жизненных стратегий студенческой молодёжи, подчёркивает роль и актуальность наличия в учебных планах реализуемых направлений подготовки дисциплин гуманитарного профиля по изучению истории, этнологии, языков, культурно-нравственных аспектов религии, развивающих навыки созидательно-критического мышления, позволяющих преодолеть стереотипность мировоззрения и ксенофобские настроения (Тишков, Бараш, Степанов, 2017, с. 87).

Этнологический мониторинг предполагает способность оценивать межэтническую и социально-культурную ситуацию в полиэтничных пространствах и социуме с целью сохранения и развития этнокультурного многообразия, а также определения существующей либо возможной угрозы конфликта и выявления потенциальных рисков. Результаты этнологического мониторинга позволяют междисциплинарное осмысление и поиск способов решения наиболее сложных проблем современности, в том числе, улучшения межэтнических отношений и предупреждение этнических конфликтов (Мартынова, Степанов, 2017, с. 6–7). Примерно в половине субъектов России эксперты регулярно осуществляют этнологический мониторинг, предоставляя результаты в форме аналитических докладов, анализирующих текущие этнические процессы и прогнозируя пути урегулирования конфликтов (Данилова, 2018, с. 130).

Этнологический мониторинг актуален для конструирования и реализации инвестиционных проектов. Работы по этнологической экспертизе, этнологическому мониторингу и этнологическому аудиту при воплощении проектов могут способствовать выявлению этнических и социальных аспектов развития региона. Например, потенциал этнологического мониторинга проектов в управлении природопользованием мы наблюдаем на материале Республики Саха (Якутия) (Потравная, 2019, с. 39–44).

Своевременность подобных этнологических исследований отражает и образовательная среда. Так, в Санкт-Петербургском государственном университете реализуется программа магистратуры «Этнологическая экспертиза», предполагающая подготовку специалистов способных осуществлять этнологический мониторинг и этнологическую экспертизу, анализировать состояние межэтнических процессов и коммуникаций, решать проблемы межэтнического и межкультурного взаимодействия, прогнозировать состояние / сохранение этнической культуры и этнокультурного наследия народов России.

Содержание проведённого среди студенчества мониторинга затрагивало проблемы этничности, языковой самоидентификации, сохранения традиционной культуры в современности и бытования её компонентов в повседневности. Согласно «Модели этнологического мониторинга» оценке подверглись категории «Культура, образование, информация», индикаторы – культурное доминирование, религиозная жизнь, языковая ситуация, традиционные праздники и обряды, исторический дискурс, а также «Контакты и стереотипы», индикаторы – этнические стереотипы, изменения в самосознании (Тишков, 2006, с. 21–22).

Выборка респондентов, вовлечённых в этнологический мониторинг, составила 128 человек – 68,8% девушки и 31,2% молодые люди. Возрастные категории – 2,3% (17 лет), 57% (18 лет), 32,1% (19 лет), 5,5% (20 лет), 2,3% (22 года), 0,8% (24 года).

Собственная принадлежность к конкретному этносу и её значение для респондентов выглядит следующим образом: для 33,1% это является действительно важным и определяющим фактором, 38,6% считают это значимым, но не всегда актуальным и нуждающимся в дополнительном акцентировании. Для 28,3% респондентов личная этническая принадлежность безразлична и не представляет интереса.

Следует отметить, что этническая палитра студенческой молодёжи, принявшей участие в мониторинге, достаточно разнообразна и презентует виды нормальной идентичности, т.е. причисления себя к конкретной этнической группе и устойчивой ассоциации с данной группой, и смешанную (в нашем случае, двойную) идентичность как результата межэтнического союза родителей. Примечательно, что в подобных семьях самоидентификация может осуществляться по-разному – в пользу отца или матери, а также зависеть от конкретных ситуаций.

В количественном отношении совокупность опрошенных представлена следующим образом: русские – 76 респондентов, татары – 9 респондентов, украинцы – 6 респондентов, башкиры – 3 респондента, лакцы – 3 респондента, азербайджанцы – 2 респондента, армяне – 2 респондента, лезгины – 2 респондента, таджики – 2 респондента, даргинцы – 1 респондент, киргизы – 1 респондент, марийцы – 1 респондент, манси – 1 респондент, немцы – 1 респондент, ногайцы – 1 респондент, поляки – 1 респондент, талыши – 1 респондент, ханты – 1 респондент. Кроме того, были отмечены представители таких этнических сообществ как русские / украинцы – 5 респондентов, русские / татары – 2 респондента, русские / марийцы – 1 респондент, русские / молдаване – 1 респондент, русские / немцы – 1 респондент, русские / чувашаи – 1 респондент, даргинцы / кумыки – 1 респондент. В двух случаях приведены достаточно абстрактные ответы: славянин – 1 респондент, метис – 1 респондент.

Результаты и цифры презентуют актуальность этничности в современности. В условиях культурного единообразия и процессов глобализации этничность позволяет выразить «собственную уникальность и соприкоснуться с традицией» (Тишков, Степанов, 2018, с. 119). Мониторинг подчеркнул значимость вопросов этничности для студенческой среды как маркера идентичности.

Среди языков, считающихся респондентами «родными», особо был выделен русский язык – 83,6%. Последовательно расположились лакский язык – 2,4%, украинский язык – 1,6%, лезгинский язык – 1,6%, таджикский язык – 1,6%, а даргинский, марийский, ногайский и татарский языки – по 0,8% соответственно. В этнически смешанных семьях понятие «родного» языка представлено языковыми группами родителей: русский и татарский языки – 1,6%, русский и азербайджанский языки – 0,8%, русский и армянский языки – 0,8%, таджикский и абазинский языки – 0,8%. Несколько выходящими за рамки предполагаемых результатов выглядят ответы 2% участников мониторинга, указавших в качестве «родного» английский язык.

По степени владения родным языком следует выделить ответы 78,9% респондентов, считающих себя владеющими им свободно. Использование языка с затруднениями – ответы 13,3% респондентов, а со значительными затруднениями – 3,1% респондентов. Непонимающими родного языка обозначили себя 4,7% студентов.

Интерес вызывают ответы на вопрос «На каком языке / каких языках Вы разговариваете дома?», поскольку они позволяют подтвердить / опровергнуть ответы респондентов об этнической принадлежности и родном языке. Повседневными языками общения служат русский – 88,8%, азербайджанский – 0,8%, даргинский – 0,8%, лезгинский – 0,8%, марийский – 0,8%, татарский – 0,8%, украинский – *суржик*, т.е. разговорно-бытовой стиль речи, включающий украинско-русское двуязычие – 0,8%. Билингвизм свойственен русско-лакскому языкам – 1,6%, русско-даргинскому языкам – 0,8%, русско-таджикскому языкам – 0,8%, русско-украинскому языкам – 0,8%. Респонденты также отметили русско-украинско-татарское многоязычие – 0,8%. Кроме того, заслуживают внимания такие ответы как «на армянском чаще, чем на русском» – 0,8% или «на родном и на русском» – 0,8%.

Среди элементов традиционной этнической культуры, бытующих в современности, респонденты выделили достаточно абстрактные категории: «праздники и традиции», «присутствуют различные элементы культуры: в одежде, питании, праздниках», «еда, музыка, праздники и т.д.», «традиции, праздники, блюда», «в питании, одежде, традициях, религии», «танцы, фольклор», «кулинария, праздники», «искусство», «праздники, семейный уклад, обычаи, вера». Абсолютное большинство респондентов считают, что в современном мире элементы традиционной культуры отсутствуют – 62,8%. В других вариациях процентное соотношение незначительно: «праздники и традиции» – 2,7%, а в оставшихся случаях – *Масленица* (1,8%) и по 0,8%. Наиболее конкретизированными являются ответы *Масленица*, *Пасха*, *Новый год*, *никах*, менталитет, блюда традиционной кухни (борщ, блины, каша, чак-чак). Любопытными, на наш взгляд, являются ответы респондентов, считающих элементами традиционной культуры шапку-ушанку, приготовление блинов, День славянской письменности и культуры.

Содержание традиционных праздников в представлении студенчества оказалось достаточно отвлеченным, поскольку в числе праздничных торжеств были упомянуты действия, не имеющие отношения к традиционной культуре, а именно День города, День защитника Отечества, День Победы, Татьянин день как праздник российского студенчества. Незнание традиционных праздников характерно для 23,1% участников мониторинга. Все приведённые ответы можно разделить на категории праздников православных, мусульманских и традиционных этнических верований. Среди православных праздников были отмечены *Пасха, Рождество Христово, Вербное воскресенье, День святителя Николая, Крещение Господне и Троица*. В числе мусульманских праздничных действий респонденты выделили *Курбан-байрам, Ураза-байрам, Рамадан, священный день пятница*. С традиционными торжествами были соотнесены праздники восточнославянские *Масленица, Колядки / Святки, Иван Купала*, иранский и тюркский *Навруз / Новруз / Наурыз*, тюркский *Сабантуй*, марийский *Семык*, армянские *Вардавар* и *Терендез / Трндез*.

Несмотря на устойчивое мнение об отсутствии элементов традиционной культуры в современности и незнание традиционных праздничных действий и обрядов, респонденты с уверенностью заявляют, что отмечают традиционные праздники своего народа – 81% (80,2% делают это в семейном кругу, а 0,8% вместе с друзьями). Не акцентируют своего внимания на подобных праздниках и не справляют – 19% респондентов.

В числе народных традиций студенты, как и ранее, отметили, прежде всего, праздники – *Крещение Господне, Пасха, Рождество Христово, Ураза-байрам, Масленица, Иван Купала, Колядки, Навруз / Новруз / Наурыз* (15,9%). Наиболее востребованный ответ – *Масленица*. Незнакомыми народные традиции считают 55,7% респондентов.

Единый блок представляют ответы, фиксирующие традиции гостеприимства в качестве характерной черты народной культуры – «встречать гостей куличом» или «принимать гостей хлебом с солью» (4%). Также были представлены вариации ответов, связанные с традициями питания и народной кулинарии. Например, «печь куличи», «красить яйца», «готовить суманак на *Навруз*» – подобные тезисы получены от 6,4% респондентов.

Процентное соотношение прочих ответов незначительно, но варианты заслуживают соответствующих комментариев: «присесть на дорогу», «рукопожатие», «почтение и уважение к старшим», «танец лезгинка», «свадебная или поминальная обрядность» и многие другие. Для некоторых студентов традиция ассоциируется с праздничными действиями, например, с сожжением масленичного чучела и рождественскими гаданиями, а для других – это еженедельный поход в баню и соответствие моральным нормам / ценностям, привитым родителями с детства.

Традиционная кухня пользуется среди участников мониторинга большой популярностью. По мнению 73% респондентов блюда народной кухни бывают представлены на столах «достаточно часто». 24,6% опрошенных считают, что такие блюда присутствуют во время домашних застолий, но редко. Только 2,4% отметили их отсутствие на домашних столах. Ответов от респондентов, где было указано, что блюда традиционной кухни им неизвестны – получено не было.

Вопрос мониторинга, подразумевающий характеристику определённых предметов и вещей, отражающих традиционную культуру конкретных этнических групп, позволил выделить предметы сакрального и профанного назначения. Но большинство студентов считает, что подобные объекты в их собственной домашней обстановке не присутствуют – именно так думают 71,2% респондентов. Самостоятельный блок представляют предметы религиозного предназначения, т.е. иконы, шамаили, священные книги, изречения, религиозные изображения – 7,4%. К данной категории стоит отнести указанную студентами фигурку домового как оберега от сглаза, приносящую успех и богатство, вероятно, как отголосок традиционных народных воззрений.

В числе профанных предметов наиболее популярными оказались такие ответы как одежда и национальный костюм (вышитые рубашки, украшения, валенки), сувенирная продукция (расписанная деревянная посуда, фигуры матрёшки, статуэтки), украшенные вышивкой изделия (скатерти, «бабушкины подушки»), столовые предметы, казан, ручная прялка, музыкальные инструменты.

Своими ответами молодые люди акцентировали внимание на собственной этнической идентичности. Так, для респондентов-украинцев особую ценность представляют книги, напечатанные на украинском языке, и *вишиванки*, т.е. традиционные рубахи. Студенты-армяне выделили, прежде всего, изображение горы Арарат и предметы (иллюстрации, посуда), содержащие этническую орнаментацию и символику.

Среди нематериального воплощения традиции обучающимися было отмечено воспитание в контексте народной культуры и мировоззрения конкретной этнической группы. К традиционным объектам были приравнены и символы Российской Федерации – государственные герб и флаг.

Реконструкция, возрождение традиционной культуры и её элементов являются необходимыми для 77,5% респондентов. Отрицательно к этому относится 18,5% участников мониторинга, поскольку это «уже позабытое прошлое», а 2,4% склонны думать о сохранении традиции как о положительной тенденции. Всего 0,8% подразумевают под реконструкцией традиции сохранение исторической и культурной памяти. Затруднения в ответе вопрос вызвал у такого же числа участников мониторинга.

Ключевыми отличиями друг от друга разных этнических групп респонденты считают язык – 80,8%, традиции и уклад – 69,6%, черты характера и темперамент – 67,2%. Отсутствие каких-либо различий отмечают всего 4,8% респондентов, а затруднения данный вопрос произвёл среди 3,2% студентов.

Результаты этнологического мониторинга студенчества позволили выделить особенности современного состояния этнической и языковой идентичности молодых людей. Маркеры этничности и языковой идентификации, безусловно, сопряжены с этнической принадлежностью родителей и семейным воспитанием, а также с окружающей этнокультурной ситуацией.

Мониторинг демонстрирует уровень сохранения традиционной этнической культуры, функционирование её элементов в повседневности и во время праздничных действий, как в обрядовых, так и профанных вариациях. Закономерным является преобладание религиозных традиций и предметов в семьях, устойчивость бытования блюд народной кухни, что характерно для праздничных дней и семейных торжеств.

Опыт этнологического мониторинга обучающихся регионального университета является своеобразным инструментарием для анализа текущего состояния и возможных тенденций, свойственных студенчеству, т.е. диагностирование «настоящего», выявление трансформаций и потенциальных рисков в студенческой среде. Мониторинг создал возможность конкретизировать заинтересованность респондентов в вопросах этничности, знании родного языка и традиционной культуры (праздники, народная кухня, предметы), значимых для удовлетворения этнокультурных запросов.

Подобный опыт может быть использован для наиболее успешной организации учебной и внеучебной деятельности в полиэтническом и поликультурном пространстве университета, не только регионального, но и столичного высшего учебного заведения. Студенческие годы формируют адекватное восприятие с позиции межэтнического согласия и этнического многообразия, способствуют созданию среди молодых людей модели поведения, проецируемые на практике для различных жизненных ситуаций. Этнологический мониторинг воспроизводит возможные сценарии межэтнических и межкультурных коммуникаций в образовательном пространстве и допускает воссоздание перспектив этнических, религиозных и культурных взаимодействий.

Литература

- Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: ИНФРА-М., 2012. 415 с.
- Бутанаев В.Я., Верник А.А., Ултургашев А.А. Народные праздники Хакасии. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 1999. 76 с.
- Галиева Ф.Г. Антирелигиозные праздники в Башкирии в 1923 г. // Вопросы истории. 2017. № 6. С. 146–153.
- Галиева Ф.Г. Комсомольский праздник Семья у марийцев Башкирии // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2018. Т. 4, № 1. С. 15–19.
- Данакари Р.А. Феномен этнического бытия: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2007. 46 с.
- Данилова Е.Н. Этнологическая экспертиза: современные концепции и подходы // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 127–134.
- Малахова Л.П. Историческая грамотность молодёжи как основа гражданской идентичности и патриотизма // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (55). С. 159–164.
- Медведев В.В., Малахова Л.П. «Советизация» традиционной культуры чувашей в 20–30-е годы XX века // Научный диалог. 2018. № 3. С. 186–197.
- Медведев В.В., Малахова Л.П. Научно-методическое сопровождение процесса формирования гражданской идентичности студенческой молодёжи: технологии и результаты // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (58). С. 108–116.
- Медведев В.В., Попов М.В. Культура – традиционная, этническая, современная: quid est hoc? // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3, № 2. С. 30–35.
- Потравная Е.В. Этнологический мониторинг проектов в управлении природопользованием // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Системный анализ и моделирование экономических и экологических систем. 2019. Т. 1, № 4. С. 39–44.

Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. 687 с.
Тишков В.А. Этнологический мониторинг и раннее предупреждение конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2006. 24 с.
Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 81–87.

Филоненко В.И., Киенко Т.С. Социальные ценности и проблемы здоровьесбережения студенческой молодежи // Власть. 2019. Т. 27, № 2. С. 164–170.

Шульга Е.П., Медведев В.В. Этническая идентичность студенчества: опыт этносоциологического опроса регионального университета // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 5 (50). С. 186–194.

Этническое и религиозное многообразие России / под. ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, изд. 2-е, испр. и доп., 2018. 561 с.

Этнологический мониторинг: разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России / под. ред. М.Ю. Мартыновой, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. 514 с.

V.V. Medvedev

ETHNOLOGICAL MONITORING OF STUDENTS: IDENTITY AND MODERN PRACTICES

This article is devoted to the study of new aspects of ethnological monitoring opportunities in relation to the student environment in the context of identification of problems of identity and ethno-cultural consciousness. Ethnological monitoring involves the ability to assess the inter-ethnic and socio-cultural situation in order to preserve and develop ethnic and cultural diversity, as well as to identify the existing or possible threat of conflict. The article presents ethnological monitoring as a form that allows to focus on the problems of ethnicity, language identification and the degree of existence of elements of traditional culture. The results of the monitoring demonstrated the opinions and judgments of young people in matters of ethnicity, knowledge of the native language and the functioning of ethnic culture. On the basis of the obtained data, published works and observations of the author, the characteristic of identity and cultural practices peculiar to students is presented. Specific examples contribute to the understanding of the ethno-cultural situation in the modern world and markers of identity.

The conducted research allows to draw conclusions that students as the most dynamically developing category of society present opinion on questions of identity and cultural practices of youth as a whole. Ethnological monitoring recreates potential scenarios of interethnic and intercultural communications in the context of the perspective of ethnic, religious and cultural interactions.

Г.К. Муканова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

г. Алматы, Казахстан

E-mail: gulnar_mukanova@mail.ru

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ: междисциплинарный принцип фарабиеведения

Философ, исследователь теории и истории государства, социума и музыки, теолог, полиглот, математик, аль-Фараби остается брендом и гордостью тюркского и всего мирового сообщества. Своими трудами и духовностью он поднял на достойный уровень Великую Степь, общетюркское право, язык и культуру. Трактаты ученого актуальны, поскольку напрямую касались обустройства социума, рационального менеджмента.

Разбору логических основ учения аль-Фараби посвящено немало трудов. Вместе с тем, мало исследованы его взгляды на тему права вообще, и тюркского права, в частности. Философ, идентифицировавший себя как этнический тюрк «ат-тюрки», в действительности обладал цельным и пластичным мышлением (Касымжанов, 1998, с. 20), что позволило аль-Фараби обращаться при необходимости к праву Древнего Рима и Древней Греции (он свободно читал канонические труды Платона и Аристотеля). Есть предположение, что ему было известно в общем право Древней Месопотамии, и собственно мусульманское право аль-Фараби испытал на себе, будучи в силу локации происхождения и той эпохи, адептом ислама.

Анализируя сильные и слабые стороны приведенных выше различных систем права, мыслитель вышел на абсолютно новые горизонты трактования свободы индивидуума, обобщив свои взгляды в эпичной по охвату, футуристической модели «добродетельного города-государства». Другой вопрос:

насколько тюркское право и этничность предопределили близость данного теоретического образа, в практику реального тюркского правления.

Чем глубже корни и основания того или иного объекта приложения человеческих знаний и умений, тем более что речь идет о нормах гражданского права, тем авторитетнее предстает данная отрасль знаний и практики.

Возраст отечественной юриспруденции официально исчисляется последними несколькими веками, тогда как зачатки знаний и представлений мыслителей о правилах общежития формировались и, более того, закрепились письменно, гораздо раньше, чем принято было думать. Теологический фон научных трудов аль-Фараби в советское время подвергся секуляризации, и именно этот аспект оказывался причиной поверхностного отношения к взглядам мыслителя, которого цивилизованная Европа нарекла «вторым Учителем».

В этой связи следует обратить внимание на тот пласт культуры межчеловеческих отношений и взаимодействия государства и подданных, который исследовал средневековый гуманист, мыслитель, создатель оригинальных трактатов, известный в европейской научной традиции как усердный комментатор трудов античных философов, в переложении для восточных сообществ.

Президент Касым-Жомарт Токаев подписал Указ о создании Государственной комиссии по подготовке и проведению 1150-летнего юбилея Абу Насра аль-Фараби. Актуально ли учение аль-Фараби? Несомненно, его актуальность и многогранность пережили века, будучи создано в реалиях рубежа 9-10 веков. Квинтэссенция учения, а именно: счастье, как смысл человеческого существования, и ныне взято в основу инновационных социально-гуманитарных исследований. Учение Фараби учитывает такие факторы человеческого общежития, как: этика и психология, коллективное и индивидуальное, традиции и право и т.п.

В отличие от предшественников, аль-Фараби аккумулировал понятие права на счастье, в формуле осознанно добродетельного социума, вне каких-либо диктатур или деспотий. Главный акцент, высшая нота его учения – сознательно гуманный и разумно деятельный член сообщества. Если быть еще более точными – красота человеческих созидательных отношений в гармонии с Вселенной, Природой, Демиургом.

Мыслитель средневековья аль-Фараби, 1150-летие которого будет отмечаться передовой общественностью под эгидой ЮНЕСКО в 2020 году, при жизни пользовался заслуженной популярностью, будучи личностью с обширным кругозором (Касымжанов, 1982, с. 40). Системную творческую лабораторию ученого воссоздают найденные на данный момент его рукописи (часть их); его взгляды базировались на уважении к человеку как центру мироздания, желании актуализировать суть его миссии на Земле.

Современное научное видение закономерно пришло к аналогичному выводу: только человеческий разум способен справиться с глобальными вызовами. Это лишний раз подтверждает целостность мировоззрения аль-Фараби и его влияния на последующий процесс познания в тюрко-, персо-, арабо- и иноязычной научной среде.

Рациональная сторона трудов аль-Фараби являлась почти революционной в период средневековья, тогда как она выражена им весьма условно, опосредованно: размышлениями о миссии и свойствах «добродетельного города». Под этим термином аль-Фараби подразумевает, вне сомнений, более широкое понятие, а именно: «государство», «социум». Не случайно, он подразделяет виды городов - от «невежественного» до «добродетельного». Далее, им раскрываются качества, вкладываемые им в те или иные разновидности «городов».

Было бы ошибочным игнорировать наследие аль-Фараби, который обладал столь богатым воображением и даром научного предвидения, высветив, под видом урбанистического коллажа, будущую социальную эволюцию. Современные модели развития человечества ООН на самом деле расширительно толкуют те базовые моменты, о которых писали и Платон, и Аристотель и аль-Фараби. Противники концепции аль-Фараби могли выдвинуть контраргумент, что античный период, который преимущественно служил в средние века пищей для научных диспутов, уже содержал это понятие «город-государство», который не может переноситься на последующие этапы всемирно-исторической спирали. Однако, города-государства как реальность, присутствовали в контексте развития на протяжении того участка Шелкового пути, что пересекал степную зону Центральной Азии и Казахстана. Такие города как Баласагун, Сыгнак, Сауран, Алмалык и другие, в силу обусловленности природно-климатических условий приобрели форму моногородов, или городов-крепостей.

Этническая и правовая наполняемость стационарных поселений, окруженных полупустынями и враждебными иноэтническими общностями, также соответствовала дефиниции «город-государство». Таким образом, будет справедливым считать, что аль-Фараби экстраполировал знания об античности

на современные ему центрально-азиатские города, регион исследований будил его воображение и предоставлял благодатное поле для размышлений. Ученый посетил Бухару, Самарканд, Багдад, Дамаск, центры образования и искусств, что только укрепило его веру в миссию городов-государств.

Возникает вполне уместный вопрос, насколько близко подошел аль-Фараби к изучению и усовершенствованию правовых отношений в тюркском социуме? Безусловно, сама постановка вопроса имеет место быть, ведь декларируя категорию «доброто» города, ученый априори закладывал в его базис защиту прав горожан! Противники легко возразили бы, что средневековая схоластика и юриспруденция - вещи несовместимые, но только не в отношении такой масштабно мыслившей фигуры, каким был аль-Фараби, при жизни признанный учеными собратьями «вторым Учителем после Платона».

Имя аль-Фараби по праву может быть названо рядом с именами Авиценны и Ибн Рушда, - с присущей ему оригинальностью стиля и умением всесторонне рассмотреть предмет изучения. Правовые отношения, или умение договариваться, присутствуют в любом даже низшем социуме, это вполне могло быть предметом диспутов во времена аль-Фараби. Мыслитель, смело взявшийся за создание трактатов о счастье рода человеческого, был вправе обратиться к данной отрасли познания в целях научения последователей его учения правилам, без которых нельзя обходиться в социуме. Тюркское право в некоторой степени обязано аль-Фараби: во-первых, проявленным им интересом, во-вторых, огромной верой в то, что соотечественники придут к совершенным формам взаимных контактов, рано или поздно. Современные миротворческие процессы, инициированные Республикой Казахстан, практика медиации все чаще обращают внимание экспертов на гуманизм отечественного права.

Тюркское право - тема, к сожалению, редко рассматриваемая в литературе, тогда как значение ее выходит за рамки просто констатации общетюркского наследия. Глобализация сегодня мощно мотивирует интеллектуалов заняться поисками если не заветного «философского камня», то оптимальных подходов к практике принятия решений в различных сферах человеческого общения, от внутривосточных до региональных и межконтинентальных. Тема Послания народу Казахстана Президента К.-Ж.К. Токаева «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания» (Токаев, 2019) воспринимается как своеобразная переключка эпох, соединяющая незримой нитью мечты аль-Фараби о «добродетели», с современностью.

В сфере международных отношений, которые становятся все более непредсказуемыми и хрупкими, роль Республики Казахстан обозначается все зримее, в силу зависимости сообщества от капризов глобального климата, кибер-атак, религиозного экстремизма и терроризма. Обратившись к наработкам предшественников в лице аль-Фараби, Ибн Рушда, других, ученые должны искать ответы на глобальные вызовы и на сакральном уровне. Важно обогащать духовную составляющую образования.

На рубеже 19-20 вв. к теме роли и влияния тюркского права в историко-культурном дискурсе обращались казахские исследователи: Шокан, Абай и Шакарим, Машгур-Жусип. Репрессии унесли жизни правоведов Алаш: Ж.Акпаева, А.Турлыбаева, Б.Сыртанова и др. Однако, сам факт их участия в ГосДуме, разработка основ Конституции автономии, позиция Алаш в годы Первой мировой войны и восстания 1916 года, поиск компромисса и альянс с Советской властью и др. модели государственного обустройства синхронизируются с, изложенными в средние века, положениями аль-Фараби.

Известно, что в годы тоталитаризма любые «реверансы» в сторону мусульманских ученых-теологов были под «табу». Рукописи на арабской вязи не сразу были «реабилитированы» после многих лет замалчивания. Благодаря многолетним поискам Л.Н.Гумилева, на основе артефактов были доказаны наличие письменности и начата дешифровка надписей на каменных изваяниях. Историки и этнографы А.Х.Маргулан, Х.А.Аргынбаев, тюркологи и археологи С.Г. Кляшторный, Т.И.Султанов, А.Сейдимбек детально реконструировали присутствие древнего права тюрков в анналах всемирной истории.

Достаточно прикоснуться к публицистике Мустафы Шокая, поэзии Магжана Жумабаева, учебникам Миржакыпа Дулатова, публицистике Мустафы Шокая, прозе Мухтара Ауэзова, Ильеса Есенберлина, чтобы прочувствовать в специфической мелодике тюркской словесности, особый присущий ей гуманизм, почерпнутый из трактатов уроженца Отрара. (Эпоха аль-Фараби, 2020, с. 355).

Философское наследие аль-Фараби обрело новую жизнь благодаря казахским ученым А.Машани, К.Сатпаеву, А. Касымжанову и их последователям. Переводы трактатов аль-Фараби по музыке и медицине сделали их достоянием мира и позволили демонстрировать спектр интересов ученого.

В сферу юриспруденции, благодаря трудам академика Салыка Зимановича Зиманова по обычному праву казахов, в середине 20 века внесены ценные положения для дальнейшего изучения темы.

Методологические разработки С.З.Зиманова легли в основу последующего развития и совершенствования права в государствах тюркского мира, в частности традиции гуманизма и историзма (Зиманов, 2014, том X, с. 20-56).

Современные наработки в области истории правовой науки в Казахстане, Центральной Азии и дальнем зарубежье, со временем позволят создать фундаментальные труды, чтобы раскрыть общие и особенные черты нормативно-правовой базы в истории государственности тюрков. Априори среди них должны быть выделены: гуманизм, уважение к природе, почитание национальных традиций. В тюркской традиции обычного права строго преследуются: поведение, разрушающее институт семьи, унижение женщины, нарушение традиций, посягательство на природное начало и т.п. Эти моменты распознаются в устных тюркоязычных источниках, камнеписьменных «граффити», эпосе и фольклоре.

Сакральный характер и миссию обозначенных норм права метафизически закрепил аль-Фараби в трудах, созданных во благо современников и будущего. Это важно признать и донести, осознать преемственность и бесценность учения аль-Фараби в контексте общечеловеческих норм общежития. Сегодня эту миссию взял на себя коллектив КазНУ им. аль-Фараби, продвигая цели тысячелетия и совместно с Альянсом цивилизаций ООН реализует международный проект «Формирование граждан добродетельного общества. Миссия современных университетов». Вне республики в дальнем зарубежье действует открытая за последние несколько лет по инициативе ректора университета академика Г.М.Мутанова, дюжина центров аль-Фараби, на базе которых изучается казахский язык и культура.

На сегодня действуют следующие Центры КазНУ на базе крупных университетов:

Им. Шехеда Бехешти (Иране); Кафоскари (Италия); Цукуба (Япония); Пекинский и Шанхайский иностранных языков (КНР); Стамбульский (Турция); Иорданский (Иордания); Росток (Германия); Карачи (Пакистан); Каирский (Египет); БелГУ (Россия).

Открыты и функционируют два Дома аль-Фараби за рубежом: Дом Фараби в Стамбуле (Турция) и Дом Фараби в Нью-Дели (Индия).

Разработана и реализуется Концепция Домов Фараби. В планы юбилейного 2020-го года входит открытие Домов и Центров Фараби в таких странах, как: Австралия, Малайзия, Испания, Болгария, Греция, Венгрия, Ливия, Саудовская Аравия, Катар, Эфиопия, Бельгия, Албания, США, Непал, Вьетнам, Нидерланды. Открытие Центров Фараби приурочено к празднованию 1150-летия Учителя, которое будет отмечаться под эгидой ЮНЕСКО в 2020 году в широком международном масштабе и в Казахстане. Концепция Домов Фараби включает несколько разделов с уникальной информацией о жизни и деятельности великого тюркского мыслителя Абу Насра аль-Фараби, названного Вторым Учителем человечества после Аристотеля.

В планах на 2020 год открытие филиалов КазНУ за рубежом, - в Стамбуле, Каире и Аммане. В Домах будут представлены: скульптурная композиция, исторические артефакты, труды ученого и книги о мыслителе, внесшем фундаментальный вклад во многие области человеческих знаний.

Миссия Центров аль-Фараби направлена на поддержку распространения духовно-культурных ценностей Казахстана, изучения (популяризацию) казахского языка, основных направлений Государственной программы «Рухани жаңғыру», развитие научно-инновационного сотрудничества с образовательными организациями в странах-партнерах, повышение деловой, туристической, образовательной привлекательности и формирование благоприятного имиджа Университета и Республики Казахстан на международной арене.

Юбилей аль-Фараби – точка отсчета добрых дел, безусловно, пробуждающий в каждом казахстанце энергетику гуманного созидания. Благодаря изучению праистории юриспруденции, право, как отрасль знания и науки у нас и тюркском социуме в целом, обретет устойчивость. Справедливое общество счастливых добродетельных граждан – идеал, который достигим, при том, что каждый найдет свою нишу и поможет другим стать полезным большинству. Социальный проект в рамках празднования 1150-летия великого аль-Фараби республиканский челлендж добрых дел «Qaiyymdy Qazaqstan», призванный способствовать формированию созидательной социальной среды стартовал в КазНУ в начале нового учебного года. И это глубоко символично.

Мы, наследники учения великого Мыслителя, знаем ли достаточно Вселенную его мышления?! Труды аль-Фараби известны еще не в должной мере, часть их утеряна. В издательстве «Казак университети» в 2019-2020 учебном году увидели свет ряд коллективных монографий, посвященных изучению наследия Фараби с новых методологических позиций. (Эпоха аль-Фараби..., 2020.) Монография отражает междисциплинарный подход; в ее написании приняли участие ведущие философы, востоковеды, историки.

В Плане мероприятий по празднованию 1150-летия аль-Фараби под эгидой ЮНЕСКО, утвержденном Президентом Казахстана К.-Ж.К.Токаева (Заседание госкомиссии..., 2019, с.2) обращается внимание на организацию тематических конкурсов и конференций. Необходимо актуализировать междисциплинарные исследования, в контексте международного чествования 1150-летия аль-Фараби. В руках отечественных гуманитариев: этнографов, востоковедов, философов, политологов, антропологов, социологов, правоведов, историков науки и культуры - популяризация драгоценного наследия.

Литература

- Заседание государственных комиссий по подготовке и проведению 175-летнего юбилея Абая Кунанбайулы и 1150-летнего юбилея Абу Насра аль-Фараби // <http://www.akorda.kz/ru> (Дата обращения: 01.02.2020)
- Зиманов С.З. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Алматы: Заң, 2009. Том X. 496 с.
- Касымжанов А.Х. Абу Наср аль-Фараби. М.: Мысль, 1982. 198 с.
- Касымжанов А.Х. Стелы Кошо-Цайдама. Алматы: Наука, 1998. 79 с.
- Эпоха аль-Фараби и диалог цивилизаций. Коллективная монография. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 368 с.

Gulnar Mukanova

HISTORY OF CULTURE AND GREAT STEP: INTERDISCIPLINARY PRINCIPLE OF PHARABOIC SCIENCE

A philosopher, researcher of the theory and history of the state, society and music, theologian, polyglot, mathematician, al-Farabi remains the brand and pride of the Turkic and the entire world community. With his labors and spirituality, he raised the Great Steppe, common Turkic law, language and culture to a decent level. The treatises of the scientist are relevant, since they directly related to the arrangement of society, rational management.

Нургожина Б.Е.

*Национальный музей Республики Казахстан
г. Нур-Султан, Казахстан
E-mail: bahita_be84@mail.ru*

ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО КАЗАХСТАНА. ПОЛУДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ КАК АПОТРОПЕЙНЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Национальные украшения казахского народа являются бесценными произведениями мастеров ювелирного искусства: их носили не только из-за красоты, но и в качестве оберега от сглаза. Особое значение имеет не только форма и орнамент украшений, но и материал. При выборе материалов и камня, обрамляющего украшение, особое внимание уделялось их естественному облику, а также магическим свойствам.

Казахские ювелирные украшения были и остаются неотъемлемой частью национального костюма, придавая ему особую торжественность. Археологические данные свидетельствуют, что первыми украшениями были именно амулеты и талисманы – всевозможные ожерелья, браслеты, кольца и другие украшения, изготовленные из костей, зубов, ногтей и других частей животных.

Стоит отметить, что слово «амулет» произошло от арабского слова, означающего «носить». В широком смысле это название применимо к любым украшениям-оберегам, которым приписываются магические свойства. Появлению различных типов оберегов способствовала вера людей в их сверхъестественную силу, которая по представлению древних могла оградить человека от воздействия внешних недобрых сил, нападений врагов и животных (Ибрайшина Г., 2007, с. 25).

По мнению исследователя Г. Молдашевой: Обереги подразделяются на вещественные (предметные), символические и словесные (заговоры). В число вещественных оберегов входят различные амулеты и талисманы (от сглаза, порчи, болезней и т. д.), заговоренные народными целителями, знахарями, обладающими зарядом положительной энергии. Каждый из типов амулетов имел специальное предназначение, место хранения и ношение. Обычно они хранились в отдельно отведенном месте или их вкладывали в амулетницы – бойтұмар, тұмарша или қолтықша, изготовленные из серебра. Такие амулеты можно было носить и как самостоятельное украшение. К

наиболее простым типам относятся кожаные амулеты либо амулеты на тканевой основе, имеющие треугольную форму (Молдашева, 2008, с. 2).

Казахские зергеры (ювелиры) изготавливали женские украшения: украшения для кос, браслеты, подвески, серьги, ожерелья, височные подвески, перстни, детали для костюма и др. Для изготовления этих украшений использовали золото, чаще - серебро. Из драгоценных камней исследователи отмечают рубин, сапфир, бирюзу, изумруд, бриллианты. Ювелиры использовали также агат, хризопраз, сердолик, жемчуг, коралл, перламутр, смальту, пасту, цветные стекла. Уже в древности серьги, кольца, перстни, наконечники имели смысл оберега.

Как известно, ювелирные изделия казахов классифицируются на 4 группы: 1) головные украшения; 2) шейные и нагрудные; 3) поясные; 4) украшения для рук.

Серьги у казахов издревле считались сильнейшим оберегом. Носили их казахские женщины постоянно – с самого раннего детства. Разнообразие серег – великое множество:

- тұмарша сырға – треугольные серьги-амулеты,
- қаралысырға – черные,
- кумбезді – куполообразные,
- сояусырға – остроконечные серьги,
- а также серьги в форме луны, колокольчика, с подвесками, с камнями и пр.

Наконечники украшения также имели сакральный смысл, вплетались в косы либо прикреплялись к ним. Среди них можно выделить несколько типов: шолпы, шашбау, шаштенге. У казахов, как и у других народов Средней Азии и Востока, существовало представление о том, что подвески своим движением, шумом или звоном способны отпугивать нечистую силу. Определенные подвески в виде семени, лепестка, шара помимо защитной функции играли и репродуктивную роль, а монеты символизировали богатство.

Многие украшения казашек связаны с разнообразными головными уборами. Группа головных украшений делится на следующие под группы: украшения для головного убора (үкіаяқ), височные украшения, серьги, украшения для волос. В казахской среде широко были распространены в качестве оберегов когти филина, которые подвешивались к колыбели, а оправленные в серебро украшали головные уборы. Считалось необходимостью держать в помещении роженицы когти филина – үкіаяқ, противодействующие якобы мифическому персонажу Жезтырнақ (медные когти), в чем устанавливалась защитная магия по принципу: сила против силы.

Одним из красивейших примеров ювелирного искусства является нагрудное украшение «өңіржиек». Оно широко было распространено в Западном и Южном Казахстане. Входит в комплекс праздничных украшений казахских женщин. В декоре «өңіржиек» часто присутствуют ромбы и треугольники, выложенные зернью. Мотив ромба – символ плодородия, жизненного блага – часто встречается в казахском ювелирном искусстве.

Следующим видом нагрудных украшений, являются украшения «тумарша», «бойтумар». Это серебряные футляры треугольной, прямоугольной и трубчатой формы, полые внутри, с помощью цепочек их подвешивали на грудь. Поверхность тумара богато украшалась гравировкой, чернением, позолотой к нижнему краю крепились подвески из кораллов, перламутра, металлические пластинки. Тумары служили для хранения молитв из Корана, написанных на бумаге и вложенных внутрь, то есть использовались не только в качестве украшения, но и как амулет средство от сглаза, от всяких бед и напастей.

Казахские национальные украшения подразделялись на съемные и те, что можно было пришить к одежде. К последним относятся «қапсырма» - застежки, «түйме» (туйме) – пуговицы различных форм, «таңа» (тана) – узорные пряжки. Камзолы, узорные безрукавки, пояса можно было закрепить яркой застежкой. Эти изделия определяли особый статус их обладателя, а также использовали в качестве оберега, от сглаза и порчи.

Перстни среди ювелирного украшения отличались особым разнообразием. Вера в магическую и очистительную силу колец и перстней - распространенное явление на Востоке. Каждая женщина должна была носить кольцо или перстень, в противном случае, пища, приготовленная ею, будет не чистой. Кольца носили по три, четыре, они являлись повседневным украшением. У казахов по этому поводу существует поговорка: «Тамақ адал болу үшін, қолда күміс жүзік болу керек» (чтобы пища была чистой, на руках должен быть перстень).

Практически все ювелирные украшения декорировались узорами. Во многих орнаментах и формах нашли отражение различные пережитки древних религий, магических обрядов, тотемизма и культа природы.

Ювелирные изделия по стилевым особенностям определяя следы тотемистических верований, космологических представлений, зооморфных воззрений, вместе с тем, являются источниками исторических, географических, психологических, социальных сведений об авторе и обладателе. Имущественные, возрастные, территориальные различия, запечатленные в ювелирных украшениях, вскрывают иерархию социальных и эстетических норм красоты (Шаханова Н. Ж., 1998, с. 75).

Часто ювелирные изделия инкрустировались камнями. Камни в казахских украшениях именуется словом «тас» - камень, или «көз» - глаз. Подобное сравнение не случайно, вставные камни осмысливались, как всевидящее, стерегущее око, наделялись чудодейственной силой. У всех восточных народов камни наделялись удивительными свойствами. Так, например, считали, что бирюза укрепляет сердце, устраняет страх, дает победу над врагами. Существовало мнение, что жемчуг лечит бельмо, янтарь лечит зоб, бирюза приносит счастье. Кораллы, способствующие жизненному благу и большому потомству, часто применялись в украшениях как подвески. Семантическое значение красного цвета многозначно. Это цвет родовой крови, символ огня, энергии, солнца и тепла. Особой популярностью пользовался сердолик, который считался камнем благоденствия и радости. Этот камень широко использовался не только для украшений, но и как оберег от сглаза. Очистительным и магическим свойством, согласно представлениям казахов, обладало серебро, из которого в основном изготавливались украшения. По народному поверью, предзнаменованием богатства считалось увидеть во сне серебро. Серебро – неперенный атрибут обряда, связанного с купанием сорокадневного ребенка. Материал имел магическое значение. В основе магического значения материала лежали культовые представления (Нурланова К., 1993, с. 257).

Следует отметить, что некоторые животные и птицы, также наделялись магическими свойствами и считались священными. К таким животным относились, прежде всего, баран и горный козел. Прежде они считались родовыми тотемами. Поэтому в орнаменте ювелирных изделий часто встречается изображение стилизованных рогов или головы барана. Наряду с защитной функцией изображение рогов символизировало богатство, приумножение скота. Магический смысл роговидных завитков обусловил, видимо, определенную тенденцию в построении орнаментальной композиции во всех видах прикладного искусства: орнамент бордюров чаще составляется из роговидных завитков, несущих, по всей вероятности, идеи ограждения семьи, рода от внешних сил зла и одновременно обеспечения богатством и счастьем. Популярными узорами ювелирных изделий были также спирали, вертуны, крестовины, цветочные розетки, представляющие образ солнца, а также узоры «ай», «айшык» в виде луны.

Такие мотивы, как, «бараний рог» - «қошқар мүйіз», «раздвоенное копыто» - «ашатұяқ», «верблюжий след» - «түйетабан», «птичий клюв» и «птичье крыло» - «құсмұрын», «құсқанат» уходят в глубины скифского и сакского времени, базируясь на многочисленных сюжетах некогда яркого искусства звериного стиля. Еще более древние солярные и геометрические мотивы. Во всевозможных треугольниках – «тұмарша», зигзагах – «ийрек», прямоугольных фигурах с отростками – «тарак», солярных узорах типа «вихревой розетки» - «айшык», заметны следы первобытного искусства скотоводов трехтысячелетней давности» (Шевцова А., 2007, с. 15).

Доктор исторических наук Ш. Тохтабаева в книге «Серебряный путь казахских мастеров» подчеркивает: три основные магиико-религиозные функции женских украшений: апотропеическую (защитную или охранную), множительную и репродуктивную, благопожелательную. Например, охранно-благопожелательная функция ювелирных украшений явлена современникам казахской культуры в форме и декоре.

Коммуникативная природа ювелирных украшений связана не только с их функциональным назначением, но и с возможностью отражения в нем философских и эстетических концепций. Кроме того, непосредственный контакт с человеком как создателем и как обладателем, а также древнейшая связь ювелирных украшений с мистикой и магией, обосновывают не только необходимость изучения ювелирного искусства как типа коммуникации, но и выявляют новые возможности исследования (Тохтабаева Ш.Ж., 2005, с. 276).

Таким образом, расшифровка семантической стороны казахских украшений раскрывает целую систему различных магических представлений. Смысловым значением была наделена вся структура ювелирного изделия: его форма, детали, материал и орнамент. Интересно отметить, что отдельные художественные мотивы, а также материал многозначны, полисемантны. И наоборот, одни и те же понятия имеют разное изобразительное воплощение. Даже простые камни у казахов наделялись охранной функцией. Как правило, у казахов количество подвесок к изделиям сводится к сакральным числам (7, 9).

Подводя итоги, можно считать, что магико-религиозное значение традиционных казахских женских украшений занимало особое место в декоративно-прикладном искусстве Казахстана.

В свою очередь, можно полагать, что ювелирные украшения можно анализировать как тип коммуникации, что позволяет расширить горизонты исследования. Это обусловлено тем, что украшения – это своего рода язык культуры, заключая в себе сакральное знание, формы этнической самоидентификации казахов, с другой стороны, они становятся источником информации о культурных контактах с другими этносами.

Литература

Ибрайшина Г. Язык казахского орнамента. Истоки своей культуры как важный момент осознания этносом национальной самобытности. // Мысль. № 2, 2007. 62 с.

Нурланова К. Символика мира в традиционном искусстве казахов. // Кочевники. Эстетика. Алматы: Гылым, 1993. 356 с.

Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров // Тохтабаева, Шайзада Жаппаровна; Ин-т востоковедения им. Р. Б. Сулейменова МОН РК. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 474 с.

Шаханова Н. Ж. Мир традиционной культуры казахов. Алматы: Казахстан, 1998. 174 с.

Шевцова А.А. Казахский народный орнамент: истоки и традиция. М.: «Этносфера», 2007.

B. Nurgozhina

JEWELRY ART OF KAZAKHSTAN. SEMIPRECIOUS STONE AS AN APOTROPAIC ELEMENT

The article tells about the issues of studying the magical and religious meaning of traditional Kazakh women's jewelry, as well as the classification of women's jewelry in the general ensemble of the Kazakh national costume.

The study considers the jewelry as the means of communication, also the form of ethnic self-identification of Kazakh people as the source of information about cultural relations with other ethnic groups.

Тохтабаева Ш.Ж., Сагандыкова Н.Ж. Каримова Р.У.

Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК

г. Алматы, Казахстан

E-mail: shausha2007@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭТИОЛОГИИ КУЛЬТУРНЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Традиционная культура каждого народа, основываясь на древних, средневековых и собственных этнических достижениях, а также соотносясь с природо-климатическими, ландшафтными условиями, приобретает определенное своеобразие в материально-духовных проявлениях. Вместе с этим наряду с самобытностью вольно или невольно каждый этнос обогащался иноэтничными художественно-техническими элементами. Культурный взаимообмен между разными народами, осуществлявшийся издревле – неизменное явление, характерное для человеческого общества в целом. В этом отношении в этнографической науке в качестве методологического приема традиционно используется историко-сравнительный анализ, направленный на выявление культурных аналогий в традициях разных стран. Объектом компаративистики являлись как изделия этнических художественных ремесел и промыслов, народная архитектура, так и традиции, обычаи, обряды, ритуалы, а также мифология, фольклор.

В этом исследовательском аспекте получены значительные результаты. Выяснилось, что наряду с этноспецифическими проявлениями в культуре многих народов, можно выявить массу иноэтничных параллелей, что обычно объяснялось, преимущественно, непосредственными контактами соседних народов, эффектами культурных диффузий, историко-политическими объединениями в определенные периоды, торговыми взаимосвязями, в том числе через Великий шелковый путь, образцами привезенных даров, деятельностью иноэтничных мастеров-отходников. Тогда как новые результаты, полученные на основе анализа этиологии установленных аналогий в конкретных объектах культуры казахов в макровремени и общемировом контексте, позволили выдвинуть идею о доминирующей роли во всем этом архетипических паттерн коллективного бессознательного (Юнг, 2009, с. 12–23).

Издrevле люди с присущими им дуалистическим представлением о мире: мы–они, свое–чужое, одновременно испытывали интерес и некое притяжение к художественной оппозиции, чему во многом способствовало их природное любопытство. Соотнесенность древних культурных проявлений в разных странах определена, помимо диффузий и взаимообмена, также общностью архетипической матрицы – оттисков коллективного бессознательного (Юнг, 2009, с. 12–23). Этим можно объяснить параллельность возникновения жилищ прямоугольной, квадратной, круглой (юрты) формы, а также общего характера предметов быта (кроватей, столов, стульев, посуды, шкафов, сундуков и т.д.), общих категорий предметов декоративно-прикладного искусства (тканые, вышитые ковры, ювелирные украшения и т.д.).

Любопытно отметить, общность в мировом масштабе определенных предметов гигиены – гребней, обнаруженных по всему миру в древних археологических раскопках. Примечательно общемировое сходство форм гребней, воспроизведение в верхней части изделия образа горного козла– символа плодородия. В зарождении конструкции гребня, видимо, отобразилось архаичное мировоззрение человека о контрасте двух дуальных сил. Демонической нечисти, т.е. паразитам, угрожающим здоровью, были противопоставлены вырезанные зубья, ассоциировавшиеся с устрашающими зубами хищников. В этом, можно сказать, прослеживается активизация амбивалентного кода – одного из архетипических матриц коллективного бессознательного (Юнг, 2009, с. 12–23).

Представление о магической катарсической и одновременно защитной силе костяных гребней сформировалось на основе слияния санитарных функций предмета и контакта его с «жизненной энергией» волос, семантика которых возникла гораздо раньше. Все это явилось причиной обнаружения в древних захоронениях Казахстана и других странах мира общих категорий предметов: гребней-амулетов для декора керамики, а также гребней для расчесывания волос и гребней-заколов для декора прически. С течением времени гребни наполнялись новыми декоративными идеями согласно этническим особенностям и художественной эволюции. Изначальное символическое ядро гребней в ходе своего развития обрастало дополнительными мысле-формами. В силу знаковой содержательности образ гребня, с интонациями чудодейственной магии, приобретает дополнительное смысловое наполнение согласно местной художественно-символической специфике того или иного народа (Тохтабаева, 2019).

У всех народов были популярны предметы для хранения сокровищ – сундуки, занимавшие акцентное декоративно-символическое место в жилище. Стремление беречь и накапливать богатство – общечеловеческая константа. Этому, в определенной мере, содействовал сундук, вносящий (на психологическом уровне) интонации стабильности, уверенности в будущем. В смыслообразующей сути сундука – неизменного объекта традиционного прикладного искусства содержатся как свойства феноменальной единичности (как хранилище сокровищ, материальных ценностей), так и внутренние механизмы многовариантности его художественных воплощений в разных этносах. По сути, этот предмет стал прообразом современных металлических сейфов, впервые появившихся в Англии в XIX в. (Тохтабаева, 2018). На основе данного примера, можно сказать, что близость определенных элементов культуры обоснована не только взаимодействиями, взаимовлияниями, она определена изначально общностью коллективного бессознательного мышления человека (Юнг, 2009, с. 12–23). Общечеловеческая конструктивно-функциональная идея подвергалась в разных этнотерриториальных условиях процессу дивергенции и наполнению дополнительными идейно-художественными нюансами.

У разных этносов устанавливается определенное сходство в осмыслении мироздания, что отражено в мифологии, фольклоре, орнаментике, декоре бытовых предметов и произведений художественных ремесел. Издревле помимо преклонения перед природными явлениями, у всех народов были разработаны приемы противодействия и задувания природных катаклизмов, внешних сил зла, что запечатлевалось в обычаях, обрядах, языческих верованиях.

У большинства народов мира прослеживаются, практически, одинаковые по форме, с некоторыми вариациями, древние орнаментальные, в особенности геометрические и космогонические мотивы. Это можно видеть, как на артефактах Центральной Азии, Восточной, Южной Европы, так и на сосудах крито-минойской цивилизации, родосских греческих вазах, артефактах древнего Египта, Мексики, Японии, Китая, что было прослежено Анри Мораном (Моран, 1982, с. 9–15).

Выразительные художественно-семантические соответствия у разных стран мира прослеживаются также в воспроизведении растительных орнаментальных мотивов: цветах, листьях, семенах, дереве, соотносимого в сознании народов с идеей мироздания, в традиционном сознании казахов существовал культ священного дерева – архетипический паттерн коллективного бессознательного, имеющего место в культуре многих народов мира (Милетинский, 1976, с. 214). С образом дерева, являющимся в

традиционном сознании многих народов наиболее адекватным эквивалентом модели мироздания с числовым выражением (Иванов, 1990, с. 47), связаны идеи роста, плодородия, жизненной силы (Львова, 1989, с. 34–36). От образа Мирового дерева в традиционном сознании людей формировалось Древо жизни, а затем древо родовое и, наконец, генеалогическое, в чем отражен процесс перехода глобальных символов – в частные (Иванов, 1954, с. 233–248).

По всему миру в изделиях прикладного искусства распространено воспроизведение птиц, в том числе орлиной породы, филина и др. Птица в сознании всех народов соотносилась с верхним миром. Если же воспроизводилась птица орлиной породы с распростертыми крыльями, то она трактовалась как выражение идеи власти и охраны. Тогда как изображение лишь ее головы, клювьев и когтей символизировало защитно-охранные идеи (Тохтабаева, 2005, с. с. 248–249).

Практически у всех народов мира в декоре предметов быта, а также ювелирных украшениях присутствует воспроизведение образа змеи, наделявшегося охранно-защитной и одновременно множительной идеями (Тохтабаева, 2005, с. 250).

Историко-сравнительный анализ различных категорий предметов с традициями других народов позволил обозначить некоторые универсальные общемировые архетипы – первообразы культуры, лежащих в глубинной основе культурно-исторического процесса человечества, связанного с механизмами преемственности, цикличности и диффузии культуры.

Понятие «архетип», известное со времен позднеантичной философии, получило научный статус в трудах швейцарского ученого-психоаналитика К.Г. Юнга (Юнг, 1994), который пишет, что это наиболее древние и наиболее всеобщие представления человечества. Из исследований других ученых также известно, что архетипы универсальны и динамичны, в них заложена изначальная ценностность, не всегда совпадающая с современной оценочностью. В монографии «Млечный путь Евразии» А.Каиржанова сказано, что «Человек в бессознательном начале погружается в рефлексию прошлого и будущего, облекая все это в символические формы, нити которых тянутся из древнейших времен и связывают их с грядущим. Архетипы представляют собой структуры коллективно-бессознательной основы человечества. Это вневременные схемы и образы, благодаря которым формируются мысли и определяются чувства живших когда-то и живущих ныне людей. Кроме того, они хранят первознаки древнейших форм постижения мира (внешней и внутренней Вселенной, мира, выраженного в символах, мифах, тотемах и магии)» (Каиржанов, 2004, с. 255–276). Таковы мифологемы мирового океана, мирового яйца, мирового древа. Образ мирового древа присутствует как в мифологии народов скандинавского Севера (яшень Иггдрасиль), так и в культуре азиатских кочевников (Байтерек).

Архетипы – это универсальные частицы человеческой культуры, благодаря которым общество усваивает первичное (доэмпирическое) знание. В определенном смысле они родственны примитивным, как утверждают некоторые современные ученые, элементам языковых систем на определенном уровне. То есть мы имеем дело с первоэлементами мышления и культуры любого народа. Архетипы и мифы взаимосвязаны как переживаемая коллективная реальность (миф) и формирующиеся чувственно-ментальные «формулы» этой реальности (архетипа).

Мифы народов мира принято рассматривать как источник архетипов, они подразделяются на космогонические, антропологические, теогонические, календарные, эсхатологические мифы разных народов, которые объединяются определенными элементами исходных, начальных величин мифологем. Выше было отмечено, что архетипы и мифы тесно взаимосвязаны, они присутствуют в действительности как бессознательная коллективная реальность социума. В мифах казахского народа проявляются доэтнические особенности мышления, мироощущения, мировоззрения древнего человека.

Именно с архетипов начинается процесс формирования менталитета любого сообщества. Это те механизмы мышления и осознания, которые формируют определенные нормы поведения человека в обществе (Sagandykova, 2019). Это, в свою очередь, происходит на базе устоявшейся ценностной парадигмы. У каждой культуры существует собственное ценностное поле, где представлен, можно сказать, целый арсенал архетипических образов, присутствующих во всех этносах. Например, такие парадигмы как солнце, лунный диск, звезды, небо, река, лес, горы, дерево, птицы, очаг, дом, отец, мать, ребенок, конь, степь и т.д., присутствуют у всех народов мира. Очевидно, что эти примеры связаны с радиусом освоения человеком того пространства, в котором он обитал и которое делит с другими. «В ценностно-иерархической картине мира (отдельного человека, творца и мыслителя, или нации, человечества), – пишет А.Ю. Большакова, – архетип занимает приоритетное, верховно-главенствующее место: это своего рода доминанта, авторитетный руководитель в стихии выборов и решений, обуславливающий определенные цели, порождающий желания и стремления. В литературоведении исследование архетипа предполагает его реконструкцию по следу, отпечатку,

оттиску, оставленному в душе человека или данному в реалиях образной системы и других средствах построения художественного произведения» (Большакова, 2010, с. 68).

Длительное изучение проблемы приводит к объективному выводу, что архетипы существуют, что подсознание человека – это сфера коллективного бессознательного, наследуемого индивидом особым образом. Опыт предыдущих поколений, уходящий в глубину времени, встроено в подсознание человека как бы своеобразными слоями, это живая парадигматическая информация, которая имеет силу инстинктов. В своей работе Е.М. Лулудова пишет: «Архетипы, что выполняют многозначную смысловую нагрузку и являются фундаментом, базой для всех культурных построений, являются фактом, не требующим доказательств» (Лулудова, 2008, с. 69).

Архетип или первообраз – активно формирует воображение, а потому наиболее часто встречается в мифах, верованиях, произведениях искусства, в фантазиях, а порой и во снах. Проникая в сознание и наполняясь «материалом сознательного опыта», архетип получает свою содержательную характеристику. Совершенствование архетипа в сознании человека сопровождается эмоциональностью и вдохновением, потому что данный первообраз восходит к истокам человеческой природы.

Действительно, сходные мифологические мотивы, встречающиеся в фольклоре у разных народов, отдаленно расселенных друг от друга, приводят к выводу о том, что в основе их зарождения лежит общность архетипических паттерн. Эти архетипические образы, веками передаваемые из поколения в поколение, варьируясь, обрастая интересными домыслами, деталями, превращались в поверья и верования. В мифах казахского народа проявляются этнические особенности мышления, мироощущения, мировоззрения, наслоенные на сознание древнего человека. Вопросы миропонимания всегда волновали предков современных казахов. Природа мифов спорна, об этом говорит наличие множества мифических рассказов о происхождении мира. Эти мифы занимают особое место и в произведениях устного народного творчества. Они являются настоящим кладом архетипических образов, об этом пишут все ученые мира, занимающиеся данной проблемой (Sagandykova, 2019). Существует миф, что небо создал Тәңір (Бог), хозяйкой земли является Умай - ана, она же жена Тәңіра это поверье распространено больше у тюркских народов Сибири. Особое место среди мифов занимают солярные, лунарные, астральные мотивы, они очень популярны в устном народном творчестве, люди во все времена чувствовали и знали о взаимосвязи природных (небесных) явлений с жизнью Земли и землян. Приведем один известный пример из солярных мифов о Солнце и Луне, их представляют в образе двух красивых девушек. Они иногда предстают сестрами-двойняшками, иногда неразлучными подружками, которые немного завидуют друг другу, но продолжают общаться и дружить. Но вот однажды они сильно поссорились, и разъяренное Солнце, своими острыми лучами, поцарапало лик Луны. С тех самых пор на лике Луны остались пятна, которые люди видят и в наши дни, поэтому их вражда оказалась настолько непримиримой, что эти два светила, дабы не встречаться и не лицедреть друг друга, - появляются в разное время: одно появляется на небе днем - Солнце, а другое – Луна ночью. В другом мифе о Луне повествуется, что однажды злая мачеха послала падчерицу ночью за водой, девушка в колодезной воде увидела отражение Луны, и ей показалось, будто это лицо джигита. Она взмолилась, чтобы он ее забрал, настолько тяжела и невыносима была сиротская жизнь девушки. Луна, превратившись в прекрасного джигита, спустилась на землю и забрала девушку на небо, поэтому в народе до сих пор говорят, что девушкам ночью нельзя ходить за водой к колодезю и другим водоемам, так как их могут похитить. Джигит – типичный архетип в мифах, легендах и сказках тюркских народов. Поверья гласят, что, если долго смотреть на полную Луну можно увидеть фигуру девушки с коромыслом и ведрами, которую когда-то забрала к себе она сама. С древнейших времен в культурах разных народов, начиная с Греции и Рима, небесным объектам люди приписывали характеры и поступки людей, олицетворяя и одухотворяя их. Вероятно, люди слагали подобные мифы и легенды, желая приблизить и уподобить их себе, чтобы каким-то образом поддерживать связь с Вселенной, с непонятными природными явлениями, возможно, в целях «безопасности» для себя и близких. Однако следует отметить, что о происхождениях небесных объектов в казахских мифах никаких подробностей нет, ученые предполагают, что данное явление связано с запретом Ислама. Поскольку согласно мусульманской религии, все, что существует в мироздании является творением единого Аллаха.

Для казаха конь – это еще и символ мира и высшего разума (не случайно мифический Тулпар обладает крыльями, как и Пегас в греческой мифологии). Во всех эпических памятниках древности конь батыра – не просто средство для передвижения; это мудрый наставник и друг, наделенный даром человеческой речи. Вспомним вешего Байчубара, спутника легендарно героя Алпамыса – знаменитого Тарлана; верного друга батыра Ер – Таргына – очень мудрого коня Тайбурыла, направляющего могучего Кобланды батыра на подвиги. В смысловое значение эпического образа коня вкладывается

его сравнение с солнцем, огнем, пламенем. Например, о коне Алпамыса в эпосе сказано, что он «и дрожит, и горит огнем. Конь это, соляный символ казахов и символ памяти о связи с предками».

Особый интерес представляет соотносимость в мировом масштабе древних каменных сооружений. Каменные мегалиты: менгиры, дольмены, кромлехи распространены по всему миру: на Кавказе, центральноазиатских степях, в Крыму, Украине, России, Африке и Западной Европе. Особое впечатление производит грандиозностью масштаба памятник неолита и бронзового века Стоунхендж (каменный круг), сооруженный в Англии, служивший, по мнению исследователей, своего рода, обсерваторией.

Точное назначение менгиров до сих пор доподлинно неизвестно. Исследователями высказывались разные гипотезы по этому поводу (погребальное, ритуальное ограждение иных сооружений, символика центра, определение границ владений, мемориальное, солярно-астрономическое, межевое и пр.), но все они носят характер предположений. Более прочих популярно мнение о погребальном характере сооружений.

Рассматривая казахстанские менгиры в общемировом или центрально-азиатском контексте, следует отметить, что высказывать какие-либо утверждения об их происхождении и взаимосвязи с менгирами, распространенными на всех мировых континентах, на данном этапе их изучения преждевременно. Исследователи этих мегалитических памятников пишут о том, что в настоящее время их изучение находится в процессе, который выявляет множество новых данных, способных изменить имеющиеся представления. Можно определенно говорить о взаимосвязи менгиров в центрально-азиатском ареале их распространения («большая Центральная Азия»), где происходили известные науке миграции древних насельников.

Нельзя не отметить множества сходных черт в характеристиках этого феномена на разных континентах, которые, несомненно, наводят на мысль об архетипической первооснове их происхождения. Можно также обозначить своеобразие менгиров на территории Казахстана, заметное при знакомстве с археологическими материалами. Прежде всего, это несомненная связь менгиров с погребальной и поминальной традицией саков древнего Казахстана. Обращают на себя внимание примеры преднамеренно «поваленных менгиров» перед возведением верхнего земляного слоя (Бейсенов, 2016, с. 17–22.). Уникальным явлением в общемировом контексте являются также т. н. «курганы с усами» (Агапов П., Кадырбаев, 1979, с. 79–80), рядом с которыми устанавливались менгиры.

Вопрос об архетипах, первооснове в культурных явлениях, культуре в целом, как правило, возникает при рассмотрении сходных или тождественных явлений. Сходство может быть понятным, когда рассматриваешь его существование на протяжении длительного исторического времени на одной территории или же в территориально сопредельных регионах, т.е. в едином культурном ареале, где необходимо учитывать этническую общность, общность исторического развития, природно-климатических условий. Так в историческом взаимодействии формируется культурная традиция цивилизации. Однако, когда сходство или даже тождество обнаруживаешь на разных континентах, приходится задуматься о параллельном развитии явления или же существовании архетипической первоосновы явления, имевших место в истории развития культур.

В избранном контексте интересно возникновение и развитие купольно-сводчатых конструкций в мировой архитектуре. Проведение непрерывной прямой линии взаимодействия и взаимовлияний купольно-сводчатых конструкций в архитектурных сооружениях, к примеру, Центральной Азии в целом и средневековом Казахстане в частности позволило выявить роль архетипических прообразов, оказавшихся определяющими в установленной общности рассмотренных объектов.

В архитектуре Центральной Азии определяющее значение имело влияние иранского зодчества. Для иранской или персидской архитектуры в свою очередь характерно заимствование форм различных других архитектур, но она не эклектична, поскольку заимствованные формы в ней включались в совершенно новое органическое композиционное целое, подчиненное своеобразным принципам. Персидская архитектура основывалась на вавилоно-ассирийских традициях. Кроме того, на ранних этапах персидская архитектура развивалась в тесной взаимосвязи с греческой и в целом античной.

Исследователи, занимавшиеся изучением средневековых городов Южного Казахстана, отмечают, что по своему архитектурному плану, структуре, строительным материалам, отдельным приемам строительной техники и облику в целом они были аналогичны среднеазиатским (Байпаков, 1986, с. 69, 76–77; Нильсен, 1966, с. 155).

Анализ привлеченного в исследовании материала (не претендующего на полный охват) позволяет сделать определенные выводы в рамках данной темы. Не вызывает сомнений факт существования архетипической первоосновы в возникновении и развитии купольно-сводчатых конструкций Центральной Азии в целом и Казахстана в частности. К примеру, удалось проследить цепочку

взаимосвязей от исходной первоосновы до заданной темой конечной позиции, а именно архитектуры средневекового Казахстана. Первоосновой в возникновении и развитии сводов можно назвать архитектуру Египта, Двуречья, этрусков, Греции, Рима, персидскую архитектуру древнейших эпох, возникших из подражания небесному своду. Думается, что именно данный импульс сфокусировал творческую фантазию в нужном направлении первых «архитекторов». Купольные покрытия возникли позже и отсчет здесь можно вести с римского Пантеона и персидской архитектуры сасанидского периода. Все эти древние культуры взаимодействовали между собой и с другими государствами Востока и Запада. Взаимодействие сыграло определяющую роль в распространении в целом одних и тех же конструкций сводов и куполов на всем охваченном приведенном материале. В архитектуре Казахстана встречаются, например, все упомянутые в исследовании конструкции куполов: полусферической и стрельчатой форм, соединенных с подкупольной частью сооружения посредством парусов, барабана, или тропов. Таким образом, развитие купольно-сводчатых конструкций средневековой архитектуры Казахстана, как и Центральной Азии, в целом находилось в непосредственной взаимосвязи с общемировым культурным контекстом (Каримова, 2020, с. 162-173).

Таким образом, изложенный материал ясно и отчетливо, демонстрируя художественно-философское своеобразие этносов, одновременно отражает общность архетипических образов, запечатленных в разнообразном вариативном воплощении в материальной и духовной культуре разных народов. Данные итоги наверняка будут содействовать формированию нового «коллективного» миролюбивого сознания человечества в планетарном масштабе, что важно при существующей политической обстановке в мире.

Литература

- Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: Жалын, 1979. 250 с.
- Анри де Моран. История декоративно-прикладного искусства. М.: Искусство, 1982. 576 с.
- Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата: Наука, 1986, 256 с.
- Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V–VIII вв.). Ташкент: Наука УзССР, 1966. 334 с.
- Бейсенов А.З. Каменные изваяния и менгиры сакской эпохи // Вестник Хакасского государственного университета. 2016. №16. С. 17–22.
- Большакова А.Ю. Архетип, миф и память литературы. Астрахань. Изд-во «Астраханский университет», 2010. 289 с.
- Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX-нач. XX вв. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.-Л., 1954. 839 с.
- Иванов С. В. Магическая семерка // Наука и религия. 1990. № 3. С. 46–49
- Каиржанов А.К. Млечный путь Евразии. Монография. Астана. ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, 2004. 279 с.
- Каримова Р.У. Купольно-сводчатые покрытия архитектурных сооружений средневекового Казахстана в общемировом контексте //Диалог культур Востока и Запада через призму единства и многообразия: древний мир, средневековье, новое и новейшее время. Алматы, Екатеринбург, 2020. С. 162–173
- Лулудова Е.М. Архетипы в художественном тексте. Алматы. КазГУ, 2008. 120 с.
- Львова Э.В., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционный мир тюрков южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989. 239 с.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976. 407 с.
- Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 472 с.
- Тохтабаева Ш.Ж. Символика казахских гребней // Вестник КАЗНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая. № 1 (92). 2019. С. 120–132
- Sagandykova N. Archetipic representations in the Kazakh mythology // News of the National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social and human sciences. 3 (325). May- June, 2019. Almaty, NAS RK. P. 180–186.
- Tokhtabayeva Sh. Zh. Treasure-chest // News of the National academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social and human sciences. 6 (322). November-December 2018, Almaty, NAS RK. P. 251–259.

Sh.Zh. Tokhtabayeva, N.Zh. Sagandykova, R.U. Karimova

INTERPRETATION OF ETIOLOGY OF CULTURAL PARALLELS

The object of the research in the article is individual works of art crafts, mythology, traditional architecture of Kazakhs and other peoples. The subject of the study is the identification in the designated objects of analogies with global samples.

The purpose of the article: to reveal the role of archetypal fundamental principles in the emergence of a commonality of objects of study. Along with this, along with the identity, each ethnos enriched by foreign-ethnic artistic and technical elements. Cultural interchange between different peoples, carried out since ancient times - an unchanging phenomenon characteristic of human society as a whole.

Whereas a new approach to understanding the etiology of parallels established as a result of comparative studies of specific objects of Kazakh culture in macro-time and macro-space allowed us to put forward the idea of the ancient archetypal patterns of the collective unconscious in all this. Myths of the peoples of the world usually considered as a source of archetypes, they divided into cosmogonic, anthropological, theogonic, calendar, eschatological myths of different peoples, which united by certain elements of the initial, initial values of mythologies. Archetypes and myths are closely interconnected; they are present in reality as the unconscious collective reality of society. Of particular interest is the global relevance of ancient stone structures. Stone megaliths: menhirs, dolmens, cromlechs spread all over the world: in the Caucasus, Central Asian steppes, in Crimea, Ukraine, Russia, Africa and Western Europe. Of particular magnitude is the monument of the Neolithic and Bronze Age Stonehenge (stone circle), built in England.

The results of comparative studies have revealed a series of identities, parallels and communities in the field of material and spiritual culture of Kazakhs with the peoples of the world, including geographically distantly located from each other, excluding any contacts, including trade. Common points of identity in cultural samples in the global space were general ideas about the objects of the universe.

А. Тұрсынтайқызы

Орталық ұлттар университеті

Қытай аз ұлттар тіл-әдебиеті институты

Бейжің қ., ҚХР

E-mail: 1908824209@qq.com

ІЛЕ Өңіріндегі жер аттары туралы

Топоним гректің «Топос» (τόπος) — Орын, жер, «Онома» (ὄνομα) — Атау деген екі сөзінен тұрады, Яғни жер-су атаулары деген сөз. Топонимды зерттейтін ғылымды топоника деп атайды. Топонимика — Жер-су, елді мекен атауларының шығуы мен пайда болуын (этимологиясын), мағынасын, құрылымының дамуын, таралу аймағын, қазіргі жағдайын, грамматикалық, Фонетикалық пішінін, жазылуы мен екінші бір тілде берілуін зерттейтін ғылым.

Жер ұйығын іздеген Асанқайғы сынды көшпелілер филособы «Әйелі семіз ері арық,

Екі аттам жері бір арық» деп баға берген, суы тұнық, шөбі шүйгін ырысты мекен, киелі қоныс Іле атауының шығу тегі еліміз іші сыртындағы ғалымдарды ойға жүкті етіп келеді. Енді сол сырлары көп, жұмбағы мол атау туралы тоқталайық.

Іле қазақ автономиялы обылысы 1954-жылы құрылған. Батысы Қазақстанмен шекераласіп қорғас өткелі арқылы барыс-келіс жасайды. Іленің бүкіл Жер ауданы 350 мың квәдірәт километр, 2000-жылғы санаққа негізделгенде бұнда төрт миллион төрт жүз сегіз мың жан саны бар.

Оның қарастылығына Алтай, Тарбағатай өңірі, Құлжа, Қорғас, Күйтүң сынды үш аудан дәрежелі қала, Текес, Қорғас, Мұңғұлкүре, Нылқы, Тоғызтарау, Күнес, Құлжа аудандары мен Шапшал Сібе сынды автономиялы аудан қарайды. Қойнауы құтқа толған Іледе Қытай, Қазақ, Ұйғыр, Қырғыз, Сібе, Дүнген сынды 47 ұлт қоян-қолтық араласып, бай-бақытты тұрмыс кешіріп келеді. Оның ішінде Қазақ ұлты 25. 5, Қытай 45. 2, Ұйғыр 15. 9, Дүнген 8. 3, Мұңғұл 1. 69, Сібе 0. 83 пайызын ұстайды. Іле өңіріндегі ұлттардың өз ана тілдері сақталумен бірге әр ұлт халқы мемлекет тілін жеттік меңгерген. Соның ішінде бүкіл автономиялы обылыс көлемінде Қытай, Қазақ, Ұйғыр тілдерін қолданатындардың саны басым. Еліміз тарихындағы жазба деректерге негізделгенде Іле өңірін ең алғаш қазақ ұлтын құраған тайпалардың бірі Сақтар мекендеген. Олардың Іле оңырының құрылуына, дамуна қосқан үлесі шексіз. Соның бір мысалы ретінде Сақтардың қола металлургиясын айтуға болады, еліміз жазбаларында Іле өңірінің қола мәдениетін барлыққа келтірген сақтар деп қаралады. Нылқы, Мұңғұлкүре, Текес, Күнес, Тоғызтарау, Шапшал сынды аудандардан табылған қола ыдыстар, мүсіндері сақтардың қола металлургиясы өркендегенінің жанды айғағы.

«Байқасаң іле жердің ортасындай,

Егерде дене болса қолқасындай.

Тауы алтын, тасы күміс, ағашы жез,

Сулары еркек қойдың сорпасындай.» деп Қытай қазақтарының атакты ақыны, ардақты азаматы Таңжарық Жолдыұлы Іленің көркем табиғатын әдебиетке әкелген болатын. Бірақ «Іле» есімі ертеден халыққа бөтен емес еді. Сөзіміз дәлелдірек болу үшін жазба деректердегі «Іле» есіміне назар аударайық.

20-ғасырдың 30-жылдарында еліміздің атакты тарихшысы Пң Чыңжұн жазған «Батыс өңірінің жер аттары» (《西域地名》) деген кітапта «Іле» дегеніміз түркі сөзі болып, жылан (иылан) деген мағына береді деп айтылады. (冯承钧, 2000, 34页). Бұл сөздің төркіні «Саяхат естелігі» («行记») деген кітаптағы «Иылан балық» деген қаланың атымен ұштастырып («Иылан балық» таң патшалығы кезіндегі қаланың аты) ескі түрік тілінде «Жылан қала» деген ұғым беруі мүмкін деп тұжырымдайды. Ал «Таңнамада» Іле есімі «伊丽» (или), «Юаннамада» 《亦刺八里》 (или балық), «Терістік естелігі» («北边记») деген Еңбекте «挂城» «Или қаласы» деп жазбаға түскен. Ал хан патшалығы кезіндегі тарихшылар Іле өзенін «伊列» деп дыбыстық аудармасы бойынша алса, «Түрік тарихының жинағы» («突厥集史») атты еңбекте де Іле есімінің дыбыстық аудармасы бойынша Қытайша таңбалаған.

Махмұт Қашқаридың «Түркі тілдер сөздігінде» иыл дегеніміз ел, мемлекет деп түсіндіреді. (Махмұт Қашқари, 1992, 67б). Қытай жазбаларында Іле есімін мейлі қандай әріптермен таңбаласа да «Іле» есімін түрік тіліндегі тайпалар қойғаны бесенеден белгілі. Өйткені тарихи деректерде сонау батыс Хан патшалығы (жыл санауымыздан бұрынғы1-, 2-ғасыр), шығыс Хан патшалығы дәуірлерінде (жыл санауымыздан бұрынғы 1-, 4-ғасырларда) осы киелі мекенді Массaget, Сақ, Үйсін тайпалары мекендеді деп жазылған болатын. Шөптің шүйгінін қуып, судың тұнығын іздеп, қасиетті ортада неше жылдар бойы қоныс тепкен ата-бабаларымыз осындай жаннәт мекенге ат қоймай қалуы мүмкін емес еді. Қытай зерттеушілері де «Іле» деген түркілер қойған ат дегенге келіседі.

Қазақ ғалымдары Іле сөзінің келіп шығуы туралы Іле өзенінің басы Текестен басталып, өзінің ағысы барысында жол-жөнекей Күнес, Қас өзендерін іле кетеді. Осындай іліп аққандығы үшін «Іле» деп аталады дейді. Бірақ бұл тек жорамал ғана.

Іле өңіріндегі топонимдердің қалыптасуы бір дәуірге ғана жүк болмайды. Оның бастауын сонау Хан, Таң, Юань, Миң, Чиң патшалықтары мен таяу заманғы дәуірлерден қарастыруға болады. Іленің баурайы сандаған ұлттарға құт мекен болған. Сондықтан, жер-су аттары осы өңірді қоныстанған ұлттардың тарихи қимылдарымен тығыз байланысты болады. Сөйтіп Іле өңірінде Түрік, Мұңғұл, Қытай тілдеріндегі топонимдер жарыққа келді.

Дауыр бойынша қарайтын болсақ Хан, Таң патшалығы кезінде Іле өңірінде Түрікі тылды топонимдер көп жарыққа келді. Олардың мысалы ретінде бүгінде қолданымнан қалмай келе жатқан Нарат (Күнес ауданының жайлауы, атакты А дәрежелі саяхат районы), Күнес (аудан аты), Мұзарт (Мұңғұлқүре ауданындағы тау, асудың аты) айтуға болады.

Юань, Миң патшалығы кезінде Іле өңірінде Мұңғұл тілді атаулардың көп пайда болған кезі. Мысалы, Текес (аудан аты. Қазақтар Текесі көп жер десе. Енді бір жазбаларда Мұңғұлдардың текши деген сөзінен келген. Кең сахараны кесіп өтетін бұлақ деген мағына береді дейді), Нылқы (аудан аты), Қорғас (аудан аты. «Батыс бөлек шежіресі» деген кітаптың бесінші томында Қорғас жоңғарлардың сөзі, шөбі шүйгін, суы тұнық малға жайлы мекен деген мағына береді дейді).

Чиң патшалығы Іле өңіріндегі қазіргі жер аттарының қалыптасуының алтын дәуірі болды. Чиң патшалығының патшасы Чян лұң Іле өңіріндегі топонимдердің қалыптасуына ерекше үлес қосқан, ол 1755-жылы әскер шығарып еліміздің батыс сөлтүстігін тыныштандырып, ұлттар арасындағы бүлікті басып, тұтас бірлікке келтіреді. 1756-жылы ақпанда Чиң патшалығының арнаулы зерттеушілері Іле өңіріндегі жер-су аттарын қағазға түсіруді мықтап қолға алып, араға табаны күректей жеті жыл салып, 48 томдық «Батыс өңір жер шежіресін» жазып шығарады. Онда Шыңжаңдағы жер-су аттары ғана зерттеліп, зерделеніп қалмастан, әкімшілік, әскер, саяси жағдайы түгел қамтылады. Бұл тұңғыш реткі Іле туралы зерттеу еңбегі болып, топонимды зерттейтін ғалымдардың құнды материялына айналды (赖洪波, 2013, 3页).

Іле қазақ автономиялы обылысының орталығы Құлжа қаласы. Қытайша «伊宁» деп жазылады. Оның Қытайшасы «伊犁» мен «宁远» деген екі сөздің бас әріптерінің қосылуынан келіп шыққан болатын. Бұндағы «伊犁» Іле деген сөздің дыбыстық аудармасы болса «宁远» деген алыстағы тыныш қала деген мағына береді. Бұнда неге алыстағы бейбт қала дейді деген сұрау туындайтыны сөзсіз, Чян лұң патша еліміздің қазіргі орталығы Пекин қаласынан 3853 километр қашықтықта тұратын осы Іле өңіріндегі бүліктерді басып, халқын түгел тәртіпке келтіреді. Оның Чиң патшалығы үшін қосқан үлесін есте сақтау үшін алыстағы тыныш қала деп атаған болатын.

Чян лұң патша Іле өңірін тыныштандырғаннан кейін 1764-жылдан бастап батыс оңырды ашу үшін көп ұлттарды осы өңірге қоныс аудартады. Мысалы Іледен неше мың километр қашықтағы шығыс сөлтүстіктен Сібелерді, еліміздің шығыс сөлтүстігіндегі Ресеймен шекараласатын Хи Лұңжян

өлкесінен Ы Лүншүн, Дағұр қатарлы ұлттарды осы өңірге қоныс аудартады. (赖洪波, 2000, 8页) тағы ішкі өлкелерден Қытай, Дүңген сынды ұлттарды көшіріп апарып, Ілені бұрынғы бір ұлтты мекеннен, көп ұлтты мекенге айналдырады. Әрі халық өзі мекен еткен жерге өздерінің тұрмыс тіршілігі, салт-санасы, тарихи, саяси, мәдени ерекшеліктеріне сай ат қойып отырған, әрі оны өскелең жауапкершілік деп сезген. Соның нәтижесінде Қазақ, Ұйғыр, Сібе, Мұңғұл сынды әр ұлттың өзіндік ерекшелігіне жер аттары да барлыққа келе бастады.

Мингө дәуірінде Іле өңірінде аудан аттары ең көп барлыққа келіп әр ауданның шекәрәсі бөліне бастайды. Мысалы, Тоғызтарау, Текес, Мұңғұлкүре, Ниң ши (қазіргі Құлжа ауданы. Ниң ши (宁西) деген сөздің Қытайшасы батыс тыныш деген мағына береді), Қорғас, Гүң қа (қазіргі Нылқы ауданы. Күнес және Қас сынды екі өзеннің басқы әріптерінің атымен аталған), Бұратала, Арасан, Жың (қазіргі Бұратала Мұңғұл автономиялы обылысы ол кезде Ілеге қарайтын) сынды аудандардың аты барлыққа келеді.

Қортынды. Айналасы таумен қоршалған, қысы жылы, жазы салқын Іле өңірі ғасырлар бойы ұрпақтарына құтты қоныс болып келеді. «Іле» деген сөздің қазақшасы әлде қытайшасы болсын Абай атамыз айтқандай «Тілге жеңіл, жүрекке жылы тиеді». Сансыз тарихшыларды толғандырып, ауыр да әрлі ойларға жүкті еткен осы ырысты мекеннің аты туралы зерттеулерді жинастырып, тарих бетіндегі іздерін іздестіріп көрдік. Алайда ғылымда әлі де бір ауыз пікір болған жоқ. Сондықтан да ғылымның ауыр әрі бұралаң жолында «Іле» атауы туралы әлі де том-том зерттеу еңбектері жарыққа келетінін аңғарамыз. Сонымен бірге Іле есімі тек зерттеушілерді ғана қызықтырып қоймай, оның көркем көрінісі әлі де талай ақын, жазушылардың қаламын желдей естіріп, шабытын ұштай түсетініне сеніміміз кәміл.

Әдебиеттер

Қашқари М. Түркі тілдер сөздігі. Үрімші: Шыңжаң халық баспасы, 1992. 380 б.

冯承钧: 《西域地名》, 北京: 中华书局出版社, 2000年, 345页。

赖洪波: 《伊犁地名史源学的艰难探索》, 伊犁师范学院学报(哲社版), 2013. №4. 35-45页。

赖洪波: 《伊犁历代移民开发与世居民族的形成》, 新疆大学学报(哲社版), 2000. №1. 6-10页。

A. Tursentay

ON THE MEANING OF YILI PLACE NAMES

Place names are the historical and cultural forms which produced in the process of production and life of human society, and they are the most local elements in the history and culture of a certain region. This essay aims at analyzing the origin of the word "Yili" and its records in Chinese books of different periods.

М.Қ. Тұяқбаев

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі

Түркістан қ., Қазақстан

E-mail: Azret-sultan@mail.ru

ҚАРАТАУДЫҢ КҮНГЕЙ БЕТІНІҢ ТОПОНИМИЯСЫ

Қаратау жотасы Жамбыл облысындағы Талас Алатауы етегінен басталып Қызылорда облысының Шиелі ауданы территориясына дейін созылып жатқан ұзындығы 400 км, ені 50-ден 30 км аралаығында ауытқитын тау жүйесі.

Оның күнгей (оңтүстік-батыс) беткейімен тау бұлақтары, қар жауын суларынан құралатын 13 өзен мен жылға ағын түссе, теріскейімен (солтүстік-шығыс) 8 өзен және жылғалар күнгейдегілерге қарама-қарсы, теріс қарай ағады.

Біздің алға қойған мақсатымыз таудың күнгей бетіндегі Түркістан ауданы мен шекарасындағы су көздері, өзеншелер, асулар, тау құздары, ойпаттар, шыңдары, қойнаулары және беткейі мен етегінде кездесетін атаулардың шығу тегіне, яғни этимологиясына назар аудару болып отыр.

Топонимика ғылымының аталуы ежелгі гректердің «топос» – орын, мекен, жай және «онома» – ат, есім, атау деген сөздерінен құралған. Олар бірігіп географиялық атаулардың шығуын және дамуын зерттейтін ғылымды білдіреді. Ал этимология болса, гректің «этимон» – сөздің нақты мағынасы және

«логос» – түсінік, оқу, ұғым, ілім деген сөздерден шыққан, ол тарихи – салыстыру методы арқылы сөздердің шығу тегін зерттейді.

Топонимика жергілікті географиялық, тарихи елді мекен атауларын зерттейтін – топонимия; адам аттары мен тегі, фамилияларынан құралған атауларды зерттейтін – антропонимия; халық, ел, тайпа, ру аттарынан шыққан атауларды зерттейтін – этнонимия; өзен, су, бұлақ, көл, батпақ, құдықтар атауларын зерттейтін гидроним; тау, тас, төбе, шатқал, аңғарлар атауларын зерттейтін – ороним; үңгірлер атауларын зерттейтін – спелеоним; үлкен елдер, аймақтар, құрлықтар, облыстар атауларын зерттейтін – хороним және т.б. салаларға бөлінеді. Мысалы, гидронимнің өзі – теңіз атауларын зерттейтін – пелагоним, көл атауларын зерттейтін – лимоним, батпақ атауларын зерттейтін – гелоним және т.б. бөлінеді (Матюшин, 1996, с. 513–710).

Топонимикалық атаулар осында өмір сүрген түрлі халықтардың тілдерінен пайда болғандықтан оның қалыптасуына мыңдаған жылдар қажет болған. Сонымен бірге, көптеген атаулар ежелгі мағынасын жоғалтып жаңаша түсінікке ие болған. Мысалы, қазіргі Балақорған, Қызқорған деген атаулар бір замандарда көне түркі тілінде Жоғарыдағы қорған және төмендегі – құздағы қорған (Құзқорған) дегенді білдірген. Түркістан жазирасындағы топонимдер арасында сақ-үйсін, дәуірі, Қангүй мемлекеті, түркі, соғды тілдері, оғыз-қыпшақ заманы, араб-парсы тілдері, қазақ-өзбек тілдері мен орыс тіліндегі атаулар да кездеседі.

Мысалы, біздің өлкедегі ең көне атау «Метанкәріз» деген Сауран кіші жазирасындағы (Талап ауылының түбінде) кәріз жүйесі. Мұндағы «метан» сөзі сақ тілінде «қоныс» дегенді білдіреді, яғни, бұл жерде бұрындары (XV–XVI ғғ.) кәріз қазылған тұста осы аттас елді мекен болған және ол атау сонау сақ дәуірінен (б.з.д. VIII–III ғғ.) бері сақталып келе жатуы әбден мүмкін (Ә.К. Ақышев жобасы).

Ал, Яссы, Сауран атаулары ғұн заманынан (I–IV ғғ.) бері сақталып келгені мәлім, олар сол замандарда осында өмір сүрген халықтардың, тайпалардың атынан қалған деп болжам айтады тарихшы ғалымдар (М. Тұяқбаев жобасы).

Топонимияның ішінде елді мекендердің, ауыл, село, қалалардың атауын зерттейтін бөлімін ойконимия деп атайды, ол гректің «ойкос» – үй деген сөзінен шыққан (Салқынбай, 1998, 224 б.).

Аққұз шыңы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – ақ және құз деген сөздерден құралған. Ақ түсті құз деген мағына беретін бұл шыңның биіктігі 1475,3 м. Су көзінен тек жалғыз Шіркейлі бұлағы ғана бар құрғақшылыққа бейім жер. Аққұз шыңы 82-бойлық пен 38-ендіктің қиылысында орналасқан.

Ақшешек бұлағы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи гидроним. Атаудың мәні – шешек, яғни түрлі-түсті жұпар иісті гүл атауынан шыққан, сонымен бірге, қазақ тілінде шешек атты, гүл ашты, бүр жарды, гүл салды, гүлдеді деген, шешегін құлпыртқан бақшалар деген ұғымды білдіретін сөз тіркесі де бар (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 731 б.). Ақшешек те шешек гүлінің бір түрі, осы гүл қаулап өскен бұлақ дегенді білдіреді. 36-бойлық пен 66-ендіктің қиылысында орналасқан Ақшешек бұлағы Суындық өзеніне құяды.

Алыпағаш шыңы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – алып және ағаш сөздерінен құралған. Бұл шың Астамбұла шыңынан оңтүстік-батысқа қарай 4 км жерде орналасқан, етегін ағаш басқандығын қартадан дабайқауға болады, сірә солардың арасында ерекше алып та биік ағаш болған болуы керек. Алыпағаш шыңы 50-бойлық пен 48-ендіктер арасында орналасқан.

Астамбұла шыңы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – астам және бұла деген сөздерден құралған. Мұндағы Астам-өктем, үстем, асқақ дегенді, ал бұла-ешкім бетінен қақпаған, еркін, ерке өскен дегенді білдіреді (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 116 б.). Астамбұла шыңы, яғни асқақ, еркін шың деген мағынада қойылған сияқты. Шынында биіктігі 1244,8 м шың айналасындағы 929,6 м тау жоталарынан астам да бұла болып алыстан көзе түсетін болуы керек. Шың 50-бойлық пен 50-ендіктің қиылысында тұр.

Бажы асуы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – бажы – мемлекеттер арасындағы экспорт үшін алыннатын ақшалай салық. Мысалы «сауда қылам деп, Бажы төлеп қолына қағаз алған адам саудагер құқығын ала алады» (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, 1976 ж. 2.Т. 21 б.). Бажгер – баж салығын алатын адам. Бажыхана – баж салығы алып тұратын мекеме (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 75 б.). Бажы асуы Қаратауда ең көп қолданылған керуен жолының бойында орналасқан, ол теңіз деңгейінен 930,5 м биіктікте тұр. Асуда IV–X ғғ. мерзімделген қоныс қирандысы сақталған, одан әріректе Бажы қорымы орналасқан. Осы Бажы асуынан басталған еңіс жол 37 шақырымнан соң Созаққа жетіп әрі қарай кетеді, бері қарайғы бөлігі 10 шақырымнан соң Үшөзен елді мекені арқылы Сауран, екінші саласы Бозбұтақ арқылы Көксарай бекінісіне жетіп екіге бөлінеді. Бірі Бабайқорған, Шорнаққа, екіншісі Қарнақ, Қарашық, Түркістанға жетеді. Бажы асуы 38-бойлық пен 62-ендік қиылысында орналасқан.

Бакты бұлақ – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи гидроним. Атаудың мәні – бақ (бау-бақша, ағаш) сөзінен құралаған, яғни басына бақ өскен бұлақ, саялы жер деген мағынанын білдіреді. Қазақ тілінде «бақты» сөзінің екінші мәні-бағы артық, бақытты (адам) деген ойды білдіретіні сын есім (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, 1976 ж. 2.Т., 58 б.). Бұлақ 30-бойлық пен 52-ендіктің қиылысында орналасқан.

Бесарық – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи потамоним. Атаудың мәні – Шымылдықты, Сакенсай, Қарабұлақсай, Көкбұлақ, Егізқара сулары бірігіп Бесарық өзенін құрайды. Бұл «Жетісу» атауы сияқты ежелгі замандарда қалыптасқан потамоним (өзен атауы). Аталған өзендер 14-бойлық пен 62-ендіктің қиылысында қосылды.

Бозбұтақ – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи топоним және гидроним. Атаудың мәні – Боз және бұтақ сөздерінен құралған, мұндағы боз атауы осында өсетін боз аршадан шыққан болуы керек. Боз арша-бұта түрінде өсетін мәңгі жасыл, қылқан жапырақты ағаш. Боз сөзі ақшыл, қылаң түсті білдіреді (боз үй, боз ала таң) (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 20, 102 б.). Бозбұтақ атауымен 38-бойлық пен 48-ендікте өзенше және үш елді мекен кездеседі.

Бөріойнақ – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним (тау, тас, төбе, шатқал, сай, аңғарлар атаулары). Атаудың мәні – бөрі-қасқыр, серекқұлақ және ойнақ – бір топ бөрінің асыр салып ойнауы (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, 1976 ж. 2. Т., 425–426 бб.) деген сөздердің қосылысынан пайда болған. Бұл атау Қаратаудың Сауран тұсындағы тау жоталарына берілген. Бұл тау жотасы 12-бойлық пен 68-ендіктің қиылысында орналасқан.

Бүркітті сай – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – өзі айтып тұрғандай бүркітті, яғни бүркіттер ұя салған, қоныстанған сай деген сөз тіркесінен құралған. Бүркітті сай биік тау ішімен өтетін терең сай түрінде сақталған, ұзындығы 10 км-ден асатын құрғақ арна. Оның жартасты қос жағалауы бүркіттер ұя салуға нағыз қолайлы мекен. Сай 06-бойлық пен 50-56-ендіктер қиылысында жатыр.

Дәнішер төбе – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи топоним. Атаудың мәні – С.П. Толстовтың жазуынша, Орта Азияда кездесетін Дәнішер топонимі (Дан-и-шер) парсы тіліндегі Дахан-и-шер «Арыстанның ауызы» (Пасть льва) деген сөздің өзгерген түрі, мұны ол Бирунидің жазбаларынан кездестірген. (Толстов, 1962, с. 22). Түркістанның оңтүстігінде 30-бойлық пен 76-ендіктің қиылысында Дәнішер төбе деген ескі қоныс орналасқан. Үстіңгі құрылыс қабаты XVII ғ. материалдарын берді, толық зерттелмеген. Бұл жерлер қатты сор болуы себепті егістікке ешқашан пайдаланылмаған, соған қарағанда қасында орналасқан Ақтөбе (Текедегі) қаласы сияқты ежелгі дәуір қонысы болуы керек.

Егізқара – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – кейбір карталарда «Егізқора» деп те кездесе береді, алайды тау қойнауындағы бұл алып ойпатта Егізқара бұлағы, Егізқара тау шоқылары, Егізқара қорымы, Егізқара елді мекені т.б. орналасуы бұл жайлардың қадым замандардан бері адамдар мекені болғандығын білдіреді. Мұнда сақ, сармат, сақ-үйсін, кангуй, түркі, оғыз, қыпшақ және кейінгі көшпенділер кезеңдерінің археологиялық ескерткіштері орналасқан. Ойпаттың ені 2–4 км, ұзындығы 14 км, ол 12-24-бойлықтар мен 60-64-ендіктер аралығын алып жатыр. Орта жүздің Тарақты тайпасы Егізқараны отанымыз деп есептейді.

Жайлаушабұлақ – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи гидроним. Атаудың мәні – Жайлаушабұлақ, яғни кішігірім жайлаудағы бұлақ деген сөзден шыққан. Ол 30-бойлық пен 66-ендіктегі көлемі 4 шаршы шақырым болатын тау ішіндегі жазық ойпатта орналасқан, жайлаудың солтүстік-батысында Жайлауша шатқалы орналасқан. Жергілікті халық Ішкі Қаратау, немесе Қойнау деп атайтын мұндай жайлаулар атам заманнан жазғы жайылым ретінде пайдаланылып келген. Бұл қойнауудағы жайылымға да төрт жағынан да келуге болатын жолдар сақталған, бұлақ та ондап саналады.

Жиделіайрық бұлағы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи гидроним. Атаудың мәні – жиделі – жиде ағашы мол өскен және айырық – өзеннің, жолдың т.б. салаланып бөлінетін жері (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. 1974 ж. 1.Т., 121 б) деген сөздерден құралған атау, яғни осы жерге орналасқан бұлақ көзі. Жиделіайрық бұлағы 22-бойлық пен 70-ендіктің қиылысында Қарынжарық тау жотасының етегіне орналасқан.

Жөгі тауы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним, этнопоним. Атаудың мәні – Жөгі және тау сөздерінен құралған. Жөгі-Тама руының бір атасы, негізінен Созақ өлкесін мекен еткен (Қазақ шежіресі, 1994, 152 б.; Сәдібеков, 1994, 122 б.). Жөгілердің бұл тауды қилы замандардан мекен еткенінен хабар береді. Жөгітау жота іспетті. Ол 52-бойлық пен 46-ендіктің қиылысында жатыр. Және бұл тау ішінде сирек кездесетін этнопонимдердің бірі.

Иіркөл – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи лимоним. Атаудың мәні – иір және көл деген қос сөзден құралған. Көрінісі төңкерілгенге «С» әріпін еске түсіретін бұл көл 16-бойлық пен 78-ендіктің қиылысында орналасқан. Ұзындығы 4 км, ені 500 м шамасында, балыққа өте бай көл қоңыраттардың

божбан тайпасының ежелгі қонысы болғандықтан олардың көптеген аңыз-әңгімелерінен белгілі. Ашарлылық жылдары көптеген халықты аман сақтап қалғандығымен аты шыққан.

Кенқалбұлақ – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – Кенқалбұлақ – кен (жер астынан қазылып алынатын пайдалы қазба) және қал (теріде болатын әр түрлі дақ) сөздерінен құралған, яғни қал сияқты кен орны деген мағына береді (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, 1976 ж. 2. Т., 580 б.). Кенқалбұлақ – қал сияқты кен орнына шығатын бұлақ деген сөз, ол 34-бойлық пен 72-ендіктің қиылысынан ағып шығып 4 шақырымнан кейін Суындық өзеніне құяды. Бір замандарда Кенқалбұлақ маңынан кен өндірген деуге негіз бар.

Керегетас шыңы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – Керегетас шыңы Қаратаудың күнгейінен теріскейіне Бажы асуы арқылы өтетін керуен жолының бойына 32-бойлық пен 70-ендіктің қиылысына орналасқан. Оның теңіз деңгейінен биіктігі 1000,8 м. Солтүстік етегінде Кенқалбұлақ және Табанбұлақ су көздері орналасқан. Бұл шыңның орта ғасырларда керуеншілерге жол көрсетуші белгі ретінде қызмет еткендігі белгілі, ол Қаратаудың үстімен өткен Созақ ауданы мен Түркістан ауданының шекара сызығында жатыр.

Киікжал асуы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – киік және жал деген екі сөзден құралған. Бұл Егізқара ойпатына түсетін көне керуен жолының биіктігі 869 метрлік асуы. Арғы жағы тік жар болып келетін бұл тау жотасының теріскей бетін алып Егізқара (тереңдігі 280 м) ойпаты жатыр. Киікжал деп аталуын жергілікті халық киіктің көктемде Арқаға қарай осы асумен көшетіндігімен түсіндіреді. Асу 16-бойлық пен 58-ендіктің қиылысында орналасқан, бұл жерден Егізқара ойпаты алақандағыдай көрінеді. Қазақ киік деп ақбөкенді, қарақұйрықты, елікті айтатындығы мәлім, дегенмен бұл жерде әңгіме ақбөкен жайлы болып отыр.

Қараағаштау – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – Қараағаш және тау сөздерінен құралған. Қазақ тілінің заңына сәйкес ортадағы «а» әріпінің бірі түсіп қалып «Қараағаш» деп аталатын бұл ағаш қуаңшылыққа төзімді, өте қатты ағаш болып есептеледі (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 377 б.). Сірә, тау етегінде қара ағаш көп өсетін болғандықтан осылай аталған болуы керек. Қараағаштау жотасы Біресек өзенінің оңтүстік шығыс бетіне жайғасқан, координаттары: 70-бойлық пен 30-ендік. Биіктігі – 900-966 м шамасында.

Қаракенгір тауы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – қара – биік шоқы (Егізқара, Қара жон, Қара шоқы) және кенгір – басы мең-зең боп айналу, мәңгіру (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 303–376 б.) деген сөз тіркестерінен құралған, яғни бас айналатын биік шоқы (тау) деген мағынаны білдіреді. Қаракенгір тауы 16-бойлық пен 44-ендіктің қиылысында орналасқан, оның солтүстік беті терең құз, өзінің биіктігі 480,8 м, құздың тереңдігі 127 м шамасында.

Қарасайбұлақ – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи гидроним. Атаудың мәні – Қарасай бұлағы – қара (терең мағынасында) және сай сөздерінен құралып түпсіз терең, тұңғиық саймен ағатын бұлақ деген мағына береді. (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, 1982 ж. Т.6., 52 б.) Қарасай бұлағы Бажы асуынан Созаққа өтетін керуен жолының бойында орналасқан. Ол 34-бойлық пен 72-ендіктің қиылысынан ағып шығып 3 шақырымнан соң теріскейге қарай ағып жатқан Суындық өзеніне құяды.

Қасқаша асуы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – Қас – қарама-қарсы, тура алдағы (қас маңдай) және қаша – биік тіреулерге екі басын көлденең өткізіп қоятын ұзын ағаш деген сөздерден құралған ұғым, яғни, қарсы алдындағы биік ұстын сияқты шоқы деген сөз (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 391 б.). Керуен жолы бойындағы биіктігі 936,6 м бұл асудан 15 шақырымға дейінгі жерлер анық көрінеді. Асу 22-бойлық пен 56-ендіктің қиылысында орналасқан. Қаратауда мұндай атау екі жерде кездеседі, екінші биіктігі 1230,5 м тау шыңы.

Құлтанжорас шатқалы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – Құлтан және Жорас деген кісі аттарынан құралған (посессиондық атау). Шатқалда ағаш көп өсетіндігі байқалады, соған қарағанда жоғарыдағы кісілер отырғызып бауға айналған соң және солар ұзақ қоныс еткендіктен осылай аталып кеткен болуы мүмкін. Құлтанжорас шатқалы 40-бойлық пен 52-ендіктің қиылысында орналасқан.

Қызыл шоқы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – қызыл және шоқы деген сөздерден құралған, карталарда «тау» деп жазылғанымен бұл Қаратаудың Шаш анаға келіп тірелетін етегі, биік шоқылар мен жалпақ адырлар жүйесі, шығыс жиегі биік жар болып келеді. Қызылшоқы тауы 6-12-бойлықтар мен 40-50-ендіктер арасын алып жатқан алып тау жүйесі. Шоқы сөзінің мәні- биік жота, төбе дегенді білдірсе де бұл жүйе тектоникалық қозғалыстан пайда болған тау құрылымы.

Қызылдегерес шатқалы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – қызыл және дегерес сөздерінен қалыптасқан. Дегерес дегеніміз – тауларда, кейде жазық далада көп кездесе беретін домалақ, тақия төбелер (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 149 б.). Алайда, бұл жердегі Қызылдегерес төбе аты бүткіл шатқалға беріліп кеткен, ол 42-бойлық пен 56-ендікте орналасқан.

Мақұмдоңғал тауы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним және посессиондық атау. Атаудың мәні – Мақұм деген адам есімі мен доңғал сөздерінен құралған. Доңғал деп дөңес жерді айтатыны белгілі (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 156 б.). Мақұмдоңғал тауы шыңында онша биік емес – 843,9 м, айналасындағы 621,2 м тау жоталарынан доңғал-дөңес сияқты дүңкиіп, ерекшеленіп тұратын болуы керек. Мақұм деген адам не ру атасы қоныс еткендіктен солай аталуы мүмкін. Мақұмдоңғал тауы 42-бойлық пен 42-ендіктің қиылысында орналасқан.

Мибулақ – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – Мибулақ – мый және бұлақ деген сөздерден қалыптасқан тау шыңының аты. Адам мыйына ұқсас түрде болғандықтан солай аталған, оның биіктігі 717,6 м, шың 18-бойлық пен 68-ендіктің қиылысында орналасқан.

Мұзбел жотасы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – мұз және бел деген сөздерден құралған. Атынан көріп тұрғандай бұл жотадан қыста да, жазда да асып өту мүмкін болмаған. Картадан да керуен жолдарының бұл белді оңтүстік-шығысынан айналып өткенін көреміз. Ауданымызда тағы бір Мұзбел деп аталатын дөңес жер Отрабаттан Иқанға барар жолда кездеседі. Мұзбел жотасы 34-бойлық пен 48-ендіктің қиылысында орналасқан.

Сарымсақсай бұлағы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи гидроним. Атаудың мәні – Сарымсақсай бұлағы – атынан көрініп тұрғандай сарымсақ өскен сайдағы бұлақ деген сөз тіркестерінен құралған. Сарымсақ деп мұнда чесноқты айтып тұрған жоқ, тау беткейлерінде өсетін ұзынша ақ сүйрікті жабайы өсімдік, жуа, пияздың бір түрі (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 558 б.) жайлы әңгіме болып отыр. Бұлақ 28-бойлық пен 56-ендіктің қиылысында орналасқан, оның суы 6 шақырым ағып барып Үшөзенге құяды. Сарымсақтың өзі бүгінде сирек кездесетін, эндемит өсімдік болып табылады.

Суындық – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи потамоним. Атаудың мәні – Суындық өзені деген атаудың түбірі «суындық» – «салқындады» деген сөзден шыққан. Мұндай атауларды микропонимия, яғни жергілікті халыққа ғана белгілі атаулар дейді. (Матюшин, 1996, с. 246) Суындық өзені 34-бойлық пен 68-ендіктің қиылысында басталып Созақ жеріне қарай ағып жатыр. Өзен бойымен Бажы асуынан өткен керуендер орта ғасырларда үздіксіз жүріп жатқан. Осы жолмен теріскейдің малы күнгейдің базарына айдалып келіп отырғанын жергілікті халық аңыз қылып айтады.

Тайбике жотасы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним және посессиондық атау. Атаудың мәні – тай – тең, көлемді бума, байлам (отыз тай жібек) және бике әйелді құрметтеп атау деген ұғымдардан құралған атау. (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 100, 606 б.). негізінен Тайбике – ірі денелі, немесе бір тай жібектей қымбатта сұлу, жас, шыққан жері текті әйелдің есімінен де туған атау болуы мүмкін. Мұндай атауларды топонимикада посессиондық, яғни адам атынан, фамилиясынан шыққан атаулар дейді. (Энциклопедический словарь в двух томах, 1964, с. 513, 710). Тайбике жотасы 22-бойлық пен 58-ендіктің қиылысында орналасқан (Матюшин, 1996, с. 245–246).

Талмас тауы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – талмас сөзінен, яғни шаршап-шалдықпау, тынымсыз еңбек ету, әрекеттену деген мағына береді (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 612 б.). Шын мәнінде таудың Созақпен шекарадағы бұл бөлігі ирек-ирек кең алаптар, биік емес адырлар, қаптаған бұлақтардан тұратын ішкі Қаратаудың ең бір малға жайлы тұрағы болып табылады. Мұнда жүрген адам ешбір талып шаршамайды, сондықтанда Талмас тауы деп аталған сияқты. Ол 46-бойлық пен 62-ендікте орналасқан.

Тамғалытас – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи гидроним. Атаудың мәні – Тамғалытас бұлағы, яғни тарихи бір замандарда адам қолымен тасқа салынған суреттер – петроглифтері бар тас түбіндегі бұлақ дегенді білдіреді. Адамзат алғашқы петроглифтерді 50 мың жыл бұрын-ақ сала бастаған, Қазақстан да петроглифке аса бай өлке деп есептеледі. Олар тас ғасырының, қола, ерте темір, түркі дәуірлері деп бөлінеді. Қаратау петроглифтерге аса бай өлке, мұнда 1000-ға жуық жерде олардың топтамалары кездеседі. Тамғалытас бұлағы 24-бойлық пен 70-ендіктің қиылысында Үшайрық шатқалына жақын орналасқан.

Тегістік шыңы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – тегістік, яғни үсті тегіс келген тау шыңы дегенді білдіреді. Бұл Аққұз тауларының бір сілемі, анығы оның оңтүстік батыс бөлігі. Тегістіктің биіктігі 1443,8 м, ол 40-бойлық пен 68-ендіктің қиылысында орналасқан. Тау төбесінің тегіс болып келуі сирек те болса кездесетін құбылыс.

Төбекұдық жотасы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – төбе және құдық сөздерінен құралған, яғни төбедегі, биіктегі құдық деген мағына береді. Жотаның солтүстік бетімен мал айдап өтетін кең де ұзын ойпат өткен, бірақ мұнда суы аз Ақсай бұлағынан басқа су көзі жоқ, сондықтан мал суару үшін құдықтар қазылған сияқты. Төбекұдық жотасы 50-бойлық пен 52-ендіктің қиылысында орналасқан.

Ұралы шатқалы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – ұра сөзінен шыққан. Оның екі мағынасы бар: 1. Жерден қазылған, астық сақтайтын, жасырын жабық көмбе; 2. Адамның,

жан-жануарлардың денесіне шыққан шығу, томпақ ісік, бұлтық, ал Ұрала сөзі – ұра қылып тереңдетіп қазу дегенді білдіреді (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 685 б.). Біз осы Ұрала сөзінен Ұралы шатқалы, яғни, көптеген қолдан қазылған орлар, жыралар бар шатқал дегенді білдіретін атау дегенді қолдаймыз. Бұл атау бір замандарда мұнда адам қолымен қазылған көптеген көмбелер, немесе аңшылық кезінде пайдаланылған орлар, қамаулар болғандығын байқатады. Ұралы шатқалы 32-бойлық пен 70-ендік қиылысында орналасқан.

Үшайрық – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – Үшайрық жотасы түбінен шығысқа қарай Тамғалытас, оңтүстікке қарай Жолдыбозсай, батысқа қарай Көкбұлақ шатқалдары арқылы осы аттас сулар ағып шығады. Бұлардың солтүстігінде Үшайрық жотасы орналасқан, оның биіктігі 804,9 м. Жота 24-бойлық пен 70-ендіктің қиылысында жатыр. Көкбұлақ шатқалымен Созаққа қарай орта ғасырларда керуен жолы өткен.

Үшөзен – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи топоним және потамоним. Атаудың мәні – Сарымсақсай, Бақты, Жамантас өзендері бірігіп Үшөзен деп аталатын арнаны құрайды. Осылардың бірігетін тұсына жақын 32-бойлық пен 54-ендіктің қиылысында Үшөзен елді мекені орналасқан. Бұл ежелгі керуен жолы бойында жатқан тарихи орын.

Шайтекше тауы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – шай және текше деген сөздерден құралған. Шайы түсінікті, текше деген тақта деген мағына беруі тиіс, бұрындыры «тақташай» деп аталатын, престелген тақта сияқты шай (Қытай шайы) көп таралған. Қалаған тақташайды еске түсіретін қатпар-қатпар тау жыныстарынан тұратын болған соң осылай аталған сияқты. Шайтекше тауы Қантағы өзенінің оңтүстік-шығыс жағалауына созыла орналасқан. Ол 74-бойлық пен 24-ендікте жатыр.

Шолақсеңгір адыры – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи ороним. Атаудың мәні – шолақ және сеңгір деген қос сөзден құралған ороним (тау, төбе, адыр шатқал атаулары), мұндағы шолақ сөзі қысқа дегенді, ал сеңгір – зәулім, биік заңғар дегенді білдіреді. (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 568 б.). Шындығында Төрткүл-Қаражон қонысының оңтүстік-батысына қарай орналасқан бұл қырат көзге ерекше түседі. Шолақ сеңгір адыры 06-бойлық пен 38-ендіктің қиылысында орналасқан.

Шығыр арығы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи гидроним. Атаудың мәні – Егістікке су шығару үшін жасалған, су жүретін науасы бар қарапайым механикалық құрал, ол төмендегі суды жоғарыға (2 м-ге дейін) көтеруге мүмкіндік береді. Шығырдың екі түрі бар, бірі өзен ағысының күшін пайдалану арқылы, екіншісі өгіз, ат, есек не түйе жеккен шығыр бел ағашының жәрдемімен ортадағы ұстын ағашты айналдырып, тісті механизм арқылы шығыр дөңгелегін қозғалысқа келтіру. Шығыр арығы Бесарық өзенінің суынан қоректенген, ол 02-бойлық пен 40-ендіктің қиылысында бастау алады. Кәріздер сулары да шығыр арқылы жоғары шығарылған.

Шымылдықтыбұлақ – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи гидроним. Атаудың мәні – шымылдықтық – төсек тұсын жауып қоятын матадан тігілген қалқан атауынан туған (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 749 б.). Шымылдықтыбұлақ, сірә қалың ағаштан қалқан сияқты қорғаны бар су көзі сияқты. Бұлақ Егізқара ойпатына жақын орналасқан, оның суы Бесарық өзеніне құяды. Шымылдықтыбұлақ 10-бойлық пен 62-ендіктің қиылысындағы су көзі. Атау жергілікті жерге ғана тән микропоним болып табылады.

Шырқорғаната бұлағы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи гидроним және посессиондық атау. Атаудың мәні – Шырқорған және ата сөздерінен құралған, атына қарағанда исламды, сопылықты уағыздаған тұлғаның атынан шыққан сияқты. Бұлақ басында мекен еткендер қорған салып, сонда тұрған деуге негіз бар. Қаратаудағы Жылағаната, Иреката сияқты т.б. осындай посессиондық атаулардың бірі – Шырқорғаната. Бұлақ 56-бойлық пен 50-ендікте орналасқан, ол төмен қарай ағып, Тасбұлақтың суын қосып алып Аққалпын жылғасына құяды, ұзындығы 9 км.

Ырғайлы сай бұлағы – Қаратаудың күнгейіндегі тарихи гидроним. Атаудың мәні – ырғай және сай сөздерінен құралған. Мұндағы ырғай-жыңғыл, тобылғы тәрізді топтасып өсетін, қоңыр сұр қабықты түзу жіңішке бұта. Ырғайлы, яғни ырғайы көп қалың өскен (Қазақ тілінің сөздігі, 1999, 760 б.). Ырғайлысай бұлағы 50-бойлық пен 56-ендіктің қиылысында Төбекұдық қыратының солтүстігімен ағады.

Әдебиеттер тізімі

- Қазақ тілінің сөздігі. Алматы: Дайк-пресс, 1999. 776 б.
Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Т. 1. Алматы: Қазақ ССР-нің «Ғылым» баспасы, 1974. 695 б.
Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Т. 2. Алматы: Қазақ ССР-нің «Ғылым» баспасы 1976 ж. 695 б.
Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Т. 6. Алматы: Қазақ ССР-нің «Ғылым» баспасы, 1982 ж. 623 б.
Қазақ шежіресі. Алматы: Атамұра – Қазақстан, 1994. 160 б.

Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М.: Просвещение АО «Учебная литература», 1996. 303 с.
Салқынбай А., Абақан Е. Лингвистикалық түсіндірме сөздік. Алматы: Сөздік-Словарь, 1998. 420 б.
Сәдібеков З. Қазақ шежіресі. Ташкент: «Узбекстан», 1994. 143 б.
Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Издательство восточной литературы 1962. 290 с.
Энциклопедический словарь в двух томах. Т.2.М. «Советская энциклопедия», 1964. 736 с.

М.К. Туякбаев

TOPONYMY OF THE SOLAR SURFACE OF KARATAU TOPONYMY OF THE SUNNY SIDE OF THE KARATAU RIDGE

This article focuses on the toponyms, friendly relations of the settlements on the Kungai surface of the Karatau, the sources of water, the rivers, the passes, the mountain ridges, the lowlands, the peaks, the gorges, and the names of the names found on the slopes and foothills of the Turkestan region and in the southern part of the Karatau. It also shows the names of the names of toponyms.

Ж.А. Шәйкен

ҚР Мемлекеттік Орталық музейі

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: outlaw.outlaw@mail.ru

ҚАЗАҚТЫҢ ДӘСТҮРЛІ ТҰРҒЫН ҮЙ ҚҰРЫЛЫСЫ ХАҚЫНДА

Дүниежүзі өркениетінің құрама тарауы болып табылатын Ұлы дала көшпелілер мәдениетінің халықтық дәстүрлі тұрақты-жай, қыстақ, үлкен-кіші елді мекен, қала тұрғызу күрделі құрылыс ісі бүгінгі күнге дейін біркелкі зерттелген емес. Ежелден бері мал шарушылығы мен отырықшы егішшілік мәдениетінің тұрмыстық шаруашылығына байланыстыжылы жай құрылысына зор мән берген. Сол заман адамның тұрмыс-тіршілігіне қажетті, әрі жауын-шашыннан, қыста аяздан паналауға арналған орын ғана емес, ол өзінің отбасымен бірге тұрмыс-тіршілік ету үшін де, қол жетімді табиғи *ағаш, топырақ, саз балшық, өзен-сулар тұнбасын, көлдің сорын, қамыс, ши, шым, тас және т.б.* құрылыс материалдарды қолданыпкүрделі тұрақ-жай тұрғызып дағдыланған (Джанибеков, 1990, с. 224).

Мысалға, ежелгі перғауындар заманындағы Мысыр сәулетшілері үй құрылысында шикі кірпіш, ақтас (известняк), алебастр, ак (известь), тіпті, Рамсес II өз билігі кезінде, құлдықта болған жүйдтерге Ніл өзені тұнбасын алғызып, оған құм жіне сабан араластырып кесек кірпіш соқтырған екен. Кірпішті сегіз күн күннің көзіне күйдіріп барып, біздің киіз үй іспеттес, дөңгелектеп, тандыр пошымды үйлер соғуға қолданған дейді (Пьер Монте, 1989, 161-162 бб.). Сондай-ақ, сол елдің құрылысшылары көлдің тұнбасына (сор) сырық (сайғақ) батырады да, ағашқа жабысқан батпақты алып кірпіш соғады деп мәлімдеген антика тарихшысы Геродот (Геродот, 972, 123 б.).

Ғалымдар мен мамандардың сипаттаулары бойынша, қазақ жерінде, адам тұрғызған тұрақты баспаналары жайында палеолит, мезолит, неолит, қола дәуірлерінен бері белгілі болған. Сол кездегі адамдардың алғашқы тұрғын жайларының бір түрі, дөңгелете тік қадалған бөренеледен тұрғызылып, оның төбесі шошақ шатыр іспеттес жабылып, ағаш сырықтары тұтастыра біріктіріп байланған және ұшар басына тұтын шығу үшін ашық ойық қалдыратын болған. Тұрақтың тағы бір түрі, тұрғызылатын үйдің ірге пішіні көлемімен бел бойлап, ойып қазылған төртбұрышты шұңқырға ағаш сырықтардан тігінен тіреп тұрғызылған шатыр төбежабынды үстінен бұтақ, қамыс, шөп төселіп, топырақпен бастырылып жабылады. Баспананың қақ ортасында тас ошақ ұймдастырылып, төбенің ұшар басынан түтін шығатын әрі жарық түсетін шаңырақ іспеттес ашық ойық қалдырылады. Тұрғын үйлердің едендері шикі кірпішпен қаланған қазақ сікілеріне ұқсайтын, бір шынтақ биіктікке (30-40 см) көтерілгені байқалады. Кейбір тұрақты баспаналардың еденіне бөрене, қамыс, ши, немесе сабан төселген делінген. Оның үстіне сырмақ, басқа да киіз төсеніштер немесе мал терілері төселеді деседі. Тағы бір ден қоярлық жағы, ол қола дәуіріндегі тұрғын жайлардың (үй және шаруашылық құрылыстары) *алқа-қотан* үлгісімен орналастырылғаны археология зерттеулері материалдары айқын көрсетеді (Марғұлан, 1959, 60, 63 бб.).

Тағыда үй тұрғызу жағдайда қолданылатын тәсіл, ол алдынала тегістелген жерге үйдің іргетасы ретінде ірі тақта тас төселеді де, оның екі ішкі және сыртқы жақтары тігінен тақта тас қойылады, ал төселген тастардың үстіне ұзына бойы ағаш жиектеме салынып, оған шатыр төбенің ағаш сырғауылдары тіреліп қойылады. Төбежабынның ортасы бірнеше ағаш діңгектермен тіреліп, үсті

камыспен жабылған. Мұндай құрылыстың сырт пошымы киіз үйге ұқсайды (Агапов, Кадырбаев, 1979, с. 52).

Ботай мәдениеті заманындағы тұрақты үй құрылысы үлгілері жайында археологиялық зерттеу материалдарынан кездестіруге болады. Ботай мәдениетінің құрылысшылары тұрақ жай тұрғызу ісіне балшық, тас, ағаш қолдануды машықтанып алғандары байқалады. Үй құрылысының қабырғасының ірге табанын салуға, алдымен бір метрдей қазаншұңқұр қазып алады. Содан кейін, үйдің сфераконустық және шатыр күмбезді төбежабындысы бар, ұзындығы 3-4 м., бөренелермен және сырғауылдармен қалап шығу ең жауапты іс болған сияқты. Көлденең жатқызып өрілген ағаштың биіктігі 12-16 қатардан тұрған екен. Сондықтан, төбеліктің іш жақ еңсесі 3-4 м. биік болған. Ал, қазаншұңқырда орналастырылған қабырғаның биіктігі 1,40-1,50 м. құраған жәнәмұндай баспана үлгісінің шошақ күмбезді ағаш төбежабыны еш бекіткішсіз, шегесіз тұрғызылған болған (Зайберт, 2009, с. 271).

Жалпы бұл тұрақты баспаналарды археологиялық қазба жұмыстарының материалдары нәтижесінде сипатталып қайта жаңғыртып қалпына келтіруге қарастырған жағдайда, олар қазақтың дәстүрлі *белдеу үйі, қамба, төбелітам, шошақ күмбезді шошала* құрылыстары іспеттес болып келетіндері шынайлық деуге болады. Тұрақты баспана тұрғызу ата-бабаларымыздың ертедегі жеркепе, жертөледен бөлек, жер үстіне салынған үй-жай құрылыстарының алғашқысы киіз үй пішініне ұқсайтын болып, ол *шошала* деп аталған екен. Қазақ ғалымдарының ғылыми еңбектерінде – қазақтардың қыстыгүні тұратын үйлерінің көбісі киіз үйдің формасын сақтаған дейді. Олардың өте ертедегі үйлердің бір түрі *тошала* деп аталатын болған (Марғұлан, 1959, 68, 79 бб.; Жәнібеков, 1995, 40 б.).

Шошала – киіз үй іспеттес шеңберлі келген, бір бөлмелік, шошақ (конус) төбелі немесе домалақ күмбезді баспана құрылысы болған. Мұндай, *шошала* баспана түрі тал-шыбықтан *шарбақ* тоқып немесе *ағаш, шым, тас, қамыс, саман, пахса* қолжетімді құрылыс материалдарды қолданып тұрғызылатын болған (Марғұлан 1959, 76 б.). Айта кетерлік жайт, Жетісу өңірінде үй-жай, қора-қопсы құрылыстарына балшық басып, оның інін қандырып қолмен жұмырлап соғылған жұмбаз, жұмыр кесек алдында айтылған «*пахса*» дегеніміз – *қойбас* деп аталады (Культура и быт казахского колхозного аула, 1967, с. 96).

Ал, киіз үй іспеттес тал-шыбықтан дөңгелете шарбақтап тоқылған шошаланы *шарбақ үйі* деп те атай береді. Орманды, ағашы баршылық мол жерде, бөренелерден қиюластырып, төртбұрышты немесе алты бұрышты *шошала* тұрғызатын болған. Қамыс, шілік немесе жіңішке шыбықтан айкастырып тоқылған және іші-сырты саз балшықпен сыланған тұрақты шошаланың құрылысын *доғара* деп те атайды. Бұлардың да шошақ төбесі буылған қамыспен жабылған. Кейіннен, шамамен XVIII-XIX ғғ. *шошала / тошала* тұрғын үй күйінен ауысып, тұрмыс-тіршілік шаруашылығына арналған етқана, омақа, ас-тағам немесе құрал-сайман сақтайтын құрылыстардың қызметін атқаратын болған (Джанибеков, 1982, с. 9).

Оңтүстік Қазақстан және Жетісу өңірлерінде көбінесе қаңқасы ағаш сырық-сырғауылдан тұрғызылып, оның аралығы *қойбаспен* (жұмбаз, пахса) немесе *шоммен* (бауланған қамыс) толтырылып салынады. Сонан соң қабырғалардың іші-сырты сабан қосылған балшықпен сылақтанады.

Солтүстік және Орталық Қазақстанда малқоралар тұрақты баспаналармен қосалқы тіркестіре салынатын болған. Кейіннен бұл тұрақты баспаналар, қыстың орасан суық болатынына байланысты, қора жағынан бір есіктен кіретін үлкен қыстау құрылысына айналған. Мұнда тұрғын үй мал қоралардан *сенек* арқылы бөлінетін болған. Мысалға, Павлодар уезінде XIX ғ., Ресей патшалығы отарлау саясаты барысында, қаруландырылған орыс казактары басып алған жерлерде өздерінің қоныстарын (станица) тұрғызып алғаннан соң, жергілікті қазақ халқы, тек қыстауға ғана құқылы болған. Кейбір қазақ ауылдары мал жайылымы үшін Ертіс жағалауындағы орыс казактарының жерлерін күздеу, көктеулік жайылым үшін жалға алып отырған.

Күздеуде қыс түскенше отырғандықтан мұндай уақытша баспананы *келте қыстау* деп атаған. Тағы бір уақытша тұрғызылатын тұрақты үй *қақыра* деп аталады. Қақыраның қабырғаларын көтергенде төрт бұрышынан бағана орнатып, олардың аралығын көлденеңінен белдеу сырықтарды байлап бекітіп қояды. Мұндай құрылысты бой қамысты откөрмелеу арқылы тоқып немесе бағаналардың аралығына тігінен тізіп бумалап, белдеуін талмен, әлде шілікпен бұрап, іші-сыртын *сабан* немесе *шөп* және *жылқының бопайын* саз балшыққа қосып, сылаған соң әктейді. Мұндай сапалы сылақты жауын-шашында езіліп кетпейді де, әрі жарылмайды. Жалпы мұндай қоспа сылақты қолдануы түркі тілдес халықтарында жиі кездеседі

Тұрақты баспананың ең кеңінен тараған *шым үйі, соқпа там, саман үйі, ағаш үйі, тас үйі* немесе *үйтас* аталатын түрлерінің құрылысында өзіндік ерекшеліктері бар (Тәжімұратов, 1977, 22 б.). Мысалға, көшпелі ортада тұрақты қыстық мекенжайлардың – *жертөле, жеркепе, жер үйі, қазба*

үйсекілді баспана түрлері, адам бойынан асыра, қазаншұңқыр қазылып төбесі ағаш, тал, бұта, шым, топырақ төсеп жабылады. Ал, қолданған құрылыс материалдарына қарай аталатынағаш үй, балшық үй, жаң үй, шым үй, тас үй, саман үй, соқпа немесе ұрма там, кірпіш үй, шарбақ үй, доғара, шом үй (қамыс үй) дейтін түрлері болған. Сазды топырақты суға езіп иіні қандырылған лай балшықтан соққан үй соқпа там немесе жаң үйдеп аталады. Соқпа тамның қабырғаларын тұрғызғанда, балшықты қорама қалыпқа (опалубка) салып ұрып соғу үшін «соқпатас» (тоқпак) деп аталатын құралды қолданады.

Мысалға, Батыс Қазақстан облысының Жаңа Қазан ауылында, XIX ғ. Жәңгір ханның әйелі Фатиманың тапсырысы бойынша, бір қабатты және екі қабатты үйлер салынған. Бұл үйлердің құрылымы өзіндік ерекшеліктермен тұрғызылғаны анықталды. Қалың соқпа қабырғалары іретасынан бастап, яғни қабырға қаландысының төменінен жоғарыға қарайағаш байламдармен (аралығы 80 – 100 см.) шегенделіп бекітіледі де, үйдің сырты сол шеген байламдар арқылы, ағаш тақтаймен қапталған. Сондай-ақ, төрт құламалышатыр төбежабынына да тақтай төселген. Сол заманның мұндай тұрақты үй құрылысы үлгілері бүгінгі күнге дейін қаз қалпында, біркелкі бой көтеріп тұр.

Қазақтың халықтық дәстүрлі құрылыс мәдениетінде тұрақты баспаналардың архитектуралық-жобалау шешімдерінің бірнеше үлгілерін, яғни қоржын үй, тоқалтам, тіркеспе, балаханалы үй және т. б. кездестіруге болады. Мысалға, тұрақты үйдің екінші қабатындағы балалардың тұратын бөлмені балахана деп атайды (Оңдасынов, 1974, 44 б.). Оңтүстік өңірінің қазақтары қос қабатты, балконы бар тұрғын үй ғимаратын балаханалы үй дейді. Сондай-ақ, балконы бар қос қабатты үйдің үлгісі, Қазалы қаласында тұрғызылған. Оны осы аталмыш қаланың тұрғыны Ғани бай өз отбасына салғызған дейді (Джанибеков, 1990, с. 230). Мысалға, Оңтүстік Қазақстан облысы, Түркістан ауданы, Қарнақ ауылының тұрақты баспаналарындағы бір бөлмесіекі қабатты қылып тұрғызылып, төменгі бірінші қабаттағы бөлме қойма ретінде, ал жоғарғы бөлмесі балаларға арналған көрінеді (Жилина, 1982, с. 145). Түркітілдес қырғыз, өзбек, әзірбайжан, түркімен және т.б. халықтарының құрылыс мәдениетінде, балконы бар қос қабатты үйдің жоғарғы қабатын балахана, дейді, ал ғимараттың өзін балаханалы үй деп атайды (Қырғыз, 2016, с. 161; Туркмены, 2016, с. 234; Азербайджанцы, 2017, с. 266, 660).

Айтарлық, XIX ғ. соңында, құрылыс шебері, торғайлық Аймағамбет ұста (1845–1918) өзіндік ерекшеліктерімен әсем, әрі күрделі тұрғын үйлер салуымен өмір кешкен. Ол, Торғай өңіріне танымал болған ұста, өз қолымен кірпіш соғуды, оны күйдіруді жан-жақты жақсы меңгерген кәсіпқой шебер болған. Ел ауызы айтуынша, ол шымнан, саманнан (қам кесектен), күйдірген кірпіштен тұрақты үй-жай, тағы басқа да ғимараттар салумен айналысқан. Соның бірі, бай қазақ Мұқаметжан Бүркітовке, 1912 жылы, Қоғалыкөл қыстағына, күйдірілген кірпіштен салып берген тіркеспе, бүгінгі күнге дейін сақталған күйінде, аудан орталығы Амангелді ауылына көшіріліп қалпына келтірілгеннен соң, сол қалпында бой көтеріп тұр. Бұл аталмыш үйде, 1916 ж. қараша айында, ұлт-азаттық көтерілісі басшыларының кеңесі шешімімен (Әбдіғаппар Жанбосынұлы және тағы басқалары), Амангелді Иманов «сардар» шеніне сайланған. Аймағамбет ұста, бүлтір кеспені шикі кірпіштен тұрғызып, оның сыртын күйдірілген кірпішпен көмкеріп (кірпіш соққан да, күйдірген де ұстаның өзі) тұрғызғанда құрылыстың сыртқы бұрыштарын пилястралармен, ал қабырғалардың ортасын пилондармен әсемделгені белгілі. Ал, қабырғалардың сыртқы бұғаттары оймышты қалыппен құйылған өрнекті кірпіштерден құрастырылған құр үйлесімін тапқан, ол оймыш қышпен әрлеуді бұғаттама құр белдеулері деп аталады (Жәнібеков, 1995, 49, 55 б.; Шайкен, 2010, с.175).

Сондай-ақ тұрақты үй-жай құрылыстарының үлгілері, Ұлытау өңірінде Бозтұмсық ауылы маңында орын тепкен қыстауда Қасен Қасқабайұлының табиғи тақта тастан тұрғызылған тіркеспе үйі және негізгі құрылымы шикі кірпіштен өріліп, оның сырты күйдірілген кірпішпен көмкерілген Қалманбайдың үйі. Тағы бір тұрғынжай үлгісі, XIX ғ. белгісіз құрылысшының соққан Ахмет пен Сәдібектің үйі тастан қаланып, ал қабырғаның сырты күйдірілген кірпішпен қапталған көрінеді (Жәнібеков, 1995, 44,53 бб.).

Кейбір өңірлерде, үй қабырғасын балшықтан соғу үшін тақтайлардан құрылатын жақтаулардан қабырға қалып (опалубка) жасап, ішіне батпақ құйып, тұтас бітеу қабырға тұрғызып жасалатын үйдіде балшық үй немесе жаңүйдеп те атайды. Жаң үй – баспана құрылысында саз балшықтан жұмарлап қалыпсыз соққанүйдің атауы. Топырақпен сабанғасу құйып иленген батпақ, лайды төртбұрышты қалыпқа құйып дайындалған кесек кірпіш саман кірпіш (қамкесек, кесек, шикі кірпіш) деп аталады. Саманкесек немесе шикі кірпіштен тұрғызылған тұрақты жай құрылысы саман үй деп айтылады. Айта кетерлік жайт кейде, саман үй дымқыл тартпас үшін, оны көтермей тұрып, алдымен қабырға енімен бірдей, ұзына бойы ор (траншея) қазып оның ішіне қамыс төселеді, сонан соң қана кірпіш қалау жұмысы басталады.

Сарыарқа қазақтарының қыстаулары ашық жазықта болғандықтан қыстың қатты дауылды бораншашындарынан қорғау үшін тұрғын үйлерін және малқораларын дуалмен қоршаған. Қатты боранда

қыстауларды қар баспайтындай әрекет жасап, дуалды шымнан, кесектен соғып, тасты жер болса тастан, орман-тоғайлы жерде ағаштан, өзен-су бойында қамыстан тұрақты әрі күрделі етіп салған. Кейде, құрылыс материалдарын дайындау қиынға соғатын болса, ол кезде уақытша дуалды қардың өзімен қалап шығады. Қазақстанның кейбір аймақтарында Ү. с.-мен қатар дуал құрылысын басқа *шым, тас, саман, т. б.* қол жетімді құрылыс материалдарын пайдаланып көтерілген қоршауларды көне түркі заманнан бері *там* деп атайды (ДТС, 1969, с. 529; Қартаева, 2015, 208 б.).

Қазақтың дәстүрлі тұрақты тұрғын үйлері қос бөлмелі – *жабы* немесе *тоқалтам*, үш бөлмелі – *қоржын үй*, ал бөлмелері тіркестіре орналастырылып салынғандар – *тіркеспе* деп аталады (Жәнібеков, 1995, 52 б.). Үш бөлмелі, кіреберісі ауз үйден тұратын оның екі жағындағы жеке бөлмелері бар «қоржын үй», кейде шаруашылық және тұрмыстық ыңғайына қарап мал қорасы, омақа қоймалары қосалқы тіркестіріле салынады. Итарқалы төбежабыны бірге тұтас жабылады. Қоржын үй тұрғызу үшін құрылыс материал ретінде *шым, саман (шикі кірпіш, қамкесек деп те атай береді), тас, ағаш, қамыс, тал т. б.* қол жетімді материалдарды пайдалана береді. Үй қабырғаларының сырты саз балшыққа жылқының бопайы қосылған сылақпен сылайды. Одан кейін әкке (известь) тұз қосып әктеледі. Ал үйдің іш жағына саз балшыққа қазоты қосылған сылақ қолданылады, сонан соң әктеледі. Сонымен қатар Ертіс бойының қазақтары қара күзден бастап отыратын келте қыстау сияқты қам кесектентұрғызылған *белдеу үй* деп аталатын қыстық баспаналарында тұратын болатын (Қартаева, 2015, 206 б.).

Жалпы қазақтың қыстауында тұрғызылған төбесі итарқалы немесе итарқасыз жайпақ (жалпақ) аласа тоқалтамды, қоржын үйді, тіркеспені *қазақы үй* деп атайды. Баспана салу ұғымы *үй соғу, там соғу* деген синонимдермен айтыла береді. Кең мағынада *үй-жай* ұғымы тұрақты баспана мен *қора-қопсы, қамба, омақа, түнек* сияқты қосымша құрылыс нысандары да айтыла береді. Қыстаудың құрамындағы жабық *мал қоралар, лапастар* мен *қамбалар*, тұрақты ауылдардағы әр отбасының меншігіндегі құрылыс кешендері (*тұрғын үй, қора, қамба, омақа,*) *қыстақ* ұғымымен ұштасады.

Қазақұлт мәдениетінде, тұрақты баспана тұрғызу ісі, ежелгі заманнан бері жалғасып келе жатқанхалықтық дәстүрлі құрылыс өнерінің құрайтын бөлімі болып табылады. Қазақ даласында қолжетімді құрылыс материалдары ретінде *шым, қамыс, табиғи тас, ағаш, тал, сазбалшық, ақ балшық (известь), табиғи гипс ганыш (алебастр), саман (қам кесек немесе шикі кірпіш),* күйдірілген қызыл кірпіш (*қыш*) және т.б. пайдалы заттарды, қазақы ортада қолдануы байырғы заманнан бері қалыптасқан еді. Құрылыс ісінің шеберлері, оларды өндеп қажетіне ұқсатуды ерте кезден-ақ игерген. Баспана тұрғызу құрылысында қабырғалар қаландысы түрліше әдіс-тәсілдермен өріледі – «екібасар», «өріп қалау», «сүкпа», «оймыш қалау», «таңдай тіс», «қызып қалау», «кертпеш», «дандана», «ара тісі», «бұғаттама құр» т.б. Қазақ құрылысшылары түрліше қалыппен күйылған және күйдірілген кірпіштер өрнектермен безендіріп, жазулар жазып, үй, кесене, мешіт, медресе, сардоба және т. б. құрылыс нысандарды әрлеп, барынша жетілдіріп білді (Меңдіғұлов, 1959, 159 б.; Шайкен, 2009, с.110).

Қазақтың дәстүрлі тұрақты баспана құрылысында төбесі итарқасыз немесе шатырсыз жайпақ салынған аласа, жатаған үй – «*жабы*» деп аталады. Тіпті, тұрақты баспана орнына пайдаланған жұпыны кепені, шағын кішкене келген лашықты – «*заңдем*» деп те атайды (ҚӘТІС, 2007, 498 б.; ҚӘТІС, 2007, 77 б.). Көбінесе қазақтың қыстауындағы үй төбесінің арқалығы (белағаш, мәтке, қары) көтеріңкі келтіріп, үстіңгі жазық келген төбесін көтеріңкі итарқалап жасалмаған үйді *тоқал там* немесе *жабы* деген атаулар қалыптасқан. Бұлардың есік табалдырығы биік құрылған, қарын керілген тар терезе, ұзын мұржалы пеш немесе тандыр ошақты тұрғын жай үлгілерін ХХ ғ.-дың 60-70 жж. дейін қазақ ауыл-қыстақтарында кездестіруге болатын.

Ғасырлар бойы малшылықпен айналысқан ортада қыстау тұрғызу қазақ өзінің тұрмыстық шарушылығына ыңғайлап, отбасымен жайлы тұратындай лайықтап баспананың кіреберісі дәлізден басталса, одан ауыз үй немесе оттық үйден өтіп, жатақ үйден кейін қонақ үй жалғасып жататын бөлмелері тіркестіре салатын болған. Саз балшықтан жасалатын – *шикі кірпіш, соқпа, саман кесек* сияқты құрылыс материалдардың мықтылығын арттыру үшін *ешкінің майы, сабан, жылқының бопайы, қазоты* қоспа ретінде қосып араластыру әдіс-тәсіліерте заманнан бері қолданылып келеді (Валиханов, 1961, с. 290). Егер үй еденін қалың сылақпен сылақтайтын болса, онда саз балшық лайға ағаш күлін қосады, ол ылғалданудан, яғни гидроокшаулау ісін атқарады.

Баспана тұрғызу ісінде, Сыр бойының қазақтары қолжетімді шикізат ретінде топырақ, қамыс, шым, ши, сабан, және т. б. пайдаланады. Ал, үйдің, қора-қопсының төбежабынына, бағана, дiңгек сияқты тіреулерге өзен жағалауында өсетін ағаш, тал-шыбықтарды жұмсаған. Сарыарқаның Торғай, Ұлытау өңірілерінде үй немесе басқа құрылыстарды тұрғызғанда негізгі қабырға құрылымы шикі кірпіштен оның сырт жағы күйдірілген кірпіштен қапталып екеуінің қаландысы бірге қатар жургізіледі (Шайкен, 2006, с.180).

Солтүстік және Шығыс Қазақстандағы орман-тоғайлы өңірлерінде үй құрылысына ағаш қолданады. Құмдауыт, шөлейт және ағаш тапшы жерлерде саз балшықтан *соқпа там* және *саман кесек* құйып немесе *қойбас* соғып тұрғын үй тұрғызатын болған. Көбінесе, мұндай жерде ағаш тапшылығынан үйлердің төбелері күмбезделіп шығарылатын болған. Ал, ағашы мол орман-тоғайлы жерлерде, әсіресе Алатау, Алтай қазақтарыбөренелерді қиюластырып ағаш үй өріп, әрі *дүкен*, *шарбақ үй*, *белдеу* үйлерді де тұрғызып білген. Олар, ағаш үйлерінің төбе жабындарын тақтайдан, екі немесе төртқырлы шатыр құрастырып жабатын болған.

Көбінесе қазақтың тұрақты баспаналарының төбежабындары *«итарқа»* түрін қолданатын болған. Итарқалы төбежабынның екі жақты құламалары жақсылап, жауынның, қардың суы өтпегендей қалың сыланады. Төбежабынның сылағы, жаун-шашыннан езіліп кетпес үшін саз балшыққа жылқының бопайын қосып, жақсылап илейді де, төбенің үстін қалың қылып сылайды. Қазақтың қыстағындағы тұрақты үйлерінің негізгі типі, ол екі бөлмеден тұратын итарқалы *қоржын үй* болып табылады. Мұндай, қоржын іспеттес тұрақты баспананың бөлмелері *ауыз үй* және *қонақ үйден* тұрады. Екі бөлмені қазандықтың *«қабырға-мұржасы»* бөліп тұрады. Бұл қабырға-мұржаның бірнеше көлденең құрылған (2-3) айналым құдығы болады да, мұржаның түтіндік мойны төбе сыртына, биіктеу шығарылып қойылады. Айтарлық, оңтүстік өңірлерде тұрақты баспанаға қосалқы *бастырма* ретінде *айуан* (айван) салынады (Меңдіғұлов, 1959, 155 б. Акишев и др. 1981, с. 141).

Қазақ мәдениетінде ертеден қалыптасып келе жатқан салт-дәстүрлерінің бірі ол, күрделі ауыр жұмыстар атқарудағы көпшіліктің беретін көмегі ретінде *асарға шақыру* немесе *асар салудейтін* шара түрі қалыптасқан. Қазақстанның кейбір өңірлерінде мұндай ұжымдық көмекті *Үме* деп те атай береді. Асарға шақырған адамның жақын туған-туысқандары, көршілері және т.б. ауыл жігіттері жиналып, тұрғын үй көтеру ісіне көмек ретінде, кірпіш соғудан бастап, келесі жолы үйдің қабырғасын қаласып, сонан соң итарқалы немесе шатырлы төбежабынын жауып, яғни ең ауыр күрделі шаруаларды тындырып беретін болған (Қартаева, 2015, 208 б.).

Әдетте, үй салудың алдында, қазақы дәстүрдің бірі ол құрылыс шаруасы *құрбандық шалудан* басалады. Ал құрбандыққа шалған малдың сүйегі табалдырықтың астына көмілетін болған екен. Ежелден бері, ислам дініне дейінгі наным-сенім рәсімдері бойынша қазақ халқының үй салу жұмыстары *құрбандық шалумен* басталады. Қазақы ортаға сол заманнан ауысқан әдет-ғұрпымен мал (жылқы, қой) сойылады да ырымдап, құрбандық ыдысқа ақ (қымыз, сүт) құйып қойылады. Ал, үй төбесін көтеріп, арқалық салғанда оған құрбандыққа шалған мал қанын жағады да, ырымдап дастарқан жайады (Тәтіғұлов және басқалары, 2000, 28 б.).

Қазақ үй құрылысының өзіндік ерекшеліктері қалыптасып, халықтың көші-қон (көктеу-күзеу) өмірімен тікелей байланысты болған. Сонымен бірге қыстақ тұрғындарының қолайлы үй-жай тұрғызуының даму үрдісіне жағдай еткені даусыз. Айтарлық, XIX ғ. соңында – XX ғ. басында қазақтың Ресей патшалығына отар болған кезде салынған тұрғын үйлер, мектептер, гимназиялар, вокзалдар, сауда орындары, шіркеулер және т.б. сол заманда тұрғызылған еңселі сәулет құрылыстары *«отарлық архитектурасы»* деп аталады дейді құрылыс мәдениеті тарихын зерттеген ғалымдар мен мамандар (Шайкен, 1999, с. 51).

Әдебиеттер

- Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата: «Жалын», 1979. 252 с.
- Азербайджанцы / отв. ред. А. Мамедали, Л. Т. Соловьева ; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН ; Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана. – М. : Наука, 2017. 708 с.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. 343 с.
- Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. (Ред. колл. К. И. Сатпаев и др.) Т. I. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 777 с.
- Геродот. История в девяти книгах. Пер. Г.А. Стратанского. М.:1972, 600 с.
- Джанибеков У. Д. Эхо... По следам легенды о золотой домбре. Алма-Ата: Өнер, 1990. 304 с., ил.
- Джанибеков У.Д. Культура казахского ремесла. Алма-Ата: Өнер, 1982. 144 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: «Наука», 1969. 676 с.
- Жәнібеков Ө. Жолайрықта. Алматы: «Рауан» 1995. 112 б.
- Жилина А.Н. Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: «Наука», 1982. 240 с.
- Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы: «ҚазАқпарат», 2009. 576 с.
- Культура и быт казахского колхозного аула. Алма-Ата: Изд-во «Наука», 1967. 304 с. илл.

- Кыргызы / отв. ред. А. А. Асанканов, О. И. Брусина, А. З. Жапаров; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории и культурного наследия НАН КР. М.: Наука, 2016. 623 с.
- Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 5-том / Құраст. Б. Әбілқасымов, С. Бизақов, Ә. Жүнісбеков және т.б. Алматы: «Арыс» баспасы, 2007. Д – Е. 752 б.
- Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық. 7-том / Құраст. Б. Момынова, Б. Сүйерқұлова, А. Фазылжанова және т. б. Алматы: «Арыс» баспасы, 2007. Ж – К. 752 б.
- Қартаева Т.Е. Сыр өңірінің дәстүрлі этнографиясы. Алматы: «Арыс» баспасы, 2015. 448 б.
- Марғұлан Ә.Х. *Ерте дәуірдің архитектурасы //Ә.Марғұлан, Т.Бәсенов, М.Меңдіғұлов.* Қазақстан архитектурасы. Алматы: Қазмембаспасы, 1959, 216 б.
- Меңдіғұлов М.М. Қазақстан архитектурасының ХІХ ғасырдағы және ХХ ғасырдағы бас кезіндегі сипаты жөнінде. Қазақстан архитектурасы. Алматы: Қазмембаспасы, 1959. 216 б.
- Монте П. Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. Пер. с франц. Ф. Л. Мендельсона. Послел. О.В. Томашевич. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989, 376 с.: ил. (По следам исчезнувших культур Востока).
- Оңдасынов Н.Д. Парсыша-қазақша түсіндірме сөздік. Алматы: «Қазақстан», 1974. 384 б.
- Тәжімұратов Ә. Шебердің қолы ортақ. Алматы: «Қазақстан», 1977. 96 б.
- Тәтіғұлов Ә.Ш., Тәтіғұлов Ә.Ә., Тәтіғұлов А.Ә. Архитектура мен жобалау негіздері. Бес томдық, II том. Алматы: «Рауан», 2000. 465 б.
- Туркмены / отв. ред Н. А. Дубова; Ин-т этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории АН Туркменистана. М.: Наука, 2016. 635 с.
- Шайкен Ж. Памятник национальной истории // «Отау». 1999. №1.
- Шайкен Ж.А. Некоторые результаты исследования памятников архитектуры Торгайской степи // Арало – Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Материалы международной научной конференции. Часть I. Актобе: «Принт А», 2006. 240 с.
- Шайкен Ж.А. Орнамент в народном зодчестве средневекового Тараза // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1 – 5 июля 2009 г. / редкол.: В. А. Тишков (и др.). Оренбург: Издательский центр Отау, 2009. 600 с.
- Шайкен Ж.А. Памятники культурного наследия в событиях 1916 года // 1916 жылғы ұлт-азаттық қозғалыс: тарихы және қазіргі заман. Халық. ғыл.-теор. конф. мат. жинағы. Алматы: «Тарих тағылымы» баспасы, 2010. 183 б.

Zh.A. Shaiken

STRUCTURE OF THE TRADITIONAL KAZAKH DWELLING

This article is devoted to the aspects of scientific research of an early prototypes and traditional types of Kazakhs stationary dwellings. The article discusses the development of construction, the specificity of the use of available materials for housing. An ancient techniques and common types of masonry building materials in the construction of structures as well as the issues of ethnographic traditions and rituals inherent in the national building are also considered.

Н. Уәли

ҚР Мемлекеттік орталық музейі

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: csmrk1986@mail.ru

ДАЛА МАЛШЫЛЫҒЫНЫҢ ЭКО-БИОТЕХНОЛОГИЯЛЫҚ КЕЙБІР ҚЫРЛАРЫ

Мал шаруашылығы – шаруашылықтың малшылық кәсіппен байланысты саласы. Дала малшылығының, – отырықшы малшылықтан өзгеше, – өзіне тән ұзақ ғасырлар бойына қалыптасқан дәстүрі болды.

Дала малшылығында төрт түлік ел күнкөрісінің басты тірегіне айналды: төрт түлік кісе, киімі; мінсе, көлігі; ішсе, сусыны; жесе, азығы; тұрса, баспанасы болды. Ұлы дала төсінде алалы жылқы, ақтылы қой өргізу, түйе өсіріп, сиыр бағу, яғни мал шаруашылығын ұйымдастыру ең алдымен қоршаған ортамен үйлесімділік ұстанымына негізделді.

Географиялық фактордың мал шаруашылығын ұйымдастыруда орны айрықша болды. Өйткені жер бедері жазық, таулы, шөлейтті, шөлді, қырқа-қыратты болып, құрамы әртүрлі, соған орай ондай

жерлердің оты мен суы да әрқилы болды. В.В. Радловтың зерттеуінде төрт түлік түрлерінің қазақ жерінің әр аймағында таралу ерекшеліктері жер-су (географиялық) ерекшеліктермен байланысты айтылған (Радлов, 1980, 258). Қырқа, қыратты, төбелі, төскейлі жерлерде *боз, бетеге, тарлау, селең, ебелек* т.б. қыр оттары, шөлейт, шөлді, құмды жерлерде *шеңгел, қоянсүйек, жантақ, жусан, иген* сияқты ащы от, өзен-судың бойында *қамыс, құрақ, өлең шөптер* басым болды. Осындай жер-су бедеріндегі географиялық ерекшеліктерге сәйкес малшы қауым төрт түліктің өрісін айқындап отырды. «*Мал өсірем десең, өрісін тап*» деп мақалда айтылғандай жайылымдық жерді 1) *қой-ешкі өрісі*, 2) *жылқы өрісі*, 3) *түйе өрісі*, 4) *сиыр өрісі* деген өрістерге бөлді. Қой-ешкі өрісі, түйе өрісі қара отты ащы жерлер болса, жылқы ауылдан 20-25 шақырымдай жерлердегі қырқа-қыратты жерлердегі бетегелі белдер тарлаулы, шалғынды жерлер, бұлақты, өзен-сулы, кең өрісте жайылды. Өзге түлік тоқтамай өте шығатын жусан, көкпек сияқты ащы, қара отты жерлерге түйе мен қой-ешкі түлігі бағылды.

Мал шарушылығын ұйымдастыру жұмысында қысы қатаң болғандықтан мал қыстату аса қиын, әрі күрделі болды. Қыстың қаһарынан сақтану үшін ойлы-қырлы, сай салалы жерлер, ондағы өзен-сулы шұбарлы жерлер, – тал, қайың, қараағаш, терек өскен ықтасындар пайдаланылады. Ондай жерлер әсіресе жазы-қысы қора көрмей далада бағылатын жылқы түлігі үшін қолайлы болды. Халықтық ономастикада бұндай жерлер *Шұбар, Шұбарқұдық, Шұбарағаш, Ақтоғай* деп аталды.

Жолдасқар түсіп бекігенше малды күздеуде, қырдың теріскей бетіне жайып, ал күнгейдің жайылымын қыс ортасына сақтайды. Малдың жайылымдық өрісін пайдалануды табиғат құбылыстарымен үйлестірудің бір жолы деуге болады.

Экологиялық фактор. Мал шаруашылығын ұйымдастыруда табындағы төрт түлікті алыс жерге өріс аударып жаю аса қажетті экологиялық шаралардың бірі болды. Өйткені бір жерде жылонекі ай мал жаю екі-үш жылдың ішінде жердің отын жұтатып, жайылымды тұяқкесті жасайтыны, ол жер көп ұзамай-ақ қу тақырға айналатынын малшы қауым жақсы білді. Сондықтан қыстайғы өрісте жүдеу-жадау шыққан малды көктем шығып, күн көтерілісімен көктеуге өріс аудару малбасын шығынға ұшыратпай аман сақтаудың бірден-бір жолы болды. Көктеудегі өрісте көкке аузы ілінген мал көп ұзамай әл жинай бастайды. Көктеуде жердің отына қарай малды ауыл жайлауға жеткенше әр тұста 3-4 қона отырып, әрі қарай көшіп отырады. Оғанға дейін жайлаудың оты да көтеріліп қалады. Жаз жайлаудағы күннен қуат алған жайылымдық жайлау оты малды ерекше нәрлендіреді.

Ойдың сай-салаларындағы шұбарлы, тоғайлы жерлер қақаған қыста аса жайлы ықтасын болғанмен, жаз шілдеде сона, бөгелек, шыбын-шіркей, құмыты көбейіп, малдың еркін жайылуына, жусауына көп бөгет келтіреді. Мал әсіресе шілденің ыстығына көндіге алмай, арықтап та кетеді. Бұндай табиғи жағдайларда малшылар маусымдық мал өрісін тиімді пайдалану үшін ойдан қырға (тауға) қарай қоныс аударып отырған. Малшы қауым шаруашылық ісін ұйымдастыру ісінде, қазіргіше айтқанда метеорологиялық құбылыстарды ерекше ескеріп төрт түліктің бабын тауып отырған. Малшылық ісін қоршаған орта табиғатымен үйлестіре отырып, төрт түліктің санын миллиондаған қыруар тұяққа жеткізген. Бұл жағынан дала мал шаруашылығы әлемдегі малшылықтың озық үлгісі деуге болады. Бұлай дейтініміз қазақы малшылықтың кәсіби деңгейі жоғары болды.

Кәсіби деңгейі жоғары мал шаруашылығы ғана ел ішінің азық-түлікке деген ішкі сұранысын үздіксіз, жеткілікті түрде қамтамасыз етіп отырады. Әсіресе экстенсивті жолмен көбейтілген еті, сүті мол, ыстық-суыққа төзімді жабы тұқымының, қазақы құйрықты қойдың, нар, айыр түйелердің орны ерекше болғанын атап айтуға болады.

Сонымен қатар қазақ малшылары ұзақ жолға, ыстық-суыққа төзімді қазанаттың небір жүйрік тұқымдарын интенсивті жолдармен өсірді. Олар ел аузында адай жылқысы, жағалбайлы жылқысы, Алтай мен Жетісу жылқысы, Есіл, Торғай жылқысы деп аталды. Ат жалын ұстаған әрбір азаматтың бас-басына бірмінер тандаулы жүйріктері болды.

Сонымен бірге жыл сайын көрші елдерге сыртқы саудаға шығарылған жылқы, қой, айыр түйе түліктері елге алуан түрлі қымбат мата, қалы кілем, тандаулы қару-сайман, күйме т.б. болып елдің мәдени-тұрмыстық қажетін өтеп жатты.

Ел ішінде кәрі ауыз қариялардан қалған ескілікті сөздердің бірінде:

Көктеуде мал әл жинайды,

Жайлауда мал нәр жинайды,

Күздеуде мал күрленеді, – дейді.

Қазақ малшысының байырғы өмірден үйренген тәжірибесі, түсінік-танымын модельге салып айтқанда:

1. Көктеудің шөбі жерден ылғал жинап өседі. Көктеудің жайылымына өрген мал сол шөптен *әл жинайды.*

2. Жаз жайлаудың шөбі жерден ылғал, күн көзінен нәр алады. Жайылымдағы мал сол шөптен *нәр жинайды*.

3. Күздеуде күн көзінің қуаты шөптің басына шығады. Сондықтан күздеудің отына жайылған мал шелденеді, шөптің басындағы қуаты майға айналады. Байырғы қазақы түсінікте май – қуат (энергия) көзі.

4. Малдың күрленіп, шелденген қуаты (майы) қыстық жайылымдағы шөптің, күн көзінен алатын қуаты бәсеңдеген кездерде демесін болып, төрт түліктің қаһарлы қыстан аман өріп, көктеуге шығуына мүмкіндік береді.

Дәстүрлі мал шаруашылығында атқарылатын – үйірге айғыр қою, еркек малды піштіру, еркек қозылардан қошқар болатынын таңдап, қалғандарын тарттыру, бойдақ-саяқ малдарды бөлек шығару; қошқарға күйек байлау; қошқарды күйектен босату; нар мен айыр түйелерді будандастыру т.б. биотехникалық шараларды да қазақ малшылары табиғи ортамен үйлестіріп, жыл маусымына қарай жүзеге асырып отырды.

Малды жылонекіай бойы, тәулік бойы қорада ұстап, жем-шөбін қолдан дайындап қолбала қылып бағу отырықшы елдердің мал өсіру тәсіліне жатады. Әрине, бұндай техникалық тәсіл арқылы олардың да қол жеткізген өзіндік жетістіктерін мүлде жоққа шығаруға да болмас. Дегенмен малшылықтың бұндай техникалық түрі малды табиғаттан оқшаулау, экологиялық шектеу тәсіліне жатады.

Ал отырықшылыққа дейін қазақ малшылары меңгерген өріс аудару, мерзімдік жайылымдарға көшіп отыру, әр түлікті жердің оты мен суына қарай өріс-өріске бөліп жаю, сөйтіп төрт түлікті табиғи ортамен үйлестіре бағу – қазақтың дәстүрлі мал шаруашылығындағы биоэкологиялық тәсіл деп ерекше атап айтуымызға тура келеді.

Мал бағым-күтімінің эко-биотехнологиялық тәсілдері – дала малшылығы дәстүрде төрт түліктің өзгешеліктеріне қарай бағылуы мен күтілу ерекшеліктері. Ежелгі малшы ұғымы мен танымында төрт түлік атаулының бәрі де *шөпкіндікті* болғанмен, жейтін шөбі, оттауы мен жусауы бір емес. Соған сәйкес өрісі де әр басқа. Осындай таным-білімге байланысты болуы керек, – малшы қауым төрт түлікті алдымен *ақ мал* және *қара мал* деп іргелі екі категорияға таптастырған. Бұдан *ақ малдың* – жылқы түлігінің, – *қара малдан*, – түйе, қой-ешкі, сиырдан, – мүлде басқа екені аңғарылады. Дала малшылығында жылонекіай қора көрмейтін, ауыл іргесінен бір-бір жарым күндік қашықтықта жататын ақ малдың бағым-күтіміне тән өзіндік ерекшелік, ал қолда, ауыл маңында бағылатын қара малдың бағым-күтіміне тән өзгешеліктер дала малшылығының биоэкологиялық типін қалыптастырды.

Малдың бағым-күтімі ең алдымен жердің оты мен суына байланысты болатынын малшы қауым жете аңғара отырып, «*мал өсірсең, өрісін тап*» деген ұстанымды негізге алды.

Малшы қауым мал бағымында отын тауып бақпаған малдың жадап-жүдеп кететініне ерекше көңіл бөліп, мал күтімінде пайдаланылатын шөпті *ақ от* және *қара от* деп екіге бөлген. Ә.Диваевтың өз кезінде Жаңақорған қазағы білімдар, парасатты жан иесі Абдолла Ниязовтан жазып алған этнографиялық дерегінде *ақ отқа* (шөпке) *қамыс, мия, бидайық, жоңышқа, ажырық, көде, бетеге* т.б.; ал *ащы отқа* (қара отқа) *сексеуіл, қара барқын, қара сораң, жантақ, күйреуік, жыңғыл, тал, жиде, тораңғы, торғай оты, балықкөз, кекіре, алабота, бозбота, жалмаңқұлақ, бозбас, көкпек, шыртылдақ, шатыр, қызғалдақ, теріскен, дүзген, ақбас, текесақал* т.б. жататыны айтылған (Диваев, 1992, 181, 181-182).

Қара малдың бағым-күтімі. Ақ от, оның ішінде әсіресе *бетеге, тарлау, ажырық, бидайық, жоңышқа* жылқы түлігінің сүйсініп жейтін шөбі. Жылқының «*бетегелі белге бітемін, найза ұстаған ерге бітемін*» дейтін серті осыны меңзейді. Ал қара мал, әсіресе қой мен түйе ақ отқа тоқтамайды. Ақ отты азықсынбаған қара мал (түйе мен қой) тұзсырап, бағымы келіспегендіктен, арықтап нашарлай береді.

Көктем кезінде түйеші *иреуік*, қыстаулы жердің көң-қордасында жиі өсетін *қара сораң* сияқты улы шөптерден қатты сақтанады. Өйткені ондай өсімдіктерден түйе малы тез уланады.

Көктем айларында түйе малы үшін улы шөптер жаз ортасы ауа Үркер жұлдызының таңғы тууынан кейін (22-24 маусым) жеуге жарамды болады. Түйе бағымы мен күтімінде әсіресе ақпайтын іркінді сулар да Таразы жұлдызы туып, таң суығанша аса зиянды көрінеді. Жаздың ыстық аптап күндерінде құмыты сияқты шыбын-шіркейлі жер түйенің тыныс жолдарын ауырлатып, өкпеге шауып, дертке ұшыратады, түйеші келесін бұндай кезде түнгі жайылымға шығарады.

Қой түлігінің бағым-күтімі ертеден қара кешке дейін қой соңында жүріп тынымсыз еңбек жұмсауында ғана емес, «қойшының айтқанын хан да тындайды» дегендей, оның малшылық дәстүрде жинақтаған тәжірибесімен, кәсіби білімдарлығымен де байланысты.

Қойшы таң атар атпастан қойын жайылымға өргізеді. Өйткені қойшының таным білімінде жусан жаз шілдеде ылғалды құрғап жатқан жерден емес, күн қызбай тұрған шақта таңғы ауадан алатын көрінеді. Ондай таңғы шықтың оты қой түлігі үшін айрықша жұғымды көрінеді.

Қойдың бағымы мен күтіміне қанық қойшының айтуынша, қойдың төбешік жерлердегі, етектегі өріс оты көрер көзге бірдей көрінгенмен, биіктеу жердегі жусанның дәмі ащы, иісі өткір сезілетін, ал етекке таманғы жусан көкшілдеу болып, дәмі мен иісі бәсеңдеу болады. Мал бағымына қанық қойшы бір мезет етектегі көк жусанға қойын өргізіп, тұщылатын алатын көрінеді.

Жайылымдық жерді жіті бақылай отырып, қойшы алдындағы түлігіне зиянды, жағымсыз *шытыра, садақ көделі* жерді айналып өтеді, жайылымның ерекшелігіне қойды үйіріп жаюдың, қаптата жаюдың, дөңгелете жаюдың тәсіл-әдістерін тиімді қолданып отырады.

Ауыл іргесіндегі өріс қысқа қарай сақталып, оғанға дейін қой аяғы жетер жердегі жайылым пайдаланылады. Ішті, буаз қара малды алыс өріске жібермейді. Қар қалың түскен кездері, М.Шормановтың дерегінде айтылғандай, жылқы салып, қарды бұздырады. Ашылған өріске қара малды жаяды (М.Шорманов, 1906, 2-3)

Қой, түйе, сиыр, сауылатын қойлар, көлік малы, бордақыға байланған мал қолда, қыстауда болады. Қыста малға тұз жалатады.

Қара малдың бағым-күтімі әсіресе қыстың көзі қырауда малшы еңбегін ерекше керек етеді. Түйе, қой-ешкі, сиыр түлігі қысы-жазы қолда болғандықтан, жыңғыл, қоянсүйек, шеңгел сияқты бұтасындардан ашық қора жасалып, қысқа қарай көң, қи шашылып малға төсеніш жасалады. Сиыр малына да сондай жылы төсеніш жасалып, күтімге алынады. Буаз мал, ішті қойлардың іш тастамауы малшының күш жұмсаған күтіміне байланысты. Қолдағы қара малдың күтімі ортақ болып келеді.

Ақ малдың бағым-күтімінің өз ерекшеліктері бар. Жаздың қапырық ыстығы жылқы малына тым жайсыз тиеді. Маса бұлты, сона, бөгелек жайылымдағы түліктің еркін оттап, жусауына бөгет болады. Маса бұлтынан мезі болған жылқы желдеп, құйрығын қамшылай шапқылап кетеді. «*Жылқының жауы – бөгелек, жыланнның жауы – дегелек*» дегендей, бөгелекті жерде жылқыда тыным болмайды. Бұндайда жылқышы бағымындағы табынын төмендегі шыбын-шіркейлі шұбарлы жерден самалы бар төбеге, қырқа-қыратты жерлердегі жайылымға айдайды. Жылқыны шыбын-шіркей шықпас бұрын таң атар-атпастан өріске шығарады. Бұндайда ерте оттаған түлік ертерек еркін жусайды. Даланың малшылық дәстүрінде қысқа қарай үйір-үйір жылқыны қос шығарып бағу кең қолданылған тәсіл болып саналады. Жылқы – үйіршіл түлік, сондықтан үйір-үйірімен бағылады. Өр үйірдің өз айғыры болады. Бірнеше тәулікке созылған қарлы боран басталар шақта қосағасы жылқышылардың табынын оң-сол қанаты үйіріп қайырмалап жүретіндерін, жылқының соңындағы үйірлердің бөлініп қалмауын қадағалап айдап отыратындарын, ал өзі көсем айғырмен ыққан жылқының басында жүретінін алдын-ала келісіп, кенесіп алады.

Сөйтіп, осындай тәсілмен ыққан жылқыны, бағымдағы мыңдаған тұяқты қар басқан жыра, ой-шұңқыр, жарлы өзекті жерлерге ұрындырмай аман алып шығуы дала жылқышыларының төзімділігі, күш-қайраты, кәсіби біліктілігімен байланысты болды.

Бұл жөнінде В.Я. Бенькевичтің жиырмасыншы ғасырдың басында жазған төмендегідей сөзі ақиқатпен толық үйлеседі: «*Бірнеше тәулікке созылған қатты дауылда, түтеген боранда жылы тамақ ішуді ойламай, ат үстінен түспейтін, қандай қиын-қыстау жағдайда алдындағы жылқысын оңай меңгеріп, өз еркіне бағындыра алатын асқан шебер және мықты қазақ жылқышысымен тіпті мүмкін емес*» (Бенькевич, 1919, 10).

Б.Я. Бенькевичтің осы айтқанын көрсете отырып, Х.Арғынбаев өз зерттеулері мен этнографиялық деректерінде Жылқышы ата атанған Жүсіпбек сынды өткен заманның әйгілі тұлғаларының қаһармандығы мен кәсіби білімдарлығын аша түсетін талдаулары мен нақты деректері дала малшылығын тарихи тұрғыдан ерекше құндылықтар дүниесі деп тануымызға мүмкіндік береді (Арғынбаев, 1969, 58).

Төл күтімі мен тәрбиесінің эко-биотехнологиялық ерекшеліктері – төрт түлік төлдерін күтіп-баптау амалдары. Малшы қауымның тілінде *төл тәрбиесі* деп те аталады. Өр түліктің бағып-қағуда өз ерекшеліктері болатыны сияқты қой, түйе, жылқы, сиыр төлдерін табынға ілестіргенше күтіп-баптаудың өзді өзіне тән ерекшеліктері болады. Төл күтімі барлық түлік үшін *буаздың ішін сақтаудан* басталады. Іш тастамас үшін буаз малды тоңды, сызды жерге жатқызбайды, қатты айдап ентіктірмейді, шөп басына мұздақ сірке қатқан жайылымға өрістетпейді, ашқарынға айдап кеп суармайды т.б.

1. Қозы тәрбиесі. Жаңа туған қозыны алдын-ала дайындалған жылы орын, жұмсақ шөп төселген орынға жайғастырады. Киіз үйдің қанаттарынан құралған жылыжай, жылы қора пайдаланылады. Ішті қойларды көбіне қорада ұстайды, түні бойы малшының бақылауында болады. Қоздаған қойдың қозысын енесіне теліп, уызымен ауыздандырады. Төл төгіні кезінде іші жақындаған саулықтарды

жақын жердегі өріске жаяды. Өрісте қоздаған қойлардың қозыларын қоржынның екі басына салып, күтілетін орынға алып келеді. Шарананың иісін алған сақа саулықтар қозыларынан қалмай ілесіп отырады. Ал алғаш қоздаған тұсақтар өз қағанағынан жерімес үшін оған қозысының қағанағын (шаранасын) әбден жалатып, иіс алдырып үйретеді. Төл төгіні кезінде қозы тәрбиешілерінің істейтін әртүрлі амалдары бар. Қозысынан жерімес үшін енесінің бір шоқ жүнін қозысына байлап қоятын көрінеді. Тағы бір амалда қозысының құйрығына тұз жағып қояды.

Қозы телу амалдары. Желі толмай қоздаған аш-арық саулықтар қозысын аққа жарытпайды. *Ақсыз туатын* бұндай саулықтардың қозыларын сүтті саулықтарға жағызып телиді.

Көгендегі қозылар. Жас қозыларды бастапқы кездерде енесімен өріске жібермей, көгенде ұстайды. Түнге қарай көгеннен ағытылған қозылар енесінің бауырында болады. Төл төгіні аяқталғанда мал иесі қасына мал танушы адамды алып, қозыларды таңдап, еркек қозыларды жиып, жеке көгенге тізіп байлатады. Көгендегі қозылардың ішінен қайсысын қошқар қоюға болатынын іріктеп алады. Қошқар болатын қозының әдетте мұрнынан төбесіне дейін дөңкіл болады. Қойдың кені болатын еркек қозының *Қошқар болар қозының маңдай алды дөң болар, Адам болар жігіттің етек-жеңі кең болар*, – деп мақалда айтылғандай ерекше нышаны болады. Таңертенгісін қой өріске шығарда қайта көгендейді. Көгендегі қозылар біраз марқайып оттыққан соң, көгеннен ағытылып, қозышы баланың қарауымен ауыл маңындағы қозы өрісте бағылады.

2. Түйе төлінің тәрбиесі. Бота туысымен оны жабулап ұстайды. Басқа түліктің төлдеріне қарағанда, жаңа туған бота өте әлсіз болады. Бота туысымен оның тұмсығын, денесін жұмсақ, таза матамен сүртіп тазатып, құрғатады. Жас төлдің кіндігін де сүртіп құрсағынан екі-үш елідей аралықта кеседі де жіңішке жібек жіппен байлап тастайды. Көп жағдайда мал иесінің қолын қажет етеді. Өз бетімен ауыздана да алмайды. Сондықтан мал иесі оны бауырынан көтеріп, қолмен сүйеп тұрып еміздіреді. Емуге қауқары жоқ ботаны енесін сауып алып, уызын аузына құяды. Уыз емген ботаның тоңғағы түспей, қаталап қалмас үшін оған жылқының кесек майын жұтқызып жібереді немесе қойдың шыжғырған құйрығын аузына құяды. Ботаға ене сүтін әбден тойғанынша еміздіреді. Ботаның жақсы өсіп жетіле түсуі үшін енесін суалтпай еміздіре береді. Түйешілердің айтуынша, ботаны төрт сағатта бір еміздіріп тұрады. Тайлағына дейін еметін төлдер болады.

Түйе түлігін баптап күтуде оны алғашқы екі апта уақыттай шимен қоршап, бөгде көздің тиюінен сақтайды. Бота ширай түскен сайын тайрақтап, ойнақтай бастайды. Екі-үш апта шамасында ботаны енесімен бірге ілестіріп өріске жібереді. Өрісте жүріп боталар бірте-бірте отығады.

Тұмса боталаған інген 18 айлығында, ал боталып жүрген інген 7-8 айлығында төлінен ажыратылады.

3. Сиыр төлінің тәрбиесі. Сиыр малының төлдеу мерзімі, шамамен, ақпан мен сәуір айларының аралығы. Сиыр бұзаулар кезінде сарпайы қалындап, одан ақшыл сұйық білінеді, желіні ұлғайыңқырайды. Бұндайда сиырды күндіз аулада ұстап, кешке қарай қораға кіргізеді, өріске жібермейді. Мал иесі мерзімі келген малды түге қарай, таң ата екі-үш мәрте қарап, бақылап отырады. Өйткені енесі төлінің шаранасын жалап отырып, түскен шуын жеп қоюы мүмкін. Ондай сиырдың желіні тартылып, сүті азайып кетеді.

Жаңа туған сиырдың уызын төліне тойдыра емізіп алады, қақтап саумайды. Жас төлді алғашқы күндері шөп төселген жылы орында ұстайды. Дымқыл, ылғалды жерде жас төл *бұзаутаз* ауруына тез шалдығады. Күн жылына бұзау ашық аулада болады. Сиырды сауар алдында бұзауын жіберіп, иітіп алады. Кейде төлін екі мәрте жіберіп *иінді сүт* алады. Оттығып үйренген бұзауды табынға қоспай, ауыл маңындағы өріске жібереді. Өрісте бұзауды ересек бала бағады. Оны бұзаушы бала дейді. Есейіңкіреген бұзаулар еміп қоймас үшін мұрнын тесіп, *сірге тағып* енесімен бірге табынға қосып, өріске жібереді.

4. Жылқы төлінің тәрбиесі. Жылқы түлігінің жаппай құлындайтын мезгілі – көбіне көкек-мамыр айларының аралығы. Қолдағы қолбала биелерден басқа табындағы биелер ашық далада құлындайды. Бие құлындасымен құлынның қағанағын жарып, *«аузын үрліп, тұяғын сүрліп»* дегендей, аузын үрлеп, аяқтарын қу шөппен сүртіп, шаранасынан тазартады. Жылқы төлі басқа түліктерген қарағанда тез аяқтанып, енесіне еріп кетеді. Құлыншақ көп ұзамай-ақ енесінің бауырында жүріп тез отығады.

Құлынның құлыншақ кезіндегі құлақ ішінің бозғылт майда түгі бірте-бірте қарайып, қарақылшықтанады. Биелер көктемде құлындап болған соң, құлындары қарақұлақ болғанша енесінің бауырында жүреді. Ондағысы құлындар енесін еміп тойынсын, қоңды болсын дегені. Әдетте сауылатын биенің құлыны қарақұлақтанған соң желіге байланады. *«Болар бала бесігінде бұлқынар, болар құлын желісінде жұлқынар»* дегендей, алғашқы кезде *қытығы алынбай* бұла жүрген құлын желі тәрбиесіне көндікпей бұлқынып, асаулық танытатыны болады. Сондықтан желі қазығын қатты

ағаштан сыртқа қарай шалқайта мықтап қағып, құлынның нокта жібін тұқырта байлайды. Үш-төрт күнде асау құлын жуасып, желіге көндіге бастайды.

Жылқышы, малшылардың айтуынша, құлын, жабағы сақау індетіне шалдыққыш келеді. Танау қуысында бітеу жара сияқты бөрткен пайда болатын көрінеді. Жылқы төлін жазда көлеңкеде, күн суыта жылы қорада оқшаулап ұстайды. Кәнігі мамандар халықтық ем-домын жасап, айрықша күтімге алады.

Қозы-лақ бағу – сауылатын қой-ешкі төлдерін енелерінен бөліп басқа жайылымдық жерде жаю. Сауылып жүрген енелерін еміп қоймас үшін қозы-лақ бөлек екі-үш айдай ауылға жақын жердегі өрісте бағылады. Ондай отты-сулы, саялы жайылымды *қозы өріс* деп атаған. Ал саулық, бойдақ қойлардың өрісі ауылдан қашықтау бөлек жерлерде болған. Ондай қойлар өріске ерте айдалып, қозы-лақ жайылымға олардан соңырақ шығарылған. Малшылық тұрмыста қолданған бұндай тәсіл өрісті тұяқ кесті қылмай экологиялық жақтан тиімді пайдалануға да мүмкіндік берген. Ауылға жақындау жерде болғандықтан қозы-лақ жаюға көбіне ересектеу балалар шыққан.

Қозы-лақ бағудың тағы бір тәсілі *қозысыбай* деп аталған. Енесінен бөлінген қозы-лақтарды көрші ауылдың бөтен саулықтарына қосып бағады. Ал көрші ауыл қозыларын өз ауылының саулық қойларына қосып жаяды. Өйткені бөтен қозыны енесі бауырына алып емізбейді. Қозы-лақ бағудағы қозысыбайластыру көбіне көш жолдарында, ел жайлауға шығар жолда қолданылған (С.Толыбеков, 1971, 321).

Өйткені көш жолдарында шөбі шүйгін, бастау-бұлақты жерлер кездесіп отырады. Ондай жерлерге қойлы ауылдың көші екі-үш күндей аялдап, отына малын жайып біраз уақыт еру болып көшеді. Көштің бұндай кездерінде қозы-лақтарды қозысыбаймен бағу тиімді болатыны белгілі. Оның үстіне жайлаудың оты жетіле түседі. Қозы-лақ бағудағы қозысыбай тәсілін дәстүрлі малшық өндірісіндегі тиімді биотехнологиялық тәсілдердің бірі деп тануға болады.

Әдебиеттер

Арғынбаев Х. Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. Қазақ ССР-нің «Ғылым» баспасы. Алматы, 1969. 170 б.

Бенькевич Б.Я. Животноводство в Тургайской области и его экономическое, хозяйственное значение для населения. Оренбург, 1919.

Диваев Ә. Тарту. Алматы: «Ана тілі», 1992. 259 б.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. Главная редакция восточной литературы изд.-ва «Наука». М., 1989. 749 с.

Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVIII – начало XX века. Политико-экологический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971.

Чорманов М. О киргизах Павлодарского уезда. Записки зап. сиб. отд. РГО, 1906, вып. XXXII. С. 2-3.

N. Uali

SOME ECO-BIOTECHNOLOGICAL ASPECTS OF ANIMAL BREEDING

The term “steppe animal husbandry” is used in the article instead of the traditional concept of “nomadic animal husbandry”. In addition, some aspects of environmental, eco-biotechnological features of the economic organization of the steppe animal husbandry were identified. When breeding steppe livestock, animal care was calculated according to the eco-biotechnological principle, that is, in close contact with the surrounding nature.

«АТТЫҢ СЫНЫ»
Абайды қайта оқығанда

Қазақтың ертеректегі сөз өнерінде «жақсы қыз», «жақсы әйел», «жақсы жігіт», «қыран құс», «жүйрік ат» дегендер тұрақты тақырыпқа айналған еді. Өйткені бұлардың байырғы тұрмыс-салт дәстүріндегі орны ерекше болды. Абай да осы тақырыптардың біріне қалам бұрып, ойға арқау, тілге тиек етті. Сондағы айтайық дегеніміз, баршамызға белгілі, аттың сынын сипаттаған өлеңі. Ұлы ақынның аталмыш өлеңін неше мәрте оқыдық та. Бірде «жақсы ат қандай болады?» деген қызығушылықпен де оқыдық. Бірде көркем сөз кестесін тану үшін метафора, теңеу іздеп те байқадық. Өлеңнен байырғы эпикалық дәстүрдегі небір дүлдүлдердің, небір тұлпарлардың ізін көреміз деп те оқыдық. Әр оқыған сайын өзімізше ой түйдік. Өлеңді осы жолы тағы бір оқып көрдік.

*Шоқпардай кекілі бар, қамыс құлақ,
Қой мойынды, қоян жақ, бөкен қабақ.
Ауыз омыртқа шығыңқы, майда жалды,
Ой желке, үңірейген болса сазақ.*

*Теке мұрын, салпы ерін, ұзын тісті,
Қабырғалы, жотасы болса күшті.
Ойынды еті бөп-бөлек, омыраулы,
Тояттаған бүркіттей салқы төсті.*

*Жуан, тақыр бақайлы, жұмыр тұяқ,
Шынтағы қабырғадан тұрса аулақ.
Жерсоғарлы, сіңірлі, аяғы тік,
Жаурыны етсіз, жалпақ тақтайдай-ақ.*

*Кең сауырлы, тар мықын, қалбағайлы,
Алды-арты бірдей келсе ерге жайлы.
Күлте құйрық, қыл түбі әлді келіп,
Көтендігі сығыңқы, аламайлы.*

*Ұршығы төмен біткен, шақпақ етті,
Өзі санды, дөңгелек келсе көтті.
Сырты қысқа, бауыры жазық келіп,
Арты талтақ, ұмасы үлпершектегі.*

*Шідерлігі жуандау, бота тірсек,
Бейне жел, тынышты, екпінді, мініп жүрсек.
Екі көзін төңкеріп, қабырғалап,
Белдеуде тыныш тұрса, байлап көрсек.*

*Тығылмай әм сүрінбей жүрсе көсем,
Иек қағып, еліріп басса әсем.
Шапса жүйрік, мінсе берік, жуан, жуас,
Разы емен осындай ат мінбесем.*

*Аяғы тымақты ашы кигізгендей,
Кісіні бол-бол қағып жүргізгендей.
Шапқан атқа жеткізбес бөкен желіс,
Біза қылдың қолыма бір тигізбей.*

Міне, бұл жолғы оқығанымызда Абай жақсы ат туралы туған халқының санасындағы таным-білімін келістіре айтқан-ау дей келіп, ойымызды жинақтап, бір арнаға салып көрдік те, жақсы аттың тұрмыс-салт кеңістігіндегі орнын концептсфералық құрылымға түсірдік.

Абай сипаттаған жақсы ат көзшалымға әсем де, сұлу көрінетін, бірақ шапса, он бес шақырымнан ары аса алмай, демі бітіп, болдырып қалатын таза қанды, асыл тұқым арғымақ емес. *Арыз* деген сөз түбірі «сұлу», «таза» дегенді білдіреді. Түрікпендер өздерінің текежәуміт арғымақтарын сұлулығына қарай бағалап, Гүлчечек, Қарлығаш деп, қыздарының атымен атайды. Ал қазақтың халықтық ономастикасында бұндай дәстүр жоқ. Ал Абай айтқан ат – қазақтың ұлан-ғайыр Ұлы Даласының биоэкологиялық табиғатына сай келетін, жүз шақырымнан астам жерді болдырмай алатын, шапқан сайын үдей беретін, кең тынысты, белі берік, ыстық-суыққа аса төзімді, қазақтың қазанаты. Қазанаттың бұндай таңдаулы жүзден жүйрік шыққандарын халық тілінде *жесірлік ат* деген. Халықтық осы атау Ғабит Мүсіреповтің жиырмасыншы жылдардағы шығармаларында кездеседі. Ақан серінің «*Баспа-бас, қызға бермес жануарым*» дегендегі Құлагері – жесірлік ат.

Бұл жерде *жесір* атауы «күйеуі өлген әйел» деген мағынада емес. *Жесір* сөзі «баталасқан қалыңның жартысынан астамы берілсе, қалыңдық күйеу жақтың жесірі» аталады, яғни қыздың бас еркі болмайды.

Өлеңнен түйілген ой желісін әрі қарай жалғастырсақ, қазақ қоғамында жүйрік аттың байырғы салт-дәстүр кеңістігіндегі орны айрықша болғанын аңғарамыз.

Ұлы Абай аттың сынына арналған өлеңінде жақсы аттың, жүйріктің танымдық белгілерін құлағы мен басынан бастап, тұяғы мен құйрығына дейін жіптен өткізгендей тізіп береді. Жұртшылыққа кеңінен әйгілі аталмыш өлеңді жақсы ат туралы халықтық білімнің санада құрылымданған поэтикалық форматтағы көрінісі (репрезентанты) деуге болады.

Айталық *қамыс құлақ* дегендегі эпитет әсемдік, сұлулық емес, жақсы, жүйрік аттың дыбысқа құлақ тіге қалатын елеңшілдігін, *бөкенқабар* «көз шарасы шығыңқы, жан-жағына төңкеріле көз сала, алысқа көз тіге қарайтын сергектігін» аңғартатын болса, ал *қоян жақ*, «жеңіл етсіз бас» дегенді; *қоймойын*, *шығыңқы ауыз омыртқа*, *үңірейген сағар* «жүйріктің кең тынысты ерекшелігін» байқатады. *Жалпақ жауырын*, *жоталы мықтылықты*, *күштілікті*, *омыраулы салқы төс* «беріктікті», *кең сауыр*, *тар мықын* «өрге салса да, еңіске салса да шабысынан танбай үдете беретінін», *көтендігі шығыңқы*, *саны толық*, *дөңгелек көтті* дегендер жүйріктің «ұзаққа сілтейтін шабысының» белгілері деп танылады. Ал *шідерлігі жуан*, *бота тірсек*, *жұмыр тұяқ* болуы тастақты, құмайт, құмды жерлерде жүйріктің жер таңдамайтын қасиеттерін байқатады.

Міне, Абайдың айтқан жақсы аттың сыны шапса, «жүйрік», мінсе, «берік», «жуан әрі жуас» болатынын байқататын айшықты көзтанымдық белгілер» жүйріктің өмірдегі прототипі санада құрылымдана келіп, білімге айналған.

Жақсы аттың Абай айтқан поэтикалық форматтағы белгілері небір қас жүйрікке де, бәйге атына да тән деуге болады. Алайда қас жүйрік пен бәйге атының мән-мағыналары тепе-тең емес. Бәйге атының бәрі – жүйрік, бірақ жүйріктің бәрі – бәйге аты емес. Бәйгеге жаратып, бәйгеге қосқанда ғана жүйрік *бәйге аты* санатына қосылады.

Бәйге атын жарату. «*Ат шаппайды, бап шабады*» дегендей, жүйрікті алдымен арнайы баптап бәйгеге қосады. Аты келіскенмен бабы келіспесе, ондай жүйріктің бағы жанбай, обалына қалады. Жүйрікті бәйгеге баптау үш немесе алты айдай уақытты керек етеді. Дүбірлі ас беру, аста-төк той өткізу салтында төрт-бес ай, бес-алты ай бұрын ел-жұртқа сауын айтып, хабар жіберетіні де сондықтан.

Этнографиялық деректерге құлақ түрсек, бәйге атын баптауда алдымен бапкер жүйріктің *қара етті* ме, *май етті* ме деп, осы жағын айқындауға ерекше көңіл бөледі (Жағда Бабалықұлы). Әр аттың өз бабы бар. Алайда кебір жүйріктің қоңын дәл айқындау қиынға соғады. Ондай қызылаш жылқының жанына қосар ат қосып жайылымға жібереді. Жайылымда еркін жүрген, таңдаған отын оттап, кеудесін суға төсеп су ішкен жылқы түлігі тез оңалады. Жілік майы ағарды-ау деген шамада бапкер жүйріктің қосарында жүрген атты сойдырып, жілік майы ағарса, қызыл еті толды деп, бапкер жүйріктің терін түзеуге кіріседі. Жүйріктің терін түзеу оның ерекшелігіне қарай жүргізіледі. Алғашқы күндері бес-он шақырымдай ойлы-қырлы жерге салып, жүйрікті аяңдатады, желдіртіп, жүгіртіп алады. Сау желдіріп, шақпақ еттерін ширатып, сіңірлерін бекітеді. Жүйріктің көбік тері шыға бастайды. Күндегі тәсілмен бапкер аттың бірнеше мәрте көбік терін шығарады. Ет пен терінің арасындағы көбік тері алынған соң, жүйріктің ащы терін, – қамау тер деп те аталады, – шығарады. Әр тері алынған сайын бапкер тердің дәмін татып көріп отырады. Жүйріктің тері тазарғанда ащы, кермек дәмі кетеді. Ащы тері алынып, тазарған жүйрік қунақ болады. Әр тері алынған сайын жүйрікті 6-7 сағаттай таң асырып, суытып отырады, тек таң қылаң бергенде отқа қояды. Бұл – бәйге атын жаратудың биотехнологиялық қырлары.

Жүйрікті бәйгеге баптау жөнінде бұрын-соңды айтылған бұндай этнографиялық деректер аз емес. Әдетте бәйгеге жаратып жүрген жүйрікке тақымы қатқан *атишабар бала* мініп дағдыланады. Ондай

бала ат үстіне икемді әрі жеңіл болады. Ат та, бала да бір-біріне бейімделе түседі. Бапкердің атшабар балаға айтатын ақыл-кеңестері болады. Шауып келе жатып, артына кеуденді бұрып жалтақтама, атыңның шабысы бұзылады. Бұндайға бәйге аты сергек, сезімтал келеді. Әбден бабына келді-ау деген шамада жарау атты тәуекел деп бәйгеге қосатын болып шешеді.

Бәйгеге ат қосу. Этникалық санада фрайм-сценарий форматында орын тепкен концептуалды бұл ұғымды оның тілдік репрезентанттары болып саналатын лексика-фразеологиялық бірліктер арқылы объективтендіруге болады.

Бәйге атының ұйысып қалмасын деп *жал-құйрығын сүзеді*; көзіне түсіп кедергі болмас үшін *кекілін түйеді*. Тіл-көз тимесін деп, төбесіне бұлғақтатып *үкі тағады*. Алдын ала бәйгенің өтетін орындары белгіленіп, бәйге аттары дүбірлі аста кем дегенде күндік, күнжарымдық қашықтыққа айдалады. Бәйге аттарының басын жіберетін межелі орыны мен сөреге жетер жерлері, бәйгешілерді күтушілердің орны; *көтермешілердің* (келешілердің) жанамалай қосылып, жүйрікке дем беретін тұстары анықталып, алдын ала келісіледі. Белгіленген *бәйгетөбе* – рулы елдің қасиет тұтатын жері. Ас-тойда әр ру бәйгетөбенің өз жерінде болуын қалап, соған күш салады.

Атсыншылар кермедегі бәйге аттарының сын-сипатын, бабын байқап, қай жүйріктің бағы жанғалы тұрғанын айтып, болжам жасайды. Хабаршылар *Атшабар! Атшабар!* деп жар салып, атайдаушылар бәйге аттарын түгелдеп, санап шығады да, түс ауа аттарды межелі жерге айдап әкетеді. *«Атыңыз бәйгелі болсын!»* деп, ат иелеріне ізгі тілек айтылып жатады.

«Алуан-алуан жүйрік бар әліне қарай шабатын» дегендей олардың топ жарып оза шауып келетіндері де, құйрық тістесіп, өршелене келетіндері, ат қарасын көбейтіп, ортасын ала, соңына қарай келетіндері де болады.

Бәйгеге ат қосқандардың «өлсе, терісін аламын, өлмей тірі жетсе, бәйгесін аламын» деп, атын сертпен қосатын сенімділері де, «жүйріктің бағын сынап байқау» үшін үмітпен қосатындар да, бәйгеге «ат қосыпты» деген атақ үшін қосатындар да болады.

Кейбір деректерде айтылғандай, үш жүз жүйрік шапқан атақты ас-тойда бас тоғызға «күң», «өлі отау», «бесік жамбы» тігіледі. Ат бәйгенің ортасын ала келген топтың басындағыларына, соңғы топтың алдыңғыларына тігілетін арнайы жүлделері болады. Ас-той иелері жүлде тимеген ат иелерін құралақан қайтармай, *аттың теріне* деп шапан жауып, атшабарға кездеме беріп, қой өңгертіп қайтарады. Сыпыра озып, жүлде алмаса да, жарыста ат қарасын көбейтіп, соңындағылармен келсе де, ондай ат ас-тойдан бәрібір *бәйге аты* деген мәртебемен қайтады.

Бәйге аты мәртебесі болмаса, небір жел жетпес жүйріктердің құны құқықтық жақтан барымта-сырымта, жылқы ұрысы сияқты ел ішіндегі дау-дамайда мал иесі қай биге барса да, *«сырты түк, іші боқ»* жай ғана қылқұйрықтың құнымен теңестіріледі.

Жүздеген жүйрік жүгіртіп, небір атақты тұлғаларға рулы ел болып ас бергені туралы әртүрлі деректер аз кездеспейді. Бәйге аттарының санына ондай аста шектеу қойылмаған. Өйткені жер жаңғыртқан ат тұяғының дүбірі аруақтың (рухтың) ризашылығын туғызады деген байырғы мифтік-діни түсінікпен байланысты ас иелері неғұрлым бәйге аттарының көп болуын қалаған. Ел аузында мұндай асты *дүбірлі ас* деп атаған.

Бәйге аты сөреге жақындағанда келешілер, атшабарлар өз руының ұранын айтып, аруақ шақыруы *ат бәйгесі* концептісінің семантикалық құрылымда діни-мифологиялық компоненттің ерекше орын алатынын байқатады. Сонымен бірге бәйге атының *жал-құйрығын күземейтіні*, бәйге атын *кермеде ұстайтыны*, бәйге атына *шідер салмайтыны* т.б. ырым-тыйымдар да этнос санасындағы ерекше түсініктермен байланысты болып келеді.

Бәйге атының дауы. Мал дауының қиындығы әсіресе бәйге атына байланысты болып келеді. Дау-дамайдың аяғы рулы елдің қамшы тістескен төбелесіне де айналып кетеді. Өйткені бәйге атының иесі жеке адам болғанымен, оның атағы, мақтанышы аруақ шақырған рудың намысы іспетті болып саналады. Қазақтың арғы-бергі тарихында өткен *Төле*, *Қазыбек*, *Әйтеке* билердің билігімен *дау мұраты* бітіп отырған.

Аста-төк бір тойда бәйге атына талас болады.

Сөзіме күә тартам қалың елді,

Сипаған, аузын үрлеп, малым еді.

Қолбала, сегіз жаста тісі бүтін,

Тұғаннан бар мінезі мәлім еді, – деп бәйге атының иесі «аузын үріп, аяғын сылап қолынан құлындатқан өз малы» екеніне жалпақ жұртшылықты күә етеді. Сонда «ат менікі» деп отырған Төлебай сыншы қамшысын тастайды да өз дәлелін айтты. Мені ел босқа сыншы атап жүрген жоқ. Мен өмірімде көрмеген малдың енесін көріп, төлін танымын, төлін көріп енесін дәл ажыратамын. Ал мына жүйрік ат менің боз биемнің құлыны екені даусыз. Бір кезде буаз кезінде боз бием қолды болды

да, көз жазып қалдым. Ұры ауылымды торуылдап жүрген кезінде қолға түсіру үшін сойдауыттай жігіттерді күндіз-түні жылқыға қарауылдаттым. Арада бір жыл өткенде боз биемді мініп жылқы ұрлауға келген ұры қашып құтылды. Биемді тастап қашқан екен, ауаға ұшқаны, жерге сіңіп кеткені белгісіз, зым-зия құрыды.

Бием қолда болса да өзіме келді. Ал құлыны қайда деп жүретін едім. Бүгін бәйгеден озып келген сұр қасқаның осы боз биеден туған құлын екенін танып: «Өзіме қайтар, бәйгеге сен-ақ ие бола ғой» десем, көнер емес. Оның соңы төбелеске айналғанын бәрің де көріп-білдің, – деп өз уәжін айтады.

Іс қиынға айналған сол тұста жаңадан дауға билік айтып, бала би атанып жүрген Төлеге жиналған жұрт төре беру тізгінін ұстатады. Сонда билік жасаушы бала би екі жақтың да осы тұлпардың енесі атанған биелерін алдыртып, үш күндік жолға айдатады және үш күн дамыл бермей шаршатып келуді тапсырады.

Үшінші күні ел биліктөбеге жиналады. Екі бие де ақ көбігі ағып, болдырып әрең жетеді. Сол кезде байлаулы тұрған тұлпарға Төлебайдың тарпаң биесі оқыранып, желіні исініп, тұра қалады, тұлпар да енесін танып оқыранады. Сонда Төле би Төлебай сыншыға қарап, «тұлпар – сіздікі» дейді. Жиналған жұрт бала бидің төрелігіне разы болады. Бозбиені ұрлап құлындатып алған соң өзінің биесіне, – құлынын қасқыр жеп кеткен биесіне, теліп, қолбала қылып өсірген екен. Ал боз биені өз иесінің – Төлебай сыншының, ауыл жағына қоя берген екен. Әсіре жылқықұмар, сөйтіп, «өз ұрлығын» мойындап, ақиқатына қалың жұрттың көзін жеткізген бала би – Төлеге разы болып, «ұрлығын» мойындаған екен («Қазақтың ата заңдары»).

Бәйге атын арулау. Бәйге аты әбден қартайған соңғы шағында, жаны шығар кезде арам өлмесін деп, пышақ ұрып бауыздайды да басын кесіп алып, денесін көмеді, үстіне тас үйеді. Бас терісі алынған жүйріктің басын ақ матаға орап, әлгі үйген тастың үстіне қояды. Халықтық ономастикада бұндай орындарды *Тасоба*, *Үйгентас*, *Торатбасы* деп атайды. Ондай атаулардың кейбірі «*Көрінген сондайдан Торатбасы*, *Жаманды жаратқанша жаратпашы*» дегендей халықтың қара өлеңдерінде де ұшырасады. Қазақтың ежелгі жерлерінде *Тасоба*, *Үйгентас* атаулары аз кездеспейді. Осындай үйген тастарда мүк, қына басқан жылқы басының тұрғаны жайында деректер де бар. Көрнекті этнограф жазушы Сапарғали Бегалиннің деректі этнографиялық әңгімесінде Арқалықтың Босаға деген биігіндегі тасобада атақты бәйге аты Суаңкөктің басы тұрғаны туралы айтылады. С.Бегалин Суаңкөк пен оның иесі Бигелді батыр туралы ауызекі деректі жастау кезінде Мұса қариядан естіп, осы аттас этнографиялық әңгімесіне арқау еткен. Атақты сол Суаңкөкті Балта ақын:

*Суаң-суаң жүгірген,
Басын тартса бүгілген,
Байласа белдеу тартпаған,
Буланса нәр татпаған,
Айқай шықса орғыған,
Белестен белес сырғыған,
Тозаңын гана ел көрген,
Шабысын жалғыз жел көрген,
Леспеген құс ұшып,
Жанаспаған ат шауып,* – деп жырға қосқан.

Сөз соңы. Бәлкім оқырмандарымыздың бірі бұндай ескіліктерді несіне айтып отыр дер. Айтуға мәжбүрміз. Жаһанданудың алып құрсағында жұтылып кетпес үшін әр халық өткендегі ұлттық құндылықтарын елеусіз қалдырмай, еске алып, қайта қарап жатыр.

Робот техникасын жасаушы әлемдегі инженер ғалымдар да өз елінің дәстүрлі мәдениетіндегі құндылықтар жүйесін роботқа енгізуді мақсат тұтып отыр.

Сонымен, қорыта айтқанда, «ЖАҚСЫ АТ» концептісінің мазмұндық құрылымында дала малшылығының биоэкологиялық, биотехнологиялық ерекшеліктермен, қоғамдағы әлеуметтік қатынастармен байланысты ұлттық құндылықтарымызды аңғартатын мәнділіктер жатыр. Бұл – ұлы Абайды тағы бір оқығандағы түйгеніміз.

Әдебиеттер

Абай. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. Алматы: Жазушы, 1995. 73 б.

Ер қанаты / құрастырған Ж. Аупбаев. Алматы: Қайнар, 1987. 103-112 бб.

Қазақтың ата заңдары: Құжаттар, деректер және зерттеулер // Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. 10 томдық (Бағдарлама жетекшісі: С.З. Зиманов. қазақша, орысша, түрікше, ағылшынша. Алматы: Жеті жарғы, 2005 («Интеллектуал-парасат» заң компаниясы). 4-том. 2005. 552 б.

N. Uali

«ABOUT A HORSE»
Re-reading Abai

The article considers Abai's poem dedicated to horse in connection with the cognition of the nation. It also shows the place of a racehorse in ancient traditions.

Қ.С. Ахметжан

ҚР Мемлекеттік Орталық музейі

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: kaliolla1@yahoo.com

КӨШПЕЛІ ҚАЗАҚ ҚОҒАМЫНДАҒЫ САУҒА ИНСТИТУТЫНЫҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Өткен ғасырларда көшпелі қоғамдағы дәстүрлі әлеуметтік нормалардың бірі – *сауға институты* болды. Дереккөздері сауға институты көшпелі түркі-монғол халықтарында орта ғасырдың басынан қолданылғанын куәлейді. Көшпелі қазақ қоғамында бұл әлеуметтік институт XIX ғасырға дейін сақталып келді. XIX ғасырдың екінші жартысынан бастап қоғамдық институттардың өзгеруімен бұл әлеуметтік норма да қолданыстан шығып, бүгінде оның мән-мағынасы ұмытылған. Сондықтан әртүрлі ғылыми, ғылыми-көпшілік басылымдарда «сауға» атауына әртүрлі мағына беріліп, зерттеушілер оның мәнін түрліше, кейде қате түсіндіріп жүр. Мысалы, И.В.Ерофеева *сауға* - батырдың әскери олжадан алатын жеке үлесі деп қате тұжырым жасады (Ерофеева, 2010, с. 342).

«Сауға» сөзі, әр тілдердің өзіндік ерекшелігіне байланысты, әртүрлі нұсқада және түрліше мағынада барлық түркі халықтарының тілдерінде бар. Ноғай, қарақалпақ, түрік, азербайжан тілдерінде - *савқа*, ұйғыр тілінде - *сауға*, Кавказдағы түркі тілінің қыпшақ-оғыз тобына жататын халықтар - адығтар, кабардалықтар, қарачай-балқарларда *сауға*, қырғыз тілінде *сооға* нұсқасында қолданылып, «сый», «сыйлық», «марапат» мағынасын береді (Будагов, 1869, Т. 1, с. 647; Радлов, 1911, Т.4, с. 234; Этимологический словарь тюркских языков, 2003, Т. 7, с. 292-294; Киргизско-русский словарь, Т.2, с. 155). Түркі халықтарының тілдерінде бұл сөздің көптікті білдіретін *ат* (араб аффиксы) жалғауымен қолданылатын «*сауғат / савғат / савқат / сауқат / совғат*» нұсқалары да бар. Мысалы ноғайлардың тілінде - *савқат*, түрік, азербайджан - *соуғат*, ұйғырларда - *соғат*, кумықтарда – *сауғат*, қырғызша - *сооғат*, ортағасырлық шағатай тілінде - *сэвғат* болып келеді (Радлов, 1911, Т. 4, с. 529; Этимологический словарь тюркских языков, 2003, Т.7, с. 292-294). Қазіргі қазақ тілінде де бұл сөздің осы екі нұсқасы сақталған. 1985 жылы шыққан «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігінде» *сауқат* - бір жақтан заттай күйінде жіберілетін сәлемдеме деп түсіндіріледі, ал *сауға* – соғыста түскен олжадан сый деп дұрыс түсіндіріліп, бірақ оған ауланған аңнан берілетін сый деп, *сыралғы* сөзінің мағынасы қате қосылып қойылған (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, 1985, Т. 8, 213 б). Қырғыз тілінде де *сооға* - әскери олжадан сый, Қырым татарларының тілінде де *сауға* - әскери олжаның ханға тиесілі жарты бөлігі, хан пайдасына жиналатын алым (Радлов, 1911, Т.4, с. 234; Будагов, 1869, Т. 1, с. 647).

Ертеде көшпелі халықтарда соғыс негізгі табыс көзінің бірі болды. Сондықтан соғыста түсетін әскери олжаны бөлуге көп мән беріліп, оның заңдастырылған салты болған. Қалыптасқан салт бойынша міндетті түрде соғыста түскен әскери олжаның қомақты және ең жақсы бөлігі «*сауға*» деп аталып, ханға тиесілі болды да, оған арнаулы сый ретінде тартылып, қалған бөлігі соғысқа қатысқан жауынгерлерге таратылды. Жоғарыда келтірілген тілдік материалдар *сауға* салтының барлық түркі халықтарына тән болғанын көрсетеді.

Жазба дереккөздерінің мәліметтері билеушіге әскери олжадан «*сауға*» беру салты ортағасырлық қыпшақтарда болғанын куәлейді. Сауға сөзінің өзгерген нұсқасы *сайғат* сөзі әскери олжа мағынасында XIII ғасырда жазылған, «Кодекс Куманикус» деп аталатын, ортағасырлық қыпшақ тілінің сөздігінде бар (Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus, 1887, p. 125). Бұл сөз, әскери олжадан билеушіге (суверенге) тартылатын сыйдың атауы ретінде сол кезеңге жататын орыс жылнамаларында да кездеседі. 1171 жылы жазылған Ипатъев жылнамасында орыстың жас князі Игорь Святославич қыпшақ ханы Кончакты Ворскле өзенінің бойында өткен шайқаста жеңіп, осы жеңістен кейін соғыстан түскен олжадан өзінен дәрежесі үлкен ұлы князьдер Роман, Рюрик және Мстислав Ростиславичтерге *сайғат* тарту еткені айтылады (Полное собрание русских летописей, Т. II, с. 390-391). Орыстардың қыпшақтармен болған тағы бір шайқасынан кейін князь Ростислав Рюрикович те өзінің әкесіне, ағасы

Давид Смоленскийге және қайын атасы князь Всеволод Суздальскийге әскери олжадан *сайғат* тарту етеді, ал өз тарапынан олар да оған да көп сый сыйлайды (Полное собрание русских летописей, Т. II, с. 464-465). Осы жылнамада соғыста жеңіске жеткен қолбасшылар *сайғатты* өз әміршілеріне ғана емес, құрметті сый ретінде немесе бағыныштылықтың белгісі ретінде басқа елдің билеушілеріне де тарту еткені жазылады. Мысалы, Волынь князі Василко Романович литовтықтармен соғысып, оларды жеңген соң ағасы Галицк князі, король Даниил Романовичқа сайғат (ерттеулі аттар, найза, қалқан, дулыға) жібереді, сонымен бірге поляк князі Болеславқа да сайғат тарту етеді. (Полное собрание русских летописей, Т. II, с. 585). Ал 1259 жылы ол, ағасы князь Даниилдің тапсыруымен, Алтын орданың қолбасшысы Бурундайдың талабы бойынша оның Литвамен соғысына қатысып, бір шайқаста литвалықтар қосынын жеңіп, соғыстан түскен олжадан Бурундайға да сайғат әкеледі (Полное собрание русских летописей, Т. II, с. 578). Мұндай жағдайларда сайғатты қабылдаған жақ та өз тарапынан сый тартуы тиіс болған (Литвина, Успенский, 2013, с. 101).

Орыс тіліндегі тюркизмдерді анықтауға арналған көптеген зерттеулерде осы *сайғат* сөзінің семантикасы мен этимологиясын анықтауға көп көңіл бөлінеді. Алғашқыда бұл сөздің мағынасы - әскери олжа деп түсіндірілді (Мысалы, Словарь иностранных слов, 1910). Ал 1905 жылы орыстың шығыстанушы-тюркологы П.М. Мелиоранский сайғат – соғыста жеңіске жеткен қолбасшының әскери олжадан дәрежесі үлкен тұлғаларға құрмет ретінде тартылатын сый екенін, бұл сөз түркі тілі арқылы монғол тілінен ауысқан деп дәлелдеп жазған болатын (Мелиоранский, 1905, с. 125, 127). Неміс ғалымы К.Г. Менгес те сайғат сөзі әскери олжадан үлес ретінде Кодекс Куманикуста кездесетінін айтып, негізгі мағынасы әскери және аңшылық олжадан берілетін сый және алыстан туыстарға, достарға әкелген сый екенін, орыстарға түркі тілінен ауысқанын жазады (Менгес, 1979, с. 135-136). Осы және басқа зерттеулердегі тұжырымдардың негізінде *сайғат* сөзінің мағынасы вассалдың өз сюзереніне және дәрежесі жоғары тұлғаларға әскери олжадан тартылатын сый екені анықталған болатын (Попов, 1972, с. 38-39; Литвина, Успенский, 2013, с. 97-98). Сайғат сөзінің мағынасын талдауға арналған зерттеуінде П.П.Толочко да сайғат терминін «әскери олжадан суверенге тартылатын сый» деп түсіндіреді (Толочко. 2007, с. 358-359). Бірақ, кейбір зерттеушілердің еңбегінде сайғат мағынасын әскери олжа деп түсіндіру кейінгі уақыттарда да кездеседі. М. Фасмердің «Орыс тілінің этимологиялық сөздігінде» көне орыс жылнамаларында (Ипатьев. жылнамасы. 1174 и 1193 ж.) кездесетін «сайғат» сөзінің этимологиясы (мағынасы) «әскери олжа» деп қана берілген (Фасмер, 1986, Т.3, с. 545).

Ғалымдар *сайғат* сөзі орыс тіліне қыпшақ тілінен ауысқан деп санайды (Словарь тюркизмов в русском языке, 1976, с. 271). Бірақ арғы түбі түркі тіліне монғол тілінен енген *сауга/саугат* сөзінің өзгерген нұсқасы деп айтылады (Мелиоранский, 1905, с. 125). Ал XII ғасырда бұл атау түркітілдік ортадан (қыпшақтардан) орыстарға енген. Сауғат (сайғат) термині қыпшақтарда вассалдың сюзеренге, аймақтың билеушісіне және лауазымы үлкен адамдарға әскери олжадан үлес бөлу салтын мағыналады. Көшпелі халықтарда бұл салт - әлеуметтік иерархиялық байланысты белгілейтін рәсім түріндегі және көп жағдайда сый алмасумен жалғасытын күрделі ғұрып түріндегі салт болған. Орыс жылнамаларында осы сайғат салтының айтылуы, өзара әскери және мәдени қарым-қатынастар барысында орыстар көшпелі түркі халықтарынан кейбір салтты да қабылдағанын куәлейді (Литвина, Успенский, 2013, с. 96-101).

Жоғарыда кейбір сөздіктерден келтірілген анықтамаларда сауғаны «аңшылық олжадан берілетін сый» деп те қате түсіндірілетінін айттық. Бірақ аңшылық олжадан берілетін сый, үлес түркі-монғол халықтарының тілдерінде «сыралғы/сыралқы» деп аталады (ҚТТС, 496 б.). «Аңшыдан - сыралғы, батырдан - сауға» деген қазақ мақалы осыны білдіреді. Сондықтан аңшылық олжадан берілетін үлес сауғаға жатпайтынын айта кетпекпіз.

Орта ғасырда билеушілерге, әлеуметтік дәрежесі жоғары адамдарға әскери олжадан *сауга* беру, аңшылық олжадан *сыралғы* беру салты монғолдарда да болғанын жазба дереккөздері куәлейді (Козин, с. 80, 227, 235). Сондықтан Шыңғыс хан құрған монғол мемлекетінде де ханға әскери олжадан *сауга* мен аңшылық олжадан *сыралғы* сыйлау міндеткерлігі болған. Шыңғыс ханның уақытында монғолдарға жіберілген қытай елшісі Чжао Хун монғолдарда әскери олжа белгілі тәртіппен бөлінетінін жазады: «Әрқашан барлығы жоғарғы және төменгілерден бастап олжаның бір бөлігін император Шыңғысқа тарту етуге қалдырады, қалғаны басқаларға дәрежесіне сай таратылады» (Мэн-да бей-лу, 1976, с. 68). Ханның бұл құқы, нөкерлердің әміршісінің алдындағы бұл міндеті монғолдардың XIII ғасырдағы «Құпия шежіре» (қыт. «Юань-чао би-ши») атты тарихи жылнамасында да, XVII ғасырдағы «Алтын топшы» атты монғолдың тарихи шығармасында да айтылады. Монғол тайпаларының көсемдері Алтан, Хучир және Сэчен-бекилер өзара келісіп, Тэмучинға келіп: «Сені қаған сайлаймыз! Сен қаған болғанда біз:

Көп жауға жорыққа аттанып,

Сарайға сұлу да әдемі қыздарды,
Басқа халықтың көркем жүзді хатундарын,
Мүсіні әдемі жақсы аттарын тартып алып,
Желдіртіп айдап әкеп саған береміз.
Біздер жабайы аңдарға ауға шыққанда
Олардың ізін кесіп ұстап, саған береміз,
Біздер орман аңдарын іздеп тапқанда,
Қуып әкеліп саған береміз», - дейді. (Лубсан Данзан, 1973, с. 99).

Бұл сөздер – ортағасырдағы нөкерлердің өз әміршісіне (вассалдардың өз сюзереніне) беретін сертінің бір үлгісі, бұл үзіндіде олардың соғыста түскен әскери олжадан және қамалап аң аулауда түскен олжадан ханға тиісті үлес беру міндеті көрініс тапқан. Бұл серт сөздері «Алтын топшы» шығармасының көп бөлігіне негіз болған «Құпия шежіре» атты тарихи туындының мәтінін қайталайды, бірақ тайпа көсемдері үшін де, Тэмучин үшін де ол белгілі болғандықтан бұл үзіндіде олжалардан ханның үлесі қанша екені айтылмайды. Ал «Құпия шежіреде» ханға тиесілі үлестің көлемі қанша болғаны нақтырақ айтылады.

Тауда аулаған аңдардан
Саған жартысын бөліп отырамыз (Козин, 1941, с. 108).

Яғни, феодалдық дәуірде монғолдарда барлық әскери мен аңшылық олжалардан ханға ауқымды үлес (кейде жартысына дейін) берілгенін көреміз.

Монғол империясының мұрагерлері болған Жошы ұлысында, Алтын Орда мемлекетінде, кейін олардың ыдырауы барысында пайда болған Ақ Орда, Ноғай Ордасы, Қырым хандығы сияқты мемлекеттерде де «сауға» институты сақталды. Сол кезеңдердегі арнайы жарлықтар деректері бұл мемлекеттерде көшпелілерден хан пайдасына жиналатын алым сый ретінде «сауға» заңды түрде бекітілген қоғамдық міндеттердің бірі болып, сол кездегі заңдармен бекітілді (Усманов, 1979, с. 256). Ханға тиесілі сауғаны жинайтын арнаулы «сауғашы / сауқашы» қызметі де болған (Усманов, 1979, с. 225). Әскери олжадан хан үлесін бермегендерге жазалау санкциясын қолданылды. Мысалы, Жошы, Шағатай және Үгедей Үргеншті басып алғанда түскен олжадан тиісті үлесін бермегені үшін Шыңғыс хан тарапынан жазаланады (Мэн-да бей-лу, 1976, с. 68). Әдетте әскери олжадан «сауға» беру міндетінен кейбір адамдар (мысалы «тархандар») ғана тек ерекше сіңірген әскери қызметі үшін ғана арнаулы хан жарлығымен босатылған. Монғол шежіресі «Алтын топшыда» ол туралы былай айтылады. Шыңғыс хан сіңірген еңбегі үшін өзінің көптеген серіктерін (өмірін сақтап қалған Торған Шира мен оның ұлдары Чимбай мен Чилагінді, бақташылар Бадай мен Кишлигіті және т.б.) «дархан» - «қылшан мен қауырсын тағушылар» және «қорчи» - «қылшан ұстаушылар» атағымен марапатап:

«Егер көп жаулардан олжа түсірсеңдер,
Олжалағандарыңды өздеріңе алыңдар.
Аң аулауда тағы аңдарды ұстасандар,
Ұстаған аңдарыңды өздеріңе алыңдар», - дейді. (Лубсан Данзан, 1973, с.100-102,155).

«Құпия шежіре» бойынша бұл сюжетте Шыңғыс хан былай дейді: «Бадай мен Кишлих сияқты, Сорхан-Шира сендер дархандыққа ие болыңдар, сондықтан жауға қарсы жорықта немесе жабайы аңдарға ау жасағанда түскен барлық олжаны өздерің жеке және бөліспей өз пайдаларыңа алыңдар» (Козин, 1941, с.167). Яғни хан өз бұйрығымен оларды сауға мен сыралғы беру міндетінен босатады.

Алтын Орданың ыдыраумен пайда болған мемлекеттерде әскери олжадан тікелей «сауға» беру міндетінен босататын жеңілдік жарлықтары да болды (Усманов, 1979, с. 256). Мысалы, Парсы шахының билуші өкілі (наместниіні) Мухаммед ханмен соғыста көрсеткен ерлігі үшін Хаджи-Хайруллы-Шейхтың ұлы Абдурразакқа 1579 жылы Қырым ханы Мухаммед-Гирей ханның берген осындай жарлығында, оның өзін және оған қарасты көшпелі 32 ауылды осы «сауға» сый алымын төлеуден босатады. Жарлықта бұған дейін де оның осы сауға деп аталатын сый алымнан ханның аталары Меңлі Гирей мен Хадж-Гирей хандар тарапынан босатылғаны көрсетілген. Осындай сауғадан босататын жарлық 1585 жылы Ислам-Гирай II ханның атынан Абдрахман-шейхке де берілген (Усманов, 1979, с. 51,256).

Тарихи даму барысында әскери олжадан ханға сый ретінде «сауға» тарту дәстүрі ұзақ жылдар бойы институциалану арқылы көшпелі қоғамдағы дәстүрлі әлеуметтік нормалардың, әлеуметтік тәжірибенің біріне айналды. Ауызша дереккөздері бұл сауға тарту дәстүрі кейін Қазақ хандығында да сақталғанын куәлейді. Ауыз әдебиеті деректеріне сүйенсек көшпелі қазақ қоғамында қолданылған «сауға» салты әскери олжадан ханға тиесілі үлес мәнімен ғана шектелмейді, фольклорлық материалдар «сауға» институтының басқа да қырлары мен әлеуметтік нормалары болғанын көрсетеді. Қазақтарда

«сауға» ұғымы әрбір жауынгердің өзінің әскери олжасынан соғысқа қатыса алмағандармен бөлісу міндетін де қамтыды.

Қалың қол жүріп кетті Алатауға,
Олжа алып келеміз деп жұртқа сауға.

Көтеріп Абылайдың алтын туын,

Ұран сап батырлары кетті жауға. «Жәнібек батыр» (Бабалар сөзі, 2010, Т. 59, 184 б.)

Әсіресе бұл әлеуметтік ереже бар өмірі соғыста өтетін батырларға міндетті болған. Қазақтарда «Батырдан - сауға, аңшыдан - сыралғы», «Ерден - сауға, мергеннен - сыралқы», «Олжа – елге сауға, атақ – ерге сауға» деген халық мақалдары бар. Яғни, қазақтарда сауға институты батыршылдық институтымен тікелей байланысты болды.

Қол бастап аттанғанда талай жауға,

Қазаққа көп түсірді олжа-сауға. (Бабалар сөзі, 2010, Т. 59, 237 б.)

Қазақтарда ертеден қалыптасқан салт бойынша соғысқа қатыса алмаған кез келген адам «сауға» сөзін айтып жауынгердің әскери олжасынан өзіне қалаған үлесін сұрап алуға құқылы болған. Сауға сұраған адамды «сауғашы» деп атады.

Қалмақ шауып, ханды өлтіріп, батыр келді,

Жабылып, жапырлап ел: «сауға» деді.

Мал-мүлікті, атты елге үлестірді. «Есім хан» (Бабалар сөзі, 2009, 56-том, 273 б.).

Алдынан шықсаң қуанып,

«Батыр, сауға!»- дегенге

Қалағанын береді.

Бір өзіне батырдың

Он екі жесір тиеді.

«Батыр – сауға» дегенге

Үлестіріп береді. «Барақ батыр» (Бабалар сөзі. 2010, Т. 60, 38,50 б.).

«Сауға» институты көшпелі халықтарда елдің ішіндегі асыраушысы жоқ, кедей, жарлы, кемтар адамдарға да әскери олжадан үлес алуға мүмкіндік беретін әлеуметтік қамқорлықтың бір формасы болды.

Ноғайлының аш-арық

Ол да келді шетінен,

Олжа сұрап аларға,

Сауға сұрап барарға,

Айсадайын бабамыз

Сауға сұрап келгенге

Аямай бөліп береді. «Алау батыр» (Қазақ халық әдебиеті, 1990, Т. 6, 221 б.).

Фольклорлық деректер сауға сұрағанға «сауға беру» дәстүрі көшпелі қазақ қоғамындағы тұрақты әлеуметтік нормалардың бірі болғанын көрсетеді. Ертеден келе жатқан дәстүрлі жол, ғұрып ретінде «сауғалаған» адамның талабы міндетті түрде орындалуға тиісті болған. «Наурызбай-Ханшайым» жырында Кенесарының інісі Саржан сұлтан арғынның Темеш еліне қайындап бара жатқан жолда, сол елді шауып, қайтып келе жатқан Шымыр руының Бөрте, Бұлғақ деген батырларының жасағымен кездесіп қалады. Оны білген Саржан Бөрте биге серігі Балтабекті жұмсап, шабылған елдің мал-мүлкін қайтарып беру үшін осы дәстүрге сүйеніп, шапқан олжаны сауғаға сұрайды.

«...Балтеке, сөзге құлақ салсаң – деді, -

Хақ, сірә, бұл сөзіме нансаң – деді, -

Ерден ердің сауға сұрар жолы бар, - деп,

Сауға сұрай осыларға барсаң», - деді.

Жылап жатқан елді бір қуантайын,

Осы олжасын бір жолға берсін», - деді.

«Бөрте айтты «Саржан сөзін оң көремін,

Жолдан асу бойыма мін көремін.

Сауға сұрау – ежелден қазақ ғұрпы,

Бергендерің бір жолға жөн көремін. «Наурызбай-Ханшайым» (Қазақ халық әдебиеті, 1996, Т.3, 189,193-194 б.).

Бұл үзінділерде батырлардан «сауға сұрау» ежелден келе жатқан дәстүр жолы екені, оны орындаудан бас тартуға болмайтыны анық айтылады. Егер ханға берілетін сауғадан батырлар хан жарлығы арқылы босатылатын болса, елге берілетін сауғадан оларды ешкім де, ешқашан да босатқан емес. Осылайша ханға және елге сауға беру батырлар сословиесі өкілдерінің қоғамдық міндеттерінің

біріне айналады. Әскери олжадан «сауға» тек ханға ғана сый ретінде тартылмай, одан батырлар бір-біріне де сыйлап, немесе бір-бірінен сый ретінде де сұрап алатын болған.

Патшадан алған шұбарды

Берсеңші маған сауғаға.

Сауғаға батыр береді

Патшаның мінген тұлпарын. «Ер Қосай» (Ақсауыт, 1977, Т.2, 38 б.)

Орақтайын еріңіз

Қалмақтың атын, қаруын

Көкшеге тарту қылады. «Көкше батыр» (Қазақ халық әдебиеті, 1990, Т.6, 112 б.).

Әдетте әскери олжаға жаудан басып алынған дүние-мүліктен, малдан, қару-жарақтардан басқа, қолға түскен тұтқын адамдар да кіретіні белгілі. Дәстүр бойынша «сауғаға» адамдар әскери олжадан үлес қана емес, соғыс кезінде тұтқынға түскен адамның бас бостандығын сұрап алуға, оның жанын өлімнен сақтап алуға да құқылы болды. «Сауға» сұрау арқылы басын, жанын өлімнен арашалауға әскери тұтқынның өзіне де мүмкіндік берілді.

Сапабектей асылзат

Қол қусырып батырдан

Сауғаға жанын сұрады. «Қисса Көрұғлы» (Қазақ халық әдебиеті, Т.4, 138 б.)

Басына бостандық немесе жанына араша сұрайтын тұтқын адам ол үшін «жан сауға» немесе «бас сауға» деп айтуға тиісті болды. Сондықтан қазақ тілінде «басын сауғалау», «жанын сауғалау» сөз тіркестері бүгінде жанама мағынада «адамның өз басын, жанын өлімнен сақтауға тырысуы» дегенді түспалдайды (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, 1985, Т.8, 210 б.).

Қол қусырып Сырын ер

Құлдық етті иіліп.

-Жан сауға, - деді, - батырым,

Бар емес пе ақылың? «Орта жүз Олжабай батыр» (Бабалар сөзі, 2010, Т.59, 77 б.).

«Батырдан сауға», - деген бар,

Сауға бер батыр, аламын.

Әскерім қайтты асығыс,

Ұзақ болсын жасыңыз!

Өмірі жан өлмесін!

Сауғаға бер басымыз. «Барақ батыр» (Бабалар сөзі, 2010, Т. 60, 103 б.).

Қоғамдық формациялар ауысып, дәстүрлі әлеуметтік институттардың жоғалуымен бүгінде «сауға» сөзінің негізгі мәні ұмытылып, тілімізде осы мағынасы ғана көбірек сақталып қалған.

Сонымен, айтылғандардың бәрін түйіндей отырып, мынандай **тұжырымдар** жасауға болады:

- Жазбаша-ауызша дереккөздері көшпелі түркі-монғол халықтарында «сауға» институты көптеген әлеуметтік нормаларды қамтитын, тұрақты қалыптасқан, ережелері міндетті түрде орындалуға тиісті болған дәстүрлі салт болғанын көрсетеді.
- Өткен ғасырларда түркі-монғол халықтарында бұл дәстүр мемлекеттік деңгейде заңмен бекітілген құқықтық норма болды.
- Қоғамдық деңгейде бұл институттың әлеуметтік нормалары әдет-ғұрып заңдарымен, құқықтарымен реттелді.
- Қазақтарда сауға ұғымы әскери олжадан билеушіге берілетін үлесті және соғысқа қатыспаған адамдарға да берілетін үлесті қамтыды.
- Сауға ортағасырлық түркі мемлекеттерінде көшпелі халықтардан жиналатын алымның бір түрі болған. Оны жинауға арнайы «сауғашы» қызметі болды. Бұл алым түрінен адамдар ерекше сіңірген әскери қызметі үшін арнайы хан жарлығымен ғана босатылды.
- Әскери олжадан соғысқа қатыспаған адамдарға да үлес алуға мүмкіндік беру арқылы «сауға» салты көшпелі қазақ қоғамында ел ішіндегі асыраушысы жоқ адамдарды әлеуметтік тұрғыдан қорғаудың бір формасы болған.
- Соғысқа қатыспаған адам әскери олжадан үлес алу үшін соғыстан олжамен оралған батырларға «сауға» сөзін айтып, қалаған үлесін сұрауға құқылы болды. Ал «сауғашы» адамның сұранысын орындау батырларға міндетті болған.
- Сауға институты салттық деңгейде батыршылдық институтымен тығыз байланысты, әскери олжадан сауға беріп, елді асырау бар өмірі соғыста өтетін батырлардың қоғамдық парыздарының бірі болды.

- Әскери олжадан сауға сый түрінде ханға ғана емес, әлеуметтік дәрежесі жоғары адамдарға да тартылып, батырлар бір-біріне де, басқаға да сыйлаған. Сондықтан, бүгінде түркі халықтарының тілдерінде ««сауға» сөзінің «сый» мағынасы көбірек сақталып, ал «сауқат» нұсқасында жалпы сый, сыйлық дегенді білдіреді.
- Дәстүрлі әлеуметтік институт, әлеуметтік норма ретінде сауға салты қазақтарда ХІХ ғасырдың аяғына дейін қолданылып келді. Қоғамдық-экономикалық формацияның өзгеруімен, қазақ қоғамында соғысты кәсіп еткен батырлар сословиесінің жоғалуымен, хандық биліктің жойылуымен қазақтарда бірте-бірте сауға институты да жоғалды.

Әдебиеттер

- Ақсауыт. Екі томдық. Алматы: Жазушы, 1977. Т. 1: Батырлар жыры / Құраст., алғы сөзін, түсініктерін жазған О. Нұрмағамбетова. 367 б. Суретті. Т. 2: Батырлық дастандар. 378 б.
- Бабалар сөзі: Жүз томдық. Астана: «Фолиант», 2010. Т. 59: Тарихи жырлар. 400 б.
- Бабалар сөзі: Жүз томдық. Астана: «Фолиант», 2010. Т. 60: Тарихи жырлар. 448 б.
- Бабалар сөзі: Жүз томдық. Астана: «Фолиант», 2009. 56-том. Тарихи жырлар. 350 б.
- Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий в двух томах. Т.1. Спб: Типография императорской Академии наук, 1869. 816 с.
- Ерофеева И.В. Институт батыров в структуре военной организации казахов-кочевников // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: Сб. материалов междунауч. конф. Алматы: «Издательство LEM», 2010. С. 322-352.
- Киргизско-русский словарь. В двух книгах. - Кн. 2. Л-Я. / Составил проф. К.К.Юдахин. – Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии, 1985. 480 с.
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongol-un Nurica tobcian. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Том I. Введение в изучение памятника, перевод, текст, глоссарий / Отв. редактор А. П. Баранников. Предисловие Н.Н. Поппе. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1941. 619 с.
- Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Редкол. І.К.Кенесбаев, А.Н.Ысқақов ж.б. Т. 8. II - Т. Алматы: Қазақ ССР-нің «Ғылым» баспасы, 1985. 591 б.
- Қазақ халық әдебиеті: Көп томдық / Қаз ССР Ғылым академиясының М.О. Әуезов атындағы әдебиет және өнер институты. Т. 4: Батырлар жыры. Көрнегі / Құраст. М. Ғұмаров, Ж. Әбішев. Алматы: Жазушы, 1989. 400 б. суретті.
- Қазақ халық әдебиеті: Көп томдық / Қаз ССР Ғылым академиясының М.О. Әуезов атындағы әдебиет және өнер институты. Т. 6: Батырлар жыры (Мұрын жыраудан қалған мұралар) / Құраст. Қ.Сидықов, О. Нұрмағамбетова. Алматы: Жазушы, 1990. 272 б. суретті.
- Қазақ халық әдебиеті. 3-том. Тарихи жырлар. Кенесары-Наурызбай. Алматы: Білім, 1996. 224 б.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. / Отв. ред. Ю.В.Кагарлицкий. М.: ПОЛИМЕДИА, 2013. 280 с.
- Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание») / Перевод с монг., введение, ком. и приложение Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.
- Мелиоранский, П.М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. 1905. Т. 10, кн. 2. С. 66-92.
- Менгес К.Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. 268 с.
- Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения Н.Ц.Мункуева. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1976. 288 с.
- Полное собрание русских летописей. Изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе. Спб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 638 с.
- Попов А.И. П.М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке. // Тюркологический сборник. 1972. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. С. 36-50.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. СПб.: Тип. Импер. акад. наук, 1911. 107 с.
- Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи : С портр. и краткой биограф. А.Н. Чудинова / Сост. под ред. А.Н. Чудинова. 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1910. 676 с.
- Словарь тюркизмов в русском языке / Составитель Шипова Е.Н. Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1976. 444 с.
- Толочко П.П. О значении и происхождении летописного слова «сайгат» // RUTHENICA. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2007. № 6. С. 356-359.
- Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Издательство Казанского университета, 1979. 321 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. Т.3 (Муза - Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 832 с.

Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские лексические основы на букву «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Восточная литература РАН, 2003 г. 446 с.

Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. Manuscript der Bibliothek der Marcus-kirche in Venedig. Nach der Ausgabe des Grafen Kuun (Budapest 1880). Von Dr.W. Radloff. St.-Petersbourg, 1887. 134 s.

K.S. Akhmetzhan

CHARACTERISTICS OF “SAUGHА” INSTITUTION IN NOMADIC SOCIETY OF KAZAKHS

This article studies characteristics and peculiarities of a traditional institution in nomadic society of Kazakhs known as “saughа”, as well as its purpose and social norms, which had enabled its social functions. Written and spoken sources and linguistic materials indicate that institution of saughа has been in practice by all Turkic and Mongolian peoples and had been established as a common tradition by the times of Middle Ages. In medieval manuscripts saughа as a term is applied to a part of military extractions, which is presented to rulers or other nobles with highest social status. In the Golden Horde “saughа” was a part of levy, which was obligatory to contribute to the benefit of khan from any military extractions. This obligation was stipulated by the law and person responsible for collecting it was called “saughashy”. Information from folkloric sources suggests that Kazakhs by saughа implied rights of the people, who did not participate in military actions, to receive as present or gift a share of military extraction obtained by professional warriors, “batyrs”. In this way, by distributing saughа from their own earned share of trophies, Batyrs supported poor and socially disadvantaged members of their community.

In summary, main function of the saughа institution was to regulate distribution of military resources, obtained during war, meet the needs of communities, and assure stable means of living. This social institution has survived in Kazakh society by the end of XIX century.

Р.Н. Шойбеков

ҚР Мемлекеттік Орталық музейі

Алматы қ., Қазақстан

E-mail:sh.rs@mail.ru

КЕЛІН ТҮСІРУГЕ БАЙЛАНЫСТЫ САЛТ-ДӘСТҮРЛЕР

Ата-ана үшін үйленген баласының, отбасылы жігіттің аталары мен апалары, туған-туысқандары үшін інісінің әйелі *келін* деп аталады. Тұрмысқа шыққан жас әйел күйеуінің ата-анасы мен бірге туған ағаларына, аталас, рулас, жасы үлкен ағайындары мен олардың әйелдеріне, басқа елге ұзатылып кеткен апаларына келін болып саналады. Тұрмысқа таяуда шыққан жас жалпы жас әйелді, келіншекті де *келін* дейді. Жасы үлкен қариялар баласы мен немересінің, өзінен көп жас кіші інісінің әйелін ағалары *келін бала* деп те атайды. Байырғы салт-дәстүр бойынша белгіленген уақытта атастырылған қызды жасауымен ұзатып әкелуді *келін түсіру* дейді. Келін түсірудің қалыптасқан салт-дәстүрі мен іс-шаралары, ырымдары бар. Олар *келіншек көшіні қарсы алу, қыз киімін ауыстыру, шымылдық құру, атасының үйіне кіргізу, отқа май құю, үйлену тойын өткізу, келіннің бетін ашқызу* және т.б. дәстүрлі шараларды қамтиды.

Келін қарсы алу – келіншек көшінің алдынан шығып күтіп алу. Қалыңдық жасауы, қызға берілген дүние-мүлік артылған көш қыздың аулынан шығып, келін болып түсетін аулына жақындағанға дейін *қыз көші*, ауылға жақындап қалғанда *келіншік көші* деп аталады. Ұзатылып келе жатқан қыздың басындағы сәукелесі мен киімі, мінген аты, күмістелген ер-тоқымы, түйеге артқан жүгі мен жабылған кілемі, басқұрмен шандыған қоршауы және т.б. көз тартатын сәнді болады. Келіншек көшінің осындай әдемі көрінісін *келін салтанаты* деп атайды. Келіншек көшіндегі келінге тігетін отаудың шаңырағы жеке түйеге артылып, басқаларынан ерекше безендірілген түйе көшті бастап алдында жүреді. Оған адам мінбей, түйені атпен жетелеп жүреді. Келіншек көшін бастайтын шаңырақ артылған түйені *шаңырақ түйе* деп атайды (Кенжеахметұлы. 1998, 58-б.).

Келесі бір түйеге келіннің ең жақын адамдары – қыздың шешесі, жеңгесі, сіңлісі мініп келе жатады. Айта кету керек, қыздың шешесі мен жеңгесі және сіңлісі мініп келе жатқан түйені де *шаңырақ түйе* деп атайды. Қыздың ең жақын адамдары мініп келе жатқан түйеге бөтен адам, сондай-ақ жолшыбай кездескен адам да мінбейді. Өйткені ол түйе келін үшін өте ыстық, қасиетті мал болып саналады. Ал,

кандай да бір себеппен бөтен адам ол түйеге міне қалса, оны көрген жұрт «...пәленше келіннің шаңырақ түйесіне мініп келді» деп мазақ қылған (Кенжеахметұлы. 1998, 58-б.).

Шаңырақ түйе бастаған келіншек көшін жол бойында кездескен ауылдың әйелдері, жастары шаңырақ түйені жетелеп келе жатқан аттың ноқтасынан немесе түйенің жезбұйдасынан ұстап, «түйемұрындық бер» деп кәде сұрайды. Қыздың шешесі оларға сыйлық беріп, түйемұрындық кәдесін алғандар жастарға бақыт тілеп, жол болсын айтады (Кенжеахметұлы. 1998, 57-б.). Келіншектің салтанатты көші күйеу аулына жақындап қалғанда ауылға хабаршы жіберіледі. Көш ауылға таяп келгенде жасаулы көштің алдынан қыз-келіншектер, үлкен әйелдер шымылдық, орамал алып шығып, шашу шашады. Келінді және оның шешесі мен жеңгелерін қыз-келіншектер аттан түсіріп, келіннің басына бүркеншік салады. Осындай қызметі үшін оларға білезік, моншақ, сырға тәрізді кәделер беріледі (Қалиев, Оразаев, Смайылова. 1994, 161-б.). Келіннің салтанатты көшін бастап келе жатқан қыз жеңгесін *мұрындық ана* дейді. Мұрындық анаға *мұрындық*, *түйемұрындық* деп аталатын кәделер беріледі.

Келінді қарсы алуға келген әйелдер оны аттан түсіріп алған соң басына желек жауып, әйелдердің біреуі келіннің атына мінеді. Салт бойынша келіннің атын жолы ашық, өмірі баянды, балалы-шағалы, ибалы әйелдердің бірі мініп, елден бұрын ауылға жетеді. Оны ауыл адамдары шашу шашып қарсы алады. Келіннің атына мінген адам аткөрпенің арасына салынған *тақымтартар* деп аталатын кәде алады. Келіннің атына мінген әйелге әлгіндей талап қойылатын себебі: «келін де соның ізін басып, перзентті болсын, бақытын тапсын, дәулеті шалқысын, әдепті болсын» деп ырымдаудан туған.

Келінді қарсы алуға шыққан адамдардың бір тобы жүк артылған көліктерді бастап ауылға әкеледі. Бұл топты да есік алдында жиналып тұрған әйелдер шашу шашып қарсы алады. Дәстүр бойынша шаңырақ түйенің алдынан шығып, бұйдасын кім бұрын ұстап, ауылға, есік алдына жетелеп келсе, оны *түйемұрындық ана* деп жолын жасап, кәдесін береді. Жылдамдатып келінді түсіретін отау үй тігіледі.

Отау үйдің шаңырағын ауылға сыйлы, беделді ер-азамат көтереді. Шаңырақ көтеретін бақанды демеп ұстау ауылдағы бала-шағасы көп, ауыл-аймаққа қадірлі анаға тапсырылады, басқа әйелдер мен қыз-келіншектер үйдің керегесін тұрғызып, уығын қадап, туырлығы мен үзігін, түндігін жабады. Келінді отауға кіргізіп, шымылдық ішіне отырғызып, қасына бірнеше қыз-келіншектерді қосады. Кейбіреулер келінді көргісі келіп, шымылдықтың ішіне кіріп, келіннің бүркеншігін ашып көріп кетіп те жатады.

«Келінді келгенде көр, септі жайғанда көр» дегендей теңдер шешіліп, септер жайылып, келіннің жасауын жұрттың көріп шығуы үшін отаудың алдына немесе ішіне қоятындарын (жиһаз, ыдыс-аяқ) қойып, ілінетіндерін (киім, мата, тұскиіз, қаршын және т.б.) іліп қояды. Жасауды ең алдымен жігіттің әкесі, шешесі көріп шығады, артық-кемді бағасын береді, тілектерін айтып, дұға қылады. «Тойдың болғанынан боладысы қызық» дегендей келінді қарсы алуға дайындық туған-туыс, ауыл-аймақтың әзіл-қалжың, ойын-күлкі, көтеріңкі көңіл күйімен жасалады. Одан кейін келін түсіру рәсімдері орындалады.

Келін түсіруге байланысты рәсім, салт-дәстүрлер. Бұл – келін түскенде атқарылатын мифтік, ырымдық, тәрбиелік мәні бар ұжымдық іс-шаралар жүйесі.

Ы.Алтынсариннің Орынбор аймағы қазақтарының XIX ғасырдағы тұрмыс-салтына байланысты жазған этнографиялық деректерінде құда түсу, қыз ұзату және келін түсіру дәстүріне арнайы тоқталып, онда күйеу аулына қалыңдықпен бірге қыз шешесінің бірге келетіні, сый-сыяпатын алып, ауылда үш-төрт күн жатып қайтатыны, келін түсіру үшін атасының үйінің оң жағына отау үй тігіліп, ішіне келіннің жасаулары ілінетіні, келіп көрген жұрттың оған бата беретіні, келіннің осы жаңа отауда шымылдық ішінде бетіне перде жауып отыратыны, сол күні кешке келінді екі жағынан екі әйелге қолтықтатқан бір топ әйелдің атасының үйіне әкеліп табалдырық аттататыны, табалдырықтан аттаған бойда ошаққа жеткенше үш рет тізе бүгіп сәлем ететіні, үй ортасында жанып тұрған отқа тұтатып май құятыны, келінді үйдің сол жағына, есікке таман отырғызатыны баяндалып, одан кейін беташар жырының басталатыны, беташардан кейін келінді өз отауына алып баратыны айтылады (Алтынсарин. 200, 182-183-бб.).

Үйленуге байланысты әдет-ғұрыптарды үш кезеңге бөлуге болады: 1) құда түсу, 2) үйлену тойы; 3) үйлену тойынан кейінгі рәсімдер. Келін түсіру рәсімдері үйленуге қатысты әдет-ғұрыптардың екінші кезеңіне жатады. Жоғарыда аталған салт-дәстүрлер қазақ елінің барлық жерінде орын алған. Алайда, құда болып немесе бір себептермен қызды алып қашу арқылы келін түсіргенде келе жатқан келінді арнайы дайындықпен қарсы алып, үйлену тойына дейін орындалатын ырым-жора, рәсімдерді атқаруда ортақ жайттармен бірге жергілікті аймақтық өзгешеліктер де кездеседі (Әжіғали, Байғабатова, 2005, 1, 183-б.).

Оңтүстік Қазақстанда келін келгенде ең алдымен ырым етіп отқа май құяр ырымы мен басына орамал салуда кейбір ерекшеліктер анық байқалады. Келін келе жатқанын ести салысымен үлкен қазанның астына от жағып, қойдың құйрық майынан жеті түйір май алып, қызыл орамал дайындап қояды. Келе жатқан келіннің алдынан бір топ қыз-келіншек шыққанда елге үлгілі келіндердің бірі келген келіннің басына қызыл орамал салып, қолтығынан ұстап, қара қазанның басына апарып, беті бүркеулі келіннің қолына май беріп, ыдысқа салынған оттың шоғына жеті түйір май салғызады. Келін отқа майды неғұрлым көбірек салса, оның ырысы соғұрлым көп болады екен деп ырымдайды; аруақтарға сыйынып, «мен сияқты ел келіні бол» деп, оң аяғымен босағадан аттатқызып («оң аяғыңмен атта, қарағым» деп ескертеді) үйге кіргізеді.

Одан кейін келінді бір топ жас қыздармен бірге құрылған шымылдықтың ішіне отырғызады. Жас қыздармен шымылдық ішінде отырған келінді көруге келгендерден көрімдік алады. Келін болып келген қыздың басына қызыл орамал салудың себебі: оның қыз деген атын құрметтеп, жаңа жағдайға бойын бірте-бірте үйретуді жөн санайды. Келіннің басына ақ орамал ертеңіне беташардан бұрын кейде беташардан кейін салынады. Ақ орамал салған сол үйдің үлкен келіні немесе ауылдың келіні «менің де балам ержетіп үйленеді» деп ырымдап, қызыл орамалды өзі алады.

Бұл күні кешке көрші-қолаңға қонақасы беріліп, жар-жар, тілек айтылып, бата беріледі. Ертеңіне күндіз беташар жасалып, одан кейін басына ақ орамал тартқан келіннің қолынан шай ішеді. Оны *келіншай* деп атайды. Кешке қарай үйлену тойы болады (Құдайбергенова. 2005, 1, 208-209-бб.).

Кейбір аймақта келін қырық күн қыз киімімен жүруге ерікті деп саналады. Мұнда қыздың әйелше киінуге бірден көндіге алмайтындығы ескеріледі. Уақыты келгенде бәйбіше бастаған әйелдер жиналып келіп, келіннен басына жаулық салуды өтінеді. Ал абысыны адуындылау болса:

– Бәріміз де кәмшат бөрік кигенбіз,

Іргемізді түргенбіз.

Әйелдің басына ақ салу Алла жолы,

Ки мына жаулықты», – деп бұйыра сөйлеп, келіннің қыз кезіндегі бөрік желегімен қоса жұлып алады. Бұндай абысыны, әдетте, қолына екі жаулық ұстап келеді. Оның бірін алқымын бос салып, ұштарын қамзол ішіне жібереді, екінші жаулықты маңдайына ұзындығы екі қарыстай болатын қатырма салып, сәукеледей биік етіп, шашағы жауырынды жауып тұратындай деңгейге келтіріп, қатырма керегесінің үстінен желбіршек түсіре орайды. Оған келіннің қолсандығындағы шашақты оқа-зер, үкі, үкіаяқ, тұмарша тәрізді әшекейлерді тағып қояды. Келінге жаулықты бойжеткен қызы бар әйел салады. Келіннің кәмшат бөрік, түлкі тымағын сол әйел алады (Қазақтың этнографиялық категориялар... 2017, 157 б.).

Кеңестік дәуірге дейінгі Семей өңірі қазақтарында қалыңдығын ұзатып әкеле жатқан күйеу жігіт аулына жақындап қалғанда алға шығып, әке-шешесі мен ауылдағыларға келін келе жатқанын хабарлайды. Қалыңдықтың киіз үйі артылған көлік те алға озып кетеді. Оны (киіз үйді) ауылда жиналып қалған қыз-келіншектер тұрғызады. Ал, киіз үйдің шаңырағын ауылдағы ең бақытты әйелге көтергізеді. Үй тігіліп болғанша келін көші күтіп тұрады. Киіз үй тігіліп болғаннан кейін қыз-келіншектер келіннің алдынан шымылдық алып шығады. Басында сәукелесі, жібек жаулығы бар қалыңдықты аттан түсіріп, шымылдықпен қоршап, ешкімге көрсетпей ауылға жаяулатып әкеледі. Жаңадан тігілген үйге, өз отауына жақындағанда келін тізе бүгіп, бірнеше рет сәлем етеді.

Келінге тігілген жаңа отау үйге қызымен бірге келген шешесі жиналғандарға кішігірім сыйлықтарын таратады, шаңырақ көтерген әйелге жаулығына деп кездеме береді.

Қалыңдықтың жасауы жігіт әкесіне жеткізіліп, ол құдағидың көзінше бәрін қарап шығып, өзінің ризашылығын немесе көңіл толмайтындығын білдіреді. Жасауды көрсетіп болған соң қыз шешесі келінге тігілген отауға барады. Қызы мен шешесі, жиналған басқа қыз-келіншектер сол күнді ойын-сауықпен бірге өткізіп, бәрі сол үйде қонып шығады.

Күйеу жігіт қалыңдығының шешесі тойды өткізіп, өз аулына қайтқанша әкесінің үйінде болады.

Қыздың шешесі таңертең қыз-келіншектерге тағы да бірсыпыра сыйлықтарын үлестіреді. Кешке қарай келінді бетін бүркемелеп қайынатасының үйіне алып келеді. Келін табалдырықтан аттасымен тізе бүгіп сәлем жасайды. Қыз туыстарының бірі осы кезде күйеу жігіттің әкесіне шапан не мата сыйлайды. Қайынатасы келінге «көп жаса, балам» деп батасын беріп, дұға оқиды. Келін тағы да бір адым ілгері басып, сәлем салады. Атасы тағы да батасын беріп, келіннің бөстектің үстіне отыруын сұрайды. Келін тағы да сәлім беріп, атасы отыруын қайталап айтқаннан кейін ғана жұмсақ бөстекке отырады. Сосын келіннен басқаларға табақ-табақ ет тартылып, келінге бөлек табақ тартылады. Қайынатасы өз табағынан келінге сыбаға жібереді. Келін оны орнынан тұрып, сәлем салып барып қабылдайды. Атасы тағы да батасын беріп, дұға оқиды.

Тамақтанып болғаннан кейін келіннің бетін ашуға кіріседі. Келіннің шешесі жастардың біреуіне ақ мата береді. Келіннің бетін ашқан жігіт оны таяқтың ұшына немесе мылтықтың сүмбесіне байлап, келінге көрімдік сұрап беташар айтады. Қайынатасы бір үйір жылқы, шешесі бір түйе тоғыз, басқалары да шамаларына қарай сыйлықтарын атайды. Әрқайсысы беретін көрімдігін атаған сайын келіннің бетіндегі жаулықты көтеріп, бетін ашады; келін тізе бүгіп, сәлем береді. Күйеу жігіттің бұл арада тұру-тұрмауына мән берілмеген.

Тойдан кейін қыз шешесі ақылын айтып, қызымен қоштасып, жолға шығады. Ауылдың келіншектері сыйға тартқан малды жетектей, оны ауыл сыртына дейін шығарып салады (П. 2005, 255-56-бб.).

Қазақ халқында келін түсіру осылай келін көшін қарсы алудан басталып, үйлену тойымен аяқталады.

Келінге қатысты салт-дәстүрлердің қай-қайсысы да жақсы ниет, ізгі тілектерге ұштасып жатады. Отқа май тамызғанда, әдетте, жасы үлкен абысыны жас келінге «майдай жұмсақ бол, піріміз бибі Бәтима, Айша бибі анамыз қолдап жүрсін, Алла пәле-жаладан сақтасын» деген тілек сөздер айтып, жанып жатқан отқа қос алақанын қыздырып, келіннің мұрнына үш рет иіскетіп, маңдайынан сипайды. Лапылдап жанған майдың жалынына жиналған әйелдер де алақандарын тосып: «от әулие, май әулие, жарылқа» деп беттерін сипайды.

Келін әдебі (этикасы). Келін әдебі дегеніміз беті ашылып, той өткен соң жаңа ортаға түскен келін үшін бұлжымас қағида болып табылатын мінез-құлық, тәртіп нормасы. Келін түсірген үй өз келінін ізеттілік, сыпайылық, инабаттылық, жинақы қимыл, жарасымды, икемді қозғалыс, имандылық, тазалық, пәктік тәрізді қасиеттерді қамтитын, яғни қоғам, ұжым мүшелерінің қарым-қатынасындағы ізгілік нормаларының мүлтіксіз орындалуын білдіретін, қауымдасып өмір сүрудің дәнекері болып табылатын ахлақ (мораль) ережелеріне сай етіп тәрбиелеуге көңіл бөледі.

Қалыңдық келін болып түскенге дейін шешесінің, жақын жеңгесінің, әпкесінің қамқорлығын көріп, өзін әдепті ұстауға жас кезінен тәрбиеленіп келеді.

Осыған байланысты қазақтың көрнекті жазушысы С.Жүнісовтің «Ақан сері» романынан мынадай этнографиялық деректі кездестіреміз:

«Ақтоқтының кейінгі кезде Ақанды да, басқаны да ауызға алмай, үнсіз жүргеніне «е, күдер үзген екен, әлі бала ғой, алғашында түсінбеген ғой, енді ұққан екен» деп қуанған Ақбота үй шаруасымен айналысып жүріп, сіңілісіне ертең келін боп түскендегі неше түрлі құйтырқыларды, енеге, атаға, күйеу, қайындарға қандай инабат көрсету керек екенін үйретіп, салт-сана, әдетке сіңген көп жоралғыларды ұғындырумен әлек.

– Келін боп түскеннен былай шашыңды үнемі екі айырып өресің;

– Бір жылдай ата-енеңе жүзіңді көрсете бермей, далаға шыққанда ылғи сарт шапан жамылып шығасың;

– Төсек жиганда бәрінен де аяққабыңа ұқыпты бол. Шұлығың не ішкіімің шашылып жатпасын. Артығы болса, аяққапқа салып, мұқият бол;

– Қайындарыңа өзің лайықтап ат қой. Бадырайтып атымен атап жүрме. Атаң аты Сүтемген екенін білесің ғой. Оның есімін аңдаусызда атап қалма. Сүт деген сөзді айтқың келсе, қашанда «ақ» немесе «сүме» деп, «бұзау емді», «құлын емген» дегенді «бұзау сорды», «құлын жұтты» деген сияқты сөздермен ауыстыруға жаттыға бер.

– Жат жерге келін боп түскен соң бәрі, бәрі сын. Сөйлеген сөзің, артық күлкің, біреуге қарасың, шай құйысың, ең арты жүріс-тұрысыңа дейін сын. Ақтоқтым, үлгі-өнегеден кемшін емессің. Әйтсе де, қашан үйренісіп кеткенше «ақырын жүріп, аңдап бас».

Әшейінде ұғымтал Ақтоқты талай рет шешесінен естіген мына сөздерге құлақ қоймаса да, әшейін бас изей берді.

Таңда Ақтоқты еліне жүрмек. Бүгін жөнелу жоралғысына Еркімбай семіз тай сойған. Көңіл жақын туыстарды шақырмақ. Жайрап жатқан етке шаң түспесін деп, шағын қос – ас үйде етті мүшелеп болған Ақбота Ақтоқтыны жетелеп әкеп, соңғы сабағын нысықтап отыр:

– Мынау қазы, қарта, жал, жая – бұларды білесің ғой. Жылқының ең қадірлі мүшелері. Он екі қазы ішекке салғанда алты қос қазы делінеді. Мынау – жығылар жағы. Мынау – белдеме – омыртқа мен жаяның арасы, бұл алтыға бөлінеді. Мына жатқан екі талдан төрт кіші қабырға – тасты. Кейде бұл қазы орнына салынады. Міне бұғана. Бұл да еті қаттылау болғанмен, қадірлі мүше, құдаға салады. Ал, мынау – омыртқа. Жылқыда он жеті омыртқа болады. Бұларды қашанда іркіп, сыйлы қонаққа бір-бірден салып отырады. Көптен дәм татпай өкпелеген адамның «үйіңнен бір омыртқа жегем жоқ» дейтіні осыдан шыққан. Омыртқа таусылса, оны төспен алмастырады. Мына қабырғаның басы – қазының омыртқадан шығатын жағы, мұны қатаған басы дейді. Қатаған басын ішекке

қазымен бірге салады. Ал, жілік санда үшеу, қолда үшеу. Сандағы ортан жілік, асықты жілік, жамбас. Жамбасты да жілік деп санап, табаққа жеке салады. Қолдағы – тоқбас, кәрі жілік, жауырын. Жауырын да жілікке саналады. Бұл мүшеге жүреді, бірақ етті көбейту үшін салатын жандама мүше. Қазының шетін телілік дейді. Мұны жылқы сойған күні салады. Теліліктің ұшын кесіп алады. Оны мықын дейді. Мынау – төс қазы. Жас малда, арық малда етегі болмайды. Семіз жылқы болмаса, бұған май ілікпейді. Сондықтан қонаққа жармайды. Мынау – қарын; мына жатқан бұдырмақсыз тәттісін қара қарын, бұдырмақтысын жай қарын дейді. Қартаға таяу қадірлі қарынды жіңішке қарын дейді. Ішек жуан ішек, жіңішке ішек болып екіге бөлінеді. Жуан ішекке қазы айналдырады. Жіңішке ішектен шұжық істейді. Бауырға жабысып тұратын мына бір жұмсақ етті жетім бауыр дейді. Мынау – қолқа. Сабағы барын тұздап, айналдырып, құдандалы адамға сақтайды. Ал, сабағы жоқ жүрек қолқасы – бала мүшесі. Айтқандай, жамбас үшке бөлінеді. Ортадағы шұқыршағы қалады. Екі жақ кемік басын қадірлі қонаққа береді. Кәрі жіліктің басын білесің бе? Мұны толарсақ басы дейді. Мұны «етігің қисаяды» деп балаларға, «толғағың қатты болады» деп әйелдерге бермейді. Мына жатқан – өкпе. «Өкпе жетер көпке» дейтін осы. Бұл қуырдақтан басқаға жармайды. Сондықтан сойған күні келген адамға мол ғып қуырады. Мүшелі тамақ емес. Мынау – жалбыршақ қарын. Мұны қазір итке тастаймын. Жалбыршақ, көкбауырдың бәрін «жаужұмыр» дейді. «Жақсы болса, жаужұмырды ит жей ме?» деген сөз содан шыққан», – деп келін боп түсер Ақтоқтыға ас-су ұстаудағы жөн-жосықты үйретіп жатқанда, тыстан күйеуі кірді» (С.Жүнісов. Таңдамалы шығармалар. Екі томдық. 1-том. Ақан сері. Алматы: Жазушы, 1981, 120-121-бб.).

Келіннің тәрбиесіне өзінің отбасы ғана емес, «қызға қырық үйден тыйым» принципі бойынша бүкіл ауыл жанаршылық танытып, қыздарының келін болып түскен еліне «тастай батып, судай сіңіп кетуіне», «отырса опак, тұрса сопак» болмай, жақсы келін атануына тілектес болады, қыздарына жақсы тәрбие беруге үлес қосады. Жаңа ортаға түскен келіннің тәрбиесі беташар жырынан басталады. Беташарда келіннің жаңа өміріндегі қызметіне, жүріс-тұрысына, мінез-құлқына, адамдармен қарым-қатынасына байланысты бағыт-бағдар беріліп, күнделікті тұрмысында пайдасын тигізетін ақыл-кеңестер айтылады. Ата-анасының, жеңгесінің, ауылының тәрбиесін көріп, жаңа елге түскен жас келін беташарда айтылған ақыл-кеңестерді басшылыққа алып, той өткен күннің ертеңіне ерте тұрып, күйеуінің ата-анасы отырған үлкен үй, қара шаңырақ деп аталатын үйдің түндігін ашады. Одан кейін қайнағаларының, ең соңында өз отауының түндігін ашады. Отау үйге от жағу үшін үлкен үйден от (от жағатын тамызық, шок) алуға барады. Одан әрі өз міндеттерін атқарудың алдында таңертеңгісін ізеттілік көрсетіп, ата-енесіне тізесін бүгіп сәлем салып, күнделікті жұмыстар – таңертең ерте шай қою, дастарқан жайып шай беру, үй тазалау, тамақ әзірлеу, сиыр сауып, күбі пісу, мал жайғастыру, қонақ күту және т.б. шаруалармен айналысады. Күнделікті жұмыстарға өз уақытында үлгеру үшін ерте тұрып, кеш жатып күн ұзаққа бір тынбай көп іс бітіреді.

«Қатынды бастан, баланы жастан» дегендей жігіттің шешесі, әкесі келіннің жүріс-тұрысына, іске икемділігіне, мінез-құлқына назар аударады. Өйткені әр елдің салты әртүрлі. Келінді жаңа ортаға бейімдеу түскен үйіндегі үлкендерден үлкен жауапкершілікті талап етеді. Келіннің қандай болып қалыптасуы түскен жеріне де байланысты. «Жақсы үйге түскен келін – келін, жаман үйге түскен келін – келсап» деп бекер айтылмайды. Қазақтың байырғы дәстүрі бойынша үйленген балаға бірден еншісін беріп, малына ен-таңба салып, өскен ортасынан бөлектеп жібермей, белгілі бір уақытқа дейін жастардың отауын оң жағына қондырып, келінді сыннан өткізіп, енесі мен абысындары жаңа түскен келіннің міндеттерін айтып, істейтін істерін, сөйлейтін сөздерін және т.б. үйретіп, қадағалап отырады. Келіннің өз міндеттерін мүлтіксіз атқарып, келешекте ізетті, еңбекқор келін, қадірлі ана, жақсы жар болып қалыптасуына ықпал етуде ежелердің өмір тәжірибесінен алып айтатын ақыл-кеңесінің маңызы зор.

Ел ішінде көпті көрген, ел анасы атанған парасатты ежелердің «Келінін қызындай көр, қызың келін болмас па?», «Ұлың үйленсе ырысың, қызың орын тапса өрісің», «Келін жаман емес, келген жері жаман», «Келінді қайынененің топырағынан жаратады», «Жақсы келін қызындай, жақсы күйеу ұлындай», «Келіні жақсы үйдің керегесі де алтын» деп айтып отыратын мақал-мәтелдердің астары тым тереңде жатыр. Бұндай халық даналығы жаңа түскен келінді қалай қабылдау керектігіне меңзейді. Сондықтан да кешегі қыз, бүгінгі жас келінді о бастан үй шаруасын жүргізу мен меңгерудің жаңа ортадағы үлгісіне, қыр-сырына бейімдеп, оң мен солын тезірек тануына көмектесу қажет. «Қатынды – бастан (тәрбиеле), Баланы – жастан (тәрбиеле)» деп өсиет қалдыруы келінге деген осындай жанашырлық пен игі ниеттен туған.

Осылай басынан бейімдеудің арқасында кешегі бойжеткен, ендігі жас келіннің әлеуметтік мәртебесінің (статусының) өзгеруіне орай оның жүріс-тұрысына, іс-қимылына, адамдармен қарым-қатынасына, мінез-құлқына, сөзіне, киіміне және т.б. өзгерістер еніп, олардың қыз кезіндегі түр-

сипатына шектеулер қойылып, тыйым салынады. Келін ата-баба салт-дәстүріне мойынсұнады. Солардың бірі – байырғы қазақ тұрмысында келіндердің қайынжұртының адамдары мен дүниеден өткен ата-бабаларының есімдерін тура атамай, тұспалдап атауы. Қалыптасқан дәстүр бойынша жас келіннің түскен жерінің үлкен-кіші ерлері мен әйелдеріне өзінше ат қойып, тұспалдап атауы *ат тергеу* деп аталады. Жас келіннің ат тергеуі түскен еліне, күйеуінің туыстарына деген құрметінің, әдебінің бір көрінісі болып саналады. Келін, әдетте, күйеуінің аға-қарындастарына – үлкен үйдегі кісі, Жәкем, Атытеріс, Арайлым, Шырайлым, Сұлуым, Бикеш тәрізді балама есімдер, ал, інілеріне Мырза бала, Кенжетай, Ақжігіт, Мырза жігіт, Кішкенем, Төрем тәрізді есімдер қойып алған. Тіпті бір заттың аты сол туысқандарының атымен сәйкес болғанның өзінде, оған да ат тауып қойған.

Ат тергеуде ұтымды, жарасымды қойылған әрбір аттан келіннің тапқырлығы, қоршаған дүниені тануы, ақылдылығы, тіпті жарасымды әзілқойлылығы да танылады. Бұрынғы тұрмыста өз күйеуін әдеп бойынша «біздің үйдің кісісі», «отағасы» деп атайтын келіндердің ата-енесімен, басқа адамдармен амандасу ерекшелігі, сәлем салуы да келін мен қайынжұрт арасындағы өзара сыйластық пен береке-бірлікке қызмет ететін әдет-ғұрып нормаларының біріне жатады (Самойлович. 2006, 2, 247-б.).

Келіннің сәлем салуы. Келін ата-енесіне күнде таңертең және олар ұзақ уақыт басқа жақта болып келгенде сәлем салады. Келіннің сәлемін алған ата-енесі немесе басқа да жасы үлкен кісілер «Өркенің өссін!», «Бақытты бол!», «Ұл тап», «Көп жаса, қарағым» деп жақсы тілек айтып, ризашылығын білдіреді. Келін қазақ салтында амандасқаннан басқа уақыттарда да сәлем салып жатады, яғни ел ішінде сәлем салудың әртүрлі жағдайға байланысты қалыптасқан түрлері кездеседі.

Мәселен, «Сыр өңірінде әлі күнге дейін жалғасын тауып, қаймағы бұзылмай келе жатқан дәстүрдің бірі – сәлем салу. Қазақ халқында сәлем салу дәстүрінің үш түрі қалыптасқан, бірі – келіндердің өзінің күйеуінің үлкен ағайындарына амандасу ретінде сәлем салуы, екіншісі – ата-ене, қайнаға, абысынға бір үйде тұрып күнде таңертең сәлем салуы, үшіншісі – қазақтардың үлкен асы – ет тамақты жеп болған соң, дастарқан басындағы үлкен кісіге сәлем салуы. Алғашқы екеуінің мәні амандасу, сыйластық ретінде орындалады, ал үшіншісінің мәні ізет-құрмет көрсету болып саналады. Келіннің сәлем салу дәстүрі беташардан басталады. Беташарда күйеуінің ет жақын туыстарының әрқайсысына арнау өлең айтылған соң келін де, қолтықтап тұрған келіндер де иіліп сәлем салады. Сыр өңірінде ішінара келіндердің күнде таңертең үлкен ата-енесіне сәлем салу дәстүрі кездеседі. Бұл дәстүрді ұстанған қариялар «бір шаңырақ астында тұрғанмен, бір бөлмеде ұйықтап тұрғандай болмайық» деп түсіндіреді.

Сыр бойында сақталып отырған сәлем салудың бір түрі «табақ алу» кезінде атқарылады. Ет тамақ тартылған үлкен астан соң дастарқан басында отырған үлкен адамның үлкені табақты ұсынғанда, келін сәлем салып барып алуы тиіс. Сыр келіндері осы өңірде қалыптасқан дәстүр бойынша ет тамақ желініп болғанын сезген бойда табақ алуға дайын тұрады. Үлкен жиын-тойда, ас, құдайы тамақ берілгенде тартылған табақтың санына қарай ауыл келіндері бірінен соң бірі тізіліп тұрып, әрқайсысы табақ аларда иіліп сәлем салады. Сыр өңірлік отбасында қонақ келмей-ақ өздері отырып, ет тамақ жеген соң келін ата-енесіне сәлем салып табақ алады. Бұл ет тамақты қазақтың үлкен асы деп санап, дастарқан басында отырған үлкендерге және шаңырақ иесіне деген құрметтеуден туындаған» (Қаратаева. 2, 150-151-бб.).

Сәлем салудың сыртта, далада, жол үстінде кездесетін түрлерін қазіргі көркемшығармалардан кездестіруге болады. Мысалы, жазушы Т.Мәмсейітовтың «Ізет» деп аталатын әңгімесінде көлікке мінген келіннің жол үстінде кездескен атасына қалай сәлем салғаны шынайылықпен былайша суреттеледі:

«Қапталдың кер жолымен аттың басын қоя беріп, аянмен келе жатқан Ұлбосынның алдынан Бекбосынның өзі шықпақ болды. Ұлбосын да қиялап орта тұсқа келіп қалды. Бір кезде еңкейіңкіреп бір қолымен атының басын тартып тоқтатты да, ақырын тебініп қойып, бір езулей кейін бұрды...

– Әй, әке, не болды? Бір нәрсені түсіріп алдың ба? Тоқтай тұр қозғалмай! Мен алып беремін. Бұл жеткенше Ұлбосын аттан түсті. Баласын бір қолымен қыса тұрып, үсті-басын жөндеді де, атын қайта бұрып жетектеп жүрді. Ентіге басып Бекбосын да жақындап қалды. «Не істегелі жүр екен өзі». Жақындай бергенде Ұлбосын тоқтай қалып, бір қолымен ораулы нәрестесін қысқан күйі, екінші қолын тізесіне қоя беріп, иіліп сәлем жасады.

– Көп жаса, айналайын! – деген Бекбосын «Қия жерден сәлем жасамаса да болатын еді ғой, ізетіңнен айналайын», – деп ойлап, – Атыңнан неге түстің, әке? Бірдемеңді түсіріп алдың ба? – деді.

– Жоқ, ата. Ешнәрсе түсіргем жоқ. Жай, сізге сәлемдесейін дегенім ғой, – деді жайбарақат қана. Өзі бырышып терлеп кетіпті.

– Ой, рақмет, айналайын! Несіне әуре болдың өзің әрең келе жатып. Көсегең көгерсін, шырағым. Бекбосын аттың шылбырын алды.

– Әуре болғам жоқ, ата. Ұят қой. Сіз жаяу алдымнан шыққанда түспегенім.

– Әй, осы келінім, әйтеуір ата салтын ұмытпайды. Айналайып кетейін, – деді қатты риза болған Бекбосын қолын жайып» (Мәмесейітов. 1994, 42-б.).

Келін киімі. Келін киімі – келінді бойжеткен қыздан, үлкен әйелден ажыратып тұратын, жас келіншек екенін білдіріп тұратын киім үлгісі. Қазақ тұрмысында жас келінге қатысты салт-дәстүрлер олардың киіну ерекшелігінен де айқын көрінеді. Бірсыпыра аймақтарда ертеден қалыптасқан дәстүр бойынша келін етек-жеңін жинап, аяқ-қолын көрсетпейтін жеңі мен етегі ұзын киім киген. Келіндер үйде де, сыртта да орамалсыз жүрмеген. Бұл дәстүр (яғни орамалсыз жүрмеу) бірсыпыра өңірлерде әлі күнге дейін сақталып отыр.

Келіннің киімі оның жаңа ортадағы әлеуметтік мәртебесін белгілейтін шарттардың біріне жатады. Олар – сәукеледен кейінгі желек жамылу, одан кейінгі кимешек кию. Келін болып түскеннен кейін сәукелесін сандыққа салып сақтап қойған. Келін кей жерлерде тұңғыш перзентін тапқанға дейін, кей жерлерде 2-3 балалы болғанға дейін желек жамылып жүреді. Желек – күрең өңді жеңіл матадан тігілген, баскиімнің шетін ала шекені, маңдайды жаба келіп, бет қана ашық қалдырылатын, төгіле түсіп денені орай жауып тұратындей етіп мол қамтылған, ұзындығы тізеден төмен түсетін ғұрыптық киім түрі. Белгіленген уақыт болған кезде мал сойылып, ауыл кемпірлері, абысын-ажындар шақырылып, арнайы атай отырып, келіннің желегі алынып, орнына кимешек кигізіледі. Бұл келіннің осы әулеттің толық мүшелігіне өтіп, ана, адал жар, үй иесі деген атаққа ие болғандығын айғақтайтын жас, әлеуметтік инициацияны белгілеген ғұрып болып табылады. Осыдан бастап жас келін зер жіппен кестеленген, моншақ-танамен әшекейленген кимешек киеді, жасы ұлғая келе ол әшекейлері азайған, өң-түсі де біркелкі түрін киетін болады (Қазақтың этнографиялық категориялар... 2017, 3, 160-б.).

Осылайша жас келін өмір өткелдерінен өтіп, көп тәжірибе жинақтап, бала, немере, шөбере сүйген қадірлі анаға айналады. Ондай ауыл-аймаққа беделі зор аналардың ауылда ер адамдар жоқ кезде іс-шаруаны басқарып, мал сойғызып, қонақ күтіп аттандыруы қалыпты жайтқа айналған.

Әдебиеттер

Алтынсарин Ы. Орынбор ведомствосы қазақтарының құда түсу, қыз ұзату және той жасау дәстүрлерінің очеркі // Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. 2-том: дүниеге келгеннен өмірден озғанға дейін (отбасылық әдет-ғұрыптар ертеректегі авторлардың еңбектері бойынша) / Құраст. С.Әжіғали. Алматы: «Арыс» баспасы, 2006. 175-183 бб.

Әжіғали С., Байғабатова Н. Жетісу қазақтарының салт дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары // Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. 1-том: біртұтастығы және ерекшелігі / Құраст. С.Әжіғали. Алматы: «Арыс» баспасы. 2005. 175-199 бб.

Кенжеахметұлы С. Ұлттық әдет-ғұрыптың беймәлім 220 түрі. Алматы: «Санат», 1998. 256 б.

Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. 3-том. Алматы: ТОО «Алем Даму Интеграция», 2017. 856 б.

Қалиев С., Оразаев М., Смайлова М. Қазақ халқының салт-дәстүрлері. Алматы: «Рауан», 1994. 222 б.

Қаратаева Т. Сыр өңірі қазақтары: тарихи-этнографиялық зерттеу (XIX ғасырдың екінші жартысы ХХ ғасырдың басы). Екі томдық. 2-том. Алматы: Қазақ университеті, 2014. 325 б.

Құдайбергенова А., Бекбалақ Қ. Оңтүстік Қазақстан қазақтарының әдет-ғұрыпы мен салт-дәстүр ерекшеліктері // Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. 1-том: біртұтастығы және ерекшелігі / Құраст. С.Әжіғали. Алматы: «Арыс» баспасы, 2005. 200-225 бб.

II. Семей облысы қазақтарының әдет-ғұрыптары // Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. 2-том: Дүниеге келгеннен өмірден озғанға дейін (отбасылық әдет-ғұрыптар ертеректегі авторлардың еңбектері бойынша) / Құраст. С.Әжіғали. Алматы: «Арыс» баспасы, 2006. 38-71 бб.

Самойлович А.Н. Қазақ әйелдерінің тіліндегі тыйым сөздер // Қазақ халқының дәстүрі мен әдет-ғұрыптары. 2-том: Дүниеге келгеннен өмірден озғанға дейін (отбасылық әдет-ғұрыптар ертеректегі авторлардың еңбектері бойынша) / Құраст. С.Әжіғали. Алматы: «Арыс» баспасы, 2006. 245-250 бб.

R.N. Shoibekov

TRADITIONS AND CUSTOMS ASSOCIATED WITH THE RECEPTION OF DAUGHTERS-IN-LAW

The article discusses the ancient traditions and customs associated with reception of daughters-in-law. There are detailed ethnographic description of the customs, various gifts, regional features, the ethics of the bride, the peculiarities of dress, the types of greetings performed during the reception of the bride.

КӨЗГЕ ЖӘНЕ КӨЗ ТИЮГЕ БАЙЛАНЫСТЫ БАЙЫРҒЫ ҰҒЫМ-ТҮСІНІКТЕР

Көз – адам мен жан-жануарлардың көру мүшесі. Адамға қатысты алғанда көз адам жанының айнасы, адамның ішкі жан дүниесі мен көңіл-күйі, махаббаты, жанашырлығы, құмарлығы, кегі, жек көруі, қуанышы, қайғысы, үміті, арманын айқындайтын мүше ретінде танылады. Адамға жақсылық пен жамандық, бақ пен сор да көзден келеді деп түсінетін қазақтар көздің сұғы әйелдерді екіқабат қылады, ағаш пен шөпті құртады, істі кері кетіреді деп нанады.

Қазақтағы көз тиеді, сұқ кадалады деп ырымдайтын, ерекше асыл, бағалы нәрселерді көргенде көзге сүртегін әдеттің бәрі осымен байланысты шыққан.

Қазақтан көз жасы туралы талай-талай ырымдар кездеседі. Мысалы, көздің жасын мәйітке, табытқа тамызбайды. Көздің жылбырауын көз тартты деп не жақсылыққа, не жамандыққа жориды. Халық арасында ертеден келе жатқан ұғым бойынша адамның көзі дүние-байлыққа өлгенде ғана тояды, сондықтан адам өзі қанағат, ынсап қылмаса, дүниеге көзі тоймай өтеді. Қайтыс болған адамның ашық қалған көзін жұму осындай ұғыммен байланысты қалыптасқан. Ол жөнінде мынадай бір аңыз бар: *«Ескендір патша жорықта (жолда) келе жатып, керемет бұлаққа тап болады. Бұлақты бойлай жүріп, ол жұмақтың қақпасына жетеді. Патша қақпаны ашуды бұйырады, бірақ қақпаны ешкім ашпайды. Оған қақпаның ішінен орамалға түйілген адамның бас сүйегін (кейде бір дорба ұнмен қоса) тастайды. Оның мәнісін түсінбеген Ескендір ашу шақырады. Сол кезде әміршінің қасындағы Қызыр (данышпан) бас сүйекті таразыға салдырып өлшиетеді. Бас сүйекті еш нәрсе баса алмайды. Сол уақытта таңданған патшаға Қызыр: «Адамның көзі дүниеге тоймайды, тек топырақ қана бас сүйекті баса алады», – деп, бір уыс топырақты сүйектің көзіне құя салады. Сол сәтте бас сүйек тұрған таразы көтеріледі. Ескендір болса жаһангерлік райынан қайтады» (Қазақтың этнографиялық категориялар... 2017. 3, 282-б.).*

Ертеден келе жатқан осы аңыздың мазмұн желісінің негізінде ұлы ақынымыз Абай Құнанбаев «Ескендір» поэмасын жазған. Аңызда айтылғандар өлең жолдарымен былайша өрнектеледі. Төменде соның кейбір шумақтарын ғана келтіріп отырмыз:

*Хакім жерден топырақ алып барды
Бір уыстап сүйекке шаша салды
Ана басы сылқ етіп жерге түсіп,
Сүйек басы жоғары шығып қалды.*

*Ескендір мұны көріп аз тұрады.
Хакімді аулақ жерге шақырады.
– Таң қаларлық іс болды мұның өзі
Мәнісін айтып берші, – деп сұрады.*

*– Бұл адам көз сүйегі, – деді ханға, –
Тоя ма адам көзі мың мен санға?
Жеміт көз жер жүзіне тоймаса да,
Өлсе тояр көзіне құм құйылғанда...*

*Кәпір көздің дүниеде араны үлкен
Алған сайын дүниеге тоя ма екен?
Қанша тірі жүрсе де өлген күні
Өзге көзбен бірдей-ақ болады екен.*

*Ашуланба, ей, патшам, айтайын дат:
Алтын қақпа бермеді сізге рұқсат
Сый сұрадың, бергені – бір қу сүйек,
Мұны көріп, алыңыз сіз де гибрат!*

*Ойлап-ойлап патшаның мойны түсті,
Құдайым көрсетті деп бұл бір істі.
Бекерлік екен менің бұл ісім деп,
Қолын алып, жұртына қайта көшті»* (Құнанбаев. 1968, 2, 12-б.).

Қазақтың мифтік аңыздарында көздің ерекше қасиеті туралы ұғым-түсініктер молынан сақталған. Мысалы: «Егер жыланға жүз жыл адамның көзі түспесе, ол айдаһарға айналады. Егер адамның көзі екі жүз жыл түспесе, жыланның маңдайы екі елі болады. Сонда ол түрлі түске кіре алатын болады (қыз, келіншек, басқа хайуанаттар). Сөйтіп адамды алдап ауылға келіп, ешкім сезбесе, кешікпей бір тайпа елді жұтып қояды дейді. «Адамның көзі – асыл нәрсе» (Қазақ халық әдебиеті. 1988, 2, 144-145-бб.).

Көздің пішіні мен қасиетіне ұқсастырып адам айналасындағы нысандар мен олардың бөліктерін, әртүрлі заттарды *көз* деп атаған. Мысалы, ішінде суы бар түйін, ісік болып көрінетін мал ауруын, ағаштың шорланып біткен жерін, бұдырмағын, зергерлік әшекейлерге қондырылған тастарды, оларды қондыратын ойықты (ұя) да *көз* деп атау қалыптасқан. Көз зергерлік бұйымдарға байланысты қолданғанда әртүрлі ұғымдарды білдіреді. Мәселен, *көз* – жүзік, білезік, қапсырма тәрізді әшекей бұйымдардың бетіндегі асыл тас қондыруға арналған ойық, ұя, қауашақ; *көз* – құйысқанға, жүгенге орнатқан күміс күмбез (асыл тас емес); *көз* – білезікке салынатын дөңгелек пішінді ою; *көз* – білезік, жүзік, сырға, тұмар тәрізді бұйымдарға қондырылған асыл тас; *көз* – моншақтың әрбір тасының бетіндегі ақ түсті бүршігі (оның әрқайсысын бір-бірлеп шыныдан, күмістен жасайды) (Шойбеков. 1993, 163-б.).

Бұрынғы заманда зергерлік бұйымдарды асыл тас қондырып (көз салып) әшекейлеудің эстетикалық қызметінен гөрі наным-сенімдік, ырымдық мәні анағұрлым басым болған. Бұйымның бетіне тас қондырып, оны *көз* деп атаудың сыры, біріншіден, асыл тастарды қасиетті деп танумен (мұндай түсінік барлық халықтарда кездеседі), екіншіден, адам көзінің ерекше, тылсым қасиеттер болады деген көне ұғыммен байланысты. Қазақтардың ертедегі ұғымы бойынша, *көз* – қауіп-қатерден сақтайтын құдіретті күш иесі. Халық ұғымында ауру-сырқау да, өлім-жітім де адамның көз тиюінен, сұқтанып қарауынан болады. Одан сақтану үшін тұмар тағады. Зергерлік бұйымдардың желеп-жебейтін қасиетін арттыру үшін айналадағының бәрін көріп, біліп отыратын «көз орнату қажет» деген ұғым қалыптасқан. Осындай ұғым-түсініктің негізінде көз қондырылған бұйымдар *көзді білезік, көз сырға (көзді сырға), көзмоншақ, көзтана* деп аталған (Шойбеков. 1993, 164-б.).

Халықтың байырғы ұғымы бойынша, *көз тию* – көзінің сұғы бар адамның назары түскеннен болатын ауру. Дәстүрлі наным-сенім бойынша, бұл ауру (көз тию) көз ала алмай қарап қалудан, сұқтанып қараудан, қызғанышпен яки ызаланып тесіле қараудан болады. Көз тигеннің белгісі мынадай: көз тиген адам бірден ауруға шалдығады, сұлқ түседі, тіпті келесі күні-ақ қайтыс болады. Кейбір аңыздарға қарағанда, көз тиген сәбидің, қыз-келіншектің денесін ашып қарағанда көз тиген жер қап-қара болып күйіп кетеді екен. Көз тиген жүйрік ат жолда кенеттен мертігеді, сүтті бие мен сиырдың, түйенің аяқ астынан желіндері ісіп, сүті қайтып кетеді. Бау-бақшаға көз тисе, ол жақсы өнім бермей қояды, тіпті жапырақтары солып қалады-мыс.

Ел арасында бұл ауруды *көз тию, көз өту, сұқ тию, сұқ көзге ұшырау* деп әртүрлі атайды. Көз тигіш адам *назаркерде (назаркерден, назаркерді* деп те қолданылады), *назары аш, көзі жаман, көзінің сұғы бар адам* деп аталады. Наным-сенім бойынша, көз тигіш адамдар еркектердің де, әйелдердің де арасынан кездеседі. Бұндай адамдар үйге келсе, жас балаларды олардың көзіне түсірмеуге тырысқан.

Көзі тиген адамның әйел не еркек екенін анықтау үшін ауырған баланың кіші дәреті мен аурудың белгілері мен беталысына қарап болжаған. Мәселен, баланың денесі суып, кіші дәретке жиі-жиі отырса, қолға тұрмай шалқалап жылай берсе, оған ер адамның көзі тиген екен, ал денесінің қызуы көтеріліп, тәбеті болмай, шырқырап жылап, мүлде ембей қойса, әйел адамның көзі тиген екен деп жорыған.

Ертеректе ауыл адамдары көзі тигіш кісілерді олардың көзіндегі кейбір белгілеріне қарай ажыратқан. Атап айтқанда, «ол туралы да Өтейбойдақ бабамыз *«Көз сұғы бар адамның көзі ішінде не көзі маңайында қал не меңдеме көз көргі болады. Оның көз қарашығы жалынды, қарауы сұқты, өткір. Жанары қара болмақ. Ал тіл сұғы барлардың аузы айналасында ерін, ұрт маңында меңі не қалы болмақ. Тілінде, өте-мөте өзектік тілінде, теңбіл не қалсүрей болмақ»*, – деп жазады», – деп еске алады академик Ә.Қайдар (Қайдар. 2009, 1, 454-б.). Ондай адамдардан ауыл-елдің азды-көпті хабары болып отырған. Сондықтан, жоғарыда айтылғандай, бұндай адам ауылға, үйге келсе, жас балаларды, малдың төлін (бота) олардың көзіне түсірмеуге тырысады.

Халық аңыздарындағы деректерге қарағанда, адам жан-жануарларға қастандық ойлағанда әдейілеп көз тигізетін жағдайлар болған. Ол үшін көзінің сұғы бар деп танылған адамды пайдаланған. Сондай

аңыздың бірі төмендегідей: *«Ертеде Жайық атты хан болыпты. Оның Шыңғырлау деген асқан сұлу қызы болыпты. Қызы бой жетіп, ақылдылығымен, көргенділігімен көзге түсіпті. Бұл қызға қызығушылар көп болыпты. Жайық хан қызын жұрттан асқан өнерлі, сегіз қырлы, бір сырлы жігітке бермекші болады. Ол барлық жерге жар салады. «Аты бәйгеден озған, күресте жеңген жігітке берем», – деп жарлық таратады. Халық көп жиналыпты. Бірнеше күннен кейін астында торы аты бар бір жас жігіт келіп қосылады. Күресте әлгі жігітке жан шақ келмейді. Жайық хан өз жігіттерінен мерейі үстем болған жігітке қызғанышпен қарай бастады. Ертең бәйге басталады деген күні Жайық хан жігіттің атын көрмек болады. Жігіт атын киіз үйдің ішінде ұстайды екен. Жігіттің шыққанын аңдып тұрып, екі-үш жігіт киіз үйге кіреді. Ай сүттей жарық болады. Ішке кірген жігіттер таң-тамаша болады. Торы аттың алдында бір астау су, екі жанында екі астау су қойылған екен. Алдыңдағы астаудан су ішіп, жанындағы астауға екі қанатын салып, салқындап тұр екен. Оны көрген ел жігіттері бәйгенің де өздеріне жоқ екенін түсініп, жауыздық олай бастайды. Көрші ауылға ат жіберіп, көзінің сұғы бар кемпірді алдырып, атқа кемпірдің көзінің сұғын өткізеді. Ертеңіне бәйге басталады. Шыңғырлау сұлу күресте жеңген жігіттің атының озып келуін қалайды. Алайда, Шыңғырлаудың арманы орындалмайды. Бәйге жолының орта тұсынан асқаннан кейін торы ат жығылып өледі. Жанынан артық көретін тұлпарынан айырылған жігіт қыздан үмітін үзіп, аулына қайтады. Жолда сүйікті атының басын жарыс болған таудың биігіне қояды. Сүйген жігітінен айырылған Шыңғырлау ағып жатқан суға кетеді. Жалғыз қызынан айырылған ханның көз жасасы көл болыпты. Ол ұлғая келе Жайық өзеніне айналыпты. Жігіт атының басын қойған төбе Торыатбас тауы атанып, қыз кеткен су Шыңғырлау өзені атаныпты деген сөз бар» (Қазақтың мифтік әңгімелері. 2002, 126-б.).*

Көз тиюді емдеу. Көз тиюді халық емшілері дұға оқу, сумен емдеу, отпен емдеу, түкіру, ұшықтау, тіл кестіру тәрізді тәсілдермен емдеген. Емдеудің бұл түрлері, негізінен, адамдарды емдеуге қолданылады. Бұл жөнінде мынадай аңыз сақталған: *«Мұхаммед пайғамбардың заманында Тафашат атты бір көзі бар әйел болыпты. Егер ол тасқа көзін салса, тас уатылып кетеді екен, жолбарысқа назар салса, сол сәтте құлайтын болыпты. Кәпірлер Мұхаммед пайғамбарды мұқату мақсатымен атышулы әйелді оның немерелеріне айдап салыпты. Тафашат Хасан мен Хұсайынға назар салған екен, олар қалтырап-дірілдеп, естерінен танып түсіпті. Пайғамбар қапаланады. Сол сәтте Жебірейіл періште бір дұға әкеп беріпті. Оқиды. Тафашаттың екі көзі ағып түседі. Мұсылман оқымыстылары біледі, бұл дұға қазірге дейін бар. Көз тигенде оқылады» (Қазақтың мифтік әңгімелері, 2002, 142-б.).*

Ел ішінде дұға оқып емдеуді тіл кестіру деп атағанын академик Ә.Қайдар былай деп түсіндіреді: *«Егер адамға немесе малға көз тисе, мұндай жағдайда «тіл кестіру» арқылы емдейді. Емдеу шаралары келесідей: Зақым алған, ауруға шалдыққан адамды бірнеше айға жеке жатқызып, бақсылар емдейді. Ол адамның айығуы үшін Құран аяттарын оқиды. Емдеуден кейін құдайы ас беріледі, емделген адам біраз уақыт бойы ешкіммен сөйлеспейді» (Қайдар, 2009, 1, 454-б.).*

Көз тиген адамды таңертең ертемен аш қарынға үлкен әжелерге түкіртеді. Емдеудің бұл түрін *түкірту* деп атайды. Мүмкіндігінше, жас бала сұлқ түсіп ауырып қалғанда көзі тиді-ау деген адамды тезірек таптырып алып, соның өзіне түкіртеді. Сонымен бірге оларға дұға оқытқан. Ертеректе қазақтың кез келген кемпірі көз тиюге қарсы оқитын, оны қайтаратын дұғаларды білген (Ибрагимов, 2006, 2, 20-б.).

Емдеу тәсілдерінің бірі ретінде көз тиген, астан ұшыңған жас балаларды күн батпай тұрып ұшықтаған. Мұны *ұшықтау* дейді. *Ұшықтау* – «ауруды аластап, емдеу» дегенді білдіреді. Бұндай ауруды емдеуге жалғыз ұшық немесе сумен *ұшықтау* түрлерін қолданады. *«Ауруды құрым киізбен ұрады немесе ала қаппен ұшықтайды. Көп жағдайда ұшықтаушы бейқам отырған аурудың бетіне қарай кенеттен суды бүркіп қалғанда, селк еткен науқас қатты тітіркенеді. Ұшықтаушы болса, «Кет, пәлекет, кет» деген магиялық мәнді сөзді айтып, адамға жабысқан ауруды қуалағандай ишара жасайды. Емші емге пайдаланған су құйған кесені далаға төңкеріп тастайды, тек ертеңінде ғана алады. Оның себебін ел ішіндегі емшілер түн қараңғысында «жұлдыз көрген» соң ыдыс тазарады деп санаған» (Қазақтың этнографиялық категориялар. 2017, 5, 557-б.).*

Балаға көз тиді деп жорыса, кейде суды пайдаланып, мынадай тәсілмен емдеген. Есіктің тұтқасын сумен жуып алып, сол сумен баланың екі алақанын және табандарын жуады немесе иттің бас сүйегін тауып алып, оны суға қайнатып, сол суға баланы шомылдырады, суға қайнатқан иттің қу басын таза шүбірекке орап, жоғарыға іліп қояды. Көз, сұқ тиген адамды емдеуге отты пайдалану да кездеседі. Ол үшін көзі өтті-ау деп секем алған адамның үйінен бір нәрсені алып келіп түтетеді. Кейде жеті тасты отқа күйдіріп, оны сүт құйылған ыдысқа салып, баланың басына біраз уақыт ұстап тұрады. Аздан соң осы сүтті балаға ішкізеді (Әжіғали, Байғабатова. 2005, 1, 183-б.). Сонымен бірге көз тиген баланың

денесін қасқырдың, аюдың өтімен сылайды, аттың қамытынан өткізеді, тоқым жабады, өйткені ат терінің қасиетті иісі көмектеседі деп санаған.

Көз сұғын кері қайтару үшін кейде көзі тиді-ау деген адамның ұлтарағынан немесе киімінің етек жағынан, жағасынан білдіртпей кесіп алып та ырым етеді. Кейде «ұрлап алған» киімнің өзін өртеп, оның күйесін баланың беті мен мойнына, арқасына жаққан.

Көз тиюден сақтандыруға байланысты көне наным-сенімдермен байланысты жосын-жоралғылар мен ырым-тыйымдар жиі кездеседі. Мәселен, жас балаларға көз тимесін деп беттеріне күйе жағып қою, бесікті қызған темірмен қару (Әжіғали, Байғабатова, 2005, 1, 182-б.), ұл баланы қыздарша киіндіру, сәбиді көпшілікке көрсетпей бүркеп ұстау, жас сәбимен, баламен көпшілік жиналған жерге бара бермеу, алыс-жақын жерлерге қыдырып бармау, тәтті қылықтарына тым үздіге бермеу, ұл балаға айдар қою, кейде әдейі жамаулы киім кигізу, баланың есімін елеусіз етіп атау сияқты сан алуан ғұрыптар мен ырым-тыйымдар қазақтарда ежелден қалыптасқан. Сол сияқты жас балалардың киіміне тұмар, үкі, моншак, есектас, сырға, білезік тәрізді бұйымдар тағу да көз тиюден сақтаудың тәсілі болды. Мысалы, қазақтар есектас деп аталатын тасты жас балалардың киіміне тұмар ретінде таққан. Ш.Уәлиханов кезінде ол туралы төмендегідей аса құнды этнографиялық мәлімет келтірген: «қазақтар көзден және тілден сақтау үшін «есектас» деп аталатын тасты тағады. Олардың сенімінше, тас есектің қарнында жүреді, бірақ саудагерлер «есектас» деп шыны сырымен сырланған көк қышты алдап сатады (Валиханов, 1958, 166-б.).

Кейбір этнолингвистикалық еңбектердің көрсетуі бойынша, ересек адамдарға қарағанда жас балалар мен қыз-келіншектерге (соның ішінде әсіресе сұлуларына) көз тигіш болады деген түсінік бар. Халықтың бұндай байырғы ұғым-түсінігін қазіргі замандағы биофизикалық зерттеулер жоққа шығармайды. Биофизикалық зерттеулерге сүйенсек, кез келген адамның денесін әртүрлі сыртқы зиянды әсерлерден сақтайтын биоэнергиялық қабы – биополиясы немесе аурасы болады. Ересек, денсаулығы мықты адамдардың аурасының диаметрі үлкен, ал нәрестелер мен қарттардың аурасы жұқа болады. Ниеті жаман адамдардың зиян жасайтын биоэнергиясы болады. Ондай адамдар зиянды энергиясын ашумен жинап, бір адамға қадала, сұқтана қарағанда, оның энергиясы адам аурасын тесіп өтіп, ауруға шалдықтырады (Қайдар, 2009, 1, 455-б.). Сондықтан назаркерде адамның көз сұғын адамның денесіне емес, басқа заттарға аудару үшін көз сұғынан қорғап қалады деп саналатын тұмар, үкі немесе зергерлік әшекей бұйымдар тағылады. Әшекей бұйымдардың өзі о баста пәле-жаладан, жаманшылықтан сақтаушы тұмар қызметін атқаратын зат ретінде қалыптасқан.

Ел арасында ерекше қадірлейтін төрт түліктің кейбір түрлерін де (бота, құлын), жүйрік аттар мен сүтті сауын малын (түйе, сиыр) көз тиюден сақтаудың жолдары ежелден бері қолданылып келеді. Мәселен, жүйрік атқа көз тимесін деп мойнына тұмар, үстіне жабу жабады. Ондай аттардың жабуын аса сәнді етіп тіктіреді. Кейбір жабулар адамның назарын еріксіз аударатын аппақ қардай матадан немесе талдырмадан (жұмсақ басылған ақ киіз) тігіледі (Бақбергенов, 1975, 151-б.).

Зерттеулерге сүйенсек, малға тұмар тағу өткендегі тұрмыста ерекше орын алған. Көз тимеу үшін ботаға, түйеге, сиырға, жүйрік аттарға әртүрлі тұмарлар тағылған. Мысалы, ботаға үкі тағып, біраз уақыт онаша ұстап, тұмар таққан. Ол тұмар – жіпке өткізілген дөңгелек қара тастар. Бөгде біреу ботаны көріп қалса, «тіл-көзім тасқа» деп жерге түкірген. Егер олай етпесе, үй иесі одан жаңағы сөзді айтып, жерге түкіруін талап еткен. Сүтті көп беретін сиырға да жеті қара тасты салып, үшбұрыштап тіккен тұмарлар тағып қою әдеті болған. «Алпамыс батыр» жырында Алпамыстың серке қоямын деген лағының да тұмары болады:

– Қоямын деген бас серке

Бар еді екі лағы.

Сүйкімді көріп суретін

Мойнына таққан тұмар (Алпамыс батр. 171-б.).

Аттың тұмарына қарап олардың жай ат емес екенін ажыратқан:

– Жүйріктіктің белгісі

Бәйгеге қосқан тұмарлап.

Жігіттіктің белгісі

Бедеу мініп астына

Жиынға түскен бұлаңдап (Ақтан Керейұлы // Жұмысшы, 1977. №14, 1 ақпан, 3-б.).

Жүйрік аттарға тұмар ретінде мал сүйегі, киіздің қиындысынан жасалған тұмарлар тағылған (Шойбеков. 1993, 35-б.). Кейде ондай аттардың мойнына кәрі жілік байланған.

Сүтті сиырдың желініне сүтке көз тимесін деп шелектің құлағынан өткізіп, тас байлап қоятын. Сол сияқты піспекке үкі тағу, сабаның түбіне тас тастау немесе сабаға тас байлау тәрізді сақтық шаралары бұрынғы тұрмыста жиі қолданылған. Кейбір жерлерде малға көз тимесін деп қораға қубас немесе

шүберек іліп қою, үй ішіне көз тимесін деп ырымдап үйдің бұрышына қызыл шүберек іліп қою әдеті кездеседі. Ал бау-бақшаны көз тиюден сақтау үшін бақшаның ішіне ағаш қағып, оның басына малдың қураған басын іліп қояды (Кармышева, 2005, 1, 109-б.). Жын-шайтаннан, жол-жәнекей тіл-көзден сақтайды деген ырыммен көші-қон кезінде қыз-келіншектерді қара түйеге мінгізеді. Демек, кейбір малдың түсі, кейбірінің дене мүшесі тұмардың түр-түрінің пайда болуына әсер еткен.

Қазақтың байырғы ұғым-түсінігі бойынша, «тілім – тасқа, сұғым – суға, назарым нарға аусын», «тіл-көзден сақтасын», «я, Алла, тілден, сұқтан, қауіп-қатерден қағыс қыл», «назары аштың сұғынан сақта» тәрізді тілектер, баталар көз тиюден сақтауға септігін тигізеді екен дейді. Осындай түрлі сақтандыру шараларына қарамастан, көз тигенде оны қайтару және емдеу тәсілдері қолданылады. Кейбір деректер бойынша, көзі тигіш адамдар басқаларға зиянын тигізбеу үшін қалталарына үнемі тұз салып жүрген.

Қорыта айтқанда, адамның көзі мен оның қасиетіне байланысты ерте заманнан әртүрлі ұғым-түсініктер қалыптасқан. Көз тию де ертеден келе жатқан көне түсініктердің біріне жатады. Көз тиюден сақтандырудың жас балаларға, сұлу қыз-келіншектерге, жүйрік аттарға, сүтті малдарға, бітік шыққан егінге және т.б. арналған жеке-жеке сақтық шаралары орындалған. Көз тиюмен байланысты бірсыпыра тұмар түрлері, халықтың емдеу тәсілдері пайда болған. Біз осылардың кейбіреулерін ғана қарастырып отырмыз.

Әдебиеттер

Әжіғали С., Байғабатова Н. Жетісу қазақтарының салт-дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары // Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. 1-том: біртұтастығы және ерекшелігі / құраст. С.Әжіғали. Алматы: «Арыс» баспасы, 2005. 175-199 бб.

Бакбергенов С. Мен сізді сүйемін. Повестер. Алматы: Жазушы, 1975. 160-б.

Валиханов Ч. Избранные произведения. Алма-Ата: Казахское государственное издательство художественной литературы, 1958. 643 с.

Ибрагимов И.И. Қазақ халқының этнографиялық очерктері // Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. 1-том: біртұтастығы және ерекшелігі / құраст. С.Әжіғали. Алматы: «Арыс» баспасы, 2005. 17-37 бб.

Кармышева Дж. Қазақтың егіншілікке байланысты әдет-ғұрыптары // Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. 1-том: біртұтастығы және ерекшелігі / құраст. С. Әжіғали. Алматы: «Арыс» баспасы, 2005. 94-115 бб.

Қазақ халық әдебиеті. 2-том. Ертегілер. Алматы: «Жазушы» баспасы, 1988. 288 б.

Қазақтың мифтік әңгімелері. Алматы: «Ғылым» ғылыми баспа орталығы, 2002. 320 б.

Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. 3-том. Алматы: ТОО «Алем Даму Интеграция», 2017. 856 б.

Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. 5-том. Алматы: ТОО «Алем Даму Интеграция», 2017. 816 б.

Қайдар Ә. Қазақтар ана тілі әлемінде (этнолингвистикалық сөздік. 1-том. Адам. Алматы: Дайк-Пресс, 2009. 784 б.

Құнанбаев А. Шығармалар. 2-том. Алматы: «Жазушы» баспасы, 1968. 251 б.

Шойбеков Р.Н. Қазақ зергерлік өнерінің лексикасы. Алматы: «Қазақстан» 1993. 190 б.

R.N. Shoibekov

ANCIENT CONCEPTS RELATED TO THE EYES AND EVIL EYE

The article provides an overview of the ancient notions of the people about the properties of the human eye. It's described how the patient is treated by the methods used to treat animals. The ways and means of protection from an evil eye are shown.

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕКЛАМНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ РАБОТЫ (ИЗ ОПЫТА ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

Современное развитие музеев обусловлено тем, что музеи должны находиться в постоянном поиске новых путей, форм и приемов презентации и популяризации своих коллекций, и деятельности по различным направлениям музейной работы – культурно-образовательной, научно-исследовательской, экспозиционно-выставочной и др. На первый план выступает проблема эффективности развития музейной коммуникации – расширение форм сотрудничества и взаимодействия с аудиторией, поскольку сегодня стремительно развиваются информационные технологии, которые могут выявить неповторимость и уникальность музейных коллекций, исторических памятников и богатое культурное наследие, что будет, безусловно, способствовать улучшению работы музея и увеличению его посещаемости. «Изучение музейного дела под призмой теории коммуникации помогает увидеть музей, как в его внутренних связях, так и внешних – с учреждениями культуры, науки, образования, производства, что находит воплощение в музейных концепциях и практической работе» (Коссова, 2010, с. 6). Увеличение посещаемости зависит от того, насколько успешно музей развивает рекламно-информационное направление, где особое место занимает взаимодействие музея с обществом. Рекламная и PR-деятельность – это также составная часть маркетинговой политики и от решения маркетинговых и коммуникативных задач зависит степень эффективности музейной работы (Никишин, Лебедев, 2001, с. 11).

Центральный музей осуществляет свою деятельность, направленную на установление оптимальных форм взаимодействия с партнерами разного уровня – учреждениями науки, культуры, искусства, образования, общественными и международными организациями, учебными заведениями и др. Важное место в системе расширения коммуникаций является сотрудничество музея со средствами массовой информации (СМИ). Сотрудничество музея со средствами массовой информации – это своего рода способ и форма реализации культурно-образовательной функции, задачи которой заключаются в популяризации исторического наследия и привлечении посетителей и большого круга организаций к сотрудничеству. Музей ежегодно проводит свыше 35 выставок, около 100 культурно-образовательных различных мероприятий, которые освещаются в СМИ на разных медиаисточниках. При организации выставок и масштабных мероприятий городского, республиканского или международного значения для СМИ предоставляется пресс-пакет, который включает в себя перечень важных информационных материалов о выставке, буклетов, постеров, фотографий, пресс-релизов и др., а также для СМИ рассылается предварительно анонс или пресс-справка (информация о текущих и планируемых мероприятиях).

Особенный интерес у широкой общественности вызывают международные выставки ЦГМ РК, проведенные как в стенах музея в сотрудничестве с музеями, посольствами и консульствами зарубежных стран, отражающие традиционную культуру и искусство различных народов – это фестивали и выставки Японии, Кореи, Китая, Египта, Ирана, Польши, Германии, России, которые привлекают огромное количество посетителей. Стоит отметить, что большой положительный общественный резонанс дают выставки, организованные Центральным музеем за рубежом. Музей успешно развивает научное и культурное сотрудничество с музеями и научно-исследовательскими учреждениями ближнего и дальнего зарубежья. В числе наиболее значимых реализованных международных проектов - выставки «Культура ранних кочевников» / «Историко-культурный облик Великой степи» археологических и этнографических коллекций, организованная в Китае, Турции, Венгрии, Чехии. Множество отзывов, ссылок в интернете и в телепередачах, международных журналах, сборниках.

К современным источникам информирования посетителей о деятельности музея, его мероприятиях и выставках относятся: телевидение, радиоисточники, социальные сети, периодическая печать, сувенирная продукция, наружная реклама, выступающие средствами привлечения общественности к

музейным событиям. К формам рекламно-информационной деятельности и средствам привлечения посетителей можно отнести также следующее:

- разработка текстовых материалов – пресс-релизов, пост-релизов, информационных обзоров, буклетов, брошюр, анкет социологических опросов;
- разработка и изготовление сувенирной продукции (открыток, плакатов, блокнотов календарей и др.);
- интерактивные путеводители по экспозиционным залам в рамках музейно-педагогической деятельности во время работы с учащимися и студентами.

Важное место в рекламно-информационной работе занимает создание и продвижение мультимедийных контентов, рекламных видеороликов о музее, его коллекциях, выставках, экспозиций, культурно-образовательных программах. Стоит подчеркнуть, что важной формой в популяризации историко-культурного наследия страны и презентации музейных коллекций являются научно-исследовательские проекты, реализованные в результате многолетней работы Центрального музея под руководством ученого-этнографа, профессора, директора Нурсан Алимбай – это изданные научные каталоги, труды, книги, монографии, энциклопедии, являющиеся по словам ученого, уникальными пособиями с иллюстрациями, которые содержат ценные сведения по истории и культуре казахского народа и представляют большой интерес для студентов, магистрантов, ученых, педагогов, преподавателей и широкого круга специалистов. Научные труды и каталоги получили высокую оценку в научных кругах ряда зарубежных стран (Франция, Германия, Италия, Россия, Венгрия).

Сотрудники Центрального музея ежегодно размещают в научных сборниках, трудах, на страницах ведущих журналов и газет, как республиканских, так и международных, научные и научно-популярные, информационные статьи по разделам – археология, этнография, антропология, история Казахстана, по вопросам музееведения (свыше 200 публикаций ежегодно). Так, за последние 5 лет вышло более 800 публикаций сотрудников музея в солидных изданиях республики.

Сегодня музей широко представлен в системе Интернет – социальные блоки, порталы, собственный веб-сайт, виртуальные сообщества. ЦГМ РК размещает статьи и видеопрограммы, рекламные ролики, телепередачи в интернете (более 300 ссылок выходит на Центральный музей, его коллекции и программы). Расширяются система сотрудничества с туристическим кластером в интернете, которые также размещают на своих страничках информацию о музее, ролики и статьи, поскольку туристы получают всю информацию о музеях именно в социальной сети.

В рекламно-информационной работе ЦГМ РК сложились традиционные формы сотрудничества и популяризации историко-культурного наследия, а также обретают большую популярность современные формы презентации коллекций, такие, как представление музея через онлайн-платформы, к которым относятся онлайн-лекции, онлайн-экскурсии и другие видеопрограммы; организация пресс-мероприятий – пресс-конференций, пресс-экскурсий для представителей СМИ; брифингов, где рассматриваются актуальные вопросы в области археологических, этнографических исследований, музейного дела страны.

В этом году Центральный государственный музей Республики Казахстан вместе с Национальным музеем РК в Нур-Султане вошел в ТОП-5 лучших музеев истории и культуры СНГ для посещений и виртуальных экскурсий, онлайн-туров и выставок по версии Туристического портала turstat.com. Рейтинг был составлен по результатам анализа популярности музеев и предложений виртуальных туров по музеям.

В связи с распространением коронавирусной инфекции в мире, в режиме чрезвычайного положения в Казахстане, только за март-апрель т.г. Центральный государственный музей РК совместно с Министерством культуры и спорта РК в рамках единой республиканской акции #Bizbirgemiz_culture в онлайн-режиме для всех пользователей социальных сетей провел **онлайн-лекции и экскурсии ведущих научных сотрудников Музея, во главе с директором, профессором Н. Алимбай**. Музей становится тем институтом, который обладает уникальным контентом. Каждый день, когда человек находится на карантине, он находится в Сети, где можно узнать что-то новое о предметах постоянной экспозиции и о достижениях музея, которые охотно воспринимаются зрительской аудиторией разных возрастных категорий

Рекламной службой, которая действует при отделе культурно-образовательной работы проводится постоянная работа по информированию общественности города о том, что происходит в музее, посредством рассылки информации различными средствами (через электронную почту, факс, личные приглашения) партнерам, так называемым «друзьям музея», учебным заведениям г. Алматы. Особенный интерес представляют выставки, организованные из личных комплексов фондовых коллекций ЦГМ РК, посвященные выдающимся личностям Казахстана – К. Сатпаева, М. Ауэзова,

Абая, Ч. Валиханова, С. Сейфуллина, Х. Аргынбаева, К. Кенжетева и др. Более 80 средств массовой информации в рамках сотрудничества с музеем освещают выставки и мероприятия музея в различных медиаисточниках.

Важную роль в популяризации музея и создании его привлекательного имиджа играют технологии Public Relation и PR-деятельность. Сегодня музеи должны пропагандировать не только свои выставки, экспозиции, но и идеи, программы, знакомить общественность не только с серьезной, но и занятой информацией, рекламировать свои услуги и своих сотрудников (Даршт, 1999, с. 30). В этой связи, новые подходы требуют от музейных специалистов знаний и навыков, профессиональной компетенции в области информационных систем, менеджмента и PR-работе. Как правило, музейные специалисты имеют базовое образование, а навыки менеджера, маркетолога, пьюрищика, блогера приобретают в результате практической многолетней работы. Сотрудниками рекламно-информационной службы ежеквартально проводят мониторинг (рейтинг) наиболее популярных медиаисточников-порталов, сайтов, газет и журналов, телепередач, учет данных и анализ взаимодействия со СМИ. Кроме того, проводится работа по подготовке и изданию презентационных материалов по выставкам и мероприятиям - афиш, буклетов, альбомов, выставочных каталогов). Музеем планируется большая работа по расширению комплекса учебно-методических, информационных материалов, изданий, собственной мультимедийной продукции в разных информационных вариациях (видео и слайд-программы, компакт-диски об истории и коллекциях музея в программе non-stop).

PR-деятельность, которую осуществляет Центральный музей, является одной из форм социальной коммуникации и реализации культурно-образовательной программы музея по популяризации историко-культурного наследия и музея, в целом. PR - это рекламные акции, участие в благотворительности, публикации в СМИ, работа с клиентами, партнерами, изучение общественного мнения. PR необходим для повышения эффективности музейной коммуникации и привлечения посетителей в музей. Поэтому, наряду с такими формами работы музея с посетителями, как выставки, фестивали, ярмарки, музейные уроки, в последнее время ЦГМ РК реализовывает новые формы работы – PR-проекты, пресс-мероприятия, пресс-конференции, онлайн-видео-программы, лекции, различные акции и «Дни открытых дверей», конкурсы и лотереи с привлечением друзей в музей. Это также благотворительные акции «Память в наших сердцах», «Мое счастливое детство» и др., организованные музеем в поддержку ветеранов ВОВ и детей с ограниченными возможностями, бесплатные экскурсии для малообеспеченных семей, которые работают на поддержку репутации музея, создание и сохранение его положительного имиджа – оказание помощи, поддержки интернатам, детским и престарелым домам. За период с 2003 по 2020 гг. ЦГМ РК провел свыше 150 различных благотворительных мероприятий.

Особое место и популярность имеют музейные проекты – «Ночь в музее», «Краски Наурыза», «Всей семьей в музей», «Жемчужины Казахстана», главным достоинством которых является продвижение музея, большая степень охвата целевой аудитории и привлечение новых партнеров, спонсоров. Проекты реализовываются посредством развития системы спонсорства (финансирование выставок, культурно-образовательных программ и акций) – как одного из способов расширения общественных связей через привлечение частных компаний к деятельности музея.

Сотрудники музея принимают активное участие в телепроектах и телепередачах (ТРК «Хабар» телепередача «Доброе утро»/ «Иске сэт», ТРК «Казахстан» и «Алматы» -передачи «Таң шолпан», «Мой Казахстан», «Галерея», программы «Арт-Ревью», «Атамекен», «Алматинские истории», «Мәдениет», «Встречи с деятелями культуры и искусства», «Цивилизация» и др.).

Главный постулат в культурно-образовательной деятельности – ориентация на посетителей, их привлечение и удовлетворение запросов и интересов. Расширение аудитории – это постоянная работа и задача музея - сделать пребывание посетителя в музее интересным и запоминающим, при этом подчеркнем, что именно через социальные сети посетители получают всю необходимую информацию о событиях музея. Как показали опросы посетителей последних лет, первостепенным источником информации о выставках музея, является Интернет (70%), второе место занимают телевидение и периодическая печать (20 %), а всего лишь 10% составляет живое слово. ЦГМ РК размещает все материалы о планируемых событиях в социальных блоках, в инстаграмме, фейсбуке, на сайте www.csmrk.kz, что позволяет виртуальному посетителю читать новости в любое время и в любом месте. Музей также предлагает виртуальный тур по своим экспозициям и коллекциям.

Таким образом, информационные технологии являются новой средой и формой коммуникации с посетителями. При этом, важное значение в планировании и организации культурно-образовательной и маркетинговой деятельности музея имеет грамотное медиапланирование, построение системы связей с общественностью, направленных на то, чтобы привлечь как можно больше посетителей в музей.

Литература

- Барри Лорд, Гэйл Д.Лорд. Менеджмент в музейном деле. М., 2002. 116 с.
Гуральник Ю. Посетитель – главный партнер музея//Музей и его партнеры. Сбор. Трудов. М., 2004. 200 с.
Даршт О.Э. Паблик рилейшенз в музее: техника успеха // Музей и новые технологии / Сост. и науч. редактор Н.А. Никишин. М.: Прогресс-Традиция, 1999. 216 с.
Коссова И.П. Культурно-образовательная деятельность музеев. Тенденции и перспективы // Культурно-образовательная деятельность музеев. Сбор. трудов. М., 2010. 120 с.
Никишин Н.А. Лебедев А.В. Информационный менеджмент как технология организации музейного менеджмента // Музей будущего: информационный менеджмент / Сост. А. Лебедев. М.: Прогресс традиция. 2001. С. 7-16.

S.E. Ageleuova

MODERN FORMS AND DIRECTIONS OF ADVERTISING AND INFORMATION WORK (FROM THE EXPERIENCE OF THE CENTRAL STATE MUSEUM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

In the given article considered key peculiarities of advertising and PR work organization of museum, main forms and tendencies. Methodical guidelines for PR-manager of museum based on hands-on experience of CSM RK advertising.

Асылбеков К.М.
*Национальный музей РК
г. Нур-Султан, Казахстан
E-mail: askalibek@mail.ru*

ЦИФРОВАЯ 3D МОДЕЛЬ ЭКСПОНАТОВ С РАЗРЕШЕНИЕМ ТЕКСТУРЫ 8К: ОПЫТ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РК

Цифровизация в сфере культуры – одно из важных условий создания качественно новой модели формирования нравственной, ответственной и творческой личности. Цифровая трансформация определена в Послании Первого Президента и в утвержденной в 2017 году Государственной Программе "Цифровой Казахстан", как магистральное направление Третьей модернизации Казахстана (Н.Назарбаев, Послание, 2017). Согласно Программе цифровизация должна охватить все сферы жизнедеятельности государства начиная от экономики до культуры. Цифровизация в сфере культуры должна обеспечить активное вовлечение в целевую аудиторию учреждений культуры нового поколения, ориентированного в основном на цифровой формат восприятия информации. Данную аудиторию необходимо вовлекать реальными проектами в области популяризации достижений культуры.

3D сканирование и последующая цифровая 3D реконструкция объектов культурного наследия быстро распространяется по миру. Это связано в первую очередь с появлением доступных технологии и технических средств, повсеместной цифровизацией многих отраслей, практической и научной необходимостью.

Один из лучших образцов в мировой практике создания виртуальных 3D музеев археологических артефактов – это Виртуальный музей Хэмпсона (<http://hampson.cast.uark.edu>), разработанный Центром передовых пространственных технологий университета Арканзаса. В музее представлены 3D модели артефактов, в основном полученных при раскопках археологического поселения Нодена доктором Джеймсом Хэмпсоном. В настоящее время это самый большой в мире полнофункциональный 3D музей археологических артефактов, в котором размещены 442 различных экспоната. Любой посетитель может детально рассмотреть артефакт во всех ракурсах и мельчайших подробностях и провести любые необходимые для исследований измерения (М. Вавулин, О. Зайцева, А. Пушкарев, 2014, с.22).

Применением 3D технологий в историко-культурном наследии занимается компания CyArk. Это – некоммерческая организация, созданная в 2003 году для того, чтобы, используя новые технологии создать бесплатную онлайн 3D-библиотеку мирового культурного наследия на случай, если оно будет разрушено в результате природных катаклизмов, военных действий или с течением времени (www.cyark.org/about/).

Целенаправленная работа по 3D сканированию археологических артефактов в России сегодня, помимо Томского государственного университета, параллельно ведется в Иркутском государственном техническом университете.

В Казахстане 3D оцифровку музейных экспонатов проводится в Государственном музее искусств (далее ГМИ) имени А. Кастеева, Национальном музее РК и областном краеведческом музее Восточно-Казахстанской области (www.kazpravda.kz). Так, ГМИ РК им. А. Кастеева стал первым в Казахстане музеем, где учреждена 3D лаборатория, в которой отработаны методика и технология 3D сканирования методом фотограмметрии. Музей продолжает работу по:

- созданию полного электронного каталога коллекции музея;
- составлению электронной базы данных;
- пополнению цифрового 3D архива 3D моделями – с начала года в количестве около 800 единиц;
- передача данных по музейному собранию в Единый гос. каталог и в Единый Государственный реестр культурного наследия и музейных объектов Казахстана (Отчет ГМИ РК им. А. Кастеева за 2019 год.).

В Национальном музее РК и Восточно-Казахстанском областном краеведческом музее 3D оцифровка проводится в рамках проектов.

В Национальном Музее РК с 2017 года реализуется проект «Создание 3D моделей объектов, включенных в Общенациональный Перечень для популяризации объектов в информационных ресурсах». При реализации данного проекта кроме создания 3D моделей сакральных объектов были выполнены следующие задачи в 2017 году:

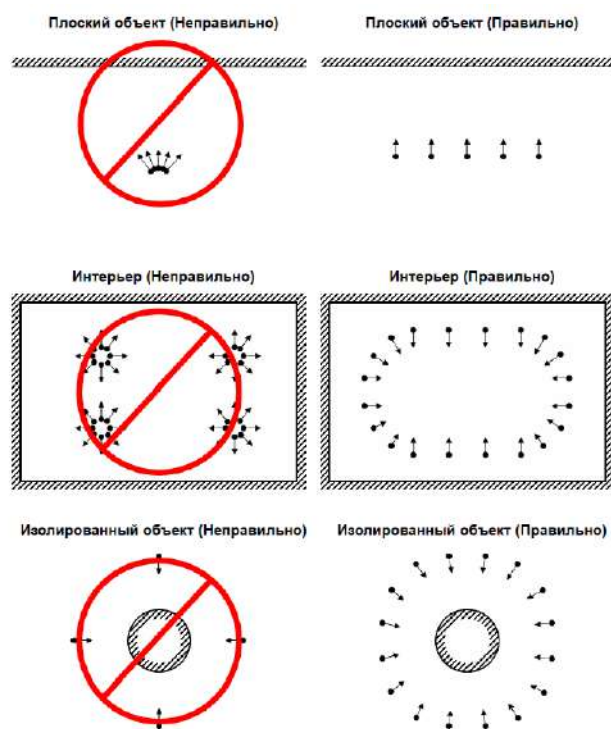
- созданы панорамные фото (360 градусов) сакральных места. Экстерьер и внутренние помещения;
- разработана интерактивная 3D карты Республики Казахстан с отображением сакральных мест;
- разработана базы данных оцифрованных объектов и сооружений с возможностью демонстрации объектов и сооружений в сети Интернет;
- создана виртуальные туры на базе оцифрованных объектов и сооружений;
- 3D оцифровка 200 экспонатов из музейного фонда.

В 2018 году оцифровка музейных экспонатов в рамках данного проекта не осуществлялась. 3D оцифровку проводила ТОО «Искер кала», а специалисты были привлечены с России. Информация о реализации данного проекта можно посмотреть на сайте российской компании United 3D labs (www.uni3dlabs.ru). С 2019 года проект с рабочим названием «Фотограмметрическое 3D сканирование сакральных объектов, внесенных в национальный список для популяризации объектов на информационных ресурсах» реализует ТОО «Exponential Kazakhstan». При реализации проекта специалисты по 3D сканированию и моделированию привлекались из ФРГ. Как уже видно из названия при оцифровке музейных экспонатов применялся метод 3D фотограмметрической съемки. Выбор данного метода 3D сканирования в первую очередь связан с возможностью передачи текстуры объекта в высоком разрешении. Лазерные и 3D сканеры на основе структурированного света хотя и дают возможность получить более точную геометрию объектов, но они уступают в передаче текстуры методу фотограмметрии. Высокое разрешение текстуры 3D моделей особенно важно для объектов культурного наследия где значение цвета поверхности предмета имеет первостепенное значение в изучении и сохранении культурного наследия.

В 2019 году 200 объектов из коллекции Национального Музея РК были отсканированы с разрешением текстуры 8K. Такое разрешение имеет 8000 пикселей по горизонтали, которое превосходит предыдущий стандарт сверхвысокой чёткости изображения 4K в 4 раза.

Чтобы добиться такого разрешения из технических средств необходимы следующие оборудования: DSLR-камеры, различные объективы к ним, освещение для 3D съемки, различные программные обеспечения для работы с фотографиями, 3D реконструкции и постобработки, полученных 3D моделей.

Фотограмметрическое программное обеспечение требует специальных правил фотографирования объекта чтобы программа могла считывать снимки и реконструировать 3D модель из облака точек (рис 1).

Для правильной 3D реконструкции любая точка объекта должна быть не менее чем в трех фотографиях. При фотограмметрии работает принцип чем больше фотографии тем лучше. Важно чтобы камера могла снимать в формате RAW. Такой формат сохраняет максимальное количество информации об объекте с возможностью редактирования их с помощью специальных программ как Adobe Photoshop lightroom. ПО имеет необходимые инструменты для коррекции света, наклона изображения, удаление объектов и задавать определенные настройки для всех фотографии.

В качестве программного обеспечения для воссоздания цифровой 3D модель реального объекта был выбран Reality Capture. Данная программа намного быстрее производит расчеты по 3D реконструкции в отличии от своих конкурентов. Также в этой ПО можно обрабатывать данные лазерного сканирования и фотограмметрии в одном проекте.

Фотограмметрической программному обеспечению для вычисления облака точек нужны большие вычислительные мощности. Характеристики рабочей станции указаны в таблице (табл. 1)

Наименование	Артикул
Платформа	SuperMicro SYS-7048A-T
Процессор	Intel Xeon E5-2687W v4 OEM/2
Оперативная память	32Gb DDR4 2400MHz Samsung ECC Reg/16
Видеокарта	nVidia GeForce GTX1080 Ti 11264Mb
Системный диск	6Tb Intel SSD SSDSC2BB016T701
Рабочий диск	Intel 1.6 Tb SSD PCI-e DC P3600
Операционная система	Microsoft Windows 10 Professional 64-bit

Таблица 1. Характеристики рабочей станции для обработки в фотограмметрическом ПО.

Именно появление сравнительно бюджетных высокопроизводительных настольных компьютеров сделала фотограмметрический метод очень популярным и конкурентным в последние годы.

После загрузки фотографии в ПО производится выравнивание (рис 1).

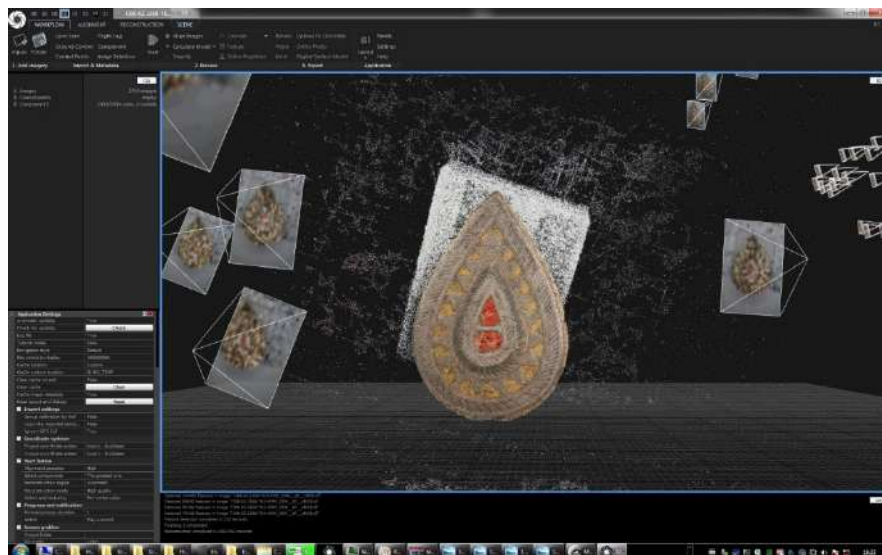

Рисунок 1. Процесс выравнивание фотографии в Reality Capture.

Далее выбирается область 3D реконструкции для более эффективной и быстрой 3D реконструкции (рис 2).

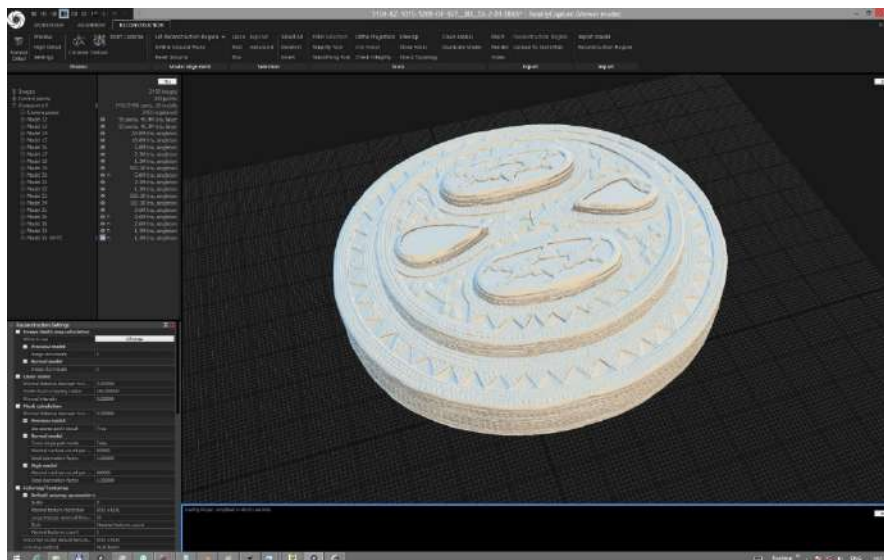

Рисунок 2. 3D реконструкция объекта

На следующем этапе проводится текстурирование модели (рис 3).

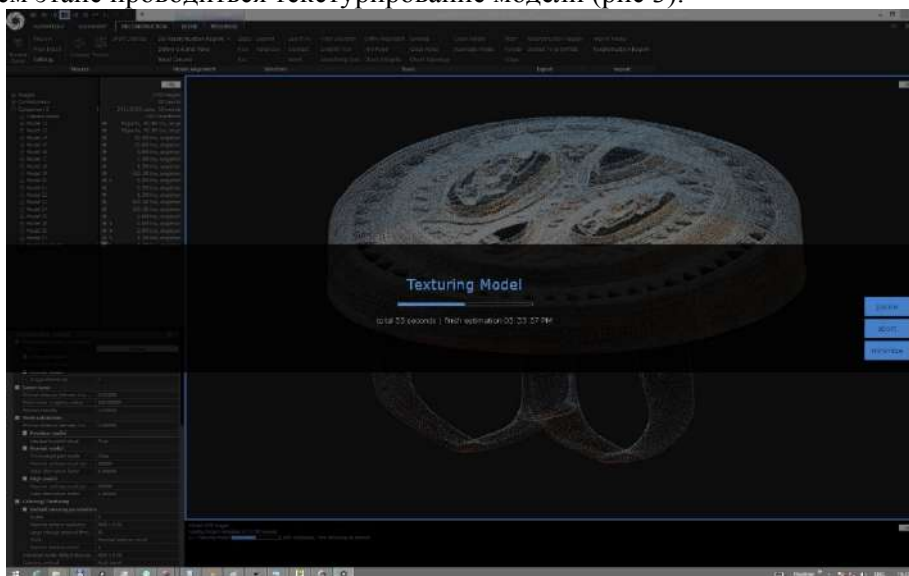

Рисунок 3. Текстурирование модели.

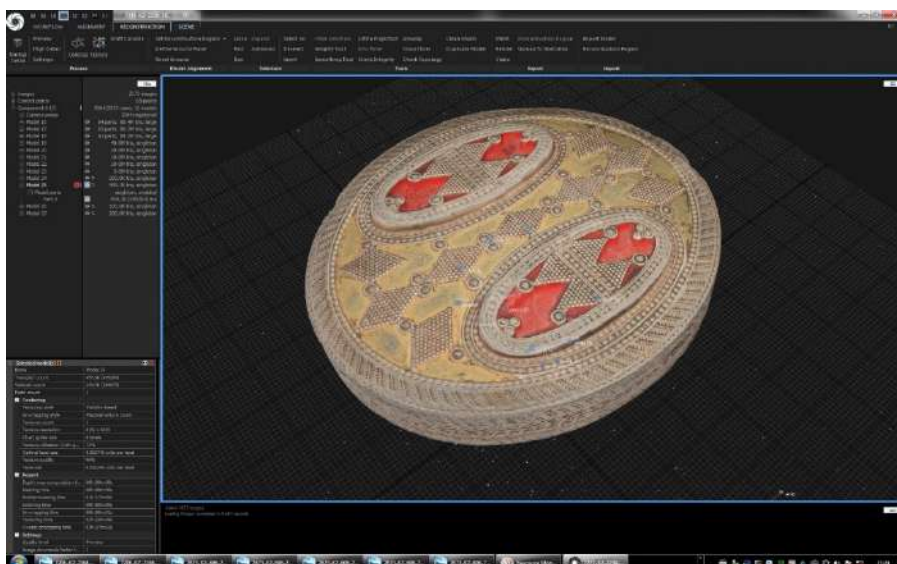

Рисунок 4. Готовая виртуальная 3D модель объекта.

На последнем этапе проводится пост-обработка если это необходимо в 3D редакторах. Таких как: 3Ds Max, Autodesk Maya, Cinema 4D, MODO, Blender и др.

Особую трудность вызывает сканирование блестящих и золотых предметов. Такие предметы вызывают сложность для всех методов 3D сканирования которые работают с текстурой. Именно для таких предметов постановка света, выбор соответствующего объектива камеры, поляризаторов и других технических приспособлении имеет очень важное значение для окончательного результата 3D сканирования. Из всех видов 3D сканирования в фотограмметрическом сканировании специалист должен иметь долгий опыт сканирования и обработки фотографии в программном обеспечении. Без практических навыков новичок будет делать много ошибок при сканировании, постановке света и настройке оборудования. Также необходимо постоянно проверять результаты в ПО и если есть области с недостаточным количеством и качеством фотографии произвести сканирование этих областей повторно.

Литература

«Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана. 31 января 2017 г. Режим доступа URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-31-yanvary-a-2017-g

Вавулин М., Зайцева О., Пушкарев А. Методика и практика 3D сканирования разнотипных археологических артефактов// Сибирские исторические исследования. 2014. № 4.

Официальный сайт компании CyArk. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cyark.org/about/>

Прошлое превращается в будущее. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kazpravda.kz/news/ruhani-zhangiru/proshloe-prevrashchaetsya-v-budushchee>

Отчет Государственного музей искусств РК им. А. Кастеева за 2019 год. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gmirk.kz/ru/lang-ru-otchet-za-2015-god-lang-lang-kz-2015-zhyldy-zh-mys-esebi-lang-lang-en-report-for-2015-lang/662-lang-ru-otchet-za-2019-god-lang-lang-kz-2019-zhyl-y-zh-mys-esebi-lang-lang-en-2019-annual-report-lang>

Оцифровка объектов культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: <https://uni3dlabs.ru/portfolio/digitization-of-cultural-heritage-objects/>

К.М. Asylbekov

3D DIGITAL EXHIBITION MODEL WITH RESOLUTION TEXTURES 8K: EXPERIENCE OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article discusses the features and work on 3D scanning of exhibits from the collections of the National Museum of the Republic of Kazakhstan. The place of 3D scanning in the preservation, protection and research of historical and cultural heritage is analyzed. The stages of photogrammetric 3D scanning and processing of its results in a special computer program and the necessary for this device are also described.

ҒЫЛЫМИ-ҚОР ЖҰМЫСЫ: ҚОР ЖИНАҚТАУ ЖӘНЕ ЕСЕПKE АЛУ (ҚР MOM тәжірибесінен)

Ғылыми-қор жұмысы – негізгі мақсаты музей қорын қалыптастыру, толықтыру және оларды болашақта пайдалану үшін (сақтау, зерттеу, насихаттау) тиімді жағдай туғызу болып табылатын музей қызметінің жеке бір бағыты. Музейдегі ғылыми-қор жұмысы музейдің Даму концепциясының ажырамас бөлігі болып табылатын ғылыми-қор жұмысының концепциясы негізінде жүзеге асырылады. Бұл концепцияда ғылыми-қор жұмысының мақсат, міндеттері, жұмыстың басым бағыттары, қорды ұйымдастырудың принциптері, қор жинақтаудың концептуалды негіздері, музей жинағын зерттеу мен пайдалану т.с.с. анықтап көрсетіледі. Ғылыми-қор жұмысының концепциясын музейдің қор, ғылыми бөлім қызметкерлерінен құралған жұмыс тобы дайындап, ұжымда талқыланып, Ғылыми кеңесте (болмаған жағдайда Әдістемелік кеңес) бекітіледі. Осындай жан-жақты дайындалған, мәселені терең зерттеп барып жасалған концепция негізінде келесі бір құжат – музейге қор жинақтаудың перспективалық және жылдық жоспары жасалады. Аталмыш құжатта музейдің профиліне сай тақырыптар, жинақтаудың көздері, яғни әлеуметтік мәнді нысандар, жинақтау түрі, орындалу уақыты, жинақтауға жауапты тұлға сияқты бөлімдер қамтылады. Сауатты жасалған жоспар кім, қашан, қалай деген сұрақтарға нақты жауап беруі тиіс.

Ғылыми-қор жұмысының негізгі міндетіне қорды ғылыми ұйымдастыру, музейлік мәні бар құндылықтарды тауып, жинау, оларға сараптама жасау, музей жинағының құрамына енгізу, атрибуциялау, музей затын жан-жақты зерттеу, құжаттандыру және сақтау жүйесін ұйымдастыру, консервация және реставрация жұмыстарына бақылау жасау жатады (Шулупова, 2013. с. 200).

Қор жинақтау – музейдің ғылыми-қор жұмысының негізгі бағыттардың бірі, музейлік мәні бар заттар мен бұйымдарды анықтап, жинастырып, іріктеп музейлік затқа айналдыру. Яғни, әлеуметтік мәдени ортадан алынған тарихи-мәдени құндылықтар, сондай-ақ табиғат нысандарын музейлендіру жолымен деректік ақпараттарын анықтап, жаңа қасиеттері мен қызметін ашу.

Музей ісі бойынша жазылған әдебиеттерге сүйенсек, қор жинақтаудың негізгі үш кезеңін бөліп көрсетуге болады: *Дайындық кезеңі* – тақырыпты анықтау, деректік базаны зерделеу, тақырып бойынша коллекцияның құрамына талдау жасау, жинақтау жұмыстары жүргізілетін нысандар мен аймақтарды анықтау, жинақтаудың жоспарын жасау сияқты ғылыми-әдістемелік дайындық. *Жинақтау кезеңі* – музейлік мәні бар заттар мен бұйымдарды табу, анықтау, жинау және алдын ала сараптау жұмыстары. *Қорытынды кезең* – қорытынды сараптама жасау және музей жинағының құрамына енгізу үшін Қор-сатып алу (қор-іріктеу) комиссиясының назарына ұсыну.

Қазіргі заманғы музейлерде қор жинақтау **жүйелік, тақырыптық және кешенді** сияқты негізгі үш бағытпен жүргізіледі. *Жүйелі жинақтауда* коллекция музейлік мәні бар бір типті заттар мен бұйымдармен толықтырылады. *Тақырыптық жинақтауда* белгілі бір тақырыптағы әр типті заттар мен бұйымдар анықталып, жинақталады. Мұнда көбінесе экспозиция-көрме жұмыстарының қажеттілігін қамтамасыз етуге байланысты және арнайы тақырыпқа «бағынған», белгілі бір жағдайды, кезеңді көрсетуге арналған музейлік мәні бар заттарды жинақтаудан тұрады. *Кешенді жинақтау* жоғарыда аталған екі әдістің де міндеттерін атқарады. Сонымен қатар жеке коллекционер жинақтап музей қорына тапсырған коллекцияларды, белгілі бір тарихи тұлғаға немесе жағдайға байланысты мемориалдық заттарды да атап өтуге болады.

Қор жинақтаудың *далалық зерттеулер жүргізу арқылы және ағымдық жинақтау* сияқты негізгі формалары бар. Далалық зерттеулерді шартты түрде *маршрутты экспедициялық зерттеулер* (мұнда музей маманы нақты бір аймаққа қысқа уақыт аралығында бір немесе бірнеше рет шолу жасап шығады), *репортаждық жинақтау* (өтіп жатқан белгілі бір жағдай бойынша «ізін суытпай жинау»). Бұл әдіс әсіресе конгресс, конференция, съездер мен саяси жиналыстар кезінде материал жинақтауда тиімді), *тұрақты әрекет етуші экспедиция* (музей орналасқан аймақтан, елді мекеннен материалдар жинақтау. Бұл көбінесе тарихи-өлкетанулық музейлер қызметінде қолданылады) сияқты үш топқа бөлуге болады.

Ағымдық жинақтауда коллекцияны толықтырудың бірнеше жолы бар. Атап айтқанда, жеке заттарды немесе тұтас коллекцияны *сатып алу*, жеке немесе заңды тұлғалардың өз заттары немесе

коллекциясын ерікті түрде музейге *сыйға тартуы, іс-сапарлар мен экспедициялар ұйымдастыру*, музей бейініне сай емес және телкөшірмелі (дублетті) музейлік заттарды музейлер арасында *айырбастау*, сондай-ақ *мақсатты түрде тапсырыс беру және белгілі бір нысанда жүйелі түрде материал жинау*. Кейде бұл жұмыстарды акция өткізу арқылы да орындауға болады. Мәселен, Орталық музей жыл сайын қыркүйек айында дәстүрлі түрде «Отбасылық жәдігерді музейге сыйла!» акциясын жүргізіп келеді. Нәтижесінде ел тарихы мен мәдениетіне қатысты мәдени құндылықтар іріктеліп, музей қорына тапсырылды (Жылдық есеп, 2019, 54 б.).

Жинақтау жұмыстарын жүргізу барысында, музейлік мәні бар заттар мен бұйымдарды іріктеу кезінде олардың құндылығын анықтайтын бірнеше белгілеріне (критерийлерге) мән беру қажет. Ең алдымен, заттың *түпнұсқалығы, бірегейлігі және мемориалдылығы* назарға алынуы тиіс. Екінші кезекте музейлік мәні бар заттың *ақпараттылық, аттрактивтік* (музейлік заттың пошымның көңіл аударуға тұрарлығы, яғни көз тартарлығы), *экспрессивтік* (музей затының эмоция тудыруы), *репрезентативтілік, ассоциативтілік және эстетикалық*, сонымен қатар *семантикалық*, яғни материалдық тұрғыдан пайдаланылуы мен мән мағынасының өзара қатынасы, *коммуникативтілік* (заттың көрнекі сыртқы белгілерінің ақпарат беруі, толықтыру, түсіндіру, басқа затпен өзара әрекеттестік, адамның ойы мен сезіміне әсер ету), *репрезентативтілік*, яғни шынайылық, толықтық, бірегейлік немесе типтік тиістілігі сияқты қасиеттері ескеріледі. Заттың немесе бұйымның сақталу деңгейін де ерекше критерий ретінде екшеп атауға болады. Егер музейлік мәні бар зат осы аталған критерийлерге жауап берсе, сөз жоқ, ол айырықша назарға ілігеді. Алайда, бір уақытта осы аталған қасиеттерге толық жауап бермейтін заттармен бұйымдар «сапасыз немесе музейлік мәні жоқ» деген сөз емес. Әпсанасы (зат туралы мәлімет, иесі, тұрмыстануы, тарихы т.б.) толық, түпнұсқа, жазба, белгі (клеймо), геральдикалық белгілері бар бұйымдар уақыт өте келе музейлік зат қасиетіне ие бола алады.

Қорыта келгенде, қор жинақтау жұмыстары кез келген музей жұмысының ажырамас бөлігі. Қор жинақтау жұмыстарын сауатты жүргізу ғылыми-зерттеу, экспозиция-көрме және мәдени-білім беру қызметін сапалы жүргізуге мүмкіндік береді. Сондықтан қор жинақтау музей жұмысының жүйекұраушы компоненттерінің бірі болып табылады.

Екі ғасырлық тарихы бар Қазақстан Республикасының Мемлекеттік орталық музейі өзінің сан жылдар бойы қалыптасқан тәжірибесінде қорды толықтыруды тиімді ұйымдастыру үшін төмендегідей жұмыстарды жүзеге асырады:

- орын алып жатқан оқиға немесе жағдай аумағынан «ізін суытпай жинау», фотофиксация жасау;
- құнды дүниелерді жинақтайтын, бірақ экспозициялаумен айналыспайтын коллекционер, суретші, фотограф, сонымен қатар антикварлық салондар, түрлі мекемелер, сондай-ақ ел тарихы мен мәдениеті, өнердің дамуына үлес қосқан тұлғалармен, олардың ұрпақтарымен байланыс орнату;
- түрлі акциялар өткізу;
- болашақ үш жылға жасалған перспективалық жоспарға бағына отырып, әр жыл басында жасалатын жоспар-кестеге сай жинақтау жүргізу (мұнда ағымдағы жылда орын алатын атаулы күндер, мерейтойлық, тарихи-мәдени іс-шаралар ескеріледі).

Есепке алу: жаңа түсімдерді қабылдау, ғылыми тіркеу және олардың қозғалыс үрдісі.

Музей қорына түскеннен кейін музейлік затқа жүргізілетін барлық жосықтар Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрінің 2015 жылғы 7 желтоқандағы №372 бұйрығымен бекітілген «Қазақстан Республикасы музей қорының музей заттарын есепке алу, сақтау, пайдалану және есептен шығару нұсқаулығында» көрсетілген тәртіппен жүзеге асады.

Музей қорын есепке алу немесе «музейлік бухгалтерия» – дәл ғылымдардағы сияқты бір параметрдің өзгеруі екінші параметрдің өзгеруіне әкеп соқтыратын, элементтері бір-бірімен тығыз байланысты құжаттар мен методикалық ережелер жүйесі (Брюшкова, 2006, 10 б.) Музей қорын есепке алу барысында қалыптасқан үлгі бойынша есепке алу құжаттамалары толтырылады. Бұл құжаттардың заңды күші бар және олар арнайы тіркеуге алынып, мәңгілікке сақталады.

Музей заттарын мемлекеттік есепке алу екі кезеңмен жүргізіледі: музейге түскен заттарды алғашқы тіркеу және ғылыми тіркеу (инвентаризация).

Уақытша қабылдау актісі толтырылып музей қорына түскен барлық музейлік заттар (сыйға берілген, сатып алынған, экспедициялар барысында жинақталған және т.б.) музейдің қор-сатып алу (қор-іріктеу) комиссиясының отырысында қарастырылып, комиссия мүшелерінің ұсыныс негізіндегі шешімдері негізінде негізгі немесе ғылыми-көмекші қорға қабылданып, тиісті құрылымдық қорға (бейнелеу өнері, қару-жарақ, археология, бағалы металл, жаратылыстану, палеоантропология, киім-кешек т.б.) бөлінеді. Аталмыш комиссия қарауынан кейін тиісті хаттама рәсімделіп, осы хаттама негізінде музейлік заттарды *тұрақты сақтауға қабылдау актісі* толтырылады. Аталмыш актіге музей басшысының қолы қойылып, мөрмен бекітіледі. Бұл акт музей затының музейге тиістілігін растайтын

зандық күші бар құжат. Келесі процесс түскен музейлік затты *негізгі қордың* немесе *ғылыми-көмекші қордың* Бас түсім кітабына тіркеумен байланысты. Осы кезеңнен бастап ол (музейлік зат) мемлекет меншігіндегі мәдени игілік нысаны болып саналады. Музейге уақытша тапсырылған музейлік заттар *уақытша қордың түсім кітабына* тіркеледі. Айта кетерлік жайт, бағалы металдар мен тастардан жасалған музейлік заттар жеке түсім кітабына жазылады (Каулен, Косова, Сундиева, 2010, с. 294-295). Бас түсім кітабына актіде көрсетілген мәліметтер – уақыты, түсу жолы, сақталуы, бағасы (сатып алынған жағдайда), ілеспе құжаттары толықтай қамтылып, акт нөмірі, жазба жасалған мерзім көрсетіледі. Сақталуы қажет мемлекеттік құжат ретіндегі Бас түсім кітабының мақсаты: музейлік затты тиісті есептік белгісімен тіркеп, оған сипаттама беру. Ескерерлігі, бір уақытта бір түрлі заттар (мыс.: монета, фотосурет және т.б.) түскен жағдайда оларға бір негізгі нөмір беріліп, қалғандарын бөлшек санмен беруге болады (мыс.: КП 25645/1-23). Дегенмен, бірегей заттарға міндетті түрде жеке есептік нөмір беріледі. Сонымен қатар, бағалы металл мен бағалы тастардан жасалған заттарға бөлшек нөмір беруге қатаң тыйым салынды. Бірегей заттар міндетті түрде фотоға түсіріледі. Музейлік заттың есептік белгісі заттың сыртқы көрінісіне зиян келтірмейтіндей қойылады, егер заттың өзіне қою мүмкін болмаса, этикетка немесе бирканы тігіп, байлап пайдалану арқылы қойылады. Айта кетерлігі, бір авторға тиесілі суретті немесе фотоны альбомға бір негізгі нөмір беріліп, әр бетіне бөлшек нөмір қойылады.

Бас түсім кітабына түскен жазба негізінде жалпымузейлік есептік карточка жазылады. Ол Бас түсім кітабының да ақпараттық қызметін атқарады. Бұл музей мамандары мен басқа да мекемелерден келетін зерттеушілер үшін де тиімді. Музей заттары Түсім кітаптарына тіркелгеннен кейін қор сақтаушы маманға материалдық жауапкершілік актісімен беріледі. Ерекше екішеп айтар жайт, негізгі қорға қабылданған музей заттары екінші кезең – ғылыми түгендеу (*инвентаризация*) кезеңінен өтеді.

Музейлік затты тіркеудің екінші кезеңі оны зерттеу, сипаттау және ғылыми анықтаудан (атрибуциялау) тұратын ғылыми түгендеу (ғылыми анықтау) және музейлік заттарды салыстырып тексеруден тұрады.

Музейлік затты атрибуциялау – заттың, бұйымның мән-мазмұнын ашу үшін оның өзіне тән белгілерін анықтау болып табылады. Мұндай белгілерге заттың материалы, пошымы, өлшемі, салмағы, түсі, тақырыбы, сюжеті, техникасы, авторы, жасалған уақыты мен орны, қолданылу аймағы, белгілі бір адамға, жағдайға немесе құбылысқа тиістілігі сияқты белгілері, жалпы алғанда морфологиясы, технологиясы, функциясы қарастырылады (Каулен, Косова, Сундиева, с.303). Музейлік затты зерттеу, дәлірек айтқанда анықтау зерттеліп отырған заттың белгілі бір құбылысқа немесе жағдайға байланыстылығына, сол жағдайды зерттеу барысында алынғандығы немесе бірнеше жылдан кейін сол орыннан басқа заттар кешенімен табылуы сияқты жағдайларға тікелей байланысты. Сонымен қатар затты (бұйымды) ұсынушының айтуы бойынша музей тарапынан қабылдаушы қалдырған «зат туралы әпсананың» болуы да аса маңызды. Ескере кетерлігі, әпсананың шынайлық деңгейі көз жеткізуді қажет етеді.

Әдетте, музейлік затты атрибуциялау оның жеңіл анықталатын белгілерінен басталады. Сондықтан музейлік затты зерттеуді оның атауы, материалы, жасалу әдісі, өлшемі мен көлемі, құрамынан бастаған абзал. Өлшем сантиметрмен, бағалы металл мен бағалы тастан жасалған бұйымдардың салмағы грамм немесе каратпен өлшенеді. Дөңгелек немесе сфера тәрізді заттарда міндетті түрде диаметрі беріледі. Бұл белгілер есепке алу мен сақтауға ғана емес, оның басқа да жанама белгілерін анықтауға қолайлы. Мәселен, материалын анықтау арқылы сол кезеңдегі экономикалық ахуал, техниканың дамуы мен сауда-өнеркәсіптік қатынастар туралы ақпарат алуға болады. Ал материалды анықтау үшін оның химиялық-физикалық қасиеттері: құрылымы, салмағы, түсі, тығыздығы және т.б. туралы білім қажет. Әдетте, металл, ағаш, керамика, әйнек, мата, пластмасса, қағаз, пергамент сияқты материалдарды жазбай тануға болады. Ал ағаштың түрін, қағаздың сұрыпын, талшықтың, әрлегіштің құрамын анықтау үшін арнайы білім, ізденіс қажет. Табиғи кездесетін (тас, минерал, ағаш, сүйек т.б.) материалдарды анықтауда ботаника, зоология, минералогияға жүгінсек, жасанды жолмен алынатын (түрлі металл, қыш), сондай-ақ пластмасса, синтетикалық талшық, бояуларды анықтауда химия, технология саласы бойынша білім қажеттілік тудырады. Материалдың физикалық-химиялық қасиетін анықтау үшін арнайы жабдықталған зертханаларда талдаулар (химиялық, спектралды т.б.) жасау нәтижесінде ғана қол жеткізуге болады. Өкінішке орай, бұл қазіргі қазақстандық музейлердің өзекті әрі негізгі мәселелерінің бірі.

Көп жағдайда музей маманы музейлік затты зерттеуде күрделі құрамды *материалды анықтауға* тиіс болады. Бұл әсіресе бейнелеу өнері туындыларын, киім-кешектерді зерттеуде кездеседі. Мәселен, кескіндеме мен графика туындылары қолданылған бояуды (атап айтқанда, майлы бояу, темпера, гуашь, акварель, пастель, қарындаш т.с.с.) және ол салынған негізгі материалды (кенеп, қағаз, картон, ағаш)

анықтауды қажет етеді. Мұндай күрделі құрамды материалды анықтауда музей қызметкері арнайы мамандарға жүгінуге тиіс болады немесе *органолептикалық*²¹ әдістерді қолданады.

Музейлік затты сипаттау барысында оның *жасалу әдісін* анықтаудың маңыздылығы зор. Негізінен заттар қолдан және механикалық әдіспен жасалады. Мәселен, қолдан жасалған бұйымдар қарабайыр, ассиметриялы болса, станокта жасалған немесе арнайы құрылғыда өндірілген өнімдер пошымының дәлдігі мен симметрияның сақталуы, бірдейлігімен ерекшеленеді.

Заттай деректерді зерттеуде *өлшемі, пішіні мен құрылымын* анықтау оның функционалдық қызметін көрсетуге жәрдемдеседі. Бейнелеу өнері, сәндік-қолданбалы өнер саласы бойынша зерттеулерде *стильдік ерекшеліктер* маңызды рөл атқарады. Стиль ұғымы авторлық жұмыстарға да тікелей қатысты (мыс., жазушының, суретшінің жазу мәнері немесе стиль ерекшеліктері). Стильдік ерекшеліктерді айқындау арқылы заттың жасалған *уақытын, орнын, қолданылу ортасы мен авторын* анықтауға болады. Рухани және материалдық құндылықтың авторлық тиістілігін анықтау арқылы оның кәсіби, шығармашылық мүмкіндіктері, тіпті дүниетанымы жайлы ақпарат алу да музей маманы үшін өте қызғылықты. Авторы анықталған зат тарихи шындыққа біртабан жақындай түседі. Ал материалы мен жасалу әдісін зерттеу нәтижесінде сәкесінше уақыты мен орындалған орнын дәлірек көрсетуге мүмкіндік туындайды (Левыкина, Хербста, с. 98-99).

Бейнелеу өнері, жазба деректер, фотосуреттер мен фоножазбалардың уақытын анықтауда олардың *тақырыбы мен желісі* айырықша мәнге ие. Себебі, тақырыпқа қарай тарихи оқиғаның уақытын байланыстырып анықтауға мүмкіндік бар. Сонымен қатар бейнелеу өнері туындылары мен фотосуреттердің уақытын анықтауда бейнеленген немесе сипатталған сюжеттегі жағдай, адамдардың киім үлгісі және кейіпкердің түрлі айырым (ерекшелік) белгілеріне талдау жасау арқылы қол жеткізуге болады (қараңыз: *визуалды антропология*).

Сәндік-қолданбалы өнер бұйымдары және утилитарлық заттарды анықтауда стильдік, құрылымдық ерекшеліктерге ден қойып, жасалу тәсілдерін анықтау қажет. Тақырыбы, материалы, уақыты, жасалған орны белгілі болғаннан кейін оның әлеуметтік, этникалық тиістілігі белгіленеді. Мәселен, матаның морфологиялық белгілері, киімнің пішілу үлгісі, сәндік сипаттары, стильдік ерекшелігі, жасалған уақыты мен орны оның қай әлеуметтік ортаның немесе топтың арасында тұрмыстанғандығын ажыратуға мүмкіндік береді. Этникалық тиістілік, әсіресе, профилі жөнінен тарихи музейлер үшін маңызды. Көнеден қалған заттар немесе архаикалық белгілерін сақтаған бұйымдарды анықтауда этникалық тиістілік мәселесі зор мәнге ие. Музейлік заттағы жазба, таңба (клеймо), геральдикалық белгілер оның қолданылу аясын, тақырыбы мен сюжетін, жасалу уақытын, тіпті авторын немесе иесін анықтауға септігін тигізеді.

Музейлік заттарды атрибуциялау барысында алынған мәліметтер сол затқа ұқсас, «туыстас» заттармен баламаланып, салыстырылады. Бұл жағдайда ғылыми және анықтамалық басылымдар, әсіресе, коллекциялық каталогтар үлкен көмек көрсетеді. Ғылыми және анықтамалық әдебиеттер, каталогтарды пайдалану арқылы толық сипатталып, музейлік заттардағы белгі, жазба және бейнелерді зерттей отырып кеңейтілген *ғылыми сипаттамалы карточка (инвентарлық карточка)* жазылады.

Қазіргі таңда Орталық музей мамандары музейлік құндылықтарды анықтау, атрибуциялау жұмыстарына этнограф-ғалым, музейтанушы Нұрсан Әлімбаевтің жетекшілігі әрі ғылыми редакторлығымен орындалып, он мыңнан астам этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларды қамтыған, деректік негіздемесі шынайы дәйектелген ғылыми зерттеу – 5 томдық іргелі этнографиялық энциклопедияны²² қолданады. Аталмыш энциклопедия ұлттық мәдениеттің болмыс-бітімін зерделеуге арқау болатын, танымдық тағылымы өлшеусіз деректерге негізделген.

Музейлік затты жіктеу және жүйелеу. Жүйелеу ғылыми операциялардың ең маңыздысы болып табылады. Ғылыми танымда топтық бірлік типтерге бөлу арқылы анықталады, бұл дегеніміз, топтауға сай заттық жүйенің бөлінуі деген сөз. *Топтау* (затты немесе құбылысты бір немесе бірнеше ортақ белгілеріне қарай бөлу), *жіктеу* (классификация) (топтар арасында шекара қою мақсатында белгілердің айырушы қызметін тереңдету), *типтеу* (тип құру, топтауға сай тиісті белгілерді сипаттаудың жүйелік кодын құру) ғылыми жүйелеудің негізгі операцияларды болып табылады. Жіктеу тұтасты топтарға бөлуге, ал типтеу топтарға біріктіруге бағытталған (Дмитриев, 2006, с.7). Яғни, музейлік затты жіктеу – заттардың ұқсас немесе айырым белгілеріне байланысты бөлу болып

²¹ Органолептикалық әдіс – заттың сапалық көрсеткіштерін сезім мүшелері (көру, ұстау, есту, дәмін тату) арқылы қабылдап, талдау.

²² Толығырақ: Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Қайта өңделген, толықтырылған бес томдық басылым. Жобаның ғылыми редакторы және жетекшісі Нұрсан Әлімбаев. Алматы, 2017.

табылады. Музей ісінде музейлік затты жіктеу, ең алдымен, оларды сақтауды қамтамасыз ету жүйесі үшін аса қажет. Жіктеу әр музейдің профиліне сай жолға қойылған схема негізінде жүзеге асады. Музейлік заттарды оның анықтаушы белгілеріне қарай бірнеше негізгі жіктерге (ортақ жіктеу және дара жіктеу) бөлуге болады:

- материалына байланысты;
- уақытына байланысты, яғни жасалған немесе қолданыста болған уақыты;
- қолданылу аймағы (географиясына) байланысты, яғни жасалған орны мен қолданыста болған аймағы;
- этникалық тиістілігіне байланысты, яғни топтарға бөлу;
- әлеуметтік, яғни қай ортада қолданылғанына байланысты;
- тұлғалық тиістілігіне (бір адамға тиесілі заттар, әсіресе, мемориалдық музейлер үшін аса маңызды);
- заттық, яғни қолданылуы, сюжеті, материалы ұқсас заттар тобы;
- тақырыптық (әсіресе, тарихи музейлер үшін маңызды) және т.б.

Ғылыми-қор жұмысында қалыптасқан жүйелеу картотекалар (алфавиттік, заттық, атаулық, түгендеу, тақырыптық, реттік) жүргізу немесе заманауи автоматтандырылған жүйені (мыс.: АС-Музей, КАМИС, АИС т.б.) қолдану арқылы жүзеге асады. Қазіргі таңда қазақстандық музейлерде дәстүрлі картотекалар жүргізумен қатар автоматтандырылған жүйе арқылы электронды база қалыптастыру енгізіліп келеді. Бұл «Музей дерекқорын жүргізу қағидалары» негізінде жүзеге асады. Музей дерекқоры – музейлік заттар мен музей коллекцияларының мемлекеттік есепке алынуын қамтамасыз ететін, музей жинағына кіретін және Қазақстан Республикасының музей қорына енгізілген әрбір музейлік зат пен музей коллекциясы туралы мәліметтердің жиынтығы. Музей қорының базасында электронды ресурс құру есептік және ғылыми құжаттарды жүргізуде музей ісін жетілдіруге және сапалы жаңа дәрежеге көтеруге мүмкіндік береді.

Музей қоры үздіксіз қозғалыста болады. Мәселен, жаңа түсімдер қабылданады, тұрақты немесе уақытша тапсыру-қабылдау жұмыстары, есептен шығару және т.б. жағдайларда музей заттарының саны өзгеріп отырады. Қорлардың қозғалыс үрдісі жаңа түсім, музейлік затты көрме немесе экспозицияға, қалпына келтіруге, зерттеу жұмыстарына беру, ғылыми-көмекші қордан негізгі қорға ауыстыру, есептен шығару және т.б. жағдайларда анық көрінеді. Аталған жағдайлардағы тапсыру-қабылдау жұмыстары, сондай-ақ музейлік заттың бұзылуы, ұрлануы мен жоғалуы туралы жайттар Нұсқаулыққа сай рәсімделеді. Музейлік заттарды қабылдау-тапсыру процесі міндетті түрде қорды есепке алу бөлімі немесе бас қор сақтаушы арқылы рәсімделеді. Музейшілік тапсыру-қабылдау құжаттарын бас қор сақтаушы, музейден тыс, республика көлемінде немесе шетелге шығарылатын музейлік заттардың актісін музей басшысы бекітеді. Осы ақпараттарды жинақтай келе музей қорының қозғалысы, яғни «кіріс-шығысы» туралы жинақ есепті көруге болады. Мәселен, Орталық музейдің 2016-2019 жж. қор қозғалысын төмендегі кестеден көруге болады (Жылдық есеп, 2019, 14 б.).

Көрсеткіштер	Саны (сақтам бірлік)			
	2016 ж.	2017 ж.	2018 ж.	2019 ж.
Қалпына келтіруге берілген (жоспарлы және жоспардан тыс)	882	397	392	623
Уақытша көрмеге берілген	2975	2287	1191	1480
Экспозициялық залдарға берілген	28	127	53	486
Ғылыми-зерттеу жұмыстарына берілген	762	789	3085	2133

Ал музейлік заттардың нақты санын есеп құжаттамаларымен салыстырып, олардың сақталу деңгейін тексеру үшін *түгендеу*, *қайта есептеу* жұмыстары жүргізіледі. Қайта есептеу жұмыстарын жүргізу үшін мүшесі 3 қызметкерден кем емес комиссия құрылады. Мұнда кез келген қор немесе коллекция материалдық жауапкершілік актісі, Бас түсім кітабы, инвентарлық кітаппен салыстырылып тексеріледі. Тексеріс нәтижесінің қорытындысы бойынша есепке алу бөлімінің құжаттамасымен расталған салыстырып-тексеру актісі жасалады. Оны музей басшысы бекітеді.

Есепке алу бойынша заңдық күші бар маңызды құжаттар арнайы кітапқа тіркеледі. Ол музейден тыс шығарылмайды және бөгде адамдарға берілмейді. Барлық актілер, түсім кітаптары мен инвентарлық кітап, бағалы металдар мен тастардан жасалған музейлік заттардың түсім кітабы сияқты есептік құжаттар жұмыстан тыс уақытта мөрленіп жабылатын бөлмеде арнайы өртке төзімді шкафтарда сақталады.

Мақаланың басында сөз болған музейлік затты жинақтау, есепке алу, атрибуциялау, жіктеп, жүйелеу, қордың қозғалыс үрдісі сияқты дәстүрлі немесе ағымдық деп саналатын жұмыстар, шынтуайтына келгенде, өзіндік әдістемелік негіздемесі мен әдіс-тәсілдер арқылы, ізденіс арқылы кезеңімен жүзеге асатын күрделі ғылыми жосық болып табылады.

Әдебиеттер

Брюшкова Л.П. Учет и проверка наличия музейных ценностей: методические рекомендации. М.: Мир музея, 2006. 36 с.

Дмитриев В.А. О методологии музейной систематики в этнографии / Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы Пярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006.

Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. / Под ред. Каулен М.Е., Косовой И.М., Сундиевой А.А. М.: ВК, 2010. 676 с.

Музееведение. Под ред. К.Г. Левыкина, В.Хербста. М.: Высшая школа, 1988. 431 с.

Основы музееведения: учебное пособие. Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 430 с.

Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейі РМҚК 2019 жылы атқарған жұмыстарының есебі.

U.A. Ashimova

SCIENTIFIC AND FUND WORK: ACQUISITION AND RECORD OF FUNDS

This article reviewed and analyzed the main areas of research and fund work: fund acquisition, the primary registration of museum items, their scientific inventory, as well as the process of movement of fund collections. The author of the article paid considerable attention to basic requirements for records maintaining.

Нұрсан Әлімбай

*Қазақстан Республикасы Мемлекеттік
Орталық музейі директоры, профессор*

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ СПОРТ МИНИСТРЛІГІ ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕМЛЕКЕТТІК ОРТАЛЫҚ МУЗЕЙІ

«ОТБАСЫМЕН МУЗЕЙГЕ»

жалпы республикалық акциясының ТҰЖЫРЫМДАМАСЫ (Алматы, 2019 ж.)

Жобаның жетекшісі және идея авторы: Бибігүл Дандығараева, директордың музейлік менеджмент және маркетинг жөніндегі орынбасары

Ғылыми редакторы: Нұрсан Әлімбай

Шығармашыл топ: Нұрсан Әлімбай, Бибігүл Дандығараева, Ғалия Теміртон, Анна Кущенко, Татьяна Козуб, Үміт Ашимова, Ақмарал Айдымбаева.

Тұжырымдаманы дайындаған Нұрсан Әлімбай, қатысқандар: директордың музейлік менеджмент және маркетинг жөніндегі орынбасары Бибігүл Дандығараева, директордың ғылыми жұмыстар жөніндегі орынбасары Ғалия Теміртон, мәдени-білім беру бөлімінің жетекшісі Анна Кущенко, мәдени-білім беру бөлімінің кіші ғылыми қызметкері Татьяна Козуб, Бас қор сақтаушы Үміт Ашимова, баспасөз-хатшы Ақмарал Айдымбаева.

➤ **АКЦИЯНЫҢ ИДЕЯСЫ** * - жеке тұлғаны әлеуметтендірудің және халық санын көбейтудің базалық институты ретіндегі отбасы арқылы тарих және мәдениет ескерткіштерін насихаттаудың әлеуметтік кеңістігін кеңейту. Бұл біріншіден, келушілер контингентін кеңейтуге мүмкіндік береді, екіншіден, қоғамда адамгершілік пен руханилықты сақтаудың іргелі факторларының бірі болып табылатын отбасылық құндылықтарды нығайтуға ықпал етеді, үшіншіден, музейдің әлеуметтік-мәдени институттардың бірі ретінде қоғамдық маңыздылығын арттырады.

➤ **МАҚСАТЫ** – аталмыш акция аясында түрлі жобалар мен мәдени-білім беру бағдарламаларын әзірлеп, жүзеге асыру арқылы түрлі санаттағы музейге келушілердің тұрақтылығын қамтамасыз ету.

➤ **АКЦИЯНЫ ЖҮЗЕГЕ АСЫРУ МЕХАНИЗМІ:**

- *Балалар үйі, мектеп, арнайы орта және жоғарғы оқу орындарында түрлі тақырыпта музейден тыс іс-шаралар ұйымдастыру;*

- *Тарих, этнология, фольклортану және Қазақстан мәдениетінің өзекті мәселелері бойынша ғылыми-зерттеу мекемелері мен жоғарғы оқу орындарының жетекші ғалымдарымен (тарихшы, археолог, этнолог, антрополог, социолог, мәдениеттанушы, өнертанушы, әдебиетші және т.б.) кездесу ұйымдастыру және оларды тарту (жұмылдыру);*

- музей қабырғасында халықтың түрлі категориясы үшін шығармашыл интеллигенцияның көрнекті өкілдерімен кездесулер ұйымдастыру;
 - музей қорынан және жеке коллекциялардан тақырыптық көрмелер ұйымдастыру;
 - барлық категориядағы келушілерге арналған танымдық интерактивті бағдарламалар әзірлеу және өткізу;
 - мәдени-білім беру жобаларын дайындау және жүзеге асыру (фестиваль, шығармашылық кездесу, шеберлік кластар, концерт, дәрістер);
 - ғылым, білім және мәдениет мекемелерімен әріптестік пен ынтымақтастықты дамыту.
- **Аталмыш акция аясында жүзеге асырылған білім беру бағдарламалары мен жобалардың өзара тәуелділігі мен өзара шарттасуын білдіретін толықтыру принципі негізге алынып отыр. Өйткені, жоғарыда аталған мәдени-білім беру бағдарламалары мен жоба бір-бірімен себеп-салдарлық байланыста.**
- **ӨТКІЗУ ЖИІЛІГІ: жылына 4 рет (тоқсан сайын).**
- **АКЦИЯНЫҢ АУДИТОРИЯСЫ: халықтың түрлі жастағы категориясы (оқушылар, студенттер, жоғары буын өкілдері, зиялы қауым өкілдері және т.б.).**

Негіздеме. Аталмыш жоба 2017 жылы Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің көп жылдық тәжірибесі негізінде түрлі санаттағы келушілер үшін дайындалған болатын. Бұл отандық музей ісіндегі жемісті тәжірибенің бірі болды.

Жүргізілген сараптамалық экскурс нәтижесі мәдени-білім беру жұмысының түрлі жобалары халық арасында қызығушылық тудырып, келушілердің әлеуметтік құрамының ұлғайғанын көрсетті. Әсіресе, жастар тарапынан белсенділік байқалды. Ескерерлік жайт, аталмыш жоба алғашында отбасылық құндылықтар мен дәстүрді жалғастыру мен сақтауға, неке және отбасы институтын нығайтуға ықпал ететін «Отбасы күні» мерекесіне (ҚР Тұңғыш Президентінің 2013 жылдың 1 наурызындағы №511 қаулысы) орайластырылып өткізілген болатын.

Біздің елімізде отбасы институтына ерекше назар аударылады, өйткені, отбасы – ұрпақтар арасын жалғастырып байланыстырушы, рухани және мәдени дәстүрлерді сақтаушы буын. *«Отанға деген сүйіспеншілік отбасынан басталады. Туган шаңырақтан алған тәрбие – бұл барша халқымыздың бақуатты да табысты болашағының кепілі»* (Н.Назарбаев). Сондықтан, институционалдық қатынастардың негізгі құрамдас бөлігі ретінде отбасы институтына мемлекеттік қолдау – отбасы-неке қатынастарын белсенді нығайтуға үндеген өзекті міндеттердің бірі болып табылады.

Музей тарихи-мәдени құндылықтарды сақтау, насихаттау және зерттеуде негізгі әлеуметтік мәдени институттардың бірі бола тұра, мәдениет қалыптастыратын және тәрбиелейтін әлеуетке ие. «Отбасымен музейге кел» жобасының негізгі идеясы да мемлекет пен қоғамның үйлесімділікте дамуына бағытталған тұлғаны дамыту, отбасылық дәстүрді қолдау, ұлттаралық келісім, сондай-ақ тұрақтылықты сақтау мен нығайту сияқты басымдықтарға негізделген.

«Отбасымен музейге» акциясын жүзеге асыру барысында келесі міндеттер шешімін табады:

- музей мен отбасы институтына жұртшылықтың назарын аудару;
- елдің тарихи-мәдени мұрасымен таныстыру;
- өз елінің тарихы мен дәстүріне, өз отбасына деген құндылықтарды қалыптастыру;
- адамгершілік және патриоттық сезімдерді қалыптастыру;
- жас отбасылардың психологиялық саулығын қалыптастыру;
- отбасы мүшелерінің шығармашылық және әлеуеттік мүмкіндіктерін ашу;
- отбасылық тәрбиеде ұлттық дәстүрді жаңғырту.

Жобаның сипаттамасы. «Отбасымен музейге» музейлік акциясы Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің келушілер, әсіресе, отбасы мүшелерінің музеймен, музей педагогтары және экспозициямен байланыс орнатуға бағытталған жобалық жұмысының жаңа бағыты болып табылады. Акция әртүрлі жастағы келушілерге арналған мәдени-білім және танымдық-тақырыптық бағдарламалар кешенінен тұрады, бағдарламалар көне дәуірлерден қазіргі заманға дейінгі Қазақстанның тарихы мен мәдениетін көрсететін коллекциялармен таныстырады. Акцияның бағдарламасы музейлік экспозициялар мен көрмелер, тақырыптық жобалар шеңберінде жасалған. Мысалы: «ОЮЛАР СӨЙЛЕЙДІ», келушілерді қазақтың дәстүрлі ою-өрнегімен қызықтырады; «НИКОЛАЙ ХЛУДОВТЫҢ ӘЛЕМІ» көрнекті орыс суретші-этнографының шығармашылығына арналған, «ТАБАҚТАС» жобасы қазақтардың отбасылық отырысы мен қонақжайлығын көрсетеді, «ЕЖЕЛГІ САЛТ АТТЫЛАР ДӘІРІНЕН ҚАЗАҚТЫҢ КӨШПЕЛІ ӨРКЕНИЕТІНЕ ДЕЙІН» ерте және ортағасырдағы қазақ этностары арасындағы этногенетикалық және мәдени-тарихи сабақтастық және т.б.

Акция шеңберінде келушілердің барлық отбасы мүшелеріне арналған тарихтың қызықты сырлары, жұмбақтар, ойжұмбақтар, квестер, викториналар, шеберлік сабақтар мен экскурсиялар, экспонаттармен танысуға мүмкіндік береді. Бұл ретте, бағдарламалар мен жобалар келушілердің өзара бір-бірімен ойларымен бөлісіп, қарым-қатынас орнатуына мүмкіндік беретіндей жасалады. «Тарихпен сырласудың» бұндай түрі келушілердің туындаған түрлі сұрақтарына жауап беретін музей манадарының - археолог, этнограф, тарихшы және т.б. көмегіне жүгінеді. **«Келуші – музейлік артефактілер – экскурсия жүргізуші»** сынды пайда болған үш таған танымдық интерактивті ортаны қалыптастырады. Осының салдарынан келушілер, түрлі этностар мен ұрпақтар арасындағы сабақтастықты жалғастыратын экспозициялық кеңестік пайда болады.

Сонымен, аталмыш акция барысындағы біліми бағдарламалар мен түрлі шығармашылық интерактивті ойындар музей бойынша отбасылық саяхат жасауға мүмкіндік береді, ата-аналар балаларымен бірге халықтық қолөнер шеберлік-сабақтарына қатысады, сәндік-қолданбалы өнер шеберлері және танымал суретшілермен бірге өз қолдарымен туындылар (ашықхаттар, әшекей бұйымдар, панно, картиналар, кілем-еиіз бұйымдары және т.б.) жасайды. Музей қабырғасында балалар мен ата-аналарының өз қолдарымен жасаған авторлық жұмыстарының көрмесі **«МУЗЕЙ-ОТБАСЫ»** жобасының басты нәтижесі болып табылады.

Интерактивті бағдарламалар, көрмелер, шеберлік-сабақтармен қатар музей келушілермен жұмыс жасаудың инновациялық түрлерін ұсынады, олардың ішінде *арнайы акциялар мен квест-ойындар (кестені қараңыз)* ерекше сұранысқа ие. Мысалы, ҚР Мемлекеттік орталық музейі жыл сайын дәстүрге айналдырған *«ҚР МОМ қорын толықтыр»/ «Музейге сый, ұрпаққа аманат»* атты акциялар еліміздің тарихи-мәдени мұрасын сақтауға және дәріптеуге халықтың өз үлесін қосуға мүмкіндік береді.

Аудиториямен жұмыс жасау және қарым-қатынас орнатудың жаңа түрі болып табылатын квест-ойындар, археология, этнография, антропология және тарих бойынша музей экспозициясы негізінде Қазақстанның тарихы мен мәдениеті бойынша көрнекі құралдарын, электронды таныстырылымдар мен видеофильмдер пайдалану арқылы ойын түрінде тапсырмалар орындауға негізделген. Аудиториямен жұмыс жасаудың аталмыш түрлері келушілердің музей экспозициясы және музейлік заттармен «өзара қарым-қатынас» орнату арқылы отандық тарих және мәдениет ескерткіштерін қалыптастыру, танымдық қызығушылықты, логика мен ойлауды, шығармашылық қабілеттілікті, музейде алған тарихи білімді бекітуге негізделген.

Кесте

№	МУЗЕЙЛІК КВЕСТ-ОЙЫНДАРДЫҢ ТАҚЫРЫПТАРЫ	АРНАЙЫ ШАРАЛАР-АКЦИЯЛАР
1	«Палеонтология және археология әлемінде»	Отбасылық фотосуреттер мен жәдігерлердің көрме-конкурс
2	«Әжемнің сырсандығы»/ «История предметов из бабушкиного сундука»	отбасылық экспедиция паспортының көмегімен музейдің экспозициялық залдарына қызықты сапар шегетін «Қазақстан тарихының лабиринТі» акциясы
3	«Қазақ халқының әдет-ғұрпы мен дәстүрі»	Музей қорын толықтыруға арналған «Отбасылық құндылықты музейге сыйла» акциясы
4	«Қазақстан табиғаты»	Халық қолөнері бойынша шеберлік-кластар
5	«Қазіргі заманғы Қазақстан»	Отбасылық концерттер мен викториналар

АКЦИЯДАН КҮТІЛЕТІН НӘТИЖЕЛЕР

- музей мен еліміздің тарихи-мәдени мұрасын насихаттау, музейге келушілер санын арттыру, музей аудиториясын кеңейту міндеттерін шешеді;
- келушіге өз елінің тарихымен танысуға және отбасылық жәдігер мен дәстүрді көрсетуге кеңінен мүмкіндік береді;
- музейдің танымдық-рекреативтік мүмкіндіктерін кеңейтуге және музейлерді ғылыми-ағарту мекемесі деп қарастыратын көзқарасты еңсеріп, қол бос уақытты өткізу индустриясынан өз орнын алу;
- музейді жаңа мазмұн мен мағынаға толтырып, музейлік білім беру, мәденибағдарламалар мен идеялар спектрін кеңейту; халық пен музей арасында әріптестік орната отырып, олардың шығармашылық белсенділігін арттыру. Сондықтан акция барлық санаттағы келушілердің музейге деген қызығушылықтарын арттыруға ықпал етеді.

- Музей аудиториясымен жұмыс жасаудың бағыттары мен түрлерінің көбеюі, музей бағдарламаларын орындау арқылы іздеу-зерттеу дағдысын қалыптастыруға ықпал етіп, музей мамандары, музей экспозициясы және іс-шара қатысушылары арасында «тілдесу» қалыптасады,
- Әріптестік байланыстар кенейіп, қалың жұртшылықпен серіктесуге мүмкіндік туындайды, сол арқылы ғылыми-білім беру және әлеуметтік-мәдени институт ретіндегі музейдің имиджі нығая түседі.

ЕСКЕРТУ*

Ұсынылып отырған жоба ҚР МОМ келушілеріне арнап дайындалған, дегенмен, өзінің интерактивтілігі және танымдық маңыздылығы жөнінен басқа да республикалық, сондай-ақ, аймақтық музейлерде де өткізуге болады. Бірақ, әр музей өзінің ұйымдық құрылымы мен функционалдық ерекшелігіне сәйкес мәдени-білім беру бағдарламаларын әзірлеуі тиіс. ҚР МОМ мамандары аталмыш және басқа да жобалары мен бағдарламаларын жүзеге асыру жолындағы көпжылдық тәжірибесімен бөлісуге дайын.

Қосымшада ҚР МОМ жүзеге асырған акцияның сан алуан бағдарламалары басқа музейлерге типтік үлгі ретінде беріліп отыр.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

КОНЦЕПЦИЯ общереспубликанской акции «ВСЕЙ СЕМЬЕЙ В МУЗЕЙ» (Алматы, 2019 г.)

Автор идеи и руководитель проекта: Бибигуль Дандыгараева, заместитель директора по музейному менеджменту и маркетингу.

Научный редактор: Нурсан Алимбай

Творческая группа: Нурсан Алимбай, Бибигуль Дандыгараева, Галия Темиртон, Анна Кущенко, Татьяна Козуб, Умит Ашимова, Акмарал Айдымбаева.

Концепция разработана Нурсан Алимбаем при участии Бибигуль Дандыгараевой, Галии Темиртон, заместителя директора по научной работе, Анны Кущенко, руководителя отдела культурно-образовательной работы, Татьяны Козуб, младшего научного сотрудника отдела культурно-образовательной работы, Умит Ашимовой, главного хранителя, Акмарал Айдымбаевой, пресс-секретаря.

➤ **ИДЕЯ АКЦИИ*** – расширение границ социального пространства популяризации памятников истории и культуры через семью, как базового института социализации личности и воспроизводства населения. Это даст, во-первых, возможность расширить контингент посетителей, во-вторых, способствует укреплению семейных ценностей, что является, как известно, одним из фундаментальных факторов сохранения нравственности и духовности в обществе, в-третьих, активно повысит и общественную значимость музея, как одного из социокультурных институтов.

➤ **ЦЕЛЬ** – обеспечение стабильности посещаемости музея различными категориями населения путем разработки и реализации разнохарактерных культурно-образовательных программ и проектов в рамках данной акции.

➤ **МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ АКЦИИ:**

- *организация разнотематических внемузейных мероприятий в детских садах, школах, среднеспециальных и высших учебных заведениях и т.д.*

- *привлечение и организация выступлений, ведущих ученых научно-исследовательских организаций и высших учебных заведений (историков, археологов, этнологов, антропологов, социологов, культурологов, искусствоведов, литераторов и др.) по узловым вопросам истории, этнологии, фольклористики и культуры Казахстана;*

- *организация встреч с известными представителями творческой интеллигенции с различными категориями населения в стенах музея;*

- *организация тематических выставок из фондовых коллекций музеев и частных коллекций;*

- *разработка и проведение интерактивных познавательных программ для всех категорий посетителей;*

- разработка и осуществление культурно-образовательных проектов (фестиваль, творческие встречи, мастер-классы, концерт, лекторий);

- развитие партнерства и сотрудничества с организациями науки, культуры и образования и др.

➤ **ОСНОВОПОЛАГАЮЩИМ ПРИНЦИПОМ РЕАЛИЗАЦИИ АКЦИИ** выступает так называемый принцип дополнительности, означающий взаимозависимость и взаимообусловленность реализуемых культурно-образовательных программ и проектов в рамках данной акции. Дело в том, что обозначенные выше культурно-образовательные программы и проекты разработаны таким образом, что они между собой изначально находятся в «программно» заданных причинно-следственных связях.

➤ **ЧАСТОТА РЕАЛИЗАЦИИ:** 4 раза в год (ежеквартально).

➤ **АУДИТОРИЯ АКЦИИ:** различные половозрастные категории населения (учащиеся, студенты, люди старшего поколения, представители интеллигенции и др.).

Обоснование. Данный проект был разработан в 2017 году на основе многолетнего опыта сотрудников Центрального государственного музея Республики Казахстан по работе с различными категориями посетителей. Это был первый плодотворный опыт в отечественном музейном деле.

Как показывает проведенный нами аналитический экскурс, реализация проекта в различных ракурсах культурно-образовательной работы вызвала огромный интерес у населения, что нашло выражение в увеличении социального состава посетителей. При этом особенно ощутима была активность со стороны молодежи. Следует отметить, что презентуемый проект изначально был приурочен к празднику «День семьи», призванному сохранению и преемственности семейных ценностей и традиций, способствующих укреплению института семьи и брака (Указ Первого Президента РК №511, от 1 марта 2013).

В нашей стране институту семьи традиционно уделяется особое внимание, поскольку, как известно, именно семья всегда была и остается связующим звеном между разными поколениями, хранительницей духовных и культурных традиций. «Любовь к Родине начинается с любви к семейному очагу. Воспитание, полученное под родным шаныраком – это залог здорового и успешного будущего всего народа». (Н.А. Назарбаев). Поэтому государственная поддержка института семьи как важнейшей составляющей институциональных отношений является одной из актуальных задач, призванных активному укреплению семейно-брачных отношений.

Музей, будучи одним из основных социокультурных институтов обеспечения сохранности, изучения и популяризации историко-культурных ценностей, обладает высоким культуросозидательным и воспитательным потенциалом. В основе же презентуемого проекта «Всей семьей в музей!» лежит идея развития личности, поддержка семейных традиций, развитие и укрепление толерантности и межнационального согласия и многих других приоритетов, без которых невозможно гармоничное развитие общества и государства. Разумеется, посредством организации соответствующих музейных мероприятий.

В ходе реализации акции «Всей семьей в музей» будут решены следующие задачи:

- привлечение внимания общественности к музею и институту семьи;
- знакомство с историко-культурным наследием страны;
- формирование ценностного отношения к традициям и истории своей страны, своей семьи;
- формирование нравственно-патриотических чувств;
- формирование психологического здоровья в молодых семьях;
- раскрытие потенциальных возможностей и творческих способностей членов семьи;
- возрождение национальных традиций в семейном воспитании.

Описание проекта. Музейная акция «Всей семьей в музей!» является новой формой проектной деятельности Центрального государственного музея Республики Казахстан, направленной на взаимодействие посетителей, в особенности членов семей с музеем, музейным педагогом, экспозицией. Акция включает комплекс культурно-образовательных и познавательно-тематических программ, рассчитанных на аудиторию различных половозрастных категорий посетителей, знакомящих их с миром музея — прежде всего, с коллекциями, отражающими историю и культуру Казахстана с древнейших времен до современности. Программы акции преимущественно разработаны на основе музейных экспозиций и выставок, в рамках тематических проектов. К примеру: «ОЮЛАР СӨЙЛЕЙДІ» / «УЗОРЫ ЗАГОВОРИЛИ», вовлекающая посетителя в мир традиционного казахского орнамента; «МИР НИКОЛАЯ ХЛУДОВА», посвященная творчеству выдающегося русского художника-этнографа; проект «ТАБАКТАС» («сотрапезники»), демонстрирующий традиции семейного застолья и гостеприимства у казахов; «ОТ ЭПОХИ КОННО-КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ К

КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАЗАХОВ СКВОЗЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ» с точки зрения этногенетической и культурно-исторической приемственности между древними и средневековыми насельниками и казахским этносом и т.д.

Интересные сюжеты истории, загадки, головоломки, квесты, викторины, мастер-классы, экскурсии, разработанные для всех членов семей – посетителей музея в рамках программ акции, позволят создать непосредственное знакомство с экспонатами. При этом, программы и проекты организуются таким образом, что посетители сами должны стремиться к живому общению между собой, активно делаясь своими впечатлениями. Такая форма «диалога с историей» отнюдь не исключает необходимость обращения посетителей к музейным специалистам – археологам, этнографам, историкам и др. по ряду возникших вопросов. Ситуативно сложившаяся триада **«посетитель – музейные артефакты – экскурсовод»**, таким образом, образует достаточно познавательно привлекательную интерактивную среду. И, как следствие этого, экспозиционное пространство трансформируется в актуально «пульсирующее» пространство организации диалога между посетителями, разными этносами и поколениями.

Итак, данная акция представляет собой семейное увлекательное путешествие по музею, предлагая наряду с основными образовательными программами и различные творческие активности (интерактивные арт-зоны), где, к примеру, родители с детьми участвуют в мастер-классах, обучаются народным ремеслам, создают шедевры своими руками вместе с художниками и мастерами декоративно-прикладного искусства (изготавливают открытки, ювелирные изделия, панно, картины, войлочные изделия и др.). Ключевым моментом сотрудничества в рамках проекта **«МУЗЕЙ-СЕМЬЯ»** могут стать выставки авторских работ детей и их родителей по результатам их творческой деятельности в стенах музея.

Наряду с интерактивными программами, выставками, конкурсами, мастер-классами, музей предлагает и инновационные формы работы с посетителями, среди которых особую популярность набирают **специальные акции и квест-игры** (см.: таблица). Так, к примеру, доброй традицией Центрального музея РК и всенародным делом стала акция **«Пополни фонды ЦГМ РК»/ «Семейные раритеты – в дар Музею»**, которую ежегодно проводит музей, предоставляя возможность населению внести свой вклад в дело сохранения и популяризации историко-культурного наследия нашей страны.

Квест-игра, выступающая как новая форма организации работы и взаимодействия с аудиторией, предполагает выполнение определенного рода заданий в игровой форме на основе музейных экспозиций по археологии, этнографии, антропологии и современной истории с использованием наглядных пособий, электронной презентации, видеофильмов и др. по истории и культуре Казахстана. Такая форма работы с аудиторией основывается, прежде всего, на прямом «взаимодействии» посетителей с экспозицией и музейными предметами, что способствует формированию осмысленного отношения к памятникам отечественной истории и культуры, развитию познавательного интереса, логики и мышления, творческих способностей и закреплению, полученных в музее исторических знаний.

Қосымша 1/ Приложение 1
ҚР Мемлекеттік орталық музейінің
«Отбасымен музейге» фестивалінің мысалындағы акция бағдарламасы
Программа акции Центрального государственного музея РК
на примере фестиваля «Отбасымен музейге»

«Отбасымен музейге» фестивалі ІС-ШАРА БАҒДАРЛАМАСЫ:	ПРОГРАММА акции-фестиваля «Всей семьей в музей!»
15.00-15.10 (музей холлында) Іс-шараның ашылуы, ҚР МОМ серіктестері мен демеушілерінің сөз сөйлеуі	15.00-15.10 (холл музей) Официальное открытие мероприятия, выступление партнеров и спонсоров ЦГМ РК.
15.10-15.30 (музей холлында) Балалардан құралған музыкалық ұжымдардың өнер көрсетуі.	15.10-15.30 (холл музей) Выступление детских музыкальных коллективов.
15.30-15.45 (музей холлында) Келушілерге арналған еліміз бен қала тарихына қатысты викторина, «Бұл не және қайда?» слайд-викторинасы.	15.30-15.45 (холл музей) Викторина для посетителей по истории страны и нашего города, слайд-викторина «Что это, где это?».

<p>15.45-16.15 (музей холлында) «Алтын ұям – отбасым» отбасылық байқауы: «Музейпортреті», «Түп-тұқияннан өзіме шейін», «Сұр мерген», «Біз музей сүйер отбасымыз».</p> <p>17.30-18.00 (музей холлында) «Алтын ұям – отбасым» отбасылық байқауы: «Дәуірлер тұңғығынан бүгінге дейін», «Менің отбасымның елтаңбасы», «Мықты, епті, батыл!».</p>	<p>15.45-16.15 (холл музея) Семейные конкурсы «Мама, папа, Я – самая лучшая семья!»: «Портрет Музея», «Семейное древо», «Меткий стрелок», «Наша семья – музееманы».</p> <p>17.30-18.00 (холл музея) Семейные конкурсы «Мама, папа, Я – самая лучшая семья!»: «Из глубины веков до наших дней», «Герб моей семьи», «Сильный, ловкий, смелый!».</p>
<p>ИНТЕРАКТИВТІ АУМАҚТАР</p>	<p>ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЗОНЫ</p>
<p>15.00-19.00 (айналма галереясы, 3 қабат) ШЕБЕРЛІКСАБАҚТАР</p> <ul style="list-style-type: none"> - колөнер түрлері бойынша «Шебердің қолы – алтын»; - портрет салатын суретшілермен бірге «Өз отбасының портретін жаса»; - зергерлермен бірге «Өз зергерлік бұйымыңды жаса». 	<p>15.00-19.00(обходная галерея, Зэтаж) МАСТЕР-КЛАССЫ</p> <ul style="list-style-type: none"> - «В мир творчества – создаем свой шедевр вместе» по различным видам рукоделия; - «Создай семейный портрет» совместно с художниками-портретистами; - «Изготовь свое ювелирное украшение» от мастеров ювелирного искусства.
<p>16.00-18.00 ТАҚЫРЫПТЫҚ САБАҚТАР МЕН ТАРИХИ КВЕСТТЕР</p> <ul style="list-style-type: none"> - 1 экспозициялық зал бойынша «Палеонтология мен археология әлеміне саяхат» квест-ойыны. - 2экспозициялық зал бойынша «Әжемнің сандығындағы заттардың тарихы» квест-ойыны. - «Қазақстанның жануарлар әлемі» экспозициясы негізіндегі «Қызыл кітап беттері бойынша» тақырыптық сабағы. - 2 экспозициялық зал бойынша «Әке көрген оқ жонар, шеше көрген тон пішер» тақырыптық сабағы. 	<p>16.00-18.00 ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КВЕСТЫ</p> <ul style="list-style-type: none"> - Квест-игра «Путешествие в мир палеонтологии и археологии» по 1 экспозиционному залу. - Квест-игра «История предметов из бабушкиного сундука» по 2 экспозиционному залу. - Тематическое занятие «По страницам Красной Книги Казахстана» по экспозиции «Животный мир Казахстана». - Тематическое занятие «Әке көрген оқ жонар, шеше көрген тон пішер» по 2 экспозиционному залу.
<p>15.00-20.00 2 экспозициялық зал бойынша ТАҚЫРЫПТЫҚ ЭКСКУРСИЯЛАР:</p> <ul style="list-style-type: none"> -«Қазақтардың салт-дәстүрлері»; -«XIX-XX ғғ. қазақтардың қолданбалы өнері». 	<p>15.00-20.00 ТЕМАТИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСИИ по 2 экспозиционному залу.</p> <ul style="list-style-type: none"> - «Традиции и обычаи казахов»; - «Прикладное искусство казахов в XIX-XX вв.».
<p>18.00-19.00 (музей холлында) КОНЦЕРТ (балалар музыкалық ұжымдарының өнер көрсетуі)</p>	<p>18.00-19.00 (холл музея) КОНЦЕРТ (выступление детских музыкальных коллективов)</p>
<p>19.00-20.00 (музей холлында) ШОУ-БАҒДАРЛАМА</p>	<p>19.00-20.00 (холл музея) ШОУ-ПРОГРАММА</p>
<p>15.00-20.00 Бүкіл отбасына арналған ДЕНСАУЛЫҚ және СҰЛУЛЫҚ аумағы. Келушілер балалар дәрігерлері, психологтары және т.б. мамандардың кеңесін ала алады.</p>	<p>15.00-20.00 Территория ЗДОРОВЬЯ и КРАСОТЫ для всей семьи. Консультации от детских врачей, психологов и др.</p>
<p>15.00-21.00 КӨРМЕЛЕР</p> <ul style="list-style-type: none"> - «Отбасы. Тұрмыс. Құндылық»(ҚР МОМ қорындағы XIX ғ.соңы – XX ғ. фотосуреттер) көрмесі. Көрмені музей келушілерінің отбасылық архивтерінде сақтаулы фотосуреттері толықтырады. - «Менің қаламның келешегі – менің отбасымның келешегі» балалар шығармашылығының көрмесі. - «Отбасылық жәдігерді музейге сыйла!» акциясы жылдың аяғына дейін жалғасады. 	<p>15.00-21.00 ВЫСТАВКИ</p> <ul style="list-style-type: none"> - Выставка фотографий «Семья. Быт. Ценности. Конец XIX – нач.XX вв.» из фондовых коллекций ЦГМ РК. Продолжением выставки станет экспозиция фотографий из семейных архивов посетителей мероприятия. - Выставка детского творчества«Будущее моего ГОРОДА — будущее моей СЕМЬИ» - Акция «Семейные раритеты – в дар музею» (до конца года).

Қосымша 2 / Приложение 2
Серіктестер, демеушілер мен қатысушылардың тізімі
Список партнеров, спонсоров и участников

№ п/п	Компаниялардың атаулары	Қатысу түрі
1.	Компания АБДИ	Бас демеуші
2.	Центр декоративно-прикладного искусства «Бахыт»	Демеуші
3.	ТОО «AMIRAN»	Демеуші
4.	ИП «GATTO CHOCOLATO»	Демеуші
5.	ТОО «WellDis»	Демеуші
6.	Магазин чая компании «Чайковский»	Демеуші
7.	ТОО «Lemonadoff Food»	Демеуші
8.	Книжное издательство «8&8»	Демеуші
9.	«Туристический информационный центр города Алматы»	Демеуші
10.	Портал «Карапуз.kz»	Ақпараттық қолдау
11.	«Егемен Қазақстан»	Ақпараттық қолдау
12.	«Казахстанская правда»	Ақпараттық қолдау
13.	«Kazinform»	Ақпараттық қолдау
14.	«Алматы ақшамы»	Ақпараттық қолдау
15.	«Вечерний Алматы»	Ақпараттық қолдау
16.	«AlmatyLife» «Афиша кз.»	Ақпараттық қолдау
18.	«Литер»	Ақпараттық қолдау
19.	«ЭкспрессК»	Ақпараттық қолдау
20.	«Дружные ребята»	Ақпараттық қолдау
21.	«Открытая школа»	Ақпараттық қолдау
22.	ТК «Алматы»	Ақпараттық қолдау
23.	Изостудия «Көк-айшық»	«Будущее моего города – будущее моей семьи» балалар шығармашылығы көрмесінің қатысушысы
24.	Мастерская-студия «Алые паруса»	«Будущее моего города – будущее моей семьи» балалар шығармашылығы көрмесінің қатысушысы
25.	«АРТ-Мастерская» Лидии Дроздовой	«Будущее моего города – будущее моей семьи» балалар шығармашылығы көрмесінің қатысушысы
26.	Изостудия «Клякса»	«Будущее моего города – будущее моей семьи» балалар шығармашылығы көрмесінің қатысушысы
27.	«Изостудия М.М.Омаровой»	«Будущее моего города – будущее моей семьи» балалар шығармашылығы көрмесінің қатысушысы
28.	Изостудия «Веселая ромашка»	«Будущее моего города – будущее моей семьи» балалар шығармашылығы көрмесінің қатысушысы
29.	Проект «Творим вместе» – мастерская «Ты художник»	«Будущее моего города – будущее моей семьи» балалар шығармашылығы көрмесінің қатысушысы
30-41.	Косметические компании	Денсаулық және сұлулық территориясы
42.	Детский психолог	Консультация
43.	Астролог	Консультация
44.	Казахская национальная консерватория им. Курмангазы	Концерттік бағдарлама қатысушысы
45.	Музыкальная школа № 8	Концерттік бағдарлама қатысушысы
46.	Учащиеся шк № 98	Концерттік бағдарлама қатысушысы
47.	«Трайбл ПРО»	Концерттік бағдарлама қатысушысы
48.	«Дарын»	Концерттік бағдарлама қатысушысы
49.	шоу-театр «Кудесники»	Шоу-бағдарлама қатысушысы
50.	Семейный цирк Акбаевых	Шоу-бағдарлама қатысушысы

Қосымша 3/Приложение 3
«Отбасымен музейге» фестивалінің сценарийі
Сценарий акции-фестиваля «Всей семьей в музей!»

15.00 -15.10 Жүргізуші:

Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейі «Отбасы күніне» арналған «Отбасымен музейге» фестивалін бүгін алғаш рет өткізбекші. Елбасымыз Нұрсұлтан Назарбаев өз сөзінің бірінде:

«Отбасы – рухани және мәдени дәстүрлерді сақтай отырып, түрлі ұрпақтарды байланыстыратын буын болған және болып қала береді...», – деп атап өткен. Фестиваль «Танымпаз балалар мен қамқор атаналардың демалысы!» ұранымен өтеді.

Сегодня **Центральный государственный музей Республики Казахстан** впервые проводит **ФЕСТИВАЛЬ «Всей семьей в Музей!»**, приуроченный к празднику «День семьи». Как подчеркнул Лидер нации Н. Назарбаев: «Семья всегда была и остается связующим звеном между разными поколениями, хранительницей духовных и культурных традиций...». В 2017 году фестиваль проходит под девизом: **«Отдых заботливых родителей с любознательными детьми!»**

Жүргізуші:

(1) – Алғашқы сөз кезегі Директордың ғылым жөніндегі орынбасары – **Ғалия Теміртонға** беріледі.

Жүргізуші:

– **«Отбасымен музейге»** фестивалінің бас демеушісі – «АБДИ» компаниясы 23 жылдың ішінде әлемдік өндірушілер шығарған жоғары сапалы кеңсе тауарларын оқу орындары, кеңселер, кәсіби суретшілер мен балалар шығармашылығы үшін ұсынып қана қоймай, өзіндік мәдени-білім беру алаңын жасауда.

– Келесі құттықтау сөз кезегі Стратегиялық даму департаменті Директорының орынбасары Бимендиев Ернұр Әбдібекұлына беріледі. *«АБДИ» компаниясына ҚР МОМ атынан сыйлық беріледі/*

Генеральным спонсором Фестиваля **«Всей семьей в Музей!»** выступила компания **«АБДИ»**, которая на протяжении 23 лет создает своеобразную культурно-образовательную площадку, предлагая потребителю огромный выбор высококачественных канцелярских товаров от мировых производителей.

– Слово для приветствия предоставляется Заместителю директора Департамента стратегического развития Бимендиеву Ернуру Абдибековичу.

Жүргізуші:

(5) Біздің қаламыздың тұрғындары үшін дәстүрге айналған «Отбасылық жәдігерді – музейге сыйла» арнайы акциясы бүгінге дейін жалғасуда. Бүгін біз Қазақстан Республикасына еңбегі сіңген қайраткер, Ғ.Мүсірепов атындағы Қазақ Мемлекеттік академиялық театрының актрисасы Күлжамия Белжанованың театрдың белді әртістерінің фотоқұжаттары мен жеке заттарын музей қорына өткізуінің куәсі боп отырмыз. Күлжамия апайымызға сөз берейік.

В этот праздничный день в музее продолжается специальная акция **«СЕМЕЙНЫЕ РАРИТЕТЫ – В ДАР МУЗЕЮ»**, которая стала уже традиционной для жителей нашего города. Мы предоставляем слово Күлжамие Белжановой – Заслуженному деятелю Казахстана, актрисе Казахского Государственного Академического театра для детей и юношества им. Мусрепова, которая передает в дар музею фотодокументы и личные вещи ведущих актеров театра.

Жүргізуші:

Құрметті қонақтар!

«Отбасымен музейге!» фестивалі ең алдымен отбасылық құндылықтардың сақталуына, өнегелілік пен руханилық қасиеттерін сіңіруге бағытталған. Отбасы мерекесін өткізудің негізінде салауатты өмір салтын насихаттау, балалардың рухани дамуы, олардың бойына отбасылық құндылықтардың сіңірілуі, қоғам мен мемлекеттің үйлесімді дамуы үшін маңызы зор толеранттылық пен ұлтаралық келісімді орнату сынды мәселелер жатыр.

Бүгін фестиваль аясында екі көрме ашылмақшы: ҚР Мемлекеттік орталық музейінің қорындағы XIX ғ. соңы мен XX ғ. басындағы қазақ отбасыларының тұрмыс-тіршілігін бейнелейтін сирек фотосуреттер негізінде құрылған **«ОТБАСЫ. ТҰРМЫС. ҚҰНДЫЛЫҚТАР»** көрмесі (2 қабаттағы кіші галереядағы). Және екінші көрмеде Алматы қаласы изостудиялары – «Көк-айшық», «Алые паруса», Лидия Дроздованың «АРТ-Мастерскаясы», «Клякса», «М.М.Омарованың» изостудиясы, «Веселая ромашка» және «Ты художник» шеберханасының «Творим вместе» – жобасының жұмыстары қойылған **«Менің қаламның келешегі – менің отбасымның келешегі»** атты балалар шығармашылығының көрмесі (айналма галереясындағы) ашылады. Отбасылық фотосуреттерін ала келген келушілер 2 қабаттағы кіші галереяда орналасқан **«ОТБАСЫ. ТҰРМЫС. ҚҰНДЫЛЫҚ»** көрмесін толықтыра алады.

Осы мерекеге арнап музей қызметкерлері еліміз бен қаламыздың тарихы туралы викторина сұрақтарын, байқаулар, тарихи квесттер; шеберлік сабақтарын дайындады. Отбасымен қыдыруды ұнататын келушілер ресепшннен «Қазақстан тарихының лабиринттері» отбасылық экспедициясының паспортын ала алады. **Паспортты дұрыс толтырған 6 отбасы 2017 жылдың аяғына дейін музейдің экспозициялық залдарына тегін кіру, уақытша көрмелер мен іс-шараларға қатысу мүмкіндігін**

беретін сертификатқа ие болады. Отбасылық фестивальдің бағдарламасына музей залдары бойынша тақырыптық экскурсиялар, балалар музыкалық ұжымдарының концерті, шоу-бағдарлама, «Денсаулық және сұлулық» жәркеңкесі кіреді. Музей кіреберісінде жанаспалы зообақ жұмыс істеді, ал «Кудесники» шоу-театры понимен қыдыруды ұсынады.

«Отбасымен музейге» фестивалінің бас демеушісі – «АБДИ» компаниясы 23 жылдың ішінде әлемдік өндірушілер шығарған жоғары сапалы кеңсе тауарларын оқу орындары, кеңселер, кәсіби суретшілер мен балалар шығармашылығы үшін ұсынып қана қоймай, өзіндік мәдени-білім беру алаңын жасауда.

Шараға қолдау көрсеткен демеушілер мен музейдің ақпараттық серіктестері:

«Бақыт» сәндік-қолданбалы өнер орталығы, «AMIRAN» ЖШС, «GATTO CHOCOLATO» ЖК, «WellDis» ЖШС, «Чайковский» шәй дүкені, «Lemonadoff Food» ЖШС, «8&8» кітап баспасы, «Алматы қаласының туристік-ақпараттық орталығы», «Карапуз.kz» порталы, «Егемен Қазақстан», «KAZpravda», «Kazinform», «Алматы ақшамы», «Вечерний Алматы», «almatylife», «afisha.kz», «kazmuseum.kz».

Жүргізуші:

Уважаемые гости!

Фестиваль «Всей семьей в Музей!» – это новый музейный культурно-образовательный проект, ориентированный на работу в сфере организации семейных посещений, нацеленный на сохранение семейных ценностей и на духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. В фестивале «Всей семьей в Музей!» принимают активное участие учебные заведения, художники, мастера декоративно-прикладного искусства, детские образовательные центры, изостудии, творческие и музыкальные коллективы.

Сегодня в рамках фестиваля открываются две выставки: **выставка «ОТБАСЫ. ТҮРМЫС. ҚҰНДЫЛЫҚ»** на основе редких фотографий конца XIX – начала XX вв., из фондовых коллекций Центрального музея (расположенная на малой галерее 2 этажа) и выставка детского творчества **«БУДУЩЕЕ МОЕГО ГОРОДА – БУДУЩЕЕ МОЕЙ СЕМЬИ»** (расположенная на обходной галерее), где представлены авторские работы детей из художественных школ и изостудий: «Көк-айшық», «Алые паруса», «АРТ-Мастерская» Лидии Дроздовой, «Клякса», «Изостудия М.М.Омаровой», «Веселая ромашка», Проект «Творим вместе» – мастерская «Ты художник» и др. Посетители, пришедшие на праздник с семейными фотографиями, могут пройти на малую галерею 2 этажа и пополнить своими фотографиями экспозицию выставки **«ОТБАСЫ. ТҮРМЫС. ҚҰНДЫЛЫҚ»**

Специально для этого праздника сотрудниками музея для всех категорий посетителей разработаны **викторины; конкурс; тематические занятия; исторические квесты; мастер-классы.** Любители путешествовать всей семьей смогут принять участие в семейной экспедиции **«Лабиринты истории Казахстана»**, получив паспорт на ресепшене. Новая АКЦИЯ: каждый час, одна из семей первая правильно заполнившая ПАСПОРТ получит сертификат на бесплатное посещение экспозиционных залов, временных выставок и мероприятий музея до конца 2017 года. В программе семейного фестиваля **тематические экскурсии, концерт, шоу-программа, ярмарка «Территория здоровья и красоты».** У входа в музей работает контактный зоопарк, а компания шоу-театр «Кудесники» предлагает прогулку на пони.

Генеральным спонсором музейной акции выступила компания «АБДИ». Торговая сеть магазинов «АБДИ», представленная 35 магазинами в 18 городах Казахстана, на протяжении 23-х лет создает своеобразную культурно-образовательную площадку, предлагая потребителю огромный выбор высококачественных канцелярских товаров от мировых производителей для учебных заведений, офисов, хобби, профессиональных художников и детского развития, и творчества.

Мероприятие поддержали спонсоры и информационные партнеры музея:

Центр декоративно-прикладного искусства «Бахыт», ТОО «AMIRAN», ИП «GATTO CHOCOLATO», ТОО «WellDis», Магазин чая компании «Чайковский», ТОО «Lemonadoff Food», Книжное издательство «8&8», «Туристический информационный центр города Алматы», портал «Карапуз.kz», «Егемен Қазақстан», «Казахстанская правда», «Kazinform», «Алматы ақшамы», «Вечерний Алматы», «AlmatyLife», «Афиша кз.».

15.10-15.15 Жүргізуші:

Балалық шақтың алаңсыз күндерін бастан кешіп жатқан балдырғандарымыз бүгін бізге өз өнерлерін көрсетпекші. Сахнада Алматы қаласының №8 балаларға арналған музыкалық мектебінің домбырашылар ансамблі, жетекшісі Бердыбаева Қарлығаш!

15.15-15.20 Жүргізуші:

На сцене первоклассница Нупбосын Шырайлым с песней «Көк тудың желбірегені»

15.20-15.25 Жүргізуші:

Сахнада № 98 мектептің 8 сынып оқушысы Гук Данил. Саксафон.

15.25-15.30 Жүргізуші:

Как прекрасна наша казахстанская земля! Бескрайние степи, знойные пустыни, бурлящие реки, горы, меняющие свою цветовую гамму от времени года. Для Вас с песней «Саржайлау» выступает ученица 11 класса Кенжегүлқызы Маншук

15.30-15.35 Жүргізуші:

Әнімен № 98 мектептің 3 сынып оқушысы Гук София өнер көрсетеді. Қарсы алыңыздар!

15.30 КВЕСТ ОЙЫНДАРДЫҢ ҚАТЫСУШЫЛАРЫН МАРАПАТТАУ

Жүргізуші:

Сахнаға «Әжемнің сандығындағы заттардың тарихы» квест-ойынына қатысудағы танытқан белсенділігі үшін Мамандандырылған «Жанұя» кешені марапаттауға шақырылады.

Для награждения на сцену приглашаются воспитанники сада-школы «Жануя» принявшие активное участие в квест-игре «Путешествие в мир палеонтологии и археологии»,

15.30-15.45 Жүргізуші:

Настало время проверить Ваши знания по истории страны и истории нашего города. Мы приглашаем детей принять участие в **ВИКТОРИНЕ**.

15.45-16.45 Жүргізуші: КозубТ. И Когабаева А. (каз., русск.)

Семейный конкурс «Папа, мама, Я – самая лучшая семья!» с индивидуальными заданиями (3 семьи приглашаются на сцену)

16.45-17.00 Жүргізуші:

Бүгін фестиваль аясында екі көрме ашылып отыр: ҚР Мемлекеттік орталық музейінің қорындағы XIX ғ. соңы мен XX ғ. басындағы қазақ отбасыларының тұрмыс-тіршілігін бейнелейтін сирек фотосуреттер негізінде құрылған «ОТБАСЫ. ТҰРМЫС. ҚҰНДЫЛЫҚТАР» көрмесі (2 қабаттағы кіші галереядағы). Және екінші Алматы қаласы изостудияларының жұмыстарынан құралған «Менің қаламның келешегі – менің отбасымның келешегі» көрмесі. «Көк-айшық», «Алые паруса», Лидия Дроздованың «АРТ-Мастерскаясы», «Клякса», «М.М.Омарованың» изостудиясы, «Веселая ромашка» және «Ты художник» шеберханасының жетекшілері сахнаға шақырылады. Құттықтауымызды қабыл алыңыздар!

Сегодня в рамках фестиваля открылись две выставки: **выставка «ОТБАСЫ. ТҰРМЫС. ҚҰНДЫЛЫҚ»** на основе редких фотографий конца XIX – начала XX вв., из фондовых коллекций Центрального музея (расположенная на малой галерее 2 этажа) и выставка детского творчества **«БУДУЩЕЕ МОЕГО ГОРОДА – БУДУЩЕЕ МОЕЙ СЕМЬИ»** (расположенная на обходной галерее), где представлены авторские работы детей из художественных школ и изостудий нашего города. Приглашаем на сцену художественных руководителей изостудий: «Көк-айшық», «Алые паруса», «АРТ-Мастерская» Лидии Дроздовой, «Клякса», «Изостудия М.М.Омаровой», «Веселая ромашка», Проект «Творим вместе» – мастерская «Ты художник» и др. Примите наши поздравления!

Жүргізуші:

Құрметті келушілер!

«Отбасымен музейге!» фестивалі туралы ақпаратқа құлақ асуларыңызды сұраймыз!

- Бізде жаңа акция: Отбасымен қыдыруды ұнататын келушілер ресепшннен «Қазақстан тарихының түрлі кезеңдері» отбасылық экспедициясының паспортын ала алады. **Паспортты дұрыс толтырған 6 отбасы 2017 жылдың аяғына дейін музейдің экспозициялық залдарына тегін кіру, уақытша көрмелер мен іс-шараларға қатысу мүмкіндігін беретін сертификатқа ие болады.**

- Отбасылық фотосуреттерін ала келген келушілер 2 қабаттағы кіші галереяда орналасқан **«ОТБАСЫ. ТҰРМЫС. ҚҰНДЫЛЫҚ»** көрмесін толықтыра алады.

- **«Қазақстанның құстары» тақырыптық сабағын («Қазақстанның жануарлар әлемі» экспозициясы 16.00;**

- «Әке көрген оқ жонар, шеше көрген тон пішер» (15.30, 2 экспозициялық зал);

- 16.00-де тарихи квесттер;

- барлық келушілер үшін 3 қабаттағы айналма галереясында қолөнер шеберлері мен Қазақстанның танымал суретшілерінің шеберлік сабақтары өтеді. **Дәл осы жерде «Денсаулық және сұлулық аумағын» тамашалай аласыздар. Және де балалар психологы мен астрологтың кеңесін ала аласыздар.**

- сағат сайын 1-, 2-, 3- экспозициялық залдарында тақырыптық экскурсияларды тыңдау үшін топтар құрылады.

- Музей кіреберісінде жанаспалы зообак жұмыс істеді, ал «Кудесники» шоу-театры понимен қыдыруды ұсынады.

Фестивальдің Бас демеушісі – «АБДИ» компаниясы. Қазақстанның 18 қаласындағы 35 дүкенін қамтитын «АБДИ» компаниясы 23 жылдың ішінде әлемдік өндірушілер шығарған жоғары сапалы кеңсе тауарларын оқу орындары, кеңселер, кәсіби суретшілер мен балалар шығармашылығы үшін ұсынып, өзіндік мәдени-білім беру алаңын жасауда.

Шараға қолдау көрсеткен демеушілер мен музейдің ақпараттық серіктестері:

«Бакыт» сәндік-қолданбалы өнер орталығы, «AMIRAN» ЖШС, «GATTO CHOCOLATO» ЖК, «WellDis» ЖШС, «Чайковский» шәй дүкені, «Lemonadoff Food» ЖШС, «8&8» кітап баспасы, «Алматы қаласының туристік-ақпараттық орталығы», «Карапуз.kz» порталы, «Егемен Қазақстан», «KAZpravda», «Kazinform», «Алматы ақшамы», «Вечерний Алматы», «almatylife», «afisha.kz», «kazmuseum.kz».

Жүргізуші:

Уважаемые посетители!

Прослушайте, пожалуйста, информацию о фестивале «Всей семьей в Музей!»

- Любители путешествовать всей семьей смогут принять участие в семейной экспедиции «**Лабиринты истории Казахстана**», получив паспорт на ресепшене. Новая АКЦИЯ ОТ МУЗЕЯ: каждый час, одна из семей первая правильно заполнившая ПАСПОРТ получит сертификат на бесплатное посещение экспозиционных залов, временных выставок и мероприятий музея до конца 2017 года.

- посетители, пришедшие на праздник с семейными фотографиями, приглашаются на малую галерею 2 этажа, где они пополнят экспозицию выставки «**ОТБАСЫ. ТҰРМЫС. ҚҰНДЫЛЫҚ**» своими фотографиями.

- все желающие могут принять участие в квест-играх «**Путешествие в мир палеонтологии и археологии**» по 1 экспозиционному залу и «**История предметов из бабушкиного сундука**» по 2 экспозиционному залу, которые начнутся в 16.00

- познакомиться с Миром динозавров приглашаем на компьютерную игру «По следам вымерших животных» (1 экспозиционный зал)

- ежечасно в 1-м, 2-м и 3-м экспозиционных залах формируются экскурсионные группы для проведения тематических экскурсий.

- во 2 экспозиционном зале в 16.00 будет проведено тематическое занятие «**Әке көрген оқ жонар, шеше көрген тон пішер**».

- на обходные галереи (3-ий этаж) для детей и взрослых мастера по различным видам рукоделия проводят обучающие мастер-классы: «**В мир творчества – создаем свой шедевр вместе**», «**Создай семейный портрет**», «**Изготовь свое ювелирное украшение**». На этом же этаже разместились «**Территория здоровья и красоты для всей семьи**». Здесь же организованы консультации от детского психолога, астролога.

- при входе в музей работает контактный зоопарк, а шоу-театр «Кудесники» предлагают катание на пони.

Генеральным спонсором акции выступила компания «АБДИ». Торговая сеть магазинов «АБДИ», представленная 35 магазинами в 18 городах Казахстана, на протяжении 23-х лет создает своеобразную культурно-образовательную площадку, предлагая потребителю огромный выбор высококачественных канцелярских товаров от мировых производителей. **Мероприятие поддержали спонсоры и информационные партнеры музея:** Центр декоративно-прикладного искусства «Бахыт», ТОО «AMIRAN», ИП «GATTO CHOCOLATO», ТОО «WellDis», Магазин чая компании «Чайковский», ТОО «Lemonadoff Food», Книжное издательство «8&8», «Туристический информационный центр города Алматы», портал «Карапуз.kz», «Егемен Қазақстан», «Казахстанская правда», «Kazinform», «Алматы ақшамы», «Вечерний Алматы», «AlmatyLife», «Афиша кз.».

17.00- 17.20 Жүргізуші:

Еліміз және қаламыздың тарихы туралы білімдеріңізді тексеретін сәт де келіп жетті. Балаларға арналған викториналарды жүргізетін музей қызметкерлеріне микрофондарды береміз.

Настало время проверить Ваши знания по истории страны и истории нашего города. Мы приглашаем гостей фестиваля принять участие в викторине и слайд-шоу «Что это, где это?».

17.20-18.00 Семейный конкурс «Мама, папа, я – самая лучшая семья!» с индивидуальными заданиями для каждой семьи

Сыйлықтарды тапсыру

КОНЦЕРТ

18.00-18.10 Ведущий (каз.) Жүргізуші:

Құрметті қонақтар, Елена Кимнің жетекшілігіндегі «Трайбл ПРО» би ұжымын қарсы алайық. «АТС» және «Индиан фьюжин» билері.

Сыйлықтарды тапсыру

18.10-18.17 Жүргізуші:

Выступает Ануарбеков Магжан, студент Казахской национальной консерватории им. Курмангазы (2 песни)

Сыйлықтарды тапсыру

18.17-18.27 Жүргізуші:

Толғанай Төребекова жетекшілік ететін «Дарын» би-спорт клубының атынан «Ча-ча-ча» және «Самба» билерін қарсы алайық.

Сыйлықтарды тапсыру

18.27-18.35 Жүргізуші:

Выступает студент Казахской национальной консерватории им. Курмангазы **Нурғали Еркеғали** (2 песни)

18.35-18.40 Жүргізуші:

Елена Кимнің жетекшілігіндегі «Трайбл ПРО» би ұжымын қарсы алайық. «Китцунэ» биі.

18.40-19.00 Жүргізуші:

Выступает студент Казахской национальной консерватории им. Курмангазы **Фриданов Өркен** (2 песни)

Сыйлықтарды тапсыру

ШОУ-БАҒДАРЛАМА

19.00-19.50 Жүргізуші:

Встречайте! На сцене шоу-театр «Кудесники». Художественный руководитель Татьяна Эдуардовна Матвеева.

Сыйлықтарды тапсыру

19.50-20.30 Жүргізуші:

Қазақстан Мемлекеттік циркінің атынан Ақбаевтардың жанұялық қойылымын тамашалайық.

Сыйлықтарды тапсыру

Ведущий (каз., рус.яз.)

Бүгінгі мерекеміз аяқталуға жақын қалды. Бүгінгі шараны қолдаған «АБДИ» компаниясы және де «Бақыт» сәндік-қолданбалы өнер орталығы, «AMIRAN» ЖШС, «GATTO CHOCOLATO» ЖК, «WellDis» ЖШС, «Чайковский» шәй дүкені, «Lemonadoff Food» ЖШС, «8&8» кітап баспасы, «Алматы қаласының туристік-ақпараттық орталығы», «Қарапуз.kz» порталы, «Егемен Қазақстан», «KAZpravda», «Kazinform», «Алматы ақшамы», «Вечерний Алматы», «almatylife», «afisha.kz», «kazmuseum.kz» сынды серіктестерімізге алғыс білдіреміз.

Наше мероприятие подходит к завершению. Хотелось бы еще раз выразить особую благодарность генеральному спонсору Фестиваля **«Всей семьей в Музей!»** компании **«АБДИ»**, а также нашим другим спонсорам и партнерам: Центр декоративно-прикладного искусства «Бахыт», ТОО «AMIRAN», ИП «GATTO CHOCOLATO», ТОО «WellDis», Магазин чая компании «Чайковский», ТОО «Lemonadoff Food», Книжное издательство «8&8», «Туристический информационный центр города Алматы», портал «Қарапуз.kz», «Егемен Қазақстан», «Казахстанская правда», «Kazinform», «Алматы ақшамы», «Вечерний Алматы», «AlmatyLife», «Афиша кз.».

Құрметті Достар, бүгінгі күнді бізбен өткізіп, Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейіндегі фестивальге қатысқандарыңыз үшін алғысымыз шексіз. Қаламыздағы сан алуан орындардың ішінен бізді таңдағандарыңызға қуаныштымыз. Біз сіздерді әрқашан да құшақ жая қарсы алуға дайынбыз.

Спасибо, дорогие друзья, что Вы посетили Центральный государственный музей Республики Казахстан и приняли участие в Фестивале **«Всей семьей в Музей!»**! Радует то, что Вы из многообразных развлечений, предлагаемых в городе, выбрали именно наш музей, который стал для Вас любимым местом отдыха и развлечений!

Баршаңызға алғыс білдіріп, келесі кездескенше дейміз!

Всем спасибо и до новых встреч!

«Отбасымен музейге!» фестивалі аясындағы балаларға арналған викторина сұрақтары
Вопросы викторины для детей акции «Всей семьей в Музей!»

№	Сұрақ	Жауап
1	Қазақстан қандай мемлекеттермен шектеседі? С какими государствами граничит Республика Казахстан?	5 мемлекет: Ресей, Өзбекстан, Түркіменстан, Қытай, Қырғызстан 5 стран: Россия, Узбекистан, Туркменистан, Китай, Киргизия
2	«Тарихи тұлғаны таны!» Ол 1940 жылы Алматы облысында дүниеге келген. Балалық шағынан бастап он екінші атасына дейінгі шежірені білген. Оның жұбайы – инженер-экономист. Ол «Елбасы» дәрежесіне ие. «Узнай историческое лицо!». Он родился в 1940 году в Алматинской области. С детства знал свою родословную до двенадцатого колена. Его жена инженер-экономист. У него статус «Лидер нации».	Н.Назарбаев
3	Қазақ ауыз әдебиетіндегі эзіл-оспақтар мен аңыздардың басты кейіпкері Как зовут героя юмористических рассказов и анекдотов казахского фольклора, народных сказок?	Алдар көсе
4	Қазақстан Республикасының алғашқы ғарышкері кім? Назовите имя и фамилию Первого летчика-космонавта Республики Казахстан	Токтар Әубәкіров
5	Астана қаласы қай жылы Қазақстанның астанасы болды? В каком году город Астана стал столицей Казахстана?	20 қазан 1997 жыл
6	Қазақстанның ең ұзын өзенін атаңыз Назовите самую длинную реку Казахстана	Ертіс өз. 4248 км
7	«Тарихи тұлғаны таны». Ол 1835 жылы туылған. Оның туылғанда берілген аты – Мұхаммед-Қанапия. Абылай ханның шөбересі. Бастауыш мектепте мұсылманша білім алған. Сібір кадет корпусын тәмамдаған соң Омск генерал-губернаторының жанында қызмет жолын қалыптастырған. Оған қоса, бұры белгісіз болған жерлерді зерттеумен ғылымға үлесін қосқан ғалым-саяхатшы. Бұл кім? «Узнай историческое лицо». Мухаммед – Ханафия родился в 1835 году. Правнук хана Абылая. Получил начальное мусульманское образование. Окончил Омский кадетский корпус. Начал службу офицером по особым поручениям при омском генерал-губернаторе. Учёный и путешественник, обогативший мировую науку открытием и изучением неведомых ранее земель. Кто это?	Шоқан Уәлиханов
8	Қазақстан Республикасының мемлекеттік рәміздерін атаңыз Назовите государственные символы Республики Казахстан	Елтаңба, әнұран, ту Герб, гимн, флаг
9	Алматының орталық көшелерінің қайсысына қазақ билерінің атауы берілген? Какие улицы в центре города Алматы носят имена казахских биев?	Төле би, Әйтеке би, Қазыбек би Төлеби, Айтекеби, Казбекби
10	Сіздердің бүгінгі келген музейлеріңіздің толық атауын атаңыздар? Назовите полное название музея, в котором мы с Вами находимся?	Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейі Центральный государственный музей Республики Казахстан
11	Астана қаласы қай жылы Қазақстанның астанасы болды? В каком году город Астана стал столицей Казахстана?	20 қазан 1997 жыл 20 октября 1997 года
12	Қазақстан аумағындағы қандай теңіздерді білесіз? Какие Вы знаете моря на территории Казахстана?	Каспи, Арал Каспийское, Аральское
13	Қазақ ертегілерінде Баба-Яғаны қалай атаған? Как в казахских народных сказках называют Бабу-Ягу?	Жалмауыз кемпір, Мыстан кемпір Жалмауыз-кемпир, Мыстан-кемпир

«Отбасымен музейге!» фестивалі аясындағы викторина сұрақтары

№	Сұрақ	Жауап
1	Қазақстан Республикасы қай жылы өз тәуелсіздігін жариялады? В каком году Республика Казахстан провозгласила свою Независимость?	16 желтоқсан 1991 жыл в 1991 г., 16 декабря
2	Қожа Ахмет Ясауи кесенесі қай қалада орналасқан? В каком городе Казахстана находится мавзолей Кожы Ахмета Ясауи?	Түркістан қаласы В городе Туркестан
3	Қазақстан Республикасы мемлекеттік туының авторын атаңыз? Назовите имя и фамилию автора флага Республики Казахстан?	Шакен Ниязбеков
4	Байтерек ғимаратының биіктігі қанша?	97 метр

	Какова высота здания Байтерек?	97 метров
5	Монета соғу және ақша айналымын зерттейтін қосалқы тарихи пән қалай аталады? Как называется вспомогательная историческая дисциплина, изучающая историю монетной чеканки и денежного обращения?	Нумизматика
6	Қазақстан жер көлемі бойынша қаншасыншы орында? Какое место в мире занимает Казахстан по размерам территории?	9
7	Алматы-Астана бағыты бойынша «Тұлпар-Тальга» жүрдек поезы қай жылы алғаш жүрді? В каком году скорый поезд «Тулпар-Тальга» впервые проехал по маршруту Алматы-Астана?	2003 ж. 2003 г.
8	Акындар тартысы қалай аталады? Как называется состязание акынов?	Айтыс
9	Верный қаласы қандай ортағасырлық қоныс орнына салынған? На месте какого средневекового поселения был основан город Верный ?	Алматы ортағасырлық қонысы На месте средневекового поселения Алматы
10	«Болашақ» стипендиясы қай жылы тағайындалды? В каком году была учреждена стипендия «Болашақ»?	1993 ж. 1993 г.
11	Қай жылы Алма-Ата қаласы Қазақстанның астанасы болды? В каком году город Алма-Ата становится столицей Казахстана?	1929 жылы
12	Қай жылы Қазақстан президенті ЕҚЫҰ төрағасы болып тағайындалды және Астана декларациясы қабылданды? В каком году Казахстана был выбран Председателем ОБСЕ, на заседании которой была принята Астанинская декларация?	2010 ж. 2010 г.
13	Қазақстан халқының саны Какое количество жителей проживает в Казахстане?	17 753 000
14	Қазақстанның астанасындағы көрікті жерлерінің бірінде орналасқан монументті атаңыз? Назовите Монумент в столице Казахстана, один из основных достопримечательностей города?	Бәйтерек Байтерек
15	Қандай жануар Қазақстан символы болып табылады? Какое животное является символом Казахстана?	Ілбіс Снежный Барс

Қосымша 5 / Приложение 5

**«АЛТЫН ҰЯМ – ОТБАСЫМ» байқауының жоспары/
план конкурса «ПАПА, МАМА и Я – САМАЯ ЛУЧШАЯ СЕМЬЯ!»**

ОТБАСЫ/СЕМЬЯ:	ШАДАЕВТАР	КОПЖАСАР	МАТАЕВТАР
	МЕДЕТХАН	ВЕДЕНСКИЕ	КАЛМАГАМБЕТОВЫ
№ 1 ТАПСЫРМА ЗАДАНИЕ № 1	22 10	18 10	18 10
№ 2 ТАПСЫРМА ЗАДАНИЕ № 2	15 30	15 25	15 30
№ 3 ТАПСЫРМА ЗАДАНИЕ № 3	42 70	42 70	39 60
ОЙЫН ҚОРЫТЫНДЫСЫ: ИТОГ ИГРЫ:	79 110	75 105	72 100

15.45-16.15 «Алтын ұям – отбасым» байқауы 3 отбасы үшін (3 тапсырмадан тұрады)

/сахнада байқауды өткізуге арналған щитке жапсырылған тапсырма, 3 стол, 3 щиттің ортасына түймедақ жапсырылған, артқы жағында 5 үрленген шар жапсырылған.

«Алтын ұям – отбасым» байқауын өткізу үшін біз үш отбасын ортаға шақырамыз. Келіңіздер, өтінемін үш столдың біреуіне. Танысып қояйық: Шадаевтар, Көпжасаровтар, Матаевтар отбасы. Біздің қатысушылар үш тапсырманы орындауы қажет. Әр дұрыс жауап үшін белгілі ұпай жинай аласыздар. Байқаудың соңында сіздердің жинаған ұпайларыңыз көбейеді. Байқауға қатысқан әр отбасы батылдығы және ерлігі үшін дипломмен, ал команда мүшелері-естелік кәдесыйлармен марапатталады.

Бірінші тапсырма «Музей портреті»

Бірінші тапсырма шарты: әр отбасына көрнекілік құралдары салынған папкалар беріледі. Әр папкада түймедақтардың күлтелері болады. Сіздерге 2 минут ішінде музей залындағы жәдігерлердің суретін салып және өз гүліңізді жинап үлгерулеріңіз керек.

(музыканы қосу ұзақтығы 2 минут)

Жарайсыңдар! Барлығың тапсырманы орындап шықтыңдар.

Байқаудың нәтижелері:

Шадаевтар отбасы – 22 балл

Көпжасаровтар отбасы – 18 балл

Матаевтар отбасы – 18 балл

Екінші тапсырма «Сұр мерген».

Екінші тапсырманың шарттары (отбасыларға шарларды): Бұл тапсырманы барлық отбасы – команда мүшелері кезегімен орындайды. Әр шардың ішінде тапсырма жасырылған. Отбасы-командасы кезекке тұрып, шарды жеке-жеке инемен дәлелдеп жару керек. Егер бірден осы тапсырманы орындай алсаңыз – керемет, егер – орындай алмасаңыз, «атушы» кезегі келесі қатысушыға өтеді. Барлығы 5 шар жарылуы тиіс. Қосымшаны тауып, ондағы әйел әшекейінің қазақша, орысша атауын табу керек. Әр жарылған шар үшін отбасы-команда мүшелері 1 балл жинайды, қазақ және орыс тілдерінде жауап берілсе тағы 1 баллдық ұпай қосылады. Егер барлық шарлар түгелдей жарылып, әшекей бұйымдардың атаулары 2 тілде толығымен жауап берілсе, онда Сіздердің ұпай сандарыңыз 15 балға жоғарылайды. Сонымен, бастаймыз!!!

(музыканы қосу ұзақтығы 2 минут).

ЖАРАЙСЫҢДАР! Барлығың тапсырманы орындап шықтыңдар.

Байқаудың нәтижесі:

Шадаевтар отбасы – 15 балл

Көпжасаровтар отбасы – 15 балл

Матаевтар отбасы – 15 балл

Үшінші тапсырма – интеллектуалды байқау «Біз музей сүйер отбасымыз».

Үшінші тапсырманың шарттары: Әр отбасы қағаз салынған папка және қалам алады. Сіздерге 2 минут ішінде Алматы қаласында орналасқан музейлердің аттарын жазу керек. Әрбір дұрыс аталған музей үшін, отбасы-командасы 3 балл ұпай алады. Егер қала музейлерінің атауын көбірек тапсаңыздар, онда көп балл жинай аласыздар. Бұл сіздерге деген соңғы тапсырма. Кімде-кім ойыннан аздап қалатын болса, ол тапсырманы орындап, көшбасшы болуға мүмкіндік алады. Сонымен бастаймыз!!!

/Музыканы қосамыз, ұзақтығы 2 минутқа жалғасады/.

ЖАРАЙСЫҢДАР! Барлығың жұмысты орындап шықтыңдар.

Байқаудың нәтижесі:

Шадаевтар отбасы – 42 балл

Көпжасаровтар отбасы – 48 балл

Матаевтар отбасы – 39 балл

ОЙЫН НӘТИЖЕСІ: сонымен, байқауда «**Алтын ұям – отбасым!**»

Ең көп балл жинаған отбасы Шадаевтар отбасы 79 - балл

Екінші орын алған отбасы Көпжасаровтар отбасы -75 балл

Үшінші орын алған отбасы Матаевтар отбасы 72- балл

/Сыйлықтар тапсыру/

Байқауды өткізуге демеуші болып кеңсе тауарларын ұсынған «АБДИ» компаниясы. «АБДИ» сауда орталығы 23 жыл бойы Қазақстанның 18 қаласында 35 дүкен ашып, өзіндік мәдени-білім алаңын қалыптастыруда және әлемдік өндірушілерден өз тұтынушыларына, оқу орындарына: кеңсе тауарларын, әуесқой ортаға арналған заттары мен балалар бұйымдарын ұсынуда.

Байқауға қатысқан барлық отбасыларға естелік сыйлықтарды «GATTO CHOCOLATO» компаниясы, ТОО «WellDis» және «8&8» кітап баспасы ұсынды.

17.30-18.00 «Алтын ұям – отбасым!» 3 отбасыға арналған (3 тапсырмадан тұрады)

/сахнадабайқауды өткізуге арналған шитке жапсырылған тапсырма, 3 стол, 3 щиттің ортасына түймедақ жапсырылған, артқы жағында 5 үрленген шар жапсырылған.

«Алтын ұям – отбасым» байқауын өткізу үшін біз үш отбасына ортаға шақырамыз. Келіңіздер, өтінемін үш столдың біреуіне. Танысып қояйық: МЕДЕТХАН отбасы, ВЕДЕНСКИЕ отбасы, ҚАЛМАҒАМБЕТТАР отбасы. Біздің қатысушылар үш тапсырманы орындауы қажет. Әр дұрыс жауап үшін белгілі балл жинай аласыздар. Байқаудың соңында сіздердің жинаған балдарыңыз көбейеді. Байқауға қатысқан әр отбасы батылдығы және ерлігі үшін дипломмен, ал команда мүшелері- естелік кәдесыйлармен марапатталады.

Бірінші тапсырма: Отбасылық шығармашылыққа арналған «**Менің отбасымның елтаңбасы**» байқауы

Бірінші тапсырманың шарттары: әрбір отбасы елтаңбаның дайындау үлгісі бар папканы алады. Сіздерге өз отбасыңыздың елтаңбасын жасау үшін 3 минут уақыт беріледі. Сіздер дайындау барысында

сурет салуға немесе қолданба таңбаларды , отбасыңыздың құнды сирек кездесетін дүниесін жасау. 3 минут өткен соң, бір отбасының команда мүшесі өз отбасы және жасаған елтаңбасын түсіндіріп береді.

Сонымен бастаймыз!!!

/Музыканы қосамыз, ұзақтығы 3 минутқа жалғасады/.

ЖАРАЙСЫҢДАР! Барлығың жұмысты орындап шықтындар

Байқаудың нәтижесі:

МЕДЕХАН отбасы – 10 баллов

ВЕДЕНСКИЕ отбасы – 10 баллов

ҚАЛМАҒАМБЕТОВТАР отбасы – 10 балл

Екінші тапсырма: «Дәуірлер тұңғиығынан бүгінге дейін»

Екінші тапсырманың шарттары: Сіздер 2 тапсырмасы бар папка аласыздар. Әр команда отбасы мүшелері – 2 минут ішінде суретте көрсетілген қазақтың әдет –ғұрыптары туралы айтып беру керек. 2 минут өткен соң отбасы команда мүшесі өзінің ойын айтып жеткізеді. Бұл байқау сізге 30 балл (әр әңгіме үшін 15 балл).

Сонымен бастаймыз!!!

/Музыканы қосамыз, ұзақтығы 2 минутқа жалғасады/.

МЕДЕХАН отбасы – 30 баллов

ВЕДЕНСКИЕ отбасы – 25 баллов

ҚАЛМАҒАМБЕТОВТАР отбасы – 30 балл

Үшінші тапсырма «Түп-тұқиянымнан өзіме шейін»

Үшінші тапсырманың шарты: Әр отбасы «Түп-тұқиянымнан өзіме шейін» жиналған папкасын алады. 2 минут ішінде Сіздерге жеті аталарыңыздың есімдерін еске түсіру қажет, сонымен бірге жақын туыстардың. Кім өзінің жеті атасы туралы көп еске түсірсе сол отбасы мүшелері құдіретті «Түп-тұқиянымнан өзіме шейін» болып саналады. Әрбір жеті атасын дұрыс айтқан отбасы үшін 10 балл алады. Еске саламыз,-бұл сіздер үшін соңғы тапсырма. Кімде-кім балл жинаудан қалып жатса, тапсырманы орындап көшбасшы атана алады.

Сонымен бастаймыз!!!

/Музыканы қосамыз, ұзақтығы 2 минутқа жалғасады/.

МЕДЕХАН отбасы – 70 ұпай

ВЕДЕНСКИЕ отбасы – 75 ұпай

ҚАЛМАҒАМБЕТОВТАР отбасы – 60 ұпай

ОЙЫН НӘТИЖЕСІ: «Алтын ұям – отбасым» байқауының нәтижесі.

ұпайды ең көп жинаған МЕДЕТХАН отбасы – 110 ұпай,

екінші орында ВЕДЕНСКИЕ отбасы – 105 ұпай,

үшінші орында ҚАЛМАҒАМБЕТОВ отбасы -100 ұпай

Сыйлықтар тапсыру:

Байқауды өткізуге демеуші болып кеңсе тауарларын ұсынған «АБДИ» компаниясы. Сонымен қатар «GATTO CHOCOLATO»

ЖК, «WellDis» ЖШС және «8&8» кітап баспасы. Байқауға қатысқандарыңыз үшін алғысымызды білдіреміз.

Nursan Alimbay

CONCEPT OF THE REPUBLICAN ACTION “THE WHOLE FAMILY AT THE MUSEUM”

This concept is aimed at expanding the boundaries of the social space of popularizing historical and cultural monuments through the family, as the basic institution of socialization of the individual. In a concept designed to ensure the stability of museum attendance by various categories of population, both the mechanisms for the implementation of this promotion and the fundamental principles for its implementation are considered.

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ СПОРТ МИНИСТРЛІГІ
ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕМЛЕКЕТТІК ОРТАЛЫҚ МУЗЕЙІ**

**«ҚАЗІРГІ ОТАНДЫҚ МУЗЕЙ: ЖАҢА ТӘСІЛДЕР МЕН ӨЗЕКТІ ІС-ТӘЖІРИБЕЛЕР»
АТТЫ СЕМИНАР-ТРЕНИНГТІҢ ТҰЖЫРЫМДАМАСЫ**

**(ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ МЕМЛЕКЕТТІК ОРТАЛЫҚ МУЗЕЙІНІҢ
ТӘЖІРИБЕСІНЕН) (Алматы, 2020 ж.).**

Жобаның жетекшісі және авторы: Нұрсан Әлімбаев

Шығармашылық топ: Нұрсан Әлімбаев, Ғалия Теміртон, Бибігүл Дандығараева.

Кіріспе бөлім. Аталмыш семинар-тренингтің мақсат-міндеттерін таратып негіздеудің алдында отандық музейлерді еліміздің іргелі ғылыми-зерттеу институттарына айналдыру сынды аса өзекті мәселеге арнайы тоқталу қажет деп есептейміз. Өйткені, әлемдік іс-тәжірибе айқын айғақтап отырғандай, музейлердің ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде толықмәнді функция атқаруы ғана олардың мәдени-білім жұмысын мейлінше тиімді ұйымдастыруға һәм жүргізуге бірден-бір мүмкіндік беретін іргелі фактор болып табылады.

Отандық музейлерде ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде реформалаудың қажеттілігі (қысқаша теориялық негіздеме). Қазіргі кезеңде мәдениет социумның ар-ұждан идеалы мен кісілікке негізделген құндылық бағыт-бағдарын ғана емес, ежелден жалғасып келе жатқан этникалық дәстүрдің озық үлгілерін сақтаудың да, өркендетудің де айрықша пәрменіне айналып отыр. Сонымен бірге, мәдениет дәстүр атаулыны мейлінше әлсіретіп, тіпті, жойылуға әкеліп отырған «жаһандану үрдісін гуманизациялаудың» (Коитиро Мацуура)²³ да ілкімді факторы болып табылады. Қазір мәдени саланың Қазақстан қоғамын өркендетудің басым бағыттарының біріне айналып отырғандығы сондықтан (1). Жаһандану жағдайында этникалық сәйкестілік пен дәстүрдің өзіндік болмыс-бітімін айғақтаудың һәм айқындаудың және олардың ұрпақаралық сабақтастығын қамтамасыз етудің бірден-бір механизмі болып табылатын тарихи-мәдени мұраны сақтаудың өзектілігі де осында. Әңгіме ұлттық мәдениетті «этностың, социумның, тұлғаның әлеуметтік энергиясын жұмылдыратын әрі жүзеге асыратын бірден-бір механизм ретінде сан салалы функция атқаратын қуатты күйге жеткізуде болып отыр» (2). Сонда ғана адами hareketті жүзеге асырудың әмбебап тәсілі (3) болып табылатын мәдениет қоғамның да, тұлғаның да үйлесімді өркендеуіне мүмкіндік беретін пәрменді күшке айналады. Осы ретте тарихи-мәдени мұра атаулыны сақтайтын, зерттейтін әрі дәріптейтін функция атқаратын музей сынды бірегей институттың орны мен рөлі ерекше болатындығы түсінікті жайт болса керек.

Соңғы кезеңде елімізде мәдениетке, соның ішінде, әсіресе, ұлттық тарихи-мәдени құндылықтарға айрықша мән беріліп отырғандығы сондықтан. Өйткені, расында да, музей өзінің құрылымдық һәм функционалдық табиғаты жағынан мемлекеттің мәдени және білім саласындағы саясатын тиімді жүзеге асыратын институттардың бірі де, бірегейі де болып табылады. Сондықтан да, Қазақстан Республикасы Президентінің 2014 жылғы 4 қараша күнгі Жарлығымен күшіне енген «Қазақстан Республикасы мәдениет саясатының концепциясында» аталып көрсетілгендей, «отандық музей имидждік кластер және ғылым мен зерттеу ісінің тұғырына» айналуы тиіс. Өйткені, жоғарыда шінара айтылғандай, музей ұрпақаралық тарихи-мәдени құндылықтар мен ақпаратты жинақтау, қорландыру, сақтау, зерттеу, дәріптеу және ұрпақтан ұрпаққа жеткізіп отыратын бірегей институционалдық механизм ретінде функция атқарады (2). Алайда, халықаралық іс-тәжірибе айқын айғақтап отырғандай, мұндай аса өзекті функцияны замана талабына сай тиімді орындау үшін музей, ең алдымен, ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде қызмет атқаруы қажет. Сонда ғана, аталмыш құрылым өзінің «профильдік» негізгі қызметі – мәдени-білім жұмысын барынша тиімді жүргізе алады. Оның үстіне, өкінішке орай, отандық музей саласында әлі күнге дейін шынайы көңіл бөлінбей келе жатқан тарихи-мәдени құндылықтарды камералық өңдеу, есепке алу, атрибуциялау, паспорттау, каталогтау сынды «дәстүрлі

²³ Коитиро Мацууро – бывший Генеральный директор секретариата ЮНЕСКО (1999-2009). Более подр.: Можейко М.А. Диалог культурных традиций и общечеловеческие ценности: опыт нелинейного моделирования // Труды объединенного научного центра проблем космического мышления. Том 3, 2013 // <https://cyberleninka.ru/article/n/>

еңбек операциялары», шынтуайтында, нағыз ғылыми-зерттеу жұмысының музейлік формалары болып табылады! Тіпті, музей жұмысының «профильдік» саласы деп орынды есептелетін белгілі бір тақырыптық көрме мен экспозиция да, көрнекті музейтанушы ғалымдардың қисыны келіскен пікірінше, ғылыми жарияланымның «заттанған» түрі, яғни, ғылыми жұмыс ретінде бағамдалады (2;4). Гәп тарихи шындықтың (құбылыстың, үрдістің, сюжеттің, оқиғаның) «заттанған», «материалданған» моделі болып табылатын семиотикалық күрделі экспозициялық (көрмелік те) кеңістік жөнінде болып отыр. Расында да, алдын ала тандалған тақырыптың желісі бойынша өзара себеп-салдарлық байланысқа негізделіп орналастырылған экспонаттар жүйесі, яғни, құрылымдық тұрғыдан да, методологиялық жағынан да қисынды ойластырылған кез келген көрме немесе экспозиция, жоғарыда айтылғандай, тиісті тарихи үрдістің, оқиғаның немесе сюжеттің «заттанған» көрнекі моделі функциясын атқарады. Айтылған қисын тұрғысынан 2006 жылдан бастап «ғылыми-зерттеу мекемесі» мәртебесін отандық музей тарихында тұңғыш рет ресми иемденген (**09.09. 2016 жылғы сериясы МК №004847-ші үшінші рет аккредитациялану жөніндегі Куәлік**) ҚР Мемлекеттік орталық музейі өзінің ғылыми әлеуетін ойдағыдай жүзеге асырудың нәтижесінде мәдени-білім жұмысын да тиімді жүргізіп келе жатқандығын ерекше екшеп айтқан жөн. Басқаша айтқанда, ғылыми-зерттеу жұмысын тиімді жүргізу Орталық музейге ұйымдық-педагогикалық, экспозициялық-көрмелік, экскурсиялық, дәрістік, ғылыми жобалық, ғылыми-практикалық жобалық сынды сан салалы мәдени-білім жұмыстарын көпшіліктің көңілінен шығатындай тартымды да, тағылымды атқаруға мүмкіндік берді. Әлбетте, бұл ретте музейлік менеджмент пен маркетингтің негізі болып табылатын фандрайзинг технологиясын, әлеуметтік әріптестік орнатудың әдіс-тәсілдерін, сан алуан жобалық және PR-технологияның соны жетістіктерінің мол пайдаланылғандығын айрықша атап өткен ләзім. Сөйтіп, қазіргі кезеңде Орталық музей өзінің ғылыми-зерттеу және мәдени-білім жұмыстарын міндетті түрде ғылыми негіздеп жүргізіп келеді. Мұндай ұстаным музейге келушілердің әртүрлі категорияларымен жұмыс жүргізудің тиімді формаларын (әдіс-тәсілдерін) меңгеруге мүмкіндік беріп отыр (мысалы, әртүрлі музейлік акциялар мен интерактивтік іс-шараларға соны ақпараттық және цифрлы технологияны мүмкіндігінше пайдаланып отыру деген сияқты).

Сонымен, Орталық музей жинақтаған сан жылғы, әсіресе, тәуелсіздік кезеңіндегі іс-тәжірибенің қисыны кез келген музейдің көпшіліктің көңілінен шығатындай тиімді функция атқаруының бірден-бір кепілі ондағы ғылыми-зерттеу жұмысын нәтижелі жүргізу екендігін айқын айғақтайды.

Семинар-тренингтің мақсаты мен міндеттері және оның негізгі бағыттары. Жоғарыда айтылғандай, 200 жылға жуық тарихы бар Орталық музей ғылыми-зерттеу және мәдени-білім жұмысын ұйымдастыру саласында танымдық тағылымы мен педагогикалық әлеуеті әжептәуір іс-тәжірибе жинақтап отыр. Ең алдымен, Орталық музейдің тиімді жұмыс атқаруы мақсатында оның құрылымы түбегейлі реформаланды. Яғни, ғылыми-зерттеу жұмысын жүргізетін археология, антропология мен этнология, Қазақстан тарихын зерттеу, музейлік деректану мен сирек кездесетін қолжазба сынды бөлімдер ашылды. Осы ретте аталмыш құрылым-бөлімдерінің ғылыми-зерттеулері музейдің негізгі функциясы болып табылатын мәдени-білім жұмыстарын мейлінше тиімді ұйымдастыруға мүмкіндік беретіндей бағытта ұйымдастырылатындығын айрықша атап өту қажет (мысал ретінде ғылыми қызметкерлер міндетті түрде экскурсиялық қызметке тартылатындығын және сан алуан көрмелерді ұйымдастыруға, сондай-ақ, музейлік құндылықтарды камералық өңдеу, атрибуциялау, ғылыми каталогтау сынды істерге белсене қатысатындықтарын айтуға болады).

Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің бастамасымен ұйымдастырылып отырған **«Қазіргі отандық музей: жаңа тәсілдер мен өзекті іс-тәжірибелер (Қазақстан Республикасы Мемлекеттік орталық музейінің іс-тәжірибесі негізінде)»** атты семинар-тренингтің барысында еліміздің музей кеңістігінде қазіргі кезеңде мейлінше өзекті мәселелерді көне музейіміздің сан жылдық іс-тәжірибесі тұрғысынан талқылауды мақсат етіп отыр. Мұндай ұстаным арқылы Орталық музей қызметкерлері өздерінің ғылыми-зерттеу хәм мәдени-білім салаларында жинақтаған іс-тәжірибесін мүмкіндігінше отандық музейлердің игілігіне айналдыруды көксейді. Әлбетте, Орталық музейдің іс-тәжірибесінде де «бір қайнауы» жетпей жатқан тұстары да бар. Осыған байланысты еліміздің музейлеріндегі, әсіресе, аймақтық музейлердегі табыспен өткізіліп жатқан сан алуан мәдени-білім іс-шараларының жетістіктерімен етене танысудың Орталық музей үшін де танымдық хәм іс-тәжірибелік тағылымы өлшеусіз десек асырып айтқандық болмайды.

Семинар-тренинг барысында, белгілі себептермен, музейдің құрылымдық жағынан да, функционалдық табиғаты тұрғысынан да болмыс-бітімін айқындайтын хәм айғақтайтын өзара себеп-салдарлық байланыстағы қос функциясына – ғылыми-зерттеу және мәдени-білім жұмыстары салаларындағы іс-тәжірибені зерделеуге, талқылауға айрықша көңіл бөлінеді. Жоғарыда айтылғандай,

осы ретте, әсіресе, облыстық тарихи-өлкетану музейлерінің сан салалы һәм сан деңгейлі іс-шараларының жетістіктерімен танысу Орталық музейдің талқыға түсіп отырған іс-тәжірибелерін зерттеп-зерделеуге және жетілдіре түсуге үлкен мүмкіндік береді деген сенімдеміз. Өкінішке орай, отандық музейлердің арасындағы аса қажетті байланыс жоқтың қасында десек асырып айтқандық болмайды. Осыған байланысты ұйымдастырылып отырған семинар-тренинг әрбір отандық музейдің дамуының әлеуетті кепілі болып табылатын музейаралық қатынасты жандандыруға себін тигізері хақ. Бұл игі дәстүр өзінің жалғасын тапса, «нұр үстіне нұр» болар еді.

Сонымен, аталмыш семинар-тренингтің мақсаты Орталық музейдің сан жылғы іс-тәжірибесін көпшілік болып талқылау һәм зерделеу. Осыған байланысты, жоғарыда айтылғандай, аймақтық музейлердің де тиісті іс-тәжірибелерімен танысудың да тағылымы өлшеусіз екендігін тағы да ерекше екшеп айтқан ләзім. Айтылған қисын тұрғысынан семинар-тренингтің жұмысын төмендегідей бағытта жүргізілу көзделіп отыр:

I. МӘДЕНИ-БІЛІМ ЖҰМЫСЫ

- экспозициялық-көрме шараларын ұйымдастырудың өзекті мәселелері: жобалаудың тақырыптық-проблемалық принципі және жүзеге асырудың механизмдері;
- мәдени-білім және танымдық бағдарламаларды дайындау мен жүзеге асыру барысындағы инновациялық тәсілдер: музейлік педагогиканың әдістемелік және практикалық аспектілері;
- музейлік біртұтас ақпараттық кеңістік: цифрландырудағы басымдықтар мен мәселелер;
- музей аудиториясын кеңейту стратегиясы: музейге келушілердің әр деңгейлі категориялармен жұмыс жүргізудің соны әдістері;
- музей қызметін жүзеге асыру бағытында бюджеттік емес қаражат көздерін іздестіру және тарту мәселелері;
- музей қызметіндегі ғылыми кітапхананың орны мен маңызы;
- отандық музейдегі баспасөз қызметінің функциясы.

II. ҒЫЛЫМИ-ЗЕРТТЕУ ЖҰМЫСЫ

- қазіргі кезеңдегі отандық музей кеңістігіндегі ғылыми зерттеулердің өзектілігі (музейлік ғылыми-зерттеу және ғылыми-қолданбалы жобаларды жүзеге асыру саласындағы ҚР Мемлекеттік орталық музейі жинақтаған іс-тәжірибе);
- ғылыми-қор жұмысы: іріктеу, камералық өңдеу, ғылыми есепке алу, ғылыми классификациялау, атрибуция, паспорттау, каталогтау (жалпы әдістемелік мәселелер);
- музейлік ғылыми экспедициялар ұйымдастырудың маңызы (археологиялық, этнографиялық, археографиялық, ахуалдық және т.б.);
- ғылыми және ғылыми практикалық форумдар – музей қызметкерлерінің өзіндік ұйымдастыруының формасы (семинар, конференция, дөңгелек үстел);
- музей қорын жүйелі және үнемі толықтырып отыру – музей функциясының іргелі бағыттарының бірі;
- мемлекеттік республикалық, облыстық, қалалық, аудандық ресми іс-шаралар (саяси, мерекелік, мерейтойлық және т.б.) материалдарының музейлік артефактілер ретіндегі маңызы.

III. ШЕБЕРЛІК САБАҚТАР

- музейлік бұйымдарды ғылыми атрибуциялау мен ғылыми каталогтаудың іс-тәжірибесі (ҚР Мемлекеттік орталық музейі қорындағы «кілем және тоқыма бұйымдар», «кісе», «кимешек» коллекциялары негізінде);
- «қалпына келтіру ісінің қыр-сыры»: металл, киіз, мата, керамика және т.б. бұйымдарды қалпына келтіру бойынша шеберлік сабақтар;
- музейлік экспедиция жұмыстарын ұйымдастырудағы далалық, лабораториялық және «кабинеттік» зерттеулердің әдіс-тәсілдері (ҚР Мемлекеттік орталық музейі тарапынан ұйымдастырылған археологиялық экспедициялар іс-тәжірибесі негізінде).

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И СПОРТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

КОНЦЕПЦИЯ

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СЕМИНАРА-ТРЕНИНГА «СОВРЕМЕННЫЙ
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ»**

**(ИЗ ОПЫТА ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН) (Алматы, 2020 г.)**

Автор и руководитель проекта Нурсан Алимбай

Творческая группа: Нурсан Алимбай, Галия Темиртон, Бибигуль Дандыгараева.

Вводная часть. Прежде чем приступить к изложению содержания предлагаемой концепции семинара-тренинга следует специально остановиться на таком важном вопросе, как структурно-функциональное преобразование отечественных музеев как полноценных научно-исследовательских институтов в культурно-образовательном пространстве нашей страны. Ибо, как показывает мировой опыт, именно наука выступает в качестве фундаментального условия эффективного функционирования современного музея практически всех типов и ранга.

Наука как главный фактор эффективности функции отечественного музея. Как известно, культура сегодня становится решающим инструментом не только развития нравственных идеалов, ценностных ориентиров и традиций общества, но и «гуманизации процесса глобализации» (Коитиро Мацуура)²⁴, становясь, таким образом, «ключевым приоритетом развития народа и государства» (1). Отсюда необходимость сохранения и приумножения национального культурного наследия, определяющего самобытность и национальную идентичность отечественной культуры в глобальном мире. Речь идет о таком самодостаточном состоянии культуры, когда она действительно выступает как «единственно возможный механизм мобилизации и реализации жизненной энергии этноса, социума и личности» (2). Конкретизируя сказанное в интересующем нас аспекте отметим, что одними из важнейших задач культуры как специфического способа организации и реализации человеческой жизнедеятельности (3) остаются развитие и поддержка творческого потенциала личности и общества, воспитание патриотизма и гражданственности, интереса к историко-культурному наследию, формирование исторического сознания подрастающего поколения и т.п. Понятно, что значительная роль в этом отводится музею как особому социокультурному институту по сохранению исторической памяти и передачи опыта будущим поколениям.

Сказанное объясняет, почему в последнее время в нашей республике большое значение уделяется эффективности функционирования музея как особого социокультурного механизма реализации культурной и образовательной политики государства, а также «имиджевого кластера и опорного центра развития науки и исследовательской деятельности» (1). Это связано и с тем, что именно музей по своему функциональному назначению представляет собой едва ли не главный институциональный механизм аккумуляции, хранения и трансляции практически всего объема межпоколенных историко-культурных ценностей и информации (2). Однако, как показывает международный опыт, именно успешное функционирование музея как научно-исследовательского института в сфере культуры и образования выступает основополагающим условием осуществления им своей профильной функции – культурно-образовательной. Ведь практически все так называемые «традиционные» виды деятельности в музее (камеральная обработка, атрибуция, паспортизация, учет, каталогизация музейных предметов и т.д.) относятся к разряду специфических научно-исследовательских и научно-практических работ. Даже такое «профильное» направление музейной работы, как создание разноматематических экспозиций и выставок, по единодушному мнению, мировых авторитетов в области музейного дела, представляет собой особый «овеществленный», «опредмеченный» вид научно-публикаторской деятельности (2; 4). Речь идет об экспозиционном (выставочном), семиотически весьма сложном пространстве как об особой «опредмеченной» модели реальности. То есть, структурно хорошо продуманный, методологически обоснованный любой вид музейной экспозиции (и выставки)

²⁴ Коитиро Мацууро – бывший Генеральный директор секретариата ЮНЕСКО (1999-2009). Более подр.: Можейко М.А. Диалог культурных традиций и общечеловеческие ценности: опыт нелинейного моделирования // Труды объединенного научного центра проблем космического мышления. Том 3, 2013 // <https://cyberleninka.ru/article/n/>

учеными по праву рассматривается как особая форма научной публикации. Сказанным объясняется актуальность «развития научно-исследовательской деятельности, взаимодействия с исторической наукой, археологией, реставрацией, искусствоведением, этнографией, а также модернизации материально-технической базы фондохранилищ» (1).

В этой связи отметим, что системно проводимое руководством усиление научного потенциала Центрального государственного музея Республики Казахстан, имеющего статус научного учреждения с 2006 г. (*Свидетельство об аккредитации: Серия МК, №004847 от 09.09.2016 г.*), дало возможность вывести на качественно новый уровень деятельность музея в целом, в особенности – культурно-образовательную. То есть в настоящее время, ЦГМ РК благодаря очевидным достижениям в научно-исследовательской сфере, активно осуществляет и культурно-образовательную (социологическую, организационно-педагогическую, экспозиционно-выставочную, экскурсионную, лекционную, проектную и т.п.), успешно используя современные технологии, составляющие основу музейного менеджмента и маркетинга – технологию фандрайзинга, социального партнерства, проектную и PR-технологию, включая информационно-коммуникативную. Обладая большим научно-информационным и познавательным потенциалом, аккумулированным в предметно-тематически разнообразных коллекциях, музей в настоящее время разрабатывает и реализует научно-исследовательские, культурно-образовательные и экспозиционно-выставочные проекты, активно осваивает новые формы работы с посетителями (музейные акции, интерактивные мероприятия, информационные и цифровые технологии и др.) в целях презентации своих коллекций.

Цель и задачи, основные направления научно-методического семинара-тренинга. Центральный государственный музей Республики Казахстан (далее – ЦГМ РК), имеющий почти двухвековую историю, обладает общепризнанным большим опытом организации музейной деятельности. К настоящему времени старейший музей страны в процессе адаптации к новым условиям и требованиям времени, сохранив целевые функции, изменил собственную структуру таким образом, чтобы обеспечить максимальную эффективность своей основной профильной функции – культурно-образовательной (2). На организуемом по инициативе Министерства культуры и спорта РК семинаре-тренинге: «**Современный отечественный музей: новые подходы и актуальные практики**» Центральный музей выносит на повестку дня обсуждение широкого круга назревших вопросов в контексте, как уже отмечалось, своего многолетнего опыта по ключевым направлениям музейной работы. Надеемся, что полученные музейными специалистами на семинаре-тренинге соответствующие знания и навыки могут стать серьезным подспорьем при подготовке и реализации ими разнонаправленных музейных проектов и программ.

Основной акцент по понятным причинам будет сделан на обсуждение опыта Центрального музея по организации двух взаимосвязанных и взаимообусловленных ключевых направлений – культурно-образовательного и научно-исследовательского. Эти направления музейной деятельности, взаимодействующие по принципу дополнительности, как известно, выполняют системообразующую функцию в жизни музея любого типа и уровня. В то же время работники Центрального музея очень нуждаются и в получении необходимой всеобъемлющей информации из других музеев, в особенности, областных историко-краеведческих, в которых достаточно успешно реализуются поучительные культурно-образовательные проекты и программы. Однако, к сожалению, информация на сей счет к нам доходит, как говорится, из вторичных источников, прежде всего, из средств массовой информации, и то в весьма усеченном виде. Причина тому – очевидные слабые межмузейные связи, особенно, между республиканскими и региональными музеями, столь необходимые для взаимообогащения. Речь идет о выдающейся роли межмузейных отношений, которую последние вкупе с другими стимулирующими факторами, играют в постоянном совершенствовании музейной технологии. Надеемся, что настоящий семинар-тренинг послужит добрым началом актуализации и активизации межмузейных отношений на различных уровнях и направлениях.

Цель семинара-тренинга: обсуждение накопленного к настоящему времени Центральным музеем многолетнего опыта по следующим узловым направлениям музейной работы:

I. КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- проектная деятельность и проблемы организации экспозиционно-выставочных мероприятий: проблемно-тематические принципы и механизмы реализации;
- инновационные подходы в реализации культурно-образовательных и познавательных программ: методические и практические аспекты музейной педагогики;

- единое музейное информационное пространство: приоритетные направления и проблемные аспекты музейной цифровизации;
- стратегии расширения музейной аудитории: новые методы работы с разными категориями музейных посетителей;
- проблемы привлечения внебюджетных финансовых средств;
- место и значение научной библиотеки в деятельности музея;
- функции пресс-службы в музее.

II. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- актуализация научных исследований в современной музейной практике (опыт реализации научно-исследовательских и научно-прикладных проектов в отечественном музее);
- научно-фондовая работа: комплектование, камеральная обработка, учет, хранение, научная классификация, атрибуция, паспортизация, каталогизация (общеметодические вопросы);
- вопросы организации научных экспедиций в отечественном музее (археографических, этнографических, археологических, «ситуативных» и др.);
- научные форумы (конференция, семинар, круглый стол), как форма самоорганизации музейных работников;
- систематическое пополнение фондовых коллекций как одно из основных направлений музейной функции;
- материалы официальных государственных, республиканских, областных, городских мероприятий (политических, юбилейных и т.д.) как музейные артефакты.

III. МАСТЕР-КЛАССЫ

- опыт научной атрибуции и научной каталогизации музейных предметов (на примере коллекций ковров и ковровых изделий, мужских поясов «кісе», женских головных уборов «кимешек»);
- «секреты реставрации» (мастер-классы по реставрации изделий из металла, войлока, ткани, керамики и др.);
- полевые, лабораторные и «кабинетные» методы организации научной экспедиции в музее (на примере проведения Центральным музеем РК археологических экспедиций).

Литература

1. Концепция культурной политики Республики Казахстан. Указ Президента Республики Казахстан от 4 ноября 2014 года № 939 // https://tengrinews.kz/zakon/prezident_respubliki_kazahstan/kultupa/id-1400000939/
2. Нурсан Алимбай. Центральный государственный музей Республики Казахстан: краткий исторический экскурс, структурные преобразования, проблемы // Труды Центрального музея: музейное дело, история, этнология, фольклористика, археология, антропология, историография, источниковедение, нумизматика. Алматы: Ғылым, 2004. С. 1-18.
3. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ) М.: Мысль, 1983. 284 с.
4. Газалова К.М. Музей в современных социокультурных условиях // Музей в современном мире: традиционализм и новаторство. М., 1999. С. 15-16.

Nursan Alimbay

THE CONCEPT OF THE SCIENTIFIC-METHODICAL SEMINAR-TRAINING "CONTEMPORARY MUSEUM: NEW APPROACHES AND PRACTICES"(FROM THE EXPERIENCE OF THE CENTRAL STATE MUSEUM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

This concept contains a wide range of issues in key areas of organization of two interconnected and interdependent areas of museum work – cultural, educational and research. These areas of museum activity interact on the principle of complementarity, and carry out system-forming function in museum activity of any type and level. In this regard, the concept was developed with the aim of updating and enhancing the structural and functional transformation of Kazakhstani museums as full-fledged research institutes in the cultural and educational space of the country.

ҚАЗАЛЫ АУДАНЫНДА ОРНАЛАСҚАН ҚОЖАНАЗАР ИШАН МЕШІТІ

Қазақстанның кең байтақ жерінде қасиетті орындар көптеп кездеседі. Ондай жерлерді қадірлеп-қастерлеу дәстүрі ғасырдан-ғасырға, ұрпақтан-ұрпаққа жалғасып келеді. Осы үрдіске берік болғанның арқасында біршама тарихи маңызы зор құнды ғимараттар бүгінгі күнге дейін кейінгі буынға аманат ретінде қаз-қалпында сақталды. Соның бірі Әйтеке би кентіндегі – «Қожаназар ишан» мешіті (Сурет 1).

Қожаназар ишан өз ауылында Сырдария өзенінің жағасынан, күйдірілген қыш кесектен ағайын туысының қолдау көмегімен мешіт салдырады. Осындай ниетте салынған мешітте, дарияның екі жағындағы ауылдың балаларын оқытып, мұсылмани-шариғат жолымен білімге, тәрбиеге баулыған. Бізге жеткен көнекөз қариялардың сөзі бойынша сол заманда Қазалы-Арал өңірінде белгілі болған 12 мешіттің 5-ін Қожаназар ишан салдырған екен. Бізге белгілісі 3 мешіт. Бірі өз атымен аталатын "Қожаназар мешіті". Бұл мешіттің құрылысы 1898 жылы басталып, 1902 жылы халыққа пайдалануға берілген. Осы мешітті ишан бабамыз ең кіші інісі Бекназарға арнап салдырса керек, ал Бекназар осы мешітте 22 жыл имам болыпты. Жергілікті халық Қожаназар ишан мешітін киелі орын санайды (Байтенов, Абдибаев, 2007, с.269).

Сурет 1. Қожаназар ишан мешіті

Мекен жайы: Қазалы ауданы, Әйтеке би кенті, Біржан сал көшесі, 109.

Жалпы ақпарат: Қожаназар ишан мешіті, XIX ғасыр. Қазалы қаласы, Әйтеке би кентінде орналасқан архитектуралық ескерткіштердің бірі. Біржан сал көшесі №109. Біз сөз еткелі отырған Қожаназар мешіті – Қазалы ауданының орталығы Әйтеке би кентінде орналасқан архитектуралық ескерткіштердің бірі. Тарихи нысанды есепке алу үшін «Казпроектреставрация» институты 1980 жылы Қазалы қаласындағы Ғанибай үйі, Ғанибай мешітімен (қалалық кітапхана) бірге тіркеуге алып, паспортын дайындаған. Аллаға құлшылық етіп, ел арасында Құран кәрімді, Мұхаммед ғ.с.с. пайғамбардың хадистерін насихаттау, халыққа түсіндіру жолында Қожаназар ишанның еңбегі зор. Қожаназар ишан Артықбайұлы Әлім тайпасының Ұланақ руынан тарайды. Әлімнің әкесі Қадырқожаның халыққа кең тараған аты – Қаракесек.

Ишанның керемет әулиелігі жөнінде ел аузында көптеген аңыздар бар. Қожаназар ишан Қазалы уезінде екі мешіт салдырады. Жеті ұлы болған. Әйтеке би кентіндегі мешітін інісі Бекназарға арнап 1898-1902 жылдары салдырған. 1902-1924 жылдары осы мешітке имам болды. Мешітті өз қаражатына салдырады. Сонымен бірге Кенжебай сияқты қалталы азамат көмек көрсеткен көрінеді. Мешіт 1937 жылға дейін жұмыс істеді. 1937-1947 жылдары астық жинайтын қойма болған. 1947 жылы Азамат

соғысының ардагері Ырсалы Сақтағанов Сталинге хат жазып, мешіттің үкіметке де, халыққа да зияны жоқ, тек халықты имандылыққа тәрбиелейді деп дәлелдеген. Міне, содан бері аталған имандылық үйі шәкірт тәрбиелеумен айналысып келеді (Қазмағамбетова, 2019, 3-4 б.).

Кірекештер Қожаназар ишанды танымаса да әулие кісі деп біліп, ерекше ізет көрсетеді. Ол 1897 жылы қазіргі «Қожаназар ишан» мешітін салдырады. Қазір мұнда балалар мұсылманша оқып, араб тілінде дәріс алуға. Кеңестік дәуір кезінде аталған имандылық үйін жаптыру жөнінде билік орындарынан тапсырма берілген. Дегенмен, Қожаназар ишанның өте беделді жақын туысы Рысалы мешіттің діни насихат таратпай, мұсылмандық рәсімдерді ғана орындауына Мәскеуден рұқсат алған деседі.

Мешіт құрылысы. Құрылыс тікбұрышты күйдірілген кірпіштерден қаланған, жоспарындағы аумақтық өлшемдер 22,0x13,0 м, шатырының биіктігі 9 м, минареттің биіктігі 19,0 м.

Қабат саны - 1.

Құрылыс алаңы -243,1

Ғимарат көлемі -972,0

Жалпы ауданы - 203,0

Жай бөлмелер саны - 7.

Ғимарат жоспарында тікбұрышты, бір қабатты, көлденең осі бойынша оңтүстік-батыстан-солтүстік шығысқа созылған, шатыры астында бөлмелері бар екі құламалы. Жоспарында тікбұрышты болып келген ғимарат екі көлденең қабырғамен үш бөлікке – кіреберіс және екі намаз оқитын залға бөлінген. Кейінгі жылдары қосалқы екі бөлме қосылып, 2008-2010 жылдары мешіт (реставрациялау) қайта жаңғыртудан өткізу барысында құрылысы дұрыс болмағандықтан бір бөлмесі алынып тасталынған.

Мешіттің қасбеттері кірпіштің айшықты қаландылармен әсемделген, шығынқы іргесі және күрделі-профилді ернеуі бар. Бұрыштары мен бүйірлік қабырғаларына рустовты жауырыншалар қолданылған. Кіреберіс бөлігі жарты шеңберлі пилястрлермен көмкерілсе, ал терезе ойықтарының жоғарғы бөліктері сандриктен ерекшеленген. Шатырының үшкіл маңдайшалары мол безендірілген (Байтенов, 2011, 310-311 б.).

Минарет үш бөлікті: негізгі діңінен кірпішті кронштейндермен бөлінген, діңнің жоғарғы бөлігінде намазға шақыратын тесіп өткен аркалы ойығы бар, төбесі күмбезшемен көмкерілген.

Қайта қалпына келтіру жұмыстары

Бірінен кейін бірі орналасқан намаз оқитын екі зал үш аркалы ойықтары бар қабырғамен бөлінген, екі залдың да бүйірлік қабырғаларында екі екіден терезелер бар. «Түпкі» залдың оңтүстік-батыс қабырғасының ортасына жоспарында жарты шеңберлі апсид түріндегі михраб орналастырылған.

Кіреберіс бөлік үш бөлмеден тұрады: орталық (дәліз) – үстіне ішінде баспалдағы бір минарет салынған және екі қосалқы бүйірлік бөлмесі бар. Орталық шаршы пішінді бөлме төрт жаққа шығатын есік ойықтары бар (далаға, намаз оқитын залға және бүйірлік бөлмелерге) «киоскі» түрінде шешімін тапқан.

Ескерткішті 1979 жылы «Қазжоба қалпына келтіру» институтының экспедициясы зерттеген.

2001 жылы Қожаназар ишан мешіті күрделі жөндеуден өтті. Бұл жұмысты атқаруға мұра жанашыры, марқұм Аманкелді Избасарұлы Алпысбаев өз қаржысынан 1,5 миллион теңге жұмсады. Мешітке керекті жасау- жиһаздар сатып әперді.

2008-2010 жылдары мешіт (реставрациялау) қайта жаңғыртудан өткізілді. Қазіргі имам Беринбаев Кенжебай Келінбайұлының айтуы бойынша қайта жаңғыртуда мешіттің едені, шатыры, суағары жөнделген. Сонымен қатар сыртқы кірпішін қалпына келтіру жұмыстары жасалған. Бірақ шатыры және суағары ұзаққа жетпей сыр беріп, төбесінен су аққан. Сол себептен 2016 жылы өз қаражаттары арқылы қайта жөндеу жасалынған.

Әдебиеттер

Байтенов Э.М., Абдибаев Ш. Мечеть Ходжа-назара // Курманкулов Ж., Байпаков К.М., Елеуов М., и др. Свод памятников истории культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. Алматы: Аруна, 2007. С. 269.

Байтенов Э.М., Абдибаев Ш., Қожаназар мешіті // Құрманқұлов Ж., Байпаков К.М., Елеуов М., және т.б. Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштерінің жинағы. Қызылорда облысы. Алматы: Аруна, 2011. 310-311 бб.

Қазмағамбетова А. Қожаназар ишанның кереметтері // Қазалы газеті. 27 қаңтар, 2019 жыл. 3-4 бб.

KOZHANAZAR ISHAN MOSQUE LOCATED IN KAZALY DISTRICT

The article describes the history of the construction of the Kozhanazar mosque in Kazaly district of Kyzylorda region. This monument, attributed to the architecture of the XIX century, serves the good of the modern people. There are many mosques and madrasahs in the area, each with its own architectural history.

С.Г. Батырева

Калмыцкий научный центр РАН

г. Элиста, Россия

E-mail: sargerel@mail.ru

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО КАЛМЫКОВ: ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ РОССИИ*

Музейные коллекции содержат материальные свидетельства прошлого в предметах традиционной культуры номадов. Документальная достоверность фондового материала, представляющего кочевой уклад хозяйствования, позволяет в целом охарактеризовать бытование, содержание и значимость художественных ремесел монголоязычных народов. В настоящее время, когда многие традиционные ремесла калмыков утрачены в силу перехода от кочевого уклада хозяйствования к оседлому образу жизни, в их научной реконструкции актуально привлечение музейных экспонатов. Это позволяет восполнить исторические пробелы в создании картины ремесленного творчества народа.

Основным источником по материально-художественной культуре Калмыкии является фондовый материал музеев республики: Национального музея РК имени Н.Н.Пальмова, Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН, Музея джангарчи Ээлян Овла, а также калмыцкие коллекции Российского этнографического музея и Кунсткамеры (Санкт-Петербург), Астраханского музея-заповедника. Отметим, Российский этнографический музей обладает богатейшими коллекциями изделий ремесленного производства многих народов России, в том числе и калмыков. Особый интерес из них представляет специализированный фонд Войлочной кладовой, Мягкий и другие фонды Отдела народов Сибири РЭМ, где хранится культурное наследие монголоязычных народов.

Пластический фольклор калмыков закономерно рассматривать материальным источником в изучении традиционного искусства номадов. Используемая база данных исследования должна основываться на систематизированном учете культурного наследия, собираемого, хранимого и умножаемого в процессе комплектования музеев и частных коллекций.

Отметим, решение данной проблемы отвечает государственной политике, обозначенной как «Сохранение объектов культурного наследия народов Российской Федерации». Программным условием ее реализации являются «Обеспечение сохранности музейного фонда и развитие музеев» и «Издание полных научных каталогов собраний музеев» (Документы Министерства культуры Российской Федерации. Постановление Правительства от 03 марта 2012 года N 186 «О федеральной целевой программе "Культура России» (2012 – 2018 годы). Создаваемая база данных включает совокупность параметров музейного описания, необходимых в исследовании культурного наследия, решении задачи государственной значимости (Батырева, 2004, с. 165–172).

Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН хранит немногочисленный, но уникальный материал художественного наследия монголоязычных номадов. Собрание музея как источниковедческая база представляет научный интерес в изучении традиционной культуры. Таков материал народного декоративно-прикладного творчества, представляемый экспонатами художественных ремесел.

В музейной деятельности краеведа Н.Н.Пальмова особое место отведено изучению калмыцкого художественного ремесла. И в частности, в рукописном наследии историка, хранимом в ЦГА РК (Р–145, оп. 1, ед. хр. 375; Р–145, оп. 1, ед. хр. 218). Позднее материал был обобщен автором в последующих изданиях (Пальмов, 1928). Материальная основа бытия кочевников достаточно подробно рассмотрена

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 19-512-44002 / 19 «Народное декоративноприкладное искусство ойратов Монголии и калмыков России: общее и особенное в сравнительно-сопоставительном анализе».

калмыцкими историками и этнологами (Дарбакова, 1968; Митиров, 1981; Пюрвеев, 1971; Эрдниев, 1970).

Отметим, современное музейное изучение наследия Калмыкии начинается в 20-е годы XX в., что исторически было связано со становлением национальной автономии республики в советский период. Первые попытки теоретического исследования были предприняты Н.Н. Пальмовым, рассмотревшим исторические влияния на сложение калмыцкой традиционной культуры. Создание краеведческого музея в г. Астрахани определило этнокультурное направление изучения истории калмыков (Пальмов, 1929). В пионерской практике музейного дела был создан каталог экспонатов, объединивший предметы традиционного быта и религиозного культа калмыков XIX века. Этнографическое изучение материальной культуры кочевых народов России отвечало в целом социально-экономическим и политическим потребностям государства XIX – первой трети XX вв.

К сожалению, в силу исторических обстоятельств собранный в додепортационный период музейный фонд калмыцкой традиционной культуры был почти полностью утрачен. Это во многом объясняет фрагментарный характер сохранившегося и дошедшего до нашего времени наследия. Сегодня его представляет экспозиционный материал, скомплектованный в постдепортационный период развития музейного дела в республике.

В Музее традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра, созданного в 1999 году, представлены изделия калмыков и ойратов, в основном, XX – начала XXI вв., поступившие из районов республики (Юстинский, Кетченеровский), а также из Западной Монголии (Улан Гом, Ховд, Булган) и Синьцзян-Уйгурского автономного региона Китая. Собранный в научно-поисковых экспедициях Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН по районам республики и в Западную Монголию материал ценен для изучения ремесел в обработке дерева и металла, кожи и ткани, и в частности, художественной обработки войлока (Батырева, 2007, с. 45–47). Коллекции Музея имени Зая-пандиты КалмНЦ РАН, немногочисленные, но ценные в плане реконструкции традиций народного искусства, представлены в учетной документации, системном описании поступивших экспонатов, каталожном материале. Аннотация предмета, дополняемая примечанием, содержит параметры музейного исследования материала (датировка, материал, размеры, сохранность и пр.) с описанием декоративного оформления – узорной композиции изделия (Музей калмыцкой традиционной культуры, 2016).

Рис. 1. Музей калмыцкой традиционной культуры им. Зая-панджиты

В изучении декоративно-прикладного наследия Калмыкии необходимо опереться на отечественные исследования искусствоведов Н.В. Кочешкова, Д.В. Сычева, И.И. Трошина, И. Г. Ковалева, С.Г. Батыревой (Кочешков, 1979; Сычёв, 1970; Трошин, 1968, 1970; Ковалёв, 1977; Батырева, 2006),

архитектора Д.Б. Пюрвеева ([Пюрвеев, 1975), историка В.А.Коренько (Коренько, 2002). Достаточно обширна в этом плане, в основном, описательная база художественных традиций ойратов и монголов (Амгалан, 2000; Батчуулун, 1999; Баасанхуу, 2006) в трудах исследователей Монголии.

Архетипическое как проблема мироощущения, познания, чувствования проецирует известные и неизвестные свойства человеческой природы. «Все это несет в себе эмоционально-познавательная основа художественного образа произведений прикладного искусства», – справедливо заключает искусствовед П.Гамзатова (Гамзатова, 2004, с. 2). Традиционное ремесло имеет несомненные признаки декоративно-прикладного искусства, связанного со сферой украшения предметов быта. Так, искусство войлока и ткани, кожи, дерева и металла фокусирует в изучении целый комплекс научных проблем: образное отражение ментальности народа, развитие этнических традиций и их влияние на современное искусство, изучение форм художественного мышления, и в частности, пространственного мировидения.

Этнокультурологический подход в его изучении, выработанные им классификационные принципы по месту бытования (так называемый ареальный метод), видам и типам предметов, во многом определил развитие искусствознания. Вместе с тем особенностью искусствоведческого подхода является анализ художественной стилистики и определение места произведений в системе духовной культуры народа, в контексте его эстетических воззрений. Рассматривая произведения прикладного творчества в единстве с комплексом этнографических и фольклорных явлений, важно выстроить междисциплинарную методологическую основу анализа художественного ремесла ойратов и калмыков.

В сочетании методов искусствознания, истории, этнологии и культурологии состоит музееведческое изучение предметов искусства. В призме этнических традиций художественной обработки рассматривается древняя символика орнамента, анализируемая в качестве духовного наследия калмыков России. Истоки его уходят в историю калмыков, дифференцируемую этнографом У.Эрдниевым на общемонгольский (II–I тыс. до н.э. – XII в.), ойратский (XIII–XVI вв.), собственно калмыцкий (нач. XVII–XX вв.) (Эрдниев, 1977, с. 9–11) периоды.

Общий для западных монголов и калмыков ойратский период представлен в многообразии этногенетических связей современных калмыков с племенами и народами Центральной Азии, Саяно-Алтая, Южной Сибири. Буферное положение ойратов в истории тюркских, маньчжурских и монгольских народов обусловило своеобразие их традиций, получивших дальнейшее развитие. Материально-хозяйственные основы наследия ойратов Западной Монголии дали начало формированию калмыцкой культуры в степях Прикаспия. Ремесленное производство калмыков оформляется в процессе этногенеза новой общности, получая развитие под влиянием этнокультурных связей с народами Южной Сибири, Саяно-Алтая, Прииртышья и Средней Азии, Поволжья и Северного Прикаспия, обусловленных миграцией ойратских племен из Центральной Азии. Имея древние истоки, ремесла в системе кочевого хозяйства калмыков обретают локальное своеобразие этнических традиций.

Изучение культурных ценностей материального и нематериального наследия кочевых народов востребовано в качестве ресурса духовного развития в условиях глобализации и интеграции мирового сообщества. Наблюдаемое сегодня обращение к самобытной культуре монгольских народов обусловлено пониманием перспектив развития общества, в котором традиции генетически предшествуют современному бытию. Исследование художественного наследия в русле смежных гуманитарных дисциплин, таких как этнокультурология, искусствознание и музееведение, позволяет выявить истоки и новые формы осмысления и интерпретации древних традиций. Немаловажную роль в их изучении имеет полевой материал, собираемый исследователями в научно-поисковой деятельности в районах бытования традиционной культуры.

Художественные традиции народных ремесел номадов являются одним из главных условий сохранения духовных ценностей, составляющих основу традиционной культуры. Культурное наследие номадов вбирает в себя древнейший опыт человечества по освоению природной среды, сконцентрировано в традициях народного прикладного творчества и является органичной частью отечественной и мировой культуры.

Ремесло играло важную роль в жизни калмыков, мелкое ручное домашнее производство было необходимым в условиях кочевого бытия. Об этом свидетельствуют данные архивных документов. В конце XVIII в. по распоряжению российской администрации начинается активный сбор сведений о всех аспектах хозяйства калмыков, в том числе и ремеслах. Согласно «Плану топографического описания о кочующем калмыцком народе в Астраханской губернии» (НА РК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 146–

147об.л.), составленному в 1784 г., приводятся сведения о ремеслах, распространенных в калмыцких улусах в этот период.

Ремесленные изделия широко использовались в хозяйстве, быту, военном деле. Основа ремесленного производства – скотоводство, которое как основной вид хозяйственной деятельности, являлось источником материалов (кожа, шерсть, кость) для многих видов калмыцких ремесел: валяние шерсти в изготовлении войлока, выделка и тиснение кожи, крой и декор одежды из кожи и войлока, выварка и обработка кости. В процессе обработки дерева изготавливались конструктивная основа жилища, деревянная утварь, мебель, посуда. Металл, занимавший в подвижном быту кочевников сравнительно небольшое в объеме место, использовался в изготовлении седел, конской упряжи, в декоре других бытовых предметов, ювелирных украшений. В традиционных ремеслах отражены не только уровень материального производства, но и духовная жизнь кочевников, связанная с художественной обработкой применяемых в хозяйстве традиционных материалов.

Обращаясь к *художественной* стороне ремесла, отметим, что производство предметов быта, как правило, сопровождается стремлением мастера их украсить. Это предполагает не только знания и умения их технического изготовления, передаваемые из поколения в поколение, но и воплощение автором художественных традиций, развитого в той или иной степени вкуса и эстетических воззрений. В творческой деятельности поколений мастеров создан орнаментальный декор изделий, составляющий этническое своеобразие декоративно-прикладного искусства народа. Таким образом, ремесло, имея материальную основу бытия, в то же время тесно связано с духовной, а именно – художественной культурой. В исследовании важно учитывать декоративную сторону этого явления, что позволяет характеризовать производство изделий традиционного быта как *художественное ремесло*, рассматриваемое в системе *народного декоративно-прикладного искусства*.

Духовность, связанная с традициями создания бытовой среды кочевого общества, находившегося в постоянном движении, реализовывалась в декоре предметов. Мастера художественной обработки традиционных материалов испокон веков занимались изготовлением и декором войлочных ковров, вышивкой на ткани и войлоке одежды, узорным тиснением на поверхности кожаных изделий, составляющих вкуче мягкую бытовую среду кочевников. В отличие от женского рукоделия мужские ремесла, как правило, связаны с изготовлением предметов из твердых материалов (металла, рога, кости, дерева и кожи) и их художественной обработкой. Так, резьбой по дереву занимались мастера, изготовлявшие мебель, кухонную утварь и деревянные части жилища и культовых сооружений. Кузнецы-медники и мастера серебряных дел использовали технику литья, чеканки и чернения в воспроизведении деталей конской и верблюжьей сбруи, ювелирных украшений. Кожевенных дел мастера изготавливали сосуды для кумыса, воды и молочной водки, переметные сумы и мешки для одежды, продуктов питания и других хозяйственных нужд, покрывая предметы тисненым и апплицированным орнаментом. Традиционными приемами народного прикладного производства пользовались поколения мастеров, начиная с изготовления войлочного сборно-разборного жилища и кончая его разнообразным предметным убранством (Батырева 2006: 18–20).

Натуральное хозяйство калмыков, его подвижность в степных просторах Прикаспия обусловлены ведением пастбищного скотоводства в условиях засушливого климата, кочевым и полуседлым образом жизни. Домашнее производство, виды и формы ремесла были направлены на удовлетворение хозяйственных нужд, изготовление предметов быта, одежды и убранства жилища. Разнообразие занятий номадов-животноводов, в том числе процесс войлоковаления, красочно запечатлены в живописи на кожаном панно (ЖВ–21/ КП–701), переданном в дар Музею имени Зая-пандиты Обществом «Тод номын герл» (Монголия).

Калмыцкое ремесленное производство в статистике XVIII – XIX вв. свидетельствует о достаточно высоком уровне развития обработки традиционных материалов скотоводческого хозяйства. Среду мастеровых людей составляли оружейщики, деревянщики, кожевенщики и ювелиры, чье искусство необходимо в изготовлении металлических украшений. Виды женского рукоделия в создании мягкой бытовой среды в статистике прошлого времени не всегда указываются. Вместе с тем надо отметить, что приводимое в архивных данных деление достаточно условно, поскольку нередко один и тот же ремесленник в силу профессиональных качеств и материальных возможностей производства, мог заниматься несколькими видами ремесла.

Особо отметим мастерство изготовления оружия в доблестный воинский период калмыцкой истории. Необходимость в вооружении калмыцкого войска, защищавшего южные рубежи российского отечества, была одной из причин развития кузнечного ремесла, материальной основы в создании разнообразного металлического оружия – от холодного до огнестрельного (дротики, сабли, ножи и штыки, ружья).

В отечественных архивных материалах XIX – начала XX вв. нет подробного описания того или иного ремесла, в большинстве своем они представляют собой сводки статистических данных о хозяйстве и традиционном укладе номадов. Анализируя фактологический «профиль» статистики того времени, приходим к выводу о недостаточности архивных сведений, чтобы представить в целом ремесла калмыков. В предпринимаемом описании и характеристике ремесленного производства опираемся на материал музейных собраний в привлечении данных отечественных и зарубежных научных исследований.

Те или иные изделия традиционного быта производились, в основном, на заказ или на рынок, а не только для потребления в собственном хозяйстве. С последним более связано домашнее производство, к которому относится изготовление основополагающих материалов – войлока и кожи, а также ткани, предметов из них, шитье одежды, удовлетворявшие потребностям кочевников в быту и хозяйстве. Дополним, промысел, как правило, предполагает общедоступное и обязательное занятие для всех членов общины, в целом не требующее владения профессиональными «секретами», а также особого художественного вкуса и, возможно, специального инструментария для ремесленного производства.

Вместе с тем в среде калмыков можно было выделить профессиональных ремесленников, которые работали на заказ или на рынок, почти не занимаясь другими видами деятельности. Так, в середине XIX в. П. Небольсин писал, что во всех улусах есть «живописцы, лепщики, большею частью из гелюнгговъ, занимающихся изготовлением священных для калмыков изображений; мастерства экипажное, мебельное, оружейное, литейное, токарное, плотничное, слесарное, кузнечное имеют тоже везде своих представителей; в улусах есть мастера золотых и серебряных дел, портные, портнихи, вязальщицы, басонщицы, сапожники и сапожницы, скорняки и пр.» (Небольсин, 1852, с. 108). В этих фактах для нас важно отметить преемственность традиций ремесел и их востребованность за пределами кочевого хозяйства калмыков. В целом развитие ремесел кочевников обусловлено природными условиями, наличием сырья, уровнем развития производительных сил, состоянием и формами ведения скотоводческого хозяйства» (Бадмаев, 1997, с. 4). Ремесленное производство и народные промыслы – необходимая отрасль натурального хозяйства номадов.

Традициями обусловлен подвижный уклад жизни скотоводов, создавших переносные войлочные жилища, мобильные средства и способы передвижения, одежду свободного покроя и особый тип утвари – кожаной и деревянной, наиболее целесообразной в кочевом быту. Динамика бытия воплощалась в полуоседлой и оседлой формах хозяйствования, что содействовало формированию ремесленных центров в селениях, как передвижных, так и стационарных. В отчете Управления калмыцким народом за 1868 г., в отличие от ранних сводок, отмечавших наличие ремесленного производства по всей территории Калмыцкой степи, указывается, что во второй половине XIX века, оно сосредоточивается, в основном, в двух улусах: Малодербетовском и Хошеутовском (НА РК. Ф.9. Оп.7. Д. 1937. Л. 29), что свидетельствует о сокращении ремесленного производства, объяснимого условиями вынужденного перехода кочевников на оседлый образ жизни.

В нашем обзоре традиционных художественных ремесел калмыков XIX - начала XX вв., к сожалению, большей частью ушедших в прошлое, важно подчеркнуть значимость материальной культуры, сохраняющейся в музейных коллекциях. Одной из них располагает Музей традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН, в опыте историко-культурной реконструкции наследия номадов представивший раздел постоянной экспозиции.

Литература

Амгалан Мишигдоржийн. Баруун монголчуудын эдийн соелын дурсгалт зүйлс. Улаан Баатар: «Монсудар» хэвлэлийн газраас эрхлэн гаргав. 2000. 212 с.

Баасанхуу Б.А. Монгол Алтайн бус нутгийн ард түмний эдийн соел. Material culture of Mongol Altai region. Улаанбаатар: Монгол Алтай Судлалын Хурээлэн, 2006. – 228 с. Зургаа. Эсгий эдлэл. VI felt goods.

Бадмаев А.А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Отв. ред., д.и.н. П.А. Алексеев. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с. http://www.philosophy.nsc.ru/journals/humscience/3_98/17_BADM.HTM

Батчулуун Лунтенгийн. Монгол эсгий ширмэлийн урлаг. Улаанбаатар хот: Интерпресс, 1999. 499 с.

Батырева С.Г. Из опыта создания Музея калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты КИГИ РАН // Альманах-2002. Музей Российской Академии наук. М: Наука, 2004. С.165-172.

Батырева С.Г. Музей традиционной культуры в системе науки и образования. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 184 с. (илл.).

Батырева С.Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX–начала XX вв. Элиста: АОр “НПП “Джангар”, 2006. 160 с.: ил.

- Гамзатова П. Р. Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве. К проблеме культурного архетипа. М.: Едиториал УРСС. 2004. 144 с.
- Дарбакова В.П. Традиционные домашние промыслы и ремесла монгольских народов МНР: Дис. ... канд. ист. наук. М. 1968. С. 32-38.
- Документы Министерства культуры Российской Федерации. Постановление Правительства от 03 марта 2012 года N 186 «О федеральной целевой программе "Культура России» (2012 – 2018 годы).
- Ковалев И.Г. Калмыцкий народный орнамент. Элиста: Калм.кн. изд., 1970. 137 с.
- Коренько В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль / Культура народов Востока: материалы и исследования. М.: Вост. литература. 2002. 327 с.: ил.
- Кочешков Н.В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX – середины XX вв. Отв. ред. С.В. Иванов. М.: Наука, 1979. 206 с.
- Митиров А.Г. О цветовой семантике орнамента монгольских народов // Этнография и фольклор монгольских народов. Отв.ред. Митиров А.Г. Элиста, 1981. С. 90–100.
- Музей калмыцкой традиционной культуры имени Зая-пандиты. Путеводитель [Текст] / Батырева С.Г., Батырева К.П., Манхадыхова Е.Н. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 108 с. (илл).
- НА РК. Ф.9. Оп.7. Д. 1937. Л. 29
- НА РК. Р–145, оп. 1, ед. хр. 375; Р–145, оп. 1, ед. хр. 218
- Небольсин П. Н. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. Изображение тамог. СПб.: Типография Карла Крайя, 1852 [4]. 192 с., 1 л. илл., 1 л. карт.
- Пальмов Н.Н. О калмыцких ремеслах // Калмыцкая степь. Астрахань. 1929. № 4-6. С. 64-75.
- Пюрвеев Д.Б. Орнамент кочевых народов // Декоративное искусство СССР, 1971, № 8. С. 44-47.
- Пюрвеев Д.Б. Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат. 1975. С.35.
- Сычев Д.В. Хальмг улсин эрдм. Альбом. Элиста: Министерство культуры Калмыцкой АССР. 1970. 111 с.
- Трошин И.И. Искусство калмыцкой вышивки // Альманах "Теегин герл". 1968. № 2. С.36-41.
- Трошин И.И. Очерки изобразительного искусства Калмыкии. Волгоград. 1970.
- Эрдниев У.Э. Эрдниев У.Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. – Элиста: Калмиздат (Калм. кн. изд.), 1970. 312 с. (3-е изд. перераб. и доп. 1985. 282 с.).
- Эрдниев У.Э. К вопросу этнической периодизации истории ойратов // Культура и быт калмыков. Этнографические исследования. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 3–16.

S.G. Batyreva

**APPLIED ART OF KALMYKS:
MATERIALS OF MUSEUM COLLECTIONS OF RUSSIA**

Kalmyk applied art is a concentrate of artistic traditions, peculiarly synthesized in the prism of ethnic outlook. It carries the historical artistic experience of exploring the world of nomadic herders. The centuries-old traditions have honed the functional essence of the works in the expediency of the form and decor of objects that make up the nomad's material environment. Traditional craft acquired its original features in the process of ethnogenesis of Kalmyks, which took place far beyond the borders of the Mongolian world. The ethnic originality of Kalmyk culture is represented by museum collections in Russia.

Э.Т. Жанысбекова

Центральный государственный музей РК

г. Алматы, Казахстан

E-mail: ezhanysbekova010@gmail.com

**ТЮРКСКАЯ И СЛАВЯНСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ОБРАЗОВ-АРХЕТИПОВ ВОЛКА И СОБАКИ
(на примере рассказа Б. Джилкибаева «Синий волк»)**

Казахстанская реальность периода обретения независимости (1990–2016 гг.) актуализировала обращение в литературе и культуре к национальным корням, мифологии и фольклору как истокам и образцам национальной идентичности. Мифологический генетизм (тотемное сознание, зооморфная и хтоническая мифология, мышление архетипами и ритуальное мышление) оказались в фокусе казахстанского литературного неомифологизма, так как в периоды глобальных политических и идеологических трансформаций, как правило, становятся востребованными наиболее архаические формы культурогенеза. Типичный возврат к архаическому синдрому (комплексу архаических представлений, культурных и этностереотипов) можно наблюдать в современном казахстанском

литературном процессе. С момента распада СССР в казахстанской культуре и литературе идет активный процесс самоидентификации, актуализирующий миф первотворения, сюжет инициации этноса, тотемных персонажей и целый ряд первообразов, восходящих к мифологической интерпретации происхождения казахского народа.

Правополушарность восточного способа мышления (Иванов, 1983, с.5) обуславливает в первую очередь актуализацию пространственной композиции казахского этнотекста. Так как «дейксис восприятия (ориентация в пространстве), связан с эмоциональной сферой и принадлежит деятельности правого полушария» (Сафронова, Нурбаева, 2015, с. 134), эмоции, к которым апеллирует казахский художественный текст, актуализируют пространственные образы. «Пространственность доминирует в картине мираномада и восточном типе сознания вообще» (Сафронова, Нурбаева, 2015, с. 135), поэтому и в картине мира современного казахстанского художественного слова архетипы дороги, дома (антитеза города/села), степи и др., нередко являются «ядерными» - т. е. сюжетообразующими, организуют композиционный каркас и идейное ядро текста в целом.

Так, апелляцию к тотемной мифологии с одновременной актуализацией пространственных границ новой казахской государственности можно обнаружить в творчестве БерикаДжилкибаева, в частности, в его новелле «Синий волк», где наблюдается членение первичного качества тотема-предка в новые дискретные образы персонажей советской реальности. Автор связывает появление своей этнической группы как социального сверхорганизма с проникновением в плоть современного героя некоего трансперсонального качества их предка. Отождествление с тотемным предком — синим волком, фигуральным отцом казахского народа, происходит в особом святом для казахского народа локусе (пространстве), то есть типично для мифологического мышления территориально обусловлено. Современный тотемизм не только транспортирует в наше время героическое прошлое этноса, но и обращен к его славному будущему, являясь как бы источником бессмертия казахского этноса. Социальные различия и моральные качества персонажей Б. Джилкибаева также идентифицируются на основе пространственно-географической антитезы города и села.

Метод исследования. При помощи сравнительно-сопоставительного анализа выявляются общие и специфические черты воспроизведения мифологических элементов. Посредством историко-типологического метода исследуются закономерности трансформации мифа в изучаемых современных текстах. Для обобщающего анализа архетипов, мифологем, мифем и мифологических мотивов и их сведения в единую систему представлений казахстанских авторов используется мозаичная методология классификации мифологизма, включающая, наряду с генетическим, образноассоциативный, структурный методы, а также метод психоаналитического литературоведения.

Образ-тотем волка в Тенгрианстве

До сих пор полной и стройной картины этимологии сущности тенгрианства в научной среде нет. Истоки тенгрианства исследователи находят в хуннускомченли («небо»), в шумерском Дингир («небо»), в китайском Тянь и др. Как вероучение тенгрианство оформилось в более или менее целостную концепцию, когда сформировалась учение о едином божестве, космология (концепция трех миров), развернутая мифология и демонология (различение духов-предков от духов природы), то есть примерно к XII-XIII вв. Культ Тенгри представляет собой культ Голубого неба – Вечного неба – небесного Духа-хозяина, местом постоянного обитания которого является небо (Бичурин, 1950, с.105). По словам Л.Д. Шайдуллиной, «Тенгри-хан мыслился как Бог космических масштабов, как единый всезнающий, правосудный, благодетельный. Он распоряжался судьбами человека, народа, государства. Он – творец мира, и Он сам есть мир. Ему подчинялось все в Мироздании, в том числе все небожители, духи и, конечно, люди» (Шайдуллина, Тенгрианство – религия тюрков // www.neonomad.kz/history/h_kaz/index.php?ELEMENT_ID=4120).

Тюрки глубоко почитали предков, у них был «культ предков-героев, прославившихся своими подвигами на поле брани» или творениями, материальными и духовными, которые возвеличили имя тюрков. «Тюрки верили, что, кроме физического питания тела, необходимо питать и душу. Одним из источников энергии души был дух предков. Считалось, где жил и творил Герой, там и после смерти его дух мог оказывать постоянную защиту и помощь своим сородичам и народу. Славным предкам тюрки устанавливали каменные памятники, на плитах выбивались слова о подвиге и обращение к потомкам. Памятник был местом встречи между людьми и духом предка. Во время памятных жертвоприношений, молений, иногда в государственном масштабе, дух предка находил в памятнике временное пристанище, остальное время он обитал на Небе. Каменные памятники в древние времена стояли от Алтая до Дуная и были разрушены в средние века после принятия тюрками мировых религий. Важной особенностью тенгрианства являлось выделение трех зон Вселенной: небесной, земной и подземной, каждая из которых, в свою очередь, воспринималась как видимая и невидимая»

Почитание предков у тюрков (и монголов) нашло выражение в их тотемическом отношении к Волку – предку Бозкурту, гаранту бессмертия тюркского народа, посланному Великим Тенгри, о чем символизирует небесно-синий цвет шерсти Бозкурта.

Как считали древние тюрки, их предки спустились с Неба вместе с «Небесным волком» – небесным существом, духом-покровителем, духом-предком (Бичурин, 1950, с.98). «Верования, связанные с Бозкуртом, в мифологических текстах тюрков делятся на три части: вера в Бозкурта как отца, основателя рода; вера в Бозкурта как вождя и вера в Бозкурта как спасителя. Предок-Бозкурт являлся не случайно в те исторические моменты, когда тюркский народ находился на грани вымирания, и всякий раз Он стоял у истоков его возрождения. Бозкурт - незаменимый воитель, вождь, выведивший тюрков на путь боевых побед в периоды, когда бурлила их национальная жизнь и совершались великие походы» (Делорман, 1990, с. 89). «Золотая волчья голова красовалась на тюркских победоносных знаменах» (Бичурин, 1950, с. 229), возбуждая ужас и страх перед ним у противника.

Как пишет Л.Д. Шайдуллина, тюрки почитали волка как лидера среди зверей, как самоотверженного, преданного друга, очень умное существо. Волк в тюркском представлении бесстрашен, свободолюбив, «не поддается дрессировке и этим отличается от служивых собак и подлых шакалов». «Волк - санитар леса, когда Духу Неба и Земли становилось невмозготу, и они нуждались в очищении, тогда среди тюрков рождались небесные люди и Бозкурты, которые своим поведением и примером направляли за собой тюркский мир» (Шайдуллина).

По мысли Л.Д. **Шайдуллиной**, в имени Бозкурта «боз» означает «сивый», а «курт» – «волк», видимо, синий цвет его шкуры привел древних к его отождествлению с Тенгри. Но, кроме того, у древних тюрков была легенда о происхождении тюрков от волчицы, пригравшей последнего воина, исчезающего племени. По этой легенде некое племя было почти поголовно истреблено врагами. Остался только один мальчик, которому отрубили руки и ноги и, искалеченного, оставили умирать мучительной смертью. Но ночью к нему пришла сивая волчица и, зализав ему раны, стала жить с ним, и от них-то и пошли первые тюрки. По другой легенде, один тюркский хан так любил свою дочь, что не хотел выдавать ее замуж. С этой целью он запер ее в неприступной высокой башне. Однако к ней однажды поднялся сивый волк, и она от него забеременела. В «Огуз-наме» огузское войско ведет в поход не Огуз-хан, а Сивый Волк. Возможно, это остатки тотемистических представлений, но поднимаясь все выше в ценностном статусе, Волк становится Тенгри, а тотемизм превращается в тенгрианство. У тюрков есть также выражение: «Лицо Волка благословенно». Это говорит о тюрках как о «малом человечестве», подражающем еще животному миру и соприродному с ним.

Но можно сказать и иначе, что мышление тюрков архетипично, что ими двигала искренняя жажда жизни и доверие к своим инстинктам. Так, прежде чем прирезать барана, говорили: «Ты ни в чем не виновен, но я очень голоден». В этом тюрки подражали волкам, ибо считали их самыми благородными хищниками, не убивающими без нужды, но и не дающими себя в обиду. Им нравилась также в волках их коллективизм, сплоченность в единую стаю.

Древние тюрки представляли волка как положительный образ: это был символический образ высшего существа в тюркском мире, самодостаточного, смелого, свободного, дерущегося с противником либо до победы, либо до смерти. Волк в тенгрианстве символизирует СуперЭго, высокую нравственность, образец, идеал справедливости. В своей стае волк всегда защитит более слабого. Это поистине отцовский образ-тотем в тюркском мире.

Сказания о священном волке, как считает академик В.А. Гордлевский, «занесли» в древнюю Европу именно тюркские племена (Гордлевский, 1968, с. 404). Но через некоторое время европейские народы начали интерпретировать «человеческое» и «волчье» как противостояние. Ведь волки нападали на их становья, уничтожали их скот. Волк в ярости неукротим, как наказание божье. Среди тюркских племен волк, преобразовался в идею Бога, этим богом стал Тенгри – бог Неба, или Бог-Небо. Именно в эту эпоху и появилась выражение: «Если над псом есть хозяин, то над Волком – Тенгри!». Культ Волка в сознании тюрка претерпел существенную эволюцию, постепенно из повелевающего превращаясь в укрощаемое, из соприродного архетипа – в нечто изживаемое. Тем не менее, коннотация положительного и даже священного за образом Волка осталась в тюркских народах навсегда.

Как известно, в русской и – шире – славянской культуре всегда существовал некий мировоззренческий микс устных преданий, наследия языческого прошлого, ветхозаветных и апокрифических представлений, Христианства, влияний чужой культуры и религий, практического опыта поколений предков. Из этого синтеза постепенно выкристаллизовывалось специфическое отношение русского человека к матери-земле, природе, домашним и диким животным. С древнейших

времен собака на Руси почиталась как друг и охранник границ дома. Это было не только домашнее животное, но и сказочный помощник, преданный и верный друг – в доме, на охоте, в дороге, спутник в прохождении инициации.

В русском фольклоре практически все сказочные образы собак положительные. Их предназначение – спасать иницируемого, поддерживать в трудную минуту, во всем помогать, а также – предвидеть события будущего. Мотив собаки-предсказательницы есть в русских и славянских сказках практически повсеместно. В таких сказках, как «Дочь и падчерица», «Морозко», «Девушка в колоде», где описывается жестокое отношение мачехи к падчерице и ее старание избавиться от неродного ребенка, собака помогает жертве и предсказывает хороший для нее конец истории (собака вещает, кто из дочерей придет из лесу с подарками, а кто с пустыми руками: «Старикову дочь в злате-серебре везут, а старухину замуж не берут»).

Другой славянский мифологический мотив в образе собаки – ее способность ощущать присутствие нечистой силы и всячески оберегать от нее хозяина. Так, в сказке «Леший» собака охотника чувствует нечистую силу, предостерегает хозяина. Этими же сакральными способностями в русском и славянском мифе-фольклоре обладает и собака Двоглазка или Четырехглазка, которая «всюду высматривает разную нечисть, где бы она не схоронилась» (Березкин). В фольклоре других народов, живших на границе со славянами (македонцы, тувинцы, чуваша, коми, нивхи и др.) из-за этой своей способности собака даже сама считалась нечистым и опасным существом. Сербь, македонцы, русские считали, что собаки-двоглазки (с белыми пятнами над глазами) могут распознавать ведьм и вампиров, у чувашей было поверье, что собаки-двоглазки могли отгонять злых духов. Нивхи верили, что в таких собак переселяются души умерших (Березкин). Подтверждение этому и сказочный пес Ярчук из русского фольклора. С волчьим зубом в пасти он преследует чертей и ведьм и имеет все те же функции, что вышеперечисленные собаки-двоглазки.

В большинстве русских сказок собаки являются помощниками и охранителями героя, проходящего инициацию. В сказке про Кощея Бессмертного собака, встреченная Иваном-царевичем, добывает для него иглу с кощеевой смертью. Собаки Тяжелый и Легкий, полученные героем в дар от невесты, служат ему верой и правдой и защищают от беды в сказке «Притворная болезнь».

Собака показывает дорогу в недостижимый город Ничто из сказки «Пойди туда – не знаю куда» и тоже помогает главному герою. Собакой оборачивается Иван из сказки «Хитрая наука». В сказке «Незнайко» описывается преданность и готовность собаки пожертвовать собой ради хозяина: пес Ивана специально первым переступает заколдованный порог, чтобы спасти от смерти хозяина и погибает сам.

В сказке «Волк и собака» (или «Медведь и собака» в других вариантах) собака тоже ведет себя благородно, отвечая добром на добро. Собаку выгнали из дома за проступок, в лесу она встречается с волком, который подсказывает ей как вернуть любовь хозяина. Вернувшись домой, собака не забывает отблагодарить волка, приглашает его на свадьбу и кормит до отвала. Так подчеркивается ценность незаменимости собаки как защитника и помощника.

Дружба человека и собаки насчитывает более пятнадцати тысяч лет. Подчинение собаки воле человека положило начало приручению диких животных человеком. И в этой работе одомашнивания других животных собака была не только спутником человека, но и помощником. Она защищала от нападения хищников прирученных овец, коз, коров, охраняла жилище и подворье, лаем предупреждала о приближении врага, помогала в ловле зайцев, сусликов и прочих мелких зверей. С тех пор как человек осознал себя разумным существом, из всего животного мира он избрал себе спутником собаку.

Для сравнения приведем пример об этом и из казахского мифа: «<...> Аллах создал человека из глины, приставил собаку охранять его, а сам отлучился за душой. В это время пришел джинн и задумал разрушить глиняную статую человека. Но собака его не подпустила. Джинн рассердился и напустил холода. На заре творения собака была голой, без шерсти и вмиг заледенела. Джинн подскочил к человеку и несколько раз плюнул в него. Вот через эти плевки род человеческий и получил напасты, болезни и страдания. Вернулся Аллах, вдохнул в человека душу и выругал джинна за содеянное. Однако болезни и напасты человеку остались, ибо теперь, в земной жизни, они ему были нужны. А собаку Творец наградил за верную службу теплым мехом...».

В период, когда человек только начинал свою деятельность в природе, первым из животных он выбрал себе в друзья собаку. Эту легенду о том, что при акте творения Богом человека присутствовала собака, в конце XIX века записал из уст казахов русский востоковед А.Е. Алекторов (Алекторов, 1994, с.56).

Как видно из вышеприведенного обзора, собака как сказочный персонаж в славянской фольклорной традиции оказывается высоконравственным, сугубо положительным образом. Это, по сути, архетип друга и помощника, в глубине которого таились осколки родительских образов-защитников. «Безыскусный и ясный образ этого замечательного животного, наделенного многими добродетелями и положительными чертами, вопреки всему поднимается выше многих религиозных и культурных условностей, которые в течение долгих веков прививались русскому народу» (Чернова). Однако собака в славянской мифо-фольклорной традиции - это только помощник героя, либо обратная сторона бога – дьявольские силы. А волк в тенгрианстве – образ, соизмеримый с Богом.

Образ собаки амбивалентен, как и образ волка. В работе «Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца» Г.Д. Гачев, анализируя повести Ч. Айтматова, отождествляет собаку и волка: «А что есть пес? Это “а серый волк ей верно служит”, т.е. прирученная хищность природы, обращенная на службу-дружбу и любовь к человеку. Это его торжество над хищностью: превратить ее из вражды – в предельную преданность, так что “верный, как пес, как собака” уж притчей во языках стало: “собака – друг человека”. Пес – это привязанность, абсолютное доверие, отсутствие своей воли. А ведь превратная воля — начало сатанинства, и оно тоже образом пса знаменуется <...> Пес есть бес и пасть-смерть на службе-дружбе к человеку жизни. Главное в нем: пасть-клыки (= смерть, казнь, ад) на ногах-скоростях <...>» (Гачев, 1999, с.116).

Что касается отношения к волку в русском фольклоре, то и оно амбивалентное. «В славянской мифологии оборотень (волкодлак, волколак, вовкулак) соединил в себе черты фольклорного образа и заимствования из представлений о христианской демонологии. В отличие от мифологии народов Европы у славян оборотень изначально был положительным персонажем и факт оборотничества воспринимался как нормальное явление. Практика оборотничества была настолько распространена среди славянских племен, что Геродот описывает ежегодное превращение невров (славянское племя, предположительно обитавшее на территории Белоруссии) на несколько дней в волков, как что-то само собой разумеющееся. А славянский героический эпос вообще характеризует главного героя-оборотня как существо божественного происхождения. С принятием христианства все прежние божества были низвергнуты и объявлены демонами» (Гачев, 1999, с. 256).

Эту антитечность и амбивалентность образов собаки и волка в полной мере раскрывает Б. Джилкибаев: «Волк, деструктивная «машина войны» (Сафронова, 2011, с.56), противопоставлен в «Казахском эротическом романе» законопослушным воинам-псам, представляющим западную, в том числе и русскую, централизованные, земледельческие цивилизации» (Сафронова, 2011, с.57), являющимися одновременно и архетипами, и тотемами.

Архетипические образы собаки и волка в интерпретации Б. Джилкибаева

Берик Магисович Джилкибаев течение многих лет занимался изучением и преподаванием фольклора ВКазНУ им. Аль-Фараби. Кроме того, он оригинальный писатель, переводчик. Его прозу и переводы печатали журналы «Простор», «Айт», «Книголюб», альманах «Литературная Алма-Ата» и российский журнал «Дружба народов». Б. Джилкибаев – известный ученый-филолог, профессор, и, может, потому герои его романа тоже филологи: лингвисты, фольклористы, работающие со словом, поскольку он лучше всего знает эту среду. Беседы, которые они по временам ведут, чрезвычайно интересны, иногда спорны, но в рамках времени написания романа – 90-х гг. XX века – это вполне актуально и понятно. Это был период «перехода», обостренных поисков самоидентичности казахского народа (Харламова, 2014, с. 58).

В его «Казахском эротическом романе», где эротика практически нет (название – всего лишь дань популяризации), но есть обращение к казахским заветным сказкам, мифам и легендам, много научных рассуждений, например, о менталитете человеко-волков и человеко-собак, о природе власти, об эротической культуре Востока и Запада и о многих других философских вопросах. Это роман, по сути, аналогичный мифу, в котором разворачивается сюжет первотворения, инициации казахского этноса на основе его самоидентификации. Как пишет А. Харламова, «архетипическая ситуация инициации героя/героини является обязательным элементом в развитии сюжета как мифологического, фольклорного, так и художественного произведения. «Казахский эротический роман» Берика Джилкибаева композиционно напоминает волшебную сказку, миф и драму, что обусловлено онтогенетической связью романного жанра с героическим эпосом и фольклором» (Харламова, 2014, с. 21).

Б. Джилкибаев во вставной новелле «Синий волк» сопоставляет архетипические образы волка и собаки и специфику национального, регионального восприятия волка и собаки: как интерпретирует образ волка русский народ; каково символическое содержание этого образа для казахов? Он дает многогранную архетипическую характеристику волку, несколько парадоксальную, потому что волк у

него одновременно и «плохой», и «хороший» персонаж. В русской перекрестной рецепции автор иллюстрирует три значения архетипа волка – Серый «...разбойник, посещавший овчарни, нападавший на овечьи стада», лесной Бирюк «...одиноким, избегавший общества, живший непонятной ночной жизнью», и в противопоставление волкам-разбойникам даются положительные образы волков, отраженных в поэзии А. Пушкина: «Царевна там в темнице, тужит, а Бурый волк ей верно служит». Эту рецепцию автора поддерживает и образ волка на картине Васнецова, где изображен серый волк, который несет по темному лесу, везя на себе Иванушку и красную девицу, и, по существу, является субститутом образа коня-помощника. Но, как говорит сам автор, в русском фольклоре «попытки реабилитировать зверя вытесняются образом глупого, жадного битого волка, который везет «небитую Лису Патрикеевну» (Джилкибаев, 2009, с. 228).

«Как волка ни корми - он все в лес смотрит», «его не приручить, добром к нему не подступишься, на мировую с волком нужно идти, только «снявши шкуру с него долой». Много, очень много плохого, отрицательного накопилось в характеристиках волка в русском фольклоре (Джилкибаев, 2009, с. 78), – констатирует казахстанский писатель символическую русскую рецепцию свободолюбивых, не подчиненных «русскому центру» народов в целом.

Собака, по мысли Б. Джилкибаева, тоже очень значимый архетип для казахов, но с противоположным, негативным значением. Писатель видит ее «привешуюся и сросшуюся с людским сознанием» дружелюбность и преданность человеку в негативном свете. Если «волк не может быть в неволе, то собака не может быть на воле», - замечает автор. «Собака в лес не смотрит. Собаке нужна кормежка. Хороший хозяин знает, когда надо кормить собаку в охотничью пору. Ценность собаки – в ее преданной службе, послушании, готовности положить свою собачью голову за своего хозяина. <...> Беда собаки – оказаться на воле» (Джилкибаев, 2009, с. 89).

Собаки управляемы, ведь человек уже давно изучил все их слабости, одна из которых – кость. «Веками выработана у собаки потребность служить человеку. Такой потребности у волка нет» (Джилкибаев, 2009, с. 76). Эта фраза ставит все на свои места, разграничивая дикую свободу волка и домашнюю зависимость собаки, не отрицая их мощного противостояния друг другу. По сути, здесь Джилкибаев обращается к архетипической силе обобщения этих образов, художественно со- и противопоставляя восточные и западные народы, казахов и русских, тюрков и славянские народы, кочевников и земледельцев, так как позиционирует волка и собаку как их тотемы. Для русского этноса волк – архетип, для тюрков – тотем. Для тюрков собака - тотем русского народа, в для русских собака - только архетип.

Неприятие автора вызывает неудавшийся, по его мнению, образ-конгломерат советского плавильного котла народов, искусственно соединившего и невилировавшего национальную специфику как казахов, так и русских. Собако-волки и волко-собаки – люди-оборотни («человек советский» – вот кто подвергается суровой писательской критике).

«Столкновения «волчьей» и «собачьей» психологий, яростное противостояние и противоборство этих стихий породили чудовищные формы не только экстремального проявления этих психологий, но и промежуточные формы, в которых выросли «человеко-волки», «человеко-собаки» и «собаки-волки», «волки-собаки». Особенно фантастическими были последние формы обществ, где двойственная психология, совмещающая в одном общественном организме черты «волчьей» и «собачьей» психологии, миропонимания и мироощущения, создавала такой тип человека, который превосходил по своей собачьей сущности любого пса и в то же время своим волчьим менталитетом представал не просто волком, но суперволком» (Джилкибаев, 2009, с. 126). «Эти общества-гибриды, эти люди-«оборотни» сыграли в истории Евразии такую роль, которая еще не раскрыта историками и последствия которой мы еще долго будем ощущать на "своей шкуре» (Джилкибаев, 2009, с. 134).

«Волчья стайная утопия, идеализация символического «Дикого поля», противопоставленная территориально привязанной поведенческой структуре «псов», определяет в романе Б. Джилкибаева и изначально подозрительное отношение казахского этноса к городу, колыбели европейской цивилизации. Город, великий плавильный котел, где встречаются элементы традиционной социальной организации с элементами «волчьей» агрессивности и инициативности, порождает феномен «оборотничества», «собак с волчьим билетом», типичный для архаической модели инициации. В оборотничестве проявляется исходная амбивалентность песье/волчьего статуса» (Харламова, 2014, с. 65).

«Первая глава романа «Синий волк» рассказывает о непростой судьбе молодого преподавателя, исследователя-фольклориста Ислама Елемесова, жившего в период культивирования личности Сталина. Испытания в жизни героя начинаются с задания майора Усена Каримовича перевести рукописи убитого писателя-отшельника на арабском языке, которые Джилкибаев соотносит с

«Заветными сказками» Афанасьева и новеллами «Декамерона» Бокаччо – литературой для советской эпохи невысказанной и запретной» (Харламова, 2014, с. 21). Еще очень важен для романного повествования Б. Джилкибаева момент, когда Юнус спрашивает у Зауре о ее предпочтении собаки или волка. Она – казашка, а, следовательно, она – потомок тюрков, и, естественно, в ее жилах течет эта «тенгрианская волчья кровь». Конечно, она отдает предпочтение волкам, поддерживая свой выбор всей своей судьбой и судьбой своего знаменитого рода: «...мы, казахи, вышли из волчьего племени, произошли от Көк бөрі, Синего Небесного Волка. Кровь имеет немаловажное значение. Из этого даже сложился родственный принцип, который, кстати, движет всем в нашей стране». «Архетипический образ волка несет в себе символику деструктивного, хаотического начала. Он — и злая сила, и неподкупный страж, все это черты, свойственные характеру Зауре, владеющей колдовскими чарами и даром ясновидения. Она охраняет Ислама и спасает от тюрьмы» (Харламова, 2014, с. 21).

Этнос, особенно казахский, объединяют уже не только территориальные признаки: «Голос крови – голос волчьей природы – сплывает людей по семейным, родовым, клановым признакам» (Джилкибаев, 2009, с. 56). Современные кочевники также нередко объединяются в очень крепкие сообщества по родоплеменной принадлежности. На востоке принадлежность к родовому клану является вопросом первостепенной важности, определяющей характерные качества индивида. «Это своего рода пароль. <...> Это путевка в жизнь среди "своих", вход во "врата возможностей". Если ты «свой», то дорога «в люди» тебе открыта, если «чужак» - поворачивай оглобли...» (Джилкибаев, 2009, с. 80).

«Евразийская этнополитическая ментальность веками шла в противопоставленности двух ключевых фигур – собаки и волка. Крайние проявления этой противопоставленности - кочевой образ жизни, постоянная смена территории, постоянное ожидание столкновений, нападений, захватнических намерений, неизвестно откуда могущих появиться врагов и готовность к экспансии, когда для этого представится возможность» (Джилкибаев, 2009, с. 78).

Автор умело оперирует антитезой, аллегориями, персонифицируя собак и волков, олицетворяя оборотней, сравнивая их с советским обществом, противопоставляя Запад и Восток. «Особая тема – собаки, подделывающиеся под волков, и волки в собачьих шкурах. Это тема оборотней. "Оборотни" днем выглядят собаками, а ночью это свирепые волки. Понятия "день" и "ночь" здесь приводятся в расширительном значении. Оборотни, подделывающиеся под "собак" и "волков", в конечном счете предстают в своем истинном уродливом виде, в омерзительном двуличии, подлой посредственности, ничего хорошего не предвещающей народам, которыми им по воле шального случая выпала карта "рулить"» (Джилкибаев, 2009, с. 81).

Так и советские чиновники сталинской эпохи, изображающие «добрые намеренья», как бы великодушно оказывающие услугу, бескорыстную помощь, за маской своего лицемерия оказываются шакалами (помесь волка и собаки), готовыми растерзать в любую секунду, лишь бы спасти свою шкуру. «Любой факт, фактик из жизни любого сидящего в зале мог обернуться тяжелейшим политическим обвинением, и все набросятся, как шакалы, и костей не соберешь: загрызут, растерзают. Уж лучше сидеть и не хрюкать!» (Джилкибаев, 2009, с.84).

Как пишет А. Кодар, «под традицией следует понимать совокупность мифа и фольклора, причем конституирующей основой всякой традиции является все-таки миф» (Кодар А., Казахская интеллектуальная традиция как степное знание // Кодар А. Степное знание. <http://bibliotekar.kz/stepnoe-znanie-ayezhan-kodar/vmesto-predislovija.html>). Б.Джилкибаев обращается к архетипическому образу волка-тотема, всячески возвеличивая его, чтобы напомнить своему многострадальному народу о его былом общетюркском и казахском национальном величии. Он напоминает, какими боевыми «Волками» были казахи в прошлом, он возрождает этот тюркский «волчий дух» независимости и свободолюбия, который всячески подавлялся в советскую эпоху диктатом советской власти.

Роман Б. Джилкибаева многопланов, но в этнопсихологическом аспекте он показывает тот отрицательный сдвиг, который произошел в психологии советского народа за годы сталинского тоталитаризма и хрущевской обманчивой оттепели. Людей пытались сделать абсолютно управляемыми, удалив из памяти этноса естественные для него архетипические черты: гордый воинственный дух казахов-кочевников и миролюбивую общинную солидарность крестьянской оседлой Руси. Особенно губительно это сказалось на казахах, которых насильно сделали оседлыми, лишив как среды обитания, так и собственной культуры. Из свободных кочевников советский социум пытался сделать чиновников-бюрократов: вместо того, чтобы пасти свои табуны и отары, они сидели теперь в тесных кабинетах в городах, нивелирующих национальное сознание кочевников, и сочиняли в них не стихи, а доносы друг на друга.

Народ пастухов и воинов за несколько десятилетий превратился в народ «лжеписателей и лжеученых». Особенно не жалуется автор чиновничью и научную среду сталинского времени. Роман Б. Джилкибаева – о неудавшемся историческом эксперименте. Тема мифологического оборотничества – центральная в этом романе. Однако это не то сказочное оборотничество, когда человек, превратившись в волка, становится могучим и неуязвимым, а, напротив, это как бы трикстерство, когда волк хочет скрыть свою волчью натуру, а собака – собачью. И такое оборотничество нивелирует в человеке человеческое, так, как только утверждение своих ценностей, отстаивание своих убеждений делает человека человеком.

Однако, как и в мифе, в романе Б. Джилкибаева все амбивалентно. Оборотничество может стать и положительной стороной при определенных условиях. Так, Суперволком, по мысли А. Харламовой, можно назвать героиню второй главы романа – Айгерим, рожденную от отца-немца («собаки») и матери-казашки («волчицы»): «А девочка пошла мастью в мать. Чернявенькая, с большими чуть раскосыми глазами. Когда она смотрела, не улыбаясь, в лицо собеседнику, тот испытывал какое-то жуткое чувство предстоящего разоблачения или жестокого обвинения в чем-то неблагоприятном. А когда она смотрела с улыбкой, то для собеседника эти минуты были настоящим праздником. Очаровательная росла девочка. Было в ней и казахское, и тевтонское. Такой коктейль – сплав, который должен был сказаться на судьбе этого создания, что-то должно было произойти в ее жизни замечательное, необычное, что происходит не с каждым и не каждый день <...>» (Джилкибаев, 2009, с. 115). «Но по законам жанра, чтобы исполнить завещанное судьбой предсказание (в романе эту функцию берет на себя автор) о прекрасной жизни, Айгерим должна пройти сложный путь индивидуации: от стадии ребенка (девочки, девушки) к стадии взрослой женщины» (Харламова 2014, с. 24).

Но когда по необъятной стране СССР проходит неумолимый молох репрессий, подминая под себя миллионы и миллионы людей, даже протест высказывается эзоповым языком в аллегорических образах, как это делает в романе Зауре (материнский архетип и тотемический образ волчицы) на партсобрании: «Меня насторожило слишком частое и кстати, и некстати восхваление наших вождей. Ислам с утра до вечера только и делал, что хвалил и возвеличивал товарища Сталина, товарища Молотова, товарища Ворошилова и даже наших казахстанских руководителей. Хотя это было уже ни к чему. Я не хочу сказать, что наши казахстанские руководители не заслуживают похвалы. Нет! Но если нужно, их похвалят в «Правде», «Известиях», их похвалит сам товарищ Сталин! А чтоб каждый, кому не лень хвалил наших казахстанских вождей – такого быть не должно. Это нескромно. А затаившийся агент хвалил и наших руководителей, и более мелких людей. Но особенно он хвалил наших акынов, которые, мне кажется, вовсе не заслужили таких похвал. И вот постоянные восхваления заставили меня задуматься, зачем он это делает? Думала я, думала и догадалась, наконец! Он же хочет, чтобы мне опротивели эти восхваления, чтобы они вызывали у меня раздражение, чтобы я стала думать, что все это ложь, преувеличение, что красивые слова в адрес вождей наших – фальшивка и они не заслуживают таких похвал. Он своими восхвалениями хотел вызвать у меня обратную реакцию! Но меня не собьешь! Я не дурочка! Я сама люблю наших вождей и знаю, чего стоит каждый из них» (Джилкибаев, 2009, с. 84).

Здесь важна интонация, с которой это все произносится, а интонация явно ироническая и даже можно сказать – саркастическая. В казахском фольклоре женщина нередко умнее мужчины. Такова Куртка – жена юного Кобланды, предостерегающая его от похода на кызылбасов, такова Карашаш – жена остролова Жиренше, перехитрившая самого хана. Там, где бессильна грубая мужская сила, выход – в тонкой женской уловке. Так что Зауре не просто прекрасный оратор и манипулятор, но архетипический женский образ мудрой возлюбленной, принимающей на себя и материнские функции, как бы оживший образ из казахского фольклора и мифологии. По сути, это тоже герой-трикстер только с чисто восточными с положительными коннотациями. Таким образом, в период сталинских репрессий оборотничество, если оно осуществлялось во имя правды и выживания, имело положительный оттенок.

«Я хотел показать то», – говорит Б. Джилкибаев в одном из интервью, – что люди одичали, забыли про гуманность, человечность. Забыли, в погоне за счастьем, что они – люди и пошли по головам, убирая всех на своем пути. Внутренняя культура, человечность, разум – это то, что делает человека человеком. Делает его цельным, гармоничным, напоминает ему то, что он стоит выше всех зверей в природной цепочке. Потому что у него есть разум. А разум – это высшая сила, она намного выше хитрости, коварства, дикости и зверства, которые, по сути, являются первобытным маскарадом. Мы, люди, не должны забывать, что мы, прежде всего, люди, а потом уже кто-то еще. Это и было целью написания этой главы, этой книги. А еще целью книги было показать глубокие корни нашего народа,

наличие богатой культуры, о которой редко упоминается сейчас» (Кодар А. Мы и мифы // Степное знание. <http://bibliotekar.kz/stepnoe-znanie-auyezhan-kodar/vmesto-predislovija.html>).

В целом роман Берика Джилкибаева сложен, неоднозначен, и самая важная часть в нем, проясняющая основную идею – это новелла «Синий волк», где раскрывается значение основных переходящих друг в друга образов-тотемов и архетипических образов, образующих мировоззрение двух основных этносов Казахстана в сталинскую эпоху, обусловивших их национальный характер и судьбу.

Писатель обращается к тюркской и славянской мифологии и фольклору, описывая архетипы собаки и волка в этих очень несхожих культурах. Если у тюрков волк считается священным, неприкосновенным животным, то для славян – это нечисть, демонический персонаж. Если для славян «мила собака», то предки казахов презирали ее за отсутствие гордого волчьего нрава, за желание выслужиться перед хозяином. Эти противопоставления архетипических образов распространяются и шире, на авторскую рецепцию Востока и Запада, цивилизации кочевников и цивилизации земледельцев.

Мифологическую амбивалентность образов, представленных и противопоставленных в романе, обнаруживает интервью с писателем, записанное А. Кодар:

А.К.: - Ясно, а вот через архетипы собаки, волка, их слияние в оборотней вы пытались отразить ситуацию, творящуюся в интеллектуальных кругах или вы просто хотели раскрыть эти архетипы, чтобы не дать им быть забытыми?

Б.Дж.: - Думаю и то, и другое, эти архетипы очень помогают отразить то, что творится в кругах интеллигенции.

А.К.: - А что для вас архетип, согласны ли вы с Юнгом в определении архетипа?

Б.Дж.: - Вполне согласен с ним, разделяю его взгляды.

А.К.: - А можно ли обнаружить обращение к обширной истории тюрков, тенгрианских мотивов, когда вы описывали Небесного волка?

Б.Дж.: - Конечно, синий волк – Небесный волк, тенгрианство, тюрки. Это все неделимо. Помнится, у тюрков даже были знамена с волком. Эта тенгрианская легенда о волчице, перекликающаяся с римской легендой о Ромуле и Рэме, что их тоже вскормила волчица.

А.К.: - Мне очень понравились ваше разделение этнического восприятия архетипа волка, красочное описание волка серого, буюка для русских и нашего Небесного волка. А что вам более близко?

Б.Дж.: - Да, да антиподы, различные взгляды на мир. Сказать, что мне близко не могу, потому что я выступаю в роли наблюдателя. Но могу сказать, что в детстве очень любил волков. Я прочитал 10 томов «В мире животных» Баннера, когда у Киплинга вышел «Маугли» - тоже зачитывался.

А.К.: - Ясно, а вот антиподы волка и собаки, созданные из них оборотни, были показаны для чего?

Б.Дж.: - Для того чтобы разделить этот мир, людей, их мышление на волчье и собачье, а также на смешанное мышление оборотня, который вечно носит маску, обнажая истинный оскал своей ужасной сути только во тьме» (Кодар А. Интервью с Б.М. Джилкибаевым. Рукопись).

«Мне кажется, – пишет А. Кодар в книге «Степное знание», – что отправная точка процесса переосмысления мировоззренческих основ – резкое, доселе неведомое человечеству расширение кругозора. В оседлоземледельческих культурах человек, будь то раб или царь, всегда связан тысячами невидимых нитей со всей социальной машиной – семьей, родом, племенем, городом, государством. В степи он, принадлежа, естественно, к определенному клану и племени, все же принципиально остается свободным самоопределяющимся атомом людского сообщества. Степень его независимости, впрочем, как и незащищенности, всегда намного выше. На то, что степняк далеко не всегда отождествляет себя и свои интересы с социумом, к которому принадлежит, указывает хотя бы легкость дезинтеграции степных сообществ любого уровня. Кроме того, в силу своей мобильности, он способен наблюдать разные сообщества и сопоставлять увиденное. И, в конце концов, возможность взгляда со стороны расширяется не только на конкретный мир семьи, рода, клана, племени, но и на универсум вообще» (Кодар А. Казахская интеллектуальная традиция как степное знание // Кодар А. Степное знание. <http://bibliotekar.kz/stepnoe-znanie-auyezhan-kodar/vmesto-predislovija.html>).

Такая амбивалентная концепция раздвигает горизонты в романе, показывает, что у каждого этноса свое миропонимание, и вовсе не обязательно эти мировоззрения должны совпадать и дублировать друг друга. Наоборот, тем и хорошо «царство архетипов», что позволяет этносам осознать себя, погрузиться в свое «архэ»-начало, спроектировать будущее. Роман был написан в 90-е годы XX в. и для этого переходного периода оказался достаточно революционным и по содержанию, и по смелости выраженных идей, и по форме – кроме вставной новеллы в него вплетены и легенды, и казахский запретный фольклор.

Литература

- Алекторов А.Е. Человек и собака (из киргизских легенд) // Астраханский вестник. 1994. № 1383. С. 51-74.
- Березкин Ю.Е. Мифы и фольклор по ареалам обитания. Аналитический каталог / <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/>
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 471 с.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.
- Гордлевский В.А. Сказания и легенды, собранные в Турции в 1926-1928 гг. // Избранные сочинения. Этнография, история востоковедения, рецензии. М.: Изд-во вост. лит., 1968. Серия 4, Т.4. С. 403-407.
- Делорман А. Бозкурт. Хазар, 1990. № 1. С.89-97.
- Джилкибаев Б.М. Казахский эротический роман. Алматы, Искандер, 2009. 440 с.
- Иванов В.В. Художественное творчество, функциональная асимметрия мозга и образные способности человека // Текст и культура. Труды по знаковым системам. Ученые записки ТГУ. Тарту, 1983. Т. 16, вып. 635. С. 3-14.
- Кодар А. Казахская интеллектуальная традиция как степное знание // Кодар А. Степное знание. <http://bibliotekar.kz/stepnoe-znanie-auyezhan-kodar/vmesto-predislovija.html>
- Кодар А. Мы и мифы // Степное знание. <http://bibliotekar.kz/stepnoe-znanie-auyezhan-kodar/vmesto-predislovija.html>
- Сафронова Л.В. Культурно-территориальный код евразийского текста периода перехода // Простор. 2011. № 11. С. 56-67.
- Сафронова Л.В., Нурбаева А.М. Междисциплинарные аспекты когнитивной поэтики. Международный научно-популярный журнал «Наука и жизнь Казахстана». 2015. № 6 (33). С. 133-136.
- Харламова А.Р. Архетипические образы и сюжеты переходного периода в «Казахском эротическом романе» Б. Джилкибаева как предпосылки пост/модернистского мировоззрения. // Постмодернистская литература Казахстана: поэтика и семантика. Алматы: «ТОО "Компания "CopyLand"», 2014. С. 10-51.
- Чернова Н.М. Образ собаки в русском фольклоре. <http://www.okdzks.com/page.php?id=192>
- Шайдуллина Л.Д. Тенгрианство – религия тюрков // www.neonomad.kz/history/h_kaz/index.php?ELEMENT_ID=4120

Е.Т. Zhanysbekova

TURKISH AND SLAVIC INTERPRETATION OF ARCHETYPIC IMAGES WOLF AND DOG (on the example of a story by B. Dzhilkibaev "Blue wolf")

The article is devoted to the Turkic and Slavic interpretation of the archetype of wolf and dog. The focus of the story is taken by B. Dzhilkibaev's "Blue Wolf". The author connects the appearance of his ethnic group as a social super-organism with the penetration into the flesh of the modern character of a certain transpersonal quality of their ancestor. Identification with the totem ancestor, the figurative father of the Kazakh peoples the blue wolf. B. Dzhilkibaev in the insertion short story "Blue Wolf" compares the archetypal images of the wolf and the dog with the specifics of the national, regional perception of a wolf and dog: how the Russian people interpret the image of the wolf; what is the symbolic content of this image for the Kazakhs? B. Dzhilkibaev's novel is about a failed historical experiment. The theme of mythological lycanthropy is central in this novel.

М.К. Жунусова

*Центральный государственный музей Республики Казахстан
г. Алматы, Казахстан
E-mail: muzfond2015@mail.ru*

ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОЦИФРОВКИ ЭКСПОНАТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Государственная Программа «Цифровой Казахстан» была утверждена Постановлением Правительства Республики Казахстан 12 декабря 2017 года («Казахстанская правда» от 14 декабря 2017 г. № 241 (28620); Ведомости Парламента РК, 2017 год, декабрь, № 21 (2742), ст. 98 (вышло из печати

15.01.2018 г.) с. 1). Аспекты данной программы не заставили долго ждать оцифровки и музейного пространства.

Цифровые копии культурных и художественных оригиналов образуют электронный депозитарий, имеющий огромную ценность. С одной стороны, это сохранение внешнего облика раритетов для будущих поколений, широкий доступ пользователей к наиболее редким, уникальным и особо ценным в художественном и историческом значении произведениям искусства, с другой – создание коммерческое использование копий объектов, возможность найти дополнительные спонсорские и инвестиционные предложения для музея (Максимова, 2012. с. 187).

Проекты по оцифровке позволяют музеям за счёт использования электронных копий сберечь и сохранить оригиналы документов и других предметов, подверженных быстрому износу. Следует отметить данные из отчета Центрального государственного музея Республики Казахстан (далее - ЦГМ РК): создание на базе программы Microsoft Excel в музее - 58 электронных вариантов из числа Главных инвентарных книг, 23 из которых составляют копийные версии книг экспонатов основного фонда. На конец 2019 года количество оцифрованных артефактов, в- целом, по ЦГМ РК, достигла 45 302 единиц хранения.

В музейной практике ЦГМ РКеще и ранее имели место некоторые примеры цифровизации - сканирование, фотографирование, издание серии научных каталогов, повлекших за собой создание основы для развития и внедрения более современных технологий, основным из которых стал электронный каталог «Музеолог». ЦГМ РК - координационный и консультативный центр по внедрению и применению программы «Музеолог», предназначенной для создания базы данных музейных фондов Центрально азиатского региона, призванной дать возможность ученым-историкам, музейщикам, а со временем и широкой общественности - ознакомиться с наиболее интересными артефактами музеев стран этого региона. Также полученный в результате оцифровки массив данных может использоваться для дальнейшей обработки, передачи по цифровым каналам, сохранению на цифровой носитель. На типовой классической платформе системы «Музеолог» уже создаются электронные каталоги в 25 областных музеях страны. В базе данных электронного каталога ЦГМ РК насчитывается около 25 000 единиц исторических артефактов.

Выполняя роль электронного каталога, «Музеолог»наглядно использует «синтез трех стихий», как комбинацию двух и более типов информации о том или ином предмете, не только в текстовом виде, но также и сопровождает его видеотреффрагментами или фотографиями, дополняя данными о материалах и технике изготовления, использованных в момент создания предмета (Новосельцев, 1991, с.7).Такое программное обеспечение позволяет музею идти в ногу с современными информационными технологиями, сохраняя и популяризируя отечественную культуру и историю.

Одним из усилителей визуального восприятия музейного предмета является аудиогид – фонограмма, используемая для самостоятельного знакомства с экспонатом или экспозицией музея. Обычно аудиогид состоит из нескольких аудиофрагментов. Фрагменты нумеруются и привязываются к карте музея, или же к номерам экспонатов. Аудиогиды, созданные в ЦГМ РК, позволяют видеть на экране аудиоклиоска мультимедийные трехмерные изображения, к которым сотрудники музея обязательно готовят соответствующие комментарии.

Но сегодня музеи продолжают искать свои собственные пути сохранности исторического наследия своей страны и привлечения аудитории нынешнего поколения, воспитанных цифровой средой, с принципиально новым форматом восприятия информации. И, конечно, большую актуальность приобретает анализ уже существующих и поиск лучших способов перевода в электронный формат музейных коллекций. Наряду с вышеупомянутыми способами оцифровки ЦГМ РК с 2018 года приступил к работам 3D моделирования музейных предметов.

3D-моделирование – это процесс создания виртуальной модели предмета, позволяющий совершенно точно изобразить форму, размер и текстуру, оценить его эргономичность. Задача 3D-моделирования в рамках музейного пространства заключается в разработке визуального образа моделируемого музейного артефакта. Пользователи могут поворачивать 3D-модели экспонатов, менять ракурс обзора, увеличивать и уменьшать объемы и размеры с целью детального изучения с научной точки зрения (Ли, Уэр, 2002, с. 237).

В качестве исходных данных для создания 3D-модели могут выступать карты-схемы, эскизы, описания, фотографии, предметы разного рода. Трехмерность модели более чем приемлема касательно музейных предметов, так как обладает следующими свойствами:

- фотографическая точность (позволяют с фотографической точностью воссоздать объект моделирования и, в случае необходимости, внести определенные коррективы в созданную 3D-модель);
- сохраняемость и неизменность качеств модели во времени;

- эргономичность (лица с ограниченными финансовыми и физическими возможностями имеют круглосуточный доступ к 3D-модели; рассматривать 3D-модель можно под любым углом, что не всегда доступно в музеях);
- экономичность (3D-модель не требует специальных и вместе с тем дорогостоящих условий хранения, которые необходимы для сохранности музейных ценностей);
- многовариантность (существует довольно много разнообразных инструментальных средств, позволяющих проектировать и создавать 3D-модели как утраченных, так и существующих экспонатов);
- разноуровневая сложность создания (разнообразие программного обеспечения, позволяющего моделировать объекты виртуальной реальности, позволяет работать с 3D-графикой специалистам любого уровня подготовки);
- дублируемость (3D-модели не зависят от определенного места хранения, одну модель можно использовать многократно в одно и то же время);
- материальная воплощаемость (развитие технологий 3D-печати позволяет многократно распечатывать малые и объемные модели, что актуально для образовательного процесса по таким дисциплинам, как «Традиционная культура казахов», «История», «Музейное дело», «Археология» и т.п.).

За 2018-2019 годы в ЦГМ РК1020 ед. хр. из коллекций «Археологическое золото Казахстана», «Оружие и конское снаряжение», «Одежда», а также некоторые предметы традиционного быта и домашней утвари казахов представлены в виде 3D-моделей.

Таким образом, 3D-моделирование музейного предмета, руководствуясь практическим опытом, в частности, ЦГМ РК, призвано способствовать, как и популяризации уникальных экспонатов богатейшего собрания музея, так и раскрытию в полной мере его информационного потенциала путем предоставления всем его пользователям безбарьерного доступа к музейным экспонатам с использованием современных информационно-коммуникационных технологий.

Литература

- Иванов П., Батраков А. Трёхмерная компьютерная графика / Под ред. Г. М. Полищука. М.: Радио и связь, 1995. 224 с.
- Ли Дж., Уэр Б. Трёхмерная графика и анимация. 2-е изд. М.: Вильямс, 2002. 640 с.
- «Казахстанская правда» от 14 декабря 2017 г. № 241 (28620); Ведомости Парламента РК, 2017 год, декабрь, № 21 (2742), ст. 98 (от 15.01.2018 г.).
- Максимова Т.Е. Виртуальные музеи: подходы к типологии // Вестник МГУКИ. № 4(48), 2012. 190 с.
- Новосельцев С. Мультимедиа – синтез трех стихий / Компьютер пресс. Обзорение зарубежной прессы. 1991. № 7. 14 с.
- Поляков Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия. М.: Институт Наследия, 2018. 588 с.

M.K. Zhunusova

THE PRACTICAL DIGITIZATION OF ARTEFACTS IN CENTRAL STATE MUSEUM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

In the scientific paper examined the practical methods of digitization of artefacts in Central State Museum of the Republic of Kazakhstan. Specified main examples of practical use of digitization in Central State Museum of the Republic of Kazakhstan: the creation of online catalog “Museology”, 3D modelling and audio guides. Also noted how the methods of digitization of artefacts influence on their examination, use and popularization of unique artefacts of the museum collection.

А.К. Кистаубаева
*Руководитель отдела по изучению
истории Казахстана ЦГМ РК
г. Алматы, Казахстан
E-mail: aigulkyst@mail.ru*

ИЗУЧЕНИЕ МЕМОРИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ АМРЕ КАШАУБАЕВА И ДИНЫ НУРПЕИСОВОЙ (НА ОСНОВЕ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ РК)

В 20-30 гг. в Казахстане продолжало бытовать народное творчество – искусство народных и народно-профессиональных певцов и инструменталистов, одновременно обладающих незаурядными композиторскими и поэтическими способностями, даром импровизации. В 1921 г. был образован Главный политико-просветительный комитет, музыкальный отдел которого записывал народную музыку, организовывал музыкальные коллективы. Народно-профессиональные певцы, носители и национальных культурных традиций, обладают яркими вокальными, музыкальными данными. Они были выходцы из различных слоев населения – учителя, служащие, колхозники, рабочие, чабаны. Их многогранное по содержанию и жанрам песенное наследие стало ценным вкладом в казахскую традиционную музыку (История казахской музыки, 2000, с. 184-185.). Казахская народная песня издавна привлекала внимание русских ученых-исследователей. Русские этнографы, путешественники, с восхищением отзывались о песенной культуре казахского народа. Еще в начале прошлого века ими были записаны на ноты отдельные казахские песни, в журналах, различных сборниках печатались заметки, статьи, отзывы. Собираение и изучение песенного творчества в Казахстане приобретает систематический характер после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В этот период бурно развивается и сам песенный жанр. Различные виды искусства, национальные по форме и социалистические по содержанию, приобретают новый творческий импульс в результате взаимовлияния и взаимообогащения духовной культуры различных народов нашей страны.

В 1920 г. по указанию Комиссариата народного просвещения КазАССР ученые и собиратели уделяют особое внимание сбору народных песен и музыки. В связи с этим следует отметить выдающиеся заслуги А.В. Затаевича, неутомимого собирателя казахского музыкального фольклора. В 1925 г. газета «Правда» дала высокую оценку научной значимости его трудов «1000 песен киргизского (казахского) народа (напевы и мелодии)» и «500 песен и кюйев казахского народа». В собирании огромного количества материалов – более двух тысяч песен и кюйев – А.В. Затаевичу оказывали помощь рабочие, крестьяне и интеллигенция. Ему передали свои материалы и содействовали в работе Сакен Сейфуллин, У. Джандосов, К. Сатпаев, Амре Кашаубаев, Куляш Байсеитова и др. (Жубанов, 2002, с. 4-5).

В 20-30-е годы в Казахстане продолжалась работа по созданию культурных просветительских и музыкальных организаций, развитию художественной самодеятельности возникали многочисленные клубы, народные дома, драматические и хоровые кружки. Одновременно с ними активизируется и творчество народно-профессиональных авторов. Большое значение для развития художественных традиций и выявления народных талантов в те годы имели ежегодно проводимые слеты народного творчества, конкурсы, соревнования по типу айтысы. Широкое признание приобрела плеяда певцов-инструменталистов и композиторов традиционного типа, представленная именами Кенена Азербайбаева, Амре Кашаубаева, Дины Нурпеисовой, Косымжана Бабакова, Исы Байзакова, Жусупбека Елебекова и др. (Ерзакович, 1966, с. 253-254).

В первой половине 20-х годов казахская народная музыка не только плодотворно изучается и развивается, но и начинает становиться широко известной. Ее триумфом явились выступления в Париже летом 1925 года казахского народного певца Амре Кашаубаева (Рис.1). За исполнение казахских народных песен «Ағаш аяқ» («Деревянная нога»), «Канапия», «Жалғыз арша» («Одинокий можжевельник»), «Үш дос» («Три друга») и других был удостоен второго приза и серебряной медали.

Рис. 1 КП 18279 – Амре Кашаубаев – казахский народный певец в первой половине XX в. 1925 г. Разм. 13,2 x 8,9 см. Фото погрудное. Фотобумага, ч/б изображение. В сохр.

Амре Кашаубаев родился в 1888 году в районе Абралы Семипалатинской области. С ранних лет став кормильцем семьи, он работал кучером, сторожем. В качестве первой профессиональной пробы себя как певца он публично выступил на Кояндинской ярмарке, которая была своеобразным фестивалем казахского устного творчества. Прослушав известных казахских певцов Габбаса Айтбаева, Кали Байжанова, познакомившись с композитором Жаяу Мусой, Амре осознал необходимость совершенствования мастерства. Он обогатил свой репертуар и вернулся в Семипалатинск как профессиональный певец. Здесь он встретился со знаменитой певицей Майрой. Вдохновенное искусство Амре Кашаубаева стало известно во всей республике (Вартанов, 1966, с. 115-117).

В отдел народного просвещения Семипалатинской губернии пришла телеграмма (Рис.2): «Срочно прошу выяснить и сообщить, согласен ли певец-киргиз (т.е. казах) Амре Кашаубаев... принять участие в этнографических концертах на Всемирной выставке в Париже. Нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский» (Жубанов, 2000, с. 325-326).

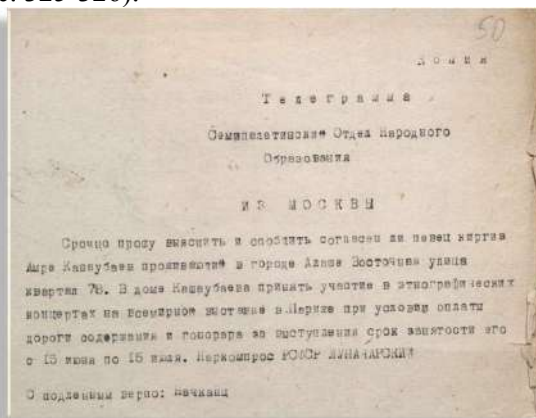

Рис.2. КП 2709 – Телеграмма. Копия. Бумага, машинопись. Разм. 12,2 x 20 см.

Телеграмма для А. Кашаубаев из Москвы: «Сообщить согласен ли певец киргиз Амре Кашаубаев принять участие в этнографических концертах на всемирной выставке в Париже при условии оплаты, дороги содержания и гонорара за выступления срок занятости его с 15 июня по 15 июля. Наркомпрос РСФСР Луначарский».

В составе этнографического ансамбля Амре прибывает в Париж. В Париже его с нетерпением ждали советских артистов. После выступления Амре многие газеты мира выражали восхищение неповторимым искусством казахского народного певца. В Париже было дано 11 концертов. За свои выступления Амре Кашаубаев был отмечен вторым призом и серебряной медалью (Шакаримов, 2016, с. 20-23).

В фонде Центрального государственного музея РК имеются заграничный паспорт Амредля выезда во Францию и, конечно, домбра (Рис.3-4), на которой певец играл во время выступления в Париже. Домбра была передана в музей вдовой Амре – Уразке Кашаубаевой в 1947 году.

Рис.3 КП 5714 – Домбра А. Кашаубаева. 1925 г.Красное дерево, струны из лески. Разм. 80 x 22 см.

Рис.4 КП 2713 – Заграничный паспорт № 43676/Р.В.27245 А. Кашаубаева выдан для выезда во Францию в период с 20.06.1925 – 01.07.1926 г. Выдан г. Москва. 20 июня, 1925 г.

В 1925 г. Амре Кашаубаев вместе с И. Байзаковым и их музыкальным наставником В.И. Лазаревой переезжают в Кзыл-Орду, где открылся первый Казахский профессиональный театр. В пьесе М. Ауэзова «Енлик – Кебек» он играл роль пастуха Жанала.

В апреле же 1927 года Амре дал концертное выступление в Москве, а в июле того же года - во Франкфурте-на-Майне (Рис.5).

Рис.5 КП 2712 – Заграничный паспорт № 128689/РВ 25637 певца А. Кашаубаева выдан для въезда в Германию в период с 18.07.1927 – 22.08.1927 г. Выдан г. Москва.16 июля, 1927 г.

Амре Кашаубаев был в числе основателей первого казахского национального театра, решение, о создании которого было вынесено V Съездом Советов Казахстана в апреле 1925 года. В 1934 году Амре перевелся в Казахский театр оперы и балета им. Абая. После тяжелой болезни певец скончался.

Особенно значимыми в репертуаре Амре Кашаубаева были песни «Жалгыз арша» («Одинокий можжевельник»), «Агашаяк» («Деревянная нога»), «Бал Хадиша» («Прекрасная Хадиша»), «Дударай» и др. Познакомившись с Амре, известный этнограф А.В. Затаевич был покорен талантом певца и всячески пропагандировал его искусство, как в нашей стране, так и за рубежом. Слушателей восхищал не только превосходный, от природы поставленный голос Амре, но и непосредственность исполнения и внутренний драматизм, сочетаемые с неповторимой окраской тембра (Шакаримов, 1981, с. 7-8).

Вот что писал Затаевич в примечании к сборнику «500 казахских песен и кюев» о вокальном даровании Амре Кашаубаева: «Амре Кашаубаев, выдающийся каркаралинский певец, с весны 1925 года состоящий в группе Казахского государственного театра: обладает красивым, сильным и сочным голосом при большом запасливом дыхании. Чтобы охарактеризовать его как певца и музыканта, лучше всего сопоставить его с двумя другими выдающимися каркаралинскими певцами, «поэтом» Габбасом Айтпаевым и «бытовиком» Кали Байжановым. В этом случае Кашаубаев занял бы первое место между ними обоими, так как репертуар его колеблется между лирическими и бытовыми номерами, делая и в том и в другом характере ряд выдающихся исполнений, хотя, может быть, и не достигающих той яркости, и силы впечатления, которые свойственны названным двум певцам, дольше его не разлучавшимся со степью (Кашаубаев много жил и продолжает жить в городах). Чисто же в голосовом отношении Кашаубаев превосходит обоих яркостью своих данных. И очень жаль, что отрыв от степи и соблазны города ставят этого хорошего певца под искус и перед опасностью замены живого, непосредственного чувства и подкупающей свежести и наивности творчества, холодным и безучастным стандартом исполнения. Нужно желать и надеяться, что отведавший заграничные пределы певец выйдет из этого испытания с честью для себя и с выгодой для казахского певческого искусства, коего он является видным представителем». (Затаевич, 2002, с. 112-113).

Редкий певческий дар Амре Кашаубаева не угас до конца его дней. Амре часто выступал по радио с исполнением казахских народных песен, восхищая слушателей красотой и глубиной пения, не менее интересны были его выступления и в театре. Он поражал современников многосторонностью своего дарования.

Выдающийся представитель традиционного искусства, композитор и исполнитель, ученица великого Курмангазы, народная артистка КазССР Дина Нурпеисова (Рис.6-7). Творчество Дины Нурпеисовой смыкает прошлое с современностью. В этом смысле ее творческий путь представляет собой своего рода переходный этап, связующее звено между классическим прошлым и современным состоянием домбровой музыки. В своих интерпретациях Дина Нурпеисова точно сохраняла темы кюев, все особенности формы, но в то же время она драматизировала все музыкальные образы и исполняла кюи в присущей ей яркой, виртуозной, психологически напряженной манере, ломая присущую кюям уравновешенность, делая их ритмически-обостренными, темпово-неустойчивыми, с более активным развитием. Большое влияние на творчество Дины Нурпеисовой оказало национально-освободительное движение 1916 года. Исполнительское мастерство Дины Нурпеисовой получило свое дальнейшее развитие в советский период (Казахские советские народные песни, 1959, с. 313.).

Рис.6 КП 18277/4 – Дина Нурпеисова за подготовкой нового кюя к открытию съезда XVIII ВКП (б) в филармонии. 25.02.1939 г. Фотобумага, ч/б изображение. Разм. 15 x 20 см.

Дина Нурпеисова родилась в 1861 году в местечке Нарын-кум ныне Уральской области. Игре на домбре обучалась у своего отца. Она была одной из трех дочерей в семье Кенже из рода Торе. Две ее сестры искусно пели, и отец предложил Дине сопровождать их пение игрой на домбре. Отец и стал первым учителем Дины, а позже ее наставником стал сам Курмангазы. Она с детства исполняла кюи Даулеткерей, Курмангазы, Мухита, Мусирали, Узака, Аликея, Туркеша, Есжана, Байжумы, Баламайсана и других известных кюйши, что ее прозвали «девочкой-домбристкой». В аул, где проживала ее семья Дины Нурпеисовой, приезжает знаменитый домбрист-кюйши Курмангазы. Прослушав игру маленькой Дины, он соглашается быть ее учителем. В течение последующих девяти лет, то есть до 18-летнего возраста, Дина часто встречается с Курмангазы, нередко сопровождает его в поездках по аулам, где происходили состязания известных домбристов. Вскоре имя Дины становится известным по всему Западному Казахстану, она получила признание знаменитых в то время мастеров инструментальной музыки (Бисенова, 1955, с. 69-91).

Первого официального успеха Дина Нурпеисова добилась осенью 1937 года в Алматы на втором республиканском слете народных талантов. Здесь она мастерски исполнила свой кюй «Бұлбұл», а также произведения Курмангазы «Төремұрат» и «Қайран шешем». Игра ее была отмечена первой премией. В этом же году она была принята на работу в Казахскую филармонию, и ей присвоено звание «Заслуженный деятель искусства».

В 1937 г. на II-ом республиканском слете народных талантов в Алма-Аты Дина Нурпеисова получила признание всей страны, была награждена первой премией за мастерское исполнение кюев. Дина Нурпеисова была удостоена высокой чести стать обладательницей домбры Курмангазы, на которой она играла на первом Всесоюзном конкурсе исполнителей народных инструментов, который состоялся в Москве в 1939 году. На этом конкурсе ее называют «Жамбылом домбры».

Известный советский музыковед В.М. Беляев писал о выступлении Дины Нурпеисовой в журнале «Советская музыка» (1939 г. № 11) следующее: «Смотр поднял значение народных музыкальных инструментов, как средства для развития музыкальной культуры широких масс. То высокое мастерство игры на казахской домбре, которое показала Дина Нурпеисова – этот «Жамбыл домбры», является лучшим способом художественной агитации за сохранение и развитие этого и аналогичных ему инструментов».

Сильные впечатления оставили в сознании Дины Нурпеисовой события 1916 года, когда царское правительство решило мобилизовать на тыловые работы мужчин от 18 до 43 лет из числа жителей национальных окраин – тех, кого называли тогда «инородцами». Во многих местах Казахстана вспыхнули восстания против «реквизиции» – так официально называлась эта мобилизация. Повстанцы выступали и против эксплуатации трудящихся феодальным байством, которая усилилась во время мировой войны. Дина откликнулась кюем под названием «16 жыл» (Шестнадцатый год). В отличие от одноименных произведений других народных композиторов «Шестнадцатый год» Дины в основе своей оптимистичен, в нём нет ни жалобы, ни плача, ни уныния. В этом кюе как бы слышится топот коней восставших джигитов, песня ликующей толпы, радость людей, услышавших весть о свержении белого царя. Кюй с начала и до конца рисует силу и непримиримость восставшего народа (Жубанов, 1958, с. 117-142).

Творчески плодотворным временем явились годы после установления в Казахстане Советской власти. Несмотря на то, что Дина встретила революцию в возрасте 57 лет, творчество ее не только не ослабевает, а наоборот, принимает более интенсивный характер. Нурпеисова стремится наверстать упущенные годы. Она много сочиняет, принимает деятельное участие в творческих смотрах народных талантов. Дина сочиняет кюи «Әсем қоныр» о советской молодежи и «Той бастар» (Застольная), рисующий всенародный праздник, посвященный Советской Конституции, «8 Марта», «Сауыншы» (Доярка), «Енбек Ери» (Герой Труда) и другие отвечающие советской тематике. В начале войны, в 1941 году Дина сочиняет кюй «Ана бұйрығы» («Приказ матери»).

В 1944 году в Ташкенте прошла третья декада музыки республик Средней Азии и Казахстана. На праздник искусства приезжает и Дина Нурпеисова, ей – 83 года. В этом же году ей было присвоено звание «Народная артистка Казахской ССР». Всю жизнь она совершенствовала свою игру, достигнув того высочайшего мастерства, которое позволяет по словам очевидцев, говорить о ее непревзойденной домбровой технике. Сочинения Дины стали классикой казахской домбровой музыки, в том числе кюи «Бұлбұл», «Көген түп», «Байжұма», «Жигер» и другие (Аманов, Мухамбетова, 2002, с. 140-147).

Творчество Дины Нурпеисовой смыкает прошлое с современностью. В этом смысле ее творческий путь представляет собой своего рода переходный этап, связующее звено между классическим прошлым и современным состоянием домбровой музыки. В своих интерпретациях Дина Нурпеисова точно сохраняла темы кюев, все особенности формы, но в то же время она драматизировала все музыкальные образы и исполняла кюи в присущей ей яркой, виртуозной, психологически напряженной манере, ломая присущую кюям уравновешенность, делая их ритмически-обостренными, темпово-неустойчивыми, с более активным развитием.

Деятельность казахских певцов-композиторов занимает особое место в национальной культуре. Отмеченной глубиной музыкально-поэтического содержания и воплощенное в совершенную художественную форму, искусство акынов диалектически сочетает в себе индивидуальное, национальное и общественное начала. Творчество знаменитых акынов во всем многообразии его проявлений, наряду с народным, явилось богатейшей почвой для формирования современного профессионального музыкального искусства Казахстана (Музыкальная культура Казахстана, 1955, с. 9).

Таким образом, культурная жизнь Казахстана в 1920-1930 гг. XX веков отличается от предыдущих периодов истории, прежде всего появлением новых жанров, формированием многожанрового,

профессионального искусства, корнями уходящего в многовековую казахскую культуру. Этот период расцвета казахского театрального, музыкального, изобразительного искусства и народного творчества, время окончательного оформления системы народного образования. Именно в этот период начинает складываться современная казахская культура.

Литература

- Аманов Б. Ж., Мухамбетова А. И. Казахская традиционная музыка и XX век / Б.Ж. Аманов, А.И. Мухамбетова. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 544 с.
- Бисенова Г. Кюйи Д. Нурпеисовой // Музыкальная культура Казахстана. Алма-Ата, 1955. 180 с.
- Вартанов А. Самодеятельное художественное творчество и профессиональное искусство // Искусство и народ. М.: Наука, 1966. 286 с.
- Ерзакович Б.Г. Песенная культура казахского народа. Музыкальное историческое исследование. Алма-Ата: Наука, 1966. 401 с.
- Жубанов А. Соловьи столетий. Алматы, 2002. 456 с.
- Жубанов А. Струны столетий, Алматы, 1958. 395 с.
- Затаевич А.В. 500 песен и кюев казахского народа. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 378 с.
- История казахской музыки. Т. 1: Традиционная музыка казахского народа: песенная и инструментальная. Алматы: Ғылым, 2000. 424 с.
- Казахские советские народные песни/Предисл. и муз. ред. нотных записей Б. Ерзаковича. Алма-Ата, 1959. 454 с.
- Канапин А., Яндаров А. Расцвет культуры казахского народа. Алма-Ата, 1978. 254 с.
- Музыкальная культура Казахстана / Сост. П. В. Аравин, Б. Г. Ерзакович. Алма-Ата: Казгосиздат. 1955. 178 с.
- Шакаримов Ж. Амре в Париже: историко-биографический очерк. Алматы: Гани Д., 2016. 248 с.
- Шакаримов Ж. Амре Кашаубаев. Жизнь искусства. Алма-Ата, 1981. 64 с.

А.К. Kistaubaeva

**THE STUDY OF MEMORIAL COMPLEXES AMRE KASHAUBAEV
AND DINA NURPEISOVA
(From the collection of the Central Museum of the Republic of Kazakhstan)**

This article is devoted to folk art of Kazakhstan in the 20-30 of the XX century. In the first half of the 20, Kazakh folk music is not only fruitfully studied and developed, but also begins to become widely known. The creative activity of folk artists Amre Kashaubaev and Dina Nurpeisova was studied on the basis of Museum stock items. Photo-documentary sources are very informative.

А.В. Кущенко

*Центральный государственный музей РК
г. Алматы, Казахстан
E-mail: annku@mail.ru*

**КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН:
формы, методы, приемы работы с посетителями**

Центральный государственный музей Республики Казахстан (далее ЦГМ РК) осуществляет культурно-образовательную деятельность по нескольким направлениям: разработка образовательных долговременных программ и проектов для различных категорий музейной аудитории, методов и приемов работы с аудиторией, организация и проведение разнотематических, разнонаправленных образовательно-познавательных и культурно-досуговых мероприятий, выставок, посвященных истории, культуре и искусству страны. В рамках этого направления четко выявляется необходимость модернизации процессов культурно-образовательной работы, а здесь главным становится четкое конструирование образа того потенциального посетителя, на которого ориентирована та или иная инновационная программа (Гуральник, 2004, с.25). В этой связи особое место занимают социологические исследования, направленные на изучение музейной аудитории, которые проводит ежегодно Центральный музей методом социологического опроса посетителей музея (анкетирование),

а также методом анализа посещаемости с целью изучения интересов, потребностей посетителей, мотивации посещения музея. «Социологические методики превращаются в начальный, стартовый базис, которым проверяется эффективность предпринимаемых музейными специалистами всевозможных акций – от стационарной экспозиции до культурно-образовательных программ. Посетитель является одним из наиболее постоянных и принципиально необходимых партнеров. Посетитель – это независимый эксперт. Его суждение о музее практически всегда свободное, а значит наиболее важное для профессиональной деятельности музея» (Гуральник, 2004, с. 25-26).

С учетом полученных результатов социологических исследований музейной аудитории, музей разрабатывает адресные программы и проекты в рамках культурно-образовательной концепции.

Отметим, что именно музеи, как правило, являются «символами национального самосознания, национальной гордости, взаимодействия культур» (Коссова, 1997, с.5). ЦГМ РК реализовывает образовательные программы и проекты в рамках обозначенных векторов развития национальной культурной политики. Безусловно, велика роль музея в презентации и популяризации историко-культурного наследия страны, в развитии взаимодействия культур, этносов, популяризации общечеловеческих ценностей, формировании духовности и гражданственности. Существуют в отечественной историографии различные определения Музею: «Музей – генератор культуры», «Музей - переосмысление границ», «Музей и общество» и др. (Коссова, 1997, с.5). В последние годы существенно изменилась роль музея и его направления и формы взаимодействия с аудиторией, где на первое место выдвигается роль музейных коммуникаций, также, как и меняются подходы и методики в музейном образовании. ЦГМ РК за последние десятилетия активно применяет в культурно-образовательной деятельности проектную технологию, технологию социального партнерства, интерактивный и коммуникационный подход в работе с посетителями. Сегодня рассматривается и модель «живого музея», ориентированная на создание «оживших экспозиций» и исторических персонажей, с применением игровых методов и элементов театрализации, дабы воссоздать полную картину прошлого.

Основой разработки культурно-образовательной концепции и реализации музейно-педагогических программ, прежде всего, являются коллекции музея - подлинные артефакты, выступающие уникальными и ценными первоисточниками. В данной статье рассматриваются формы культурно-образовательной деятельности, некоторые аспекты образовательной концепции Центрального государственного музея РК. Отметим, что культурно-образовательная концепция ЦГМ РК включает ряд теоретических и практических задач, основывается на изучении разнохарактерных коллекций по истории и культуре нашей страны, получении результатов научно-исследовательской деятельности и применении их в музейно-педагогической работе. При этом подчеркнем, насколько сегодня особое значение имеют научные исследования и процесс каталогизации в музейной работе, поскольку научный каталог – это одна из инновационных форм популяризации историко-культурного наследия (как утверждает ученый, проф. Нурсан Алимбай), в котором собраны уникальные и ценные сведения по истории и культуре казахского народа. Это также особая форма подачи исторического материала. Результаты научных исследований, которые проводят музейные специалисты (историки, археологи, этнографы, антропологи и др.), зафиксированные в различных трудах, каталогах, монографиях, энциклопедиях применяются при разработке музейно-педагогических, образовательных программ.

Культурно-образовательная деятельность Центрального музея РК включает самый широкий спектр различных форм, методов, видов и приемов. В настоящее время ЦГМ РК активно развивает диалоговые интерактивные формы работы с аудиторией, где посетитель – это участник, партнер, клиент, далее друг музея. Это адресные программы, которые создаются с учетом интересов и запросов самых разных возрастных и социальных категорий посетителей - от дошкольников до взрослых посетителей. Реализация образовательных программ музея направлена, прежде всего, на решение следующих задач:

- знакомство посетителей с историей и культурой страны;
- создание условий и возможностей для творческой самореализации и самовыражения;
- расширение музейной аудитории, посредством изучения реальной и потенциальной категорий посетителей;
- организация исследований в области музейной педагогики, анализ и применение результатов социологических исследований на практике;
- расширение коммуникационного поля – форм взаимодействия с посетителями и сотрудничества с различными общественными структурами;
- применение на практике новых методов и приемов работы с аудиторией.

К задачам музейного образования и реализации образовательной и социокультурной функций российские музеи относят следующие: формирование музейно-педагогических служб; разработка

программ и учебных курсов; развитие профессионального и междисциплинарного сотрудничества; включение музея в процессы социокультурного развития общества с помощью современных информационных технологий (Столяров, 2002, с.9).

Концепция культурно-образовательной деятельности ЦГМ РК основывается на реализации программ и проектов для различных групп посетителей с учетом их запросов и интересов, используя современные коммуникационные, информационные, интерактивные технологии в музейном образовании. Все программы реализуются в рамках взаимодействия музея с системой образования, где координирующим звеном выступает музейно-педагогический отдел при центре культурно-образовательной работы Центрального музея РК. ЦГМ РК в культурно-образовательной работе использует как уже давно сложившиеся традиционные формы работы с посетителями, так и нетрадиционные, к числу которых относятся комплексные, как наиболее популярные, повышающие эффективность деятельности музея и его взаимодействие с учебными заведениями.

Рассматриваемая модель *Музей и школа* – это сложившаяся система сотрудничества, где каждая сторона реализовывает свои задачи и функции. Основную часть музейной аудитории по-прежнему составляет категория – *школьники*. Сотрудничество ЦГМ РК с Управлением образования и научно-методическими, образовательными учреждениями выражается в реализации совместных задач музейного, школьного образования и воспитания и демонстрирует большой опыт работы. Это разработанная программа постоянных ежегодных занятий в ЦГМ РК (2018-2020 гг.) – экскурсий, музейных уроков, творческих занятий в музейной экспозиции по истории Казахстана, в которой участвуют как учащиеся и педагоги учебных заведений (школ г. Алматы), так и музейные специалисты (археологи, этнографы, историки, музееведы и др.). Главной объединяющей задачей является воспитание у подрастающего поколения уважительного и бережного отношения к памятникам материальной культуры, изучение и понимание истории прошлого страны.

Музейные образовательные программы, являющиеся комплексной формой культурно-образовательной деятельности ЦГМ РК, разработанные музейными педагогами и научными специалистами включают ряд взаимосвязанных между собой занятий, которые знакомят с различными аспектами историко-культурного наследия страны: тематические и обзорные экскурсии, экскурсия-игра, экскурсия-беседа, экскурсия – театрализованное представление, экскурсия – квест-игра, мастер-класс, музейный урок-выставка, музейный урок-игра, музейный урок-экскурсия, музейный урок-творческая встреча и т.д.

Образовательные программы разрабатываются для определенной возрастной категории по тематическому принципу в хронологической последовательности, объединяют как теоретическую ознакомительную часть (лекции, экскурсии), так и практическую интерактивную (поисково-исследовательскую, самостоятельную работу учащихся на базе музейной экспозиции, выполнение заданий с элементами игры в качестве закрепления материала). Основным элементом программы является музейно-экскурсионное путешествие в мир истории по разделам – палеонтология, археология, этнография, антропология, где на первый план выступает проведение для детей экскурсии.

Каждая образовательная программа – это своего рода научно обоснованный проект, где определяются: цели и задачи, актуальность, новизна, педагогическая, научно-практическая значимость, целевая аудитория, возрастная категория, структурное содержание, методика проведения занятий, методы и приемы работы, предметный ряд, изучение первоисточников, а также использование наглядных, вспомогательных и дидактических материалов и др.

Особенностью образовательных программ Центрального музея является разработка и применение на занятиях *интерактивных путеводителей, буклетов* по экспозициям и выставкам музея, которые могут содержать краткие сведения об экспозиции или экспонатах, что помогает ориентироваться учащимся при выполнении самостоятельной работы. В путеводители и буклеты включены вопросы, ребусы, кроссворды, картинки, цитаты известных людей, пословицы и загадки и др. Материалы для детей насыщены заданиями, способствуют расширению словарного запаса учащихся, освоению предметного мира, формируют навыки выражать свои мысли, повышают грамотность. Важное значение имеет создание зрительного ряда – фотографии, гравюры, портреты, книги, репродукции, схемы, карты, видеоматериалы и др. Такая интерактивная форма работы с детьми делает путешествие особенно увлекательным и запоминающим действием.

Широкую популярность среди детской аудитории обрела новая культурно-образовательная программа *«В мир традиционной казахской культуры по произведениям художника, этнографа Н.Г.Хлудова»*, которая знакомит участников не только с биографией, творческим наследием художника, но, а также с традиционной культурой казахского народа, которая полноценно отражена в его произведениях, являющихся ценным этнографическим источником. Программа рассчитана на

учащихся средних и старших классов и направлена на то, чтобы помочь детям понять язык произведений искусства, научить изучать произведения, побудить к собственному творчеству. Включает цикл занятий, таких как: экскурсия - беседа, видеопозаказ- слайд программа, исследовательская работа, направленная на изучение произведений в экспозиции, выполнение заданий по интерактивному разработанному музеем буклету, создание рисунка на тему казахской материальной культуры и природы края.

Занятие по программе «В мир традиционной казахской культуры по произведениям художника, этнографа Н.Г.Худова»

Интересной образовательной программой для учащихся младших классов общеобразовательных школ является «**Животный мир Казахстана: по страницам Красной книги**». Программа призвана воспитывать уважение и бережное отношение к природе, животному разнообразию. Разработана с применением современных технических средств, построена последовательно, знакомит с древними видами животных на базе палеонтологического комплекса, далее редкими и исчезающими видами животных Казахстана, занесенных в Красную книгу. Программа включает экскурсии, музейный урок –квест-игру с творческими заданиями, создание рисунка и рассказ о любимом животном. Большинство экскурсий и лекций сопровождается показом видеофрагментов по теме и показом отдельных фондовых коллекций, муляжей животных, птиц, насекомых.

Программа «Животный мир Казахстана»

Программа «**Я и мой музей**»/Я изучаю термины музея», знакомит участников с миром музея, коллекциями, направлениями научно-фондовой работы, музейными понятиями и терминологией – «Что такое Музей?», «экспонат», «раритет», «артефакт», «предмет музейного значения», «экспозиция», «выставка», «этикетка», музейная документация, «учет экспонатов», «атрибуция», «паспортизация», «инвентарная карточка» и др. Программа рассчитана на учащихся средних и старших классов общеобразовательных школ, состоит из трех частей – экскурсия-лекция, видеопрограмма, демонстрирующая виды музейных коллекций, самостоятельная работа, которая позволяет научиться выделять коллекции в собрании музея; описывать экспонаты и правильно заполнять инвентарную или учетную карточку.

Показом музейных этнографических предметов, копий сопровождается музейный фольклорный урок «**Тайны бабушкиного сундука**». Особенность урока заключается в том, что музейный педагог объясняет, что каждый предмет попавший в музей, становится экспонатом, может создать образ человека, представление о времени и культуре народа, каждый предмет – это традиция. Содержание урока включает понятие - исторический музей –хранитель памяти о прошлом, о котором свидетельствуют предметы, сохранившиеся до наших дней и характеризующие материальную культуру народа. Занятие знакомит учащихся младших классов с предметным миром, традиционной

казахской культурой – одеждой, головными уборами, украшениями, предметами быта, теми предметами, которые таит в себе бабушкин сундук. Дети, рассматривая экспонаты, определяют функциональное назначение этих предметов, способ изготовления и среду бытования, учатся понимать язык вещей. Это увлекательное занятие – урок-экскурсия сопровождается фольклором – легендами об этих предметах, пословицами, сказками. Дети выполняют задания, отвечают на вопросы, делают свои зарисовки экспонатов из сундучка, далее дается задание на дом – заглянуть в бабушкин сундук и описать предметы. Используется предметный ряд – сундук, головные уборы, камзол, шалбар, ювелирные украшения, предметы быта, посуда и др.

Музейный урок «Тайны бабушкиного сундука»

Особое место среди интерактивных форм работы с посетителями занимают **квест-игры-путешествия по экспозиционным залам музея**, которые разработал Центральный музей за последние годы по истории и культуре Казахстана: «Путешествие в мир палеонтологии и археологии», «История предметов из бабушкиного сундука», «История суверенного Казахстана», представляющие собой игровой познавательный процесс, включающий поиск и самостоятельное изучение экспонатов в заданной тематико-хронологической последовательности, выполнение заданий в форме викторин и конкурсов.

Музейный урок-квест-игра «Путешествие в мир археологии»

Музейные образовательные программы представляют собой систему интегрированных уроков - это новый этап в системе сотрудничества Центрального музея с учебными заведениями, апробация новых моделей и форм взаимодействия с аудиторией. Формы культурно-образовательной деятельности музея постоянно меняются и наполняются новым содержанием, обсуждаются новые методики проведения занятий и реализации программ. Большинство современных отечественных музеев используют такое понятие, как «музейно-педагогические сессии – эффективная форма включения в опытно-экспериментальную работу (ОЭР) учителей и учащихся» (Ештокина, 2002, с.16). Музейно-педагогические сессии (заседания, советы) позволяют объединить группы специалистов гуманитарных дисциплин и решить проблемы музейной педагогики.

Разработка культурно-образовательных программ и методик проведения занятий - одна из существенных первостепенных задач музейных педагогов и научных специалистов. В этой связи, «Музейный педагог должен обладать знаниями о музейных коллекциях, быть хорошим учителем, способным донести свои знания до посетителя, должен быть в курсе новых открытий в той области...Музейный педагог – психолог и социолог, владеющий актерским мастерством. То есть амплитуда знаний и умений музейного педагога достаточно широка». (Коссова, 1997, с.15). Проблемы взаимодействия музея и школы, разработка специальной методики работы со школьниками

рассматривались как зарубежными, так и российскими специалистами еще в 30-40-х гг. XX века (Г.Фрейденталь впервые употребил термин “музейная педагогика” в своей книге «Музей и общество»-1931 г. (Медведева, Юхневич, 1997, с.19.). В те годы большое внимание отводилось музейно-педагогической деятельности, также, как и возникла идея создания специализированных экспозиций для детей, построенных по принципу музеев-мастерских, где ребенок получил бы возможность для самостоятельной творческой работы (Медведева, Юхневич, с.19). Отметим, что современные музеи и сегодня уделяют значительное внимание музейно-педагогической работе, где приоритетное место отведено детским программам и экспозициям. ЦГМ РК в настоящее время достаточно широко использует активные формы обучения в работе с детьми: разрабатывает детские программы, которые включают комплекс мероприятий – это и музейные уроки, экскурсии, театрализованные представления, конкурсы, квесты-путешествия и выставки детского творчества. Дети участвуют в мастер-классах, уроках, познают историю и культуру своей страны через игровые программы, изучая музейные предметы, создают свои рисунки, которые экспонируются на различных выставках. Выставки детского творчества – это давняя традиция Центрального музея, являющаяся частью культурно-образовательной программы, проводятся с целью освоения детьми окружающего мира, мира музея, знакомства и общения с артефактами, развития детского творчества. За последние годы, музеем проведено свыше 50 выставок детского рисунка – «Животный мир Казахстана», «Национальные символы РК», «Мой Независимый Казахстан», «Жемчужины Казахстана» и др. Отметим и то, что для учащихся школ на время школьных каникул в музее организуются детские творческие площадки для проведения совместного досуга родителей с детьми, где учащиеся могут продемонстрировать свои навыки и творчество и создать свой рисунок на музейную тематику или написать сочинение/эссе после знакомства с экспозициями (например, «Интересный музейный предмет», «Этот предмет есть у меня дома», «Об этом экспонате мне рассказал экскурсовод»). Это еще одна форма взаимодействия музея с детской аудиторией.

Выставки детского творчества

Центральное место в музейно-педагогической деятельности ЦГМ РК отводится интерактивному направлению, получившему ныне большое распространение в музейной практике. Как свидетельствует опыт работы, ставятся новые задачи в разработке образовательной модели и реализации детских долговременных программ, так как работа музея со школьниками показывает, как меняется проблематика проведения цикловых занятий, требуется применение новых универсальных методик и приемов, повышающих уровень общения и активизирующих потенциал ребенка. В этом направлении, актуализируется *идея реализации концепции создания Детского музея* при Центральном музее (идея и инициатива директора музея Нурсан Алимбай), ориентированного на детей и семью, где работа с детьми обретет новые формы и приемы подачи экспозиционного исторического материала, вариативность использования методологического инструментария. Такая направленность обусловлена значительным возросшим интересом и популярностью детских инновационных, мультимедийных, познавательных и игровых программ, частью которых станут подлинные раритеты, а также предметы, которые можно потрогать руками и исследовать, что в целом сделает обучение более живым и увлекательным процессом. «Для детского музея обязательным является сочетание предметного материала с программой, ориентированной на проявление детской активности. Там, где нет этих двух составляющих, там нет детского музея» (Юхневич, 1997, с.37).

«Вместе с тем международные тенденции свидетельствуют – музей становится центром и для взрослой аудитории» (Коссова, 1997, с.14.). Центральный музей разрабатывает адресные *культурно-образовательные программы для взрослых людей*, к этой категории относятся пожилые люди, пенсионеры, инвалиды и др. За последние годы, ЦГМ РК разработал и реализовал множество социальных проектов: «Вот тебе моя рука», в поддержку пожилых людей, пенсионеров; «Память в наших сердцах» в поддержку ветеранов ВОВ (к празднику День Победы), который стал традиционным

благотворительным проектом и реализуется с 2017 года; мероприятий, в поддержку людей с ограниченными возможностями и малообеспеченных многодетных семей. Проекты включают цикл мероприятий, направленных на знакомство посетителей с музейными коллекциями и экспозициями, историей страны и включают - экскурсии, лекции, концерты, музыкально-поэтические вечера, встречи, вручение памятных подарков и др.

Центральный музей РК большое внимание уделяет *семейным посетителям* (это категория родители-дети-люди старшего поколения). Так, с 2016 года музеем реализуется новый культурно-образовательный социальный проект-фестиваль *«Всей семьей в музей»*, направленный на организацию семейного посещения и популяризацию семейных, духовных и исторических ценностей, в рамках которого разрабатываются специальные образовательные познавательные тематические программы-туры выходного дня, конкурсы и викторины для семей, выставки и мастер-классы.

Интересные истории, загадки, головоломки, квесты, разработанные для всей семьи, позволяют создать живое общение между специалистами музея, музейными предметами и участниками мероприятия, получить знания в процессе участия в игровых театрализованных действиях и программах. Интересным новшеством является разработанный музейными педагогами Паспорт семейного путешествия *«Лабиринты истории Казахстана»*, предполагающий самостоятельное изучение музейных экспозиций и экспонатов, где родители с детьми выполняют определенные задания и заполняют интерактивный буклет.

Данный проект расширил границы сотрудничества музея с представителями многоликкой аудитории, организациями, формы, приемы и методы взаимодействия с посетителями. Проект способствует возрождению и сохранению национальных традиций в семейном воспитании; развитию интереса у семьи к музею, его коллекциям, знакомства с историей, что дает возможность родителям вместе с детьми научиться чему-то новому в музейном пространстве – к примеру, проводить самостоятельную работу по поиску и изучению исторических экспонатов; развитию мастерства, обмена опытом; созданию среды общения с людьми творческих профессий – художников, мастеров декоративно-прикладного искусства, музыкантов и др.

Примером комплексной формы реализации культурно-образовательной деятельности является традиционный ежегодный проект *«Ночь в музее»*, представляющий собой музейный праздник, получивший большое распространение в современной международной музейной практике. Музейный праздник объединяет ряд других форм работы с посетителями – экскурсии, творческие образовательные программы, кинопоказы, концерты, лекции, исторические квесты, арт-выставки и мастер-классы, специальные акции для детей и молодежи с участием деятелей науки, культуры и искусства, спонсоров и партнеров музея. Тематика и содержание мероприятия ежегодно меняется. Центральный музей каждый год представляет новые экспозиции и выставки из фондовых коллекций музея, новые программы и акции, посвященные историко-культурному наследию страны. Так, в 2019 году музейная акция ЦГМ РК была посвящена Году молодежи Казахстана и продемонстрировала авторские научные и творческие инновационные проекты студентов более 20 вузов г. Алматы. «Ночь в музее» служит импульсом развития творческой молодежи, несомненно имеет огромное значение для формирования культурной среды нашего города, кроме того решает вопросы привлечения посетителей разных социальных и возрастных групп, роста посещаемости музея.

Музейная акция «Ночь в музее»

Отметим, что обучение взрослых и молодежи – это одно из перспективных направлений культурно-образовательной деятельности музея. Примерами являются арт-проекты ЦГМ РК - «*Жемчужины Казахстана*», «*Краски Наурыза*», «*Алматы – алтын ұям*», которые также расширяют возможности для интеллектуального и творческого развития посетителей разных возрастов- взрослых и молодежи. В рамках проектов сотрудники музея реализовывают образовательные и культурно-досуговые программы: викторины, тематические конкурсы для студентов, интерактивные уроки для детей по казахской этнографии, по истории г.Алматы и страны, лекции и творческие встречи для людей разного возраста с учеными, музыкантами, художниками, писателями, государственными деятелями и др. В рамках мероприятий музей организует выставки изобразительного и прикладного искусства, в которых принимают активное участие как деятели искусств, так и дети – юные художники, представляя свои авторские работы по живописи и ДПИ, отражающие современные подходы, техники и жанры в изобразительном искусстве. В проектах принимают участие художники Казахстана, детские образовательные центры, школы и изостудии, что расширяет сферу сотрудничества музея с широким кругом различных творческих организаций.

Все большее значение и популярность среди комплексных форм культурно-образовательной деятельности обретают **фестивальные мероприятия**, музыкальные фольклорные и этнографические праздники, приуроченные к знаменательным датам отечественной истории, национальным и государственным праздникам. Фестивали, которые проводит ежегодно музей, привлекают внимание особенно взрослой аудитории. В программу таких мероприятий включены: знакомство посетителей с новыми выставками, экспозициями; концерты с участием музыкальных творческих коллективов, национально-культурных центров, народных артистов РК; лекции по вопросам археологических и этнографических исследований, на которых участники стремятся пополнить и расширить гуманитарные знания. Фестивальные мероприятия посвящены как национальным праздникам, традициям казахского народа, так и истории, культуре и искусству различных народов мира, организованные в сотрудничестве с музеями стран ближнего и дальнего зарубежья, Посольствами и консульствами зарубежных стран. Популярными стали фестивали японской и китайской культуры, праздники Египта, Ирана, стран Центральной Азии. Развитие декоративно-прикладного искусства и народных ремесел стало для музея традицией и особой формой привлечения посетителей, поскольку именно на мастер-классах, организованных музеем в рамках фестивалей традиционной культуры и искусства, люди разных возрастов знакомятся и обучаются традиционным видам ремесел (гончарному ремеслу, ювелирному искусству, вышивке, обработке кожи, войлока, дерева), искусству каллиграфии, живописи.

Значительную группу музейной аудитории составляют студенты. Поэтому нельзя не отметить, что традиционным направлением работы Центрального музея с данной категорией является организация музейной практики по специальности «Музейное дело или музееведение». Студенты активно

подключаются в музейную работу, приобщаются к культурному наследию, обучаются, получают как теоретические знания в виде лекций и экскурсий, так и практические навыки в различных областях музейной работы – культурно-образовательной, научно-фондовой, экспозиционно-выставочной и др.

Таким образом, Центральный музей, используя разнообразные формы работы, как традиционные, так и инновационные, среди которых комплексные объединяет их в систему, где программы ориентированы на все категории посетителей – дошкольников, школьников, студентов, взрослых посетителей. Такая система дает свои плодотворные результаты: во-первых осуществляется процесс музейной коммуникации; расширяются возможности для привлечения посетителей разных категорий посредством организации разных образовательных, познавательных, культурно-досуговых программ; во-вторых, участники музейного образовательного процесса получают обширные полноценные исторические знания по определенным тематическим разделам, изучая подлинные артефакты и закрепляя свои знания посредством выполнения самостоятельной практической работы; в-третьих, программы и проекты способствуют формированию у участников навыков проведения исследования, умения сравнивать, классифицировать, систематизировать получаемую информацию. Таким образом, можно отметить большое значение и результативность применения комплексных форм, интерактивных методов и игровых приемов, различных видов коммуникаций с многочисленной разновозрастной аудиторией в культурно-образовательной деятельности ЦГМ РК.

Литература

- Гуральник Ю. Посетитель – главный партнер музея//Музей и его партнеры. Сб. трудов. М., 2004. 200 с.
- Ештокина И.П. Развитие вариативных педагогических систем и адаптация программы «Здравствуй, музей!»//Музейная педагогика в школе. Спб, 2002. 228 с.
- Коссова И.П. Культурно-образовательная деятельность музеев. Тенденции и перспективы// Культурно-образовательная деятельность музеев. Сбор. трудов. М., 1997. 120 с.
- Медведева Е., Юхневич М.Ю. Музейная педагогика, как новая научная дисциплина//Культурно-образовательная деятельность музеев. Сбор. трудов. М., 1997. 120 с.
- Столяров Б.А. Музей и модернизация отечественного образования//Музейная педагогика в школе. Вып.3. Спб., 2002. 228 с.
- Юхневич М.Ю. Детский музей: прошлое и настоящее//Культурно-образовательная деятельность музеев. Сбор. трудов. М., 1997. 120 с.

A.V. Kushchenko

CULTURAL AND EDUCATIONAL PROGRAMS OF THE CENTRAL STATE MUSEUM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: forms, methods, techniques for working with visitors

This article discusses the forms of cultural and educational activities, some aspects of the educational concept of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan. The cultural and educational activities of the Central Museum of the Republic of Kazakhstan include the widest range of various forms, methods, types and techniques. Currently, the Central Museum of the Republic of Kazakhstan is actively developing interactive dialogue forms of working with the audience, where the visitor is a participant, partner, client, then a friend of the museum. These are targeted programs that are created taking into account the interests and needs of a variety of age and social categories of visitors, from preschool children to adult visitors.

Мусаханова М.З.

*Казахская национальная академия искусств имени Т.К. Жургенова
г. Алматы, Казахстан
E-mail: mussahanova@mail.ru*

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ОБУЧЕНИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА (из опыта преподавания)

В условиях рыночной экономики музей становится генератором социального капитала. Он переходит от предложения публике того, что сам считает наилучшим для нее, к действительному обслуживанию запросов людей посредством доступных ресурсов, – утверждает исполнительный директор Канадской ассоциации музеев Джон Дж. Мак-Авити (Мак-Авити, 2000, с. 205). Музеи – генераторы ресурсов – очень хорошо «знают, кто составляет их аудиторию, доказывают, что умеют

удовлетворять потребности своих посетителей, умеют представить себя в выгодном свете перед внешним миром, умеют сотрудничать со средствами массовой информации, умеют грамотно внедрять проекты и вести отчетность, знают, как получить оптимальную отдачу на вложенные средства и т.д. Все эти факторы оказываются решающими в отношениях между музеями и частным сектором, они являются совершенно неотъемлемой частью перехода музея от музея-акцептора к музею-генератору ресурсов» (Майлз Р., 1997, с. 33). Подобные вызовы требуют формирования новых адекватных принципов управленческой деятельности в музейной сфере. Насущной необходимостью стало освоение современного музейного менеджмента. Далеко не все музеи в этом преуспели, но некоторые оказались успешными. Показательно свидетельство директора музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» (г. Архангельск) Майи Миткевич: «У нашего объединения позади очень тяжелый период жизни. Но он помог избавиться от иждивенческих настроений тем, у кого они оставались». Что же это такое – менеджмент? Что он собой представляет? Весьма емкое понятие «менеджмент» обозначает социальный институт и специфическую субкультуру, обладающую собственными ценностями, нормами, духовными и мировоззренческими ориентирами. Менеджмент – это и область человеческого знания, самостоятельная дисциплина, имеющая свои традиции, научные школы, предмет и методы исследования. Менеджмент подразумевает также и определенную категорию людей, получивших профессиональное образование в сфере управления и практически занимающихся управлением. Наконец, менеджмент – это умение добиваться поставленных целей, используя труд, интеллект, мотивы поведения других людей как в коммерческих, так и некоммерческих организациях, функции, методы, принципы и приемы этой деятельности. Менеджмент радикально отличается от такого вида управленческой деятельности как руководство, которое было довольно успешно в условиях, когда государство ясно осознавало, что делать, когда все было определено, требовалось только жестко контролировать работников, направлять их на выполнение поставленных вышестоящими органами задачи, и именно исполнительность предусматривала соответствующее вознаграждение. Сегодня подход, в соответствии с которым чем сильнее управленческое воздействие, тем эффективнее результат, уже не работает. В сложном устроенном открытом обществе, в сферах, где происходят интенсивные процессы, могут складываться ситуации, когда система эволюционирует по направлению к спонтанной самоорганизации, и, казалось бы, незначительные причины порождают сильные воздействия. Здесь и требуется менеджмент, который представляет собой нечто большее, чем просто сумму технических средств и организационных приемов. Современный менеджмент, проникая в некоммерческую сферу, меняет не отдельные элементы механизма управления, а перестраивает сам фундамент управления, всю его генную систему, заставляя управленческий механизм работать по новым правилам. Именно открытием менеджмента как мощного инструмента эффективного управления, ключевой предпосылкой успешного функционирования современного музея и ознаменовалось для отечественных музейщиков последнее десятилетие XX века (Востряков, 2004, с. 3).

В сложившихся условиях очень своевременно и актуально введение в учебную программу студентов 3 курса специальности «Арт-менеджмент» Казахской национальной академии искусств имени Т.К. Жургенова дисциплины «Менеджмент современного музея».

Курс «Менеджмент современного музея» является одним из профессиональных предметов учебной программы специальности «Арт-менеджмент», состоит из лекционного материала (10 часов), практических занятий (20 часов), предусматривающих самостоятельную работу студентов (СРСП - 15 часов, СРС – 45 часов). Программа курса рассчитана на 3 кредита – 90 учебных часов. Предмет изучается в VI семестре.

Цель и задачи дисциплины «Менеджмент современного музея»:

Цель курса: сформировать у студентов систему знаний о менеджменте современного музея.

Задачи курса:

1. Сформировать представление об особенностях менеджмента и маркетинга в музейном деле.
2. Освоить содержание ключевых понятий, используемых в современном маркетинге и менеджменте музеев.
3. Уяснить специфику должностных обязанностей различных музейных сотрудников.
4. Ознакомиться с основными маркетинговыми технологиями и современной практикой их применения в музеях.
5. Сформировать базовые практические навыки в области менеджмента музейной деятельности (Мусаханова, 2019, с. 5).

№	Название тем	Лекция	Семинар	СРСР	СРО
1	Введение. Основные понятия и проблематика курса. Объект, предмет и задачи курса.	1	2	2	6
2	Тема 1. Современный музейный менеджмент: особенности и методы	1	3	2	6
3	Тема 2. Структура современной музейной организации	1	3	2	7
4	Тема 3. Управление различными структурными элементами музея	2	3	2	7
5	Тема 4. Музейный маркетинг: особенности и технологии	2	3	2	6
6	Тема 5. Коммерческая деятельность музеев	2	3	2	7
7	Тема 6. Информационные технологии и PR-деятельность в современном музейном менеджменте	1	3	3	6
	ВСЕГО	10	20	15	45

Для освоения курса студентам рекомендуется специальная литература, интернет ресурсы, видеоматериалы.

В преподавании дисциплины «Менеджмент современного музея» автором успешно используются основные виды интерактивных образовательных технологий:

1. Работа в малых группах (команде) - совместная деятельность студентов в группе под руководством лидера, направленная на решение общей задачи путем творческого сложения результатов индивидуальной работы членов команды с делением полномочий и ответственности.

2. Проектная технология – индивидуальная или коллективная деятельность по отбору, распределению и систематизации материала по определенной теме, в результате которой составляется проект.

3. Анализ конкретных ситуаций (case study) - анализ реальных проблемных ситуаций, имевших место в соответствующей области профессиональной деятельности, и поиск вариантов лучших решений.

4. Ролевые и деловые игры - ролевая имитация студентами реальной профессиональной деятельности с выполнением функций специалистов на различных рабочих местах.

5. Модульное обучение – использование знаний в виде:

а) отдельных модулей, автономных частей курса, интегрируемых с другими частями курса;

б) блоков взаимосвязанных курсов, которые можно изучать независимо от другого блока дисциплин.

6. Контекстное обучение - мотивация студентов к усвоению знаний путем выявления связей между конкретным знанием и его применением.

7. Развитие критического мышления – образовательная деятельность, направленная на развитие у студентов разумного, рефлексивного мышления, способного выдвинуть новые идеи и увидеть новые возможности.

8. Проблемное обучение - стимулирование студентов к самостоятельному приобретению знаний, необходимых для решения конкретной проблемы.

9. Индивидуальное обучение - выстраивание студентом собственной образовательной траектории на основе формирования индивидуальной образовательной программы с учетом интереса студента.

10. Опережающая самостоятельная работа - изучение студентами нового материала до его изучения в ходе аудиторных занятий.

11. Междисциплинарное обучение - использование знаний из разных областей, их группировка и концентрация в контексте решаемой задачи.

12. Обучение на основе опыта - активизация познавательной деятельности студента за счет ассоциации их собственного опыта с предметом обучения.

13. Информационно-коммуникационные технологии - обучение в электронной образовательной среде с целью расширения доступа к образовательным ресурсам (теоретически к неограниченному объему и скорости доступа), увеличения контактного взаимодействия с преподавателем, построения индивидуальных траекторий подготовки и объективного контроля и мониторинга знаний студентов.

Студенты вовлекаются в следующие инновационные методы обучения и при выполнении заданий по предмету:

1. Проектная технология:

Студенты с помощью коллективной или индивидуальной деятельности по отбору, распределению и систематизации материала по определенной теме, составляют проект. Задача преподавателя – с учетом возрастных и индивидуальных особенностей студентов, их интересов, потребностей, планов на будущее – создать такую рабочую атмосферу, которая бы стимулировала их мыслительную, коммуникативную и творческую деятельность. Каждый студент в качестве руководителя разрабатывает концепцию развития конкретного музея, функциональные обязанности сотрудников (предположительно коллеги по группе). Результатом проекта является программа развития музея в современных условиях (проект Алуа Оразхан «Государственный музей искусств РК им. А. Кастеева», фото 1).

2. Анализ конкретных ситуаций (case study):

Студентам предлагается описание реальной ситуации в музейной деятельности и найти решение ситуации, дать рекомендации по решению проблемы, используя при этом приобретенные теоретические знания (проект Динары Мухиткызы «Архитектурно-художественный музей “Жаркентская мечеть”»), фото 2).

3. Развитие критического мышления:

Обучающиеся, посетив конкретный музей, анализируют все направления деятельности и формулируют свои предложения по улучшению всех видов работ (проект Нурастана Басхожаева «ГМИ им. А. Кастеева», фото 3).

Критическое мышление решает в обучении следующие задачи:

- помогает обучаемому определить приоритеты;
- предполагает принятие индивидуальной ответственности;
- повышает уровень индивидуальной культуры работы с информацией;
- позволяет педагогу обнаружить скрытые таланты в своих студентах, которые открывают для себя новые знания, и между ними устанавливаются отношения, основанные на взаимоуважении и доверии;
- преподаватель поддерживает, но не навязывает, помогает, но не ущемляет, поощряет к исследованию, но не исследует проблему вместо них;
- преподаватель, который ценит критическое мышление, мало говорит, а труд его заключается в том, чтобы слушать, наблюдать и направлять студентов;
- позволяет студенту увидеть проблему совершенно в новом ракурсе;
- дает студенту возможность по-своему увидеть, понять и принять решение по той или иной проблеме;
- позволяет студенту научиться выражать свои мысли, доверять себе;
- стимулирует студента на учебу.

4. Опережающая самостоятельная работа:

Автором используются 2 формы:

1. Опережающие задания практического характера. До начала изучения новой темы студентам предлагается провести наблюдение на практике. Это позволяет преподавателю опереться на опыт студентов, а у студентов вызывает интерес к теоретическому материалу.

2. Опережающие работы теоретического характера. Студенты самостоятельно изучают отдельные темы, отдельные вопросы, дополнительную литературу до изучения теоретического материала. Например, анализ документальных источников по теме, подготовка сообщений о практическом опыте в изучаемой области, изучение методических разработок и рекомендаций, знакомящих студентов с предстоящей профессиональной деятельностью и другое.

В процессе самостоятельной работы вырабатываются значительный багаж знаний, навыков и умений, способность анализировать, осмысливать и оценивать современные события, решать профессиональные задачи на основе единства теории и практики, что гарантирует успешное освоение современной профессии.

Метод опережающей самостоятельной работы позволяет автору-педагогу вести обучение с подготовленной аудиторией и добиваться больших результатов в профессиональном росте студентов (проект Шугылы Мелис «Музей народных музыкальных инструментов», фото 4).

5. Обучение на основе опыта:

• Обучение на основе опыта – активизация познавательной деятельности студентов за счет ассоциации их собственного опыта с предметом изучения (проект Кайрата Жумахан «Мангистауский областной историко-краеведческий музей», фото 5).

• Обучение — это циклический и кумулятивный процесс (процесс, в ходе которого нарастают и накапливаются сила и скорость его действия) постоянного

обновления и расширения знаний. Цель обучения — изменить поведение так, чтобы обучаемый мог действовать более успешно.

- Обучение — это процесс постоянной трансформации личности

Различают осознанное обучение и неосознанное обучение:

- Осознанное обучение обычно называют обучением при помощи образования. Осознанное обучение обычно более успешно и лучше развивает способности, чем неосознанное, потому что предоставляет больше возможностей для контроля над процессом.

- Неосознанное обучение — обучением на основе опыта, которое носит циклический характер. Здесь опыт приобретается через деятельность — действия, которые дают новые знания.

Эта форма обучения также крайне важна, о чем свидетельствуют приведенные ниже данные:

- после того, как вы что-то прочитали, вы запомните 10%;
- после того, как вы что-то услышали, вы запомните 20%;
- после того, как вы что-то увидели, вы запомните 30%;
- после того, как вы что-то увидели и услышали, вы запомните 50%;
- после того, как вы что-то сделали сами, вы запомните 90%.

Оптимальное обучение возникает тогда, когда у людей есть возможность действовать.

6. Информационно-коммуникационные технологии:

Методы ИКТ (IT-методы) - применение компьютеров для доступа к Интернет-ресурсам, использование обучающих программ для расширения информационного поля, повышения скорости обработки и передачи информации, обеспечения удобства преобразования и структурирования информации для трансформации ее в знание (фото 6).

Основные направления ИКТ:

- Представление учебного материала на компьютере
- Создание электронных учебно-методических комплексов
- Диагностика и рейтинг-оценка учебных достижений студентов
- Электронный портфолио преподавателя и студента
- Дистанционная поддержка деятельности студентов
- Информационно-коммуникационные технологии
- Представление учебного материала на компьютере
- Создание электронных учебно-методических комплексов
- Информационно-коммуникационные технологии

В результате изучения дисциплины «Менеджмент современного музея» у обучающихся формируются следующие компетенции:

Профессиональные:

- способность осуществлять межличностные, групповые и организационные коммуникации;

Специальные:

- владеть навыками менеджмента в сфере культуры и искусства;

– способность разрабатывать и управлять реализацией социально-культурных проектов (программ развития);

– умение эффективного использования ресурсной базы сферы культуры при управлении социально-культурным развитием мегаполиса.

По завершению курса «Менеджмент современного музея» студенты имеют представление:

- о предмете, цели, задачах, понятийном аппарате и научных основах дисциплины;

- о содержании ключевых понятий музейного менеджмента и маркетинга;

- об особенностях менеджмента и маркетинга в музейной деятельности;

- об истории музейного дела и основных видах музеев города Алматы;

- о духовно-ценностной сущности основных видов и направлений музейной деятельности;

- о практическом опыте мировых музеев и современном подходе в сфере маркетинговых технологий музейной деятельности;

- о содержании должностных обязанностей директора и остальных сотрудников современного музея;

- об основных направлениях, формах и методах работы в области музейного дела, направленные на сохранение и популяризацию объектов культурного наследия в городе Алматы.

Кроме того, студенты умеют:

- проводить анализ музейных экспозиций на основе знания художественного языка и излагать свои взгляды по проблемам музееведения;

- использовать содержание современных форм социально-культурной деятельности при организации мероприятий в сфере музейного дела;
- применять полученные знания и навыки в практике организации музейной деятельности.

И самое важное - студенты владеют:

- навыками совершенствования музейного менеджмента на основе развития событийной деятельности;
- навыками организации деятельности музеев в контексте социально-культурной парадигмы развития современного мегаполиса.

Таким образом, Казахская национальная академия искусств имени Т.К. Жургенова вносит вклад в подготовке профессиональных кадров для развития музейного дела Казахстана.

Настоящий руководитель хорошо чувствует миссию музея и вдохновляет других на участие в ее выполнении, утверждают авторы известного учебника по менеджменту в музейном деле Б. и Г. Д. Лорд: «Это понимание миссии – источник творческой энергии, которая помогает руководителю находить оригинальные решения проблем, направлять усилия персонала на решение действительно важных задач и ставить новые задачи, ведущие музей ко все более значительным свершениям. По-настоящему увлеченный своей миссией руководитель способен привлечь к ее осуществлению самых разных людей: персонал, добровольных помощников (волонтеров), спонсоров, широкую публику. Руководитель должен понимать миссию своего музея и верить в неё всем сердцем» (Лорд Б., Лорд Г. Д., 2002. с. 11.).

Фото 1. Защита проекта Алуа Оразхан

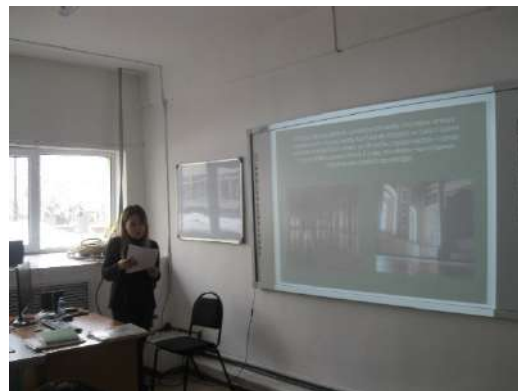

Фото 2. Защита проекта Динары Мухиткызы

Фото 3. Защита проекта Нурасхана Басхожаева

Фото 4. Защита проекта Шугылы Мелис

Фото 5. Защита проекта Кайрата Жумахан

Фото 6. Занятие «Менеджмент современного музея»

Литература

- Востряков Л. Современный музейный менеджмент // Экология культуры. Информационный бюллетень. Архангельск, 2004. № 3. С. 3-22.
- Лорд Б., Лорд Г.Д. Менеджмент в музейном деле. М.: Логос, 2002.
- Майлз Р. Как музеи научились мобилизовать внутренние ресурсы. Десятилетие перемен в музейном секторе Великобритании // Музеи в период перемен. СПб.: «Контрфорс», 1997.
- Мак-Авити Д. Дж. О переменах в управлении музеями – со страстью и рассудком // Экология культуры. Информационный бюллетень. Архангельск, 2000. № 6(19.).
- Майлз Р. Как музеи научились мобилизовать внутренние ресурсы. Десятилетие перемен в музейном секторе Великобритании // Музеи в период перемен. СПб.: «Контрфорс», 1997.
- Мусаханова М.З. Менеджмент современного музея. Учебно-методический комплекс. Алматы: Оперативная полиграфия, 2019. 40 с.

M.Z. Mussakhanova

NEW APPROACHES ON TEACHING MUSEOLOGY (from lecturing experience)

The article reflects on the importance and timeliness of introducing students to the curriculum of discipline "Management of the modern museum" at the T.K. Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts. Concept, structure and content of the discipline are substantiated. Goals, objectives of the course and learning outcomes are presented as well. New approaches on teaching museology contribute to mastering management skills in museum industry.

М.Ф. Расулов

*Ферганский государственный университет
г. Фергана, Узбекистан
E-mail: rasulov.2791@mail.ru*

ОТНОШЕНИЕ К ПАМЯТНИКАМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА В 80-ГОДАХ XX ВЕКА

Отношение к памятникам истории и культуры является своеобразным барометром, отражающим духовно-нравственную сущность общества. Характерной особенностью советского строя и господствовавшего в нем коммунистической идеологии было нигилистическое отношение к наследию предков. Особенно скептически относились советские функционеры к памятникам мусульманского зодчества, что ярко проявилось еще в первые годы советской власти. Так, на заседании Совнаркома РСФСР 8 сентября 1922 года, обсудившего вопрос об охране памятников Туркестана и оказании помощи музеям, советские функционеры М.К.Владимиров (Мирон Константинович Владимир (Шейнфинкель) (1879 – 1925) – партийный и государственный деятель. В 1922–1924 годах нарком финансов РСФСР и заместитель наркома финансов СССР.) и Ф.Э. Дзержинский прямо заявили, что “вопрос о мусульманском зодчестве – несущественный, и его надо исключить из политики РСФСР”. Подобная позиция некоторых советских руководителей оказывало негативное влияние на такую важную сферу культурно-духовной жизни общества, как охрана и использование памятников истории и культуры.

Однако справедливости ради необходимо отметить, что в последнее десятилетие существования советской власти была проведена определенная работа по охране и восстановлению памятников истории и культуры Узбекистана, особенно в старинных городах республики, что было связано с развитием внутреннего и, особенно, иностранного туризма. Как известно, Узбекистан – это страна с древнейшей историей и культурой. Сюда с каждым годом из разных уголков мира приезжало все больше иностранных туристов, что подталкивало правительство на реставрацию особенно часто посещаемых ими памятников средневековой архитектуры. Так, с 1920 по 1980 год в Узбекистане были осуществлены меры по охране, консервации и восстановлению 240 памятников зодчества (Крюков, 1991, с.12).

Следует обратить внимание еще на один момент: развертывание реставрационных работ во многих исторических городах Узбекистана было связано с проведением по инициативе ЮНЕСКО юбилеев

этих городов (Самарканда и Ташкент) или выдающихся корифеев мировой науки (Абу Али Ибн Сина и Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми).

По решению ЮНЕСКО было 19 сентября 1980 года было отмечено 1000-летие со дня рождения выдающегося ученого Абу Али Ибн Сина. В этой связи на его родине – Бухаре были проведены реставрационные работы на более чем 40 памятниках средневековой архитектуры, а в Ташкенте и Афшане были возведены статуи ученого. На эти цели было израсходовано 1 млн 446 тысяч рублей (Ашрафи, Крюков, 1981, с. 4-5; ЎЗР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^в, в. 290-291).

В 1983 году было отмечено 2000-летие города Ташкента. В ходе подготовки к юбилею были отреставрированы мавзолеи Калдиргачбия (XIV век), Юнус-хана (XV век), Шайх Хаванд Тахура (XVIII век), медресе Саид Абдул Касема, архитектурные комплексы Хасты Имам (Хазрет Имам) и Хайрабад Ишан (XVIII аср).

В том же году в связи с проведением 1200-летия великого математика и астронома Мухаммада ибн Муса ал-Хорезми в историко-архитектурном заповеднике Ичан-кала в Хиве были проведены широкомасштабные ремонтно-восстановительные работы.

В 80-х годах научно-исследовательская и проектно-изыскательная работа по охране памятников истории и культуры велась в основном в двух направлениях: 1) инвентаризация археологических памятников и 2) проектирование восстановительных работ на объектах зодчества.

Институтом археологии Академии наук УзССР была составлена карта более 500 археологических памятников Кашкадарьинской области (ЎЗТАГ, 1980). В 1979-1980 годах УзНИПИ по восстановлению и реставрации памятников культуры вела проектно-изыскательную работу по реставрации более 50 объектов архитектуры. Среди них были соборная мечеть Биби-Ханым и медресе Улугбека в Самарканде, Масджиди Калон в Бухаре и заповедник Ичан-Кала в Хиве (Исраилов, Захидов, 1981, с. 6-8).

В этот период было уделено большое внимание инвентаризации памятников истории и культуры. Определенный импульс этой работе дало постановление ЦК КПСС от 12 августа 1980 года “Об издании сборников памятников истории и культуры народов СССР”. 8 сентября 1980 года было принято соответствующее постановление ЦК КП Узбекистана и Советом Министров Узбекской ССР за № 604. 17 сентября того же года было принято распоряжение правительства республики за № 164 “П” об издании сборников о памятниках истории и культуры. В соответствии с этими документами были определены сроки составления и издания каталогов памятников истории и культуры по областям республики. В 1981 году было запланировано подготовка описей по Самаркандской и Наманганской областям, 1982 году – Андижанской, Джизакской и Сырдарьинской областям, в 1983 году – по городу Бухаре и Бухарской области. В 1979-1980 годах были подготовлены тома, посвященные памятникам города Ташкента и Ташкентской, Ферганской, Сурхандарьинской, Кашкадарьинской и Хорезмской областей (НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 52, л. 16-17). Большой вклад в эту работу внесли Г.Пугаченкова, Л.Маньковская, П.Захидов, З.Хахимов и другие ученые-искусствоведы. Они же приняли активное участие в издании по инициативе ЮНЕСКО книги “Жемчужины архитектуры Средней Азии” (Зоҳидов, 1983). Таким образом, научная-исследовательская работа стала важным подспорьем в работе по охране и использованию памятников истории и культуры во всех регионах республики.

Одним из древнейших историко-географических регионов Узбекистана является Бухарская область. В 80-х годах именно здесь велась наиболее интенсивная работа по реставрации памятников истории и культуры. Это было связано, во-первых, с тем, что памятников истории и культуры здесь было относительно больше, чем в других регионах; во-вторых, плохим состоянием находившихся здесь многих памятников старины; и, в-третьих, Бухара была наиболее посещаемым маршрутом для туристов, особенно иностранных. По данным министерства культуры Узбекской ССР на 25 марта 1982 года, в Бухарской области было взято под охрану государства 714 памятников, из которых 329 составляли архитектурные памятники, 259 – памятники монументального искусства и 126 – археологические памятники. 20 архитектурных сооружений области были включены в список памятников общесоюзного значения, а 274 – республиканского. В областном и районных центрах были составлены учетные листы 379 объектов и произведена фотофиксация 143 памятников (НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 58^в, л. 242).

По мнению экспертов, в 1982 году в 26 объектах зодчества Бухарской области требовалось проведение реставрационных работ. В этот список вошли и такие объекты, как Каравансарай, Пойи Остона и мечеть Баланд. Для реставрационных работ было выделено 1 млн 70 тысяч рублей, в том числе из республиканского бюджета – 585 тысяч рублей (НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 58^в, л. 103).

Однако архивные документы говорят о том, что в той же Бухарской области имели место многочисленные факты, связанные с частичным или полным разрушением некоторых памятников или

нанесением им серьезных ущерба. Так, в одном из источников отмечается, что была разрушена часть городской стены Бухары. В другом документе речь идет о разрушении мавзолея Абдухалика Гиждувани, а третьем – самовольном строительстве на территории охраняемых архитектурных комплексов Чор-Бакр и Бахауддин Накшбанд (НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 58^в, л. 232).

В советское время был принят ряд законодательных документов, служивших юридической основой для охраны и использования памятников истории и культуры. Однако, к сожалению, многие из них практически не работали. Например, в законе “Об охране и использовании памятников истории и культуры”, уголовно-процессуальном и административном кодексах СССР и Узбекской ССР были предусмотрены меры наказания за нарушения законодательства об памятниках истории и культуры. Однако, за исключением некоторых дисциплинарных взысканий, в архивных источниках сведений о применении к правонарушителям или должностным лицам предусмотренных законом строгих мер не встречается, хотя те же источники сообщают об имевших место вопиющих нарушениях закона, а точнее – фактах вандализма в отношении памятников истории и культуры. Достаточно привести некоторые примеры. Так, на территории площади Регистан в Самарканде были разрушены усыпальницы ханов, а их надгробные камни были унесены в музей. Уникальный памятник XIV века – мавзолей Нуриддина Басира, получившего название Кутби Чахордахум, был взорван. А усыпальница Абдухалика Гиждувани в Бухаре в «атеистических» целях за одну ночь была сравнена с землей. Был полностью разрушен и находившийся возле Чорсу (Ташкент) мечеть Сирли Масжид (Зоҳидов, 1992).

По данным Главного научно-производственного управления по охране памятников культуры, в 1980-1982 годах было полностью разрушено 6 археологических памятников, а также 2 памятника зодчества – сооруженные в XIX веке в Коканде здания мечетей (ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 10^в, в. 150-151).

Вплоть до начала 90-годов актуальным оставалась задача охраны архитектурных памятников Хивы. Здесь в результате неправильного использования инженерных коммуникаций серьезный урон был нанесен состоянию таких памятников зодчества, как медресе Матнияза диванбеги и Аллахкули-хана, а также бани Ануша-хана (Вилков, Хонхўжаев, 1990).

Уничтожение и ухудшение состояния многих археологических памятников были связано с хозяйственным освоением тех территорий, где они находились. Например, в Сурхандарьинской области в ходе освоения целинных земель началось строительство канала, траектория которого пролегла рядом с памятником кушанской эпохи – городищем Кампир-тепе. Заместитель директора Института искусствознания Х.Ш.Абдусаматов в своем письме от 25 июля 1985 года за № 324 на имя начальника Главного управления охраны памятников культуры Ф.М.Ашрафи отмечал, что строительство канала может привести к гибели уникальных городищ Шураб-Курган и Кампир-тепе (ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^а, в. 31). Однако строительства этого ирригационного сооружения избежать не удалось. В результате часть городища была уничтожена, а фортификационным сооружениям Кампир-тепе был нанесен непоправимый урон (ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^а, в. 24).

Свой “вклад” в уничтожение исторических памятников Сурхандарьинской области внесли и военные. Так, расположенная рядом с областным центром войсковая часть 2099 превратила городище Старый Термез в военный полигон. Военнослужащие проводили здесь учебно-тренировочные занятия, рыли окопы различной величины. На территории городища были развернуты строительные работы. Хотя облисполком принял специальное постановление о сохранении этого уникального памятника, последний все же был уничтожен, а виновные в этом никакого наказания не понесли (ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^а, в. 16).

В союзном законе “Об охране и использовании памятников истории и культуры” были предусмотрены меры по использованию архитектурных памятников не по их прямому назначению, а в других, говоря современным языком – коммерческих целях. А это, в конечном итоге, также привело к негативным последствиям, а именно – был нанесен вред сохранности сооружений, в ряде случаев изменился их внешний облик, нередко были внесены изменения в проекты зданий. Все это привело в конечном итоге к тому, что многие памятники теряли свою историческую ценность.

По данным на 1 июля 1987 года, в Бухаре 12 архитектурных памятников использовались в культурно-просветительских целях, а 35 – как торговые точки и предприятия бытового обслуживания (ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^в, в. 94). В городе одна пятая часть памятников зодчества использовались не по прямому назначению. В одном из архивных документов отмечается, что многие отреставрированные памятники были приспособлены и использовались в качестве ресторана, кафе, чайханы, столовых, сувенирных магазинов, отделений связи и т. д. В медресе Абдулазиз-хана был организован концертный зал и летний бар, а в медресе Улугбека – кинозал для интуристов (ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^в, в. 720). А в Хиве медресе Мухаммада Амин-хана было приспособлено под

гостиницу на 230 мест. В здании Соборной мечети города был открыт выставочный зал керамических изделий (Ашрафи, Крюков, 1981, с. 4). Известны даже случаи, когда здания мечетей и медресе использовались в качестве тюрем. Такая участь постигла здания мечети Одина (XIV век) в городе Карши и медресе Кази-Калан (XIX век) в городе Маргилане (Яркулов, 2018, б. 37-39; Узбекистан Республикаси Маданият вазирлиги хузуридаги Маданий мерос департаменти архиви, Ф. 7475/А – 81).

Не по назначению использовались многие исторические памятники и в других регионах республики. Порою можно было наблюдать совсем удивительную картину: памятники использовались в прямо противоположных целях, по сравнению с тем, для чего они были построены. Так, в ансамбле Шахи-Зинда в Самарканде, мавзолеях Пахлавана Махмуда в Хиве, Бахауддина Накшбанда в Бухаре, Зангиота в Ташкенте были созданы музеи атеизма (Новоселова, 1967, с. 39).

В условиях, когда сотни памятников мусульманского зодчества использовались в других целях или же находились в плачевном состоянии, Духовному управлению мусульман Средней Азии и Казахстана было разрешено пользоваться только 17-ю памятниками, которые состояли из 12 мечетей, 2 религиозных учебных заведений, 1 библиотеки и 2 хозяйственных сооружений (данные на 1 декабря 1985 года) (НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 58^в, л. 143).

Уничтожение многих археологических памятников было связано с развернувшейся в этот период в Узбекистане интенсивным освоением новых земель и ирригационным строительством. Экстенсивное развитие аграрной сферы, в том числе и хлопководства, требовало введения в хозяйственный оборот все более новых массивов целинных и залежных земель, следствием чего стало уничтожение многих археологических памятников, которые были малоисследованы или же вообще неисследованы. По данным института археологии АН Узбекской ССР, в 1960 году в республике насчитывалось около 30 тысяч археологических памятников. В результате разрушения и уничтожения археологических объектов в процессе освоения земель в 80-х годах их количество сократилось до 9 тысяч, т. е. 70 процентов памятников перестали существовать. В середине 90-х годов число археологических памятников составило всего 5391, или 18 процентов (Курбонова, 2003, б. 6). Например, на территории Элликалинского района Каракалпакской АССР из 253 городищ к началу 90-х годов остались всего 28. Остальные городища были разрушены, их земли были использованы в качестве удобрения, а территории – превращены в хлопковое поле (Қиличев, 1993, б. 3).

В Алтын-Сайском районе Сурхандарьинской области памятник эпохи бронзы – Буйрачи-тепе было вспахано и превращено в пашню. В этом же районе около 20 гектаров территории памятника X-V веков до нашей эры – Кызыл-тепе стало засеиваться бахчевыми культурами. В результате были разрушены оборонительные стены и жилые постройки этого древнего города, хотя здесь с 1971 года велись археологические раскопки и объект был взят охрану государства (Саъдуллаев, Рўзиев, 1988, б. 6).

Вблизи археологического памятника Старый Термез находились колхоз “Намуна” и совхоз “Термез”, которые расширили свои посевные площади вплоть до границ указанного памятника. В результате постоянного и притом бессистемного орошения близлежащих полей поднялся уровень грунтовых вод, в итоге территория городища превратилась в заболоченное место, а в некоторых местах появились небольшие озера, что привело к гибели культурного слоя. Вдобавок к этому, на территории памятника был возведен скотный двор (ЎЗР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^а, в. 16).

Политика советского государства по форсированию производства хлопка-сырца, представляющего собой важную статью валютных поступлений в государственную казну, создало условия для всякого рода нарушений законодательства в области охраны археологических памятников. Как результат этого, часто эти памятники уничтожались, и их территория превращались в посевную площадь. Многие курганы и архитектурные сооружения использовались для хранения минеральных удобрений. Так, в селах Майманах и Камаша Ульяновского района в 3 сардобах хранились минеральные удобрения, что не могло не оказать отрицательного влияния на их состоянии. На территории археологического памятника Шуллак-тепе, расположенного в Касанском районе, была возведена животноводческая ферма. А через территорию археологического памятника Топрак-тепе ДСУ-4 треста “Каршистрой” развернуло работу по строительству дороги (ЎЗР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^в, в. 117).

Как видим, в рассматриваемый период организация охраны и использования имеющихся памятников истории и культуры не было на высоте. Однако вместо того, чтобы увеличить средства на их реставрацию и охрану, советское правительство, исходя из своих политических и идеологических установок, широко отмечало юбилей своих вождей и круглые даты, связанные с событиями советского периода. В ходе этих юбилейных торжеств тратились большие средства на возведение новых скульптур и обелисков, которые почти не имели никакой художественной ценности. Например, только в связи со 110-летием В.И.Ленина, отмеченного в 1980 году, в Узбекистане было установлено вдобавок к уже имеющимся еще 15 новых статуй и бюстов вождя (Захидов, 1980, с. 4-7). В 1980-1985

годах всего по республике был сооружен 21 памятник В.И. Ленину и 26 памятников, связанных с Октябрьской революцией (Жукова, 1987, с. 79-94). В 1980 году только в Наманганской области насчитывалось 52 скульптуры Ленина, 26 памятников, связанных с именами Маркса и Энгельса, деятелей революции и гражданской войны (ЎЗР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^г, в. 41).

Большие средства выделялись и для реставрации памятников в честь “великих вождей”, “славных дат” в жизни советского государства. По свидетельству архивных источников, в 1984 году только в городе Ташкенте был предусмотрен снос 17 скульптур советского времени и возведение вместо них новых. По Наманганской области эта цифра составляла 45, а по Джизакской – 28. Это были в основном памятники Ленину и другим деятелям Октябрьской революции и социалистического строительства (ЎЗР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 53^а, в. 32-36).

80-годы XX века стали новой вехой в атеистической политике советского государства, ознаменованной уничтожением целого ряда еще сохранившихся исламских святынь. Так, в постановлении бюро ЦК Компартии Узбекистана от 9 июля 1986 года было рекомендовано исключить из списка охраняемых государством памятников 62 религиозных и сакральных объектов (НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 58^б, л. 135-140). Вслед за этим было опубликовано постановление ЦК КПСС от 18 августа 1986 года “О борьбе против влияния ислама” (ЎЗР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^б, в. 128). Согласно упомянутым постановлениям, из существовавших в республике более 300 исламских религиозных сооружений 61 было исключено из списка памятников культуры, охраняемых государством (НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 58^б, л. 135-140).

В годы “перестройки” (1985-1991) политическое руководство СССР во главе с М.С.Горбачёвым взяло курс на демократию и гласность, что дало возможность открыто говорить о насущных проблемах, в том числе и в области охраны памятников истории и культуры. В общественном сознании появились позитивные изменения в отношении к культурному наследию.

В Узбекистане в средствах массовой информации стали часто подниматься вопросы, связанные с восстановлением и охраной памятников истории и культуры. Открыто критиковались имеющиеся в этой сфере изъяны и недостатки. Особенно много статей было опубликовано по материалам Самаркандской, Бухарской, Хорезмской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей, на территории которых и располагалась основная часть памятников истории и культуры. В одной из статей был поднят вопрос о памятнике X века – мавзолее Араб-Ата в Тиме, ремонт которого не был доведен до конца. В этой же статье говорилось и о памятнике Ак-мечеть, расположенном недалеко от мавзолея. Этот памятник XVI века все еще ждал своих исследователей (Дилмуродов, 1986, б. 6).

Особую активность проявила редакция газеты “Узбекистон адабиёти ва санъати”, которая многократно поднимала вопрос о плохом состоянии памятников зодчества в древней Бухаре. В одном из своих номеров газета писала, что в результате равнодушного отношения разрушается окружающая Бухару городская стена с 12-ю воротами. Свою лепту в разрушение стены вносят и физические лица, которые сперва вручную, а затем с помощью бульдозера разрушают ее. Строительство в 80-х годах нового рынка привело к еще большему сокращению фрагментов городской стены (Аминов, Салимов, 1987, б. 6). В этой же статье отмечалось, что в результате изветшания кровли и крыши в таких памятниках, как торговый ряд Токи Саррофон, мечеть Магоки Аттори, медресе Кукалдош, Домла Хасан, Абдулазиз-хан, Надир Диванбеги сточные воды впитываются прямо под само здание. В результате медресе Абдулазиз-хан оказался ниже уровня земли на 10 метров.

Не было высоким и качество проводимых реставрационных работ. Так, после землетрясения 1976 года в той или иной степени пострадали многие архитектурные памятники города Бухары. Хотя они были отреставрированы, однако после повторного землетрясения в том же городе Газли в 1984 году часть из них опять разрушилась. Развалилась часть стены Арка, которая до этого также была заново отстроена (Димов, 1987).

Факты указывают на то, что в годы перестройки коренного улучшения в деле охраны памятников истории и культуры не произошло. Это было связано, во-первых, с тем, что в условиях экономического спада финансовые возможности государства были ограничены. Во-вторых, в результате равнодушия руководителей разных рангов некорректное отношение к памятникам истории и культуры все еще продолжалось. Так, проверка работниками прокуратуры Хивинского музея-заповедника показала, что прямо возле стен Соборной мечети города была незаконно сооружена теплица, и в результате полива растений произошла сильная увлажнение стен мечети. А стены Дишан-калы самовольно уничтожили отдельные граждане, изготовлявшие из нее кирпич. Некоторые лица занялись строительством индивидуальных жилищ на охраняемой территории. По отношению к этим гражданам были применены предусмотренные законом меры (Қиличев, 1988, б. 6).

Были предприняты практические шаги по охране памятников. Так, в 80-х годах XX века в целях защиты и охраны памятников, возвращения в республике увезенных за ее пределы памятников была разработана и началось осуществлению программы “Мерос” (“Наследие”). Несмотря на это, анализ архивных данных позволяет сделать вывод, что с 1981 по 1987 год из памятников истории и культуры Узбекистана 149 были исключены из списка памятников общесоюзного значения, а 145 – списка памятников местного значения (ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^б, в. 290-291), т. е. потеря памятников истории и культуры продолжалась. К концу 80-х годов XX века Узбекистане насчитывалось всего 7056 памятников истории и культуры, взятых под охрану государства (ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 53^а, в. 67).

Однако намеченные благие цели не всегда осуществлялись на практике, особенно в национальных республиках. Даже ничтожная сумма, выделяемая государством для охраны памятников, из года в год сокращались. Обращение руководства города Бухары в Госкомитет по туризму СССР о выделении средств для реставрации находившихся в городе памятников средневекового зодчества осталось без ответа. На эти цели Бухаре не выделялась даже сотая часть доходов, получаемых от посещения города туристами (Аминов, Салимов, 1988).

И в годы перестройки продолжалось уничтожение многих археологических памятников. Так, в Ташкенте еще после землетрясения 1966 года часть территории памятника V века Ак-тепе была превращена в свалку. Вдобавок, другую его часть отдали под индивидуальное строительство. Площадь городища сократилось на 100 гектаров. А четверть оставшейся территории в 50 гектаров заняла свалка строительного мусора высотой 15-20 метров (Ҳайдаров, 1989). По данным на 1 сентября 1989 года в республике насчитывалось 9310 стационарных памятников, из которых 6366, или 70 процентов, было взято под государственную охрану (Алимова, 2001, б. 352).

Таким образом, в 80-х годах XX века в деле охраны памятников истории и культуры в Узбекистане имелись серьезные недостатки, обусловленные как человеческим фактором, так и природно-экологическими условиями (высыхание Арала, поднятие грунтовых вод) и природными катаклизмами (землетрясения). Хотя со стороны ответственных организаций и структур проводилась значительная работа по реставрации и восстановлению памятников, ряд других учреждений и предприятий – различные сельскохозяйственные предприятия, кооперативные организации, производственные объединения, военные части – своими действиями наносили значительный урон памятникам истории и культуры, а часто и вовсе уничтожали их.

Итоге, в 80-х годах XX века можно наблюдать двойное отношение к памятникам истории и культуры. В первые пять лет органы охраны памятников Узбекистана действовали строгим директивам Центра. В результате многие памятники использовались не по назначению, что нанесло памятникам значительный урон. А в годы «перестройки» несколько изменилась политика к культурному наследию. Однако ограниченные экономические возможности советского государства не позволяли добиться существенного прорыва в деле охраны и восстановления памятников истории и культуры.

Литература

- Аминов Н., Салимов С. Бухорони кутқаринг // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1988. 2 сентябрь.
Аминов Н., Салимов С. Обидалар нидоси // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1987. 20 ноябрь. Б. 6.
Ашрафи Ф.М., Крюков К.С. Итоги X пятилетки и перспективы развития органов охраны и пользования памятников культуры XI пятилетки // Строительство и архитектура Узбекистана. 1981. № 6. С. 5.
Вилков А., Хонхўжаев Т. Бепарволикнинг чеки борми? // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1990. 19 январь.
Дилмуродов А. Тим мўъжизаси // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1986. 13 июнь. Б. 6.
Димов Г. Руины реставрации // Известия. 1987. 20 май.
Жукова Л.И. Символы живой памяти: [Памятники рев. славы Узбекистана]. Ташкент: Узбекистан, 1987. 112 с.
Захидов П.Ш. Монументальная скульптура в современном градостроительстве Узбекистана // Строительство и архитектура Узбекистана. 1980. № 4. С. 4-7.
Зоҳидов П. Харобалар фарёди // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1992. 17 январь. Б. 6. № 3.
Зоҳидов П.Ш. Обидалар мулкимиз // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1983. 15 апрель.
Исраилов И.В., Захидов П.Ш. Научный центр реставрационного дела // Строительство и архитектура Узбекистана. 1981. № 6. С. 6-8.
Крюков К.С. Организационные формы охраны и реставрации памятников архитектуры Узбекистана (1920-1980 гг.) // Архитектура и строительство Узбекистана. 1991. № 2. – С.12.
Қиличев Т. Кўхна қальалар диёри. Тошкент: Ўқитувчи, 1993, 90 б.
Қиличев Ф. Обидалар қонун химоясида // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1988. 15 апрель. Б. 6.
Қурбонова Г. Аждодлар меросининг асрайлик // Мозийдан садо. 2003. № 2. Б. 6.

- Маданий ёдгорликлар Бош бошқармаси Бухоро вилояти бошқармасининг 1981 йил учун ҳисоботи // ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^б, в. 720.
- Маданий ёдгорликлар Бош бошқармаси маълумоти // ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 10^а, в. 150-151.
- Маданий ёдгорликлар Бош бошқармасининг йиллик ҳисоботи // ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^б, в. 94.
- Маданий ёдгорликлар Бош бошқармасининг Сурхондарё вилояти ижроия комитети номига ёзган хати // ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^а, в. 16.
- Наманган вилояти ижроия комитети Маданият вазирлигига жўнатган хати // ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 53^а, в. 32-36.
- Наманган вилоятидаги тарихий ва маданий ёдгорликларнинг рўйхати (29.07.80 йилдаги 02-4/59-сонли хат) // ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^г, в. 41.
- Новоселова К. Памятники архитектуры Узбекистана (изучение, охрана, реставрация). Ташкент: Внешторгиздат, 1967. 40 с.
- Ответное письмо к постановлению ЦК КПСС от 18 августа 1986 года “О борьбе против влияния ислама” // НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 58^б, л. 143.
- Отчет Главное научно-производственное управление памятников культуры по Бухарскому областю // НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 58^б, л. 232.
- План бюджета Бухарского СНРПМ (специальное научно-реставрационное производственное мастерское) за 1982 год // НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 58^б, л. 103.
- Приказ Главное научно-производственное управление памятников культуры // НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 52, л. 16-17.
- Рекомендованное письмо ЦК Компартии Узбекистана // НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 58^б, л. 135-140.
- Санъатшунослик институти бошлиғи Х.Абдусаматовнинг Маданий ёдгорликлар илмий ишлаб чиқариш Бош бошқармаси бошлиғи Ф.М.Ашрафийга ёзган хати // ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^а, в. 24; 31.
- Саъдуллаев А., Рўзиев Э. Шудгор қилинган ёдгорликлар // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1988. 20 май. Б. 6.
- Справка Управление Культуры Бухарского областа // НА РУз., ф. 2296, оп. 7, д. 58^б, л. 242.
- Тарих шохидлиги ва сабоқлари. Масъул муҳаррир: Д.А.Алимова. Тошкент: Шарқ, 2001. 464 б.
- ЎзССР Маданият вазирлигининг 1980 йил 25 августдаги 417-сонли буйруғи асосида тузилган комиссия ҳисоботи // ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^б, в. 290-291.
- ЎзССР Министрлар Кенгашининг 05.05.1981 йилдаги 01-12/181-сонли қарори ижроси бўйича ҳисобот // ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 58^б, в. 117; 128.
- ЎзССР Олий Совети Президиумининг Маданият вазири М.А.Ахмедовага юборган 06-20/486-сонли хатига жавоб // ЎзР МА., ф. 2296, р. 7, иш. 53^а, в. 67.
- ЎзТАГ муҳбири. Муҳофазага олинди // Ўзбекистон маданияти. 1980. 11 март.
- ЎзТАГ муҳбири. Обидаларга умр бағишлаб (“Меъмор” бирлашмаси бош директори Қ.А.Абдуллаев билан суҳбат) // Совет Ўзбекистони. 1980. 22 январь.
- Ҳайдаров А. Сусткашликнинг боиси нимада? (Мангу обидалар рукнидан) // Ўзбекистон адабиёти ва санъати. 1989. 5 сентябрь.
- Яркулов А. Қайта кадр топган обидалар // Мозийдан садо. 2018. № 4. Б. 37-39; Ўзбекистон Республикаси Маданият вазирлиги Маданий мерос объектларини муҳофаза қилиш ва улардан фойдаланиш илмий ишлаб чиқариш Бош бошқармаси архиви. Ф. 7475/А – 81.

M.F. Rasulov

ATTITUDE TO HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS IN UZBEKISTAN IN THE 80s OF THE XXth CENTURY

Based on a wealth of factual material, the article reveals some aspects of the protection and use of historical and cultural monuments of the Republic of Uzbekistan in the 80s of the twentieth century, attitude to them during the Soviet regime. The nihilistic attitude to the heritage of the ancestors is disclosed based on archival materials of the Soviet system and the communist ideology prevailing in it. The article cites many facts confirming that as a result of the improper use of utilities, serious damage was caused to the state of historical monuments.

КАЗАХСКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Как известно, музыкальная культура характеризуется большой адаптивной возможностью. Отсюда необходимость изучения своеобразия и направленности функционирования казахской традиционной музыкальной культуры в историческом контексте казахстанского общества. Разумеется, в постоянной проекции на проблему взаимодействия традиций и инноваций как механизмов адаптации и модернизации музыкальных традиций казахов. Такой ракурс видения проблемы формирует методологически верное отношение к обозначенной в заглавии статьи теме.

При изучении казахской музыкальной традиции в культурно-историческом ракурсе в качестве ведущих тенденций развития можно выделить следующие:

- а) собственно традиционная музыкальная культура;
- б) инновационные явления в сфере музыкальных традиций казахского народа.

Как известно, нематериальная часть культуры, в особенности, фольклор, в том числе и музыкальная культура кочевников, как, впрочем, и других народов, концентрированно отражают всю энциклопедическую сущность многовековой культурной традиции казахов. Музыкальная культура как и другие составляющие культурные традиции казахов своими корнями уходит в глубокую древность. Поэтому она в том состоянии, в каком функционирует в современных условиях, является результатом многовекового коллективного творчества многих поколений казахов-кочевников.

Высшим проявлением духовной культуры казахов является устная профессиональная традиция, базирующаяся на традиционном мироощущении и мировоззрении, на которые оказали существенное влияние как природно-климатические, социально-экономические условия, так и социокультурные формы бытия. Способы же и формы отражения действительности мы находим в фольклоре – в древних культовых, шаманских и бытовых песнях, а также эпических жанрах казахов, в которых отражались его мифологические и космологические представления. Но к середине первого тысячелетия нашей эры, характеризующегося по мнению известного казахского фольклориста Е. Турсунова как эпоха классообразования, «в недрах не только ритуального фольклора, но и традиций художественного творчества, все более освобождавшего от ритуально-обрядового качества» произошли важные события: «сложился тип шамана» и «возникновение и сложение замечательного явления казахской устнопоэтической культуры – типа акына – также связанного с эпохой классообразования» (Турсунов, 1999, с. 107). В эту переломную эпоху «формирования нового качества, когда прошлое, лишившись сверхъестественной мифической власти над настоящим», сопровождавшейся процессами специализации во всех областях быта и жизни людей, возникли и развились многие типы носителей устных традиций, генетически связанные ритуальным фольклором, но вышедшие на более качественный уровень в русле художественного творчества: акыны, сал, сери, жырау, күйши, певцы (Турсунов, 2001, с. 39). Совокупность накопленного опыта и наследия поколений, выдвинул их не только как носителей и трансляторов традиций, но и определил общественный статус этих уникальных многогранных личностей как мастеров-профессионалов, названных народом *«сегіз қырлы, бір сырлы»* (что примерно означает «многогранная личность»). Именно они и способствовали наибольшему и полному выражению сущности общественного сознания, выражению и трансляции духовной связи между поколениями, то есть между прошлым, настоящим и будущим.

В музыкальной традиции казахов, своеобразии которой обнаруживается, прежде всего, в органичном синтезе музыки с эпико-поэтическими жанрами и живой устной речью, яркими представителями *«сегіз қырлы, бір сырлы»* явились *«сазгеры»* (буквально: музыкант), представлявшие собой веками сложившийся традиционный тип народных музыкантов-профессионалов, сочетающие в одном лице как создателей, так и исполнителей произведений. И именно *«сазгеры»* – степные певцы, рапсоды и сказители, обладая мощными творческими потенциями в процессе творческой и созидательной деятельности создавали и передавали духовные ценности от поколения к поколению, образуя при этом непрерывную цепь развития культуры. Степные *«сазгеры»* были не просто «деятели искусства» в современном смысле понимания, но, прежде всего, являлись «хранителями и трансляторами традиций от поколения к поколению, и, одновременно – мудрецами, прорицателями, учителями и наставниками молодежи, советниками правителей (Нуржанов, 1997, с. 194). В

традиционном обществе только особо одаренный, обладающий универсальными способностями (творческий дар создателя, исполнительское мастерство, высокий артистизм и т.п.), а также неодолимой тягой к искусству человек мог упорным трудом добиться звания «сазгер» и удостоиться чести быть признанным как «әнші» (создатели и исполнители песен), «күйші» (создатели и исполнители кюев), «ақын» и «айтыскер» (поэты-песенники и участники музыкально-поэтических состязаний – айтысов), «жырау» (творцы больших и малых эпических жанров, а также воины, советники ханов) и т.п. Все они, нередко, были и блестящими ораторами, импровизаторами, способными мгновенно создавать шедевры на глазах восхищенных слушателей.

К самобытности традиций «сегіз қырлы, бір сырлы». Сегодня мы знаем множество имен великих творцов народно-профессиональной музыки, а также различные жанры народного песенного и эпического («ән», «өлең», «қара өлең», «терме», «толғау», «желдірме», «қисса», «дастан», «жыр»), а также инструментального («күй» – инструментальные пьесы для домбры, кобыза, сыбызгы, шанкобыза, жетыгена) искусства, сложившихся на протяжении многих веков в живой музыкальной практике казахского народа. Самобытность творческого наследия народных профессионалов «сегіз қырлы, бір сырлы» и самой музыкальной культуры проявились как в специфике самих традиционных жанров, так и в особенностях музыкального языка, находя яркое художественное отражение в быту, общественной и трудовой деятельности, в духовной жизни народа. Посредством песен и кюев из поколения в поколение передавались традиции семейного уклада и общественные устои аула, эпические сказания и исторические события, преподносились нравоучительные сентенции. Тем не менее, несмотря на приведенные выше и многие другие примеры, не только в массовом сознании, но и в науке, все еще преобладает мнение о профессиональной музыке устной традиции как о фольклоре. В подобной расхожей точке зрения преобладает оценочный подход по типу «выше-ниже», «лучше-хуже», между тем подобное предвзятое мнение формирует неверное и заниженное представление о тех или иных культурных традициях. Связано это и с тем, что искусствоведческий (музыковедческий) подход, приемлемый при анализе профессиональной композиторской музыки, не «срабатывает» при изучении традиционной музыкальной культуры казахов. *.* Потому как подобный принцип дает одностороннее представление о деятельности традиционных деятелей только лишь как о композиторах или только лишь исполнителях изведений. Между тем многие великие корифеи казахской культуры, как было сказано выше, состоялись и остались в народной памяти как многогранные личности «сегіз қырлы – бір сырлы». К примеру, прославленный Биржан из Сары-Арка – сал, акын, певец, был создателем и исполнителем в одном лице. Махамбет – батыр, күйши, термеші; Таттимбет – күйши, сал, более того, «ұста» – мастер, который сам изготавливал домбыру. Такие примеры можно продолжать и продолжать, поскольку многогранность таланта для казахов не было исключением, но, пожалуй, закономерностью. Следовательно, профессионал в традиционной культуре казахов – это человек особого рода, присущий только подобной культурной действительности. Сказанное можно проанализировать и на примере деятельности казахских «сал» и «сері»²⁵, в выступлениях которых из прошлых веков укоренились синтетичные по своей природе формы искусства, где слово звучит в нерасторжимом единстве не только с музыкой, но и с жестами, мимикой, танцами, образуя, таким образом, органичный сплав различных искусств. Красочность, праздничность нарядов, виртуозность их исполнительского мастерства (пение, игра на музыкальном инструменте) достигали той высокой черты, до которой доходила и выразительность речи и жестов. Причины высокого статуса «сал» и «сері» восходят к истокам, заложенным их предшественниками в лице «бақсы» (шаманов), которые являлись медиаторами, посредниками между космическим и природным. В казахском обществе куртуазное поведение «сал» и «сері» объяснялось их преемственной связью с ролью шаманов, как играющего и путешествующего в иные миры субъекта. Как и у «бақсы», куртуазность, игривость «сал» и «сері» не делали различий между реальным бытием и игрой (искусством), напротив, игра являлась частью и образом их общественной жизни. Местоположение казахских «сал» и «сері» находилось на границе не только между жизнью и искусством, но и между бытием и «потусторонним» инобытием. Одним из ярких примеров куртуазности «сері» является известный исторический факт: прибытие верхом на коне с раскрытым пестрым зонтом над головой, сопровождавшееся при этом песнями выдающегося казахского «сері», основателя традиционной инструментальной школы «шертпе күй» – Таттимбета, на поминки Ускенбая, деда великого Абая. В степи такого рода вольное поведение

²⁵ «Сал», «сері» – казахские трубадуры-барды, степные рыцари-аристократы, поэты и актеры, донжуаны и стилиаги – все в одном ... почетное звание «сал» или «сері» дается человеку, который обладает такими качествами, как щедрость, честность... Их присутствие обычно превращается в той, праздник, веселье, смех, песни. Народ всегда относился к ним с большой любовью и уважением // Степные рыцари и трубадуры // <http://www.unikaz.asia/ru/content/stepnye-rycari-i-trubadury>

позволяли себе только медиаторы-посредники, одинаково хорошо ориентирующиеся как в своем, так и в других мирах.

Отметим, что творческое наследие народных музыкантов-профессионалов «*сегіз қырлы, бір сырлы*», как яркий показатель самобытности и уникальности традиций казахов как номадического наследия, будучи вплетенным в жизненную действительность, содействовала человеку традиционного общества вписаться в контекст естественноисторического процесса, осмыслить свою социальность, причастность к социокультурным ценностям, к человеческой цивилизации.

Целостность музыкальной традиции казахов – певческого и инструментального начал – обнаруживается в органичном синтезе музыки и слова. Одним из ранних пластов синкретической культуры казахов, состоящий из двух параллельных текстов – вербального и музыкального является «*аныз-күй*» (*күй с легендой*), который «составляет единое целое, ибо күй без устного рассказа не исполняется» (Райымбергенова, 1990, с. 2). Следует отметить, что этномузыковедами «*аныз-күй*» определяется как связанный со священными рассказами о взаимосвязи человека и природы архаичный пласт в традиционном наследии казахов-кочевников, которые не мыслили себя вне неразрывного единства с природой, ощущения себя частицей этой целостности (Райымбергенова, 1990; Утегалиева, 2006; Аманов, Мухамбетова, 2002). И эта событийность отношения «Человек-Мир» обусловили те самые «сгустки кочевнического бытия» (Садыков, 2001), где казах-кочевник, будучи сам являясь «частью ландшафта», выражал его (бытие) через искусство, облаченное нередко в звуковые формы музыки и слова. Одним из отголосков переплетения слова и музыки, их нераздельности являются мифы о «говорящих» инструментах, которые сохранились в известном народном выражении «*домбыра сөйлейді*». К примеру, популярный казахский народный күй «*Ақсақ құлан*» (Хромой кулан) является ярким примером «*аныз-күй*» (күй-легенда), где смысловую и содержательную нагрузку несет музыка, передающая («рассказывающая») Шынгысхану известие о гибели его сына Жошы (Джучи). И именно «домбыра», «посмевавшая» в руках «*күйші*» и «*жырышы*» – казахского батыра Кетбуги «рассказать» и донести грозному хану эту печальную историю и была наказана им: домбыру залили кипящим свинцом, после чего на ее деке – «*шынагының қақпасы*» – появилось отверстие.

Свидетельством целостности казахской музыкальной культуры служат также многие традиционные универсалии, вмещающие в себя как философско-эстетическую особенность мировосприятия казахов, так и широкий спектр традиционного миро- звуко- ощущений (Нурланова, 1887, с. 91). Так, широкое распространение имеет понятие «*қоңыр*», что буквально означает «коричневый», но в смысле «бархатистый», «мягкий», «спокойный», «душевный». В отношении к музыкальной инструментальной традиции данное понятие имеет тождественное значение с физическими свойствами окраски (тембра) народных музыкальных инструментов (домбыра, кобыз и др.) – «*қоңыр бұрау*», «*қоңыр күй*», «*қоңыр дауыс/дыбыс*», в широком же смысле – выражает философию кюя как состояния человеческой души (Утегалиева, 2006, с. 93).

«*Қоңыр*» как одно из основных понятий и традиционной музыкальной культуры казахов вбирает в себя также и следующие значения:

- «*қоңыр*» – как жанр инструментальной и песенной культуры (кюи «*Қоңыр*», либо «*Қоңыржай*», «*Жайқоңыр*», «*Назқоңыр*», күй Дины Нурпеисовой «*Әсемқоңыр*» и др.);
- к понятию «*қоңыр*» восходит слово «*қоңырау*» (колокольчик) – музыкальный инструмент, применявшийся для сопровождения песен и кюев;
- «*қоңыр*» – как характер музыкального произведения по звучанию и темпу: «*қоңыр*» – «грустный», «нежный», но, «*алқоңыр*» – «более оживленный»;
- определение «*қоңыр дауыс*» – признак богатства тембральных качеств человеческого голоса – его душевности, глубины и благозвучия.

Отметим также, что «*қоңыр*» не единственное универсальное понятие казахской традиционной культуры. Аналогичными являются и другие универсалии, нередко представленные в традиционных эпических, а также песенных жанрах, включающих в себя как обрядовый пласт, так и необрядовый (лирические песни) – «*арнау*» (посвящения), «*естірту*» (известие, как правило, о печальном), «*қоштасу*» (прощание) и многие другие. Процесс создания и исполнения песенных жанров также имеет сольный характер, с превалированием импровизационного начала. При этом традиционные музыканты и певцы проявляют феноменальную память, заучивая и запоминая песни «из уст в уста» и «с голоса», воспроизводя с исключительной бережливостью и мастерством. Талантливых народных певцов – «*әнші*» – традиционное казахское общество подразделяло по мастерству исполнения на «*майталман әнші*» (одаренный) «*тамаша әнші*» (прекрасный) и т.д. Характеристики дополнялись категориями по тембру/окраске, глубине и широте звучания голоса на «*қоңыр дауыс*» (спокойный,

мягкий голос), «*бұлбұл дауыс*» (голос как у соловья), «*күміс көмей*, «*жез таңдай*» (серебрянная гортань, металлическое небо) (Каракозова, Хасанов, 2001). Таких высоких эпитетов заслуженно удостаивались и известные «*акыны*», «*жырау*» и «*жырышы*», творчество которых было тесно связано с традициями – «*айтыс*» и, соответственно, «*жыр*». Поэтому рассмотрение самобытности музыкальных традиций казахов вне этих форм устно-поэтической традиции было бы также не полным.

Проведенный краткий экскурс в музыкальную культуру казахов-кочевников, позволяет сказать, что ее самобытные традиции, будучи наиболее «функциональными и универсальными факторами ее развития ... и как духовно-культурная энергетика номадической цивилизации, осуществляли «миромоделирующие» и «миропрезентирующие» функции в традиционной культуре» (Аязбекова, 1999, с. 9-11). Становлению же, обладающих мощными творческими и духовными потенциями интеллектуальной элиты традиционного общества казахов – народных профессионалов «*сегіз қырлы, бір сырлы*», значимость общественно-творческой деятельности которых и особенная способность к импровизации и экспромту стали показателями высшего проявления художественного мастерства человеком, максимально поспособствовало своеобразие условий кочевого образа жизни, обусловивших высокую ценность самого человека, надежность его духовно-нравственных качеств.

Инновационные явления в сфере казахских музыкальных традиций. Внедрение инновационных установок в национальные музыкальные традиции, в особенности с 20-х годов XX в., было обусловлено протекающей в советском государстве общей тенденцией активного вытеснения традиционных форм мировосприятия и внедрения рационально организованных «специализированных» форм народного творчества, что привело к трансформации как форм бытования, так и функций традиционного искусства.

Трансформации в функционировании музыкальных традиций казахов в советский период. Исследователи традиционной культуры и ее временных (хронологические) рамок по-разному определяют ее. Так, одни авторы связывают ее структуру и ценности только с доиндустриальным обществом, где изначально формируется социальное (традиционное) видение картины мира. Нередко традиционная культура характеризуется и как явление локальных обществ, «с индивидуальным способом развития», связанных с конкретным географическим ареалом (Ерасов, 2000, с. 462-467; Путилов, 2003). Другая группа ученых отстаивает «вечный» характер традиции как синонима культуры вообще. Так, согласно мнению российского философа К. Чистова, «переход от доиндустриального общества к индустриальному и урбанизированному сопровождался не ликвидацией традиции как таковой или культуры как таковой, а сменой одной системы традиций другой, одного типа культуры другим ... противопоставление доиндустриального общества как “традиционного” индустриальному как “нетрадиционному” не имеет теоретического основания и сохраняется по инерции или (что чаще) весьма условно» (Чистов, 1998, с. 305).

Тем не менее, в науке, в частности советской, да и на практике существовало разграничение культуры на народное (дилетантское, любительское) и элитарное (профессиональное, «высокое») искусство. Применительно к музыкальной культуре высокому искусству была отнесена классическая европейская музыка и/или «письменное музыкальное искусство» (Мазель, 1991). Что же касается традиционной культуры, то ее формы считались остаточными и недоразвитыми рудиментами, не способными конкурировать с современными формами жизнедеятельности общества, а потому должны были исчезнуть «по мере активности модернизационных процессов» (Сейсен <https://articlekz.com/article/18558>). Поэтому в советскую эпоху все формы выражения музыкальных традиций народов бывшего Советского Союза были причислены к «художественной самодеятельности» масс, которое «не представляла собой какой-то специфической и новой формы искусства и выступала лишь как своеобразная форма занятия искусством» (Аязбекова, 1999, с. 5).

Становление же художественной самодеятельности и обозначение его как нового социалистического типа массового народного художественного творчества было тесно связано с преобразованиями в области общественно-культурной жизни в условиях социализма после победы социалистической революции 1917 г. При этом, исследователи этого «особого» явления советской культуры нередко отмечали отличие художественной самодеятельности от профессионального искусства, которое заключалось, по их мнению, в ее социокультурном, а не художественном признаке: «Ее массовое развитие связано с переустройством общества на социалистических началах. Революционные преобразования, происходящие в различных областях общественной жизни в условиях социализма, вызвали трансформацию, коренные перемены не только в материальном, но и в духовном производстве. Народное художественное творчество преобразуется с учетом новых социально-исторических реалий» (Каргин, 1988, с. 3-4).

Как известно, «новые социально-исторические реалии» в связи с чем и произошли изменения социокультурной ситуации в кочевом обществе в начале XX в., повлекли за собой разрушение естественных условий быта и жизни казахов-кочевников. Это коренным образом отразилось и на функционировании музыкальных традиций, привело к сломи традиционных механизмов их воспроизводства, сохранения и передачи. Насильственное приобщение к универсальной европейской профессиональной музыкальной традиции привели к изменениям форм бытования традиционного музыкального искусства и «рождению нового явления – бикультуры, которая становится способом взаимодействия и сосуществования в рамках формирования и функционирования новой культурной системы двух генетически и типологически различных культур: традиционной этнической, с одной стороны, и западной – с другой» (Шпенглер, 1993, с. 225-226). Так, развиваясь по пути освоения элементов западной письменной традиции (нотная фиксация), а также не свойственному своему этническому происхождению коллективному исполнительству, казахское традиционное музыкальное искусство теряло свои важнейшие функциональные качества – устность, синкретичность и импровизационность. При этом, если нотная фиксация традиционной музыки не особо изменила исполнительскую сущность, зато явно поспособствовала разделению функций исполнителя и создателя, приведшему к тому, что «сочинение новых произведений в традиционных жанрах кюя и песни стало более редким, а на смену композитору-импровизатору, пришел композитор письменной традиции с разделением функций сочинения и исполнения» (Джумакова 2003, с. 41-43). В новых историко-культурных условиях, характеризовавшихся заменой традиционного типа исполнительства европейским, народный музыкант был введен в сложную систему государственных институтов (художественная самодеятельность, учебные заведения, клубные учреждения культуры и др.), нарушивших сакральные взаимоотношения типов носителей культуры с традиционным обществом, сузив их функции до уровня лишь концертных исполнителей.

Происходившие трансформации в функционировании форм музыкальных традиций привели к неизбежным смещениям, деградации профессионально-устных традиций, сопровождавшихся переходом народных музыкантов – представителей «фольклорно-почвенного слоя культуры» (Алексеев, 1988, с. 168)²⁶ в систему клубной самодеятельности. В результате трансформации традиций народного музицирования возникли и нетипичные для казахской музыкальной культуры формы коллективного оркестрового и хорового исполнения. Так, к примеру, в 1924 году в г. Петропавловске композитором и дирижером И. Коцьком был создан один из первых хоров. Распространению хорового пения внесли свою лепту и слушатели институтов просвещения (инпросов) городов Алма-Ата, Семипалатинск, Оренбург (Канапин, 1958.) Первые же оркестры казахских народных инструментов из числа носителей традиционной культуры – «*күйші*» возникли в Казахстане уже в 30-ые годы.

Результатами неуклонной работы по «перековке» национальных культур и усвоению казахами вершин западноевропейской и русской музыкальной классики стали создание научно-исследовательского кабинета по изучению казахской народной музыки, а также экспериментальной мастерской по «усовершенствованию» казахских народных инструментов. Так, поиск нового звучания и новых выразительных средств, соответствующих требованиям многоинструментального оркестра привели к тому, что древний казахский ритуальный музыкальный смычковый инструмент – двуструнный «*кылқобыз*»²⁷ (рис.1) был полностью реконструирован в четырехструнный «прима-кобыз» (рис. 2), настраиваемый по аналогии европейской скрипки.

При этом отметим, что исторически струны «*кылқобыз*» изготавливались из нескурченного пучка конского волоса, прикосновение смычка по которому извлекало богатую гамму обертонов, придающих инструменту необыкновенно глубокий и насыщенно бархатный тембр. Металлические же струны модифицированной новой версии инструмента – «прима-кобыз» имели неприсущий традиционному идеалу, звук.

²⁶ Известный российский искусствовед Э. Алексеев выделял музыкальный фольклор, профессиональную музыку устной традиции, музыкальную самодеятельность и композиторскую музыку. Музыковед разделяет фольклор и профессиональную музыку по принципу «специализированное – неспециализированное» творчество, обосновывая определенными характеристиками: то есть, музыкальный фольклор характеризуется фольклористом как социально значимая, материально не фиксируемая межпоколенная память, поддерживаемая изустно, но, явно неспециализированное музыкальное творчество, тогда как, профессиональная народная музыка, являясь специфической областью народной духовной культуры, представляет собой, по его мнению, специализированную автономную музыкальную сферу...

²⁷ «Кыл кобыз» – один из древнейших казахских музыкальных народных инструментов. К тому же «кыл кобыз» считается самым древним, т.е. прародителем многих смычковых инструментов в мире. В казахской культуре, «кыл кобыз» изначально служил атрибутом священнодействия «камлания баксы» (шаман). Его создателем считается первый «баксы», сказитель, легендарный «отец музыки» – Қорқыт.

В настоящее время «прима-кобыз» широко используется в музыкальных коллективах, а также для сольного выступления, но его исполнительский репертуар составляют не столько казахские кюи, сколько произведения для скрипки, которые, кстати, современными казахскими музыкантами исполняются виртуозно.

Рис. 1_КП 1715 «қылқобыз». Музыкальный инструмент шамана для лечения больных, заклинания духов. Дерево, металл, конский волос (из фондов ЦГМ РК)²⁸

Рис. 2_КП 10726 «прима-кобыз». Акт № 48 от 11.07.1966 г. Кобыз (прима кобыз) большой, концертный (контрабас). Работа Камара Касымова. 1966 г. Дерево, металл (из фондов ЦГМ РК)

«Усовершенствование» народных инструментов не обошло и самый распространенный, являющийся по сей день обязательным атрибутом в жизни казахов – двухструнный щипковый народный инструмент «домбыра». Именно «домбыра» – символ казахской культуры среди всех народных инструментов подверглась наибольшей и безжалостной трансформации. Так, струны инструмента, которые издревле изготавливались из козих кишок (жильные) (рис. 3) были заменены полимерной леской. Изготовление инструмента было поставлено на массовый фабричный поток, что коренным отразилось на изменении форм корпуса инструмента, длине грифа и т.п. (рис. 4).

Рис. 3_КП 9058. Домбыра казахская. Изготовлена Жаяу Мусой. Корпус плоский, сужающийся к концу. Гриф средней длины с двумя колками. Струны жильные (из фондов ЦГМ РК)

Рис. 4_КП 26842. Домбыра известного казахского акына, журналиста, драматурга и переводчика Аманжолова Касыма Рақымжанұлы (из фондов ЦГМ РК)

Изучавший музыкально-акустические особенности казахской домбры ученый-искусствовед Ж. Нажмеденов в своих исследованиях применял методы компьютерной звукозаписи и диагностики с использованием современных спектральных анализаторов, методов математического моделирования для анализа звуковых колебаний. В ходе исследований им были использованы разные образцы домбры: стандартного фабричного изготовления, современных музыкальных мастеров, а также записи (звуки) домбр известных народных «күйші» на основе архивных грамзаписей. В результате определения уровней абсолютной высоты настройки домбры – традиционной и современной оркестровой, им было выявлено, что с переходом на полимерную струну (леску) и повышением настройки домбры сместилась частотная зона звука, характерная для традиционного тембра «қоңыр». То есть ученый обнаружил, что на современной домбре со струнами из полимерной лески частота звука увеличилась на 50-60 гц, что доказывает завышенность «звуковысотной зоны» современной домбровой музыки (Алексеева, Нажмеденов, 2002).

Таким образом, XX век внес кардинальные перемены в структуру и развитие музыкальной культурной традиции, «переломив» традиционно устно-сольную культурную систему в сторону массово письменно-коллективной. В этой связи несовпадение эстетических и идейных основ советской культуры с основами национальной культуры привели к разрушению устоявшихся ценностей, и, соответственно нивелировали роль и место традиционных музыкантов. Признанные

²⁸ Фото казахских традиционных музыкальных инструментов на рис. 1- 4 (КП 1715; КП 10726; КП 9058; КП 26842) – из фондов Центрального государственного музея Республики Казахстан (ЦГМ РК).

непрофессионалами, они теперь могли демонстрировать свое творчество только официально в системе государственных институтов – клубов, кружков самодеятельности и т.п. А возникшее на основе синтеза принципов европейской симфонии и казахской профессиональной инструментальной музыки оркестровое исполнение казахской музыки также нанесло вред эстетико-функциональному спектру звуковых возможностей народных инструментов, так как «усовершенствование» традиционных инструментов исказили их первоначальные тембры, «приближенные к природному, естественному звуку» – традиционному звукоидеалу «*қоңыр үн*» (Нажімеденов, 2008, с. 194).

Казахская традиционная музыкальная культура: живые связи и современный культурный процесс. Результатом коренных преобразований музыкальных традиций в советскую эпоху стали новообретенные пласты музыкальной культуры, базирующиеся на письменном типе творчества. Достаточно за короткий полувековой период казахскими музыкантами был освоен «весь жанровый арсенал классической европейской музыки – опера, симфония балет, ансамблевые, хоровые и оркестровые исполнительские формы, создана новая профессиональная композиторская школа» и т.п. (Казахская музыкальная культура // Источник: <https://e-history.kz/23>). И только в период 60-80-х годов XX в., в связи с вызвавшим огромный познавательный и практический интерес к истории и культуре своего народа этническим возрождением народов СССР, стали возникать первые фольклорные коллективы, особое место среди которых занимали и этнические семейные ансамбли. Это стало возможным потому, что именно в лоне семьи бережно хранили традиции, соблюдали обряды, ритуалы, сохраняя преемственность поколений. Одним из таких коллективов стал семейный ансамбль Ногайбаевых из Кызылординской области (с 1988 г.), заслуживший высокое звание «народный». Руководитель ансамбля, заслуженный работник культуры, ученик великого казахского певца Гарифоллы Курмангалиева, А. Ногайбаев включил в репертуар ансамбля как народные, так и современные казахские песни, а также «*терме*» и «*жыр*». Особенностью творчества этого коллектива стало то, что на его лоне произошло формирование нового традиционного жанра – *жыр-ән* (песня в эпической манере). И это – широко сегодня распространенная в народе песня «*Ақсақ киік*», за основу текста которой был взят отрывок из поэмы Сакена Сейфуллина «Көкшетау», написанной им в 1936 г. Впервые прозвучавшая на казахском радио в 1978 г. «*Ақсақ киік*» в исполнении Алмырзы Ногайбаева, популярна и по сей день. История «*Ақсақ киік*» интересна по своей сути и глубоко народна, потому как сложилась на основе народного традиционного лиро-эпического мелоса («*сарын*») юго-западной школы сказительства, но при этом была исполнена в песенной манере («*ән*») с присущей ей, куплетной форме, что вкуче и позволило проследить формирование нового жанрообразования – «*жыр-ән*» в традиционном ключе.

Правомерность подобного определения определяется тем, что в казахстанском музыковедении существуют такие дифференцированные жанры как «*бесік жыры*», «*күй-жыр*», «*күй-зар*», «*әнгіме-күй*» и др. И, если «в соответствии с названиями можно предположить, что в основе «*жыр-күй*» лежит эпический мотив, а «*ән-күй*» – песенные мотивы» (Сарымсакова, 1996, с. 75), то в случае с «*жыр-ән*» – эпико-песенные. Именно близость музыкального мышления и исполнительской манеры А. Ногайбаева, как «носителя» традиционной культуры к типическим элементам традиционного музыкального языка, возникающих в фольклоре на границах общего «интонационного поля», позволили ему с- интегрировать разные традиционные музыкальные жанры в единую форму (модернизировать). В результате получился синтезированный жанр абсолютно близкий к стереотипно-традиционному. Жанр «*жыр-ән*», также, как и обнаруженные в более поздний период вышеназванные жанры являются малоисследованными феноменами в музыковедении и в перспективе могут быть связаны с обоснованием их как специфических форм народно-песенной традиции, с той разницей, что все феномены, связанные с «*күй*» относятся к инструментальной традиции, тогда как «*жыр-ән*» – явление чисто вокальное. История «*Ақсақ киік*» – яркий пример соединения форм традиционной («*сарын*») и письменной (поэма С. Сейфуллина) культур и, таким образом, доказавшая «жизнеспособность традиции, служащей условием и предпосылкой творческой новации» (Раду, 1984, с. 122).

Современный этап развития музыкальных традиций. Формирование современной культуры происходит не столько через долгий процесс познания, сколько через использование уже обработанного и готового к потреблению «нового продукта» цифровых технологий, которые можно принять как новации, служащие средством культурной динамики. Информационная эпоха со своими атрибутами – телевидением, спутниковой связью, всемирной сетью Интернет – сформировала единое постиндустриальное социокультурное пространство. Это единое сообщество составляет по мнению Маклюэна «электронное общество» (McLuhan, 1967), воспринимающий окружающую действительность через «синтез текста, аудио- и видео-модальности, в результате чего возникла новая виртуальная реальность, в которой

в едином цифровом пространстве заключены формы культурного наследия, настоящее и будущее» (Медеуова, 2003, с. 174-175).

Казахстан же хоть и недавно, но активно включился в это единое мировое «электронное общество» и теперь имеет собственное виртуальное пространство – «**экранный культуру**»: синтезированные (смешанные) формы в исполнительском искусстве, в особенности молодых музыкантов, являются сегодня одним из доминирующих направлений в современной музыкальной культуре Казахстана, в том числе и в популяризации традиционной музыки казахов. Именно через исполнение «этники» в хард- и поп-роковой обработке (гр. «Улытау»), с элементами рок-музыки, джаза, фанка и рэпа (гр. «Роксонаки»), в стиле «фьюжн»²⁹ (гр. «Инжу»), в жанре фолк-музыка (этногруппы «Made in KZ», «Beles», «Саз отау») и другие, новое содержание традиционного искусства пытается, проникнув в сознание «как абсолютное содержание истины и стать основой нового мирозерцания и новой формы искусства» (Гегель, 2001).

Появление нового звучания, интерпретированной казахской традиционной музыки в стиле различных современных музыкальных направлений от этно-фолк, до креативных поп, рок, и даже рэп музыки, которую исполняют молодые музыканты-профессионалы – домбристы, кобызисты, певцы, говорит, в свою очередь, о возникновении и уже существовании некой казахстанской молодежной новой субкультуры, и одновременно о том, что молодые исполнители выбрали «путь единства в многообразии», то есть сегодняшней молодой традиционный музыкант, будучи «внутренне цельными и единым» со своим народом, его традициями, «на внешнем плане творит индивидуально-неповторимые произведения и предметы культуры» (Темиргалиев, 2006, с. 9).

гр. «Инжу»

гр. «Улытау»

гр. «Made in KZ»

К счастью, в условиях Казахстана, развитие традиционной музыки в стиле современных музыкальных направлений характеризуется наличием все еще живых музыкальных традиций, а также все больше растущей популярностью древних национальных инструментов – «*қыл-қобыз*», «*домбыра*», «*шанқобыз*», «*сыбызғы*» и др. Сегодня современные казахские музыканты, исполняющие традиционную музыку владеют чистыми, устно переданными канонами музицирования, унаследованными сохранившимися, хоть немногими, но традиционными школами и самими носителями музыкальных традиций. На практике также мы видим, как они же, то есть профессиональные исполнители традиционной музыки, используют возможность «работать» и над традицией. Поэтому в своих устремлениях в будущее и желании сохранить самобытность национальной культуры современные исполнители традиционной казахской музыки стараются «не консервировать» традиции, а укреплять их как основное ядро культуры, вокруг которого наращиваются инновации.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что традиционная музыкальная культура казахов находится в постоянном движении, самовоспроизводясь на разных этапах социокультурной модернизации: *традиционная культура – письменная культура – экранная культура*,

²⁹ Фьюжн (от англ. *fusion* – «сплав») – термин, который может входить в название стилей и направлений в искусстве, архитектуре, дизайне, музыке, характеризующихся «сочетанием несочетаемого», то есть объединяющих в себе совершенно разные идеи из, казалось бы, несовместимых стилей, не теряя при этом целостности и гармонии//<https://ru.wikipedia.org/wiki/%>

³⁰ Фото казахстанских музыкальных групп «Улытау», «Инжу», «Made in KZ» взяты из интернет-сайта <https://www.google.com/search>

используя которые можно классифицировать ее социодинамику по типу социокультурного воспроизводства³¹:

Таблица 1 Социодинамика казахской традиционной музыкальной культуры

ТИП ОБЩЕСТВА	ДОМИНИРУЮЩИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ	ДОМИНИРУЮЩАЯ ФОРМА КУЛЬТУРЫ	ДОМИНИРУЮЩИЙ ТИП ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ
ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО	ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА (устная)	СИНКРЕТИЧНАЯ (целостная, нерасчлененная)	ЦЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ: • «сегіз қырлы, бір сырлы» (создатель-исполнитель-учитель)
ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО	ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА (письменная, устная): <i>существование традиционной и композиторской музыки)</i>	СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ (традиционное образование и воспитание через различные социокультурные институты: художественную самодеятельность; специальные средние и высшие учебные заведения)	СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЫКАНТА: • исполнители , прежде всего; - создатель: <i>вторично</i> ; - учитель: <i>нетипичен</i>
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО	ЭКРАННАЯ КУЛЬТУРА (виртуальная, устная, письменная): <i>существование всех форм, в условиях активизации возрождения традиционного культурного наследия)</i>	ПОПУЛЯРНАЯ (взаимодействие многообразия различных видов культурного творчества, специализированные учебные заведения, творческие студии)	ТРАНСФОРМИРОВАННЫЙ ТИП: • исполнитель-профессионал ; - создатель: <i>не выражено</i> ; - учитель: <i>педагог-профессионал</i>

Резюмируя отметим, что своеобразие, самобытность традиционной музыки, как следствие отражения реальной жизни традиционного общества, детерминировалась самим ходом исторического и культурного развития казахского народа с древнейших времен и до наших дней. Оказавшись восприимчивой к новым веяниям казахская музыкальная традиция в лице своих лучших представителей смогла продолжить свое существование в изменившихся социокультурных условиях. Поэтому можно смело говорить о том, что в эпоху всеобщей глобализации и взаимопроникновения культур, традиционная казахская музыкальная культура, как истинная традиция, живет в развитии, естественным образом преобразовываясь, в соответствии с реалиями культурной практики, модернизируясь и адаптируясь к изменяющимся условиям жизни.

Литература

- Алексеев Э. Е. Фольклор в контексте современной культуры: Рассуждения о судьбах народной песни. М.: Советский композитор, 1988. 238 с.
- Алексеева Л., Нажмеденов Ж. Об акустике домбры в связи с переходом на полимерные струны // Исполнительское творчество: история и проблемы развития на современном этапе. Алматы, 2002. С. 101-104.
- Аманов Б. Ж., Мухамбетова А. И. Казахская традиционная музыка и XX век. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 544 с.
- Аязбекова С. Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов. Алматы: КИЦ ИФиИП МОН РК, 1999. 285 с.
- Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике. Т.2. СПб.: Наука, 2001. 603 с.
- Джумакова У. Творчество композиторов Казахстана 1920-1980-х годов. Проблемы истории, смысла и ценности. Астана. Фолиант. 2003. 232 с.
- Ерасов Б. С. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с.
- Казахская музыкальная культура // Источник: <https://e-history.kz/ru/contents/view/419>
- Канапин, А.К., Варшавский, Л.И. Искусство Казахстана / А.К. Канапин, Л.И. Варшавский. Алма-Ата: Казахское государственное издательство художественной литературы, 1958. 311 с.
- Каракозова Ж. К., Хасанов М. Ш. Космос казахской культуры. Алматы: Евразия. 2001. С. 91-138.
- Каргин А. С. Самодеятельное художественное творчество: История. Теория. Практика. М.: Высшая школа, 1988. 271 с.

³¹ В таблице представлено авторское видение, выраженное в конструировании типических характеристик общества и соответствующих доминирующих типов культуры и личности-музыканта, которое не следует считать истиной в последней инстанции. Она весьма приближительна и нестрога.

- Мазель Л. А. О природе и средствах музыки: теоретический очерк. 2-е изд. М.: Музыка, 1991. 80 с.
- Медеуова Д. СМИ в условиях глобализации. Алматы: Жибек жолы, 2003. 264 с.
- Нажімеденов Ж. Қоңыр үнді домбыра. Мыңжылдық тарихы. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 440 б.
- Нуржанов Б. Город и степь // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. № 3 (19). 1997. С. 183-194.
- Нурланова К. Ш. Эстетика художественной культуры казахского народа. Алма-Ата: Наука. 1987. 176 с.
- Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура: моногр. СПб.: Петербург. востоковедение, 2003. 464 с.
- Раду Дж. Идея культурного прогресса в современном мире. М.: Прогресс, 1984. 172 с.
- Райымбергенова С. Ш. Древняя инструментальная музыка казахов (на материале домбровых кюев): Автореферат ... канд. искусствоведения. Ташкент, 1990. 22 с.
- Садыков Н. Казахстан и мир: Социокультурная трансформация. Астана: Елорда, 2001. 280 с.
- Сарымсакова А. Феномен жыр- и эн-кюев в домбровой традиции казахов // Традиционная музыка Азии: исследования и материалы. Алматы: ТОО «Дайк-Пресс», 1996. С. 75-80.
- Сейсен Н.Б. Этнокультурные процессы народов Казахстана Вестник КазНПУ <https://articlekz.com/article/18558> (дата обращения 07.09.2009);
- Темиргалиев К. А. Проблема культурной идентичности в процессе общественно-исторических трансформаций (социально-философский анализ): Автореф. канд. филос. наук. Алматы, 2006. 28 с.
- Турсунов Е. Возникновение баксы, акынов, серэ и жырау. Астана: Фолиант, 1999. 252 с.
- Турсунов Е. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
- Утегалиева С. Хордофоны Центральной Азии. Алматы: Казакпарат, 2006. 120 с.
- Чистов К. В. Фольклор // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.2. СПб.: Университетская книга, 1998. 447 с.
- Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993. 664 с.
- McLuhan M. Understanding media. The Extensions of Man. New York: MIT Press, 1967. P. 318.

G. Temirton

**ON TOPICAL ISSUES OF COLLECTING, STUDYING, PRESERVING
AND POPULARIZING KAZAKH MUSICAL TRADITIONS
(based on expedition and Museum materials)**

In this article, the musical traditions of Kazakh people are noted as an invaluable cultural heritage, including its centuries-old artistic experience. In this regard, attention is drawn to the need to study the identity and diversity of folk musical traditions by conducting both applied research and scientific expeditions. The article also gives a brief history of the musical culture of Kazakh people based on the work of folk professionals of the late 19th – early 20th centuries and musical instruments housed in the funds of the Central State Museum of Kazakhstan. Some aspects of the revival and preservation of musical traditions, as well as modern forms of performance and popularization of Kazakh folklore are disclosed.

Ж.Ж. Тілеуқабыл

*Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі
Қызылорда облысы, Қазақстан
E-mail: 1981janat1981@mail.ru*

ҚАЗАЛЫ АУДАНДЫҚ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІНІҢ ҚҰРЫЛУ ТАРИХЫНАН

Бүгінгі жаһандану заманында еліміздің тарихы мен айбарын халыққа танытып, тәуелсіздігімізді тұғырлы ету жолындағы жоспарлар мен істерді ел ішіне жеткізу маңызды да жауапты міндеттің бірі болып отыр. Осы орайда халқымыздың ғасырлардан тамыр тартатын өткенін, яғни, тарихын халық арасына, кейінгі ұрпаққа таратуда музейлердің маңызы зор.

Музей - ғылыми, мәдени-тарихи орталық. Музейлер - бірнеше дәуірдің тарихын, этнографиясын, тарихи тұлғаларын, өнерін жинақы түрде ұрпақтан ұрпаққа жалғап отыратын институт. Сонымен қатар ол жинақталған мұраны ғылыми түрде зерттеп, зерделеп, халықтың тарихын, мәдениетін, салт-дәстүрін танытып отырады.

Біз өткенге құрметпен қарап, тарихи құндылықтарымызды көздің қарашығындай сақтауға міндеттіміз. Себебі, бұл ұлтымыздың кеше мен бүгінін, болашақ игі мұраттарын сабақтастыратын баға жетпес қазына осы.

Ұрпақ - рухани байлық пен ұлттық жәдігерлерді танып білу арқылы өзіне сабақ алады, өмірлік бағыт-бағдар ұстанып, елінің жарқын игіліктерін таниды. Ал осындай игі қазыналарды жинап, ұқсатып, тарихқа тіл бітіріп, елдік мүддеге айналдыруды жүзеге асыратын мұражай қызметі қай кезде де өте маңызды.

Өз өңірімізде де құнды деректер мен жәдігерлерді сақтай отырып, жас ұрпаққа насихаттау мақсатында Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі ашылды.

«Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі» мемлекеттік коммуналдық қазыналық кәсіпорны болып, 2014 жылғы 8 тамыздағы Қазалы ауданы әкімдігінің № 282 қаулысымен құрылды. 2019 жылдың ақпан айынан бастап «Қызылорда облысының мәдениет, архивтер және құжаттама» басқармасының «Қызылорда облыстық тарихи-өлкетану музейі» коммуналдық мемлекеттік қазыналық кәсіпорнының «Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі» филиалы болып жұмыс жасайды. Музей меңгерушісі болып Әлішев Сәкен Әлмамбетұлы қызмет жасайды.

Сурет 1. Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейі

Сурет 2. Этнография залы

2015 жылдың 22 қаңтар күні аудандық қаржы басқармасының № 33 бұйрығымен «Қазалы аудандық Ғани Мұратбаев мемориалдық музейі» мемлекеттік коммуналдық қазыналық кәсіпорнынан 4015 құнды жәдігерлерді өз теңгерімімізге алдық. Ал қазіргі таңда музей қорында 4540 –қа жуық экспонат бар.

Музейдің мақсаты – өлке тарихын, табиғатын, экономикасын, археологиясын, архитектуралық ескерткіштерін, этнографиясын, тарихи деректер (ақын – жыраулар, ұсталар, бақсы – балгерлер т.б.), естеліктер мен ескерткіштерін іздестіру, тарихи маңызы бар құнды жәдігерлерді жинау, зерттеу оларды қорда сақтау.

Музейдің міндеті – музей қорындағы экспонаттар мен фото құжаттардан музей экспозициясын жасақтау, өлке тарихын, археологиясын, архитектуралық ескерткіштерін, этнографиясын халық назарына ұсыну оларды насихаттау. Халықпен етене араласып жұмыс жасау, халық үшін қызмет ету.

Музей залдары 114,4 кв. шаршы метрді алып жатқан 3 залға орналасқан.

Этнография залы. Табиғат бөлімінде ауданның жер бедері, ауа – райы, емдік қасиеті бар шөптесін өсімдіктер мен жануарлар дүниесі жөнінде баяндалады. Этнография залында қазақтың киіз үйі, ұлттық киімдер, шеберлердің қолынан шыққан ер-тұрмандар, зергерлік бұйымдар, ат әбзелдері, қару – жарақтар, ағаш ыдыстар мен мал терісінен жасалған бұйымдар қойылған. Сонымен қатар билік еткен қазақ хандары, билері, батырлары экспозиция орналасқан.

Тұлғалар залы. Аудан тарихының құрылуынан бастап, елді басқарған басшылардың және әр салада қызмет атқарған тұлғалардың фото-суреттері, құжаттары қойылған. Сонымен қатар, мемлекет қайраткерлері, ақын – жазушыларымыз, Ұлы Отан соғысы мен ауған соғысының ардагерлері мен еңбек ерлері, қуғын – сүргін құрбандары туралы мұралар өлкемізді тануға негізделген.

Тәуелсіздік залы. Қазақстан Республикасының мемлекеттік рәміздері, ірі тарихи маңызы бар оқиға – Ата заңымыздың т.б. құжаттардың қабылдануы, Қазақстан Республикасының тұңғыш Президенті Н.Ә.Назарбаевтың жолдаулары, сондай – ақ, Республикалық «100 аурухана, 100 мектеп» бағдарламасы бойынша ауданда тұрғызылған мектептер мен медициналық бекеттер, және де тәуелсіздік жылдарынан бергі өз өнімдерін халыққа ұсынып отырған кәсіпкерлердің жеткен жетістіктері, өндірген өнімдері музей экспозициясында орын алған.

Елбасымыз Н.Ә.Назарбаевтың *«Болашаққа бағдар: Рухани жаңғыру»* бағдарламасы аясында музейде біршама іс-шаралар ұйымдастырылды. Атап айтар болсақ: ішкі туризмді дамыту мақсатында туған өлкеміздің мақтанышы болған Жанкент қалашығына *“Жанкент-Оғыз-Қыпшақ астанасы, Ұлы Жібек жолының бас қаласы”* тақырыбында мектеп мұғалімдерімен бірге экскурсия ұйымдастырылып, қазба жұмыстарына қатысты.

Жанкент қалашығынан табылған қыш ыдыс сынықтарымен және музей қорында сақтаулы тұрған экспонаттардан музей келушілеріне «Жаңа қала, жаңа қоныс» атты тақырыпта көрме ұйымдастырылды.

Музей жанындағы қоғамдық комиссия мүшелерімен бірге «Туған жер - тұнған шежіре» атты тақырыпта дөңгелек үстел ұйымдастырылып, өз өңіріміздегі тарихи – мәдени ескерткіштерге экскурсия жасалды.

Музейде жүргізілген іс-шаралардың барлығы жергілікті газет беттеріне жарияланып, халық арасында насихатталып отырады (Курманкулов, 2007, с. 249-250; Құрманқұлов, 2011, 113-114 бб.).

Аймақтың қола дәуіріне қатысты Тапа елді мекенінен Қазалыдан 100 шақырым қашықтықта орналасқан. Ата кәсіптен ажырамай төрт түлікті түлеткен Аманжол Жұмабеков мал баға жүріп, топыраққа көмілген көне жәдігерлерді жинауды әдетке айналдырған. Әуесқой археологтың қорында 300-ден астам экспонат сақтаулы. Оның ішінде қыш құмыралар, дән үккіш, жебе жасауға арналған тастар, түймелер, темір қазан, тас пышақтар мен тері өңдейтін бұйымдар бар (Тажекеев, Онғар, Шораев, 2013, с. 167-170; Тажекеев, Дарменов, с. 438-440).

«Осы Тапаның аумағында 200 гектардай жерде үлкен құрақ болған. 1969 жылы осы маңнан ине құятын қалып және бірнеше тастан жасалған бұйымдарды тауып алып, Алматы музейіне өткізген.

Сурет 3. Музей қызметкерлері Жанкент шаһарында

Сурет 4. Арал маңы Қарақұмынан табылған қола дәуірінің керамикалары

Табылған жәдігерлердің ішінде қола дәуірі заманында жасалған геометриялық фигуралармен өрнектелген бірнеше формадағы қыш құмыралар, тас, қола жебелердің бірнеше формадағы ұштары, әшекей бұйымдар, ұсталардың қолданған металл төстігі мен құрал-саймандары, 1700-1750 жылдары қолданылған қазан, т.б. тұрмыста қолданған бұйымдар табылған. Бес жерден құмыра жасайтын ошақтың орны табылған. Пешті арнайы күйдірілген кірпішпен салған. Аманжол ақсақал қолындағы бар жәдігерлерін халыққа насихаттау мақсатында музейге уақытша өткізіп, музейде «Қола дәуірінің жәдігерлері» тақырыбында көрме ұйымдастырлуда.

Әр адамның өз отбасы, ата-бабасының өткенін білуімен басталған қызығушылық туған ауылының, қаласының, өлкесінің, мемлекеттің тарихын білуімен жалғасады.

Әдебиеттер

Курманкулов Ж. Городища Жанкент // Байпаков К.М., Елеуов М. и др. Свод памятников истории культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. Алматы: Аруна, 2007. С. 249-250

Құрманқұлов Ж. Жанкент қалашығы // Байпаков К, Елеуов М. және т.б., Қазақстан Республикасының тарихи және мәдени ескерткіштерінің жинағы. Қызылорда облысы. Алматы: Аруна, 2011. 113-114 бб.

Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т. Еримбет-жага – стоянка эпохи бронзы // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. Материалы и исследования по археологии России №3. М., 2010. С. 438-440.

Тажекеев А.А., Онгар А., Шораев Б.К. Тапа – памятник эпохи бронзы Северо-Восточного Приаралья // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана, 2013. Т. 2. С. 167-170.

HISTORY OF THE KAZALINSKY DISTRICT MUSEUM OF LOCAL HISTORY

The article deals with the history of the Kazalinsk regional museum of local history. The museum's collections and archeological monuments are being regularly researched. In addition, information on new Bronze Age fossils is displayed in the region, where archeological research is ongoing and stone artefacts discovered by local historian A. Zhumabekov are displayed.

А.Ж. Үркінбаева

«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі

Түркістан қ., Қазақстан

E-mail: azret-sultan@mail.ru

АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ҚАЗБАДАН ТАБЫЛҒАН ТАС ЖӘНЕ ҚОЛА МОНШАҚТАР ЖАЙЛЫ ЗЕРТТЕУ

Тұңғыш Президентіміз Н.Ә. Назарбаевтың «Ұлы даланың жеті қыры» атты мақаласында: «Металл өндірудің амал-тәсілдерін табу тарихтың жаңа кезеңіне жол ашып, адамзат дамуының барысын түбегейлі өзгертті. Сан алуан металл кендеріне бай қазақ жері – металлургия пайда болған алғашқы орталықтардың бірі. Ежелгі заманда-ақ Қазақстанның Орталық, Солтүстік және Шығыс аймақтарында тау-кен өндірісінің ошақтары пайда болып, қола, мыс, мырыш, темір, күміс пен алтын қорытпалары алына бастады.

Қола дәуірі – адамзат қоғамындағы тарихи-мәдени кезең. Ол қола металлургиясының кең қанат жайып, еңбек құралдары мен қару-жарақ жасауға арналған негізгі материалға айналуымен сипатталады. Археологиялық зерттеулердің нәтижелері бойынша қоладан бұйымдар жасап пайдалану адамзат өмірінде сонау ерте дәуірден басталғаны анық. Қазақ жерін сол тұста мекендеген тайпалардың осы кезеңдегі мәдениеттері қола дәуірі ескерткіштері алғаш ашылған жерлердің атымен – андронов мәдениеті, беғазы-дәндібай мәдениеті деп аталады. Б.з.д. II мыңжылдықтың бірінші ширегі біткен кезде Еуразия даласында қоланы ойлап шығарады. Ежелгі адамдар жезге қалайыны қосу арқылы металл бұйымдардың беріктігін күшейтті.

Ата-бабаларымыз жаңа, неғұрлым берік металдар өндіру ісін дамытып, олардың жедел технологиялық ілгерілеуіне жол ашты. Қазба жұмыстары барысында табылған металл қорытатын пештер мен қолдан жасалған әшекей бұйымдары, ежелгі дәуірдің тұрмыстық заттары мен қару-жарақтары бұл туралы тереннен сыр шертеді. Осының бәрі ежелгі замандарда біздің жеріміздегі дала өркениеті технологиялық тұрғыдан қаншалықты қарқынды дамығанын көрсетеді» деп атап көрсеткендей қазақ даласында тас дәуірінен бастап адамзат өмір сүрген. Бұның дәлелі археологиялық қазбалар барысында табылған қазба байлықтар. Адамзат қажеттілігіне орай сонау тас дәуірінен бастап кен өндіуді меңгерген (Назарбаев, 2018, 2 б.).

Андронов қауымдастығы құрамына енген тайпалардан тараған негізгі аймақтардың бірі Орталық Қазақстан болған. Қазақстандық археологтардан қола дәуірі бойынша Орталық Қазақстанды Ә.Х. Марғұлан мен К.А. Ақышев зерттеп, әр аймақтардағы өзгешеліктерді ашып көрсетті. Бұл өңірден көптеген мекендер, қорымдар, көне рудниктер, құрбандық орындары мен тастағы суреттер – петроглифтер, қоныстар мен ескі қабірлер табылып зерттелген. Соның бірі – ертедегі нұра кезеңі. Онда жерлеу салтында кремация (мәйітті өртеу) басым болған. Мәйітті табытқа салып қою рәсімімен де жерлеу кездеседі. Сондай-ақ керамика қатарынан сырты үш бұрыштар мен медрлар, басылымды қосар сызықтар келісім тауып, жарасымды өрнектелген құмыралар көз тартады. Ыдыстардың тек жоғарғы жағы ғана әсемделген. Дөңгелек қола айналар, қола моншақтар ұшырасады. Қабір ішінен мәйітпен қатар үй жануарларының сүйектері де табылған (Қазақстан тарихы, 1994, 18 б.).

Қорымдардан табылған заттарға қарағанда андроновшылар тарамыспен тіккен, өкшесіз былғары аяқ-киім киген. Киімдерін жүн матадан тігіп, оны сүйек түймелермен ілгектеген. Әйелдер көбіне ұзын жеңді, етегі жер сызған жүн көйлек киіп жүрген. Жең қайырмалары, әдіптері қатар қалданған қола таналар тізбегімен әсемделген. Белдемше алдыңғы жағынан ақ жылтыр моншақтар қатарымен сәнделген. Киімнің жағасы мойынды айналдыра уақ шыны моншақтармен әсемделіп, кеудесіне

дөңгелек қаптырма қадалатын болған. Сондай-ақ құлақтарына қола сырға, мойындарына қоладан жасалған өңіржиектер мен моншақтар, қолдарына білезіктер мен жүзіктер салып жүрген. Жын-шайтаннан, бәле-жаладан сақтайды дегенді ырым етіп, ерлер мен әйелдер жабайы жануарлардың тістері мен алыс теңіз жағалауынан әкелінген ұлу шамақтарын тағып алатын болған (Қазақстан тарихы, 1994, 24 б.).

Моншақ – әсемдік үшін түрлі түсті уақ тастарды жіңішке жіпке тізіп жасалатын әшекей. Ертеде моншақ тағу салты әртүрлі наным-сенімге байланысты шыққан, жіпке тізетін түрлі түсті тастарға үкі, бүркіт тұяғын, қасқырдың тісін және т.б. қоса байлап, оны адамға зиянкес күштерден, жаманшылықтан сақтану үшін таққан. Қазақ, өзбек, қырғыз және т.б. түркі халықтарында көз моншақ, қарашай – балқарларда қолданылған қараңғылық моншақ (қараңғыда қорықпау үшін тағылатын моншақ), тәжік халқындағы чашми (тәжік тілінде «чашми» «көз», «көз тию» деген ұғымдарға байланысты қолданылады) деп аталған.

Моншақтарды тіл-көзден сақтану үшін пайдаланған. М. Қашқаридің көрсетуінше түркі халықтарына моншақты «аттың мойнына тағылатын тұмар, қымбатты тас немесе жолбарыс тырнағы» деген ұғымда қолданылған (Диуани лұғат-ат Түрік, 2005, 441 б.).

Соңғы жылдары өркениеттің кіндігі болған Оңтүстік Қазақстаннан да андронов мәдениетіне қатысты мәдени ошақтар табылып, олардан шыққан олжалар қазіргі таңда «Әзірет Сұлтан» қорық музейінің құнды дүниелерінің біріне айналған. Музей қорында қола дәуіріне тән жәдігерлерімізді көптеп кездестіруге болады. Солардың бірегейі қола дәуіріне жататын моншақтар. Жалпы музейдің археологиялық жәдігерлер қорында 64 дана кездеседі. Олардың 24 данасы тастан, 30 данасы шыны ерітіндісінен, 8 данасы шыныдан, 1 данасы қола-қыш, 1 дана сүйектен жасалған. Моншақтардың көпшілігі орта ғасырлар кезеңіне тән.

КК 2429/1-10 санды қола-қыш моншақ III–IV ғғ. жатады. Қазіргі жағдайы орташа, орта шеті ойылып қалған, жиектері мүжілген. Археологиялық қазба кезінде музей археологы т.ғ.к. М. Тұяқбаев 2002 ж. Сидак ата қорымының 1 сағанасынан археологиялық қазбадан тапқан (Марат Тұяқбаевтың 2002 жылғы қазба есебі 23 б.). Моншақтар маржан, қыш, қоладан дөңгелек пішінделіп жасалған. Орталарынан жіп тағуға арналған тесік жасалған (1 сур.).

1 сур. Тастан жасалған моншақтар

2 сур. Тастан жасалған моншақ

КК 2503, моншақ VII–VIII ғғ. тастан жасалған. Көлемі 1,8 см. Қазіргі жағдайы жандары сынып түсіп кертілген. Моншақ, қызғыштау түсті, ақық тастан домалақтау болып келіп ортасы тесіліп жасалынған. Археологиялық қазба кезінде музей археологы т.ғ.к. М. Тұяқбаев Сидак ата қалашығының VI қабатынан 2003 ж. табылған (Марат Тұяқбаевтың 2003 жылғы археологиялық қазба есебінен 14 б.). Музей қорында бір данасы ғана сақталған (2 сур.).

КК №3161/1-19, моншақ VI ғасырға тән, ақық тастан жасалған. Қазіргі жағдайы: домалағының біреуі сынық, қалғандарының әр жері сынған. Көлеміне келер болсақ, онда 1 × 08–0,9 см болады; ал ұзындық, ені немесе диаметрі 08,-09см болады. Археологиялық қазба жұмыстары кезінде археолог А. Ержігітова қатысуымен Сидак ата қазбасынан табылған (Сидаката қазба есебі 11 б.). Моншақтың 4 данасы домалақ, 15 данасы цилиндр пішінде қызғылт ақықтан жасалған. Осындай асыл тастардан жасалған зергерлік бұйымдарға ғажап қасиеттер таңылған (3 сур.).

Сидак ата қалашығы – I–VIII ғғ. Түркістан қаласынан 15 км қашықтықта Шымкент – Қызылорда автомобиль жолының сол жағында 2 км қашықтықта орналасқан. Археологиялық әдебиеттерде қалашық туралы мәліметті Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының А.Н. Бернштамның бастауымен рабады ашылады. Бұл жерден көптеген материалдар жинақталып инструменталды емес жоспар түсіріледі (4 сур.).

Топографиялық қалашық «алаңды төбе» тәрізді. Қалалық фото жоспарда батыс және шығыс бұрыштарынан қарағанда тік төртбұрышты болып көрінеді. Бұл көп бұрыштардың өлшемдері: солтүстік беті – 260 м, солтүстік батыс беті – 120 м, шығыс беті – 100 м, батыс беті – 130 м, оңтүстік шығыс беті – 180 м және оңтүстік батыс беті – 260 м.

Цитаделі және оңтүстік алаңы жақсы көрінген, сонымен бірге типтік алаңды төбеде көрінеді. Одан басқа солтүстік алаң да бар. Оны цитадельдің кішкентай ойығы бөліп тұр. Солтүстік алаң құрылымдай бөлек қалашықтың құрылыс комплексі болып көрінген (Туякбаев, 2016, 50 б.).

Сидак ата қалашығы туралы мәлімет араб-парсы тарихында мұнда орыс орнаменталистері де ат басын тіреген. Қалашықта зерттеу жұмыстарын 2001 жылы Қожа Ахмет Ясауи атындағы Археология институты және «Әзірет сұлтан» мемлекеттік мұражай-қорығымен (Түркістан қаласы) біріккен экспедициясы бастаған болатын. Қала топографиялық белгілері бойынша Орта Азия мен Қазақстанның оңтүстігінің ежелгі және ерте ортағасырлық дәуірлеріне тән «алаңы бар төбешік» типіне жатады (Түркістан өңіріндегі тарихи-мәдени ескерткіштер. А. 2016 ж. 200 б.).

Қорыта айтқанда, музей – қазақ ұлтының рухани асыл дүниелерін жинақтап, өлкеміздің кешегісі мен келешегін жалғап отырған үлкен көпір іспеттес рухани-мәдени мекеме, ал музей экспонаттары – халықтың тарихы, мәдениеті және өнерін қамтитын талай замандардың куәлары. Этнографиялық экспонаттар қатарына жататын зергерлік бұйымдар қазақ халқының сан ғасырлар бойындағы тұрмысының айқын айғағы, әдет-ғұрыптардың тайға таңба басқандай іздері.

Қазақтың зергерлік өнері ұлттық мәдениет тарихынан ерекше орын алады. Сан ғасырдың сарабынан өтіп, біздерге қаймағы бұзылмай жеткен халқымыздың қастерлі де дәстүрлі қолөнері көптеген салаға бөлінеді. Солардың ішінде түрі жағынан да, мән-мазмұны жағынан да аса бай, шоқтығы биік тұрғаны – зергерлік өнер болып табылады. Ғалым Х. Арғынбаевтың айтуынша, қазақ мәдениетінде халқымыздың қанына сіңген зергерлік өнер мен зергерлік бұйымдар ұлтымыздың баға жетпес байлығы және мол мәдени мұрасы болып табылады. Олар мыңдаған жылдар бойына болашақ ұрпақтарымыз үшін сақталып қалуы тиіс.

Әдебиеттер

- Қазақстан тарихы. Очерктер. Алматы: Алматы: Дәуір, 1994. 446 б.
Махмуд ал-Кашқари Дивани Лугат ат-Турк. Алма-Ата: Драйк-Пресс, 2005. 1281 с.
Назарбаев Н.А. Ұлы даланың жеті қыры // Егемен Қазақстан газеті. 2018. 21 қараша. 2 б.
Туякбаев М. Түркістан өңіріндегі тарихи-мәдени ескерткіштер. Алматы: Информ-Арна, 2016. 200 б.
Туякбаев М. 2002 жылғы қазба есебі. «Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи мәдени қорық архивінен.

A. Zh. Urkinbaeva

RESEARCH ON STONE AND BRONZE BEADS DISCOVERED IN ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS

The article examines the stone and bronze beads found in archeological excavations in the Turkestan region. These beads are currently stored in the Aziret Sultan Reserve Museum Reserve. In Kazakh culture, jewelry and jewelers, absorbed into the blood of our people, speak of the priceless wealth of our nation.

ИЗ ИСТОРИИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ ФОНДОВ САМАРКАНДСКОГО МУЗЕЯ ПО КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВУ В 50-70 ГГ. XX В.

Музей в Самарканде был организован в 1874 году (*Массон М.Е. 1956, стр.10-11*). В 1883 году музей был закрыт, в этот период большинство его коллекции по археологии и нумизматике было передано в Ташкент (*ЦГАУз фонд 5, дело №482, лист 53.*).

Передовая общественность города четко понимала роль и значение существования музея в таком историческом центре, как Самарканд. По инициативе передовых ученых и общественных деятелей города на базе статистического комитета в 1896 году состоялась вновь торжественное открытие музея (*Якубовский Ю.О. 1896, №57*).

В 1911 году музей получил наименование Самаркандского городского библиотека и музея, 1920 году переименован в Областной, а в 1930 г. реорганизован в Центральный Государственный музей Узбекистана. В 1937 году вновь получил наименование Областного исторического краеведческого музея (*Научный архив Самаркандского музея, дело № 182, стр.4.*).

Решением правительства Узбекистана в 1945 году был переименован в Республиканский музей культуры узбекского народа, а в октябре 1955 г. в Республиканский музей истории культуры и искусства Узбекистана (*Научный архив Самаркандского музея. дело № 1584 стр.8*).

Учитывая немалый вклад музея в дело развития музейного дела республики постановлением Совета министров УзССР от 9 августа 1968 года переведен в число музеев 1 категории. В этом же году ему было присвоено имя Акмала Икромова (*Научный архив Самаркандского музея. дело №1618 стр.4.*).

Постановлением ЦК КПУз и Совета Министров Узбекистана от 21 июля 1969 года за № 343 музей переименован в Государственный музей истории культуры и искусства Узбекистана, определив его как головной музей Республики; на музей была возложена координация работ и научно-методической руководство всеми областными музеями (*Там же*).

Постановлением ЦК КП Узбекистана и Совета Министров УзССР от 26 мая 1982 г. за №397 на базе Государственного музея истории культуры и искусства Узбекистана им. А. Икромова создан Самаркандский Государственный музей-заповедник (*Научный архив Самаркандского музея. Дело № 1955 стр. 1,2.*).

Задачи комплектования коллекции Самаркандского музея по вопросам культуры и искусства Узбекистана определяются особенностями его профиля.

В 2-половине XX века специфический профиль музея определил тематику экспозиции, предполагающей широкое освещение вопросов культуры и искусства, а также содержание работы по комплектованию фондов музея. Выявление предметов музейного значения при комплектовании фондов и экспозиции определялись темами правильного характера.

Если источниками комплектования по бывшему советскому периоду были частные лица, государственные учреждения и общественные организации, то по периоду предшествующему октябрьской переворот сбор осуществляется преимущественно у частных лиц, очень редко на предприятиях и учреждениях, хотя и последнее не исключено. Архивные материалы позволяют комплектовать лишь копии.

Формы и методы комплектования экспонатов по рассматриваемому тему, разнообразны: это и экспедиции разведочные и стационарные, историко-бытовые и этнографические, научные командировки и выявление материалов у частных лиц через фондовые закупочные комиссии.

Сотрудники музея отдали предпочтение комплексным экспедициям историко-бытового или этнографического характера, предполагающих комплектование не только тематических комплексов, т.е. посвященных конкретным темам профильной дисциплины, но и систематических коллекции фондов.

Задача отражение профиля музея определили также и географические рамки собираемого материала. Это различные области и районы Узбекистана.

Маршруты экспедиции составляются с учетом потребностей экспозиции и фондов, выявления недоучетов в составе коллекции по географическим районам.

Так были определены научные командировки в Бухару и Хиву в 1954 году, экспедиция в Каракалпакию в 1956 г., экспедиции по районам Самаркандской области 1973,1974,1975,1976 г.г.

Участие в отрядах многолетней историко-бытовой экспедиции Московского государственного исторического музея по районам Самаркандской области (*Научный архив самаркандского музея. Дело № 843.*), экспедиции Самаркандского музея 1968 года по городам и районам Ферганской долины, 1971 года по городам и районам Кашкадарьинской и Бухарской областей и др.

В каждом конкретном случае разрабатывается примерный маршрут данной экспедиции. Такая разработка предполагала серьезную научную подготовку ее. План работы экспедиции было обращено внимание на полноту ее научной документации-планы, маршруты, полевые описи, дневники, научные отчеты, адресные книжки и тетради для записей легенд.

Ряд экспедиций завершился выставкой собранных экспонатов, позволявшей проанализировать удачи и неудачи экспедиции, осмыслить собранный материал, дать ему правильную оценку.

Практика убедила в том, что новые поступления в музей, приобретенные как экспедициями, так и непосредственно фондовыми комиссиями, следует ежегодно демонстрировать на выставках, приурочив их к годовым отчетам.

Опыт комплектования материалов по вопросам культуры и искусства Узбекистана показал, что лишь наличие перспективных планов, правильной постановки проблемы сбора и научной разработки отдельных тем и коллекций может определить задачи и методику комплектования фондов.

В одном из перспективных планов на 1971-1975 г.г. (*Научный архив Самаркандского музея. Дело № 1693*) намечены темы профильного сбора экспонатов, охватывающих широкий круг вопросов:

1. Сбор материалов по некоторым малоизученным и слабо представленным видам ремесло – кузнечное, кожевенное, кондитерское и др.

2. Сбор материалов, характеризующих градостроительство во 2 пол. 19-нач. 20 в. изменение после захвата царской России, особенности сельской жилой архитектуры. Наконец в тематику сбора входили просвещение, науку, печать, литература, искусство прикладное, изобразительное, театральное, музыкальное.

3. Сбор должен был охватывать все исторические районы Республики Узбекистана: Самаркандский, Сурхандарьинский, Бухарский, Хорезмский, Ташкентских областей и также Ферганской долины.

Общий перспективный план комплектования конкретизовался годовыми планами сбора экспонатов. Так, в 1956 году старший научный сотрудник Упфал Г.Я. и Мухаммадиев З.Ю. осуществили научную командировку в Каракалпакстан (*Научный архив Самаркандского музея. Дело № 788.*) по сбору материалов в составе отряда Жданко Т.А. Хорезмской экспедиции.

До 1956 г. музей не располагал коллекциями, которые могли бы характеризовать особенности и своеобразие Каракалпакского искусства.

Выезду в Каракалпакскую область предшествовало тщательное изучение специальной литературы, составление плана собирательской работы, определившим тематику сбора и даже подробный список нужных экспонатов. План собирательской работы следующий:

1. Ковроделие
 - 1.1. ворсовые ковровые изделия комбинированной техники
 - 1.2. ворсовые ковровые изделия обычного типа
 - 1.3. без ворсового коврового изделия паласного типа
 - 1.4. узорные кошмы – текиметы
2. Вышивка
 - 2.1. Вышивка на предметах одежды
 - 2.2. Вышивка на предметах мелкой утвари

Из литературы было известно о характерных для Каракалпакской вышивки двух швах: петельном (илма) и крестом.

3. Художественные ткани
4. Резьба и роспись по дереву
5. Ювелирные украшения (*Там же стр. 1,2.*)

В процессе работы участники пришли к выводу о необходимости сплошного обследования жилищ каракалпаков, так, как только в интерьере и экстерьере жилой постройки или юрты могли сохраниться предметы декоративно-прикладного искусства.

Особое внимание привлекли юрта, почти повсеместно бытовавшая в качестве вспомогательного летнего жилого помещения, в комплекс убранства которой входит наибольшее число самых разнообразных предметов.

В результате сбора материалов в Нукусе, Ходжайли, Чимбайском и Кегейлийском районах были получены в дар и приобретены 49 предметов по ковроделию, вышивке, одежде, резьба по дереву и

ювелирному делу (*Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея №8, стр.102-108*). По каждому экспонату были собраны сведения о технике производства, названия орнаментов, о месте и времени изготовления и бытования, национальности авторов работ, были сделаны подробные описания места и времени бытования и т.д.

При сборе сведений учитывались особенности каждого вида прикладного искусства. Был подготовлен специальный вопросник, заполнявшийся при беседе с информаторами.

Все сведения по каждому предмету суммировались на специальной карточке, которая фактически становилась основой для создания карточек монографического научного описания.

Коллекция, собранная в Каракалпакии, получила высокую оценку специалистов-этнографов. Ковровые изделия представлены почти всеми видами техники: без ворсовыми (алача-палас, кзил-кур, дизбе), комбинированной техники (жамбау, йинбау, бельджиб, ак-баскур, есик-кас).

Вышивки представлены обеими типами – петельным швом (илме) и крестом (шрыш-нагыс). Кроме того, приобретены комплексы старинной женской одежды с вышивкой: «кимешек», головной убор, накидной халат «жегде», «нарукавники», «женгсе», нагрудное украшение «онгырша».

Вышивки крестом украшают старинные виды народной одежды – «акджегде» и «ак-кемешек» – старушечья одежда. Жегде-накидка, надевавшаяся на голову и напоминающая узбекскую паранджу.

Кемешек-ритуальная одежда, вышивались до свадьбы, надевалась впервые при выступлении в брак.

Высокую оценку этнографов получила собранная коллекция старинных ювелирных украшений, большая часть которых почти не бытует в настоящее время. Из них большой интерес привлекает нагрудное украшение «хайкель» – один из видов подвески к детской одежде, руйме-серебряные дутые пуговицы, халкалысырга-сочетание серег и цепочки с подвесками протянутый под подборком, аребек-носое кольцо и др. ювелирные украшения. Приобретены также колыбы для отливки ювелирных изделий.

Коллекция каракалпакского искусства II пол. XIX нач. XX в.в. позволяет судить о высоком талантливом искусстве каракалпаков, истинно массовом народном творчестве.

Постановки узкой проблемы, а именно сбор материалов по прикладному искусству и тщательная подготовка каракалпакской экспедиции обеспечили ее успех.

В 1968 году сотрудники отдела истории приняли участие в комплексной историко-бытовой экспедиции музея по городам и районам Ферганской долины (*Научный архив Самаркандского музея. Дело №1570.*).

Круг задач, который был поставлен перед участниками экспедиции историческому отделу, был значительно шире, чем в каракалпакской экспедиции. Помимо сбора археологического материала, отражающего развитие древних и поздних средневековых городов Ферганской долины (Кувы, Оша, Узгенда, Ахсикента и др) были поставлены 2 задачи:

1. Сбор материалов, характеризующих культуру, быт и положение народных масс в Кокандском ханстве во II пол. XIX нач. XX в.в., а также те изменения, которые произошли в ханстве после присоединения его к России в 1876 году.

2. Сбор материалов по народному прикладному искусству.

Собирательская работа проводилась в соответствии с разработанной программой сбора, по маршруту-Ош-Джалалабад, Наманган-Чуст-Шаханд, Андижан-Шахрихан-Маргелан-Фергана, Хамзабад (Шахимардан)-Коканд-Риштан, Худжанд.

Включение в маршрут Оша-Джалалабада (Киргизистан) и Худжанд (Таджикистан) не случайно, так как эти города исторически тяготели к Ферганской долине, географически и территориально входят в ее составную часть.

Наиболее полно была решена главная задача экспедиции – сбор материалов по народному прикладному искусству Ферганской долины.

В городе Оша, где преобладающее население узбеки, были приобретены интересные металлические чеканные изделия, а также инструменты у потомственного кузнеца и потомственного мисгара.

Значительное число металлических изделий, представляющих собой предметы быта высокого искусства чеканки, говорит об Оше, как о крупном ремесленном и торговом центре в прошлом.

Интересный материал по прикладному искусству был получен в Намангане, занимавшему по количеству ремесленников в конце XIX-начале XX века одно из первых мест среди городов Ферганской долины.

Приобретенный у потомственного мастера деревянные мелкие изделия у других мастеров – ювелирные украшения, головной убор, нашивная тесьма джияки займут достойное место в экспозиции музея.

Во время экспедиции большой интерес привлекал город Чуст со своими богатыми культурными традициями, с оригинальным и признанным повсеместно в республике прикладным искусством. Славен Чуст своей тюбетейкой с тончайшей вышивкой и своеобразным композиционным решением. Тончайшая вышивка достигает исключительной виртуозности и выразительности на этом скромном головном уборе, а чустские ножи с характерными узорами и сейчас пользуются большим успехом в Узбекистане и за рубежом.

Естественно интересно эволюция чустской тюбетейки, ее древние формы. Поиски привели участники в дом жены поэта и мударриса Н. Султановой, сохранившей тюбетейку своего супруга, относящейся к концу XIX века. Вместе с тюбетейкой были приобретены предметы одежды мударриса, которые несомненно найдут место в теме по народному образованию Узбекистана.

Металлические изделия, приобретенные в Чусте представлены как традиционными предметами (напр. поднос, изготовленный в Коканде), таз-медный «мис-тогора» (тур-кастрюля), так и завозными из России (поднос с русским штампом).

В каждом из крупных центров Ферганской долины обращены внимание на сбор тех экспонатов, которые наиболее ярко характеризуют особенности культуры и быта.

В результате интенсивной работы в Маргелане были куплены шелковые изделия, различные предметы быта и одежды.

Среди них наибольший интерес представляют вышивки на маргеленском шелке-джайнамаз и руйинджо. Женский халат из бекасама, сапожки «ярмадуз», ночная простыня с вышивкой характерной для Маргелана, подушки с вышивкой, различные ювелирные украшения-все эти материалы дают некоторое представление о своеобразии и особенностях местных кустарных и художественных ремесел и школ.

В Риштане, крупнейшим керамическом центре в прошлом и настоящем были собраны не только керамические изделия конце XIX-начале XX в.в., но и материалы по технике производства (гончарный круг).

Судя по маршруту экспедиции, она могла носить лишь разведочный характер, что естественно ограничивало содержание сбора. Тем не менее экспедицией был собран интересный подлинный материал характеризующий некоторые изменения после завоевания Кокандского ханства со стороны России. К примеру подлинные фотографии, открытки и документы, отражающие развитие Андижанского масложиркомбината, построенного в 1907 году частной фирмой «К.М. Соловьев и К°» и перешедшего в период I мировой войны к новому хозяину фирме «Беш-беш»-акционерное общество из 5 акционеров, а также подлинные документы, характеризующие положение народных масс в Андижанской области-документы о купле-продаже земли.

В результате экспедиции 1968 года было собрано по прикладному искусству 87 экспонатов (*Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея №14, стр.95-157.*). Экспедиция 1968 года послужила источником интересного сбора, был накоплен опыт по методике сбора экспонатов. Разведочный характер экспедиции, ограничивавший комплектование экспонатов в одном месте, в то же время позволил собрать характерный для каждого географического района материал.

В соответствии с планом работы на 1971 год перед участниками комплексной историко-бытовой экспедиции, организованной по городам и районам Кашкадарьинской и Бухарской областей (*Научный архив Самаркандского музея. Дело №1704.*), была поставлена задача сбора материала характеризующих быт, культуру, религию, народное прикладное искусство 2 пол. XIX-начале XX в.в.

Маршрут экспедиции охватывал Китаб, Шахрисябз, Чиракчи, Яккибаг, Камаши, Гузар, Карши, Бешкент, Касан (Кашкадарьинской области), Караулбазар, Каган, Бухару, Каракул, Вабкент, Шафиркан (Бухарской области).

Главная проблема, которую должна была решить экспедиция хотя бы частично – это характеристика Бухарского ханства II пол. XIX- начало XX века.

Прежде чем начать экспедицию были собраны сведения о исторических прошлых городах Бухарского ханства, особенностях их планировки, о населении, этногенезе, быте и культуре, искусстве и науке, язык, письмо, кварталы и многие другие вопросы, связанные с изменениями после присоединения к России, были учтены.

Помимо справочного материала были собраны сведения о происхождении фондовых материалов – картотека была систематизирована по географическому принципу. У участников экспедиции было довольно полное представление о характере материала.

Помимо тематического сбора ставилась задача пополнению систематических фондовых коллекций-коллекция вышивок, ювелирных украшений, постельных принадлежностей, уточнения названия предметов быта, орнаментов и т.д. Во время экспедиции был собран интересный этнографический

материал, а также данные для возможного будущего сбора экспонатов. Всего было собрано во время экспедиции около 30 экспонатов (Книга акта приёма Самаркандского музея №16, с КП-3396 по 3416, стр.89-124.), характеризующих развитие ремесел Кашкадарьи конца XIX и XX в.в., а также вопросы развития духовной культуры.

По теме характеризующий завоевание Средней Азии со стороны России собран материал, относящейся к событиям процессе завоевания (оружие, медали, судопроизводство, административное управление, нагрудный знак мираба 1896 г., «Положение об управление Туркестанского края»).

Тема, освещающая вопросы социально-экономической жизни в Туркестане, в Бухарском и Хивинском ханствах, пополнилась материалами по сельскому хозяйству, ирригации, по вопросам изменений после захвата России (орудия труда, фотографии и почтовые открытки оросительных каналов, мостов, документальным материалам); по ремеслу и промышленности фотоснимки материалов по изготовлению печей для обжига керамических изделий, фотоснимки переплетчиков, ткачей, инструменты, образцы тканей и т.д.

А также открытки и фотоснимки маслобойных заводов в Андижане, Коканде, Намангане; по железнодорожному строительству и местному транспорту, банковскому капиталу (отчет о ревизии Самаркандского отделения Русско-азиатского банка, открытки с изображением Русско-китайского банка в Самарканде и Государственного банка в Ташкенте, по торговле и в частности среднеазиатскому импорту) весы-безмен, фарфоровые изделия фабрика Гарднера и Кузнецова. Магазины, их изображения в г. Фергане, папка со штампом «Торговый дом Ризаева 1912» изображение складов и главной конторы общества Хива 1916 г. и др. Наконец, фотографии и документы, отражающие быт, культуру русских переселенцы Самарканда и Андижана, денежное обращение.

По теме «Быт населения Узбекистана в конца 19-начало 20-веках» собрано более 50 видов одежды из многих районов Узбекистана (Бухара, Самарканд, Маргилан, Чуст, Китаб, Шахрисябз, Карши; по Самаркандской области- Ургут, Мирбазар) –постельные принадлежности, свадебные простыне «руиджо», подушки-естык, наволочки, осветительные приборы местные и русские – люстры, железнодорожные фонари, настольная фарфоровая лампа.

Мебель и различные атрибуты узбекского домашнего интерьера, наконец документы по семейно-брачным отношениям (брачные свидетельства) вещественный и документально-фотографический материал по религии и культурам, печать казия конца 19 в.в., паранджа, чачван, журналы «шуру» и др.

Интересный и разнообразный материал собран по художественным ремеслам и женским домашним промыслам: бытовая керамика из Риштана, инструменты по производству керамики, мраморные блюда сер.19 в., большое количество металлических изделий, разнообразных по назначению местных и русских отличающихся по месту изготовления школам. Собраны и инструменты потомственного мисгара. Ценнейшей коллекцией являются мастерская кузнеца.

70-годах XX века поступила около 200 металлических изделий. Немало поступила ювелирных украшений самых разнообразных по назначению и искусству обработки (свыше 70 предметов). Интересными экспонатами, собранными в Кашкадарье являются инструменты кожевника и образцы кож.

Золотое шитье, насаду, чилим занимают достойное место среди собранных коллекций. Женские домашние промыслы представлены предметами по ковроделию, ткачеству, джияками и особенно вышивками. Поступили вышивки из Каттакургана, Шахрисябза, Самарканда, Джизака, Карши. Одна из Шахрисябзских вышивок уникальна-композиция узора, особенности шва, ювелирная работа мастерицы, богатство орнаментального убранства характеризуют вышивку, как замечательный образец народно-прикладного искусства.

В 70-годах XX века по теме «Народное просвещение» благодаря целенаправленному комплектованию фондов значительно пополнилась материалами по новометодным школам (учебники, сборники, стихов Хафиза Ширази, старые мактабы, одежда муллы-преподавателя в мактабе). А также, одежда и головной убор ученого и мударриса из Чуста. Все это пополнил значительно наше представления о характере народного просвещение периода конца 19-начало 20 века. Одновременно по теме «Литература и роль просветителей демократов в развитии демократического направления в литературе» были приобретены рукописи и литографические издания 2-половина 19 века, писателей прошлых эпох А.Навои, Фузули, Хафиза Ширази, а также ценные и редкие издания просветителей-демократов Бедиля, Фитрата, Кадыри, Сыддики и многих других.

В плане комплектования коллекции по культуре большая роль отведена сбору материала по науке, по культурно-просветительной работе, а также по деятельности научных обществ, имевших большое значение в развитии научных знаний.

В составе коллекции известного среднеазиатского ученого-ориенталиста - Умнякова И.И. - поступили материалы по деятельности общества русских ориенталистов в конце 19-начало 20 века. Среди них устав общества Русских ориенталистов 1910 (*Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея №19, КП 3668, стр.94. Всего принято 158 предметов*), письмо общества от 25 апреля 1916 года о принятии И.И. Умнякова в члены общества, фотографии протокола №1 Туркестанского географического общества. Медаль в память о Среднеазиатской выставке в Москве 1891 года пополнила (1969 г.) коллекцию медалей по выставкам (*Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея, №15, КП 3337/3, стр.49.*).

Музейный фонд в 60-70 годах 20 века по теме «Народный театр, музыка, танец. Зарождение и развитие профессионального театра» также значительно пополнилась. Всем известно, что как сложно собрать материал по этой теме. И тем не менее в то время научным сотрудникам музея удалось пополнить коллекции по народному театру. В 1971 году были приобретены у известного артиста кукольного театра Мамаджанова Абдулло чодир, музыкальные инструменты (кош нагора, доира) и главные куклы (*Книга акта приёма Самаркандского музея №16, КП 3380, стр.173.*). Среди них такие, как качал палван, офтобхан, палван с сабачкой, бойбанги, Хафизкарим, бой бобо, Холджанхола (старушка) и одна гурджича (собачка). Записан сценарий пьес для кукольного театра. Приобретены керамические свистульки у мастера Гафурова из Уратюбе.

В плане комплектования фондов по теме «Изобразительное искусство» также обретоено серьезное внимание, тем более, что она является профильной темой. Коллекция живописи пополнилась работами старейшего художника Узбекистана Л.Л. Бурэ. Этюды Бурэ на среднеазиатскую тематику датируются вторым десятилетием 20 века - «Купол при заходе солнца» (*Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея №14, КП-3301/13 стр.174.*) 1914 г., «Кладбище» (*Там же*) -1917 г., есть и более ранние работы (*В Самаркандском музее хранится 432 произведения Л.Л Бурэ, из них 237 живопись, 195 графика.*) 1904-1907 г.г., 1910, 1913 г.г. А также была приобретена работа художника Покаржевского «Рынок в Самарканде» (*Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея №15, КП-3364, стр.144*) 1915 года.

В это время интенсивно пополнялось тема, характеризующая издательское дело, печать, приобретено и получено в дар большое количество литографированных книг и журналов, изданных на узбекском и таджикском языках в Петербурге, Ташкенте, Бомбее, Афганистане.

В пополнение коллекций книг и журналов конца 19 века начало 20 века большую роль сыграли материалы участника гражданской войны (1918-1920 г.г.) Урунходжаева Мирзаходжа, переданные в музей (*Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея №14, КП-3228, стр.55.*) и при его жизни, и после его кончины. Материалы этой коллекции и многие поступления требуют дальнейшего изучения и исследования.

Заключение. В результате многолетней систематической работы по комплектованию Самаркандский музей располагает ценнейшими коллекциями и тематическими комплексами по культуре и искусству Узбекистана периода конце 19-начало 20 в.в. позволяющими широко осветить в экспозиции самые разнообразные стороны жизни и быта узбекского народа.

В 50-70-годах XX века были проведены ряд экспедиций по городам и районам Самаркандской области. Однако, следует сказать, что эти экспедиции не охватывала районы Узбекистана полно и всесторонне представлены необходимыми материалами. Речь идет о закономерные недостатки экспедиционного сбора или выездов в командировки, ограниченные во времени. Были нужны экспедиции стационарного характера в наиболее типичные и характерные места с длительным пребыванием.

Как уже было сказано выше, музей пополнял свои коллекции за счет отдельных частных лиц, сохранивших в своем быту этнографические, документальные, рукописные и книжные материалы, а также с помощью с исторического подворного обследования городов и районов Узбекистане.

Литература

Докладные записки, доклады и справки о работе Самаркандского музея за 1955 г, Научный архив Самаркандского музея дело № 182.

Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея №15.

Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея №19.

Массон М.Е. Краткий очерк изучения Средней Азии в археологическом отношении. Труды САГУ, вып.81, Исторические науки, Книга 12, Ташкент 1956, стр. 10-11.

Материалы экспедиции сотрудников республиканского музея совместно с экспедицией Московского государственного исторического музея за 1951 г. Научный архив Самаркандского музея, дело 843.

Опись экспонатов, приобретённых за время экспедиции в Каракалпакскую АССР с 28 июня по 22 июля 1956 года. Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея №8, стр. 102-108.

Опись экспонатов, приобретённых за время экспедиции в Ферганскую долину 1968 года. Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея, №14, стр. 95-157.

Отчет о работе Самаркандского музея за 1969 год. Научный архив Самаркандского музея, дело №1618.

Отчет об этнографической экспедиции по Кашкадарьинской и Бухарской областям. Научный архив Самаркандского музея. Дело №1704.

Перспективный план работы музея на 1971-1976г. Научный архив Самаркандского музея. Дело № 1693.

Положение и профиль Республиканского музей истории культуры и искусства УзССР за 1954-1955 гг. Научный архив Самаркандского музея, дело № 1584.

Положение о государственном объединенном Самаркандском историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике. Утверждено в 1983 г., переработано в 1986 г. и в 1990 г. Научный архив Самаркандского музея, дело № 1955.

Рапорта по экспедиции по Ферганской долине 1968 г. Отчеты и дневники. Научный архив Самаркандского музея. Дело №1570.

Сбор комплексной экспедиции музея 1971 г. по Кашкадарьинской и Бухарской области. Книга отдела учёта фонда Самаркандского музея №16.

Упфал Г.Я. Отчет о командировке в Каракалпакскую АССР июль 1956 г. Научный архив Самаркандского музея. Дело № 788.

ЦГА Уз фонд 5 (Самаркандское областное правление), дело №482.

Якубовский Ю.О. Открытие музея при Самаркандском областном статистическом комитете. “Тукестанские ведомости, №57, 1896.

M.A. Yunusov

FROM THE HISTORY OF ACQUISITION OF SAMARKAND MUSEUM'S FUNDS OF CULTURE AND ART IN THE 50-70 YEARS OF THE XX CENTURY

The report sets the task to consider the history of acquisition the funds of the Samarkand Museum of Culture and Art. As a result of the analysis, the author for the first time shows that how the work went and what were the flaws on the issue of acquisition the fund of the Samarkand Museum of Culture and Art during the 50-70 years of the XX century.

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ЗУБОВ У ЛИЦ РАЗЛИЧНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ И КАЗАХОВ

Известно, что многие годы и десятилетия исследованию этнических, редукционных индивидуальных и других особенностей строения зубов не уделялось должного внимания. Поэтому целенаправленными научными поисками в сфере одонтологии и одонтоглифики занимались лишь отдельные ученые-фанатики, которые считали важным и необходимым развитие данного направления научной дисциплины, так как до этого времени основным объектом исследования в стоматологии являлись кариес зубов, заболевания десен и тканей пародонта. Не случайно, дальнейшее развитие науки позволило расширить круг проблем, которые охватывает современная стоматологическая наука и данная аксиома связана не только с развитием науки, но и с уникальностью полости рта.

Основательным является и то, что весь комплекс осуществляемых медицинских мероприятий, в частности стоматологических, направлены на сохранение и укрепление здоровья населения, которое является достоянием, как каждого человека, так и его отдельных популяций и человечества в целом. Немаловажную роль в этом играет профилактика основных стоматологических заболеваний.

Научные представления об индивидуальных особенностях строения зубов, наличие данных по одонтологии и одонтоглифики позволяют на начальных периодах осуществлять профилактические мероприятия, направленные на предупреждение патологических процессов в зубочелюстной системе, которые способствуют дальнейшему сохранению физиологического состояния не только зубочелюстной системы, но и всего организма. Поэтому, знания одонтологии и одонтоглифики различных групп населения позволяют внедрить индивидуальный подход при проведении мероприятий, направленных на лечение и восстановление зубов и зубочелюстной системы в целом, расширяют значение для других специальностей, включая судебную медицину, антропологию и другие естественно-гуманитарные науки.

Широкое распространение получают цифровые технологии и в стоматологии. Подробный анализ представленных на нашем рынке компьютерных технологий, методов лечения и диагностики представлен в книге А.Н. Ряховского (Ряховский, 2010, с. 228-278). В то же время автор в своей книге оставляет за рамками составление базы данных по пациентам. Ни одна из описанных компьютерных программ, представляющих собой CAD-CAM системы (CAD- компьютерное моделирование, САМ- компьютерное изготовление) не позволяет работать без базы данных пациентов, которую возможно создать, в том числе и за счет одонтологических и одонтоглифических исследования жителей различных регионов России.

Известно, что одонтология представляет собой научную дисциплину, изучающую строение, вариации и эволюцию зубов. Вместе с тем, в физической антропологии существует специальное направление с аналогичным названием, предметом исследования которого является изменчивость строения зубной системы индивида. В специальной одонтологической литературе прослеживаются попытки полного анализа данных по всем современным человеческим расам, либо всемерного обзора таких данных. Вероятно, успех таких исследований были бы еще более плодотворными, если бы накопление данных одонтологических исследований происходило планомерно по единой программе. На деле же видим опеределенные пробелы на феногеографической карте одонтологических признаков. Так, ряд регионов и республик (европейская часть страны, а также Украина, Прибалтика, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан) были исследованы более основательно, чем другие, в которых, напротив, данных либо не хватало, либо содержались фрагментарные материалы по одной или двум группам, возможно по случайному и нестандартному набору признаков.

Одонтологические признаки-фены, как и вообще любые фены, имеют различный масштаб, который обычно является неустойчивой характеристикой. В пределах вида *Homo sapiens* самые крупномасштабные фены имеют надрасовый характер, охватывая обширные регионы, включающие большое число расовых подразделений. Можно назвать множество одонтологических фенов локального значения, фенов, маркирующих малые расы, отдельные изолированные группы, этносы.

Разумеется, среди признаков зубной системы можно найти фены самого малого масштаба (семейные, индивидуальные), с которыми антропологу приходится реже иметь дело.

Каждый фен всегда имеет свою «точку отсчета» и выявляется только в сравнении, так как не бывает «фенов вообще», например, в некоторых регионах страны население было полиэтничным, когда территориальные группы западной части различались в силу историко-географических и экологических факторов от территориальных групп севера.

Организованный в 1961 году в столице Великобритании первый Международный симпозиум по вопросам антропологической одонтологии констатировал, что стремительно расширяющиеся в те десятилетия одонтологические исследования развивались в целом по трем следующим направлениям:

1) первое – общеморфологическое направление, так как оно является базой для всех других исследований; в ней специалисты, занимающиеся этой областью одонтологии, стремятся выявить общие закономерности строения и развития зубной системы, индивидуальную и половую изменчивость зубов, законы их морфогенеза, взаимоотношение разных элементов системы, коррелятивную зависимость размеров и структуры отдельных зубов между собой и т.д.;

2) второе – эволюционное, которое по-прежнему концентрирует свои усилия на подробных исследованиях ископаемых находок и сравнительно-морфологическом изучении зубов современных приматов;

3) третье – этническое направление, дающее одонтологическое описание разных расовых групп земли и занимающееся выявлением новых дифференцирующих признаков в области зубной системы; при этом число работ по этнической одонтологии в мире в последнее время возросло в особенно большой степени.

В бывшем СССР работы в области этнической одонтологии были начаты в середине 1960-х годов, когда подверглись научному исследованию ряд черепных серий; которые позволили установить и уточнить значение целого ряда диагностических признаков, начать работы на живых индивидуумах, причем исследованы зубы якутов, кетов, русских, грузин и ряда этнических групп Кавказа, Украины, Казахстана, Прибалтики, Индии, Югославии, Монголии. Одонтологические исследования с выездами в разные районы стали одной из основных форм работы. Известно, что набор одонтологических показателей, характеризующих определенную группу в отличие от других групп, образует одонтологический тип. При этом различия одонтологических типов сложились за счет признаков, имевших, возможно, неодинаковое происхождение и неодинаковую давность. Значительная их масса имеет в основе специфику хода редукционного процесса, свойственного всему человечеству могла быть вызвана редукционным комплексом.

Наиболее актуальной задачей этнической одонтологии в настоящее время является выделение и изучение большого числа одонтологических типов мира, в силу которого в Советском Союзе было организовано систематическое исследование разных этнических групп с целью выяснения более полной картины распределения частот одонтологических признаков по всей территории.

Изучение этнической одонтологии зубов изолированных расовых групп открывает новые возможности в современной стоматологической науке и носит не только сравнительный и сопоставительный характер, но и позволяет выяснить принадлежность того или иного фена к определенной расовой группе, позволяет выяснить наследуемость признака и его внутривидовой характер. Кроме того, знание одонтологии и одонтоглифики зубов позволяет восстановить и реабилитировать зубочелюстные патологии с учетом этнических групп и особенностей их строения.

Так, такие известные антропологи, как А.А.Зубов и Н.И. Халдеева в ходе своих исследований установили связь между подверженностью кариесу и морфологическими признаками жевательного аппарата. Ими отмечены эволюционные изменения в зубочелюстной области у лиц с множественным кариесом связаны с изменением мозгового черепа. В группе кариес-резистентных и в группе лиц с множественным кариесом установлены одинаковые, характерные для современного человека закономерности расположения коронковой и корневой части зубов. Установлено преимущественно наследственная обусловленность продольных и широтных размеров челюстей. Значимость наследственной детерминации скученности коронковой и корневой части зубов в челюсти указывает на наследственную передачу этих признаков, предрасполагающих к развитию кариеса, что, возможно, объясняет наличие генетического компонента в патогенезе кариеса (Зубов, Халдеева, 1981, с. 84-85).

Анализ анатомического рельефа жевательной поверхности зубов человека представляет большой практический и теоретический интерес и является важным условием для решения проблем профилактики, диагностики и лечения фиссурного кариеса. Исследование системы мер профилактики и лечения основных стоматологических заболеваний предполагает обязательное изучение распространенности и особенностей клиники этой патологии с учетом влияния климатогеографиче-

ских и других факторов. Раскрыта особенность структуры зубочелюстной системы, которую, вероятно, можно рассматривать как результат редуцированных преобразований зубочелюстной системы вследствие изменившихся социально-бытовых условий и характера питания.

Показано, что кариозные и интактные зубы имеют статистически достоверный различный рельеф поверхности. В силу этого изучение анатомического строения жевательной поверхности зубов человека представляет большой практический и теоретический интерес и является важным условием не только для решения проблем профилактики, диагностики и лечения фиссурного кариеса, но и для коррекции окклюзионных нарушений и протетического лечения в практике ортопедической стоматологии (Леонтьев, Иванова, 2000, с. 3-9).

Частота поражения кариесом моляров неодинакова и имеет определенную направленность и последовательность. Специалисты полагают, что поражаемость фиссур кариесом в определенной степени зависит от одонтоглифики жевательной поверхности зубов. Установлено влияние мезиодистальных размеров зубов на формирование зубных рядов. В частности, увеличение мезиодистальных размеров зубов является одной из причин возникновения аномалий положения зубов. Параметры центральных резцов верхней и нижней челюстей могут иметь практическое значение для диагностики аномалий размеров и формы коронок этих зубов и изготовления более полноценных в эстетическом отношении зубных протезов.

Научные поиски, проведенные А.А. Зубовым показали, что в группе подверженных кариесу, в сравнении с резистентной к нему группой людей имеются определенные отличия в морфологии жевательной поверхности первого верхнего моляра. Эти результаты представляются весьма интересными, так как известно, что сближение точек впадения борозд к центральной ямке, редукция метаконуса, гипоконуса, повышение частоты встречаемости бугорка Карабелли, более выраженная вариабельность морфологических признаков и малая изменчивость размеров характерны для общей направленности эволюционных изменений верхних моляров.

Значимым для функциональной реабилитации зубочелюстной системы является не только создание множественных контактов путем моделирования бугров на жевательной поверхности зубов, но и правильное моделирование скатов бугров на окклюзионной поверхности. Особенно это важно, если учитывать, что функциональная нагрузка, направленная под углом к вертикальной оси зуба, является наиболее нежелательной для опорных зубов, а правильное восстановление рельефа окклюзионной поверхности позволит предупредить развитие функциональной перегрузки пародонта.

Вопрос восстановления природной формы зубов не относится к разряду исключительно эстетических. Функциональное распределение нагрузки и введение отреставрированного участка зубного ряда в окклюзию напрямую связаны с качеством выполнения работы по реконструированию изначальной формы зуба (Зубов, Левченко, 1981, с. 76).

В специальных публикациях и докладах научных конференциях подробно рассматриваются новые клинические подходы и методы лечения, но, к сожалению, вопросам эстетики и функционирования и, в частности анатомическим законам воссоздания формы зубов пока не уделяется должного внимания. Вместе с тем, работа по восстановлению зубов – это ежедневная задача, стоящая перед стоматологами и зубными техниками, но решается она, как правило, интуитивно. Учитывая вышесказанное, особую значимость приобретает изучение особенностей рельефа окклюзионной поверхности жевательных зубов, обеспечение условий для плавных, беспрепятственных скольжений окклюзионных поверхностей антагонизирующих зубов в процессе артикуляции.

Таким образом, изучение степени редукции зубочелюстной системы, особенностей строения и изменчивости зубочелюстной системы путем одонтологического, одонтоглифического и статистического анализа у различных этнических и национальных групп населения и определение роли этих факторов в патогенезе профилактики и лечении основных стоматологических заболеваний позволил улучшить эффективность профилактики и лечения болезней зубов, прежде всего повышение жевательной функции. Это же относится к определению антропологических и редуцированных изменений в зубочелюстной системе лиц различных этнических групп, позволивших выявить тенденции развития изменений и их роли в патогенезе основных стоматологических заболеваний, их лечения и профилактики.

Литература

Зубов А.А., Левченко Л.Т. Некоторые особенности морфологии жевательной поверхности коронки первого верхнего моляра у людей, резистентных к кариесу // Стоматология. 1981. № 2. С. 76.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одونتология в современной антропологии. М.: Наука, 1989. 231 с.

Леонтьев В.К., Иванова Г.Г., Проблемы профилактики, диагностики и лечения фиссурного кариеса // Антропология современных народов. М., Институт этнологии и этнической антропологии РАН, 2000. С. 3-9.

Ряховский А.Н. Цифровая стоматология. М.: Денльта-Рамис, 2010. 282 с.

J.A. Abilkhamit

ODONTOLOGICAL STUDIES OF THE FEATURES OF TEETH IN INDIVIDUALS OF VARIOUS NATIONALITIES AND KAZAKHS

The article discusses the study of odontological signs in different nationalities and the exceptional tooth structure in Kazakhs. What is science itself, and the study of scientists in this field. The study of the degree of reduction of the dentofacial system, structural features and variability of the dentofacial system by odontological, odontoglyphic and statistical analysis in various ethnic and national groups of the population and Kazakhs. New clinical approaches and methods of treatment and restoration of the shape of the teeth are examined in detail. A structural feature of the dentofacial system has been established, which can probably be considered as a result of reduction transformations of the dentofacial system due to changing social and living conditions and the nature of nutrition.

М. Алтаев

*Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы қ., Қазақстан
E-mail: meirzhan93@bk.ru*

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАСТЕК ҚАЛАСЫНЫҢ КЕРАМИКАСЫ

Археология ғылымы далалық зерттеуден жұмыстарынан тұратыны белгілі. Зерттеу нысаны ретінде көбіне жерлеу орындары, қоныстар, керуен сарайлар, ірі және орташа көлемдегі қалалар, кесенелер т.б. қарастырылады. Автордың мақаласы негізінен ерте орта ғасырлық қалашықтағы қазба жұмыстары барысында табылған қыш ыдыстарға арналады. Зерттеу нысаны ортағасырлық Қастек қаласы болып табылады. Зерттеу жұмысы барысында автор қалашыққа жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижесінде табылған қыш ыдыстардың ғылыми сипаттамасын жасаған. Қыш ыдыстардың ішінде қазба барысында жиі ұшырасқан құмыралар, үлкен көлемдегі хумдар, дастархан, ыдыс қақпақтары, құмыра ернеулері мен тұтқалары негізгі зерттеу нысаны ретінде қарастырылған. Мақалада аталған қыш ыдыстардың ғылыми сипаттамасымен қатар, қыш ыдыстардағы өрнектерге де назар аударады. Ыдыстардың сыртына салынған бедерлерді Э. Сайко, Кверьфельд, А. Бернштам секілді ғалымдардың зерттеулеріне сүйене отырып, жүйелеген. Қыш ыдыстардағы өрнектердің жасалу технологиясы мен өрнектерді жасау құрылғыларын зерттеу соңғы жылдары бірізділікке түсіп, зерттеу сапасы жоғарылап келе жатқанына автор мақала барысында баса назар аударады.

Ортағасырлық Қастек қаласы Алматы облысы, Жамбыл ауданы, өзі аттас Қастек ауылынан 2,5 шақырым оңтүстікте, Қастек өзенінің сол жағалауында, Суықтөбе тауының етегінде орналасқан. Географиялық координаттары: Ш 43°03'03,54"; С 75°59'09,11', теңіз деңгейінен биіктігі 1296 м. Қала өзеннің тау алды шатқалынан шыға берісінде, шатқал аузында орналасқан. Бұрыштары әлемнің төрт тарабына қараған қаланың орталық бөлігі басқа бөліктеріне қарағанда біршама биіктеу келген. Қабырға бойымен есептегендегі өлшемдері С-О – 210 м; Б-Ш – 150 м, жалпы ауданы 4 га (Сурет 1-2). Қаланы айнала қоршаған қорғаныс қамалының жайылған топырағының ені 15 м, биіктігі ордан бастап есептегенде кей жерлерінде 4 метрге жетеді. Қаланың қақпасы солтүстік және оңтүстік қабырғалардың бойында орталық бөлігінде бір-біріне қарама-қарсы орналасқан (Нуржанов, 2011, с. 80).

Қыш ыдыстар қолмен жапсырылып жасалған және шарықта жасалған (Сурет 3-4). Қазба барысында табылған қыш ыдыстарды пайдалану мақсаттарына қарай мынадай топтарға бөліп қарастыруды жөн санадық:

1. Ас үйлік және асханалық ыдыстар: қазан, құмыра, қыш ыдыс қақпақтары, түбектер, дастархан, кесе т.б.

2. Тұрмыстық – шаруашылық мақсаттағы қыш ыдыстар: құмған, шырақ бөлшектері, хум, үлкен көлемдегі құмыра т.б.

Қазан. Қазан сыртқы бейнесі дөңгелек формалы болып келген. Бірқалыпты күйдірілген қазанның ернеуі тік болып келген, ернеуінің диаметрі 26 см. Қазанның биіктігі 26 см. Бүйірі шар тәрізді, аузы кең, бүйірінің диаметрі: 36 см. Ернеуі тік келетін әрі ернеуінің диаметрі 18-26 см аралығындағы мұндай қазандар Оңтүстік Қазақстан мен Шу аймағындағы қалаларда кездеседі (Агеева, Пацевич, 1958, с. 103). Ернеуінен 2.5 см төменде көлденеңінен таға тәріздес екі құлағы жапсырмалы әдіспен жасалған. Құлақтың қас бетіне біржағына жеті рет, екінші жағына он рет кесіп, ойық түсірілген. Құлағы көлденеңінен 7 см құрайды. Қазан ернеуінің қалыңдығы 1 см құрайды. Қазан қабырғасының қалыңдығы 1.5 см. Қазанның түбінің қалыңдығы 8 мм мен 1 см аралығында. Құрамы қиыршық таспен құмнан құралған. Қазанның сырт бөлігінде жұқалап салынған ангоб білінеді. Сыртында отқа қыздырылғанын дәлелдейтін күйіктің белгілері бар. Қазанның сыртқы бейнесіне қарап, Жетісу өлкесіндегі басқа да аймақтарынан табылған қазандармен ұқсастығын байқауға болады. Мәселен Лавар, Талғар, Шелек, және Жақсылық секілді нысандарға жүргізілген қазбалардан табылған қазандардың көлемі, жасалу ерекшеліктері мен құлақтарындағы оймыштары Қастек қалашығынан табылған қазанмен ұқсас (Байпаков, Савельева, Чанг, 2005, с. 73-75).

Құмыра. Құмыра ернеулері сапалы жасалған, бірқалыпты күйдірілген. Ішке қарай аздап иілген қабырғаларынан ернеулер сыртқа қарай қайтарылған. Ернеулердің кейбіреулері қимасынан қарағанда, тік төртбұрыш кейпін кескіндесе, енді біреулері үшбұрыш бейнесін кескіндейді. Ернеуде қатты затпен батырылып жасалған өрнек белгісі бар.

Құмыра мойныны иығынан жоғары қарай қусырылып, жіңішкерген. Құмыра мойнының ернеуіне жақын аузының диаметрі 5 см құрайды. Иығының диаметрі шамамен 11,3 см. Құмыра мойнына айналдыра салынған геометриялық бейнедегі өрнекті байқаймыз. Керамика бедерін қарапайым сызық деп қарауға болмайды. Бір нүктеден шығып, екінші нүктеге барып жалғасатын сызықтар желісі қыш құмыраға батырып жасалса, нүктесі штамп түрінде қабырға сыртына бедерленген. Сипатынан космогониялық композицияны байқауға болады. Керамика өрнегін геометриялық деп сипаттауға болады. Негізгі бейне үшбұрыш ретінде көрінеді. Құмыра тұтқаларын бірнеше түрге топтауға болады. Бірінші қысқа мойынды, ілмек тәрізді тұтқаның жоғарғы жағы тура ернеуіне бекітілген. Тұтқаның екінші түрі ұзын мойынды тұтқалар, құрамына құм қосылып, сапалы жасалған. Тұтқаның төменгі жағы ыдыстың иығына бекітілгенін байқауға болады. Жоғарғы жағы сақталмаған. Тұтқалардың үшінші тобын жарты ай тәріздес етіп жасалған тұтқалар құрайды. Тұтқа ыдыс ернеуінен 2,5 см төменде орнатылған. Тұтқаның көлденеңінен ұзындығы 9,6 см құрайды. Тұтқаның орталық бөлігіндегі ені 1,8 см құрайды. Жарты ай тәріздес тұтқаның қас бетіне алты жерінен қолмен немесе қатты затпен батырылып салынған бедерді байқауға болады.

Археология ғылымында керамикадағы өрнектерді немен жасағаны және қандай мағынаға ие екені зерттеліп, бүгінде біршама жетістіктерге жетіп отыр. Керамикалардағы өрнектерге кеңес заманында ғалымдар тарапынан үлкен қызығушылық танытып, түрлі зерттеулер жүргізілді. Орта Азиялық керамикалардың бедерлерін, оның ішінде фаянс секілді шыңылтыр ыдыстар мен басқа да қыш ыдыстардағы өрнектер Е.М. Пещерованың еңбектерінде көрініс тауып, зерделенді (Пещерова, 1959, с. 78-87). Сонымен қатар, Орта Азиядағы орта ғасырлық қалашықтардың қыш бұйымдарындағы орнамент элементтері Э.Сайконың зерттеулерінде қарастырылған (Сайко, 1989, с. 3-10). Жетісу жеріндегі Қарлұқтардың қыш бұйымдарындағы бедерлерге А.Н.Бернштам да ерекше тоқталып, қарлұқ керамикаларындағы бедердің шығу тарихын түрлі мәдени байланыстардан іздейді (Бернштам, 1952, 150-160 бб.).

Археологиялық еңбектерде әдетте сырланбаған керамикалардың ою-өрнегінің жасалу әдіс-тәсілдері жайында онша көп мәліметтер айтыла бермейді. Кеңес заманында шығыс керамикасына ерекше назар аударған ғалым Э.К.Кверфельд пен А.Н.Бернштам керамикалардағы өрнектердің жүйесін жасауға тырысып, түрлі ою-өрнек, бедерлерді саралап, негізгі принциптеріне тоқталады, әрі оларды төмендегідей сегіз түрде бөліп сипаттаған:

1. Дөрекі бедер
2. Пуансон. (металлды қысыммен өңдейтін штамптың үстіңгі дөңестеу бөлігі)
3. Оймыш
4. Мөртаңба
5. Бұрандалы ою
6. Ойылып салынған бедер
7. Саусақпен жасалған бедер
8. Бұрала өріліп жабыстырылған саз балшық (Сайко, 1977, с. 6).

Келтірілген деректерді талдап қарар болсақ, әр кезеңдегі материалдарды сипаттауда әр түрлі негізге сүйенген. Мәселен соғдылардың керамикасын сипаттағанда, сыртқы сипатына көбірек көңіл бөлінсе,

қарлұқтардың керамикасын сипаттағанда, құралдар мен оюды жасау принциптеріне сүйенеді. Мұндай мысалдарды отандық археологияда да байқауға болады. Керамиканың ою-өрнектерін сипаттауда көбіне шыңылтырлы (глазурленген) керамикалар таңдалады. Себебі шыңылтырлы керамикалар түрлі суреттермен безендірілген, бірнеше композицияны қатар бейнелейтін болып келеді. Сондай-ақ керамикалардың өрнегіне зерттеу жүргізгенде көбіне өрнекті жасайтын құралдар да қатар сипатталып, зерттеу жұмысында маңызды орын алады. Қыш бұйымдарды осылай жүйелеу қаншама жылдар бойы осы айтылған принциптер негізінде жүргізіліп келеді. Қыш ыдыстағы бедерлерді зерттеген ғалым Э.Сайко осы секілді мысалдарды талдай келе, керамикалардың бұлай жүйеленуін жеткіліксіз деп көрсететеді (Сайко, 1966, с. 3). Себебі: біріншіден, керамикаларға ою салуда пайдаланған құралдардың көптігі және әр түрлігі; екіншіден, барлық уақытта осы құралдар ғана пайдаланылды деп айтуға болмайды; үшінші, мысалға келтірілген бірлі, екілі құралдар өз кезегінде неше түрлі бейнелер салуға қолданыла береді. Соңғы жылдары археолог мамандар керамика оюларын сипаттауда белгілі бір ортақ оюларға жақындай түсуде. Қыш бұйым классификациясын жасауда ортақ термин сөздер қалыптасып, зерттеу жұмысын жеңілдеті түсті. Соған қарамастан ғылымда керамика оюларының жасалу технологиясы жайында біршама шешімін таппаған мәселелер әлі де бар деп айтуға болады. Қыш бұйымдардағы өрнектердің жасалу технологиясын өткен ғасырдың қыркыншы, жылдарында Э.Кверфельд өз еңбектерінде талдау жүргізеді (Кверфельд, 1947).

Қыш ыдыстардағы өрнектер қола дәуірінен бастау алады деп айтуға болады. Себебі қола дәуіріне қатысты қоныстарды қазу барысында табылған қыш ыдыстарда көбіне штрихталған, үшбұрыштар, зигзагтар, шырша, дөңгелек батырып салынған оюлар мен сызықшалардан тұрады (Шораев, 2012, 165-169 бб.). Сонымен қатар, қола дәуіріндегі қыш ыдыстарда жануарлар мен өсімдіктер дүниесінің бейнеленуінің өзіндік сырлары бар, ол сол дәуірдегі адамдардың тұрмысы көбіне табиғатқа тәуелді болғандықтан, табиғат күшін киелі рух деп түсініп, жоғарыдағы бейнелерді қыш ыдыстарда бейнелеген (Грязнов, 1970, с. 42).

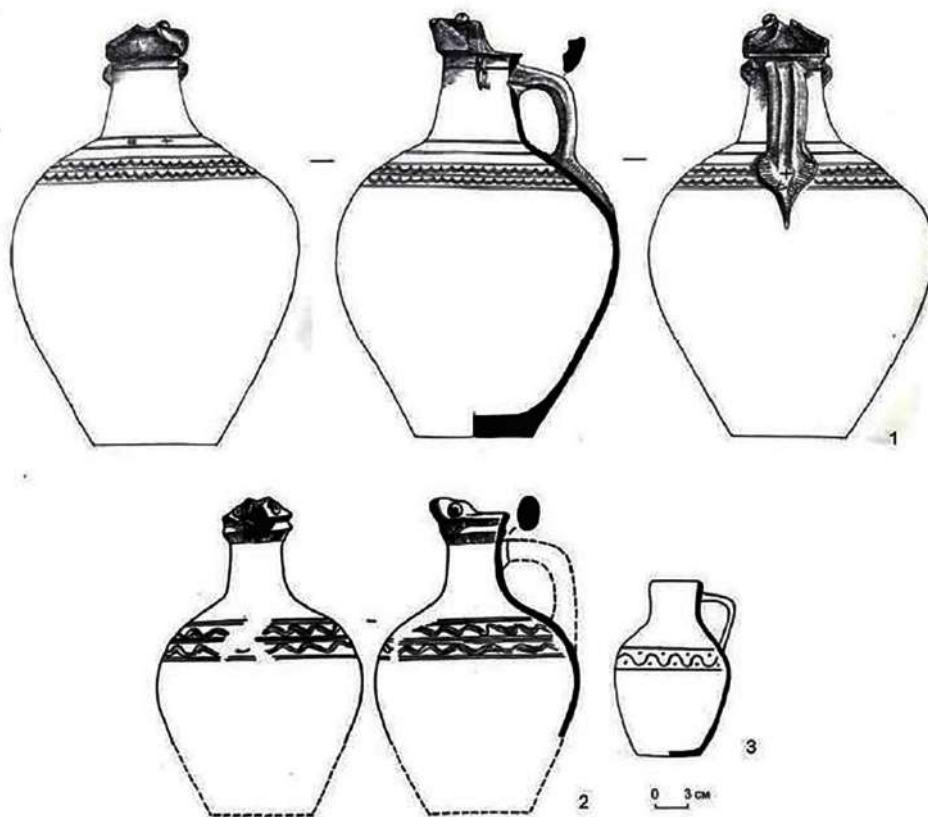
Қорытынды ретінде айтсақ, ортағасырлық Қастек қаласының әртүрлі құрылыс горизонттарынан қызықты қыш ыдыс түрлері, оның ішінде ғұрыптық керамикалар да табылған болатын. Бірқатарының аналогиялық ұқсастықтары да күрделі. Бұл туралы археолог А.А.Нуржанов өз зерттеулерінде баяндаған (Нуржанов, 2017, с. 14-22).

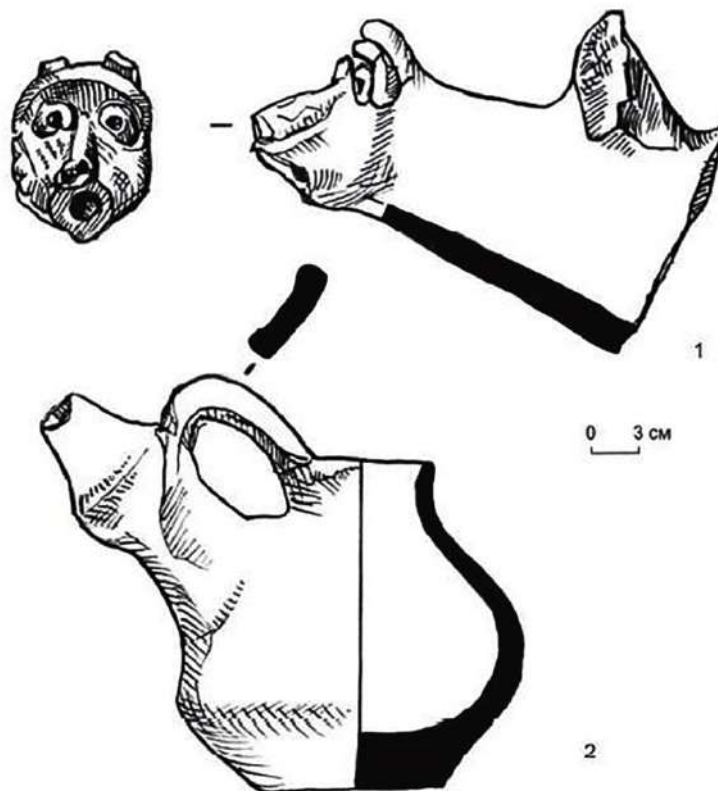
Сурет 1. Ортағасырлық Қастек қаласына жүргізілген қазба. Шығыстан қарағандағы көрінісі

Сурет 2. Ортағасырлық Қастек қаласына жүргізілген қазбаның аэросуреті

Сурет 3. Ортағасырлық Қастек қаласынан жылан бейнесіндегі керамика сызбасы

Сурет 4. Зооморфты керамика сьзбасы

Әдебиеттер

- Агеева Е.И. Пацевич Г.И. Из историй оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ТИИАЭ. Т. 5. Алма-Ата: Наука, 1958. 172 с.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К., Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы: Пресс грант, 2005. 188 с.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.: Наука, 1952. 346 с.
- Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху ранней и поздней бронзы // КСИА. 1970. №12. С. 46-52.
- Кверфельд Э.К. Керамика Ближнего Востока. Л.: Восточная литература, 1947. 168 с.
- Нуржанов А.А. Культовые сосуды карлуков-несторианцев из городища Кастек // Народы и религии Евразии. История и археология. 2017. Т.1. №10-11. С. 14-22.
- Нуржанов А.А. Средневековый городище Кастек // Материалы международной конференции Института Археологии МОН РК. Алматы, 2011. С. 80-89.
- Пешерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М.: Наука, 1959. 396 с.
- Сайко Э.В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII-XII вв. Душанбе, 1966. 211 с.
- Сайко Э.В. Керамика как исторический источник. М.: Наука, 1989. 177 с.
- Сайко Э.В. Методологические основы исследования древней керамики, М.: Наука, 1977. 52 с.
- Шораев Б. Қола дәуірі дүниетанымындағы керамика // Ежелгі және ортағасырлық Қазақстандағы мәдени генез үдерістері бойынша материалдар мен зерттеулер. Алматы, 2012. 165-169 бб.

M. Altaev

CERAMICS OF THE MEDIEVAL SETTLEMENT OF KASTEK

The article deals with ceramics from the Kasteck settlement. As you know, field research of archaeological science. The object of research is most often considered burial sites, settlements, caravanserais, large and medium-sized cities, mausoleums, etc. The author's article is mainly devoted to ceramic vessels discovered during the excavations of an ancient medieval settlement. In the course of the research, the author compiled a scientific description of the ceramic vessels discovered during the excavations of the settlement. Among the

ceramic vessels, the main object of research are necks, large Humas, tablecloths, dish covers, sides and handles of the neck, often subject to excavation. In addition to the scientific description of ceramic vessels mentioned in the article, attention is paid to the patterns in ceramic vessels.

Н.Ж. Жумабаев

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

г. Алматы, Казахстан

E-mail: nyri.jyma@mail.ru

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА ДО 1960 ГОДА

Все увеличивающийся интерес к антропологическому составу казахского народа выдвигает на передний план все более сложные вопросы, характеризующиеся многообразием как общественно-политических, так и этносоциальных вопросов, которые включают в себя различные аспекты этнопроцессов.

Установлено, что любое проявление этнокультурной целостности и присущих одной общности антропологических характеристик, связано с процессом многовекового развития в конкретной природной среде при определенных географических условиях в рамках естественноисторического процесса. Для сравнительно-описательного анализа имеющихся антропологических данных необходим комплексный подход, что подразумевает под собой сопряженную работу не только антропологических исследователей, но и представителей исторических, археологических, этнологических, географических, генетических, демографических, лингвистических и т.д. наук (Баронов, 1930, с.65).

С точки зрения антропологов, каждая этнокультурная общность имеет специфический комплекс физических черт, как следствие конкретных историко-географических условий. Учитывая особенность передачи физических черт путем наследования генов, появляется возможность прослеживания формирования и распространения определенного физического типа. По этой и многим другим причинам изучение костных останков представляются ценнейшим источником в вопросе получения информации о физическом облике, миграционных процессах, этническом составе, передаче социокультурных особенностей для каждой из исторических эпох. При этом, не следует забывать о принадлежности человека к одному биологическому виду, учитывая биологические погрешности, сформировавшиеся на раннем этапе антропологического сложения физического типа в процессе освоения различных географических условий Южного и Северного полушария Земли. В связи с чем человечество в антропологическом отношении считается самым полиморфным (т.е., многовариантным) видом на Земле (Трофимова, 1936, с. 173).

Краткие сведения о физическом типе казахов встречаются уже у исследователей XVIII в. Первое сводное сочинение по этнографии России, написанное И.Г. Георги включает и сведения о физическом типе населения. Данные о казахах, впрочем, немногословны. «У киргизов вид точно такой же милой и свободной, как у казанских татар. Глаза у них...поменьше, может быть и от того единственно, что они более сжимают веки по причине желтеющих степей и ослепляющего снегу...» (Георги, 1796, с.123). В этом, с современной точки зрения несколько наивном, описании обращает внимание отсутствие указаний на то, что теперь называется «монголоидными особенностями». Между тем, Георги всегда указывает при описании народов Сибири (остяков, тунгусов, бурят и др.) на плоское лицо и слабый рост бороды. Все же у казахов им отмечен более узкий, но сравнительно с татарами, разрез глаз. Антропологическое, с собственным смыслом слова, изучение казахов было начато в 80-х годах XIX в., что было связано с усилившимся интересом к окраинам России. Довольно подробную характеристику физического типа казахов дает В.В. Радлов (Radloff, 1884, s. 410-411). Он отмечает, что скулы у них выступают меньше, чем у калмыков, а нос менее плоский. В общем, по мнению В.В. Радлова, казахи представляют собой «смесь народов монгольского и кавказского племени». Этот общий вывод неоднократно повторялся и позднейшими исследователями. Н.Л. Зеланд подчеркивает, что «лицо киргиза не соответствует чисто монгольскому типу». По сравнению с бурятами киргизы (Зеланд считает киргизов и казахов одним народом и описывает их суммарно) «более приближаются к...кавказскому или арийскому типу» (Зеланд, 1885, с. 46). А.Н. Харузин приходит к аналогичному выводу. «Киргизское племя, - по мнению этого исследователя, - есть продукт смеси различных народностей, как монгольской, так и европейской рас...Характерные антропологические

черты...указывают на смешение крови европейской и монгольской и уделяют киргизам в антропологическом ряду народностей место среднее между этими двумя расами» (Харузин, 1889, с. 286).

В конце XIX – начале XX вв. антропологическим изучением современного населения Средней Азии, а также черепов, датируемых разным временем, занимались Н.А. Аристов, В.А. Благовещенский, Н.В. Богоявленский, С. Вайсенберг, А.И. Вилькинс, Н.Ю. Зограф, А.А. Ивановский, С. Масловский, В.Э. Райсель, А. Харузин, П.П. Шишов, И.Л. Яворский и др.

Из зарубежных ученых антропологическим изучением Средней Азии непосредственно занимались Уйфальви, Шульц, Ретциус, Джойс и др.

Одним из первых, занимавшимся антропологией Средней Азии, был крупный естествоиспытатель А.П. Федченко, научные интересы которого были весьма широки. Собранные им материалы изучил А.П. Богданов.

А.И. Вилькинс изучил среднеазиатских цыган. Это исследование до настоящего времени является все еще значимой работой, характеризующей антропологический тип среднеазиатских цыган (Вилькинс, 1884, с.127).

Венгерский исследователь Уйфальви в 70-80 гг. XIX в. Посетил Зеравшана, горную Бухару (Таджикистан), Фергану, Кашгарию, Тибет и другие страны. Занимаясь антропологическим изучением таджиков гор и равнин, а также узбеков, киргизов, уйгуров и других, Уйфальви подметил некоторые особенности типа горных таджиков по сравнению с равнинными (Ujfalvy, 198, с. 34).

И.Л. Яворский изучил физический тип 59 туркмен и 40 узбечек и таджичек (Яворский, 1895, с. 63).

Н.В. Богоявленский исследовал горцев Западного Памира, а также таджиков и арабов реки Яксу в Дарвазе. Его предварительные данные опубликованы в 1901 г. Подробно они были опубликованы В.В. Гинзбургом только в 1937 г.

А.А. Ивановский изучал киргизов (т.е. казахов) Средней Орды, но четкого места в антропологической классификации он им не дал, так как его механистический анализ не учитывал таксономического значения отдельных признаков (Ивановский, 1904, с. 230).

А.П. Шишов исследовал ташкентских узбеков (сартов) и отметил их значительную монголоидность по сравнению с другими узбеками и таджиками.

В.А. Благовещенский привел некоторые антропологические данные о физическом развитии таджиков и узбеков Ферганы.

На стыке XIX и XX вв., несмотря на отрывочность антропологических сведений, специфическое место казахов в расовой классификации определили И. Деникер (Деникер, 1902, с. 26), назвав их физический тип туранским. Некоторые положения его классификации и в настоящее время не утратили своего значения.

В начале XX в. А.А. Ивановский опубликовал антропологические данные об этнолокальной группе казахов Северо-Восточного Казахстана, но дал лишь схематический анализ морфологических признаков, которым обычно пользовался в своей антропологической классификации (Ивановский, 1904, с. 67).

С. Вейсенберг изучил в 1913 г. антропологический тип среднеазиатских евреев, живших здесь в течение нескольких сотен лет изолировано от местного населения.

Известный исследователь Центральной Азии Стейн собрал в 1915 г. небольшие антропологические материалы о жителях всех долин Западного Памира, о таджиках Каратегина и Дарваза и их равнин. Эти материалы, как и собранные Стейном в Восточном Туркестане, изучил Джойс, опубликовавший их в 1926 г.

Краниологическими исследованиями, кроме А.П. Богданова в конце XIX в. занимались также А.А. Ивановский, Н.Ю. Зограф, А.И. Таренецкий, А. Харузин, И.Л. Яворский.

А.П. Богданов в 1887–1888 гг. изучил собранные А.П. Федченко и С.И. Моравицким 123 черепа преимущественно таджиков и узбеков. Он отметил брахикефалию, высокоорбитность, узконосость этих черепов и сходство их с альпийским типом, т.е. показал на краниологическом материале европеоидный тип, который впоследствии получил название памиро-ферганского (А.И.Ярхо), или типа Среднеазиатского междуречья (Л.В. Ошанин).

Н.Ю. Зограф, изучив несколько, по-видимому, современных черепов, обнаруженных в Макшеватской пещере у истока р. Искандердарья (верховья Зеравшана), отнес их по типу к горным таджикам (Зограф, 1899, с. 16).

К типу Среднеазиатского междуречья относятся и изученные А.А.Ивановским три черепа со dna озера Иссык-Куль, которые предположительно принадлежали усуням, а также череп из позднесредневекового несторианского кладбища близ Токмака (Чуйская долина).

Череп из курганов Букеевской степи, датируемые предположительно XII в.н.э. и исследованные А.Н. Харузиным разнообразны, но не монголоидного типа. Черепа же казахов Букеевской степи его времени, по его же данным, имеют смешения европеоидной и монголоидной рас (Харузин, 1889, с. 286).

Интересными являются антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас, раскопки которого проводил Хейкель в 1898 г., были изучены шведским антропологом Ретциусом. Большинство этих черепов характеризуются искусственной деформацией.

Антропологические исследования Средней Азии и Казахстана до Октябрьской революции были не систематичны. Лучше других были изучены горные таджики и припамирские иранцы, так как здесь предполагали прародину «арийцев» и искали их останки.

К антропологическому изучению в 20-е годы XX в. приступил Л.В. Ошанин, посвятивший этому делу 40 лет. Им и под его руководством с 1923 по 1959 гг. Было проведено 29 экспедиций в разные районы республик среднеазиатского региона. Уже в своих ранних работах Л.В.Ошанин выделил темно-пигментированный брахицефальный европеоидный тип, характерный для узбеков и таджиков, и назвал его расой расой Среднеазиатского междуречья. Характерный для туркмен доликефальный европеоидный тип он считал, на основании исторических показателей, восходящим к хакаспийским скифо-сарматам. Казахи и киргизы, по мнению Л.В. Ошанина, характеризуются одним из вариантов большой монголоидной расы (Ошанин, 1947, с. 85).

Антропологическая экспедиция Общества по изучению Средней Азии, руководимая А.И. Ярхо, в течение нескольких лет изучала тюркоязычные народы на территории Средней Азии и Алтая. В его расовой классификации физический тип казахов получил новое наименование – южносибирский, который лег в основу последующих антропологических исследований. Однако отсутствие палеоантропологических данных не позволило автору конкретизировать генезис южносибирского расового типа.

Примерно в то же время Комитет по изучению производительных сил Академии наук СССР организовал под руководством С.И. Руденко антрополого-этнографическую экспедицию в Казахстан. Авторы отчетов ограничились разбором физического развития и пропорций тела казахов. Особенно примечательно в книге наличие индивидуальных антропометрических показателей 800 казахов (обоих полов) в возрасте от 2 до 75 лет, которые важны для возрастной динамики расовых признаков (Руденко, 1927, с. 34).

В конце 20-х годов XX в. Под общим руководством академика В.В. Бартольда в Средней Азии работала историко-этнографическая экспедиция, антропологический отряд которой, руководимый Б.Н. Вишневым, в составе Г.И. Петрова, Е.Г. Либмана и других, занимался изучением населения Узбекистана (таджиков, узбеков и среднеазиатских евреев).

Большую роль в изучении антропологического состава древнего и современного населения Казахстана сыграли работы Г.Ф. Дебеца. В 30-х гг. XX в. Он исследовал небольшую серию черепов эпохи бронзы и раннего железного века с территории Центрального и Восточного Казахстана. В Центральном Казахстане он проводил соматологическое исследование казахов призывного возраста (около 400 чел.) (Дебец, 1948, с. 174).

В послевоенные годы важным событием в антропологии Казахстана стала организованная Институтом этнографии АН СССР Казахская комплексная антрополого-этнографическая экспедиция при непосредственном участии известных советских антропологов В.В. Гинзбурга, Г.Ф. Дебеца, М.Г. Левина, Н.Н. Чебоксарова. Собранные ими антропологические материалы по казахам были обобщены в статье «Очерки по антропологии Казахстана», основной вывод которой заключался в том, что физический тип казахов однороден по территориальным группам и сформировался в результате длительного смешения древнего европеоидного типа с центральноазиатскими монголоидами (Чебоксаров, 1949, с. 15).

В 50 г. XX в. Антропологические работы связаны с именем В.В. Гинзбурга, основное внимание которого было направлено на краниологию древнего и современного населения Казахстана (Гинзбург, 1964, с. 360).

В 60 гг. XX в. под руководством Г.Ф. Дебеца и В.В. Гинзбурга было продолжено исследование по краниологии и палеоантропологии Казахстана, весь материал, который был собран в монографии О. Исмагулова (Исмагулов, 1970, с.11). В середине 70-х гг. XX в. Идея антропологического своеобразия казахов получила развитие в работе В.П. Алексеева, посвященной географии расовых типов народов земного шара. В ней впервые южносибирская раса была подразделена на три подгруппы: казахстанскую, притянь-шаньскую и алтае-саянскую.

Антропологии населения Казахстана посвящен ряд работ зарубежных исследователей. Так, венгерские антропологи изучают этноисторические связи древних предков венгерского народа с насельниками Средней Азии и Казахстана. Широкое палеоантропологическое сравнение населения Казахстана с древними насельниками Евразии проводится в трудах И. Швидецкой.

В настоящее время обширные материалы по физической антропологии, полученные по современным казахам и их предкам, составляют очень важную научную основу для комплексного изучения расо- и этногенеза, этнической истории как древнего, так и современного населения Казахстана.

Этноисторические процессы, особенно в наиболее древние периоды, являются очень сложными, порой запутанными и, как правило, малоизученными не только с точки зрения гуманитарных наук, таких как археология, история, этнолингвистика, этнология, но и естественно-научных дисциплин, в данном случае, физической антропологии, которая имеет прямое отношение к изучению населения разных исторических эпох, а, значит, позволяет выявить важнейшие истоки происхождения и пути формирования физического облика насельников на территории Казахстана на протяжении 40 веков. При этом антропологические данные, собранные за последние полвека, являются не только комплексными, т.е. представляющими разные морфологические и генетические показатели, но и наиболее объективными, достоверными, конкретно доказывающими выявленные исторические факты расселения, миграций, родственных связей и генетической близости, а также преемственности тех или иных племен и народов на протяжении столь длительного эпохального времени.

Литература

- Баронов С.Ф. К изучению конституционных особенностей казаков. Сб. «Казакки» / Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 15. Л., 1930. 257 с.
- Вилькинс А.П. Антропологические типы в Средней Азии. СПб., 1884. Рукопись.
- Георги И.Г. Описание обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1796. № 2. 123 с.
- Гинзбург В.В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным // Среднеазиатский этнографический сборник I. Труды Института этнографии АН СССР. Т.21. М., 1964. С. 354-412.
- Дебед Г.Ф. Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Акад. наук СССР; т. IV. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 392 с.
- Деникер И. Человеческие расы. Перевод с франц. Ранцова В. СПб.: А. Большаков и Д. Голов, 1902. 740 с.
- Зеланд Н.Л. Киргизы. Этнологический очерк. «Записки зап.-сиб. Отд. РГО». Омск. 1885, кн. 7, вып.2. 78 с.
- Зограф Н.Ю. Черепа из Макшеватских пещер. М.: типо-лит. "Рус. т-ва печ. и изд. дела", 1899. (4). 34 с.
- Ивановский А.А. Об антропологическом составе населения России // Труды антропол. отд. «ОЛЕАЭ», М.: отд. тип. т-ва И.Д. Сытина, 1904, т. 22. 288 с.
- Исмагулов О. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата: Наука, 1970. 241 с.
- Ошанин Л.В. Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии. СПб.: Советская этнография. Вып. 6-7. М.-Л., 1947. 196 с.
- Руденко С.И. Антропологические особенности западных казаков // «Казакки». Вып. 3. Л., 1927. 759 с.
- Трофимова Т.А. Краниологический очерк татар Золотой Орды / Антропологический журнал. 1936. № 2. С. 166-192.
- Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды // Труды антрополог. отд. ОЛЕАЭ». М.: тип. А. Левенсон и К, 1889, т.10, вып. 1. С. 286.
- Чебоксаров Н.Н. Комплексная антрополого-этнографическая экспедиция в Казахстан / Краткие сообщения Института этнографии, М.-Л.: Изд-во АН СССР, вып. 6, 1949. С. 9-19.
- Яворский И.Л. Антропологический и этнографический очерк туркмен // Труды Антропологического общества при Военно-медицинской академии. Одесса, 1895. Т. 2. С. 56-78.
- Ярхо А.И. Казахи русского Алтая // Северная Азия. 1930, № 1-2. С. 99.
- Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig, 1884, Bd. 1, s. 410-411.
- Ujfalvy Ch.E. Memories syr les huns blanc et ephalites / L'Antropologie. T. IX. 1898.

HISTORY OF ANTHROPOLOGICAL STUDY OF THE POPULATION OF THE TERRITORY OF KAZAKHSTAN

The increasing interest in the anthropological composition of the Kazakh people brings to the forefront more and more complex issues, characterized by a variety of socio-political and ethnosocial issues, which include various aspects of ethnic processes.

It has been established that any manifestation of ethnocultural integrity and anthropological characteristics inherent in one community is associated with the process of centuries-old development in a specific natural environment under certain geographical conditions within the framework of a natural historical process. For a comparatively descriptive analysis of the available anthropological data, a comprehensive approach is required, which implies the combined work of not only anthropological researchers, but also representatives of historical, archaeological, ethnological, geographical, genetic, demographic, linguistic, etc. of sciences. Moreover, the anthropological data collected over the past half century are not only complex, i.e. representing different morphological and genetic indicators, but also the most objective, reliable, specifically proving the revealed historical facts of settlement, migration, family ties and genetic proximity, as well as the continuity of certain tribes and peoples over such a long epochal time.

Г.А. Калдыбаева

*Институт археологии имени А.Х. Маргулана
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
г. Алматы, Казахстан
E-mail: odd_story@mail.ru*

ЗНАКОВАЯ ФУНКЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОРНАМЕНТА

Исторически и географически Средняя Азия всегда была узлом, в котором во все эпохи скрещивались крупнейшие на Азиатском материке художественные культуры. Великий Шелковый путь, пролегающий из Рима в Китай, был на своем главном отрезке в руках народов Средней Азии. Эта трансазиатская магистраль сыграла огромную роль во взаимодействии художественных культур Востока и Запада.

Любой орнамент, семантически связанный с природой и жизнью поколений, красной нитью проходит через всю культурно-историческую общность материков и континентов. Наличие системы и всеобъемлющего канона в структуре средневекового искусства вовсе не означает, что они исчерпывают собой все искусство эпохи и стирают разнообразные формы до полного их тождества. Общие места, как это заметил М.Б. Храпченко, хотя и бесспорно существуют, и роль их немаловажна, но сводить все развитие местного искусства к их комбинации — значит перечеркнуть самые крупные его завоевания (Храпченко, 1977, с.34). Все дело в том, как и при каких обстоятельствах знаковые формы превращаются в образные или сосуществуют с ними.

Каждое явление протекает в двух измерениях: структурном и сравнительно историческом. Одно касается природы эстетического развития в искусстве, другое – его развития на определенном этапе.

Знак вместе с проникновением в него внеканонических начал приобретает черты и свойства художественного образа. Возможно и обратные явления: когда в результате многократного повторения и вследствие его своеобразного «износа» и автоматизации образные формы становятся в свою очередь знаком. Вследствие этого, наряду с реализмом как образным видением, издавна сосуществуют в разной степени развития и многие другие формы эстетического освоения мира, в том числе и знаковые (Ремпель, 1987, с. 168).

В искусстве восточного средневековья это смешение образных и знаковых средств было постоянным. Оно пронизывало собой искусство вне прямой зависимости от религиозно-философского значения символов. Во всех перекрещивающихся структурах, отражающих разные аспекты миропонимания, проявляется универсальный характер канона, лежащего в основе любого средневекового творчества, в том числе и художественного. Но как неподвижные берега лишь определяют русло живой текущей реки, так и в искусстве многочисленные, буквально на глазах множась схемы, каноны и символы представляют собой лишь канву, основу на которой вырастают полнокровные, хотя и специфически средневековые художественные образы (Муриан, 1981, с.72).

Другое измерение во времени – отодвигает символы средневековья в число знаковых форм, удержанных народным творчеством. Они и сейчас бытуют в традиционном декоративно-прикладном

искусстве. В нем каждый орнамент таит в себе утраченный смысл и радует глаз узнаванием устоявшихся в памяти форм (Храпченко, 1977, с.10).

Орнамент - один из древнейших видов изобразительной деятельности человека, в далеком прошлом несший в себе символический и магический смысл, знаковость, семантическую функцию. Но ранние декоративно-орнаментальные элементы могли и не иметь смыслового значения, а являться лишь отвлеченными знаками, в которых выражали чувство ритма, формы, порядка, симметрии. Исследователи орнамента считают, что он возник уже в верхнепалеолитическую эпоху (15-10 тыс. лет до н.э.). Основанный на неизобразительной символике, орнамент был почти исключительно геометрическим, состоящим из строгих форм круга, полукруга, овала, спирали, квадрата, ромба, треугольника, креста и их различных комбинаций. Использовались в декоре зигзаги, штрихи, полосы, "елочный" орнамент, плетеночный ("веревочный") узор (Искусство стран и мира, 1965, с. 32).

Один из крупнейших чешских исследователей народной культуры Йозеф Выдра выделяет четыре главные функции орнамента: 1) конструктивную — она поддерживает тектонику предмета и влияет на его пространственное восприятие; 2) эксплуатационную — она облегчает пользование предметом; 3) репрезентационную — она увеличивает впечатление ценности предмета; 4) психическую — она действует на человека своим символизмом и, таким образом, волнует или успокаивает его. «Орнамент в народном творчестве и народном искусстве был всегда на пользу делу, и его трактовка, в сущности, соответствует принципам современной эстетики». Одной из сложных проблем в изучении орнамента является трудность в его расшифровке и датировке первоначального происхождения, а также принадлежности тому или иному этносу (Тибенько, Кашенова, 2016, с.14).

Традиционный орнамент чаще всего определяется конкретным этносом, носителем традиционной культуры, рождается и развивается в определенном географическом пространстве. История орнамента отражает две тенденции – развитие орнамента знакового, символического, несущего в себе глубокий сакральный смысл, и орнамента декоративного, который становится лишь украшением, теряя смысловую нагрузку и символику.

Принципиален вопрос о том, является ли традиционный орнамент знаковой системой. Ряд исследователей традиционной культуры (прежде всего И.В. Палагута, Е.В. Смирницкий, Н.Д. Флиттнер) отрицает знаковость орнамента, оставляя ему лишь декоративную функцию в традиционной культуре, поскольку считает невозможным интерпретацию орнамента из-за фрагментарности источников и недостатка информации о системе древнего мировоззрения (Палагута, 2008, с. 216). Однако согласно логико-философской традиции, восходящей к Ч.Моррису и Р.Карнапу, знак понимается как некий материальный носитель, представляющий другую сущность, в частном случае – информацию. В лингвистической традиции, восходящей к Ф. де Соссюру и позднейшим работам Л.Ельмелева, знаком называется двусторонняя сущность (Соссюр, 2004, с.118).

На вопрос о том, является ли традиционный орнамент знаковой системой, такие исследователи орнамента, как Л.М. Буткевич, Б.А. Рыбаков, Т.И. Макарова, отвечают, что, безусловно, да, аргументируя это тем, что с самого своего появления, а в некоторых культурах и до сегодняшних дней орнамент служит носителем определенной системы знаков и становится посредником между человеком и окружающим миром, выполняя функцию отбора и структурирования информации о внешнем мире.

Аверинцев писал, что «религиозное и тем более мистическое сознание принуждено создавать для себя систему сакральных знаков и символов, без которых оно не могло бы описывать свое «неизрекаемое» содержание; это также характерно для христианской литургии, как и для элевсинских мистерий, так же присуще византийскому богословию, как даосской, или буддийской, или индуистской мистике». Однако это емкое определение неприменимо к искусству домусульманской Средней Азии. Искусство этого региона не было богословским, у него была своя знаковая система, хотя и близкая другим системам универсального значения, но не повторявшая какие-либо образцы. Стиль искусства средневековой Средней Азии предстает как нечто иное. Его иератизм отличен и от западно-христианской и от восточно-индийской мистики (Аверинцев, 1977, с.315).

Как показал еще Л. Леви-Брюль, символизм первобытного искусства стоит на ином уровне сознания. Он также невозвратим для взрослого, как детство. Когда-то, говоря о праистории, Н.Я. Марр писал, что каждый предмет раньше мыслился космически, как часть коллектива, целого мира, впоследствии одного из трех дифференцировавшихся в представлении человечества миров – верхнего (небо), нижнего (земля), преисподнего (моря). Со временем первичный образ мышления оброс мифологией и стал формой поэтического мышления вообще. Раскрывались новые горизонты, и круг явлений, отраженных искусством, ширился. Нижние пласты сознания оставались на уровне первобытных идей, верхние – возвращаются не раз к нижележащим (Марр, 1934, с.278).

Круг, ромб и крест – наиболее популярные символы солнца в традиционном искусстве всех народов земли. В Средней Азии эти символы существуют издавна, часто в сочетании с другими солярными и астральными знаками. Они весьма устойчивы, вместе с тем, у них есть свои излюбленные формы для ранних этапов истории.

В земледельческих оазисах юга круг, ромб и крест имели, видимо, одинаковый смысл. В бассейне Среднеазиатского Междуречья круг, ромб, крест служили символами или атрибутами солнечных божеств. Как символ природы, они изображались часто в сочетании со зверьми, животными, птицами, «древом жизни».

Любопытная связь между Солнцем, Огнем и Свастикой прослеживается в книгах Веды. В них тайнство Троицы представлено как аллегии. Крест обозначающий инструмент для добывания огня стал символом Огня. Теснейшей связью креста с культом Огня объясняется «широкая распространенность креста, который имел религиозное значение у народов древности не только Европе, но и в Азии, у индусов и китайцев, в Америке, у мексиканцев и инков задолго еще до появления европейцев. Становится ясной также и связь этого символа со жреческим или царским званием и достоинством, а также с культом богов плодородия и растительности. Ибо все эти боги являлись олицетворением животворящего тепла, все они родственны по своему происхождению, если не прямо происходят от него, того первичного божества, наиболее старинная модификация которого нам известна под именем Индийского Агни» (Древе А., 1923, с. 254).

Степная зона с преобладавшим в ней кочевьем породила иные символы светил, связанные с животным миром. Здесь распространены бараньи рога (спираль) и ее производные (крутая запятая). Но и для таких элементов их быта кочевников, как круглое завершение юрты (шанырак), современные исследователи находят прямую связь основных элементов ее конструкции (круга и креста) с культом солнца.

Знакам креста, свастики, триквера, круга, креста в круге, круга с вращающимся расчленением, лунницам посвящена обширная литература, ибо знаки эти повторяются в искусстве всех народов. Уже только то, что, как пишет В.П. Даркевич, «композиция из Луны с крестом могла обозначать неразрывность, единство мужского (месяц) и женского (солнце) начал, быть символом супружества», и что «позднее такая композиция воспринималась как символ победы христианства над магометанством», показывает, насколько безграничны значения, вкладываемые в эти символы в каждую эпоху (Даркевич, 1960, с. 63). Роль солярных знаков как оберегов также не подлежит сомнению: доказательств тому дано больше чем достаточно. Попытки истолкования древнейших знаков-символов во многих случаях предположительны. С космологическим олицетворением солнца в его благодатной и губительной мощи связывают три вписанных в круг дракона, взаимопожирающих друг друга.

Вообще геометризованная форма отдельных солярных знаков-символов составляет лишь исходный мотив для более сложных композиций. Но основная идея символа при этом сохраняется. Знаки космогонии обрастали многими другими символами и были чаще лишь атрибутами божеств или их придатками.

Ведущей остается проблема мироздания, круговорот в природе. Мироздание включает небо, землю и подземную сферу. Круговорот – вращение светил, смену суток и времен года. Дуализм – противоборство дня и ночи, света и тьмы, холода и тепла, добра и зла. Выражением этих идей на всех этапах истории и было народное архаизирующее искусство. Оно отражало уровень народных представлений и верований, лежащих под слоем религиозных систем и учений.

Тюркская растительная орнаментация получила поистине евразийское распространение: не только у народов степной зоны, но и в Суйском и Танском Китае, Согде, Византийской империи. Она стала своеобразным художественным «языком» древнетюркской эпохи и отражением социального престижа и имущественного положения. Ею украшены согдийские серебряные сосуды и древнетюркские серебряные и позолоченные пояса, дорогое клинковое оружие и китайский шелк, одежда суйского императора Вэнь-ди и золотой головной убор тюркского Бильге-кагана. Феномен распространения и популярности растительной орнаментации можно сопоставить лишь с распространением «звериного стиля» в евразийских степях в скифо-сакскую эпоху (Нуржанов, 2018, с. 56).

Анализ знаковой функции орнаментального творчества раскрывает новые аспекты традиционного орнамента. При этом подходе орнаментальное творчество исследуется не узко в пространстве только определенного этноса, а воспринимается как целостный и неделимый процесс культурного генезиса, имеющий свои законы, специфику и язык. Орнаментальная композиция как знаковая система выражает посредством универсальных геометрических символов миссию и ценности организаций и компаний. Исследуя огромный пласт традиционной культуры, можно попытаться ответить на вопрос о

происхождении некоторых общих элементов и знаков в совершенно различных культурах, никак не связанных друг с другом.

Литература

- Аверинцев С.С. Символика раннего средневековья (К постановке вопроса) // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука. 1977, с. 308-337.
- Даркевич В.П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. 1960. № 4. С. 56-67.
- Древе А. Миф о Христе. М., 1923. 325 с.
- Искусство стран и народов мира. Краткая художественная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 1-5. 3480 с.
- Марр Н.Я. О числительных (к постановке генетического вопроса) // В сб.: «Языковедные проблемы по числительным». Том III. М.-Л.: Язык и общество, 1934.
- Муриан И.Ф. Искусство Индонезии с древнейших времен до XV века. М., 1981. 240 с.
- Нуржанов А.А. Религиозный синкретизм и этнознаковые функции материальной культуры средневековых городов Юго-Восточного Казахстана // IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований, посвященный 100-летию российской академической археологии». Книга 1. 2018. С. 54-58.
- Палагута И. В. Мифы и реальность в интерпретации орнаментов древних земледельцев Европы // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения. СПб: СПбГУП, 2008. С. 216-217.
- Ремпель Л.И. Цепь времени. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафуза Гуляма. 1987. 186 с.
- Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / Пер. с французского А. М. Сухотина, под редакцией и с примечаниями Р. И. Шор. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. (Лингвистическое наследие XX века).
- Тибенько Т. И., Кашенова Н. С. История возникновения орнамента // Юный ученый. 2016. №2. С. 13-15. URL <https://moluch.ru/young/archive/5/328/> (дата обращения: 23.03.2020).
- Храпченко М.Б. Природа эстетического знака. – В кн.: Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977. 418 с.

G.A. Kaldybayeva

SIGNIFICANT FUNCTION OF THE MEDIEVAL ORNAMENT

In the article, the author attempts to consider the semiotic function of medieval ornament. Historically and geographically, Central Asia has always been a junction in which the largest art cultures on the Asian mainland crossed in all ages. The Great Silk Road, which ran from Rome to China, was at its main stretch in the hands of the peoples of Central Asia. Analysis of the symbolic function of ornamental creativity reveals new aspects of traditional ornament. With this approach, ornamental creativity is not studied narrowly in the space of only a certain ethnic group, but is perceived as an integral and indivisible process of cultural genesis with its own laws, specificity and language. Ornamental composition as a sign system expresses, through universal geometric symbols, the mission and values of organizations and companies. Exploring a huge layer of traditional culture, you can try to answer the question about the origin of some common elements and signs in completely different cultures that are not connected with each other.

Г. Каримолдақызы, З. Киёмбаева
Арал аудандық тарихи-өлкетану музейі
Қызылорда облысы, Қазақстан
E-mail: gulnar_ilia66@mail.ru

АРАЛ АУДАНДЫҚ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІ ТАРИХЫ

Арал ауданының тарихи-өлкетану музейі 1930 жылы шағын бөлмеде ретінде ашылып, 1947 жылы белгісіз себептермен жабылып, қорындағы экспонаттары Қызылорда облыстық тарихи өлкетану музейіне тапсырылған.

Музейдің қайта ашылу тарихы сонау 1970 жылдан бастау алып отыр, ол таңда көптеген өлке тарихына қатысты құнды заттар жинақталып жатты. Көп жылғы еңбектің нәтижесінде аудандық тарихи-өлкетану музейі 1988 жылы маусым айының 21 күні ашылды. Кейін Қазақ ССР Министрлер Кеңесінің 1988 жылғы 5 тамыздағы қаулысымен дербес мемлекеттік музей болып бекітілді (сурет 1).

Көп жылғы ізденістің нәтижесінде алғашқы жылдары 3000 (үш мыңға) жуық жәдігерлер жиналса, кейіннен жыл сайын 200-300-дей жәдігерлер қорға жиналып отырды.

Арал теңізінің кешегі мен бүгінгі жайында, табиғаты, жан-жануарлар дүниесі, тасқа айналып кеткен балықтардың түрлері көрмеге қойылды. Әсіресе, сол кезеңдегі күрделі «Арал тағдыры – адам тағдыры» мәселесіне айрықша көңіл бөлінді.

Музей ауданның көне және жаңа тарихын көру мен танысу арқылы жұртшылықтың, әсіресе жастардың көзқарасын қалыптастырып, оларды адамгершілікке, имандылыққа тәрбиелеуде және ұлттық салт-дәстүрлерін үйреніп, бойына молынан сіңіруіне үлкен септігін тигізді.

Арал аудандық тарихи-өлкетану музейі бірнеше көрме залдардан тұрады солардың ішіндегі ауданың тарихына қатысты:

Археология және этнография залында - археологиялық қазбалардың нәтижесінде табылған ортағасырға жататын керамикалық ыдыстар, түркі кезеңіндегі қола қазан, неолит дәуіріне жататын ыдыстар бөлігі, Кердері кесенесі (XIV ғ) жоспары, сызбалары, сәулет ескерткіштері- Бегім ана мұнарасы, Бекетай, Бәсібек, Ұябай, Қыңырбай т.б кесенелері фотолары қойылған.

Өлке тарихы залында - балықшылардың құрал-жабдықтарынан ұйымдастырылған арнайы бұрыш, Арал теңізінде балықтардың түрлері, Арал теңізін алғашқы зерттеген орыс ғалымдары, Арал өңірінде өсімдіктер түрлері, Қамбаш көлі, Барсакелмес қорығы, В.И.Лениннің Арал балықшыларына жіберген станогінің макеті, 16 Социалистік Еңбек Ерлері, Арал өңірінен шыққан алашордашылары, «Ерлікке тағзым» атты соғыс және еңбек ардагерлеріне арналған фотостенділер, құжаттары Арал бекінісі тарихы (1919 жыл, тамыз-қыркүйек), Арал ауданының әлеуметтік салаларындағы қызмет жасаған өкілдерінен мағлұматтар қамтылған.

Мәдениет және өнер залында - Арал өңірінде жыраулық өнерінің негізін қалаған шайыр Н.Кенжеғұлының, Арал ауданында туып-өскен, қазақ әдебиетінің өркендеуіне сүбелі үлес қосқан Ә.Нұрпейісов, З.Шүкіров, Серік Сейітмағанбетов, Молдахмет Қаназов, Сайлаубай Жұбатыров, Шөмішбай Сариев, т.б., термеші- жыраулар Р.Әшімов, Б.Тәңірбергенов, т.б., мәдениет майталмандарының суреттері құжаттары көрініс тапқан

Галерея залында - Арал өңірінде туып-өскен, алғашқы еңбек жолын бастаған, қазіргі таңда өздерінің туындыларымен елге танымал болып жүрген Қазақстан Республикасы Суретшілер Одағының мүшелері Ш.Сәменов, Қ.Закиров, Е.Исмагулов, «Ерен еңбегі үшін» медалінің иегері Таймас Телеушев, облыс көлемінде жеке көрмелерін туындылары қойылған.

Тәуелсіздік залында – Арал ауданының егемендік алғаннан кейінгі әлеуметтік-экономикалық дамуы, қоғамдық-саяси маңызы бар шаралары, атап айтсақ көрініс тапқан.

Арал аудандық тарихи-өлкетану музейінің археология және этнография залының тас дәуіріне арналған сөресінде аймақта археологиялық барлау жұмыстары барысында ашылған ескерткіштертен алынған тас құралдар және қыш ыдыстары қойылған (сурет 2-3).

Солтүстік-Шығыс Арал маңының кейінгі тас ғасыры және қола ескерткіштерін зерттеу жұмыстары жеткілікті түрде жүргізілмеген, тек барлау жұмыстармен ғана шектелген. Бұл аймақтардан неолит дәуірінің тұрақтары мен қола кезеңінің қоныстары көптеп анықталып отыр. Олардың ішінде 1944 жылы ашылған Сексеуіл тұрағы болатын. Осы тұрақтан ашық түрдегі топырақтың беткі қабатынан жиналып алынған тас құралдарын жинап алу нәтижесінде зерттеуші А.А. Формозов оны Кельтеминар мәдениетінің ескерткішінің шекарасына жатқызған (Формозов, 1945, с. 3-5).

1955 жылы А.В. Виноградов Арал ауданы аумағына барлау жұмыстарын жүргізіп, Сексеуіл тұрағынан бөлек басқа да тұрақтар орнын ашып, жердің бетінен археологиялық материалдарды жинап, шағын қазба жұмыстарын жүргізеді.

Жоғарыда аталған Сексеуіл тұрағына шағын қазба жұмыстары барысында беткі қабатындағы материалдарды жинап алған. Осы зерттеу жұмыстарының нәтижелері 1955 жылы «Археологическая разведка в районе Аральска-Саксаульской в 1955 году» атты А.В. Виноградовтың мақаласы жарық көрді. Бұл мақалада Сексеуіл ескерткішінен табылған тас құралдары мен қыш ыдыстар кешеннің ерте неолит екенін дәлелдеп көрсетіп, көп заттың ұқсастығы кельтеминар мәдениетінің алғашқы ескерткіші Әмудария өзенінің төменгі ағысы Жанбас 4 ескерткішінен табылған заттармен ұқсастығын атап көрсеткен (Виноградов, 1955, с. 76-81).

А.В.Виноградов барлау жұмыстарын жүргізу барысында жоғарыда айтылғандай бұл аймақтан жирымаға жуық ескерткіш орынын анықтаған. Ең басты шикізат жақын жерде өндірілген тау тастары, малта тас, яшма, халцедон болып табылған. Олардан көбінесе жебе ұштарын, найза ұштары мен дротиктердің басы, қырғыштар, қыстырмалы тілекшілер, тескіштер, жүзі өңделген пышақ тілікшелер, бақалшақтардан жасалған әшекей заттар жасалған.

Қыш ыдыстар мен тас құралдарының жиынтығына қарап Сексеуіл II тұрағымен және Ақшадария арнасының маңынан табылған Қауынды 3, Таджи-Қазған 2,3,6 тұрақтарынан табылған заттарға ұқсас болып келген (Толстов, 1962, с. 15-18).

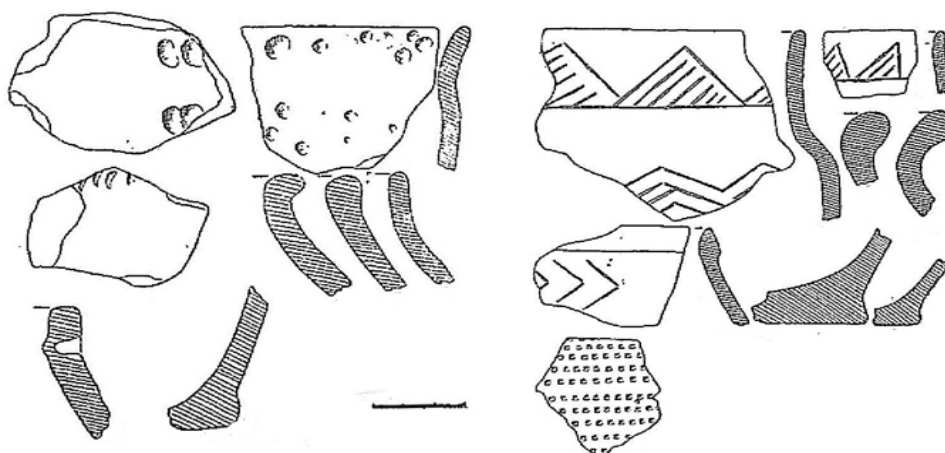
1955 жылы барлау жұмыстары барысында Солтүстік-Шығыс Арал маңының неолит және қола дәуірінің Көнту, Жалғыз ағым, Тәмпі, Шөлқұм, Қара-сандық, Ақеспе тұрақтары мен тұрақтарының топтары ашылған. Бұл тұрақтардың көбінесін неолит немесе қола дәуірімен мерзімдеуге болады, қазіргі уақытта осы тұрақтардың орындары сақталмаған.

Жалғыз-ағым қонысынан қыш ыдыстар өрнектері Қазақстанның басқа аймақтарынан кездесіп отыр, соның ішіндегі көршілес Ақтөбе облысы, Тастыбұтақ қонысынан Хорезм аумағынан ашылған Анка 5, Кават 5, Кокча 15, 16, қоныстары мен қорымдарынан табылған ыдыстарға жақындағы бар және осыған ұқсас болып келген жақын маңдағы ескерткіш Ерімбет жаға қонысынан табылған қыш ыдыстары ұқсастығы бар екендігі анықталып отыр.

Арал аудандық тарихи өлкетану музей қорында сақталған қыш ыдыстар сынықтары коллекциясы Қазақстандағы қола дәуірінің коллекцияларымен бірге ғылыми каталогтау, археология, тарих антропология, этнология гуманитарлық ғылымдар саласындағы зерттеулердің дереккөздерін толықтырып, тың ізденістерге негіз болуға септігін тигізетін материалдар ретінде Қазақстан аймағынан табылған басқа қола дәуір ескерткіштерімен бірге халықтың рухани игілігіне айналса дейміз.

Сурет 1. Арал аудандық тарихи-өлкетану музейі

Сурет 2- Жалғыз-ағым қонысынан 1955 жылы табылған қыш ыдыс сынықтары. А.В.Виноградовтың «Археологическая разведка в районе Аральска–Саксаульской в 1955 году» атты мақаласынан алынған

Сурет 3- Археология және этнография залы

Әдебиеттер

Виноградов А.В. Археологическая разведка в районе Аральска – Саксаульской в 1955 г. // Труды ИИАЭ АН КазССР. Т. 7. 1959. С. 76-81.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 328 с.

Формозов А.А. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане // Вестник КазФАН. 1945. №2. С. 3-5.

G. Karimoldakyzy, Z. Kiimbayeva

HISTORY OF THE ARAL DISTRICT HISTORICAL MUSEUM MUSEUM

The article describes the history and location of the Aral regional museum of local history and pottery of the Bronze Age. Since the founding of the museum to the present day, many archeological expeditions from the Aral region have been opened and many monuments have been listed. In addition, we find interesting facts from materials that were accidentally found. For example, the pottery complex of the Single-current settlement is considered to be accidentally discovered materials. These materials were discovered by a soldier at a nearby military base in 1990 and sent to the museum. The Bronze Age materials collected in the Museum's collections provide information on the history of the ancient settlement population of the Aral Sea.

Н.Т. Қанибаев

«Қорқыт ата» мемориалды музейі кешені

Қызылорда облысы, Қазақстан

E-mail: korkyt-ata.museum@mail.ru

«ҚОРҚЫТ АТА» МЕМОРИАЛДЫ МУЗЕЙІ КЕШЕНІНІҢ ҚҰРЫЛУ ТАРИХЫНАН

Сырдың бойы сыр тұнған көне тарихи орындар мен ескерткіштерге бай. Солардың ішінде түркілердің бәріне ортақ тарихи тұлға, кемеңгер ойшыл, ғажайып музыкант Қорқыт бабаның құрметіне қойылған ескерткіштің бітімі бөлек, тағылымы зор дер едік. Қорқыт атаның кіндік қаны тамған жер, Оғыз мемлекетінің астанасы Жанкентте дүниеге келген данагөй бабаның өмірге шыр етіп келген, ғұмыр кешіп, көз жұмған жері. Бабаның аңызы мен рухани-музыкалық мол мұрасы сақталып, ұрпақтан-ұрпаққа жеткен жер де – осы Сыр өңірі.

Бүкіл түркі тілдес елдердің ұлы бабасы Қорқыт ата атакты жырау, қобызшы, келер күнді болжайтын көріпкел бақсы, артына өшпес мұра қалдырған тарихи тұлға. Бабамыздың туған жері Сырдың жағасындағы Жанкент қаласы, ал мәңгілік жай тапқан топырағы Қармақшы ауданы, Қорқыт бекеті болып табылады.

Әлемге аты мәшһүр Қорқыт ата мемориалды кешені Қызылорда облысы, Қармақшы ауданы Жосалы кентінің солтүстік-батысындағы 18 шақырым жердегі Қорқыт станциясына жақын табиғи төбе үстінде орналасқан. Коммунистік партияның асқақтап тұрған шағында сол кезеңдегі аудан басшысы Елеу Көшербаев осы кешенді тұрғызуға ерекше ықпал жасаған еді. Соның нәтижесінде кешен құрылысы 1980 жылы архитектор Б.Ә.Ибраев пен физик-акустик С.И.Исатаевтың жобасымен басталған. Ерекше сәулетімен алыстан мен мұңдалап тұратын баба кесенесі рухани дүниенің есігі іспетті. Қобыздың үні сарнаған Қорқыт ата кесенесі адамзатқа күйбең тірліктің шеңберінен шығуды, әрбір сәттің құнды екенін бағалай білуді еске салып тұрғандай. Қорқыттың мәңгілік өмір дегені де қайталанбас уақытты қадірлеп, келешекке өнер, руханият арқылы өшпес із қалдыру болса керекті.

Тәуелсіздік алған алғашқы уақыттан бастап тұңғыш президентіміз Елбасы тапсырмасымен жүзеге асырылып жатқан «Мәдени мұра» бағдарламасының аясында көптеген ауқымды жұмыстар қолға алынды. Елімізде қаншама өнер жәдігерлері қалпына келтіріліп, түгелденді. Сыр бойындағы ескі шаһарларға археологиялық қазба жұмыстары жүргізіліп, тарихи-мәдени және сәулет ескерткіштері есепке алынып, қайта жаңғырту жұмыстары жүргізілді.

Сондай қолға алынған кешенді шаралардың бірі – Қорқыт ата кешенін қайта жаңғырту жобасы болды. Ескерткіш жаңғыртудан өткелі мұнда тәу етіп келушілер қатары еселеп артты. Қайта жаңғыртудан соң ескерткіштің биіктігі 12 метрге, ал ескерткіш тұрған жердің өзі (тұғыры) 2,5 метрге биіктеді. Бұған қоса, амфитеатрды жағалай бауырлас түркі елдерінің туы немесе ұлттық символдары орналастырылды. Оған екі жылда бір мәрте өткізілетін «Қорқыт және ұлы дала сазы» өнер фестивалі кезінде тутұғыр орнатылды. Бұрынғы ескі темір бетон материалдарды мрамор мен ұлутас тастары ауыстырды. Ал, «Батыс Еуропа-Батыс Қытай» автожолынан арғы бетіндегі «Қорқыт ата зиярат ету орталығынан» осы ескерткіш кешенге дейінгі, онан «Ақсақ қыз» кесенесіне дейінгі аралыққа жүргіншілер жолы салынып, жарықтандырылып, аумақ түгел абаттандырылды (сурет 1).

Сурет 1. Қорқыт ата мемориалдық кешені

Кешен аумағында орнатылған қобыз ескерткіші төрт элементтен тұрады. Әрбір стела әр тарапқа қаратып тұрғызылған құлпытастарға ұқсайды. Жоғары жағы кеңейе келіп, шөміш пішінінде түйісетін стелалар қобыз бейнесін көрсетеді. Оның түйісер түбіндегі орталық тесігінде 40 металл түтік бар. Олар жел соққан кезде қобыз сарынымен үндес дыбыс шығарады. Аңыздарда айтылған тәрізді Қорқыт ата мазарында соққан желге үн қосатын қобыз қойылған.

Тұңғыш президентіміз Елбасымыздың қоғам тарапынан зор серпіліс тудырған «Ұлы даланың жеті қыры» атты бағдарламалық мақаласында ортақ фольклорлық мұраларды зерттеуді айрықша тапсырған болатын. Аталған мақала кеңінен талқыланып жатқанда ақжолтай жаңалық жетті. Алтайдан тараған түгел түркінің киесі, қобыздың иесі, ортақ миф пен фольклордың атасы саналатын Қорқыт ата мұрасы адамзат тарихында айрықша із қалдырған құбылыс ретінде ЮНЕСКО-ның материалдық емес мәдени мұралар тізіміне енді. Өткен жылы наурыз айында Қазақстанның бастамасымен және бауырлас Түркия, Әзірбайжан мемлекетінің қолдауымен ұйымның қарауына алынған ілкімді жұмыс осылайша игі нәтижемен аяқталды. Нақтырақ айтқанда, «Қорқыт ата мұрасы: дастан, аңыз және музыка» деген атаумен енгізілген құжат Маврикий Республикасының астанасы Порт-Луисте өткен ЮНЕСКО-ның материалдық емес мәдени мұраларды қорғау жөніндегі комитетінің 13-үкіметаралық отырысында мақұлданып, тиісті шешім қабылданды.

Бүкіл түркі әлемінің абызы атанған Қорқыт атаның мемориалды кешені тек қазақстандықтардың ғана емес, шетел азаматтарының да қызығушылығын туғызған қасиетті орын.

Қорқыт ата мемориалды музейі кешені экспозиция залында өлкенің тарихына қатысты залдар және Қорқыт ата мұрасын зерттеген ғалымдардың шығармалары қойылған.

Археологиялық экспозициясының мерзімдік шеңбері шірікрабат (б.з.д. IV-II ғғ.), жетіасар мәдениеттеріне (б.з.д. I мж аяғы - б.з. I мж), ортағасырлардағы оғыз-қыпшақтар дәуіріне бөлінген (ҮІІ-ХІ ғғ.).

Сақтар мәдениетінен сыр шертетін Шірік-Рабат мәдениеті туралы көрме сөресі. Сырдария сақтарының мәдениеті б.з.д. I мыңжылдықтың екінші жартысында гүлденген деңгейге жетіп, қалалар пайда болды. Бұл өркениет б.з.д. IV-II ғғ. қанатын кең жайып отандық тарихта шірікрабат мәдениеті деп аталды. Қармақшы ауданы аумағындағы Шірік-рабат қалашығы Сырдарияның көне арнасы – Жаңадарияның сол жақ жағалауындағы көлемі 850х600 м. болатын табиғи төбенің үстінде орналасқан. Ескерткіш мықты қорғаныс жүйелерімен қоршалған. Төбенің төменгі етегінде қазылған ор бар. Оның бүгінгі таңдағы тереңдігі 4,5 метрге, ені 40 метрге жуық болса, ал одан шыққан топырақтан сыртқа дуал тұрғызылған. Сақталған биіктігі 3 метрді, тарабындағы ені 8-10 метрді құрайтын бұл бекініс дуалды қалашықты солтүстіктен және шығыстан қорғап тұрған. Қала жұртында халықтың қоныстануы бірнеше кезеңнен тұрды (Толстов, 1962, с.10-15).

Музейдің арнайы витриналарына Шірік-рабат оазисіндегі Шірік-рабат, Бәбіш мола, Баланды қалашықтары жайлы деректер, археологиялық ғылыми-зерттеу материалдары, қазба жұмыстары кезінде табылған экспонаттар (керамикалық ыдыстар, сақ адамының мүсіні) қойылған.

Қаңлы тайпалары Жетіасар мәдениеті туралы көрме сөресі. Қызылорда облысындағы ірі археологиялық кешендердің бірі – Сырдарияның төменгі ағысында орналасқан Жетіасар археологиялық ескерткіш кешені болып табылады. Бұл оазисте б.з.д. I мыңжылдықтың соңымен - б.з. I мыңжылдығында жалпы саны шамамен 50-ден аса қамал-қалалар бой көтерген. Оның 27-сі Жетіасар алқабында 5-7-ден топ-топ болып, Сырдарияның көне салаларының бірі Қуандария мен Ескідариялықтың ондаған ұсақ тарамдары бойына салынған. Олардың қазіргі үйіндісінің биіктігі 18-20 метрге жетеді. Асарлардың барлығы әртүрлі деңгейде жасалынған қорғаныс жүйелерімен қоршалған. Қорған іші тұрғын үй, зәулім сарай және қолөнер шеберлері тұратын бөліктерге бөлінген. Жетіасар шатқалында ХАЭЭ алғаш рет археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізді (Левина, 1971, с. 25-40).

Экспозицияда Жетіасар туралы материалдар және кешеннен табылған керамикалық ыдыстар (фляга, құмыралар т.б.) орналастырылған (сурет 2).

Сурет 2. Қорқыт ата мемориалды музейі кешенінің экспозиция залы

Оғыз-қыпшақ дәуірі қатысты көрме сөресі. Сырдарияның төменгі ағысында қалалардың гүлденуі кезеңі оғыз-қыпшақ дәуіріне, яғни біздің заманымыздың IX-XI ғғ. сәйкес келеді. Оғыздар IX-X ғғ. Орта Азия мен Шығыс Еуропадағы тарихи оқиғаларға ықпал етті. Орта Азия оғыздары түркі тілдес халықтар қатарына жатады. Көшпелі оғыздар Каспий, Арал маңы және Сырдарияның бойын мекендеді. Бұл аймақта мекендеген оғыз рулары X – XI ғғ. астанасы Жанкент қаласы болған жабғу мемлекетінің құрамына кіреді (Аржанцева, Рузанова, Тажекеев, 2012.).

Оғыз мемлекетінің астанасы болған Жанкент қалашығына 1867 жылы П.И.Лерх және геодезист М.Е.Приоров алғашқы археологиялық қазба жұмыстарын жүргізді. 1946 жылы ХАЭЭ С.П.Толстовтың жетекшілігімен алғаш әуеден суретке түсіріп, жоспарын жасайды. Қаланың көлемі 375x225 м., шығыстан батысқа қарай созыла орналасқан. Солтүстік-батыс бұрышында орналасқан цитаделінің көлемі 100 x100 метр, биіктігі 7-8 метр сақталған. Сыртқы қорғаныс қабырғасының сақталған бөлігінің биіктігі 8 м (Курманкулов, 2007, с.243-245)

2005 жылдан бастап ортағасырлық Жанкент қалашығының орнында Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университетінің, Ресей Ғылым Академиясы Миклухо-Маклай атындағы Этнология және антропология институтының және Ә.Х.Марғұлан атындағы Археология институтының біріккен археологиялық экспедициясы тұрақты түрде қазба жұмыстарын жүргізіп келеді. 2014-2015 жж. Жанкент қалашығынан табылған керамикалық ыдыстар, культтық бұйымдар (қошқар бейнесіндегі керамикалар) экспозициядан орын алды.

Сығанақ қаласының халқымыздың тарихына қосқан үлесі өте зор. Сығанақ Қыпшақ хандығының (XI-XIII ғғ.), Ақ Орданың (XIV-XV ғғ.), Қазақ хандығының (XV-XVI ғғ.) астанасы болды. Ұлы Жібек жолының маңызды бір тармағының бойында орналасқан Сығанақ қаласы Шығыс пен Батыстың көптеген ірі қалаларымен сауда, экономикалық, саяси және мәдени байланыстарда маңызды роль атқарды.

2014 жылы мемориалды кешенге облыстық бюджет есбінен реконструкция жұмыстары жүргізіліп, нәтижесінде стела, амфитеатр, қылуат, музей, қошқар мүсінінен тұратын тұтас архитектуралық ансамбль қайта салынды.

Кешендегі музей қайта салынып, толыққанды реэкспозициядан өтті. Ғимарат 3 экспозициялық залдан тұрады. Кешен аумағы - 8,295 шаршы метр жерді алып жатыр. Музей экспозициясының көлемі- 163,81 шаршы метр (сурет 3).

Сурет 3. Қорқыт ата мемориалды музейі кешені

2016 жылы облыс әкімінің қаулысымен Қызылорда облысының мәдениет, архивтер және құжаттама басқармасы «Қорқыт ата» мемориалды музейі» мемлекеттік коммуналдық қазыналық кәсіпорны болып құрылды. Кешен түркі әлемі кие тұтатын Қорқыт бабаның мәңгілік мекеніне айналған түркі тілдес елдердің тағзым ететін қасиетті орны және күрделі сәулеттік өнер туындысы ретінде ерекше маңызға ие.

Музей заманауи стандарттарға сәйкес жабдықталған. Музей залында LED экран, үш тілде ақпарат беретін сенсорлы моноблок пайдаланылады.

Бүкіл түркі әлемінің абызы атанған Қорқыт атаның мемориалды кешені тек қазақстандықтардың ғана емес, шетел азаматтарының да қызығушылығын туғызған қасиетті орын.

Әдебиеттер

Аржанцева И.А., Рузанова С.А., Тажикеев А.А. Археологические исследования городища Джанкент // Интернет сайт Археология Средней Азии. 2012.

Курманкулов Ж. Городища Жанкент // Байпаков К.М., Елеуов М. и др. Свод памятников истории культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. Алматы: Аруна, 2007. С. 249-250.

Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетие н.э. М., 1971. 252 с.

N.T. Kanibayev

HISTORY OF THE «KORKYT ATA» MEMORIAL MUSEUM COMPLEX

The article describes the history and location of the Korkyt Ata Memorial Museum Complex. Legendary stories about Korkyt-ata, ancient relics found in archeological monuments of that time, were displayed in the exposition hall. The museum complex is located on a natural hill, 18 km northwest of the village Zhosalı of the Karmakshy district, Kyzylorda region.

М.Қ. Қызырханов

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: mir_semei@mail.ru

ЕРТЕ САҚ КЕЗЕҢІНДЕГІ ОБА МАҢЫ ҚҰРЫЛЫСТАРЫНЫҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Оба маңы құрылыстары әр дәуірде жерлеу ғұрпына сай ерекшелене, әр мақсатта қойылды. Ерте темір дәуірі оба маңы құрылыстарына ор, үйме тас (выкладка), шұңқырлар, кейде ғана вертикальды объектілер – меңгірлер, тас дінгектер жатады. Осылардың ішінде ең көп таралғаны – үйметастар. Патшалық обалар ішінен бұл түр Түгіскенде, Берелде, Есікте және Бәйтеде кездеседі. Дөңгелек үйметастардың семантикасы жөнінде пікір көпжақты. Есік обасы материалдары үйметастардың обамен қатар біруақытта салынуы екі талай екендігін көрсетті (Акишев, 1978).

Яғни, үйметастардың ата-бабасынан сескенуден немесе сыйынғандықтан құрбандық шалу орны болуынан басқа да атқарған функциясы болған. Берел обасының солтүстік-шығысынан оңтүстік-шығысына қарай жеке-жеке, бөлектене жатқан кіші размерлі плиталар үйіндісі біріншіден обаның етегінде жатыр, екіншіден ешқандай құрбандық шалған белгі байқалмады. Ерте көшпелілер дәуірінде вертикальды объектілер ғұрыптың емес, жерлеу құрылысының маңына қойылды. Үлкен Бесшатыр обасының шығысынан оңтүстікке қарай созылып жатқан 94 менгир-қоршау – ғұрыптық орын. Себебі, екі-үш метр диаметрдегі қоршау астынан күлдің қалдығы мен керамика сынығы табылды.

Бұл жерден құрылыстың баламасын Таулы Алтайдағы I Башадар обаларынан (Руденко, 1959, с. 241) кездестіре аламыз. Вертикальды нысандар Пазырық обаларының көбінде кездеспейді.

Бірінші обаға қарағанда II Башадар обасында вертикалды орналасқан шеңбердің тастары үлкенірек болған. Шеңбер арасындағы кеңістік екі қатпарлы таспен орналасқан. Екі тас шеңбер №51 Башадар обасының топырақ үйіндісін қоршап тұр. Осы обаның орталығынан батысқа қарай шамамен 120 метрден кейін төртбұрышты және дөңгелек тас құрылыстар орналасқан, ал №55 төртбұрышты үйме тастан және дөңгелек тас үйіндісінен (№55) шығысқа қарай тізбектеліп вертикалды қойылған он шақты тастан тұратын құрылыс созылған.

С.С. Сорокиннің пікірінше үйме тастардың бұлай орналасуы тірілер мен өлілер арасындағы шекараны бөлу деген мағынада болуы мүмкін дейді (Сорокин, 1981, с. 23-39).

Тас қоршаудың ішіне вертикальды тұрғызылған плитасы бар ескерткіш Қара теңіз жағалауындағы скиф обаларында кейде ғана кезігеді, бірақ қола дәуірінде пайда болды (Ольховский, 1994, с. 178). Жалпы ерте көшпелілер обалар маңына қойылған вертикальды объектілердің зерттелінуі нашар. Таулы Алтайдағы Пазырық мәдениетінің V Пазырық обасы шығысында вертикальды қазылып қойылған плиталар және Құтырғантас, III Башадар обаларынан батыста жарты ай тәріздес 100-150 метрге созылған вертикальды плиталы дөңгелек қоршаулардың кезігуі Алтайдағы ерте көшпелілер обаларына вертикальды плиталардың қойылуы тән емес деген пікірден аулақ қылса керек.

Осы дәуірден бастап пайда болған бұғытастар, кейін түркі дәуірінде нағыз классикалық түрге енді. Олардың орналасуы, саны, мәні туралы ғылымда әлі күнге дейін айтыс. Ерте темір дәуірі обаларында тас дінгектер, тас балбалдар жиі кездеспейді. Бәйте ғибадатханасының оңтүстігіндегі 25-50 тас мүсіндердің екі типі бар: бірінші топқа иығы кең, шындыққа сай келетін 1,8-4 метр ұзындықтағы мүсіндер жатса, екінші топқа белі жіңішке, иығы өте кең ұйқаспайтын 1,5-2,8 метр ұзындықтағы тас мүсіндер. Осы тас мүсіндердің бес-сегізден бір топты құра орналасуы олардың әр рулық әулетке тән екендігін көрсетсе керек.

Бәйте I ғибадатханасында осындай топ – бесеу, ал Бәйте II ғибадатханасында – жетеу (Ольховский, Галкин, 1990, с. 199-200). Осыдан түйеріміз, Бәйте комплексі көптеген тайпалардың табынатын ғибадатханасы болған.

Б.з.д. IV-III ғасырлардағы Еуразия даласындағы жаппай таралған оба маңы конструкциясы элементіне орлар жатады. Бір жағынан, үлкен диаметрлі обаны тұрғызу үшін айналасынан топырақ алып, содан ор пайда болды, яғни құрылыс материалы ретінде қолданылды. Бұл көбінесе топырақ үйінділі обаларға тән. Мысалы, Берел обаларында ор жоқтың қасы. Оңтүстік Түгіскеннің №8, 52 және 54 обалары ені екі метр, тереңдігі 40-60 сантиметр дөңгелене келген ор жерлеу алаңын қоршап жатыр. Басқасынан төртбұрышты болып келген №22 обасындағы орды ерекше атап өткен жөн, Арал бойындағы Оңтүстік Түгіскеннен басқа обаларда ор аздап кездеседі.

Аралдың оңтүстігінде орналасқан Сарықамыс қорымындағы 142 обаның тек жетеуінде ғана ор болса (Яблонский, 1996, с. 23), сақ қорымы Ұйғараққа әдейі арнаған монографияда О.А. Вишневская ор бары жөнінде ешқандай мәлімет келтірмейді. Оңтүстік Түгіскенде қабір шұңқыры шетінен төрт метр жерде жерлеу камерасын айналдыра қоршаған ені үш метрдей топырақ дуалы бар құрылыс кездеседі. Дуалдың топырағы сыртындағы ордан алынған. Тереңдігі 25-30 сантиметр болатын 1,8 метр ендегі ор өртенген шөмшекпен толтырылған. Сірә, жерлеу кезінде барлық құрылысты айнала от жағылатын болса керек. Өртеу нәтижесінде төрт тіреуіш дінгек пен камера үстін жапқан қамыс пен шөмшек қабаттары жойылған және үйінді әлі толық сөнбеген жерде салынған.

Қолдағы бар мәлімет бойынша, Қазақстаннан басқа өлкесіндегі, әсіресе Бесшатыр, Аралтөбе обалары айналасында дөңгелене келетін орларда ешқандай қосымша адамды жерлеу немесе ат сүйегін, әбзелін жерлеу жоқтың қасы. Ал Солтүстік Қаратеңіз жағалауында ерте қола дәуірінен бастап кезігетін және үйінді айналасындағы орларда жерлеу, құрбандық шалу іздері байқалуымен ерекшеленеді (Ольховский, 1996, с. 123). Соған қарағанда, Қазақстандағы «патшалық» обалар айналасындағы орлар қарапайым түрде болуы мүмкін.

Соңында айтарым, ерте көшпелілердің обалары маңының, қабір үсті, жалпы обалар жер беті құрылысы алдыңғы дәуірдегі обалық дәстүрдің басқа мәндегі жалғасы еді. Бұл дәстүр кейінгі түркі дәуірінде өзінің классикалық түріне енді.

Бүгінгі таңда археология ғылымында обалы зерттеп, алынған материалдарды өңдеуде басты бағдар етіп қабір іші құрылысын: қима-тағанды, қабір шұңқырын, адамды жерлеуді (оның жатысы, бағытталуы және жанындағы заттар) алған еді. Тек оба құрылысының бір бөлігін зерттеуге басты назар аударуы сыңаржақты пікірлерге әкелді. Дей тұрғанмен қабір іші құрылымындағы басты элементтерді ерте көшпелілер жерлеу ғұрпын жүйелеу мақсатында талдауға көшсек.

Осы сала бойынша жақсы зерттелген, бірақ әртүрлі жерлеу ғұрпы тән ескерткіштер Оңтүстік Түгіскен мен Ұйғарақ. Қабірдің төртбұрышында ағаш тіреуіші бар жабындылы дөңгелек, не төртбұрышты формадағы Оңтүстік Түгіскен қабір шұңқырының ішінде өлікті жерлесе, ал көне горизонтта өлікті өртеу ғұрпы кездеседі. №8 обада кремация ағаш жабындылы қабір шұңқырында орындалыпты. Бұл шұңқырда өртеу Ұйғарақта жоқ.

Бұл екі түрлі жерлеу Оңтүстік Арал бойындағы Сакарчаға қорымына тән (Яблонский, 1997). Әлбетте Ұйғарақ пен Түгіскен қорымдары солтүстіктегі көшпелілермен жеке оңтүстіктегі отырықшы мәдениеттің түйісер жерінде орналасқан. Өлікті қабірде өртеу қола дәуірінен келе жатқандығы оны әкелген солтүстіктегі көшпелі тайпалар дегенге келеді (Маргулан, 1979, с. 64).

Оңтүстік Түгіскеннен жер бетіндегі ағаш конструкцияда өлікті өртеу ғұрпы белгілі. Ал Ұйғарақ обаларында жер бетінде орналасқан жерлеу орны көп болса да (отызға жуық) оның жетеуінде өлікті өртеген. Өртеу ағаш құрылыс ішіндегі қамыс төсенішті қабырғасын тоқыған қамыс немесе ағашпен жапқан қабір шұңқырында орындалды. Мүрдені жер бетінде жерлеу соңғы қола дәуірінен бастап шығыста Қарасук мәдениеті кешенінен (үшеу) батыста «қималықтарға» дейін тараған.

Л.Р. Кызласовтың пікірінше, өтпелі кезең (б.э.д VIII-VII ғғ.) мен ерте скифтер кезеңі (б.з.д VII-VI ғғ.) уақытына сай келеді (Кызласов, 1979, с. 27). Тіпті мұндай жерлеулер қыста салынған деген пікір де баршылық. Кремация ғұрпының пайда болуы мен таралуын Самар, Саратов және Еділ бойын зерттеген К.Ф. Смирнов (Смирнов, 1957) пен Төменгі Днепрді зерттеуші В.В. Отрошенко андронов мәдениетінің феодоров кезеңімен байланыстырады (Отрошенко, 1976).

Сақ дәуірінен кейін де кремация өз жалғасын Шірік-Рабатта (б.з.д. IV-III ғғ.) табады. Оңтүстік Түгіскенде қазылған отыз жеті обаның жиырма тоғызы қабір шұңқырында жерленген. Оның жиырма бірінде ағаш жабынды болған. Ағаш жабындысы өртенбеген обалар жерлеу камерасы бұрыштарында шұңқыр және қабырға бойы тереңдетіп қазылған орлары бар болып келеді. Арал бойынан басқа мұндай аналогиялы ғұрып Зарафшаннан төмендегі Қалқансай қорымында кездеседі. Мұны археолог О.В. Обельченко б.з.д. VII ғасырға жатқыза отырып, бұл жерлеу ғұрпы Арал бойы сақтарының миграциясы

әсерінен пайда болған дейді (Обельченко, 1982, с. 250-258). Чернолес уақытында қабір ішіндегі шүңқырлар шынымен де дiңгек орнату үшін қазылса, ал Белозер кезеңінде мәнінен айырылып тек ағаш қаңқалы құрылыс – жер төленің имитациясы болды.

Ұйғарақ пен Түгіскен обалары қабір шетінде-жер төленің имитациясы болды, Ұйғарақ пен Түгіскен обалары қабір шетінде «бұрыштық» дiңгек тек практикалық мәнде қолданылған. Оған дәлел Синташтадағы обала жерлеу камерасы қабырғасын тақтаймен жабуда пайдаланылған. Бұл қабір шүңқыры элементінің Солтүстік Түгіскеннің №7 мавзолейінде де кездесу тегін андронов мәдениетімен байланыстырады. Ұйғарақта жер қабірлерінің Түгіскенде жоқ түрі бар. Бұл негізінен бұрыштары дөңгеленіп келетін тікбұрышты тар молалар.

Құрылымы жағынан Ұйғарақ пен Оңтүстік Түгіскенді жақындастыратын белгілерге жерлеу камерасы түбіндегі қамыс төсеніш, ағаш сырғауыл және қамыс немесе бұтадан тұратын жабынды жатады. Жерлеу камерасының бетін тіреуіш төрт дiңгегі бар қабатпен жабу қима мәдениеті обаларынан кездеседі және үйіндіні тұрғызбастан бұрын от жаққан. Кейінгі қима мәдениетінің тұрғындарының Солтүстік Кавказға қоныс аударуы бұл ғұрыптың таралуына ықпал жасады.

Сонымен осы ғұрыпты Шығыс Еуропаның кейінгі қима және ерте скифтер кезеңіне тән деп пайымдау әлі ерте. Қабірдегі ағаш конструкцияны өртеу Жоғарғы Обьтағы болынеречен мәдениетінде, ал қоладан ертетемір дәуіріне өтер тұста Есіл бойында таралды. Л.В. Зданович айтқандай, неғұрлым шығысқа қарай жүрген сайын өлікті өртеу ғұрпы азаяды.

Шығыс Қазақстан мен Жетісу «патшалық» обаларының қабір құрылымындағы ортақ қасиет-қабірлерді салуда бөренелердің қолдануы. Қима-таған көлемінен үлкенірек етіп шүңқыр қазады және оған қима-тағанды (Берел) немесе қиылыспайтын бөренелерден тұратын (Шілікті) дүниенің төртбұрышына бағытталған камера орнатқан. Пазырық мәдениетіне тән белгілердің бірі ретіндегі қима-таған ертетемір дәуірінің ерте кезеңінен бастап кең таралған құрылымға жатады. Тағанның оңтүстік және солтүстік қабырғалары ұзын. Қима-таған – тұрғын үйдің имитациясы. Оған дәлел аналогиялы Пазырық обаларында терезе ойығының болуы, жерлеу камерасының шаруашылық және тұрмыстық, болып бөлінуі, қабырғаларында кілемнің ілініп қойылуы (Граков, Мелюкова, 1954, с. 110-117).

Қима-таған ішінде барлық Пазырық обаларына тән екі құлақты және Башадар обасына тән төрт құлақты балқарағай немесе самырсыннан жасалған саркофаг болды, онда еркек пен әйел жерленді. Башадар I обасы материалдары жерлеу камерасы қабір шүңқырындай емес, басқа жерде алдымен салынғандығын көрсетеді. Пазырық мәдениеті ескерткіштеріне тағы бір ортақ қасиеті – жерлеу камерасы үстін киізбен, оны-қырық қабат қайын қабығы және бір метрдей қалыңдықтағы куриль шайымен жабуы.

Ал енді жерлеу камерасының бір тобы ұзын кірер жер – дромосты қарастырайық. Ерте көшпелілер обаларының жер асты және жер үсті де құрылысына тән.

Кірер шүңқыр ретіндегі Оңтүстік Арал бойындағы Сарықамыс пен Шығыс Арал бойындағы Ұйғарақ материалдарынан белгілі. Шілікті және Бесшатыр обаларында дромос жерлеу камерасы астынан мөлшермен 2 метр тереңдікте жартылай топырақ немесе таспен толтырылған ені 0,75-1,10 метр дромос табылды. Шіліктідегі дромос шығысқа қарай 8,40 метрге дейін ені 1-1,90 метр болып 1,2 метр тереңдікте жатыр. Бесшатырда қосымша жеті жолы бары камераның солтүстік-батысынан оңтүстік-шығысқа дейін созылған дромос бар. Бірақ та бұрыштарында шүңқырлар кездесетін төртбұрыш формадағы, ағаш жабындылы Оңтүстік Түгіскен дәліз тәрізді дромостың аналогиясы жоқтың қасы. Сонымен бірге Таулы Алтайдағы Құтырғантас обасының шығыс жағынан дромос ашылды. Жалпылай айтқанда, ерте көшпелілердің дромосты жерлеу тәсілі Еуразия даласының батысынан көрі шығыс аймағына тән ерекшелік.

Әдебиеттер

- Акишев А.К. Курган Иссык. М., 1978. 132 с.
Граков Б.Н., Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в лесных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954. С. 110–117.
Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в). М., 1979. 208 с.
Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 360 с.
Обельченко О.В. Курганы ранних кочевников в низовьях Зерафшана // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 250–258.
Ольховский В.Г. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до. н.э.). М, 1991. 256 с.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л. Культурный комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // СА. 1990. №4. С. 199–200.

Отрощенко В.В. Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поволжья // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976. С. 172–190.

Руденко С.И. Культура населения Алтая в скифское время. М.;Л.: АН СССР, 1953. 402 с. +120 табл.

Смирнов К.Ф. Проблема происхождения древних сарматов // СА. 1957. №3. С. 3–19.

Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников // АСГЭ. 1981. №22. С. 23–39.

Яблонский А.Т. Саки Южного Приаралья: (археология и антропология могильников). М.: ТИМП, 1996. 185 с.

Яблонский А.Т. Население Южного Приаралья в раннем железном веке (археология и антропология памятников): автореф. дис. доктор. ист. наук. М., 1997. 40 с.

M.K. Kyzyrkhanov

FEATURES OF MOUND CONSTRUCTIONS IN ANCIENT SAKA DURATION

This article is about features of mound constructions in ancient saks. So, mound construction had feature by their burial customs and aims. Early Iron Age's mound constructions are pit, insepion, sometimes vertical objects-menhirs, stone sculpture. By these criteria compared regarded standart monuments, like Uigarak, Tagisken, Shilikty, Bashadar etc.

А. Оразай

*Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы қ., Қазақстан
E-mail: orazay.a@inbox.ru*

А.Н. БЕРНШТАМНЫҢ ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРІН ЗЕРТТЕУГЕ ҚОСҚАН ҮЛЕСІ

Жетісу өңірі көне заманнан бастап халықтардың халықаралық сауда жолдарының күре тамырларының бірі екендігі белгілі. Жібек жолының бірнеше тармақтары осы аймақта түйісіп, Қазақстанның түкпір-түкпіріне жайылған. Халықаралық сауда-экономикалық құрылымының даму ерекшеліктері ұзақ сонар керуен жолдарының бойында елді мекендер мен керуен сарайлар, үлкен қалалар шоғырланатыны анық. Жетісуда осы сауда жолдарының бойында орналасқан ескерткіштер саны бүгінде бірнеше жүздеп саналады десек қателеспейміз. Шу-Талас өңірінен бастап Жоңғар қақпасына дейінгі таулы-далалы аймақта ортағасырлық ескерткіштер тізбектеліп орналасқан. Міне осы ескерткіштердің зерттелу мәселесі археология ғылымында маңызды болып табылады. Жетісу өңіріндегі археологиялық ескерткіштерді зерттеген ғалымдардың қатарынан К.А. Акишев., А.Н. Бернштам., Г.И. Пацевич., Е.И. Агеева., Т.Н. Сенигова., К.М. Байпаков., Т.В. Савельева және т.б. ғалымдарды айта аламыз. Мақаланың негізгі мақсаты А.Н. Бернштамның Жетісу өңіріндегі ортағасырлық ескерткіштерді зерттеуге қосқан үлесін талдау.

Александр Натанович Бернштам шығыстанушы, Орталық Азияны мекендеген түркі тілдес халықтардың тарихын зерттеушілердің бірі. А.Н. Бернштамның Қазақстанның оңтүстік және оңтүстік-шығыс өңірлеріндегі зерттеулері 1933 жылдан басталады. Ғалым сол кезеңде Жетісу археологиялық экспедициясын құрып, өзі Шу және Талас аңғарларына алғаш барлау жұмыстарын жүргізген. 1936-1940 жылдар аралығында А.Н. Бернштам Жетісу археологиялық экспедициясы Жетісу өңірінен 100-ден астам археологиялық ескерткіштерді ашып, нәтижелерін ғылыми айналымға енгізді. Стационарлы қазба жұмыстары жүргізілген ескерткіштер қатарында Тараз, Текабкет, Сусы, Куль, Сарыг секілді және т.б. ескерткіштерді айтуға болады.

1936 жылдан бастап жыл сайын ұйымдастырылып, А.Н. Бернштам басқарған археологиялық экспедициялар солтүстікте Қаратау жоталарынан, оңтүстікте Памир тауларына дейінгі, шығыста Іледен, батыста Зеравшан үстіртіне дейінгі жерлерді зерттеп, Қазақстан мен Орта Азия халықтарының көне тарихына қатысты маңызды мәліметтер жинады. Ол 1930–40 жылдары қазақ-қырғыз тарихына қатысты тың мәселелер көтеріп, сақ-үйсін және түркі дәуірін зерттеуге елеулі үлес қосты. 1942 жылы «Қырғызстан мен қырғыздардың көне дәуірден моңғол-татар шапқыншылығына дейінгі тарихы» деген тақырыпта докторлық диссертация қорғайды (Байғунаков, 2015, 122-132 бб.).

А.Н. Бернштам Қазақстанның оңтүстік-шығыс өңіріндегі ортағасырлық тарихын зерттеуде, қазіргі Қырғыз территориясында археологиялық ескерткіштерге де көп назар аударған. Ғалымның бұл

зерттеулерін 1997-1998 жылдары Қырғызстанда арнайы екі томдық еңбек болып жарияланды (Бернштам, 1941).

А.Н. Бернштам Талас аймағындағы ескерткіштерді тоғыз топқа топтаған: қалалар, ауылдық қоныстар, қамалдар, бекіністер, керуен сарайлар, қорғаныс құрылыстары, жеке соғылған мазарлар, обалар, тұрақтар. Тараз қаласын сәйкестендіру мәселесінде, бірнеше ортағасырлық ескерткіштерге ғылыми сипаттама беріп, ол ескерткіштерді жергілікті халық «турткуль» деп атайтынына тоқталған (Бернштам, 1941, с. 38).

Ғалым Талас алқабының батысында, Молотов колхозының аймағында бір-біріне жақын тұрған екі қоныс орнын анықтап, оларды жергілікті халықтың төрткүл атайтынын, әрі картада бұл нысандар Көктөбе (Кок тубе) деп аталатынын және ескерткіштердің пішіні төртбұрышты немесе төртбұрышқа жақын екендігін айтады (Бернштам, 1941, с. 37–38).

А.Н. Бернштам Талас аймағында ортағасырлық ескерткіштердің бірнеше типі кездесетінін айтып, негізгі белгілеріне тоқталған: «Защитой города и скорей всего оазиса являются крепости с гарнизонами, поставляемыми населенными местностями. ... Это четырехугольное в плане строение, ориентированное по странам света с длиной сторон до 300–350 м. Стены укреплены башнями, въезд в ворота также сильно укреплен башнями, фланкирующими подходы к ним. Резко бросаются в глаза фортификационная продуманность плана, топография развалин и укрепления стен. Культурный слой в таких развалин невелик, однообразен ...» (Бернштам, 1941, с. 39).

А.Н. Бернштамның 1950 ж. шыққан «Чуйская долина (Труды Семиреченской археологической экспедиции)» атты еңбегінде Жетісу өңіріндегі Ақбешім, Кіші Ақбешім, Қызылөзен және Бурана қалалары туралы мәліметтер береді. Зерттеуші Х.Ғ. аяғында Қарахандықтар династиясының құрылуымен Шу өңіріндегі қала құрылымында өзгерістер орын алғанын айтады. Оның ішінде Шу өңірімен қатар, Іле және Тянь-Шаньда қарахандық типтегі қалалармен қатар төртбұрышты пішіндегі қалалардың дамығандығын, әрі мұндай типтегі қалалардың қабырғалары емес, бұрыштары дүниенің төрт бұрышына қарайтыны және цитадельсіз болып келетініне назар аударады (Бернштам, 1950, с. 10–14, 147).

Шу өңіріндегі төрткүлдерді зерттеп жүрген белгілі археолог Е.Ш. Ақымбек өз зерттеулерінде А.Н. Бернштамның еңбектеріне талдау жасап, ғалымның Талас аймағындағы төрткүлдердің үш типі бар деп айтқанына назар аударған (Ақымбек, Шағирбаев, 2019, 43-61 бб.).

Бірінші типтегі кіші төрткүлдер, пішіні төртбұрышты, қабырғаларының ұзындықтары 100 м дейін, бұрыштары дүниенің төрт бұрышымен бағыттас. Мұндай төрткүлдер көбіне ескі керуен жолдарының бойында орналасқан, бұлар бекіністі керуен сарайларға жатады. Мысал ретінде, Тараздан батыста Бірінші Май колхозының жерінде осы типтегі төрткүлді айтуға болады. Аналогиялық қызмет атқарған мұндай төрткүлдердің параллеліне Малдыбай, Мөңке ауылдарының маңындағы төрткүлдерді жатқызуға болады.

Екінші типтегі өзінің пішіні бойынша ерекшеленетін биік төбелер. Бұл ескерткіштер биік төбенің үстіне салынады, мәдени қабаты өте бай келеді. Бұл типтегі зерттелген ескерткіштер қатарына Шөлтөбе (Чуль Тепе), Тастөбе (Тас Тепе), Әулиебастау және басқаларды жатқызады.

Үшінші типтегі цитадельсіз, қабырғалары аса биік емес, пішіндері төртбұрышты немесе дөңгелек келген ескерткіштер. Талас алқабында бұл типтегі ескерткіштер өте көп кездеседі. Бұларды көне ауылдық қоныстар деп атауға болады. Мәдени қабатынан табылған материалдар біркелкі келген, сырлы ыдыстар аз кездеседі (Бернштам, 1941, с. 39–40).

Жетісу өңіріне қатысты зерттеулерінде А.Н. Бернштам бірнеше елдің территориясын қамтитын үлкен тарихи аймақтағы тарихи үдерісті анықтауға тырысты. А.Н. Бернштам ашқан Жетісу өңіріндегі ең ежелгі ескерткіштердің қатарында қола дәуіріне тән Ұзынағаш, Алексеевское және т.б. ескерткіштерді атауға болады. Ғалым өзінің «Прошлое района Алма-Ата. Историко-археологический очерк» атты еңбегінде Жетісудағы ежелгі жерлеу орындарының құрылыстарына ерекше мән береді (Бернштам, 1948). Ондағы жерлеу шұңқырының құрылысы, құрылымы, тонаушылардан сақтау тәсілдеріне тоқталған.

А.Н. Бернштам отандық тарихнаманың дамуына да үлкен үлес қосқан деп айтуға негіз бар. Дегенмен ғалымның бірқатар ойлары әлі күнге дейін пікірталас шеңберінде қалып келеді. Мәселен, «Археологический очерк северной Киргизии» атты еңбегінде Жетісу өңіріндегі ежелгі этностарға қатысты мәселе қозғап, онда усунь-исседон атауын қолданады. Б.А.Бернштамның пікірінше исседон бұл усунь атауының әртүрлі деректерде түрліше аталған нұсқасы болуы мүмкін деген ой айтады (Бернштам, 1947).

А.Н. Бернштам Орта Азия археологиясының қазан төңкерісінен кейінгі кезеңдегі (1917-1920 ж. басы) дамуын қорытындылай келіп былай деп жазды: «Это был в общем послереволюционный»

«бартольдковский период». Лишь в конце 20-х в начале 30-х годов начинаются с более совершенной методикой и не только в Мавераннахрие, но и за его пределами». Сонымен, Орта Азия мен Қазақстан, Талас, Шу өңірлеріндегі ортағасырлық қалалар мен елдімекендердің зерттелу тарихындағы айтылып жүрген «кеңестік кезеңнің бірінші сатысы» (1917-1935 жж.) шын мәнінде 1893-жылы басталған Орта Азия мен Қазақстан археологиясының «бартольддық кезеңінің » жалғасы болды (Бернштам, 1941; Толстов, 1957).

Ақбешім, Қысымшы, Қызыл қала қалаларында жүргізілген қазба жұмыстары мен Үлкен Шу каналын қазу кезінде бұзылған ескерткіштерді зерттеудің барысында Шу өңіріндегі ортағасырлық қалалардың шаруашылығын, құрылыс техникасын, сәулет өнерін, қолөнерін сәулелендіретін аздаған деректер алынды. А.Н. Бернштам осы деректердің негізінде Шу өңіріндегі ортағасырлық қалалардың пайда болуы, дамуы туралы "Соғдылық" үлгіні ұсынды. Дегенмен, 1938-1941 жж. жұмыстар кезінде Шу өңіріндегі ортағасырлық қалалардың толық қамтылмағанын, зерттеулердің тек кейбір қалаларда ғана жүргізілгенін, оларда жүргізілген қазбалардың көлемі шағын, ал қазбадан табылған археологиялық заттардың аз екендігін ескеретін болсақ А.Н. Бернштам ұсынған "соғдылық" үлгінің негізсіз, біржақты екендігін көреміз. Экспедицияның 1938-1941 жж. Шу өңірінде жүргізген зерттеулерінің нәтижелері А.Н.Бернштамның еңбектері мен мақалаларында жазылды (Маханбаева, 2006; Бернштам, 1998).

А.Н. Бернштам өзінің бүкіл шығармашылық өмірін ежелгі дала тұрғындарының әлеуметтік құрылымы, басқа халықтармен өзара байланысы, қоныс аудару жүйесі мен саяси тарихына арнаған деп айтуға болады. Соның ішінде Жетісу өңіріндегі ортағасырлық ескерткіштердің зерттелуіне де үлкен қосқан ғалымдардың бірі.

Әдебиеттер

Ақымбек Е.Ш., Шагирбаев М.С. Шу-Талас өңірлеріндегі ортағасырлық төрткүлдердің зерттелу тарихы // Қазақстан Археологиясы. 2019. №1 (3). 43–61 бб.

Байгунаков Д. Көне Қазақстанды зерттеген ғалымдар. Бірінші кітап. Алматы: «Credos LTD С» баспасы, 2015. 176 б.

Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе: Издание Комитета Наук при СНК Киргизской ССР, 1941. 112 с.

Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. II. / Сост.: К. Ташбаева, Л. Ведутова. Бишкек: «Айбек», 1998. 704 с.

Бернштам А.Н. К вопросу об усунь (кушан и тохарах) // Советское этнография. 1947. №3. С. 41–47.

Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1941. 87 с.

Бернштам А.Н. Прошлое района Алма-Ата. Историко-археологический очерк. Алматы, АН КазССР. 1948. 46 с.

Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. №14. 249 с.

Маханбаева Н.Н. А.Н. Бернштам как исследователь археологических памятников Жетысу // Известия НАН РК. 2006. №1. С. 208–217.

Толстов С.П. А.Н. Бернштам // Советская этнография. 1957. №1. С. 178–180.

A. Orazai

CONTRIBUTION of A.N. BERNSTAM to the STUDY of MEDIEVAL MONUMENTS of SOUTH-EASTERN KAZAKHSTAN

The article analyzes the contribution of A.N. Bernshtam's study of medieval monuments from South-Eastern Kazakhstan. It is known that one of the ways of international trade of arteries from ancient times of the peoples of the Zhetysu region.. In the mountain-steppe zone from the Shu-Talas region to the Dzungarian gate, medieval monuments are consistently located. Here is the question of studying these monuments is important in archaeological science. Among the scientists who have studied the archaeological sites of the Zhetysu region, K.A. Akishev, S.N. Bernshtam, G.I. Patsevich, E.I. Ageeva, T.N. Senigova, K.M. Baypakov, T.V. Saveleva, etc. Main goal of this article is to analyze the contribution of A.N. Bernshtam in the study of medieval monuments of Zhetysu.

МУЗЕЙ – КИЕЛІ МЕКЕН

Қазақ халқының шежірелі тарихының сүбелі бөлігін құрайтын оңтүстік өлкесі табиғаты мен тарихы, ежелден желісі үзілмей жеткен салт-дәстүрлерін, әдет-ғұрыптарын, мәдениеті мен өнерін паш ететін киелі мекен. Тәуелсіздік алғаннан бері ұлттық мәдениетімізді дамытуда мемлекет тарапынан қаншама маңызды қадамдар жасалуда. Бүгінгі күні ғылыми және мәдени ортада зор серпіліс туғызып, қоғамымызды рухани жаңғыртуда маңызды рөл атқарып келе жатқан Елбасының бастамасымен қабылданған «Мәдени мұра», «Халық – тарих толқынында» бағдарламаларын айтуға болады. Осындай мемлекеттік маңызы зор игі шаралардың жалғасы ретінде Елбасының «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» мақаласын атап өтуге болады. Елбасымыз бұл мақаласында дәуіріндегі қазақстандық мәдениеттің бүгінгі мен болашағына үлкен мән береді: «Біз ХХІ ғасырдың жаһандық картасында ешкімге ұқсамайтын, дербес орны бар ұлт боламыз десек, «Жаһандағы заманауи қазақстандық мәдениет» жобасын іске асыруға тиіспіз. Әлем бізді қара алтынмен немесе сыртқы саясаттағы ірі бастамаларымызбен ғана емес, мәдени жетістіктерімізбен де тануы керек», - деген болатын (Akorda.kz). Халықтың рухани дамуының бірден-бір мүмкіндігі өмір болмысын халық тағдырын бейнелейтін мәдени ошақтардың басты саласының бірі – музей саласы екені белгілі. Халықтың рухани қоры негізінен музейлерде шоғырланған. Сол себепті рухани жаңғыру ісінің ең негізгі арсеналы – музейлер деп айтуға болады. Сондықтан рухани жаңғыру ісінде музейлердің алатын орны ерекше. Қазіргі таңда жәдігерлерді жинақтап, сақтап, бұқара халыққа таныстырып, кеңінен таратып, болашақ ұрпаққа насихаттап келе жатқан Түркістан облыстық тарихи-мәдени – этнографиялық орталық музейінің негізі 2011 жылы тұңғыш президентіміз, Елбасының «мәдени мұра» бағдарламасы аясында құрылған. 2011 жылы ашылған бұл орталық ғимараты заман талабына сай салынып, оны Қазақстан Республикасының Тұңғыш Президенті Н.Назарбаев салтанатты түрде ашқан болатын. Егемен еліміздің жетістіктерін, ұлттық мәдениетіміз бен құндылықтарымызды насихаттауда ұрпақ тәрбиесінде маңызды орынға ие облыстық музей бүгінде өлкемізге алыс-жақыннан келіп-кетіп жататын қонақтар мен жергілікті қауымның игілігіне айналып отыр. Республикамыздағы жаңадан құрылған музейлердің бірі саналатын Түркістан облыстық тарихи – мәдени – этнографиялық орталықтың музейінің бүгінгі таңда 6826 мыңнан астам жәдігерден тұратын қоры бар. Әрбір жәдігер өткен тарихымыздан сыр шертеді. Жәдігерлердің әрқайсын музей қызметкерлері бір даналап жинақтап, келешек ұрпаққа аманат етіп қалдыруды мақсат етіп келеді. Оңтүстік өңірде киелі жерлер көп. Қасиетті Арыстан баб, Қожа Ахмет Ясауи, Ибраһим ата, Қарашаш ана кесенесі осы аймақта орналасқан. Мәселен, Арыстан баб кесенесі жанында емдік қасиеттері бар өте тұзды сулы құдық бар десе, түркі халықтары Түркістан қаласын екінші Мекке ретінде санайды. Ал, Сайрам ауылындағы ХІХ ғасыр сәулетінің тарихи ескерткіші Қарашаш ана кесенесі Қожа Ахмет Ясауидің анасына арнап салынған. Сондай-ақ, осы ауданда Ибраһим ата кесенесі бар. ХІ ғасырда Сайрам ислам дінін тарату ошағы болды. Мұнда көптеген діни ұстаздар мен ғалымдар тұрды (Сыздықов, 1992, 85-92). Ал Түркістан қаласындағы 1396-1399 жылдары Әмір Темірдің бұйрығымен салынған Қожа Ахмет Ясауи кесенесі ХІХ ғасырдың соңына қарай тарихи-мәдени мұра ретінде ғылыми тұрғыдан зерттеле бастағаны мәлім. Өңірдің әр ауданында аңыз болып тараған әулие-әмбиелер жатқан жерлер мен ескерткіш, кесенелер де жетерлік. Өңірде сонымен қатар табиғаты тамаша көрікті жерлер мен аңыз ретінде танылған киелі орындар да бар (Өметұлы, 2000, 7-16). Бүгінде «Қазақстанның киелі жерлер географиясы» жобасына күнгейден 100 орынның тізімі ұсынылып отыр. Солардың арасында көпшілік біле бермейтін жерлерді музей кеңістігінде арнайы тақырыпты экскурсиялар негізінде таныстыру жұмыстары жүргізіледі. Қазіргі заманға сай музейлер әр түрлі көздер негізінде дамитын, аймақтың тарихы, мәдени мұрасы және қоршаған ортасы туралы мәліметтер базасын құратын, сол арқылы қоғам өміріне әсерін көрсететін ақпараттық және әлеуметтік-мәдени орталыққа айналуы керек. Осылайша, музейдің эволюциясы дереккөздерді музеефикациялау әдісіне де, музей байланысының сипатына да өзгеріс енгізеді (Әбжанов, 2018). Экспонат сақтау қызметінен басқа тарихи және мәдени ескерткіштермен тікелей байланыста болатын музей, тікелей коммуникация, ақпарат көрсету байланысына ауыстырылды (Бедельбаева, 2018, 243-244). Археологиялық тақырыптың ақпараттық әлеуеті ауызшағана емес, ол аналогия негізінде зерттеуші анықтаған және тақырыпты түсіндіруге көптеген ақпарат тартады. Музей іс-әрекетінің түпкілікті өнімі

музейдің ресурстық базасы, қызықты тұтынушылық шындықтың ақпараттық бейнесі болады, материалдық-кеңістіктік ортаның тарихи-мәдени мәні. Мәліметтерді кең аудиторияға жеткізуге мүмкіндік беретін туристік компания музейдің ұзақ мерзімді серіктесі болуы, туристік компаниялар адамдарды өздеріне ыңғайлы белгіленген бағыттар бойынша музей қызметін әрі қарай жалғастыруымен сипатталады. Бірақ қол жетімді турлар экскурсия әдістемесіне сәйкес келмейді және көруге қызықты объектілердің кішкене бөлігін ғана қамтиды. Осы бағыттағы басқару музей қауымдастығына тиесілі болуы және музей мен туристік кешендер құру бастамасын қолға алу керек. Музей коллекциялары мен мәдени мұра объектілерін үйлестіру, тексеруге қол жетімділік, экскурсия нысандары орналасқан аудандардың инфрақұрылымын жақсарту қажеттілігі аймақтағы рекреациялық мүмкіндіктерді дамытуға ғана емес, сонымен қатар қасиетті жер ескерткіштерін сақтау мәселесін шешуге де көмектеседі. Музей объектісінің аймақтың экскурсиялық әлеуетімен үйлесуі мәселелерін кеңейтуге және қасиетті мәдени мұрасы бар аймақтар арасындағы байланыстарды күшейтуге, музей аудиториясын кеңейтуге мүмкіндік береді. Кез келген елді мекен мәдени-ағартушылық туризм үшін ресурстардың минималды жиынтығын ұсына алады, бірақ оның жаппай дамуы қасиетті мұра нысандарының белгілі бір шоғырлануын талап етеді (Бедельбаева, 2018, 244-247). Қасиетті жерлер ескерткіштері мен мәдени-ағартушылық туризм саласы - бұл мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарлама мен ұлттық стратегиялық жобасы барысында ғылыми зерттеулердің арқасында қол жеткізілген ғылыми зерттеулердің жоғары деңгейі. Түркістан облысының аумағы тартымды табиғи және рекреациялық ресурстармен шоғырланған ерекше қасиетті ескерткіштердің үлкен жиынтығы болып табылады, олар көшпенділердің жерлеу орындары, тас және жер қорғандары, петроглифтердің орналасқан орны, ескі қоныстардың қирандылары, ғибадат орындары және көптеген архитектуралық ескерткіштер (Қабылбекова, 2013, 13-18). Олардың ақпараттық және интеллектуалдық әлеуеті экскурсиялық бағыттарды дамытудың маңызды көзі болып табылады және аймақтағы тарихи-мәдени туризмнің дамуының берік негізін құрайды. Экскурсия жасау кезінде танымдық құндылығы, эксклюзивтілігі мен қауіпсіздігі тұрғысынан көптеген ескерткіштер ішінен ең қызықтысын таңдау қажет. Экскурсияның ерекше объектілері экскурсия материалын қабылдауға толық визуалды негіз беру үшін және тақырыптың толық қамтылуы, экскурсиялық дисплей тұрғысынан ең оңтайлы көлік - панорамалық маршрут болып табылады. Технологиялық картаға бірнеше кезеңдерді қосуға болады. Экскурсияның бастапқы кезеңі қатысушыларды мұражай экспозициясымен танысу, мұнда қазақ халқының материалдық мәдениеті нысандарының ежелгі артефактілерінің сәтті үйлесімі ұсынылады. Түркі тас мүсіндері, киіз үйді безендіру, содан кейін қасиетті жерлерді аралау келушілерге ұсыныла алады. Қазақстанның барлық аймақтарында «Киелі жерлер географиясы» жобасының іске асуынан бастап, республиканың қасиетті жерлерінің картасына еңгізілуі тиіс бірегей ескерткіштерді іздестіру күшейе түскен. Өз тарихымызды біле отырып, біз болашаққа сеніммен қараймыз. Осыған байланысты археология саласы айтарлықтай үлес қосады. Көшпенділердің мәдениетінде жазбаша тіл болмағандығын, толассыз жоңғар соғыстары және қазақтар үнемі көшіп-қоныстанғанын ескерсек, бұл олқылықты не толтыра алады? Тек археология мен эксперттер еңбегі негізінде ғасырлар қойнауынан табылған артефактілер яғни, құралдарды, ыдыстарды, қару-жарақтарды, зергерлік бұйымдарды музейлер кеңістігінде көре отырып біз ата-бабаларымыздың қалай өмір сүргенін, қалай жұмыс істегенін, шеберлердің қандай болғанын түсінеміз. Қазіргі заманғы қалпына келтірушілер (реставраторлар) алыс ғасырларда жасалған көптеген өнімдердің бүгінде жасалыну әдістерінің қайталануы мүмкін еместігін мойындайды. Мәселен, ежелгі шеберлер алтыннан, қымбат металдан жасалған фольганы күн сәулесі көрінетіндей етіп өңдей алған. Оны өңдеудің қазіргі кезде салыстырмалы әдісін табу мүмкін емес. Бұл біздің ата-бабаларымыз елестете алмайтын заманауи технологиялар мен тәсілдердің қолданғандарының айқын дәлелі. Басты сұрақ, көшпелі халық бола отырып, өткен жылдардың шеберлері қалай осындай нәтижеге қол жеткізді? Сондықтан ұлы дала халқының ата-бабалары не істей алатынын білу өте маңызды. Тарихты зерделеу, музейлер мен қасиетті нысандарды аралау арқылы біз ғасырлар бойы жасырынған күшке ие бола аламыз (Байпаков, 1971, 29-34). Негізгі мақсат - сананы жаңғырту, таныс заттарға деген көзқарасты өзгерту. Бізге қазіргі кезде мүлдем жаңа шындықты өмір сүріп жатқанымызды түсіну қажет. Кеше кетті, бірақ бүгін ше? Ең бастысы - ертең не болады? Қоғамдық сана мұндай өзгеріске дайын ба? Кез-келген жолмен, жалғыз дұрыс жол - идеология қалыптастыру. Жаңасын ойлап табудың қажеті жоқ. Дұрыс және іргелі идеология тек өткенге, ата-бабаларымыздың даналығына ғана негізделуі мүмкін. Осыған орай, археология, өткен ғасырлардан сыр шертер архитектура ескерткіштері, музей экспозициясы өте керемет мәнге ие болады, оны асыра бағаламау мүмкін емес. Рухани орындалудан бас тартпай, зайырлы өмір салтының ережелерін қабылдау қажет. Бұған дейін кесенелерде тәу етуге тыйым салынған, өйткені діни көзқарас абсурдтық деңгейге жеткізілген. Біздің міндетіміз - қасиетті және

рухани маңызы бар жерлерді қажылық емес, туристік нысандарға айналдыру. Қазақстанның киелі жерлерін елмен байланыстыру керек - мысалы, Риммен Колизей, Парижмен Нотр-Дам соборы, Ежелгі Египетпен бірге Египет пирамидалары, біздің кесенелер, қасиетті нысандар мен музейлер Қазақстанмен байланыстырылып, біздің елге келуге себеп болуы керек. Қасиетті жерлер Қазақстанның туристік брендіне айналуы керек, бұл іс – әрекетті жүзеге асыруда музей кеңістігінің алар орны ерекше екенін ұмытпау қажет. Қасиетті жерлер географиясы – жалпы адамзаттық құндылықтармен біте қайнасқан әрі оны әрлендірген ұлттық құбылыс. Демек, Елбасымыздың мақаласындағы: «тарихта тұтас ұлттардың ешқашан орындалмайтын елес идеологияларға шырмалып, ақыры су түбіне кеткені туралы мысалдар аз емес. Өткен ғасырдың басты үш идеологиясы – коммунизм, фашизм және либерализм біздің көз алдымызда күйреді» деген қағиданы басшылыққа алумен коммунистік елестен бір жолата қол үзгеніміз жөн. Тәуелсіздігімізді әлем мойындаған шақта рухани жаңғырудағы, қоғамдық санадағы, ономастикадағы ұлттық, мемлекеттік мүддемізді басымдықпен алға шығарып, қасиетті жерлерімізді әліппеде ұлықтаудан заң күшімен қорғауға дейін қисынды жүйелей алсақ, ешкім қазақты ұлтшылдықпен айыптай алмайды. Қасиетті нысандарды қоршаған елді мекендер атауы, жер-су ономастикасы – бәрі ұлттық-тарихи реңкпен ерекшеленгені абзал. Қасиетті жерлер географиясы атауларын қоғамдық санада төл тарихымызбен ажырағысыз байланыста орнықтыру арқылы қазақстандық патриотизмнің іргетасы – жерге, тілге, мемлекетке құрметімізді нығайтамыз. Бұл қазақ жеріне көзін тігіп жүрген басқаларға да сабақ болғанына қоса, ұлттық тіліміздің мәртебесін, мемлекетшіл санамыздың деңгейін арттырады сөзсіз. Қазақстанның киелі жерлерінің географиясы» жобасын жүзеге асыру мақсатында кең көлемді кешенді зерттеу жүргізу, материал жинақтау үшін Қазақстанды түгел қамтитын ғылыми-зерттеу және дала экспедицияларын өткізу жоспарланғаны белгілі. Бұл жұмыстарға танымал ғалымдар, тарихшылар, археологтар, этнограф, жергілікті өлкетанушылар тартылды. Өңірлік қоғамдық ұйымдар, жергілікті өлкетанушылар, Қазақстанның архивтері мен музейлері бірлесе отырып еліміздегі қасиетті жерлердің тізімін жасау, солардың негізінде «Қазақстанның киелі жерлерінің картасы» атласын жасау, оған жалпыұлттық құндылығы бар нысандарды қосу негізгі мақсатқа айналып отыр. Қазақстан дейтін Ұлы Дала киелі де қасиетті жерлерге толы. Ол жерлерді қадірлеп-қастерлеу – бүгінгі ұрпақтың парызы. Тасын түртсең тарих сөйлейтін, кие тұнған Қазақстан – рухани дәстүрдің бастауы. Олар – ғасырлар бойы ұрпақтан – ұрпаққа жалғасып келе жатқан дәстүріміз. Осы дәстүрдің жібі үзілмей жалғасуында музей, музей қызметкерлерінің орны да ерекше.

Әдебиеттер

- Әбжанов Х. «Сакральды география. Ол не?» // Егемен Қазақстан газеті. 28.02.2018.
- Әметұлы Ө. «Көнеден жеткен жәдігер қала» // «Түркістан Салтанаты». Анкара: «Nurol A.S», 2002. 7-16 бб.
- Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древние города Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1971. 211 с.
- Бедельбаева М.В. «Место и роль музея археологии и этнографии в концепции устойчивого развития историко – культурного туризма» // Сборник материалов международного научно-практического семинара «Историко – культурное наследие и современная культура». Алматы, 2018. С. 243-244.
- Қабылбекова Г. Шежірелі Түркістан // Ордабасы газеті, 2013. 13-18 бб.
- Назарбаев Н. «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» атты мақаласы Akorda.kz, www.akorda.kz/kz/events/akorda_news Қазақстан Республикасы президентінің ресми сайты, 12.04. 2017.
- Сыздықов К., Жолдасов С. «Облыс мәдениеті қазіргі кезде» // «Ата қоныс» газеті, 1992. 85-92 бб.

D.R. Tauasarova

THE MUSEUM IS A SACRED PLACE

The spiritual foundations of the people are mainly concentrated in museums. That is why museums are the main arsenal of spiritual revival. That is why museums play an important role in spiritual modernization. Modern museums should be transformed into information and sociocultural centers that rely on various sources, create databases on the history of the region, cultural heritage and the environment and, thus, affect the life of society. Thus, the development of the museum will change both the method of musicification of sources and the nature of museum communications. In addition to exhibiting services, the museum has been transformed into a direct museum, direct communication and information communication with historical and cultural monuments.

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ПЕРВЫХ ГОРОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ ВЫДЕЛЕНИЯ

Формирование первых городов на территории Казахстана сложный и многоуровневый процесс. Формирование городской среды на территории Казахстана является важным моментом в истории любого народа. Важным вопросом является само понятие «город», что можно считать городом. На территории Казахстана этот вопрос очень актуален в деле исследования древних городов.

Традиционные вопросы к возникновению «города» объединяют это понятие во многих параметрах: функциональное назначение, хозяйственный профиль, административное значение и др (Бабюх, Кайсарова, 2014, с. 417).

Возникновение городов на территории Средней Азии и Казахстана связано, прежде всего, с социально-политическим уровнем развития общества. Доказательством тому служит тот факт, что образование и развитие городов происходило как в земледельческих, так и в кочевых культурах (Данилов, 2004, с. 7).

Вопрос о самом определении города, а именно какие из населенных пунктов считать городами, относится к одному из двух главных общих вопросов, которые возникают при изучении городов (Хорев, 1975, с. 39).

И. М. Дьяконов отмечает, что до середины I тыс. до н.э. в Передней Азии не было терминологического разграничения «города» и «деревни» (Дьяконов, 1973, с. 31).

Неустойчивость терминологии, связанной с выделением городов, отмечал В.Д. Блаватский для античного времени (Блаватский, 1963, с. 9). Его утверждение актуально так же и для городских центров Центральной Азии и Казахстана.

Проблема взаимодействий кочевых и оседлых культур, цивилизаций, является фундаментальной проблемой в деле изучения истории Казахстана и Средней Азии.

Эта проблема предусматривает исследование различных аспектов ее направления. В первую очередь это связано с археологическим изучением развития и сосуществования в Казахстане кочевого скотоводства и земледелия, а также изучение генезиса города на стыке двух цивилизаций – кочевой и оседлой.

Эти процессы рассматриваются на протяжении хронологического диапазона от эпохи раннего железа до средневековья (от V в. до н.э. до XIV в. н.э.) с выходом на позднесредневековый период (XV-XIX вв.).

Стоит отметить, что вопросы появления древнего города касаются так же и эпохи бронзы. В связи с тем, что некоторые крупные поселенческие комплексы эпохи бронзы не соответствуют понятию «город», лишь из-за количественных критериев.

Изучаются вопросы, связанные также с взаимодействием оседлости и кочевничества в конкретных регионах; исследуется, какое из этих направлений экономики преобладало в те либо иные периоды истории, каковы были общие тенденции развития общества и насколько справедлив тезис, который констатирует линию его развития «от кочевий к городам». Он подразумевает подавляющее доминирование кочевого скотоводства с постепенным оседанием части населения, переходом его к занятию земледелием, ремеслами, торговлей и в целом к урбанизации общества (Плетнева, 1967, с. 180-189).

Определенные сложности при выделении древних городов на территории Казахстана представляют основные общепринятые критерии, которыми руководствуются исследователи. По этим критериям древние населенные пункты, в особенности в эпоху бронзы, располагавшиеся на территории Казахстана можно отнести лишь к поселениям, реже к протогородам.

Основными критериями, часто применяемыми исследователями в выделении, как древних, так и средневековых городов являются:

1. Площадь более 15 га;
2. Производственные и ремесленные кварталы;
3. Наличие торговли на малые и дальние расстояния;
4. Численность населения от 5-10 тыс. человек;
5. Наличие монументальных общественных и религиозных построек;

6. Наличие фортификационных укреплений.

Критерий наличия, каких-либо фортификационных укреплений довольно часто подвергается критике, т.к. многие города Месопотамии, Мезоамерики, Центральной Азии, Казахстана (Кент) как в древности, так и в средневековье (золотоордынские города), фортификационных сооружений не имели, сохраняя при этом все типичные черты, присущие городу. Таким образом, данный критерий никак не может быть использован как универсальный, а лишь вспомогательный.

Как мы уже ранее говорили, многие древние города Казахстана по общепризнанным критериям выделения города, не являются таковыми, т.к. не соответствуют количественным показателям города (население, площадь).

Так, городище Кент, находящееся в 220 км к ВЮВ от г. Караганды, соответствует 5/6 критериев, представленных выше, что еще раз доказывает второстепенность критерия о наличии фортификационных сооружений. Данный памятник датируется временем существования бегазы-дандыбаевской культуры на основании анализа валиковой керамики XII – X вв. до н. э. (Варфоломеев, Ломан, Евдокимов, 2017, с. 73; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 13-14), в то же время раскоп б данного поселения датируется второй половиной XIV-XI вв. до н.э (Бейсенов, Варфоломеев, Касеналин, 2014, с. 141).

Городская культура, развивавшаяся преимущественно на юге Казахстана и в Жетысу, являлась северным «форпостом» городских цивилизаций, т.к. севернее, большие пространства населяли кочевые племена. Именно соседство и взаимодействие оседлой и кочевой культур являются одной из особенностей процесса урбанизации на территории Казахстана.

Схожего мнения придерживалась Э.В. Сайко (Сайко, 1973, с. 77), отодвигая, однако, границы городской цивилизации южнее и «прочерчивая» ее по южнотуркменистанским памятникам Алтын-депе и Намазга-депе.

Недостатком количественных критериев в выделении древних городов, располагавшихся на территории Казахстана, является их слишком условный характер. Из-за достаточно позднего начала урбанизационных процессов на территории Казахстана многие города «стали соответствовать» этим критериям лишь в раннем средневековье.

Неравномерность урбанизационного процесса хорошо просматривается в особенностях его развития и в Средней Азии.

К.М. Байпаков выделял следующие этапы в историческом развитии Семиречья (Жетысу):

1. Палеолит и неолит – время бродячих охотников и собирателей; неолит и энеолит – переход к производящему хозяйству – земледелию и скотоводству.

2. Ранняя и средняя бронза – период оседлости и занятия земледелием, а также пастушеским скотоводством, развитие яйлажного скотоводства. Эпоха поздней бронзы – время появления кочевого скотоводства и, как следствие этого, – переход населения к кочевничеству.

3. Начиная с VIII-VII вв. до н.э. и вплоть до V в. н.э. следует эпоха ранних кочевников (саки, усунь, хунны), сочетание скотоводства и земледелия.

4. В эпоху раннего средневековья VI-VIII вв. под влиянием ряда внутренних и внешних факторов происходит оседание кочевников, появление земледельческих поселений, затем перерастание их в города, а также развитие урбанизации.

5. В IX – начале XIII в. идут интенсивные процессы седентаризации, рост урбанизации в Жетысу, появляются районы городской жизни.

6. В результате монгольского нашествия оседлая и городская культура претерпевает коллапс. Урбанизация гибнет во второй половине XIII – начале XV в.

7. Наступает период, когда население Жетысу переходит к скотоводству и кочевничеству. Однако традиции оседлости и земледелия сохраняются у казахов в позднее средневековье в XV-XIX вв.

Следуя этой схеме развития, следует отметить, что скотоводство, в том числе и кочевое, в VIII в. до н.э. – VIII в. н.э., а затем в XV-XVIII вв. на отрезке времени в 1400 лет доминировало и составляло основу социально-хозяйственной и культурной жизни населения (Байпаков, 2012, с. 140).

Данная схема применима так же к обширным территориям Казахстана, варьироваться могут лишь датировки на местах.

Отбросив количественные критерии выделения города, стоит отметить, что многие казахстанские памятники, именуемые «поселениями», в полной мере могут именоваться городами.

Абсолютно верным является то, что количественные критерии необходимы в выделении древних городов, дабы отсеять большую часть «деревень». Однако, по нашему мнению, в связи с запоздалыми урбанизационными процессами на территории Казахстана, связанными, в том числе и с медленной седентаризацией кочевого населения, количественные критерии стоит изменить на следующие:

1. Площадь городов не менее 4 га, при плотной городской застройке;
2. Население от 3 тыс. человек.

Можно согласиться с выводами В.В. Варфоломеева (Варфоломеев, 2011, с. 86-89) о наличии древних городов (на примере Кента) на территории Казахстана, появившихся в период поздней бронзы, тем самым сдвинув хронологические рамки зарождения городской культуры и начала процесса урбанизации с раннежелезного века на эпоху поздней бронзы.

Таким образом, при изучении древнего поселенческого комплекса стоит уделять особое внимание, применению некоторых существующих универсальных критериев, опираясь в первую очередь на специфику урбанизационных процессов на территории Казахстана в древности. Эти выводы применимы так же и к средневековым городам южной зоны Казахстана и Жетысу.

Литература

Бабюх В.А., Кайсарова Ж.Е. Понятие «Город» и типологизация городов: проблемы соотношения при определении даты возникновения городских поселений // Вестник Казанского технологического университета. 2014. №17(20). С. 417-422.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга I. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы - раннем средневековье. Алматы, 2012. 390 с.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Касеналин А.Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 192 с. +20 с. цв. илл.

Блаватский В.Д. Античный город // Античный город. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 7-31.

Варфоломеев В.В. Кент – город бронзового века // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011). Алматы, 2011. С. 85-96.

Варфоломеев В.В., Ломан В.Г., Евдокимов В.В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институтының баспа тобы, 2017. 338 с.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. М.: БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.

Дьяконов И.М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э.: (По материалам Ура) // Города и торговля: III тыс. до н.э. Ереван, 1973. С. 30-64.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учебное пособие. Караганда: КарГУ, 2002. 138 с.

Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 200 с.

Сайко Э.В. Становление города как производственного центра (Формирование экономической основа - ремесла. Средняя Азия). Душанбе: Дониш, 1973. 112 с.

Хорев Б.С. Проблемы городов. М.: Мысль, 1975. 428 с.

A.N. Fedorchuk

TO THE FIRST CITIES QUESTION ON THE TERRITORY OF KAZAKHSTAN: ALLOCATION OF SIGNS

An important issue in the study of the ancient cities of Kazakhstan is the definition of the city and its differences from the settlement. For this, criteria for the allocation of the city were created. However, some criteria may not be suitable for ancient Kazakhstani cities. This article will help to consider the problem of quantitative criteria for identifying ancient cities located on the territory of Kazakhstan.

Д.Ә. Талеев

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: doc19_59@mail.ru

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫНЫҢ ЗАҢҒАРЫ

Қазақстан археологиясының қалыптасуына, Халықаралық Ұлы Жібек сауда жолының тарихын зерттеуге, Қазақстанда қала мәдениетінің пайда болып, дамуын зерттеуге, Тәуелсіз Қазақстанның археологиялық ғылыми орталығын құрып, дамытуға, кәсіби мамандарды дайындауға, археологиядан халықаралық ғылыми-тәжірибелік байланысты қалыптастыруға үлкен үлес қосып жүрген, қазақтың айтулы азаматы, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Ұлттық ғылым академиясының академигі Карл Молдақыметұлы Байпақов тірі болғанда биыл 80 жасқа (17.11.2020 ж.) келер еді.

Карл Молдақыметұлы Байпақов Қазақстанда археология ғылымын қалыптастырып, ғылыми жолға қоюшы, ұлттық археологияның іргетасын қалаушылар Ә.Х. Марғұлан мен К.А. Ақышевтің әрі шәкірті, әрі үзеңгілес әріптесі еді деуге болады.

1940 жылдың суық күзінде (17.11.40), қарапайым тарихшылар Молдақымет пен Лидияның отбасында дүниеге келген Карлдың тарихшы-археолог болуы заңды құбылыс деуге келеді. Өйткені оның бүкіл балалық шағы Талғар қаласының маңындағы ортағасырлық қаланың қираған орнында пайда болған төбенің маңында өткен. Бала күннен қыш ыдыстардың сынықтарын жинап өскен жасөспірім Карл археологияның тарихтың құпия беттерін ашуға қосар үлесінің мол екендігін жазбай таныған болса керек. Дүниеге келгеннен кейін көп ұзамай басталған сұрапыл соғыс (1941 ж.) оны әкесінен мәңгі айырды. Танк әскерлерінің гвардия аға лейтенанты Байпақов Молдақымет 1944 жылы наурыз айының 3 күні Украина жерінде, Корсунь-Шевченко операциясы кезіндегі ұрыста ерлікпен қаза тапты. Мектепті алтын медальмен бітіргеннен кейін Карл Молдақыметұлы Ленинградтағы А.А. Жданов атындағы мемлекеттік университетінің археология кафедрасына түсті. Туғанан зерек жас ізденуші университет қабырғасынан бастап ортағасыр қалаларын зерттеуге көңіл қояды. Университетте ол Ресей археологиясының атақты майталмандары М.А.Артамонов, М.П.Грязнов, В.Ф.Гайдукевич, П.И.Борисковский, Б.Б.Пиотровский, В.М.Массн секілді профессорлардан дәріс алған.

П.И. Лерх, В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам секілді шығыстанушылардың Қазақстандағы зерттеулерімен танысқан ол әдегеннен ортағасырлық қалаларды зерттеу мәселесіне қызығады. Студент кезіндегі ғылыми жетекшісі В.М. Массонмен бірге Түркіменияға экспедицияға барып, Каратөбе, Алтынтөбе секілді мекен-жайларда жүргізілген қазбаларға қатысты. Қарақұм каналы салынып жатқан аймақтағы Хауз-хан қалашығын қазуға, әйгілі Мервтің орнында жүргізілген қазбаларға араласты. Әріптесі, әрі ескі досы К.А. Ақышовтың өтініші бойынша В.М. Массон Карлды ортағасыр археологиясына баулыды. 1962 жылдың жазында Тараз археологиялық экспедициясына шақырылған Карл Байпақов іс сапармен Отырар өңіріне барып, ондағы Отрартөбе, Көкмардан, Құйрықтөбе, Алтынтөбе, Мардан-Күйк, Пшақшытөбе секілді қалашықтармен алғаш танысады. Осы сапар барысында жиналған материалдар негізінде Студент – археологтардың бүкілодақтық конференциясында «К вопросу о локализации главного города Отрарского оазиса в IX-XI вв» атты тақырыпта жасаған баяндамасы арнайы жинақта жарияланды. Кейіннен «Отрартөбе и городища Отрарского оазиса в средние века» тақырыбына диплом жұмысын жазып, оны аброймен қорғады.

1963 жылы университеті тамамдаған жас маман сол жылы Қаз ССР ҒА жанындағы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих, археология және этнография институтының аспирантурасына конкурс бойынша қабылданады. Аспирантурада жүрген кезде Жетісудың қалаларын зерттеуге ден қойды. Жетісу археологиялық экспедициясының құрамында К.А. Ақышевтің жетекшілігімен жүргізілген үйсіндердің мекен-жайы Ақтас пен ортағасырлық Құлан қаласының орнындағы қазбаларға қатысты. Балқаштың күнгей бетінде, Іленің көне арнасында және солтүстік-шығыс Жетісуда жүргізілген археологиялық зерттеулер ғылыми қорытындыланды. Қазір көпшілікке жақсы танымал Антоновка қалашығы ортағасырлық Қойлық қаласының орны екендігін Байпақов сол кездің өзінде шамалаған болатын. 1966 жылының жазында Іле Алатауының бауырайындағы Талғар қалашығы мен Есік, Түрген аймақтарының ескерткіштері зерттелді. Жетісу экспедициясының құрамында жүріп жинаған ғылыми мәліметтер «Раннесредневековые города и поселения Семиречья (VI-XII вв.)» деген тақырыпқа кандидаттық

диссертацияны К.А. Ақышовтың жетекшілігімен жемісті қорғауына негіз болды. Археологиядан ғылыми жұмысты дер кезінде аяқтау өте сирек кездесетін құбылыс. Қазақстан археологиясының тарихында аспирантураға бөлінген мерзім аралығында ғылыми диссертация жазып, өз уақытында қорғағандардың бірі ұстазы Акшевтен кейін осы К.М. Байпақов болатын. Өзіндік жергілікті ерекшеліктері мен қатар Шу, Талас өңірі мен Оңтүстік Қазақстанның қала мәдениеттерімен ортақ белгілері бар жаңа қалалық өркендеу аймағының ашылуы кандидаттық зерттеудің басты жаңалығы болды. Диссертациялық зерттеудің барысында Карл Молдақметұлы Жетісу өңірі қалаларының археологиялық картасын жасап, оларды қалашықтар, ауылдық мекен-жайлар, бекініс-қалашықтар, төрткүлдер, керуенсарайлар деген түрлерге топтастырды. Жетісу қалаларының мерзімделу жүйесін жасады.

Қазақстан археологиясының қарқынды даму жолына түскен ХХ ғасырдың 60-70 – жылдары Жетісу мен Оңтүстік Қазақстанның ежелгі және ортағасырлық қалаларын зерттеу ісі кең қанат жайды. К.А. Ақышевтің бастауымен Оңтүстік Қазақстанның Арыс, Бадам өзендерінің бойы мен Сырдарияның ортаңғы ағысындағы қалаларды зерттеу қолға алынды. Карл Молдақметұлы осы зерттеулердің қайнаған ортасында жүрді. Алғашқыда Қазақстан ғылым академиясының тарих, археология және этнография институтының кіші ғылыми қызметкері ретінде еңбек жолын бастаған Карл Молдахметұлы 1971 жылы аға ғылыми қызметкер дәрежесіне көтерілді. 1973 жылы осы институттың ортағасыр археологиясы бөлімін басқарып, археология музейін алғаш құруға үлес қосты.

1969 жылы Қазақстан археологиясының зертханасына айналған Отырар қаласының орнындағы қазба жұмыстары басталды. Ғылыми зерттеулерді жүйелі жолға қою мақсатымен Отырар археологиялық экспедициясы құрылды. Отырартөбеге салынған стратегиялық қазба ондағы мәдени қыртыстар мен құрылыс қабаттары IV-VI ғасырлардан XVII-XVIII ғасырларға дейінгі аралықта кезектесіп қалыптасқандығын анықтады. Карл Молдақметұлы Отырар археологиялық экспедициясы басшысының орынбасары міндетін атқарды. Отырартөбе мен оның айналасындағы Көкмардан, Құйрықтөбе, Марданкүйік, Ақтөбе секілді көптеген қала орындарында жүргізілген зерттеулер Қазақстан тарихына үлкен жаңалықтар әкелді. Отырар оазисі мен Қаратаудың күнгей бөктеріндегі ежелгі қалалар қоса зерттелді. Археологияның бірқатар теориялық мәселелері, соның ішінде ескерткіштердің географиялық орналасуы, этникалық тиістілігі мен қалаларды балаиалау мәселелері қарастырылды. Отырар мен Отырар оазисінде жүргізілген зерттеулердің негізінде алғашқы монографиялық еңбек (Акишев, Байпақов, Ерзакович, 1972) жарық көрді. Сол еңбектің авторларының бірі К.М. Байпақов болатын. Құйрықтөбе қалашығында хандардың салтанатты сарайы кешенінің ашылуы, ондағы ағаш тақтаға ойып салынған қағандар өмірінің көрінісі үлкен ғылыми жаңалық еді. Отырар, Қаратау, Арыс өңірінде жүргізілген зерттеулер Қаңлы тарихындағы бірсыпыра шешілмеген мәселелердің бетін ашуға көмектесті. Мәселен, Қытай деректерінде айтылатын Қаңлы елінің астанасы Битяның орны Отырартөбе болуы мүмкіндігі. Немесе, Қаңлылардың тарихи әдебиеттерде айтылатындай көшпелі ғана емес отырықшы егіншілікпен айналысып, қалалары ірі сауда және мәдени орталықтар болғандығын растайтын деректердің қорлануы.

1971 ж. Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы қайта құрылып, оның жетекшісі К. Ақышевтің орынбасары ретінде К.М. Байпақов тағайындалды. Осы экспедиция құрамында Байпақовпен бірге қызметтес болған археологиялық үлкен ұжым қалыптасты. Олар – Л.Б. Ерзакович, С.М. Ахинжанов, Б.Н. Нурмуханбетов, С.Ж. Жолдасбаев, Р.З. Бурнашева, В.А. Грошев, А.С. Загородний, Т.В. Савельева, В.Н. Настич, Ж.К. Таймағамбетов, Е.А. Смагулов, А.К. Акишев, Ю.И. Трифоновтар болатын. Оңтүстік Қазақстан археологиясының маңызды мәселелерін шешуге Х.А. Алпысбаев, М.К. Кадырбаев, А.Г. Максимова, Т.Н. Сенигова, А.Н. Марьяшев секілді мамандар да ат салысты.

1971-1976 жылдары Отырардың жоғарғы қабатында кең көлемдегі қазба жұмыстары жүргізілді. Қала құрылыстары, көшелер жүйесі, тұрғын үйлердің түрлері зерттелді. Жиналған материалдар кейінгі ортағасырлық Отырардаң әлеуметтік-экономикалық өмірінің кейбір жақтарын анықтауға мүмкіндік берді. Тұрғын үйлер кешеніндегі ғимараттарды санау арқылы қала халқының саны XVII ғ. 5500 адам болғандығын анықтау мүмкін болды. Ясы, Ташкент, Бұқара және Отырардың өзінде соғылған теңгелердің қазбадан көптеп табылуы Орта Азиядағы сауда-экономикалық қатынасында Отырардың маңызды орын алғанын көрсетті. Кейінгі ортағасырлық Отырарды зерттеу қазақ халқы мен оның алғашқы мемлекеттік құрылымы «Қазақ хандығының» қалыптасу тарихын неғұрлым тереңірек танып, білуге мүмкіндік берді.

Осы жылдар аралығында жүргізілген зерттеулердің жемісі мамандар жоғары баға берген тағы бір ғылыми маңызды монографияның (Акишев, Байпақов, Ерзакович, 1981) жарық көруіне арқау болды. Ол кітаптың да негізгі ғылыми түйіндерінің авторларының бірі К.М. Байпақов болатын.

1977-1985 жылдары Отырардың XIII–XV ғасырларға жататын құрылыс қабатында қазба жұмыстары жүргізілді. Сол дәуірдің тұрғын үйлер кешені мен қорғаныс құрылыс жүйесі ашылып, қыш ыдыстар кешені мен металдан, шыныдан жасалған бұйымдардан тұратын археологиялық олжалар мол табылды. Отырар мен басқа да қалалардың осы дәуір қабатында жүргізілген қазба жұмыстары Қазақстан, тіпті Орта Азия тарихында қалыптасқан жаңсақ көзқарасты теріске шығару мүмкіндігін берді. Ол Қазақстан мен Орта Азияның көптеген қалалары монғол шапқыншылығынан кейін тіршілігін тоқтатқан, отырықшы мәдениет үлкен күйреуге ұшырап, қазақтар көшпелі тіршілікке ауысқан деген теріс көзқарастар еді. Археологиялық қазба жұмыстары шапқыншылық салдарынан қираған көптеген қалалардың ұзамай қайта қалпына келтіріліп, оларда мәдени-экономикалық даму қайта дамығанын көрсетті. Отан тарихына толықтыру әкелген осындай іргелі өзгерістерді топтастыра келіп, ол туралы Қазақстан тарихының академиялық туындысына (Қазақ ССР тарихы, 1981) жазған да К.М. Байпақов болатын. Көп ұзамай археологиялық зерттеулердің нәтижелерін жалпыға жариялайтын тағы бір қомақты монография (Акишев, Байпақов, Ерзакович, 1986) жарық көрді.

Көк күмбезді мешіт пен монша секілді қоғамдық құрылыстар мен құмырашылардың кварталы да осы кездері қазылып, аршылды. Қазба кезінде табылған күміс бұйымдар мен теңгелердің көмбесі Отырардың сауда орталығы болғандығын аңғартады. Табылған теңгелерге К.М. Байпақов пен В.Н. Настичтің бірігіп жасаған сараптамасы қаланың Шығыс Түркістан, Мәуеренахр, Хорезім, Еділ жағалауы, Қырым және Таяу Шығыспен сауда қатынаста болғандығын (*Байпақов, Настич, 1981*) көрсетті. Ішкі және далалық саудада негізгі қолданыста болған Отырарда соғылған теңгелер Орта Азияда да еркін айналыста жүрген.

Оңтүстік Қазақстан мен Жетісу қалаларын зерттеу жұмыстары Байпақовтың докторлық диссертациясына арқау болды. Ол 1986 жылы Москвада (СССР ҒА археология институты) «Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI–XVIII вв.)» атты тақырыпқа жазылған докторлық диссертациясын жемісті қорғап шықты. Диссертацияның негізгі тұжырымдары дәл осындай атпен жарық көрген мазмұнды монографияда (*Байпақов 1986*) жарияланды.

Ғалымның Қазақстан археологиясына қосқан үлестерінің қатарында ортағасырлық қалаларды баламалау мәселесі бір төбе еңбек. К.М. Байпақов анықтаған тарихи қалалардың орындары шынайы екендігін осы күнгі зерттеулер растап отыр. Осы бағытта жазылған маңызды мақалалары (*Байпақов 1977*) осы күнгі зерттеулерде кеңінен қолданыста жүр.

XX ғ. сексенінші жылдары К.М. Байпақов әлемдік тарихта айрықша орын алатын «Ұлы Жібек жолы» тақырыбымен де жемісті айналысты. 1987 ж. ЮНЕСКО – нің 24-сессиясында Ұлы Жібек жолы халықаралық жобасы кешенді түрде зерттеу мақұлданды. Осы халықаралық сауда жолының Қазақстан арқылы өтетін бөлігін зерттеу міндетін К.М. Байпақов өз қолына алған болатын. Он жылдан астам уақыт жүргізілген зерттеу жұмыстары «Ұлы Жібек жолының» Қазақстанда қала мәдениеті мен сауда қатынастарының дамуы үшін ғана емес, бүкіл әлемдік сауда-экономикалық және мәдени, саяси байланыстар үшін де аса үлкен маңызға ие болғандығын дәлелдеп шықты. Әсіресе Қазақстан жерінде Түрік қағанаты үстемдік құрып тұрған кезде «Ұлы Жібек жолы» қатынасының дамуы өзінің шарықтау шегінде болғандығы күллі әлемге әйгі болды. Жазба деректер мен бірсыпыра қалаларда жүргізілген қазба жұмыстарының мәліметтері осы кезде халықаралық сауда жолының басым бөлігі түріктердің толық бақылауында болғандығын көрсетті. Осы көрсеткіштер археологиялық қазба мәліметтерімен толықтырылды.

«Жібек жолы» бағдарламасын жүзеге асыру мақсатымен 1991 ж. сәуір айында Қазақстан Республикасы ұлттық комитеті құрылды. Комитет ЮНЕСКОмен біріге отырып ерте заманда Қазақстан арқылы өткен «Жібек жолы» бағытымен халықаралық экспедиция ұйымдастырды. Бұл шара әлемдік қауымның Ұлы Жібек жолына деген шексіз қызығушылығын оятты.

Алматыда «Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути» атты тақырыпқа әлемнің әйгілі ғалымдары қатысқан халықаралық конференция өткізілді. Осы шараларды Қазақстан тарапынан ұйымдастырушылардың бірі К.М. Байпақов еді. Осы шаралардың жемісті орындалуына аянбай ат салысқаны үшін К.М. Байпақовты, ЮНЕСКО арнайы шығарылған «Шелковый путь – путь диалога культур» медалімен марапаттады. Ұлы Жібек жолы тақырыбын зерттеуді К.М. Байпақов өмірінің соңына дейін жалғастырып келді. Айтылған тақырыпта жүргізілген зерттеулердің жемістері бірнеше мазмұнды монографиялардың (*Байпақов, 1977а, 2007*) жазылуына негіз болған. Ғалым ағамыз көрсетілген еңбектерінде басым бөлігі Қазақстан арқылы өткен халықаралық сауда жолының ғылыми ойдың, мәдени құндылықтардың, діннің екі бағытта қатар дамыған жолы болғандығын археологиялық материалдар негізінде тұжырымдайды. Бұл өз уақытына сай саудагерлер, саяхатшылар мен дипломаттар арқылы мәліметтің тарайтын маңызды да жылдам жолы болатын.

1989 жылдан «тарих, археология және этнология институтының» археология бөлімін басқарған К.М. Байпақов 1991 жылы «археология институты» жеке отау құрған кезде оның директоры болып тағайындалды. Қазақстан егемендік алып, қайта құрудың қилы сатысынан өтіп жатқанда ол басқарған институт тәуелсіз елдің тарихын түгендеумен айналысты. Он жылға созылған еліміз үшін ауыр болған экономикалық қиындықтарға қарамай археология институты Қазақ халқының тамыры мен тарихының Ресей құрамындағы кезеңнен емес, есте жоқ ерте заманнан бастау алатындығын дәлелдеп бақты. Нәтижесінде еліміз қалай аяғынан тік тұрса, археология да дәл солай табанын жерге нық тіреп, Қазақ халқының тарихи тамыры мен мәдениетінің дамыған елдермен бірдей екендігін, тіпті көптеген елдерден тереңде жатқандығын әлемдік ғылымға мойындатты.

Қазіргі кезде әлемнің алдыңғы қатарлы елдерінің арасында Қазақстан археологиясын білмейтін, оның заңғар жетекшісі К.М. Байпақовты танымайтын ел жоқ десек жаңсақ болмас еді. Археология институты шет елдің көптеген мамандарымен бірлескен зерттеулер жүргізіп, еуропалық мемлекеттердің бірқатарымен біріккен экспедициялар ұйымдастыруда. Америка, Франция, Италия, Германия, Жапония секілді дамыған елдердің белді мамандары қазба жұмыстарына қатысып, зерттеулерінің өз тілдерінде жазылған тұжырымдары арқылы Қазақстан тарихын өзге елдерге таныстыруда. Көп жылдан бері Ресей археологтарымен бірлескен экспедициялар жұмыс істеуде. Соңғы жылдары Корея мен Жапонияның мамандарымен ғылыми байланыс жақсы дамуда.

К.М. Байпақовтың ұстаздық еңбегі өз алдына бір төбе. 1966 жылдан бері қаншама маман археологтар университет қабырғасында одан дәріс алды. Ол «Қазақстанның ортағасырлық қалалары», «Ұлы Жібек жолы» курстары бойынша дәріс оқыды. Оның жетекшілігімен ғылыми дәреже қорғаған кешегі шәкірттері бұл күнде Қазақстан археологиясының белді мамандарына айналған. Осы күнге дейін К.М. Байпақовтың жетекшілігімен 20 ға жуық ғылым кандидаты және 10 ғылым докторлары қорғап шықты.

Президент Н.Ә. Назарбаевтің ұйытқы болуымен 2004 жылы басталған «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасын жүзеге асыру барысында қаншама жемісті жұмыстар атқарылды. Бағдарламаны орындауда археология институты да көп жұмыстар атқарды. Әсіресе Қазақстанның ежелгі және ортағасырлық қалаларын зерттеу мәселесінде. Көптеген қалалардың орнында жүргізілген қазбалар барысында ашылған монша, мешіт, медресе, салтанатты сарай орны секілді маңызды нысандарда қатыру, қалпына келтіру жұмыстары жүргізіліп, ашық аспан астындағы музейлерге айналдырылуда. К.М. Байпақовтың жетекшілігімен және тікелей қатысуымен Қаялық, Тальхир, Алматы, Құлан, Қасрибас, Усбаникет, Отырар, Кедер, Сауран, Янгикент, Жайық (*Байпақов*, 2013-14) қалаларының орнында жүргізіліп жатқан қазба жұмыстары Қазақстан тарихына толықтырулар жасайтын тың мәліметтер беруде.

К.М. Байпақов осы күнге дейін 50 ден астам жеке және бірге жазылған монографиялардың авторы. Жоғары оқу орындарының студенттеріне арналған 4 оқулық, мектеп оқушылары үшін 8 оқулық жазып, 15 түрлі-түсті альбомдарды баспадан шығарған. Оның 600 ден астам ғылыми мақалалары орыс, қазақ, ағылшын, француз, неміс, т.б. көптеген тілдерде жарық көрген. Ол «Қазақ ССР тарихы», «Қазақстан тарихы» секілді көп томдық оқулықтардың бөлімдерінің авторы.

К.М. Байпақов білікті маман, жемісті ұстаз ғана емес танымал қоғам қайраткері. Ұлы Жібек жолының Қазақстан Ұлттық комитетінің мүшесі. «История цивилизации Центральной Азии» атты 6 томдықты дайындауда ЮНЕСКО халқаралық комитетінің мүшесі, «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы бойынша қоғамдақ кеңестің мүшесі. Ұлы Жібек жолы бойынша ЮНЕСКО-ның халықаралық expertі. Тарих және этнология институты жанындағы докторлық диссертация қорғайтын кеңестің төрағасы орынбасары, т.б. бірқатар кеңестерге мүше болды.

Карл Молдақыметұлының ғылым, білім, қоғамдық қызмет саласында атқарған еңбектері үкімет пен елбасы тарапынан және шет елдер мен халықаралық ұйымдар тарапынан жоғары бағаланып, көптеген орден, медаль, атақ, сыйлықтармен марапатталған. Оған «Средневековая городская культура Южного Казахстана» атты монографиясы үшін Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлық (1988), «Қазақстан ғылымы мен техникасына еңбегі сіңген азамат» атағы (1998) берілген. «Қазақстан ғылымына сіңірген еңбегі үшін» төсбелгімен (2002), «Парасат» орденімен (2003), ЮНЕСКО-ның әлемдік ғылымға қосқан үлесі үшін медалімен (2005) марапатталған. Ол Қазақстан Республикасы «Ғылым қайраткері» номинациясы бойынша «Жыл таңдауы» фестивалі мен «Алтын адам» конкурсінің жеңімпазы (2005). «Тарих, мәдениет, әдебиет және қолданбалы өнер» номинациясы бойынша ТМД елдерінің дипломы мен төсбелгісімен марапатталып (2006), «Платиновый Тарлан» сыйлығын жеңіп алған (2007). 2008 жылы Қазақстан Республикасы жоғары оқу орындарының ассоциациясы «үздік автор» ретінде А. Байтұрсынов атындағы күміс медальмен марапаттаған.

Өмірінің соңғы жылдарында Карл Молдахметұлы археология саласында жүргізген зерттеулерін жинақтайтын «Древняя и средневековая урбанизация Казахстана» атты 4 кітаптан тұратын 3 томдық іргелі еңбегін жазып, баспадан шығарды. Қазақстан тарихы мен археологиясының аса маңызды ғылыми жинағы болған осы еңбегі жоғары бағаланып, ғылым мен техника саласындағы Ш. Уәлиханов атындағы мемлекеттік сыйлығымен марапатталды.

Карл Молдахметұлының алдына қойған үлкен жоспарлары бар еді. Ұлы Жібек жолы, Сауран қаласы секілді бірнеше ғылыми тақырыптарға бағытталған ғылыми жобалар дайындаған болатын. Әттең зұлым тағдыр іргелі жобаларын іске асыруға мүмкіндік бермей, бұл өмірден алып кетті. Ә.Х. Марғұлан атындағы археология институтының ұжымы мен ғалымның шәкірттері Карл Молдахметұлы жүргізген зерттеулерді әрі қарай жемісті жалғастырады деген сенімдемін.

К.М. Байпақов ұстазы К.А. Ақышевпен бірге 80-ші жылдары

К.М. Байпақов «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы барысында атқарылған жұмыстары жайлы журналистерге сұқбат беріп тұрған кезі. 2007 ж.

«Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы бойынша кезекті есеп беру жиналысы кезінде. 2007 ж.

К.М. Байпаков Қоғамдық кеңестің төрағасы М. Әшімбаевпен бірге

Отнан солга қарай: Ж. Смайылов, М. Хабдулина, К.М. Байпақов, Д. Талеев. Астана, 2010 ж.

Әдебиеттер

- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1986.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1981.
- Байпаков К.М. Великий Шелковый путь на территории Казахстана. Алматы, 2007. 486 с., илл.
- Байпаков К.М. Городище Куйрыктобе – город Кедер. Алматы, 2005. 183 с.
- Байпаков К.М. Древние города Казахстана. Алматы, 2005. Издание второе, дополненное. Алматы, 2007. 384 с. (на каз., рус., англ. яз.).
- Байпаков К.М. О локализации познесредневековых городов Казахстана // СА. 1977. С. 201-209.
- Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана \ Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата: «Наука», 1977.
- Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998. 214 с.
- Байпаков К.М. Ұлы Жібек жолы және ортағасырлық Қазақстан. Алматы, 1992.
- Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О. Отрарский оазис. Памятники археологии, искусства и художественных ремесел. Алматы, 2005. 256 с. (на каз., рус., англ. яз.).
- Байпаков К.М., Воякин Д.А. Средневековый город Каялык. Алматы, 2007. 224 с. (на каз., рус., англ. яз.).
- Байпаков К.М., Настич В.Н. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 20-60.
- Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы, 2005.
- Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005. 221 с. (на каз., рус., англ. яз.).
- Қазақ ССР тарихы (көне заманнан бүгінге дейін) бес томдық. 2. Т., Алматы: «Ғылым», 1981.
- Қазақстан тарихы (көне заманнан бүгінге дейін) төрт томдық. 1. Т., Алматы: «Атамұра», 1996.

D. Taleev

THE TRIUMPH OF ARCHAEOLOGY

The article describes the works of doctor of historical Sciences, Professor, academician of the National Academy of Sciences of Kazakhstan Karl Moldakymetovich Baypakov. Baypakov made a great contribution to the formation of Kazakh archeology, the study of the formation and development of urban culture. In addition, he made a great contribution to the study of the history of the great silk road, monuments of the Saks and Usun. He also achieved great success in the field of professional training and lectured students. Many state awards were awarded to him for his achievements in Kazakh science.

К.М. БАЙПАКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Долгие годы исследований процессов возникновения и становления средневековой городской культуры Казахстана, взаимодействия с кочевой цивилизацией, выявляя соответствующие институты и конкретные субкультуры, отражающие определенные эталоны, нормы и правила повседневной жизни городского общества, трансформации религиозных систем на территории Казахстана позволили выдающемуся археологу Карлу Молдахметовичу Байпакову актуализировать историко-археологическое знание, формирующее толерантное, поликультурное и высокоинтеллектуальное общество. Сложный процесс средневековой урбанизации долгие годы изучался сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана, под руководством Карла Молдахметовича, институализировавшего междисциплинарное исследование материальной культуры: городов, ритуальных комплексов, сакральных памятников, что до сих пор является одним из самых перспективных направлений гуманитарного познания. Важным вкладом К.М.Байпакова в исследованиях истории Казахстана стало изучение взаимодействия оседло-земледельческой и кочевой культур в рамках степной цивилизации.

Почти 30 лет в Республике Казахстан продолжает эволюционировать процесс национального и государственного строительства. Несмотря на сложность модернизационных процессов и трансформаций, в своем главном направлении он ориентирован на достижение реального суверенитета, создание высоко интеллектуальной нации, консолидированной общей исторической и культурной памятью. Однако еще раньше этот процесс начала археологическая наука, навсегда изменив наши представления о прошлом и о себе. И одной из самых ярких фигур археологической науки Казахстана был Карл Молдахметович Байпаков.

К.А. Акишев, С.М. Ахинжанов, К.М. Байпаков

В 1958 году поступил в Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова на исторический факультет по специальности «археология». После окончания университета в 1963 году К.М.Байпаков поступил в аспирантуру отдела археологии Института истории, этнологии, археологии им. Ч. Валиханова. Трудовая деятельность К.М. Байпакова началась по после защиты кандидатской диссертации «Средневековые города и поселения Семиречья (VII—XII вв.)» в ноябре 1966 г., обозначив направления фундаментальных историко-археологических исследований, определивших не

только его собственную интеллектуальную биографию, но и векторы казахстанской археологии на несколько десятилетий. Работая в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР, где в должности младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника, заведующим отделом средневековой археологии. а после 1991 года возглавил Институт археологии им. А.Х. Маргулана (1991–2010 гг.), будучи также заведующим отделом изучения урбанизации и номадизма.

Неслучайно Карл Молдахметович сфокусировал внимание ученых именно на этой предметной области. Как объект археологического исследования, территория Казахстана представляется уникальной зоной сосуществования гетерогенных культуuroобразующих сред: как кочевых, так и оседло-земледельческих, с древности до этнографической современности. Исследование древних и средневековых культур на территории Казахстана является не только актуальным, представляя непреходящий интерес и формируя фундаментальную базу историко-археологического знания.

Важным периодом в истории Казахстана является средневековье. Именно в этот период сформировался культурный ландшафт и багаж, с которым Казахстан вышел в Новое время. В этот период на территории Казахстана происходят такие исторические процессы, как урбанизация, формирование кочевых и оседлых государств, функционирует Великий Шелковый путь и т.д.

Одним из импульсов к градостроительству и урбанизации на территории средневекового Казахстана был Шелковый Путь, занимающий особое место в истории развития международных отношений, обеспечивающих межкультурный коммуникативный диалог между различными странами и народами. Действительно, Великий Шелковый путь проложил так называемый духовно-этнический и эстетический мост для культурной интеграции и морального обогащения разных народов. В связи с этим формирование Великого Шелкового пути является крупным событием в истории человечества. Можно с гордостью сказать, что у истоков современных исследований Великого Шелкового пути на территории Казахстана стоял Карл Молдахметович Байпаков. Главным направлением научных интересов К.М. Байпакова стала проблема Великого Шелкового пути в аспекте его политических, экономических и культурных связей с государствами Евразии, а также проблемы исторической географии, вопросы духовной культуры в средние века. В Казахстане в 1991 г. в рамках реализации проекта ЮНЕСКО по комплексному изучению Великого Шелкового пути в Алма-Ате состоялась Международная научная конференция «Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути» с участием крупных ученых мира. Одним из организаторов международной экспедиции и конференции, многочисленных дискуссий на памятниках был К.М. Байпаков. Именно по трассам Великого Шелкового пути распространялись религиозные идеи: миссионеры «несли» свою веру в заморские страны. Из Индии через Среднюю Азию и Восточный Туркестан пришел буддизм, из Сирии, Ирана и Аравии – христианство, а затем ислам.

Однако средневековая урбанизация Казахстана не ограничивается Шелковым путем. Этот сложный процесс долгие годы изучался сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана. под руководством Карла Молдахметовича, институализировавшего интердисциплинарное исследование материальной культуры: городов, ритуальных комплексов, сакральных памятников, что до сих пор является одним из самых перспективных направлений гуманитарного познания. Важным вкладом К.М. Байпакова в исследованиях истории Казахстана стало изучение взаимодействия оседло-земледельческой и кочевой культур в рамках степной цивилизации.

Говоря о концептуальном осмыслении феномена кочевой государственности и культуры, нельзя не отметить позитивные сдвиги в мировой науке, долгое время интерпретировавшей мобильные этнокультурные группы кочевников как стихийных «варваров», органически неспособных к созиданию. Однако за последние десятилетия отношения к этим вопросам изменилось, не в последнюю очередь благодаря археологам.

На рубеже XX и XXI вв. в мировой антропологии обозначился теоретический сдвиг, названный «мобильным поворотом» и вызванный необходимостью заместить устоявшееся в науке статичное мышление новыми подходами, основанными на динамике и мобильности. Об успехах нового направления в научных поисках свидетельствует Всемирный интерконгресс антропологов и этнологов, состоявшийся в Оттаве (Канада) в 2017 г., под тематическим титулом «Mo(u)vement» (Движение). В числе обсуждаемых тем и концепций выделяются приоритеты: мировоззренческие и теоретические основания статичного и динамичного мышления и восприятия; понятия и метафоры науки о движении; природные, социальные и персональные вариации мобильности; путь в системе движения и коммуникации; соотношение движения и познания; антропология и этнография кочевников как источник данных и драйвер концептуализации номадологии. Стало возможным ставить теоретические вопросы об уникальной и самобытной кочевой цивилизации, структурирующей пространство и время, эко-экономику и культуру в органическом единстве движения

Столь же интересны были религиозные ритуалы у средневековых тюрков. Мобильность и включенность в окружающую среду наделяет сакральным - ландшафт, создавая «страну», обозначаемую сакральными местами и маршрутами между ними. В культуре каждого народа нашей планеты существуют сакральные объекты и пространства, обретающие этот статус веками и известные каждому представителю этой культуры. На онтологическом уровне знаковые явления истории, сакральные памятники существуют как символы национальной идентичности, места, где, по выражению выдающегося историка Марка Блока, происходит «встреча людей в веках». Не менее важна их значимость для науки: памятники – источник важнейшей информации о жизни социума, в котором он возник. Являясь одновременно памятниками и искусства, и строительной техники, они дают яркое представление о культурогенезе, идеях, развитии научно-производственного потенциала, эстетических критериях эпохи, кросс-культурных контактах народов и уровне организации социальной организации. Здесь и возникает взаимодействие и диалог культур – когда хозяйственно и экономически гетерогенные этнические группы, сосуществуя в едином степном пространстве, объединяются культурной памятью и местами сакральной географии.

В 1986 г. К.М. Байпаков блестяще защитил докторскую диссертацию на тему: "Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI – начале XVIII в. (Динамика и основные этапы развития)" в Институте археологии АН СССР (г. Москва). С 1995 г. - профессор археологии. В 1995 г. избирается членом-корреспондентом Немецкого археологического Института (г. Берлин, Германия). В 1996 г. избран академиком Академии социальных наук Республики Казахстан. В 2003 г. был избран академиком (действительным членом) Национальной Академии наук Республики Казахстан. В 2017 году стал Лауреатом государственной премии Республики Казахстан.

Материальная древних тюрков, как кочевых, так и жителей средневековых городов Казахстана, с одной стороны, прошла несколько этапов своей эволюции, с другой, как и любая культура, развивалась в активном взаимодействии и взаимовлиянии с культурами других народов, как родственных кочевых, так и оседлых. В Южном и Юго-Восточном Казахстане длительные процессы взаимосвязи оседлого населения городов способствовали проникновению в городскую среду тюрков, принесших в искусство мотивы, ранее применявшиеся в украшении одежды, жилища, домашней утвари. Благодаря выработанным веками орнаментальным приемам на коже, дереве, войлоке, кости и металле, оседавшие в городах тюрки, карлуки, кимаки, кыпчаки и караханиды смогли воспроизводить их на гончарных изделиях и в архитектуре и тем самым способствовать расцвету орнаментального искусства.

Начиная с 1966 г. К.М. Байпаков читал лекции, руководил дипломными работами на кафедре археологии и этнографии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби в качестве преподавателя, старшего преподавателя, доцента, профессора. Им разработан ряд спецкурсов: Средневековые города Средней Азии и Казахстана; Великий Шелковый путь; Основы археологии Казахстана. В 1995 г. ему присвоено звание профессора археологии. Под научным руководством К.М. Байпакова защищено 17 кандидатских и 5 докторских диссертаций. К.М.Байпаков – автор разделов многотомных изданий Истории Казахской ССР и Истории Казахстана, учебников по истории для 5, 6, 7-х классов для средних школ, а также учебников нового поколения для 12-летних школ.

В мае 1992 года Правительство Казахстана принимает постановление о создании Национальной Комиссии Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО и К.М.Байпаков активно включается в работу по привлечению потенциала ЮНЕСКО к неотложным вопросам воссоздания и сохранения богатого историко-культурного наследия страны.

В 1995 году в Секретариате ЮНЕСКО было создано специальное подразделение по Центральной Азии, сыгравшее важную роль в содействии интеграции новых государств этого региона в многонациональную семью ЮНЕСКО. Еще одним результатом экспедиции по Степному пути стало создание Международного института центрально-азиатских исследований (МИЦАИ), учрежденного в 1995 г. в г. Самарканде (Узбекистан), постоянным членом Руководящего совета которого от Республики Казахстан является академик К.М.Байпаков.

Особо необходимо отметить вклад К.М.Байпакова в издание трудов ЮНЕСКО по всеобщей и региональной истории, к составлению которых привлекаются известные и авторитетные ученые из разных регионов мира, назначаемые в личном качестве Генеральным директором ЮНЕСКО. Входя с 1991 года в состав Международного Научного Комитета по разработке истории цивилизаций Центральной Азии, академик К.М.Байпаков написал ряд статей к IV и V тому (IV том вышел в двух книгах), и был утвержден редактором V тома совместно с проф. И. Хабибом.

Признавая значимость научного и педагогического вклада академика К.М.Байпакова в становление плодотворного международного сотрудничества в регионе Центральной Азии, ЮНЕСКО в 2005 г. наградило медалью «...за вклад в развитие мировой науки».

Одним из мощных направлений в деятельности академика К.М.Байпакова – изучение периода возникновения, развития и возраста города Алматы – одной из древних столиц Казахстана. Вслед за А.Н.Бернштамом он высказал предположение, что город Алма-Ата появился гораздо раньше, нежели на этом месте было основано укрепление Верное. Впоследствии уверенность молодого ученого была подкреплена многочисленными артефактами, полученными в ходе раскопок, в том числе и монетами, когда-то чеканенными на местном монетном дворе. Исследования К.М.Байпакова и его группы установили, что возраст Алматы насчитывает 1000 лет. Пакет документов, отправленный в ЮНЕСКО, был рассмотрен на 38-й сессии Генеральной Конференции ЮНЕСКО и 1000-летие Алматы вошло в календарь памятных дат ЮНЕСКО на 2016-2017 гг. Результаты исследований древней Алматы и региона Жетысу им опубликованы в фундаментальных трудах и монографиях, а также в научно-популярных статьях в журналах и газетах. К.М. Байпаков неоднократно выступал с докладами на международных и республиканских совещаниях и конференциях, с лекциями по археологии Казахстана в зарубежных университетах: США, Франции, Англии, Германии, Польше, Италии, Японии, Китае, Южной Корее, Иране, Пакистане, Турции, Израиле, где снискал заслуженное признание международного научного сообщества.

Долгие годы исследований процессов возникновения и становления средневековой городской культуры Казахстана, взаимодействии с кочевой цивилизацией, выявляя соответствующие институты и конкретные субкультуры, отражающие определенные эталоны, нормы и правила повседневной жизни городского общества, трансформации религиозных систем на территории Казахстана позволили выдающемуся археологу Карлу Молдахметовичу Байпакову актуализировать историко-археологическое знание, формирующее толерантное, поликультурное и высоко-интеллектуальное общество.

A.A. Nurzhanov

K.M. BAYPAKOV AS A STEPPE CIVILIZATION RESEARCHER

Many years of research on the processes of the emergence and formation of the Kazakhstan's medieval urban culture, interacting with nomadic civilization, identifying relevant institutions and specific subcultures that reflect certain standards, norms and rules of everyday life in urban society, the transformation of religious systems in Kazakhstan allowed the outstanding archaeologist Karl Moldakhmetovich Baypakov to update the historical -archaeological knowledge that forms tolerant, multicultural and highly intellectual society. The difficult medieval urbanization process has been studied for many years by the Institute of Archeology named A.Kh. Margulan under the leadership of Karl Moldakhmetovich, who institutionalized an interdisciplinary study of material culture: cities, ritual complexes, sacred monuments, which is still one of the most promising areas of humanitarian knowledge. An important contribution of K.M. Baipakov in studies of the history of Kazakhstan was the study of the interaction of settled agricultural and nomadic cultures within the framework of the steppe civilization.

**ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ АРХЕОЛОГИИ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ СЕРГЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ДАНИЛОВА
(к 70-летию со дня рождения)***

Сергей Владимирович Данилов (1950-2014) родился 7 апреля 1950 г. в Улан-Удэ в семье видного государственного деятеля Владимира Сагахановича и одной из первых женщин ученых из Бурятии, кандидата исторических наук Марии Нанзановны. В 1974 г. он окончил историко-филологический факультет Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова. В 1974-1976 гг. преподавал историю в школах Бичурского и Селенгинского районов Республики Бурятия, в 1979 г. окончил аспирантуру при Институте археологии АН СССР (г. Москва). В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 1979 по 1981 гг. работал в Бурятском научном центре, с 1981 г. и до последних дней жизни – в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В 2005 г. состоялась защита докторской диссертации С.В. Данилова «Древние и средневековые города в кочевых обществах Центральной Азии».

Одному из авторов настоящего сообщения повезло, в течение достаточно длительного периода, работать бок о бок с этим выдающимся ученым. Отметим организационный талант исследователя. С.В. Данилов являлся Руководителем с большой буквы, имел непререкаемый авторитет у всех участников экспедиций. Руководители археологических экспедиций и отрядов знают сколь непросто обеспечить бесперебойное проведение раскопок, а это тяжелая работа, нормальное питание и техническое снабжение участников, в конце концов, дисциплину и комфортный психологический климат в коллективе. Все это блестяще удавалось Сергею Владимировичу!

Особо подчеркнем сугубо уважительное отношение исследователя к своим научным предшественникам, учителям и коллегам. В своих работах он опирался на труды Г.П. Сосновского, А.П. Окладникова, С.В. Кисилева, Х. Пэрлээ, А.В. Давыдовой и других ученых. С.В. Данилов творчески использовал советы С.А. Плетневой, Л.Р. Кызласова, П.Б. Коновалова, учеником которых он являлся. Он был всегда открыт для обмена информацией, дискуссий, учитывал полезные замечания коллег, среди которых в первую очередь надо упомянуть Н.Н. Крадина, А. Очира, А.В. Харинского, Б.Б. Дашибалова, А.Д. Цыбиктарова, Д. Эрдэнэбаатара и многих других археологов, этнографов, антропологов. В настоящее время, основываясь на трудах С.В. Данилова, проводят свои исследования представители нового поколения ученых: А.И. Симухин, Б.А. Базаров, Д.А. Миягашев, Д.К. Тулуш, Л. Эрдэнэболд, Н. Ганбат, Р. Тугссайхан, Г. Одмагнай и др.

Обратим внимание на разносторонность археологических интересов С.В. Данилова, которые всегда были сопряжены с кочевой цивилизацией Центральной Азии. В начале научной карьеры, он исследовал вопрос о жертвоприношениях животных в погребальных обрядах древних племен Забайкалья. Автором был собран и осмыслен значительный фактологический материал, предложена своя интерпретация этого древнего обычая на основе археологических и этнографических данных (Данилов, 1983, 1985, 1986).

С 1981 г. Сергей Владимирович проводил археологические раскопки на территории Бурятии и сопредельных территорий, а с 1992 г. руководил экспедиционными исследованиями лаборатории археологии БИОН СО РАН. В 1983-1985 гг. под его руководством был исследован археологический комплекс у с. Нижний Бургултай в Джидинском районе республики Бурятия. Были раскопаны несколько плиточных могил и два кургана-херексура. Их изучение позволило глубже понять конструктивные особенности памятников подобного типа и, что касается херексуров, уточнить их хронологию (Данилов, Коновалов, 1988). Здесь же был исследован крайне интересный, с научной точки зрения, ритуальный комплекс эпохи бронзы. На значительной площади под практически сплошной каменной кладкой были захоронены конские черепа. Автором раскопок сделаны существенные выводы о хронологии и функциональном предназначении памятника. (Данилов, 1996а).

Другим крупным погребальным комплексом, изучение которого продолжил С.В. Данилов, является всемирно известный могильник Хунну – Ильмовая падь. Автор исследовал один из, так называемых,

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310264-4).

царских курганов (№ 54). Были выявлены конструктивные особенности поминального сооружения, сделаны предположения по вопросам происхождения впечатляющих некрополей на юге Бурятии. Также были продолжены работы по составлению общего плана могильника. (Данилов, Амоголонов и др., 1998; Данилов, 1999 а).

Начиная с 1986 г. исследователь приступает к главной, по мнению авторов настоящего сообщения, теме в своей научной деятельности – изучению городов и поселений кочевников Центральной Азии. Им продолжены, вслед за А.П. Окладниковым, раскопки Сутайской феодальной усадьбы и начаты работы на развалинах зданий в с. Нарсатуй Мухоршибирского района Бурятии. Основываясь на многочисленных аналогиях материалам, обнаруженным при раскопках Каракорума, Кондуя и др., автор безусловно отнес памятники к XIII – XIV вв., времени расцвета Монгольской империи (Данилов, 1999 б).

С 1995 г. под руководством С.В. Данилова проводились масштабные работы на городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия (Данилов, 1996 б). По результатам исследований, автор обосновал хуннскую принадлежность памятника и предположил, что городище являлось ставкой правителя окружающей территории.

С 1999 г. начал проводить экспедиционные исследования на территории Монголии, вначале в составе международной экспедиции «Трансформация кочевых народов Центральной Азии», затем будучи руководителем международной российско-монгольской археологической экспедиции по изучению киданьских и хуннских городов.

Особое место в исследовательской деятельности ученого занимают археологические памятники Монголии, как метрополии для всего центральноазиатского мира. С 2004 г. он, в составе интернационального коллектива исследователей, принимает участие в раскопках на городище Чинтолгойбалгас в Булганском аймаке, в результате которых была подтверждена киданьская принадлежность памятника. Опираясь на археологические материалы и данные письменных источников («Ляо ши») исследователи констатировали наличие бохайцев среди населения городища (Данилов, Крадин, Ивлев, 2005; Данилов, Крадин, Очир, 2011).

В 2007–2008 гг. международной российско-монгольской экспедицией, под руководством С.В. Данилова и А. Очира, проводились раскопки на городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин (Данилов, Коновалов, Эрдэнэболд, 2008). Памятник был датирован хуннским временем. Скорее всего, по мнению авторов работ, здесь располагалось здание культового назначения. Вывод сделан на основании практического отсутствия находок (кроме огромного количества ханьской черепицы) и оригинального строения здания, с галечной дорожкой по его периметру.

Из погребальных сооружений, исследованных С.В. Даниловым, а их было немало, необходимо особо отметить курган Шороон Дов в Центральном аймаке Монголии, раскопанный в 2009 г. совместно с монгольскими коллегами. Тем более что это последний погребальный памятник, в раскопках которого участвовал ученый. Уникальный памятник представляет собой кенотаф, где погребены глиняные и деревянные статуэтки людей и животных. При входе из дромоса в погребальную камеру обнаружены две каменных плиты, на которых указаны биографические данные правителя, в честь которого и был сооружен курган, а также дата погребения – 678 г. н.э. Изучение памятника расширило наши представления о погребальной обрядности средневековых тюрков и, в целом, об их мировоззрении (Данилов, 2010; Данилов, Очир, Именохоев, 2013; Данилов, Очир, Эрдэнэболд, 2013). Как было отмечено в пленарном докладе на международной конференции «Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии» в 2015 г.: «Уникальность этой археологической находки определяется тем, что, во-первых, это пионерская находка такого рода на территории Монголии и во всей Центральной Азии. Во-вторых, найденная каменная плита с эпитафией является первым памятником, обнаруженным в кургане и таким образом становится в один ряд с всемирно известными эпитафиями знаменитых политических деятелей Второго тюркского каганата Бильге-кагана, Кюльтегина и Тоньюкука» (Базаров, Коновалов, Крадин, 2015, с. 11)

Необходимо особо отметить, что в 2011 г. казахстанские археологи С. Харжаубай и Х. Жантегин совместно с монгольскими коллегами А. Очиром и Л. Эрдэнэболдом раскопали аналогичный памятник в Булганском аймаке Монголии. В последствии результаты проведенных исследований нашли отражение в монографии, опубликованной в 2013 г. (Очир, Эрдэнэболд, Харжаубай, 2013). Кроме других выдающихся находок в кургане с элементами кенотафа были обнаружены деревянные и глиняные скульптуры близкие к обнаруженным в кургане Шороонбумбагар, описанным выше. Таким образом, налицо совпадение археологических интересов ученых Казахстана, России и Монголии по изучению наследия древних тюрков Центральной Азии. Возможно, общая тематика исследований даст импульс дальнейшим интеграционным проектам.

На основе достигнутого уровня знаний о городской культуре кочевников С.В. Даниловым был инициирован проект по проведению крупномасштабных в географическом и научном плане исследований древних и средневековых городов, поселений Центральной Азии. Многочисленное и разнообразное археологическое наследие, оставленное древними и средневековыми центральноазиатскими кочевниками, нуждается во все более глубоком и комплексном исследовании. Ряд функций поселений и городищ можно выявить только при наличии данных о географии их распространения, привязанности к водным артериям и торговым путям, соотношению с иными одновременными археологическими памятниками, удалению или приближению к границам распространения конкретного этнополитического образования, включенности в окружающие природно-ландшафтные обстановки.

В 2010 г. идея ученого была воплощена в международном научном проекте «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии», организованном сотрудниками Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Международного Института кочевых цивилизаций ЮНЕСКО (Монголия). Проект был нацелен на выявление общих закономерностей внутреннего развития населения евразийских степей и специфики взаимоотношений кочевников с оседлым населением аграрных цивилизаций Евразии. В ходе четырехлетней работы экспедиции проводились полевые исследования на территории Республики Бурятия, Забайкальского края, Республики Тыва и Монголии. В общей сложности по археологическому маршруту было пройдено около 25 тыс. км. Обследованы памятники хуннского, уйгурского, киданьского, монгольского и маньчжурского времени. Выявлены памятники, относящиеся ко времени падения империи Юань. Всего были обследованы более 100 городищ и поселений, из которых 83 расположены в Монголии (Данилов, Очир, Именохов, 2013).

По замыслу С.В. Данилова результаты многолетней работы должны были воплотиться в иллюстрированном Атласе древних и средневековых городов и поселений Центральной Азии. В 2014 г. было решено провести заключительные полевые экспедиционные работы на территории Монголии, которую ежегодно посещал археологический отряд под руководством Сергея Владимировича. К сожалению, Сергей Владимирович не успел завершить данный проект. Работы над Атласом продолжаются в настоящее время совместно с монгольскими коллегами, которые высоко оценивают уровень и значение научных исследований С.В. Данилова.

Результаты многолетней археологической деятельности позволили С.В. Данилову достигнуть высокого уровня теоретических обобщений, обозначив перспективу исследования специфики урбанистических процессов у кочевников, экономических основ кочевого скотоводства, социо- и политогенеза номадов Центральной Азии.

Детально рассмотрев историографию изучения вопросов появления оседлости и городов в кочевых обществах, ученый пришел к выводу, что к этой проблеме исследователи обращались эпизодически, в зависимости от разрабатываемых ими научных проблем. Именно методам археологии С.В. Данилов придавал ключевое инструментальное значение в решении проблемы построения социально-экономических моделей древних обществ. «Археологи, изучая поселенческие и могильные комплексы, оставленные кочевниками разных времен и различной этнической принадлежности, в большей степени обращают свое внимание на систематизацию полученных археологических материалов и построение социально-экономических моделей древних обществ» (Данилов, 2004, с. 8).

С.В. Данилов выявил общие закономерности характерные для появления городов в кочевых обществах Центральной Азии. Они были обусловлены возрастанием расходов на содержание государственных структур, увеличением потребности населения в ремесленной и земледельческой продукции, а также усилением роли торговли. «Сравнительно сложная военно-административная система, отмечаемая в целом ряде кочевых обществ, наличие многоотраслевой экономики вызвали потребность в сосредоточении этих структур не в кочевых ставках, а в стационарных оседлых пунктах, часть из которых переросла в города» (Данилов, 2004, с.191). Все известные материалы по поселениям городского типа в регионе были собраны и тщательно проанализированы автором в обобщающей монографии «Города в кочевых обществах Центральной Азии» (Данилов, 2004), как представляется, одной из лучших работ по заявленной тематике.

В ходе исследования городов в кочевых обществах, Сергей Владимирович не раз обращался к узловым вопросам кочевниковедения о становлении кочевого скотоводства в Центральной Азии, на решении которых и было сконцентрировано его внимание в последнее время (Данилов, 2013, с. 7-17).

Большой вклад С.В. Данилов внес в дело укрепления международных научных связей России и Монголии, занимая высокие административные должности в Институте монголоведения, буддологии СО РАН. В период с 2001 по 2005 гг. он был заместителем директора по научной работе, в 2007-2009

гг. - заместителем директора по международным связям, с 2009 г. до 2014 г. - возглавлял отдел истории и культуры Центральной Азии.

С.В. Данилов – участник и организатор многих международных и всероссийских научных конференций. Под его руководством и редакцией изданы многочисленные сборники статей и монографии, посвященные древней и средневековой истории монгольского мира. Он был руководителем ряда международных проектов, получивших поддержку Российского гуманитарного научного фонда и Министерства образования культуры и науки Монголии: «Генезис традиционного образа жизни автохтонных народов Байкальской Сибири с древнейших времен по эпоху средневековья»; «Археологическая экспедиция по исследованию киданьского городища Чин Толгой»; «Археологическая экспедиция по изучению хуннских городов Монголии»; «Археологическая экспедиция по изучению хуннского городища Тэрэлжин Дэрэвэлжин»; «Селенга - река без границ»; «Раскопки кургана киданьской знати Шоорондов в Центральном аймаке Монголии»; «Раскопки кургана ТуулынШорондов в Булганском аймаке Монголии»; «Создание электронной карты древних и средневековых городов Центральной Азии». Проекты Сергея Владимировича «Номадизм и оседлость: адаптация древнего и средневекового населения севера Центральной Азии», «Хунну: происхождение культуры, этническая история, политогенез» были включены в Программу Президиума РАН.

7-8 апреля 2015 г. в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН была организована конференция «Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии», посвященная памяти С.В. Данилова. Масштабное научное мероприятие получило широкий отклик как среди российских ученых, так и среди зарубежных коллег. География участников конференции отличалась поистине евразийской масштабностью: от Республики Корея до Германии. В рамках конференции был рассмотрен широкий круг актуальных вопросов археологии Центральной Азии, включая исследования культур эпохи камня (палеолит, мезолит, неолит); энеолита, бронзового и раннего железного веков; эпохи кочевых империй. Широкое освещение получили проблемы социальной и политической истории, духовной культуры и мировоззрения номадов, а также этнической истории Центральной Азии. Поскольку С.В. Данилов являлся одним из основателей приоритетного научного направления «Социально-политические и экономические предпосылки формирования городов и городской культуры в кочевых обществах Центральной Азии», отдельное направление было посвящено истории городских и поселенческих комплексов кочевников. Также на конференции было уделено пристальное внимание вопросам сохранения памятников историко-культурного наследия. Доклады, представленные участниками, были опубликованы в сборнике материалов конференции (Актуальные вопросы археологии, 2015).

Сергей Владимирович Данилов внес огромный вклад в исследование и сохранение историко-культурного наследия Монгольского мира. Его труды носят фундаментальный характер и занимают достойное место в отечественной и мировой историографии. Научные идеи Сергея Владимировича, открывают широкие перспективы для последующих поколений исследователей, а колоссальные результаты экспедиций, проведенных под его руководством, до сих пор изучаются, систематизируются и вводятся в научный оборот (Данилов, Именохоев, Симухин, 2017. с. 105-110; Данилов, Именохоев, Нанзатов, 2018, с. 74-92). В результате исследований, проведенных под руководством С.В. Данилова, накоплен и систематизирован значительный археологический материал, проведены географические и хронологические аналогии, сделаны существенные аналитические и обобщающие заключения. Полученные результаты позволяют пересмотреть и откорректировать некоторые устоявшиеся положения в древней и средневековой истории Центральной Азии. Работы одного из выдающихся исследователей археологии Центральной Азии несут глубокую просветительскую миссию, открывая для мирового научного сообщества новые грани истории Евразии.

Литература

Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 7-8 апреля 2015 г.). Иркутск: «Оттиск», 2015. 504 с.

Базаров Б.В., Коновалов П.Б., Крадин Н.Н. Сергей Владимирович Данилов – исследователь кочевых культур Внутренней Азии // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ 7-8 апреля 2015 г.). Иркутск: «Оттиск», 2015. С. 7-14.

Данилов С.В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах ранних кочевников Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 107-112

Данилов С.В. Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 86-91.

- Данилов С.В. К вопросу о жертвоприношениях животных в погребениях монгольского времени // Археологические и этнографические исследования Восточной Сибири. Иркутск, 1986.
- Данилов С.В., Коновалов П.Б. Новые материалы о курганах-керексурах Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 61-79.
- Данилов С.В. Жертвенный комплекс у с. Нижний Бургултай и некоторые вопросы древних обрядов и верований // Памятники и культуры бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1996а. С. 92-102.
- Данилов С.В. Баян-Ундэр – новый памятник хунну в Забайкалье // Памятники и культуры бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ, 1996б. С. 26-38.
- Данилов С.В., Амоголонов А.А., Филиппова И.В., Коновалов П.Б. К вопросу о происхождении памятников хуннской знати // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ, 1998. С. 39-42.
- Данилов С.В. Ильмовая падь – некрополь хунну // Палеоэкология человека Байкальской Азии. Улан-Удэ, 1999а. С. 82-86
- Данилов С.В. Средневековое здание в Нарсатуе и некоторые проблемы монгольского государства XIII-XIV вв. // Традиционная культура народов Байкальского региона: возрождение и развитие. Улан-Удэ, 1999б. С. 33-34.
- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
- Данилов С.В., Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л., Энхтур А. Предварительные результаты исследования киданьского городища Чинтолгой Балгас в 2004 г. // Социогенез в Северной Азии. Ч.1. Иркутск: изд-во ИГТУ, 2005. С. 264-273.
- Данилов С.В. Коновалов П.Б., Л. Эрдэнэболд, Анхбаяр, Именохоев Н.В., Бураев А.И., Симухин А.И., Цыденова Н.В., Базаров Б.В. Предварительные результаты раскопок на хуннском городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин в Центральном аймаке Монголии // Археология степной Евразии. Кемерово – Алматы, 2008. С. 104-110.
- Данилов С.В. Шороондов – «земляной бугор» // Наука из первых рук. 2010. №6. С. 88-99.
- Данилов С.В. Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Очир А., Эрдэнэболд Л. Средневековые города Тувы и Западной Монголии (предварительные результаты работы экспедиции «Создание электронной карты городов древних кочевников Центральной Азии» в 2011 г.) // Культурное наследие народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 2012. Вып. 3. С. 97-118.
- Данилов С.В. Очир А., Именохоев Н.В., Эрдэнэболд Л., Назатов Б.З., Симухин А.И., Уртнасан Н. Древние и средневековые города Центральной Азии. Предварительные результаты экспедиционного исследования // TartariaMagna. № 1. 2013а. С. 70-85.
- Данилов С.В. Очир А., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны. Улаанбаатар, 2013б. 164 с.
- Данилов С.В. О ранних этапах появления и становления кочевого скотоводства в Центральной Азии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 1 (9). С. 7-17.
- Данилов С.В., Именохоев Н.В., Симухин А.И., Нанзатов Б.З., Очир А. Гобийские городища монгольского времени (на примере комплекса Хатанбулаг) // «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий, империй». Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 105-110.
- Данилов С.В., Именохоев Н.В., Нанзатов Б.З., Симухин А.И., Тулуш Д.К., Эрдэнэболд Л. Города эпохи Хунну на территории Тувы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 74-92.
- Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л., Очир А., Васютин С.А., Данилов С.В., Никитин Ю.Г., Эрдэнэболд Л.С. Киданьский город Чинтолгойбалгас. М.: Восточная литература, 2011. 173 с.
- Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Булган аймгийн сумын Уланхэрмийн Шороонбумбагарын малтлагын тайлан). Улаанбаатар, 2013. 290 с.

A.I. Buraev, E.V. Nolev

**IN MEMORY OF THE OUTSTANDING RESEARCHER OF CENTRAL ASIA'S ARCHEOLOGY
SERGEY VLADIMIROVICH DANILOV
(ON THE 70th BIRTHDAY)**

The article is dedicated to the memory of the outstanding researcher of the archeology of Central Asia, doctor of historical sciences Sergey Vladimirovich Danilov. A brief biography of the scientist and the main stages of his path in science are described. The broad scientific interests of the researcher are noted, the main directions of his activity are analyzed. The results of the archaeological work of S.V. Danilov in the Republic of Buryatia are reviewed. The scientist made a significant contribution to the study of monuments of the Bronze Age, Hunnu Epoch and Middle Ages. He distinguishes his study of urban complexes - the Sutay and Narsatuy feudal estates of the Mongolian time and the Hunnu settlement Bayan-Undyr. It is noted that the latest work of the researcher is associated with the territory of Mongolia. Among them, a special place is occupied by the cenotaph mound Shoroonbumbagar in the Central aimak. However, the

main research topic was the study of urban nomad culture. He studied the Chintolgalbagas, Terelzhin Daravalzhin. Huge work has been done to compile the Atlas of the ancient and medieval cities of the nomads of Central Asia. Significant contribution by S.V. Danilov in the archeology of the region was noted.

Ғ.Қ. Омаров

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті

Алматы қ., Қазақстан

E-mail: gani_omarov@mail.ru

ТАРИХ ҒЫЛЫМДАРЫНЫҢ ДОКТОРЫ, ПРОФЕССОР БИБИЗИЯ КЕНЖЕБЕКҚЫЗЫ ҚАЛШАБАЕВА – 60 ЖАСТА!

Бибизия Кенжебекқызы Қалшабаева 1960 жылы 4 маусым күні Оңтүстік Қазақстан облысы Сарыағаш ауданы Полторацкое селосында (құжат бойынша) көпбалалы отбасында дүниеге келген. Ол 1977 жылы Сарыағаш ауданы Ақжар селосындағы (бұрынғы Степное) Тельман атындағы орта мектепті үздік бітіре салысымен өндірісте, халыққа қызмет көрсету салаларында жұмыс істейді.

1982 жылы өзінің армандаған С.М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетінің Тарих факультетіне түседі. Университет қабырғасының өзінде жүргенде-ақ шежіреші, ел тарихы мен дәстүрін тамаша білетін әкесінің бала кезден бойына сіңірген әсерінен болар этнография ғылымына бейімделе бастайды. Сол кезде оның қалыптасуына этнография және археология саласының жетекші мамандары У.Х. Шәлекенов, Ә.М. Оразбаев, Ә.Т.

Төлеубаев, М.Е. Елеуов, Н.О. Алдабергеновтер көп ықпал етті. Аудиторияда алған теориялық білімін тәжірибелік жағынан шыңдау үшін ұстазы Ә.Т. Төлеубаевтың жетекшілігімен Ресей жеріндегі қазақтарды зерттеу бағытында түрен салып 1983 жылы Орынбор, ал келесі жылы Астрахань облыстарына этнографиялық экспедицияға шығады. Бұл экспедиция Кеңес өкіметі кезіндегі алыста жүрген қандастарымызды зерттеген алғашқы экспедиция еді. Сол бір студенттік күндерінен басталған бұл тақырып Бибизия Кенжебекқызының ғылымдағы өмірлік зерттеу нысанының өзегіне айналды.

Университетті бітірген 1987 жылы Б.К. Қалшабаева Білім және Ғылым Министрлігі жолдамасымен Орал қаласындағы А.С. Пушкин атындағы педагогикалық институтында оқытушылық қызметке орналасады. Бұл педагогикалық қызметінің бастамасы болды.

Ғылым жолына біржола бет бұрған Бибизия Кенжебекқызы 1990 жылы әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті археология және этнология кафедрасына аспирантураға түседі. Аспирантура кезеңінде де тақырыпты зерттеуге қатысты елімізден басқа КСРО-ның мұрағаттары мен кітапханаларынан деректер жинаумен қатар далалық материалдармен толықтыру мақсатымен Өзбекстандағы қазақтар арасында этнографиялық зерттеулер жүргізді.

Аспирантураны 1993 жылы бітіргеннен бастап қазірге дейін өзі бітірген археология, этнология және музеология кафедрасында алдымен аға оқытушы, доцент, қазіргі кезде профессор болып қызмет атқаруда.

Б.К. Қалшабаева т.ғ.д., профессор У.Х. Шәлекеновтың жетекшілігімен 1994 жылы этнография, этнология және антропология мамандығы бойынша «Өзбекстандағы қазақтар (Солтүстік шығыс аймағы деректері бойынша)» тақырыбында кандидаттық диссертациясын, ал 2010 жылы 07.00.07 – этнография, этнология және антропология мамандығы бойынша «Орта Азия қазақтары (тарихи-этнографиялық зерттеу)» атты тақырыпта т.ғ.д., профессор Ә.Т. Төлеубаевтың кеңесшілігімен докторлық диссертациясын сәтті қорғады.

Б.К. Қалшабаева қазақ этнографиясы, қазақ диаспорасы мен репатрианттары, тарихи Отанға бейімделуіндегі мәселелер, Қазақстандағы қазіргі кезеңдегі этникалық және этномәдени үдерістер, ҚР этносаралық қатынастар және т.б. тақырыптарда ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізуде. Көпұлтты аймақтарда авторлық этнографиялық экспедициялар ұйымдастырып, зерттеу нәтижелерін интерпретациялап, ғылыми айналымға ендіруде.

Түркістан қаласының 1500 жылдық тойына орай 1995-1997 жылдары «Түркістан қаласының этномәдени үдерістері» тақырыбында этнографиялық экспедициясын басқарса, 1998 жылы Ұлттық тарих жылы деп жариялануына орай Қазақстанның 14 облысына ұйымдастырылған зерттеу экспедициясында Алматы облысы экспедициясын басқарды.

2007-2009 жылдары ҚР БЖҒМ қолданбалы зерттеулер бағдарламасы бойынша «Қазақ халқының мәдени мұраларын жинау, сақтау және насихаттау мәселелері» тақырыбындағы ғылыми жобаның жауапты орындаушысы, 2012-2014 жылдары ҚР БЖҒМ іргелі зерттеулер бағдарламасы бойынша «Қазақ диаспорасы мен репатрианттардың этномәдени мұраларын зерттеу және тарихи Отанға бейімделу мәселелері» тақырыбындағы ғылыми жобаның жетекшісі, ҚР БЖҒМ «Ғылыми қазына» мемлекеттік бағдарламасы негізінде жүзеге асып жатқан Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының 20 томдық «Отан тарихы» атты ғылыми жобаның «Қазақ диаспорасы» тақырыбы бойынша орындаушысы, 2018-2020 жылдары ҚР БЖҒМ Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты жетекшілігіндегі «Қазақстандағы субэтностар» ғылыми жобасына қатысуда.

Ғылыми жобалардың нәтижесінде 6D020800-Археология және этнология мамандығының оқу үдерісіне «Қазақстандағы репатрианттар», «Қазақ диаспорасының мәдени мұралары» атты пәндер енгізілген. Алынған нәтижелер мамандықтарда оқылатын пәндерге ғылыми материал ретінде және білім алушылардың ғылыми-зерттеу жұмыстарында қолданылуда.

Ғылыми еңбектері 200-ден аса, соның ішінде 5 (жеке және 2 авторлық бірлестікте) монография, (2-уі ағылшын тілінде, оның екінші басылымы Германияда шыққан), 5 оқу құралы, 3 оқу әдістемелік құрал, 30 жуық шет елдік (Америка, Франция, Румыния, Индия, Түркия, Эстония, Болгария Ресей, Өзбекстан, Қырғызстан, Түркіменстан және т.б.) басылымдарда мақалалары жарияланған.

Бибизия Кенжебекқызы ғылыми жұмыстарымен қатар педагогикалық қызметін қатар алып келе жатыр. Елімізде этнолог мамандарды дайындауда сүбелі үлес қосып келе жатқан ұлағатты ұстаз. Ғалымның жетекшілігімен бакалавр және магистранттардан басқа бір шәкірті PhD докторлық диссертациясын қорғаса, биылғы жылы екі докторанты қорғағалы отыр.

Ол 5B020800-Археология және этнология, 6M020800-Археология және этнология мамандығы бойынша Мемлекеттік Жалпыға міндетті білім стандартының авторларының бірі, қазіргі кезеңде аталған мамандықтармен қоса 8D020800-Археология және этнология мамандығы бойынша дайындалатын докторантураның Білім бағдарламасының авторы. Білікті ұстаз, ғалым.

Бірнеше рет университеттің алғыс хаттарымен, 2009 жылы «әл-Фараби атындағы ҚазҰУ 75 жылдығы», 2014 жылы «әл-Фараби атындағы ҚазҰУ 80 жылдығы» медальдарымен марапатталса, 2013 жылы ҚР БЖҒМ жарлығымен «2013 жылдың үздік оқытушысы» грантының иегері атанды. 2017 жылы ҚР Білім және Ғылым министрлігі тарапынан «Тәуелсіз Қазақстанның рухани және әлеуметтік дамуы жолында қол жеткен табыстары және оның гүлденуіне қосқан зор үлесі үшін» Құрмет грамотасымен марапатталған. 2018 жылы Атырау облысының әкімі Н. Ноғаев «Ұлы даланың ұлттық дәстүрлері» Халықаралық форумының жоғары деңгейде өтуіне белсенділік танытып қолдау көрсеткені үшін Алғыс хат жолдаған.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Тарих, археология және этнология факультетінің оқытушы-профессорлар құрамы мен докторанттар, магистрант және бакалавр қауымы белгілі ғалым-этнолог, білікті ұстаз Бибизия Кенжебекқызы Қалшабаеваны мерейтойымен шын жүректен құттықтай отырып бағамды ғұмыр, берік денсаулық, шаттық пен қуаныш, бақ пен береке тілейді!!!

Д.С. Байгунаков¹, Б.С. Заурбекова²

¹ *Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Алматы қ., Қазақстан*

² *Шымкент қаласының Политехникалық колледжі
Шымкент қ., Қазақстан
E-mail: dosbol_bs@mail.ru*

ЕЖЕЛГІ ДӘУІРЛЕР ЗЕРТТЕУШІСІ – ҒАЛЫМЖАН БЕКСЕИТОВ (50 жылдығына орай)

Ежелгі дәуірлер Қазақстан тарихында маңызды орын алады. Өйткені ол тарихымыздың қайнар-бастауларынан сыр шертетін, тамыры тереңге жайылған отандық тарих беттерін сипаттайтын кезең болып табылады. Осыған орай бұл дәуірді зерттеп жүрген мамандардың еңбегін жоғары бағалауға

болады. Әсіресе археолог-мамандардың еңбегі зор. Сол мамандардың арасында еңбек етіп жүрген зерттеушілердің бірі – тарих ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ археология, этнология және музеология кафедрасының доценті Ғалымжан Тұқымбайұлы Бексеитов.

Ол 1970 жылы шілде айының 26 жұлдызында Жамбыл облысы Шу ауданы Шоқпар кеңшарында дүниеге келген. Есімін әжесі «Ғалымжан» деп қойған. Әжесі жас нәрестенің оқу жолына түсуін, келешекте мұғалім болуын армандаған-ды. Сол себепті туылғандығының 40 күндігін өткізгенде қиылған шаштары мен тырнақтарын ырымдап мектептің ауласына апарып көміп тастаған екен.

Ата-анасының қызмет ауыстыруына байланысты Алматы қаласына көшіп келгеннен кейін Ғалымжан Тұқымбайұлы Бексеитов мектепке барады. Қаладағы қазақ мектептерінің бірі Ғ. Мүсрепов атындағы №86 орта мектебін 1987 жылы тәмәмдайды.

Мектепті тәмәмдаған соң әртүрлі қызметтер атқарады. 1988-1990 жылдары КСРО армиясы қатарында әскери борышын өтейді. Әскери борышын Сахалин өңірінде өткізген Ғалымжан Тұқымбайұлы Бексеитов бұл жерден шыңдалып оралады.

Ғалымжан Тұқымбайұлы Бексеитов 1991 жылы С.М. Киров атындағы ҚазМУ тарих факультетінің күндізгі бөліміне «Археология және этнология» мамандығына оқуға түсіп, оны 1996 жылы үздік бітіріп шығады. Осы жерде жүріп келешектегі ғылыми жетекшісі тарих ғылымдарының докторы, профессор Жәкен Қожахметұлы Таймағамбетовпен танысып, ғылыми байланыстар орната бастайды.

1996 жылы тарих ғылымдарының докторы, профессор Жәкен Қожахметұлы Таймағамбетовтың шақыртуымен Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының аспирантурасына түседі. Оны 1999 жылы ойдағыдай аяқтап шығады. Осы жылдары ол бірнеше рет Новосібір қаласындағы РҒА Сібір бөлімшесі Археология және этнография институтында қатарынан бірнеше жыл ғылыми тағылымдамадан өтеді. Кейіннен осы аталған институт жасақтаған Қазақстан-Ресей бірлескен археологиялық экспедиция құрамында жұмыс жасап, республиканың барлық аумақтырында қазба жұмыстарына қатысады. Бұл археологиялық экспедиция Түркістан маңындағы Қошқорған, Шоқтас кешендері, Қаратау өңіріндегі Соркөл, Шахантай, Ш. Уәлиханов атындағы тұрақ, Мұғалжар тауларындағы ашельдік ескерткіштер, т.б. тас дәуірінің нысандарын зерттеген болатын. Ғалымжан Тұқымбайұлы Бексеитов мұндағы жұмыстардың барлығына қатысып, ғылыми зерттеулерге өз үлесін қосты.

Ғалымжан Тұқымбайұлы Бексеитов 1999 жылдан 2003 жылға дейін Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында кіші ғылыми қызметкер болып жұмыс тәжірибиесін бастап, 2003-2004 жылдар аралығында Абылай хан атындағы ХҚ және ӨТ университетінде аға оқытушы, аударма факультетінде деканның оқу және тәрбие ісі жөніндегі орынбасары қызметін қоса атқарды. Осы кездері де жаз айларында археологиялық жұмыстарға белсене араласып, ғылымға еңбек сіңіре білді.

Әсіресе 2000 жылы Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы (жетекшісі Жолдасбек Құрманқұлов) құрамында да жұмыс жасап, О.А. Артюхова, Д.С. Байгунаковпен бірге Жезді, Жезқазған-Ұлытау өңірлеріндегі Талдысай алқабында болған далалық зерттеулерге қатысты. Мұндағы Талдысай, Аяқбұлақ, Тоқтауыл, Сарыбұлақ, т.б. тас дәуірінің ескерткіштерін зерттеуге ат салысты.

Ал 2001-2003 жылдары Батыс Қазақстан облысында ұйымдастырылған археологиялық ғылыми-зерттеу экспедициясының жұмыстарына басшылық етті. Мұнда археолог О.А. Артюховамен бірлесіп, Ешкітау, т.б. көптеген ескерткіштерді ашты.

Ғалымжан Тұқымбайұлы Бексеитов 2003 жылы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты жанындағы диссертациялық кеңесте «Раннеголоценовые комплексы северо-восточной части хребта Каратау (Южный Казахстан)» атты тақырыптағы кандидаттық диссертациясын тарих ғылымдарының докторы, профессор Жәкен Қожахметұлы Таймағамбетовтың жетекшілігімен жоғары деңгейде қорғап шықты. Оның диссертациялық ізденісіне 1998-2003 жылдары Қазақстан-Ресей кешенді археологиялық экспедициясының құрамында жүрген кезде зерттеген Соркөл, Шахантай тұрақтарының материалдары арқау болған еді. Материалдары кейіннен новосібірлік ғалымдармен бірге «Индустриальные комплексы северо-восточной части хребта Каратау (Южный Казахстан)» атты ұжымдық монографияда жарияланды (Деревянко, Таймағамбетов, Нохрина и др., 2007).

Ол 2004 жылдан бері әл-Фараби атындағы тарих, археология және этнология факультетінің археология, этнология және музеология кафедрасында аға оқытушы, доцент міндетін қоса атқарып келеді. Осы аралықта оқу үдерісін жетілдіруге, оңтайландыруға арналған бірнеше типтік бағдарламалар, т.б. даярлады.

Ғалымжан Тұқымбайұлы Бексеитов 2005-2009 жылдары Қазақстан тас ғасырын зерттеумен шұғылданатын археологиялық экспедициясы құрамында жемісті еңбек етті.

2013 жылы ҚР Мәдениет және спорт министрлігіне қарасты Қазақ мәдениет ғылыми-зерттеу институты ұйымдастырған археологиялық-этнографиялық экспедициясының тобын басқарды. Оның

ұйымдастыруымен Орал (Батыс Қазақстан облысы) аймағында орналасқан археологиялық, архитектуралық және тарихи кешендерде ғылыми-зерттеу жұмыстары жүргізілді.

2014-2016 жылдары «Халық тарих толқынында» атты мемлекеттік бағдарламасы аясында жүргізілген экспедицияларға басшылық етті. Негізгі зерттеу тақырыбы – Қазақстанның голоцен кезеңі мен ерте көшпелілер мәдениеті болып табылады. Осы аралықта Жетісу аймағындағы бірқатар ескерткіштер ашылды, кейбір ескерткіштерде стационарлы қазба жұмыстары атқарылды.

2018-2020 жылдарға арналған «Ұлы дала тарихы мен мәдениеті» атты ғылыми жобаның жеңімпазы болып, ұйымдастырылған археологиялық экспедицияларға басшылық жасап келеді. Бұл бағдарлама аясында Ғ.Т. Бексеитов жетекшілігімен Жетісу жеріндегі тас дәуірінің Рахат тұрағы, Қызылауыз кешендері, ерте темір дәуіріне жататын Сұнқар, Қара-Арша, Рахат, Өрікті қорымдары зерттелді. Ежелгі дәуірлерге қатысты тың мағлұматтар алынды.

Өзге әріптестерімен қоян-қолтық бірлесіп жұмыс істеген Ғ.Т. Бексеитов елеулі ғылыми нәтижелерге қол жеткізді. Ғалымның тарапынан алынған алынған тың мәліметтер бірнеше халықаралық және республикалық деңгейдегі конференцияларда баяндалды. Скопус базасына енетін халықаралық ғылыми журналдарда бірнеше мақалалары жарық көрді.

Ол бірнеше монографиялардың, оқу құралдарының, анықтамалық басылымдардың телавторы.

2017 жылы Д.С. Байгунаковпен бірлесіп «Қазақстанның тас дәуірі археологиясы: теориясы, зерттеу әдістері мен нәтижелері» атты монография шығарды (Байгунаков, Бексеитов, 2017). Монографияға өзінің ұзақ жылдар үзеңгілес досы, құрдасы Ғани Тынысбекұлы Искаков (1970-2019) рецензент болған еді.

2018 жылдан бері Ғ.Т. Бексеитов Солтүстік Қазақстан облысындағы Ботай қонысында болып жатқан зерттеулерге де өз үлесін қосып келеді. Нәтижесінде ол басқа зерттеушілермен (А.К. Оутрам, В.Ф. Зайберт, А. Хазбулатов, Д.С. Байгунаков, Ренато Сала, Жан-Марк Деом, т.б.) бірлесіп «Сакральные контексты Ботайской культуры» деген монография шығаруға қатысты (Зайберт, Хазбулатов, Оутрам Алан др., 2018). Бұл еңбекте ботай мәдениетін соңғы жылдардағы зерттеудің тарихы, ежелгі ботайлықтардың шаруашылығы мен мәдениеті, қасиетті танымдары жайлы сөз қозғалады.

«Қасиетті Қазақстан», «Сакральный Казахстан» (1-том) секілді анықтамалық басылымдарды (2017) түзуге ат салысты.

Ежелгі дәуірлерден бері «су» мәселесі адамзат тарихындағы күрделі тақырыптардың біріне жатады. Ол Т.Е. Картаева, Е.Б. Оспанов сынды зерттеушілермен бірлесіп «Су культі» анықтамалығын шығарды (Картаева, Бексеитов, Оспанов, 2018). Онда суға қатысты сауалдар, құдықтар, т.б. тереңінен әңгіме болды. Онда ата-бабамыздың өмірлік тәжірибесі, күнделікті қаракеті, су шығаруға қатысты іс-әрекеті баяндалынады. Жалпы алғанда, су бүкіл тарихта көптеген өркениеттердің пайда болуына ықпал етті. Жақында, БҰҰ статистикасы бойынша, шамамен 2,5 миллиард адам ауыз суға жарымайтын болады, ал бір миллиардқа жуық адам қауіпсіз су көзіне қол жеткізе алмайтын болады. Адам ағзасы 60-90% судан тұратындықтан, оны бастапқы шикізатпен, яғни сумен жеткілікті түрде қамтамасыз ету өте маңызды. Адамдар өмір сүру үшін үнемі су ішуі керек. Біздің ағзамыз 60%, миымыз 70%, өкпеміз 90% судан тұрады. Күн сайын біз ішкен сұйықтық пен тамақ арқылы 2,4 литр немесе 2,5 кварц суды ауыстыруымыз керек. Су – өмір нәрі. Осы тұрғыдан келер болсақ, аталған еңбектің жаһандық мәні бар деуге болады.

Сондай-ақ музей саласына қатысты тақырыптарға қалам тартып Т.Е.Картаевамен бірге «Музей ісі және ескерткіштану терминдер сөздігі» сынды анықтамалық еңбекті жарыққа шығарды (Картаева, Бексеитов, 2018). Бұл еңбекте музейлердің заманауи мәселелері көтерілген болатын. Мұражайда кім және қалай жұмыс істеуі керек, қандай кәсіпқойлар және мұражайды қалай басқаруы керек және кім үшін жұмыс істеуі керек деген пікірлер әр түрлі. «Музей ісі және ескерткіштану терминдер сөздігі» сынды анықтамалық тәжірибесі бізге осы дилеммалардың шешімін табуға мүмкіндік береді. Қазіргі уақытта музеология дамуында белсенді үдерістер жүруде. Сол дамудың түсіндірмесін іздестіру мақсатында аталған кітапта көптеген мәселелер анықтамалық тұрғыдан талданады: жаңа тарихнамалық тенденциялар, қазіргі жаһандану процесіндегі музей ісі, тарихи жадыны қалпына келтіруге арналған қозғалыстар мен ескерткіштану мәселелері, музеологиядағы өзгерістер, т.б.

Сонымен қатар Т.Е. Картаевамен бірлесіп «Экспедиция күнделігі (Батыс Қазақстан өңірі материалдары негізінде)» әдістемелік нұсқаулығын басып шығарды (Картаева, Бексеитов, 2019). Онда оқу үдерсіне қажетті мәселелер көтерілген.

Ғ.Т. Бексеитов өлкетану саласына да өз үлесін қосқан зерттеуші. Ол А.Б.Калыш, А.И.Исаева сынды зерттеушілермен бірлесіп «Историческое краеведение Казахстана по археологическим и письменным источникам» деген оқу құралын жазып шықты (Калыш, Исаева, Бексеитов, 2019). Өлкетану іргелі ғылым салаларының бірі. Зерттелетін аймақ, әдетте, географиялық жағынан шағын қала, қала немесе ауыл болуы да мүмкін. Өлкетану жазбасы тарихи орындар мен қоғамдарға қатысты ақпарат беру арқылы

белгілі бір жердегі қоғамдастықтың өмірі мен уақытын байытады, кеңейте түседі. Өлкетану жинағы студенттерге, зерттеушілерге, тарихшыларға, жергілікті әкімшіліктерге, әлеуметтік қызметкерлер мен жазушыларға сол елді мекеннің өткен тарихы туралы мәліметтерді береді. Өлкетану тарихты дамыта отырып, оған көмектесе алады. Карта, картина сияқты көптеген құжаттарды өлкетануды жазудың ақпарат көзі ретінде қарастыру қажет. Бұл тарихшылар, зерттеушілер мен жазушылар үшін құнды ақпарат көзі. Осы тұрғыдан келгенде, аталған оқу құралының маңызы өте жоғары.

Қорыта айтқанда, Ғалымжан Тұқымбайұлы Бексеитов келе жатқан 50-жылдық мерейтойын жақсы ғылыми-педагогикалық жетістіктермен қарсы алуда. Осы уақыт аралығында әріптестері арасында Ғ.Т. Бексеитов өзінің білімділігі мен ұйымдастыру қабілеттілігімен көзге түсіп жүрген ғалым, ұстаз ретінде танылды. Жұмыста жүрген кезінде ол ҚР Білім және ғылым министрлігі Ұлттық тестілеу орталығының директоры Қ. Әбдиевтің алғыс хатымен 2014-2015 жылдары марапатталды. 2015 жылы 18 желтоқсандағы №471 ректордың бұйрығымен «Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетіне 80 жыл» мерекелік медалімен марапатталған болатын. «BILIM-ORKENIETI» ұлттық инновациялық ғылыми-зерттеу орталығының «Үздік жас ғалым-2019» атты республикалық байқауының алғыс хатымен марапатталды. Бұл марапаттама докторанты И.С. Құрманязовтың жетістіктері үшін, оны ғылым саласына бейімдегені үшін берілген еді. Зерттеушінің өзі «BILIM-ORKENIETI» ұлттық инновациялық ғылыми-зерттеу орталығының «Үздік педагог-2019» медалімен марапатталды. Әрине, бұл оған лайық марапат деуге болады. Оның алда алар асулары әлі көп болады деп сенеміз.

Кафедра, факультет ұжымы Ғалымжан Тұқымбайұлы Бексеитовті келе жатқан 50-жылдық мерейтойымен құттықтайды. Оған зор денсаулық, қажымас қайрат, шығармашылық табыстар тілейді!

Әдебиеттер

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Нохрина Т.И., Бексеитов Г.Т., Цыбанков А.А. Индустриальные комплексы северо-восточной части хребта Каратау (Южный Казахстан). Алматы: Қазақ университеті, 2007. 342 с.

Байгунаков Д.С., Бексеитов Ғ.Т. Қазақстанның тас дәуірі археологиясы: теориясы, зерттеу әдістері мен нәтижелері (монография). Алматы: Қазақ университеті, 2017. 146 б.

Зайберт В.Ф., Хазбулатов А.Р., Оутрам Алан, Байгунаков Д.С., Бексеитов Г.Т., Наурызбаева Э.К., Каражигитова А.Е., Ренато Сала, Жан-Марк Деом. Сакральные контексты ботайской культуры. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2018. 380 с.

Картаева Т.Е., Бексеитов Ғ.Т., Оспанов Е.Б. Су культі. Анықтамалық. Алматы: Қазақ университеті, 2018. 158 б.

Картаева Т.Е., Бексеитов Ғ.Т. Музей ісі және ескерткіштану терминдер сөздігі. Алматы: Қазақ университеті, 2018. 351 б.

Картаева Т.Е., Бексеитов Ғ.Т. Экспедиция күнделігі (Батыс Қазақстан өңірі материалдары негізінде). Әдістемелік нұсқаулық. Алматы: Қазақ университеті, 2019. 68 б.

Калыш А.Б., Исаева А.И., Бексеитов Г.Т. Историческое краеведение Казахстана по археологическим и письменным источникам: учебное пособие. Алматы: Қазақ университеті, 2019.

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРЛЫҚ МӘЖІЛІС БАЯНДАМАЛАРЫ

Алимбай Нұрсан. К проблеме совпадения рода и общины у казахов-кочевников (семипоколенная экзогамная структура «ЖЕТИАТА» как община-социум)	3
Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б. Краткое сообщение о результатах раскопок в Курчумском районе ВКО в 2019 г.	20
Дашковский П.К. Исследование двух курганов скифской эпохи в центральной части могильника Чинета-II в Северо-Западном Алтае	24
Кепин Д.В. Развитие археологического музееведения и памятниковедения в Украине	29
Қалыш А.Б. Каракалпаки Казахстана по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года	38
Нуржанов А.А. Научно-исследовательская деятельность Туркестанской археологической экспедиции (ТАЭ)	41

ҰЛЫ ДАЛАНЫҢ ЖЕТІ ҚЫРЫ ЖӘНЕ ЕУАЗИЯ АРХЕОЛОГИЯСЫ

Мерц И.В., Мерц В.К., Шакенов С.Т. Могильник Сапа – первый памятник афанасьевской культуры в Тарбагатае (первые результаты исследований)	47
Горячев А.А., Сараев В.В., Чернов М.А. Каменный инвентарь поселений эпохи бронзы Жетысу	52
Айтқұл Х.А., Ерсариев А.М., Стамкулова Г.А. Орталық Қазақстанның қола дәуірі тас еңбек құралдары (ҚР МОМ археология қоры негізінде)	63
Бедельбаева М.В. Изображения палиценосцев в наскальном искусстве Казахстана и археологические параллели	71
Каримова Д.О. Племена бронзового века Южного Таджикистана	78
Усманова Э.Р., Алтынбекова Э.К., Крупа Т.Н., Бубновене О.Д., Лукашов В.Н., Лукашова Е.С. Реконструкция костюма как способ представления культурного кода Великой степи в фестивале «Древних технологий и культурных коммуникаций «Desht-Thor» имени Тура Хейердала	83
Константинов Н.А. Перспективы повторного исследования объектов скифского времени Алтая (по материалам работ на Пазырыке)	92
Ямаева Е.Е. Наскальные рисунки в пазырыкской культуре Горного Алтая: к постановке проблемы формирования системы тамговых знаков тюрков	97
Tulegenov T.Zh., Kurbanali J. Funeral features of the saka of southeastern Zhetysu on the example of the Ornek burial ground	101
Сиздиқов Б.С., Жетібаев К.М., Гурсой М., Бахтыбаев М.М. Мыңтөбе қорымында жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстарының нәтижесі	105
Утубаев Ж.Р., Торезанова Н.Ж., Суюндикова М.К., Майданбекова М.М. Новые памятники Чирикватского оазиса	113
Утубаев Ж.Р., Шағирбаев М.С. Құланның рудимент сүйегінен істелген ілмек туралы	118
Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Уразова А.Б., Жанұзақ Р.Ж. Елек өзенінің орта ағысында орналасқан ерте көшпенділер ескерткіштерінің зерттелуі (нәтижелері мен перспективалары)	123
Бисембаев А.А., Қуандық С.Р., Сарсенов Ш. Курган раннего железного века Бирлик I	129
Бисембаев А.А., Байымбетова Н., Болатова Г. Погребальный обряд сарматов Западного Казахстана (история исследований, некоторые аспекты, общая характеристика)	134
Мякишева О.А. Комплекс снаряжения средневекового кочевника из Восточного Казахстана (материалы археологического фонда ЦГМ РК)	140
Касенова А.Д. Первые источники об изваяниях Сарыарки в работах путешественников и ученых XIX – первой половины XX в.	147
Есбай С. Оғыз тайпаларының этникалық тарихы: тарихнамалық талдау	152
Тажекеев А.А., Алибай Б.Е. Керамический материал с городищ Сортобе 1 и 2 за полевой сезон 2019 г.	159
Бермаханова А.Б., Бегалиев О.Ж. Қошқар бейнесінің культтік мәні	164
	166

Жүнісханов А.С. Моңғол кезеңі бойынша Семейдің Ертіс өңірінен табылған жаңа археологиялық деректер	168
Арынов Қ.С., Бахтыбаев М.М., Мургабаев С.С., Жетібаев К.М. 2019 жылы Сығанақ қалашығында жүргізілген археологиялық зерттеулер	177
Айтқұл Х.А. Средневековые города Великой степи	
Ақымбек Е.Ш., Шагирбаев М.С. 2019 жылы Жетісу өлкесіндегі ортағасырлық ескерткіштерге (төрткүлдерге) жүргізілген зерттеу жұмыстары	181
Елеуов М., Талеев Д., Есенов С., Молдахмет А. Ежелгі Күлтөбе қаласы мен Мыңтөбе қорымында 2017-2018 жылдары жүргізілген зерттеу жұмыстары	195
Талеев Д.Ә., Ержигитова А., Шағырбаев М.С. Ежелгі Сауран (Қаратөбе) қаласының остеологиялық материалдары	201 209
Ахмедов Ж.З. Ахсикент – уникальный памятник Ферганской долины	211
Бахтыбаев М.М. Қазалы уезінің археологиялық ескерткіштерінің зерттелуі	
Петров П.Н., Белтенев Ж.М. Важные особенности монетного дела и денежного обращения Параба в правление чагатаидского хана Тармаширина	217
Джафарова Э.Б. Истоки археологических исследований в Азербайджане (по данным «Общества обследования и изучения Азербайджана»)	221
Амиров Е.Ш., Ихсанова Ж.Ы., Сейткалиев М.К. Проблемы типологии и пространственного распределения историко-культурного наследия Казахстана (статистический обзор)	225

ЭТНОГРАФИЯ ҒЫЛЫМЫНДАҒЫ ЖАҢАШЫЛДЫҚ ЖӘНЕ ДӘСТҮР

Mustafa Aksoy. Yesevi Türbesi'nin Yurt (Boz Üy, Keçe Çadır) Geleneğiyle İlişkisi	229
Әжіғали С.Е., Әшім Б.Ә. XIX ғасырдың аяғы – XX ғасырдың басындағы Ақтөбе облысы мешіттерінің ерекшеліктері: 2019 жылғы Батыс Қазақстан кешенді этноархеологиялық экспедициясының кейбір нәтижелерінен	233
Калыш А.Б., Тәлім А.Т. Қарақалпақтардың келін түсіру салты	241
Арынова Д.С. Құстың образы бейнеленген музей жәдірлері жайлы зерттеу	244
Атыгаев Н.А. О некоторых символах власти (трон и корона: от Монгольской империи к Казахскому ханству)	247
Ахметжан Қ.С. Қабанбай батырдың шарайнасы	261
Батырева К. Традиционный костюм как ресурс развития экологического дизайна	269
Воронин Д.В. Историко-культурные процессы в Казахстане в конце XIX-первой половине 1930-х гг.	272
Ерболатов Қ.С. Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейінің қорында сақталған зергерлік бұйымдар топтамасы	282
Бергенова А.Ж. Казахская традиция почитания святых (аулие)	290
Бергенова А.Ж. Праздничная исламская обрядность	293
Ескекбаев Д. Қазақ және башқұрт халықтарының тарихи этнографиялық байланыстары	296
Зәкіржанқызы Г. Шыңжаң өлкесі Текес ауданындағы жер аттарының мәдени мәні туралы	301
Кадир Шахин. Исторические взгляды на название и значение «Сырдарьи»	303
Медведев В.В. Этнологический мониторинг студенчества: идентичности и практики современности	307
Муканова Г.К. История культуры и Великая степь: междисциплинарный принцип фарабиеведения	313
Нургожина Б.Е. Ювелирное искусство Казахстана. Полудрагоценный камень как апотропейный элемент	317
Тохтабаева Ш.Ж., Сагандыкова Н.Ж., Каримова Р.У. Интерпретация этиологии культурных параллелей	320
Тұрсынтайқызы А. Іле өңіріндегі жер аттары туралы	326
Тұяқбаев М.Қ. Қаратаудың күнгей бетінің топонимиясы	328
Шәйкен Ж.А. Қазақтың дәстүрлі тұрғын үй құрылысы хақында	334
Уәли Н. Дала малшылығының эко-биотехнологиялық кейбір қырлары	339
Уәли Н. «Аттың сыны» Абайды қайта оқығанда	345
Ахметжан Қ.С. Көшпелі қазақ қоғамындағы сауға институтының ерекшеліктері	349
Шойбеков Р.Н. Келін түсіруге байланысты салт-дәстүрлер	355

Шойбеков Р.Н. Көзге және көз тиюге байланысты байырғы ұғым-түсініктер 367

МУЗЕЙ ІСІ ЖӘНЕ МӘДЕНИ МҰРА

Агелеуова С.Е. Современные формы и направления рекламно-информационной работы (из опыта Центрального государственного музея Республики Казахстан)	367
Асылбеков К.М. Цифровая 3D модель экспонатов с разрешением текстуры 8K: Опыт Национального Музея РК	370
Ашимова Ү.Ә. Ғылыми-қор жұмысы: қор жинақтау және есепке алу (Қазақстан Республикасының Мемлекеттік орталық музейі тәжірибесінен)	375
Әлімбаев Нұрсан. «Отбасымен музейге» жалпы республикалық акциясының тұжырымдамасы (Алматы, 2019 ж.)	380
Әлімбаев Нұрсан. «Қазіргі отандық музей: жаңа тәсілдер мен өзекті іс-тәжірибелер» атты семинар-тренингтің тұжырымдамасы (ҚР МОМ тәжірибесінен) (Алматы, 2020 ж.)	397
Әлішев С.Ә. Қазалы ауданында орналасқан Қожаназар ишан мешіті	403
Батырева С.Г. Прикладное искусство калмыков: по материалам музейных коллекций России	405
Жанысбекова Э.Т., Оразбаева Х. Тюркская и славянская интерпретация образов-архетипов волка и собаки (на примере рассказа Б. Джилкибаева «Синий волк»)	410
Жунусова М.К. Практические методы оцифровки экспонатов в Центральном государственном музее республики Казахстан	419
Кистаубаева А.К. Изучение мемориальных комплексов Амре Кашаубаева и Дины Нурпейсовой (на основе фондов Центрального государственного музея РК)	422
Кущенко А.В. Культурно-образовательные программы Центрального государственного музея Республики Казахстан: формы, методы, приемы работы с посетителями	427
Мусаханова М.З. Новые подходы в обучении музейного дела (из опыта преподавания)	435
Расулов М.Ф. Отношение к памятникам истории и культуры Узбекистана в 80-годах XX века	441
Темиртон Г. Казахская музыкальная традиция в культурно-историческом измерении	448
Тілеуқабыл Ж.Ж. Қазалы аудандық тарихи-өлкетану музейінің құрылу тарихынан	457
Үркінбаева А.Ж. Археологиялық қазбадан табылған тас және қола моншақтар жайлы зерттеу	461
Юнусов М.А. Из истории комплектования фондов Самаркандского музея по культуре и искусству в 50–70 годах XX века	464

ЖАС ҒАЛЫМДАР МІНБЕСІ

Абилхамит Ж.А. Одонтологические исследования особенностей зубов у лиц различных национальностей и казахов	471
Алтаев М. Ортағасырлық Қастек қаласының керамикасы	474
Жумабаев Н.Ж. История антропологического изучения населения территории Казахстана до 1960 года	479
Калдыбаева Г.А. Знаковая функция средневекового орнамента	483
Каримолдақызы Г., Киембаева З. Арал аудандық тарихи-өлкетану музейі тарихы	486
Қанибаев Н.Т. «Қорқыт ата» мемориалды музейі кешенінің құрылу тарихынан	489
Қызырханов М. Ерте сақ кезеңіндегі оба маңы құрылыстарының ерекшеліктері	493
Оразай А. А.Н. Бернштамның оңтүстік-шығыс Қазақстанның ортағасырлық ескерткіштерін зерттеуге қосқан үлесі	496
Тауасарова Д.Р. Музей – киелі мекен	499
Федорук А.Н. К вопросу о появлении первых городов на территории Казахстана: проблема критериев выделения	502

ХАБАРЛАР

Талеев Д.Ә. Қазақстан археологиясының заңғары	505
	512

Нуржанов А.А. К.М. Байпаков – исследователь степной цивилизации (к 80-летию со дня рождения)	516
Бураев А.И., Нолев Е.В. Памяти выдающегося исследователя археологии Центральной Азии Сергея Владимировича Данилова (к 70-летию со дня рождения)	521
Омаров Ғ.Қ. Тарих ғылымдарының докторы, профессор Бибизия Кенжебекқызы Қалшабаева – 60 жаста!	
Байгунаков Д.С., Заурбекова Б.С. Ежелгі дәуірлер зерттеушісі – Ғалымжан Бексеитов (50 жылдығына орай)	522

Ғылыми басылым

**«ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ЕЖЕЛГІ ЖӘНЕ ДӘСТҮРЛІ ҚОҒАМДАРЫНЫҢ ТАРИХИ-
МӘДЕНИ МҰРАСЫ: ЗЕРТТЕУ, ТҮСІНДІРУ ЖӘНЕ САҚТАУ МӘСЕЛЕЛЕРІ» атты
«ХІІ Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция
МАТЕРИАЛДАРЫ**

17–18 сәуір, 2020 жыл

ИБ № 13777

Басуға 02.09.2020 жылы қол қойылды. Формат 60x84 1/8.

Көлемі 44,0 б. т. Тапсырыс №11239. Таралымы 30 дана.

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

«Қазақ университеті» баспа үйі.

Алматы қаласы, әл-Фараби даңғылы, 71.

«Қазақ университеті» баспа үйі баспаханасында басылды.